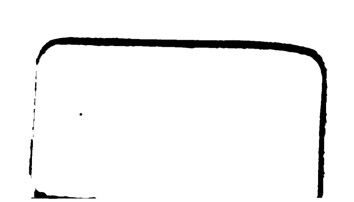
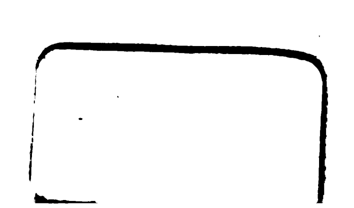

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV · ANG
VE
RI
TS

Николай Дмитріевичъ
Бутовскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1907.

ОКТЯБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда», Морская, 65.
1907.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVIII-й. ОКТЯБРЬ. 1907 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложеніе: Портретъ Николая Дмитріевича Бутовскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1907 года.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда», Морская, 65.

1907.

X-я книга „Русской Старины" вышла 1-го октября 1907 года

Библіографическій листокъ.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Гоголь. 2-ое, дополненное изданіе СПБ. 1907 г.

Никогда, кажется, не появлялось у насъ въ такомъ количествѣ книгъ историко-литературнаго содержанія какъ за послѣдніе два-три года. Не объясняется ли это тревожностью и неожиданностью вопросовъ, поставленныхъ новѣйшею нашею литературою, такъ какъ не всякому, разумѣется, дано различить суетное отъ вѣчнаго, истинное отъ ложнаго, и обезпокоенный умъ читателя и критика инстинктивно обращается къ пересмотру старыхъ цѣнностей національнаго духа, къ несомнѣннымъ божествамъ литературнаго міра; для однихъ такіе взгляды назадъ дадутъ ключи къ пониманію настоящаго, удѣлъ другихъ остаться лишь у истоковъ. Кромѣ сего и требованія повышаются, даже средній читатель и ученикъ становятся строже, чѣмъ, между прочимъ, обусловливается замѣтное увеличеніе научнаго и популярнаго матеріала, такого свойства, что нѣкоторые склонны отнести именно къ нашимъ днямъ нарожденіе культурной критики, въ свое время такъ безнадежно желанной Пушкинымъ.

Изъ книгъ этихъ работа проф. Овсянико-Куликовскаго никоимъ образомъ не затеряется, она займетъ совершенно особое мѣсто. Одно своеобразіе темы уже останавливаетъ вниманіе; авторъ имѣетъ въ виду дать опытъ „психологическаго діагноза извѣстныхъ сторонъ натуры, ума, дарованія и генія Гоголя, именно тѣхъ, въ которыхъ наиболѣе ярко и полно выразилась оригинальная, сложная и загадочная личность великаго писателя". Послѣдовательно и съ замѣчательною ясностью раскрываетъ намъ изслѣдователь эти свойства, противопоставляя великаго сатирика какъ „темный умъ" пушкинскому уму „огромному и свѣтлому". Наблюдая дѣятельность писателя въ области чистой мысли, г. Овсянико-Куликовскій говоритъ: „Бываютъ счастливо-организованные умы, одаренные исключительною гибкостью и рѣдкою широтою умственныхъ интересовъ, открытые всѣмъ впечатлѣніямъ и возбужденіямъ мышленія,—умы, которые радостно и бодро идутъ впередъ вмѣстѣ съ человѣчествомъ. Таковъ былъ, напр., Гёте... У насъ къ этому умственному типу, несомнѣнно, принадлежалъ Пушкинъ, лозунгомъ котораго было: „На поприщѣ ума нельзя намъ отступать"!

Къ совершенно противоположному типу принадлежалъ Гоголь. Разбирая противорѣчія, которыми изобиловала душевная организація писателя, критикъ называетъ его „трудолюбивымъ лѣнивцемъ". Доказательству этого мнѣнія посвященъ рядъ любопытныхъ страницъ, при чемъ въ итогѣ оказывается, конечно, что лѣнивый, плохой „ученикъ" Гоголь былъ, однако, по-своему отличный „мыслитель", ибо обладалъ геніальнымъ умомъ-талантомъ. Лѣнь ума и умственные „страхи" не позволили ему выйти изъ темноты, но они не могли упразднить самобытной работы его мысли.

И онъ неустанно работалъ мыслью, но только эта работа совершалась во тьмѣ.

Покончивъ съ художественнымъ методомъ Гоголя (путемъ сравненія „пушкинскаго" съ „гоголевскимъ") и съ выясненіемъ свойствъ ума его, г. Овсянико-Куликовскій переходитъ къ психологіи отношенія писателя къ религіи—вопросъ, неразрывно связанный съ исторіей главнаго труда—„Мертвыхъ душъ". Новыя, но уже вполнѣ объяснимыя проти-

Открыта подписка на историческій журналъ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1908 годъ.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, насколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, и матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простого обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА", имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

„РУССКАЯ СТАРИНА", вступая въ 1908 году на тридцать девятый годъ своего существованія, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду измѣнившіяся условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала. Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: Е. К. Андреевскаго, И. Н. Божерянова, Н. Д. Бутовскаго, Н. Н. Вельяминова, К. А. Военскаго, Г. К. Градовскаго, П. Я. Дашкова, Н. М. Затворницкаго П. А. Ефремова, Е. С. Каменскаго, Ю. С. Кауева, А. Ѳ. Кони, Н. О. Лернера, П. Д. Паренсова, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. Ф. Руднева, В. И. Саитова, Д. А. Скалона, М. К. Соколовскаго, Т. О. Соколовской, И. А. Шляпкина, Е. С. Шумигорскаго А. И. Фаресова и др.

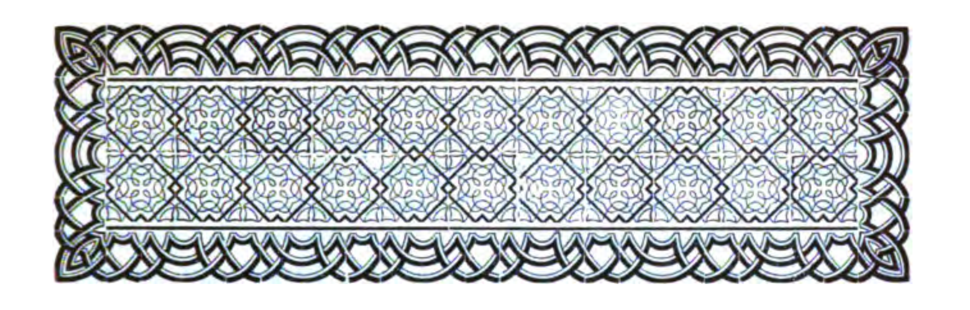
Въ 1908 году будутъ напечатаны: А. Ф. Кони—„Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля" и „Житейскія встрѣчи", Г. К. Градовскаго—„Изъ минувшаго", П. Д. Паренсова „Изъ прошлаго", Воспоминанія—Д. В. Скалона, Записки генерала Домантовича, Война за независимость славянъ 7—1878 гг.—П. Д. Зотова, А. Бѣломора—Изъ русско-японской войны, Заки основателя „Русской Старины"—М. И. Семевскаго, Тургенева, А. Ф. рушевскаго, Воспоминанія командира Варяга—В. Ф. Руднева, Переписка ипозитора А. И. Сѣрова, Воспоминанія—Веселовскаго, Леваковскаго, Нинина, Воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовена и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты ающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля[1]).

II.

Изъ прокурорской службы.

Не знаете ли вы чего-нибудь о причинахъ пожара этой огромной паровой мельницы на Обуховскомъ проспектѣ противъ станціи Варшавской дороги?—спросилъ меня министръ юстиціи графъ Паленъ, прибавивъ, что, проѣзжая наканунѣ вечеромъ мимо, онъ былъ пораженъ грандіозностью картины этого пожара.—Вѣроятно, я получу въ свое время полицейское извѣщеніе, если есть признаки поджога—отвѣчалъ я, и пріѣхавъ въ прокурорскую камеру (я былъ въ это время, т. е. въ 1874 году, прокуроромъ петербургскаго окружнаго суда), дѣйствительно, нашелъ коротенькое сообщеніе полиціи, но о томъ, что признаковъ поджога, вызвавшаго пожаръ мельницы *коммерціи совѣтника Овсянникова, не оказывается*. Меня смутила краткость этого заявленія, его ненужность по закону и его поспѣшная категоричность въ связи съ разсказомъ графа Палена. Я поручилъ моему покойному товарищу, энергичному А. А. Маркову, поѣхать на мѣсто и произвести личное дознаніе.

Поздно вечеромъ онъ привезъ мнѣ цѣлую тетрадь осмотровъ и разспросовъ на мѣстѣ, изъ которыхъ было до очевидности ясно, что здѣсь имѣлъ мѣсто поджогъ. Собранныя на другой день свѣдѣнія о договорныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между извѣстнымъ В. И. Кокоревымъ и С. Т. Овсянниковымъ по арендѣ мельницы, указывали

---

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1907 г.

и на то, что именно Овсянникову могъ быть выгоденъ пожаръ мельницы и что есть основанія сказать, „is fecit cui prodest“. Я предложилъ судебному слѣдователю Книриму начать слѣдствіе и немедленно произвести обыскъ у Овсянникова, а наблюденіе за слѣдствіемъ принялъ лично на себя. Овсянниковъ, не привыкшій имѣть дѣло съ новымъ судомъ и бывшій въ былые годы въ наилучшихъ отношеніяхъ съ мѣстной полиціей, при чемъ за нимъ числилось до 15 уголовныхъ дѣлъ, по которымъ онъ старымъ судомъ былъ только „оставляемъ въ подозрѣніи“,—не ожидалъ обыска и не припряталъ поэтому многихъ компрометтирующихъ документовъ. Среди нихъ, между прочимъ, оказался именной списокъ нѣкоторымъ чинамъ главнаго и мѣстнаго интендантскихъ управленій съ показаніемъ ежемѣсячно платимой имъ мзды вліятельнымъ поставщикомъ муки военному вѣдомству. Я отослалъ эту бумагу военному министру Д. А. Милютину.

Высокій старикъ, съ густыми насупленными бровями и жесткимъ взоромъ сѣрыхъ проницательныхъ глазъ, бодрый и крѣпкій, несмотря на свои 74 года, Овсянниковъ былъ пораженъ нашествіемъ судебнаго вѣдомства. Онъ былъ очень невѣжливъ, презрительно пожималъ плечами, возражалъ противъ осмотра каждаго изъ отдѣльныхъ помѣщеній, говоря: „ну, тутъ чего еще искать!?“ и подъ предлогомъ, что въ комнатахъ холодно, надѣлъ какое-то фантастическое пальто военнаго образца на генеральской красной подкладкѣ. Но „der lange Friedrich“, какъ звали у насъ Книрима, невозмутимо дѣлалъ свое дѣло... Я подошелъ, между прочимъ, къ оригинальнымъ стариннымъ часамъ въ длинномъ деревянномъ футлярѣ въ родѣ узкаго шкапа. „Вотъ, изволите видѣть,—сказалъ Овсянниковъ, желая вѣроятно показать, что и онъ можетъ быть любезенъ и владѣть собою—вотъ это большая рѣдкость, это часы прошлаго вѣка. Такихъ, чай, немного.—Подошелъ и Книримъ.—А гдѣ ключъ?—спросилъ онъ.—Эй, малый!—крикнулъ Овсянниковъ,—подать ключъ!—Книримъ подозвалъ понятыхъ, отперъ дверь футляра и сталъ изслѣдовать его внутренность. Овсянниковъ не вытерпѣлъ, грозно сдвинулъ брови и, энергически плюнувъ, отошелъ отъ часовъ.

Вечеромъ въ тотъ же день въ камерѣ слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ былъ произведенъ допросъ Овсянникова. Онъ отвѣчалъ неохотно, то мрачно, то насмѣшливо поглядывая на слѣдователя и очень недоброжелательно относясь въ своихъ показаніяхъ къ Кокореву. Въ концѣ допроса я отвелъ Книрима въ сторону и сказалъ ему, что нахожу необходимымъ *мѣрою пресѣченія* избрать лишеніе свободы, такъ какъ иначе Овсянниковъ, при своихъ средствахъ и связяхъ, исказитъ весь свидѣтельскій матеріалъ.—И я нахожу нужнымъ то-

же,— отвѣчалъ Книримъ.—Надо, однако, дать старику нѣкоторыя удобства и если вы ничего не имѣете противъ Коломенской части, гдѣ есть большія и свѣтлыя одиночныя камеры, куда можно, съ разрѣшенія смотрителя, поставить свою мебель, то я распоряжусь объ этомъ немедленно.—Прекрасно,—сказалъ Книримъ,—а я напишу краткое постановленіе.—Господинъ Овсянниковъ,—сказалъ я, усаживаясь сбоку стола, на которомъ писалъ Книримъ,—не желаете ли вы послать кого-нибудь изъ служителей къ себѣ домой, чтобы прибыло лицо, пользующееся вашимъ довѣріемъ, для передачи ему тѣхъ изъ вашихъ распоряженій, которыя не могутъ быть отложены.—Это еще зачѣмъ?—спросилъ сурово Овсянниковъ.—Вы будете взяты подъ стражу и домой не вернетесь.—Что?—почти закричалъ онъ—подъ стражу! Я? Овсянниковъ?—и онъ вскочилъ съ своего мѣста.—Да вы шутить, что ли, изволите? Меня подъ стражу?! Степана Тарасовича Овсянникова? Первостатейнаго именитаго купца подъ стражу? Нѣтъ, господа, руки коротки! Овсянникова!! Двѣнадцать милліоновъ капиталу! подъ стражу! нѣтъ, братцы, этого вамъ не видать!—Я вамъ повторяю свое предложеніе, а затѣмъ какъ хотите, только вы отсюда поѣдете не домой,—сказалъ я.—Да что же это такое!—опять воскликнулъ онъ, ударяя кулакомъ по столу,—да что я, во снѣ это слышу? Да и какое право вы имѣете? такихъ правъ нѣтъ! Я буду жаловаться! вы у меня еще отвѣтите!—Его прервалъ Книримъ, который прочелъ краткое постановленіе о взятіи подъ стражу и предложилъ ему подписать. Тутъ онъ смирился и послалъ на извозчикѣ одного изъ сторожей за старшимъ сыномъ. Допросъ, между тѣмъ, продолжался, вслѣдствіе выраженнаго имъ желанія дать нѣкоторыя разъясненія. Съ прибывшимъ сыномъ онъ обошелся очень сурово и, когда тотъ, по моему приглашенію, хотѣлъ сѣсть, онъ такъ взглянулъ на него, что тотъ заколебался и сѣлъ лишь, когда отецъ крикнулъ ему:—ну садись, садись! я не воспрещаю.

На свой арестъ Овсянниковъ принесъ жалобы въ окружной судъ и затѣмъ въ судебную палату. Жалобы эти были написаны хотя и кратко, но искусно, умѣлою рукою. Оказалось, что ихъ писалъ извѣстный талантливый цивилистъ Боровиковскій, незадолго передъ тѣмъ перешедшій въ адвокатуру изъ товарищей прокурора петербургскаго окружного суда. За этотъ свой небольшой письменный трудъ,—такъ какъ по жалобамъ такого рода повѣренные не допускались къ личнымъ объясненіямъ,—Боровиковскій получилъ отъ Овсянникова пять тысячъ рублей. Извѣстіе объ этомъ произвело нѣкоторое волненіе въ петербургскомъ обществѣ, очень чутко относившемся ко всему, что касалось дѣла Овсянникова. Въ огромномъ гонорарѣ за небольшую работу многіе были склонны видѣть указа-

ніе на то, что „король Калашниковской биржи" не остановится ни передъ какими жертвами для того, чтобы попытаться еще разъ остаться въ совершенно безвредномъ для него „подозрѣніи". Нѣкоторые примѣняли къ повѣренному обвиняемаго стихи Некрасова: „Получивъ гонораръ неумѣренный—восклицалъ мой присяжный повѣренный:—передъ вами стоитъ гражданинъ—чище снѣга Альпійскихъ вершинъ". Это доходило до Боровиковскаго и дѣйствовало на его впечатлительную натуру удручающимъ образомъ, такъ что онъ пришелъ, наконецъ, ко мнѣ—своему старому сослуживцу и бывшему начальнику—и заявилъ, что жалобы написаны имъ потому, что его убѣдили въ невиновности Овсянникова, сдѣлавшагося жертвой общественнаго предубѣжденія, но что онъ готовъ возвратить деньги для избѣжанія дальнѣйшихъ упрековъ. Я сказалъ ему, что Овсянниковъ можетъ не взять денегъ обратно, не желая пользоваться его безвозмездными услугами, и что, кромѣ того, огласкою возвращенія этихъ денегъ назадъ, Боровиковскій броситъ лишній грузъ на чашу обвиненія во вредъ довѣрившемуся ему кліенту, такъ какъ это возвращеніе будетъ, безъ сомнѣнія, истолковано, какъ признаніе имъ, Боровиковскимъ, виновности послѣдняго. Поэтому лучше дождаться рѣшенія присяжныхъ и затѣмъ, подчинившись, ему пожертвовать такія деньги на какое-либо доброе дѣло, если приговоръ состоится противъ Овсянникова. Взволнованный Боровиковскій не безъ труда согласился послѣдовать этому совѣту. Въ день произнесенія обвинительнаго приговора объ Овсянниковѣ онъ прислалъ въ мое распоряженіе, для употребленія съ благотворительною цѣлью, 5.000 рублей, каковые я немедленно препроводилъ ректору петербургскаго университета П. Г. Рѣдкину для обращенія, по его усмотрѣнію, въ пользу нуждающихся студентовъ.

У Овсянникова нашлись и другіе заступники. Однимъ изъ нихъ была напечатана замѣтка, въ которой горячо доказывалось, что человѣкъ, жертвовавшій большія суммы на церкви и казенныя благотворительныя учрежденія, не могъ совершить корыстнаго преступленія, при чемъ приводился и самый списокъ такихъ пожертвованій въ довольно крупныхъ суммахъ. Указаніе на такія жертвы нельзя было однако назвать удачнымъ. Овсянниковъ, какъ онъ самъ выразился на судѣ, шелъ „съ материнской колыбели" къ широкому хлѣбному рынку, опираясь на крупные и выгодные интендантскіе подряды, и, наконецъ, сдѣлался однимъ изъ самыхъ могущественныхъ обладателей этого рынка, окруженнымъ лицемѣрнымъ преклоненіемъ менѣе крупныхъ поставщиковъ, среди которыхъ онъ привыкъ играть властительную роль, повелительно ставя *свои* условія.

Но съ начала семидесятыхъ годовъ многолѣтній подрядъ на поставку муки петербургскому военному округу сталъ неразрывно связываться съ обязанностью перемалывать хлѣбъ на паровой мельницѣ, которой Овсянниковъ былъ не собственникомъ, а только арендаторомъ, чувствующимъ себя въ косвенной зависимости отъ собственника мельницы Кокорева, имѣвшаго возможность отказать въ продолженіи аренды, т. е. лишить его долгосрочнаго контракта съ казною и тѣмъ поколебать вліятельное положеніе честолюбиваго и не знающаго „препятствій своему нраву“ старика, на восьмомъ десяткѣ его жизни. Поэтому не корысть, а болѣе сложныя побужденія могли заставить его желать пожара мельницы предъ истеченіемъ срока контракта,—пожара, который обезсилилъ бы его недруга Кокорева и заставилъ бы военное вѣдомство отказаться отъ ненавистнаго условія о непремѣнномъ перемолѣ хлѣба на паровой мельницѣ. При томъ щедрыя пожертвованія при надлежащей и услужливой огласкѣ не менѣе щедро оплачивались различнаго рода почетными наградами и публичнымъ возвеличеніемъ „маститаго благотворителя“. Не говоря уже объ имѣвшихся въ дѣлѣ свѣдѣніяхъ о суровомъ и черствомъ отношеніи Овсянникова къ тяжелому положенію простыхъ и незамѣтныхъ людей, находившихся отъ него въ трудовой зависимости, мнѣ пришлось случайно убѣдиться въ томъ, какъ мало трогало его горькое положеніе даже и такихъ людей, къ которымъ онъ относился, повидимому, доброжелательно.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ арестованія Овсянникова, моя старая служанка, которой было категорически запрещено ходатайствовать за кого-либо или докладывать мнѣ о какихъ-либо просителяхъ по дѣламъ („чтобы никакого *эхо* не было“, какъ она объясняла себѣ мое требованіе), послѣ большихъ предисловій о томъ, что Богъ меня наградитъ и что много несчастныхъ людей, стала меня просить все-таки выслушать на дому одну бѣдную дѣвушку, которая очень нуждается въ моемъ совѣтѣ, но въ судъ ко мнѣ идти не рѣшается, такъ какъ она „дѣвушка порядочная и скромная и никогда *по такимъ мѣстамъ не ходила*“. Нечего дѣлать, надо было уступить,—и ко мнѣ явилась очень болѣзненнаго вида дѣвушка, лѣтъ 20, немного цыганскаго типа, съ черными глазами и худенькими руками, одѣтая очень бѣдно. Она печально потупляла голову, голосъ ея по временамъ дрожалъ, а глаза наполнялись слезами, которыя она какъ-то трогательно и конфузливо собирала пальцами и стряхивала на полъ. „Мы живемъ съ маменькой „честно-благородно“ и занимаемся по швейной части. Намъ, давно зная нашу бѣдность, помогалъ и иногда заѣзжалъ къ намъ одинъ купецъ;—былъ къ намъ добръ и ласковъ, облегчалъ въ нуждѣ мамашу и меня;—мы его по-

читали какъ отца родного и онъ обѣщалъ насъ не оставлять своей помощью. Теперь же мы очень бѣдствуемъ: приходится жить штучной работой для рынка, а много ли такъ наработаешь?! Да и здоровье мое стало слабое, а о маменькѣ и говорить нечего. Мы узнали, что купецъ этотъ—Степанъ Тарасовичъ Овсянниковъ—находится въ заточеніи. Такъ это намъ прискорбно, что и сказать нельзя, а пойти къ нему или написать не смѣемъ: сказываютъ, начальство не допуститъ. Богъ дастъ, соберемся съ силами и работу постоянную найдемъ, такъ и поправимся, а теперь очень трудно. Опять же и лѣкарства для маменьки! А какъ сообщить о нашемъ положеніи Степану Тарасовичу—не знаемъ: какъ бы его не прогнѣвать въ несчастіи. Можетъ, у васъ есть кто знакомый изъ начальства... Окажите Божескую милость: научите что дѣлать?!..." Ея слезы и неподдѣльное участіе къ судьбѣ „благодѣтеля" очень тронули меня, и я, предложивъ ей написать Овсянникову письмо съ объясненіемъ своего грустнаго матеріальнаго положенія, обѣщалъ это письмо не только передать ему,но и попросить его отвѣта. Она ушла нѣсколько успокоенная, а на слѣдующій день прислала мнѣ письмо на имя „батюшки Степана Тарасыча", написанное довольно связно и начинавшееся такъ: „Освѣдомилась я, что вы, благодѣтель нашъ, попали въ руки злодѣевъ и т. д." Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквы расплывались отъ пролитыхъ надъ письмомъ слезъ. Оно кончалось словами: „день и ночь молюсь за васъ и цѣлую, припадаючи, ручки". Одинъ изъ „злодѣевъ"—въ моемъ лицѣ—передалъ письмо товарищу прокурора Вильямсону, завѣдывавшему арестантскими помѣщеніями, съ просьбой вручить его Овсянникову и спросить, не будетъ ли какого-либо отвѣта. Дня черезъ два Вильямсонъ разсказалъ мнѣ, что когда, пріѣхавъ въ Коломенскую часть, онъ заявилъ Овсянникову, что прокуроръ передалъ ему письмо на его имя съ просьбою дать отвѣтъ,—Овсянниковъ чрезвычайно оживился, встрепенулся и быстро спросилъ:—какое? какое письмо? отъ самого прокурора?—Повидимому, онъ вообразилъ себѣ, что старые судебные порядки снова для него оживаютъ, хотя и въ новыхъ обличьяхъ. Онъ почти вырвалъ у Вильямсона письмо изъ рукъ и, пытливо на него поглядывая, отошелъ къ окну и сталъ читать. Затѣмъ насупился и началъ большими тяжелыми шагами ходить по комнатѣ. — Вы знаете это семейство? — спросилъ Вильямсонъ. Овсянниковъ посмотрѣлъ на вопрошающаго и затѣмъ недовольнымъ голосомъ сказалъ: — коли пишутъ, значитъ, знавалъ! — Что же можетъ сказать прокуроръ писавшей? — Овсянниковъ молча подошелъ къ топившемуся камину, разорвалъ письмо на четыре части, бросилъ его въ огонь и, когда оно запылало, почти крик-

нулъ: — мнѣ теперь не до того! вотъ мой отвѣтъ: пущай горитъ!

По слѣдствію и на судѣ обнаружилось, что фактическимъ поджигателемъ былъ приказчикъ Левтѣевъ, исполнившій при содѣйствіи сторожа Рудометова, завѣдомо для хозяина, неоднократно выраженное послѣднимъ желаніе, чтобы мельница сгорѣла. Когда я предполагалъ быть обвинителемъ по этому громкому и трудному дѣлу, я жалѣлъ, что не могу разсказать присяжнымъ про слова обвиняемаго въ камерѣ Коломенской части. Это „пущай горитъ“ лучше всякихъ сложныхъ соображеній нарисовало бы передъ присяжными движущіе мотивы того, въ чемъ обвинялся Овсянниковъ. Ужъ если на такую просьбу злополучной нищеты, человѣкъ, располагавшій милліонами, могъ сказать „пущай горитъ“, то насколько понятнѣе и возможнѣе было сказать то же самое для того, чтобы отдѣлаться отъ ненавистной мельницы и въ то же время насолить врагу. Но, вслѣдствіе назначенія меня вице-директоромъ департамента министерства юстиціи, мнѣ не пришлось быть обвинителемъ. Меня замѣнилъ талантливый и тонкій судебный ораторъ В. И. Жуковскій, внесшій въ свою рѣчь свойственный ему глубокій и неотразимый сарказмъ, такъ соотвѣтствовавшій его наружности, въ которой было что-то мефистофельское. Гражданскими истцами въ судебномъ засѣданіи явились—Кокоревъ отъ своего собственнаго лица и Спасовичъ отъ лица страховыхъ обществъ. Первый сказалъ скрипучимъ голосомъ чрезвычайно обстоятельную и умную рѣчь съ убѣдительнымъ разборомъ мотивовъ дѣянія Овсянникова, а второй со своимъ угловатымъ жестомъ и какъ бы непокорнымъ словомъ, всегда заключавшимъ въ себѣ глубокій смыслъ, превзошелъ—какъ принято говорить—самого себѣ въ разборѣ и сопоставленіи уликъ и въ оцѣнкѣ экспертизы, произведенной надъ обширною моделью мельницы, принесенной въ залу суда. Особенное впечатлѣніе произвела нарисованная имъ картина „извивающагося, какъ драконъ“ изъ одного отдѣленія мельницы въ другое огня, сразу показавшагося въ трехъ мѣстахъ, при чемъ его изгибы незамѣтны со стороны. Не менѣе удачна была характеристика подряднаго дѣла съ казной, исполненнаго риска. Казна сбиваетъ цѣны, подрядчики отчаянно, рискуя сдѣлаться несостоятельными, конкурируютъ между собою и „съ самаго низу отъ послѣдняго канцеляриста протягиваются руки, которыя чувствуютъ пустоту и которыя надо занять“. Поэтому лишь податливый, привычный и знающій подрядчикъ сумѣетъ установить и наладить „*извѣстную среднюю недобросовѣстность*“, при чемъ „чиновники допускаютъ товаръ не совсѣмъ еще негодный, а подрядчикъ старается, чтобъ товаръ не былъ уже совсѣмъ плохъ“.

Съ особенной силой отвѣтилъ Спасовичъ на упрекъ защитника Овсянникова, что онъ строитъ всѣ свои выводы на однѣхъ косвенныхъ уликахъ, на чертахъ и черточкахъ: „Ну да! черты и черточки!—воскликнулъ онъ—но вѣдь изъ нихъ складываются очертанія, а изъ очертаній буквы, а изъ буквъ слоги, а изъ слоговъ возникаетъ слово и это слово: *поджогъ!*

Сосланный въ Сибирь на поселеніе, Овсянниковъ жилъ, по сообщеніямъ газетъ, въ крайней нищетѣ, да и потомъ, будучи переведенъ, въ порядкѣ помилованія, въ Царское Село, доживалъ свою глубокую старость въ очень неприглядной матеріальной обстановкѣ, во всемъ нуждаясь, такъ какъ все его состояніе перешло къ его наслѣдникамъ по закону.

Это дѣло было настоящимъ торжествомъ новаго суда. Нѣмецкая сатирическая печать даже не хотѣла вѣрить, чтобы *двѣнадцатикратный* (zwölffache) милліонеръ Овсянниковъ могъ быть арестованъ, а если бы это и случилось, то выражала увѣренность, что на-дняхъ станетъ извѣстнымъ, что *одиннадцати*-кратный милліонеръ Овсянниковъ выпущенъ на свободу.

Мнѣ вспоминается, какъ была поражена привезенная изъ Москвы для слѣдственныхъ дѣйствій знаменитая игуменья Митрофанія, когда при ней привели въ обширную камеру Книрима не менѣе, хотя и въ другомъ родѣ, знаменитаго Овсянникова. Взглянувъ другъ на друга и озираясь на еще недавнее прошлое, они могли воскликнуть: „Панъ умеръ! великій Панъ умеръ!“..

Если бы знаменитый криминологъ Ломброзо увидалъ нѣкоего *Нечаева*, котораго мнѣ пришлось обвинять въ Казани весною 1871 года, то онъ, конечно, нашелъ бы, что это яркій представитель изобрѣтеннаго имъ *преступнаго типа* и прирожденный преступникъ—маттоидъ. Маленькаго роста, растрепанный, съ низкимъ лбомъ и злыми глазами, курносый,—онъ всей своей повадкой и наружностью подходилъ къ излюбленному Болонскимъ ученымъ искусственному типу. Онъ представлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и своего рода психологическую загадку по той смѣси жестокости, нахальства и чувствительности, которая отражалась въ его дѣйствіяхъ.

Въ 1871 году Благовѣщеніе приходилось въ пятницу на Страстной недѣлѣ. „Свято соблюдая—обычай русской старины“, старикъ

портной Черновъ рѣшилъ, вмѣсто птицы, выпустить на свободу человѣка. Онъ отправился въ тюремный замокъ и тамъ узналъ, что есть арестантъ—отставной военный писарь Нечаевъ, обвиняемый въ кражѣ и сидящій лишь за неимѣніемъ поручителя на сумму 50-ти рублей. Черновъ обратился къ начальству тюрьмы, прося отдать ему на поруки Нечаева, и, по соблюденіи формальностей, получилъ его на свои руки и немедленно привелъ къ себѣ въ мастерскую, подаривъ ему при этомъ двѣ ситцевыхъ рубашки и рубль серебромъ. Съ ними Нечаевъ немедленно исчезъ и вернулся лишь предъ самой пасхальной заутреней и, конечно, безъ рубашекъ и безъ рубля. Утромъ въ день Свѣтлаго Воскресенія онъ сталъ требовать еще денегъ, но Черновъ отказалъ. Въ четыре часа дня послѣдній оказался убитымъ, съ кровоподтеками на вискѣ и на лбу, при чемъ шея его была почти совершенно перерублена топоромъ, валявшимся тутъ же, а голова висѣла лишь на широкомъ лоскутѣ кожи. Карманы платья Чернова были выворочены, а со стѣны исчезло его новое, только-что сшитое пальто. Исчезъ и Нечаевъ. Онъ былъ обнаруженъ ночью, въ домѣ терпимости, при чемъ на спинѣ его, на рубашкѣ, найдено было большое кровавое пятно; такое же пятно было и на подкладкѣ пальто со стороны спинки. Нечаевъ ни въ чемъ не сознавался и даже отрицалъ свое знакомство съ Черновымъ и пребываніе въ его домѣ. Онъ держалъ себя чрезвычайно нагло и, когда его вели въ сопровожденіи массы любопытствующаго народа на квартиру Чернова для присутствія при осмотрѣ мѣста преступленія, онъ обратился къ проѣзжавшему мимо губернатору со словами:—Ваше превосходительство, а что бы вамъ меня за деньги показывать?—вѣдь большая бы выручка была!

Предъ осмотромъ и вскрытіемъ трупа убитаго въ анатомическомъ театрѣ университета, Нечаевъ прислалъ мнѣ заявленіе о непремѣнномъ желаніи своемъ присутствовать при этой процедурѣ. Во время послѣдней онъ, совершенно неожиданно, держалъ себя весьма прилично и внимательно вглядывался и вслушивался во все, что дѣлалъ и говорилъ профессоръ судебной медицины И. М. Гвоздевъ. Когда послѣдный кончилъ, Нечаевъ спросилъ меня:—какъ объясняетъ онъ кровоподтекъ на лбу? Я попросилъ Гвоздева повторить обвиняемому это мѣсто его visum repertum и заключенія.— Этотъ кровоподтекъ долженъ быть признанъ посмертнымъ,—сказалъ Гвоздевъ—онъ, вѣроятно, полученъ уже умершимъ Черновымъ во время паденія съ наръ, возлѣ которыхъ найденъ покойный, отъ удара обо что-нибудь тупое.—Нечаевъ злобно усмѣхнулся и вдругъ, обращаясь ко мнѣ и къ слѣдователю, громко сказалъ:— Гмъ! послѣ смерти?! все вретъ дуракъ! Это я его обухомъ топора

живого, а не мертваго; онъ еще послѣ этого закричалъ.—И затѣмъ Нечаевъ тутъ же, не безъ развязности, разсказалъ, какъ, затаивъ злобу на Чернова за отказъ въ деньгахъ, поджидалъ его возвращенія съ визитовъ и какъ Черновъ вернулся подъ хмѣлькомъ, но грустный, и жаловался ему, что у него сосетъ подъ сердцемъ „точно смертный часъ приходитъ“.—Тутъ я,—продолжалъ свой разсказъ Нечаевъ,—увидѣлъ, что дѣйствительно его часъ пришелъ. Ударомъ кулака по виску сбросилъ я его съ наръ, на краю которыхъ онъ сидѣлъ, схватилъ топоръ и ударилъ его обухомъ по лбу. Онъ вскрикнулъ „что ты, разбойникъ, дѣлаешь?“—а потомъ *забормоталъ* и, наконецъ, замолчалъ. Я сталъ шарить у него въ карманахъ, но, увидя, что онъ еще живъ, ударилъ его изо всей силы топоромъ по шеѣ. Кровь брызнула, какъ кислыя щи, и попала на пальто, которое Черновъ повѣсилъ на стѣну, повернувъ подкладкой кверху, потому что оно было новое. Я этого не замѣтилъ, когда надѣвалъ пальто; оттого у меня и кровь на спинѣ оказалась. А вы, можетъ, и повѣрили, что это изъ носу? — насмѣшливо заключилъ онъ, обращаясь къ слѣдователю и напоминая свое первое объясненіе этого пятна.

Въ тюрьмѣ онъ себя держалъ спокойно и просилъ почитать книжекъ. Но когда я однажды зашелъ къ нему въ камеру, онъ заявилъ мнѣ какую-то совершенно нелѣпую жалобу на смотрителя и, не получивъ по ней удовлетворенія, сказалъ, мнѣ:—значитъ, теперь мнѣ надо на *васъ* жаловаться?—Да, на меня.—А кому?—Прокурору Судебной Палаты, а еще лучше Министру Юстиціи: онъ здѣсь будетъ чрезъ недѣлю.—Гмъ, мое дѣло, значитъ, при немъ пойдетъ?—Да, при немъ.—Эх-ма! въ карманѣ-то у меня дыра, а то бы князя Урусова надо выписать. Дѣло мое вѣдь очень интересное. А кто меня будетъ обвинять?—Я.—Вы сами?—Да, самъ.—То-то, я думаю, постараетесь! при министрѣ-то?—вызывающимъ тономъ сказалъ онъ.—За вкусъ не ручаюсь, а горячо будетъ,—отвѣтилъ я извѣстной поговоркой.—А вы бы меня, господинъ прокуроръ, пожалѣли: не весело вѣдь на каторгу идти.—Объ этомъ надо было думать прежде, чѣмъ убивать для грабежа.—А зачѣмъ онъ мнѣ денегъ не далъ? вѣдь и я хочу погулять на праздникахъ. Я такъ скажу: меня не только пожалѣть надо, а даже быть мнѣ благодарнымъ. Не будь нашего брата, вамъ бы и дѣлать было нечего, жалованье не за что получать.—Да по человѣчеству мнѣ и впрямь жаль,—сказалъ я.—А коли жаль, такъ у меня къ вамъ и просьба: тутъ какъ меня выводили гулять или за нуждой—что ли, забралась ко мнѣ въ камеру кошка, да и окотилась; такъ я просилъ двухъ котятокъ мнѣ отдать: съ ними занятнѣе, чѣмъ съ книжкой. Однако не дали. Прикажите дать, явите божескую

милость!—Я сказалъ смотрителю, что прошу исполнить просьбу Нечаева.

Въ засѣданіи суда, въ началѣ іюня, дѣйствительно присутствовалъ графъ Паленъ, пріѣхавшій въ Казань на ревизію. Нечаевъ держалъ себя очень развязно, говорилъ колкости свидѣтелямъ и заявилъ, что убійство совершилъ „фоментально" (т. е. моментально). Присяжные не дали ему снисхожденія, и онъ былъ приговоренъ къ 10 годамъ каторги. Въ тотъ же день казанское дворянство и городское общество давали обѣдъ графу Палену въ залѣ дворянскаго собранія. Въ срединѣ обѣда мнѣ сказали, что пріѣхалъ смотритель тюремнаго замка по экстренному дѣлу. Я вышелъ къ нему, и онъ объяснилъ, что Нечаевъ, привезенный изъ суда, началъ буйствовать, вырвалъ у конвойнаго ружье и согнулъ штыкъ (онъ обладалъ громадной физической силой), а затѣмъ выломалъ у себя въ камерѣ изъ печки кирпичъ и грозилъ размозжить голову всякому, кто къ нему войдетъ. Его удалось обезоружить, но смотритель находилъ необходимымъ заковать его въ ручные и ножные кандалы, не желая, однако, это сдѣлать безъ моего вѣдома, такъ какъ на мнѣ лежали и обязанности стараго губернскаго прокурора. Я отнесся отрицательно къ этой крайней мѣрѣ и посовѣтовалъ ему подѣйствовать на Нечаева какимъ-нибудь инымъ образомъ.—Что—котята еще у него?—У него—онъ возится съ ними цѣлый день и изъ послѣднихъ грошей поитъ ихъ молокомъ.—Такъ возьмите у него въ наказаніе котятъ.—Смотритель, старый служака изъ прежнихъ временъ, посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, потомъ презрительно пожалъ плечами и иронически сказалъ:—слушаю-съ!

Прошло три дня. Смотритель явился ко мнѣ вновь.—Господинъ прокуроръ, позвольте отдать котятъ Нечаеву.—А что?—Да никакъ не возможно.—Что же? буйствуетъ?—Какое, помилуйте! ничего не ѣстъ, лежитъ у дверей своей камеры на полу, стонетъ и плачетъ горючими слезами: „отдайте котятъ,—говоритъ,—ради Христа отдайте! Дѣлайте со мной, что хотите: ни въ чемъ перечить не буду, только котяточекъ моихъ мнѣ!. Даже жалко его стало. Такъ можно отдать? Онъ ужъ будетъ себя вести примѣрно. Такъ и говоритъ: „отдайте: Бога за васъ молить буду!"

И котята были отданы убійцѣ Чернова.

Я всегда находилъ, что въ нашей русской жизни воспитаніе дѣтей построено на самыхъ извращенныхъ пріемахъ, если только вообще можно говорить о существованіи *воспитанія* въ истинномъ смыслѣ слова между русскими людьми. Даже вполнѣ развитые родители по большей части относятся къ дѣтямъ съ слѣпотою животной любви и совершенно не думаютъ о томъ, что впечатлѣнія, даваемыя воспріимчивой душѣ ребенка, должны быть строго соразмѣрены съ его возрастомъ и съ той работой мысли и чувства, которую они собой вызываютъ. Въ особенности это можно сказать про чтеніе, невниманіе къ неразборчивости котораго у нѣкоторыхъ *воспитателей* граничитъ съ преступностью, тяжкія послѣдствія которой лишь иногда парализуются чистотою дѣтской души и свойственнымъ возрасту непониманіемъ тѣхъ или другихъ отношеній. Сюда же относятся неосторожность въ разговорахъ при дѣтяхъ и безсмысленное, подчасъ доходящее до безсознательной жестокости, стремленіе доставлять дѣтямъ *развлеченіе*, въ которомъ дѣтская душа менѣе всего нуждается, находя себѣ пищу въ простыхъ явленіяхъ окружающей природы и жизни. Я знаю не мало образованныхъ и добрыхъ людей между моими друзьями и хорошими знакомыми. Но, когда порой я вижу, какъ они воспитываютъ своихъ дѣтей, спѣша насытить ихъ души преждевременными впечатлѣніями и болѣзненно развить ихъ фантазію и тщеславіе,—какъ возятъ ихъ по циркамъ, загороднымъ садамъ и театрамъ,—какъ заставляютъ ихъ разыгрывать взрослыхъ на такъ называемыхъ „дѣтскихъ балахъ“,—какъ, въ ущербъ своему естественному авторитету, стараются поставить ихъ въ положеніе равноправныхъ и ничѣмъ не стѣсняемыхъ товарищей,—я готовъ сурово порицать этихъ добрыхъ и милыхъ людей за то, что къ сомнительному благодѣянію—дать жизнь—они присоединяютъ еще и жестокость своей воспитательной отравы. Но объ этомъ можно бы писать цѣлые часы, писать слезами и кровью, широко почерпнутыми изъ повседневныхъ явленій современной жизни съ ея психопатами, неврастениками и самоубійцами.

И мнѣ невольно вспоминается первое изъ впечатлѣній ужаса, которое я испыталъ вслѣдствіе стремленія доставлять дѣтямъ развлеченія. Когда мнѣ было лѣтъ восемь, меня взяли въ Пассажъ, въ Петербургѣ, гдѣ былъ кабинетъ восковыхъ фигуръ. Я вижу этотъ кабинетъ и всѣ фигуры до сихъ поръ съ такой отчетливостью, какъ будто я стою передъ ними. Въ концѣ кабинета въ послѣдней комнатѣ помѣщалась темная раздвижная занавѣсь и предъ нею маленькая рампа, за которой зажгли рядъ свѣчей, и затѣмъ хозяинъ кабинета на ломанномъ русскомъ языкѣ объяснилъ усѣвшимся предъ рампой посѣтителямъ, что будетъ показана сцена изъ временъ

испанской инквизиціи, представляющая пытку дочери знатнаго испанца, которую слуга-негръ обвинялъ въ ереси. Присутствовавшая при пыткѣ сестра несчастной сошла, при видѣ ея страданій, съ ума, а доносчикъ, запертый съ сосѣдней комнатѣ, сознавъ гнусность своего поступка и слыша стоны своей жертвы, старается разбить себѣ голову объ стѣну. Выслушавъ это объясненіе, слѣдовало меня, воспріимчиваго и нервнаго ребенка, взять за руку и немедленно увести. Но это противорѣчило бы теоріи доставленія развлеченій...

Занавѣсь раздвинулась, и предстала картина, которая никогда не изгладится изъ моей памяти. По стѣнамъ, въ глубинѣ сцены, стоялъ рядъ монаховъ съ надѣтыми на голову черными остроконечными капюшонами, въ которыхъ были сдѣланы лишь два маленькихъ зловѣщихъ отверстія для глазъ;—предъ ними, за покрытымъ чернымъ сукномъ столомъ стоялъ, протянувъ повелительно руку, главный инквизиторъ въ красной мантіи, а на первомъ планѣ одинъ палачъ, въ узкомъ черномъ же капюшонѣ, но не въ рясѣ, крѣпко держалъ стоявшую на колѣняхъ молодую и красивую дѣвушку съ растрепанными волосами, разинутымъ, конечно для крика, ртомъ и полными страданія и ужаса глазами, а другой, схвативъ ее за руку, окровавленными клещами вырывалъ у нея ногти. Въ сторонѣ, лицомъ къ зрителю, стояла ея сестра въ бѣломъ платьѣ, устремивъ въ даль безумный взоръ и зажимая себѣ уши руками, а рядомъ, въ небольшой комнаткѣ, молодой негръ или вѣрнѣе мулатъ, въ свѣтлой одеждѣ, съ ужаснымъ выраженіемъ лица, ударялся головой объ стѣну, и кровь текла по его лицу, оставляя слѣды на стѣнѣ и на платьѣ. Мнѣ трудно передать, что я перечувствовалъ, глядя на эту картину. Доставленіе мнѣ этого жестокаго развлеченія сопровождалось, въ томъ же воспитательномъ ослѣпленіи, предложеніемъ книги Поля Ферраля „Тайны испанской инквизиціи“, а результатъ всего этого выразился въ томъ, что я почти мѣсяцъ не могъ спать, переживая каждую ночь видѣнную мною картину или постоянно просыпаясь съ крикомъ ужаса, если удавалось забыться на нѣкоторое время. Съ тѣхъ поръ у меня явилось инстинктивное и непреодолимое отвращеніе къ восковымъ фигурамъ, и попытки переломить себя и зайти въ Panopticum въ Берлинѣ стоили мнѣ насилія надъ собою и отравленнаго на цѣлый день настроенія. Говоря откровенно, если бы даже и теперь, въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, мнѣ предложили бы остаться на ночь—или въ комнатѣ, гдѣ лежитъ нѣсколько труповъ, хотя бы и въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ приходится видѣть въ анатомическомъ театрѣ,—или же въ комнатѣ, гдѣ находится нѣсколько восковыхъ фигуръ, одѣтыхъ и даже красивыхъ, я бы безъ колебаній предпочелъ бы первое, до того мнѣ тягостно и тош-

нотворно зрѣлище этихъ остановившихся глазъ и этихъ безжизненныхъ рукъ и ногъ, предъ которыми ноги трупа все-таки кажутся болѣе живыми. Замѣчу при этомъ, что флорентійскія раскрашенныя статуи не производятъ на меня никакого непріятнаго впечатлѣнія. Очевидно, въ основѣ всего лежитъ восковой кабинетъ въ Пассажѣ.

Конечно, я говорю о пребываніи въ комнатѣ съ трупами лишь при неизбѣжности выбора между ними и восковыми куклами, ибо и съ трупами я испыталъ два очень тяжелыхъ впечатлѣнія. Оба они имѣли мѣсто въ Харьковѣ.

На Рыбной улицѣ былъ убитъ въ своей лавкѣ купецъ Бѣлоусовъ жестокимъ ударомъ большого полѣна въ лицо, которое представляло изъ себя неподдающійся описанію страшный видъ; особенно тяжкое впечатлѣніе производилъ одинъ уцѣлѣвшій глазъ, выпученный какъ бы съ выраженіемъ застывшаго ужаса, тогда какъ другой былъ выбитъ ударомъ и размозженный висѣлъ на какихъ-то синевато-кровавыхъ нитяхъ. Старикъ лежалъ поперекъ порога изъ задней комнаты въ лавку, такъ что для перехода изъ одной въ другую приходилось шагать черезъ его трупъ, одѣтый въ длинный бѣлый халатъ. Руки старика со скорченными пальцами были подняты вверхъ и такъ и застыли, а ноги широко раскинуты. Вся фигура представляла тягостное зрѣлище и казалась въ полусвѣтѣ задней комнаты колоссальной. Было очевидно, что убійца вошелъ не въ дверь лавки, которая была заперта тяжелымъ засовомъ съ замкомъ, ключъ отъ котораго оказался въ карманѣ халата убитаго. Онъ не могъ войти и чрезъ чердакъ и проломанное въ потолкѣ отверстіе, такъ какъ слѣды крови и рукъ на приставленной къ этому отверстію лѣстницѣ указывали, что она была принесена послѣ убійства и что ее протащили черезъ трупъ. Оставалось придти къ выводу, что убійца проникъ съ задняго хода, гдѣ дверь запиралась довольно слабо входившимъ въ петлю длиннымъ крючкомъ. Для подтвержденія этого вывода нужно было убѣдиться, что убійца, дергая дверь, могъ заставить крючекъ прыгать и наконецъ совсѣмъ выскочить изъ петли. Затѣмъ, когда Бѣлоусовъ—человѣкъ одинокій и опасливый,—собиравшійся уже ложиться спать въ лавкѣ, гдѣ за прилавкомъ стояла его кровать, быть можетъ привлеченный шумомъ, пошелъ въ заднюю комнату и показался на ея порогѣ, притаившійся у стѣны убійца ударилъ его со страшной силой длиннымъ полѣномъ и убилъ. Полѣно это, все въ крови и съ прилипшими къ нему сѣдыми волосами съ головы и бороды старика, валялось около трупа. Для того, чтобы надѣть крючекъ и видѣть его положеніе при дерганьи двери, нужно было кому-либо войти въ заднюю комнату и въ ней запереться.

Судебный слѣдователь рѣшилъ остаться снаружи и въ присутствіи понятыхъ дергать дверь. На мое предложеніе помощнику полицейскаго пристава войти и запереться, онъ отвѣчалъ, что ему дурно, и онъ проситъ освободить его отъ этого опыта. Тогда я рѣшился запереться, оставшись одинъ въ полумракѣ задней комнаты, въ одномъ шагѣ отъ мертваго старика.

Тяжелый воздухъ стоялъ въ комнатѣ, и гнетущая тишина господствовала вокругъ, покуда слѣдователь Гераклитовъ готовился начать дергать дверь. Чѣмъ болѣе глаза привыкали къ полусвѣту маленькой комнаты, скорѣе похожей на каморку, тѣмъ явственнѣй рисовалась фигура убитаго. Накладывая крючекъ, я долженъ былъ обходить полѣно, чтобы оставить его для описанія при осмотрѣ въ прежнемъ положеніи и при этомъ полами своего пальто касаться одной изъ окоченѣлыхъ рукъ старика. Началось дерганье двери, крючекъ прыгалъ, но не соскакивалъ съ петли. Иногда дерганье прерывалось, смутно было слышно, что слѣдователь что-то объяснялъ понятымъ, затѣмъ наступало нѣсколько мгновеній тишины, которыя начинали казаться цѣлой вѣчностью. Наконецъ дерганье прекратилось вовсе, голоса замолкли, и я остался одинъ съ убитымъ старикомъ. Такъ прошли минуты двѣ. Затѣмъ дерганье возобновилось съ новой энергіей, и я долженъ былъ собрать всю силу самообладанія, чтобы не *помочь* крючку выскочить изъ петли. Но вотъ—онъ сталъ прыгать сильнѣе и наконецъ дверь распахнулась, и въ мое заточеніе хлынулъ потокъ свѣта. Я былъ бѣлѣе старикова халата, и сердце мое усиленно и неровно билось гдѣ-то у самаго горла, стѣсняя дыханіе и затрудняя рѣчь. Сознаніе, что я—юный товарищъ прокурора—подалъ примѣръ смѣлости полицейскому чиновнику не очень меня радовало, ибо въ глубинѣ души я понималъ, что, продлись еще одну минуту медлительный опытъ надъ дверью и раздумье предъ нею Гераклитова, я бы лежалъ безъ чувствъ въ объятіяхъ старика.

Другой случай могъ бы послужить матерьяломъ для одного изъ разсказовъ Эдгара Поэ, до такой степени въ немъ собрался воедино рядъ впечатлѣній, изъ которыхъ каждаго было бы достаточно, чтобы не быть никогда забытымъ. Въ Харьковѣ существовалъ, а быть можетъ существуетъ и нынѣ, обычай замѣнять новогодніе визиты раутомъ въ дворянскомъ собраніи, гдѣ всѣ лица общества обмѣнивались привѣтствіями, а молодежь танцовала. Перваго января 1869 г. я отправился на этотъ раутъ и выходя изъ дому получилъ письмо, въ которомъ меня, какъ товарища прокурора, извѣщали, что въ тюремномъ замкѣ товарищами по заключенію былъ убитъ арестантъ, но что начальство скрыло это происшествіе. Убитаго отпѣли, какъ

умершаго естественною смертью, несмотря на то, что многіе видѣли боевые знаки на лицѣ у лежавшаго въ гробу,—и, чтобы окончательно опустить концы въ воду, трупъ отправили въ анатомическій театръ, откуда его возьмутъ, конечно, въ препаровочную, и всякій слѣдъ преступленія потеряется.

Письмо было анонимное, но на порядкахъ Харьковскаго тюремнаго замка со времени знаменитаго на югѣ Россіи дѣла *о поддѣлкѣ серій* лежала тѣнь подозрѣній. Поэтому, встрѣтивъ на раутѣ прокурора судебной палаты Писарева, я показалъ ему это письмо, и мы рѣшили, что я произведу личное дознаніе, немедленно отправясь въ анатомическій театръ для розысканія трупа. На раутѣ былъ и профессоръ патологической анатоміи, милый, глубоко-ученый и оригинальный другъ мой Душанъ Ѳедоровичъ Лямбль. Я просилъ его отправиться со мною, на что̀ онъ выразилъ согласіе съ большой готовностью, и мы, какъ были на раутѣ, во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ, поѣхали въ университетъ, гдѣ не безъ труда розыскали полупьянаго сторожа, и этотъ своеобразный Виргилій повелъ насъ по кругамъ анатомическаго ада. Миновавъ нѣсколько комнатъ, мы вступили въ амфитеатръ, передъ пустыми скамьями котораго стоялъ столъ съ мраморной доской и на немъ сидѣла обнаженная молодая женщина, прислоненная къ особой подпоркѣ, поддерживавшей ея голову. Молодое и красивое тѣло ея было немного подернуто зеленью разложенія, окоченѣлыя руки и ноги были слегка согнуты въ колѣняхъ и логтяхъ, а лицо.... лица было не видно, ибо головная кожа была подрѣзана отъ одного уха до другого черезъ шею ниже затылка и вывернутая на изнанку, зіяя мясомъ и мелкими сосудами, была надвинута на лобъ и на лицо. Густые бѣлокурые волосы спускались изъ-подъ нея и совершенно закрывали лицо это и верхнюю часть груди. Въ такомъ видѣ она была приготовлена наканунѣ для какого-то анатомо-патологическаго изслѣдованія, которое должно было произойти 2-го января. Трудно передать то ощущеніе состраданія и вмѣстѣ отвращенія, которое вызывала своимъ видомъ эта ужасная фигура. Миновавъ ее, мы вошли въ длинный корридоръ съ небольшими и тусклыми окнами, бывшими, если не измѣняетъ память, на уровнѣ выше роста человѣка. Я нѣсколько разъ оглядывался назадъ, и каждый разъ мой взоръ встрѣчалъ все ту же фигуру, сидѣвшую на столѣ прямо противъ дверей. Издали казалось, что это сидитъ голый бородатый человѣкъ, нахлобучившій на себя красную шапку. Въ концѣ корридора нѣсколько ступень вели въ кладовую, освѣщенную однимъ окномъ, гдѣ хранились трупы, присланные для вскрытія и для студенческихъ работъ изъ полиціи и больницъ. Это были разные бездомные, смертные останки которыхъ не приняли любящія руки,—были опившіеся или замерз-

шіе, подобранные на улицахъ и въ уѣздѣ. За праздники ихъ накопилось много, и они лежали на низкихъ и широкихъ нарахъ другъ на другѣ, голые, позеленѣвшіе, покрытые трупными пятнами, съ застывшей гримасой на лицѣ или со скорбной складкой синихъ губъ, по большей части съ открытыми глазами, безсмысленно глядящими мертвымъ взоромъ. На большомъ пальцѣ правой ноги каждаго изъ нихъ, на веревочкѣ былъ привязанъ номеръ по реестру, гдѣ значилось—кто и откуда присланъ. Лямбль послалъ за реестромъ, и мы стали курить и ходить по корридору, въ которомъ было весьма холодно.

Въ обоихъ концахъ корридора насъ постоянно встрѣчало одно и то же зрѣлище: то сидящая женщина, то груда мертвыхъ тѣлъ. Наконецъ, сторожъ принесъ реестръ и сталъ отыскивать ноги трупа, присланнаго изъ тюрьмы. Такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ труповъ лежали головами въ противуположныхъ направленіяхъ, то ихъ пришлось переворачивать, чтобы отыскивать номера ногъ, обращенныхъ къ стѣнѣ, и сторожъ, должно быть по дорогѣ еще выпившій, ворча себѣ подъ носъ, для сокращенія своей работы, влѣзъ на эти трупы и сталъ ихъ разбирать, какъ дрова, вытаскивая одного изъ-подъ другого. Искомый нами номеръ оказался на ногѣ мертвеца, лежавшаго въ самомъ низу, головой къ стѣнѣ. Сторожъ сталъ тянуть его за ноги, при чемъ лежавшіе сверху стали поворачиваться. Вотъ показалось тѣло и руки, задѣвавшія другихъ мертвецовъ и въ нихъ упиравшіяся,—вотъ грудь и плечи, но гдѣ же голова?! Оказалось, что голова отрѣзана умѣлою рукою и исчезла вмѣстѣ со своими „боевыми знаками". Сторожъ припомнилъ тогда, что голова отрѣзана прозекторомъ для какихъ-то спеціальныхъ надобностей и унесена съ собою. Посланный тотчасъ же къ прозектору, жившему тутъ же на дворѣ, сторожъ, продолжая ворчать, пошелъ лѣнивою походкой, предварительно прислонивъ безголовый трупъ къ его товарищамъ по несчастью. Мы снова стали ходить по корридору и курить. Между тѣмъ короткій зимній день началъ смѣняться надвигающимися сумерками. Сторожъ не возвращался. Наконецъ Лямбль потерялъ терпѣніе и, сказавъ мнѣ: „я пойду за головою самъ", быстро удалился, такъ что я не успѣлъ возбудить вопроса о томъ, не пойти ли съ нимъ и мнѣ? При томъ сторожъ могъ вернуться безъ него, пройдя съ какого-нибудь другого хода и, не найдя никого, исчезнуть уже на цѣлый день.

Подавляя въ себѣ ощущеніе невольной робости, я сталъ ходить по корридору, а сумерки все сгущались. Вскорѣ уже трудно стало различать контуры и подробности подвала и большой залы и, по мѣрѣ приближенія къ нимъ, изъ густой полутьмы выступали только бѣлое тѣло сидящей женщины и зеленое грузное тѣло че-

ловѣка безъ головы. Изъ залы *слышалось* таинственное и зловѣщее *молчаніе*. Изъ подвала проникалъ насыщенный тяжкимъ запахомъ воздухъ, приносившій иногда похожіе на вздохи звуки, издаваемые газами изъ внутренностей потревоженныхъ труповъ. Наконецъ стемнѣло совершенно. Я пересталъ ходить, смущаемый гуломъ моихъ шаговъ, и остановился посрединѣ корридора, сторожимый съ двухъ сторонъ мертвыми товарищами моего жестокаго одиночества. Вспоминая, что менѣе чѣмъ за два часа передъ этимъ я былъ въ свѣтлой и праздничной залѣ, видѣлъ веселую и нарядную толпу, говорилъ съ изящными, полными жизни и веселья, женщинами, я начиналъ думать, что видѣлъ все это во снѣ или наоборотъ, что то, что̀ меня окружаетъ, какой-то тяжкій кошмаръ, который сейчасъ разсѣется, и грудь, въ которую начиналъ заползать неотвратимый ужасъ, вздохнетъ облегченно. Не могу дать себѣ отчета, сколько времени провелъ я въ этомъ состояніи. Но вотъ въ залѣ показался слабый свѣтъ, и затѣмъ въ концѣ корридора послышались шаги, и появился Лямбль съ мѣшкомъ въ рукахъ, а за нимъ сторожъ съ фонаремъ. Въ мѣшкѣ была голова съ ярко красными пятнами на лицѣ. Лямбль приладилъ ее къ шеѣ стоявшаго трупа и, убѣдившись, что она на своемъ мѣстѣ, снова снялъ ее и, разсматривая внимательно, сказалъ мнѣ: „въ письмѣ написанъ вздоръ; это не кровоподтеки отъ побоевъ, это воспалительное состояніе кожи; это вѣроятно и даже несомнѣнно, слѣды мѣстнаго воспаленія. Я пришлю вамъ завтра письменный объ этомъ отзывъ“.—И, взявъ съ собою голову, онъ вмѣстѣ со мною удалился.

Упомянувъ о Лямблѣ и вызвавъ предъ собою его симпатичный и оригинальный образъ, я не могу удержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ. Ученикъ знаменитаго Гиртля,—подвижный, энергическій, съ прекрасными, полными жизни, умными карими глазами на сухощавомъ лицѣ, подъ нависшимъ хохломъ сѣдѣющихъ волосъ, Лямбль производилъ впечатлѣніе выдающагося человѣка и былъ таковымъ въ дѣйствительности. Хозяинъ въ своей части, онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ, а отзывался на всевозможные духовные запросы человѣческой природы. Любитель и знатокъ европейской литературы, тонкій цѣнитель искусства, онъ могъ съ полнымъ правомъ сказать о себѣ „nihil humanum a me alienum puto“. Онъ, напримѣръ, въ подробности изучилъ и зналъ Данта, а своими объясненіями и замѣчаніями внушилъ мнѣ любовь и интересъ къ

художественной дѣятельности Гогарта. Какъ практическій врачъ, онъ подсмѣивался надъ узкой спеціализаціей, столь развившейся въ послѣднее время, и въ концепціи картины и значенія болѣзни давалъ ходъ собственной творческой мысли, а не слѣдовалъ рабски за тѣмъ, что ему скажетъ *послѣднее слово* заграничныхъ книжекъ и, въ особенности, разныя химическія и другія изслѣдованія. Онъ лѣчилъ не теоретически понимаемую *болѣзнь*, а каждаго *больною*, индивидуализируя свои пріемы и указанія и отводя широкое мѣсто психологическому наблюденію. Его называли часто оригиналомъ и чудакомъ,—но чудакъ этотъ могъ записать себѣ въ активъ не мало блестящихъ исцѣленій—и тамъ, гдѣ былъ серьезный и опредѣленный недугъ,—и тамъ, гдѣ нужно было лишь поднять душевный строй человѣка, не привязывая къ нему непремѣнно опредѣленнаго медицинскаго ярлыка съ неизбѣжной, предустановленной процедурой лѣченія и режима.

Судебная реформа въ первые годы своего осуществленія требовала отъ судебныхъ дѣятелей большого напряженія силъ. Любовь къ новому, благородному дѣлу, явившемуся на смѣну застарѣлаго неправосудія и безправія—у многихъ изъ этихъ дѣятелей превышала ихъ физическія силы и, по временамъ, нѣкоторые изъ нихъ „надрывались". Надорвался въ 1868 году и я. Появились чрезвычайная слабость, упадокъ силъ, малокровіе и, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго напряженія голоса,—частыя горловыя кровотеченія. Выдающіеся врачи Харькова признали мое положеніе весьма серьезнымъ, но въ опредѣленіи лѣченія разошлись, хотя, повидимому, нѣкоторые подозрѣвали скоротечную чахотку. Одинъ посылалъ меня въ Соденъ, другой въ Зальцбрунъ, третій—въ горы, четвертый, наконецъ, въ Желѣзноводскъ. Я не зналъ, что дѣлать, тѣмъ болѣе, что и самое путешествіе за границу представлялось для меня затруднительнымъ въ матеріальномъ отношеніи. Заслышавъ о моемъ нездоровьѣ, ко мнѣ пришелъ Лямбль. „—Надо ѣхать за границу—сказалъ онъ съ чешскимъ акцентомъ, пощипывая любимымъ жестомъ свою эспаньолку.—Но куда, куда?—А куда глаза глядятъ,—въ Европу... Вамъ нужны новыя впечатлѣнія и отдыхъ, но отдыхъ дѣятельный и поучительный. Поѣзжайте сначала въ Прагу (ну конечно! подумалъ я), тамъ вы встрѣтите—я дамъ вамъ письмà—хорошихъ людей, а оттуда въ Мюнхèнъ, гдѣ зайдете въ старую Пинакотеку, потомъ прокатитесь по Рейну, во Фландрію, посмотрите Рубéнса и Мемлинга въ Брюгге, а затѣмъ въ Парижъ, гдѣ вамъ, можетъ быть, удастся послушàть Тардье...—Но что же мнѣ пить? какія воды?—А пить необходимо, необходимо пить,—но не воды, а пивò. Вы такъ и дѣлайте,—поѣзжайте отъ одного пивà къ другому пиву,

а пріѣдете во Францію—пейте красное вино̀. А главное—не думайте о своей болѣзни. Она называется молодость (мнѣ было 23 года), слабыя силы при большомъ трудѣ и нервность; вы, въ сущности,—одинъ нервъ. Новыя впечатлѣнія и пиво! вотъ и все"...—И теперь, доживъ, несмотря на многія испытанія, до шестидесяти слишкомъ лѣтъ, я съ благодарнымъ чувствомъ вспоминаю этотъ совѣтъ „чудака", которому вполнѣ и съ успѣхомъ въ свое время послѣдовалъ. Лямбль дѣйствительно былъ оригиналенъ во всемъ. Послѣ своего вѣнчанія онъ пригласилъ насъ—своихъ шаферовъ—изъ церкви въ свою квартиру, богатую книжками и скудную мебелью, переодѣлся въ свой обычный рабочій костюмъ и, попросивъ насъ посидѣть съ новобрачною, ушелъ присутствовать при какой-то интересной, въ медицинскомъ отношеніи, консультаціи, продолжавшейся до поздней ночи.

Съ особымъ блескомъ сказывались его знаніе и способности въ тѣхъ случаяхъ, когда, по приглашенію суда или сторонъ, онъ являлся экспертомъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Лучшихъ по обстоятельности, рельефности и художественной удобопонятности экспертизъ, по самымъ затруднительнымъ вопросамъ, мнѣ не приходилось потомъ, во время моей долгой судебной дѣятельности, слышать. Это были цѣлыя лекціи, глубоко и научно продуманныя по содержанію, популярныя по формѣ. Къ сожалѣнію, въ тѣ годы (конецъ шестидесятыхъ) между профессорами Харьковскаго медицинскаго факультета существовала значительная рознь. Если одна изъ сторонъ въ процессѣ, въ виду предстоящаго состязанія на судѣ, вызывала Лямбля, то другая непремѣнно вызывала одного изъ его недоброжелателей—и въ научный споръ нерѣдко вносился элементъ личныхъ обостренныхъ отношеній. Надо было видѣть, какъ умѣло и съ достоинствомъ истиннаго знанія отражалъ Лямбль направленные на него удары, сколько тонкой ироніи и остроумія бывало въ его отвѣтахъ на „недоумѣнія" суда или сторонъ! Не только лицъ прокурорскаго надзора, обыкновенно довольно беззаботныхъ по части судебно медицинскихъ свѣдѣній, но и своихъ товарищей по профессіи онъ побивалъ легко и неотразимо. Надо замѣтить, что особой глубиной и всесторонностью отличались *психіатрическія* экспертизы этого профессора *патологической анатоміи*. Въ нихъ онъ являлся настоящимъ служителемъ науки, который понимаетъ задачи истиннаго правосудія съ теплотою добраго, съ широтою просвѣщеннаго человѣка. По поводу одной изъ нихъ въ Варшавѣ, въ началѣ 80-хъ годовъ, по дѣлу объ убійствѣ врача Курціуша, онъ писалъ мнѣ своимъ своебразнымъ слогомъ: „Я завидую дару слова прокурора, набросавшаго на черномъ фонѣ небосклона великолѣпную логическую радугу, которою всѣ восхищались, забывая, что внизу, подъ нею,—на сырой холодной землѣ лежитъ смя-

тое существо, побитое градомъ роковыхъ событій;—оно едва дышетъ и между нимъ и этой радугой нѣтъ никакой связи. Прокуроръ стеръ въ порошокъ всю мою, трудомъ добытую, экспертизу съ лица земли, успокоивая меня тѣмъ, что вся эта моя отвратительная истина „ассиметрія черепа, неравенство зрачковъ, наслѣдственность“ и прочія гадости, все это на *второмъ планѣ*. Да! на второмъ, на третьемъ, если угодно на послѣднемъ планѣ, но на этомъ же планѣ и самъ подсудимый, и съ этого плана его надо понимать, а не съ надоблачной высоты этическихъ соображеній...“

Мы разстались въ 1870 году, чтобы видѣться затѣмъ лишь урывками. Онъ перешелъ въ Варшаву, я оставилъ Харьковъ. Чуждый всякой рутины, ставившій впереди всего исключительно интересы дѣла, онъ, повидимому, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ его писемъ, переживалъ подчасъ трудные дни. Чехъ по рожденію, онъ горячо любилъ Россію и желалъ ей *истиннаго* величія и сопричастія культурнымъ задачамъ запада. Дѣйствительность, окружавшая его, шла нерѣдко въ разрѣзъ съ этими его желаніями... „Въ нашихъ сферахъ—писалъ онъ мнѣ въ сентябрѣ 1880 г.,—все тоже водотолченіе. Попечитель выходитъ изъ себя потому, что студенты ходятъ въ студенческихъ шапкахъ безъ студенческихъ мундировъ, а ректоръ страдаетъ безсонницей потому, что попечитель принимаетъ студенческія шапки къ сердцу. Между тѣмъ, какъ вопросъ о шапкахъ тревожитъ умы, возбуждаетъ кровь и грызетъ печень, другія дѣла себѣ гуляютъ, напр. одна клиника остается безъ преподавателя,— а другой преподаватель остается безъ клиники. Вы знаете, А. Ѳ., какъ иногда бываетъ стыдно за человѣка, но повѣрьте, что еще стыднѣе иногда быть профессоромъ университета въ Россіи“.—„Здѣсь тоже вѣетъ какимъ-то вѣтеркомъ, пахнувшимъ богатыми надеждами,—писалъ онъ въ началѣ 1881 г. Газета „Врачъ“ напечатала докладную записку медицинскаго факультета о нуждахъ клиникъ—статья была принята съ глубокимъ сочувствіемъ со стороны *зрячихъ* и со скрежетомъ зубовнымъ со стороны бездушныхъ представителей злополучной бюрократіи“. Въ слѣдующемъ году, по поводу несчастій, обрушившихся на одного нашего общаго близкаго знакомаго, онъ прислалъ мнѣ строки, отлично характеризующія складъ его собственной души, всегда впрочемъ ясный для тѣхъ, кто зналъ его ближе. „Я вполнѣ понимаю удручающее горе его, но мнѣ кажется, что если несчастье вообще его облагораживаетъ хорошую душу, то не можетъ не быть, чтобы тяжелыя страданія его чуткаго сердца не придали бы еще больше цѣны тому твердому закалу характера, которымъ онъ столькихъ къ себѣ привлекаетъ. Пусть идетъ онъ именно этой дорогой горестей, которая называется per aspera ad astra. Придетъ время, и онъ будетъ благодарить Про-

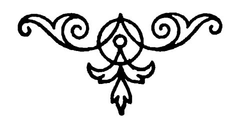
видѣніе за то, что оно дало ему пострадать и вытерпѣть жгучія душевныя мученія. Онъ потомъ съ кроткой улыбкой скажетъ:

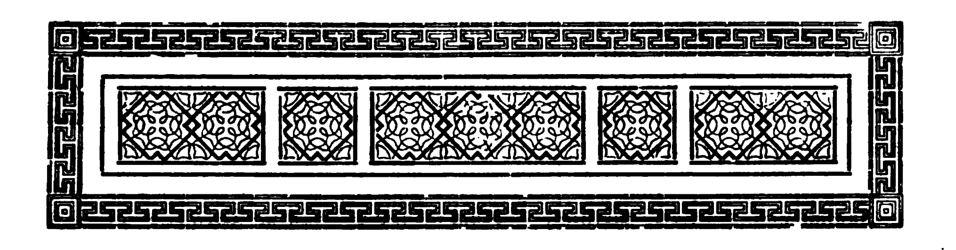
„Ich Kenne einen braven Mann
„Schade das ich ihm nicht küssen kann
„Denn ich bin selbst der brave Mann".

Говорю это по собственному опыту и наблюденію. Пусть на этой страницѣ въ тетради своей жизни онъ напишетъ славное слово „наплевать", а я припишу „si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae..."

Онъ скончался въ Варшавѣ, 13 февраля 1895 года.

1907. Апрѣль. А. Ѳ. Кони.

Изъ прошлаго.

Говоря о фельдмаршалѣ I. Вл. Гурко, нельзя обойти молчаніемъ самаго выдающагося его помощника, какъ въ боевое, такъ и въ мирное время, генерала Нагловскаго. О Дмитріи Станиславовичѣ Нагловскомъ, этомъ огромномъ военномъ талантѣ, блестящемъ представителѣ нашего генеральнаго штаба и замѣчательномъ человѣкѣ я говорилъ въ первой моей книгѣ „Изъ прошлаго“ [1]), а кромѣ того, подробнѣе написалъ о немъ въ отдѣльной брошюрѣ, изданной въ Варшавѣ, по случаю открытія памятника надъ его могилой, на Вольскомъ православномъ кладбищѣ, въ 16-ю годовщину сраженія при Горномъ Дубнякѣ, 12-го октября 1893 г.

Стараясь быть, въ моихъ писаніяхъ, елико возможно, безпристрастнымъ, я все же знаю, что я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо, понимаю, что не могу избѣгнуть того, чего не избѣжали другіе, тоже писавшіе, но выше меня, въ своихъ трудахъ стоящіе, не избѣжали отраженія своего собственнаго *я* въ ими написанномъ, а потому вполнѣ допускаю, что въ словахъ моихъ о Нагловскомъ отразилось личное мое къ нему отношеніе, преисполненное глубочайшаго почитанія и искренней привязанности; поэтому думаю, что не лишнимъ будетъ, если я освѣщу личность Д. С. Нагловскаго взглядомъ другого лица, несомнѣнно вполнѣ безпристрастнаго.

Послѣ смерти Нагловскаго (въ ночь съ 12 на 13 января 1890 г.) у меня, разбиравшаго оставленныя имъ бумаги, остались, съ разрѣшенія вдовы его, нѣкоторыя письма генерала Гурко къ Дмитрію

---

[1]) „Изъ прошлаго“. Ч. I. „На войнѣ“. Гл. XVIII.

Станиславовичу. Каждому извѣстно, что начальники вообще относятся ревниво къ своимъ начинаніямъ и своимъ велѣніямъ; рѣдко кто обладаетъ настолько гражданскимъ мужествомъ, стоитъ такъ высоко духовно, чтобы сознаться, что въ его дѣяніи, какомъ-нибудь выдающемся успѣхѣ, подвигѣ,—играла роль, если не воля—чужая [1]), то хотя бы посторонній совѣтъ, указаніе, представленіе. Углубляясь въ обсужденіе подобнаго, зауряднаго явленія, оно является конечно весьма неосновательнымъ и страннымъ, не говорю уже о непохвальности его.—Книга жизни, когда-нибудь, да откроется, и въ ней всѣ прочитаютъ какъ все было; но самому сказать: „да; сдѣлалъ. Но посовѣтовалъ мнѣ—другой. Я только уразумѣлъ, воспріялъ и рѣшился исполнить". Сказать такъ—удѣлъ высшихъ натуръ, и къ таковымъ принадлежалъ доблестный Іосифъ Владиміровичъ Гурко, не постѣснившійся, въ своихъ письмахъ къ Нагловскому, указать на ту громадную роль, которую игралъ его начальникъ штаба въ подвигахъ отряда, предводимаго Гурко, слѣдовавшаго его велѣніямъ.

Приводимые ниже отрывки изъ писемъ Іосифа Владиміровича, устанавливая сказанное мною выше о талантахъ Д. С. Нагловскаго, покажутъ намъ и всю духовную высоту покойнаго фельдмаршала. Въ началѣ лѣта 1878 года г. Гурко—будучи не удѣлъ въ С.-Стефано, получилъ извѣстіе о тяжкой болѣзни его жены и отпросился въ отпускъ, въ Петербургъ, а генералъ Нагловскій находился въ Одессѣ въ комиссіи генералъ-адъютанта Глинки-Маврина, учрежденной для разсмотрѣнія счетовъ и операцій по продовольствію арміи въ теченіе минувшей войны, и между ними шла непрерывавшаяся переписка.

1) „Царское Село. 13 іюня 1878 г.

„Многоуважаемый Дмитрій Станиславовичъ. Еще разъ разстаюсь я съ вами и на этотъ разъ, вѣроятно, на долго, если не навсегда. Я, какъ вамъ должно уже быть извѣстно, получилъ 11-ти мѣсячный отпускъ съ обязательной припиской Военнаго Министра, что къ дальнѣйшему его продолженію, вѣроятно, не встрѣтится препятствій. Слѣдовательно, моя пѣсенка спѣта, но я долженъ сознаться, что перспектива долгаго, по всѣмъ вѣроятіямъ до конца дней моихъ продолжающагося бездѣйствія—меня немного пугаетъ; но что же дѣлать...

Исполнилъ я долгъ свой по мѣрѣ силъ своихъ и разумѣнія и

[1]) Воля, понятно, принадлежитъ тому, кто взялъ на себя рѣшеніе исполнить мысль—свою или чужую и, вмѣстѣ съ таковымъ рѣшеніемъ, принялъ на себя и отвѣтственность.

для меня этого сознанія вполнѣ достаточно. Но вы, Дмитрій Станиславовичъ, что вы намѣрены предпринять; этотъ вопросъ меня озабочиваетъ. На ваше несчастіе были вы начальникомъ штаба у человѣка, на котораго всѣ, власть имущіе (за исключеніемъ Государя) [1]) такъ враждебно смотрятъ, какъ будто онъ понесъ пораженіе за пораженіемъ и который, слѣдовательно, можетъ только изгадить вашу дальнѣйшую карьеру, если онъ вздумаетъ въ нее вмѣшаться. Вы человѣкъ слишкомъ способный, чтобы не стараться, во что бы то ни стало, отыскать себѣ дѣятельность, но какъ къ этому приступить, я и ума не приложу и меня мучаетъ то, что я даже и совѣтомъ не могу въ этомъ вамъ помочь. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщаннаго вами письма, котораго, до сихъ поръ, я не получилъ.

Неужели штабъ Одесскаго округа откажетъ мнѣ въ выдачѣ предложенія на проводъ лошадей? Казна и безъ того будетъ въ барышѣ; я имѣю право на проводъ 12 лошадей, а провожу ихъ только 6; возить ихъ на свои деньги—это накладно.

Жена моя все еще очень плоха; съ большимъ трудомъ перевезъ я ее въ Царское и везти дальше, въ деревню, еще не рѣшаюсь, хотя вы должны понять, какъ мнѣ непріятно жить въ Царскомъ, изъ котораго я бы бѣжалъ безъ оглядки. Куда я переѣду на жительство, я и самъ того не знаю; по всѣмъ вѣроятіямъ въ Москву. Желалъ бы очень ѣхать на годъ за границу, но это, къ сожалѣнію, не по средствамъ. Хотя мнѣ и сохранено содержаніе, но при настоящемъ плохомъ курсѣ, этого далеко недостаточно" [2]).

Странно какъ-то и горько читать, что побѣдоносный полководецъ, приведшій свои войска къ Цареграду, осиливъ Балканы, непроходимые сугробы снѣга и вьюги, осилившій непріятеля—турокъ и непріятеля — природу, нуждался въ средствахъ для заслуженнаго отдыха и возстановленія силъ"!

2) „Царское Село. 17 іюля 1878 г....—Задали же вы мнѣ задачу отвѣтить вамъ, что у насъ: миръ или война? Послѣ постыднаго мира, на который мы согласились въ Берлинѣ, миръ для насъ не можетъ и не долженъ быть продолжителенъ. Надо поправить наше финансовое положеніе и тогда, съ Богомъ, за продолженіе начатаго дѣла; объ исправленіи же ошибокъ и недостатковъ нашего военнаго

---

[1]) Прибавимъ отъ себя: и В. Кн. Николая Николаевича, который въ первое послѣ войны время, былъ тоже не у дѣлъ; даже больше.

[2]) У Іосифа Владиміровича состоянія не было. С. Сахарово, гдѣ онъ жилъ, было скорѣе дачей, требовавшей расхода. У Іосифа Владиміровича было 4 сына.

строя—нечего и помышлять. Дошли мы до Царьграда, чего же еще лучше; стоитъ только сдѣлать другіе зарядные ящики и дѣло въ шляпѣ [1]). Х. сильнѣе, чѣмъ когда-либо и поэтому, помимо его иниціативы, ничего въ арміи не будетъ измѣнено и опять, въ началѣ кампаніи, будемъ мы бродить въ потемкахъ, стукаться лбомъ о неспособности, коими кишитъ наша армія, и только послѣ цѣлаго ряда неудачъ, въ которыхъ армія потеряетъ большую долю увѣренности въ себя и своихъ начальниковъ, набредемъ мы на способныхъ людей, и тогда опять пойдетъ перестановка начальниковъ и частей. Но объ этомъ довольно—чтобъ гусей не раздразнить; вѣдь письма то читаютъ".

Здѣсь я позволю себѣ нѣсколько остановиться, чтобы отмѣтить замѣчательныя слова, вылившіяся съ горечью изъ устъ такого опытнаго военноначальника, каковымъ былъ І. Вл. Гурко. „Бродить въ потемкахъ, стукаться лбомъ о неспособности, коими кишитъ армія и только *послѣ цѣлаго ряда неудачъ, въ которыхъ армія потеряетъ большую долю увѣренности въ себя и своихъ начальниковъ*, набредемъ мы на способныхъ людей и тогда опять *пойдетъ перестановка начальниковъ и частей*" [2]). Глубоко справедливыя, но и ужасныя слова; ужасныя тѣмъ, что съ тою же справедливостью и знаніемъ дѣла, съ какими они были сказаны въ 1878 году, они могли быть повторены и позже. Гораздо позже. Не хотѣлось бы вѣрить „року", который исключаетъ человѣческіе: умъ, знаніе, волю, прозорливость, настойчивость; а поневолѣ повѣришь.

3) „С.-Петербургъ. 29 ноября 1878 г.—До васъ вѣроятно ужъ дошла вѣсть о наградѣ, которая какъ съ неба спала мнѣ въ день Георгіевскаго праздника [3]). Не могу скрыть, что она доставила мнѣ большое удовольствіе, хотя гораздо меньше того, которое она бы мнѣ доставила, тотчасъ послѣ Филиппополя. . . . .

. . . .

Вамъ, моему лучшему и неизмѣнному помощнику, приношу мою душевную благодарность. Вамъ во многомъ и во многомъ Россія обязана въ нашихъ побѣдахъ, а слѣдовательно и я, въ той наградѣ, которую я за сіи побѣды, если ее не заслужилъ, то получилъ [2]). Государь, какъ всегда, былъ ко мнѣ очень милъ. На обѣдѣ Георгіевскихъ кавалеровъ Онъ пилъ за мое здоровье въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Какъ старый главнокомандующій и какъ твой Государь, пью за твое здоровье и благодарю тебя *за ту славу, которою ты покрылъ войска Гвардіи*" [2]). Такъ какъ въ эту минуту

[1]) Здѣсь очевидно звучитъ горькая иронія.

[2]) Курсивъ мой. *П. П.*

[3]) Генералъ Гурко получилъ орденъ св. Георгія 2 ст.

между мною и Государемъ былъ наслѣдникъ, то и онъ выпилъ за мое здоровье. Шелъ я (на выходѣ) въ парѣ съ Радецкимъ".

Подписано это письмо такъ: „Отъ души обнимаю васъ. Вамъ искренно и сердечно преданный"...

Остановлюсь на томъ мѣстѣ письма, гдѣ говорится о Наслѣдникѣ. Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, благодаря несчастнымъ вліяніямъ со стороны, въ то время, не благоволилъ къ Іосифу Владиміровичу. Началось это еще за Дунаемъ, когда генералъ Гурко былъ поставленъ во главѣ Западнаго отряда арміи, предназначеннаго для зимняго перехода черезъ Балканы. — Не зная или мало зная I. Вл. Гурко, слыша отъ многихъ отзывы неблагопріятные, наслѣдникъ относился къ генералу Гурко холодно. Съ другой стороны и генералъ Гурко, при прямолинейности своего характера, не сдѣлалъ ни одного шага, чтобы согрѣть этотъ холодъ. Напротивъ: когда наслѣдникъ цесаревичъ, стоя во главѣ гвардейскаго корпуса, оказался въ подчиненіи у ген. Гурко, назначеннаго командующимъ войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, а также и петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, холодъ еще болѣе усилился и только во время коронаціи государя Александра III въ Москвѣ, когда, вслѣдствіе смерти генерала Альбединскаго, Іос. Влад. былъ призванъ на постъ варшавскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа, ледъ растаялъ и состоялось искреннее и сердечное сближеніе великаго государя съ подданнымъ, тоже великимъ, по величію его заслугъ передъ престоломъ и Отечествомъ.

Не получая отвѣтовъ отъ Нагловскаго, г. Гурко допускалъ возможность потери посланныхъ имъ писемъ, а потому, 14 декабря 1878 г., повторилъ уже помѣщенное мною выше, дополнивъ нѣкоторыми подробностями.

4) „С. Сахарово (Тверской губ.). 14 декабря 1878 г.

. . . .

„Я никогда не сомнѣвался въ томъ, что награжденіе меня Георгіемъ 2-й степени доставитъ вамъ величайшее удовольствіе. Дѣйствительно Царь меня жалуетъ, но за то..... X. меня сильно не жалуетъ. Возьмите хоть съ этимъ Георгіемъ. До сихъ поръ я не только рескрипта, но даже самого ордена не получилъ [1]); вѣдь иной можетъ подумать, что я или совралъ или обслушался, и что никогда

[1]) Дѣйствительно странное промедленіе, такъ какъ обыкновенно, при полученіи высокихъ наградъ, особенно такихъ выдающихся, какъ Георгій 2 ст. и такому выдающемуся человѣку какъ Гурко, орденъ вручается немедленно. Рескриптъ, требуя времени для его составленія и напечатанія, можетъ замедлиться, но и то не такъ много, какъ въ данномъ случаѣ.

Государь и не думалъ мнѣ его давать. А вѣдь рескриптъ долженъ написать онъ [1]) и онъ долженъ поднесть его на утвержденіе. Этотъ человѣкъ прямо ненавидитъ меня. При прощаньи моемъ съ Государемъ, Онъ задалъ мнѣ такой вопросъ, который заставляетъ меня полагать, что городскія сплетни дошли и до Него [2]). Спрашивая куда я теперь ѣду, сказалъ Онъ мнѣ: „Но ты не откажешься отъ назначенія?" Но это я отвѣтилъ, что „когда жена моя была на смертномъ одрѣ и тогда я сказалъ Вашему Величеству, что если Вы во мнѣ нуждаетесь, то я, по первому слову, вернусь къ дѣйствительной службѣ".—„Да, это Я помню, но это было въ случаѣ возобновленія войны. Но отъ мирнаго назначенія ты не откажешься?" На это я отвѣтилъ, что я былъ бы въ отчаяніи, если, въ мои годы, меня сдали бы въ архивъ, и что желая, въ случаѣ новой кампаніи, принять въ ней участіе, мнѣ необходимо, въ мирное время, служить въ войскахъ. Какъ видите, глупыя Петербургскія сплетни, что я не желаю никакого назначенія, дошли и до Государя. Это Х., который ихъ распространяетъ, не желая меня видѣть во главѣ какой-либо части нашей бѣдной арміи, и поэтому я остаюсь при томъ мнѣніи, что моя пѣсенка спѣта [3]). Переживая въ моемъ воображеніи тяжелые дни, коимъ наступаетъ уже годъ [4]), я, съ чистою совѣстью, говорю себѣ: я исполнилъ долгъ свой по мѣрѣ силъ моихъ и моего разумѣнія; исполняя его, я былъ чистъ отъ всякихъ грязныхъ, честолюбивыхъ помысловъ. Не награды и прославленіе себя подвигали меня на это дѣло, а единственно слава Россіи и желаніе доставить ей честный и славный міръ. *Припоминая подробности этихъ страшно тяжелыхъ и по истинѣ славныхъ дней, я вспоминаю сколько въ ихъ счастливомъ исходѣ, Россія Вамъ обязана. Прежде чѣмъ исторія Вамъ воздастъ должное, дозвольте мнѣ, еще разъ и отъ чистаго сердца, благодарить Васъ за Ваше мудрое содѣйствіе* [5]).

Подпись: „Васъ душевно любящій и душевно уважающій".

---

[1]) Т. е. Х.

[2]) Въ городѣ, недоброжелатели І. Вл. распустили слухъ, что онъ будируетъ и не желаетъ служить. *П. П.*

[3]) Желалъ бы думать, что тутъ Іос. Влад., введенный кѣмъ-нибудь и чѣмъ-нибудь въ заблужденіе, ошибается. Зная упоминаемаго здѣсь Х., я допускаю съ его стороны: несочувствіе къ ген. Гурко, нерасположеніе, но „распусканіе слуховъ..." допустить не могу. Для меня тутъ очевидное, несчастное недоразумѣніе, которое при тогдашнемъ удрученномъ состояніи І. Вл. и его воспріимчивости, облеклось, въ его глазахъ, въ крайнюю вражду. *П. П.*

[4]) Переходъ черезъ Балканы происходилъ 19 декабря.

[5]) Курсивъ мой. *П. П.*

5) С. Сахарово. 19 декабря 1878 г.—Сейчасъ получилъ я, дорогой Дмитрій Станиславовичъ депешу вашу съ поздравленіями по случаю годовщины Ташкисена. И такъ, вы ничего не знаете о моемъ пребываніи въ Питерѣ, посему начинаю повѣствовать вторично. При пріѣздѣ, Государь принялъ меня, какъ всегда, отлично и въ разговорѣ болѣе всего вспоминалъ о Филипополѣ. На другой день, то есть въ самый день праздника, Государь, идя передъ выходомъ здороваться съ войсками, проходя черезъ залъ, гдѣ собрались георгіевскіе кавалеры, и увидѣвъ меня, далъ мнѣ руку и сказалъ: „Поздравляю тебя кавалеромъ Георгія 2 степени", такъ что при шествіи кавалеровъ я уже шелъ въ парѣ съ Радецкимъ. Военный Министръ шелъ за мною [1]), но меня не поздравилъ. Въ этотъ день былъ у Государя маленькій обѣдъ высшихъ степеней и корпусныхъ командировъ; насъ было, кромѣ членовъ Царской фамиліи, 14 человѣкъ. Раухъ [2]), какъ дежурный, также обѣдалъ. Послѣ тоста за Германскаго Императора и за всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ, Государь, обратясь ко мнѣ (между мною и Имъ сидѣли: Николай Николаевичъ, Наслѣдникъ и Радецкій), сказалъ, поднимая бокалъ: „Гурко, за мою старую команду" [3]).

Парадный обѣдъ и тостъ Государя за г. Гурко уже приведенъ нами выше.

„Сегодня (19-го декабря) получилъ отъ Государя депешу, которую передаю дословно: „Сегодня, въ славную годовщину боя подъ Ташкисеномъ, благодарили мы Бога въ Преображенскомъ Соборѣ [4]) за дарованную намъ побѣду. Всѣхъ участниковъ собираю къ обѣду; сожалѣю, что тебя при этомъ не будетъ. Не могу не повторить тебѣ мое сердечное спасибо за всѣ твои подвиги въ минувшую кампанію. Да сохранитъ тебя Богъ и да пошлетъ Онъ тебѣ утѣшеніе и дома" [5]). Александръ.

Могу Вамъ сообщить и свой отвѣтъ.

„Растроганъ до глубины души высокомилостивою памятью моего Государя къ посильнымъ трудамъ моимъ на полѣ брани. Я несказанно счастливъ, что Господь Богъ сподобилъ и меня принесть свою лепту на алтарь отечества и тѣмъ заслужить себѣ неоцѣнимое Царское спасибо".

---

[1]) Младшіе идутъ впереди.

[2]) Оттонъ Егоровичъ.

[3]) Т. е. за гвардію.

[4]) Подъ Ташкисеномъ участвовала гвардія, а Преображенскій соборъ именуется соборомъ „всей гвардіи".

[5]) Указаніе на болѣзнь жены г. Гурко, Марьи Андреевны.

Завтра отправляю я депешу Вельяминову [1]), а послѣ завтра Л.-Гренадерамъ, Псковцамъ и Великолуццамъ.

Какъ прошлый годъ, въ это время, мы были выше настроены! Какъ видите изъ депеши Государя, бой у Ташкисена на первомъ планѣ, а перехода черезъ Балканы какъ будто и не существовало. Какъ издалека иначе судятъ! Что такое бой подъ Ташкисеномъ? Ничто; скорѣе скромное Негашевское дѣло имѣетъ больше значенія. Это ключъ долины, который мы взяли и положили себѣ въ карманъ. Такъ и Филипополя не понимаютъ; не понимаютъ нашего движенія на Самоковъ. Хороши бы мы были, не сдѣлавъ этого движенія [2]).

Ну, дай мнѣ Богъ, въ слѣдующую кампанію, надѣлать столько же ошибокъ, сколько мы надѣлали, и прійти къ такимъ же результатамъ;—и за то мнѣ Россія спасибо скажетъ".

6) Сахарово. 16 января 1879 г.—Такъ какъ І. Вл., не получая отвѣтовъ отъ Нагловскаго, допускалъ возможность потери писемъ, то въ этомъ письмѣ повторено многое изъ того, что уже помѣщено выше, а потому я извлекаю изъ него только нѣкоторыя новыя мѣста, не включенныя въ прежнія письма.

„Въ третій разъ начинаю я мое повѣствованіе о моемъ пребываніи въ Питерѣ въ концѣ ноября (1878 г.) и о томъ, какъ тамъ со мною пошутили съ Георгіемъ второй степени. Говорю я пошутили, отъ того, что до сихъ поръ [3]), не говоря уже о рескриптѣ, я ни ордена, и никакого оффиціальнаго увѣдомленія о дѣйствительномъ пожалованіи мнѣ его, ни отъ кого не получалъ, а въ капитулѣ я продолжаю числиться кавалеромъ ордена 3-й степени. Пріѣхавъ въ Питеръ 24-го (ноября), на другой (день) былъ я у Государя и Николая Николаевича (Великій князь, бывшій Главнокомандующій Дѣйствующ. арм.). Первый, какъ всегда принялъ меня очень любезно, второй же былъ очень тронутъ тѣмъ, что я ему сказалъ, что я пріѣхалъ единственно для него. При этомъ разговорѣ онъ сказалъ мнѣ, что подалъ обо мнѣ докладную записку, въ которой онъ писалъ, что за Филипополь я, по сіе время, ничего не получилъ. При-

---

[1]) Генералъ Вельяминовъ командовалъ войсками въ бою у Дольняго Бугарова.

[2]) Эти мнѣнія компетентнаго судьи, самого вождя, стоявшаго во главѣ всей операціи, во всей ея совокупности, должны, я думаю, послужить полезнымъ указаніемъ будущимъ историкамъ нашихъ зимнихъ операцій на Балканахъ и за ними. *П. П.*

[3]) Письмо писано 16 янв., а Георг. праздн. былъ 26 ноября, т. е. прошло почти 2 мѣсяца.

знаться сказать я это въ одно ухо впустилъ, а въ другое выпустилъ“ [1]).

Далѣе приведены слова государя, поздравившаго І. Вл., передъ началомъ выхода во дворцѣ, съ орденомъ.

„Въ эту минуту я былъ далекъ отъ мысли получить этотъ орденъ. Тутъ у меня сейчасъ явилось маленькое сомнѣніе, какъ мнѣ проходить (въ шествіи кавалеровъ), съ кавалерами 2 или 3 степени. Всѣ тутъ начали говорить, что разъ какъ меня Государь поздравилъ, то надо идти съ кавалерами второй степени, и я имѣлъ глупость на это согласиться. Тутъ всѣ меня поздравляли, большинство, надо сказать, не искренно. Милютинъ же, передъ которымъ я шелъ въ парѣ съ Радецкимъ, мнѣ не сказалъ ни слова. Тутъ, на выходѣ, получилъ я приглашеніе, на этотъ же день, къ обѣду у Государя. Обѣдали въ этотъ день всѣ Георгіи 2-й ст. и всѣ корпусные командиры, бывшіе на войнѣ, хотя бы и не Георгіевскіе кавалеры. Тутъ я сдѣлалъ другую глупость. Зная, какъ Государь любитъ, чтобы тотчасъ же надѣвали ордена, когда ихъ онъ дастъ, я послалъ къ Арендъ, купить звѣзду и крестъ и напялилъ то и другое“... Далѣе идетъ описаніе двухъ обѣдовъ у государя и милостивыхъ словъ, къ г. Гурко обращенныхъ, о чемъ сказано выше.

„На другой день, т. е. 27 ноября утромъ, былъ я у Государя благодарить его за орденъ. Милютинъ, выходя съ доклада, меня поздравилъ. Тутъ Государь, въ первый разъ вспоминая, что на другой день (28 ноября) годовщина взятія Плевны, сказалъ мнѣ: „Надо сознаться, что тутъ много есть и твоего“ [2])...

...На Рождественскихъ праздникахъ былъ у меня В. А. Бунаковъ [3]) съ массою наградныхъ списковъ на Георгія 3 и 4 степени, между прочимъ О. и Р. [4]). Привезъ онъ ихъ мнѣ уже подписанными Наслѣдникомъ [5]). Я былъ поставленъ въ очень глупое поло-

---

[1]) Это выраженіе надо понимать въ томъ смыслѣ, что покойный в. кн. Николай Николаевичъ, послѣ войны, попалъ въ число „забытыхъ“ и голосъ его не имѣлъ вѣса. Хотя въ данномъ случаѣ, напоминаніе вел. князя о заслугахъ г. Гурко можетъ быть и имѣло значеніе, такъ какъ, вслѣдъ за симъ, І. Вл. былъ пожалованъ Георгій 2 ст., о которомъ и идетъ рѣчь въ этихъ письмахъ. *П. П.*

[2]) Очевидно подразумѣваются Горній Дубнякъ, Телишъ и Дольній Дубнякъ, занятіе которыхъ привело къ тѣсному обложенію Плевны, приведшему къ ея паденію. *П. П.*

[3]) Генеральнаго штаба генералъ-маіоръ, участникъ обоихъ Забалканскихъ походовъ и скончавшійся занимая должность Нач. Гл. Упр. казачьихъ войскъ.

[4]) Командиръ Л. Гв. Преображенскаго полка и офицеръ того же полка.

[5]) Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, командовавшій войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

женіе. Писать „нѣтъ“, когда Наслѣдникъ моего Государя написалъ „да“, не приходится, писать же „да“ я не хотѣлъ и по этому глупому славянскому добродушію написалъ письмо Шувалову [1]), что я не нахожу препятствій къ тому, чтобы представленія сіи были переданы на разсмотрѣніе въ Думу ордена. Но написавши это письмо, я тотчасъ написалъ другое, самому Великому Князю [2]), въ которомъ я ему говорю, что минулъ годъ, какъ генералъ Красновъ [3]) отбилъ у непріятеля 18 орудій и ничего за сіе не получилъ. Представленъ онъ былъ алмазной шашкѣ, но послѣ того какъ старикъ С., за никому неизвѣстный подвигъ, получилъ Георгія 3 ст., то я прошу таковой же и генералу Краснову. Фрезе [4]) писалъ мнѣ, что В. Кн. соглашается представить его къ Георгію. Теперь хочу писать и о маіорѣ Селянка.

Только для этого надо, чтобы вышли гвардейскіе Георгіевскіе кресты. О бѣдномъ Вульфертѣ я опять возобновилъ ходатайство, и Фрезе писалъ мнѣ, что В. Кн. уже подписалъ письмо о немъ Воен. Министру [5]). Читали-ли вы въ Военномъ Сборникѣ статью о Траянскомъ перевалѣ, подписанную П. К., очевидно самого К. Тамъ онъ дозволилъ себѣ, на стр. 57, переврать одну вашу записку. Это перевранный конецъ записки, писанной не 1-го января за № 172, а 31 декабря вечеромъ за № 147 и не ему—К, а Липинскому. Записка предлинная, тѣмъ не менѣе я вамъ высылаю ея копію. Копію

---

[1]) Графъ Павелъ Андреевичъ, командиръ гвардейскаго корпуса.

[2]) Николаю Николаевичу, который, какъ бывшій главнокомандующій дѣйств. арміи, составлялъ высшую инстанцію по ходатайствамъ о наградахъ за войну.

[3]) Никита Васильевичъ, донской казачій генералъ, сподвижникъ г. Гурко, выдающійся боевой дѣятель, но, по своей скромности, мало выдвинувшійся и скоро забытый.

[4]) Александръ Александровичъ Фрезе, по окончаніи войны, завѣдывалъ наградныкъ отдѣленіемъ главнокомандующаго. Отдѣленіе это попало въ руки Фрезе въ страшно запущенномъ видѣ, что мнѣ пришлось испытать на себѣ, такъ какъ изъ трехъ представленій обо мнѣ, съ ходатайствомъ о производствѣ въ генералы: за штурмъ Ловчи 22 августа, за штурмъ Плевны 30 и 31 авг. и за штурмъ Правецкихъ укрѣпленныхъ позицій 10 и 11 ноября, нашлось въ отдѣленіи только одно, и то на полу, въ грязномъ видѣ, затоптанное ногами. А. А. Фрезе, уже въ чинѣ генерала, послѣ войны, въ Петербургѣ, ликвидировалъ дѣла этого отдѣленія.

[5]) Полковникъ Густавъ Александровичъ Вульфертъ. Отличился еще при взятіи Ташкента Черняевымъ, при штурмѣ котораго былъ опасно раненъ въ плечо пикою. Отличался, въ первомъ забалканскомъ походѣ, а 30 августа, подъ Плевной былъ жестоко раненъ у Гривицы, пулей, вошедшей въ спину, а вышедшей спереди горла. Мучился много лѣтъ, доходилъ почти до сумашествія отъ страданій, отъ которыхъ и скончался. Имѣлъ Георгія 4 ст. за штурмъ Ташкента.

со второго приказанія, помянутаго на стр. 65, въ книжечкахъ (записныхъ, полевыхъ) нѣтъ. Посылаю вамъ копіи для того, что можетъ быть вы пожелаете послать въ Военный Сборникъ маленькое заявленіе о томъ, что г. К. совралъ.

На дняхъ минетъ годъ какъ мы съ вами, можно сказать по совѣсти, съ честью вложили мечи наши въ ножницы, но затѣмъ забрался туда такой соръ, что теперь съ трудомъ мы его оттуда, въ другой разъ, вытянемъ, а коли и вытянемъ, то сильно заржавленнымъ, и начнемъ мы тогда опять съ того, что будемъ его выпрямлять и чистить о свои же собственныя спины. Вас. Алекс. (Бунаковъ) говорилъ мнѣ, что въ военныхъ сферахъ Петербурга царствуетъ такой застой, такая апатія къ дѣлу, что Фельдманъ (нашъ воен. агентъ въ Вѣнѣ), пріѣхавъ въ Петербургъ, до сей поры не можетъ прійти въ себя отъ нравственнаго и умственнаго застоя, царствующаго въ военныхъ сферахъ Петербурга. Только и разговора о томъ, кто сколько получилъ наградъ. Читали ли вы приказъ по Гвард. Корпусу о составленіи исторіи частей; вотъ будетъ рядъ самовосхваленій... Кому-то поручено и описаніе дѣйствій всего отряда, то есть дѣятельности отряднаго штаба. Интересно знать, кто это будетъ писать; ужъ не Феденька ли или Ника, которому также на дняхъ дадутъ крестъ, а какой,—это само собою разумѣется [1]). Жалѣю я только объ одномъ, и искренно жалѣю, что я изъ военной службы сдѣлалъ свое ремесло, и что это мой хлѣбъ насущный и что поэтому не могу ее покинуть. Такъ все это грустно и такъ чувствуешь себя безсильнымъ повести это дѣло такъ, какъ бы слѣдовало его вести для пользы и славы Россіи. Одинъ въ полѣ не воинъ.—Какъ мы скоро позабыли и Зивинъ и всѣ три Плевны; мы помнимъ только 28-е ноября [2]), а итогъ того, во что намъ обошелся этотъ день, мы сводить не желаемъ.

Если вѣрить словамъ, сказаннымъ мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я могу ожидать назначенія; дадутъ мнѣ корпусъ и подчинятъ Минквицу, Черткову (Михаилъ Ивановичъ) или Альбединскому—всѣ три боевые генералы [3]). Командовавши надъ старшими во время войны, въ мирное время мнѣ даже пріятно будетъ подчиниться младшимъ въ чинѣ.

Еще разъ, передъ годовщиной окончанія кампаніи, отъ всей

---

[1]) Іос. Влад. ошибся.

[2]) День взятія Плевны 1877 г.

[3]) Ни одинъ изъ нихъ не былъ на войнѣ, не считая участія нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ молодыхъ чинахъ, въ дѣлахъ съ горцами на Кавказѣ, что было тогда въ модѣ среди блестящей, Петербургской, военной молодежи.

души и отъ искренняго сердца благодарю васъ за ваше всегда спокойное, въ высшей степени разумное содѣйствіе. Отъ души желаю вамъ въ будущемъ широкаго поля дѣйствій. Гора съ горой не сходятся, а человѣкъ съ человѣкомъ сходятся; такъ и мы съ вами; можетъ быть когда-нибудь и сойдемся. *Дай Богъ, чтобы и тогда наша совмѣстная дѣятельность была бы также славна и плодотворна, какъ минувшая и да будетъ и тогда надъ нами та же, видимая во всемъ, помощь Господа Бога Нашего*“ [1]).

7) „19 декабря 1879 г. [2]). Давно-ли, а сколько воды утекло. Я же живу весь въ прошломъ, ибо впереди, для себя по крайней мѣрѣ, ничего не вижу и не желаю видѣть. Еще года нѣтъ, какъ я не у дѣлъ, но я чувствую, что я отсталъ; дѣйствительно, въ это время, мы куда-то ушли, впередъ или въ бокъ—не мнѣ объ этомъ судить. Живу въ полномъ разобщеніи со всѣмъ міромъ и никто не повѣритъ, если я скажу, что настоящее мое желаніе быть забытымъ всѣмъ міромъ, ибо я ни къ какой дѣятельности болѣе не гожусь. Я лишился вѣры въ самого себя. Вотъ, что значитъ сдѣлать въ жизни ошибку, сѣсть не въ свои сани; послѣ этого все кажется, что никакія сани не будутъ по мнѣ. Переживая Балканскую эпопею, я вижу въ ней, съ моей стороны, громадныя ошибки; онѣ-то, и въ моемъ ремеслѣ, отнимаютъ у меня вѣру въ мои военныя способности. Главный мой недостатокъ тотъ, что я не сумѣлъ вселить въ своихъ подчиненныхъ (за рѣдкими исключеніями) довѣрія въ мою счастливую звѣзду, послѣдствіемъ чего было то, что они нехотя исполняли мои приказанія, а частенько и вовсе ихъ не исполняли.

Вотъ отчего они меня такъ и поносятъ.

Живемъ мы тихо, мирно, безмятежно [3]). Одна моя забота—та, чтобы въ одинъ прекрасный день не лишили бы меня моего содержанія, сказавъ, что уже довольно я побилъ баклуши.

Какъ вы провели сегодняшній день? Обѣдали ли во дворцѣ? Судя по газетамъ, тамъ должна была быть тьма-тмущая. Будетъ

---

[1]) Предположеніе І. Вл. о совмѣстной службѣ съ Нагловскимъ оправдалось. Когда г. Гурко получилъ въ командованіе войска Одесскаго воен. окр., Нагловскій былъ назначенъ туда же нач. штаба округа, а затѣмъ занялъ тотъ же постъ въ Варшавѣ, скоро послѣ того, какъ г. Гурко былъ назначенъ варш. генер.-губ. и команд. войсками. И г. Гурко и г. Нагловскій были очень вѣрующіе, религіозные люди. Пожеланія г. Гурко осуществились и въ другомъ; во время командованія имъ войсками въ Варшавѣ они достигли блестящаго состоянія. Содѣйствовалъ конечно и начальникъ штаба.

[2]) Годовщина перехода черезъ Балканы.

[3]) Понятно съ внѣшней только стороны; душевная же буря вылилась въ вышеприведенныхъ строкахъ. *П. П.*

у васъ свободный часокъ времени, черкните словечко. Вы въ числѣ тѣхъ немногихъ, коими я не желаю быть позабытымъ.

Всѣмъ хорошимъ людямъ, меня не поносящимъ,—мой поклонъ".

Выписка изъ письма отъ 7 декабря 1880 г. изъ С. Сахарова. „Прилагаю при семъ копію съ приказанія Каталею объ энергичномъ наступленіи. Какія мы тогда питали иллюзіи на счетъ дѣйствій кавалеріи; боялись даже, чтобы она, бѣдненькая, зарвавшись, не понесла бы сильный уронъ; а она-то, голубушка, шлепала въ хвостѣ пѣхоты. *Срамъ*" [1]).

Письмо безъ числа, но очевидно весна 1881 г.

„... Можете меня поздравить. Je suis un général à la demi-solde. Военное министерство, при поступленіи моемъ вновь на дѣйствительную службу [2]), убавило мнѣ мое содержаніе ровно на половину. Сознаюсь, я этимъ поступкомъ военнаго министра былъ и есмь глубоко возмущенъ. Я полагалъ, что у военнаго министра Россіи рука не поднимется на отнятіе у генерала Гурко половины его содержанія, взятаго имъ, можно сказать, съ боя.

Вчера утромъ я былъ у Ванновскаго [3]) и подъ первымъ впечатлѣніемъ, которое всегда бываетъ хорошее и честное, сказалъ ему, что я ухожу и ухожу совершенно. Но семейныя обстоятельства заставили меня, хотя бы и оплеваннаго, остаться на мѣстѣ. Вотъ какой я гаденькій человѣкъ".

Въ числѣ разныхъ другихъ документовъ, относящихся къ тому времени и у меня сохраняющихся, относится одно письмо генерала Нагловскаго къ г. Гурко, изъ котораго привожу выдержку.

„17 марта 1879 г. Одесса. (Въ Сахарово).

„Моя статья [4]) все еще не готова къ печати; причиною такого замедленія то, что я, до сихъ поръ, не получилъ нужныхъ мнѣ документовъ, а тѣ, которые у меня находятся въ настоящее время—недостаточны. Впрочемъ, я очень радъ этому замедленію, потому что теперь, кромѣ нашихъ документовъ, я имѣю въ своемъ распоряженіи процессъ Сулеймана, который чрезвычайно цѣненъ и бросаетъ свѣтъ на многія наши операціи. Прочитавши этотъ процессъ съ большимъ вниманіемъ, я пришелъ въ полный восторгъ. Хотя мнѣ, какъ бывшему Вашему начальнику штаба, и не подобаетъ

---

[1]) Подчеркнуто Іос. Владиміровичемъ.

[2]) Послѣ продолжительнаго отпуска.

[3]) Г. Ванновскій былъ назначенъ управляющимъ военнымъ министерствомъ весной 1881 г.

[4]) О первомъ Забалканскомъ походѣ.

пѣть хвалебные гимны нашему походу, но тѣмъ не менѣе, прочитавъ этотъ процессъ, я не могу не сказать, что весь этотъ походъ (первый забалканскій) есть chef d'oeuvre военнаго искусства. Какіе бы поразительные результаты были бы имъ достигнуты, если бы Плевна пала 18 или 19 іюля, какъ мы разсчитывали въ Казанлыкѣ; а что бы тогда заговорили наши теперешніе враги и клеветники!"

Какъ извѣстно, неудача отряда генерала Шильдеръ-Шульднера у Плевны 8-го іюля (1-я Плевна) повліяла на дѣйствія передового отряда г. Гурко, пріостановивъ наступательныя операціи и заставивъ остановиться съ пѣхотою отряда у Казанлыка, въ ожиданіи событій подъ Плевной, на удачный исходъ которыхъ тогда всѣ разсчитывали. 18-е же іюля, т. е., вторая Плевна явилась полной катастрофой, перевернувшей все.

Посвятивъ эту статью воспоминаніямъ о выдающемся военноначальникѣ генералѣ Гурко и его начальникѣ штаба Нагловскомъ, прибавлю о послѣднемъ еще нѣсколько словъ. По свидѣтельству всѣхъ участниковъ зимняго перехода черезъ Балканы и движенія къ Константинополю, въ Западномъ отрядѣ арміи явилось рѣдкое на войнѣ, не внѣшнее только, но и духовное сочетаніе предводителя и его начальника штаба; второй составлялъ дополненіе первому, и я думаю, трудно было бы провести грань, гдѣ кончался одинъ и начинался другой, до такой степени велики были ихъ единомысліе и близость.

Всѣ знавшіе Д. С. Нагловскаго пѣли хоромъ, что онъ былъ непомѣрно лѣнивъ. Дѣйствительно, Нагловскій бывалъ лѣнивъ и даже очень; но эта лѣность проявлялась не всегда и не ко всему. Лѣнивъ былъ Нагловскій на то, что ему не нравилось; несмотря на лѣность, онъ блистательно кончилъ курсъ Казанскаго университета по математическому факультету, артиллерійскую академію и академію генеральнаго штаба, обѣ по 1-му разряду. Такимъ образомъ, при работѣ, его интересовавшей, или когда того требовала обстановка (напр. въ 1-мъ и 2-мъ Забалканскихъ походахъ), лѣнь не только исчезала, но онъ, какъ говорится, совсѣмъ зарывался въ работу. У меня сохранилась записная книжка Нагловскаго 1881 года. Приведу изъ нея выдержки, которыя покажутъ, какъ проводилъ время этотъ лѣнивый офицеръ генеральнаго штаба.

1 января. Четвергъ. Цѣлый день сидѣлъ дома. Занимался писаніемъ инструкціи для главнаго комитета по устройству и образо-

ванію войскъ [1]). Были у меня Бендеревъ (Болг. оф.) [2]), И. В. Кохановъ и Пузыревскій [3]). Съ Пузыревскимъ велъ споръ о переходѣ черезъ Балканы. Онъ согласился, что въ его сочиненіи не слѣдовало бы говорить, что если бы колонна Дандевиля пошла не на Бабу-Гору, а на Златицу, то она избѣжала бы катастрофы. Главная тема спора была все о колоннѣ Дандевиля. Пузыревскій доказывалъ, что было бы лучше, если бы ее направили на Златицу, а я утверждалъ, что лучше на Бабу-Гору. Хотя я его и не убѣдилъ окончательно, но кажется поколебалъ въ его мнѣніи. Около 9 ч. вечера прогулялся 20 мин. Потомъ опять сидѣлъ дома и занимался до 2 ч. по полуночи.

2-е. Пятница, У меня былъ Сахаровъ [4]); вели споръ тактическій: о томъ какъ слѣдуетъ употреблять артиллерію при наступленіи и при оборонѣ. Вечеромъ поѣхалъ къ Штубендорфу, игралъ въ винтъ съ Гавриловымъ, Смагинымъ и Коверскимъ [5]). Назначилъ во время игры въ винтъ четыре черви и взялъ только 2 взятки, т. е. остался безъ 8. Замѣчательно! Первый разъ вышелъ подобный случай [6]).

3-е. Суббота. Завтракалъ у Мосолова, а утромъ былъ у Черткова. И тотъ и другой очень хвалили мою брошюру о подчиненіи артиллеріи начальникамъ дивизій [7]). — Вечеръ провелъ у Тертія Ивановича Филиппова.

4-е. Воскресенье. Утромъ былъ у меня Чичаговъ [8]), адъютантъ Баранцова [9]), пріѣзжавшій по порученію Баранцова. Онъ мнѣ привезъ письмо Баранцова, въ которомъ онъ восторженно отзывается о моей брошюрѣ. Затѣмъ возвращаясь отъ Мартюшева [10]), встрѣтилъ

---

[1]) Предсѣдателемъ коего былъ тогда генералъ-адъютантъ Григорій Ивановичъ Чертковъ.

[2]) Мой бывшій адъютантъ въ бытность мою Болгарскимъ Военнымъ Министромъ.

[3]) Александръ Казиміровичъ, послѣ смерти Нагловскаго назначенный начальникомъ штаба Варш. воен. окр.

[4]) Викторъ Викторовичъ, участникъ 1-го Забалканскаго похода. Впослѣдствіи Военный Министръ.

[5]) Штубендорфъ, Гавриловъ и Коверскій генералы генеральнаго штаба, Смагинъ — артиллерійскій.

[6]) Для меня, неумѣющаго играть въ карты, это непонятно; но вѣроятно это „замѣчательно". *П. П.*

[7]) Генералъ Мосоловъ, бывшій начальникъ штаба 6-го корпуса. Чертковъ, Григорій Ивановичъ, Предсѣдатель главнаго комитета по образованію войскъ.

[8]) Нынѣ епископъ Серафимъ.

[9]) Бывшій тогда товарищемъ генералъ-фельдцейхмейстера.

[10]) Артиллерійскій генералъ, извѣстный своимъ дальномѣромъ.

Костандулаки [1]), который остановился, вышелъ изъ экипажа и расхваливалъ, въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ, мою брошюру. Баранцовъ беретъ 500 экземпл. моей брошюры.

5-е. Понедѣльникъ. Былъ утромъ у Баранцова, чтобы выразить ему благодарность за его письмо. Сегодня опубликована депеша Скобелева о дѣлахъ 28 и 29 декабря. Я не вполнѣ вѣрю, или, лучше сказать, вполнѣ не вѣрю депешѣ и думаю, что потери понесены не во время вылазки текинцевъ, а во время штурма Геокъ-Тепе, который не удался. Вообще думаю, что въ этихъ дѣлахъ мы потерпѣли довольно чувствительную неудачу.

Вечеръ провелъ дома и занимался.

6-е. Вторникъ. Весь вечеръ занимался до 12 ч. ночи.

7-е. Среда. Утромъ былъ въ засѣданіи генерала Черткова; засѣданіе почти что не состоялось за неприбытіемъ многихъ членовъ. Послѣ обѣда занимался, но около 10 ч. пріѣхалъ Клейгельсъ [2]) и просидѣлъ до $1^1/_2$ по полуночи. Получено свѣдѣніе о новомъ нападеніи текинцевъ на Скобелева и взятіи ими еще одного орудія. Думаю, что Скобелевъ напрасно подошелъ такъ близко къ крѣпости: этимъ онъ парализовалъ дѣйствіе своего огня, въ чемъ главная его сила, и облегчилъ нападенія текинцевъ въ рукопашную, въ чемъ главная сила текинцевъ.

8-е. Четвергъ. Утромъ занимался. За брошюру получилъ 200 р.

9-е. Пятница. Около 2-хъ ч. пріѣхалъ ко мнѣ Водаръ [3]). Онъ только-что пріѣхалъ изъ Варшавы. Онъ очень обрадовалъ меня своимъ пріѣздомъ. Послѣ обѣда былъ у Фрезе [4]). Онъ сообщилъ мнѣ, что кн. Имеретинскій уходитъ съ должности нач. шт. округа . .

. . . . ;

но все-таки надо знать мотивы его удаленія [5]).

---

[1]) Очень извѣстный въ свое время, конно-артиллерійскій генералъ.

[2]) Одинъ изъ выдающихся ординарцевъ г. Гурко во время зимняго похода за Балканы. Впослѣдствіи петербургскій градоначальникъ.

[3]) Александръ Карловичъ, генералъ генеральнаго штаба.

[4]) Командовалъ въ то время Л.-Гв. Егерскимъ полкомъ.

[5]) Кн. Имеретинскій наслѣдовалъ должность начальника штаба Петербургскаго округа послѣ гр. Павла Андреевича Шувалова. Когда главнокомандующимъ войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа былъ назначенъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, то Его Высочество неоднократно выражалъ Военному Министру Гр. Милютину желаніе имѣть начальникомъ штаба генерала Розенбаха, и наконецъ, когда однажды, Великій Князь, довольно настойчиво, сказалъ гр. Милютину: „когда же вы мнѣ дадите Розенбаха", Военный Министръ пригласилъ къ себѣ Кн. Имеретинскаго и передалъ ему этотъ разговоръ. Князь въ тотъ же день подалъ рапортъ объ отчисленіи отъ должности.

11-е. Воскресенье. Былъ у обѣдни въ Исакіевскомъ соборѣ. Обѣдали у Бореля, гдѣ офицеры генеральнаго штаба давали обѣдъ Пржевальскому. Вечеромъ дома занимался до 5 ч. утра.

12-е. Понедѣльникъ. Утромъ занимался дома. Вечеръ провелъ у M-me Галлеръ. Вернулся въ 12½ ч. ночи. Занимался до 3 ч. утра.

13-е. Вторникъ. Утромъ занимался частію инструкціею, частію отвѣтомъ на недостойную статью З. — Вечеромъ занимался до 5 ч. утра.

14-е. Среда. Утромъ занимался. Вечеръ провелъ у Мартюшева. Получена телеграмма о взятіи Геокъ-Тепе.

15-е. Четвергъ. Утромъ очень интересная комиссія у Черткова по поводу вопросовъ, касающихся до инструкціи. Былъ выходъ по поводу Геокъ-Тепинской побѣды. Скобелевъ произведенъ въ полные генералы и получилъ Георгія 2-й степени. Въ 7¼ выѣзжаю къ Гурко (въ Сахарово), гдѣ надѣюсь встрѣтить Е. А.

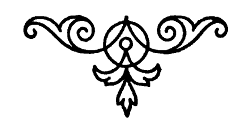
На этомъ мѣстѣ дневникъ обрывается. Нагловскій поѣхалъ въ Сахарово, гдѣ его ожидала Екатерина Александровна Комарова, сдѣлавшаяся, въ это ихъ свиданье, невѣстой Нагловскаго, а потомъ и его женой. Когда Дмитрій Станиславовичъ вернулся въ Петербургъ, то онъ, войдя къ намъ, сказалъ моей женѣ: „поздравьте меня, и я взялъ Геокъ-Тепе. Женюсь“.

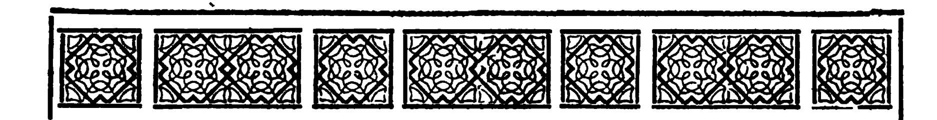
Къ чему же привелъ я эти выписки изъ дневника Дмитрія Станиславовича? Что мы, въ этихъ отрывкахъ, видимъ? Утромъ „велъ споръ (стратегическій) съ Пузыревскимъ о направленіи Колонны Дандевиля...“ „Съ Сахаровымъ—тактическій, объ употребленіи артиллеріи...“ „Вечеромъ занимался до — часовъ ночи“.— Этимъ испещренъ весь дневникъ. И это все при невѣроятной, какъ говорили тогда: „провербіальной“—лѣности.

Невольно вспоминаю слѣдующій разсказъ. Во время войны Сѣверо-американскихъ штатовъ съ Южными, сѣверяне, въ началѣ, были постоянно биты южанами, пока во главѣ сѣверной арміи не сталъ генералъ Грантъ, который началъ бить южанъ. Въ это время къ президенту Линкольну явилась депутація квакеровъ и трезвенниковъ съ просьбой смѣнить Гранта, такъ какъ онъ, будто бы, злоупотребляетъ спиртными напитками. Линкольнъ очень любезно

принялъ депутацію, отнесся сочувственно къ ихъ нравственному побужденію и вмѣстѣ съ тѣмъ спросилъ, не могутъ ли указать ему адресъ той фирмы, гдѣ Грантъ покупаетъ свою водку, и пояснилъ удивленнымъ просителямъ, что онъ тотчасъ же закупитъ большой запасъ этой водки и пошлетъ въ армію всѣмъ генераламъ, чтобы они пили ее какъ Грантъ, но и побѣждали, какъ онъ.—Примѣняя это къ дневнику Нагловскаго — и его „провербіальной“ лѣности, думаю про себя: хорошо было бы, кабы всѣ наши офицеры генеральнаго штаба также лѣнились, но также и „занимались...“, какъ Нагловскій...

П. Паренсовъ.

Н. Д. Бутовскій.

(къ портрету).

Николай Дмитріевичъ Бутовскій, нашъ извѣстный военный писатель нынѣ генералъ-лейтенантъ и начальникъ 7-ой Вост. Сибирской дивизіи, происходитъ изъ дворянъ Полтавской губерніи. Воспитывался въ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Павловскомъ военномъ училищѣ, откуда вышелъ въ 1869 году съ прикомандированіемъ къ л.-г. Павловскому полку. Затѣмъ послѣдовательно командовалъ учебнымъ унт.-офицерскимъ баталіономъ, 116-мъ Малоярославскимъ полкомъ, 2-й бригадой 29 пѣх. дивизіи, 2-й Туркестанской резервной бригадой, откуда былъ назначенъ на нынѣ занимаемую должность. Въ кампанію 1876—78 г.г. Н. Д. отправился охотникомъ въ дѣйствующую кавказскую армію, а послѣ мобилизаціи гвардіи участвовалъ съ л.-г. Павловскомъ полкомъ въ дѣлахъ противъ непріятеля въ европейской Турціи. Съ обоихъ театровъ войны Н. Д. прислалъ въ извѣстную въ свое время газету Краевскаго „Голосъ“ много интереснѣйшихъ бытовыхъ очерковъ, которые, къ сожалѣнію, теперь можно прочесть только въ Императорской публичной библіотекѣ.

Имя Н. Д. Бутовскаго весьма извѣстно въ военной литературѣ не только у насъ, но и за границей, гдѣ его сочиненія почти всѣ переведены на иностранные языки и особенно цѣнятся въ Германіи. Типы военныхъ начальниковъ (книжки: „Командиры“, „Очерки офицерскаго быта“, „Статьи на современныя темы“ и прочія); внутренняя жизнь офицерскихъ обществъ („Промахи молодого офицера“, „Прежняя служба и настоящая“ и др.); характеристики начальствующихъ и простыхъ нижнихъ чиновъ, нарисованныя яркими красками (книги: „Наши солдаты“ и прочія), представляютъ богатый вкладъ въ военную литературу.

Будучи по призванію педагогомъ, Н. Д. глубоко вникалъ въ психологію военнаго міра, изслѣдуя пути для достиженія истиннаго начальническаго авторитета и той высшей, незыблемой дисциплины,

которая покоится не на репрессіяхъ, а на воздѣйствіи на нравственныя свойства человѣка. Онъ горячо боролся противъ принудительной системы занятій, доказывая, что успѣхъ въ изученіи военнаго дѣла зависитъ отъ внушенія охоты къ нему воспитательными пріемами. Онъ высмѣивалъ навязываніе человѣку военной нравственности посредствомъ принудительнаго заучиванія нравственныхъ понятій и примѣровъ и чтобы убѣдить въ этомъ своихъ оппонентовъ предлагалъ имъ демонстрировать арестантовъ, которые отлично знаютъ такъ называемую „военно-нравственную словесность", но никогда ее не исполняютъ.

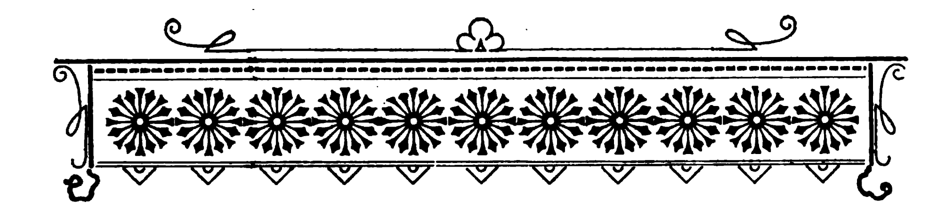
На порочныхъ офицеровъ и солдатъ Н. Д. всегда смотрѣлъ, какъ на интереснѣйшій матеріалъ для педагогической обработки, и многихъ изъ нихъ, какъ говорится, поставилъ на рельсы исключительно внушеніемъ уваженія къ себѣ, какъ къ начальнику.

Однажды Н. Д. представили солдата, котораго опасались держать въ ротѣ вслѣдствіе его разбойничьихъ наклонностей.—„А вотъ мы посмотримъ",—отвѣчалъ Н. Д.,—„зачислите-ка его ко мнѣ въ денщики". Черезъ нѣкоторое время этотъ солдатъ беззавѣтно привязался къ генералу, нѣжно полюбилъ его дѣтей и плакалъ, уходя на родину.—„Никого-то у меня нѣтъ на свѣтѣ окромя васъ",—писалъ съ родины генералу бывшій денщикъ—„когда вспомню, какъ вы меня, болѣзнаго, пожалѣли и въ госпиталѣ сидѣли у меня на кровати, когда я въ тифѣ лежалъ, такъ слезы и льются... И по сейчасъ вы мнѣ во снѣ видитесь"... и т. д. Въ послѣднее время Н. Д. былъ занятъ изученіемъ психологіи „солдатскихъ бунтовъ"; двѣ замѣтки, написанныя имъ по этому поводу въ книгѣ: „Статьи на современныя темы", представляютъ въ образномъ видѣ всю сущность этихъ явленій и могутъ служить руководствомъ для теряющихся начальниковъ.

Въ настоящее время Н. Д., полный силъ и энергіи, весь поглощенъ устройствомъ своей недавно сформированной дивизіи.

В. П.

Отрывки изъ моихъ воспоминаній.

Педагогическіе курьезы [1]).

Это было въ 70-хъ годахъ, когда вмѣсто муштровки, которую мастерски велъ старый фельдфебель Егорычъ, начальство стало вводить какое-то невѣдомое *развитіе*.

— Что такое ось канала?—спрашиваетъ солдата офицеръ.

Солдатъ переминается на ногахъ около вставленнаго въ станокъ ружья, заглядываетъ въ стволъ, потѣетъ, вздыхаетъ и фыркаетъ носомъ.

— Ну?—торопитъ офицеръ.

— Такъ что, ваше в—е,—„ихъ" сейчасъ здѣсь нѣту...

— Кого—„ихъ"?

— Оси, ваше в—е,—давеча взводный вынули...

Изъ вѣжливости къ офицеру онъ называетъ ось „они".

Дѣло идетъ о математической линіи, которая на учебныхъ занятіяхъ обозначается ниткой. Разъ нитку вынули, то для солдата никакой оси канала уже не существуетъ.

Только въ 80-хъ годахъ догадались, что такимъ вздоромъ утруждать мозги солдата не слѣдуетъ, что заученные отвѣты по теоріи стрѣльбы нисколько не помогаютъ искусству.

То ли дѣло прежде: придетъ, бывало, фельдфебель съ докладомъ.

— Ну, что, Егорычъ, все у насъ благополучно?—спрашиваетъ ротный командиръ.

— Такъ точно, ваше в—е,—уже начали къ смотру репетиться.

— Смотри же, чтобы все было хорошо.

— Не извольте безпокоиться, ваше в—е, теперь мы уже знаемъ чего „они" (начальникъ дивизіи) любятъ: для равненія у меня ве-

---

[1]) Нѣкоторыя изъ приведенныхъ сценъ вошли въ мои замѣтки о воспитаніи и образованіи войскъ, разбросанныя по разнымъ изданіямъ. Примѣры взяты изъ многихъ частей войскъ.

ревочка заготовлена и колышки будутъ у взводныхъ въ карманахъ.. И опять же „они“ любятъ, чтобы въ строю не дышали, такъ я и дыханіе подрепетилъ...

— Хорошо, спасибо.

— Еще осмѣлюсь доложить вашему в—ю, что у насъ все въ порядкѣ: на солдатѣ состоятъ такія-то вещи, а такихъ, то нѣтъ, исключены (вынимаетъ изъ кармана приказъ объ исключеніи)... На прошломъ смотру „они“ (нач. дивизіи) изволили приказать петельки на галстукахъ обшивать суконцемъ,—обшито...

— Хорошо, отвѣчаете вы добродушно, но Егорычу этотъ отвѣтъ не нравится.

— Такъ что, ваше в—е,—чтобы не забыть, извольте записать: еще много осмѣлюсь докладывать. И начинаетъ учить васъ Егорычъ, какъ нужно отвѣчать начальнику дивизіи на такіе-то вопросы, которыхъ онъ въ прошломъ году не предлагалъ, но можетъ предложить, потому что это было въ другихъ полкахъ, откуда Егорычъ собираетъ свѣдѣнія; и еще у Егорыча такая „думка“, что можетъ начальникъ спросить: кто такіе въ ротѣ портные, а потому:

— Не угодно ли будетъ вашему в—ю прежде выучить ихъ списочекъ, а потомъ и ихъ самыхъ посмотрѣть въ ротѣ (самъ командиръ временами забывалъ, что у него въ ротѣ есть портные).

— Да, да, непремѣнно.

— Еще осмѣлюсь доложить, что въ прошломъ году „они“ изволили замѣтить, что ваше в—е неправильно шашку держали, когда подходили съ рапортомъ.

— Ахъ, да! хорошо, что ты напомнилъ.

— Радъ стараться, ваше в—е!.. И опять же они изволили замѣтить, что ваше в—е торопились на смотру командовать ружейные пріемы,—давеча у людей горячка вышла...

— Да, да, я помню... Надо будетъ побольше выдержку.

— Осмѣлюсь просить, ваше в—е,—не зайдете ли въ роту разика два прокомандовать, а то люди къ вашему голосу не привыкши.

— Хорошо, я зайду. Претензій нѣтъ?

— Помилуйте, ваше в—е,—какія претензіи? У насъ не такая рота...

— Но тамъ что-то, кажется, не роздано?

— Не извольте безпокоиться,—опосля можно раздать; а какъ на смотру отвѣчать—я уже подрепетилъ: всѣ отвѣтятъ, что получили.

Затѣмъ фельдфебель отправлялся въ роту и дѣлалъ послѣднія передъ смотромъ распоряженія. Составлялся такой разсчетъ, чтобы никто изъ слабыхъ по фронту не попалъ на смотръ; ихъ посылали

въ лазаретъ съ приказаніемъ жаловаться на животъ, а твердые люди извлекались изъ лазарета.

— Ну, Егорычъ,—а какже на счетъ вещей? Начальникъ дивизіи любитъ, чтобы собственности у солдата было побольше, а у нашихъ, кажется, маловато?—безпокоится ротный командиръ.

— Такъ что, ваше в—е, не извольте безпокоиться, — вещи будутъ.

— Но у насъ есть бѣдные люди,—не прикупить ли имъ бѣлья?— У нѣкоторыхъ нѣтъ денегъ.

— Такъ что, ваше в—е, все будетъ съ избыткомъ: у насъ не такая рота...

И дѣйствительно всего оказалось въ изобиліи: на кроватяхъ лежали въ красиво собранныхъ ворохахъ не только необходимыя въ солдатскомъ быту вещи, какъ, напримѣръ, бѣлье, лишняя пара сапогъ, ножикъ, нитки, щетки, принадлежности для чаепитія и т. д., но и такія вещи, какъ масленка съ масломъ, колбаса, гитара, гармоника и прочее. Все это было декорировано бѣлыми полотенцами и увѣнчано кошелькомъ съ деньгами, который начальникъ дивизіи всегда съ особеннымъ удовольствіемъ раскрывалъ и разсматривалъ.

Все это достигалось такимъ образомъ: за недѣлю до смотра фельдфебель категорически объявлялъ:—„слышь, молодцы, чтобы у меня бѣдности не было! Каждый ступай къ земляку и тащи что можешь“.

Независимо отъ этого Егорычъ заводилъ знакомство съ фельдфебелями полковъ, и оттуда наканунѣ смотра цѣлыми кулями перетаскивались собственныя солдатскія вещи, даже безцеремонно перевозились на ротной телѣгѣ. Видя такое солдатское богатство, начальникъ дивизіи приходилъ въ умиленіе и все это приписывалъ заботливости начальства о нуждахъ солдата.

Одинъ только случай чуть не сгубилъ всего дѣла. Подойдя къ одному еще непросвѣщенному солдату, начальникъ дивизіи спросилъ:

— Что это у тебя, голубчикъ,—скрипка?

— Такъ точно, ваше пр—во!

— Ты играешь на ней?

— Никакъ нѣтъ, ваше пр—во!

— Зачѣмъ же ты ее купилъ?

— Такъ что, ваше превосходительство...—замялся солдатъ. Онъ хотѣлъ уже откровенно объяснить, что скрипка принадлежитъ земляку и взята только на сегодняшній день; но въ это время, послышался характерный кашель фельдфебеля, хорошо извѣстный ротѣ, какъ призывъ ко вниманію;—и блуждающіе глаза солдата увидѣли

высунутый изъ-за полы кулакъ. Солдатъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и объяснилъ начальнику, что спринцовка куплена имъ „такъ"...

— Какъ это „такъ"? Вѣроятно, ты будешь учиться?

— Такъ точно, ваша пр—во!!—весело крикнулъ солдатъ, обрадовавшись такому благополучному исходу.

Онъ былъ весь мокрый отъ волненія, и послѣ отхода начальника дивизіи облегчилъ свою душу вздохомъ и неистово высморкался.

Да, были въ свое время Егорычи. Они и поворовывали и поколачивали солдата, но умѣли его и пожалѣть, и вообще сродни ему приходились; а въ той наукѣ, которая тогда требовалась, были настоящими мастерами. Куда далеко было офицеру до ихъ мастерства. Бывало, неопытный ротный командиръ, получивъ выговоръ на смотру за то, что при маршировкѣ съ ружьемъ „на плечѣ" неправильно машутъ правой рукой, самъ порывался обучить роту.— „Помни, братцы, читалъ онъ людямъ уставное правило: рука, слегка сгибаемая въ локтѣ, свободно посылается отъ плеча и доносится до затылка приклада... Поняли?"

— Такъ точно, ваше в—е!

— Ну, смотри же,—кто ошибется—накажу.

Начинается маршировка и ничего не выходитъ,—кто не донесъ до приклада, кто перенесъ.

— Слушай, еще разъ объясню: рука, слегка сгибаемая въ локтѣ, свободно посылается... и т. д.

Опять путаница.

— Ваше в—е,—слышится успокоивающій голосъ Егорыча. — Не извольте безпокоиться,—дозвольте, я сейчасъ обучу.

Вы оборачиваетесь и чувствуете, что передъ вами стоитъ тотъ самый радѣтель не только служебныхъ, но и вашихъ частныхъ интересовъ, который приходитъ обучать „шустрости" вашего денщика, не снимаетъ ранца на бивакѣ, пока не разставятъ вашу палатку; бываетъ грустенъ, когда вы бываете больны, и даже самъ предлагаетъ услуги натирать васъ спиртомъ, прогоняя неловкаго денщика; онъ же самъ лично приноситъ сѣнца въ вашу палатку, если она разставлена на сыромъ мѣстѣ и, показывая денщику кулакъ, освобождаетъ изъ лужи вашъ чемоданъ. Онъ же васъ останавливаетъ, если вы намѣреваетесь идти ночью по болоту провѣрять посты, боясь, чтобы вы не промочили ногъ и не простудились; онъ проситъ, чтобы вы его послали вмѣсто себя, и если вы не соглашаетесь, то провожаетъ васъ, какъ малолѣтняго, помогая переступать съ кочки на кочку и ворча себѣ подъ носъ: „Господи! и куда они пошли?.." Приходя съ вечернимъ рапортомъ въ вашу

палатку, онъ окутываетъ одѣяломъ ваши ноги, ворча на неисправнаго денщика, и, вѣроятно, мысленно васъ креститъ... Словомъ, этотъ человѣкъ любитъ васъ горячо и искренно и—что самое замѣчательное — самъ не зная, за что, — просто потому, что вы „его баринъ".

Вы охотно принимаете его услугу относительно переучиваемаго ружейнаго пріема и передаете ему уставную книжечку; но онъ, какъ педагогъ-самородокъ, отлично понимаетъ, что тутъ словами ничего не сдѣлаешь, а потому прячетъ книжку въ карманъ и сразу приступаетъ къ практикѣ. Онъ встряхнулъ головой, ухарски расправилъ плечи и неизвѣстно зачѣмъ поплевалъ въ руки и потеръ ихъ одну о другую. Рѣшительный взглядъ этого человѣка и смѣлая поступь выражали умѣніе, соединенное съ непреклонной волей начальника. Рота, до сихъ поръ скучавшая подъ вліяніемъ вашего неосновательнаго выговора и монотоннаго чтенія о „слегка сгибаемой въ локтѣ и посылаемой отъ плеча рукѣ", весело насторожила уши, почуявъ передъ собой мастера.

— Слышь, молодцы! какой это палецъ?—показалъ Егорычъ на кулакѣ.

— „Казательный", Иванъ Егорычъ!—отвѣчали люди.

— А это какой суставъ?

— Второй.

— Тэкъ-съ... Теперь каждый подыми руку и укуси это само мѣсто.

Люди коснулись зубами второго сустава указательнаго пальца, нисколько этому не удивляясь. Всѣ хорошо знали, что Егорычъ зря ничего не дѣлаетъ

— Больнѣй!—энергично скомандовалъ фельдфебель и самъ показалъ, какъ надо кусать.

Люди опять укусили, но не всѣ, какъ показалось Егорычу, съ должнымъ усердіемъ.

— Вы что тамъ—въ задней шеренгѣ? дожидаетесь, чтобы васъ попросили? Ладно, попросимъ. Обойди ихъ, взводные,—посмотри, у всѣхъ ли укушено!

Взводные обошли людей и у кого не нашли красноты на пальцѣ, тому сдѣлали ее въ другомъ мѣстѣ.

— Теперь слушай, молодцы! это самое мѣсто, что болитъ, доноси на маршировкѣ до затылка приклада,—поняли?

— Такъ точно, Иванъ Егорычъ!

Маршировка сразу пошла какъ нельзя лучше.

За что же солдаты любили Егорыча, который и затрещины раздавалъ и поворовывалъ? А за то, что онъ умѣлъ пожалѣть солдата,

да такъ пожалѣть, какъ, можетъ быть, и не снилось нынѣшнимъ иногда самымъ корректнымъ и самымъ просвѣщеннымъ командирамъ. Есть командиры, по виду очень дѣльные, которые совершенно серьезно воображаютъ, что достаточно накормить солдата, обставить его трудъ законными требованіями, налагать на него только законныя взысканія и т. д., чтобы этотъ человѣкъ тотчасъ же сталъ васъ обожать. Дѣйствительно, — сразу кажется, что всѣ симпатіи солдата, избавленнаго отъ разныхъ обидъ со стороны руководителей старой школы, тотчасъ же должны обратиться къ офицеру, который заступился за его права; но такое заключеніе не всегда вѣрно: во-первыхъ — вы можете все это продѣлывать, нисколько не любя солдата, а любя только собственную служебную репутацію, и этой нелюбви вы никогда не скроете: каждое ваше дѣйствіе, каждый вашъ жестъ и даже взглядъ будутъ показывать солдату, что вы ему совершено чужой человѣкъ; во-вторыхъ—есть высшія, общечеловѣческія обиды, которыхъ не въ состояніи предусмотрѣть никакая инструкція и которыя угнетаютъ солдата гораздо больше, чѣмъ урѣзываніе порцій или какія-нибудь незаконныя требованія. Самый честный и просвѣщенный начальникъ, самъ того не замѣчая и даже считая себя благодѣтелемъ своихъ подчиненныхъ, непремѣнно будетъ наносить солдату такія обиды, если въ его дѣятельности мало участвуетъ сердце. Эти обиды заключаются главнымъ образомъ въ пренебреженіи къ подчиненному, какъ къ человѣку; въ оскорбительномъ тонѣ обращенія съ нимъ; въ равнодушіи къ его простымъ нуждамъ, не предусмотрѣннымъ инструкціей; въ брезгливомъ отношеніи къ его простому (по - вашему — грубому) нраву, обычаямъ и національнымъ привычкамъ... Что говорить — скверныя вещи рукоприкладство и воровство, и ихъ надо искоренять безпощадно; но исторія показала, что они не разрушаютъ военную семью при наличности другихъ положительныхъ качествъ; а вотъ отношеніе къ человѣку, какъ къ номеру, подсѣкаетъ въ корнѣ преданность людей къ своему начальнику.

Егорычъ умретъ или падетъ въ бою—за него будутъ солдатики молиться Богу, а про васъ скажутъ:—„ну, что-жъ, убили,—другого назначатъ,—не бѣда".

Иногда холодомъ вѣетъ отъ отношеній къ солдатамъ самаго строгаго законника.—„Какой мундиръ выдали умершему солдату для похоронъ?" спрашиваете вы фельдфебеля. — „Второй срокъ".— „Сколько я разъ говорилъ, что, по положенію, слѣдуетъ выдавать третій! взыскать съ каптенармуса". Все это въ высшей степени законно, согласно съ приказами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко неприлично. Люди никогда не простятъ вамъ такого холоднаго отно-

шенія къ войсковой семьѣ, и тотъ самый солдатъ, который покрывалъ продѣлки Егорыча, съ наслажденіемъ выдастъ васъ съ головой.

Такое ли впечатлѣніе производитъ смерть солдата на старика Егорыча? Вы видите прекрасныя, исполненныя религіозной поэзіи, морщины печали на его лбу и какое-то особенное недоумѣніе, которое всегда замѣчается въ семьѣ, пораженной печальнымъ событіемъ.

Получивъ извѣстіе о смерти солдата, Егорычъ осѣняетъ себя широкимъ русскимъ крестомъ и, въ знакъ уваженія къ покойнику, прерываетъ на время занятія. Дѣлая нарядъ на похороны, онъ распоряжается какъ родной, и въ ласково-смиренномъ тонѣ его голоса вы узнаёте тотъ самый тонъ, которымъ родители отпѣваемаго покойника разговариваютъ съ церковнымъ причтомъ.—„Тамъ же свѣчей возьмешь, говоритъ онъ каптенармусу,—да вотъ отдашь рубль священнику“ и т. д.

А вотъ и другой примѣръ. Солдатъ провинился, сдѣлалъ важный проступокъ; вы брезгливо его допрашиваете и отдаете холодное приказаніе объ арестѣ, а иногда на прощанье прибавляете еще жесткое слово: „ну, что-жъ,—арестантомъ будешь; самъ виноватъ,—туда тебѣ и дорога“. Ну, а Егорычъ, можетъ быть, и побьётъ въ сердцахъ провинившагося, но, провожая изъ роты подъ арестъ, непремѣнно смягчится; а когда солдатъ скажетъ: — „виноватъ, Иванъ Егорычъ“, онъ уже съ большимъ участіемъ отвѣчаетъ ему:— „Что-жъ подѣлаешь, — вижу, что виноватъ... нѣшто мнѣ самому не жалко?.. учишь, учишь васъ, дураковъ, - просто мочи моей нѣтъ съ вами“...

Но этимъ не кончалось. Егорычъ непремѣнно навѣщалъ арестованнаго и между ними происходилъ, примѣрно, такой разговоръ:

— Эхъ, братъ, Семеновъ,—жалко мнѣ тебя, и рота жалѣетъ, потому—какъ я вижу, ты все это съ дурости надѣлалъ...

— Такъ точно, Иванъ Егоровичъ, отвѣчаетъ арестованный, и глаза его блестятъ привязанностью.

— Ну, что жъ подѣлаешь,—виноватъ, такъ отсиживай, а вернешься въ роту, дастъ Богъ, заслужишь...

— Постараюсь, Иванъ Егоровичъ,—всѣми силами стараться буду.

Еще трогательнѣе было видѣть Егорыча подсѣвшимъ на кровать къ трудно больному солдату и развязывающимъ мѣшечекъ съ чаемъ и сахаромъ.

— Ну, смотри-жъ, молодецъ, поправляйся,—въ ротѣ не въ примѣръ веселѣй...

И вотъ теперь уже Егорычей нѣтъ; мѣсто ихъ не замѣщено, пусто... Есть фельдфебеля корректные, строго приверженные къ законности, но они только исполняютъ по инструкціи свои обязанности; ну, а старикъ Егорычъ кромѣ того еще и *любилъ*...

Но вотъ наступили 70-е годы. Въ воздухѣ чувствовалось обаяніе реформъ Императора Александра II. Онѣ коснулись и арміи. Всеобщая воинская повинность, сокращеніе срока службы, нарѣзное оружіе рѣзко измѣнили характеръ войсковой жизни и службы. Вмѣсто муштровки, однообразно длившейся цѣлыхъ 15 лѣтъ, которую всю цѣликомъ можно было свалить на плечи Егорычу, офицеру задали трудную и сложную задачу: извольте получить сырого человѣка и совершенно обработать его для войны въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Растерялся офицеръ-баринъ растерялся и старикъ Егорычъ, система котораго была разрушена. Уже звучало вѣщее слово М. И. Драгомирова, призывающее къ нагляднымъ методамъ обученія, приносящимъ экономію въ трудѣ и во времени; но методовъ этихъ сразу не поняли; а многіе не понимаютъ ихъ и до сихъ поръ. Было схвачено убѣжденіе, что современнаго солдата надо развивать, но системы развитія иногда создавались удивительныя, а кое-что изъ этихъ курьезовъ осталось и до сихъ поръ. Отъ мужика, взятаго отъ сохи, требовали красоты слога, задалбливанія отвѣтовъ по „вопроснику". Вмѣсто развитія ума требовали развитія памяти, а сердце оставалось нетронутой областью, и въ результатѣ получился солдатъ не связанный съ военнымъ строемъ ни мастерствомъ, котораго онъ не могъ полюбить, ни сердечной привязанностью къ военной семьѣ, которую такъ хорошо развивалъ старикъ Егорычъ. Явилось кромѣ того переутомленіе, ибо человѣку, взятому отъ сохи, гораздо легче выгрузить цѣлый транспортъ съ мукой, чѣмъ заучить на память страницу устава, написанную невѣдомымъ для него языкомъ. Кто повѣритъ, что система Цифиркина (въ „Недорослѣ") стояла выше нѣкоторыхъ требованій начальства въ 70-хъ годахъ; напримѣръ,—отъ солдата требовали, чтобы онъ опредѣлялъ ариѳметическія дѣйствія непремѣнно тѣми словами, которыя стояли въ какомъ-то идіотскомъ руководствѣ: *сложеніе есть дѣйствіе, посредствомъ котораго находятъ число, состоящее изъ стольких, сколько ихъ есть во всѣхъ слагаемыхъ числахъ*". Человѣка, выпалившаго такую фразу, конечно, задолбленную, считали развитымъ и умилялись его успѣхами, несмотря на то, что онъ ошибался въ сложеніи. Съ уставами было еще курьезнѣе. Вотъ картинка, записанная безъ всякихъ прикрасъ: когда дядька совершенно выбивался изъ

силъ, вдалбливая уставныя фразы чухонцу Куньѣ, онъ призывалъ къ себѣ на помощь русскаго новобранца Цыганова, котораго заставлялъ, въ свободное отъ занятій время, пробирать своего товарища Кунью. И вотъ вы входите въ роту и застаете Цыганова и Кунью у окна. Цыгановъ, человѣкъ добродушный, занимается ласково и терпѣливо. Онъ нѣжно обнялъ Кунью, деликатно наклоняя его голову поближе къ книжкѣ. Оба они при вашемъ появленіи вскакиваютъ. Цыгановъ улыбается отъ радости, что васъ увидѣлъ, и, глядя на него, Кунья тоже считаетъ нужнымъ оскалить свои зубы.

— Здравствуйте! что вы учите?

— „Начальство", ваше в—е (т. е. фамиліи начальствующихъ лицъ), — „знамя", „что есть солдатъ"... всякую *„словесность"*...— отвѣчаетъ Цыгановъ, привѣтливо фыркая носомъ.

— Ну, разскажи, обращаетесь вы къ Куньѣ, который, не дожидаясь вашего вопроса, уже что-то бормочетъ.

— Ээ... три собрашэныя, васе високоблагородіе...—говоритъ онъ, усиленно кивая головой на удареніяхъ.

— Что такое?

— Ээ... три собрашэныя...

— Это, ваше в—е, „они" про знамя хотятъ сказать, что тамъ есть три изображенія,—поясняетъ Цыгановъ, изъ вѣжливости къ вамъ, называя Кунью „они".

— Ну?

— Такъ что, ваше в—е, „они", надо быть, изъ нѣмцовъ будутъ, по-своему „они" здорово лопочутъ и книжку умѣютъ читать, а по-нашему все больше *изъ серединки* запоминаютъ, а *краюшки* опосля заучиваютъ.

— Ээ *ффера и отэциство* (вѣра и отечество),—продолжаетъ Кунья, припоминая дальнѣйшія слова, относящіяся къ понятію о знамени.

— Мы, ваше в—е, сейчасъ „начальствомъ" занимались, весело поясняетъ Цыгановъ:—окромя баталіоннаго всѣхъ выучили,—баталіоннаго нѣмцы не можутъ выговорить.

— А, ну, спроси.

— Кунья!—манерно обращается къ своему ученику Цыгановъ, подражая дергачу-дядькѣ.

— Здравія зилаю!!

— Не надо *здравія желаю*: это, когда здороваются; а ты скажи мнѣ, Кунья: кто у тебя полуротный?

— Патра... Патра...

— Зачимъ?.. зачимъ горячку пороть? Ты стой себѣ вольно,

какъ есть... одно слово—прохладно стой... „Они", ваше в—е, потѣютъ здорово.

— Патра... Патра...—продолжаетъ Кунья, раскачивая свою думательную машину.

— Да не надо такъ... ты, солдатинъ, не бойся (нѣжно гладитъ Кунью по головѣ)... ты спомяни портупею... знаешь портупею?

— Такъ тоцно!

— Ну, вотъ,—ты все и думай себѣ о портупеѣ: то будетъ портупея, а это поручикъ Патрикѣевъ,—понялъ, что ль?

— Такъ тоцно.

— Такъ, ваше в—е, „имъ" легче запоминать, потому—„они" нѣмцы... Ежели „имъ" теперича палецъ покажешь, то они и поручика Кольцына спомянутъ (командира 2-й полуроты).

— Патранъ... Патранъ...—продолжаетъ Кунья, роняя черезъ носъ на полъ скатывавшіяся со лба капли пота.

— Будетъ уже, будетъ,—нѣжно останавливаетъ его Цыгановъ.— Дозвольте, ваше в—е, „имъ" оправиться: „они" напужались здорово.

— Ну, а ты много выучилъ?—спрашиваете вы у Цыганова.

— Я уже половину дисциплины знаю,—хоть такъ, хоть по „вопроснику".

— А ну, скажи.

— Дисциплина состоитъ въ строгомъ и точномъ соблюденіи всѣхъ правилъ, предписанныхъ военными законами, поэтому она...

— Ну, дальше,—„обязываетъ"... Что-жь ты остановился?

— Никакъ нѣтъ, ваше в—е:—„обязываетъ" дядинька на завтра оставили, такъ и карандашемъ отгорожено... А только что я и это выучу,—мнѣ бы только съ Куньей управиться.

Конечно, такое состояніе школы васъ не удовлетворяетъ. Вы сами поглощены подготовкой къ инспекторскому смотру и потому мало принимаете участія въ занятіяхъ, а офицеръ, выпущенный изъ училища, ровно ничего не понимаетъ, ибо тамъ о педагогикѣ не даютъ ни малѣйшаго понятія. Вы неопредѣленно выражаете свое неудовольствіе, которое влечетъ за собою подтяжку по всѣмъ инстанціямъ: фельдфебель насѣдаетъ на дядьку, дядька на того же Цыганова (лѣниться, молъ!) а Цыгановъ уже не отпускаетъ отъ себя Кунью ни на шагъ. Лежа съ нимъ рядомъ, онъ жучитъ его иногда до поздней ночи.

— Кунья! что такое солдатъ?

— Сощитникъ отъ раговъ, нутреныхъ и нэшныхъ...

Рядомъ съ словесными упражненіями шла муштровка. Натасканные дядьки, вмѣсто простого показа, практиковавшагося Егорычемъ, выкладывали передъ новобранцемъ цѣлую страницу устава и требовали, чтобы онъ тотчасъ же исполнялъ все разсказанное.

Это называлось преподаваніемъ.

— Слушай! начинаетъ дядька Терентьевъ, — я буду тебѣ объяснять стойку:—солдатъ въ строю долженъ стоять прямо, но безъ натяжки, имѣя каблуки вмѣстѣ и на одной линіи; носки должны быть развернуты; колѣни вытянуты, но не натянуты и т. д. Слышалъ, что-ль?

— Такъ точно, дяденька.

— Ну, становись же! Что-жь я тебя просить буду?

Новобранецъ переминается на ногахъ, вытягивается и представляетъ изъ себя уродливую фигуру, подавая поводъ къ насмѣшкамъ проходящимъ мимо старослужащимъ людямъ.

— Не понялъ, что-ль? Слушай, еще разъ объясню: солдатъ въ строю долженъ стоять прямо, но безъ натяжки и т. д.

Опять повторяется та же исторія.

— Ну, ужъ и биться мнѣ съ тобой придется... И гдѣ ты такой выросъ — дуракъ? Хоть бы ты сталъ такъ, чтобы тебя можно было поправить, а то не знаешь, съ чего и начать — весь ты никуда не годишься. Опусти руки слободно (новобранецъ пробуетъ опустить, но не выходитъ); разверни плечи (тоже не выходитъ). Вотъ видишь: ты и словъ не понимаешь... Чистое горе съ тобой!

Начинается грубая поправка.

— Зачимъ животомъ стоишь? Убери брюхо! (толчекъ въ животъ). Бедра вправо! (толчекъ въ бокъ) и т. д.

— Терентьевъ? слышится голосъ офицера.—Я тебѣ строго запретилъ грубо обращаться съ новобранцами! Ты подъ арестомъ хочешь сидѣть? Дай ему оправиться.

— Виноватъ, ваше в—е! отвѣчаетъ мягкимъ голосомъ Терентьевъ. Въ интонаціи этого отвѣта вы слышите совершенно другого человѣка, не дядьку, а кроткаго и добродушнаго малаго, который всегда въ припрыжку бѣжитъ подавать вамъ пальто, когда вы уходите изъ роты.

— Погоди!—опять говоритъ прежній Терентьевъ, замѣтивъ, что офицеръ удалился.—Я ужо проберу тебя на гимнастикѣ, — можетъ, эта самая осовѣлость и пройдетъ...

На-ряду съ добродушнымъ Цыгановымъ и жестокимъ Терентье-

вымъ идетъ цѣлая галлерея типовъ учителей изъ нижнихъ чиновъ [1]). Рядомъ съ ними выступаетъ педагогъ-офицеръ, увлеченный тѣмъ же самымъ развитіемъ. Да и нельзя было не увлекаться: вмѣсто того, чтобы учить солдата дѣлать дѣло, само начальство стало покровительствовать *школѣ болтовни*.

Развивайте солдата, требовали высшіе начальники на смотрахъ, и отъ этого развитія приходилось солдату труднѣе, чѣмъ отъ муштровки. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть дѣло, генералъ занимался на смотрахъ такими, напримѣръ, разговорами.

— Вотъ я вамъ сейчасъ покажу, до чего ваши люди не развиты. Эй, ты, фланговый! Не скажешь ли мнѣ, голубчикъ, что у тебя въ рукахъ?

— Ружье, ваше превосходительство!

— Какъ ружье? почему ружье? Неужели имъ до сихъ поръ не объяснено, что новое оружіе называется винтовкой? Впрочемъ, это еще допустимо, потому что въ уставѣ осталось это выраженіе... Ну, допустимъ, что ружье; а не скажешь ли, любезный, какъ называется это ружье?

— Крынка, ваше пр—во!

— Что такое Крынка?

— Винтовка, ваше пр—во!

— Вотъ, господа, полюбуйтесь: Крынка, Крынка, а что такое Крынка—не знаетъ... Изобрѣтатель, любезнѣйшій, изобрѣтатель!.. Повтори!

— Собрѣтатель, ваше пр—во.

— Ну, а не скажешь-ли, что такое: изобрѣтатель?

— Не могу знать, ваше пр—во!

— Видите, господа, какое безобразіе. Кто ротный командиръ?

Предъ грозными очами начальника предстаетъ пожилой капитанъ Ивановъ, немного не дослужившій до пенсіи подъ крыломъ у старика Егорыча, и теперь вдругъ нежданно-негаданно попавшій въ педагоги.

— Капитанъ Ивановъ! Такъ служить нельзя! Вы совершенно равнодушно относитесь къ умственному развитію своихъ людей!..

По отъѣздѣ генерала весь учительскій персоналъ привлекается къ объясненію людямъ слово *изобрѣтатель*, и на это тратится масса времени.

Рядомъ съ такъ называемымъ военнымъ развитіемъ, нѣкоторые начальники требовали развитія общаго. Для школъ грамотности

---

[1]) См. книгу: „О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата" и другія сочиненія.

приказано было выписать цѣлые вороха книжекъ; требовался не только разсказъ содержанія прочитаннаго, но главнымъ образомъ — объясненіе каждаго книжнаго слова. Вопросы были до того необычайны, что даже умные солдаты становились въ тупикъ; напримѣръ: — „что такое окно?“ Казалось бы, что *окно* и есть *окно*, но не тутъ-то было,— солдатъ долженъ былъ отвѣчать литературнымъ языкомъ: — „это прорѣзъ въ стѣнѣ въ видѣ прямоугольника со вставленными въ него рамами со стеклами, сдѣланный во-первыхъ для того, чтобы въ комнатѣ было свѣтло, а во-вторыхъ — чтобы видѣть, что дѣлается на дворѣ и на улицѣ“. Какое отношеніе имѣла эта трата времени къ военному искусству — никто надъ этимъ не задумывался.

Иногда однако оказывалось, что все это было напрасная забота. Однажды экзаменаторъ пріѣхалъ со своими книжками, одна изъ которыхъ была хрестоматія Ушинскаго, состоящая изъ разсказовъ о явленіяхъ природы и о нравахъ животныхъ,—книжка, назначенная для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ попутно проходится зоологія.

— Читай! обратился генералъ къ одному изъ учениковъ, передавая ему книжку.

Солдатъ робко прикоснулся своими толстыми рабочими пальцами къ чистенькой книжкѣ и, вѣроятно, приготовляясь къ долгому бдѣнію, во время котораго нельзя будетъ сморкаться, нѣсколько разъ фыркнулъ носомъ. Капельки пота еще передъ началомъ чтенія выступили на его лбу.

— Акула изъ царства большихъ рыбъ...

— Стой! что такое акула?

— Не могу знать, ваше пр—во!

— Какъ не можешь знать? подумай.

Исполняя приказаніе, солдатъ принимаетъ серьезнѣйшій видъ думающаго человѣка, а экзаменаторъ подаетъ офицерамъ примѣръ терпѣнія.

— Никогда, господа, не слѣдуетъ торопить человѣка: вотъ онъ подумаетъ и, можетъ-быть, что-нибудь скажетъ... Ну, скажи по крайней мѣрѣ, что тебѣ кажется,—надо же, братецъ, соображать.

— Хвамилія (фамилія), ваше пр—во!

— Какъ фамилія? развѣ рыба имѣетъ фамилію? Ты, можетъ-быть, хотѣлъ сказать: названіе?

— Такъ точно, ваше пр—во!

— Гм... все-таки видно, что онъ соображаетъ. Ну, читай дальше.

— Изъ царства большихъ рыбъ...

— Стой! Что такое царство?

— Рассея (Россія), ваше пр—во!

— Какъ Россія? Развѣ ты думаешь, что Россія населена рыбами? Нельзя, господа, допускать, чтобы солдатъ отвѣчалъ подобный вздоръ. Кто ротный командиръ?

— Капитанъ Ивановъ,—докладываетъ присутствующій на экзаменѣ командиръ полка.

— Капитанъ Ивановъ, пожалуйте сюда!... Сколько у васъ рота дала процентовъ на стрѣльбѣ прошлаго года?

— Немного не добили до отличнаго, ваше пре—во.

— А вотъ потому и не добили... потому и не добили, что вы не умѣете развивать своихъ людей. Если солдатъ не можетъ объяснить такого пустяка, какъ царство, то неужели вы думаете, что онъ въ состояніи понять такую тонкую науку, какъ стрѣльба?... Долженъ вамъ объявить, капитанъ Ивановъ, что такъ служить нельзя! Извольте воспитывать своихъ людей...

— Ну, читай дальше, обратился экзаменаторъ къ солдату; впрочемъ, погоди,—я тебѣ предложу еще одинъ вопросъ... надо, господа, развивать человѣка не только по книжкѣ, но и посторонними вопросами,—надо расширять кругозоръ солдата... Вотъ мы сейчасъ говорили о рыбахъ; а не знаешь ли, любезный, какое животное принадлежитъ къ царству крылатыхъ?

— Муха, ваше пр—во!

Начальство нѣсколько поморщилось: оно задумало птицу.

Отъ слѣдующаго солдата требовали, чтобы онъ подумалъ, что такое „громъ" и рѣшилъ бы это въ одну минуту, пристыдивъ тѣхъ ученыхъ, которые думали цѣлые вѣка, пока додумались до электричества.

Подобные экзамены, конечно, представляютъ крайность, но они были не миѳомъ, а дѣйствительностью. Четверть вѣка тому назадъ не было руководящихъ началъ въ новой солдатской школѣ; не было даже порядочныхъ азбукъ съ матеріаломъ для чтенія взрослыми учениками. Даже первыя изданія учебниковъ Столпянскаго и Гребенника были въ дидактическомъ отношеніи очень слабыми. Каждый обучающій офицеръ заводилъ свою собственную систему и въ угоду требовательнымъ начальникамъ заставлялъ солдата выражаться литературнымъ слогомъ и заучивать „трудныя слова"; но бѣда въ томъ, что трудныхъ словъ множество, и что всѣ они, не исключая и уставныхъ, для солдатскаго дѣла совершенно безполезны. Лучшіе изъ офицеровъ все это отлично понимали, и каждый изъ нихъ искалъ выхода изъ этого положенія. Понималъ это также, конечно по-своему, и смышленый старикъ Егорычъ.

— Какъ бы намъ, Егорычъ, на грамотности не сплоховать,— давеча генералъ очень недоволенъ остался,—совѣтовался капитанъ Ивановъ съ своимъ фельдфебелемъ.

— Не извольте безпокоиться, ваше в—е,—грамотность будетъ хорошая...

— Ты почему такъ думаешь?

— Осмѣлюсь доложить, что нашъ писарь Чирковъ бываетъ у генеральскаго денщика,—и теперича, ежели прикажете, то всѣ книжки, которыя „они“ (генералъ) носятъ съ собой, можно купить на рынкѣ; пущай люди по этимъ книжкамъ и „репетятся“.

— А развѣ ты узналъ, какія это книжки?

— Такъ точно. Мы ту книжку, что съ „акулой“ и съ „громомъ“ давно уже купили, и сейчасъ люди по ней „репетятся“; и вотъ списочекъ и другихъ книгъ... Только я теперича такъ думаю, что другія книжки „они“ носятъ съ собой только для „видимости“, а все больше по этой спрашиваютъ,—я узнавалъ и въ другихъ полкахъ... А всячески, ваше в—е, списочекъ посмотрите.

Книжки немедленно пріобрѣтаются. Каждая статейка, особенно въ той книжкѣ, что съ „акулой“ и съ „громомъ“, заучивается чуть не наизусть, и по вечерамъ самъ Егорычъ дѣлаетъ репетиціи разсказа. Даже дядьки переняли манеру вопросовъ, предлагаемыхъ на экзаменѣ. Въ каждой кучкѣ солдатъ только и слышится:—„Левъ— этотъ красивѣйшій изъ звѣрей“....

— Стой! Что такое левъ?

Экзаменъ прошелъ блистательно; а капитанъ Ивановъ, уже было подумывавшій объ отставкѣ, почувствовалъ въ себѣ педагогическія способности, и рѣшилъ служить до 35 лѣтъ...

Вотъ черезъ какую школу пришлось пройти нашему солдату прежде, чѣмъ пришли къ убѣжденію, что не только для стрѣлковаго дѣла, но и для всего прочаго нужно развитіе практическое. Если общее развитіе дѣлаетъ человѣка болѣе сознательнымъ и толковымъ, то во всякомъ случаѣ оно заключается не въ заучиваніи „трудныхъ словъ“ и не въ умѣніи красиво разсказывать о предметахъ, ничего общаго съ солдатскимъ дѣломъ не имѣющихъ. Неумѣлая погоня за общимъ развитіемъ, увлеченіе теоріей и произвольный выборъ матеріала для чтенія,—все это вело къ тому, что солдатъ, по выраженію покойнаго М. И. Драгомирова, больше учился *болтать о дѣлѣ, чѣмъ дѣлать самое дѣло.*

Однажды покойный Михаилъ Ивановичъ былъ приглашенъ од-

нимъ изъ полковыхъ командировъ провѣрить успѣхи солдатъ, которые отвѣчаютъ по уставамъ, какъ юнкера.

— Занятно, очень занятно, меланхолически замѣтилъ М. И.,—а сколько у васъ въ этомъ году подъ судъ отдано?

— Немного,—человѣкъ 15,—отвѣчалъ командиръ.

— На будущій годъ больше будетъ... Попробуйте произвести экзаменъ въ военной тюрьмѣ,—тамъ еще лучше отвѣтятъ.

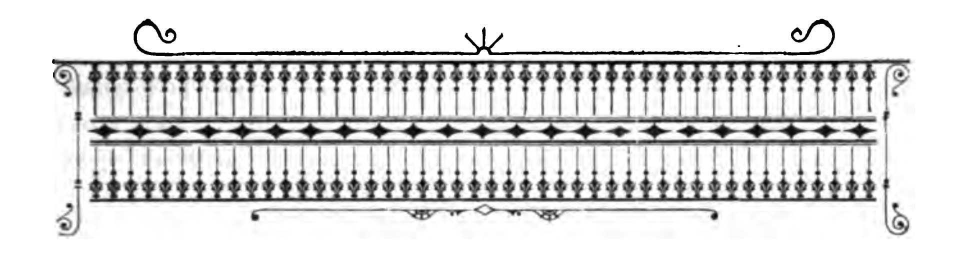
Талантливый педагогъ сразу схватилъ направленіе школы, работающей только надъ умственнымъ клапаномъ, и объяснилъ присутствующимъ, что кромѣ *знанія* надо еще *умѣніе*, а главное—желаніе дѣлать дѣло, которое зависитъ отъ сердца. Школа, въ которой сердце солдата не завоевано, далеко не уйдетъ: въ ней знаніе выколачивается, нравственный долгъ навязывается, а умѣніе подвигается туго.

Такимъ образомъ мы видимъ, что реформы Императора Александра II, великія по своей идеѣ, даровали намъ гуманную и раціональную школу, но справиться съ этой школой мы не умѣли, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не умѣемъ и до сихъ поръ (См. отчетъ въ „Русскомъ Инвалидѣ" генералъ-адъютанта Зарубаева о подготовкѣ учителей молодыхъ солдатъ). Только въ послѣднее время питомники войсковой школы стали насаждаться, но не въ военныхъ училищахъ, которыя этотъ вопросъ проморгали [1]), а непосредственно въ войсковыхъ частяхъ. Жизнь выдвинула замѣчательныхъ педагоговъ въ лицѣ нѣкоторыхъ командировъ отдѣльныхъ частей; офицеры, попадающіе въ ихъ руки, становятся мастерами въ своемъ дѣлѣ. Только изъ этого источника можно ожидать живой воды, способной обновить нашу армію, а не отъ частичныхъ нововведеній, о которыхъ такъ много и такъ страстно говорятъ не только военные, но и гражданскіе авторы послѣ Японской войны.

Н. Бутовскій.

[1]) Военныя училища не даютъ будущему офицеру ни малѣйшаго, даже теоретическаго представленія о военной педагогикѣ и въ этомъ отношеніи выпускаютъ офицеровъ совершенно невѣжественныхъ въ своей ближайшей работѣ.

Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина.

Записки В. И. Даля.

Предлагаемыя вниманію читателя записки В. И. Даля о Пушкинѣ появляются въ печати впервые. Онѣ сохранились въ Имп. Публичной Библіотекѣ (см. „Отчетъ И. Публ. Библ. за 1896 г.“, СПб., 1900 г., стр. 200). Это—пять писаныхъ карандашомъ рукою Даля листковъ въ 4-ю, 8-ю, и 16-ю долю.

Извѣстны воспоминанія Даля о Пушкинѣ, опубликованныя Л. Н. Майковымъ (см. его сборникъ „Пушкинъ“, СПб., 1899 г., стр. 414—433). Покойный біографъ и комментаторъ Пушкина предпослалъ воспоминаніямъ Даля свои замѣчанія, въ которыхъ вѣрно оцѣнилъ значеніе разсказа этого умнаго и наблюдательнаго писателя о геніальномъ поэтѣ. „Сношенія Даля съ Пушкинымъ были непостоянны, даже не особенно коротки, но Даль сохранилъ о нихъ благодарное воспоминаніе и, семь лѣтъ спустя послѣ его смерти, написалъ разсказъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ. Дѣло это онъ справедливо считалъ долгомъ всѣхъ, кто близко зналъ великаго поэта, и со своей стороны исполнилъ его какъ умѣлъ. Благодаря тонкой наблюдательности Даля и его глубокому уваженію къ Пушкину, а также благодаря тому, что Пушкинъ проявлялся въ бесѣдахъ съ нимъ самыми существенными чертами своей личности, воспоминанія Даля, несмотря на свою краткость, должны занять видное мѣсто въ ряду матеріаловъ для біографіи величайшаго представителя русской литературы“ (ibid., 416).

Печатаемые здѣсь отрывки являются немаловажнымъ дополненіемъ къ уже извѣстнымъ воспоминаніямъ Даля. Въ нихъ есть кое-

что новое, есть и такая пушкинская „алмазная искра", по выраженію Даля (ibid., 421), какъ проникнутыя благоговѣніемъ слова поэта о Петрѣ Великомъ. Веселъ и забавенъ разсказъ о наивномъ оренбургскомъ охотникѣ, такъ понравившемся Пушкину.

* * *

Я слышалъ, что Пушкинъ былъ на четырехъ поединкахъ, изъ коихъ три первые кончились эпиграммой, а четвертый смертію его. Всѣ четыре раза онъ стрѣлялся черезъ барьеръ, давалъ противнику своему, гдѣ можно было, первый выстрѣлъ, а потомъ, самъ подходилъ вплоть къ барьеру и подзывалъ противника.

Помню въ подробности одинъ только поединокъ его, въ Кишиневѣ, слышанный мною отъ людей, бывшихъ въ то время на мѣстѣ.

Въ Кишиневѣ стоялъ пѣхотный полкъ, и Пушкинъ былъ со многими офицерами въ клубѣ, собраніи, гдѣ танцовали. Большая часть гостей состояла изъ жителей, молдаванъ и молдаванокъ; надобно замѣтить, что обычай, въ то время особенно, ввелъ очень вольное обращеніе съ послѣдними. Пушкинъ пригласилъ даму на мазурку, захлопалъ въ ладоши и закричалъ музыкѣ: „мазурку, мазурку!" Одинъ изъ офицеровъ подходитъ и проситъ его остановиться, увѣряя, что будутъ плясать вальсъ; „Ну",—отвѣчалъ Пушкинъ,—„вы вальсъ, а я мазурку"—и самъ пустился со своей дамой по залѣ.

Полковой или баталіонный командиръ, кажется, подполковникъ Старковъ, по своимъ понятіямъ о чести, считалъ необходимымъ стрѣляться съ обидчикомъ, а какъ противникъ Пушкина по танцамъ не рѣшался на это самъ, то начальникъ его принялъ дѣло это на себя.

Стрѣлялись въ камышахъ придунайскихъ, на прогалинѣ, черезъ барьеръ, шаговъ на восемъ, если не на шесть. Старковъ выстрѣлилъ первый и далъ промахъ. Тогда Пушкинъ подошелъ вплоть къ барьеру и, сказавъ: „пожалуйте, пожалуйте сюда" подозвалъ противника, несмѣвшаго отъ этого отказаться; затѣмъ Пушкинъ, уставивъ пистолетъ свой почти въ упоръ въ лобъ его, спросилъ: „довольны ли вы?"—тотъ отвѣчалъ, что доволенъ. Пушкинъ выстрѣлилъ въ поле, снялъ шляпу и сказалъ:

Подполковникъ Старковъ
Слава Богу здоровъ.

Поединокъ былъ конченъ, а два стиха эти долго ходили въ родѣ поговорки по всему Кишиневу, и молдаване, не зна-

вшіе по-русски, тѣшились, затверживая ее ломанымъ языкомъ наизусть [1]).

Подробности другого поединка—кажется въ Одессѣ—не помню; знаю только, что противникъ Пушкина не выдержалъ, что Пушкинъ отпустилъ его съ миромъ, но сдѣлалъ это тоже по-своему: онъ сунулъ неразряженный пистолетъ себѣ подъ мышку, отвернулся въ сторону...[2]).

* * *

Въ Оренбургѣ [3]) Пушкину захотѣлось сходить въ баню. Я свелъ его въ прекрасную баню къ инженеръ-капитану Артюхову, добрѣйшему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собесѣднику. Въ передбанникѣ расписаны были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкинъ тѣшился этими картинами, когда веселый хозяинъ, круглолицый, голубоглазый, въ золотыхъ кудряхъ, вошелъ, упрашивая Пушкина ради перваго знакомства откушать пива или меду. Пушкинъ старался быть крайне любезнымъ со своимъ хозяиномъ и, глядя на расписной передбанникъ, завелъ рѣчь объ охотѣ. „Вы охотитесь, стрѣляете?"—„Какъ-же-съ, понемножку занимаемся и этимъ; не одному долгоносому довелось успокоиться въ нашей сумкѣ".—„Что же вы стрѣляете—утокъ"?—„Уто-окъ-съ?"—спросилъ тотъ, вытянувшись и бросивъ какой-то сострадательный взглядъ.—„Что же?

[1]) О дуэли Пушкина съ полковникомъ Сем. Никит. Старовымъ (а не Старковымъ) Даль разсказываетъ невѣрно. Дуэль происходила въ январѣ 1822 г. въ окрестностяхъ Кишинева, а не въ придунайскихъ камышахъ, куда ѣздить дуэлянтамъ было бы слишкомъ далеко. Изъ-за скверной погоды поединокъ былъ отложенъ, а потомъ противниковъ помирили (П. И. Бартеневъ, „Пушкинъ въ Южной Россіи"—„Русск. Архивъ" 1866 г. ст. 1165—1167; И. П. Липранди, „Изъ дневника и воспоминаній"—ibid., ст. 1416—1421, его же „Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля", М., 1873 г., стр. 150). Кишиневскій знакомецъ Пушкина В. П. Горчаковъ сообщаетъ въ своей статьѣ „Воспоминаніе о Пушкинѣ" („Московск. Вѣдом." 1858 г., № 19, литерат. отд. стр. 82—83), что прямо въ день несостоявшагося поединка со Старовымъ Пушкинъ заѣхалъ къ А. П. Полторацкому и оставилъ ему записку: „Я живъ, Старовъ здоровъ, дуэль не конченъ".

П. И. Бартеневъ въ своемъ упомянутомъ трудѣ („Русск. Арх." 1866 г., ст. 1162, 1166, прил.) упоминаетъ о какой-то запискѣ Даля о дуэляхъ Пушкина, гдѣ говорится и про дуэль со Старовымъ, но, судя по приводимой Бартеневымъ выпискѣ, это не наша записка.

[2]) Далѣе разсказъ не только неприличенъ, но и мало достовѣренъ: Пушкину въ немъ приписываются неумный и грубый поступокъ и очень плохой экспромптъ. 2 мая 1824 г. А. И. Тургеновъ сообщилъ князю П. А. Вяземскому слухъ, будто Пушкинъ въ Одессѣ дрался съ кѣмъ-то на дуэли, но противникъ не хотѣлъ стрѣлять въ него („Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ", В. III).

[3]) Въ сентябрѣ 1833 г.

развѣ вы утокъ не стрѣляете?“ – „Помилуйте-съ, кто будетъ стрѣлять эту падалъ! Это какая-то гадкая старуха, валяется въ грязи—ударишь ее по загривку, она свалится бокомъ, какъ топоръ съ полки, бьется, валяется въ грязи, кувыркается... тьфу“!—„Такъ что же вы стрѣляете?“ – „Нѣтъ-съ, не утокъ. Вотъ какъ выйдешь въ чистую рощицу, какъ запустишь своего Фингала,—а онъ нюхъ-нюхъ направо—нюхъ налѣво,—и стойку: вытянулся какъ на пружинѣ—одеревенѣлъ, сударь, одеревенѣлъ, окаменѣлъ! Пиль, Фингалъ! Какъ свѣчка загорѣлся, столбомъ взвился“...—„Кто, кто?“—перебилъ Пушкинъ съ величайшимъ вниманіемъ и участіемъ. „Кто-съ? разумѣется кто: слука [1]), вальдшнепъ. Тутъ царапъ его по сарафану... А онъ (продолжалъ Артюховъ, раскинувъ руки врознь, какъ на крестѣ),—а онъ только раскинетъ крылья, головку набокъ—замретъ на воздухѣ, умирая какъ Брутъ!“

Пушкинъ расхохотался и приславъ ему черезъ годъ на память „Истор. Пугач. бунта“, написалъ:

„Тому офицеру, который сравниваетъ вальдшнепа съ Валенштейномъ“ [2]).

* * *

„Я стою вплоть передъ изваяніемъ исполинскимъ, котораго не могу обнять глазомъ—могу ли я списывать его? Что я вижу? Оно только застить мнѣ исполинскимъ ростомъ своимъ, и я вижу ясно только тѣ двѣ—три пядени, которыя у меня подъ глазами.“

Пушкинъ, о Петрѣ [3]).

---

[1]) Слука, по объясненію „Толковаго словаря“ Даля,—вальдшнепъ.

[2]) Въ объясненіяхъ къ напечатаннымъ Л. Н. Майковымъ воспоминаніямъ Даля (Майковъ, „Пушкинъ“, 429) разсказывается со словъ одной оренбургской дамы, что „полковникъ Артюковъ“, ѣздившій вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Далемъ къ старухѣ помнившей Пугачева и разсказывавшей о немъ поэту,—былъ всѣми любимый, добрѣйшій и популярнѣйшій человѣкъ. Во время несчастнаго похода въ Хиву при Перовскомъ (1840 года) онъ, несмотря на свое крѣпкое здоровье, возвратился съ изнурительною лихорадкой, которая вскорѣ и свела его въ могилу“. Вѣроятно оренбургскіе злые, но не острые языки выдумали, будто въ Оренбургѣ въ 1833 г. Пушкинъ написалъ въ альбомъ угостившему его баней А—ву (конечно, Артюхову): „Пушкинъ былъ у А--ва въ банѣ“ (М. Шевляковъ, „Пушкинъ въ анекдотахъ“, СПб., 1899 г., стр. 80—81).

[3]) По разсказу Даля (Майковъ, „Пушкинъ“, 419) Пушкинъ говорилъ ему о Петрѣ Великомъ: „Я еще не могъ доселѣ постичь и обнять вдругъ этого исполина: онъ слишкомъ огроменъ для насъ, близорукихъ, и мы стоимъ еще къ нему близко—надо отодвинуться на два вѣка,—но постигаю его чувствомъ; чѣмъ болѣе его изучаю, тѣмъ болѣе изумленіе и подобострастіе лишаютъ меня средствъ мыслить и судить свободно“. Эта мысль въ сообщаемой нами запискѣ Даля выражена красивѣе и образнѣе.

* * *

Еще *Пугачевщина*, которую я не успѣлъ сообщить Пушкину во-время:

При проѣздѣ Государя Наслѣдника—нынѣшняго Царя нашего [1]) —изъ Оренбурга въ Уральскъ я тоже находился въ поѣздѣ. Мы выѣхали въ 4 часа утра изъ Оренбурга и не переводя духу прискакали въ 4 часа пополудни въ *Мухраковскую* станицу, на этомъ пути первую станицу Уральскаго Войска. Всѣ казаки собрались у станичнаго дома, въ избахъ оставались одни бабы и дѣти. Тощій, не только голодный, я бросился въ первую избу и просилъ старуху подать каймачка, топленаго молока—сырого здѣсь не держатъ—и хлѣба. Отбивъ у скопы [2]) цыпленка, схваченнаго ею въ тревогу эту на дворѣ, старуха радушно стала *собирать* на столъ. „Ну что" —сказалъ я:—„чай рады дорогому гостю, Государю Наслѣднику?"— „Помилуй, какъ не рады?—отвѣчала та:—вѣдь мы тута—легко ли дѣло, Царскаго племени не видывали отъ самаго отъ Государя Петра Ѳедоровича...

То-есть—отъ Пугачева.

Сообщ. Н. Лернеръ.

[1]) Александра Николаевича.

[2]) Скопá, по объясненію „Толковаго словаря" Даля,—орликъ, рыбакъ, хищная птица.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оригинала фамилія Пушкина обозначена буквою П. Редакціей возстановлена полная фамилія поэта.

Ред.

Изъ жизни нашего духовенства.

Просматривая скопившіяся у меня разнаго рода замѣтки о видѣнномъ и слышанномъ мною выходящемъ изъ ряда обыденной жизни,—я нашелъ нѣсколько замѣтокъ, касающихся жизни и быта нашего духовенства. Эти замѣтки нигдѣ не были напечатаны, а между тѣмъ онѣ и интересны и характеристичны. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Курьезный рапортъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1884 года въ Л—ской духовной консисторіи, отъ игумена N—скаго монастыря былъ полученъ рапортъ, представляющій ту особенность, что во всемъ этомъ документѣ нигдѣ *неупотреблено никакихъ знаковъ препинанія*; единственный „знакъ препинанія"—точка,—поставленъ только послѣ подписи игумена, самолично писавшаго этотъ рапортъ, такъ какъ почеркъ текста его и подписи—тождественны.

Вотъ содержаніе этого курьезнаго рапорта, буквально списаннаго изъ дѣлъ консисторской канцеляріи.

„Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу и Кавалеру Александру

Игумена N—скаго монастыря
Серапіона

РАПОРТЪ

Имѣю честь донести Вашему Высокопреосвященству что у насъ въ N—скомъ монастырѣ не все благополучно случилось несчастіе и пожаръ отъ котораго сгорѣли сарай сѣновалъ конюшни и скотный дворъ сгорѣлъ и скотъ уцѣлѣлъ одинъ только быкъ

Игуменъ „Серапіонъ".

1884 г Мая 5

Л—скую каѳедру занималъ въ это время архіепископъ Александръ (Добрынинъ) [1]).

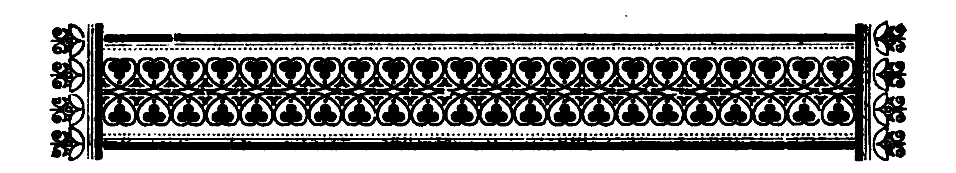
Владыка, получивъ рапортъ игумена Серапіона, несмотря на болѣзнь, смѣялся отъ души, какъ говорятъ, до слезъ и сдѣлалъ на рапортѣ игумена коварную надпись:

„*Очень жаль.*"

Сообщ. А. Сергѣевъ.

[1]) Архіепископъ *Александръ*, въ мірѣ Андрей Васильевичъ, родился 1-го августа 1820 года въ с. Верстеи, Ярославской губерніи, Мологскаго уѣзда. Скончался 28 апрѣля 1885 года.

Къ исторіи 1812-го года [1].

Письма Наполеона по дѣлу Мале.

Удаленный Наполеономъ за свои республиканскія убѣжденія, генералъ Клодъ Фрасуа Мале (1754 — 1812) въ іюлѣ 1812 года былъ посаженъ въ тюрьму. Тамъ онъ составилъ, въ сообществѣ съ нѣсколькими роялистами, планъ свергнуть Наполеона, пока тотъ находился въ Россіи. Въ ночь съ 22 на 23 октября онъ бѣжалъ изъ-подъ стражи, явился въ казармы и увѣрилъ солдатъ, что Наполеонъ погибъ въ Россіи; за тѣмъ, освободивъ изъ тюрьмы Гидаля и Лагори, съ баталіономъ парижскихъ гвардейцевъ отправился къ парижскому коменданту Гюллену, которому и сообщилъ о смерти императора и учрежденіи временнаго правительства. Гюлленъ, однако, не повѣрилъ этому сообщенію. Тогда Мале выстрѣлилъ изъ пистолета и тяжело ранилъ Гюллена, но былъ тотчасъ же схваченъ. На слѣдующій день его судили военнымъ судомъ и разстрѣляли вмѣстѣ съ сообщниками.

Въ письмахъ своихъ къ Савари [2]) (въ то время министру полиціи) упоминаетъ о заговорѣ 1809 года, въ которомъ Мале принималъ также видное участіе и которые такъ часто повторялись въ виду множества принципіальныхъ враговъ Наполеона, съ ужасомъ смотрѣвшихъ на попраніе тираніей всѣхъ завоеваній великой революціи. Тутъ же онъ предлагаетъ собрать всѣ относящіеся къ разнымъ заговорамъ документы въ одно общее дѣло подъ заглавіемъ: „Разные составленные нѣкоторыми личностями заговоры“.

Н. З.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1907 г.

[2]) Савари (Анъ-Жанъ-Мари-Рене Savary герцогъ de Rovigo)—французскій политическій дѣятель (1774—1833); въ 1804 году открылъ заговоръ Жоржа Кадудаля и Пишегрю и руководилъ какъ арестомъ герцога Энгіенскаго, такъ и судомъ надъ нимъ.

№ 1. 1-е письмо къ Савари.

„Г-нъ герцогъ де-Ровиго. Я желаю, чтобы все, что имѣетъ отношеніе къ дѣлу Мале, было напечатано... Поручите Реалю собрать всѣ протоколы допросовъ и документы, касающіеся козней этого человѣка три или четыре года тому назадъ. Двѣ страницы составятъ простое и невелерѣчивое изложеніе этого дѣла. Первымъ приведено будетъ донесеніе префекта полиціи Дюбуа и тогдашняго министра полиціи Фуше и всѣ протоколы допросовъ по этому предмету. Во-вторыхъ, донесенія разныхъ государственныхъ совѣтниковъ, посѣтившихъ послѣ того времени тюрьмы, и мнѣніе ихъ о Мале и т. д. Въ третьихъ, постановленіе объ отправкѣ Мале въ частную лечебницу. Въ-четвертыхъ, наконецъ, все, что имѣетъ отношеніе къ сему дѣлу.

Словъ не нужно, а только документы. Министръ полиціи сдѣлаетъ докладъ обо всемъ, что происходило въ зданіи министерства полиціи; затѣмъ приведены будутъ донесенія генерала Гюллена, префекта полиціи, помощника коменданта Домеля, Лаборда, генерала Деріо; потомъ всѣ протоколы допросовъ и судопроизводственныя бумаги. Это чрезвычайно важно. Это пустое дѣло, но убѣдить въ этомъ публику можно только путемъ оглашенія всего и незамалчиванія ни одного обстоятельства.

Потомъ упомянуто будетъ все имѣющее отношеніе къ Лагори, Лафосу, Ал. Ноайлю, къ обнаруженному въ это время заговору поповъ и къ генералу де-Нуайе, изъ чего можно бы было видѣть, что они были за люди. Сіе дѣло будетъ озаглавлено: „Разные составленные нѣкоторыми личностями заговоры“.

За симъ молю Бога оградить Васъ своимъ святымъ покровомъ. Смоленскъ 11 ноября 1812 года“.

Подписано: Наполеонъ.

Lettre de l'Empr. Napoléon à Savary.

M-r le Duc de Rovigo. Mon intention est que tout ce qui est relatif à l'affaire de *Mallet* soit imprimé. Chargez Réal de réunir tous les interrogatoires et les pièces qui concernent les trames de cet homme il y a 3 ou 4 ans. Deux pages formeront le précis simple et sans phrases. On mettra d'abord le rapport du Préfet de Police Dubois et du Ministre de la Police Fouché dans ce tems là, tous les interrogatoires de ces sujets alors.

2°. Les rapports des différens Conseillers d'Etat qui ont visité depuis les prisons et leur opinion sur Mallet etc.

3°. La décision qui envoye Mallet dans une maison de Santé.

4°. Enfin tout ce qui est relatif à cette affaire ci.

Il ne faut point de phrases, mais les pièces. Le Ministre de la Police fera le rapport de ce qui s'est passé à l'Hôtel du Ministère de la Police, ensuite on mettra le rapport du g-al Hullin, celui du Préfet de Police, ceux de l'Adjudant Commandant Domel et de Laborde, celui du g-al Deriot; après

cela tous les interrogatoires et les pièces du Procès; cela est de la plus grande importance. Cette affaire n'est rien, mais ce n'est qu'en imprimant tout et en ne déguisant aucune circonstance que le Public sera convaincu que ce n'est rien.

On mettra ensuite une note de ce qui est relatif à Lahorie, à Lafoce, à Al. Noailles et au complot de prêtraille qui eut lieu dans le tems, et au g-al Desmoyers, et qui fasse connaître ce qu'ils étaient.

On intitulera cet ouvrage: Divers complots tramés parquelques individus.

Sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait en sa sainte garde. Smolensk 11 Novembre 1812. Signé Napoleón.

№ 2. Второе письмо къ Савари.

„Г-нъ герцогъ де-Ровиго. Я получилъ письма Ваши отъ 26 и 27 октября и съ прискорбіемъ усматриваю въ нихъ разсужденіе о гражданской и военной полиціи. Это значитъ дурно понимать свои обязанности. Все, что касается до спокойствія государства и до его безопасности, входитъ въ сферу обязанностей полиціи. Военная полиція должна была бы, конечно, быть освѣдомленной о движеніи, происходившемъ въ казармахъ съ 5 часовъ утра; тѣмъ не менѣе министру полиціи слѣдовало знать это еще лучше, слѣдить за Мале и не оставлять его въ Парижѣ. Полиція обязана была быть знакомой съ настроеніемъ войскъ, а особенно съ настроеніемъ такого полка, какъ Парижскій. За симъ молю Бога и пр. и пр. Смоленскъ $\frac{\text{11 ноября}}{\text{30 октября}}$ 1812 года".

Подписано: Наполеонъ.

Seconde lettre à Savary.

M-r le Duc de Rovigo. J'ai reçu Vos lettres du 26 et 27 Octobre. J'y vois avec peine une dissertation sur la police militaire et sur la police civile. C'est mal connaître vos attributions... Tout ce qui est relatif à la tranquillité de l'Etat et à sa sureté est du ressort de la Police. La Police militaire aurais du être instruite sans doute du mouvement qui s'opérait dans les casernes depuis cinq heures du matin, mais le Ministre de la Police aurait du le savoir encore mieux, avoir les yeux sur Mallet et ne pas le laisser à Paris. La Police devait connaître l'esprit des troupes et surtout l'esprit d'un régiment comme celui de Paris. Sur ce je prie Dieu etc. Smolensk le 11 Novembre 1812. Signé Napoléon.

№ 3. Третье письмо къ Савари.

„Г-нъ герцогъ де-Ровиго. Я очень одобрилъ дѣйствія военнаго министра, арестовавшаго генерала Ламота и полковника Рабба. Было бы страннымъ пониманіемъ гражданскихъ обязанностей полковника, если считать оныя выполненными тогда, когда онъ не только не сопротивлялся, но даже не пролилъ крови своей, дабы воспрепятствовать возмущенію своей части. Вашъ образъ мыслей по этому предмету кажется мнѣ очень страннымъ. Прежде, чѣмъ выразить свое сужденіе объ этомъ дѣлѣ и по поводу префекта Фроша, я подожду прибытія сюда Вашего подробнаго донесенія и судопроизводства по

этому дѣлу. Я намѣренъ огласить эти документы и желаю, чтобы для гражданъ не было ничего тайнаго въ этомъ столь близко касающемся ихъ дѣлѣ. Именуемый Жакемономъ былъ давно подъ стражей и фактически участвовалъ въ этомъ заговорѣ 4 года тому назадъ. Сообщите мнѣ, гдѣ онъ находится: и если только онъ смѣщенъ, а въ поведеніи его окажутся неправильности, распорядитесь арестовать его. Человѣкъ 30 статскихъ участвовало въ этомъ 1-мъ дѣлѣ. Я полагаю, что всѣ они арестованы. Если же обнаружится, что они выпущены по небрежности, допущенной въ этомъ дѣлѣ, распорядитесь забрать ихъ снова, въ особенности, если они окажутся опять въ Парижѣ. За симъ молю Бога и пр. и пр. Смоленскъ $\frac{\text{11 ноября}}{\text{30 октября}}$ 1812 года".

Подписано: Наполеонъ.

Troisième lettre à Savary.

M-r le Duc de Rovigo. J'ai fort approuvé la conduite du Ministre de la Guerre d'avoir fait arrêter le g-al Lamotte et le Colonel Rabb. Ce serait se faire d'étranges idées des devoirs de citoyen d'un Colonel si on les croyait remplis non seulement lorsqu'il ne s'est pas opposé, mais même lorsqu' i n'a pas versé son sang pour s'oppeser à la rébellion de son corps. Cette manière de voir de votre part me parait singulière. Pour prononcer sur toute l'affaire, ainsi que sur le préfet Frochat j'attendrai Votre rapport définitif et les pièces de la procédure. Mon intention est que ces pièces soient publiées et que rien ne soit mystère pour les citoyens, dans une affaire qui les regarde de si près. Le nommé Jacquemont a été longtems arrêté et était effectivement dans ce complot, il y a 4 ans. Faites moi connaître où il est; pour peu qu'il se sois déplacé et qu'il y ait d'irrégularité dans sa conduite, faites le arrêter. Il y avais une trentaine d'individus *civils* qui tous figuraint dans cette premiére aiffaire. Je les croîs tous arrêtes. S'ils avaient été relachés par suite de la négligence qu'on y a mise, faites les reprendre, surtout s'ils se retrouvent en ce moment à Paris, sur ce je prie Dieu etc. Smolensk le 11 Novembre 1812. Signé: Napoléon.

№ 4. Письмо къ Камбасересу [1]).

„Я получилъ ваши письма, кузенъ, отъ 25-го и 26-го. Я выражалъ Вамъ уже свое удовольстіе по поводу дѣйствій Вашихъ при сихъ обстоятельствахъ и могу только повторить то же самое. Я раздѣляю ваши взгляды касательно дѣла Рабба и Ламотта. Я полагаю, что префектъ Фроша написалъ мнѣ о слухахъ, распростра-

---

[1]) Камбасересъ (Жанъ-Жакъ-Режи de Cambacéres) —французскій государственный дѣятель (1753—1824); въ 1793 году былъ членомъ конвента и комитета общественнаго спасенія; вотировалъ за казнь Людовика XVI; въ эпоху консульства редактировалъ Code civil; во время похода въ Россію фактически оставался главою правительства; по возвращеніи Бурбоновъ былъ изгнанъ изъ Франціи, какъ цареубійца, но въ 1818 году былъ возстановленъ въ правахъ и возвратился во Францію. *Н. З.*

нявшихся на его счетъ; ожидаю его письма, чтобы высказать свое мнѣніе. Мнѣ кажется, что я сообщилъ военному министру, что Парижскій полкъ и 10-я когорта должны быть отправлены въ армію. Я не издаю никакого указа, ожидаю прибытія дѣлопроизводства по этому дѣлу и не дамъ своего рѣшенія до тѣхъ поръ, пока не изучу его основательно. Я писалъ министру полиціи, чтобы онъ арестовалъ всѣхъ разбойниковъ статскихъ, второстепеннаго ранга, скомпрометтированныхъ уже участіемъ въ семъ заговорѣ 4 года тому назадъ и, какъ мнѣ кажется, многіе выпущены уже на свободу по ложно понятой снисходительности. Вы должны непремѣнно увѣдомить графовъ Траси и Гара, что назначеніе ихъ членами этого временнаго Правительства не служитъ конечно къ обвиненію ихъ, но что это не составляетъ почетнаго титула; они вѣроятно, казались недовольными правительствомъ и позволяли себѣ двусмысленные разговоры, если эти злодѣи сочли себя въ правѣ разсчитывать на нихъ. Я намѣренъ опубликовать во всеобщее свѣдѣніе всѣ документы, чтобы не было чего-либо касающагося этого дѣла, что бы оставалось неизвѣстнымъ публикѣ. Я желаю также, чтобы присоединены были къ оному всѣ бумаги, имѣющія отношеніе къ тому, что происходило 4 года тому назадъ; чтобы включены были протоколы допросовъ, составленные въ то время префектомъ полиціи, общій докладъ, сдѣланный мнѣ министромъ полиціи, и, наконецъ, постановленіе послѣдняго собранія относительно препровожденія Мале въ частную лечебницу. Я желаю, чтобы изо всего этого составилась книга, въ коей были бы ясно изложены оба періода сего дѣла. Прошу Васъ наблюсти за собираніемъ сихъ документовъ; мнѣ кажется, кромѣ того, необходимымъ присоединить кой-какія замѣчанія въ видахъ поясненія, какимъ именно образомъ былъ открытъ первый заговоръ, какъ этому дѣлу не было дано хода и, какъ, наконецъ, обнаруженъ былъ второй заговоръ. Засимъ молю Бога принять васъ подъ свой святой покровъ.

$\frac{1}{12}$ ноября 1812 года".

Подписано: Наполеонъ.

Lettre de l'Em-pr Napoléon à Cambacérès.

Mon cousin, j'ai reçu vos lettres du 25 et du 26. Je Vous ai déja fait connaître ma satisfaction de la conduite que Vous avez tenue dans toutes ces circonstances, je ne puis que Vous le réitérer. Je partage Votre manière de voir sur Rabb et Lamotte. Je suppose que le Préfet Frochat m'aura écrit sur le bruit qui a couru sur son compte. J'attends sa lettre pour me prononcer. Je crois avoir fait connaître au Ministre de la Guerre que le Régiment de Paris et la 10-me Cohorte devaient être envoyés à l'armée. Je ne prends aucun decrêt, j'attends les pièces de la procédure, je ne prononcerai que quand je connaitrai l'affaire à fond. J'ai écrit au Ministre de la Police

d'arrêter tous les brigands subalternes *civils* qui ont déjà été compromis dans ce complot, il y a 4 ans et que je crois avoir été relachés depuis, par une indulgence malentendue. Vous ne devez pas manquer de faire connaître aux Comtes *Tracy* et *Garat* que leur nomination à ce Gouvernement provisoire ne dit certainement rien contre eux; mais que ce n'est pas un titre d'honneur; qu'il faut qu'ils ayent paru indisposés contre le gouvernement et qu'ils se soyent permis des propos équivoques pour que ces misérables aient cru pouvoir compter sur eux. Mon intention est que toutes les pièces soyent imprimées et qu'il n'y ait rien dans cette affaire que le public ignore. Je désire que l'on y ajoute les pièces relatives à ce qui s'est passé il y a 4 ans; qu'on y mette les interrogatoires qu'a fait dans ce tems le Préfet de Police, le Rapport général que m'a fait le Ministre de la Police et enfin la décision du dernier Conseil qui a mis Mallet dans une maison de Santé. Je désire que tout cela forme un volume où cette affaire se trouve parfaitement éclaircie dans ces deux periodes. Je vous prie de surveiller la réunion de ces pièces; il me parait même nécessaire d'y ajouter quelques observations, qui fassent connaître comment le premier complot a été découvert; comment il n'y a pas été donné de suite, et enfin le second. Sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait en sa sainte et digne garde. Smolensk le 11 Novembre 1812. Signé Napoléon.

№ 5. Письмо военному министру.

„Господинъ горцогъ Фельтръ, я получилъ письма ваши отъ 25 и 26 октября; вполнѣ одобряю дѣйствія ваши по отношенію къ полковнику Раббу и генералу Ламотту. Подъ какимъ бы то ни было предлогомъ не выпускайте ни того, ни другого изъ тюрьмы, не донеся мнѣ объ этомъ и до полученія моего по этому предмету рѣшенія.

Сказанное вами о поведеніи префекта Парижскаго весьма меня удивляетъ: я дождусь документовъ по этому дѣлу, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры. Я уже объявилъ мои намѣренія относительно Парижскаго полка и 10-й когорты. За симъ молю Бога оградить Васъ своимъ святымъ покровомъ. Смоленскъ 11 ноября 1812 года“.

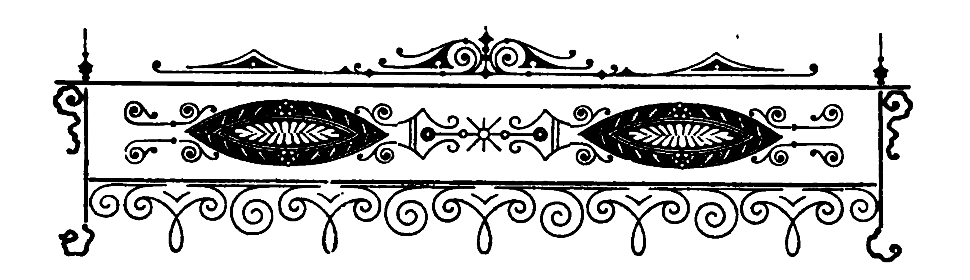
Lettre de l'Empr. Napoléon au Ministre de la Guerre.

M-r le Duc de Feltre, j'ai reçu vos lettres du 25 et 26 Octobre. J'approuve parfaitement votre conduite à l'égard du Colonel Rabb et du G-al Lamotte. Sous quelque prétexte que ce soit, ne laissez sortir ni l'un ni l'autre de prison, jusqu'à ce que vous m'en ayez rendu compte et que j'aie donné une décision. Ce que Vous me dites de la conduite du Préfet de Paris m'étonne. J'attendrai les pièces de cette affaire pour prendre des mesures. Je Vous ai déjà mandé quelles étaient mes intentions sur le régiment de Paris et la 10-me cohorte. Sur ce je prie Dieu qu'il vous ait en sa sainte garde. Smolensk 11 Novembre 1812. Signé Napoléon.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Д. А. Скалонъ [1].

Въ 1849 году, зимою, красавица сестра, Милочка, простудилась и получила третье воспаленіе легкихъ, которое перешло въ скоротечную чахотку. Христіанъ Андреевичъ протянулъ ея жизнь на четыре мѣсяца, но она не выдержала и скончалась въ іюнѣ.

Въ маѣ мы переѣхали въ Ораніенбаумъ. Сестра была очень плоха. Папа возвращался изъ Ораніенбаума на пароходъ въ Петергофъ. Это было 23 мая. Проѣзжая ворота, онъ встрѣтилъ фельдфебеля л.-г. Волынскаго полка, который ему отдалъ честь. Поднялась непогода съ снѣжнымъ вихремъ. Отецъ поднялъ капюшонъ на голову. Затѣмъ потерялъ сознаніе. Какъ оказалось, извощикъ наткнулся на встрѣчный возъ, опрокинулъ дрожки, и отецъ, будучи закутанъ, упалъ и ударился головою о камень. Извощикъ такъ испугался, что удралъ. Произошло это у Мартышкина, версты за двѣ отъ Ораніенбаумскихъ воротъ. Крестьяне въ Мартышкинѣ видѣли, что кто-то лежитъ безъ движенія на шоссе, но боялись подойти. Папа лежалъ такимъ образомъ за мертваго до прихода фельдфебеля, который сталъ приводить его въ чувство и доставилъ въ Ораніенбаумъ. Онъ уложилъ отца въ гостиницѣ и привелъ полкового врача. Благодаря распорядительности фельдфебеля, отецъ былъ спасенъ, но пришелъ въ сознаніе только черезъ сутки.

Едва отецъ поправился, какъ скончалась сестра Милочка, послѣднія слова ея были: „Оставьте, оставьте, меня! Дайте умереть". Она была необыкновенно красива. Еще въ началѣ болѣзни отецъ хотѣлъ снять съ нея портретъ, но она не позволила, сказавши: „Когда я выздоровлю". Фотографіи еще не было и черты ея сохранились у насъ только въ силуэтѣ.

---

[1]) См. „Русская Старина" 1907 г., сентябрь.

Не весело было и въ Георгіевскѣ. Мы очень любили сестру. Въ особенности же сестра Каролина Антоновна, которая все время съ графиней Анной Егоровной не отходили отъ больной. Милочка очень истомилась за это время.

Зимою 1847 года 24 октября родился братъ Георгій Антоновичъ [1]). А 29 іюня 1849—братъ Павелъ Антоновичъ.

Послѣднее событіе привело насъ на лѣто опять въ Ораніенбаумъ. Но осенью мы снова были въ Георгіевскѣ, гдѣ мы себя чувствовали какъ бы въ земномъ раю. Большею часть мы ѣздили на долгихъ, ночуя въ Федоровскомъ, гдѣ, если насъ провожала Марья Егоровна, доводилось иногда останавливаться на нѣсколько дней. Мы не очень любили этихъ поѣздокъ, потому что отъ всей мызы вѣяло чѣмъ-то мрачнымъ и окрестности отличались скучнымъ однообразіемъ березоваго лѣса и совершеннымъ отсутствіемъ воды, которая появлялась на свѣтъ Божій только изъ колодцевъ. Въ самомъ домѣ былъ съ удобствомъ меблированъ только нижній этажъ: зало съ бильярдомъ и видами окрестностей Неаполя, съ неизмѣннымъ изверженіемъ Везувія, гостиная, спальни, столовая. Воспоминаніе о столовой вызываетъ во мнѣ представленіе о необыкновенно вкусномъ формшакѣ, который приготовляла привѣтливая старушка-экономка, единственное лицо, находившееся въ противорѣчіи со всѣмъ остальнымъ Федоровской мызы.

Въ одно лѣто какъ-то чаще обыкновеннаго останавливались въ Федоровскомъ, въ томъ числѣ и намъ довелось остановиться на нѣсколько дней. Мы ѣхали въ Марьей Егоровной. Ходили слухи, что въ домѣ совсѣмъ стало нечисто, или какъ принято говорить по-нѣмецки es spukte. Всѣ знали, что малѣйшій шумъ въ пустыхъ комнатахъ верхняго этажа разносился по всему дому, а тутъ дворовые стали разсказывать шепотомъ, что по ночамъ подымается въ домѣ такая возня, что и на дворѣ слышно. Охотно вѣря этимъ разсказамъ, мы очень боялись и, когда ложились спать, то всякій шорохъ мышенка или летучей мыши, залетѣвшей съ вечера и бившейся по потолку, наводилъ на насъ ужасъ. Прошла недѣля, и мы уже стали похрабрѣе и даже рисковали подъ вечеръ забѣгать во второй этажъ, забавляясь разносившимися по комнатамъ громкими звуками нашихъ голосовъ.

Пребываніе наше затягивалось. Однажды ночью мы проснулись отъ необыкновеннаго шума. Что-то непонятное громыхало, грохотало, возилось и разбивалось въ верхнемъ этажѣ. Затѣмъ все затихло.

---

[1]) Нынѣ генералъ-губернаторъ и командующій войсками Варшавскаго округа.

На слѣдующую ночь шумъ повторился гораздо слышнѣе, мы вскочили съ постелей и сбились въ кучу. Тетушка Марья Егоровна въ ночномъ костюмѣ вышла со свѣчей, не говоря ни слова, отправилась вверхъ по лѣстницѣ, за ней пошла съ блѣднымъ вытянутымъ лицомъ ея горничная.

„Петрушка, выходи!“ раздался съ лѣстницы повелительный голосъ Марьи Егоровны: „Петрушка, выходи, Катя сходите за управляющимъ“. Все очарованіе разрушилось какъ-бы по мановенію жезла добраго Финна. Лакей Петрушка появился съ чердака и на утро получилъ должное угощеніе.

Дѣло въ томъ, что Петрушка, пользуясь дурной славой, ходившей по всей окрестности о нечисти въ домѣ, началъ потѣшаться сначала надъ дворней, а потомъ, поощренный успѣхомъ, въ видахъ частыхъ посѣщеній господъ и проистекавшей отъ этого необходимости прислуживать, вмѣсто прогулокъ по лѣсу за грибами, задумалъ попробовать напугать и господъ, чтобы перестали на продолжительное время останавливаться. Въ этихъ видахъ Петрушка набилъ разныхъ черепковъ въ корзину, насыпалъ гороху въ мѣдный чайникъ, все это съ пустыми кувшинами навязалъ на веревку и, спустивши свой импровизованный инструментъ по лѣстницѣ съ чердака, проносился съ нимъ по всѣмъ комнатамъ второго этажа и скрывался на чердакѣ.

Хотя вся эта исторія насъ очень потѣшила, но впечатлѣніе испытаннаго страха было все-таки настолько велико, что дурная слава дома между нами нисколько не пострадала. По логикѣ нашихъ людей, Петрушка творилъ чудеса самъ по себѣ, а привидѣнія и нечисть сами по себѣ.

По совѣту Христіана Андреевича обыкновенно лѣтомъ насъ возили на шесть недѣль на морскія купанья. Послѣ Ораніенбаума стали ѣздить на Эстляндское побережье Меррекюль. Въ то время устройство дачъ было очень примитивно, въ Меррекюлѣ было ихъ только нѣсколько и очень маленькія. Въ нанятой нами дачѣ помѣщались бабушка графиня Сиверсъ, старшія и малыя дѣти, а всѣ остальные спали или въ сараяхъ, или въ экипажахъ, которые стояли вокругъ дачи. Мы очень любили эти поѣздки, проводя цѣлый день на побережьѣ.

Кромѣ нашихъ семействъ Скалоновъ, Криднеровъ, пріѣзжали изъ Лифляндіи Берги съ тремя сыновьями и дочерьми. Провизія въ изобиліи привозилась изъ Георгіевска, а въ самомъ Меррекюлѣ изобильно ловилась вкусная камбала, которая современемъ, какъ мнѣ разсказывали потомъ рыбаки, совершенно изчезла. Она очень вкусна въ ухѣ, а въ особенности свѣже-копченая. Для этого мы

разводили на берегу огонь и вторично, пока купались, прокапчивали ее въ густомъ дыму зеленыхъ вѣтокъ сосны.

Между тѣмъ... между тѣмъ, время шло чередомъ, и я совсѣмъ упустилъ разсказать, какъ меня посадили за науку. Читать я выучился еще до второго брака папà, когда мы жили подлѣ арки. Учился я по „Елкѣ", и никакого мученія грамота мнѣ не доставляла. Такъ же легко я выучился читать по-нѣмецки и по-французски, когда мы зажили новымъ домомъ въ главномъ же штабѣ, противъ площадки Зимняго дворца. Но тутъ матушка взяла для насъ съ сестрой Ольгой гувернантку изъ воспитанницъ Павловскаго института, м-мъ Симонову.

Капризная, безтолковая,—она достигла того, что я озлобился на всякое ученіе. Съ своей стороны, она, должно быть, меня тоже возненавидѣла и не пропускала случая насолить. Матушка Юлія Егоровна была въ отъѣздѣ изъ Георгіевска, а у насъ гостила сестра моей родной матери тетушка Агнеса Григорьевна. М-мъ Симонова достигла того, что меня, какъ неисправнаго лѣнтяя, за незнаніе испанскихъ рѣкъ и сіерръ—выпороли россійскою березою. Очень меня это обидѣло, и я глубоко возненавидѣлъ свою наставницу, которая за эту продѣлку разссорилась съ моими заступницами, старшими сестрами. За обѣдомъ съ той поры я рѣдко ѣлъ всѣ блюда, но зато съ лихвою нагонялъ недополученное или наверху у сестеръ, или въ коморкѣ за кухнею у добрѣйшаго повара Петра Николаевича, которому сообщали о моихъ лишеніяхъ наша прислуга: Христіанъ и Митрій.

Зимою ученье мое совсѣмъ хромало, кромѣ французскаго языка, которымъ я началъ заниматься у швейцарки M-lle Amulie Monot. Мы съ ней дружили. Она добродушно понюхивала табачекъ, а я преуспѣвалъ въ вербахъ и особенно въ разговорѣ.

Въ свободное время я зачитывался подаренными мнѣ книжечками: — крестовые походы и сказки для дѣтей изъ тысячи и одной ночи.

Однажды для насъ взяли ложу въ Императорскомъ циркѣ, давали „Жако-Бразильскую обезьяну", въ которой отличался любимецъ публики клоунъ Віоль. Мы уже были одѣты, чтобъ ѣхать, какъ M-me Симонова ехидно объявила: „Митю не слѣдовало бы брать—онъ упорно лѣнится и не готовитъ уроковъ". Мамаша Юлія Егоровна была строга и, обратившись ко мнѣ, рѣшительно объявила: „Въ такомъ случаѣ раздѣвайся. Ты останешься дома и приготовишь невыученный урокъ". Я былъ ужасно огорченъ и окаменѣлъ отъ жестокости, неожиданности и наказанія. Всѣ ухали. Я пошелъ въ гардеробъ и изрѣзалъ юбку Симоновой. За меня вступились сестры,

и мнѣ это обошлось даромъ, а главное, батюшка рѣшилъ окончить женское воспитаніе, отпустить гувернантку и отдать меня въ корпусъ.

До поступленія въ корпусъ, мнѣ была предоставлеца полная свобода, продолжалось это съ октября до конца года. За это время я много прочелъ разныхъ книгъ и въ томъ числѣ: Иліаду—Гомера, Айвенго—Вальтеръ-Скота и Исторію Крестовыхъ походовъ—Мишо.

Батюшка былъ товарищемъ Якова Ивановича Ростовцова по Пажескому корпусу, который былъ на нѣсколько лѣтъ старше отца. Обратившись съ просьбою о моемъ опредѣленіи въ Пажескій корпусъ, на вопросъ Якова Ивановича: „а онъ у тебя способный?“ батюшка отвѣчалъ: „способный“. „Такъ я тебѣ совѣтую отдать его въ 1-й корпусъ; онъ здѣсь будетъ лучше учиться, и я за нимъ посмотрю. А относительно выпуска въ гвардію не безпокойся. Будетъ учиться—ничего не потеряетъ“.

Въ январѣ 1852 года батюшка повезъ меня въ корпусъ и сначала представилъ директору Оресту Семеновичу Лихонину. Это былъ сухой и безсердечный человѣкъ, но корпусъ держалъ въ большомъ порядкѣ.

Черезъ нѣсколько дней я былъ опредѣленъ и назначенъ въ неранжированную роту. Батюшка опять повезъ меня въ корпусъ. Мы вошли черезъ парадный подъѣздъ въ бывшемъ Меншиковскомъ дворцѣ. Поднялись по дубовой старинной лѣстницѣ, безконечнымъ корридоромъ дошли до общей сборной залы, которая показалась мнѣ пустынею; у меня упало сердечко, и я боязливо хватился за руку папà. „Что ты, Митя? Не робѣй, развѣ твои крестоносцы-рыцари боялись? Учись и веди себя хорошенько, будешь доволенъ и полюбишь твой корпусъ“. Я подбодрился.

Ротный командиръ, капитанъ Сухотинъ, обласкалъ меня. Рота сидѣла въ классахъ. Отецъ простился со мной, благословилъ и уѣхалъ.

Жутко было. Но я крѣпился. Меня посадили во 2-й приготовительный классъ, такъ какъ половина курса была пройдена, и мнѣ было бы трудно успѣвать въ 1-мъ общемъ. Благодаря этому обстоятельству, я не боялся уроковъ, тѣмъ болѣе, что познанія мои во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ были выше товарищей. Страшилъ меня только учитель ариѳметики Звѣрзинъ. Это былъ своего рода типъ: худой, рябой, съ прическою кокомъ, во фракѣ съ пуговицами, онъ не спрашивалъ обыкновеннымъ голосомъ, а какъ-то рычалъ и при малѣйшемъ замедленіи въ отвѣтѣ насупливалъ брови и молча ставилъ единицу, двойку, или тройку, въ зависимости отъ общихъ познаній ученика.

Кадеты опасались этихъ балловъ, потому что по субботамъ всѣ классы обходилъ инспекторъ А. Я. Кушакевичъ и приглашалъ къ себѣ на чаекъ. Кушакевичъ былъ хохолъ, хорошій математикъ, дружилъ съ Остроградскимъ и любилъ поговорить. Въ другіе дни мы радовались его приходу, потому что, понюхивая табакъ, онъ не останавливаясь говорилъ до перемѣны, ну, а по субботамъ бѣдные лѣнтяи терпѣть его не могли. Онъ обучалъ великаго князя Николая Николаевича и Михаила Николаевича, въ обращеніи съ кадетами былъ простъ и привѣтливъ, но любилъ пороть. Должно быть, потому, что торжественная обстановка и вызываемыя сильныя ощущенія возбуждали въ немъ потоки излюбленнаго краснорѣчія.

Были кадеты, которые не боялись розогъ и, какъ спартанцы, переносили ихъ въ нѣмую. Товарищи къ нимъ относились съ уваженіемъ и на нихъ розги не налагали позора. Были и такіе молодцы, которые не давали себя сѣчь. Такъ Арнольдъ бросился изъ галлереи 2-го этажа и переломилъ ногу, а Крейтеръ въ Неву, но его успѣли вытащить.

Утреннюю зорю били въ 5½, въ 6 строились къ осмотру и послѣ молитвы шли къ столу. Пили сбитень съ булкой. Въ 7 садились готовиться къ урокамъ въ классы. Въ 8 приходили учителя. Въ двадцать пять минутъ десятаго барабанъ означалъ перемѣну на 10 минутъ; выбѣгали на плацъ или въ садъ; въ 11 оканчивались утреннія занятія; получали ломтикъ хлѣба съ солью; черезъ полчаса отправлялись на строевое ученье, гимнастику, или въ танцклассъ; въ половинѣ второго переодѣвались въ новое платье; производилась стойка по кроватямъ, т. е. вытягивались по правую сторону кроватей. Послѣ стойки до обѣда давалась первая рекреація на ¾ часа. Во время стойки насъ обходило высшее начальство—командиръ баталіона полковникъ Малевичъ или директоръ.

Въ эти же часы пріѣзжалъ Государь Императоръ Николай Павловичъ или Цесаревичъ. У меня, какъ поступившаго въ январѣ, еще не было погоновъ; въ первый же пріѣздъ Государь, обходя роту, остался недоволенъ стойкою нѣкоторыхъ кадетъ, въ особенности дурно стоялъ одинъ изъ дневальныхъ кадетиковъ, а былъ онъ, какъ всѣ должностные, въ погонахъ. Государь, обходя роту, выражалъ Свое неудовольствіе: „Это что за стойка", раздавался Его громкій голосъ, „развѣ это стойка? развѣ можно награждать погонами при такой выправкѣ?" При этомъ Онъ указывалъ на кадетъ, которые неправильно стояли. Поровнявшись со мною, Государь указалъ: „Вотъ стойка!" Помню Его строгое лицо, конно-гвардейскій сюртукъ и заплаты подъ мышкой и на сапогѣ. Государь отбылъ и въ знакъ неудовольствія не распустилъ насъ.

Послѣ отбытія началась переборка. „Отчего это у Скалона нѣтъ еще погонъ?“ спросилъ директоръ, „развѣ онъ плохо учится, или дурно себя ведетъ?“—„Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Превосходительство“, отвѣтилъ нашъ новый ротный капитанъ Михаилъ Яковлёвичъ фонъ-деръ-Вейде, „онъ прекрасный мальчикъ“. „Такъ нашейте ему сейчасъ же погоны“. Я былъ ужасно обрадованъ, въ особенности отличіемъ самого Государя Императора и съ гордостью посмотрѣлъ на новое украшеніе моей куртки. Но . . . . . . баталіонный командиръ приказалъ меня нарядить постояннымъ дневальнымъ отъ 11 до 4-хъ, т. е. на время возможныхъ посѣщеній, для того, чтобы было благопріятно первое впечатлѣніе, такъ какъ дневальные стояли у входныхъ дверей въ роту, и это до слѣдующаго пріѣзда Императора, т. е. ежедневно отъ 11-ти часовъ и до 4-хъ. Это было почетно, но утомительно и лишало меня рекреацій, вынуждая ходить въ аммуниціи и съ каской.

Вечерніе классы съ перемѣною въ 10 минутъ оканчивались въ 7 вечера. До 8-ми мы были свободны и рѣзвились въ большой залѣ съ портретомъ нашей основательницы Императрицы Анны Іоановны. Позднѣе при Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ въ этой залѣ засѣдала комиссія Я. И. Ростовцева по освобожденію крестьянъ.

Отъ 8-ми до 9-ти готовили уроки. Въ 9-ть ужинали; въ 10 весь корпусъ спалъ.

Сообщилъ Д. А. Скалонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Горячка отъ Высочайшей похвалы.

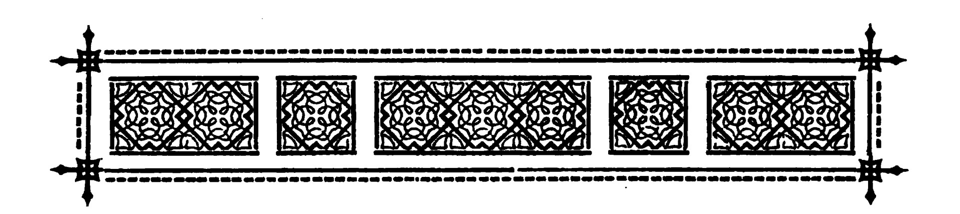
Императора Павла I, весьма ревниво относившагося къ плацъ-парадным тонкостямъ и сурово наказывавшаго за малѣйшее упущеніе въ этомъ отношеніи, очень боялись солдаты. Нижеприведенный эпизодъ очень колоритно обрисовываетъ эту боязнь государя нижними чинами, изъ которыхъ съ однимъ сдѣлалась даже горячка отъ одной неожиданной встрѣчи съ Государемъ, не взирая на то, что онъ удостоился при этой встрѣчѣ высочайшей похвалы.

По разсказу кавалергарда В. Б. Длотовскаго, сохранившемуся въ семейныхъ воспоминаніяхъ, однажды наканунѣ вахтъ-парада онъ, волнуясь изъ-за предстоявшаго смотра, продѣлывалъ ружейные пріемы, одѣтый въ рейтузы и чистое бѣлье. Товарищъ его командовалъ. Когда онъ взялъ ружье на караулъ, въ помѣщеніе внезапно вошелъ Павелъ Петровичъ. Государь спросилъ: „что дѣлаете, судари мои?“ Длотовскій съ испуга ничего не отвѣчалъ, а товарищъ его, сохранившій присутствіе духа, отвѣчалъ: „служимъ вашему величеству и упражняемся въ ружейныхъ пріемахъ“. Государь внимательно осмотрѣлъ стойку Длотовскаго и сказалъ: „хвалю!“ Выходя же изъ помѣщенія, государь обернулся и снова проговорилъ: „еще хвалю!“ Длотовскій долго оставался въ оцѣпенѣломъ состояніи и не могъ отвѣчать на вопросы товарища. Разстроеннымъ онъ легъ спать, но ночь провелъ безъ сна и чувствовалъ себя нездоровымъ. Вахтъ-парадъ прошелъ весьма удачно, но по возвращеніи въ казармы Длотовскій, окончательно разболѣвшійся, былъ отправленъ въ госпиталь. На третій день Государь спросилъ шефа кавалергардовъ: „чѣмъ боленъ мой усердный кавалергардъ?“ Отвѣтъ былъ краток и вразумителенъ: „находится въ горячечномъ состояніи“. Черезъ нѣкоторое время, на новый запросъ Государя о здоровьѣ Длотовскаго, было доложено: „плохо, ваше величество, доктора не надѣются на скорое выздоровленіе, потому что петербургскій климатъ вреденъ для Длотовскаго“. Длотовскій былъ переведенъ послѣ этого въ С.-Петербургскій драгунскій полкъ.

Такъ дорого обошлось для Длотовскаго посѣщеніе Государя, который, даже и при милостивомъ обращеніи съ нижними чинами, былъ окруженъ для нихъ такимъ ореоломъ суровости, что они впадали въ горячку.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Изъ исторіи масонской ложи Палестины.

Ces voutes sacrés ou le prestige n'existe pas, où l'homme parait tel qu'il est, oř la Richesse et la Puissance ne sont point une recommandation...

На закатѣ вѣка Екатерины масонскія ложи, одна за другой, закрыли свои работы, но, возвѣщая о закрытіи ложъ, братья-начальники выражали увѣренность, что масонство въ Россіи возобновится съ новою силою, когда къ тому будутъ благопріятныя времена. „Тогда—говорили они,—ложи вновь откроютъ двери свои вѣрнымъ братьямъ, тѣмъ братьямъ, которые въ годины испытаній останутся вѣрны истинному духу священнаго Ордена". Братья — высокіе начальники, хорошо знали, что масонство пустило слишкомъ глубокіе корни, что корни пробились чрезъ многіе слои общества и что вырвать масонство съ корнемъ, сразу, формальнымъ запрещеніемъ производить масонскія работы, невозможно.

И дѣйствительно, много было такихъ братьевъ, сохранившихъ духовные масонскіе завѣты и масонскіе вещественные знаки въ ожиданіи лучшихъ дней, которые и наступили съ воцареніемъ Императора Александра I-го. Въ первые же годы царствованія Александра Павловича начали открываться масонскія ложи, нарождались новыя и возобновлялись старыя; кругъ адептовъ священнаго Ордена масоновъ сильно увеличился, дѣятельность братьевъ-каменщиковъ сдѣлалась извѣстной обществу и возбудила толки; проповѣдь масонства такими людьми, какъ сенаторъ Лопухинъ, или извѣстный мистикъ Лабзинъ, не могла остаться непримѣченной; секта, по выраженію графа Ростопчина, „подняла голову", и въ 1810 году правительство нашло своевременнымъ обратиться къ начальникамъ масонскихъ обществъ чрезъ посредство министра

полиціи для затребованія масонскихъ актовъ, т. е. всѣхъ законовъ, правилъ и постановленій, которыми руководствовались масоны. Въ письмѣ министра полиціи къ начальникамъ, написанномъ въ августѣ 1810 года, причина вмѣшательства правительства въ масонскія дѣла изъясняется такъ: „Начальникамъ существующихъ здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) масонскихъ обществъ извѣстно, что правительство, зная ихъ существованіе, не полагало никакихъ препятствій ихъ собраніямъ. Со своей стороны и общества сіи заслуживають ту справедливость, что доселѣ не подавали они ни малѣйшаго повода къ какому-либо на нихъ притязанію. Но неосторожностію нѣкоторыхъ членовъ, взаимными ложъ состязаніями и нѣкоторою поспѣшностію къ расширенію ихъ новыми и непрестанными принятіями, бытіе сихъ обществъ слишкомъ огласилось. Изъ тайныхъ они стали почти явными и тѣмъ подали поводъ невѣжеству или злонамѣренности, къ разнымъ на нихъ нареканіямъ. Въ семъ положеніи вещей и дабы положить преграду симъ толкованіямъ, правительство признало нужнымъ войти подробнѣе въ правила сихъ обществъ и удостовѣриться въ тѣхъ основаніяхъ, на коихъ они могутъ быть терпимы или покровительствуемы“ и т. д. [1]).

Одною изъ ложъ, представившихъ вслѣдствіе этого письма акты свои административнымъ властямъ, была ложа Палестины. Ложа Палестины, открывъ свои работы 4 марта 1810 года, просуществовала вплоть до закрытія ложъ въ 1822 году.

Въ 1810 году о ложѣ Палестины министръ полиціи [2]) собралъ такого рода свѣдѣнія: „ложа Віельгорскаго, подъ названіемъ Loge de la Palestine, не имѣетъ никакихъ особыхъ правилъ, а работаетъ по системѣ Жеребцова (французской), членовъ 75“. Система Жеребцова (управлявшаго ложею Соединенныхъ друзей), по мнѣнію министра полиціи, не заключала въ себѣ ничего предосудительнаго, такъ какъ состояла изъ однѣхъ церемоній: „ученія мало и предмету никакого“; въ таковомъ мнѣніи министръ особенно былъ укрѣпленъ признаніями двухъ управляющихъ мастеровъ масоновъ— А. А. Жеребцова и М. Ю. Віельгорскаго, признававшихся, что имъ самимъ будто бы неизвѣстна истинная цѣль масонства и что въ ложахъ, состоящихъ подъ ихъ властью, не знаютъ никакой масонской тайны и всѣ работы сводятся къ выполненію всевозможныхъ

---

[1]) Моск. Р. М. № 2. Сборникъ всевозможныхъ масонск. бумагъ; между прочимъ, Пыпинъ заимствовалъ и отсюда свѣдѣнія для своихъ матеріаловъ для исторіи масонскихъ ложъ („Вѣстникъ Европы“).

[2]) Интересно отмѣтить, что министръ полиціи Балашевъ самъ числился въ спискахъ □ Соед. Друзей, гдѣ имѣлъ степень Рыцаря Востока въ 1810 году.

церемоніаловъ и къ творенію добра несчастнымъ, бѣднымъ и страждущимъ братьямъ по человѣчеству. Признавая за масонами ложи Палестины „добродѣтель человѣколюбія", министръ однако питалъ сомнѣніе, чтобы ложа, ограничившая свою дѣятельность выполненіемъ пустыхъ обрядовъ, долго могла просуществовать, и полагалъ, что она или превратится въ мѣсто для пировъ или въ разсадникъ опасныхъ ученій, если попадетъ въ соотвѣтствующія руки, или же въ питомникъ добродѣтелей, если власть окажется въ рукахъ человѣка достойнаго. Вѣроятно вслѣдствіе такого рода сомнѣній, акты ложи Палестины не были ей возвращены до октября 1811 года, и ложа хлопотала у министра народнаго просвѣщенія Разумовскаго о дозволеніи возобновить пріостановленные годъ съ лишнимъ пріемы въ ложу и просила вернуть акты. Письмо датировано 8 октября 1811 года, однако существуетъ списокъ съ масонской рѣчи, произнесенной въ ложѣ Палестины на французскомъ языкѣ [1]) въ 11-тый день 7-го мѣсяца, изъ чего слѣдуетъ, что лишь пріемы новыхъ членовъ были прекращены во время разсмотрѣнія правительственной властью актовъ, обыкновенныя же собранія братьевъ ложи продолжались. Эта рѣчь интересна еще и въ другомъ отношеніи: она показываетъ настроеніе братьевъ въ отношеніи правительства. Приведу нѣсколько отрывочныхъ строкъ изъ этой рѣчи, наиболѣе характерныхъ: „Alexandre n'emploit pas d'autre joug pour ses peuples que le penchant qui entraine vers lui tous les coeurs. Sa puissance est dans l'amour de ses sujets, dans le bonheur dont ils jouissent sous son gouvernement paternel". „Les querelles des grands de la terre entrainent toujours la ruine des petits, c'est dans ces temps desastreux qu'il faut elever des temples à la Charité". „Quoique la Russie soit un des pays les plus eloignés du thèatre de la guerre, malgré tous les soins philantropique de son gouvernement. Des lettres de divers endroits de cet Empire annoncent les détails les plus affligeants sur les ravages que le feu a causé dans les villes les plus florissantes". „Une femme ornement de son sexe autant par ses vertus que par sa beauté, vient d'ouvrir une souscription en faveur des malheureuses incendiés". „Je me contente de vous dire que cette souscription se fait de la connaissance du gouvernement et qu'elle nous présente une belle occasion de signaler nos sentiments maçonniques et notre devouement au pays qui tolère nos travaux Partici-

---

[1]) Ложа Палестины имѣла особый сборникъ пѣсней на франц. языкѣ; пѣсни были положены на музыку: Cantique de la loge St. Jean de la Palestine, O. de St. Petersbourg, dedié au T. R. et. T. J. G. M. F. Duc de Wurtemberg par les FF. de Messence, auteur des paroles, et A. Boildieu, auteur de la musique. A. Jerusalem.

pcs de tous nos moyens à cette souscription mes frères, n'est ce point embellir la fête que nous celebrons aujourd'hui. N'est ce point rendre hommage à notre bon Souverain d'une manière digne de lui et de nous".

Я привела выдержки изъ рѣчи по рукописному французскому подлиннику потому, что хотя русскихъ членовъ ложи Палестины и было не мало, однако, производя работы по французскимъ актамъ, всѣ рѣчи произносились по-французски, и лишь въ 1813 году совершилась знаменательная перемѣна въ этой ложѣ—въ ней начались масонскія работы по-русски. 1813 годъ сдѣлался эпохой въ жизни ложи Палестины: исполнилось страстное желаніе многихъ братьевъ, и ложа Палестины стала производить часть своихъ работъ на русскомъ языкѣ, продолжая работать также и на французскомъ. Инсталлація ложи на русскомъ языкѣ совершилась 12-го мѣсяца[1]) въ 23-й день въ присутствіи Великаго мастера графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, намѣстнаго мастера Сергѣя Степановича Ланского, перваго надзирателя Грушецкаго, второго надзирателя Егорова и другихъ братьевъ, которые собрались къ 7 часамъ по полудни и ложа была открыта, какъ значится въ протоколѣ, „со всѣми обрядами царственнаго ордена на россійскомъ языкѣ".

Рѣчь, сказанная Великимъ мастеромъ при открытіи ложи, къ сожалѣнію, не сохранилась, но взамѣнъ того сохранились черновики трехъ остальныхъ рѣчей, произнесенныхъ въ этотъ великій въ жизни ложи день; сохраненію этихъ рѣчей мы обязаны масонскимъ постановленіямъ, требовавшимъ, чтобы до произнесенія въ ложѣ какой бы то ни было рѣчи черновикъ ея заранѣе былъ доставленъ мастеру ложи для просмотра, т. е. своего рода цензуры[2]); эти черновики затѣмъ сохранялись въ архивѣ мастера; поэтому въ архивѣ Віельгорскаго нѣтъ его собственной рѣчи, а имѣются рѣчи остальныхъ трехъ ораторовъ.

Первымъ говорилъ рѣчь намѣстный мастеръ С. С. Ланской; вотъ эта рѣчь отъ слова до слова:

„Кто изъ братьевъ Свободныхъ Каменщиковъ могъ бы не возрадоваться, что въ Престольномъ Градѣ дражайшаго нашего Отечества еще въ одной изъ соединенныхъ ложъ открываются работы на

---

[1]) 1-мъ мѣсяцемъ по масонскому счисленію считается мартъ, но въ данномъ случаѣ подразумѣвался декабрь.

[2]) Въ нѣкоторыхъ ложахъ, напримѣръ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, были спеціально назначаемы братья для цензированія рѣчей; такъ, въ 1810 г. 9 числа, 5 мѣсяца цензорами рѣчей были назначены братья О де Сіонъ, Михаилъ Бороздинъ и Карбонье (Карбонье и О де Сіонъ были одни изъ основателей ложи).

любезномъ намъ отечественномъ языкѣ? что есть два дни въ мѣсяцѣ, въ которые хорошій и всякаго почтенія достойный братъ, не знающій иностраннаго языка, можетъ прійти въ храмъ нашъ принести жертву свою на олтарѣ Святаго человѣчества? Какая радость особенно для братьевъ, принадлежащихъ къ ложѣ Палестины, съ начала установленія своего украшавшейся кротостію и смиреніемъ и члены коея всегда отличались искреннимъ между собою согласіемъ и братолюбіемъ. Счастливое знаменіе, подъ коимъ работы сіи пріемлютъ свое начало, обѣщаютъ намъ благословенный успѣхъ! Сегодня всѣ Христіане готовятся къ великому торжеству. Сіе торжество должно быть еще священнѣе для насъ, ибо всякій свободный каменщикъ долженъ быть ревностный исполнитель всѣхъ налагаемыхъ на него должностей духовною и свѣтскою властію.

Но въ чемъ состоитъ истинное, достойное празднованіе великаго торжества? Въ шумныхъ ли бесѣдахъ? въ роскошныхъ ли пиршествахъ? въ забавахъ ли, приличныхъ однимъ во тьмѣ блуждающихъ профанамъ? — Я надѣюсь, почтеннѣйшіе братья, что каждый изъ васъ увѣровалъ, что не въ семъ состоитъ торжество человѣка, котораго непремѣнный долгъ есть стремиться къ совершенству. Одинъ великій мужъ уподоблялъ жизнь человѣческую путешествію, а праздники станамъ, или роздыхамъ, на коихъ останавливаться должно для того, чтобъ воспоминать прошедшее и извлекая изъ него полезные для себя уроки, собирать новыя силы для предлежащаго пути, — и свободно каменщическія ◻◻ суть станы или мѣста отдохновенія. Слѣдственно празднествомъ или успокоеніемъ св. каменщика должна быть истинная и справедливая ◻.

Когда же такъ, многопочтенные брр.: то возрадуемся нынѣ, ибо мы имѣемъ счастіе быть въ ◻, которую по правильному расположенію іероглифовъ и работъ можно назвать истинною.

Единомысліе насъ соединило, согласіе да подкрѣпитъ наше соединеніе, которое имѣетъ цѣлью точное и вѣрное исполненіе возлагаемыхъ на насъ должностей клятвою нашею и всѣми свободно каменщическими обѣтами. Таковымъ исполненіемъ докажемъ мы непоколебимую нашу вѣрность ордену и притупимъ жало крамолѣ, всегда старающейся очернить чистѣйшія намѣренія и приписать имъ цѣль вредную и злую. А чтобы не давать повода клеветѣ противъ насъ вооружаться, то постараемся всѣ единодушно быть ревностными и вѣрными исполнителями должностей, духовною и свѣтскою властію на насъ возлагаемыхъ, тогда никакая власть не будетъ имѣть причины порицать насъ и негодовать на насъ.

Если бы мы всегда были скромны, повиновенны, добронравны,

любовны ко всѣмъ человѣкамъ, а паче къ брр., постоянно мужественны, щедро безкорыстны, если бы наконецъ полюбили смерть, т. е. умерщвленіе всѣхъ пороковъ и злыхъ склонностей нашихъ, то какой бы профанъ, или по имени токмо масонъ нашелъ бы случай осуждать и поносить насъ, всѣ таковые оставили бы насъ въ покоѣ. Собственное поведеніе наше было бы нашею апологіею.

Когда наше поведеніе благо, то кто тогда наша защита, какъ не сама Высочайшая благость, предъ коей все и мы первые должны въ благоговѣніи умолкнуть.

При составленіи обыкновенной цѣпи, присоединимся ко звену той таинственной цѣпи, коея концы теряются въ непостигаемой вѣчности! Придержимся, братья, крѣпко звена сего, дабы никакая сила не могла насъ оторвать и вознесемъ въ кротости и смиреніи желанія наши чисто и безкорыстно къ Великому Строителю Міровъ — да благоволитъ родить въ насъ существенно вѣчную Любовь, которая была, есть и будетъ краеугольный камень, на которомъ зиждется духовный храмъ Соломоновъ и Камень Краеугольный всего Святаго Человѣчества".

Закончивъ рѣчь, братъ С. С. Ланской выслушалъ выраженіе благодарности отъ всѣхъ братьевъ и уступилъ мѣсто другому оратору—витіи ложи, брату Корсакову. Вотъ что говорилъ витія:

„Любезные и почтенные братья.

Открытіе работъ въ сей почтеннѣйшей □ Палестины на отечественномъ нашемъ языкѣ въ таковомъ же точно порядкѣ, въ каковомъ уже производятся оныя въ ней на языкѣ иностранномъ, есть происшествіе толь радостное для всѣхъ насъ, единодушно и искренно его желавшихъ, что оно долженствуетъ пребыть для насъ навсегда незабвеннымъ. Незабвеннымъ потому, что счастливое сіе событіе служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, колико премудро Высочайшій и любвеобильнѣйшій Строитель печется о тѣхъ зиждущихъ, кои не имѣютъ и страшатся имѣть иное какое-либо намѣреніе кромѣ того, чтобы стремиться къ образованію на благо сердца и къ истинному просвѣщенію разума по тѣмъ правиламъ, кои толь ясно, удовлетворительно, и премудро изложены въ актахъ истиннаго Св. Каменщичества актахъ, по коимъ сія почтеннѣйшая □ Палестины удостоилась работать.

Чѣмъ же, любезные и почтенные брр., руccкіе члены сея □, возможемъ мы доказать, что таковое стремленіе проистекаетъ изъ чистыхъ побужденій, какъ не тѣмъ, чтобы для очищенія желаній отъ порочныхъ страстей, для освобожденія понятія отъ заблужденій и для обузданья чувственныхъ превратныхъ вожделѣній, воспользо-

ваться тѣми средствами, кои свящ. Орденъ съ такою любовью намъ предлагаетъ, имѣя въ виду существенное наше благополучіе, коего ежели мы не обрѣтемъ, то не Орденъ тому виною?

И такъ, когда обильныя средства къ улучшенію нашему намъ предложены и мы по единой милости Господней точно повѣрили, что оныя суть справедливыя и что путь намъ показанный точно къ необманчивому усовершенствованію нашему ведетъ, то остается намъ шествовать съ бодростію и мужествомъ, не совращаясь съ сего истиннаго пути никакими соблазнами, никакими огорченіями, никакими обманчивыми и льстивными видами и благоговѣйно умоляя Всемогущаго Строителя, да поможетъ намъ быть работниками усердными, прилежными, вѣрными и преданными!

А дабы, любезные брр., русскіе члены ея □, намъ таковыми содѣлаться существенно, а не по наружности токмо, то должны мы выше всего поставлять упражненія въ тѣхъ нравственныхъ и общественныхъ добродѣтеляхъ, коихъ теоретическое познаніе жалуется намъ въ ученіи истиннаго масонства. Должны мы оживляться полною довѣренностью и повиновеніемъ къ благодѣтельному для насъ руководству, воспитываться и возрастать въ самой искренней любви ко всему человѣчеству и наипаче къ братьямъ, утверждать дружественную, неразрывную связь, совершенное согласіе и братскую любовь между собой въ особенности, но только же нелицемѣрно и въ отношеніи всѣхъ почтенныхъ и любезныхъ братьевъ, соединенныхъ съ нами, стараясь во всѣхъ нашихъ поступкахъ являть имъ непритворное наше братское расположеніе, основанное на истинномъ доброжелательствѣ имъ всего лучшаго. Мы должны надѣяться, что и они равномѣрно не престанутъ удостоивать оное таковою же братскою любовью, дабы взаимно помогать другъ другу сооружать въ сердцѣ нашемъ храмъ добродѣтели и таковой же степени совершенства, каковъ былъ храмъ Соломоновъ" [1]).

Рѣчь брата витіи также была всѣми братьями выслушана съ благодарностію, которая и выражена по масонскому обыкновенію троекратнымъ рукоплесканіемъ.

Присутствующіе посѣтители пользовались правомъ произносить слово, предварительно, конечно, заручившись согласіемъ управляющаго мастера и представивъ ему, какъ выше уже было сказано, черновикъ рѣчи. Во время торжественной инсталляціи ложи Палестины на русскомъ языкѣ изъ гостей, сказалъ рѣчь только братъ Лукницкій.

---

[1]) Храмъ Соломоновъ у масоновъ считался идеаломъ строительнаго искусства.

„Высокопочтенный Великій Мастеръ, почтенные братья, 1-й надзиратель и вы, почтенные братья, свободные Каменщики,--говорилъ Лукницкій, здѣсь въ „храмѣ“, добродѣтели, премудрости и вѣрѣ посвященномъ, здѣсь, гдѣ каждый изъ насъ оставляетъ всѣ тлѣнности подверженныя вещества, всѣ ослѣпляющіе человѣка призраки, знатность, породу, богатство, чины и прочія химеры, житейское море наше волнующія, обращаемъ всѣ свои помыслы къ благу себѣ подобныхъ, къ вспомоществованію страдающаго человѣчества, къ очищенію себя отъ пороковъ, отъ любимыхъ страстей, отъ невольныхъ и заблужденіемъ вселенныхъ въ сердце наше слабостей. Каждый изъ насъ, созидая въ жизни сей внутренній и духовный храмъ въ сердцахъ нашихъ, готовитъ себѣ ту же участь, которую Великій Строитель міра назначилъ всѣмъ любящимъ его, всѣмъ сынамъ своимъ, кои не забывали законовъ и глаголовъ, премудростью Его намъ изреченныхъ.

Здѣсь собрались мы, любезные братья! Скажите, какое намѣреніе, какая мысль привлекаетъ васъ въ сіе скромное и однѣмъ добродѣтелямъ посвященное мѣсто? Какія надѣетесь вы пріобрѣсти пользы сердцамъ вашимъ, чего ожидаете вы отъ откровенія вамъ высокихъ степеней или почтеннѣйшаго Ордена? Неужели въ семъ единомъ мѣстѣ можете вы обрѣсти званіе мужа добродѣтельнаго, отца семейства, мирнаго гражданина, вѣрнаго подданнаго искренняго друга и попечителя о несчастныхъ намъ подобныхъ?

Ахъ, любезные братья! Сколь просторенъ міръ сей! Неужели нѣтъ въ немъ добродѣтельныхъ, не видѣли ли мы множества достойныхъ отцовъ семействъ, развѣ мало есть мирныхъ гражданъ? Не наполнено ли наше любимое отечество вѣрными подданными или не находимъ въ нуждѣ искреннихъ друзей и никогда не представлялись Вамъ въ обитателяхъ вселенной примѣры человѣколюбія и щедрости?

Такъ! Всѣ сіи высшія достоинства находятся въ мирѣ, но злоба, зависть, праздность, веселіе, алчность къ корыстолюбію и прочіе пороки подавили добродѣтели. Суетныя развлеченія иногда и добродѣтельныхъ подвергаютъ осужденію тѣхъ, кои менѣе ихъ о добродѣтели понятіе имѣютъ; свѣтскія забавы отвлекаютъ часто самаго попечительнаго отца семейства отъ его обязанностей. Шумныя празднества и мирнаго гражданина приводятъ въ искушеніе, сребролюбіе и хитрость ослѣпляютъ глаза главнѣйшимъ подпорамъ отечества, зависть и самолюбіе и изъ искреннихъ друзей творятъ намъ враговъ. Алчная скупость отвращаетъ весьма часто слухъ свой отъ человѣколюбиваго вспомоществованія ближнему. Вотъ, любезные братья, для чего оставляемъ мы на нѣкоторое время коловрат-

ное житіе міра сего и, приходя сюда въ сокровенности тишины и благоговѣнія къ Тріипостасному, научаемся творить добро— Ему, Великому токмо пріятное и намъ истиннымъ свободнымъ каменщикамъ, такъ какъ любимѣйшимъ чадамъ Великаго Строителя Вселенной, толико пріятное. — Воззрите на сегодняшнее собраніе наше и научитесь изъ онаго истинной братской любви связующей всѣхъ каменщиковъ и всѣхъ людей дружбою и любовью другъ къ другу. Вы видите, любезные братья почтенной ложи Палестины, въ коей управляющій Высокопочтенный Великій Мастеръ въ первый разъ держитъ работу оной на нашемъ языкѣ, научитесь и Вы симъ примѣромъ и съ иноплеменными вашими братьями и въ чужестранныхъ находить своего соотчича, и во врагѣ своемъ старайтесь обрѣтать себѣ друга, не осуждайте споткнувшагося на пути своемъ, но исправьте его своими совѣтами, покажите ему примѣръ своимъ снисхожденіемъ, своею любовью, кротостію и великодушіемъ,—таковымъ былъ самъ Великій Мастеръ!

Слѣдуя примѣрамъ Его, безпримѣрнаго, научимся быть добродѣтельными, употребляя съ пользою орудіе, данное намъ въ первой нашей степени очистить отъ всѣхъ грубыхъ и дикихъ наростковъ неотесанный камень и въ жизни нашей получитъ онъ приличную ему правильность, чистоту и полировку, да послужитъ онъ украшеніемъ всему зданію духовиому!

Вотъ, любезные братья, главное намѣреніе наше, вотъ та высокая цѣль, для которой, собираясь въ сей священный храмъ, благоговѣемъ мы душевно и пріучаемъ себя къ понесенію работъ однимъ нетлѣннымъ свободнымъ каменщикамъ приличнымъ, и здѣсь забываемъ навсегда мірскія суеты дѣлами духовными. — Благословенъ сей день, сей день, въ который почтенная ложа Палестины, удваивая работы свои, старается о благополучіи нашемъ, печется о просвѣтленіи нашего сердца и разума! Научимся ея примѣромъ, всегда и гдѣ бы то ни было, споспѣшествовать работами нашими столь ревностно, сколь искренные каменщики того желать должны, днесь ограничивая усердіе и благодарность къ высокопочтенному Великому Мастеру такъ, какъ и ко всей почтеннѣйшей сей ложѣ, испросимъ съ искреннимъ чувствомъ благоговѣнія у Великаго Строителя міра да подастъ Онъ крѣпость, силу, красоту и единодушіе! Каковое чувствованіе наше заключимъ обыкновенными нашими знаками.

Любезные братья, помогите!"

И брату Лукницкому члены ложи Палестины рукоплесканіями выразили свою признательность за сказанное имъ слово.

Въ протоколѣ отмѣчено, что ложа инсталлаціи закончилась сбо-

ромъ на бѣдныхъ, который былъ предложенъ Великимъ Мастеромъ, съ цѣлью все собранное „отъ щедролюбія и расположенія братьевъ къ оказанію пособія страждущему человѣчеству“ отослать въ тюрьму для раздачи заключеннымъ; Віельгорскій замѣтилъ при томъ, что не ожидаетъ большого сбора за малочисленностію собранія, но что купленный на эти деньги хлѣбъ, доставшійся страждущему несчастливцу, навѣрно будетъ омытъ слезами и рука, подавшая хлѣбъ отъ чистаго сердца и доброй воли, будетъ благословляема.

Сборъ достигъ 47 рублей 50 коп., которые и было поручено раздать въ тюрьмѣ.

Дѣломъ благотворенія кончилось по масонскому обыкновенію и это торжество инсталлаціи, а въ 9½ часовъ вечера Великій Мастеръ на Востокѣ и братъ надзиратель на западѣ ударами священныхъ молотковъ закрыли работы и братья въ числѣ 21 человѣка отпущены съ міромъ. Столовой ложи не было; это являлось исключеніемъ, такъ какъ и въ ложѣ Палестины богатый ужинъ по подпискѣ заканчивалъ всякаго рода работы. Эти ужины, по-масонски—столовыя ложи, зачастую стоившіе большихъ денегъ, несмотря ни на какія увѣщеванія отдѣльныхъ лицъ, желавшихъ совершенно исключить пиршества изъ масонскаго обихода, совершались и въ ложѣ Палестины до послѣдняго времени ея существованія, т. е. до 1822 года, года запрещенія всѣхъ ложъ. Привожу пригласительный билетъ въ ложу Палестины отъ 16-го февраля 1822 года.

Or.·[1]: de St. Petersbourg. Le 16 Febrier 1822 г.

T.: R.: et T.: C.: F. [2]:

La R.: □ de la Palestine vous prie d'assister à la fêt anniversaire de sa fondation qui sera celebrée le Samedie 4-me Mars prochain. Les travaux s'ouvriront à 7 heures du soir et serons suivis d'un banquet f.: à 7 roubles.

Билетъ подписанъ по порученію братьевъ ложи секретаремъ братомъ Ліозёномъ (Liausun).

Не только 1813 годъ былъ знаменателенъ для ложи Палестины: въ 1815 году совершилась перемѣна еще значительнѣе, такъ какъ члены ложи порѣшили принять совершенно иную масонскую систему. До 1814 года ложа Палестины числилась въ союзѣ Великой Директоріальной ложи Владимира къ Порядку, но когда Директоріальная ложа утратила свое значеніе и раздѣлила свою власть съ вновь образованной другой великой ложей, возникшей подъ наименованіемъ Астреи, ложа Палестины второю изъ 4-хъ ложъ, подпи-

---

[1]) Orient.

[2]) Très respectables et très chers frères.

сала законоположеніе этой новой ложи, извѣстное подъ названіемъ Конституціи великой ложи Астреи.

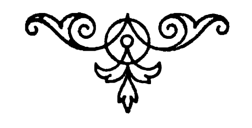
Установивъ работы на русскомъ языкѣ, члены ложи Палестины ревностно устраивали засѣданія на этомъ языкѣ; это были поучительныя ложи, гдѣ Великій Мастеръ разбиралъ вопросы о существѣ и цѣли масонскаго ордена и значеніи масонской обрядности. По сохранившемуся черновику протокола видно, что такая поучительная ложа происходила въ 7-ой день 1-го мѣсяца 1814 г. Вотъ выдержка изъ этого протокола.

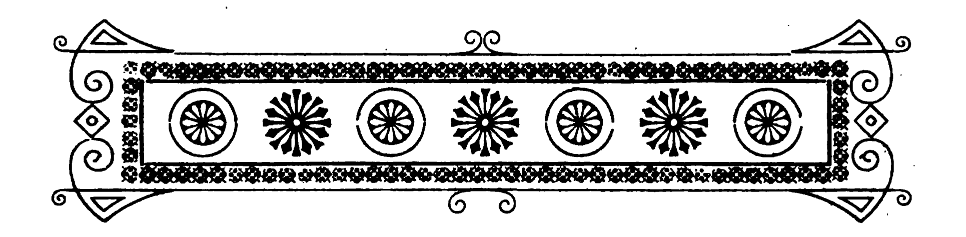
„На востокѣ Санктъ-Петербурга, лѣта истиннаго просвѣщенія 5814-го 1-го мѣсяца въ 7 день при обнаженномъ мечѣ и раскрытомъ святомъ писаніи въ справедливой и совершенной ложѣ Палестины въ присутствіи В. М. брата Велегорскаго, намѣстнаго мастера Ланского, 1-го надзирателя бр. Грушецкаго, 2-го надзирателя бр. Егорова и прочихъ чиновниковъ и членовъ сея почтенныя ложи происходило слѣдующее. Въ 8 часовъ пополудни В. М. на востокѣ открылъ □ поученія св. Іоанна въ ученической степени со всѣми обрядами царственнаго нашего ордена. По совершенномъ открытіи □ бр. секретарь по повелѣнію В. М. читалъ протоколъ предыдущаго собранія, который съ согласія всѣхъ присутствующихъ братьевъ утвержденъ обыкновеннымъ порядкомъ. В. М. дѣлалъ вопросы изъ катехизиса Св. К. бр. 1-му надзирателю, бр. 2-му надзирателю, бр. секретарю, бр. ритору, бр. казначею и бр. обрядоначальнику, на которые они каждый въ свою очередь отвѣтствовали надлежащимъ образомъ. В. М. учинилъ замѣчаніе на вопросъ, сдѣланный имъ 1-мъ надзирателемъ, какія суть побудительныя причины ко вступленію въ Св. К., просилъ присутствующихъ братьевъ обратить ихъ вниманіе на сей вопросъ, изъ котораго В. М. угодно было для пользы брр. въ наставленіе вывесть разсужденіе, что есть побудительныя и побуждающія причины; чрезъ первыя, если онѣ происходятъ изъ чистаго источника, судя по качеству ихъ, вновь принятый бр. получаетъ награду въ орденѣ по мѣрѣ достоинства тѣхъ побудительныхъ причинъ, чрезъ посредство коихъ вступилъ онъ въ масонство,—ежели сіи причины были справедливы и основательны и произошли отъ чистаго источника; одинъ только ищущій, страждущій и достойно требующій обрѣтаетъ въ орденѣ пользу, награду и совершенное успокоеніе за всѣ трудности и страхи, претерпѣнные имъ при вступленіи въ орденъ до того времени, когда чрезъ раскрытое слово живого Бога подаетъ онъ руку В. М., соединитъ кровь свою съ кровью брр., облечется въ новое чистое одѣяніе, научится слову, знаку, прикосновенію и лѣтамъ и признанъ будетъ онъ отъ всѣхъ братьевъ за истиннаго Св. Кам. ученика..... В. М. далъ замѣтить, что наша

□ названа іоанновскою и масоны признаютъ св. Іоанна за покровителя и учредили въ честь его особый праздникъ въ 24 день іюня, ибо, сколько извѣстно изъ преданій, сей покровитель нашъ приводилъ людей къ познанію самихъ себя чрезъ средства, подобныя заключающимся въ актахъ нашихъ“.

Въ 1822 г. ложа была запрещена совмѣстно съ общимъ запрещеніемъ масонства въ Россіи.

Тира Соколовская.

Воспоминанія о Севастополѣ.

Не хочется мнѣ помирать, не оставивъ потомству нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ осады Севастополя, защитникомъ коего я имѣлъ честь числиться безъ мала все время этого историческаго момента, покрывшаго неувядаемой славой севастопольскій гарнизонъ. Начну съ генерала Степана Александровича Хрулева. С. А. прибылъ въ Севастополь въ февралѣ мѣсяцѣ и сейчасъ же занялся приведеніемъ въ порядокъ боевого матеріала Карабельной, а позднѣе повѣркой наличности гарнизона этой части города, коего по словамъ С. А., онъ недосчитывался нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, откомандированныхъ весной полковыми командирами на вольные сѣнокосы. Во время осады цѣна на сѣно доходила до небывалыхъ размѣровъ: 2 р. 75 коп. за пудъ! Люди были возвращены, гарнизонъ усилился. С. А., настолько уважалъ храбрыхъ людей, настолько презиралъ трусовъ. Вотъ на выдержку два случая. Послѣ блестяще отбитаго перваго натиска осаждающаго непріятеля, въ ожиданіи повторенія штурма, начальство наше было наготовѣ. На батареѣ Жерве, рядомъ съ Малаховымъ Курганомъ, сгрупировались: С. А., нач. 11-й пѣхотной дивизіи генералъ Павловъ —храбрый (титулъ этотъ Высочайше ему пожалованный за подвиги въ турецкую кампанію 1828 г.), инженеръ, полковникъ Тотлебенъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и графъ), князь В. И. Васильчиковъ и др. Не знаю почему, я пользовался расположеніемъ Хрулева. Онъ подозвалъ меня къ себѣ, написалъ, сидя на концѣ, коротенькую диспозицію, и передавая мнѣ ее, сказалъ: „ступайте, благодѣтель, на оборонительную линію, передайте эту диспозицію командиру Суздальскаго полка полковнику Дарагану, и потребуйте, чтобы онъ ее самъ повторилъ, потому, что хотя онъ и генеральнаго штаба, но глупъ, с. с. Полагая, что полк. Дараганъ состоитъ во враждебныхъ

отношеніяхъ съ С. А., я посовѣстился требовать отъ старшаго офицера повторенія столь малозначущей диспозиціи; но, когда я замѣтилъ, что онъ совершенно растерялся и забросалъ меня вопросомъ —что, что, что? я уже не поцеремонился исполнить въ точности приказаніе С. А и попросилъ полк. Дарагана повторить наизусть диспозицію. Эта операція заняла мнѣ по крайней мѣрѣ полъ-часа времени, но, въ концѣ-концовъ, несложная диспозиція эта была повторена. Возвратившись, я доложилъ объ этомъ С. А., который сказалъ мнѣ: „а что, благодѣтель, правда, глупъ Дараганъ?"—Глупъ, Ваше Превосходительство. Вслѣдъ за тѣмъ, С. А. звучнымъ голосомъ прокричалъ:—„Поручикъ Кушелевскій! возьмите, благодѣтель, 16 человѣкъ охотниковъ и прогоните англичанъ, что вотъ тамъ прилегли за горкой" (mamelon vert). Поручикъ Кушелевскій совершенно растерялся, выпучилъ на С. А. глаза и говоритъ:—какъ я могу, Ваше Превосходительство, съ 16 человѣками прогнать непріятеля въ нѣсколько тысячъ?

— „Не разсуждать"—крикнулъ Хрулевъ—„разстрѣляю".

Признаться, я самъ счелъ приказаніе С. А за неисполнимое. Кушелевскій вызвалъ 16 человѣкъ охотниковъ и сталъ съ ними переправляться черезъ брустверъ по другую сторону рва, и не успѣли еще всѣ переправиться, какъ деморализованный непріятель, послѣ неудачнаго штурма, опасаясь контръ-атаки, отступилъ. Обрадованный Кушелевскій такимъ исходомъ дѣла, возвратился съ командой и торжественно доложилъ С. А.

— Непріятель отступилъ, Ваше П—во.

— То-то, благодѣтель, надо исполнять приказанія начальства безпрекословно и лучше погибнуть отъ вражьей пули, чѣмъ отъ собственной.

Однажды мой бригадный к—ръ, генералъ А. О. Бялый, послалъ за чѣмъ-то, не помню, къ С. А., который въ то время жилъ на батареѣ, называемой Павловскимъ Мыскомъ. Вхожу въ комнату, которой вся мебель состояла изъ кровати, дивана, стола передъ нимъ и нѣсколькихъ стульевъ. На диванѣ сидѣлъ к—ръ 2-й бригады 11-й пѣх. дивизіи, генералъ Заливкинъ; съ противуположной стороны стоялъ С. А., и въ моментъ входа моего, отчеканилъ Заливкину: „сапатый-же вы генералишка, Ваше П—во!" и вслѣдъ за симъ, взявъ меня подъ руку, пошелъ вдоль грозныхъ морскихъ орудій.

— За что вы, Ваше П—во, такъ отдѣлали Заливкина?

— Да какъ же? пришелъ ко мнѣ и проситъ, чтобы я ему далъ спокойное мѣстечко, такъ какъ у него разстроены нервы и выстрѣловъ онъ переносить не можетъ.

— Да какое же я вамъ могу дать назначеніе, имѣя въ своемъ

распоряженіи лишь 16.000 штыковъ? развѣ назначить васъ командиромъ кашеваровъ?—А онъ мнѣ на это предложеніе говоритъ:

— Извольте, Ваше П—во.—Вотъ за это я его и отхлесталъ.

Какъ ни странно и позорно, но время тревоги ген. Заливкинъ командовалъ громко: „Кашевары, стройся!“ До драки однако никогда не доходило. Я упоминаю объ этихъ людяхъ смѣло, будучи вполнѣ увѣренъ, что они давнымъ-давно отошли въ вѣчность, а хотя бы и живы были, то противъ святой истины возражать они бы не посмѣли. Скажу еще нѣсколько интересныхъ фактовъ, касающихся сдачи пресловутаго Малахова Кургана, бросающихъ совершенно новый свѣтъ на завладѣніе непріятелемъ этого неприступнаго ключа позиціи. Близилась развязка севастопольской драмы. Малаховъ Курганъ былъ особенно опекаемъ начальникомъ гарнизона. На немъ дежурили понедѣльно 6 генераловъ [1]). Наканунѣ послѣдняго штурма (въ августѣ м-цѣ), которому предшествовала сильнѣйшая бомбардировка, вырывая ежедневно изъ рядовъ нашихъ бойцовъ до 4.000 человѣкъ въ сутки, подполковникъ Милевскій, к—ръ стрѣлковаго баталіона въ качествѣ дежурнаго по карауламъ, явился съ рапортомъ къ начальнику оборонительной линіи, адмиралу Панфилову. Адмиралъ, выслушавъ рапортъ, предложилъ Милевскому достать языка. Милевскій взялъ 4-хъ расторопныхъ людей и отправился на поиски; результатъ ихъ былъ чрезвычайно удаченъ: въ плѣнъ попался писарь корпуснаго штаба, разносившій войскамъ диспозицію на слѣдующій день. Въ ней, между прочимъ, отдано было приказаніе штурмовать въ 11 часовъ утра Малаховъ курганъ. Адмиралъ поблагодарилъ Милевскаго, сказалъ между прочихъ, что онъ крайне недоволенъ, что постъ начальника Кургана занималъ въ то время генералъ Боссау; что онъ даже просилъ главнокомандующаго исключить этого генерала изъ числа дежурившихъ на курганѣ, но князь Горчаковъ остался этимъ предложеніемъ крайнѣ недоволенъ, замѣтивъ, что не подобаетъ недовѣрять генералу, который не подалъ къ этому ни малѣйшаго повода. Затѣмъ Панфиловъ велѣлъ Милевскому дать знать ген. Боссау, чтобы быть осторожнымъ и встрѣтить непріятеля какъ подобаетъ. Милевскій взялся сообщить объ этомъ г. Боссау лично, и ровно въ 6 часовъ утра, явившись на Малаховъ Курганъ, просилъ дежурнаго доложить о себѣ генералу. Пока тотъ одѣвался, офицеры стали разспрашивать Милевскаго, зачѣмъ онъ пришелъ; когда объяснилось, въ чемъ дѣло, и молва о предстоящемъ штурмѣ разнеслась по цѣлому почти Кургану, то люди, находящіеся въ блиндажахъ, стали

---

[1]) Если память не измѣняетъ мнѣ, то дежурили поочередно генералы: Сабашинскій, Вялый, Заливкинъ, Юферовъ, Хомутовъ и Боссау.

выскакивать наружу. Г. Боссау вышелъ изъ своего блиндажа, находившагося подъ бруствером при самой башнѣ, выслушалъ докладъ Милевскаго, но выходящимъ изъ блиндажей людямъ приказалъ возвратиться въ блиндажи обратно и ожидать особаго приказанія, по тревогѣ. Еще при Милевскомъ явился г. Боссау офицеръ изъ минъ и доложилъ, что въ траншеяхъ слышенъ большой шумъ, что заставляетъ предполагать, что собираются штурмовыя колонны. Г. Боссау принялъ это къ свѣдѣнію, сдѣлавъ даже выговоръ саперу за то, что онъ оставилъ мины. Между тѣмъ, въ 11 часовъ утра, если не считать встрѣчи огнемъ цѣпи съ бруствера Малахова Кургана, непріятель, послѣ быстраго натиска, водрузилъ красное знамя на Курганѣ, штурмовыя колонны потеряли много отъ анфилиднаго огня со 2-го и 3-го бастіоновъ, встрѣтивъ слабый отпоръ со стороны гарнизона Малахова Кургана, а его было 5.000 человѣкъ. Непріятель занялъ быстро весь Курганъ, и такъ какъ онъ былъ пересѣченъ многочисленными траверзами, то г. Хрулеву, бросившемуся въ атаку, удалось вытѣснить непріятеля изъ значительной части Кургана, и не будь онъ раненъ, очень можетъ быть, что Курганъ былъ бы отнятъ, но когда С. А. долженъ былъ оставить поле сраженія, наши отступили. Наша 11-ая дивизія большею частью съ стрѣлковымъ баталіономъ подп. Милевскаго находилась на 3-мъ бастіонѣ. На глазахъ нашихъ въ числѣ плѣнныхъ, французы вели кого-то въ длинной шинели темносѣраго сукна. Милевскій призналъ въ немъ г. Боссау и, признавая его виновникомъ паденія Малаховаго Кургана, пообѣщалъ своимъ стрѣлкамъ, кто попадетъ въ него —5 руб.; награду эту и получилъ одинъ стрѣлокъ, попавъ Боссау въ ногу. Французы старательно подхватили генерала подъ руки и повели дальше. По реляціи г. Боссау показанъ убитымъ при штурмѣ Малахова Кургана. Конечно, трудно утверждать объ измѣнѣ г. Боссау, но нѣкоторую тѣнь подозрѣнія даетъ одно обстоятельство. До производства своего въ генералы, Боссау командовалъ Алексапольскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ этомъ полку былъ казначеемъ товарищъ мой по гимназіи баронъ Эльснеръ, который передалъ мнѣ, что Боссау хранилъ свои деньги (около 100.000 р.) въ полковомъ ящикѣ Алексапольскаго полка, но, идя на дежурство свое на Малаховъ Курганъ, взялъ эти деньги съ собой. Въ бытность мою въ академіи въ концѣ пятидесятыхъ годовъ носились въ Петербургѣ слухи, что г. Боссау жилъ въ Алжирѣ, обладая богатыми табачными плантаціями, но справедливы ли эти слухи,—утверждать не могу. Въ заключеніе долженъ сказать, что подполковникъ Милевскій командовалъ въ Якутскомъ полку, въ которомъ я служилъ въ Севастополѣ,— баталіономъ, и я состоялъ при немъ баталіоннымъ адъютантомъ.

Все изложенное мною выше я слышалъ изъ его устъ, и, зная его за правдивѣйшаго человѣка, не имѣю ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ его словахъ. Кое-что я сказалъ о характеристикѣ офицерства, а вотъ пара словъ о нижнихъ чинахъ. Одно время я былъ ординарцемъ при адмиралѣ Истоминѣ, въ то время, безсмѣнномъ начальникѣ Малахова Кургана. Однажды какой-то офицеръ представлялъ адмиралу отличившихся раненыхъ нижнихъ чиновъ, выписавшихся изъ госпиталя, при этомъ докладывалъ объ отличіи каждаго отдѣльно; адмиралъ вынималъ изъ кармана георгіевскіе кресты и собственноручно навѣшивалъ ихъ на грудь кавалеровъ. Объ одномъ изъ нихъ офицеръ докладывалъ, что онъ былъ на работѣ въ лабораторіи въ то время, когда 5-и пудовая бомба влетѣла черезъ окно въ лабораторію, съ горящимъ фитилемъ; онъ ее взялъ въ руки и выбросилъ за окно, гдѣ она и разорвалась. Если бы это произошло въ лабораторіи, она была бы взорвана на воздухъ! Солдатикъ былъ сильно опаленъ и контуженъ.

— „Какъ же ты, братецъ, не побоялся выкинуть такую штуку?“ сказалъ Истоминъ.

— Это для меня плевовое дѣло, Ваше П—во,—отвѣтилъ солдатикъ совершенно наивно.

— Что же послѣ этого у тебя не плевовое?

— Не могу знать, Ваше П—во.

Вотъ съ какими богатырями имѣли дѣло союзники. Мудрено ли, что Севастополь, съ такими людьми и начальниками-героями, какъ Хрулевъ, Корниловъ, Истоминъ, Тотлебенъ, Нахимовъ и пр., продержался безъ мала годъ, осаждаемый четырьмя государствами.

Сообщ. К. Добровольскій.

Кіевъ.
16 января 1907 г.

Записи, сдѣланныя со словъ покойнаго генералъ-адъютанта Александра Михайловича Рылѣева [1].

При восшествіи на престолъ Императора Александра II, въ какомъ-то иллюстрированномъ заграничномъ журналѣ появилась карикатура, очевидно русскаго происхожденія: Государь, весьма похожій, былъ нарисованъ en face; вмѣсто правой бакенбарды—нарисованъ министръ Двора, генералъ-адъютантъ графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ, а вмѣсто лѣвой — генералъ-адъютантъ графъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ. Подпись гласила: Sire; faites raser Vos favoris [2]). Государь, которому показали этотъ рисунокъ, очень смѣялся самымъ добродушнымъ образомъ.

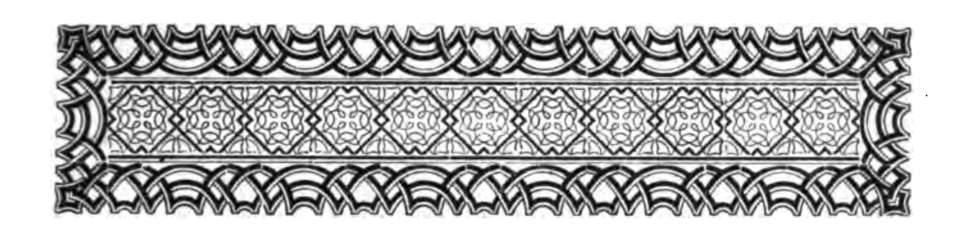
Сообщилъ П. П.

---

[1]) Покойный А. М. Рылѣевъ записывалъ выдающіеся случаи изъ жизни покойнаго государя Императора Александра II. Такихъ записокъ накопилось, по словамъ покойнаго А. М., „цѣлая бѣлевая корзина". Но потрясенный событіемъ 1-го марта, Рылѣевъ тогда же все сжегъ. *П. П.*

[2]) Игра словъ: favori—любимецъ и бакенбарды.

Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Записки князя Адама Чарторійскаго) [1].

ГЛАВА X.

Совмѣстная работа съ канцлеромъ Воронцовымъ.—Разграниченіе съ Швеціей.—Поѣздка Государя въ Финляндію.—Генералъ Сухтеленъ.—Петербургскій дипломатическій корпусъ.—Графъ Сованъ.—Сэръ Якопъ Варренъ.—Графъ Гольцъ.—Ген. Гедувилль.—Графъ Штедингъ.—Северинъ Потоцкій и его рѣчь въ Сенатѣ.—Кн. Долгоруковъ и Винценгероде.—Характеристика Имп. Александра.—Отношенія съ Франціей.—Графъ Морковъ и его дѣятельность въ Парижѣ.—Его отозваніе.

Какъ я уже упомянулъ выше, я былъ вообще въ хорошихъ отношеніяхъ со старыми сановниками, но ни съ однимъ изъ нихъ я не былъ такъ близокъ, какъ съ канцлеромъ Воронцовымъ, сдѣлавшимся моимъ начальникомъ по министерству иностранныхъ дѣлъ. Онъ сразу удостоилъ меня своей дружбы и выказалъ мнѣ величайшее довѣріе, сдѣлавъ меня, безъ всякихъ предосторожностей, участникомъ своихъ трудовъ.

Со времени образованія новаго министерства я сталъ присутствовать на всѣхъ совѣщаніяхъ графа Воронцова съ иностранными представителями. Онъ поручалъ мнѣ составленіе докладовъ, подаваемыхъ имъ Императору. Я отдавался этой работѣ съ увлеченіемъ, что̀ ему очень нравилось. Канцлеръ всегда оставался доволенъ моими докладами,—они были повтореніемъ его мыслей, облеченныхъ въ болѣе удачную форму: я умѣлъ угадывать его намѣренія, что̀ доставляло ему большое удовольствіе. Подобныя занятія были во-

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., сентябрь.

обще для меня полезны, такъ какъ незамѣтно пріобрѣтался навыкъ къ дѣламъ такого рода, не говоря уже о томъ, что конференціи, на которыхъ мнѣ приходилось присутствовать, посвящали меня въ суть отношеній Россіи къ иностраннымъ правительствамъ. На моей обязанности лежало также приготовленіе депешъ, являвшихся результатомъ совѣщаній, а также и составленіе рескриптовъ Государя своимъ представителямъ за границей. Взявъ весь этотъ трудъ на себя, я ушелъ въ него съ головою, желая своимъ усердіемъ отплатить Императору за его довѣріе и дружеское расположеніе ко мнѣ.

Мнѣ случалось просиживать за работой безъ перерыва цѣлую ночь и слѣдующіе за нею девять часовъ, что́, въ концѣ концовъ, довело меня до нервнаго разстройства. Докторъ Роджерсонъ, заставъ меня однажды въ такомъ состояніи, посовѣтовалъ мнѣ не преутомлять себя до такой степени и предупредилъ, что чрезмѣрный трудъ можетъ привести къ очень плачевнымъ послѣдствіямъ. Я былъ тогда молодъ и не обратилъ особаго вниманія на его предупрежденіе, но теперь я думаю, что именно этотъ періодъ моей службы былъ причиною нервныхъ болей, которыми я впослѣдствіи такъ страдалъ.

Русская политика при канцлерѣ Воронцовѣ оставалась, въ сущности, такою же, какою она была при графѣ Кочубеѣ; что же касается до ея внѣшнихъ пріемовъ, то они пріобрѣли нѣсколько болѣе достоинства и силы. Главные принципы ея, такъ подходившіе къ характеру и стремленіямъ Императора Александра, можно было резюмировать такъ: быть со всѣми державами въ хорошихъ отношеніяхъ и не вмѣшиваться въ европейскія дѣла, чтобы не увлечься и не зайти дальше, чѣмъ слѣдовало, словомъ, тщательно избѣгать недоразумѣній, не роняя въ то же время своего достоинства. Русскій кабинетъ старался держать себя нѣсколько надменно, чтобы ввести въ заблужденіе относительно настоящаго его образа мыслей, и напоминалъ по виду характеръ Екатерининской дипломатіи.

Канцлеръ, старательно избѣгавшій малѣйшаго повода къ размолвкѣ или даже къ охлажденію съ которой-нибудь изъ сильныхъ державъ, былъ не прочь, если представлялся къ тому удобный случай, нагнать страху на болѣе слабую и даже придавить ее всей тяжестью русскаго могущества. Такъ случилось, напримѣръ, со Швеціей. Оба правительства не могли придти ни къ какому соглашенію о владѣніи ничтожнымъ, маленькимъ островкомъ на рѣкѣ, отдѣлявшей тогда Финляндію, въ тѣсномъ смыслѣ слова, отъ провинціи, носившей то же названіе, но уже принадлежавшей Россіи. И вотъ возникъ споръ, на которомъ изъ рукавовъ рѣки долженъ стоять мостъ,

служащій границей? Этотъ вопросъ въ теченіе долгаго времени оставался неразрѣшеннымъ. Наконецъ, канцлеръ рѣшилъ разомъ покончить съ нимъ. Онъ заговорилъ со Швеціей сухо и повелительно. Я былъ очень доволенъ, что мнѣ не поручили составленія депешъ по этому вопросу, такъ какъ онѣ писались на этотъ разъ по-русски, моя сдержанность заслужила мнѣ впослѣдствіи довѣріе шведскаго короля и его правительства. Русское же правительство тѣмъ временемъ, повидимому, готовилось къ разрыву сношеній. Наши войска перешли шведскую границу. Самъ Государь поѣхалъ туда; я сопутствовалъ ему вмѣстѣ съ графомъ Строгановымъ и Новосильцевымъ.

Мы проѣхали по всей границѣ большею частью верхомъ. Въ этой странѣ почва состоитъ изъ гранита, мѣстами едва прикрытаго легкимъ слоемъ земли. По временамъ встрѣчаются своеобразные ландшафты и великолѣпные водопады. Край этотъ вообще мало населенъ и намъ частенько приходилось ночевать въ изрѣдка попадавшихся деревняхъ или у священниковъ, по большей части говорившихъ только по-фински. Хотя деревни эти и дома пасторовъ были окружены полями, тѣмъ не менѣе страна казалась печальной и безплодной. Я говорю здѣсь только о той ея части, которая принадлежала Россіи, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Финляндія плодородна и богата хлѣбомъ. По ту сторону города Або пейзажъ принимаетъ болѣе веселый характеръ, и жители пользуются, повидимому, большимъ благосостояніемъ.

Государь осмотрѣлъ спорную землю, т. е. островъ и мостъ, надѣлавшіе столько шуму; островокъ былъ такъ малъ и ничтоженъ, что, казалось, не изъ-за чего было и затѣвать такую исторію. Потомъ мы поѣхали осматривать крѣпость и портъ-пунктъ, потерявшій теперь свое важное значеніе, но который тогда, въ случаѣ войны, былъ бы центромъ нашихъ операцій, такъ какъ въ немъ стояла флотилія канонерскихъ лодокъ.

Генералъ *Сухтеленъ*, главный военный инженеръ, бывшій прежде представителемъ Россіи въ Швеціи, завѣдовалъ всѣми работами у этого пункта. Многое было уже сдѣлано, но ничто не закончено.

Шведскій король, со своей стороны, сдѣлалъ все возможное, чтобы не уступить требованію, предъявленному такимъ повелительнымъ тономъ. Графъ Штедингъ, шведскій посланникъ въ Петербургѣ, нѣсколько разъ высказывалъ мнѣ свое удивленіе по этому поводу и только пожималъ плечами, говоря объ оскорбительной формѣ, которую принялъ споръ по такому, въ сущности, маловажному вопросу. Швеція долго храбрилась, вслѣдствіе чего Россія

продолжала готовиться къ войнѣ. Въ концѣ концовъ Швеція, конечно, должна была уступить и принять предложенныя условія; они были такъ маловажны для страны, что было бы безуміемъ—съ ея стороны выставить ихъ за предлогъ къ войнѣ. Никто не сомнѣвался въ такомъ исходѣ дѣла. Канцлеръ торжествовалъ побѣду, хотя и могъ бы легко достичь ея, не унижая Швеціи, что̀, на мой взглядъ, было бы болѣе достойно русской политики. Такое поведеніе Россіи бросило сѣмя вражды въ сердце сосѣдней націи, въ отношеніи которой и такъ уже не разъ она поступала несправедливо и которая, не взирая на свою относительную слабость, могла въ данномъ случаѣ причинить ей много непріятностей. Но канцлеръ Воронцовъ зналъ русскій народъ или по крайней мѣрѣ тѣхъ, кто говорилъ отъ его имени. Онъ зналъ, что всякое проявленіе могущества, будь оно даже неосновательно, нравится русскимъ, что первенствовать, повелѣвать и подавлять—есть потребность ихъ національной гордости.

Австрійскимъ посланникомъ въ Россіи былъ графъ де-Сованъ. Онъ всегда пріѣзжалъ къ канцлеру въ парадной формѣ и вообще обставлялъ свои совѣщанія съ нимъ большой торжественностью. Тонъ австрійской политики, въ то время жалобный и сантиментальный, сильно разнился отъ ея тона въ настоящее время. Дѣло происходило вскорѣ послѣ Люневильскаго мира. Вѣнскій дворъ искалъ утѣшенія, ему хотѣлось растрогать Россію. Петербургскій кабинетъ не отталкивалъ ея нѣжностей, но взамѣнъ предлагалъ ей только ничего ему не стоившее выраженіе сочувствія и соболѣзнованія.

Представителемъ берлинскаго двора въ Петербургѣ былъ *графъ Гольцъ*. Этотъ старый дипломатъ, несмотря на свой долголѣтній опытъ, выдѣлялся только удивительно свѣжей памятью и самыми рутинными пріемами. Въ общемъ, это былъ человѣкъ добрый, кроткій, во всемъ покорный своей женѣ, женщинѣ живой, рѣзкой и грубоватой. Графъ Гольцъ замѣнилъ въ Вѣнѣ Луккезини какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Пруссія, коварно нарушивъ договоръ, существованій уже 10 лѣтъ, приняла участіе въ раздѣлѣ Польши. Онъ относился ко мнѣ съ уваженіемъ, въ которомъ ясно сквозило сожалѣніе, я бы даже сказалъ стыдъ, за поведеніе своего правительства въ отношеніи моей родины. Кстати, вставлю здѣсь одно мое личное воспоминаніе. До графа Гольца въ Петербургѣ былъ посланникомъ Тауентцинъ, впослѣдствіи извѣстный прусскій генералъ. Во время пребыванія моей матери въ Берлинѣ, по случаю свадьбы моей сестры съ принцемъ Вюртембергскимъ, Тауентцинъ, въ то время еще простой гвардейскій офицеръ, былъ принятъ въ ея салонѣ и страстно влюбился въ Констанцію Нарбутъ (впослѣдствіи Дембовская),

сдѣлалъ ей предложеніе, но получилъ отказъ. Вѣроятно, помня объ этомъ, во время своей службы въ Петербургѣ, онъ часто присылалъ и мнѣ, и брату приглашенія на обѣдъ.

Отношенія между прусскимъ королемъ и русскимъ Императоромъ были чисто личными, такъ какъ между ихъ кабинетами не было никакой симпатіи. Ни армія, ни общество не долюбливали Пруссіи. Въ Россіи косились на ея двусмысленное поведеніе, на ея угодливость Франціи, наконецъ, на пріобрѣтенія, сдѣланныя ею за счетъ этой угодливости, и не жалѣли насмѣшекъ по ея адресу. Государь же оставался вѣренъ своей дружбѣ къ королю и былъ очень высокаго мнѣнія о прусской арміи. Такое постоянство, многими въ Петербургѣ порицаемое, тѣмъ не менѣе принесло чрезвычайно благіе результаты, такъ какъ Россіи удалось расположить къ себѣ Пруссію и пользоваться ею нѣкоторое время, какъ щитомъ. Хотя эта связь и была съ теченіемъ времени порвана, но реальная выгода, пріобрѣтенная Россіей отъ этого временнаго союза, неоспорима.

Англія только-что заключила миръ въ Аміенѣ. Посланникомъ ея въ Петербургѣ былъ *сэръ Джонъ Варренъ*, превосходный генералъ, но посредственный дипломатъ. Онъ прекрасно представлялъ въ своемъ лицѣ все ничтожество и неспособность министерства Аддингтона, пославшаго его.

Не задолго до назначенія сэра Джона Варрена въ Петербургъ пріѣзжалъ съ визитомъ герцогъ Глочестеръ, племянникъ короля Георга III.

Генералъ Гедувиллъ былъ представителемъ Франціи. Онъ заставилъ говорить о себѣ послѣ усмиренія Вандейскаго возстанія, но вообще былъ неспособенъ поддержать репутацію французской политики, выдѣлявшейся такимъ умомъ и находчивостью во времена консульства и министра Талейрана. Назначая такого простоватаго, ничѣмъ не выдающагося и, прибавлю отъ себя, скучнѣйшаго представителя, французское правительство вѣроятно имѣло въ виду успокоеніе умовъ и усыпленіе бдительности тѣхъ,—чьей дружбы оно заискивало. Въ мірѣ дипломатіи бываютъ такія минуты полнаго затишья, наступающія обыкновенно или послѣ грозы или передъ нею.

Въ отношеніяхъ Россіи къ другимъ державамъ не было ничего особенно интереснаго и важнаго; насколько помнится, дѣло не шло дальше ничтожнаго обмѣна мнѣніями и ничего не значущими фразами, выражавшими одно общее пожеланіе: будемъ жить спокойно, избѣгая недоразумѣній и споровъ! Такое настроеніе раздѣлялось даже тѣми правительствами, которымъ миръ былъ не на руку; они не прочь были бы нанести кое-кому ударъ и возвратить потерян-

ное, но не смѣли признаться въ этомъ громко. Даже Англія не предвидѣла еще грядущихъ событій, Австрія потихонку вздыхала, но только тамъ, гдѣ она надѣялась быть услышанной, не компрометтируя себя, а Пруссія радовалась своему неизмѣнному нейтралитету и видѣла въ немъ источникъ ея благосостоянія и прогресса. Сама Франція на время притихла: ея первый консулъ былъ занятъ устройствомъ внутренняго управленія страны и законодательствомъ. Но взоры всей Европы были невольно направлены на этого могущественнаго человѣка, который, какъ всѣ понимали, не могъ надолго удовлетвориться своими громадными земельными пріобрѣтеніями.

Вся континентальная Европа боялась Франціи. Россія хотя и была тоже безобидно и миролюбиво настроена, но старалась держать себя независимо, съ чувствомъ сознанія своей неменьшей силы. Отношенія канцлера къ генералу Гедувиллю были дружескими, основанными на взаимномъ уваженіи. Къ этому времени относится даже подписаніе одного договора, суть котораго я забылъ, но, вѣроятно, она была маловажна. Канцлеръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы предложить, по обыкновенію, представителю Франціи подарокъ, состоявшій, на сколько я помню, изъ 4-хъ тысячъ червонцевъ, кромѣ золотой табакерки, осыпанной бриллiантами и украшенной портретомъ Государя. Канцлеръ былъ боленъ и принялъ генерала Гедувилля въ постели; немедленно было приступлено къ обмѣну ратификаціями. Я присутствовалъ при этомъ. На кровати, около табакерки, были разложены мѣшечки съ 4-мя тысячами червонцевъ. Мнѣ никогда не приходилось видѣть болѣе сіяющей и болѣе услужливой физіономіи, чѣмъ у этого добряка-генерала при взглядѣ на мѣшки съ золотомъ; она напоминала лицо лакомки, при видѣ стола, установленнаго изысканными кушаньями. Эта сцена навсегда запечатлѣлась у меня въ памяти, и я никогда ея не забуду. Генералъ, забывъ всякую благопристойность и то, что ему слѣдовало сказать по поводу полученія портрета Императора, не сводилъ глазъ съ мѣшковъ; онъ схватилъ ихъ, разсматривалъ и щупалъ съ восхищеніемъ, доходившимъ уже до смѣшного. Мы всѣ готовы были радоваться, глядя на него, такъ какъ онъ былъ, въ сущности, славнымъ человѣкомъ, но чрезмѣрный восторгъ при видѣ денегъ, выставившій его въ такомъ непригляднымъ свѣтѣ, былъ уже недостоинъ человѣка и такъ не подходилъ къ данному случаю.

Изъ всѣхъ лицъ, составлявшихъ такъ называемый дипломатическій корпусъ, самымъ замѣчательнымъ былъ *баронъ Штедингъ*, шведскій посланникъ. Онъ выдѣлялся и умомъ, и благородствомъ характера. Будучи чрезвычайно простъ по внѣшности, онъ и на

вещи умѣлъ смотрѣть просто. Человѣкъ безупречной честности, твердый, тактичный, при всѣхъ обстоятельствахъ державшій себя безукоризненно, баронъ Штедингъ обладалъ въ придачу рѣдкимъ даромъ дѣлать безошибочную оцѣнку какъ людямъ, такъ и событіямъ. Онъ былъ протестантомъ и въ молодости съ честью сражался въ Америкѣ въ качествѣ полковника американской службы, за что̀ былъ награжденъ крестомъ св. Людовика, всегда носимымъ имъ на голубой лентѣ. Позднѣе, удостоенный довѣрія Густава III, онъ отличился во главѣ армейскихъ корпусовъ, сражавшихся съ русскими въ 1789 и 1790 годахъ. Послѣ подписанія мирныхъ условій, онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Петербургъ, гдѣ его уже знали по военнымъ подвигамъ. На этомъ посту онъ оставался въ теченіе трехъ послѣдовавшихъ затѣмъ царствованій, служа своей родинѣ въ самыя трудныя времена и никогда не теряя величайшаго уваженія, которымъ онъ всегда и всюду пользовался.

Изъ всѣхъ людей, какихъ я зналъ, баронъ Штедингъ казался мнѣ самымъ лучшимъ, самымъ достойнымъ, однимъ изъ тѣхъ, которыхъ нельзя не любить и чьей дружбой всегда всѣ дорожатъ. Я думаю, пользовался его дружбой, конечно, насколько ее позволяло занимаемое нами положеніе, позднѣе совершенно разлучившее насъ. Мое званіе только товарища министра дало мнѣ возможность не принимать дѣятельнаго участія въ несогласіи, возникшемъ между Россіей и Швеціей. Канцлеръ руководилъ самъ всѣмъ этимъ дѣломъ, желая, чтобы вся заслуга, за пріобрѣтаемыя, якобы, отъ Швеціи выгоды, была отнесена на его счетъ.

Правительственныя учрежденія продолжали развиваться внутри страны въ сторону вышеуказанныхъ улучшеній, когда вдругъ весь ходъ прогресса былъ грубо задержанъ однимъ событіемъ.

Графъ Северинъ Потоцкій, какъ я уже говорилъ, былъ изъ числа самыхъ близкихъ друзей Александра; эти отношенія продолжались и послѣ восшествія великаго князя на престолъ. Графъ Северинъ былъ въ восхищеніи отъ качествъ и взглядовъ молодого Императора. Удостоенный его довѣрія, Потоцкій часто представлялъ ему записки на различныя темы. Сенатъ получилъ отъ Императора, между другими важными преимуществами, право дѣлать ему представленія, но этимъ правомъ ни разу еще не воспользовался. Графъ Потоцкій думалъ, и совершенно естественно, что Государь былъ вполнѣ искренен въ своихъ либеральныхъ нововведеніяхъ (Государь самъ былъ въ этомъ увѣренъ), и ему показалось, что заставить сенатъ воспользоваться своимъ правомъ—дѣло не только полезное, но похвальное и пріятное для Государя, который убѣдился бы такимъ образомъ, какіе прекрасные плоды приносятъ его реформы.

Вскорѣ представился и удобный для этого случай при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Хотя все дворянство въ Россіи шло на военную службу, она не была однако для него обязательной и дворяне могли въ любой моментъ оставлять ее. Эта двойная привилегія была дарована дворянству Петромъ III и не разъ заставила впослѣдствіи вспоминать добромъ его память. Императоръ Александръ ограничилъ эту привилегію, предоставивъ право на нее только тѣмъ дворянамъ, которые служатъ въ арміи въ офицерскихъ чинахъ. Новый указъ, изданный имъ, дѣлалъ военную службу обязательной для унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ и устанавливалъ для нихъ двѣнадцатилѣтній срокъ пребыванія въ арміи. Такое распоряженіе наносило сильный ударъ правамъ дворянства, дарованнымъ ему хартіей. Указъ произвелъ въ обществѣ глубокое и тяжелое впечатлѣніе. Всѣ считали военнаго министра, стараго генерала-чиновника, человѣка низкаго происхожденія, авторомъ новаго указа, склонившимъ Государя подписать его. Графъ Северинъ Потоцкій горячо ухватился за это обстоятельство, желая дать возможность сенату воспользоваться, наконецъ, свободнымъ правомъ, высочайше ему дарованнымъ. Онъ приготовилъ рѣчь, гдѣ указывалъ на явное нарушеніе хартіи новымъ указомъ и предлагалъ сенату, какъ важнѣйшему государственному учрежденію, обратиться по этому поводу съ представленіемъ къ Государю.

Рѣчь эта была прочитана въ общемъ присутствіи всѣхъ департаментовъ. Сенаторы, видя, что зачинщикомъ всего дѣла является одно изъ самыхъ близкихъ при дворѣ лицъ, и его мнѣніе горячо поддерживается старымъ графомъ Строгановымъ, рѣшили, что и они могутъ, не компрометтируя себя, подать свой голосъ за такое дѣло. Сенатъ даже радъ былъ, что можетъ совершенно безопасно для себя проявить свою независимость въ дѣлѣ, которое, по общему мнѣнію, было ничто иное, какъ маленькая комедія, одобряемая самимъ Государемъ. Предложеніе графа Строганова было принято, несмотря на сопротивленіе генералъ-прокурора, министра юстиціи, высказанное, какъ всѣ подумали, для приданія большей правдоподобности разыгрываемой комедіи. Графъ Строгановъ, назначенный съ двумя другими сенаторами вручить Государю представленіе сената, взялся горячо и охотно за выполненіе этого порученія. Никто изъ нихъ совсѣмъ не былъ подготовленъ къ ожидавшему ихъ сюрпризу, давшему совершенно иной оборотъ всему дѣлу.

Графъ Строгановъ и оба сенатора были приняты Государемъ крайне холодно; старый графъ, не привыкшій къ такому обращенію, смутился, запутался въ словахъ и уѣхалъ окончательно сконфужен-

ный. Государь разъ навсегда прекратилъ попытки сената вмѣшиваться не въ свои дѣла и новымъ указомъ строго предписалъ ему немедленно привести въ исполненіе первый, послужившій предметомъ представленія, благодаря вмѣшательству графа Потоцкаго.

Къ величайшему моему изумленію, дѣйствовать въ духѣ несправедливо разгнѣваннаго Императора и составить указъ, сурово порицавшій сенатъ, взялся графъ Новосильцевъ. Такимъ образомъ первая либеральная попытка сената не удалась настолько, что навсегда отбила охоту продолжать ихъ у людей, великодушныя стремленія которыхъ, надо сознаться, никогда не были чрезмѣрными. Я не знаю, по крайней мѣрѣ, чтобы сенатъ еще хоть разъ попытался выказать свою независимость въ дѣлахъ, и право это, ни разу имъ неиспользованное, кануло въ Лету.

При первомъ же моемъ свиданіи съ императоромъ я не могъ удержаться отъ улыбки при мысли о тревогѣ, которую онъ испыталъ, узнавъ о намѣреніи сената. Мои шутки по поводу этого не понравились государю, и мнѣ думается, что онѣ поселили въ глубинѣ души его нѣкоторое безпокойство относительно моихъ либеральныхъ взглядовъ, впослѣдствіи отозвавшееся на мнѣ.

Императоръ не могъ забыть выходки графа Северина и не удостоивалъ его прежняго довѣрія; онъ продолжалъ принимать Потоцкаго у себя, но уже не отличалъ своими милостями. Зато графъ Северинъ вошелъ въ почетъ и славу въ Москвѣ и вообще въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ на него стали смотрѣть какъ на чисто русскаго патріота и великодушнаго защитника дворянскихъ правъ. Это уваженіе и популярность до такой степени подкупили графа, что заставили въ немъ замолчать прежнія національныя польскія чувства.

Въ молодости, на сеймѣ 3-го мая, онъ былъ самымъ ярымъ патріотомъ, въ старости память о родинѣ изгладилась въ его сердцѣ, и онъ сталъ думать только объ увеличеніи своего состоянія, о пріятномъ времяпрепровожденіи и, отъ нечего дѣлать, онъ примкнулъ къ русской оппозиціонной партіи. Онъ привыкъ, въ концѣ концовъ, постоянно разъѣзжать между своими владѣніями и сенатомъ, много читая во время этихъ переѣздовъ и приготовляясь къ рѣчамъ, которыя ежегодно произносилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. Потоцкій сохранилъ за собою званіе сенатора и попечителя, чтò и составило кругъ его дѣятельности, совершенно удовлетворявшій его. Съ тѣхъ поръ я его не видалъ болѣе. Государь предоставилъ ему въ пользованіе значительныя земли срокомъ на пятьдесятъ лѣтъ, и я приложилъ все стараніе, чтобы устроить это дѣло. Впослѣдствіи мнѣ пришлось оказать поддержку его сыну Льву; все это

вмѣстѣ установило между нами взаимно хорошія отношенія, длившіяся все время моего пребыванія въ Россіи и впослѣдствіи заглохшія, какъ шумъ дня при наступленіи ночи.

Если бы человѣческая натура была способна довольствоваться достигнутымъ, то Александръ долженъ бы былъ удовлетворить русскихъ, такъ какъ онъ умиротворилъ страну, улучшилъ ея благосостояніе и далъ ей даже нѣкоторую свободу, неизвѣстную народу до его воцаренія; словомъ, усовершенствованія коснулись всей жизни страны. А между тѣмъ русское общество ждало не того. Какъ игроки, жадные до сильныхъ ощущеній, они тяготились монотонностью ихъ настоящаго благополучія. Молодой Императоръ не удовлетворялъ ихъ; онъ былъ врагомъ роскоши, пренебрегалъ этикетомъ и держалъ себя очень просто. Только императрица-мать старалась поддерживать прежній блескъ двора и обычные пріемы. Дворъ же молодого Государя и Государыни, наоборотъ, отличался крайней простотою и полнымъ отсутствіемъ этикета, такъ какъ туда имѣли доступъ только интимные друзья, приходившіе безъ стѣсненія. Императоръ и его семья появлялись въ парадной обстановкѣ только по праздникамъ и воскресеньямъ, по возвращеніи отъ обѣдни. Вечера и обѣды происходили по большей части во внутреннихъ аппартаментахъ и совсѣмъ не походили на то, чѣмъ они были въ предыдущее царствованіе. Императоръ Александръ впослѣдствіи сталъ болѣе тщеславнымъ, но въ началѣ своего царствованія его нельзя было въ этомъ упрекнуть.

Въ первые годы по вступленіи на престолъ Александръ не пользовался популярностью, а между тѣмъ никогда впослѣдствіи онъ не заботился такъ о благѣ своего народа, какъ въ эту пору. Но народъ привыкъ, чтобы это благо ему навязывали съ примѣсью нѣкоторой доли шарлатанства, и нигдѣ потребность въ этомъ не чувствуется такъ сильно, какъ въ Россіи.

Въ началѣ своего царствованія Александръ совсѣмъ не обладалъ этой способностью, но впослѣдствіи пріобрѣлъ ее, но все-таки никогда, несмотря на успѣшное царствованіе, не пріобрѣлъ онъ популярности и могущества своей бабки Екатерины. Она, какъ Наполеонъ о французахъ, могла сказать о русскихъ, что они у нея всѣ въ карманѣ.

Хотя Императоръ положилъ себѣ за правило уважать чужія мнѣнія, позволялъ ихъ высказывать и не преслѣдовалъ за нихъ никого, но никто не осмѣливался порицать государя и говорить ему правду въ глаза. Это было причиной нѣкоторой распущенности высшаго общества обѣихъ столицъ. Каждое дѣйствіе правительства подвергалось здѣсь критикѣ, то разроставшейся до значительныхъ размѣ-

ровъ, то совершенно затихавшей. Таково было состояніе и настроеніе умовъ въ Россіи въ первые годы царствованія Александра.

Благосклонность Императора ко мнѣ, надо признаться, давала обществу поводъ къ подозрѣніямъ, злословію и клеветѣ на мой счетъ. Люди честолюбивые, находившіе себя не менѣе достойными довѣрія своего Государя, чѣмъ какой-то подозрительный иностранецъ, такъ же какъ и „молодые люди“, окружавшіе Александра, всѣ глядѣли на меня съ недовѣріемъ. Ихъ безпокойство было весьма естественно, хотя не имѣло никакого основанія. Никто, думается мнѣ, не служилъ Александру съ большей преданностью и съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ я. Лучше, чѣмъ кто-либо, онъ зналъ о моей приверженности родинѣ, что̀ и было причиною его уваженія и дружбы ко мнѣ и главной основой нашихъ близкихъ отношеній. Конечно, я воспользовался расположеніемъ Императора ко мнѣ и большую часть моихъ заботъ посвятилъ народному образованію; я старался придать ему національный характеръ и реорганизовалъ его на началахъ, болѣе широкихъ и болѣе соотвѣтствующихъ требованіямъ эпохи. Окружающіе не могли понять моихъ отношеній къ Александру. И дѣйствительно ихъ можно было объяснить только нашею обоюдною молодостью и тѣмъ, что наше сближеніе произошло въ возрастѣ, легче поддающемся великодушному порыву, чѣмъ обдуманной предусмотрительности. Чувство это и впослѣдствіи всегда жило въ глубинѣ нашихъ душъ; прекратились лишь прежнія изліянія, такъ какъ намъ некогда было заниматься ими. Долголѣтняя связь соединяла насъ, когда она порвалась—мы разстались. Окружающіе видѣли въ этихъ отношеніяхъ только честолюбіе и лицемѣріе съ моей стороны и ошибку со стороны молодого Императора.

Петербургское общество считало именно меня наиболѣе отвѣтственнымъ за безличное положеніе, занятое нашимъ правительствомъ въ европейской политикѣ. Подозрѣвали, не смѣя высказать этого, что я втайнѣ потворствовалъ Франціи. Императрица-мать была того же мнѣнія и поддерживала это безпокойство въ средѣ молодыхъ офицеровъ.

Положеніе мое становилось затруднительнымъ Въ дѣйствительности дѣла Россіи обстояли далеко не такъ блестяще и прочно, какъ бы этого хотѣлось; положеніе ихъ совершенно не соотвѣтствовало ни ея тщеславію, ни ея претензіямъ.

Первый консулъ, уже состоявшій на вершинѣ военной славы, окончательно затмилъ Императора Александра; онъ внесъ въ политику, до тѣхъ поръ очень осторожную, совершенно новые пріемы: скорыя и полныя неожиданностей рѣшенія, то-есть, именно ту особенность своего характера, которая составляла секретъ его необы-

чайныхъ успѣховъ на полѣ сраженія. Стараясь въ каждомъ дѣлѣ играть главную роль, онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ положеніемъ, увеличивалъ свою отвѣтственность и высказывалъ, повидимому, поползновеніе стать вершителемъ судебъ всей Европы. Я постоянно началъ слышать отъ всѣхъ упреки нашему кабинету въ уступчивости, въ отсутствіи достоинства и энергіи.

Среди представителей высшаго общества наиболѣе честолюбивымъ, раздраженнымъ, я скажу даже взбѣшеннымъ милостями Государя ко мнѣ былъ молодой князь Долгорукій. Его гнѣвъ на меня, его страстное желаніе занять высокое положеніе и играть роль въ странѣ, гдѣ какой-то подозрительный и по имени, и по національности иностранецъ смѣлъ возвыситься надъ нимъ, его досада при видѣ этого иностранца, втершагося въ дѣла и въ довѣріе Государя, котораго онъ считалъ себя не менѣе достойнымъ, привели его въ возбужденное состояніе, вызывавшее во многихъ удивленіе. Онъ всталъ во главѣ русской партіи.

Въ качествѣ генералъ-адъютанта Государя, онъ постоянно бывалъ при дворѣ, и мнѣ съ нимъ очень часто приходилось встрѣчаться. Онъ преслѣдовалъ меня своими насмѣшками и упреками за безпечный образъ дѣйствій Россіи, повторяя безпрестанно, что пора намъ, дипломатамъ, вступить на новый путь. Выведенный изъ терпѣнія, я однажды посовѣтовалъ ему обратиться со своими соображеніями къ канцлеру, т. е. къ главѣ кабинета. Онъ счелъ мой отвѣтъ за увертку и сказалъ, что между канцлеромъ и мною существуетъ очевидно уговоръ взаимно отсылать другъ къ другу всѣхъ интересующихся дѣломъ, чтобы избѣжать прямого отвѣта. Споръ нашъ грозилъ перейти въ ссору; Императоръ вмѣшался въ него и взялъ мою сторону, обвиняя князя Долгорукаго въ нетактичности. Послѣ этого всѣ сношенія между нами были прерваны, но онъ продолжалъ еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ когда-либо, интриговать противъ меня; козни его, сопровождавшіяся новыми выходками, потерпѣли вскорѣ опять неудачу. Я помню, что при Императорѣ Павлѣ мы съ княземъ Долгорукимъ были въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Онъ выразилъ мнѣ свое довѣріе въ исторіи съ Винцегероде, о которомъ я уже упоминалъ. Нѣмецъ этотъ былъ очень честнымъ, непоколебимымъ и пунктуальнымъ человѣкомъ въ вопросахъ чести. Вслѣдствіе одного разговора съ княземъ Долгорукимъ онъ вызвалъ его на дуэль, и оба согласились предложить мнѣ быть единственнымъ ея свидѣтелемъ. Встрѣча произошла въ саду: я зарядилъ оба пистолета, постарался размѣстить обоихъ противниковъ такъ, чтобы выстрѣлы ихъ надѣлали какъ можно менѣе вреда, но все обошлось благопо-

лучно, такъ какъ они оба промахнулись, и дѣло окончилось полнымъ примиреніемъ.

Здоровье канцлера пошатнулось; онъ начиналъ серьезно похварывать, и мысль объ отъѣздѣ въ свое помѣстье около Москвы все чаще стала приходить ему въ голову; но онъ не хотѣлъ совершенно удалиться отъ дѣлъ, а мечталъ только о временномъ отдыхѣ.

Тѣмъ временемъ у Императора появилось какое-то непобѣдимое предубѣжденіе въ отношеніи къ графу Воронцову, возраставшее съ каждымъ днемъ. Его старческая фигура, голосъ, медленная рѣчь и жесты,—все раздражало Государя въ Воронцовѣ. Канцлеръ, часто хворавшій, посылалъ меня съ бумагами къ Александру. Государь не скрывалъ своего удовольствія, при видѣ меня вмѣсто канцлера; онъ высмѣивалъ стараго министра, передразнивалъ его и часто повторялъ мнѣ, что хотѣлъ бы отъ него отдѣлаться. Это время моей службы было періодомъ моего наивысшаго дѣлового значенія и наибольшей милости у Императора. Только составленные мною рескрипты и депеши всегда заслуживали его одобренія. Стремленіе канцлера къ отдыху не только не вызывало неудовольстія Государя, но всячески поощрялось имъ.

Между тѣмъ хорошія отношенія, существовавшія до сихъ поръ между Франціей и Россіей, начали портиться. Въ Парижѣ русскимъ посланникомъ былъ графъ Морковъ. Въ Петербургѣ его считали человѣкомъ очень ловкимъ, прототипомъ или, вѣрнѣе, послѣднимъ живымъ напоминаніемъ прежнихъ Екатерининскихъ дипломатовъ. При Императорѣ Павлѣ онъ впалъ въ немилость и удалился на жительство въ Подолію, конфискованную у моего отца. Послѣ вступленія на престолъ Александра графъ Морковъ поспѣшилъ возвратиться ко двору. Пріѣздъ его вызвалъ опасеніе со стороны графа Панина, министра иностранныхъ дѣлъ, сообразившаго, насколько опасно имѣть вблизи отъ себя такого умнаго и ничѣмъ незанятаго человѣка, какъ графъ Морковъ, на которомъ ежеминутно Императоръ могъ остановить свое вниманіе и свой выборъ. Онъ задумалъ удалить Моркова. Въ то время самой большой заботой правительства являлось возстановленіе хорошихъ отношеній съ Франціей. Необходимо было отправить къ первому консулу посланника, способнаго слѣдить за его политикой, сдерживать ее, насколько возможно, и въ то же время поддерживать достоинство Россіи. Такое важное порученіе Панинъ постарался вручить графу Моркову, принявшему его съ радостью. Морковъ угадалъ, что не внушаетъ особой симпатіи Александру, и что его честолюбивымъ замысламъ не придется осуществиться въ Петербургѣ, но, кромѣ того, ему захотѣлось опять посѣтить Парижъ въ новомъ положеніи и сыграть

тамъ видную роль лицомъ къ лицу съ Бонапартомъ и съ другими уже входившими въ славу дѣятелями его времени.

Графъ Морковъ не всегда оправдывалъ составившуюся о немъ репутацію тонкаго дипломата. Его легкомысліе было причиной крупнаго недоразумѣнія, разстроившаго бракъ короля Швеціи со старшей великой княжной, что̀, какъ извѣстно, ускорило смерть Екатерины. И теперь, несмотря на свое отвращеніе къ первому консулу и его министрамъ, графъ Морковъ не сумѣлъ оказать противодѣйствіе раздѣлу, постигшему Германію, ради вознагражденія князей, утратившихъ часть своихъ собственныхъ владѣній и ради удовлетворенія жадности Пруссіи. Дѣло это было прислано на одобреніе къ Александру въ совершенно законченномъ видѣ, т. е. тогда, когда внести въ него какія-либо поправки было уже поздно. На обязанности графа Моркова лежало предупредить и не допустить до этого. Ему слѣдовало поторопиться съ предложеніемъ умѣрить требованія этого политическаго акта, прежде чѣмъ въ Парижѣ состоялось окончательное рѣшеніе по всѣмъ его статьямъ и параграфамъ, постановленія которыхъ переходили какъ по качеству, такъ и по количеству, границу умѣренности и справедливости. Само собою разумѣется, что достичь благопріятнаго результата въ такомъ дѣлѣ было очень трудно, но надо было хоть сколько-нибудь постараться объ этомъ. Графъ же Морковъ не сдѣлалъ ровно ничего; онъ не предоставилъ даже петербургскому кабинету времени, необходимаго для выраженія и поддержанія своего мнѣнія, и поставилъ въ необходимость присоединиться къ этой сдѣлкѣ, точно малое дитя, съ которымъ каждый дѣлаетъ, что хочетъ.

Графъ Морковъ, бывшій креатурой Зубовыхъ, вмѣшался въ ихъ ссору съ графомъ Безбородко, что̀ и уронило его во мнѣніи Императора Павла. Стоитъ ли прибавлять къ этому, что онъ былъ врагомъ Польши и что вмѣстѣ съ Зубовымъ онъ голосовалъ за ея уничтоженіе? Всѣ остальныя его убѣжденія и чувства соотвѣтствовали этому поступку. Онъ являлся воплощеніемъ разсудка своего государства и его несправедливой, безжалостной политики. Графъ былъ очень экономенъ и прижимистъ въ денежныхъ дѣлахъ; любилъ подарки, но принималъ ихъ только тогда, когда его гордость отъ этого ни мало не могла пострадать.

Надо сознаться, что выборъ графа Моркова посломъ не могъ надолго укрѣпить доброе согласіе между двумя правительствами, и въ этомъ отношеніи онъ представлялъ полную противоположность доброму и спокойному генералу Гедувиллю. Лицо его, изрытое оспой, постоянно имѣло выраженіе ироніи и пренебреженія, а круглые глаза и ротъ съ опущенными углами напоминали тигра. Онъ усвоилъ

манеру говорить и держаться, какъ истый версальскій придворный, но напускалъ на себя слишкомъ много важности, въ ущербъ вѣжливости и изысканности. По-французски онъ изъяснялся превосходно, но вообще его разговоръ былъ рѣзокъ и непріятенъ; ни тѣни чувства не проглядывало никогда въ словахъ его.

Таковъ былъ дипломатъ, этотъ перлъ дипломатовъ, посланный Россіей къ Бонапарту, въ доказательство ея желанія сохранить съ нимъ хорошія дружескія отношенія.

Сперва въ Парижѣ къ нему отнеслись съ большимъ вниманіемъ, особенно когда онъ угодилъ консулу своимъ поведеніемъ во время переговоровъ о вознагражденіи князей и при завершеніи ихъ новымъ раздѣломъ Германіи. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, его презрительная манера и насмѣшки, которыя графъ Морковъ позволялъ себѣ отпускать въ салонахъ, навлекли на него со стороны перваго консула сперва холодность, а потомъ и настоящую вражду. Одно изъ ихъ столкновеній особенно замѣчательно, въ преднамѣренности котораго русскій посолъ не могъ сомнѣваться.

Однажды, на одномъ изъ своихъ собраній, Наполеонъ сталъ искать какого-нибудь поляка, чтобы излить на немъ свою злобу на русскаго посланника; это казалось ему наиболѣе вѣрнымъ средствомъ задѣть за живое и оскорбить представителя русскаго двора. Перваго попавшагося поляка онъ нашелъ пригоднымъ для этой цѣли, и случай навелъ его на самаго незначительнаго, скромнаго и робкаго изъ всѣхъ; быть можетъ, впрочемъ, онъ выбралъ именно такого съ умысломъ, такъ какъ несомнѣнно, что у него не было другой цѣли, какъ унизить самолюбіе графа Моркова. И вотъ, замѣтивъ въ одной группѣ г. Z.., человѣка, совершенно ничтожнаго, Бонапартъ взялъ его за пуговицу, вывелъ изъ окружающей его толпы и, спросивъ, не полякъ ли онъ,—крайне рѣзко выразился о раздѣлѣ Польши, о тѣхъ, которые его совершили, и о тѣхъ, которые его допустили, а затѣмъ, повернувшись, Бонапартъ вышелъ, даже не поклонившись Моркову.

Французскій кабинетъ далъ понять въ одной изъ своихъ депешъ о своемъ недовольствѣ поведеніемъ графа Моркова и о желаніи видѣть со стороны посланника Россіи болѣе готовности поддерживать доброе согласіе между обѣими державами. Дѣйствительно, насколько графъ Морковъ обладалъ всѣми необходимыми качествами, чтобы поддержать, хотя бы цѣною рѣзкаго разрыва сношеній, достоинство и честь своего правительства, настолько же онъ былъ мало созданъ для улаживанія недоразумѣній и возстановленія хорошихъ отношеній. Это приключеніе было на руку графу Моркову и доставило ему награду въ видѣ Андреевской ленты, предмета его тайныхъ жела-

ній. Канцлеръ счелъ въ этомъ случаѣ необходимымъ выставить на видъ достоинства и заслугу графъ Моркова, и Императоръ согласился съ его мнѣніемъ. Въ Парижъ былъ отправленъ курьеръ. Вмѣсто выговора или отзыва графа Моркова жаловали лентой Св. Андрея.

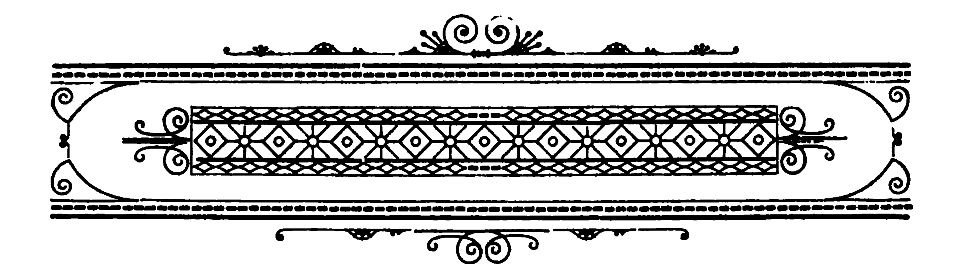
На первой же аудіенціи у Бонапарта Морковъ появился, украшенный знакомъ вновь пожалованнаго ордена, съ еще болѣе самодовольнымъ и гордымъ видомъ, чѣмъ обыкновенно. На этотъ разъ консулу было не до смѣху.

Тѣмъ не менѣе послѣ такого торжества своего самолюбія графъ Морковъ не захотѣлъ оставаться въ Парижѣ. Онъ считалъ свою карьеру законченной и просилъ объ отозваніи. Онъ возвратился въ Петербургъ во время сборовъ канцлера Воронцова къ отъѣзду.

Сообщилъ К. Военскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пережитое [1].

(Отрывочныя воспоминанія за 25 лѣтъ службы).

V.

Въ Бѣлостокѣ было тихо и населеніе держало себя спокойно. Пѣніе революціонныхъ гимновъ разомъ прекратилось съ началомъ мятежа. Городъ былъ порядочно раскинутъ и весьма скудно освѣщаемъ по ночамъ. Сборнаго пункта на случай тревоги, какъ уже замѣчено выше, указано не было [2]; день за днемъ все шло благополучно благодаря охранительнымъ мѣрамъ, а отчасти и слабой предпріимчивости инсургентскихъ бандъ, несомнѣнно бродившихъ въ окрестныхъ лѣсахъ. Приведу случай порядочной сумятицы при ночной тревогѣ, происшедшей исключительно изъ-за отсутствія заблаговременно указаннаго сборнаго пункта.

Вечеромъ, 27 января, я, какъ временно исполнявшій должность полкового адъютанта, былъ съ докладомъ у генерала Эггера, исполнявшаго, въ виду отсутствія генерала Манюкина, обязанности начальника войскъ Бѣлостокскаго гарнизона. Вдругъ, во время доклада является визитиръ-рундъ Либавскаго полка подпоручикъ Богдевичъ и докладываетъ, что со стороны м. Супрасль (весьма недалеко отъ города) произведено было нѣсколько выстрѣловъ. Генералъ Эггеръ засуетился и приказалъ ударить тревогу; между тѣмъ, как нарочно, вечеръ былъ

---

[1]) См. „Русская Старина", августъ 1907 г.

[2]) Собственно въ Бѣлостокѣ находились тогда два баталіона Либавскаго полка съ тремя стрѣлковыми ротами, 1½ батареи, 2 эскадрона уланъ и 2 сотни казаковъ (по сохранившемуся письму моему изъ Бѣлостока 14 марта 1863 года).

весьма темный, рѣдкіе фонари на улицахъ кое-гдѣ мелькали, а къ всему этому еще и грязь, мѣстами, была невылазная. Отправившись на свою квартиру, я засталъ у командира полка полную суматоху. Въ разныхъ мѣстахъ города слышенъ былъ бой барабанщиками тревоги. Нѣсколько уланъ карьеромъ проскакали по улицѣ, гдѣ былъ штабъ Либавскаго полка,—куда и зачѣмъ неизвѣстно. Роты выстраивались въ темнотѣ и началось плутаніе ихъ по полутемнымъ улицамъ, при чемъ встрѣчавшіяся роты другъ у друга спрашивали—куда идти и, получая въ отвѣтъ: „да вѣроятно на площадь",—шли туда. Командиръ полка вышелъ на крыльцо и, помню, неизвѣстно для какой надобности обнажилъ свою саблю. Растерянность вообще была полная. Услышавъ шлепаніе массы ногъ по грязи, командиръ полка спросилъ: „которая рота",—отвѣтили „одиннадцатая" (командовалъ капитанъ Гагринъ); тогда командиръ полка съ бывшими при немъ нѣсколькими офицерами присоединился къ этой ротѣ и направился на гороцскую площадь, но въ неувѣренности, туда ли слѣдуетъ идти или въ иное мѣсто. Городская, довольно обширная, площадь, вымощенная булыжникомъ и не освѣщенная фонарями, была лишь „случайно" избрана частями гарнизона сборнымъ пунктомъ. По пути къ этой площади, чуть не сшибъ съ ногъ двухъ офицеровъ уланскій разъѣздъ, ѣхавшій на полныхъ рысяхъ и державшій пики на-перевѣсъ. Приблизительно черезъ 1/2 часа или нѣсколько болѣе—не сосредоточились, а безпорядочно столпились на площади части Либавскаго полка, два эскадрона уланъ и казачьи сотни, ставъ гдѣ попало; въ довершеніе всего, на рысяхъ прибыли 4 орудія 2 артиллерійской бригады, а остальная артиллерія (8 орудій той же бригады) почему-то осталась безъ всякаго прикрытія, на мѣстѣ своего расположенія, то есть на окраинѣ города. Всѣ были въ полномъ невѣдѣніи—гдѣ повстанцы. Послышались отвѣты ротъ на привѣтствіе,—это прибылъ на площадь генералъ Эггеръ, верхомъ; объѣхавъ всѣ части и поздоровавшись съ ними, онъ распорядился отправить сотню казаковъ къ м. Супрасль на развѣдку, то есть сдѣлалъ то, съ чего слѣдовало бы начать, не вызывая изъ-за нѣсколькихъ выстрѣловъ, раздавшихся за окраиною города по тревогѣ, всѣ войска гарнизона; затѣмъ приказалъ войскамъ идти съ пѣснями домой. Такъ завершился этотъ вполнѣ безпорядочный сборъ войскъ по тревогѣ, при чемъ, повторяю, никто не зналъ куда идти, гдѣ стать и вообще что дѣлать, начиная конечно съ самого генерала Эггера. Приведенный,—вполнѣ правдивый, случай можетъ служить показателемъ халатнаго въ то время отношенія нѣкоторыхъ изъ нашихъ войсковыхъ начальниковъ къ самымъ элементарнымъ требованіямъ военнаго дѣла, несмотря на военное положеніе и совершавшіяся

событія. Вспоминая все это, теперь, спустя 44 года, остается только удивляться.

Инсургенты нерѣдко нападали на желѣзно-дорожные поѣзда по линіи Бѣлостокъ—Варшава, стрѣляя изъ прилегавшихъ къ полотну дороги лѣсныхъ опушекъ, портили путь, снимая напр. нѣсколько шпалъ или рельсъ и замѣняя послѣднія иногда деревянными, окрашенными въ сѣрую краску; въ виду этого, движеніе пассажирскихъ поѣздовъ на всемъ участкѣ Вильна—Варшава производилось съ поѣзднымъ конвоемъ, въ составѣ обыкновенно одной роты, размѣщавшейся по поѣзду слѣдующимъ порядкомъ: 5—6 рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ съ заряженными ружьями, находились на паровозѣ и тендерѣ, затѣмъ рота размѣщалась въ двухъ-трехъ вагонахъ 3 класса—въ головѣ и хвостѣ поѣзда. Число поѣздовъ вообще было сокращено, а ночныхъ пассажирскихъ, на участкѣ Бѣлостокъ—Варшава, вовсе не было; сверхъ сего, на этомъ же участкѣ лѣсъ на 300 шаговъ въ каждую сторону отъ желѣзно-дорожнаго полотна былъ вырубленъ для удобства обстрѣла съ поѣзда, при надобности, прилегающей мѣстности. Впослѣдствіи, независимо постройки примѣрно по серединѣ между станціями, такъ называемыхъ, экипныхъ домовъ (родъ блокгауза)—каждый на полувзводъ пѣхоты съ нѣсколькими казаками для разъѣздовъ по линіи, распоряженіемъ желѣзно-дорожнаго начальства опредѣлено было для предотвращенія случаевъ крушенія при слѣдованіи пассажирскихъ поѣздовъ, отправлять впереди каждаго такого поѣзда, примѣрно на 1—2 версты, въ видѣ поѣзднаго авангарда, отдѣльный паровозъ, конечно съ военною охраною, за коимъ слѣдовалъ самый поѣздъ, начинавшійся 2—3 пустыми платформами, но эта послѣдняя мѣра практикуема была впрочемъ короткое время.

Жизнь въ этихъ уединенныхъ экипныхъ домахъ была дѣйствительно скучною и томительною, а служба отвѣтственною, и слабохарактерный офицеръ, обреченный—безъ права отлучки—на мѣсячную или болѣе высидку въ такомъ домѣ (блокгаузѣ) съ 1/2 взводомъ пѣхоты и двумя—тремя казаками для развѣдокъ и посылокъ, не рѣдко искалъ утѣшенія въ винѣ, особенно если уже имѣлъ къ нему пристрастіе, да и служебная дѣятельность охранныхъ отрядовъ по линіи желѣзной дороги съ начала 1864 года, въ виду стихавшаго мятежа, была, за рѣдкими исключеніями, далеко не сложная, состоя лишь въ посылкѣ патрулей, особенно ночью. Припоминаю случай съ поручикомъ Либавскаго полка Ел—мъ, по очередному наряду находившимся (въ декабрѣ 1863 г.) въ экипномъ домѣ на половинѣ пути между станціями Среднице (Шепетово) и Чижево и конечно томившимся тамъ отъ бездѣятельности. Получивъ, какъ-

то, извѣстіе о появленіи будто бы небольшой банды инсургентовъ въ деревнѣ, отстоявшей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ экипнаго дома, поручикъ Ел—нъ, будучи вѣроятно до нѣкоторой степени „на взводѣ“, вмѣсто того, чтобы, предварительно, развѣдкою, провѣрить это извѣстіе (оказавшееся вполнѣ ложнымъ), долго не думая, съ большею частью своего полувзвода и двумя казаками покинулъ ввѣренный его охранѣ экипный домъ и бросился къ деревнѣ, гдѣ, несмотря на полное отсутствіе повстанцевъ, все же ни съ того, ни съ сего приказалъ нижнимъ чинамъ открыть пальбу, къ счастію не причинившую никому вреда. Вернувшись затѣмъ домой, названный офицеръ не замедлилъ сейчасъ же послать въ Лоховъ рапортъ командовавшему войсками по линіи желѣзной дороги отъ ст. Лапы до Варшавы генералу фонъ-Мензенкампфу о происшедшей „стычкѣ“ съ повстанцами, при чемъ въ описаніи фантастическаго боя не преминулъ даже упомянуть, что казаками (двумя!) „оцѣпилъ“ деревню, что повстанцы бѣжали въ ближайшій лѣсъ и что „потерь“ въ его „отрядѣ“ не было. Конечно, истину скоро узнали, дѣло это было разслѣдовано, и не въ мѣру ретивый и изобрѣтательный поручикъ, вмѣсто боевой награды, на которую вѣроятно разсчитывалъ, былъ немедленно замѣненъ другимъ офицеромъ и арестованъ на полковой гауптвахтѣ въ Островѣ.

Лѣтомъ 1863 года мнѣ пришлось съѣздить изъ Бѣлостока въ Варшаву по слѣдующимъ случаямъ. Изъ Петербурга возвращался за границу великій герцогъ Баденскій съ одною изъ великихъ княгинь; съ ними ѣхала небольшая свита и прислуга. Отъ Вильны до Бѣлостока поѣздъ конвоировала рота 3-й пѣхотной дивизіи, а далѣе до Варшавы 1 рота Либавскаго полка, въ составѣ коей былъ и я за субалтернъ-офицера.

По пути, привелось мнѣ видѣть на станціи Лоховъ экспедиціонный отрядъ, только-что прибывшій туда послѣ жаркой стычки съ повстанцами. Изъ сохранившагося письма моего изъ Бѣлостока отъ 5 марта 1863 года приведу дословную выдержку слышаннаго мною тогда отъ очевидцевъ объ этомъ дѣлѣ на станціи Лоховъ и видѣннаго лично на этой станціи.

„За часъ до прибытія нашего поѣзда на ст. Лоховъ, туда подошли 2 роты Невскаго полка и 3 стрѣлковая рота Либавскаго полка, участвовавшія въ стычкѣ съ инсургентами между станціями Лоховъ и Малкинъ, подъ командою генерала графа Толя. По желанію великой княгини, поѣздъ простоялъ въ Лоховѣ 1½ часа, и ея высочество, выйдя на платформу, разспрашивала участвовавшихъ въ дѣлѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, при чемъ ей показано было и чугунное орудіе, называвшееся повстанцами „виватувкою“ и отбитоеу

нихъ. Стычка произошла слѣдующимъ образомъ; партія инсургентовъ до 1.000 человѣкъ, преслѣдуемая отрядомъ, подошла къ полотну желѣзной дороги между станціями Малкинъ и Лоховъ, сняла 4 пары рельсъ, подпилила 11 телеграфныхъ столбовъ и начала углубляться въ лѣсъ, но на разсвѣтѣ была настигнута упомянутыми тремя ротами; сначала завязалась жаркая перестрѣлка, затѣмъ, по сигналу къ атакѣ, роты пошли въ штыки; началась рукопашная схватка, и банда была разбита наголову и разсѣяна, при чемъ, кромѣ упомянутаго чугуннаго орудія безъ лафета, захвачено было 9 плѣнныхъ, 13 лошадей, 8 брички—сильно обрызганныя кровью,—4 бочки съ спиртомъ, много косъ и пикъ, хорошія топографическія карты, нѣсколько ружей и 3 пистолета, масса революціонныхъ кокардъ, пачки съ прокламаціями и приказами по бандамъ и пр. Съ нашей стороны убитыхъ не было, но ранены два казака (одинъ двумя пулями въ грудь, а другой пулею въ плечо) и два рядовыхъ, изъ коихъ одному порублено лицо косою, а другому—ладонь лѣвой руки. Повстанцы потеряли убитыми до 40 человѣкъ, похороненныхъ нашими солдатами, а всѣхъ своихъ раненныхъ, по показаніямъ плѣнныхъ, унесли и увезли съ собою, несмотря на поспѣшное бѣгство остатковъ банды".

Въ 6 часу по полудни нашъ поѣздъ подошелъ къ Варшавѣ, гдѣ на станціонной платформѣ вокзала находился намѣстникъ великій князь Константинъ Николаевичъ (бывшій въ формѣ Л.-Гв. Гродненскаго гусарскаго полка) съ небольшою свитою и почетный караулъ со знаменемъ и хоромъ музыки. Конвойная рота Либавскаго полка отправилась на ночлегъ въ Волынскія казармы, гдѣ была принята офицерами Л.-Гв. Волынскаго полка съ полнымъ гостепріимствомъ и на другой день утромъ выѣхала обратно въ Бѣлостокъ.

Слѣдующій разъ, 2 мая, мнѣ, съ 4-мя конвойными, поручено было отвезти въ Варшаву уже конфирмованнаго польскаго эмиссара Черскаго; это былъ средняго роста еще молодой человѣкъ, лѣтъ 30—35 съ энергическимъ лицомъ и окладистою бородою; мы помѣстились въ отдѣльномъ изолированномъ купе 2 класса, при чемъ Черскій сидѣлъ между двумя рядовыми, имѣвшими ружья заряженными, а я противъ него. Дорогою онъ пытался нѣсколько разъ выспрашивать меня о своей судьбѣ, но любопытству его я не только не имѣлъ права удовлетворить, но и не могъ, такъ какъ имѣлъ съ собою лишь запечатанный пакетъ и содержанія его не зналъ, а если бы и зналъ, то понятно не сказалъ бы. По прибытіи въ Варшаву, гдѣ по телеграммѣ насъ уже ожидали на вокзалѣ жандармскія власти, я, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, въ открытой „дружкѣ" (т. е. парной коласкѣ) повезъ Черскаго въ 10 павильонъ

Александровской цитадели, при чемъ, по пути туда, непріятно было проѣзжать людными и частью узкими улицами сначала по Прагѣ, а потомъ черезъ, такъ называемое, „Старе Място", ибо проходившая публика останавливалась и глазѣла на насъ, тѣмъ болѣе, что на козлахъ, рядомъ съ возницею („дружкаржемъ"), сидѣлъ одинъ изъ жандармовъ. Спустя нѣкоторое время я узналъ, что Черскій на другой же день былъ повѣшенъ въ рву названной цитадели. При возвращеніи въ Бѣлостокъ [1]), мнѣ пришлось видѣть между станціями Малкинъ и Чижево мѣсто, гдѣ произведено было инсургентами крушеніе пассажирскаго поѣзда (12 верстъ недоѣзжая Чижева); поломанный паровозъ съ двумя вагонами лежали на боку,—правѣе полотна, а лѣвѣе—еще два вагона полусгорѣвшихъ.

Это случилось въ послѣднихъ числахъ апрѣля, при чемъ банда инсургентовъ, атакованная 10 ротою Либавскаго и ротою Невскаго полковъ, была разбита и разсѣяна; по подсчету, убитыхъ повстанцевъ было свыше 100; съ нашей же стороны убитъ былъ одинъ рядовой и 13 ранено; всѣ они были привезены въ Бѣлостокъ. Сколько погибло при крушеніи поѣздной прислуги и пассажировъ, узнать тогда не удалось [2]).

Въ серединѣ лѣта 1863 года получено было распоряженіе о новомъ, весьма недалекомъ походѣ. Всѣ полки 2 пѣхотной дивизіи передвигались снова въ царство Польское, и мѣста ихъ должны были занять полки 3 пѣхотной дивизіи.

Либавскій полкъ въ полномъ составѣ назначался для охраны линіи желѣзной дороги отъ станціи Лапы (у р. Наревъ, въ 22 верстахъ отъ Бѣлостока) до станціи Лохова (вторая тогда станція отъ Варшавы) и поступалъ въ составъ особаго отряда подъ начальствомъ свиты его величества генерала графа Толя.

Штабъ-квартирою полка назначенъ былъ небольшой еврейскій городокъ („мястѣчко") Островъ, Остроленскаго уѣзда (въ разстояніи 15 верстъ по грунтовой лѣсной дорогѣ отъ станціи Малкинъ) [3]), куда штабъ полка съ тремя стрѣлковыми и двумя линейными ротами выступилъ 12 іюля; 3 баталіонъ направленъ былъ въ м. Брокъ на р. Нурѣ и двѣ роты 1 баталіона въ м. Вышковъ. Станцію Лапы

---

[1]) По выдержкѣ изъ сохранившагося письма моего 7 мая 1863 года.

[2]) Кромѣ этихъ двухъ случаевъ, пришлось быть въ Варшавѣ нѣсколько часовъ еще въ концѣ февраля 1863 года, когда я былъ въ числѣ офицеровъ роты, конвоировавшей экстренный поѣздъ, въ коемъ ѣхалъ изъ Петербурга за границу великій герцогъ Ольденбургскій.

[3]) Въ 5 верстахъ отъ этого мѣстечка находилась могила штабсъ-капитана Никифорова, взятаго повстанцами въ плѣнъ и повѣшеннаго ими на лѣсной опушкѣ, близъ шоссе.

заняла 5 линейная рота, Средннце-Шепетово—6 рота, Чижевъ и мѣстечко того же названія—7 рота съ штабомъ 2 баталіона и Малкинъ—8 рота; остальныя двѣ станціи до Варшавы—Тлущъ и Лоховъ охранялись частями Невскаго пѣхотнаго полка (1 пѣхотной дивизіи). Одновременно прибыли въ Островъ—двѣ сотни и въ м. м. Брокъ и Чижевъ по сотнѣ Донскихъ казаковъ, а на нѣкоторыя желѣзно-дорожныя станціи, въ томъ числѣ и Лапы (въ сосѣднюю деревню Ухово-Лапы), по одной сотнѣ Сводно-Оренбургскаго казачьяго полка.—Штабъ 2-ой пѣхотной дивизіи тогда же былъ перемѣщенъ въ г. Сѣдлецъ, и генералъ Манюкинъ назначенъ начальникомъ Сѣдлецкаго военнаго отдѣла; остальные полки дивизіи—Калужскій, Эстляндскій и Ревельскій—стали въ г.г. Сѣдлецѣ, Пултускѣ, Праснышѣ и Млавѣ. Артиллеріи Либавскому полку придано не было, въ виду особенной службы частей его по охранѣ желѣзной дороги и по обилію лѣсовъ въ раіонѣ расположенія полка, особенно у м. м. Островъ и Брокъ.

Въ упомянутыхъ выше мѣстечкахъ раіона расположенія Либавскаго полка казармъ не было, вслѣдствіе чего роты размѣстились тамъ на тѣсныхъ квартирахъ по обывателямъ; роты же, спеціально назначенныя для охраны желѣзно-дорожныхъ станцій,—помѣстились въ нарочно выстроенныхъ возлѣ нихъ просторныхъ бревенчатыхъ баракахъ (два на каждую роту, съ помѣщеніями для офицеровъ въ концѣ бараковъ).

Въ виду значительнаго некомплекта офицеровъ въ Либавскомъ полку, прибыло по переводу до 15 офицеровъ изъ полковъ Кавказской арміи [1]).

---

[1]) Изъ числа офицеровъ, одновременно переведенныхъ лѣтомъ 1863 года изъ различныхъ пѣхотныхъ полковъ Кавказской арміи (преимущественно 19 и 20 дивизій) въ Либавскій полкъ для пополненія въ немъ офицерскаго некомплекта, два—маіоръ Ш. и прапорщикъ князь X.—съ мѣста зарекомендовали себя весьма неприглядно. Прибывъ съ вечернимъ поѣздомъ на маленькую еще въ то время станцію Малкинъ и узнавъ, что „оказія" (т. е. конвойный отрядъ) отправляется въ м. Островъ только на другой день, названные офицеры, будучи въ порядочномъ „дрейфѣ" и очевидно не забывавшіе буфетовъ по пути, грозно потребовали себѣ отдѣльную комнату для ночлега; не удовлетворившись указаннымъ помѣщеніемъ въ общей пассажирской комнатѣ, они начали бушевать, кой-кого изъ служащихъ на станціи переколотили, направились въ сосѣднее станціонное зданіе, гдѣ была квартира командира 8 роты Либавскаго полка (капитана Эйсымонта, случайно отсутствовавшаго), выгнали оттуда, несмотря на позднее время, темноту и непогоду, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, полкового капельмейстера Отта, ночевавшаго тамъ также въ ожиданіи утренней „оказіи", заперли двери и спокойно улеглись спать, выбросивъ одежду названнаго капель-

Г. Островъ, находившійся на шоссе въ Варшаву, почти сплошь населенъ былъ евреями; сравнительно лучшіе дома были на базарной площади въ центрѣ города, гдѣ находилась и единственная въ мѣстечкѣ „цукерня“ (кондитерская), служившая какъ бы клубомъ для офицеровъ. Улицы и переулки, за отсутствіемъ фонарей, по вечерамъ и ночамъ не освѣщались. Изрѣдка бывали вечера у командира Либавскаго полка, жившаго уже снова своею съ семьею, и также изрѣдка ходила коротать вечера холостежь къ немногимъ женатымъ офицерамъ. Одиночныя прогулки за городъ были далеко не безопасны, да въ сущности и некуда было ходить, такъ какъ въ разстояніи 1—1$^{1}/_{2}$ верстъ отъ мѣстечка начинался сплошной лѣсъ. Вообще жизнь была скучная, разнообразившаяся лишь періодическими экспедиціями противъ инсургентовъ и рѣдкими поѣздками „съ оказіями“ на станцію Малкинъ, а оттуда иногда въ Варшаву или къ товарищамъ офицерамъ на линію желѣзной дороги. Такъ какъ сообщеніе по широкой лѣсной грунтовой дорогѣ на Малкинъ было не безопасно отъ нечаянныхъ нападеній и засадъ всюду бродившихъ мелкихъ бандъ повстанцевъ, то еженедѣльно отправлялась изъ Острова на названную станцію конвойная колонна (или „оказія“, какъ ее называли) изъ одной или двухъ ротъ съ нѣсколькими казаками для охраненія движенія колонны и развѣдокъ, имѣвшая всегда привалъ на серединѣ пути у дер. Орля. Къ такимъ колоннамъ пристраивались офицеры, отправлявшіеся въ роты, расположенныя на линіи желѣзной дороги, и обратно въ Штабъ полка. Простая корреспонденція доставлялась почтою весьма не аккуратно, и не разъ случалось, что повстанцы захватывали корреспонденцію. Привожу буквальную выдержку изъ сохранившагося письма моего 15 сентября 1863 года: „инсургенты почти всю почту отобрали, за исключеніемъ нѣсколькихъ писемъ и въ числѣ ихъ одного, адресованнаго мнѣ; сегодняшнюю почту повстанцы снова захватили всего въ 9 верстахъ отъ Острова“. Въ виду этого опредѣлено было всю простую корреспонденцію не отправлять почтою, а оставлять на станціи Малкинъ, откуда она и привозилась съ упомянутыми выше „оказіями“.

Что же касается денежной и посылочной корреспонденціи въ

мейстера на полотно желѣзной дороги. Спустя нѣкоторое время, тѣ же два офицера совершили еще цѣлый рядъ некрасивыхъ подвиговъ, за что, наконецъ, и были удалены въ отставку дисциплинарнымъ порядкомъ—прапорщикъ князь Х. въ 1864 году, а маіоръ Ш., бывшій къ тому же въ сильной степени алкоголикомъ, къ сожалѣнію, только въ 1866 году, когда Либавскій полкъ квартировалъ уже въ г. Сарапулѣ, Вятской губерніи.

полкъ, то она оставлялась на храненіи въ почтовыхъ конторахъ Бѣлостока и Варшавы, куда за полученіемъ ея и приходилось полковому казначею ѣздить отъ времени до времени и при томъ, на участкѣ отъ Малкина въ Островъ, всегда съ коннымъ конвоемъ, а такъ какъ наряжать въ такой конвой каждый разъ отъ 8 до 10 казаковъ было затруднительно, то въ Либавскомъ полку образовалась, такъ сказать, своя собственная конница изъ фурштатовъ, посаженныхъ на подъемныхъ лошадей и вооруженныхъ даже пиками, на подобіе казачьихъ, сдѣланныхъ въ полковой мастерской. Въ виду командировки казначея за вещами для полка, я съ 15 января, въ продолженіе 2 мѣсяцевъ, исправлялъ его должность, и въ этотъ промежутокъ времени мнѣ не разъ приходилось совершать верхомъ переѣзды изъ Острова въ Малкинъ и обратно съ такимъ смѣшаннымъ конвоемъ изъ нѣсколькихъ казаковъ и конныхъ фурштатовъ, имѣя чемоданчикъ притроченнымъ къ сѣдлу. Съ началомъ осени 1863 года въ раіонѣ дѣйствій Либавскаго полка экспедиціи противъ повстанцевъ были уже гораздо рѣже, и наиболѣе крупнымъ дѣломъ была лишь стычка 27 ноября въ лѣсахъ около дер. Порембы, въ 7 верстахъ отъ м. Брокъ; отрядъ, участвовавшій въ этомъ дѣлѣ, состоялъ изъ 1 и 3 стрѣлковыхъ ротъ Либавскаго полка съ 20 казаками подъ командою подполковника Боровскаго; разбивъ повстанцевъ—состоявшихъ изъ 300 пѣшихъ и 200 конныхъ, бывшихъ подъ командою француза Дюбуа, отрядъ, захвативъ 33 человѣка въ плѣнъ, вернулся въ Островъ, при чемъ въ хвостѣ его слѣдовалъ печальный поѣздъ изъ ряда одноконныхъ обывательскихъ подводъ съ двумя убитыми нижними чинами (унтеръ-офицеромъ и казакомъ) и ранеными мятежниками, уложенными по одному и по два на подводѣ, смотря по ранѣ и, частью, прикрытыми солдатскими шинелями [1]). Бой этотъ, включая преслѣдованіе повстанцевъ по лѣсу, продолжался съ 9 утра до 4 ч. по полудни [2]). Какъ и ранѣе, экспедиціи велись иногда безъ должной подготовки къ нимъ, на основаніи данныхъ, не провѣренныхъ какъ слѣдуетъ конными развѣдками,

---

[1]) По сохранившемуся письму моему изъ Острова 30 ноября 1863 года.

[2]) Какъ иногда составлялись тогда реляціи, можетъ служить примѣромъ и слѣдующій лично извѣстный мнѣ случай. Спустя часъ или два по возвращеніи въ Островъ экспедиціоннаго отряда, разсѣявшаго банду повстанцевъ въ лѣсахъ у дер. Порембы, прибылъ на нашу квартиру начальникъ этого отряда, подполковникъ Боровскій, одѣтый въ дождевомъ кожанѣ и находившійся, помню, въ нѣкоторомъ дрейфѣ. Я съ своими квартирными сожителями маіоромъ Малюгою и капитаномъ Тризна были дома. Не снимая кожана, Боровскій, попросивъ распорядиться на счетъ чая „съ ромомъ“, усадилъ меня за столъ возлѣ себя и сказалъ: „ну, пиши реляцію, вотъ тебѣ

опросами шпіоновъ, часто умышленно лгавшихъ и пр. Такъ, въ подобной экспедиціи 13 и 14 сентября пришлось участвовать и мнѣ. Дѣло шло о поимкѣ довольно значительной банды инсургентовъ, давно рыскавшей по лѣсамъ въ окрестностяхъ Острова. Хитроумный планъ этой экспедиціи составленъ былъ въ отрядномъ Штабѣ и утвержденъ начальникомъ войскъ раіона генераломъ графомъ Толемъ. Рѣшено было концентрически направить къ дер. Червонный Боръ пять отрядовъ, при условіи прибыть имъ къ ней не позже 12 часовъ другого дня, то есть къ полудню. Всѣ отряды шли къ назначенному пункту безъ связи другъ съ другомъ; привожу короткую выдержку изъ сохранившагося письма моего отъ 19 сентября: „въ ночь на 14 сентября или, правильнѣе, въ 3½ часа утра, вышелъ изъ Острова отрядъ подъ командою полковника Суркова изъ трехъ ротъ Либавскаго и сотни казаковъ; весь переходъ былъ около 25 верстъ; къ 12 часамъ дня отрядъ прибылъ къ дер. Червонный Боръ, гдѣ уже находился графъ Толь съ отрядами Ломжинскимъ, Остроленскимъ, Чижевскимъ и Замбровскимъ. По пути не встрѣтили ни одного инсургента, но нашли въ лѣсу складъ съ 5 пудами пороха, много патроновъ и немного ружей, косъ и др., все это частью сожгли, при чемъ загорѣлась не только сосѣдняя кузница, но и ближайшая опушка лѣса. По разспросамъ жителей въ попутной деревнѣ Жохи, банда повстанцевъ дѣйствительно была, но ушла незадолго до прихода отряда. На большой полянѣ у д. Червонный Боръ приступили къ варкѣ пищи и, пообѣдавъ, въ 5½ ч. по полудни отрядъ выступилъ обратно и прибылъ въ Островъ въ 12 часовъ ночи“.

Приведу еще нѣсколько припоминаемыхъ частностей объ этой мало толковой экспедиціи.

Сначала отрядъ шелъ безъ проводника и только съ разсвѣтомъ удалось его добыть въ деревнѣ Жохи.—Не доходя 5—6 верстъ до д. Червонный Боръ, полковникъ Сурковъ остановилъ отрядъ совершенно напрасно на привалъ. Офицеры упрашивали его тотчасъ идти

карта, я буду разсказывать и показывать!“ Разсказъ его о ходѣ дѣла, движенія частей отряда по лѣсамъ, о позиціяхъ повстанцевъ и проч. былъ настолько безсвязенъ и противорѣчивъ, что только дружными усиліями, частью и при содѣйствіи прибывшаго случайно, „на огонёкъ“, на нашу квартиру одного изъ офицеровъ, входившихъ въ составъ отряда, удалось установить, съ грѣхомъ пополамъ, весь ходъ боя, даже достаточно картинно, хотя, конечно, и не вполнѣ вѣрно. Такъ или иначе, а донесеніе (реляція) было сфабриковано, тутъ же переписано набѣло, подполковникомъ Боровскимъ одобрено и имъ подписано.

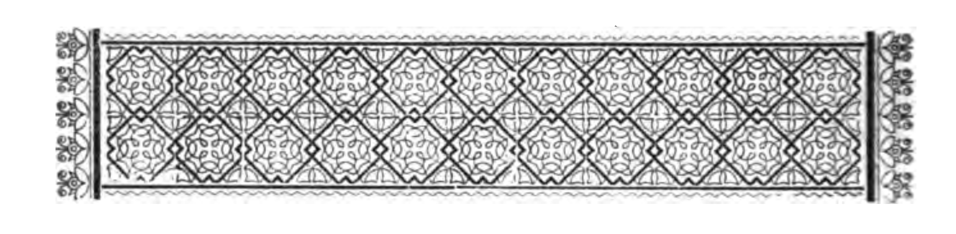
далѣе, но онъ упорно стоялъ на своемъ, говоря, что нужно прибыть къ д. Червонный Боръ „ровно въ 12 часовъ“, а „не ранѣе“.

Широкая грунтовая дорога къ этой деревнѣ шла лѣсомъ и въ разстояніи 2—3 верстъ съ сильнымъ подъемомъ въ гору. Когда оставалось около $1^1/_2$ версты, на перевалѣ замѣтили двухъ всадниковъ. Кто-то сказалъ: „смотрите, господа, а вѣдь это пожалуй повстанцы“, тогда есаулъ Щербина, командовавшій передовымъ отрядомъ изъ взвода казаковъ, долго не думая, скомандовалъ „маршъ—маршъ“ и съ нѣсколькими офицерами, бывшими верхомъ, понесся впередъ, при чемъ, невольно поскакалъ за ними и отрядный врачъ, не справившійся съ своимъ конемъ. Произошелъ нѣкоторый конфузъ, такъ какъ вся эта кавалькада, доскакавъ до перевала, увидѣла тамъ вмѣсто двухъ повстанцевъ—графа Толя съ его ординарцемъ, капитаномъ Костровымъ, верхами ожидавшихъ прихода Островскаго отряда. Такъ закончилась эта кабинетно задуманная экспедиція, при чемъ всѣ 5 отрядовъ никакой банды инсургентовъ не встрѣтили, забравъ лишь случайно въ плѣнъ 7 бродившихъ повстанцевъ. Спустя нѣкоторое время стало извѣстнымъ, что искомая банда лѣсными тропинками безнаказанно прошла между двумя отрядами, чтò и было возможно, въ виду значительныхъ интерваловъ между ними, двигавшимися только по лѣснымъ проѣзжимъ дорогамъ („шляхамъ“).

Сообщилъ Л. Д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Н. Леваковскаго.

I.

Дѣтство [1]).

Отецъ мой былъ бѣдный петербургскій труженикъ-чиновникъ, занятый съ утра до вечера службой, вѣчно угрюмый и молчаливый; мать — тихое, покорное созданіе, не знавшая покоя отъ трудовъ и заботъ по домашнему хозяйству и уходу за дѣтьми, которыхъ въ описываемое мною время было пятеро.

Росли мы, какъ растутъ тысячи подобныхъ намъ, безъ кормилицъ и нянекъ, предоставленные самимъ себѣ. Впрочемъ, воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ у меня не многочисленны.

Помню смерть одной изъ сестеръ, не зная даже какой; но нижеслѣдующая картина запечатлѣлась въ моей памяти: предъ большимъ образомъ въ переднемъ углу, стоитъ столъ, покрытый скатертью, спускающейся до самаго полу; на столѣ небольшой розовый открытый гробикъ; между образомъ и столомъ высокій подсвѣчникъ, съ горящею восковой свѣчей. Въ гробу лежитъ маленькая дѣвочка. Меня занимаетъ вся эта необычайная обстановка, мнѣ хочется поближе все это обслѣдовать, но какая-то незнакомая женщина, суетящаяся около стола, запрещаетъ подходить и дотрогиваться; поэтому я, поневолѣ, ограничиваюсь наблюдательною ролью и смотрю внимательно на все происходящее. Незнакомая женщина надѣваетъ дѣвочкѣ, лежащей на столѣ, розовые атласные башмачки; я нахожу, что это очень красиво; но неподвижность дѣвочки, ея прозрачное, восково-желтое личико производятъ на меня какое-то особенное,

---

[1]) Начало описываемыхъ событій относится къ 40-мъ годамъ.

не совсѣмъ пріятное, впечатлѣніе; тѣмъ не менѣе, мысль о томъ, что въ дѣйствительности совершается предъ моими глазами, мнѣ не приходитъ и въ голову, и я продолжаю оставаться равнодушнымъ наблюдателемъ происходящаго передо мной. Но вотъ, хлопоты и суета, мало по малу, стихаютъ; является священникъ; комната оглашается пѣніемъ и наполняется голубыми струйками ладона, которыя особенно красивы на солнцѣ; я засматриваюсь на нихъ, любуясь, какъ онѣ завиваются и перегоняютъ одна другую. Пѣніе окончилось; присутствующіе засуетились; я слышу голосъ священника: „можно выносить“! Я инстинктивно сознаю, что сказанное относится къ дѣвочкѣ, лежащей на столѣ, и у меня вдругъ является забота: на дворѣ такъ холодно, оконныя стекла покрыты толстымъ слоемъ льда, а она въ легенькомъ платьицѣ и розовыхъ башмачкахъ! Но гробикъ плотно закрываютъ; его бережно выносятъ на рукахъ, комната пустѣетъ, и я успокаиваюсь. По отъѣздѣ изъ дому большихъ, мы тотчасъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, устроили репетицію видѣннаго, похоронивши одну изъ старыхъ деревянныхъ куколъ, которая, кстати, давно уже надоѣла. Сохранились нѣкоторыя другія воспоминанія. Я живо помню, напр., тотъ восторгъ, который я ощущалъ, когда, однажды, дѣдъ надѣлъ мнѣ свои толстые карманные часы, на подобіе луковицы, съ голубой бисерной цѣпочкой! Какъ я походилъ тогда, по крайней мѣрѣ въ собственныхъ глазахъ, на большого! Между мною и взрослымъ человѣкомъ, по-моему, въ то время, была только самая ничтожная разница, именно та, что большіе носятъ часы въ карманѣ жилета, а у меня они были заткнуты за кушакъ, опоясывавшій рубашку.

Не менѣе живо сохранилось въ моей памяти то невыразимо пріятное впечатлѣніе, которое производили на меня сказки, которыя такъ мастерски разсказывала бабушка. Появленіе ея къ намъ и, въ особенности согласіе ночевать, приводило насъ въ восторгъ, такъ какъ заранѣе обѣщало удовольствіе—слышать вечеромъ сказки. Какъ только смеркалось, мы тотчасъ начинали просить скорѣе исполнить обѣщаніе. При этомъ бабушка непремѣнно сначала помучитъ, завѣряя, напр., что она забыла всѣ сказки. Мы, разумѣется, не вѣримъ и продолжаемъ просить. Тогда слѣдуетъ другой доводъ: „что хотя еще одна сказка осталась, но въ ней такіе страхи, что вы, дѣточки, всю ночь спать не будете“! Но этотъ доводъ только усиливаетъ просьбы:—мы, милая бабушка, не будемъ бояться! Завѣряешь, бывало, а у самого уже заранѣе пробѣгаютъ мурашки по тѣлу! Бабушка, наконецъ, соглашается, и мы всѣ превращаемся во вниманіе. Комната освѣщена единственной сальной свѣчей, мы всѣ сбились въ кучку, тѣсно окружили разсказчицу и

каждое новое, сообщаемое ею, происшествіе или событіе усиливаетъ страхъ! Въ концѣ концовъ боишься оглянуться въ сторону, вздрагиваешь отъ нечаяннаго прикосновенія сосѣда, но все-таки слушаешь и не наслушаешься! Но вотъ, сказка окончена; за ней слѣдуетъ другая, а иногда, по усиленной просьбѣ, и третья. Къ концу, слушатели начинаютъ, мало по малу, засыпать кто гдѣ и какъ сидѣлъ; но вотъ, изъ другой комнаты слышенъ голосъ отца: „пора вамъ спать“! Мы, нехотя, поднимаемся съ мѣста, на которомъ было такъ тепло и пріятно сидѣть, и идемъ спать, оглядываясь зорко по сторонамъ, не сидитъ ли гдѣ-нибудь, прижавшись въ темномъ углѣ, одно изъ сказочныхъ чудовищъ! Добравшись, благополучно, до кровати, спѣшишь, возможно скорѣе, раздѣться и спрятаться съ головой подъ одѣяло. Стараешься уснуть, но страхъ отъ всего слышаннаго и жаръ подъ одѣяломъ рѣшительно гонятъ сонъ. А событія, одно другого страшнѣе, такъ и встаютъ передъ глазами; изъ всего этого выходитъ, въ концѣ концовъ, одинъ общій страшный хаосъ, заставляющій еще плотнѣе прятаться подъ одѣяло, закрывая послѣднія оставшіяся отверстія. Но, наконецъ, сонъ беретъ свое; только на утро просыпаешься и, радъ радехонекъ, что такъ свѣтло и нѣтъ болѣе надобности прятать голову подъ одѣяло.

Заботы о насъ отца, кромѣ доставленія матеріальныхъ средствъ къ существованію, можно формулировать однимъ словомъ „строгость“ Приказанія, запрещенія и наказанія за неисполненіе того или другого, вотъ тѣ нехитрые пріемы, которые постоянно имъ практиковались.

Вслѣдствіе такой системы, а главное угрюмаго характера отца, ласка считалась непозволительной. Онъ не только ни разу не приласкалъ самъ кого-нибудь изъ дѣтей, но запрещалъ это матери, запрещалъ намъ поцѣловать иногда сестру и если кто-нибудь изъ дѣтей забывалъ строгое запрещеніе, преступалъ его, то получалъ немедленно сильное напоминаніе въ видѣ подзатыльника.

По поводу этого запрещенія, мнѣ памятенъ одинъ случай: зимній вечеръ; комната слабо освѣщена; отца нѣтъ дома; мать сидитъ около стола и что-то работаетъ; мы, дѣти, играемъ; я подошелъ, зачѣмъ-то, къ столу и сталъ возлѣ матери; Богъ вѣсть, что думала она, чѣмъ была занята голова ея, но, вмѣсто отвѣта, на предложенный ей мною вопросъ, она посадила меня къ себѣ на колѣни, обняла и приласкала такъ, какъ только можетъ приласкать любящая мать! Я никогда не забуду испытаннаго мною при этомъ чувства! Много, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но, вспоминая этотъ случай, я какъ будто, чувствую у себя на щекѣ ея горячій поцѣлуй. Я забылъ, моментально, не только то, зачѣмъ подошелъ къ столу,

забылъ игру, забылъ все на свѣтѣ, прижался къ матери и обнялъ крѣпко ея шею своими маленькими руками!

II.

Начало ученія.

Семи лѣтъ меня отдали въ частную школу, гдѣ учились вмѣстѣ мальчики и дѣвочки; школой завѣдывала какая-то пожилая дѣвица, бывшая институтка, обучавшая сама своихъ питомцевъ всѣмъ наукамъ и искусствамъ, по старымъ пожелтѣвшимъ институтскимъ тетрадкамъ.

Я живо помню мой первый дебютъ въ этомъ учебномъ заведеніи: меня привелъ отецъ и, поговоривши съ начальницей, сдалъ меня ей на руки; была перемѣна уроковъ, и всѣ дѣти были въ саду; меня привели къ нимъ и отрекомендовали какъ „новенькаго мальчика", всѣ, разумѣется, обступили меня, закидали вопросами: „кто я, что знаю, какъ меня зовутъ?" Будучи вообще застѣнчивымъ, я окончательно растерялся при видѣ такого множества дѣтей и при этомъ такихъ бойкихъ (такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ тогда казалось); я не успѣвалъ, не умѣлъ отвѣчать имъ; я не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что со мною дѣлается! Помню только, что я, въ концѣ концовъ, очутился на самомъ верху старой, полуразрушившейся бесѣдки. и вотъ какимъ образомъ это случилось: не получивши отъ меня желаемыхъ отвѣтовъ, новые товарищи мои стали подсмѣиваться надо мной, увѣряя, что я не умѣю говорить, и захотѣли послѣ этого испытать мою ловкость; предложили побѣгать; я машинально согласился и не уступилъ имъ въ этомъ искусствѣ; тогда кто-то предложилъ еще одну пробу:—„а вотъ ты не влѣзешь на эту бесѣдку!"—„Да, да, разумѣется!" закричали другіе—„куда ему!" Находясь въ сильнѣйшей ажитаціи, я счелъ необходимымъ доказать имъ, что я не таковъ, какъ они думаютъ, и мигомъ взобрался на бесѣдку. Но вообразите мой ужасъ, когда я увидѣлъ, что въ это время подходила къ бесѣдкѣ начальница школы! Я окаменѣлъ, я готовъ былъ лучше провалиться, нежели быть застигнутымъ въ такомъ положеніи! Дѣти, со смѣхомъ, разбѣжались, и я остался одинъ на бесѣдкѣ съ глазу на глазъ съ строгой начальницей.—„Хорошо ты ведешь себя для перваго разу, раздался ея голосъ, я запишу это въ журналѣ, и ты сегодня же покажешь это своему отцу!"

Стыду и страху моему не было предѣловъ; я сидѣлъ на бесѣдкѣ и горько плакалъ; сжалившись надъ моимъ положеніемъ, начальница приказала принести лѣстницу, и я спустился по ней, при громкомъ смѣхѣ всѣхъ моихъ новыхъ товарищей.

*

Какъ потомъ я узналъ, дѣтямъ не позволялось даже подходить близко къ этой злополучной бесѣдкѣ, по причинѣ ея ветхости, и товарищи мои, зная это, хотѣли посмѣяться надо мной, какъ новичкомъ. Но этимъ еще не кончились событія этого памятнаго для меня дня. Когда, по окончаніи уроковъ, настало время идти домой, я, съ удовольствіемъ, вмѣстѣ съ прочими, отправился къ выходной двери, но при этомъ я вспомнилъ что рѣшительно не знаю—гдѣ моя фуражка! Поискалъ, на удачу, въ передней, но тамъ не оказалось; между тѣмъ, дѣти въ это время разошлись, и я остался одинъ. Видя безвыходность своего положенія, въ полномъ смыслѣ этого слова, я горько расплакался; но этимъ дѣло нимало не подвинулось впередъ: фуражки все-таки не было! Я живо представилъ себѣ, что нахожусь въ положеніи путника, выброшеннаго неожиданно волнами на необитаемый островъ, и отчаянію моему не было границъ. По моему, мнѣ предстояло или навсегда остаться въ этомъ чужомъ для меня домѣ, или, спасая себя, рѣшиться на геройское средство—бѣжать, съ плачемъ домой съ непокрытой головой; изъ двухъ золъ, я избралъ меньшее, т. е. послѣднее; но не успѣлъ я привести въ исполненіе принятое рѣшеніе, какъ въ сосѣдней комнатѣ показалась содержательница школы. Узнавши, въ чемъ дѣло, она, сколько я могъ замѣтить, ни мало не озадачилась моимъ ужаснымъ, повидимому, положеніемъ, потому что весьма хладнокровно сказала:—Да ты, вѣроятно, въ саду оставилъ свою фуражку; поди-ка посмотри!

Я стрѣлой бросился по указанію и о, радость! Фуражка лежала на перильцахъ балкона, выходившаго въ садъ, гдѣ я оставилъ ее, входя, о чемъ, впопыхахъ, я забылъ, разумѣется.

О занятіяхъ въ этомъ учебно-воспитательномъ заведеніи у меня сохранились какія-то неопредѣленныя, неясныя воспоминанія. Помню только, что всѣмъ предметамъ и наукамъ учила, какъ я сказалъ выше, сама содержательница школы по какимъ-то старымъ, пожелтѣвшимъ тетрадкамъ. Помню, что главное вниманіе было обращено, почему-то, на танцы, во время которыхъ всѣ мальчики должны были быть непремѣнно въ башмакахъ. Но что я, тѣмъ не менѣе, все-таки, кой-чему выучился въ этомъ учебно-воспитательномъ заведеніи, доказалъ, какъ увидимъ сейчасъ, экзаменъ.

По прошествіи года, отецъ нашелъ необходимымъ взять меня изъ этой школы и помѣстить въ Введенское училище (сколько я помню, это было что-то въ родѣ теперешнихъ прогимназій—совершенно своеобразное для того времени учебное заведеніе).

Какъ говорится, сказано—сдѣлано. Надѣли на меня вмѣсто рубашки какую-то курточку, сшитую спеціально для того, чтобы

вести меня въ училище, и мы отправились съ отцомъ. Занятый новымъ костюмомъ, я рѣшительно не обращалъ никакого вниманія на готовящуюся перемѣну въ моей жизни—отдачу въ казенное заведеніе да и кромѣ того имѣлъ объ этомъ самыя смутныя понятія; поэтому, когда мы пришли въ училище, и меня уже одного (безъ отца) провели въ какой-то большой залъ, гдѣ стоялъ столъ, покрытый сукномъ, у котораго сидѣло нѣсколько человѣкъ въ форменныхъ вицъ-мундирахъ и стояло множество, подобныхъ мнѣ, мальчиковъ, я рѣшительно недоумѣвалъ—для чего меня привели сюда? Я видѣлъ, что мальчиковъ, поочередно, вызываютъ къ столу, заставляютъ ихъ что-то читать и писать, послѣ чего и отпускаютъ. Не имѣя понятія о томъ, что это идетъ, такъ называемый, пріемный экзаменъ, но видя, что въ этой процедурѣ нѣтъ ничего страшнаго, я ободрился и внимательно слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ. Но вотъ, слышу, называютъ мою фамилію и предлагаютъ подойти къ столу; я исполнилъ требованіе.

— Возьми мѣлъ, говоритъ одинъ изъ вицъ-мундировъ; я взялъ.

— Напиши на доскѣ „ариѳметика".

Я написалъ, да еще черезъ букву Ѳ.

— О, да это молодецъ: онъ даже Ѳ знаетъ! А прочитай что-нибудь!

Я прочелъ.

— Его можно во 2-й классъ,—сказалъ кому-то вицъ-мундиръ, и меня отпустили.

Много горя принесла мнѣ эта Ѳ!

Не понравься я такъ *ѳитой* экзаменатору, меня, я увѣренъ, по малымъ познаніямъ, записали бы въ 1-ый классъ, занятія были бы мнѣ по силамъ, и я могъ бы быть не послѣднимъ ученикомъ, но, благодаря только *Ѳитѣ*, я попалъ во 2-ой классъ и очутился какъ въ лѣсу.

Пребываніе мое въ этомъ училищѣ составляетъ одинъ изъ тяжелыхъ періодовъ моей жизни.

Съ первыхъ же уроковъ я убѣдился, что рѣшительно не въ состояніи понять, о чемъ идетъ дѣло: я слышалъ, что учитель что-то говоритъ, что-то велитъ приготовить на слѣдующій разъ, видѣлъ, что другіе ученики отвѣчаютъ и нѣкоторые даже хорошо; самъ же, повторяю, положительно не понималъ, о чемъ идетъ рѣчь, а между тѣмъ, ежедневно, ежечасно рисковалъ быть высѣченнымъ, какъ лѣнивецъ.

Дѣло велось такимъ образомъ. Учитель приходилъ въ классъ, спрашивалъ урокъ и незнающихъ становилъ на колѣни, посреди класса. Смотритель училища, въ сопровожденіи солдата съ розгами, по нѣскольку разъ въ день обходилъ классы и тутъ же, при всѣхъ,

производилъ если не судъ и расправу, то, по крайней мѣрѣ, послѣднюю, т. е. сѣкъ всѣхъ, застигнутыхъ на колѣняхъ. Рѣшительно не понимаю: почему каждый получившій единицу, по какому-нибудь предмету, считался лѣнивцемъ, требующимъ строгаго наказанія? Но, по крайней мѣрѣ, это было такъ! Какъ теперь вижу передъ собой ехидную, злую физіономію грознаго для насъ Ивана Александровича (смотрителя; фамилію его я не помню) и сопровождающаго его ликтора. Ни просьбы, ни мольбы, ни резоны, ни обѣщанія не въ состояніи были избавить отъ казни, которая совершалась, какъ предопредѣленіе свыше. Какія силы спасали меня отъ этой кары въ продолженіе годичнаго пребыванія моего въ училищѣ, я рѣшительно не понимаю; но только я, при этомъ сѣченіи оптомъ, не былъ ни разу наказанъ. Дѣло въ томъ, что стояніе мое на колѣняхъ, по счастливой случайности, не совпадало съ приходомъ грознаго Ивана Александровича.

Только уроки по Закону Божію единственно не грозили мнѣ бѣдой, такъ какъ я, по разсказамъ священника, легко усваивалъ Священную Исторію и считался даже хорошимъ ученикомъ. Вспоминая теперь объ этомъ пребываніи въ училищѣ, я смѣло утверждаю, что не столько трудность и непосильность занятій были причиной полнаго непониманія мною того, о чемъ говорилось въ классѣ, какъ неумѣлость, небрежность и невниманіе къ дѣлу со стороны наставниковъ.

Прошелъ годъ, наступила весна, а съ нею вмѣстѣ—и экзамены; я продолжалъ посѣщать училище такъ же, по-прежнему, безотчетно и безсознательно, удивляясь нѣсколько происшедшей перемѣнѣ: столъ въ классѣ покрыли краснымъ сукномъ, спрашивали что-то поочередно всѣхъ учениковъ, почему-то не ставили на колѣни и не сѣкли тѣхъ, которые не отвѣчали на вопросы, несмотря на то, что присутствовалъ страшный Иванъ Александровичъ. Предлагали и мнѣ, помню, какіе-то непонятные для меня вопросы, на которые я, разумѣется, отвѣчалъ молчаніемъ; но такъ какъ при этомъ, какъ сказано, не было сѣченія, то вся описываемая процедура меня не особенно занимала.

Но вотъ окончились экзамены, и намъ объявили, что съ завтрашняго дня, по 7-е августа, ученія не будетъ. Извѣстіе это, понятно, произвело общую радость, но для меня она была омрачена тѣмъ, что при этомъ приказано было повторить лѣтомъ все то, что выучили въ продолженіе года. Для меня это было равносильно приказанію одному безоружному солдату взять крѣпость, къ которой онъ и подойти не можетъ. Мнѣ живо представилась при этомъ неизбѣжность быть высѣченнымъ при первомъ же появленіи вновь въ

училищѣ, по окончаніи вакацій. Явившись домой, я яркими красками изобразилъ грозящую мнѣ бѣду, заявивши при этомъ, что въ виду сказаннаго, я больше не пойду въ училище.

Резонъ, представленной мною, былъ принятъ, отецъ, на другой же день, взялъ мои документы изъ училища, и рѣшено было готовить меня къ поступленію въ гимназію.

Принятое рѣшеніе было впрочемъ приведено въ исполненіе не скоро: отецъ, человѣкъ строгій вообще, относительно ученія былъ болѣе нежели снисходительнымъ, какъ кажется потому, что не придавалъ этому дѣлу серіознаго значенія. Взятый изъ училища, я долгое время былъ предоставленъ относительно занятій самому себѣ, безъ всякой помощи и контроля. Мнѣ было приказано повторять по книжкамъ то, что я училъ. А такъ какъ ученіе мое шло, какъ сказано выше, крайне плохо, поэтому и повтореніе было не лучше. Да, собственно, я и не утруждалъ себя особенно: съ утра, какъ отецъ еще былъ дома, я садился за книгу, показывая видъ, что я что-то дѣлаю; но какъ только отецъ уходилъ изъ дому, книга оставлялась лежать открытой на столѣ, а я отправлялся на дворъ или же въ нашъ небольшой садикъ и тамъ сразу забывалъ и о книгѣ, и о томъ, что мнѣ приказано повторять! Да оно и не удивительно: я задался мыслію, во что бы то ни стало, поймать ворону, которая повадилась летать на нашъ дворъ! Какихъ только хитростей, и теперь живо помню, не употреблялъ я для этой цѣли! Я ухитрялся, напр., привязывать горошину на длинную нитку, прикрѣпленную свободнымъ концомъ къ какому-нибудь тяжелому предмету, въ надеждѣ, что ворона соблазнится лакомымъ кусочкомъ, проглотитъ горошину и очутится въ моихъ рукахъ, какъ бы привязанною на ниткѣ. Мнѣ тогда, разсуждалъ я, льстя себя надеждой на вѣрный успѣхъ, стоитъ только подойти, взять въ руки привязанный конецъ нитки и добыча моя!

Но ворона оказалась хитрѣе, нежели я предполагалъ: она не только не проглатывала горошины, даже не смотрѣла на нее. Тогда я рѣшилъ, что ворона смекнула, въ чемъ было дѣло, видя нитку, идущую отъ горошины; и вотъ опять новая забота и работа на нѣсколько дней: необходимо спрятать нитку! И я рѣшилъ засыпать ее сухой землей. Но и это улучшеніе способа ловли не помогло! Я помню, въ какомъ напряженномъ состояніи простаивалъ я цѣлые часы, спрятавшись гдѣ-нибудь за угломъ и внимательно наблюдая за движеніями вороны, важно расхаживавшей по двору и не обращавшей ни малѣйшаго вниманія на заманчивую, по моему мнѣнію, горошину. Но все напрасно. Ворона не давалась, какъ кладъ въ руки.

Испытавъ полнѣйшую неудачу на этой охотѣ, я обратилъ внима-

ніе на то, что воробьи часто прилетаютъ въ нашъ садикъ и, размѣстившись на вѣткахъ, чрезвычайно заманчиво кричатъ. Я тотчасъ сообразилъ, что хорошо было бы поймать хотя одного такого крикуна; но они сидятъ на деревѣ; тамъ ихъ не достанешь; надо пріучить слетать на землю, а для этого необходимо прикормить ихъ, и вотъ начинается ежедневное кормленіе воробьевъ, по нѣскольку часовъ въ день и новыя безуспѣшныя попытки поймать. А тутъ незамѣтно подошла зима; необходимо устроить горку, а если случалась оттепель, надо накатать шаровъ изъ снѣгу, чтобы было чѣмъ похвастать передъ братомъ, когда онъ возвратится изъ гимназіи. Время, такимъ образомъ, шло незамѣтно, а занятія мои (съ цѣлью приготовленія въ гимназію) не подвигались ни на шагъ.

— Что же ты учишься? спрашивалъ иногда отецъ, возвратившись усталый со службы.

— Учусь, папенька!—смиренно отвѣчалъ я, не имѣя понятія о томъ, какъ учатся и вѣря самъ, что я дѣйствительно учусь.

— То-то, ты смотри у меня! серіозно замѣчалъ отецъ и однажды послѣ такого замѣчанія прибавилъ:

— Осенью отдамъ въ гимназію!

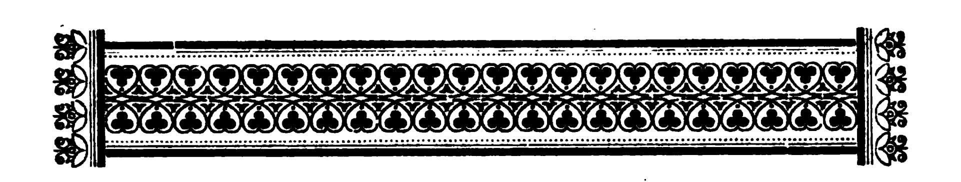
У меня, при этихъ словахъ, какъ говорится, сердце екнуло. Я невольно сознаяъ, что, въ концѣ концовъ, я ровно ничего не знаю. И вотъ начинается усиленная, но вполнѣ безполезная работа: безсознательное зубреніе учебниковъ.

Естественно, что изъ подобнаго приготовленія опять-таки ничего не вышло бы, если бы не обратилъ вниманія на это толченіе воды мой старшій братъ и не помогъ мнѣ въ занятіяхъ. Я, какъ выздоравливающій слѣпой, началъ, мало по малу, прозрѣвать и къ концу лѣта дошелъ до того, что сталъ даже удивляться, какъ же я прежде не понималъ того, что написано въ книгѣ. Разумѣется, приготовилъ я за это время не много, но я сдѣлалъ громадный шагъ впередъ: я понялъ, какъ надо учиться; я понялъ, что главная сила не въ заучиваніи непонятныхъ словъ, какими, казалось мнѣ, набита каждая книга учебника, а въ пониманіи дѣла; я убѣдился, что даже не учивши по книжкѣ, многое, напр., въ ариѳметикѣ, можно прямо сообразить. Это послѣднее, такъ сказать, открытіе было толчкомъ къ тому, что я началъ, мало по малу, мыслить.

Н. Леваковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Марина Мнишекъ и второй самозванецъ [1]).

XIV.

Рядъ ошибокъ, сдѣланныхъ Сигизмундомъ; вліяніе, которое онѣ имѣли на дальнѣйшій ходъ дѣла.—Возбужденіе противъ поляковъ.—Марина разрѣшается отъ бремени сыномъ.—Замыслы Сапѣги.—Бунтъ противъ поляковъ.—Мятежныя войска осаждаютъ столицу.

Неблагоразумный образъ дѣйствій Сигизмунда и смерть второго Димитрія имѣли огромное вліяніе на ходъ дальнѣйшихъ событій.

Договоръ, заключенный 27 августа Жолкевскимъ съ московскими боярами, долженъ былъ послужить основою союза между русскими и поляками, но его трудно было провести въ жизнь, такъ какъ среди московскихъ бояръ было не мало вліятельныхъ людей, которые, руководствуясь своими личными, честолюбивыми цѣлями, не сочувствовали этому союзу. Съ другой стороны, не малой помѣхой служило традиціонное соперничество Польши и Москвы и рѣзкій антагонизмъ, существовавшій между этими двумя государствами, объясняемый всей ихъ прошлой исторіей и разной степенью культуры, на которой стояли оба народа. Вслѣдствіе этого обѣимъ сторонамъ при заключеніи союза приходилось дѣйствовать крайне осторожно.

Къ сожалѣнію, монархъ, возсѣдавшій въ то время на польскомъ престолѣ, не давалъ себѣ въ этомъ ни малѣйшаго отчета. Уже одно его отношеніе къ московскимъ посламъ должно было произвести весьма неблагопріятное впечатлѣніе даже на самыхъ искреннихъ приверженцевъ Владислава, которыхъ оттолкнула главнымъ образомъ нерѣшительная и двуличная политика короля. Вслѣдствіе этого переговоры съ московскимъ посольствомъ страшно затянулись.

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. сентябрь.

„Мы все еще продолжаемъ договариваться съ московитами“, писалъ 20 ноября одинъ полякъ изъ-подъ Смоленска, „и конца переговорамъ не видно. Король, согласившись на избраніе королевича, готовъ взять свое слово назадъ, а русскіе на этомъ настаиваютъ и требуютъ, чтобы е. к. в. подтвердилъ свое согласіе письменно“. Король на это не соглашался и со своей стороны требовалъ сдачи Смоленска; послы отговаривались тѣмъ, что они не имѣли достаточныхъ полномочій; наконецъ, обѣ стороны обратились къ боярской думѣ.

3 января 1610 г. былъ полученъ отвѣтъ. Бояре приказывали посламъ и смоленскому гарнизону передаться королю и „не чинить дальнѣйшихъ затрудненій“. Но ни тѣ, ни другіе этому не повиновались, считая приказаніе незаконнымъ, такъ какъ оно не было подписано московскимъ патріархомъ.

Переговоры были окончательно прерваны; это произвело крайне неблагопріятное впечатлѣніе во всемъ Московскомъ государствѣ; прошелъ слухъ, что король не хочетъ соблюдать договора, заключеннаго Жолкевскимъ.

Вскорѣ Сигизмундъ сдѣлалъ еще одну крупную ошибку. Онъ не только не соблюдалъ заключеннаго договора, но держалъ себя какъ настоящій московскій царь; дѣлалъ распоряженія, издавалъ указы не отъ имени королевича, а отъ своего собственнаго имени, раздавалъ щедрою рукою должности и имѣнія боярамъ, которые пріѣзжали въ Смоленскъ съ изъявленіемъ своей покорности, назначалъ даже членовъ боярской думы!

„Русскіе и въ особенности бояре очень негодовали на это“ и открыто выразили свое неудовольствіе, когда король пожаловалъ нѣкоего Ржевскаго окольничьимъ. „Когда Ржевскій явился съ указомъ о своемъ назначеніи, у бояръ было въ ту пору засѣданіе, въ которомъ участвовалъ по обыкновенію Госѣевскій и я случайно былъ при томъ“—пишетъ Мархоцкій. „Всѣ были крайне озлоблены, и Андрей Голицынъ обратился къ Госѣевскому со слѣдующими словами:

— Господа поляки! Вы причиняете намъ много зла. Мы избрали королевича на престолъ—вы намъ его не даете. Указы подписываются не имъ, а королемъ. Именемъ короля роздаются должности и имѣнія; вы сами видите: люди невеликаго рода возвышаются, ихъ равняютъ съ нами! Это слѣдуетъ прекратить, иначе мы будемъ считать себя свободными отъ крестнаго цѣлованія и будемъ поступать по своей волѣ“.

Разумѣется, эти королевскіе указы не могли считаться законными, такъ же точно, какъ и всѣ сдѣланныя Сигизмундомъ назначенія, но

они раздражали бояръ и были большой ошибкой со стороны Сигизмунда, такъ какъ эти именно бояре принадлежали къ числу самыхъ ревностныхъ сторонниковъ союза съ Польшею.

Неудовольствіе противъ короля росло съ каждымъ днемъ, но до поры до времени не проявлялось открыто изъ боязни самозванца; когда же съ его смертью разсѣялось опасеніе, что Москва могла попасть подъ власть этого „казацкаго царька“, то въ столицѣ и въ Рязанской землѣ началось сильное движеніе противъ Сигизмунда.

Во главѣ его стояли два вліятельныхъ человѣка: Гермогенъ, патріархъ московскій, „заклятый врагъ католической вѣры“, и рязанскій воевода Прокофій Ляпуновъ.

Жолкевскій говоритъ о Ляпуновѣ, что онъ „принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не хотѣли видѣть на престолѣ ни самозванца, ни Шуйскаго. Онъ былъ доволенъ избраніемъ Владислава, тотчасъ присягнулъ ему и привелъ къ присягѣ жителей Рязанской земли, но онъ отнюдь не хотѣлъ видѣть на престолѣ Сигизмунда, и когда прошелъ слухъ о томъ, что послѣдній не разрѣшаетъ королевичу ѣхать въ Москву, то Ляпуновъ написалъ рѣзкое письмо (грамоту) къ боярамъ, заявляя, что онъ намѣренъ силою прогнать поляковъ изъ столицы.

Московскій патріархъ со своей стороны сталъ разсылать грамоты, призывая народъ къ бунту и освобождая его отъ присяги, данной Владиславу.

Въ это время (въ первыхъ числахъ января 1611 г.) Марина разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго, „желая расположить къ себѣ московитовъ“, какъ говорится въ современныхъ реляціяхъ, „она отдала калужанамъ, чтобы они окрестили его въ свою вѣру и воспитали по-своему“. Ляпуновъ воспользовался этимъ и „обязавшись признать его царемъ въ томъ случаѣ, ежели поляки будутъ изгнаны изъ Москвы“, привлекъ на его сторону Заруцкаго, храбраго атамана донскихъ казаковъ. Такимъ образомъ движеніе противъ поляковъ быстро разросталось; въ второй половинѣ января 1611 г. оно приняло огромные размѣры: вотъ что доносилъ Рудницкому 29 января одинъ изъ его подчиненныхъ:

„Патріархъ взбунтовалъ народъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто король не хочетъ выполнить обѣщанія, даннаго относительно королевича. Отъ короля отпали Нижній Новгородъ съ уѣздами и волостями и Рязанская земля, коей воевода, нѣкій Ляпуновъ, собираетъ войско и идетъ къ столицѣ, разсылая по всѣмъ крѣпостямъ воззванія, направленныя противъ короля. Его величество повелѣлъ идти противъ него старостѣ Хмельницкому и Сапѣгѣ“.

Янъ-Петръ Сапѣга, бывшій въ то время въ Перемыслѣ, полу-

чилъ одновременно съ этимъ приказаніемъ письма отъ Николая Струся и отъ Госѣевскаго, просившихъ его помощи. Но эти письма, равно какъ и приказаніе Сигизмунда, не возымѣли никакого дѣйствія, такъ какъ войско, все еще не получавшее жалованья, не пожелало исполнить королевскаго приказа. Такимъ образомъ мятежное движеніе, которое въ то время легко могло быть подавлено, не прекратилось.

Равнодушное отношеніе къ дѣлу Сапѣги было точно также результатомъ цѣлаго ряда политическихъ ошибокъ, сдѣланныхъ Сигизмундомъ.

Еще въ началѣ сентября 1610 г., когда Янъ-Петръ Сапѣга обѣщалъ оставить самозванца, Жолкевскій далъ ему слово, что онъ попроситъ короля сравнять „жалованье" и содержаніе его полка съ полкомъ Зборовскаго. Переговоры объ этомъ тянулись около полугода. Сапѣга послалъ уполномоченныхъ отъ своего войска въ королевскій лагерь подъ Смоленскъ, а Сигизмундъ прислалъ довѣренныхъ лицъ въ Мѣщовскъ, гдѣ стоялъ Сапѣга. Но переговоры не привели ни къ чему; это чрезвычайно озлобило солдатъ, среди которыхъ, по словамъ Жолкевскаго, было много больныхъ и раненыхъ; при томъ пробывъ нѣсколько лѣтъ на войнѣ; они потеряли много лошадей и нуждались въ пополненіи аммуниціи.

Когда, 12 февраля посланные Сапѣгою вернулись изъ-подъ Смоленска и донесли, что они „снова ничего не добились, что ихъ кормили одними обѣщаніями", озлобленіе войска достигло крайнихъ предѣловъ. Солдаты стали громко роптать и жаловаться на неблагодарность короля. Часть войска, бывшая въ Перемышлѣ, хотѣла, чтобы Сапѣга, „для выясненія дѣла" отправился подъ Смоленскъ, но многіе были противъ этого. „Собравшееся генеральное коло удержало его отъ этой поѣздки"; было рѣшено, что въ виду „отношенія короля, войско само позаботится о себѣ".

Что именно подъ этимъ подразумѣвалось, объ этомъ дневники Сапѣги и Будзилы умалчиваютъ. Но въ письмахъ современниковъ находимъ разгадку этихъ словъ. Оказывается, что въ половинѣ февраля Янъ-Петръ Сапѣга писалъ одному изъ предводителей мятежниковъ, князю Юрію Трубецкому, воеводѣ калужскому, предлагая ему услуги своего войска и свои собственныя. „Знайте, писалъ онъ, что мы люди вольные, не служимъ ни королю, ни королевичу, и ничего противъ васъ худого не замышляемъ. Мы не требуемъ, чтобы вы уплатили намъ жалованье, за прошлое время, а желаемъ одного, чтобы тотъ, кто возсядетъ на московскій престолъ, заплатилъ намъ за наши услуги. Мы готовы защищать вмѣстѣ съ вами вѣру православную и святую церковь и положить за васъ жизнь. Если вы не

довѣряете намъ, возьмите отъ насъ заложниковъ. Напишите объ этомъ Прокофію Петровичу Ляпунову. Сообщаю вамъ истинную правду и могу подтвердить все сказанное подъ присягою.

„14 января мнѣ писали изъ Москвы бояре, князь Ѳедоръ Мстиславскій съ товарищами, что отъ нихъ отпалъ Прокофій Ляпуновъ съ нѣсколькими крѣпостями. Они усердно просили меня идти съ войскомъ въ Рязанскую землю, противъ Ляпунова, противъ васъ и тѣхъ крѣпостей, которыя дѣйствуютъ съ вами заодно. Но мнѣ извѣстно, что вы и Ляпуновъ защищаете православную вѣру. Вамъ бы надобно было сговориться со мною и написать о томъ Ляпунову; я не послушаю московскихъ бояръ и не намѣренъ сражаться съ вами; напротивъ, я хотѣлъ бы заключить съ вами дружескій и братскій союзъ“.

Далѣе староста усвятскій опровергалъ слухъ, будто его войско оскверняло православные храмы. „Злые люди“, писалъ онъ, „разсказывали въ Калугѣ, что мы опустошаемъ святыя церкви, не позволяемъ совершать въ нихъ Богослуженіе и даже ставимъ въ нихъ лошадей. Въ нашемъ войскѣ не найдется человѣка, который сдѣлалъ бы что-либо подобное. Болѣе половины нашего рыцарства состоитъ изъ русскихъ людей, и мы строго слѣдимъ за тѣмъ, чтобы Божьихъ храмовъ не оскверняли“.

Предложеніе, сдѣланное Сапѣгою, показываетъ, какимъ образомъ войско рѣшило „позаботиться о себѣ“; но что же собственно побудило старосту усвятскаго написать подобное письмо и принять рѣшеніе, такъ мало согласовавшееся съ его предыдущимъ образомъ дѣйствій?

По мнѣнію Костомарова, Сапѣга поступилъ такъ потому, что его войско не получало жалованія, и вообще дѣйствовалъ, по его словамъ, подъ вліяніемъ страшнаго озлобленія, вызваннаго въ немъ поступками короля. А. Гиршбергъ совершенно не согласенъ съ такимъ толкованіемъ, „ибо“, говоритъ онъ, „когда за годъ передъ тѣмъ, полкъ Сапѣги, видя нерѣшительность короля, сбунтовался и перешелъ на сторону самозванца, то староста усвятскій поступилъ совершенно иначе. Онъ отправился прежде всего въ королевскій станъ подъ Смоленскомъ и предложилъ свои услуги Димитрію, только посовѣтовавшись предварительно съ королемъ. Такого рода причина, какъ неуплата войску жалованья, не могла заставить его сдѣлать шагъ, который имѣлъ неисчислимыя послѣдствія. По мнѣнію Гиршберга, надобно допустить, что Сапѣгою руководили въ этомъ случаѣ гораздо болѣе серьезныя побужденія, а именно, что этотъ разъ, какъ и въ вопросѣ о сверженіи Шуйскаго, Сапѣга руководствовался своими личными интересами. Только этимъ и можетъ быть объяснено его тогдашнее по-

веденіе; поэтому, говоритъ Гиршбергъ, „по моему мнѣнію, гораздо вѣрнѣе объясненіе Маскевича, который пишетъ, что Сапѣга поступалъ такъ потому, что онъ самъ хотѣлъ царствовать“ и считалъ возможнымъ достигнуть престола.

Одновременно съ письмомъ къ Трубецкому, Сапѣга обратился съ подобнымъ же предложеніемъ къ Заруцкому и къ воеводамъ въ Тулѣ. 24 февраля отъ нихъ были получены отвѣты.

Предложеніе Яна-Петра Сапѣги было принято ими съ радостью. Руководители мятежнаго движенія изъявили величайшее желаніе войти съ нимъ въ соглашеніе, просили его прислать для переговоровъ уполномоченныхъ, и вскорѣ сами отправили къ нему посланныхъ. Это происходило въ исходѣ февраля и въ началѣ марта 1611 г. Но уполномоченнымъ трудно было сговориться. Ляпуновъ, не довѣряя Сапѣгѣ, не только выразилъ желаніе, чтобы онъ прислалъ заложниками нѣсколько „знатныхъ лицъ“, но даже постановилъ условіемъ, чтобы староста усвятскій не присоединялся къ его арміи, которая въ то время сосредоточивалась съ цѣлью двинуться на Москву, а отправился бы въ Можайскъ; очевидно, Ляпуновъ боялся, что, подойдя къ Москвѣ, Сапѣга могъ войти въ сношеніе съ бывшимъ въ столицѣ польскимъ гарнизономъ.

Послѣ того какъ московскіе уполномоченные предъявили подобныя требованія, Сапѣга быстро охладѣлъ къ союзу съ ними; подъ впечатлѣніемъ выраженнаго ему недовѣрія, въ немъ пробудились съ новой силой его прежніе смѣлые планы и надежды; и уже въ половинѣ марта онъ совершенно измѣнилъ свой образъ дѣйствій.

Всѣ переговоры съ мятежными боярами велись, само собою разумѣется, въ глубокой тайнѣ; ни малѣйшей вѣсти о нихъ не проникло въ то время въ королевскій обозъ подъ Смоленскомъ. Сигизмунду доносили только, что „въ полку пана Сапѣги царствуетъ большое смятеніе“; что „въ немъ образовались три партіи. Одни, въ томъ числѣ самъ Сапѣга съ прочими болѣе осторожными людьми, хотятъ ѣхать къ королю и быть подъ начальствомъ гетмана. Другіе хотятъ идти въ одну изъ московскихъ земель и тамъ отдыхать отъ трудовъ. Третьи хотятъ образовать конфедерацію, идти въ Польшу и занять какое-нибудь изъ королевскихъ помѣстій“, чтобы такимъ образомъ вынудить короля къ уплатѣ имъ жалованья.

Получивъ эти вѣсти, Сигизмундъ рѣшился наконецъ сдѣлать энергичный шагъ. 12 марта въ обозъ Сапѣги прибылъ посланный имъ Яниковскій съ извѣстіемъ, что его королевское величество рѣшилъ „во всемъ сравнять его войско съ полкомъ Зборовскаго“.

Это извѣстіе подѣйствовало на войско успокоительно и было

принято съ радостью, тѣмъ болѣе, что переговоры съ Ляпуновымъ не ладились.

13 марта собралось генеральное коло, на которомъ хотя и было рѣшено простоять всю весну на занятыхъ позиціяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было положено „просить Сапѣгу отправиться къ королю и ходатайствовать за войско". Сапѣга изъявилъ на это согласіе и два дня спустя дѣйствительно отправился въ королевскій обозъ подъ Смоленскъ.

Однако „рыцарство, несмотря на свое рѣшеніе, простояло еще цѣлыхъ два мѣсяца" въ бездѣйствіи, вслѣдствіе чего руководители мятежнаго движенія имѣли возможность сосредоточить, за это время, значительныя силы между Коломною и Серпуховомъ и затруднили такимъ образомъ подвозъ въ столицу съѣстныхъ припасовъ. Для разсѣянія этихъ отрядовъ Госѣевскій высылалъ разъѣзды, но послѣдніе были слабы и не могли помѣшать ихъ сосредоточенію. Одновременно Госѣевскимъ былъ изданъ строгій приказъ, чтобы „никто изъ жителей столицы не смѣлъ держать у себя оружія", и учрежденъ строгій надзоръ за тѣмъ, чтобы въ городъ не могли подвозить оружія; у городскихъ воротъ были разставлены часовые, опрашивавшіе всѣхъ пріѣзжавшихъ. „Мы были весьма осторожны", пишетъ Маскевичъ, „всюду имѣли шпіоновъ; благожелательные къ намъ русскіе часто давали намъ совѣтъ не дремать. Шпіоны доносили, что съ трехъ сторонъ къ столицѣ идетъ многочисленное войско... Дѣло было въ великомъ посту; стояла страшная распутица. Наступила Вербная недѣля, народъ сталъ со всѣхъ сторонъ стекаться въ столицу. Мы усилили бдительность; часовые и войско день и ночь не разнуздывали лошадей. Вербная недѣля прошла спокойно. На крестный ходъ собралось множество народа, но русскіе не трогали насъ; быть можетъ, они видѣли, что мы настворожѣ, или же поджидали войско, шедшее имъ на помощь, и рѣшили атаковать насъ всѣ вмѣстѣ.

„Въ страстной понедѣльникъ (28 марта 1611 г.) шпіоны сообщили, что изъ Рязани идетъ Ляпуновъ съ 80.000 войска, а изъ Калуги Заруцкій съ 50.000, и Прозовецкій съ 15.000 отрядомъ. На общемъ совѣтѣ было рѣшено, не дожидаясь непріятеля, выйти ему навстрѣчу и разбить его отряды по одиночкѣ. Но во вторникъ, рано утромъ въ Китай-городѣ между русскими и поляками началось побоище. Поводъ къ этому подалъ одинъ изъ польскихъ ротмистровъ, Николай Косаковскій, своимъ грубымъ обращеніемъ съ рабочими, помогавшими ему установить орудіе. „Озлобленный народъ сталъ бросать изъ оконъ камнями и чѣмъ попало, и поджигать дома, въ которыхъ находились поляки; на улицахъ поляки и

русскіе дрались съ остервененіемъ до наступленія ночи. На утро бояре пытались успокоить чернь, которая снова стала нападать на поляковъ, но всѣ уговоры были напрасны, побоище возобновилось; вскорѣ запылали дома; сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, которое свирѣпствовало до самаго вечера; многіе жители, гонимые пламенемъ, были вынуждены бѣжать изъ города. Ночью пожаръ принялъ такіе размѣры, что при свѣтѣ пламени въ горницахъ было видно, какъ въ бѣлый день".

„Русскіе давно уже относились къ намъ непріязненно, доносилъ Госѣевскій Сигизмунду 6 апрѣля, полагаясь на свою численность, они, въ страстной вторникъ, въ третьемъ часу утра напали на насъ въ Китай-городѣ, гдѣ стоялъ Зборовскій со своимъ полкомъ. Наши, по приказу, отданному мною наканунѣ и подтвержденному въ тотъ день утромъ, всѣ были при оружіи. Вначалѣ русскихъ много полегло на мѣстѣ, но затѣмъ они открыли сильный огонь, овладѣли нѣкоторыми воротами и оттѣснили нашихъ.

Русскіе всю ночь били въ набатъ и не давали намъ покоя. Между тѣмъ два полка изъ отряда Ляпунова, коими командовали два Плещеева, были посланы на развѣдки къ деревянному укрѣпленію за Москвой рѣкою.

Бой продолжался и въ среду. Въ четвергъ насъ не тревожили до полудня. Затѣмъ „подошли къ Москвѣ Прозовецкій, князь Василій Масальскій, Артемій Измайловъ, князь Репнинъ и прочіе воеводы". По другой реляціи, Масальскій и Прозовецкій привезли „на саняхъ копья, доски и разные инструменты съ цѣлью соорудить укрѣпленіе, но поляки не допустили ихъ до этого. Вступивъ въ битву, они разбили ихъ, забрали у нихъ много оружія, но не могли долго преслѣдовать ихъ по причинѣ глубокаго снѣга. Въ этомъ сраженіи погибло, по свидѣтельству современниковъ, около 5.000 чел.; въ числѣ добычи была между прочимъ серебряная булава и тринадцать знаменъ, которые недѣли двѣ спустя были доставлены въ королевскій обозъ подъ Смоленскъ.

Послѣ этого пораженія „жители Москвы, потерявъ надежду на помощь со стороны своихъ, „начали, какъ пишетъ Мархоцкій, просить пощады. Мы рѣшили", говоритъ онъ „помириться съ ними, запретили убивать ихъ и тѣмъ", кои изъявили покорность, „приказали опоясать себя полотенцами. Госѣевскій далъ имъ для охраны приставовъ, въ присутствіи коихъ они, въ четвергъ и въ пятницу, снова присягали на вѣрное подданство Владиславу".

Но это „вѣрное подданство" продолжалось недолго „ибо", доносилъ Госѣевскій, „на третій же день, какъ только къ столицѣ

подошло новое войско, они снова измѣнили, и мои пристава едва ушли отъ нихъ живыми".

Между тѣмъ Ляпуновъ, Заруцкій и князь Димитрій Трубецкой, подойдя съ большими силами изъ-подъ Калуги, остановились въ трехъ миляхъ отъ Москвы, на берегу Угры.

Съ другой стороны шелъ отъ Ярославля князь Ѳедоръ Волынскій и Иванъ Волынскій съ нѣсколькими тысячами войска. Къ нимъ просоединились разбитые поляками Прозовецкій и Измайловъ и на ихъ сторону перешли гарнизоны укрѣпленныхъ Симонова и Андронова монастырей, куда сбѣжалось много народа изъ Москвы.

Хотя польскій гарнизонъ, стоявшій въ Москвѣ, неоднократно просилъ Сигизмунда о помощи, но король, занятый осадою Смоленска, задолжавъ войску и не имѣя въ казнѣ денегъ, не могъ удовлетворить ихъ просьбы, вслѣдствіе чего поляки, въ виду подступавшихъ къ Москвѣ превосходныхъ силъ, очутились въ самомъ критическомъ положеніи.

XV.

Интриги Голицына.—Арестъ и высылка пословъ изъ королевскаго обоза.—Рядъ неудачныхъ попытокъ овладѣть крѣпостью.—Сдача Смоленска и боярина Шеина.—Враждебное настроеніе русскихъ къ Сигизмунду.—Отчаянное положеніе польскаго гарнизона въ Москвѣ.—Смерть Сапѣги.—Ходкевичъ идетъ на помощь польскому гарнизону.

Несмотря на упорное сопротивленіе смоленскаго гарнизона, переговоры о сдачѣ крѣпости не прекращались. Въ началѣ марта 1611 г. Сигизмундъ „разрѣшилъ" даже смолянамъ присягнуть на вѣрность Владиславу, но въ то же время требовалъ, чтобы въ крѣпость впустили по крайней мѣрѣ 600 человѣкъ польскаго гарнизона. Бояринъ Шеинъ на это не согласился.

Въ польскомъ лагерѣ полагали, что главной причиной его упорства были тайные происки московскихъ пословъ, въ особенности Василія Голицына. „Онъ посылаетъ въ Смоленскъ, когда ему вздумается и зачѣмъ вздумается", жаловался въ своемъ письмѣ одинъ изъ приближенныхъ короля. „Его письма и его посланцевъ тамъ принимаютъ съ радостью, а онъ увѣряетъ, что все это дѣлается имъ для пользы его королевскаго величества". Двумъ его посланнымъ, Луговскому и князю Мезецкому, перебѣжчики изъ Смоленска говорили въ глаза, что они обѣщали имъ подмогу. По словамъ Кобержицкаго, Голицынъ не только былъ въ сношеніи съ Шейномъ и убѣждалъ его не сдаваться, но извѣщалъ его обо всѣхъ планахъ предводителей польскаго войска, и даже велъ тайные переговоры съ коро-

лемъ шведскимъ, Карломъ IX, которому онъ выразилъ свое желаніе, чтобы на московскій престолъ былъ избранъ одинъ изъ его сыновей.

Чтобы положить конецъ этимъ проискамъ, было рѣшено удалить пословъ изъ обоза и отослать ихъ къ королевичу Владиславу въ Вильно. „Голицыну было повелѣно готовиться къ отъѣзду въ Вильно, гдѣ онъ долженъ былъ бить челомъ королевичу о согласіи принять престолъ и ожидать тамъ открытія сейма“. „Голицынъ былъ этимъ крайне недоволенъ, отговаривался тѣмъ, что у него не было лошадей и денегъ“, что̀ было весьма неправдоподобно; вскорѣ, когда были получены новыя доказательства его интригъ, литовскій канцлеръ пригласилъ къ себѣ московскихъ пословъ и въ присутствіи сенаторовъ, бывшихъ въ королевскомъ обозѣ, въ строгихъ выраженіяхъ укорялъ ихъ за ихъ хитрые и вѣроломные поступки, совершенно несогласные съ инструкціями и наказомъ, полученнымъ ими отъ московскихъ бояръ. Въ то же время Сапѣга заявилъ посламъ, что по приказанію короля они должны были немедленно отправиться въ Вильно.

Не подлежитъ сомнѣнію, что обвиненія также какъ и высылка пословъ изъ обоза были вполнѣ заслужены; къ сожалѣнію, Сигизмундъ этимъ не ограничился, а въ своемъ озлобленіи рѣшился на шагъ, который былъ вопіющимъ нарушеніемъ международнаго права. 5 апрѣля послы были арестованы и заключены въ тюрьму, три часа спустя высланы сперва въ Вильно, а затѣмъ въ Каменку подъ Львовъ. Тутъ ихъ продержали болѣе полугода, и только зимою они были перевезены, по приказанію короля, въ Варшаву, а оттуда распредѣлены по разнымъ крѣпостямъ.

Арестъ московскихъ пословъ былъ одною изъ самыхъ крупныхъ политическихъ ошибокъ, сдѣланныхъ Сигизмундомъ, которая неминуемо должна была вызвать противъ него страшное негодованіе среди русскихъ и еще болѣе возстановить ихъ противъ поляковъ.

„Трудно, говоритъ А. Гиршбергъ, объяснить этотъ поступокъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели, тѣмъ, что это было съ стороны Сигизмунда отвѣтомъ на незаконное задержаніе Василіемъ Шуйскимъ, въ Москвѣ польскихъ пословъ, ибо при такихъ обстоятельствахъ, какъ тогдашнія, нельзя было руководствоваться столь ничтожными побужденіями“.

Между тѣмъ Сигизмундъ не оставлялъ мысли взять Смоленскъ штурмомъ и для этого рѣшилъ привезти новыя осадныя орудія, которыя были доставлены въ его обозъ 29 мая 1610 г.

Поляки начали готовиться къ приступу. „Пороха и пуль у насъ достаточно, доносилъ одинъ изъ подчиненныхъ гетмана, но мало пѣхоты, мы надѣялись на казаковъ, которыхъ ожидали изъ-

подъ Стародуба", но они мѣшкали и начали подходить только въ концѣ іюля. Когда ихъ собралось до семи тысячъ, поляки нѣсколько разъ пытались штурмовать крѣпость, но всякій разъ бывали отбиты мужественнымъ гарнизономъ и несли болѣе или менѣе значительный уронъ; наконецъ, послѣ того какъ предпринятый ими 1 декабря четвертый штурмъ, также какъ и всѣ предыдущіе, былъ отбитъ, они въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не подходили болѣе къ крѣпости и только когда узнали отъ шпіоновъ, что силы гарнизона значительно ослабѣли, такъ какъ много людей умерло отъ разныхъ болѣзней, то они рѣшили въ началѣ іюня (1611 г.) снова попытать счастье. Этотъ разъ осажденные были застигнуты врасплохъ и не могли оказать энергичнаго сопротивленія: поляки разрушили часть стѣны при помощи подложенной мины и ворвались въ крѣпость.

Потерявъ надежду на возможность дальнѣйшей обороны, осажденные искали спасенія въ церкви, но спастись удалось весьма немногимъ, ибо поляки подожгли церковный заборъ и при происшедшемъ отъ этого пожарѣ погибла бездна людей. По близости отъ церкви находились большіе склады пороха; „когда огонь дошелъ до него, пишетъ одинъ очевидецъ, наши взоры и слухъ были поражены изумительнымъ зрѣлищемъ. Землетрясеніе, громъ, молнія—какъ бы сочетались во едино. Отъ происшедшаго страшнаго взрыва развалились сосѣдніе дома и крѣпостная церковь, которая погребла подъ своими развалинами множество людей и сокровищъ, которыя были спрятаны въ ней".

Такимъ образомъ, по прошествіи четырехъ часовъ послѣ взятія крѣпости она была уничтожена до тла. „Многіе изъ жителей въ отчаяніи кидались въ огонь; женщины спасались бѣгствомъ въ польскій обозъ. На вопросъ поляковъ, гдѣ Шеинъ, онѣ отвѣчали, что онъ не убитъ, но заперся съ нѣсколькими десятками человѣкъ въ одну изъ крѣпостныхъ башенъ. Дѣйствительно, Шейнъ, съ женою и сыномъ засѣли въ башнѣ и продолжали отчаянно обороняться. По всей вѣроятности доблестный защитникъ Смоленска хотѣлъ погибнуть въ этой битвѣ, но окружающіе рѣшили спасти его. Его сынъ велѣлъ позвать Якова Потоцкаго, командовавшаго польскимъ отрядомъ, и когда тотъ явился, Шейнъ сдался ему. Кромѣ Шейна былъ взятъ въ плѣнъ Сергій, архіепископъ смоленскій и воевода Петръ Горчаковъ.

Во время этого штурма осажденные понесли огромныя потери: ихъ погибло нѣсколько сотъ человѣкъ; весьма многіе изъ тѣхъ, которые были слишкомъ слабы и больны, чтобы бѣжать, сгорѣли. За все время продолжительной геройской осады Смоленска

русскихъ было убито и погибло отъ заразныхъ болѣзней болѣе 200 тысячъ.

Въ руки побѣдителей досталась богатая добыча и такой огромный запасъ съѣстныхъ припасовъ, что „его могло хватить болѣе чѣмъ на годъ. Въ крѣпости оказалось много мѣди, водки, вина и пива, не доставало только соли".

Во избѣжаніе распрей, все, что было захвачено въ Смоленскѣ, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, было продано съ публичнаго торга и вырученныя деньги раздѣлены поровну между солдатами. Впрочемъ, имъ досталось немного, такъ какъ почти все имущество жителей было истреблено огнемъ.

На другой день послѣ сдачи Смоленска, королю были представлены плѣнные; Потоцкій произнесъ длинную рѣчь, поздравляя короля съ одержанной побѣдой, послѣ благодарственнаго богослуженія войску было предложено роскошное угощеніе.

Три часа спустя Сигизмундъ уѣхалъ въ Польшу. Ему не приходило въ то время въ голову, что хотя Смоленскъ—предметъ его долгихъ вожделѣній—былъ наконецъ въ его рукахъ, но Московское государство вслѣдствіе его неблагоразумнаго поведенія навсегда было для него потеряно.

Въ Москвѣ народъ относился къ Сигизмунду все, болѣе и болѣе враждебно. Королю это было извѣстно, и онъ хотѣлъ какъ-нибудь измѣнить это настроеніе въ свою пользу; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ отправилъ съ этой цѣлью въ Москву новое посольство, которое должно было на Лобномъ мѣстѣ торжественно подтвердить еще разъ, что король шелъ подъ Смоленскъ не для того, чтобы уничтожить русское государство и православные храмы, а чтобы прекратить кровопролитіе и обезпечить миръ. Но это средство оказалось недѣйствительнымъ. Оставалось сломить враждебный духъ народа силою оружія, но для этого польскій гарнизонъ, находившійся въ столицѣ, былъ слишкомъ слабъ, поэтому Сигизмундъ рѣшилъ послать ему на подмогу лифляндское войско, подъ командою Ходкевича, обязавшись „отъ имени своего и королевича Владислава, что войско будетъ получать жалованье изъ московской казны, если же деньги не будутъ уплачены своевременно, то имъ предоставлялось право самимъ взыскать ихъ съ Сѣверской и Рязанской земли".

Съ такимъ воззваніемъ пріѣхалъ 20 апрѣля въ полкъ Сапѣги Яниковскій. Войско согласилось на эти предложенія и пошло къ Москвѣ.

Такъ какъ силы поляковъ были весьма значительны, то предводители русскаго мятежнаго войска, услыхавъ объ ихъ приближеніи, рѣшили вступить съ ними въ переговоры, но переговоры эти не привели ни къ чему.

Между тѣмъ положеніе польскаго гарнизона ухудшалось съ каждымъ днемъ. Когда Сапѣга подошелъ къ Москвѣ, Госѣевскій поспѣшилъ на свиданіе съ нимъ и упрашивалъ его какъ можно скорѣе атаковать непріятеля, на что войско заявило рѣшительно, что не двинется съ мѣста, пока ему не выдадутъ обѣщаннаго жалованья. Переговоры продолжались двѣ недѣли; московская казна за это время такъ оскудѣла, что денегъ взять было не откуда.

Пока длились эти переговоры, польскій гарнизонъ пытался дѣлать вылазки, но полкъ Сапѣги не поддерживалъ его. Положеніе поляковъ стало критическимъ: у нихъ уже почти не было съѣстныхъ припасовъ, а когда Сапѣга отправился со своими солдатами, чтобы добыть необходимое въ окрестностяхъ Москвы, то въ его отсутствіе русскіе разбили поляковъ, подошедшихъ на помощь польскому гарнизону подъ предводительствомъ мятежныхъ бояръ и, воспользовавшись своей побѣдой, окружили со всѣхъ сторонъ польскій гарнизонъ. Положеніе его было бы еще болѣе отчаяннымъ, если бы между предводителями русскаго войска не возникли въ это время распри. Во главѣ этого войска стояли воеводы князь Димитрій Трубецкой, Прокофій Ляпуновъ и Иванъ Заруцкій. Первое мѣсто между ними занималъ Трубецкой, какъ потомокъ бывшихъ удѣльныхъ князей, настоящимъ руководителемъ и душою движенія былъ Ляпуновъ. Это былъ человѣкъ необычайно храбрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ гордый и властный, чѣмъ онъ многихъ возстановилъ противъ себя. Казаки ненавидѣли Ляпунова за то, что онъ каралъ ихъ за всякій своевольный поступокъ. Онъ приказалъ арествовывать всѣхъ, кои будутъ замѣчены въ грабежѣ, и отсылать къ нему, а въ иныхъ случаяхъ разрѣшилъ даже убивать ихъ на мѣстѣ преступленія.

Какъ-то случилось, что 28 донскихъ казаковъ, уличенныхъ въ грабежѣ, были брошены въ рѣку, товарищамъ удалось спасти ихъ и привезти въ казацкій обозъ подъ Москву. Узнавъ объ этомъ, казаки взбунтовались, и озлобленіе ихъ было такъ велико, что Ляпуновъ хотѣлъ уже искать спасенія въ бѣгствѣ.

Этимъ воспользовался Госѣевскій; „онъ пустилъ слухъ о письмахъ, которыя будто бы разсылались Ляпуновымъ по крѣпостямъ, съ приказаніемъ убивать и топить донскихъ казаковъ, гдѣ бы они ни попались“.

Эти подложныя грамоты были подброшены въ казацкій лагерь. Казаки, повѣривъ имъ, собрались въ кругъ и, приведя въ него Ляпунова, подняли его на сабли“. Покончивъ съ нимъ, донцы кинулись къ его дому и разграбили его. Послѣ этого они стали еще дерзче и

своевольнѣе, такъ что многіе дворяне и дѣти боярскіе стали покидать лагерь.

Замѣшательство, происшедшее вслѣдствіе этого въ обозѣ мятежниковъ, повліяло благопріятнымъ образомъ на положеніе польскаго гарнизона. Увѣдомленный о томъ, Сапѣга поспѣшилъ къ Москвѣ съ намѣреніемъ дать битву русскимъ, во главѣ которыхъ сталъ теперь Заруцкій.

Русскіе были застигнуты врасплохъ и отступили; а поляки, гонясь за ними по пятамъ, овладѣли всѣми воротами и башнями, которыя раньше были въ ихъ рукахъ. Госѣевскій хотѣлъ воспользоваться этой побѣдою, чтобы овладѣть и послѣдними башнями, но неудовольствіе въ войскѣ, которое все еще не получало жалованья, было такъ велико, что солдаты рѣшительно отказались долѣе сражаться; 14 августа, когда части, бывшія въ дѣлѣ, нужно было замѣнить свѣжими отрядами, несмотря на приказаніе Госѣевскаго, никто не захотѣлъ идти въ бой!

Особенно сильно было недовольство въ полку Сапѣги; его солдаты, вмѣсто того чтобы сражаться, только и дѣлали, что „собирали генеральныя коло“ и обсуждали на нихъ вопросъ, какъ добиться уплаты жалованья по крайней мѣрѣ за истекшія двѣ четверти.

Они рѣшили, наконецъ, ждать только до 15 сентября и, если къ тому времени король не выполнитъ своихъ обѣщаній, немедля объявить конфедерацію и уйти изъ предѣловъ Московскаго государства.

Въ довершеніе бѣды для поляковъ въ это время заболѣлъ Янъ-Петръ Сапѣга; 3 сентября онъ былъ перевезенъ въ Москву, въ Кремль, въ палаты Шуйскаго, гдѣ 14 числа и скончался, „хотя не царемъ“, говоритъ Мархоцкій, „но все же въ царскихъ палатахъ“, оплакиваемый всѣмъ войскомъ.

Смерть его была тяжкимъ ударомъ для польскаго войска. Послѣ этого хотя его войско и получило изъ московской казны 50.000 р. въ счетъ жалованья и 4.000 на раненыхъ, но „оно вышло окончательно изъ всякаго повиновенія“. Госѣевскій возлагалъ теперь всѣ свои надежды единственно на помощь со стороны литовскаго гетмана Ходкевича, которому Сигизмундъ еще въ исходѣ апрѣля повелѣлъ идти съ лифляндскимъ войскомъ къ Москвѣ. Но Ходкевичъ, бывшій въ то время въ довольно непріятныхъ отношеніяхъ съ Сигизмундомъ, такъ какъ король подозрѣвалъ его въ сношеніяхъ съ Радзивилломъ, однимъ изъ главныхъ предводителей „рокоша“, не хотѣлъ идти къ столицѣ.

„О столицѣ“ (т. е. о Москвѣ), писалъ онъ своей женѣ 10 іюня, „я и не помышляю; развѣ если самъ король пойдетъ съ нами; а безъ него ни за что (не пойду)“.

Однако, встрѣтившись съ королемъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, случайно, въ четырехъ миляхъ отъ Орши и примирившись съ нимъ, онъ измѣнилъ свое намѣреніе и далъ ему слово идти къ столицѣ и дѣйствительно сталъ поспѣшно сосредоточивать войска; но противъ него начали интриговать Потоцкіе и многихъ отговорили идти подъ его начальствомъ, такъ что вмѣсто 12—15 тысячъ, которыхъ онъ надѣялся повести къ Москвѣ, онъ собралъ едва двѣ тысячи, съ коими и пошелъ на выручку польскаго гарнизона.

Но въ виду большихъ силъ, коими располагали въ то время русскіе, и полнаго упадка дисциплины въ польскомъ войскѣ, приходъ литовскаго гетмана не могъ оказать существеннаго вліянія на отчаянное положеніе польскаго гарнизона.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Князь Меншиковъ въ турецкомъ диванѣ (госуд. сов.).

Въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ императоръ Наполеонъ III, задѣтый лично императоромъ Николаемъ I-мъ, началъ вымѣщать свои обиды вмѣшательствомъ въ наши отношенія къ Турціи и вообще въ наши дѣла на Востокѣ.—Видя, что султанъ, въ переговорахъ о гробѣ Господнемъ, проявляя массу двуличія, становится скорѣй на сторону Франціи, Императоръ Николай назначилъ въ Константинополь чрезвычайнымъ посломъ и полномочнымъ министромъ князя Меншикова,—которому личными инструкціями Царя вмѣнено было въ обязанность съ особой внимательностью слѣдить на мѣстѣ за ходомъ отношеній турецкаго правительства къ иностраннымъ державамъ, вести своевременно переговоры и направлять дѣла по-своему т. е. въ интересахъ Россіи.

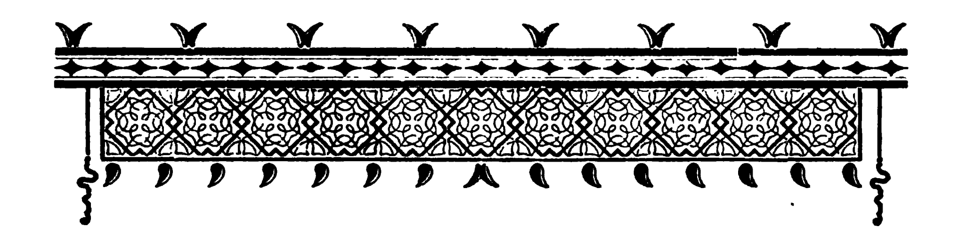
Князь Меншиковъ сразу убѣдился въ неискренности турецкихъ министровъ и даже самого султана; поэтому, твердо зная вообще, какъ слѣдуетъ обращаться съ восточными людьми, принялъ въ своихъ отношеніяхъ съ представителями турецкаго правительства тонъ крайне рѣзкій, безцеремонный, грубый, а вмѣстѣ съ тѣмъ презрительно-насмѣшливый.

Султанъ Абдулъ Меджидъ, желавшій возможно тщательнѣе скрыть свою въ данномъ дѣлѣ недоброжелательность къ Россіи, боялся, какъ бы его сочувствіе Франціи не было обнаружено кѣмъ бы то ни было ранѣе, чѣмъ онъ могъ бы найти это нужнымъ.—Обезпокоенный обращеніемъ и поведеніемъ кн. Меншикова, онъ не одному министру задавалъ вопросъ: не чувствуетъ ли посолъ, что мы поддерживаемъ Наполеона? Приближенные его успокоивали тѣмъ, что тутъ дѣло не въ политикѣ, а въ характерѣ и въ воспитаніи Меншикова — больше ничего, въ политикѣ же все идетъ гладко, потому что все шито, крыто.—Султана особенно безпокоило то обстоятельство, что кн. Меншиковъ, входя въ диванъ, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ Абдулъ Меджидъ, никогда не давалъ себѣ труда поклониться его величеству. Хотя великій визирь и министръ подводили и эту выходку подъ одинъ уровень, т. е. приписывали происхожденіе ея невоспитанности и необузданности посла, но они, конечно, понимали, что гораздо обстоятельнѣе было бы какъ-нибудь заставить Меншикова кланяться при входѣ въ госуд. совѣтъ.

Подойдя къ дивану послѣ праздниковъ Рамазана, т. е. послѣ довольно продолжительнаго промежутка времени, кн. Меншиковъ, къ большому удивленію своему, увидѣлъ входную въ залъ засѣданій дверь передѣланною такимъ образомъ, что съ его очень высокимъ ростомъ нельзя было войти въ нее иначе, какъ наклонившись, т. е. необходимо было при входѣ держать корпусъ и голову въ такомъ положеніи, которое султанъ несомнѣнно долженъ былъ бы принять за поклонъ.—Не долго думая, князь повернулся задомъ къ двери и, нѣсколько присѣвши въ колѣняхъ, вошелъ спиной къ засѣдавшимъ, а слѣдовательно и къ султану.

Такъ хитроумнымъ, искусившимся въ шарлатанствѣ министрамъ падишаха не удалось ни перехитрить находчиваго русскаго посла, ни обмануть своего повелителя.

Сообщ. А. Е. К.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Графъ Аракчеевъ нашъ военный министръ.

Нашимъ военнымъ министромъ былъ тогда графъ Алексѣй Аракчеевъ. Это былъ Сезонъ—Тиверія, Тигеллинъ—Нерона и Маратъ—французской революціи. Этотъ человѣкъ былъ извергомъ свирѣпости какъ въ своихъ принципахъ, такъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ. Къ несчастію, этотъ всѣми ненавидимый и презираемый человѣкъ игралъ слишкомъ важную роль, и я не могу не уступить своему желанію поподробнѣе описать эту личность.

Аракчеевъ происходилъ изъ небогатой и незнатной дворянской семьи. Сначала онъ служилъ преподавателемъ въ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ сталъ офицеромъ корпуса и профессоромъ математики.

Когда Павелъ I, еще въ бытность свою великимъ княземъ, обратился къ генералу Мелессино, директору 1-го кадетскаго корпуса, съ просьбой дать ему офицера для командованія его огромной Гатчинской артиллеріей (состоявшей, кажется, изъ трехъ-фунтовыхъ пушекъ), Меллесино исполнилъ просьбу Павла и далъ ему Аракчеева. Этотъ выборъ былъ пагубой для всей Россіи. Аракчеевъ быстро понялъ, что нужно было дѣлать, чтобы быть полезнымъ и пріятнымъ великому князю, и настолько съумѣлъ ему угодить, что когда Павелъ вступилъ на престолъ, то онъ тотчасъ же приблизилъ къ себѣ Аракчеева, возложивъ на него исполненіе самыхъ важныхъ порученій; награждая его по своему усмотрѣнію такъ, что тотъ въ 28 лѣтъ былъ уже генералъ-лейтенантомъ. Эту благосклонность къ

---

[1]) См. „Русская Старина“, сентябрь 1907 г.

Аракчееву, къ несчастію, унаслѣдовалъ отъ своего отца и Императоръ Александръ, который оказывалъ ему даже больше милостей, нежели Павелъ.

Въ дѣйствительности Аракчеевъ былъ первымъ министромъ и настоящимъ деспотомъ Россіи, хотя на самомъ дѣлѣ не только не носилъ этого званія, но даже не имѣлъ никакого титула. Онъ вмѣшивался во всѣ дѣла и отъ имени государя писалъ генералъ-губернаторамъ и даже министрамъ записки и замѣтки, которыя становились для нихъ высшими приказаніями и указами, долженствующими быть немедленно исполненными. Когда же обращались къ нему лично, то онъ отвѣчалъ обыкновенно, что онъ самъ по себѣ ничто и что онъ не входитъ ни въ какія дѣла.

Онъ долженъ былъ докладывать государю выписки всѣхъ рѣшеній Комитета министровъ и Государственнаго Совѣта, но никто не присутствовалъ при его докладахъ, а поэтому и не знали, насколько онъ сокращалъ эти постановленія, а также вѣрно ли сообщалъ онъ приказанія государя, рѣдко писанныя подъ диктовку его величества.

Онъ завѣдывалъ тайной полиціей—этимъ опаснымъ оружіемъ въ рукахъ такого безсердечнаго и неделикатнаго человѣка. Онъ пріобрѣлъ такое сильное вліяніе, что, вмѣсто привлеченія сердецъ къ монарху, онъ отвергалъ ихъ и если Александръ къ концу своей жизни былъ нелюбимъ нѣкоторыми, то этимъ онъ обязанъ исключительно Аракчееву. Вліяніе, которое имѣлъ Аракчеевъ на Александра, тѣмъ болѣе удивительно, что онъ обладалъ такою слабостью, которой Александръ никогда не прощалъ никому другому: онъ былъ чрезвычайно труслива на войнѣ. Страхъ его доходилъ иногда прямо до комизма. Однажды, во время войны 1813 года, одно ядро пролетѣло въ 100 саж. отъ него; это было единственное ядро, свистъ котораго онъ когда-либо слышалъ, и эта музыка такъ ему не понравилась, что, несмотря на то, что онъ былъ начальникомъ артиллеріи, онъ до того перепугался, что легъ животомъ на землю подъ лошадь. Такая трусость сдѣлала его посмѣшищемъ всей арміи. Императоръ Александръ, узнавъ объ этомъ, каждый разъ предупреждалъ его, когда ожидался звукъ выстрѣла и тогда начальникъ артиллеріи спасался за 20 верстъ! Его могущество было такъ велико, что онъ удалялъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ умъ, таланты и добродѣтели могли пріобрѣсти заслуженную благосклонность и, такимъ образомъ, затмить его. Онъ не терпѣлъ никого, кто бы могъ его затмить или замѣнить и тѣмъ болѣе того, кто этого добивался. Злословіе, клевета и козни, проявляемыя тайно или явно, все направлялось къ тому, чтобы уничтожить своего соперника. Онъ

даже выдумалъ особое слово *„Гогъ-Магогъ“*—этимологія котораго неизвѣстна, но тотъ, который получалъ это названіе, могъ быть увѣренъ, что не будетъ долго занимать то мѣсто, которое приближало его къ государю. Ему удалось даже низвергнуть князя Петра Волконскаго, признательность и забота котораго были столь необходимы государю. Какова же была сила этого человѣка, каково было его обаяніе, если онъ могъ внушить подозрѣнія къ такому уважаемому и почтенному слугѣ Императора, каковымъ былъ князь Волконскій. Вліяніе Аракчеева распространялось на всѣхъ и на все; къ тому же онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ и все, что на него ни возлагалось, онъ дѣлалъ вполнѣ основательно. Онъ умѣлъ распутывать сложныя дѣла и представлять ихъ въ краткомъ, ясномъ и точномъ изложеніи; но при этомъ онъ не стѣснялся пускать въ ходъ всѣ средства, чтобы заслужить расположеніе своего повелителя. Онъ ему облегчалъ работу и съумѣлъ сдѣлать себя необходимымъ и желаннымъ совѣтникомъ, что̀ составляетъ большую заслугу министра.

Изъ всѣхъ злодѣяній, совершенныхъ Аракчеевымъ, я приведу здѣсь только два, но ихъ вполнѣ достаточно, чтобы ознакомиться съ его личностью.

Въ 1797 году онъ былъ прикомандированъ къ Преображенскому полку и командовалъ баталіономъ. На одномъ ученьи этотъ баталіонъ плохо учился, что̀ вызвало гнѣвъ императора Павла, и онъ выразилъ Аракчееву свое неудовольствіе. Что же сдѣлалъ тогда Аракчеевъ? Онъ вызвалъ изъ строя трехъ лучшихъ солдатъ 1-ой шеренги и приказалъ ихъ бить до смерти, покуда окровавленныхъ и въ безсознательномъ состояніи ихъ не отнесли въ госпиталь, гдѣ они и умерли черезъ 2 или 3 дня. Когда государь случайно посѣтилъ госпиталь, то полковой адъютантъ Дятловъ, ненавидѣвшій Аракчеева, показалъ умирающихъ людей великому князю Александру, сопровождавшему Императора, въ надеждѣ, что онъ остановитъ передъ ихъ кроватями государя, и что Аракчеевъ будетъ уничтоженъ, но великій князь посмотрѣлъ на нихъ, вздохнулъ и удалился, не смѣя доложить объ этомъ отцу.

Въ 1825 году, слуги этого изверга умертвили другого, такого же тиранна; это была его подруга, изъ крѣпостныхъ прислугъ, не пріобрѣвшая дружбы тѣхъ несчастныхъ, которые страдали отъ жестокостей тиранніи.

Аракчеевъ не зналъ тѣхъ, которые ему отомстили за другихъ. Онъ арестовалъ нѣсколькихъ своихъ людей и предалъ ихъ страшнымъ мукамъ (неизвѣстнымъ въ Россіи и запрещеннымъ закономъ). Болѣе половины этихъ людей были невинны. Какъ онъ смѣлъ это

сдѣлать? Какъ онъ могъ найти людей для исполненія своей преступной воли? Государь зналъ объ этомъ, но чѣмъ же объяснить тогда его молчаніе? Какъ объяснить тѣ письма, которыя онъ писалъ ему и которыя Аракчеевъ осмѣлился напечатать? Какъ оправдать постоянную благосклонность къ этому палачу? Все это можно объяснить только однимъ: Александръ считалъ его преданнымъ себѣ и необходимымъ для своей безопасности.

Аракчеевъ былъ удаленъ императоромъ Николаемъ, и мы имѣемъ право надѣяться, что, несмотря на всѣ его старанія, онъ уже не получитъ никакого назначенія.

Чтобы составить намъ резервную армію, графъ Аракчеевъ приказалъ отдѣлить отъ каждаго пѣхотнаго полка вторые баталіоны. Мѣра эта была ошибочна, такъ какъ оставшіеся въ полкахъ по два баталіона, выдѣливъ изъ себя еще лучшихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, не представляли уже ничего серьезнаго и даже не могли больше служить. Численность же пѣхоты уменьшилась на одну треть.

Всѣ эти баталіоны преобразовали въ полки и, съ добавленіемъ кавалеріи и артиллеріи, составили резервный корпусъ Молдавской арміи. Командиромъ резервнаго корпуса назначили генералъ-лейтенанта Эссена I.

По взятіи Хотина, генералъ Эссенъ I участвовалъ въ прусской войнѣ 1807 г., а затѣмъ вернулся въ нашу армію; но это назначеніе ему не понравилось, и онъ слишкомъ явно высказалъ это князю Прозоровскому, чѣмъ и вооружилъ его противъ себя.

Ничтожный Аракчеевъ, увѣренный, что нельзя быть на войнѣ хорошимъ офицеромъ, не изучивъ основательно всей службы капрала, приказалъ отправить въ Петербургъ изъ всѣхъ полковъ старѣйшихъ капитановъ для держанія экзамена и выдержавшимъ таковой дать право производства въ маіоры, если они были достойны этого, т. е. если они знали бы въ совершенствѣ то, чего они могли бы и не знать, для полученія предназначенной имъ награды. Однимъ словомъ, отъ нихъ, главнымъ образомъ, потребовалось знаніе уставовъ. Командиры полковъ, бригадъ и дивизій были не довольны этой оцѣнкой заслугъ, такъ какъ они лучше знали достоинства своихъ офицеровъ на войнѣ. Отвлеченіе этихъ капитановъ отъ войскъ, въ военное время, особенно ослабило дѣйствующую армію, такъ какъ эти боевые офицеры были въ большинствѣ случаевъ командирами баталіоновъ. Кромѣ того, многіе изъ нихъ были отличными въ бояхъ, но мало свѣдущими въ мелочахъ гарнизонной службы, на которую самъ Аракчеевъ, невѣжественный и упрямый, смотрѣлъ какъ на единственную и полезную науку.

Прозоровскій имѣлъ слабость отпустить изъ арміи этихъ капитановъ, большинство которыхъ пропало или въ дорогѣ или въ Петербургѣ. Тамъ они оставались болѣе года, не получая никакого пособія. Многіе изъ нихъ даже не были произведены! они-то и были лучшими офицерами, наиболѣе пригодными на войнѣ [1]).

Продержавъ совершенно безполезно войска въ лагеряхъ, во время перемирія и въ періодъ дождливой и холодной осени, Прозоровскій приказалъ занять зимнія квартиры арміи только въ ноябрѣ. Корпусъ же, которымъ я командовалъ, оставался въ лагерѣ до 5-го декабря, чтобы окончить постройку трехъ огромныхъ редутовъ, которые князь Прозоровскій заставилъ меня выстроить у деревни Табакъ, какъ говорятъ, по совѣту Гартинга, на берегу озера Котлибухъ и озера Китта, съ цѣлью удерживать вылазки Измаильскаго гарнизона. Мѣра эта была ошибочна, такъ какъ редуты эти были расположены на 40—50 верстахъ, и они могли быть заняты только одной пѣхотой. Въ случаѣ же набѣга турецкой конницы моя пѣхота не могла ни остановить, ни преслѣдовать ее. Я сдѣлалъ объ этомъ пред-

---

[1]) Два года спустя, гр. Каменскій отказался высылать ихъ туда, но государь заставилъ его исполнить сдѣланное распоряженіе. Военнымъ министромъ былъ тогда Барклай, человѣкъ умный и уважаемый, но и ему не удалось помѣшать исполненію этой пагубной мѣры.

Въ зиму 1810—11-го годовъ, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, то я встрѣтилъ тамъ нѣсколькихъ капитановъ моей дивизіи, смѣнившихъ другихъ, уже получившихъ надлежащую подготовку въ войскахъ гвардіи. Познанія, пріобрѣтенныя ими послѣ долгихъ трудовъ, на дѣлѣ оказались непримѣнимыми, такъ какъ уставныя правила мѣнялись черезъ каждые, шесть семь мѣсяцевъ и, вслѣдствіе этого, они являлись въ полки совершенными неучами. Многіе изъ нихъ являлись ко мнѣ со слезами на глазахъ и просили пособія; никто не заботился объ ихъ довольствіи и требованіяхъ; а если кто изъ нихъ являлся въ поношенной или неисправной одеждѣ, того сажали подъ арестъ. Жалованье ихъ такъ было ничтожно, что годового не хватало и на 1 мѣсяцъ. Посѣщенія этихъ несчастныхъ меня совершенно разоряли; они мнѣ стоили отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ, но я не жалѣлъ объ этомъ; отчаяніе этихъ несчастныхъ доходило до того, что многіе изъ нихъ хотѣли окончить жизнь самоубійствомъ. Нужда и усталость преслѣдовали ихъ; они нигдѣ не бывали, кромѣ какъ на ученьяхъ, караулахъ, исполняя обязанности прапорщиковъ и подпоручиковъ въ караулахъ у городскихъ заставъ. Они потеряли права на производство за отличіе на войнѣ, гдѣ они имѣли много случаевъ выдѣлиться. Они также лишились и тѣхъ наградъ, которыя получили ихъ товарищи, оставшіеся въ полкахъ. Эта несчастная манія къ солдатизму достигла до абсурда, но никогда безуміе это не достигало такой степени. Это былъ результатъ роковой маніи повелителя, такъ выдававшагося своимъ умомъ и уважаемаго за свои качества, добродѣтель и гуманность. Какъ слабы люди, по крайней мѣрѣ на этомъ поприщѣ. Можно во всякомъ случаѣ упрекнуть Барклая, что онъ слишкомъ мало заботился о войскахъ

ставленіе, но оно не было принято. Невозможно вообразить тотъ трудъ и ту работу, которыхъ мнѣ стоили постройка этихъ укрѣпленій въ странѣ, лишенной лѣса, и куда привозить его, для постройки землянокъ, приходилось за 100 верстъ.

Прозоровскій самъ начертилъ планъ этихъ укрѣпленій въ четыре бастіона. Эти постройки я не могъ начать раньше октября, а тогда начались такіе морозы, что рыть мерзлую землю можно было только при помощи топора. Прозоровскій былъ очень сконфуженъ своей настойчивостью, которая повела за собой гибель Нижегородскаго полка, въ зиму 1807/8 г., во время стоянки въ землянкахъ, а чтобы оправдаться, онъ свалилъ причину бѣдствій полка на дурную постройку землянокъ. Поэтому новыя землянки онъ заставилъ меня строить прямо на подобіе дворцовъ. Вся эта постройка должна была окончиться 5-го декабря, но съ 1-го числа начался страшный, снѣжный ураганъ, продолжавшійся пять дней, такъ что мы не только не могли продолжать свои работы, но даже были принуждены просидѣть 3 дня въ ямахъ, не имѣя возможности выйти оттуда и питаясь все время одними только сухарями. Два же баталіона, застигнутые ураганомъ въ дорогѣ, перенесли много лишеній и даже потеряли нѣсколько человѣкъ, замерзшихъ въ дорогѣ.

Пегливанъ никакъ не могъ понять, что удерживало меня такъ долго въ лагерѣ, и безпрестанно спрашивалъ меня о моемъ отъѣздѣ. Не имѣя возможности объяснять ему причину своей задержки, я молчалъ; уѣзжая же, далъ ему знать о своемъ выѣздѣ.

Въ каждомъ изъ построенныхъ редутовъ я поставилъ по одному баталіону, ежемѣсячно смѣнявшемуся.

Въ февралѣ мѣсяцѣ нашъ Бутырскій полкъ потерпѣлъ большія потери. Три баталіона этого полка, возвращаясь подъ командой полковника Трескина на свои квартиры въ Бендеры, въ дорогѣ были застигнуты страшнымъ ураганомъ. Почти 150 человѣкъ были свалены съ ногъ сильнымъ вѣтромъ и занесены снѣгомъ; но многіе изъ этихъ несчастныхъ, переживших это бѣдствіе, остались съ отмороженными членами.

Князь Прозоровскій и графъ Аракчеевъ произвели по поводу этого печальнаго событія строжайшее слѣдствіе, но такъ какъ никто не былъ здѣсь виновенъ, то некого было и наказывать.

Зиму я провелъ въ Фальчи, гдѣ и получилъ болѣзнь скорбутъ и полное зараженіе крови. Болѣзнь эта была очень опасна, и я вылечился отъ нея только весной. Это была уже четвертая, но далеко еще не послѣдняя болѣзнь, которой я подвергался во время этой войны.

Въ зиму 1808—09 г. воевали съ Швеціей. Эта война была для

насъ очень счастлива, такъ какъ мы отняли у этой страны большую часть ея территоріи, а также заняли и пріобрѣли всю Финляндію.

Отважная экспедиція по льду, совершенная генералъ-лейтенантомъ Барклай-де-Толли и княземъ Багратіономъ, приблизила насъ къ Стокгольму.

Молодой король Швеціи Густавъ IV революціей былъ сверженъ съ престола, а его дядя, старый герцогъ Зюдерманскій (тотъ самый, котораго я уже описывалъ въ 1-й части журнала кампаніи 1790 года и котораго, не безосновательно нѣкоторыя лица подозрѣвали въ участіи въ заговорѣ противъ своего брата Густава III, павшаго отъ руки убійцы) былъ возведенъ на престолъ подъ именемъ Карла XIII.

Молодой Густавъ IV, очень добрый и прямодушный, вслѣдствіе своего слабоумія, былъ совершенно не способенъ къ правленію. Въ 1807 году, когда Наполеонъ вызвалъ на войну Россію, онъ написалъ Густаву, предлагая ему соединиться съ нимъ. Густавъ отправилъ это письмо своему зятю Александру, который, кажется, скоро забылъ объ немъ. Благодарность не есть добродѣтель повелителей, и кровныя узы, тѣмъ болѣе здѣсь, не признаются.

Эта война не была народною войной въ Россіи, и Прозоровскій никогда иначе не говорилъ мнѣ о ней, какъ со стыдомъ и печалью. Наполеонъ былъ главнымъ подстрекателемъ этой войны, которая окончилась гораздо скорѣе и гораздо лучше, чѣмъ онъ предполагалъ. Она принесла Россіи больше выгодъ, чѣмъ славы.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ у насъ тогда графъ Николай Румянцевъ. Государь, убѣжденный, наконецъ, въ ничтожествѣ и сумасбродствѣ Будберга, согласился смѣнить его.

Румянцевъ не обладалъ никакими талантами; это былъ человѣкъ весьма пустой, щеголявшій своей болтливостью, которую государь, впрочемъ, принималъ за краснорѣчіе и которая ослѣпляла иногда его слушателей, если они не особенно углублялись въ нее и не искали въ ней смысла.

Въ политическомъ же отношеніи его умъ совершенно не соотвѣтствовалъ той дѣятельности, которая предстояла ему, призванному руководить государственной дипломатіей. Обольщенный, обманутый или вѣрнѣе сказать ослѣпленный Наполеономъ, онъ побудилъ государя начать эту безнравственную войну съ Швеціей, возобновить войны съ турками и принять участіе въ наибезнравственнѣйшей и самой пагубной войнѣ съ Австріей въ 1809 году. Онъ вскорѣ сдѣлался предметомъ ненависти своихъ соотечественниковъ, смотрѣвшихъ на вещи гораздо правильнѣе его. Наполеонъ же говорилъ,

что у него въ Россіи только два друга: государь и графъ Румянцевъ. Государь конечно былъ далекъ отъ мысли быть другомъ Наполеона, но онъ опасался его политики и боялся новой войны съ нимъ.

Вотъ причина полнаго самоотверженія и кажущейся подчиненности Александра; на самомъ же дѣлѣ онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ того момента, когда онъ снова могъ бы оправиться [1]).

Распредѣленіе по квартирамъ нашей огромной арміи осталось неизмѣненнымъ. Изъ новоприбывшихъ войскъ образовали большой корпусъ для Кутузова, который, также какъ и Эссенъ I, командиръ резервнаго корпуса, своей зимней квартирой имѣлъ Яссы.

Князь Прозоровскій провелъ еще одну зиму въ Яссахъ и по обыкновенію предавался тамъ дѣятельному труду. Самымъ важнымъ дѣломъ, поглощавшимъ всѣ его заботы и вниманіе, былъ конгрессъ о мирѣ, который, наконецъ, послѣ 18-ти мѣсячной нерѣшимости и безполезной переписки, былъ назначенъ въ Яссахъ. Объ этомъ конгрессѣ знали заранѣе, что онъ не окончится ничѣмъ. Турки, руководимые тайно Франціей и явно Англіей (которая вслѣдствіе нашей слабой и нерѣшительной политики возстала противъ насъ единственно на этомъ пунктѣ), явились на конгрессъ—съ непоколебимой рѣшимостью не уступать намъ ни одного фута изъ земель, лежащихъ на правомъ берегу Днѣстра. Въ нашихъ же намѣреніяхъ было пріобрѣсти Дунай или, по крайней мѣрѣ, Серетъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1809 года въ Яссы прибылъ Рейсъ-Эффенди (я уже упоминалъ о немъ). Съ нимъ, въ качествѣ переводчика, пріѣхалъ драгоманъ Порты князь Дмитрій Мурузи (братъ того, который послѣднее время былъ княземъ). Онъ былъ, какъ и всѣ Фонарскіе греки, человѣкъ тонкій, хитрый, посвященный въ политику дивана; умный, знающій и умѣющій быть пріятнымъ въ обществѣ [2]).

Князь Прозоровскій членами конгресса выбралъ ген.-лейт. Милорадовича, сенатора Кучникова и ген.-маіора Гартинга. Кучниковъ былъ человѣкъ весьма умный и сообразительный; Гартингъ обладалъ географическими свѣдѣніями, что̀ еще нѣсколько оправдывало этотъ выборъ, что же касается Милорадовича, то онъ уже совсѣмъ

---

[1]) 1827. Трудно, высоко поднявшись и прославивъ себя болѣе геройскими подвигами, связанными съ сильнымъ характеромъ и неустанной энергіей заставить забыть минутную слабость, вызванную обстоятельствами.

[2]) Мы называли его княземъ, т. к. привыкли называть такъ всѣхъ, которые имѣли изъ своей фамиліи князей въ Молдавіи или Валахіи, но понастоящему этотъ титулъ принадлежалъ только княжествующему лицу и никому больше изъ его семейства. Они назывались Ведсаблей—что значило „сыновья князя".

не годился въ дипломаты, такъ какъ вслѣдствіе своего легкомыслія поддавался вліянію нашихъ враговъ, забывая при этомъ всю политику въ серьезныхъ и важныхъ дѣлахъ.

Но дѣло въ томъ, что ему сильно протежировалъ Аракчеевъ, который и устроилъ ему это назначеніе черезъ Дворъ и князя Прозоровскаго, имѣвшаго также слабость къ Милорадовичу, и только поздно понявшаго, что онъ обманывался въ его талантахъ и качествахъ.

Г-нъ Іосифъ Фонтонъ, статскій совѣтникъ, былъ назначенъ первымъ переводчикомъ Россіи, а Безакъ — секретаремъ конгресса. Молодой графъ Браницкій, камеръ-юнкеръ Багреевъ и еще нѣсколько молодыхъ людей, прикомандированныхъ къ главной квартирѣ, получили разныя должности въ этихъ конференціяхъ, церемоніалъ которыхъ князь Прозоровскій установилъ самымъ точнымъ образомъ.

Іосифу Фонтону было болѣе 60-ти лѣтъ, онъ былъ французъ; мы уже раньше видѣли причины, заставившія его перейти съ французской службы на русскую (см. журналъ 1806 г.). Никто изъ драгомановъ, причисленныхъ къ Европейскимъ миссіямъ Оттоманской Порты, не зналъ лучше его ума и характера турокъ и Фонарскихъ грековъ, а также ихъ привычки и языкъ. Это былъ дипломатъ умный, предусмотрительный, образованный, ловкій, любезный, но, какъ и всѣ драгоманы, слишкомъ привязанный къ Константинополю, гдѣ онъ родился и гдѣ желалъ бы кончить свои дни. Какъ говорятъ, онъ былъ очень богатъ, но считался очень скупымъ. Въ такой подкупной странѣ, гдѣ всѣ греки нуждаются въ протекціи русскаго и французскаго дворовъ, все пріобрѣтается за плату; а поэтому неудивительно, что и Фонтонъ принималъ плату за свои услуги, тѣмъ болѣе, что подобные примѣры такъ часто встрѣчаются среди азіатовъ.

Затѣмъ, какъ я слышалъ, онъ былъ предметомъ большой сплетни (я говорю сплетни, потому что я вполнѣ увѣренъ, что это неправда). Говорили, что Молдавскіе и Валахскіе князья дѣлали ему дорогіе подарки, имѣя въ виду сохранить такимъ образомъ свои отношенія къ Портѣ, если даже обѣ эти провинціи останутся за Россіей. Фонтона публично обвиняли во время Ясскаго и Бухарестскаго конгрессовъ въ томъ, что онъ болѣе покровительствовалъ—Фонару, чѣмъ Россіи. Увѣряли также, что будто Порта во время Бухарестскаго конгресса обѣщала ему большую сумму денегъ, если онъ окончитъ дѣло миромъ, ограничивъ наши владѣнія Прутомъ.

Я передаю всѣ эти разговоры, потому что они распространились въ арміи. Во всякомъ случаѣ виною всего этого были обстоятельства, а не Фонтонъ. Обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія въ

1812 году, сложились такъ, что мы кромѣ Прута ничего не могли требовать и были счастливы, что могли получить хоть эту границу. Антонъ Фонтонъ, племянникъ Іосифа, молодой человѣкъ, 27 лѣтъ, не принималъ участія въ дипломатіи дяди, хотя и въ совершенствѣ зналъ турецкій языкъ.

Г-нъ Дуксъ, французскій консулъ въ Бухарестѣ (о которомъ я уже говорилъ въ журналѣ 1807 г.), прибылъ въ Яссы, кажется спеціально для того, чтобы интриговать или чтобы тайно протежировать своимъ хорошимъ друзьямъ туркамъ. Онъ дѣйствовалъ по инструкціямъ, полученнымъ отъ г-на де-ла-Туръ-Мабура.

Послѣ отъѣзда Сабастіани, вмѣсто него, завѣдывающимъ французскими дѣлами остался молодой графъ Пушкинъ, бывшій атташе при министрѣ иностранныхъ дѣлъ, котораго затѣмъ назначили къ князю Прозоровскому.

Благодаря своей ловкости, Пушкинъ добылъ инструкціи и тайныя письма Дукса. Тутъ-то мы увидали все вѣроломство французскаго кабинета и его желаніе увлечь насъ снова въ эту дорогую и безконечную войну, чтобы затѣмъ, опять напасть на насъ. Все это было отправлено графу Румянцеву, что̀ значило то же самое, что адресовать министру Наполеона. Но это интересное открытіе ничего не измѣнило въ странѣ и взглядахъ нашего министра.

Чтобы покончить здѣсь со всѣмъ, что касается министра, я скажу, что если въ теченіе 1809 года нашъ дворъ не освободился отъ графа Румянцева, то нашей арміи удалось наконецъ освободиться отъ Аракчеева, который оставилъ военное министерство, гдѣ засидѣлся слишкомъ долго, и былъ замѣненъ генераломъ Барклаемъ-де-Толли. Барклаю тогда было уже 50 лѣтъ, онъ родился въ Ливоніи, но происходилъ изъ купеческаго Ирландскаго рода. Барклай началъ свою военную карьеру съ роли адъютанта у уважаемаго князя Д'Ангальта; онъ былъ раненъ въ Швеціи, въ томъ самомъ дѣлѣ, въ которомъ убили самого князя. Затѣмъ онъ служилъ въ арміи, но въ чинахъ подвигался весьма медленно и 1806 году былъ еще только генералъ-маіоромъ. Подъ Прейсишъ-Эйлау онъ получилъ тяжелую рану, но за то за свою отличительную храбрость и военные таланты былъ произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта, а черезъ годъ, вмѣстѣ съ княземъ Багратіономъ, во время шведской кампаніи, былъ сдѣланъ полнымъ генераломъ.

Назначивъ Барклая Государь не могъ сдѣлать лучшаго выбора, такъ какъ послѣдній былъ человѣкъ весьма умный, образованный, дѣятельный, строгій, необыкновенно честный, а главное замѣчательно знающій всѣ мелочи жизни русской арміи.

Аракчеевъ остался предсѣдателемъ большого военнаго совѣта,

учрежденнаго Государемъ въ 1809 году, для веденія и рѣшенія государственныхъ и военныхъ вопросовъ. Этотъ совѣтъ состоялъ изъ высшихъ людей, занимающихъ высокое служебное положеніе и изъ стариковъ, посѣдѣвшихъ на службѣ. Но, несмотря на такой составъ, это учрежденіе не достигло желаемыхъ результатовъ, и также, какъ и сенатъ, сдѣлалось подвластнымъ неограниченной власти Государя [1]).

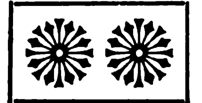
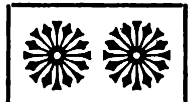
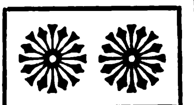
Онъ не могъ помѣшать ни Шведской, ни Турецкой кампаніи, ни этому роковому и постыдному свиданію въ Эрфуртѣ, куда Александръ поѣхалъ, чтобы, такъ сказать, сложить свой вѣнецъ у ногъ Наполеона и приготовить разореніе Австріи, своей естественной союзницѣ, и единственной защитѣ, остававшейся тогда у Европы и у самой Россіи.

Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Этотъ совѣтъ, также какъ и сенатъ, сдѣлался судилищемъ. Государь учредилъ выдачу пенсій важнѣйшимъ лицамъ государства, которымъ онъ уже не желалъ больше поручать свои арміи, корпуса, министерства, посольства или губернаторства или тѣмъ которыя уже настолько состарились, что были не въ состояніи нести дальнѣйшую службу. Теперь уже вошло въ пословицу говорить про губернатора или генералъ-губернатора, не способнаго къ службѣ, что это новобранецъ большого совѣта.

Русскiе артисты въ Италiи.

(Изъ воспоминанiй стараго театрала).

Нѣсколько дней тому назадъ, я, бывши въ Одессѣ, встрѣтилъ двухъ русскихъ артистовъ, возвратившихся изъ Италiи, куда они ѣздили для устройства своей театральной карьеры.

По разсказамъ этихъ молодыхъ людей, дѣла по театральной части въ Италiи творятся еще хуже, чѣмъ это было прежде; всѣ итальянскiе театры уже окончательно превратились въ арены самой безсовѣстной наживы. По прiѣздѣ изъ Одессы въ Петербургъ, я имѣлъ случай бесѣдовать съ пѣвицей, также только-что возвратившейся изъ Милана; она мнѣ сообщила тѣ же свѣдѣнiя, которыя я получилъ отъ молодыхъ артистовъ въ Одессѣ. Обстоятельство это побудило меня заглянуть въ мой дневникъ, который я велъ въ Миланѣ, живя тамъ въ продолженiе девяти лѣтъ. Многое, что совершалось прежде, заслуживаетъ вниманiя.

Мое долговременное пребыванiе въ Италiи объясняется тѣмъ, что въ эпоху семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ я былъ женатъ на пѣвицѣ, воспитанницѣ одной изъ русскихъ консерваторiй. Я не буду говорить о достоинствахъ моей бывшей супруги, потому что меня могутъ заподозрить въ пристрастiи; скажу лишь одно, что моя жена, бывшая консерваторка, обладала большимъ голосомъ драматическаго сопрано, отличалась своей красивой внѣшностью и, по мнѣнiю всѣхъ компетентныхъ людей, вела прекрасно сцену. Несмотря на всѣ эти достоинства, она въ продолженiе своего девятилѣтняго пребыванiя въ Италiи не могла сдѣлать серьезной театральной карьеры. И если бросить безпристрастный взглядъ на весь этотъ долгiй перiодъ, то неизбѣжно надо прiйти къ убѣжденiю, что всѣ молодые артисты, также какъ и моя жена, были жертвами са-

мой вопіющей эксплоатаціи группы, распоряжающейся театральнымъ дѣломъ въ Италіи.

Я не буду говорить о томъ, что я только-что слышалъ отъ пріѣзжихъ изъ Италіи молодыхъ артистовъ, но сообщу лишь факты, совершавшіеся на моихъ собственныхъ глазахъ. Само собою, конечно, я не стану утруждать читателей разсказомъ мелочныхъ происшествій, которыхъ въ Италіи въ мое пребываніе было великое множество, но то, что извѣстно всему образованному міру, повторяю, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, извѣстный артистъ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ П. заплатилъ за свой ангажементъ въ Миланскомъ театрѣ 2.500 франковъ, въ театрѣ Порта-Дженова, въ то же время пѣвица Р., купила себѣ дебютъ въ театрѣ Фениче-ди-Венеція за нѣсколько тысячъ франковъ; эта сдѣлка нашей молодой артистки была для нея очень удачна. Въ Венеціи ее услыхалъ бывшій въ то время директоромъ Парижской большой оперы Делянзье. Р. ему понравилась, и онъ ангажировалъ ее въ парижскую оперу. Затѣмъ подобныхъ сдѣлокъ былъ цѣлый рядъ, но далеко не всѣ онѣ были удачны; одна петербургская аристократка, очень красивая собой, съ маленькимъ, но чрезвычайно симпатичнымъ голосомъ, которымъ она очаровала Петербургскій большой свѣтъ, пріѣхала въ Миланъ и купила себѣ дебютъ въ театрѣ Дальвермэ за три тысячи франковъ, въ оперѣ „Фаустъ“, въ роли Маргариты, при чемъ наша элегантная соотечественница позаботилась о своемъ сценическомъ успѣхѣ: она наняла двѣсти человѣкъ клакеровъ, заплатила каждому изъ нихъ по одному франку, дала по полъ-литра вина и по сигарѣ; клакеры поддерживали дебютантку.

Разсаженные по всѣмъ угламъ театра, они въ продолженіе всѣхъ трехъ актовъ оперы очень усердно хлопали Маргаритѣ; но по прошествіи трехъ актовъ, находя, что успѣхъ дебютантки достаточно упроченъ, ушли изъ театра; въ четвертомъ актѣ дебютантка осталась въ распоряженіи публики, и тутъ-то произошло ея несчастье. Въ аріи, безусловно требующей силы голоса, Маргариту почти не было слышно. Итальянская публика ничего подобнаго не прощаетъ: послышалось шиканье, а въ пятомъ актѣ, въ тюрьмѣ, это шиканье превратилось уже въ свистки. Такимъ образомъ три тысячи франковъ и деньги, потраченныя на наемъ клакеровъ, пропали даромъ; тѣмъ не менѣе, несмотря на неудачный дебютъ нашей соотечественицы, явились нѣсколько агентовъ съ предложеніемъ купить за двѣ тысячи франковъ дебютъ въ Тріескомъ театрѣ, но неудачный дебютъ въ театрѣ Дальвермэ охладилъ артистическій пылъ

нашей соотечественницы, и она уѣхала въ Петербургъ ни съ чѣмъ.

До какихъ колоссальныхъ размѣровъ иногда доходила алчность „*народа-художника*", трудно себѣ представить. Такъ, напримѣръ, въ карнавальный сезонъ тысяча восемьсотъ семьдесятъ девятаго года одинъ американецъ-теноръ заплатилъ антрепренеру за свой дебютъ въ театрѣ Фениче-ди-Венеція 50.000 франковъ и, какъ я слышалъ, дебютъ американца не привелъ его ни къ какому благопріятному результату; щедрый янки ретировался восвояси ни съ чѣмъ.

Вообще жадность къ наживѣ у итальянскихъ антрепренеровъ и агентовъ шла крещендо. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ плата артистамъ за ангажементы убавлялась съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе; наконецъ, дѣло дошло уже до того, что импрессаріо не довольствовались даровымъ трудомъ артистовъ, а требовали еще плату за ихъ дебюты.

Передъ главнымъ сезономъ, именно карнавальнымъ, импрессаріо обыкновенно пріѣзжали въ Миланъ для найма труппы артистовъ.

Какъ только прибывшій импрессаріо выходитъ изъ вагона, къ нему тотчасъ же подходитъ агентъ.

— „Вы, кажется, пріѣхали формировать труппу артистовъ?"— спрашиваетъ агентъ.—„Да", отвѣчаетъ импрессаріо: „я бы хотѣлъ ангажировать примадонну сопрано".—„А сколько вы желаете ей заплатить?"—спрашиваетъ агентъ.—„Тысячи полторы франковъ я, пожалуй, былъ бы готовъ дать, если пѣвица окажется годной".— „Зачѣмъ вамъ платить такъ дорого, говоритъ агентъ, я могу вамъ рекомендовать прекрасную пѣвицу за тысячу франковъ". Импрессаріо, разумѣется, соглашается на это предложеніе, но едва импрессаріо сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ къ нему подбѣгаетъ другой агентъ съ предложеніемъ ангажировать пѣвицу сопрано за пятьсотъ франковъ.

По мѣрѣ того, какъ импрессаріо подвигается впередъ, къ нему безпрестанно подходятъ театральные агенты съ самыми выгодными предложеніями и, наконецъ, когда импрессаріо доходитъ до галлереи Виктора Эммануила, агенты уже предлагаютъ ему взять пѣвицу, которая ему заплатитъ за свой ангажементъ. Въ такомъ родѣ совершаются сдѣлки ежегодно, и въ настоящее время, какъ передаютъ пріѣхавшіе изъ Италіи артисты, другихъ ангажементовъ не бываетъ. Артисту, чтобы пѣть въ итальянскомъ театрѣ, непремѣнно нужно заплатить извѣстную сумму денегъ за свой ангажементъ.

Въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ девятомъ году во Флоренціи произошелъ курьезъ, крайне заинтересовавшій всѣ газеты и публику:

одинъ нашъ соотечественникъ, нѣкто Т., котораго увѣрили, что у него міровой талантъ, необыкновенный голосъ, что ему, Т., достаточно только показаться въ Италіи, чтобы получить ангажементъ въ любой театръ въ Европѣ или въ Америкѣ,—пріѣхалъ во Флоренцію и послѣ долговременнаго скитанія по театральнымъ агентствамъ, наконецъ, кончилъ тѣмъ, что долженъ былъ купить себѣ дебютъ въ театрѣ Николини, за пять тысячъ франковъ, въ оперѣ „Травіатта" въ роли Жермона. Этотъ дебютъ долго будетъ памятенъ по своему курьезу, даже итальянцамъ. Когда настало время артистамъ приготовляться къ спектаклю, всѣ участвующіе разошлись по своимъ уборнымъ. Двое художниковъ-любителей предложили Т. свои услуги загриммировать его, на что Т., конечно, согласился.

Любезные художники позаботились посадить его не передъ зеркаломъ. Т. на это согласился, и художники принялись за дѣло въ двѣ кисти. Лишь только гриммъ былъ оконченъ, какъ въ уборную вбѣжалъ режиссеръ и объявилъ, что спектакль уже начался и что Т. сейчасъ надо выходить.—„Все ли у меня въ порядкѣ?"—спросилъ, подымаясь со стула, Т. и даже не полюбопытствовалъ взглянуть въ зеркало.

„Да, да, все хорошо", въ одинъ голосъ воскликнули оба художника: „выходите скорѣе, уже былъ второй звонокъ". Т., взявъ подъ мышку беретъ, бросился за кулисы; вскорѣ данъ былъ третій звонокъ, и занавѣсъ поднялся.

Въ театрѣ было много публики, всѣ поинтересовались послушать иностраннаго дебютанта. Но когда Жермонъ показался на сценѣ, вся публика, будто одинъ человѣкъ, разразилась неудержимымъ хохотомъ: въ ложахъ и партерѣ царилъ всеобщій смѣхъ, дирижеръ оркестра бросилъ палочку и громко хохоталъ, всѣ музыканты также, примадонна Донадіо упала головой на руки и истерично смѣялась. Весь этотъ содомъ произошелъ вотъ отчего: услужливые художники нарисовали на лбу и обѣихъ щекахъ Т. огромныхъ пѣтуховъ, что при маленькой шарообразной фигурѣ Т. было въ высшей степени забавно.

О продолженіи спектакля не могло быть и рѣчи. Т., недоумѣвая, почему публика дѣлаетъ ему такую оригинальную встрѣчу, наконецъ, рѣшилъ удалиться со сцены, но тутъ произошло неожиданное обстоятельство, окончившееся уже громкимъ скандаломъ. Художники, нарисовавшіе пѣтуховъ на лицѣ Т., вѣроятно, предвидѣли, что онъ бросится обратно за кулисы и придерживали наружную дверь комнаты, сдѣланной изъ полотна. При всѣхъ своихъ стараніяхъ, Т. никакъ не могъ отворить дверь.

Хохотъ и свистки, раздававшіеся позади злосчастнаго дебютанта, приводили его въ полное отчаяніе и придали ему особенную энергію. Видя, что дверь нельзя отворить, Т., выпятивъ впередъ руки, пробилъ въ полотнѣ отверстіе и кинулся въ него. Къ несчастью для дебютанта, дыра въ полотнѣ была имъ пробита черезъ-чуръ высоко и онъ, кинувшись въ дыру, упалъ позади пробитой дыры, а ноги остались торчащими снаружи. Тщетно Т. болталъ ногами и карабкался за полотно, онъ увязъ въ дырѣ и нѣсколько минутъ не могъ освободить ногъ. Что тутъ произошло, не поддается описанію: весь театръ буквально ревѣлъ отъ хохота. Спектакль, конечно, не могъ продолжаться.

На другой день Т. подалъ въ судъ жалобу, прося взыскать съ импрессаріо 5.000 франковъ. Вся правда была на сторонѣ Т., тѣмъ не менѣе судъ Т. отказалъ, и истраченныя имъ деньги пропали.

Подобныхъ исторій въ Италіи совершалось и совершается великое множество, и всѣ онѣ остаются безнаказанными. Иногда ловкіе театральные агенты опутываютъ какую-нибудь богатенькую русскую пѣвицу, и она мало того, что заплатитъ за свой ангажементъ, еще и даетъ деньги на наемъ вольнаго театра, а ловкіе интриганы не только не способствуютъ успѣху пѣвицы, но даже сажаютъ въ театрѣ публику, которая освистываетъ дебютантку. Продѣлавъ такой маневръ, у импрессаріо уже готова новая труппа артистовъ. Такимъ образомъ ловкіе мошенники остаются въ хорошемъ барышѣ: импрессаріо получаетъ отъ примадонны деньги за ея дебютъ; она же нанимаетъ на свой счетъ театръ и дѣлаетъ всю обстановку, а театральные агенты, способствовавшіе всей этой грязной интригѣ, получаютъ хорошую плату. Нельзя умолчать и о монопольной роли Рекорди. Этотъ господинъ до сихъ поръ былъ полнымъ безконтрольнымъ распорядителемъ театральнаго дѣла въ Италіи. Рекорди купилъ у покойнаго композитора Верди всѣ оперы его сочиненія и за каждую партитуру бралъ съ антрепренеровъ плату по своему желанію. Надо знать, что въ Италіи публика чрезвычайно капризна. Такъ напримѣръ въ какомъ-нибудь коммунальномъ театрѣ дирекція по желанію публики рѣшаетъ на карнавальный сезонъ дать четыре оперы, положимъ „Аиду", „Сонамбулу", „Риголетто" и „Трубадура". За каждую партитуру этихъ оперъ Юлій Рекорди беретъ особую плату, при чемъ онъ иногда ставитъ антрепренерамъ очень стѣснительныя условія, напр. взять артистовъ, не тѣхъ, которые приглашены антрепренеромъ, а по назначенію Юлія Рекорди. Антрепренеры, разумѣется, принимаютъ и эти условія, такъ какъ дирекція коммунальнаго театра не соглашается иначе платить импрессаріо субси-

дію. И вотъ туть-то случаются самые прискорбные инциденты. Публика не одобряетъ представленныхъ артистовъ, освистываетъ ихъ, является необходимость тотчасъ же замѣнить ихъ другими, чего импрессаріо безъ разрѣшенія Юлія Рекорди сдѣлать не можетъ. Телеграмма летитъ къ Рекорди въ Миланъ; пока новые артисты явятся, идетъ время, а публика не ждетъ и непремѣнно требуетъ, чтобы первая опера шла „Аида". Пока идутъ эти переговоры съ Рекорди, импрессаріо не получаетъ четвертой части субсидіи. Находясь въ такомъ критическомъ положеніи, импрессаріо часто бросаетъ все и убѣгаетъ. Несмотря на всѣ эти чудовищныя продѣлки театральныхъ агентовъ и импрессаріо съ молодыми артистами, а также и эксплоатацію знаменитыхъ итальянскихъ маэстро, всѣ начинающіе артисты стремятся въ Италію. Какая тому причина? Понять эту причину совсѣмъ не трудно. Въ Италіи публика дѣйствительно художественно развита;—она-то и воспитываетъ молодыхъ артистовъ. Иногда какой-нибудь знаменитый маэстро, въ родѣ недавно умершаго Буцы, увѣряетъ молодого артиста, что у него, напримѣръ, теноръ, а публика находитъ, что у дебютанта баритонъ и, вопреки увѣренію маэстро, освистываетъ его. Въ восьмидесятомъ году въ Миланѣ былъ такой случай. Одна петербургская артистка, пѣвшая въ императорскомъ театрѣ съ большимъ успѣхомъ, пріѣхала въ Миланъ къ Буцы, и онъ увѣрилъ артистку, что у нея драматическій сопрано, а не колоратурный. Артистка стала брать уроки пѣнія у Буцы; знаменитый маэстро конечно ломалъ голосъ пѣвицы, и когда артистка дебютировала въ оперѣ „Трубадуръ" въ театрѣ Дальвермэ, то была тамъ нещадно освистана. Между тѣмъ эта же артистка очень нравилась въ Петербургѣ и въ Америкѣ. Съ какой же цѣлью все это продѣлывалъ знаменитый маэстро Буцы? Неужели по невѣжеству? въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Буцы отлично зналъ, что онъ шарлатанитъ, но дѣлалъ это единственно ради наживы. Подобныхъ примѣровъ въ Италіи было множество. Въ 1880 году въ Неаполитанскомъ театрѣ Санъ-Карло освистали даже знаменитую Патти, когда она ѣхала въ Америку. Надо знать, что театръ Санъ-Карло въ продолженіе цѣлаго года закрытъ, и представленія тамъ бываютъ только въ карнавальный сезонъ. Аделина Патти, проѣзжая черезъ Неаполь, сняла театръ Санъ-Карло на двѣнадцать представленій и выступила въ оперѣ „Риголетто", въ роли Джильды. Первый актъ прошелъ благополучно, но когда Патти запѣла арію „caro nome", въ партерѣ стали шикать и раздались крики: „Э, чортъ возьми, понижено!" И дѣйствительно, знаменитая дива транспонировала арію полутономъ ниже; не обращая вниманія на шиканіе, Патти продолжала пѣть, но шиканіе многочисленной

публики увеличивалось все больше и больше, и наконецъ раздались свистки и крики: баста! баста! Съ Итальянской публикой въ такихъ случаяхъ шутки плохи.

Если артистъ послѣ криковъ: баста! баста! не уйдетъ со сцены, въ него могутъ полетѣть ручки отъ креселъ.

Патти блеснула своими чудными глазами и ушла за кулисы; а вскорѣ появился импрессаріо Боноли и объявилъ публикѣ, что „синьора Патти по нездоровью пѣть не можетъ, а потому публика приглашается въ кассу получить свои деньги обратно“. При этой катастрофѣ мнѣ случилось присутствовать, и я, выходя изъ театра, обратился къ нѣкоторымъ синьорамъ съ упрекомъ, какъ можно было поступить такъ жестоко съ такой знаменитой артисткой, какъ Аделина Патти? на это итальянскіе синьоры мнѣ отвѣтили слѣдующее: „а умѣла госпожа Патти назначить тройныя цѣны за мѣста, почему бы ей кстати не объявить въ афишѣ, что она арію „caro nome“ пропоетъ тономъ ниже“. Признаюсь, я не нашелъ что на это отвѣтить. Главное преимущество Италіи по отношенію къ Европѣ это обиліе театровъ (въ Италіи ихъ 1.274) и короткость сезоновъ. Самый длинный сезонъ—это карнавальный, пять недѣль съ нѣсколькими днями, потомъ идетъ Куарезимо, постъ, весенній сезонъ, прима вэра, четыре недѣли лѣтней фьера, и осенней, аутуно, также около пяти недѣль. Сначала, конечно, надо говорить о первоклассныхъ театрахъ; они суть слѣдующіе: Скаля въ Миланѣ, Реджіо въ Туринѣ, Авалерати въ Ливорно, Перголо во Флоренціи, Фениче - ди - Венеція въ Венеціи, Аполло въ Римѣ, Аржентино тамъ же, Санъ-Карло въ Неаполѣ. Кромѣ этихъ первоклассныхъ театровъ есть множество театровъ коммунальныхъ и частныхъ, въ которыхъ идутъ представленія въ продолженіе цѣлаго года. Это обстоятельство чрезвычайно благотворно дѣйствуетъ на развитіе таланта молодого артиста; прежде всего онъ не почіетъ на лаврахъ въ продолженіе десятковъ лѣтъ, распѣвая передъ одной и той же публикой; артистъ примѣняется ко вкусамъ публики каждаго театра. Такъ, напримѣръ, то, что нравилось въ Миланѣ, то уже не нравится въ Римѣ, Неаполѣ и т. д. Затѣмъ итальянская публика строго слѣдитъ за пѣніемъ и игрой артиста.

Такихъ безобразій, какія случаются на нашихъ сценахъ первоклассныхъ театровъ, тамъ не бываетъ. Разъ я помню на сценѣ Скаля въ Миланѣ, *„божественный“* Мазини во время пѣнія Зембрихъ ея урока въ операѣ „Севильскій Цирюльникъ“ сталъ шумно передвигать кресла. Публика тотчасъ же крикнула ему: „Эй, теноръ, не возись!“, и *„божественный“* долженъ былъ покориться.

Иногда примадонна, желая блеснуть силой своего голоса, черезчуръ громко поетъ. Публика кричитъ ей: „зачѣмъ надсажаешься? пой своимъ натуральнымъ голосомъ!“ Существуетъ мнѣніе, что Италія есть страна клакеровъ. Это справедливо только отчасти; но безпристрастное наблюденіе въ продолженіе ряда лѣтъ показало, что помощь клакеровъ никогда не способствовала въ театральной карьерѣ. Если артистъ или артистка, не обладая достаточнымъ количествомъ таланта, пользуется помощью клакеровъ, то въ такихъ случаяхъ публика угрюмо молчитъ, не входитъ въ состязаніе съ клакерами, но въ концѣ концовъ публика даетъ настоящую оцѣнку способностямъ артиста. Въ 1879 году въ театрѣ Аволярате былъ такой случай. Импрессаріо, взявъ съ одной артистки за ангажементъ крупную сумму денегъ, представилъ ее публикѣ на первомъ представленіи оперы „Трубадуръ“, въ роли Леоноры. Англичанка-примадонна была чрезвычайно богата, молода и красива; голосокъ у нея былъ маленькій, далеко не достаточный для драматическаго сопрано, но, какъ я уже замѣтилъ выше, она была очень богата и красива, отсюда не трудно понять, что молодая дебютантка завладѣла сердцами всей молодежи и клакеровъ. Но вышло такъ, какъ не ожидала англичанка: всѣ ея поклонники перешли на сторону вновь прибывшей примадонны, оказавшейся дѣйствительно очень талантливой; художественное чувство итальянцевъ превзошло, и свистки, раздавшіеся въ началѣ перешли въ аплодисменты и громкіе крики „браво“. Когда новая примадонна въ слѣдующемъ спектаклѣ выступила въ роли Леоноры въ оперѣ „Трубадуръ“ и показалась во второмъ актѣ, публика ее встрѣтила свистками и шиканьемъ. Здѣсь поклонники красавицы англичанки и клакеры нѣсколько увлеклись. Лишь только Леонора показалась въ началѣ сцены подъ руку съ Инесъ, и еще не разинула рта, какъ уже послышались оглушительные свистки и шиканье, такъ что оркестръ долженъ былъ замолчать. Между тѣмъ новая дебютантка нимало не сконфузясь подошла къ рампѣ и холодно окинула глазами весь партеръ, иронически улыбаясь. Это послѣднее обстоятельство озадачило публику, которая ожидала, что дебютантка отъ такого сдѣланнаго ей пріема сконфузится и даже упадетъ въ обморокъ. На мгновеніе свистки замолкли, и въ театрѣ настала тишина. Тогда примадонна совершенно хладнокровно обратилась съ вопросомъ къ дирижеру: „можно ли продолжать?“ Дирижеръ махнулъ палочкой, и оркестръ снова заигралъ. Анданте дебютантка спѣла весьма недурно, тѣмъ не менѣе не раздалось ни одного хлопка, но и не было шиканья. Публика угрюмо молчала, но когда же Леонора проговорила извѣстную фразу „oublіar“... (забыть его) и на *ou* поставила фермато, публика не выдержала: художественный

инстинктъ взялъ свое, были забыты всѣ разсчеты, и свистки поклонниковъ англичанки смѣнились аплодисментами и криками: „браво!“ Вообще новая примадонна имѣла замѣчательный успѣхъ; вся опера прошла прекрасно. Въ томъ же году въ театрѣ Скаля давали какую-то новую оперу Массене, названіе ея я позабылъ, но сцену, которая врѣзалась мнѣ въ память, я живо помню. Композиторъ въ одномъ дѣйствіи вывелъ на сцену семьдесять пять хористовъ съ наковальнями и молоточками въ рукахъ.

Подъ аккомпаниментъ оркестра хористы должны были ударять въ тонъ молоточками по наковальнямъ. Здѣсь вся задача заключается въ правильномъ веденіи счета, малѣйшая небрежность путаетъ все. Когда номеръ былъ конченъ, въ партерѣ и въ ложахъ послышалось самое внушительное шиканье. Хористы, разумѣется, поспѣшили уйти, но лишь только опустѣла сцена, какъ вся публика, будто одинъ человѣкъ, стала кричать: бисъ! Всѣ недоумѣвали, а крики все болѣе и болѣе усиливались.

Дѣлать было нечего: освистанные хористы съ ихъ наковальнями и молоточками снова появились на сценѣ. Номеръ былъ повторенъ, и надо сказать, исполненіе было самое искусное. Лишь только замеръ послѣдній звукъ, послышались всеобщіе аплодисменты и крики: браво! Публика точно хотѣла сказать артистамъ: когда вы дурно исполняли, я вамъ шикала, когда же вы исполнили номеръ хорошо— я вамъ аплодирую. Мнѣ въ особенности нравится одна черта характера итальянцевъ: они съ какой-то любовью смотрятъ на артиста. Еще въ семидесятыхъ годахъ въ Италіи существовалъ чрезвычайно патріархальный обычай. Въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ были коммунальные театры, граждане посылали примадоннамъ всѣ жизненные припасы, какъ-то: мясо, зелень, вино, фрукты, кофе и т. д. Она, говорили граждане о примадоннѣ, доставляетъ намъ эстетическое наслажденіе, зачѣмъ же ей тратиться на содержаніе. Несмотря на весьма многіе недостатки итальянцевъ, въ особенности управляющихъ театральнымъ дѣломъ, нельзя не сказать, что этотъ народъ дѣйствительно художникъ.

Я не могу удержаться, чтобы не отмѣтить историческаго факта, вполнѣ подтверждающаго эти мои слова. Въ прошедшемъ столѣтіи подъ Палермо бандитами былъ остановленъ дилижансъ, въ которомъ ѣхала знаменитая въ ту эпоху балерина Тальони; всѣхъ пассажировъ бандиты пригласили выйти изъ экипажа; въ числѣ пасажировъ была и Тальони. У путешественниковъ, конечно, отобрали всѣ ихъ кошельки и драгоцѣнности; дошла очередь до Тальони.

— „Ну, синьора“—обратился къ ней одинъ изъ бандитовъ: „отдавай свои деньги и драгоцѣнности“.

— „А вы знаете, кто я?“— спросила Тальони.

— „А кто бы ты ни была, хотя бы царской крови, вскричали бандиты: отдавай свои деньги“!

— „Покоряюсь силѣ“—сказала артистка,—„вотъ вамъ мои деньги и драгоцѣнности, но знайте, что вы ограбили Тальони“.—„Какъ, Тальони, эту знаменитую артистку?“ недоумѣвали бандиты. „Да, я Тальони“, отвѣчала знаменитая балерина. Въ одно мгновеніе всѣ бандиты обнажили свои головы и вскричали: нѣтъ, намъ не надо твоихъ денегъ, но ты должна протанцовать передъ нами качучу. Говоря это, бандиты сняли съ себя плащи, разостлали ихъ около дилижанса, и Тальони должна была протанцовать передъ ними качучу. „Спасибо, вскричали, аплодируя, бандиты, теперь можешь ѣхать дальше, тебя уже никто не тронетъ. А вы, синьоры, можете получить обратно свои деньги; благодарите небо, что вы удостоились ѣхать вмѣстѣ съ знаменитой Тальони“.

Другой случай, переданный мнѣ самимъ покойнымъ Гарибальди, не менѣе характеренъ. Однажды, во время шестидесятыхъ годовъ, Гарибальди съ историкомъ Гельвеціо, проѣзжая черезъ горы, былъ остановленъ бандитами, но когда они узнали знаменитаго итальянскаго патріота, то они его и Гельвеціо не только не ограбили, но сдѣлали имъ овацію и проводили до границы. Въ одномъ случаѣ Италія не двигается впередъ: до сихъ поръ она глуха къ пропагандѣ новаторовъ, которые убѣждаютъ итальянцевъ перемѣнить мелодичную оперу на музыкальную драму; итальянская публика, по крайней мѣрѣ большинство ея, до сихъ поръ не можетъ понять прелести крикливыхъ речитативовъ и всецѣло тяготѣетъ къ мелодіи. Въ 1880 году въ карнавальный сезонъ въ Миланскомъ театрѣ Ласкаля давали какую-то новую оперу композитора Массене. Вся опера заключалась въ трескѣ и шумѣ и самыхъ неистовыхъ крикахъ артистовъ. По окончаніи оперы одинъ изъ музыкальныхъ рецензентовъ обратился къ маэстро Буцы съ вопросомъ, нравится ли ему новая опера? Извѣстный преподаватель пѣнія на это отвѣтилъ: „Очень нравится, контрапунктисты въ восторгъ придутъ, а публика убѣжитъ вонъ изъ театра“. Предсказаніе Буцы сбылось: публика дѣйствительно убѣжала изъ театра; несмотря на самые восторженные отзывы о достоинствахъ новой оперы Массене, ее пришлось снять съ репертуара. Пропаганда новаторовъ, ихъ походъ противъ мелодіи идетъ давно, но до сихъ поръ безъ всякаго результата. Слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда еще не была проведена желѣзная дорога отъ Москвы до Петербурга, извѣстному тенору Бандышеву пришлось ѣхать съ вольнымъ ямщикомъ отъ Москвы до Черной Грязи. Стояла ранняя весна, березки уже одѣлись дѣвствен

ными листочками, запѣлъ и жаворонокъ въ поднебесьѣ. Бандышевъ, облокотясь на кузовъ тарантаса, запѣлъ своимъ чуднымъ голосомъ старинную русскую пѣсню „Травушка“, полную мелодіи. Когда артистъ кончилъ, ямщикъ обратился къ нему съ такой рѣчью: Баринъ, спой еще такъ-то. Я тебя станцію даромъ провезу.

Въ наше время на каждомъ шагу доказывается, какъ сильно дѣйствуетъ мелодичное пѣніе даже на самыхъ простыхъ, неразвитыхъ людей. Вотъ почему всѣ молодые артисты стремятся въ Италію, несмотря на то, что Италія иногда не особенно благопріятно способствуетъ ихъ театральной карьерѣ. Тамъ русскіе артисты выучиваются „bel canto“ и въ продолженіе двадцати лѣтъ услаждаютъ слухъ русской публики.

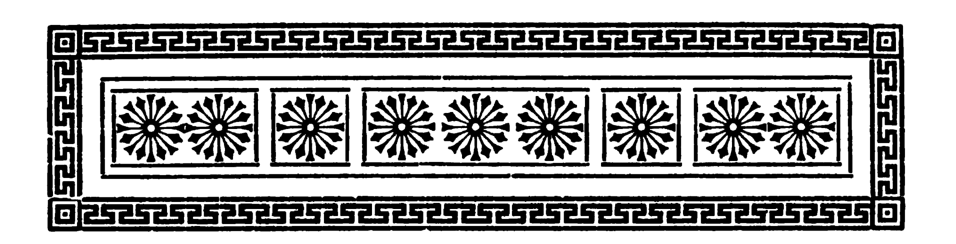
Говорятъ, что въ Италіи падаетъ искусство; отчасти это и правда, но необходимо принять въ соображеніе, что въ Италіи и теперь природа та же, какой она была и прежде. То же голубое небо, бальзамическій воздухъ, морская волна продолжаетъ играть съ береговыми раковинками.

„На темномъ синемъ небѣ, какъ лампады,
Горятъ надъ спящею землей
Свѣтилъ небесныхъ миріады
И всходитъ мѣсяцъ за горой“.

Все это вдохновляетъ молодого артиста и развиваетъ въ немъ художественное чувство.

Н. П.

По Россіи и Польшѣ въ исходѣ XVIII-го вѣка.

Путевыя впечатлѣнія англичанина.

1779—1785 г.г. [1]).

VI.

Москва; первыя впечатлѣнія.—Общій видъ города.—Подраздѣленіе города.—Экипажи.—Дворцовый садъ.—Гостепріимство русскихъ дворянъ.—Знакомство съ историкомъ Миллеромъ.—День Александра Невскаго.

30 августа. Подъѣзжая къ Москвѣ, мы уже за шесть миль увидѣли верхушки колоколенъ, выступавшія изъ-за холма, въ который упиралась широкая лѣсная просѣка, по которой мы ѣхали; проѣхавъ еще двѣ-три мили, мы поднялись на пригорокъ, откуда открылся предъ нами великолѣпный видъ на обширный городъ, раскинувшійся полукругомъ на огромномъ пространствѣ. Великолѣпна была картина безчисленныхъ церквей, башенъ, позолоченныхъ колоколенъ и куполовъ, бѣлыхъ, красныхъ и зеленыхъ крышъ; все это сверкало и горѣло въ лучахъ солнца, предоставляя изумительный контрастъ съ деревянными лачугами, которыя виднѣлись между зданіями города. Мѣстность была холмистая, лѣсъ кончался за милю отъ города, смѣняясь лугами. Мы переправились черезъ Москву-рѣку по длинному плавучему мосту или парому, который былъ привязанъ къ одному и другому берегу; русскіе называли его живымъ мостомъ, потому что онъ подгибался подъ тяжестью экипажа. Послѣ того, какъ тщательно были осмотрѣны наши паспорта, мы въѣхали въ предмѣстье и направились въ ту часть города, которая называется Бѣлгородомъ, гдѣ мы остановились въ гостиницѣ, содержимой однимъ французомъ. Въ этомъ домѣ бываютъ собранія дворянства. Намъ отвели хорошія простор-

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. сентябрь.

ныя комнаты, со всѣми необходимыми удобствами, за исключеніемъ кроватей и постельнаго бѣлья. Такъ какъ всѣ, знакомые съ обычаями этой страны, возятъ эти предметы съ собою, то ихъ рѣдко можно достать въ гостиницахъ. Намъ удалось, однако, выпросить у хозяина двѣ кровати съ постельнымъ бѣльемъ и одинъ матрасъ, на которомъ одному изъ насъ пришлось лечь на полу; хозяинъ могъ дать всего три простыни, изъ коихъ одна досталась на мою долю; намъ такъ давно приходилось спать на соломѣ, что все это показалось намъ необычайной роскошью, и мы благословляли свою судьбу [1]).

Первый изъ иностранцевъ, описавшій Москву, былъ баронъ Герберштейнъ, посланникъ императора Максимиліана, при дворѣ великаго князя Василія III, въ началѣ 16 вѣка; къ этому описанію приложена довольно грубая гравюра на деревѣ. На этой любопытной, хотя плохо выполненной гравюрѣ, изображающей планъ города, видны Кремлевскія стѣны и нѣсколько домовъ, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ до сихъ поръ.

Москва была единственной столицей имперіи до начала текущаго столѣтія, когда, къ великому неудовольствію бояръ и къ великой пользѣ государства, столица была перенесена въ Петербургъ.

Несмотря на предпочтеніе, оказанное Петромъ I Петербургу, въ которомъ жили всѣ его преемники, за исключеніемъ Петра II, Москва остается до сихъ поръ самымъ многолюднымъ городомъ имперіи.

Здѣсь живутъ дворяне, не состоящіе при дворѣ императрицы; въ Москвѣ, гдѣ ихъ не затмеваетъ роскошь императорскаго двора, они удовлетворяютъ своей любви къ довольно грубой и дорого стоющей роскоши, въ старинномъ духѣ помѣстнаго дворянства и окружаютъ себя многочисленной челядью.

Москва самый обширный городъ въ Европѣ; она раскинулась вмѣстѣ съ предмѣстьями на 39 верстъ въ окружности, но дома въ ней очень разбросаны, поэтому количество населенія не соотвѣтствуетъ ея величинѣ. Нѣкоторые русскіе авторы опредѣляютъ число жителей въ 500.000; но это число, очевидно, преувеличено [2]). Согласно Бюшингу, который былъ въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1770 г., въ этомъ городѣ было 708 каменныхъ и 11.840 деревянныхъ домовъ [3]); и 151.790 жителей, изъ нихъ 85.731 мужскаго

---

[1]) Опускаемъ здѣсь краткое и общеизвѣстное описаніе исторіи основанія Москвы.

[2]) Она занимаетъ почти такое же пространство, какъ Пекинъ, который вмѣстѣ съ предмѣстьями занимаетъ 40 в. въ окружности.

[3]) Неум говоритъ, что въ 1793 г. въ Москвѣ было всего 8.439 домовъ, изъ коихъ 1.382 каменныхъ.

пола и 67.059 женщинъ,—цифра, очевидно, преувеличенная. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ Петербургской газетѣ за 1781 г., въ московскомъ уѣздѣ, въ началѣ 1780 г. было 2.178 дворовъ и число жителей равнялось 272.616 душъ, изъ коихъ 137.698 мужскаго пола и 134.918 женскаго пола. Въ томъ же году число смертныхъ случаевъ было 8.701, число рожденій 8.621; къ концу года населеніе уѣзда равнялось 277.535 душамъ (140.143 муж. и 137.392 жен.). Эти цифры болѣе точныя, нежели сообщаемыя другими авторами. Это подтверждено мнѣ однимъ англичаниномъ, недавно пріѣхавшимъ изъ Москвы, который провѣрилъ эти данныя, согласно свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ отъ московскаго оберъ-полицеймейстера; въ чертѣ города проживаетъ 250.000 чел., а въ сосѣднихъ деревняхъ 50.000 [1]).

Я былъ пораженъ оригинальнымъ видомъ Смоленска, но обширность и своеобразный видъ Москвы повергли меня въ величайшее изумленіе; мнѣ никогда не приходилось видѣть города, построеннаго такъ неправильно, такъ своеобразно и представляющаго такіе удивительные контрасты. Улицы по большей части чрезвычайно длинныя и широкія; однѣ изъ нихъ вымощены камнемъ, въ другихъ, въ особенности въ предмѣстьяхъ, мостовая бревенчатая или выстлана досками, на подобіе пола; жалкіе домишки стоятъ рядомъ съ огромными дворцами; подлѣ самыхъ красивыхъ домовъ вы видите одноэтажныя лачуги. У многихъ каменныхъ домовъ деревянныя крыши; нѣкоторые деревянные дома выкрашены, у нѣкоторыхъ ворота и крыши желѣзныя. Во всѣхъ кварталахъ множество церквей, построенныхъ въ восточномъ стилѣ; купола покрыты мѣдью, оловомъ, вызолочены или выкрашены зеленой краской, крыши у многихъ церквей деревянныя. Нѣкоторыя части этого обширнаго города походятъ на безлюдную пустыню, другіе кварталы напоминаютъ густо населенный городъ; одни походятъ на жалкую деревушку, другіе на большую столицу.

Москва—чисто азіатскій городъ, перестроивающійся мало по малу на европейскій ладъ; поэтому ея дома представляютъ смѣсь самыхъ разнообразныхъ архитектурныхъ стилей. Она раздѣляется на

---

[1]) Эти цифры можно считать достовѣрными, такъ какъ по случаю устройства новаго водопровода, сооруженіе котораго только-что окончено, полиціи было необходимо опредѣлить возможно точно число жителей, чтобы знать, сколько воды потребляется каждымъ семействомъ. Рихтеръ (Richter, Skizze von Moskau) замѣчаетъ, что «населеніе Москвы колеблется, смотря по времени года. Зимою, когда съѣзжаются дворяне и помѣщики, число жителей превышаетъ 300.000; лѣтомъ же, когда они разъѣзжаются по деревнямъ, это число падаетъ до 200.000.

пять частей: 1. Кремль, 2. Китай-городъ, 3. Бѣлгородъ, 4. Земляной городъ, 5. Слобода или предмѣстье.

1. Кремль названъ такъ вѣроятно татарами, во время ихъ владычества надъ Москвою; отъ слова Кремъ или Кримъ, что̀ означаетъ крѣпость. Эта средняя, самая высокая часть города, имѣетъ видъ треугольника и занимаетъ пространство около двухъ миль въ окружности. Она обнесена высокою стѣною, построенной изъ камня и кирпича; стѣна эта была возведена извѣстнымъ Миланскимъ архитекторомъ Соларіо, въ 1491 г., какъ свидѣтельствуетъ о томъ надпись надъ одними изъ ея воротъ:

„Joannes Vasilii Dei Gracia Magnus Dux Volodimeriae Moscoviae Novogardie Tiferiae Plescoviae Veticie Ongarie Permiie Buolgarie et Aliar. Totius Q. Raxíae Dominus Anno Tertio Imperii Sui Has Turres Condere Fet. Statuit Petrus Antonides Solarius Mediolanensis anno Nat. Domini 1491. K. Julii“.

Читатель будетъ вѣроятно удивленъ такъ же точно, какъ и я былъ изумленъ, узнавъ, что цари приглашали иноземныхъ архитекторовъ въ то время, когда въ остальной Европѣ едва знали о существованіи ихъ страны. Кремль не обезображенъ деревянными домами; въ немъ находятся древніе царскіе терема, нѣсколько церквей, два монастыря, патріаршій домъ, полуразвалившійся арсеналъ, и одинъ частный домъ, принадлежавшій Борису Годунову, до его вступленія на престолъ [1]).

2. Вторая часть города называется Китай-городъ; что, по мнѣнію нѣкоторыхъ этимологовъ, означаетъ Китайскій городъ. Вольтеръ, въ своей исторіи Петра Великаго, также утверждаетъ это, говоря, „La partie appellée la ville Chinoise, où les raretés de la Chine s'étallaient“. Но эта часть города называлась такъ задолго до того, когда начались сношенія Россіи съ Китаемъ; наиболѣе авторитетные писатели полагаютъ, что названіе Катай или Китай дано этой части города татарами, въ то время, когда они властвовали надъ Москвою; (говорятъ, что это названіе происходитъ отъ татарскаго слова и означаетъ Средній городъ, т. е. лежащій между Кремлемъ и Бѣлгородомъ); въ доказательство этого приводятъ, что на Украйнѣ есть городъ, также называемый Китай-городомъ, также точно, какъ и въ Подоліи; однако та и другая мѣстность не были извѣстны китайцамъ, но подверглись нашествію татаръ.

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ зданій будутъ описаны мною далѣе. Со времени моего посѣщенія Москвы, въ ней построено нѣсколько новыхъ домовъ, между прочимъ зданіе сената, прекрасной архитектуры, сооруженное по повелѣнію императрицы (Екатерины II).

Китай-городъ окруженъ, съ одной стороны, Кремлевской стѣною, которая идетъ отъ р. Москвы къ Неглинной, съ другой, менѣе высокой стѣною. Эта часть города гораздо больше Кремля; въ ней находятся—университетъ, типографія и многія другія общественныя зданія и лавки. Большая часть зданій каменныя, выбѣленныя; въ Китай-городѣ находится единственная Московская улица, сплошь застроенная домами.

3. Бѣлгородъ, окружающій обѣ выше названныя части города, названъ такъ, какъ полагаютъ, по бѣлой стѣнѣ, которой онъ былъ прежде обнесенъ и слѣды которой видны до сихъ поръ.

4. Земляной городъ, окружающій остальныя три части, названъ такъ потому, что онъ обнесенъ землянымъ валомъ. Эти двѣ части города представляютъ любопытное собраніе церквей, монастырей, дворцовъ, каменныхъ и деревянныхъ домовъ и жалкихъ лачугъ, ничѣмъ не отличающихся отъ крестьянскихъ избъ.

5. Слобода, или предмѣстье, окружаетъ вышеписанныя части города и обнесена низкой стѣной и рвомъ. Помимо самыхъ разнообразныхъ зданій въ этой слободѣ находятся поля, луга и нѣсколько озерковъ, изъ которыхъ вытекаетъ р. Неглинная.

По городу извивается Москва-рѣка, по которой могутъ плавать только плоты; въ земляномъ городѣ въ нее впадаетъ Яуза, а въ восточной части Кремля—Неглинная; обѣ эти рѣчки лѣтомъ почти совсѣмъ пересыхаютъ.

Утромъ на другой день послѣ нашего пріѣзда, мы приказали слугѣ нанять для насъ карету на все время нашего пребыванія въ Москвѣ; онъ досталъ карету, запряженную шестеркой лошадей разной масти; кучеръ и форейторъ были одѣты какъ простые крестьяне съ высокими цилиндрами на головѣ; длиннобородый кучеръ въ тулупѣ сидѣлъ на козлахъ, а форейтора, въ грубыхъ драгетовыхъ зипунахъ,—сидѣли, по здѣшнему обычаю, верхомъ, на выносныхъ лошадяхъ. Позади кареты былъ привязанъ громаднѣйшій мѣшокъ съ сѣномъ; когда мы выразили по этому поводу свое удивленіе, то намъ сказали, что въ Москвѣ всѣ кареты берутъ съ собой запасъ сѣна, и пока баринъ сидитъ въ гостяхъ или обѣдаетъ, лошадей кормятъ сѣномъ. Безъ этого, повидимому, дѣйствительно нельзя было обойтись, такъ какъ наши лошади были въ упряжи съ утра до поздней ночи и все время стояли на улицѣ. Во время нашего пребыванія въ Москвѣ, намъ случалось, нерѣдко, видѣть, въ обѣденное время, что во дворахъ домовъ, гдѣ мы обѣдали, распряженныя лошади мирно жевали захваченное кучерами сѣно, разбросанное на землѣ; тутъ же, на дворѣ, стояли группами кучера и форейторы и также непритязательно, какъ и ихъ скотина, утоляли

свой голодъ взятой съ собою закуской. Подобныя сцены до того приглядѣлись намъ, что мѣшки съ сѣномъ, которые мы таскали съ собою, перестали, наконецъ, казаться намъ чѣмъ-то необычайнымъ.

Первый нашъ визитъ въ новомъ экипажѣ былъ къ нашему банкиру, который жилъ въ слободѣ, въ разстояніи одной мили отъ нашей гостиницы. Кучеръ погонялъ по городу лошадей во всю прыть, заставляя ихъ иногда скакать галопомъ, одинаково по мощеннымъ и по не мощеннымъ улицамъ. Банкиръ былъ англичанинъ и любезно снабдилъ насъ цѣлымъ ворохомъ англійскихъ газетъ; переправившись черезъ Яузу на паромѣ, мы поѣхали отъ него въ городъ, чтобы осмотрѣть дворецъ, построенный для пріема нынѣ царствующей императрицы, когда она бываетъ въ Москвѣ; это зданіе не соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ о дворцѣ; это не одно зданіе, а множество отдѣльныхъ зданій, разбросанныхъ на протяженіи нѣсколькихъ улицъ, что̀ производитъ впечатлѣніе маленькаго городка и вполнѣ соотвѣтствуетъ азіатскому представленію о царскомъ величіи [1]). Всѣ дома на каменныхъ основаніяхъ, но камень такой мягкій, что, кажется, не выдержитъ нагрузки зданія; да и кирпичъ, изъ котораго построены дома, такого плохого качества, что онъ разсыпается при прикосновеніи; постройка вполнѣ соотвѣтствуетъ матеріалу, ибо стѣны, во многихъ мѣстахъ, не совпадаютъ съ отвѣсной линіей.

Почти всѣ деревянныя части въ этихъ огромныхъ зданіяхъ обдѣланы при помощи одного топора. Хотя мнѣ часто приходилось видѣть, какъ работали плотники, но я никогда не видѣлъ въ ихъ рукахъ пилы: они разрѣзали топоромъ стволы деревьевъ, топоромъ же обдѣлывали доски, обтесывали балки и прилаживали ихъ. Съ помощью этого простого инструмента, они задѣлывали въ гнѣзда самые маленькіе и самые большіе бруски дерева и аккуратно выравнивали половницы. Поразительна ловкость и вѣрность глаза, съ какою они работаютъ этимъ инструментомъ, но, очевидно, что при такомъ способѣ работы тратится непроизводительно очень много труда и дерева.

Довольно обширный садъ, разбитый подлѣ стараго дворца, который былъ построенъ Елисаветой и стоялъ почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь выстроенъ новый дворецъ, поддерживается до сихъ поръ; я не видалъ, съ самаго отъѣзда изъ Англіи, такихъ прекрасныхъ, усыпанныхъ гравіемъ дорожекъ, какъ въ этомъ саду. Кое-гдѣ видны хорошенькія куртинки, но большая часть сада разбита въ старинномъ вкусѣ: съ длинными аллеями подстриженныхъ тисовыхъ деревь-

[1]) Павелъ I обратилъ этотъ дворецъ въ казармы на 200 чел.

евъ, длинными прямыми канавками и безчисленнымъ множествомъ безобразныхъ статуй. Фонтанъ украшенъ статуей Геркулеса, вызолоченными купидонами, дельфинами и рыбами; каждый павильончикъ представляетъ маленькій пантеонъ; въ каждомъ гротѣ притаился Аполлонъ или Діана; особенно много статуй, изображающихъ женщину, съ рогомъ изобилія, изъ котораго сыплются не плоды, зерна и цвѣты, какъ обыкновенно, а короны, діадемы и митры. Дни всѣхъ этихъ боговъ и богинь сочтены: всѣ эти смѣхотворныя украшенія будутъ убраны по повелѣнію Екатерины и замѣнены болѣе подходящими. Дворецъ и сады находятся въ концѣ предмѣстья, внѣ черты наружной ограды, окружающей городъ.

Мы скоро привыкли къ тому, что наша карета была запряжена шестеркой лошадей, такъ какъ мы то и дѣло встрѣчали на улицахъ Москвы помѣщиковъ, разъѣзжавшихъ въ экипажахъ, запряженныхъ шестеркой цугомъ. Такъ какъ городъ очень раскинутъ, то на улицахъ стоятъ также наемныя пролетки, которыя развозятъ жителей въ разные концы города. Эти пролетки безъ верха, по большей части четырехколесныя, либо съ одной продольной скамьею, либо съ двумя или тремя отдѣльными сидѣніями, въ родѣ креселъ, поставленныхъ бокомъ: извощики берутъ за конецъ такъ дешево, что даже прислуга, посланная съ какимъ-нибудь порученіемъ, нанимаетъ ихъ, чтобы проѣхать изъ одной части города въ другую. Они ѣздятъ обыкновенно со скоростью восьми или девяти миль въ часъ.

1 сентября. Сегодня утромъ мы получили отъ графа Остермана карточку съ приглашеніемъ отобѣдать у него, 22 августа; такъ какъ это было уже 1 сентября, то слуга, подавъ намъ эту карточку, доложилъ, смѣясь, что мы приглашены на обѣдъ, который уже состоялся; присовокупивъ, что онъ пытался убѣдить посланнаго въ томъ, что это ошибка, но тотъ настаивалъ, что 22 августа будетъ завтра.

Ошибка съ стороны нашего слуги была вполнѣ понятна; онъ не зналъ, что въ Россіи придерживаются стараго стиля, а такъ какъ мы были 22 августа въ Литвѣ, то онъ, естественно, былъ удивленъ, слыша вторично то же самое число.

Въ тотъ же день мы отправились къ управляющему губерніей князю Волконскому, къ которому имѣли рекомендательное письмо отъ русскаго посланника въ Варшавѣ, графа Штакельберга. Онъ принялъ насъ весьма любезно и пригласилъ отобѣдать съ нимъ, присовокупивъ, что во время нашего пребыванія въ Москвѣ, за его столомъ всегда будетъ накрытъ для насъ приборъ. Князю шестьдесятъ седьмой годъ; онъ помнитъ Петра Великаго и описываетъ его, какъ человѣка огромнаго роста, въ шесть футъ, крѣпкаго

и хорошо сложеннаго, съ трясущейся головой, котораго часто подергивали судороги; присовокупивъ, что онъ носилъ обыкновенно зеленый мундиръ или коричневый длинный сюртукъ и замѣчательно тонкое бѣлье; его коротко остриженные черные волосы не были напудрены, и онъ не носилъ усовъ. Князь забавлялъ насъ анекдотами объ этомъ великомъ монархѣ, изъ коихъ одинъ былъ переданъ ему княземъ Меншиковымъ.

Послѣ Полтавской битвы, когда его отецъ, князь Волконскій преслѣдовалъ Карла XII съ отрядомъ легкой конницы, къ нему подскакалъ адъютантъ, передавшій отъ Меншикова приказаніе остановиться; онъ повиновался, но послалъ къ князю ординарца сказать, что онъ преслѣдовалъ короля шведскаго и уже почти нагонялъ его. Меншиковъ былъ чрезвычайно удивленъ, получивъ это извѣстіе, такъ какъ онъ никому не давалъ приказанія прекратить преслѣдованіе; его мнимаго адъютанта никто болѣе не видалъ. Такъ какъ Петръ не повелѣлъ розыскать того, кто спасъ его величайшаго врага отъ плѣна, то подозрѣвали, что онъ самъ придумалъ эту уловку, чтобы не имѣть на рукахъ плѣннаго, котораго ему не захотѣлось бы отпустить на свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ и непріятно было бы долго держать въ плѣну.

Ничто не можетъ сравняться съ гостепріимствомъ русскихъ. Всякій разъ какъ мы являлись къ кому-нибудь изъ нихъ съ утреннимъ визитомъ, насъ оставляли обѣдать и приглашали пріѣзжать къ столу запросто; считая это простою любезностью и не желая злоупотреблять ею, мы стѣснялись пользоваться этими приглашеніями. Но вскорѣ мы узнали, что всѣ знатныя лица держали открытый столъ и всегда были рады, когда къ нимъ пріѣзжали безъ церемоніи. Князь Волконскій, въ особенности, узнавъ однажды случайно, что мы обѣдали наканунѣ въ гостиницѣ, вѣжливо пожурилъ насъ, повторяя, что его столъ всегда для насъ накрытъ и что въ тѣ дни, когда мы никуда не приглашены, мы его гости. Нѣтъ словъ передать любезность и вниманіе къ намъ доблестнаго князя: онъ не только пригласилъ насъ бывать запросто, но позаботился о томъ, чтобы мы осмотрѣли всѣ достопримѣчательности Москвы, приказалъ своему адъютанту сопровождать насъ при осмотрѣ города, и такъ какъ намъ очень хотѣлось познакомиться съ извѣстнымъ историкомъ Миллеромъ, то онъ пригласилъ его вмѣстѣ съ нами къ обѣду.

Миллеръ говоритъ и пишетъ совершенно свободно по-нѣмецки, по-русски, по-французски и по-латыни; и свободно читаетъ по-англійски, по-голландски, по-шведски, по-датски и по-гречески. Онъ обладаетъ до сихъ поръ изумительной памятью, и его знаком-

ство съ самыми малѣйшими подробностями русской исторіи прямо поразительно.

Послѣ обѣда этотъ выдающійся ученый пригласилъ меня къ себѣ, и я имѣлъ удовольствіе провести нѣсколько часовъ въ его библіотекѣ, въ которой собраны чуть не всѣ сочиненія о Россіи, вышедшія на европейскихъ языкахъ; число англійскихъ авторовъ, писавшихъ объ этой странѣ, гораздо больше, нежели я думалъ. Его собраніе государственныхъ актовъ и рукописей неоцѣнимо и хранится въ величайшемъ порядкѣ.

Надобно пожалѣть о томъ, что Миллеръ, который получаетъ прекрасное вознагражденіе за свой трудъ и уже собралъ всѣ нужные матеріалы, не написалъ до сихъ поръ обстоятельной исторіи Россіи, и что въ виду его преклоннаго возраста другимъ придется разработать матеріалъ, имъ собранный. Но онъ будетъ всегда пользоваться славой, какъ за свои предшествующіе труды, такъ и за обширный матеріалъ, который онъ завѣщаетъ будущимъ историкамъ.

Герардъ Фридрихъ Миллеръ родился въ 1705 г. въ Герфордѣ, въ Вестфаліи; получилъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ своего отца, ректора мѣстной гимназіи, Ѳомы Миллера; семнадцати лѣтъ сталъ посѣщать университетъ въ Лейпцигѣ. Обративъ на себя вниманіе своими успѣхами въ разныхъ отрасляхъ изящной литературы, онъ былъ рекомендованъ, на двадцатомъ году жизни, Петру Великому и опредѣленъ въ только-что основанную императорскую академію наукъ, но пріѣхалъ въ Петербургъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1725 г. уже послѣ кончины Петра I. Екатериной I онъ былъ назначенъ адъюнктомъ академіи наукъ, читалъ по-латыни исторію и географію и въ 1730 г. назначенъ профессоромъ исторіи и членомъ академіи наукъ. Въ томъ же году онъ отправился въ путешествіе по Германіи, Голландіи и Англіи и во время своего пребыванія въ Лондонѣ былъ избранъ членомъ королевскаго общества. Посланный императрицей Анной Іоанновной для изслѣдованія восточной Сибири и Камчатки, онъ отправился въ эту достопамятную экспедицію 8 августа 1733 г., въ сопровожденіи Штеллера, де Лилля, Гмелина и Крашенинникова. Неутомимый путешественникъ обратилъ вниманіе преимущественно на изученіе исторіи, географіи, древностей, нравовъ и обычаевъ народовъ и кочевыхъ племенъ, населяющихъ Сибирь, исправилъ карты тѣхъ мѣстностей, какія онъ посѣтилъ, привелъ въ большихъ городахъ въ порядокъ архивы и снялъ копіи съ главнѣйшихъ документовъ.

Неутомимое усердіе, съ какимъ онъ производилъ эти изслѣдованія, вызвало сильное нервное разстройство, вслѣдствіе чего онъ

не могъ продолжать путь со своими товарищами и просилъ позволенія вернуться обратно въ Петербургъ. Получивъ на это согласіе императрицы, онъ съ грустью разстался со своими спутниками; но оправившись, и побуждаемый любознательностью, онъ рѣшилъ продолжать свои изслѣдованія восточной Сибири, не взирая на трудности, съ какими было сопряжено путешествіе въ этой мало обитаемой странѣ, и на непроѣзжія почти дороги. Онъ побывалъ въ Иркутскѣ, Охотскѣ, и добрался даже до Якутска, куда онъ пріѣхалъ въ 1736 г. Просматривая архивные документы, Миллеръ нашелъ подлинное описаніе путешествія русской экспедиціи по Сѣверному Ледовитому океану и Камчатскому морю и узналъ изъ этихъ документовъ, что въ истекшемъ столѣтіи русскій мореплаватель Дежневъ, выѣхавъ изъ р. Колыми, проѣхалъ по Ледовитому океану и обогнулъ с.-в. мысъ Азіи, доказавъ такимъ образомъ, что Азія и Америка раздѣлены проливомъ—вопросъ, который долгое время былъ спорнымъ и волновалъ ученыхъ. Это важное открытіе побудило другихъ путешественниковъ изслѣдовать сѣверо-западные берега Америки и между прочимъ вызвало снаряженіе экспедиціи Кука.

Миллеръ возвратился въ Петербургъ, послѣ десяти-лѣтняго отсутствія, въ 1743 г. и былъ принятъ императрицей Елисаветой, оказавшей ему знаки величайшаго уваженія. Въ 1747 г. онъ былъ назначенъ, нынѣ царствующей императрицей, начальникомъ московскаго архива, иностранной коллегіи [1]).

Самый главный его трудъ, сборникъ статей, касающихся Россіи (Sammlung russ. Geschichte) въ 9 томахъ, содержитъ много любопытнаго: между прочимъ, свѣдѣнія о русскихъ лѣтописяхъ по сочиненіямъ византійскихъ писателей, древнимъ славянскимъ лѣтописямъ и по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ норвежскимъ историкомъ Snorro Sturlensis; разныя свѣдѣнія о калмыкахъ и запорожскихъ казакахъ; о торговлѣ и поселеніяхъ генуэзцевъ на берегу Чернаго и Азовскаго морей, о русскихъ и китайскихъ поселеніяхъ на р. Амурѣ, объ исторіи и торговыхъ сношеніяхъ Сибири; исторіи Россіи отъ царствованія Бориса Годунова до вступленія на престолъ Михаила

---

[1]) Императрица пріобрѣла его прекрасное собраніе книгъ и рукописей за 2.000 ф. ст. Эта великая покровительница ученыхъ и писателей поручила ему привести въ порядокъ и издать, на ея счетъ, собраніе трактатовъ и договоровъ, въ родѣ изданнаго Дюмономъ „Corps diplomatique;“ но Миллеръ не окончилъ этого труда. Онъ скончался 16 октября 1783 года, 78 лѣтъ отъ рода; незадолго до его смерти, Екатерина пожаловала ему Владимірскій крестъ и почтила его память, возведя его потомство въ дворянское званіе.

Ѳеодоровича; достопримѣчательностяхъ азіатской Россіи и азіатской Турціи; русской торговлѣ въ Китаѣ; естественно—историческія замѣтки о мѣстности между Дономъ и Днѣпромъ; свѣдѣнія о Новгородѣ, Дерптѣ, Перновѣ, Ригѣ.

Третій томъ этого интереснаго сочиненія содержитъ „отчетъ о путешествіяхъ и открытіяхъ, совершенныхъ русскими по берегамъ Ледовитаго океана и Восточнаго океана, въ Японіи и Америкѣ“, съ 1631 г. до окончанія экспедицій Беринга и Чирикова въ 1742 г.; изъ этой книги я почерпулъ многое для моего сочиненія объ открытіяхъ, совершенныхъ русскими.

Кромѣ вышеназваннаго труда, этотъ неутомимый и добросовѣстный изслѣдователь написалъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ много другихъ мелкихъ сочиненій, посвященныхъ исторіи и топографіи этой обширной имперіи.

10 сентября (30 августа). День Александра Невскаго, котораго въ Россіи высоко чтутъ и въ честь котораго Петръ Великій установилъ орденъ, былъ отпразднованъ торжественно. Во всѣхъ Московскихъ церквахъ отслужены обѣдни; московскій губернаторъ далъ великолѣпный обѣдъ, къ которому были приглашены важнѣйшія лица изъ дворянства и духовенства.

Александръ Невскій, одинъ изъ самыхъ чтимыхъ въ Россіи святыхъ, сынъ великаго князя Ярослава, прославился въ XIII вѣкѣ, въ то время, когда его страна была на краю гибели, и ей угрожали со всѣхъ сторонъ сильнѣйшіе враги. Онъ отразилъ армію шведскихъ и нѣмецкихъ рыцарей и ранилъ собственноручно короля шведскаго, на берегахъ Невы, отчего ему и дано прозваніе Невскаго. Онъ разбивалъ неоднократно татаръ и освободилъ страну отъ унизительной дани, наложенной на нее преемниками Чингисъ-хана. Онъ совершилъ за всю свою жизнь столько выдающихся подвиговъ, что невѣжественный и суевѣрный народъ сталъ считать его какимъ-то высшимъ существомъ и причислять его къ лику святыхъ. Его личная доблесть засвидѣтельствована не только побѣдами, одержанными русскими при его жизни, но и многочисленными пораженіями, которыя они понесли вскорѣ послѣ его кончины.

Въ день Александра Невскаго съ ранняго утра сталъ доноситься со всѣхъ сторонъ громкій звонъ колоколовъ; особенно громко гудѣли колокола въ Кремлѣ, гдѣ находятся главные соборы и самые большіе колокола. Въ одиннадцать часовъ мы поѣхали съ визитомъ къ князю Волконскому, у котораго, какъ у представителя губерніи, былъ въ тотъ день пріемъ: онъ былъ въ орденѣ Александра Невскаго и принималъ поздравленія отъ съѣхавшихся къ нему сановниковъ и дворянъ. Отъ губернатора мы поѣхали въ Архангельскій соборъ,

къ обѣднѣ, которую служилъ архіепископъ ростовскій. Церковь была биткомъ набита народомъ, такъ что мы съ величайшимъ трудомъ могли пробраться къ клиросу. Страшная толкотня, происходившая въ храмѣ, и сложный церемоніалъ богослуженія такъ отвлекалъ наше вниманіе, что мы не могли слѣдить за обрядами. Мы видѣли только, что богослуженіе совершается съ особой торжественностью и великолѣпіемъ и что кромѣ обычныхъ церемоній совершались многіе праздничные обряды.

По окончаніи обѣдни, которая продолжалась два часа, мы вернулись къ князю Волконскому, у котораго собралось девяносто человѣкъ приглашенныхъ къ обѣду по случаю праздника. Когда въ комнату вошелъ архіепископъ ростовскій, князь встрѣтилъ его у дверей и подошелъ къ нему подъ благословеніе; также почтительно встрѣтилъ онъ двухъ пріѣхавшихъ къ нему епископовъ; большая часть присутствовавшихъ по примѣру князя, по очереди, подходили къ нимъ подъ благословеніе. Будучи представленъ архіепископу, я долго бесѣдовалъ съ нимъ на латинскомъ языкѣ, на которомъ онъ говорилъ очень свободно. Онъ повидимому уменъ, образованъ и хорошо знакомъ съ литературой; онъ читалъ произведенія многихъ нашихъ духовныхъ писателей въ оригиналѣ или въ переводѣ на латинскій языкъ и отзывался объ нихъ съ большой похвалою. Я задалъ ему нѣсколько вопросовъ касательно богослуженія православной церкви, на которые онъ отвѣчалъ весьма любезно и съ большой готовностью.

Онъ посвящалъ меня въ подробности монастырскаго быта, когда нашъ разговоръ былъ прерванъ приглашеніемъ къ обѣду. По здѣшнему обычаю, на маленькомъ столикѣ, въ одномъ изъ угловъ столовой была поставлена водка и тарелки съ икрой, селедкой, хлѣбомъ, масломъ и сыромъ, которыми гости закусывали передъ обѣдомъ.

За столъ сѣло около девяноста человѣкъ. За вторымъ блюдомъ, князю Волконскому подали большой стаканъ съ крышкой; онъ всталъ, снялъ крышку, передалъ ее сидѣвшему подлѣ него архіепископу, налилъ въ стаканъ шампанскаго и осушилъ его за здоровье императрицы; въ это время раздался выстрѣлъ изъ орудія. Архіепископъ послѣдовалъ его примѣру, и стаканъ обошелъ такимъ образомъ присутствовавшихъ; затѣмъ съ такой же церемоніей пили за здоровье великаго князя, великой княгини и ихъ сына, великаго князя Александра, послѣ чего всталъ графъ Панинъ и предложилъ тостъ за здоровье хозяина дома, къ которому присоединились всѣ присутствовавшіе. При каждомъ тостѣ, провозглашенномъ княземъ, всѣ вставали въ знакъ почтенія и стояли, пока онъ пилъ.

VII.

Въ домѣ у графа Орлова.—Его конскій заводъ.—Кулачные бои. — Загородный садъ. — Внѣшній видъ московскихъ церквей. — Главныя кремлевскія зданія.—Старый дворецъ.—Архивъ иностранной коллегіи.—Начало сношеній между Лондонскимъ и Московскимъ дворами.—Переписка между Елисаветой и Іоанномъ IV.—Брачные планы Іоанна IV.—Переговоры съ иностранными дворами по поводу императорскаго титула.

Во время нашего пребыванія въ Москвѣ мы часто посѣщали графа Алексѣя Орлова, который въ послѣднюю войну съ Турціей командовалъ русскимъ флотомъ въ Архипелагѣ и сжегъ турецкій флотъ въ Чесменской бухтѣ, за что̀ ему пожалованъ титулъ Чесменскаго. Обычай давать людямъ прозвища за выдающіяся заслуги, оказанныя родинѣ, въ подражаніе римлянамъ, соблюдался Константиномъ Великимъ и его преемниками, греческими императорами, царствовавшими въ Константинополѣ, откуда онъ былъ заимствованъ вѣроятно, русскими, которые въ старину давали подобныя же прозвища своимъ выдающимся героямъ. Такъ, великій князь Александръ— былъ прозванъ Невскимъ за побѣду, одержанную имъ надъ шведами на берегахъ Невы, Дмитрій Іоанновичъ прозванъ Донскимъ за побѣду, одержанную надъ татарами на берегу Дона. Этотъ обычай, давно оставленный, возобновленъ нынѣ царствующей императрицей. Фельдмаршалъ Румянцевъ получилъ названіе Задунайскаго за побѣды, одержанныя имъ на берегахъ Дуная; князь Долгорукій получилъ названіе Крымскаго за побѣды, одержанныя въ Крыму; а графъ Орловъ—названіе Чесменскаго, за побѣду при Чесмѣ.

Домъ графа Орлова стоитъ въ концѣ одного изъ предмѣстьевъ, на высокомъ мѣстѣ, откуда открывается великолѣпный видъ на обширную Москву и ея окрестности; нѣсколько отдѣльныхъ строеній занимаютъ довольно большое пространство. Службы, конюшни, хлѣва и прочія отдѣльно стоящія зданія построены изъ кирпича; изъ него же построенъ фундаментъ и нижній этажъ дома; но верхній этажъ—деревянный и окрашенъ въ зеленую краску [1]).

Мы явились къ графу съ рекомендательнымъ письмомъ отъ князя Станислава Понятовскаго, племянника короля Польскаго, были приняты весьма любезно и приглашены къ обѣду; графъ просилъ насъ быть какъ дома, прибавивъ, что онъ человѣкъ простой, очень уважаетъ англійскую націю и будетъ радъ оказать намъ,

---

[1]) Здѣсь многіе считаютъ деревянные дома теплѣе и здоровѣе кирпичныхъ и каменныхъ, и по этой причинѣ многіе помѣщики предпочитаютъ строить изъ дерева ту часть дома, въ которой они живутъ сами.

во время нашего пребыванія въ Москвѣ, всевозможныя услуги. Мы имѣли удовольствіе обѣдать у него нѣсколько разъ и всегда встрѣчали отмѣнно вѣжливый пріемъ. Графъ отличается чисто русскимъ гостепріимствомъ и держитъ открытый столъ; за обѣдомъ у него подаются разные сорта греческихъ винъ, привезенныхъ имъ изъ Архипелага. Одно блюдо, которое подавалось за его роскошнымъ столомъ, было особенно вкусно и уступаетъ только нашей лучшей дичи; это была замѣчательно жирная и сочная Астраханская баранина [1]).

За обѣдомъ играла музыка, какъ это принято въ высшемъ кругу. Мы замѣтили еще одну особенность; кромѣ слугъ, во время обѣда находилось въ столовой множество челяди и приживалокъ, которые не прислуживали, но окружали стулъ хозяина дома и, казалось, были въ восторгѣ, когда онъ удостоивалъ ихъ улыбкой или кивкомъ головы. Въ числѣ этихъ приживаловъ былъ армянинъ, недавно пріѣхавшій съ Кавказа, который, по обычаю своей страны, жилъ въ палаткѣ, поставленной въ саду и покрытой звѣриными шкурами. Онъ ходилъ въ длинномъ халатѣ, подпоясанномъ кушакомъ, въ широкихъ шароварахъ и высокихъ сапогахъ; волосы были у него подрѣзаны по-татарски въ кружокъ; онъ носилъ кинжалъ и лукъ, сдѣланный изъ рога буйвола, съ натянутой буйволовой жилой. Армянинъ этотъ былъ очень преданъ своему хозяину и, поступивъ къ нему добровольно, поклялся, по восточному обычаю, мстить всѣмъ врагамъ графа; и въ знакъ искренности своихъ словъ предлагалъ отрѣзать себѣ уши; онъ выражалъ также готовность болѣть за своего господина. Онъ съ любопытствомъ осматривалъ нашъ костюмъ и съ восторгомъ показывалъ знаками, насколько его одежда приличнѣе нашей. Онъ танцовалъ какой-то калмыцкій танецъ, заключавшійся въ томъ, что онъ напрягалъ всѣ мускулы и продѣлывалъ всевозможныя тѣлодвиженія не двигаясь съ мѣста; позвавъ насъ въ садъ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ показалъ намъ свою палатку и свое оружіе, и высоко запустилъ нѣсколько стрѣлъ. Мы были поражены непосредственностью этого армянина; онъ походилъ на дикаря, едва начавшаго цивилизоваться.

Графъ Орловъ страстный любитель верховой ѣзды и имѣетъ, какъ говорятъ, если не самый большой, то самый прекрасный конскій заводъ въ Россіи. Онъ былъ такъ любезенъ, что удовлетворилъ наше любопытство и повезъ насъ въ свой загородный домъ, въ пятнадцати миляхъ отъ Москвы. Мы ѣхали въ его собственной

---

[1]) Я видѣлъ у него во дворѣ много барановъ съ большими курдюками; они были до того ручные, что позволяли гладить себя по спинѣ.

каретѣ, запряженной четверкой съ двумя выносными; лошади были припряжены простыми веревками; за нами, для вящшаго парада, слѣдовала карета, запряженная шестеркою цугомъ. Графа сопровождало четверо гусаръ и его армянинъ, вооруженный лукомъ и стрѣлами, который то и дѣло стрѣлялъ и размахивалъ руками, выражая величайшій восторгъ; онъ то скакалъ подлѣ кареты, то внезапно останавливался, несся во весь духъ и появлялся по другую сторону экипажа.

Мы видѣли по пути нѣсколько большихъ монастырей, обнесенныхъ, какъ это здѣсь принято, каменными стѣнами и напоминавшихъ маленькія крѣпостцы. Дважды переправившись черезъ Москву рѣку, мы очутились наконецъ среди обширнаго ровнаго пространства, съ великолѣпными пастбищами, посреди котораго на холмѣ, омываемомъ рѣкою, стоялъ домъ графа, изъ оконъ котораго открывался великолѣпный видъ на равнину, орошаемую Москвой-рѣкою и обрамленную поросшими лѣсомъ холмами, по скатамъ которыхъ виднѣлись поля и луга.

Большая часть табуна, принадлежавшаго графу, паслась на лугу; у него было нѣсколько великолѣпныхъ жеребцовъ и свыше шестидесяти кобылъ съ жеребятами. Тутъ были представители самыхъ отдаленныхъ странъ свѣта: Аравіи, Турціи, Татаріи, Персіи и Англіи. Арабскихъ лошадей графъ пріобрѣлъ во время своего похода въ Архипелагъ; нѣсколько лошадей было подарено ему Али-беемъ, другіе были куплены или забраны у турокъ, графъ особенно цѣнилъ четырехъ лошадей (двухъ изъ нихъ мы уже видѣли у него въ Москвѣ) чистѣйшей кохланской породы, которая особенно славится въ Аравіи и представителей которой рѣдко можно встрѣтить въ другихъ странахъ.

Показавъ намъ свой табунъ и имѣніе, графъ угостилъ насъ роскошнымъ обѣдомъ; его оживленная бесѣда придала еще болѣе прелести его широкому гостепріимству. Вернувшись въ Москву, мы отправились въ небольшую деревушку, въ шести миляхъ отъ столицы, гдѣ строится для государыни загородный дворецъ Царицыно; кромѣ главнаго флигеля въ лѣсу разбросано восемь или десять домиковъ въ готическомъ стилѣ. Очень живописная холмистая мѣстность поросла лѣсомъ; у подножія холма сверкаетъ озеро.

Упомяну здѣсь кстати о чисто восточной щедрости, съ какою графъ Орловъ напомнилъ намъ впослѣдствіи о себѣ. Зимою, когда мы уже были въ Петербургѣ, лордъ Гербертъ [1]) получилъ отъ него

---

[1]) Коксъ сопровождалъ лорда Герберта въ путешествіи по Россіи.

въ подарокъ одного изъ его великолѣпнѣйшихъ арабскихъ жеребцовъ при слѣдующемъ письмѣ:

„My Lord, я замѣтилъ, что эта лошадь понравилась вамъ, и поэтому прошу васъ принять ее. Она подарена мнѣ Али-беемъ. Это настоящій арабскій жеребецъ кохланской породы, привезенный мнѣ въ послѣднюю войну на русскихъ судахъ изъ Аравіи въ бытность мою въ Архипелагѣ. Искренно желаю, чтобы онъ пригодился вамъ, также какъ мнѣ, и остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, вашъ покорный слуга, графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій“.

Въ бытность нашу въ Москвѣ, мы были приглашены однажды графомъ къ обѣду,— послѣ котораго онъ предложилъ намъ посмотрѣть на кулачный бой—любимое развлеченіе русскаго народа. Мы отправились въ манежъ, гдѣ уже собралось къ тому времени болѣе трехсотъ крестьянъ. Они раздѣлились на двѣ партіи; каждая выбрала себѣ предводителя, которые вызывали борцовъ и разставляли ихъ по мѣстамъ. Одновременно боролись только два человѣка. Они не снимали одежды, но одѣвали толстыя кожаныя рукавицы, сдѣланныя изъ такой грубой кожи, что она мѣшала имъ сжать руку въ кулакъ; они нападали совершенно иначе, нежели англійскіе боксеры; выдвигая впередъ лѣвую ногу и весь корпусъ и отражая ударъ лѣвой рукой, они размахивали въ то же время правой рукою, стараясь ударить ею противника въ лицо и въ голову, но никогда не мѣтили въ грудь или въ бокъ; повидимому, они совершенно не умѣли наносить удара прямо. Если кому-либо изъ борцовъ удавалось повалить противника на землю, то онъ объявлялся побѣдителемъ, и борьба прекращалась. Въ нашу бытность въ Москвѣ мы видѣли до двадцати кулачныхъ боевъ. Нѣкоторые изъ вступавшихъ въ бой были здоровенные, сильные люди, но самый способъ вести бой былъ таковъ, что онъ не могъ кончиться увѣчьями, какъ это бываетъ въ Англіи во время бокса. Обѣ партіи видимо принимали живѣйшее участіе въ побѣдѣ своего предводителя и готовы были придти ему на помощь, но какъ только поднимался споръ или зрители разгорячались, графъ тотчасъ примирялъ споврившихъ, выступая въ качествѣ посредника: милостиваго слова или даже одного кивка головы было достаточно, чтобы успокоить споривших. Когда графъ выражалъ желаніе прекратить бой, то крестьяне униженно просили его удостоить ихъ своимъ присутствіемъ еще нѣкоторое время, и когда онъ изъявлялъ на это свое согласіе, они кланялись ему въ поясъ и, казалось, были довольны, словно была оказана величайшая милость.

Крѣпостные очень любятъ графа, и когда онъ подходилъ къ нимъ, то ихъ суровыя лица принимали мягкое, любящее выраженіе.

Мы совершили очень пріятную поѣздку въ Никольское, имѣніе графа Петра Панина, выдающагося дѣятеля, который отличился въ послѣднюю войну съ турками взятіемъ Бендеръ и затѣмъ усмирилъ пугачевскій бунтъ. Его загородный домъ стоитъ среди лѣса, въ шести миляхъ отъ Москвы. Онъ хотѣлъ сначала построить большой каменный домъ, по плану, набросанному его женою; но когда она умерла, этотъ планъ былъ оставленъ, и онъ довольствуется теперь уютнымъ деревяннымъ домомъ, стоящимъ на выѣздѣ изъ его имѣнія, который былъ первоначально сооруженъ временно. Службы, конюшни, каретные сараи, собачьи конуры, помѣщенія для охотниковъ и прочей челяди тянутся въ два ряда и состоятъ изъ отдѣльныхъ деревянныхъ домиковъ одноэтажной постройки, окрашенныхъ въ одинъ и тотъ же цвѣтъ. Садъ разбитъ въ англійскомъ вкусѣ съ хорошенькими лужайками и группами деревьевъ и большимъ прудомъ, обсаженнымъ деревьями.

Намъ было пріятно видѣть, что даже въ этой отдаленной странѣ разбиваютъ парки и сады въ англійскомъ вкусѣ; здѣсь это весьма удобно, такъ какъ парки обширны и зелень во время короткаго лѣта развивается роскошно.

Очень многіе русскіе дворяне-помѣщики держатъ садовниковъ-англичанъ и предоставляютъ имъ полную свободу планировать сады по ихъ собственному вкусу. Графъ большой любитель охоты и имѣетъ огромную свору собакъ всевозможныхъ породъ, борзыхъ и гончихъ, съ которыми онъ охотится на волковъ, лосей, лисицъ и медвѣдей. У него есть прекрасныя борзыя русской породы, которыя славятся быстротою своего бѣга; это лохматыя собаки, ростомъ выше ньюфаундлендскихъ.

Графъ угостилъ насъ великолѣпнымъ обѣдомъ: мы были особенно поражены количествомъ и качествомъ фруктъ, поданныхъ на десертъ: тутъ были ананасы, персики, абрикосы, виноградъ, груши, вишни, которыя могутъ расти въ этой странѣ только въ теплицахъ [1]).

Всего этого было въ изобиліи. Между прочимъ были поданы превосходныя небольшія дыни, привезенныя изъ Астрахани на лошадяхъ. На обоихъ концахъ стола стояли фарфоровыя вазы, въ которыхъ были посажены вишневыя деревца съ листьями и плодами, вѣтви были отягчены вишнями; присутствующіе срывали ихъ прямо

[1]) Со времени моего отъѣзда изъ Россіи садоводство сдѣлало въ этой странѣ большіе успѣхи. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Ритчеромъ, въ окрестностяхъ Москвы разводятъ въ парникахъ много ананасовъ, которые продаются по рублю штука. Одинъ датчанинъ, недавно вернувшійся изъ Россіи, говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ имѣніи князя Голицына виноградъ, зрѣвшій на воздухѣ.

съ дерева; это было красиво и изящно. За дессертомъ былъ поданъ оригинальный сортъ яблокъ, которыя разводятъ въ окрестностяхъ Москвы: цвѣтомъ и прозрачностью онъ напоминаетъ янтарь и называется здѣсь наливнымъ. Яблони, приносящія эти плоды, растутъ на открытомъ воздухѣ, не требуя особаго ухода, но будучи отсажены черенками или выращены изъ сѣмянъ въ другой мѣстности, онѣ вырождаются и приносятъ уже обыкновенный сортъ яблокъ.

На возвратномъ пути изъ Никольскаго мы проѣхали мимо имѣнія украинскаго гетмана графа Разумовскаго, которое походитъ скорѣе на маленькій городокъ, нежели на загородный домъ. Въ имѣніи было сорокъ или пятьдесятъ домовъ разной величины, каменныхъ и деревянныхъ; нѣкоторые были выкрашены. Графъ имѣетъ свою стражу, многочисленную челядь и большой оркестръ музыкантовъ. Образъ жизни и домашній обиходъ русскихъ дворянъ отличаются большой роскошью и великолѣпіемъ. Ихъ дома въ Москвѣ и ея окрестностяхъ поражаютъ своими размѣрами; мнѣ говорили, что въ подмосковныхъ имѣніяхъ и подъ Петербургомъ все обставлено еще съ большею роскошью, и помѣщики живутъ какъ владѣтельные князья и феодальные бароны былыхъ временъ, и пользуются почти неограниченной властью надъ своими крестьянами.

Я не ожидалъ видѣть въ этой сѣверной странѣ что-либо въ родѣ загороднаго увеселительнаго сада. Онъ находится въ концѣ слободы, въ уединенномъ мѣстѣ, почти за городомъ. Мы вошли по корридору въ садъ, который былъ роскошно иллюминованъ. На случай холодной или дождливой погоды была выстроена ротонда съ нѣсколькими кабинетами для ужиновъ. Плата за входъ четыре шиллинга. Владѣлецъ этого сада англичанинъ Маттоксъ. Русскіе такъ охотно посѣщали его садъ, что онъ рискнулъ построить очень дорого стоившій ему каменный театръ, за что онъ выхлопоталъ себѣ исключительное право на устройство спектаклей и публичныхъ маскарадовъ въ теченіе десяти лѣтъ со дня постройки театра.

Великолѣпнѣйшій видъ на Москву открывается съ такъ называемыхъ Воробьевыхъ горъ, гдѣ находятся развалины большого дворца, построеннаго Алексѣемъ Михайловичемъ. На обратномъ пути съ этихъ горъ, мы остановились въ Васильевскомъ, загородномъ домѣ князя Долгорукова, который стоитъ на верхушкѣ холма, у подошвы котораго течетъ, огибая его, рѣка Москва, которая здѣсь шире, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; съ холма открывается роскошный видъ на обширный городъ; домъ—обширное деревянное зданіе, къ которому мы поднялись по тремъ террасамъ. Теперешній владѣлецъ этого дома, князь Долгорукій-Крымскій, ознаменовавшій себя побѣдами надъ турками въ Крыму и завоеваніемъ этого полуострова.

Въ саду находится нѣсколько моделей крѣпостей, которыя были имъ осаждены и взяты, между прочимъ, модель, Керчи и Перекопа.

Осматривая домъ, я невольно припомнилъ тѣ превратности судьбы, которыя постигли семейство Долгорукихъ; въ особенности разсматривая портретъ княгини Екатерины Долгорукой, жизнь которой, описанная г-жей Вигоръ [1]), представляетъ одну изъ самыхъ трогательныхъ страницъ „Русской Исторіи“.

Несчастная княжна, разлученная съ тѣмъ, кого она любила, была противъ воли обручена съ императоромъ Петромъ II. Послѣ его кончины она могла бы вступить на престолъ, но была арестована и провела въ заточеніи все царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Получивъ свободу съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы, она вышла замужъ за графа Брюсса и скончалась, не оставивъ потомства.

Въ Москвѣ очень много церквей; не считая часовень, въ ней насчитываютъ 484 приходскихъ церкви, изъ коихъ 199 каменныхъ; остальныя деревянныя; первыя большею частью отштукатурены и выбѣлены, послѣднія выкрашены въ красный цвѣтъ.

Самыя старинныя церкви четыреугольныя и пятиглавыя, ихъ купола мѣдные, вызолоченные или покрыты оловомъ или же окрашены въ зеленый цвѣтъ [2]).

Говоря о церквахъ, нельзя не упомянуть о колоколахъ, изъ коихъ иные поражаютъ своей величиною. Колоколъ на колокольнѣ Ивана Великаго вѣситъ 3.551 пудъ. Въ Россіи всегда почиталось благочестивымъ дѣломъ пожертвовать въ церковь колоколъ; о набожности жертвователя судили по его щедрости. Если прилагать эту мѣрку, то самымъ набожнымъ царемъ въ Россіи былъ Борисъ Годуновъ, пожертвовавшій въ соборъ колоколъ вѣсомъ въ 288.000 пудовъ; его перещеголяла однако со временемъ императрица Анна Іоанновна, по повелѣнію которой отлитъ колоколъ въ 432.000 пудовъ, превзошедшій по величинѣ всѣ существующіе колокола. Онъ такихъ огромныхъ размѣровъ, что я не повѣрилъ бы разсказамъ, если бы я не видѣлъ его собственными глазами.

Такъ какъ гостиница, въ которой мы остановились, находилась подлѣ Кремлевской стѣны, то я часто имѣлъ случай осматривать кремлевскія зданія.

Старый дворецъ, въ которомъ жили прежніе цари, стоитъ въ

---

[1]) Vigor. Letters from Russia by a Lady.

[2]) Тутъ опущено подробное описаніе внутренняго расположенія и устройства церкви.

концѣ Кремля. Часть дворца сохраняется въ томъ видѣ, какъ онъ былъ построенъ при Иванѣ Васильевичѣ. Съ теченіемъ времени къ нему дѣлались пристройки, безъ всякаго опредѣленнаго плана и въ самыхъ разнообразныхъ архитектурныхъ стиляхъ; такимъ образомъ получилось зданіе удивительно несообразнаго вида.

Крыша густо усажена многочисленными позолоченными стрѣлами и шариками; фасадъ украшенъ гербами всѣхъ провинцій, входящихъ въ составъ Россійской имперіи. Всѣ комнаты въ этомъ дворцѣ очень маленькія за исключеніемъ одной—Грановитой палаты, въ которой цари давали аудіенціи иностраннымъ посламъ; эта палата неоднократно была описана многими англійскими путешественниками, посѣтившими Москву до перенесенія столицы въ Петербургъ.

Этотъ дворецъ, въ которомъ цари засѣдали окруженные дворомъ со всею пышностью восточныхъ властителей, считался русскими нѣкогда зданіемъ необычайной красоты, но архитектура сдѣлала за послѣдніе годы такіе огромные успѣхи, что самые обыкновенные дома дворянъ теперь несравненно красивѣе его и онъ не годится болѣе даже для временного пребыванія монарха.

Въ этомъ дворцѣ родился въ 1672 г. Петръ Великій; я объ этомъ упоминаю не только потому, что это событіе знаменательное въ лѣтописяхъ русской исторіи, но и потому, что сами русскіе не такъ давно еще не знали точно, гдѣ именно родился ихъ любимый герой. Эта честь приписывалась обыкновенно Коломнѣ, которая называлась поэтому русскимъ Виѳлеемомъ; но добросовѣстный Миллеръ доказалъ, что Петръ родился несомнѣнно въ Москвѣ, въ царскомъ дворцѣ.

Я былъ весьма огорченъ тѣмъ, что мы не могли осмотрѣть такъ называемую царскую сокровищницу. Такъ какъ ея хранитель только-что скончался, то дверь была опечатана, и ее нельзя было открыть до назначенія ему преемника.

Въ Кремлѣ два монастыря, одинъ женскій, а другой мужской—Чудовскій. Послѣдній извѣстенъ, какъ мѣсто заточенія Шуйскаго, откуда Шуйскій былъ отправленъ въ Польшу (1610 г.).

Женскій монастырь основанъ въ 1393 году Евдокіей, супругой великаго князя Димитрія Ивановича Донского, сопричисленной къ лику святыхъ и погребенной подъ алтаремъ.

Настоятельница любезно показала намъ монастырь и все заслуживающее въ немъ вниманія, повела насъ прежде всего въ церковь, гдѣ находятся могилы царицъ и царевнъ. Саркофаги походятъ на каменные гроба, поставленные на полъ рядами; нѣкоторые изъ нихъ обнесены мѣдною или желѣзною рѣшеткою, но большинство ничѣмъ

не ограждено. Каждая гробница покрыта чернымъ или краснымъ бархатнымъ покровомъ, съ вышитымъ на ней крестомъ и золотой или серебряной бахромой; по большимъ праздникамъ поверхъ этихъ покрововъ кладутъ другіе, парчевые, расшитые жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Настоятельница подарила мнѣ книжечку, въ которой перечислены всѣ погребенныя тутъ княгини. Послѣ того, какъ мы осмотрѣли могилы, богатыя священническія ризы и образа, украшавшіе стѣны, настоятельница пригласила насъ въ свои комнаты. Она пошла впередъ; поднявшись по лѣстницѣ и войдя въ переднюю, она стукнула два или три раза о полъ своей палкой съ ручкой изъ слоновой кости; тотчасъ запѣлъ хоръ изъ двадцати монахинь, которыя пѣли гимны все время, пока мы тутъ находились, напѣвъ былъ довольно пріятный. Въ сосѣдней комнатѣ былъ поданъ чай; столъ былъ уставленъ маринованными селедками, соленой рыбой, сыромъ, хлѣбомъ, масломъ и печеньемъ; игуменья сама подносила намъ шампанское и ликеры. Послѣ чая она повела насъ въ кельи монахинь, изъ коихъ многія были заняты вышиваньемъ облаченія для московскаго архіепископа.

Монахини носятъ длинныя черныя платья и длинныя черныя вуали и клобуки; настоятельница была въ черномъ шелковомъ платьѣ. Монахини не ѣдятъ мяса, а питаются рыбой, яйцами и овощами. Въ другихъ отношеніяхъ правила этого монастыря не очень строги, и монахинямъ разрѣшается иногда посѣщать городъ.

Я уже говорилъ о томъ, какое множество въ Москвѣ церквей; въ Кремлѣ, на небольшомъ пространствѣ я насчиталъ ихъ восемь. Двѣ изъ этихъ церквей, Успенскій и Архангельскій соборы замѣчательны, первый какъ мѣсто коронованія царей, а второй какъ мѣсто ихъ погребенія. Оба собора построены въ одномъ стилѣ; хотя архитектору приходилось сообразоваться съ требованіями, предъявляемыми къ церквамъ, тѣмъ не менѣе онѣ построены довольно изящно, хотя слишкомъ высоки по сравненію съ шириной.

Г. Миллеръ любезно предложилъ сопровождать насъ въ Китайгородъ, гдѣ находится государственный архивъ: это огромное каменное зданіе съ нѣсколькими громадными сводчатами комнатами съ желѣзными полами. Этотъ архивъ, въ которомъ хранится безчисленное множество государственныхъ бумагъ, былъ сложенъ въ ящикахъ и валялся, какъ никуда негодная вещь, до тѣхъ поръ, пока нынѣ царствующая императрица (Екатерина II) не повелѣла разобрать его и привести въ порядокъ. Миллеръ, которому это было поручено, расположилъ всѣ документы въ хронологическомъ порядкѣ, и ихъ теперь можно разсмотрѣть безъ труда. Они хранятся въ отдѣльныхъ комнатахъ, въ которыя ведутъ стеклянныя двери; бумаги, касаю-

щіяся Россіи, расположены по губерніямъ, къ которымъ онѣ относятся; надъ каждой комнатой надписано названіе губерніи. Въ такомъ же точно порядкѣ расположены рукописи, относящіяся къ иностраннымъ державамъ, всѣ бумаги распредѣлены по разнымъ отдѣленіямъ съ соотвѣтствующими надписями: Польша, Швеція, Англія, Франція, Германія и проч. Меня интересовали главнымъ образомъ бумаги, касающіяся моей родины. Самая ранняя переписка между монархами Англіи и Россіи относится къ половинѣ 15 вѣка и возникла по поводу ходатайства англійской торговой компаніи, поселившейся въ Россіи, о дарованіи ей исключительныхъ правъ для торговли въ Московскомъ государствѣ. Самый старинный изъ этихъ документовъ—собственноручное письмо Филиппа и Маріи къ Ивану Васильевичу IV, съ извѣщеніемъ о полученіи письма, посланнаго въ Англію съ русскимъ посланникомъ Осипомъ Непѣемъ и благодарностью за разрѣшеніе англичанамъ свободной торговли въ Россіи. Въ этомъ собраніи хранится грамота, дарованная царемъ англійскимъ купцамъ, и рядъ писемъ, полученныхъ имъ отъ Елисаветы; большинство этихъ документовъ опубликованы въ „Hackluyt's Voyages“: въ одномъ изъ нихъ, помѣченномъ 18 мая 1570, Елисавета, въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, предлагала Ивану Васильевичу пріютъ въ Англіи, на тотъ случай, если бы онъ былъ вынужденъ оставить Россію по причинѣ внутреннихъ смутъ. Это письмо подписано Елисаветой въ присутствіи членовъ ея тайнаго совѣта: въ числѣ подписей я видѣлъ имена Бэкона, Лейчестера и Сесиля.

Одни историки утверждаютъ, что Иванъ Васильевичъ питалъ къ королевѣ Елисаветѣ такое уваженіе, что искалъ даже ея руки; но Кэмденъ говоритъ, что онъ хотѣлъ жениться на Аннѣ Гастингсъ, дочери графа Гентингдона, поэтому я полюбопытствовалъ познакомиться съ относящейся къ этому перепиской. Что касается переговоровъ о бракѣ между царемъ и Елисаветой, то въ архивѣ нѣтъ по этому поводу никакихъ документовъ; но я нашелъ нѣкоторыя любопытныя подробности относительно предполагавшагося брака съ лэди Гастингсъ.

Первая мысль объ этомъ бракѣ была подана докторомъ Робертомъ Джакобомъ, который былъ присланъ Елисаветой, по просьбѣ царя, въ Москву. Джакобъ, зная о желаніи царя вступить въ бракъ съ какой-нибудь иноземной принцессой, сталъ превозносить красоту и совершенства лэди Анны Гастингсъ, которую онъ называлъ племянницей королевы и дочерью владѣтельнаго принца, и съумѣлъ внушить царю страстное желаніе домогаться ея руки, несмотря на то, что онъ только-что вступилъ въ пятый бракъ съ Маріей Нагой. Царь, воспламенившись его разсказами, отправилъ въ Англію важ-

наго боярина, Григорія Писемскаго, просить руки Анны Гастингсъ. Согласно даннымъ ему инструкціямъ, онъ долженъ былъ вслѣдъ за аудіенціей у королевы добиться свиданія съ принцессой, просить ея портрета и собрать свѣдѣнія относительно ея общественнаго и семейнаго положенія; ему было поручено просить о томъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ былъ посланъ въ Москву посолъ, уполномоченный заключить брачный договоръ. Если бы на сдѣланное предложеніе возражали, что Иванъ женатъ, то послу велѣно было отвѣтить, что такъ какъ царь женатъ на подданной, то онъ воленъ развестись съ нею; а если бы ему задали вопросъ, какъ будутъ обезпечены дѣти лэди Гастингсъ, то онъ долженъ былъ отвѣтить, что престолъ наслѣдуетъ Θеодоръ, но что ея дѣти будутъ щедро одарены.

Получивъ эти инструкціи, Писемскій отправился въ Лондонъ, получилъ аудіенцію у Елисаветы, видѣлъ Анну Гастингсъ, которая только-что оправилась отъ оспы, досталъ ея портретъ и возвратился въ Москву въ 1583 г. въ сопровожденіи англійскаго посланника, Джерома Боуеса. Послѣдній, человѣкъ очень своенравный, на первой же аудіенціи прогнѣвилъ царя несдержанностью своихъ рѣчей и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не былъ уполномоченъ заключить брачный договоръ, а могъ только выслушать предложеніе царя и передать его королевѣ. Царь, не привыкшій къ проволочкамъ, заявилъ, „что ничто не можетъ помѣшать ему взять въ жены кого-либо изъ подданныхъ ея величества, что онъ снова отправитъ въ Англію посла съ порученіемъ привести ему оттуда жену, присовокупивъ, что если ея величество послѣ вторичнаго посольства не пришлетъ ему такую жену, какъ онъ хочетъ, то онъ самъ поѣдетъ въ Англію, возьметъ съ собой казну и женится тамъ на комъ-нибудь“. Боуесъ, дѣйствуя вѣроятно согласно даннымъ ему инструкціямъ, всячески старался разстроить бракъ съ Анной Гастингсъ: онъ не только не отозвался объ ней въ благопріятномъ смыслѣ, но говорилъ объ ней совершенно равнодушно и отрицалъ ея родство съ королевой, сказавъ, довольно пренебрежительно, что „такихъ племянницъ у королевы много“. На томъ дѣло кончилось; съ смертью царя, скончавшагося въ слѣдующемъ году, всѣ переговоры были прерваны.

Изъ документовъ, хранящихся въ этомъ архивѣ, видно, что переписка между англійскимъ и русскимъ дворами, начавшаяся при Иванѣ IV, не прекратилась съ его кончиною. Дружба, возникшая между обоими дворами, оказалась столь прочной, что Карлъ I послалъ Михаилу Θеодоровичу отрядъ войска подъ командою полковника Сандерсона, въ помощь противъ польскаго короля Владислава; а Алексѣй Михайловичъ снабдилъ Карла въ то время, какъ онъ очень нуждался, деньгами и зерномъ. Послѣднее письмо нашего несчаст-

наго короля къ Алексѣю Михайловичу, помѣченное 1 іюня 1648 г., было написано на островѣ Вайтѣ изъ Carisbrook castl'я, гдѣ Карлъ содержался въ тюрьмѣ. Я видѣлъ также письмо Карла II къ царю отъ 16 сентября 1649 г., коимъ онъ сообщалъ о казни своего отца; оно было привезено въ Москву лордомъ Кюлпепперомъ.

Во время правленія Кромвеля, Алексѣй Михайловичъ поддерживалъ все время переписку съ изгнаннымъ изъ Англіи Карломъ II. Онъ говорилъ, что монархи должны были стать на защиту Карла I и не поощрять подданныхъ къ мятежу противъ короля, поддерживая узурпатора. Руководствуясь этими принципами, онъ отказывался нѣкоторое время [1]) отъ всякихъ сношеній съ Кромвелемъ; въ этомъ архивѣ нѣтъ ни одного письма, которое бы свидѣтельствовало о перепискѣ Кромвеля съ царемъ.

Съ реставраціей Карла II возстановились дружескія отношенія между обоими дворами; и такъ какъ послѣ этого число депешъ, полученныхъ изъ Англіи, было такъ велико, что понадобилось бы нѣсколько дней на то, чтобы внимательно изучить ихъ, то я не имѣлъ возможности удовлетворить своего любопытства. Въ этихъ бумагахъ заключаются всѣ трактаты, договоры, вся дипломатическая и торговая переписка, происходившая между Англіей и Россіей; если бы они были опубликованы въ хронологическомъ порядкѣ съ соотвѣтствующими историческими примѣчаніями, то это былъ бы весьма любопытный матеріалъ къ исторіи сношеній этихъ двухъ странъ.

Я едва успѣлъ бѣгло осмотрѣть многочисленные государственные акты, относящіеся къ другимъ европейскимъ державамъ; хранитель архива обратилъ мое вниманіе на одинъ документъ величайшей важности для исторіи Россіи; а именно на знаменитое письмо германскаго императора Максимиліана I къ Василію Іоанновичу, писанное на нѣмецкомъ языкѣ, коимъ онъ подтверждалъ заключеніе договора противъ польскаго короля Сигизмунда.

Это письмо, помѣченное 4 августа 1514 г., къ которому приложена печать золотой буллы, замѣчательно тѣмъ, что Максимиліанъ титулуетъ въ немъ Василія императоромъ и самодержцемъ всей Россіи. Этотъ документъ, найденный барономъ Шафировомъ въ архивѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, подалъ Петру I впервые мысль принять императорскій титулъ, чтò повело къ безчисленнымъ пере-

---

[1]) Я говорю „нѣкоторое время", ибо хотя въ московскомъ архивѣ нѣтъ, насколько я помню, ни одной депеши отъ Кромвеля къ царю, но не подлежитъ сомнѣнію, что впослѣдствіи Алексѣй Михайловичъ велъ переписку съ нимъ и даже изъявилъ однажды согласіе принять его пословъ въ Москвѣ.

говорамъ; впослѣдствіи ученые долго спорили о томъ, какъ измѣнялся титулъ, который носили русскіе монархи. Въ древнія времена они носили титулъ великихъ князей; Василій Іоанновичъ первый принялъ титулъ царя, что на славянскомъ языкѣ означаетъ король; а Петръ Великій принялъ титулъ повелителя или императора. Иностранные дворы въ своей перепискѣ съ московскимъ дворомъ давали русскимъ монархамъ безъ разбора титулъ великаго князя, царя и императора. Что касается Англіи, то Ченслеръ, описывая свое путешествіе въ Россію, называетъ Ивана Васильевича самодержцемъ и императоромъ всея Россіи; этотъ титулъ давался ему въ англійскихъ депешахъ въ царствованіе Елисаветы и Анны. Надобно однако замѣтить, что европейскія державы, давая московскому царю императорскій титулъ, отнюдь не понимали его въ томъ смыслѣ, какой придавали ему по отношенію къ императору германскому; они давали ему этотъ титулъ какъ азіатскому властителю, подобно тому, какъ мы говоримъ: китайскій или японскій императоръ. Поэтому, когда Петръ I задумалъ принять императорскій титулъ, то ему легко было доказать, что европейскія державы давали этотъ титулъ его предшественникамъ, но когда онъ захотѣлъ толковать его въ европейскомъ смыслѣ, то это было сочтено за новшество и повлекло за собою такіе продолжительные переговоры, какихъ было бы достаточно для проведенія самаго важнѣйшаго государственнаго дѣла. Послѣ многихъ проволочекъ и возраженій, великія державы согласились, наконецъ, въ 1722 г. титуловать русскаго монарха императоромъ, не считая это нарушеніемъ прерогативъ прочихъ коронованныхъ особъ Европы.

Многіе авторы писали ошибочно, что англійскій посланникъ, лордъ Витвортъ, вскорѣ послѣ Полтавской битвы, обращаясь къ Петру Великому, далъ ему, по повелѣнію королевы Анны, титулъ императора въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Нижеслѣдующее извлеченіе изъ депеши лорда Картерета къ сэру Шаубу, англійскому посланнику въ Парижѣ, служитъ опроверженіемъ этого, и я привожу его здѣсь, такъ какъ оно можетъ пролить на этотъ вопросъ нѣкоторый свѣтъ. Соединенные штаты Америки и король прусскій признали, въ 1711 г., за Петромъ право на императорскій титулъ, но Лондонскій и Парижскій дворы не изъявили на это своего согласія. Во время происходившихъ по этому поводу переговоровъ статсъ-секретарь лордъ Картеретъ обмѣнялся нѣсколькими депешами съ англійскими посланниками въ Парижѣ, кардиналомъ Дюбуа и сэромъ Шаубомъ.

„Кардиналъ“, пишетъ лордъ Картеретъ въ одной изъ своихъ депешъ къ сэру Шаубу, отъ 2 января 1721 г., „полагаетъ, что

царя можно было бы титуловать императоромъ, не нарушая этимъ прерогативъ прочихъ державъ“.

„Король (Георгъ I) нашелъ, что кардиналъ отвѣтилъ очень умно на требованіе, предъявленное царскими послами относительно императорскаго титула. Мы будемъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ въ полномъ согласіи съ его высокопреосвященствомъ, а чтобы дать ему тѣ разъясненія, какія ему желательно получить относительно переговоровъ, происходившихъ между великобританскимъ правительствомъ и царемъ по поводу титула, то я посылаю вамъ выписку изъ архивныхъ документовъ, которую прошу сообщить ему. Московскіе послы неправы, утверждая, что этотъ титулъ данъ царю какъ удовлетвореніе въ дѣлѣ Матвѣева. Совершенно достовѣрно, что въ то время не было сдѣлано въ этомъ отношеніи никакой перемѣны.

(Выписка): „Стиль, которымъ короли Великобританіи писали московскимъ царямъ, былъ изслѣдованъ вплоть до царствованія королевы Елисаветы. Оказывается, что эти письма писались всегда на англійскомъ языкѣ и что эта королева

въ 1559 г. титуловала царя emperor (императоръ) и highness (величество).

„ 1616 г. Король Іаковъ I писалъ emperor и majesty (величество)

„ 1633 г. Король Карлъ I

„ 1666 г. Король Карлъ II

„ 1687 г. Іаковъ II и Вильгельмъ III писали emperor

„ $16^{89}/_{90}$ г. и imperial majesty (императорское величество)

„ 1707 г. Королева Анна писала до 1707 г. emperor и imperial majesty, а съ этого года начала писать commander etc, и т. д. и czaric majesty (царское величество)

„ 1708 г. Въ 1708 г., 19 іюля и 19 сентября, commander и imperial majesty (императорское величество), а 9 ноября того же года emperor и imperial majesty. Въ 1709, 1710, 1711 г.—emperor и imperial majesty.

„ 1712, 1713, 1714 гг., — emperor и czarcan, czarish и imperial majesty, то и другое и нерѣдко czarish и imperial majesty (царское и императорское величество) въ одномъ и томъ же письмѣ.

„ 1714 г., 27 сентября, въ письмѣ, извѣщавшемъ о восшествіи короля на престолъ, было написано emperor и your majesty (императоръ и ваше величество), а въ нѣсколькихъ послѣдующихъ письмахъ czarish или imperial majesty (ваше величество).

Вотъ полный титулъ:

To the most high, most potent, and most illustrions, our most dear brother, the great lord czar, and great-duke, Peter Alexejewitz, of all the Gréater, Lesser, and white Russia, Self-Upholder of Muscovia, Kiovia. Ulodomiria, Novogardia, czar of Ċażan, czar of Astrachan, czar of Siberia, lord of Plexoe, and great-duke of Smolensks, Tueria, Ugoria, Permia, Viatkya, Bolgaria, and others, lord and great-duke of Novogardia, and of the Lower Countries of Czernegorsky, Resansky, Rostovesky, Ierolsave, Beloozersky, Udorsky, Obdorski, Condinski, and *emperor* of all the Northern Coasts, lord of the Lands of Iversky, Cartilinsky, and Gruzensky, czar of the Lands of Caberdinsky, and duke ot the Mountains, and of many other Dominions and Countries, East, West, and North, from Father, and from Grandfather, Heir, Lord and Conqueror.

Лордъ Картеретъ, въ письмѣ къ кардиналу Дюбуа, пишетъ: Король легко придетъ къ соглашенію съ его христіаннѣйшимъ величествомъ, чтобы сдѣлать все, что ваше высокопреосвященство сочтете нужнымъ относительно *новаго титула*, на которомъ настаиваетъ царь, чтобы дѣйствовать вполнѣ согласно, дабы подать этому монарху надежду, что его желаніе будетъ исполнено, и тѣмъ снискать его расположеніе и получить возможность извлечь пользу изъ его честолюбія. Января 30-го, 1721 г.

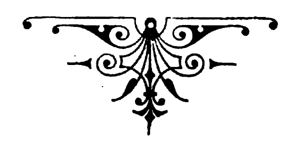
Въ депешѣ къ сэру Шаубу Картеретъ сообщаетъ: Здѣсь обыкновенно принято писать московскимъ царямъ на веленевой, раскрашенной и золотообрѣзной бумагѣ, на каковыхъ пишутъ императорамъ Феца и Марокко и нѣкоторымъ другимъ неевропейскимъ государямъ, которые въ виду этого обычая также имѣли бы основаніе настаивать на императорскомъ титулѣ. Никто не хотѣлъ отступать отъ установившагося обычая, хотя московиты усиленно о томъ хлопотали во время посольства лорда Витворта въ Москву. Посланникъ все время уклонялся отъ отвѣта и не хотѣлъ брать на себя сдѣлать это предложеніе. Онъ сказалъ имъ, что безъ труда можетъ дать этотъ титулъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ; но не совѣтовалъ имъ возбуждать этого вопроса и пытаться выяснить слишкомъ подробно, въ какомъ именно смыслѣ будетъ данъ этотъ титулъ. Московиты примирились въ то время съ этимъ. Когда на лорда Витворта и на адмирала Норриса было возложено порученіе къ царю въ Амстердамъ, то имъ были даны секретныя ввѣрительныя грамоты, въ которыхъ царь титуловался просто votre majesté (ваше величество); русскіе министры выразили вначалѣ по этому поводу нѣкоторое недоумѣніе, но не настаивали на этомъ. (Эти выписки сдѣланы изъ государственныхъ бумагъ сэра Шауба,

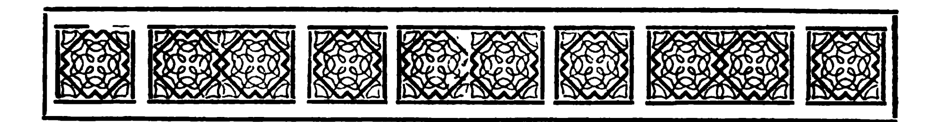
хранящихся въ рѣдкой и обширной коллекціи графа Гардвига, который извѣстенъ какъ человѣкъ просвѣщенный, готовый подѣлиться своими свѣдѣніями).

Въ (московскомъ) архивѣ хранится тринадцать томовъ дневниковъ, замѣтокъ и другихъ собственноручныхъ рукописей Петра Великаго; эти бумаги свидѣтельствуютъ о неусыпной заботливости, съ какою этотъ великій монархъ записывалъ самыя мелочныя обстоятельства, кои могли быть ему полезны при осуществленіи его обширныхъ плановъ, направленныхъ къ цивилизаціи страны и расширенію ея границъ.

Недавно Миллеръ опубликовалъ нѣсколько писемъ и документовъ, которые значительно освѣщаютъ дѣянія этого монарха и служатъ поразительнымъ доказательствомъ его настойчивости и упорства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ финляндскому „вопросу" [1]).

Заключеніе по проекту основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго: „формы правленія" и „сословныхъ привилегій", выработанному особымъ учрежденнымъ, по Высочайшему повелѣнію 9/21 Марта 1885 г., комитетомъ въ г. Гельсингфорсѣ.

Заключеніе главноуправляющаго Кодификаціоннымъ отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ статсъ-секретаря Э. В. Фриша, (печатаемое ниже съ незначительными сокращеніями) существенно дополняетъ и развиваетъ доводы, приведенные Н. А. Манассеинымъ. Оно спеціально посвящено тщательному выясненію, на основаніи самаго внимательнаго изученія подлежащихъ актовъ, вопроса о томъ, насколько постановленія отдѣльныхъ статей древнихъ основныхъ законовъ Шведскаго королевства могутъ быть примѣняемы къ Великому Княжеству Финляндскому, или, какъ болѣе точно выражено въ самомъ заключеніи, *„какія именно изъ означенныхъ шведскихъ узаконеній могутъ быть признаны сохранившими значеніе послѣ 1809 г."* и *„не утратили-ли они дѣйствіе, какъ несовмѣстные съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи?"*

Вопросъ этотъ сохранилъ всю свою капитальную важность до нашихъ дней, такъ какъ и понынѣ финляндскія притязанія въ этомъ отношеніи нисколько не ослабѣли, скорѣе—наоборотъ; между тѣмъ, несмотря на рядъ объединительныхъ мѣропріятій, предпринятыхъ въ Финляндіи нашимъ правительствомъ въ періодъ времени съ 1890 по 1904 г.,—и нынѣ частью отмѣненныхъ, частью пріостановленныхъ, — неправильность вышеупомянутыхъ притязаній никогда категорически не была оффиціально опровергнута въ законодательномъ порядкѣ. Такъ какъ, по нашему мнѣнію, историческій моментъ опредѣленнаго разрѣшенія этого запутаннаго дѣла *долженъ* когда-нибудь наступить, рано или поздно, то авторитетныя разъясненія одного изъ выдающихся нашихъ законовѣдовъ (составленныя при содѣйствіи одного изъ извѣстныхъ русскихъ знатоковъ финляндскаго права, Кронида Ивановича *Малышева* [2]), тоже недавно скончавшагося) и въ настоящее время представляютъ собою документъ выдающейся цѣнности.

---

[1]) См. „Русская Старина", 1907 г. сентябрь.

[2]) Его Трудъ „Общее Уложеніе Финляндіи 1734 г. и дополнительныя къ нему узаконенія", снабженный многочисленными ссылками и поясненіями, до сихъ поръ является настольною книгою для всѣхъ занимающихся этимъ вопросомъ.

Въ печатаемой ниже части заключенія, кромѣ общихъ соображеній, содержится разборъ древнѣйшаго изъ законодательныхъ актовъ, полагаемаго финляндцами въ основу своей „конституціи", а именно такъ называемаго „Отдѣла о Королѣ" земскаго уложенія 1442 года, изданнаго при королѣ Христоферѣ. Правда, въ настоящее время, въ 1907 году, составители новѣйшаго проекта особой финляндской конституціи уже не ссылаются въ своихъ мотивахъ на этотъ архаическій законъ непосредственно; но предшествовавшія комиссіи это, какъ видно, дѣлали. Тѣмъ не менѣе и въ новѣйшихъ проектахъ, какъ указано въ своемъ мѣстѣ, многія положенія продолжаютъ имѣть своимъ первоисточникомъ этотъ средневѣковый законодательный актъ королевства Шведскаго.

Нынѣшній Вице-предсѣдатель Хозяйственнаго Департамента Императорскаго Финляндскаго Сената, сенаторъ *Л. Мехелинъ*, вопреки позднѣйшему своему мнѣнію о томъ, что примѣнимость этого закона утратилась вслѣдствіе замѣны его позднѣйшими узаконеніями (см. примѣчаніе ниже на послѣдней страницѣ текста), вотъ какъ писалъ о томъ же законѣ въ 1888 г., въ своемъ извѣстномъ трудѣ, изданномъ на *французскомъ* языкѣ: *„Précis du droit public du grand duché de Finlande, par L. Mechelin, membre du sénat impérial de Finlande, ancien professeur de droit à l'université d'Helsingfors"* [1]).

„Глава о королѣ" (Konungabalken) изъ кодекса страны (Landslagen) 1442 года, бывъ цитирована въ § 2 закона 1772 года „о формѣ правленія", имѣетъ также мѣсто между конституціонными актами. Кодексъ 1442 г. заключалъ въ себѣ не только гражданскіе и уголовные законы, но и конституцію того времени, внесенную въ главу „о королѣ". Другія части свода 1442 г. были замѣнены кодексомъ 1734 года, но „Konungabalken" цитировался еще въ конституціонныхъ актахъ 18-го столѣтія. Настоящія ссылки приведены для того, чтобы напомнить узаконенія 1442 г. объ отношеніяхъ между монархическою властью и народомъ, не прерывая нити историческаго развитія и изложенія. Впрочемъ, въ текстѣ 1442 г. *нѣкоторыя правила не были ни исключены, ни замѣнены послѣдующими распоряженіями* [2]). Надлежитъ поэтому имѣть въ виду, что толкованіе основныхъ законовъ Финляндіи, имѣющихъ корни свои въ прошедшемъ, необходимо должно опираться на изученіе историческихъ источниковъ".

Такимъ образомъ даже одинъ изъ наиболѣе популярныхъ въ Финляндіи законовѣдовъ оказывается въ разногласіи съ самимъ собою по вопросу о примѣнимости древнѣйшаго изъ старо-шведскихъ актовъ. Такое же несогласіе, какъ извѣстно, вообще господствуетъ между финляндскими юристами по отношенію къ отдѣльнымъ статьямъ прочихъ „основныхъ законовъ", степень примѣнимости которыхъ, съ переходомъ Финляндіи подъ власть Россіи, оказывается даже и для нихъ спорною.

Н. А. Т—нъ.

---

[1]) Трудъ этотъ переведенъ въ 1888 же году на русскій языкъ К. Ѳ. Ординымъ, подъ заглавіемъ „Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора Л. Мехелина", и снабженъ весьма цѣнными примѣчаніями, впервые установившими, на основаніи непререкаемыхъ документовъ, русскую точку зрѣнія въ этомъ дѣлѣ.

[2]) Сравнить съ позднѣйшимъ мнѣніемъ того же лица. *Т.*

Необходимость приведенія въ положительную извѣстность всѣхъ дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ законоположеній, относящихся къ его управленію, съ давняго времени озабочивала Правительство. Въ тронной рѣчи Блаженныя Памяти Императора Александра II, 18 Сентября 1863 г., при открытіи финляндскаго сейма, упомянуто было о необходимости составленія свода вышеозначенныхъ узаконеній, „взамѣнъ тѣхъ постановленій коренныхъ законовъ Великаго Княжества, которыя оказываются несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія этого Княжества къ Имперіи". Вслѣдствіе сего, по программѣ, предварительно одобренной Правительствомъ $^{7}/_{19}$ Декабря 1864 г. [1]), особымъ комитетомъ изъ чиновъ Великаго Княжества былъ составленъ въ 1865 г. проектъ уложенія для сего Княжества, но проектъ этотъ не получилъ утвержденія и въ тронной рѣчи 26 Января 1867 г., при открытіи слѣдующаго сейма, было указано „на утратившуюся силою обстоятельствъ совмѣстность коренныхъ законовъ Великаго Княжества съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи" (Сб. П. Ф. 1867 г., № 12; Бергъ, I, 474, II, 21—26). Затѣмъ $^{9}/_{21}$ Марта 1885 г. воспослѣдовало новое Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ г. Гельсингфорсѣ временнаго изъ чиновъ Великаго Княжества комитета „для составленія систематическаго свода дѣйствующихъ узаконеній, относящихся къ государственному праву Финляндіи, съ присовокупленіемъ примѣчаній о томъ, что въ практикѣ права стало дѣйствовать взамѣнъ непримѣнимыхъ нынѣ или неполныхъ основныхъ законоположеній". Во исполненіе таковаго Высочайшаго повелѣнія, упомянутымъ комитетомъ составленъ проектъ свода основныхъ законовъ въ двухъ частяхъ: „форма правленія" [2]) и „сословныя привилегіи" для Великаго Княжества Финляндскаго. Обозрѣніе этихъ проектовъ показываетъ, что въ основаніе оныхъ положены древніе шведскіе законы, имѣвшіе значеніе въ Финляндіи до 1809 г.—времени ея присоединенія къ Россіи; изъ позднѣйшихъ же узаконеній, изданныхъ для Финляндіи послѣ 1809 г., комитетомъ приняты въ соображеніе регламентъ Правительствующему Совѣту (переименованному въ 1816 г. въ Сенатъ) $^{6}/_{18}$ Августа 1809 г., сеймовый уставъ $^{3}/_{15}$ Апрѣля 1869 г. и уставъ

---

[1]) Въ программѣ этой, между прочимъ, было указано: „чтобы при измѣненіяхъ, какія могутъ встрѣтиться, былъ принятъ за правило основный принципъ, составляющій главное основаніе прежнихъ законоположеній и особо означенный въ § 1 акта безопасности". (Примѣчаніе къ заключенію).

[2]) Однородный проектъ, какъ извѣстно, составленъ и въ настоящее время. *Т.*

о воинской повинности $^{6}/_{18}$ Декабря 1878 г., а также отдѣльныя положенія нѣкоторыхъ узаконеній[1]). Кромѣ того, въ цитатахъ подъ статьями 7, 15, 23, 68 и 78 проекта формы правленія, въ оправданіе и подтвержденіе заключающихся въ оныхъ частичныхъ постановленій, приведенъ „обычай", въ статьѣ 17-того же проекта—„практика", а части 18 и 69 статей онаго основаны на сдѣланныхъ комитетомъ выводахъ изъ соотвѣтствующихъ законоположеній. Такимъ образомъ большая часть статей вышеупомянутыхъ проектовъ оказываются основанными главнымъ образомъ на шведскихъ законахъ, которые, по мнѣнію комитета, сохраняютъ свою силу и въ настоящее время. Поэтому представляется существенно необходимымъ, прежде всего, выяснить, *какія именно изъ означенныхъ шведскихъ узаконеній могутъ быть признаны сохранившими значеніе послѣ 1809 г., не утратили ли они дѣйствіе, какъ несовмѣстныя съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи, и представляютъ ли они вообще достаточный законодательный матеріалъ для составленія вышеупомянутаго свода*[2]).

Предварительно обсужденія этихъ вопросовъ слѣдуетъ остановиться на тѣхъ актахъ Верховной власти, которые по поводу покоренія Финляндіи провозглашены были во всенародное извѣстіе, а потому служатъ положительнымъ матеріаломъ для выясненія отношенія Финляндіи къ Россіи. Въ Манифестѣ 20 Марта 1808 г. обнародовано: „Войска Наши съ мужествомъ, имъ обычнымъ, борясь съ препятствіями и превозмогая всѣ трудности, имъ предстоявшія, пролагая себѣ путь чрезъ мѣста, кои въ настоящее время считались непроходимыми, повсюду встрѣчая непріятеля и храбро поражая его,—овладѣли и заняли всю почти Шведскую Финляндію. Страну сію, оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ на всегда къ Россійской Имперіи и вслѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство". Засимъ въ мирномъ трактатѣ, заключенномъ въ Фридрихсгамѣ $^{5}/_{17}$ Сентября 1809 г., изображено въ ст. IV: „Его Величество Король Шведскій, какъ за себя, такъ и за преемниковъ Его престола и Королевства Шведскаго отказывается неотмѣняемо и на всегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и преемниковъ Его престола и Россійской Имперіи, отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Вели-

[1]) Они перечислены подробно въ примѣчаніи къ подлиннику, но перечисленіе это не приводится за недостаткомъ мѣста. *Т.*

[2]) Курсивъ нашъ. *Т.*

чества въ нынѣшнюю войну отъ Державы Шведской, а именно: на губерніи Кименегардскую, Ниландскую и Тавастгускую, Абовскую и Біернеборгскую съ островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазовскую, Улеаборгскую и часть западной Ботніи до р. Торнео, какъ то постановлено будетъ въ слѣдующей статьѣ о назначеніи границъ. Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются". Въ томъ же мирномъ трактатѣ въ ст. VI выражено: „Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей: обезпечивъ, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и ихъ преимущества, то Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія". Наконецъ въ Манифестѣ 1 Октября 1809 г. о заключеніи мира между Россіею и Швеціею всенародно объявлено: „По слѣдамъ древнихъ побѣдъ, въ странахъ, гдѣ Петръ Великій пріучалъ Россовъ къ воинской славѣ, храброе Наше воинство, мужественно подвизаясь, преоборяя всѣ препятствія, по глыбамъ льда проницая въ мѣста непроходимыя, отъ предѣловъ, къ столицѣ Нашей близкихъ, простерло славу Россійскаго оружія до самыхъ отдаленныхъ странъ Сѣвера: покорило Финляндію, завладѣло всѣми ея провинціями, одержало знаменитые острова Аландскіе, и объявъ Ботническій заливъ, пройдя западную Ботнію, на отдаленныхъ предѣлахъ ея утвердило свое обладаніе. На семъ великомъ пространствѣ всѣ города, порты, укрѣпленія, самыя твердыни Свеаборга пали во власть его" . . . .

Приведенныя выдержки изъ упомянутыхъ выше всенародно объявленныхъ актовъ, касающихся Финляндіи, самымъ несомнѣннымъ образомъ убѣждаютъ въ томъ, что покоренныя русскимъ оружіемъ бывшія шведскія провинціи Финляндіи вошли въ составъ Россійской Имперіи, обращены въ собственность и державное ея обладаніе и составляютъ нераздѣльную ея часть [1]) и что засимъ

[1]) Въ Высочайше одобренной 7/19 Декабря 1864 г. программѣ, въ § 1 прямо указано: „Великое Княжество Финляндское, составляя часть Россійскаго государства, состоитъ съ нимъ въ неразрывномъ соединеніи" (прим. къ заключенію).

Къ этому надлежитъ теперь присоединить категорическое постановленіе

высказываемыя мнѣнія о реальной уніи Финляндіи съ Россіею или же о личной ихъ уніи только въ Особѣ Императора не оправдываются никакими актами, а потому представляются лишенными всякаго основанія.

Съ присоединеніемъ на указанномъ выше основаніи Финляндіи къ Россіи, она, единственно по великодушному изволенію Императора Александра I, получила соотвѣтственно титулу, дарованному на Боргосскомъ сеймѣ, наименованіе и гербъ Великаго Княжества.

Независимо отъ сего Правительство неоднократно утверждало и удостовѣряло коренные законы, права и преимущества Княжества. Такъ, въ Манифестѣ Императора Александра I, подписанномъ 15/27 Марта 1809 г., въ г. Борго, было провозглашено „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“. Въ Манифестѣ 23 Марта / 4 Апрѣля того же 1809 г. объявлено: „Созвавъ сословія Финляндіи на общій сеймъ и принявъ ихъ присягу на вѣрноподданство, Мы по поводу сего желали торжественнымъ актомъ, объявленнымъ въ ихъ присутствіи въ святилищѣ, утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое сословіе въ особенности и все населеніе Финляндіи вообще пользовались до сего времени“. Засимъ въ 1825 г., при вступленіи на Престолъ Императора Николая I, въ Высочайшемъ объявленіи 12/24 Декабря этого года выражено: „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“. Равнымъ образомъ и при восшествіи на Престолъ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора

ст. 2-й Основныхъ Государственныхъ законовъ 1906 г., гласящей, что Великое Княжество Финляндское, *составляя нераздѣльную часть* Россійскаго Государства, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ только управляется на основаніи особаго законодательства. *Т.*

Александра Николаевича, въ Высочайшемъ объявленіи $\frac{19\ Февраля}{3\ Марта}$ 1855 г. возвѣщено: „Признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе отъ мала до велика, по прежнимъ установленіямъ до нынѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи". Наконецъ, въ Высочайшемъ объявленіи $^2/_{14}$ Марта 1881 г. провозглашено: „Признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, основные законы, права и преимущества, которыми каждое сословія сего Великаго Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по установленіямъ этого края до нынѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи".

Но въ то же время, по непосредственному усмотрѣнію Верховной власти, изъ года въ годъ издаваемы были новыя узаконенія и распоряженія по различнымъ частямъ мѣстнаго управленія краемъ. Эти законоположенія и постановленіи занимаютъ въ оффиціальномъ ихъ сборникѣ за время съ 1808 по 1859 г. семнадцать томовъ шведскаго текста и съ 1860 г. до настоящаго года, ежегодно по одному тому, итого 47 томовъ, не считая указовъ, вошедшихъ въ особое собраніе, за время съ 1809 по 1859 г., въ шести томахъ.

Изданныя съ 1809 г. собственно для Финляндіи многочисленныя узаконенія, за немногими, указанными выше, исключеніями, не приняты однако комитетомъ въ надлежащее соображеніе при составленіи свода дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ законоположеній, относящихся къ его управленію, а между тѣмъ сими узаконеніями замѣняются или отмѣняются многіе шведскіе законы, имѣвшіе значеніе въ Финляндіи до 1809 года.

Разсмотрѣніе и сличеніе въ семъ отношеніи положенныхъ комитетомъ въ основаніе упомянутаго выше свода узаконеній за время шведскаго владычества въ Финляндіи и позднѣйшихъ законовъ и правительственныхъ распоряженій, воспослѣдовавшихъ послѣ 1809 г.,— приводятъ къ нижеслѣдующимъ выводамъ.

I. Королевскій отдѣлъ земскаго уложенія 1442 г.

Древнѣйшимъ въ хронологическомъ порядкѣ основнымъ шведскимъ узаконеніемъ, сохраняющимъ, по заключенію комитета, свое значеніе для Финляндіи и по настоящее время, является королевскій отдѣлъ земскаго уложенія, изданнаго въ 1442 г. при шведскомъ королѣ Христоферѣ. На этотъ отдѣлъ содержится ссылка въ § 2 формы правленія 21 Августа 1772 года, а сія послѣдняя, вмѣстѣ съ актомъ соединенія и охраненія $\frac{\text{21 Февраля}}{\text{3 Апрѣля}}$ 1789 г., упоминается въ начертанной въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, при утвержденіи сеймоваго устава 3/15 Апрѣля 1869 г., надписи о сохраненіи правъ Верховной власти въ томъ видѣ, какъ они установлены упомянутыми актами 1772 и 1789 г.г. и не измѣнены сеймовымъ уставомъ [1]). Но эта Высочайшая надпись, по точному и буквальному своему смыслу, имѣетъ въ виду сохраненіе и подтвержденіе установленныхъ законами 1772 и 1789 г.г. и въ особенности послѣднимъ изъ нихъ прерогативъ Верховной власти, но никоимъ образомъ не даетъ основаній къ дѣлаемому изъ оной комитетомъ выводу о сохраненіи въ полной силѣ всѣхъ почти положеній формы правленія 1772 г. и акта соединенія и охраненія 1789 г., хотя бы эти положенія были измѣнены послѣдующими узаконеніями, изданными послѣ 1809 г. Взаимное сопоставленіе означенныхъ актовъ показываетъ, что позднѣйшій изъ нихъ по времени, именно актъ 1789 г. отмѣнилъ прежнія ограниченія королевской власти, вошедшія въ форму правленія 1772 г., какъ послѣдствіе періода сословной и преимущественно дворянской вольницы въ Шведскомъ государствѣ. Въ § 1 акта 1789 г. выражено: „Мы признаемъ, что имѣемъ наслѣдственнаго Короля, который имѣетъ полную власть управлять государствомъ, защищать, спасать и оборонять его: начинать войну, заключать миръ и союзъ съ иностранными державами, миловать, возвращать жизнь, честь и имущество; постановлять по своему высокому благоусмотрѣнію о всѣхъ должностяхъ государства, которыя должны замѣщаться урожденными шведскими людьми, и примѣнять и соблюдать законъ и правосудіе. Остальныя дѣла, относящіяся къ попеченію о государствѣ, завѣдываются какъ Королю покажется наиполезнѣйшимъ“.

Сравненіе этой статьи съ содержаніемъ королевскаго отдѣла въ

---

[1]) При утвержденіи новаго сеймоваго устава 1906 г. такихъ ссылокъ уже сдѣлано не было. *Т.*

уложеніи 1442 г., на который, какъ объяснено выше, сдѣлана ссылка въ ст. 2 формы правленія 1772 г., показываетъ, что въ этомъ отдѣлѣ 36 главъ; сначала въ немъ указывается дѣленіе Швеціи по племенамъ, епархіямъ и лагманскимъ (судебнымъ) округамъ; далѣе упоминается, что надъ всею Швеціею имѣетъ быть одинъ король выборный, а не наслѣдственный, и описывается подробно порядокъ производства выборовъ короля по лагманскимъ округамъ, принесенія избраннымъ королемъ присяги въ Упсалѣ и, затѣмъ учиненія круговаго объѣзда по всей странѣ (Эрикова пути), съ повтореніемъ въ каждомъ округѣ присяги и принятіемъ присяги отъ мѣстнаго лагмана и старѣйшихъ обывателей; наконецъ, слѣдуютъ правила о коронаціи, совершаемой Упсальскимъ архіепископомъ; о королевскомъ совѣтѣ изъ архіепископа, епископовъ и 12 рыцарей и свеновъ (riddarom oc swenom); о женитьбѣ короля и о предбрачномъ дарѣ его невѣстѣ, назначаемомъ съ согласія его совѣта; о служилыхъ людяхъ коннаго ополченія, о вооруженіи каждаго изъ нихъ на свой счетъ, о явкѣ на смотръ по округамъ и вообще объ отбываніи воинской повинности; о ямскихъ дворахъ; о нарушеніи владѣнія; о самосудѣ и нарушеніи благочинія въ судѣ; о покупкѣ тяглыхъ оброчныхъ земель бѣломѣстцами; о нарушеніи охранительныхъ королевскихъ грамотъ; о непослушаніи судебнымъ рѣшеніямъ; о взысканіи долговъ по заемнымъ письмамъ; объ охотѣ въ королевскихъ угодьяхъ; о 12 присяжныхъ въ лагманскихъ судахъ и о подсудности по дѣламъ уголовнымъ (земск. улож. Христоф. въ изд. Шлютера, сб. древн. шведск. зак., т. XII, 1869 г. стр. 7—53).

Королевскій отдѣлъ, какъ извѣстно, имѣется уже въ древнѣйшемъ Вестготскомъ уложеніи и въ дополнительныхъ къ нему статьяхъ, хотя въ нихъ содержится лишь краткій перечень первыхъ христіанскихъ Королей Швеціи съ указаніемъ, когда кто изъ нихъ избранъ на престолъ, а также перечень виръ и доходовъ, Королю принадлежащихъ (сб. Шлютера, т. I, 67, 298—304, 345). Въ болѣе цѣльномъ видѣ королевскій отдѣлъ является въ Упландскомъ уложеніи 1296 г., вслѣдъ за первымъ отдѣломъ о церкви (Corp. J. Sveo Got., т. III, 87—101); здѣсь содержатся уже довольно подробныя правила о выборахъ короля и Эриковомъ объѣздѣ страны для присяги. Еще болѣе обстоятельно изложенъ этотъ отдѣлъ въ земскомъ уложеніи Магнуса Эриксона 1347 г. (изд. Шлютера, т. X); онъ занимаетъ здѣсь первое мѣсто и содержитъ въ себѣ 33 главы, которыя впослѣдствіи, съ нѣкоторыми дополненіями, вошли въ составъ земскаго уложенія Христофера 1442 г. Въ королевскомъ отдѣлѣ сосредоточилось такимъ образомъ государственное право выборной

монархіи съ обычными для древнихъ временъ примѣсями и вставками, относящимися къ частному гражданскому праву и судопроизводству; какъ сводъ государственнаго права полудемократической державы, онъ естественно утратилъ свою силу, когда Швеція по акту соглашенія 1544 г. стала наслѣдственною монархіею, и замѣненъ потомъ другими, много разъ смѣнявшимися, узаконеніями по этой части, какъ-то формою правленія 1634 г., сеймовымъ уставомъ 1617 г., манифестомъ 9 Декабря 1680 г., формою правленія 1719 и 1720 г.г. и т. д. Уже въ изданномъ Королемъ шведскимъ Густавомъ-Адольфомъ въ 1618 г. городскомъ уложеніи, хотя первый отдѣлъ также названъ былъ королевскимъ (konunx balker), но онъ содержитъ въ себѣ уже только правила о выборахъ городскихъ бургомистровъ и ратмановъ и о должностныхъ ихъ обязанностяхъ (сб. Шлютера, т. XI). Въ 1696 г. составленъ былъ, по повелѣнію шведскаго Короля Карла XI, проектъ новаго королевскаго отдѣла и для земскаго уложенія, которое въ то время подвергнуто было пересмотру; изъ содержанія этого проекта, напечатаннаго Шредеромъ (въ 1842 г.), видно, до какой степени измѣнились къ концу XVII столѣтія, сравнительно съ временами Эриксона и Христофера, понятія о королевской власти, которая въ проектѣ положительно именуется неограниченною (Науманъ, шведск. госуд. право, т. I, изд. 1878 г., 299); послѣдовавшее затѣмъ принятіе формы правленія 1719 г. устранило помянутый проектъ и въ новое общее уложеніе Шведскаго королевства, изданное въ 1734 г., которое въ нѣкоторыхъ частяхъ и нынѣ примѣняется въ Финляндіи, королевскій отдѣлъ не былъ введенъ, потому что положенія его, касавшіяся государственнаго права, замѣнены были помянутою формою правленія 1719—1720 г.г., а отрывочныя статьи, касавшіяся гражданскаго права и судопроизводства, замѣнены правилами, изложенными, по принадлежности, въ другихъ отдѣлахъ уложенія 1734 г., въ особенности въ отдѣлѣ о судопроизводствѣ.

Но если бы вопросъ о силѣ и значеніи, ко времени изданія формы правленія 1772 г., королевскаго отдѣла въ уложеніи 1442 г. признать спорнымъ, могущимъ быть разрѣшеннымъ и въ смыслѣ сохраненія имъ своего дѣйствія къ означенному времени, то и засимъ отдѣлъ этотъ внѣ всякаго сомнѣнія никоимъ образомъ не можетъ служить основаніемъ къ установленію правилъ, по которымъ Верховная власть проявляетъ въ настоящее время свою волю въ Финляндіи. Въ этомъ вполнѣ убѣждаетъ разборъ тѣхъ главъ упомянутаго отдѣла, которыя приняты комитетомъ въ соображеніе при составленіи проекта формы правленія.

Комитетъ выбралъ изъ королевскаго отдѣла уложенія 1442 г. три главы (2, 4 и 5) и на основаніи ихъ пытается опредѣлить въ своемъ проектѣ отношенія Верховной власти къ Финляндіи, упуская изъ вида, что эти отношенія опредѣляются фактомъ покоренія и поступленія этого края въ собственность и державное обладаніе Россійской Имперіи и законами, изданными Правительствомъ послѣ 1809 г. Самые выводы и заключенія комитета по изъясненному предмету представляются не соотвѣтствующими источникамъ, изъ которыхъ они заимствованы.

Въ главѣ 2 королевскаго отдѣла указано, что надъ всею Швеціею долженъ быть одинъ Король. Отсюда комитетъ въ ст. 10 проекта выводитъ, что Императоръ и Великій Князь одинъ управляетъ Финляндіею, т. е. отдѣльно отъ всѣхъ государственныхъ установленій и силъ Имперіи, такъ что никакое вѣдомство или министерство, никакое высшее или низшее государственное установленіе Имперіи не можетъ распространять свою власть въ Великомъ Княжествѣ [1]). Верховная власть по отношенію къ Финляндіи разсматривается въ проектѣ, какъ особый Великій Князь Финляндіи, выдѣленный отъ организма Имперіи. Все это основывается только на томъ, что въ древней Швеціи, во времена Христофера, Король надъ всею Швеціею былъ одинъ. Далѣе въ главѣ 2 королевскаго отдѣла выражено, что Король Шведскій хотя и имѣетъ управлять и владѣть замками и землями, Упсальскимъ удѣломъ и пользоваться празднымъ (вымороченнымъ) наслѣдствомъ и своею долею въ штрафахъ во всей Швеціи, но при томъ условіи, чтобы духовныя и свѣтскія фрельзовыя имѣнія пользовались своими привилегіями и старинными льготами; съ этою цѣлью выборный Король Швеціи обязывался учинять присягу въ томъ, между прочимъ, что будетъ сохранять за церквами, клириками и монастырями, рыцарями и свенами и за всѣми имъ подвластными людьми и землями старое фрельзовое право, льготы и привилегіи. Комитетъ выводитъ отсюда, въ ст. 3 проекта, обязанность Верховной власти, при вступленіи въ управленіе Финляндіею, актомъ, собственноручно подписаннымъ, подтверждать и удостовѣрять сохраненіе правъ и привилегій согласно конституціи Финляндіи [2]). Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что

---

[1]) Этому отчасти соотвѣтствуетъ § 4 Общихъ постановленій современнаго проекта, согласно котораго „Государь Императоръ управляетъ Финляндіею при содѣйствіи финляндскихъ властей и должностныхъ лицъ, которыя отвѣчаютъ по закону за свои совѣты и распоряженія". *Т.*

[2]) Въ современномъ проектѣ (§ 3-й общихъ постановленій): „Государь Императоръ и Великій Князь при вступленіи на престолъ издаетъ о семъ

условный характеръ власти выборнаго Шведскаго Короля XV вѣка не можетъ имѣть никакого примѣненія къ державному обладанію Русскихъ Государей краемъ, присоединеннымъ силою оружія къ Имперіи. Если въ дѣйствительности помянутые обычные манифесты Государей съ обѣщаніемъ каждому сословію и подданному охранять права и преимущества, законно ему принадлежащія, и были съ 1809 г. издаваемы, то сіи акты Верховной власти зависѣли всецѣло отъ великодушныхъ побужденій Монарховъ, вступавшихъ въ управленіе Финляндіею, но вовсе не обусловливались правилами королевскаго отдѣла земскаго уложенія 1442 г. и не могли имѣть ничего общаго съ правилами о присягѣ выборныхъ Королей древней Швеціи, отмѣненными при томъ же въ самой Швеціи статьею 3 26 Января 1779 года.

Равнымъ образомъ представляется неправильнымъ выводъ, сдѣланный комитетомъ изъ 2 и 4 главъ королевскаго отдѣла въ ст. 4 проекта. Выборный Шведскій Король долженъ былъ жить на счетъ присвоенныхъ ему по закону доходовъ Упсальскаго удѣла и другихъ казенныхъ имѣній, и изъ этихъ имѣній не въ правѣ былъ ничего отчуждать, но обязанъ былъ сохранить и передавать ихъ безъ уменьшенія своему преемнику, въ чемъ и приносилъ присягу послѣ выборовъ. Отсюда комитетъ выводитъ такое заключеніе, что никакая часть Великаго Княжества Финляндскаго, въ настоящемъ его составѣ, т. е. послѣ присоединенія къ нему въ 1809 г. части Вестерботніи, а въ 1811 г. Выборгской губерніи, не можетъ быть отъ него отдѣляема; провинціи его всегда безъ уменьшенія должны оставаться соединенными вмѣстѣ подъ властью одного Государя [1]). Между тѣмъ очевидно, что ничего нѣтъ общаго между Упсальскимъ удѣломъ древнихъ Шведскихъ Королей и настоящимъ составомъ Финляндіи. Присоединеніе къ Шведской Финляндіи части Вестерботніи до рѣкъ Торнео и Муоніо съ г. Торнео, а равно Выборгской губерніи [2]), учиненное по усмотрѣнію Верховной власти, вызвано

населенію Финляндіи Манифестъ, въ коемъ вмѣстѣ съ тѣмъ дается удостовѣреніе о сохраненіи законовъ страны.

„Манифестъ прочитывается во всѣхъ церквахъ и храмахъ, *послѣ чего* достигшіе совершеннолѣтія обыватели страны *подтверждаютъ* присягою вѣрноподданство Монарху и *вѣрность закону*". (Курсивъ нашъ). *Т.*

[1]) Въ современномъ проектѣ соотвѣтствующая статья (§ 7 общихъ постановленій) гласитъ: „Границы Финляндіи остаются въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ нынѣ установлены, и могутъ быть измѣнены не иначе, какъ *по совокупному рѣшенію* Государя Императора и Великаго Князя *и сейма*". (Курсивъ нашъ). *Т.*

[2]) Ман. $^{2}/_{14}$ Ноябр, 1809 г. Ман. $^{11}/_{23}$ Декабря 1811 г.

было убѣжденіемъ въ удобности такого порядка мѣстнаго управленія, а потому и на будущее время отъ благоусмотрѣнія той же власти вполнѣ зависитъ выдѣлить означенныя мѣстности или извѣстную ихъ часть изъ состава Великаго Княжества, если иной порядокъ мѣстнаго управленія, по взгляду Правительства, окажется болѣе удобнымъ.

То же мѣсто Королевскаго отдѣла комитетъ указываетъ въ цитатахъ подъ ст. 67, 69 и 72 проекта, но указаніе это представляется совершенно излишнимъ, такъ какъ самое содержаніе означенныхъ статей заимствовано изъ позднѣйшихъ, въ цитатахъ къ нимъ приведенныхъ, памятниковъ законодательства.

Въ ст. 86 проекта комитетъ основываетъ на 2 и 4 главахъ королевскаго отдѣла уложенія 1442 г. неотчуждаемость кунгсгордовъ и значительныхъ казенныхъ рыбныхъ ловель, но ни о тѣхъ, ни о другихъ въ королевскомъ отдѣлѣ не упоминается: въ немъ сказано только, что король имѣетъ управлять и владѣть замками (borgom) и землями (laudom), упсальскимъ удѣломъ (upsala odhom), коронными имѣніями (kronona gootz) и всѣми королевскими правами и доходами, и изъ всего вышеозначеннаго не долженъ ничего уменьшать для другого короля, а буде сдѣлаетъ сіе какой-либо король, тогда тотъ король, который будетъ послѣ, властенъ возвратить сіе и взять назадъ, если хочетъ (гл. II); въ томъ же смыслѣ король обязывался присягою сохранить дома и земли съ ихъ ежегодными доходами и рубежами и ничего изъ нихъ не уменьшать для послѣдующаго короля (гл. IV, § 5); въ другихъ мѣстахъ королевскаго отдѣла упоминается о покупкѣ тяглой земли бѣломѣстцами и крестьянами (гл. XXX) и о запрещеніи охотиться въ королевскихъ паркахъ, при чемъ объяснено, что королевскіе парки (konungs parker) суть особливыя королевскія угодья (konungsenskylloga aeghor), какъ-то упсальскій удѣлъ и другія тому подобныя (гл. XXXIV); но о рыбныхъ ловляхъ и при томъ значительныхъ, а также о кунгсгордахъ ничего не сказано. Если считать королевскій отдѣлъ въ этой его части до нынѣ дѣйствующимъ основнымъ закономъ Финляндіи, то всѣ казенныя или коронныя имущества оказались бы неотчуждаемыми даже въ случаѣ признанія ихъ Правительствомъ для казеннаго употребленія непригодными. Исторія Шведскаго земельнаго и финансоваго законодательства (Бонсдорфъ, камер. законов., т. I, 12 и сл.; Лиліенстрандъ, о свойствахъ земель и стар. оброч. системѣ; Рейнъ, т. II, 261 и сл.) показываетъ, что и шведскіе короли, преемники Христофера, не стѣснялись правилами уложенія о неотчуждаемости казенныхъ имѣній и раздавали ихъ щедрою рукою, хотя розданныя такимъ образомъ имѣнія впослѣдствіи были снова

отобраны въ казну, при чемъ въ основаніе этой редукціи, произведенной при Карлѣ XI въ 1680 и слѣдующихъ годахъ, приводились, между прочимъ, и постановленія земскаго уложенія 1442 г.; къ числу имѣній, подлежавшихъ редукціи, т. е. отобранію въ казну, отнесены были и всѣ кунгорды и кунгсъ-ладугорды. Королевскимъ постановленіемъ 19 Сентября 1723 г. подтверждено было запрещеніе продавать въ оброчное владѣніе эти королевскія усадьбы и мызы, но въ то же время разрѣшено отдѣлять отъ нихъ для продажи принадлежащіе къ нимъ гейматы, дворы и земли. Указомъ 31 Октября 1766 г. запрещено было отдавать такія имѣнія въ потомственное арендное содержаніе или на сроки долѣе 15 лѣтъ; впослѣдствіи указомъ 17 Декабря 1799 г. дозволено сдавать ихъ въ аренду на срокъ до 30 лѣтъ и постановлены подробныя правила объ условіяхъ этой аренды. Но все это шведское законодательство не имѣетъ теперь никакого примѣненія къ Финляндіи, потому что хотя королевскія усадьбы тамъ и существуютъ (4 въ Абоской губ. и 1 въ Куопіоской губ., къ коимъ, по указу 1 Марта 1817 г., причислены были еще 2 въ Выборгской губ., подъ названіемъ hofläger) и даже на практикѣ продолжаютъ называться „королевскими" [1]), но порядокъ завѣдыванія ими и сдачи ихъ въ арендное содержаніе опредѣляется подробными правилами законовъ 26 Апрѣля 1871 г.—Что же касается казенныхъ рыбныхъ ловель, то внесенное въ статью 86 проекта правило о запрещеніи продавать болѣе значительныя изъ нихъ въ шкатовое (оброчное) владѣніе заимствовано комитетомъ вовсе не изъ королевскаго отдѣла уложенія 1442 г., но изъ циркуляра камеръ-коллегіи 22 Сентября 1802 г. (Бонсдорфъ, т. I, 235), хотя этотъ предметъ опредѣляется теперь въ Финляндіи особымъ уставомъ о рыбной ловлѣ 4 Декабря 1865 г. (Сб. П. Ф., № 39), по которому казенныя рыбныя ловли въ морѣ, рѣкахъ и озерахъ состоятъ во владѣніи казны, при чемъ она пользуется ими сама или на извѣстное время и на опредѣленныхъ условіяхъ сдаетъ ихъ въ содержаніе частнымъ лицамъ (ст. 3).—Кромѣ того, въ ст. 15 регламента Правительствующему Совѣту (Сенату) 6/18 Августа 1809 г. предусмотрѣны случаи пожалованія казенныхъ имѣній и доходовъ и дозволенія обмѣна казенныхъ гейматовъ.

Не менѣе сомнительнымъ оказывается примѣненіе 4 и 5 главъ королевскаго отдѣла къ Финляндіи и въ послѣднихъ двухъ статьяхъ

---

[1]) Курьезный архаизмъ, дожившій и до нашихъ дней, когда приближается уже столѣтіе со времени перехода Финляндіи „въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской"! *Т.*

проекта (ст. 92 и 93). Въ древней Швеціи подати и оброки тяглыхъ людей отбывались обыкновенно натурою, а потому крестьяне и въ присягѣ на вѣрноподданство Королю обязывались, между прочимъ, безъ всякаго замедленія, привозить и приносить (flytia oc föra) слѣдующія съ нихъ ежегодныя подати Королю, куда онъ прикажетъ или куда по прежнему обыкновенію слѣдовать будетъ. Это-то правило королевскаго отдѣла комитетъ примѣняетъ къ настоящему положенію Финляндіи въ томъ смыслѣ, что обоброченные въ пользу казны жители страны должны неукоснительно уплачивать свои подати и по прежнему обыкновенію привозить и доставлять ихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что обязанность финляндскихъ обывателей платить установленные подати и налоги, а равно и порядокъ взиманія этихъ податей и налоговъ вовсе не зависятъ теперь отъ законовъ шведскаго Короля Христофера или обычаевъ, предшествовавшихъ изданію земскаго уложенія 1442 г.: каждый налогъ и порядокъ его взноса и взысканія опредѣляются въ точности узаконеніями, изданными въ самой Финляндіи, которыя и должны быть соблюдаемы независимо отъ того, какіе финансовые порядки и обычаи существовали во времена шведскаго Короля Христофера. Большая часть налоговъ и сборовъ взимается теперь деньгами и потому оказывается совершенно неумѣстнымъ правило ст. 92 проекта о привозѣ податей плательщиками по прежнему, существовавшему въ XV столѣтіи, обыкновенію, напр. о привозѣ личной подати или мантальныхъ денегъ, налоговъ, гербоваго, табачнаго, карточнаго, пивовареннаго и т. п., тѣмъ болѣе, что не только окладной оброкъ съ поземельнаго владѣнія давно уже дозволено вносить по соглашенію деньгами, хотя онъ и донынѣ исчисляется отчасти на хлѣбъ, но и такъ называемый хлѣбный сборъ на содержаніе уѣздныхъ судей (герадсгевдинговъ) вносится также деньгами.

Наконецъ королевскимъ отдѣломъ уложенія 1442 г. комитетъ счелъ возможнымъ подтвердить всѣ статьи проекта посредствомъ вставки въ послѣдней (93) статьѣ онаго словъ „вопреки сему закону“ (т. е. проекту); въ концѣ этой статьи проекта, между прочимъ, выражено, что Императору и Великому Князю надлежитъ быть для всего финляндскаго народа неизмѣнно вѣрнымъ Монархомъ, который ни въ чемъ не поступаетъ вопреки сему закону (т. е. проекту). Правило сіе комитетъ выводитъ изъ постановленія упомянутаго отдѣла, въ силу коего Король шведскій, какъ выборный Король, приносилъ присягу быть вѣрнымъ всему своему народу; но въ присягѣ его было только семь пунктовъ, тогда какъ въ проектѣ 93 статьи. Изъ того же королевскаго отдѣла комитетъ выводитъ присягу финляндскаго народа на вѣрноподданство Императору и

Великому князю (ст. 3, ч. 2, проекта) и обязанность того же народа повиноваться и слѣдовать повелѣніямъ Императора и Великаго Князя „во всемъ, что Ему повелѣвать, а подданнымъ исполнять приличествуетъ" (ст. 93 проекта). Изъ этого правила возможенъ выводъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ финляндскій гражданинъ, прежде исполненія Высочайшихъ указовъ и повелѣній, имѣетъ разсудить, прилично ли ему исполнить ихъ [1]). Между тѣмъ комитетомъ не принято въ должное соображеніе, что какъ первоначальная присяга обывателей покоренной Финляндіи на вѣрное и вѣчное ихъ скипетру Россійскому подданство, въ Маѣ мѣсяцѣ 1808 г., принесена была по формѣ, преподанной главнокомандовавшимъ русскими войсками графомъ Буксгевденомъ, независимо отъ законовъ шведскаго Короля XV вѣка Христофера (цирк. предписан. гр. Буксгевдена 1808 г. Мая 27, Сб. П. Ф., I, 8; Выс. ман. 1808 Іюн. 5/17, Сб. П. Ф., I, 9), такъ и дѣйствующая нынѣ форма присяги на вѣрноподданство, опредѣленная Высочайшимъ постановленіемъ 29 Декабря 1887 г. (Сб. П. Ф. 1877 г., № 34), вовсе не содержитъ въ себѣ тѣхъ артикуловъ, какъ присяга по уложенію Короля Христофера, а напротивъ того, присягающій по этой формѣ обыватель Финляндіи обѣщается и клянется пребывать Его Императорскому Величеству, Наслѣднику Его и Императорскому Дому вѣрнымъ подданнымъ и стараться споспѣшествовать всему, что пользы и блага Его Императорскаго Величества и края касаться можетъ, а также, не щадя живота и крови, защищать Императорскую власть и, если увѣдаетъ о какихъ-либо замыслахъ къ измѣненію или отмѣнѣ оной [2]), благовременно о томъ открывать и объявлять, а равно повиноваться существующимъ въ краѣ законамъ и постановленіямъ и руководствоваться оными.

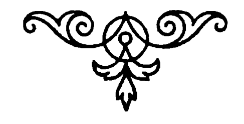
[1]) Такъ и поступаютъ на практикѣ финляндцы. Высочайшій Манифестъ 3-го февраля 1899 года о порядкѣ общегосударственнаго законодательства (см. сентябрьскую книжку „Русской Старины") и Манифестъ 29 іюня 1901 г. о воинской повинности финляндцы сочли неимѣющими „святости закона" (helighet af lag). Такъ выражено было въ пресловутомъ заключеніи комиссіи законовъ чрезвычайнаго сейма 1899 года, предсѣдателемъ которой былъ профессоръ Государственнаго права въ Гельсингфорскомъ университетѣ г. Робертъ *Германсонъ*, нынѣ, съ прошлаго 1906 г., состоящій въ должности чиновника особыхъ порученій V класса при Министрѣ-статсъ-секретарѣ Великаго княжества Финляндскаго (примѣчаніе къ заключенію). *Т.*

[2]) Не обязываетъ-ли такая присяга каждаго финляндскаго вѣрноподданнаго „благовременно открывать и объявлять" о созданіи такихъ законопроектовъ, каковъ разбираемый въ приводимыхъ заключеніяхъ и всѣ ему подобные? *Т*

Изъ вышеизложеннаго оказывается, что первый памятникъ древняго шведскаго законодательства, признаваемый комитетомъ за основной законъ Финляндіи, именно королевскій отдѣлъ земскаго уложенія 1442 г., въ дѣйствительности не заключаетъ въ себѣ ни одного положенія, которое бы можно было считать примѣнимымъ къ Великому Княжеству Финляндскому [1]).

Сообщилъ Н. А. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Къ такому же выводу пришли и издатели сборниковъ Финляндскихъ основныхъ законовъ, Сенаторы баронъ Пальменъ и Мехелинъ, справедливо утверждающіе, что примѣнимость королевскаго отдѣла уложенія Короля Христофера 1442 г. утратилась вслѣдствіе измѣненія и замѣны его позднѣйшими узаконеніями. (Примѣчаніе къ заключенію).

Несмотря на это, въ современномъ проектѣ, хотя уже и не сдѣлано болѣе ссылокъ на отдѣлъ о королѣ 1442 года, ни въ текстѣ, ни въ мотивахъ, но, какъ видно, многія весьма существенныя положенія этого обветшавшаго средневѣкового закона, изданнаго для *выборныхъ* королей, сохранены и до сихъ поръ въ примѣненіи къ Верховной Власти Россійскаго Императора, какъ особаго „Великаго князя Финляндскаго“. *Т.*

Грамота (1681 г.) Царя Феодора Алексѣевича о переоброчкѣ Печерскаго волока [1]).

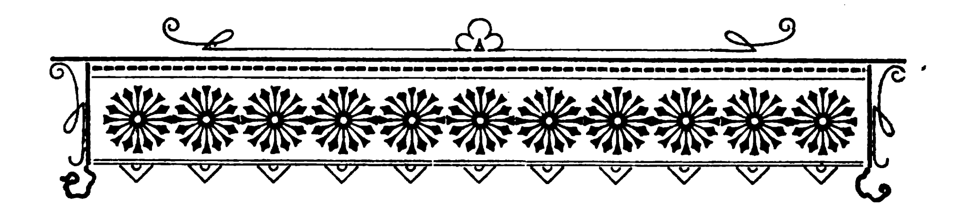
Государю Царю и Великому Князю Федору Алексѣевичу, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, холопъ твой Сенька Кондыревъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 189 году Мая въ 21-й день [2]), въ Твоей Великаго Государя Грамотѣ изъ Приказу большія казны ко мнѣ холопу Твоему писано. А велѣно, Государь, Печерской волокъ отдать на оброкъ на пять лѣтъ со 190 году безъ перекупки и наддачи Чердынскаго уѣзда крестьянамъ Петрушкѣ Доронину, Андрюшкѣ Федулову, а оброку прежняго съ того волоку по 8 рублевъ по шти алтыновъ съ 1-й деньгой въ годъ. А будетъ тотъ волокъ въ прошломъ во 188 году на оброкъ не отданъ Сенькѣ Девяткову, а буде тотъ волокъ отданъ на оброкъ Сенькѣ Девяткову, и имъ Петрушкѣ и Андрюшкѣ въ томъ волоку съ нимъ Сенькою велѣно дать торгъ; и хто изъ нихъ сверхъ прежняго оброку больше наддастъ, тому тотъ волокъ на оброкъ и отдать, и въ платежѣ оброчныхъ денегъ велѣно взять порушную запись съ добрыми поруками. А котораго, Государь, числа тотъ волокъ и кому имянемъ на оброкъ отданъ будетъ, о томъ къ Тебѣ В. Г. велѣно писать въ приказъ большей казны.

И тотъ, Государь, Печерскій волокъ по прежней Твоей В. Г. Грамотѣ въ Чердыни отданъ на оброкъ Чердынцу Сенькѣ Девяткову въ нынѣшнемъ во 189 году Октября въ 8 числѣ впредь на 5 лѣтъ для того, что онъ Сенька на тотъ волокъ въ Чердыни наддалъ наддачу большую, при ихъ Петрушкинѣ и Андрюшкинѣ, и платитъ оброчныя наддачи съ большею прибавкою по 9 рублевъ по 2 алтына по 5 денегъ на годъ. И въ томъ по немъ Сенькѣ въ Чердыни въ приказную избу, взята порушная запись, что ему тѣ оброчныя деньги впредь въ срочные годы платить повсягодно безъ доимки. А сю отписку къ тебѣ В. Г. Ц. и Великому князю Ѳеодору Алексѣевичу, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу къ Москвѣ я холопъ твой съ Чердынцомъ съ Ивашкомъ Ѳедоровомъ Іюля въ 26 день послалъ; а велѣлъ ему явиться и отписку подать въ Приказѣ большія казны Твоему Государеву Боярину Ивану Михаиловичу Милославскому съ товарищи.

---

[1]) Печорскій волокъ лежалъ на старинномъ торговомъ пути, ведущемъ изъ р. Камы въ бассейнъ р. Печоры чрезъ рѣки; Вишеру, Колву, Вишерку, оз. Чусовское, р. Березовку, Еловку, Вогулку, (составл. бассейнъ Камы) между рч. Вогул. и рч. Волосницей, впадающей въ р. Печору въ предѣлахъ Черд. у., и лежалъ означенный волокъ протяженіемъ 4 версты.

[2]) Лѣтосчисленіе велось отъ сотворенія міра, нужно читать 7189 года или за вычетомъ лѣта отъ сотворенія міра до Р. Х. 5508, будетъ 1681 г. по Рождествѣ Христовѣ.

Исторія карелъ[1]).

IV.

Подчиненіе карелъ русскими.

Ранѣе всего подчинились Новгороду карелы, поселившіеся около Олонца и карелы бѣломорскіе. Послѣ выселенія съ устьевъ Двины и береговъ Бѣлаго моря большей части карелъ къ Ладожскому озеру, Біармійское государство, и прежде не отличавшееся сплоченностью, распалось и прекратило свое существованіе. Восточно-финскія племена, вѣроятно, предки нынѣшнихъ зырянъ и пермяковъ, отодвинулись къ юго-востоку, поближе къ болгарамъ, съ которыми оставшіеся въ устьяхъ Двины карелы продолжали еще понемногу торговый обмѣнъ. Норманны, пользуясь ослабленіемъ карелъ, выступили соперниками ихъ въ сборѣ даней съ лапландцевъ на сѣверѣ, и кромѣ того, смѣло являлись для грабежа и въ устья Двины. Въ это-то время, вѣроятно, въ концѣ XI вѣка, по рѣкамъ Онегѣ, Двинѣ появляется сюда и новгородская вольница, ограничиваясь сперва сборомъ дани или вѣрнѣе говоря—грабежомъ. Подъ 1137 годомъ въ лѣтописи упоминается объ одной карельской солеварнѣ на берегу Бѣлаго моря, съ которой русскіе брали дань.

Построивъ въ концѣ XII вѣка монастырь при сліяніи Сухоны съ Югомъ, а въ началѣ XIII городъ Устюгъ, новгородцы прервали сношенія карелъ съ болгарами. Въ довершеніе несчастій въ 1222 году на бѣломорскихъ карелъ напали норманны, мстившіе за смерть своего соплеменника, и пограбили много карельскаго добра. Карелы окон-

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г. сентябрь.

чательно покидаютъ мѣстности при устьѣ Двины и передвигаются отсюда внутрь страны, не оставляя однако своихъ притязаній на берега Ледовитаго океана и лапландцевъ, что̀ продолжаетъ поддерживать враждебныя ихъ отношенія къ норманнамъ. А такъ какъ новгородская вольница, приходившая на берегъ Бѣлаго моря, оставляла, очевидно, среди карелъ часть своихъ дружинниковъ, женившихся на карелкахъ, то новгородцы начинаютъ себя считать союзниками и покровителями бѣломорскихъ карелъ. Въ 1251 году новгородскій князь Александръ Невскій отправилъ пословъ къ норвежскому королю Гакону съ жалобою на несправедливости, причиненныя норвежцами кареламъ и лапландцамъ.

Принятіе карелами христіанства по православному обряду.

Карелы въ мѣстностяхъ около Олонца уже въ XII вѣкѣ подчинялись Новгороду и, какъ христіане, платили новгородскому владыкѣ три гривны, что̀ и видно изъ устава новгородскаго князя Святослава отъ 1134 года, по которому новгородскому владыкѣ предоставлялось право получать „въ Олонцѣ 3 гривны“.

Хорошо были знакомы съ христіанствомъ, по православному обряду, и карелы, жившіе на западъ отъ Ладожскаго озера, уже въ концѣ XII вѣка. Что уже въ концѣ XII вѣка карелы, жившіе на западъ отъ Ладожскаго озера, были знакомы съ православіемъ, свидѣтельствуется словами, заимствованными ямью черезъ посредство карелъ отъ русскихъ для обозначенія очень важныхъ и первоначальныхъ понятій по части христіанства. Ямелясты были обращены въ христіанство шведами въ XIII вѣкѣ и отъ шведовъ заимствовали слова церковнаго обихода. Но среди этихъ словъ церковнаго обихода, заимствованныхъ отъ шведовъ, мы встрѣчаемъ въ языкѣ ями и вообще финновъ такія слова какъ: raamattu—библія (отъ русскаго—грамота), risti—крестъ, pappi—попъ и др. Уже Альквистъ видѣлъ въ этомъ слѣды знакомства финновъ съ православіемъ до появленія среди финновъ католицизма [1]).

Если далекая отъ Новгорода ямь успѣла къ XIII вѣку хотя и въ слабой степени познакомиться съ христіанствомъ по православному обряду, то тѣмъ болѣе должны были быть ознакомлены съ православіемъ къ XIII вѣку посредники между ямью и Новгородомъ карелы. Конечно, не всѣ карелы были христіанами: часть и въ началѣ XIII вѣка оставалась вѣрна язычеству. Быть можетъ, карелы-

[1]) Kuvauksia Suomen Kansan esihistoriasta. 260.

христіане жаловались новгородцамъ на своихъ братьевъ-язычниковъ и соплеменниковъ ямелястовъ, также язычниковъ. Это можетъ объяснить походъ новгородскаго князя Ярослава Всеволодовича въ 1227 году на ямь, во время котораго онъ крестилъ безъ малаго всѣхъ карелъ. Однако результаты насильственнаго крещенія были, по всей вѣроятности, противоположны ожиданіямъ новгородскихъ князей: карелы, вынужденные принять христіанство, отказались отъ него, какъ только новгородцы оставили карельскую землю, о чемъ карелы-христіане не замедлили донести въ Новгородъ. Но въ русской землѣ вскорѣ послѣ этого наступили такія времена, когда ни новгородцамъ, ни русскимъ князьямъ стало не до карелъ: нашествіе татаръ, шведовъ, борьба съ ливонскими рыцарями, княжескія распри отвлекли вниманіе отъ карелъ на нѣсколько десятилѣтій. Интересно, что сами новгородцы были довольно равнодушны къ вѣроисповѣднымъ спорамъ въ Кареліи. Такъ когда братъ Александра Невскаго въ 1269 году собирался въ походъ на карелъ, чтобы проучить перешедшихъ изъ православія въ язычество, новгородцы упрашиваютъ князя не дѣлать этого. Князья, какъ видно, ближе къ сердцу принимали религіозные вопросы, и въ 1278 году князь Димитрій Александровичъ съ новгородцами и суздальцами отправился въ Карелію, пограбилъ всю землю и увелъ много жителей, очевидно тѣхъ, которые были привержены къ язычеству, въ плѣнъ. Этотъ походъ долженъ былъ вызвать въ карелахъ, приверженныхъ къ язычеству, раздраженіе не только къ новгородцамъ, но и къ своимъ братьямъ—православнымъ кареламъ.

Появленіе шведовъ въ западной Кареліи и борьба ихъ изъ-за карелъ съ новгородцами.

Въ это самое время шведы покорили ямь и 1284 году дѣлали набѣгъ на Карелію. Въ 1292 году новгородцы дѣлали набѣгъ на ямь, а шведы и ямь на Карелію. Карелія къ западу отъ Ладожскаго озера сдѣлалась въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка ареною борьбы между новгородцами и шведами, слѣдствіемъ чего была потеря карелами независимости. Новгородцы только теперь поняли, какое значеніе для нихъ имѣетъ эта Карелія, обезпечивающая имъ свободный выходъ въ море. Если бы новгородцы своевременно укрѣпили конечный пунктъ воднаго пути по Вуоксѣ изъ Ладожскаго озера въ Финскій заливъ, т. е. мѣсто при Выборгскомъ заливѣ, то господство ихъ надъ всею Кареліею приладожско-балтійскою было бы обезпечено. Шведы поняли значеніе этого для нихъ не

конечнаго, а начальнаго пункта, занятіе котораго, по выраженію автора старой или Эриковой хроники, должно было причинить и причинило русскимъ „ущербъ при выходѣ“ [1]). Стремленія шведовъ къ утвержденію въ Кареліи поощрялись къ тому же римскими папами, желавшими побѣды здѣсь католичества надъ православіемъ. По всей вѣроятности, шведы нашли себѣ сочувствіе въ тѣхъ карелахъ этихъ мѣстностей, которые были привержены къ язычеству и враждебно относились поэтому къ новгородцамъ. Составляя меньшинство, карелы, приверженные къ язычеству, не могли открыто подняться противъ сторонниковъ Новгорода и ограничились лишь полезными и цѣнными совѣтами шведовъ, которые, при нашествіи въ 1293 году на Карелію, прежде всего и заложили крѣпость Выборгъ, за тѣмъ проникли до карельскаго укрѣпленія въ устьяхъ Вуоксы, овладѣли имъ и даже укрѣпили его, подчинивъ себѣ 14 карельскихъ кихлакундъ, населеніе которыхъ должно было принимать католичество. Это врядъ ли было по уму даже врагамъ православія и Новгорода: не даромъ же вслѣдъ за основаніемъ Выборга Любекъ и другіе приморскіе города жаловались, что „ихъ торговля въ Кареліи потерпѣла ущербъ отъ проникшихъ туда шведовъ“ [2]). Поэтому уже 1295 году мы видимъ новгородцевъ въ устьяхъ Вуоксы, берущихъ крѣпость Карелу и разрушающихъ ее. Большая часть кихлакундъ сбросила съ себя власть шведовъ и приняла даже себѣ правителя изъ Новгорода—нѣкоего князя Бориса Константиновича. Для утвержденія своей власти въ приладожской Кареліи новгородцы въ 1310 году вмѣсто старой крѣпости Карелы построили новую. Къ сожалѣнію, Борисъ Константиновичъ такъ сильно притѣснялъ карелъ поборами, что многіе изъ нихъ бѣжали въ Выборгъ и оттуда стали возбуждать противъ новгородцевъ населеніе. Въ 1314 году карелы возстали и, напавъ на крѣпость Карелу, перебили гарнизонъ ея и впустили въ крѣпость вызванныхъ изъ Выборга шведовъ. Какъ только въ Новгородѣ узнали объ этомъ, немедленно отправлено было войско въ Карелію, шведы были прогнаны, измѣнники-карелы казнены: значитъ, далеко не всѣ карелы принимали участіе въ возстаніи.

Послѣ этого было нѣсколько набѣговъ новгородцевъ на шведскія владѣнія, шведовъ на новгородскія, были попытки шведовъ овладѣть Кексгольмомъ, новгородцевъ—Выборгомъ (въ 1322 г.).

---

[1]) Kuvauksia Yiipurin Historiasta Laqus, стр. 5

[2]) Kuvauksia Yiipurin Historiasta Lagus, стр. 7.

V.

Орѣховскій договоръ: разграниченіе сферъ вліянія въ Кареліи шведами и новгородцами.

Въ 1323 году новгородцы строятъ крѣпость Орѣшекъ при выходѣ Невы изъ Ладожскаго озера и въ этой крѣпости, въ томъ же году, заключаютъ договоръ со шведами, съ цѣлью положить конецъ взаимнымъ набѣгамъ.

Договоръ точно установилъ границу между владѣніями шведовъ и новгородцевъ, „въ немъ точно перечислены мѣста, по которымъ шла граница, но тогдашнія названія многихъ мѣстъ вышли изъ употребленія, вслѣдствіе чего нельзя съ точностью рѣшить, гдѣ они были“ [1]). Граница была проведена по слѣдующимъ пунктамъ: отъ Финскаго залива по Сестрѣ-рѣкѣ на притокъ Вуоксы Саде и по ней до Вуоксы, отъ Пяйвякиви на Вуоксѣ къ Рускіавуори, Леммонлампи, Пеккехенсуо, Кангасъярви, Пурнуярви, Айтаярви, Торсаярви къ Сяркилахти на берегу Сайменскаго озера. Начиная отсюда, граница шла на сѣверо-западъ: Сяаминги, Лиитенселька, Карьяланкоски, Колинакоски на рѣку Пюхяйоки, по которой далѣе граница шла до Ботническаго залива, т. е. къ владѣнію Новгорода отходила небольшая часть нынѣшней Михельской губерніи, почти цѣликомъ Куопіоская и Улеоборгская губерніи.

Шведы по орѣховскому договору получали себѣ юго-западную окраину карельской земли: Саво—центральную часть нынѣшней Михельской губерніи, Яски—части Выборгской губерніи, прилегающія къ Сайменскому озеру, и Эвряпя—прибрежная полоса Выборгской губерніи между приблизительно Финскимъ заливомъ и рѣкою Вуоксою съ притокомъ ея Саде. Иначе говоря, новгородцы теряли тѣ самыя части Кареліи, гдѣ вѣроятно преобладали враждебные имъ карельскіе элементы. Сравнительно съ Кареліею новгородскою населеніе здѣсь было, очевидно, рѣдкое; что видно изъ предоставленнаго шведами права новгородскимъ кареламъ производить рыбную ловлю и охоту на бобровъ въ областяхъ, отошедшихъ къ шведамъ, которые, благодаря этому, могли при всякомъ удобномъ случаѣ возбуждать новгородскихъ карелъ противъ Новгорода, равно и получать необходимыя свѣдѣнія о своемъ противникѣ. А чтобы новгородцы не имѣли возможности прибѣгать къ тѣмъ же пріемамъ, для шведскихъ карелъ не было такого же права относительно ловли рыбы и бобровъ въ новгородскихъ предѣлахъ.

---

[1]) Suomen Historia. Lindequist. 1905, стр. 61.

Въ 1326 году новгородцы заключили миръ и съ норвежцами для прекращенія борьбы бѣломорскихъ карелъ съ норвежцами, на которыхъ карелы дѣлали набѣги въ 1271, 1279, 1302 г. такъ что норвежскій король Мауну жаловался даже папѣ и тотъ проповѣдывалъ крестовый походъ на бѣломорскихъ карелъ. Норвежцы для защиты своихъ владѣній построили крѣпость Varjaka. По миру 1326 года побережье Ruija и Turjanіemi отъ Malankiouono до Vielijoki сдѣлали общею областью, на которой новгородцы брали подати со своихъ лапландцевъ, норвежцы—со своихъ.

Купцы того и другого государства могли безпрепятственно торговать въ области другого [1]). Въ этомъ усиленіи набѣговъ на Норвежскія владѣнія нельзя не видѣть участія „удалыхъ добрыхъ молодцевъ" Новгорода, которые по берегамъ Бѣлаго моря селились среди карелъ, смѣшивались съ ними и содѣйствовали обрусенію ихъ, слѣдствіемъ чего по настоящее время у нѣкоторыхъ поморовъ фамильныя прозвища финскаго происхожденія. Изъ-за обилія рыбы и пушного звѣря въ этихъ мѣстностяхъ новгородскіе бояре берутъ на откупъ или покупаютъ земли поморья, заводятъ рыбные и звѣриные промыслы въ Поморьѣ. Для управленія угодьями и промыслами сюда посылались боярскіе слуги, положившіе начало новгородскимъ колоніямъ въ Поморьѣ [2]). Новгородская власть такимъ образомъ утверждалась и здѣсь.

Внѣ посторонняго вліянія еще и въ XIV вѣкѣ оставались лишь приботническіе карелы: хотя по условіямъ Орѣховскаго договора они и отходили подъ власть Новгорода; но они слишкомъ были далеки и отъ новгородцевъ и отъ шведовъ. „Въ 1365 году королю Альбрехту Мекленбургскому была подана жалоба на торговыя путешествія карелъ сѣвера. Они ѣздили въ Ульвилу, Або и Стокгольмъ, гдѣ имъ позволено было бывать. Но они плавали и того дальше: въ Ревель и другія запрещенныя мѣста. Король строго запрещаетъ имъ дѣлать это, запрещаетъ жителямъ Ульвилы и сѣверянамъ имѣть общеніе съ поселяющимися среди нихъ карелами во время ихъ торговыхъ поѣздокъ. Фохтамъ Сатакунты предписывалось слѣдить за исполненіемъ этого приказанія" [3]).

Шведы, какъ видно отсюда, не признаютъ еще ихъ своими подданными. Новгородцы, повидимому, на основаніи Орѣховскаго договора считали этихъ карелъ въ числѣ своихъ подданныхъ. Хотя по отдаленности ихъ отъ Новгорода и не могли чѣмъ-либо проявить

---

[1]) Suomen Keskiajan Historia. 162.

[2]) Верещагинъ. Очерки Архангельской губерніи. Спб. 1849.

[3]) Suomen Keskiajan Historia. 177.

свою власть надъ ними до 1377 года, когда они впервые появились въ устьяхъ Улео для того, чтобы разрушить построенную въ 1375 году карелами въ устьѣ рѣки крѣпость [1]).

Съ построеніемъ шведами Выборга, съ занятіемъ новгородцами Карелы, т. е. нынѣшняго Кексгольма, непосредственный обмѣнъ карелъ съ ганзейцами, крупныя торговыя сдѣлки съ ними перешли въ руки шведовъ и новгородцевъ, вслѣдствіе чего должно было пасть и значеніе у карелъ правителей старѣйшихъ въ ихъ кихлакунтахъ и маакунтахъ, которые до сего времени и вели торговыя дѣла съ ганзейцами, и лишь правители старѣйшины въ переварахъ остаются до самаго XV вѣка. Самое названіе кихлакунты въ новгородской Кареліи замѣнилось словомъ погостъ. Карелы съ этого времени обращаются въ мелкихъ поставщиковъ для новгородцевъ и шведовъ продуктовъ охоты и рыболовства—шкурокъ пушныхъ звѣрей и вяленой рыбы. Кромѣ того они продолжаютъ торговать дѣвушками, которыхъ похищали другъ у друга, такъ что король Биргеръ въ 1316 году долженъ былъ издать особое постановленіе съ цѣлью помѣшать похищенію и торговлѣ карельскими дѣвушками [2]). Въ это же время приблизительно у карелъ появляется новый предметъ для обмѣна и торговли—лошадь. Послѣ принятія карелами христіанства лошадь перестала быть священнымъ животнымъ, наиболѣе угоднымъ въ жертву богу. Тѣмъ не менѣе уходъ за нею не ослабѣлъ въ виду того спроса, который возникъ на нее со стороны русскихъ и шведовъ. Шведское правительство уже въ 1347 году старается ограничить право продажи населеніемъ Выборгской области лошадей русскимъ [3]). На-ряду съ этимъ карелы начали заниматься и земледѣліемъ. Постоянныхъ полей у нихъ еще не было; они сѣяли рожь, овесъ, ячмень на пожогахъ въ лѣсу.

Русское вліяніе среди карелъ; вражда между русскими карелами и шведскими карелами.

Въ домашнемъ быту карелъ начало сказываться вліяніе новгородцевъ. Множество русскихъ словъ, заполняющихъ въ настоящее время карельскій языкъ и служащихъ для обозначенія частей дома, пристроекъ, одежды, посуды, кушаній, родственныхъ отношеній и пр., указываютъ на заимствованіе этихъ явленій отъ новгородцевъ. Это заимствованіе и началось приблизительно съ XII вѣка. Около

---

[1]) Suomen Keskiajan Historia, 242.

[2]) Suomen asukaat pakanuuden aikana. Aspelin, 66.

[3]) Savonlinnan läänin oloista vuoteen 1571. Hannes Gebhard 1889, стр. 105.

того же времени карелы начали принимать и христіанство. Въ шведскихъ податныхъ спискахъ отъ 1571 года крестьянъ нынѣшней Михельской губерніи, или тогдашней Саво, встрѣчается много русскихъ прозвищъ или фамилій, сохранившихъ вполнѣ русскую форму или видоизмѣнившихся на финскій ладъ. Таковы напр. въ этихъ спискахъ фамиліи: Холстъ, Ильины, Карпины, Козьмины, Нитины, Печины, Болышевы, Булкины, Тихоновы, Миколкины и пр. Карельскія прозвища имѣютъ русскую форму: Куркины, Нерпуевы, Шухкины и пр. Крестьяне, носившіе эти фамиліи еще въ XV вѣкѣ, были или потомками тѣхъ карелъ, которые жили здѣсь до уступки новгородцами этой области шведамъ въ 1323 году по Орѣховскому договору, или потомками бѣжавшихъ сюда карелъ послѣ возстанія ихъ противъ Новгорода въ 1337 году. Во всякомъ случаѣ уже до XIV вѣка карелы носили православныя имена Ильи, Карпа, Козьмы, Миколы и др., носили русскія прозвища, карельскія— передѣлывали на русскій ладъ. Тотъ же фактъ, что въ области Саво, отошедшей къ шведамъ, такія русскія прозвища сохранялись болѣе двухъ столѣтій, указываетъ, насколько твердо были усвоены карелами эти русскія прозвища, для чего русскія прозвища должны были быть принятыми не тѣмъ поколѣніемъ, которое перешло съ ними подъ шведскую власть, а значительно ранѣе, т. е. въ началѣ XIII вѣка, или, какъ выше указывалось, въ XII вѣкѣ. На утвержденіе христіанства среди приладожскихъ карелъ началъ оказывать сильное вліяніе Валаамскій монастырь, повидимому, уже существовавшій въ XIII вѣкѣ.

Орѣховскій договоръ раздѣлилъ Карелію на двѣ части: шведскую и русскую; въ шведской карелы перешли въ католичество, и это сразу создало довольно большое различіе между ними и русскими карелами, исповѣдывавшими православіе. Впрочемъ, незначительная часть новгородскихъ карелъ не вполнѣ еще примирилась съ новгородскою властью и не успѣла еще привязаться къ православію. Шведы съ своей стороны не упускали случая поддерживать въ этой части карелъ недовольство новгородскою, или русскою, властью и православіемъ, которыя съ этого времени стали тѣсно связываться одно съ другимъ. Питая недовольство на новгородцевъ и православіе, эти карелы въ особенности были злы на своихъ братьевъ же карелъ, приверженныхъ къ православію и сторонниковъ Новгорода. Въ скоромъ времени новгородцы своими дѣйствіями въ Кареліи дали возможность недовольнымъ какъ бы оправдать мотивы своего недовольства на зависимость отъ Новгорода. Въ 1333 году новгородцы отдали приладожскую Карелію вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими землями въ кормленіе литовскому князю Норимонту

Гедиминовичу, который послалъ сюда своего сына Александра. Александръ, поселившись въ Орѣшкѣ, сталъ сильно черезъ посредство своихъ чиновниковъ притѣснять карелъ и обременять ихъ податями. Число недовольныхъ стало увеличиваться: снесясь съ Выборгомъ и заручившись обѣщаніемъ на помощь, недовольные въ 1337 году подняли возстаніе, перебивъ въ Кареліи новгородцевъ и ладожскихъ купцовъ и многихъ карелъ, приверженныхъ къ православію. Масса населенія не поддержала возставшихъ, и тѣ вынуждены были бѣжать въ Выборгъ. Въ 1338 году они вмѣстѣ со шведами и шведскими карелами дѣлаютъ набѣгъ на новгородскія владѣнія: жгутъ предмѣстья Ладоги, производятъ опустошенія по берегамъ Онежскаго озера, дѣлаютъ попытку взять Копорье. Разбитые новгородцами, они отступаютъ къ Выборгу. На требованіе новгородцевъ выдать бѣглыхъ карелъ шведы отвѣтили отказомъ, ссылаясь на то, что бѣглецы перешли въ католичество, и что число ихъ невелико. Это возстаніе имѣло то значеніе, что оно удалило изъ новгородской Кареліи всѣ тѣ элементы, которые не были расположены къ новгородцамъ и православію; оставшіеся карелы безъ исключенія уже были привержены къ православію и преданы новгородцамъ. Съ этого времени шведскій карелъ-католикъ въ глазахъ новгородскаго былъ „ryovru“ т. е. шведъ, новгородскій православный карелъ въ глазахъ шведскаго—„венеляйненъ“, т. е. русскій. Начинается почти непрерывная партизанская война; карелы шведской стороны дѣлаютъ набѣгъ на карелъ новгородской стороны, послѣдніе мстятъ тѣмъ же. Деревни при этомъ сжигались, люди замучивались до смерти, хлѣбъ на пожогахъ выкащивался.

До подчиненія Новгорода Москвою приладожская Карелія управлялась наслѣдниками Наримонта.

Приботническіе карелы въ XIV вѣкѣ.

Объ участи, постигшей приботническую Карелію, разскажемъ по „Suomen Keskiajan Historia“ Форстрема. „Новгородскіе карелы по Орѣховскому миру получили себѣ всю сѣверную лапландскую глушь до рѣки Пюхяйоки. Имъ принадлежало и сѣверное прибрежье Ботническаго залива. Но это право владѣнія на практикѣ ничего не значило. Карельская колонизація сѣвера была слишкомъ слаба для того, чтобы быть въ состояніи помѣшать движенію съ юга ямелястовъ; и Новгородъ былъ слишкомъ далекъ для того, чтобы быть въ состояніи блюсти тамъ интересы своихъ подчиненныхъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Орѣховскаго мира на сѣверѣ уже находилось

нѣсколько общинъ, жители которыхъ платили десятину католическимъ попамъ и исполняли установленія римско-католической церкви. Самыми старыми здѣсь были Салойсткая и Кемиская общины, имена которыхъ первый разъ упоминаются въ уставѣ отъ 1329 года короля Мауну Эрика относительно десятины. Хотя переселенцы-ямелясты посредствомъ права захвата присвоили себѣ сѣверное прибрежье, однако шведское правительство вначалѣ не предпринимало никакихъ принудительныхъ мѣръ противъ жившихъ тамъ карелъ. Политическая мудрость требовала соблюденія такой осторожности столь долго, пока опредѣленія Орѣховскаго договора были въ свѣжей памяти, такъ что неудобно было ихъ нарушать явно. Карелъ сѣвера не выселяли и не принуждали силою принимать католичество. Поэтому они, какъ кажется, жили въ довольно своеобразномъ положеніи, не будучи подданными ни того, ни другого государства. Въ документахъ XIV вѣка иногда говорится объ этихъ карелахъ сѣвера. Такъ передается, что архіепископъ Упсальскій Хеммингъ (1342—1351) во время одной ревизіонной поѣздки окрестилъ въ Торнео десятка два карелъ и лапландцевъ. Крещеніе было совершено въ большой ваннѣ, поставленной въ церкви, въ присутствіи толпы народа. О карелахъ этихъ говорится, что они были родомъ изъ Улеоборга, Кеми и Симо" (176—177). Набѣги новгородцевъ на сѣверныя прибрежья Ботническаго залива, начавшіеся съ 1377 года, не могли измѣнить здѣсь положенія дѣлъ.

Бѣломорскіе карелы въ XIV и XV вѣкахъ.

Двинскіе карелы, несмотря на мирный договоръ 1326 года, въ теченіе XIV, XV вѣковъ предпринимали набѣги на норвежскія владѣнія, на чтò норвежцы платили тѣмъ же. Характеръ набѣговъ былъ тотъ же, что и въ приладожской Кареліи. Набѣги эти нисколько не вліяли на положеніе ни Новгорода, ни Норвегіи. Расплачивались за эти набѣги лишь несчастные лапландцы, которые должны были платить какъ-бы контрибуціи и тѣмъ и другимъ и за тѣхъ и за другихъ. До XV вѣка русскія поселенія по берегамъ Бѣлаго моря были малолюдны. Возникновеніе въ XV вѣкѣ Соловецкаго монастыря на Бѣломъ морѣ оказало большое вліяніе на обрусеніе прибѣломорскихъ карелъ, среди которыхъ проповѣдь православія энергично стала вестись подвижниками, выходившими изъ этого монастыря и доходившими иногда до приботническихъ карелъ. Кромѣ того, послѣ набѣга норвежцевъ въ 1419 году на берега Бѣлаго моря, при чемъ они вошли даже въ Сѣв. Двину и

разорили деревни по берегамъ ея, русскими построены были остроги въ Колѣ, Керети, Кеми и Сумѣ, въ которыхъ содержаніе гарнизоновъ принялъ на себя Соловецкій монастырь. Поэтому въ 1429 году все поморье отдалось подъ защиту Соловецкаго монастыря.

Приладожская Карелія въ XV и началѣ XVI вѣковъ; споры со шведами изъ-за границъ.

Въ приладожской Кареліи въ теченіе XV, XVI вѣковъ возникаетъ много монастырей, содѣйствовавшихъ утвержденію православія среди карелъ: Свирскій по Свири, Андрусова пустынь (Олон. уѣздъ), Ильинскій женскій монастырь (Повѣнецк.), Никольскій (Ладожск.), Сяндебскій (Олонецк.), Яблонская пустынь (Олон.), Брусенскій (Петроз.), Задненикифоровскій (Олон.), Климецкій (Петр.), Машезерская пустынь [1]). Валаамскій монастырь, имѣвшій скиты по сѣверозападнымъ берегамъ Ладожскаго озера, пользовался уже въ то время уваженіемъ среди приладожскихъ карелъ, проторившихъ себѣ уже въ XV вѣкѣ дорогу отъ Олонца на Сердоболь, на который богомольцы направлялись для того, чтобы отсюда безопаснѣе переправиться на Валаамъ.

Кромѣ монастырей, владѣвшихъ въ качествѣ землевладѣльцевъ многими деревнями, вліяніе на обрусеніе карелъ оказывали въ Южной Кареліи и появившіяся здѣсь дѣти боярскія и вообще введенные новгородцами порядки. Такъ Карелія была подѣлена на погосты, которые въ верхней Кареліи дѣлились на перевары. Перевары въ это время были уже болѣе многолюдными и состояли изъ нѣсколькихъ деревень каждая. Такъ въ Куркіокской переварѣ было 13 деревень. Подати собирались по сохамъ и обжамъ. Болѣе же всего оказывало вліяніе на обрусеніе, какъ и прежде, участіе въ новгородской торговлѣ, которая часто направлялась исключительно черезъ Карелу, т. е. Кексгольмъ.

Сообщилъ В. Крохинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Памятная книжка Олонецк. губ. 1867 года.

Замѣтка

къ „Воспоминаніямъ судебнаго дѣятеля".

Говоря въ настоящемъ № „Русской Старины" о дѣлѣ Овсянникова, осужденнаго за поджогъ застрахованной мельницы, я упоминаю о *сообщеніяхъ газетъ* о томъ, что въ Сибири и затѣмъ въ Царскомъ Селѣ Овсянниковъ проживалъ въ нищетѣ и въ крайне неприглядной матеріальной обстановкѣ. Соотвѣтствовали ли эти сообщенія дѣйствительности или были преувеличены, а также не были ли вводимы органы печати въ заблужденіе съ цѣлью вызвать состраданіе къ старику, непрерывно ходатайствовавшему о помилованіи,—сказать трудно. Быть можетъ положеніе сосланнаго было вовсе не такъ тяжело, какъ описывалось это въ нѣкоторыхъ газетахъ. На эту мысль наводитъ статья товарища прокурора одного изъ прикамскихъ Окружныхъ Судовъ г. И. М. „Милліонеръ въ ссылкѣ", помѣщенная въ декабрьской книжкѣ „Недѣли" за 1897 годъ. Въ ней подробно описывается рядъ отступленій отъ устава о ссыльныхъ въ пользу Овсянникова, съ которыми тщетно боролся товарищъ прокурора и починъ которыхъ принадлежалъ приказчику или какому-то родственнику ссылаемаго, тратившему, по слухамъ, большія суммы для доставленія ему всевозможныхъ облегченій и удобствъ. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы родственники Овсянникова, участливо заботясь о немъ въ пути, могли оставить его на произволъ судьбы въ мѣстѣ ссылки и по возвращеніи его въ Петербургскую губернію.

А. Ѳ. Кони.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**.

ворѣчія. Они намъ знакомы по біографіямъ другихъ нашихъ и не только великихъ людей. Эта „любовь къ Россіи вдали отъ нея“, которая только на первый, поверхностный взглядъ можетъ показаться въ своемъ родѣ „странною“ и дать поводъ вспомнить слова, сказанныя кѣмъ-то въ одномъ изъ романовъ П. Д. Боборыкина: „Русскій человѣкъ особенно сильно любитъ свое отечество, когда у него заграничный паспортъ въ карманѣ“. Этотъ мотивъ тяготы и горечи русскихъ впечатлѣній и отношеній повторяется во многихъ письмахъ Гоголя. Въ отвѣтъ на письмо Погодина, гдѣ послѣдній, сообщая о смерти Пушкина, зоветъ Гоголя въ Россію, Гоголь пишетъ между прочимъ: „Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли, чтобы повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ? Для чего я пріѣду? Не видалъ я развѣ дорогого сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ? О, когда я вспомню нашихъ судей, меценатовъ, ученыхъ умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли!“ Съ другой стороны искренняя, несомнѣнная любовь къ Россіи проявляется въ многочисленныхъ строкахъ, подобно слѣдующимъ: „Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, неяркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядящимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны?“ Только на „чужбинѣ“ онъ ощущалъ живое дѣйствіе этой любви, этого стихійнаго тяготѣнія къ своему національному цѣлому.

По мнѣнію автора книги у Гоголя была въ чрезвычайной степени развита потребность осуществить свою общественную стоимость. Впослѣдствіи, съ дальнѣйшимъ развитіемъ художественныхъ и, вообще, душевныхъ силъ Гоголя стремленіе вліять на общество, служить ему посредствомъ художественнаго слова, подсказываетъ писателю своеобразную теорію служенія отечеству и государству въ качествѣ моралиста. Отсюда—послѣдніе годы жизни Гоголя. Характерно слѣдующее мѣсто изъ „Авторской исповѣди“: „...какъ только я почувствовалъ, что на поприщѣ писателя могу сослужить также службу государственную, я бросилъ все“... Изученіе этихъ стремленій и даетъ возможность глубже проникнуть во внутренній міръ этого загадочнаго человѣка, и намъ становится яснѣе тѣ душевныя состоянія, которыя переживалъ онъ, когда, созерцая Русь изъ прекраснаго далека, созидалъ свою національную „поэму“. Блестяще разработанъ авторомъ труда также вопросъ о морализмѣ и мистицизмѣ въ главѣ о „душевномъ дѣлѣ“ Гоголя, когда впервые съ достаточно яркою силой проявилось стремленіе, характерное для развитія нашего общественнаго самосознанія и выраженное въ формулѣ Н. К. Михайловскаго: „Какъ мнѣ жить свято“.

Проф. Овсянико-Куликовскій въ заключеніи приходитъ къ той мысли, что противорѣчіе между указанными особенностями его ума и его геніальностью было причиной того умственнаго разлада съ самимъ собой, который составлялъ одну изъ видныхъ сторонъ сложной душевной драмы и общей неуравновѣшенности этого великаго человѣка. Крылья его генія были подрѣзаны... Съ однимъ только необыкновеннымъ художественнымъ дарованіемъ Гоголя его геній находился въ полной гармоніи.

Помимо своеобразно задуманной и четко-отдѣланной картины душевной жизни великаго человѣка, изслѣдователь обнаружилъ массу цѣнныхъ и тонкихъ психологическихъ наблюденій по разнообразнымъ поводамъ. Повторяемъ, книга не затеряется. Она прекрасна.

Вас. Я.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVIII-й. НОЯБРЬ. 1907 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: Портретъ генералъ-фельдмаршала Вел. Кн. **Николая Николаевича** и планъ положеній эскадры адмирала Виттефта въ бою 28 іюля 1904 года.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1908 года.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда», Морская, 65.
1907.

Библіографическій листокъ.

И. С. Бѣляевъ. Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII столѣтій. М. 1907.

Небольшая книга И. С. Бѣляева сослужитъ немалую службу не только архивисту, занимающемуся старинными документами, но и юристу, историку, филологу, изучающимъ русскую письменность и не имѣющимъ навыка въ чтеніи документовъ. „Чтобы обезпечить возможность непосредственно приступить къ занятію старинными документами, не тратя времени на предварительное изученіе механизма ихъ чтенія въ архивахъ, а имѣть, наоборотъ, въ запасѣ въ своемъ распоряженіи болѣе или менѣе необходимыя для того свѣдѣнія“, авторъ выпустилъ свою книгу, „которая тѣмъ и отличается отъ другихъ подобныхъ трудовъ въ этой области, что въ своемъ основаніи имѣетъ прежде всего практическій способъ изученія древней русской скорописи“, этого наиболѣе труднаго отдѣла палеографіи. Въ этой области г. Бѣляеву принадлежитъ первый починъ. Тогда какъ въ прежнихъ изслѣдованіяхъ для изученія скорописи давались только снимки съ транскрипціями, г. Бѣляевъ предлагаетъ цѣлый рядъ методическихъ указаній, съ помощью которыхъ уже нетрудно разобраться въ любомъ скорописномъ манускриптѣ. Ему пришлось объяснить впервые, только на основаніи документальныхъ данныхъ, и особыя начертанія буквъ, и титла, и вязные заголовки, и бѣлорусское письмо. Изложивъ въ краткомъ, но содержательномъ общемъ очеркѣ исторію русскаго письма, давъ въ снимкахъ полную скорописную азбуку, гдѣ число типическихъ изображеній каждой буквы доходитъ до десятка, изслѣдовавъ всевозможныя особенности въ начертаніяхъ буквъ, г. Бѣляевъ предлагаетъ рядъ превосходныхъ снимковъ съ типичныхъ образцовъ скорописи, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ отъ XVIII до XV вѣка, и при томъ по степени сравнительной трудности чтенія. Каждый снимокъ снабженъ не только точной транскрипціей, но и весьма обстоятельными объясненіями, для которыхъ г. Бѣляеву, какъ первому серьезному работнику въ этой сферѣ, пришлось даже самому изобрѣсти номенклатуру. Не совсѣмъ удачны попытки автора дать истолкованіе различныхъ словъ, встрѣчающихся въ прежнихъ актахъ и не употребляющихся въ современныхъ, и его грамматическіе экскурсы, не имѣющіе прямого отношенія къ области палеографіи. Можемъ отмѣтить также двукратную невѣрную транскрипцію одного слова на стр. 36 (снимокъ № 12): „коширскіе“ вмѣсто легко читаемаго „каширскіе“. Книга г. Бѣляева, конечно, пробудитъ интересъ къ изученію русской скорописи и дастъ толчокъ къ появленію другихъ подобныхъ трудовъ. Занимающіеся палеографіей филологи и изучающіе исторію русскаго права юристы найдутъ въ ней полезное пособіе. *В. П.*

Галицкая Русь прежде и нынѣ. Историческій очеркъ и взглядъ на современное состояніе Очевидца. Спб. 1907.

Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III выпустило эту книжку, принадлежащую, какъ говоритъ предисловіе, перу „уроженца Галиціи, историка и знатока русско-галицкихъ отношеній“, пытающагося заинтересовать русское общество судьбою „трехмилліонной части русскаго народа, которая, политически давно оторванная отъ своего племенного ствола, обречена жить и бороться за свои національныя права подъ тяжкимъ гнетомъ чуждыхъ ей стихій и столь нуждается хотя бы въ нравственной дружественной поддержкѣ великой и независимой братской Россіи“. Уже много лѣтъ галичане, борющіеся на два фронта—съ нѣмецкимъ и польскимъ враждебными элементами, упорно добиваются политическихъ и культурныхъ правъ. Объ трудностяхъ этой борьбы говорятъ такіе общеизвѣстные факты, какъ изгнаніе изъ гимназій Галиціи и Буковины русскихъ учениковъ за чтеніе русскихъ книгъ, или привлеченіе администраціей львовскаго греко-католическаго капитула священниковъ-русскихъ къ отвѣтственности за то, что они приняли участіе въ пушкинскомъ юбилейномъ торжествѣ 1899 г. и, будучи

Отъ Редакціи.

Симъ доводится до свѣдѣнія г.г. подписчиковъ и всѣхъ лицъ имѣющихъ къ редакціи какія-либо дѣловыя отношенія, что съ 20-го Іюля сего 1907 г. она перемѣнила квартиру, а потому теперь слѣдуетъ обращаться по новому адресу: С.-Петербургъ, Фонтанка, д. №. 18, кв. 4.

Генералъ-Фельдмаршалъ
Великій Князь Николай Николаевичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1908 годъ.

Вступая въ 1908 году на тридцать девятый годъ своего существованія, „**Русская Старина**", благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: Е. К. Андреевскаго, Е. А. Боброва, И. Н. Божерянова, Н. Д. Бутовскаго, Н. Н. Вельяминова, К. А. Военскаго, А .А. Голомбіевскаго, С. М. Горяинова, Г. К. Градовскаго, П. Я. Дашкова, Н. М. Затворницкаго, П. А. Ефремова, Е. С. Каменскаго, Н. Н. Каразина, Ю. С. Карцева, А. Ѳ. Кони, Н. О. Лернера, П. М. Майкова, П. Д. Паренсова, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. Ф. Руднева, В. И. Саитова, Д. А. Скалона, М. К. Ссколовскаго, Т. О. Соколовской, А. И. Успенскаго, Д. И. Успенскаго, И. А. Шляпкина, Е. С. Шумигорскаго, Н. Д. Чечулина, А. И. Фаресова и др.

Въ 1908 году будутъ напечатаны:

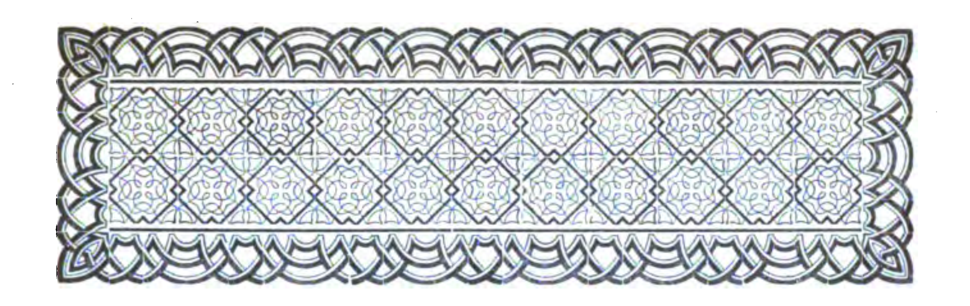
А. Ф. Кони—„Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля" и „Житейскія встрѣчи", **Г. К. Градовскаго**—„Изъ минувшаго", **Ю. С. Карцева**—„За кулисами дипломатіи", **П. Д. Паренсова**—„Изъ прошлаго", воспоминанія—**Д. В. Скалона**, записки генерала **Домантовича**, «Война за независимость славянъ 1877—1878 гг.» **П. Д. Зотова, А. Бѣломора**—«Изъ русско-японской войны», А. Толстопятова—«Въ плѣну у японцевъ», переписка основателя „Русской Старины"—**М. И. Семевскаго**, воспоминанія **Тургенева**, **Де Санглена**, **А. Ф. Петрушевскаго**, воспоминанія командира „Варяга"—**В. Ф. Руднева**, переписка—композитора **А. И. Сѣрова**, письма **П. И. Чайковскаго**, воспоминанія—Веселовскаго, Леваковскаго, Никитина, воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенста и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Забытый фельдмаршалъ.

(Очеркъ дѣятельности главнокомандующаго въ русско-турецкую войну 1877—1878 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ).

На Туркестанской выставкѣ В. В. Верещагина въ числѣ картинъ была одна: „Забытый“,—это убитый русскій воинъ, оставленный въ степи. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ нашелъ ее тенденціозной и выразилъ свое неодобреніе. Верещагинъ ее уничтожилъ.

Въ Петропавловскомъ соборѣ, среди царственныхъ могилъ, покоится также „забытый русскій воинъ“, и это побѣдоносный полководецъ, Генералъ-Фельдмаршалъ, Великій Князь Николай Николаевичъ. Цѣль настоящаго очерка—нарушить это забвеніе.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Восточный вопросъ.

Его развитіе до войны 1853—1856 г., включительно.

Начало возникновенія восточнаго вопроса во всемірной исторіи опредѣлить трудно. Мнѣнія историковъ въ данномъ случаѣ рѣзко расходятся. Многіе считаютъ его началомъ крестовые походы, когда Европа, поднявшаяся на защиту Гроба Господня, двинулась на борьбу съ Исламомъ. Съ теченіемъ вѣковъ борьба эта въ большей степени перешла въ руки Польши, стремившейся къ освобожденію славянскихъ христіанскихъ народовъ на Балканахъ отъ ига турокъ. Но Польша впослѣдствіи оказалась не въ силахъ продолжать эту борьбу, и Россія, замѣстившая послѣднюю во главѣ славянства, приняла ее на свою долю. Такимъ образомъ подчиняясь неизбѣжному ходу историческихъ событій, наслѣдіе крестоносцевъ перешло въ наши руки. Спрашивается, что выдвинуло Россію на арену этой вѣковой борьбы? Многіе историки приписываютъ это естественному стремленію къ Черному морю Русскаго Государства и вытекающему изъ этого стремленія возростанію нашего вліянія среди народовъ Балканскаго полуострова, связанныхъ съ нами религіознымъ и кровнымъ родствомъ. Первые признаки этого стремленія относятся къ древнѣйшимъ временамъ нашей исторіи, а именно, къ походамъ на Царьградъ Олега, Святослава и другихъ.

Рельефнѣе оно обозначилось, начиная съ средины XVII вѣка, т.-е. какъ разъ къ началу окончательнаго ослабленія польскаго королевства. Въ теченіе всей второй половины XVII вѣка взаимныя отношенія Московскаго государства и Турціи были враждебны.

Первая турецкая война вспыхнула около 1672 года и являлась слѣдствіемъ нашей политики въ Малороссіи и Польшѣ. Съ этого времени становится замѣтной также связь между Турецкимъ и Польскимъ вопросами относительно насъ. Польша, ослабнувъ, не имѣла болѣе силъ бороться съ Турціею, но должна была отстаивать свою самостоятельность отъ посягательствъ Россіи. Естественнымъ ея союзникомъ противъ насъ оказалась, очевидно, Турція, и такимъ образомъ, Польша изъ врага сдѣлалась союзникомъ послѣдней!

Въ правленіе царевны Софіи въ Европѣ образовался „Священный союзъ“ христіанъ противъ турокъ. Инниціаторами этого союза были: Императоръ Леопольдъ I-й, король польскій Янъ Собѣсскій и Венеція. Россія примкнула къ этому союзу, ради чего заключила даже съ Польшею „вѣчный миръ“.

Этими фактами ограничивается борьба Московскаго государства съ Турціею въ теченіе до-петровскаго періода нашей исторіи.

Но вотъ настаетъ время великихъ реформъ Императора Петра I-го. Въ своемъ стремленіи къ морю молодой государь немедленно обращаетъ свой взоръ на востокъ, и результатомъ его первыхъ походовъ было пріобрѣтеніе Азова. Сѣверная война и колоссальныя внутреннія реформы отвлекаютъ вниманіе царя отъ восточнаго вопроса, но въ 1711 году происходитъ вторая серьезная война съ Турціей, окончившаяся для насъ неудачно. Одной изъ причинъ этой войны было стремленіе защитить вѣру христіанскую и одноплеменныя славянскія народности отъ турецкихъ гоненій. Причина эта легла въ основу возникновенія всѣхъ нашихъ послѣдующихъ войнъ съ Турціей.

Въ теченіе всего XVIII столѣтія Россія опять неоднократно вступала въ борьбу съ Турціей. Русскія войска, имѣя во главѣ своихъ талантливыхъ генераловъ, наносили ударъ за ударомъ турецкимъ ордамъ, и къ концу царствованія Великой Екатерины могущество Оттоманской имперіи было сломлено навсегда.

Въ теченіе первой половины XIX вѣка, до обнародованія Парижскаго трактата 1856 года, и до нашихъ дней, Порта играла въ большинствѣ случаевъ роль ширмы въ рукахъ западно-европейскихъ дипломатовъ, подъ прикрытіемъ которой послѣдніе развивали цѣлую сѣть интригъ, направленныхъ противъ благосостоянія и могущества Россіи.

Война 1806—1812 года кончилась благопріятнымъ для Россіи Бухарестскимъ миромъ; удача эта была тѣмъ болѣе важна, что въ то время мы переживали грозный періодъ Наполеоновскихъ войнъ; однако же миръ оказался непродолжительнымъ. Вспыхнувшія возстанія противъ Турціи въ Мореѣ и Валахіи дали поводъ послѣдней произвести неслыханныя звѣрства,—тогда Россія возвысила голосъ на защиту турецкихъ христіанъ. Но Европейскія правительства ее не поддержали, изъ опасенія, какъ-бы возставшая Греція и Дунайскія княжества не подчинились вліянію Россіи.

Хотя Императоръ Александръ желалъ сохранить всеобщій миръ, но въ октябрѣ 1825 года былъ вынужденъ объявить, что заставитъ Турцію силою оружія исполнить требованія Россіи. Этотъ рѣшительный шагъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Порта

открыто нарушала наши права и договоры. Однако же войну эту пришлось вести уже только его преемнику, Императору Николаю I-му.

Греческій вопросъ былъ разрѣшенъ путемъ соглашенія съ Англіею и Франціею, приведшаго Турцію къ Наваринскому погрому, а разрѣшеніе чисто русскихъ вопросовъ Россія взяла на себя. Въ 1829 г. мы блестяще закончили кампанію переходомъ черезъ Балканы и заключили Адріанопольскій миръ. Съ этого момента въ нашихъ отношеніяхъ произошла перемѣна къ лучшему, и мы становимся даже на сторону Турціи въ ея борьбѣ съ Египетскимъ пашою Мехмедъ-Али. Однако, возрастаніе нашего вліянія на турецкія дѣла не давало покоя европейскимъ кабинетамъ и въ особенности Англіи. Послѣдняя не жалѣла средствъ, чтобы ослабить Россію и создать ей возможно большія затрудненія. Усилія эти достигли цѣли, и наше вліяніе стало замѣтно ослабѣвать.

Въ 1853 году Порта, поддерживаемая западными державами, отказала Россіи въ ея требованіяхъ по охранѣ правъ нашихъ единовѣрцевъ въ Палестинѣ. Война съ Турціею и ея союзниками становилась неизбѣжною. Тяжело было перенести нашей родинѣ борьбу съ тремя сильнѣйшими державами, много крови вѣрныхъ сыновъ ея было пролито на защиту родной земли и ея чести, но грозная Севастопольская эпопея покрыла неувядаемой славой защитниковъ своихъ, и дорогою цѣною купили враги свою побѣду.

Результатъ войны былъ для насъ неудаченъ, и по Парижскому трактату 1856 года мы обязаны были сдѣлать уступки, поставившія Россію въ положеніе, недостойное великой державы. Ясно, что положеніе это продолжиться долго не могло, оно требовало измѣненій, и разрѣшеніе его вылилось въ видѣ войны 1877—1878 годовъ.

Политическое положеніе Россіи къ началу войны. 1877—1878 г.г.

Прослѣдивъ, такимъ образомъ, въ краткихъ чертахъ историческую борьбу Россіи съ Мусульманскимъ міромъ въ теченіе почти двухъ вѣковъ, перейдемъ къ выясненію политической обстановки, въ которой находилась Имперія—къ началу ея послѣдней войны съ Турціей.

Въ нашей дипломатіи царило тогда два направленія. Первое указывало, какъ способъ разрѣшенія всѣхъ нашихъ вопросовъ съ Портою:—согласіе и полную солидарность съ Европейскими державами, допускало ихъ вмѣшательства въ наши дѣла и отрицало всякую попытку съ нашей стороны самостоятельно рѣшать послѣднія, опасаясь болѣе всего неудовольствія Англіи или Австріи. Второе,

наоборотъ, требовало полной самостоятельности въ дѣйствіяхъ, считало унизительнымъ для Россіи подчиняться требованіямъ иностранныхъ правительствъ и ставило себѣ цѣлью возстановленіе вліянія Россіи въ Константинополѣ, въ связи съ недопущеніемъ на Балканскій полуостровъ ни одной Западно-Европейской державы.

Къ сожалѣнію, взгляды высшихъ сферъ министерства иностранныхъ дѣлъ были тождественными со взглядами представителей перваго направленія, и отсюда вытекало, что какой бы результатъ войны ни былъ, намъ нельзя было обойтись безъ вмѣшательства Англіи или Австріи, и, по окончаніи ея, приходилось подчиняться требованіямъ послѣднихъ относительно условій мира съ Турціею.

Втянуть Россію въ борьбу съ Турціей представлялось желаемой цѣлью для западныхъ державъ, такъ какъ, воспользовавшись неминуемымъ ослабленіемъ первой послѣ перенесенной войны, легко было уронить ея вліяніе въ дѣлахъ востока. Такая политика была особенно выгодна Австріи и входила также въ политическіе разсчеты Англіи, всегда готовой создать намъ затрудненія. Германія, встревоженная нашими тогдашними отношеніями къ Франціи, хотя и объявила себя нейтральной, но втайнѣ поддерживала Австрію.

Такое враждебное отношеніе къ намъ державъ было не всѣмъ извѣстно, снаружи казалось, будто Европа искренно готова оказать намъ содѣйствіе въ разрѣшеніи восточнаго вопроса.

Но скоро въ этомъ пришлось разочароваться; уже на Константинопольской конференціи мы убѣдились, что державы не только не хотятъ оказать содѣйствіе, но, наоборотъ, преслѣдуютъ исключительно свои выгоды, стремясь исключительно къ ослабленію и униженію Россіи.

И тутъ наша дипломатія, вмѣсто того, чтобы мужественно отстаивать интересы своего государства, постыдно шла на всѣ уступки, лишь бы только не вызвать неудовольствія Англіи и Австріи.

Что же втягивало Россію въ борьбу съ Турціей? Начиная съ средины семидесятыхъ годовъ, политическій горизонтъ на Балканахъ сильно омрачился; различныя славянскія народности—Сербы, Черногорцы и другія, не будучи болѣе въ силахъ переносить турецкое иго, подняли знамя возстанія. Очевидно, что ихъ плохо вооруженныя и недисциплинированныя войска не могли долго держаться противъ регулярныхъ войскъ Турціи. Сербская армія была на голову разбита въ сраженіи подъ Джунисомъ 17 октября 1876 года, и Черногорія, оставшисъ одна, не была въ состояніи выдержать борьбу. Силою обстоятельствъ на поддержку угнетенныхъ турецкихъ христіанъ выдвигалась единовѣрная и единокровная Россія, общественное мнѣніе которой высказывалось въ пользу возставшихъ.

Императоръ Александръ II не желалъ войны и всѣми силами старался ея избѣгнуть. Тогдашнія обширныя внутреннія реформы и плохое состояніе нашихъ финансовъ дѣлали какое бы то ни было столкновеніе весьма тяжелымъ для Россіи, но обстоятельства рѣшали иначе: намъ, противъ нашего желанія, приходилось подымать оружіе на защиту балканскихъ славянъ и связанныхъ съ разрѣшеніемъ этого вопроса нашихъ интересовъ.

Итакъ война была неизбѣжна, война началась. Государственный канцлеръ и его ближайшіе сотрудники считали первой необходимостью сохраненіе европейскаго концерта и не признавали самостоятельнаго рѣшенія вопросовъ безъ одобренія послѣдняго; такъ какъ „европейскій концертъ" открыто осуждалъ гоненія и звѣрства турокъ, то мы въ правѣ были ожидать сочувствія и поддержки со стороны державъ, составляющихъ этотъ „концертъ". Въ дѣйствительности же вышло иначе, и вмѣсто союзниковъ мы нашли только враговъ, преслѣдующихъ личныя цѣли.

Какъ только обнаружилось настоящее отношеніе къ намъ западныхъ державъ, сейчасъ же явился вопросъ,—чѣмъ жертвовать? „Европейскимъ концертомъ", или облегченіемъ участи Балканскихъ славянъ;—честь Россіи требовала немедленнаго рѣшенія въ пользу послѣднихъ. Но какое-то рабское, слѣпое преклоненіе предъ западомъ и трусливое подчиненіе всѣмъ требованіямъ его кабинетовъ не давало достаточно мужества нашей дипломатіи рѣшить вопросъ прямо и открыто, даже въ случаѣ могущей произойти войны съ Англіей или Австріей,—обстоятельства же съ своей стороны не позволяли совершенно отказаться и отъ восточнаго вопроса. И вотъ мы, благодаря дипломатіи, стали точно вымаливать себѣ позволеніе воевать съ Турціей, а затѣмъ, въ продолженіе всей войны, постоянно находились подъ гнетомъ неблагопріятной политической обстановки.

I.

Стратегія и дипломатія.

> Безъ дѣльной политики счастливое веденіе войны невѣроятно.
>
> Баронъ Кольмаръ фонъ-деръ-Гольцъ.
>
> Политика вліяетъ рѣшительнымъ образомъ какъ на начало, такъ и на конецъ войны.
>
> Графъ Мольтке.

Генералу Гейсману первому принадлежитъ честь справедливой оцѣнки положенія, въ которое былъ поставленъ Главнокомандующій во время турецкой войны 1877—1878 гг., какъ со стороны дипломатіи, такъ и высшей администраціи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1908 годъ.

Вступая въ 1908 году на тридцать девятый годъ своего существованія, „**Русская Старина**“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: Е. К. Андреевскаго, Е. А. Боброва, И. Н. Божерянова, Н. Д. Бутовскаго, Н. Н. Вельяминова, К. А. Военскаго, А .А. Голомбіевскаго, С. М. Горяинова, Г. К. Градовскаго, П. Я. Дашкова, Н. М. Затворницкаго, П. А. Ефремова, Е. С. Каменскаго, Н. Н. Каразина, Ю. С. Карцева, А. Ѳ. Кони, Н. О. Лернера, П. М. Майкова, П. Д. Паренсова, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. Ф. Руднева, В. И. Саитова, Д. А. Скалона, М. К. Ссколовскаго, Т. О. Соколовской, А. И. Успенскаго, Д. И. Успенскаго, И. А. Шляпкина, Е. С. Шумигорскаго, Н. Д. Чечулина, А. И. Фаресова и др.

Въ 1908 году будутъ напечатаны:

А. Ѳ. Кони—„Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля“ и „Житейскія встрѣчи“, **Г. К. Градовскаго**—„Изъ минувшаго“, **Ю. С. Карцева**—„За кулисами дипломатіи“, **П. Д. Паренсова**—„Изъ прошлаго“, воспоминанія—**Д. В. Скалона**, записки генерала **Домантовича**, «Война за независимость славянъ 1877—1878 гг.» **П. Д. Зотова**, **А. Бѣломора**—«Изъ русско-японской войны», А. Толстопятова—«Въ плѣну у японцевъ», переписка основателя „Русской Старины“—**М. И. Семевскаго**, воспоминанія **Тургенева**, **Де Санглена**, **А. Ф. Петрушевскаго**, воспоминанія командира „Варяга“—**В. Ф. Руднева**, переписка—композитора **А. И. Сѣрова**, письма **П. И. Чайковскаго**, воспоминанія—Веселовскаго, Леваковскаго, Никитина, воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенста и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

болѣе, что Государь Императоръ въ сопровожденіи Военнаго Министра прибылъ въ Плоэшти еще 25-го мая?

Когда Его Высочество былъ вызванъ въ Ливадію, и Государь объявилъ ему о назначеніи Главнокомандующимъ, то на вопросъ Его Высочества: какую Государь ставитъ окончательную цѣль кампаніи, Его Величество отвѣтилъ: „Константинополь!“ Къ этой цѣли Его Высочество неустанно стремился во всю кампанію и достигъ ея вмѣстѣ съ своей побѣдоносною арміею, разсѣявъ врага и лишивъ его возможности какого-либо сопротивленія; но въ эту роковую для Турокъ минуту неожиданной ихъ заступницей и непреодолимымъ для нашего окончательнаго успѣха врагомъ снова выступила наша же дипломатія, неотступно преслѣдовавшая свои виды успокоенія Англіи, породившіе инструкцію отъ 18 мая.

Объ ограниченіи театра дѣйствій Балканами до Главнокомандующаго доходили слухи, побудившіе Его въ письмѣ отъ 5 декабря 1876 года обратиться къ Его Величеству съ слѣдующимъ вопросомъ: „Въ газетахъ прочелъ я, что, будто, если будетъ рѣшено военное занятіе Болгаріи, то только дозволено будетъ дойти до Балканъ; если это вѣрно, то для насъ весьма важно, чтобъ южный склонъ горъ и всѣ проходы и перевалы были за нами, какъ-то: города Софія, Слатица, Казанлыкъ, Сливна, Карнабадъ,—потому что, при могущемъ случиться разрывѣ, во время оккупаціи всѣ важные и трудные перевалы были бы въ нашихъ рукахъ, что значительно облегчило бы наши дѣйствія“.

Одновременно Государь Императоръ въ письмѣ отъ 7 декабря 1876 года сообщаетъ Главнокомандующему:

„Въ четвергъ, или субботу, условія наши должны быть объявлены Портѣ въ видѣ ultimatum. Если она ихъ приметъ, что весьма неправдоподобно, то дѣло разрѣшится мирнымъ путемъ, что, разумѣется, было бы самымъ лучшимъ результатомъ. Въ противномъ случаѣ, намъ придется немедля начать военныя дѣйствія, съ надеждою, что Англія не будетъ намъ препятствовать, такъ какъ она связана будетъ вмѣстѣ съ прочими державами общею подписью представленныхъ Портѣ условій.

Тогда придется тебѣ приводить съ возможною быстротою въ дѣйствіе тотъ планъ кампаніи, о которомъ мы условились здѣсь передъ Твоимъ отъѣздомъ“.

Въ письмѣ отъ 16 мая 1877 года Государь пишетъ Главнокомандующему:

„Сношенія наши съ Англіею весьма натянуты, но я не полагаю, чтобъ она рѣшилась на открытое вмѣшательство до прохода нашего черезъ Балканы, о чемъ мы успѣемъ съ тобою переговорить“.

Какъ выше сказано, Государь Императоръ съ Военнымъ Министромъ прибыли въ Плоэшти 25 мая и объ измѣненіи плана кампаніи не было рѣчи.

Утромъ 29 мая Его Величество съ Главнокомандующимъ выѣзжали къ проходящимъ колоннамъ войскъ.

Былъ жаркій весенній день.

Въ садахъ цвѣлъ виноградъ и фруктовыя деревья. Воздухъ былъ насыщенъ дивнымъ ароматомъ весны.

Послѣ завтрака у Государя Великій Князь возвратился домой и легъ отдохнуть. Воспользовавшись свободною минутою, я пошелъ навѣстить секретаря Министра Иностранныхъ Дѣлъ, князя Горчакова—барона В. А. Фредерикса.

Мы были пріятелями, и оба, какъ віолончелисты, сообща играли и сходились на музыкальныхъ вечерахъ.

Фредериксъ обрадовался моему приходу, но былъ въ ужасно удрученномъ расположеніи духа.

— „Бога ради, помогите мнѣ уйти отсюда,—обратился онъ ко мнѣ,—устройте меня въ армію, попросите Великаго Князя принять меня въ армію, какъ бывшаго преображенца, и назначить въ любой армейскій полкъ“.

— „Что это значитъ, Владиміръ Александровичъ? — спросилъ я,—какъ Васъ понять? Ужели это увлеченіе войной Васъ побуждаетъ проситься въ строй? А гдѣ же здоровье? Развѣ Вы можете вынести утомленіе въ походѣ и бою? У Васъ нѣтъ для этого необходимыхъ силъ, и съ перваго бивака, послѣ дождя или ночной сырости, Вамъ придется отправиться въ дивизіонный лазаретъ и эвакуироваться по госпиталямъ домой. Лучше оставить это увлеченіе“.

— „Нѣтъ,—перебилъ онъ меня, не это меня побуждаетъ къ такому шагу, но полный душевный разладъ—сознавать всю возмутительную дѣятельность, въ которой я вынужденъ принимать безвольное участіе. Вѣдь это Богъ знаетъ, что у насъ творится!“

— „Что же такое можетъ Васъ такъ возмущать?“

— „Помилуйте, мы только что открыли кампанію, не успѣли сдѣлать первыхъ шаговъ, какъ уже ограничиваемъ себя въ дѣйствіяхъ“.

— „То-есть, какъ это ограничиваемъ себя въ дѣйствіяхъ? Я Васъ не понимаю и ничего подобнаго не слышалъ“.

— „Мы дали обѣщаніе за Балканы не идти“.

— „Какъ, за Балканы не идти!“—воскликнулъ я, словно ужаленный.

— „Развѣ Вы этого не знаете?“

Но Вы знаете,—и эта мысль меня утѣшаетъ,—что я давно уже не раздѣляю взглядовъ, преобладающихъ въ высшихъ сферахъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и въ этомъ-то и заключается безотрадность положенія подчиненнаго, приговореннаго заранѣе нести часть отвѣтственности за дѣйствія, которымъ, по скромности своего служебнаго положенія, онъ не въ силахъ противодѣйствовать.

Я даже не имѣю права открыто заявлять объ этомъ разладѣ и только могу конфиденціально повѣрить другу то чувство злорадства, съ которымъ прочелъ я филиппику „Гражданина".

Прошу Васъ возвратить мнѣ по прочтеніи и не выдавать

Искренно преданнаго Вамъ

В. Фредериксъ".

Вотъ содержаніе статьи отъ 22 мая 1877 года, которую мнѣ прислалъ для прочтенія баронъ Фредериксъ, и которая характеризуетъ дѣятельность высшей дипломатіи.—Должно оговориться, что графъ Игнатьевъ и Александръ Ивановичъ Нелидовъ къ ней непричастны. Это люди—душой и сердцемъ преданные своей родинѣ.

Нѣчто о новыхъ замыслахъ дипломатіи.

Это невѣроятно, это печально, но тѣмъ не менѣе это фактъ.

Въ минуту отъѣзда Государя нашего въ армію дипломатія рѣшила помимо вопроса о желаніяхъ Россіи и независимо отъ достоинства и признанія Русскаго Государя,—что Россія, одна проливающая кровь за свободу славянъ, должна подчинить себя безусловно Англіи и Австріи—относительно условій мира съ Турціей.

Побѣжденная или побѣдительница—Россія-де приметъ тѣ условія, которыя предпишутъ ей Англія и Австрія.

А условія эти слѣдующія:

Первый пунктъ: полная неприкосновенность Турецкой Имперіи. Дальнѣйшіе пункты—постановленіе Константинопольской конференціи, бывшей зимою, и больше ни строки.

Дипломаты Европы это рѣшили, и какъ видно изъ общаго смысла статей органовъ русской дипломатіи: бельгійская газета „Nord" и „Journal de St.-Petersbourg" въ Петербургѣ, она-де вполнѣ этому рѣшенію сочувствуетъ.

И такъ еще разъ наступаетъ страшная и критическая минута, для исторіи Россіи—быть въ зависимости относительно своей чести, достоинства своего Государя и своей задачи отъ самыхъ непримиримыхъ своихъ враговъ.

И такъ еще разъ дипломатія, послѣ позорнаго своего фіаско, хочетъ вмѣшаться въ рѣшеніе восточнаго вопроса и обратить потокъ русской крови на полѣ битвы въ шутку и забаву.

И такъ дипломатія хочетъ посмѣяться надъ этою войною и дать ей значеніе военной прогулки.

И такъ то, что, какъ мысль, заставляло краснѣть каждаго русскаго, то дипломаты хотятъ сдѣлать фактомъ.

Россія будетъ признана не воюющею державою, даже не первостепенною державою, а чѣмъ-то въ родѣ вассальнаго народца Англіи и Австріи, получающаго предписаніе драться съ Турками, дойдя до извѣстнаго пункта, и тамъ принять миръ отъ Турціи, на условіяхъ, предварительно рѣшенныхъ Турціею, Англіею и Австріею сообща.

Словомъ, дипломатія рѣшила, что Россія будетъ пушечнымъ мясомъ для Турціи по порученію Европы, и больше ничего, и что бы она, т.-е. Россія, ни дѣлала, миръ съ Турціею не будетъ иначе подписанъ, какъ на условіяхъ позорной Константинопольской конференціи, гдѣ, по увѣренію самихъ дипломатовъ Европы, главная цѣль Англіи и Австріи была насмѣшка надъ Россіею.

Поворотъ въ дипломатіи происходитъ рѣшительный подъ вліяніемъ дипломатическаго давленія изъ Лондона и Вѣны.

Произошло трогательное и единодушное согласіе дипломатовъ на слѣдующихъ началахъ: русское правительство сдѣлало большую ошибку, объявляя войну Турціи, вопреки желанію Англіи и Австріи, еще большую ошибку сдѣлало, внявъ желаніямъ русскаго такъ-называемаго народа.

Германія могла не дозволить вмѣшательства Европы въ войну ея съ Франціею, потому что она—Германія, цивилизованное—Европейское государство,—но Россія должна зависѣть отъ Европы, ибо она полуварварское государство, безъ арміи и безъ денегъ, которое Европа и даже Англія вмѣстѣ съ Австріей могутъ стереть съ лица земли и т. д.

Надо всѣ пощечины, всѣ униженія, все перенести, скорѣе чѣмъ идти на войну съ Англіею и Австріею изъ-за чести Россіи. При подписаніи мира главнымъ должно быть обезпеченіе Турціи, второстепеннымъ:—улучшеніе участи христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ.

. . . .

Уже одинъ тотъ ужасный фактъ, что послѣ ноты Лондонскаго кабинета Петербургскому, оскорбившей дерзостью и насмѣшкою не только Русскаго Государя и его народъ, но даже вѣковыя традиціи Европейской дипломатіи, дипломаты наши за границею не только не почувствовали этой пощечины своему Государству, но настойчиво требуютъ униженныхъ и заискивающихъ вымаливаній милости у того же Англійскаго кабинета для Русскаго Царя.

Русское Государство показываетъ, до какого низкаго и безнароднаго нравственнаго уровня можетъ дойти дипломатія, когда ею руководятъ не чувства народной чести, а какое-то рабское пресмыканіе передъ Европою.

Быть русскимъ значитъ—чувствовать себя въ передней и чувствовать, слѣдовательно, себя неловко; цѣль дѣйствій должна быть забота удостоиться войти въ гостиную къ господамъ: господа—это Европа. Затѣмъ, войдя въ гостиную, слѣдуетъ почтительно завѣрить господъ, что честь быть приглашеннымъ въ гостиную господами такъ велика, что если господамъ угодно бить по обѣимъ щекамъ и забавляться этимъ, то столь высокое доказательство интимности тысячу разъ пріятнѣе участи быть въ передней, т.-е. русскимъ и въ Россіи.

Вотъ въ трехъ словахъ политическій катехизисъ дипломатовъ, требующійся Лондону и Вѣнѣ поворотъ въ Русской политикѣ по Восточному вопросу.

. . . .

И что бы ни дѣлали дипломаты, ни Лондонскому, ни Вѣнскому, никому не удастся теперь, когда Россія въ упоеніи воинственной доблести и любви за проливших свою кровь воиновъ отдала себя всецѣло своему дѣлу и связала съ нимъ вопросъ жизни или смерти—обратить эту Россію въ холопа Европы и въ труса.

Всякая смерть всякому русскому краше и честнѣе этой повѣшенной надъ Россіею дипломатами ея участи—позора и оскорбленія—самого Бога, и измѣны—тысячелѣтней русской исторіи“.

Кн. В. Мещерскій.

(„Гражданинъ“ № 20—22 мая 1877 г.).

А вотъ содержаніе статьи отъ 15-го мая 1877 года № 19, которую привожу какъ пророчество.

„*Новый слухъ*... Наглость всего, что подъ разными видами, даже сенсаціонныхъ телеграммъ и пробныхъ шаровъ, исходитъ изъ англійскихъ источниковъ, можетъ только достигать одной цѣли: усиленія безъ того уже сильнаго раздраженія Россіи и ея народнаго мнѣнія противъ Англіи.

Англійскіе дѣятели, повидимому, поставили себѣ задачею:—доводить до послѣднихъ предѣловъ оскорбленіе русскаго національнаго чувства.

Сегодня пущенъ слухъ изъ несомнѣнно англійскаго источника, въ видѣ депеши изъ Берлина, гласящій такъ:

„Полагаютъ, что Россія не противилась бы протекторату Англіи надъ Константинополемъ и Суэзскимъ каналомъ, если бы Англія

съ своей стороны не оказала противодѣйствія протекторату надъ Румыніею, Болгаріею, Сербіею и Черногоріею, съ присоединеніемъ Эрзерумскаго вилаета къ Россіи".

Можно ли что-нибудь наглѣе выдумать въ видѣ слуха, заключающаго въ себѣ новую пощечину Россіи.

Россія, какъ одинъ человѣкъ возстанетъ, но не дастъ протектората Англіи надъ Константинополемъ, вотъ что думаетъ и чувствуетъ каждый изъ 80 м. русскихъ. Этого не могутъ не знать англійскіе дѣльцы въ восточномъ вопросѣ, но все-таки пускаютъ этотъ наглый слухъ, полный презрѣнія къ Россіи, по свѣту.

Для чего?

Въ надеждѣ, что снова появится въ „Nord" или въ какомъ-нибудь иномъ органѣ русскихъ дипломатовъ статейка авторитетнаго характера, въ которой на зло всей Россіи и на радость Англіи будетъ сказано, что Россія, проливая свою кровь и издерживая деньги своего народа, *спроситъ у Европы послѣ войны: на какихъ условіяхъ изволите приказать мнѣ принять съ почтеніемъ и преданностью миръ отъ Турціи?*.. Не надо волноваться такими слухами и статьями, но надо быть на сторожѣ... У Россіи измѣнниковъ и враговъ много". Кн. В. М.

Замѣчательно, что князь Мещерскій—этими словами пророчествуетъ о томъ, что совершилось черезъ годъ. Конечнымъ результатомъ инструкціи отъ 18 мая было, что Англія не замедлила заявить свой протестъ, какъ только войска наши, покончивъ съ Плевною, перешли Балканы. Послѣ войны Его Высочество посѣтилъ свою Августѣйшую сестру королеву Виртембергскую Ольгу Николаевну.

— „Объясни мнѣ, пожалуйста,—обратилась она къ Великому Князю,—какъ братъ, такой вѣрный въ словѣ, нарушилъ его и допустилъ вашъ переходъ черезъ Балканы?"

— „Очень просто,—отвѣтилъ Его Высочество,—потому что онъ такого слова никогда не давалъ, а напуталъ все это Горчаковъ".

II.

Стратегія и высшая администрація.

Планъ кампаніи Его Высочества совершенно соотвѣтствовалъ плану войны.

Главнокомандующій былъ проникнутъ тѣмъ, что единственный вѣрный способъ дѣйствія противъ турокъ—*это быстрый наступательный*, какъ указывалъ Государь въ письмѣ отъ 7 декабря 1876 года, и какъ было проектировано планомъ войны. Но для этого

само собою необходимо было соотвѣтствіе силъ съ поставленною цѣлью, которыхъ Главнокомандующему не было дано. Напротивъ того, въ послѣднемъ отношеніи произошелъ цѣлый рядъ затрудненій со стороны высшей администраціи, о которыхъ будетъ ниже изложено.

Въ „Описаніи Русско-Турецкой войны 1877—1878 г.г. изданія Военно-Исторической Комиссіи" совершенно произвольно сказано: *„Не трудно замѣтить, что соображенія Великаго Князя Главнокомандующаго 4 марта 1877 г.*, желавшаго покончить войну однимъ ударомъ, основаны были на томъ предположеніи, что *турки не въ состояніи дать русской арміи отпоръ достаточно сильный*, уступая ей въ числѣ, качествѣ, оперативной способности и, какъ предполагали тогда, въ умѣніи вести бой" [1]).

Далѣе говорится, что „срокъ, данный Турціи съ начала ноября 1876 года и до объявленія войны, въ апрѣлѣ слѣдующаго года, всецѣло обратился въ ея пользу" [2]). Затѣмъ, что дѣйствительно положеніе турокъ значительно измѣнилось противъ прежняго. Теперь требовалось гораздо больше напряженія со стороны Россіи. *Хотя это и сознавалось руководящими кругами*, но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, *что предыдущее оптимистическое настроеніе съ руской стороны, основанное на низкой оцѣнкѣ боевыхъ силъ турокъ*, оставило нѣкоторые слѣды въ умахъ и выказало извѣстное вліяніе на послѣдующія соображенія *и дѣйствія за Дунаемъ*" [3]).

Еще до кампаніи, заблаговременно въ 1872 г., Великій Князь имѣлъ случай видѣть и составить себѣ ясное понятіе о Турецкой арміи, поэтому не раздѣлялъ и не могъ раздѣлять этого оптимизма и выдержалъ цѣлую борьбу для полученія соотвѣтственныхъ силъ, чтобы исполнить возложенную на него задачу и принятый имъ планъ кампаніи, отъ котораго онъ, въ основныхъ его чертахъ, не уклонялся и, получивъ требуемыя силы, быстро довелъ армію до поставленной ему цѣли—Константинополя.

Въ 1872 г., совершая путешествіе по Востоку и святымъ мѣстамъ, Великій Князь осмотрѣлъ турецкія войска: въ Рущукѣ, Шайтанджикѣ (куда былъ выставленъ отрядъ изъ Шумлы), Константинополѣ, Смирнѣ, Бейрутѣ, Дамаскѣ, Іерусалимѣ и Каирѣ.

Въ Рущукѣ произошла наша первая встрѣча съ турецкимъ воинствомъ; потомъ мы имѣли случай познакомиться съ нимъ поближе во время путешествія по Сиріи, Палестинѣ, и, признаюсь,

---

[1]) Стр. 15.
[2]) Стр. 16.
[3]) Стр. 15.

я сталъ смотрѣть на турецкаго солдата съ большимъ уваженіемъ, замѣтивъ въ немъ прекрасныя качества и, между прочимъ, способность безропотно переносить трудности похода и голодъ.

Повидимому, самую слабую сторону турецкой арміи составляютъ: офицеры, высшее начальство и администація. Въ Дамаскѣ Его Высочество смотрѣлъ ученіе бригады пѣхоты Акифа-Паши съ двумя батареями и двумя эскадронами драгунъ [1]).

Мы смотрѣли на весьма стройное ученье *съ продолжительною пальбою* [2]) *послѣ каждаго перестроенія и атаками.* Ученіе производилось полтора часа, при 28° Реомюра въ тѣни, и за все время Акифъ-Паша далъ людямъ только разъ оправиться [3]). Во время плаванія по Дунаю отъ Базіаша до Рущука Великій Князь, сидя на мостикѣ парохода, осматривалъ берега Дуная. Въ описаніи путешествія Его Высочества мною нарочно вскользь была отмѣчена мѣстность отъ Никополя до Рущука и упомянуты: Никополь, Систово и Зимница, при чемъ указано [4]), что вниманіе Его Высочества обратили на себя, „немного ниже Систова, три наносныя отмели, постоянно измѣняющія свое очертаніе“. Это и было мѣсто, избранное Его Высочествомъ для нашей переправы. Изъ приведенныхъ выписокъ, печатавшихся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1876 годъ, ясно видно, что Великій Князь Главнокомандующій, знавшій отлично бытъ и службу войскъ [5]), во время своего путешествія, имѣлъ возможность составить себѣ вѣрное представленіе о достоинствахъ и качествахъ своего противника и зналъ, противъ кого ему придется дѣйствовать.

Вотъ почему, вопреки взгляду, господствовавшему въ высшей администраціи, невѣрно оцѣнившей, какъ говоритъ Гейсманъ, „силу сопротивленія Турціи, и въ особенности численность ея арміи, могущей принять участіе въ оборонѣ своей территоріи противъ насъ“ [6]), —Главнокомандующій не причастенъ.

Его Высочество, получившій указаніе цѣли войны—Константинополь—и остановившись на планѣ кампаніи—съ путемъ наступленія черезъ среднее теченіе Дуная на Шипку, Адріанополь, Кон-

---

[1]) Путешествіе по востоку, стр. 20.

[2]) Въ дневникѣ „Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ“ гр. Сологуба говорится: „Въ Плевнѣ изумила также безпрерывность ружейнаго, батальнаго огня“, стр. 51.

[3]) Тамъ же, стр. 162.

[4]) Путешествіе по Востоку и Св. Землѣ, стр. 18—19.

[5]) Г.-м. Гейсманъ. „Русско-турецкая война 1877—1878 г.г.“. Выпускъ 1, стр. 96.

[6]) Тамъ же, стр. 117.

стантинополь, былъ отлично освѣдомленъ о томъ, что Турція не даромъ потеряла время за всю зиму и оттого, въ видахъ желанія быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, признавалъ, что силы, достаточныя въ 1876 году, не могли быть достаточны спустя почти годъ и цѣлымъ рядомъ представленій просилъ о соотвѣтственномъ увеличеніи его арміи. Наконецъ Главнокомандующій считалъ Турецкую армію лучше вооруженною, и убѣжденіе это подтвердилось съ первыхъ столкновеній при переправѣ и подъ Никополемъ, гдѣ захваченными дальнобойными пушками Его Высочество тотчасъ же перевооружилъ одну 4-хъ ф. батарею, затѣмъ такая же батарея была перевооружена на Шипкѣ, а Скобелевъ перевооружилъ всю 16 див. ружьями Генри-Мартини, которыми были вооружены 70% турецкой пѣхоты.

Еще до объявленія войны, въ Кишиневѣ, Его Высочество уже сталъ настаивать на увеличеніи арміи, чтобы имѣть дѣйствительную возможность исполнить установленный планъ, въ особенности же, когда Государь рѣшилъ прислать въ армію Цесаревича Александра Александровича, и Великаго Князя Владиміра Александровича, а затѣмъ и самъ пожелалъ пріѣхать въ армію, чтобы „раздѣлить съ своими славными войсками ихъ труды, опасности и славу".

Великій Князь доказывалъ, что это еще сократитъ численность его силъ, потому что потребуетъ обезпеченія достаточными силами командованіе такихъ лицъ, какъ Цесаревичъ, Великій Князь и, главное, личное присутствіе въ арміи Государя.

Въ одно утро Великій Князь возвращается отъ Государя такой радостный и веселый и говоритъ мнѣ:—„Слава Богу! Государь согласился и далъ мнѣ гвардію. Цесаревичъ поддержалъ мои доводы, сказалъ Государю:—Если ты желаешь, папа, чтобы я принялъ командованіе въ арміи, то прошу, дай мнѣ гвардію, съ которой я сжился, и которую знаю, чтобы назначеніе мое въ армію принесло дядѣ существенную помощь и силу, а безъ гвардіи одинъ я только затрудню Главнокомандующаго устройствомъ для меня соотвѣтственнаго командованія".

Но высшая администрація была убѣждена въ слабости Турціи и считала возможнымъ „обойтись тѣмъ, что есть".

Походъ гвардіи былъ отмѣненъ, еще не доѣзжая Москвы, о чемъ, сколько помню, телеграфировалъ Его Высочеству Цесаревичъ. А когда Государь самъ прибылъ въ Плоэшти, то, несмотря на повторенныя представленія Его Высочества о необходимости усиленія арміи, согласія не послѣдовало.

Въ своемъ трудѣ Г.-м. Гейсманъ говоритъ: „однако имѣются основанія допускать, что онъ (Главнокомандующій) считалъ назна-

ченныя силы недостаточными и неоднократно *ходатайствовалъ объ увеличеніи численности* арміи гораздо большимъ, чѣмъ предполагалъ составитель плана войны“ [1]).

Далѣе сказано:—„во имя справедливости должно признать, что отъ погрѣшностей никто не застрахованъ, а главная отвѣтственность, хотя бы за погрѣшности высшаго командованія, поставленнаго въ подобныя условія, падаетъ не на это командованіе, *но прежде всего на высшую военную администрацію*, которая „въ военное время не давала высшему командованію необходимыхъ силъ и средствъ и не освобождала его отъ извѣстной опеки“ и т. д. [2]).

Въ дневникѣ Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ, на стр. 70 и 71, говорится:—„такимъ образомъ упреки, высказанные Русскому Главнокомандующему въ иностранной печати по поводу его мнимыхъ ошибокъ, были совершенно неосновательны. Планъ его былъ превосходный и по смѣлости, и по соображенію, и пользованію обстоятельствами.

Овладѣвъ сперва Дунаемъ и Балканами отважными движеніями, онъ перекидывалъ стотысячную армію къ Адріанополю, оторопѣвшему и готовому уже сдаться (какъ впослѣдствіи оказалось), становился у Царьграда въ то время, когда турецкія войска плыли изъ Черногоріи, не чая сокрушительнаго наступленія. Фланги были обезпечены, а съ ними тыловыя сообщенія. Все это было достижимо съ одною арміею, хотя, конечно, выгоднѣе было бы имѣть двѣ арміи: одну—для дѣйствій рѣшительныхъ, другую—на всякій непредвидимый случай. Одна шла бы на Константинополь, другая оберегала бы отъ Турокъ край Предбалканскій. Это уже давно и имѣлось въ виду.

Главнокомандующій *неоднократно* представлялъ о необходимости значительнаго усиленія войскъ, ему ввѣренныхъ.

Но съ одной стороны громадность новыхъ издержекъ, уже и безъ того тягостныхъ для государства, долго останавливала исполненіе домогательства, скорѣе осторожнаго, чѣмъ существеннаго. Но, какъ всегда бываетъ, непредвидимое вступило въ свои права“.

Слова эти показываютъ, что представленія Великаго Князя объ увеличеніи арміи были извѣстны въ Императорской Главной Квартирѣ. Въ краткихъ словахъ здѣсь высказанъ планъ Главнокомандующаго, который онъ принялъ и привелъ въ исполненіе, несмотря на всѣ затрудненія, происшедшія отъ недостаточности назначенныхъ для него силъ. Его Высочество считалъ, что *восемь разъ*

---

[1]) Стр. 290.

[2]) Стр. 290 и 291.

входилъ съ представленіемъ о необходимости увеличенія арміи для исполненія возложенной на него задачи, но всѣ представленія ни къ чему не приводили, пока обстоятельства, предвидѣнныя Главнокомандующимъ, не стали ясны и для высшей администраціи, и не вынудили возстановить должное отношеніе между заданіемъ и силами для его осуществленія.

Въ письмѣ изъ Зимницы отъ $\frac{28 \text{ іюня}}{10 \text{ іюля}}$ Государь писалъ Его Высочеству:

„Кромѣ этого въ концѣ докладной записки Непокойчицкаго къ Воен. Министру, полученной сегодня, онъ упоминаетъ о твоемъ желаніи усилить твою армію еще двумя дивизіями, *что признаю рѣшительно невозможнымъ*, такъ какъ нельзя совершенно оголять наши Западныя губерніи и подавно Царства Польскаго и обѣ столицы. Затѣмъ остаются двѣ резервныя дивизіи, которыя формируются, но на которыя нельзя смотрѣть, какъ на вполнѣ организованныя, боевыя войска".

Послѣдній разъ Его Высочество просилъ объ этомъ изъ Поликрата, но уже подъ очень щекотливымъ предлогомъ, въ письмѣ отъ 29 іюня.

„Я никогда бы не просилъ усиленія меня войсками, если бы армія моя не была бы осчастливлена присутствіемъ при ней своего возлюбленнаго Императора, но заботы мои о сохраненіи Его Величества вынудили меня просить и высказать, что для этой цѣли у меня войскъ мало, потому что при какой бы части ты ни находился—менѣе бригады, а иногда и дивизіи, невозможно тебѣ оставлять, а тѣмъ числомъ войскъ уменьшается у меня резервъ, которымъ я могъ бы двигать по усмотрѣнію въ ту или другую сторону. Я находилъ и нахожу своимъ священнымъ долгомъ это высказать".

Вотъ что на это отвѣтилъ Государь письмомъ отъ $\frac{30 \text{ іюня}}{12 \text{ іюля}}$ изъ Зимницы.

„То, что касется Моего присутствія въ арміи, произвело на Меня *самое непріятное впечатлѣніе*.

Я, кажется, достаточно доказалъ тебѣ, что ни въ чемъ не могу стѣснять твои распоряженія. Но зная, что *воля Моя—есть раздѣлять съ нашими славными войсками ихъ трудъ, опасность и славу, не подобаетъ Тебѣ изыскивать всякіе предлоги*, чтобъ удалить Меня отъ театра военныхъ дѣйствій, такъ какъ Я не съ тѣмъ пріѣхалъ въ армію, *чтобы слѣдовать въ тылу съ обозами и парками*".

Письмо это очень разстроило Великаго Князя, и вслѣдъ затѣмъ 18 іюля произошла вторая неудача подъ Плевной.

19-го іюля Его Высочество былъ вызванъ Государемъ въ Бѣлу и наконецъ получилъ желаемыя силы, даже съ излишкомъ.—Государь „приказалъ мобилизовать весь Гвардейскій корпусъ“,—какъ сказано въ оффиціальномъ изданіи,—„за исключеніемъ лишь Кирасирскихъ полковъ, а также 24-ю и 26-ю пѣхотныя дивизіи, изъ коихъ гвардія и 24-я дивизія предназначались для немедленнаго усиленія главныхъ силъ „Дѣйствующей арміи“.

— Я отлично помню, что Его Высочество, перечисляя данныя Ему подкрѣпленія, назвалъ еще и Гренадерскій корпусъ, и при этомъ прибавилъ:

„Я благодарилъ, но замѣтилъ, что теперь получу эти силы *пакетиками* и буду задержанъ въ исполненіи своего плана. Лучше было бы дать хотя бы и меньшее число войскъ, но своевременно“.

Какъ уже было выше сказано, Его Высочество неуклонно стремился къ указанной ему цѣли—и въ основѣ во всю кампанію не отступалъ отъ принятаго имъ плана. Отклоненія, вызываемыя обстоятельствами и дѣятельностью противника, только временно задерживали его исполненіе, но при первой возможности Его Высочество бралъ инициативу въ свои руки и преслѣдовалъ свою цѣль.

Великій Князь, настаивая на увеличеніи арміи, былъ убѣжденъ, что обстоятельства вынудятъ къ этому высшую администрацію, по той же причинѣ онъ такъ дорожилъ представившеюся возможностью захватить проходы въ Балканахъ.

Въ оффиціальномъ изданіи приведено письмо Его Высочества отъ 27-го іюня о движеніи за Балканы и отвѣтъ Государя отъ 27-го іюня, и выведено заключеніе, что „Государь не одобрилъ планъ движенія за Балканы. Получивъ такой отвѣтъ, Великій Князь пока отказался отъ движенія съ главными силами за Балканы и рѣшился съ 8 корпусомъ остановиться въ Тырновѣ, до прибытія не только 11-го, но и 4-го корпуса“. Но при этомъ не приведено письмо Его Высочества отъ 29 іюня, въ которомъ онъ пишетъ:

„Въ Моемъ новомъ планѣ дѣйствій *я отнюдь не намѣревался и не намѣчалъ двигаться далѣе за Балканы*, пока не узнаю, что будетъ дѣлать непріятель.

Я находилъ и нахожу теперь болѣе еще послѣ быстраго занятія Тырнова, необходимость воспользоваться этимъ для имѣнія въ своихъ рукахъ, хотя бы одинъ, или, если возможно, то и два перевала черезъ горы. Этимъ пока хочу ограничиться для того, чтобъ во всякое время быть въ состояніи, смотря по обстоятельствамъ, двинуться за Балканы, когда это найду возможнымъ и нужнымъ воспользоваться успѣхомъ, бывшимъ въ Тырновѣ. Нахожу необходимымъ это сдѣлать, т. к. по всѣмъ свѣдѣніямъ Турки и по сіе время на-

ходятся въ паникѣ. Долго-ли это продолжится—это вопросъ! но она есть, а потому я рѣшилъ: генералу Гурко занять проходы—своимъ отрядомъ, 9-ою пѣхотною дивизіею—занять Тырново и Габрово для поддержки генерала Гурко.—14-ая дивизія останавливается у Борушъ, дабы быть въ возможности ею поддержать войска Наслѣдника, въ случаѣ если Турки атакуютъ Его на Янтрѣ и т. д.".

Государь Императоръ дѣйствительно непосредственно *ни въ чемъ не стѣснялъ распоряженія* Главнокомандующаго за весьма рѣдкими исключеніями, напротивъ того, Его Высочество неоднократно высказывалъ, что присутствіе Государя благодѣтельно въ томъ отношеніи, что Великій Князь имѣлъ всегда возможность личнаго доклада Его Величеству, и „что было бы, если бы Государь не былъ среди арміи и обо всемъ пришлось бы входить съ докладами черезъ высшую администрацію", говорилъ Его Высочество.—Но присутствіе Государя и командованіе на восточномъ фронтѣ Цесаревича въ извѣстномъ отношеніи стѣсняли свободу распоряженій Главнокомандующаго. „Если бы войска на восточномъ фронтѣ"—сказалъ однажды Его Высочество передъ третьей Плевной—„не были подъ начальствомъ Цесаревича, Я бы, пользуясь своимъ центральнымъ, положеніемъ покончилъ бы съ Османомъ-Пашой, а такъ Государь безпокоится, и Я не могу ослабить Цесаревича". Вмѣсто того, чтобы усилить свой резервъ передъ Плевненскимъ боемъ, Главнокомандующій былъ вынужденъ направить на восточный фронтъ передъ самою третьею Плевною, изъ Радомирцъ, еще и 2-ю бригаду 3 див.—Что Государь непосредственно не стѣснялъ Главнокомандующаго относительно исполненія общаго плана кампаніи, можетъ служить доказательствомъ еще нижеслѣдующее письмо отъ 7-го августа командира 14-го корпуса, которое было передано Его Высочеству только для свѣдѣнія, и ни на что не повліяло. Привожу его, какъ критику принятаго Его Высочествомъ плана кампаніи.

„Милостивый государь Дмитрій Алексѣевичъ! Ваше Высокопревосходительство, можетъ быть, изволите найти настоящее письмо мое неумѣстнымъ; рѣшаюсь, однако, откровенно доложить вамъ мое мнѣніе о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Пишу собственно для однихъ васъ и, вполнѣ полагаясь на ваше великодушіе, покорнѣйше прошу прочесть снисходительно и никому не сообщать этого письма.

Послѣ отъѣзда отсюда вашего сына я получилъ частныя свѣдѣнія, что въ Главной Квартирѣ арміи рѣшено, по прибытіи подкрѣпленій, продолжать исполненіе прежняго плана войны, главная идея котораго—движеніе за Балканы. Историки военные, разбирая этотъ планъ, произнесутъ, конечно, строгое осужденіе; и теперь уже пресса, дружелюбная Россіи, начинаетъ его порицать. Сущность плана со-

стояла въ томъ, чтобы, перейдя Дунай, идти тотчасъ прямо за Балканы, оставя передъ Рущукомъ отрядъ для блокады или осады. Полагали, что появленіе наше за Балканами возбудитъ общее возстаніе тамошнихъ христіанъ. Катастрофа, послѣдовавшая за отступленіемъ ген. Гурко изъ занятыхъ имъ мѣстностей—избіеніе христіанъ, оставитъ на долго въ средѣ населенія того края самое неблагопріятное для насъ впечатлѣніе.

Еще въ бытность мою въ Кіевѣ, въ апрѣлѣ, я имѣлъ разговоръ съ генераломъ Игнатьевымъ, отъ котораго слышалъ, что онъ указалъ на проходъ Шипку, и что рѣшено идти черезъ этотъ перевалъ на Адріанополь съ двумя корпусами; я возражалъ, доказывая трудность и опасность этого предпріятія и прибавляя, что вѣроятно это побудитъ Англію къ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

Въ Главной Квартирѣ въ Плоэшти говорилъ я генералу Левицкому, что раціональнѣе было бы заняться сперва осадою Рущука, а послѣ паденія его идти къ Шумлѣ и осаждать ее; за Балканы же посылать небольшіе отряды, и что вѣроятно взятіемъ Шумлы окончилась бы война. Ген. Левицкій отвѣчалъ, что утвержденъ уже другой планъ.

Извѣстный четыреугольникъ крѣпостей составляетъ главную силу Турціи, пренебречь имъ нельзя.

Вообще въ Главной Квартирѣ замѣтилъ я господство мнѣній, считавшихъ турецкія войска очень слабыми и малочисленными, и убѣжденіе, что быстрые налеты кавалерійскихъ отрядовъ дадутъ важные результаты.

По прибытіи подкрѣпленій, вѣроятно, предпринята будетъ снова атака Плевны.

Полагаю, однако, что Османъ-Паша не дастъ себя окружить и уйдетъ черезъ Ловчу на югъ—можетъ быть за Балканы. Если мы тотчасъ пойдемъ снова за Балканы и потерпимъ тамъ неудачу, то результатъ ея будетъ несравненно хуже дѣлъ подъ Плевной.

По моему мнѣнію, слѣдовало бы по прибытіи подкрѣпленій, если Плевна будетъ брошена непріятелемъ, идти къ Разграду и стараться имъ овладѣть, затѣмъ, остаться тамъ и дѣятельно заняться осадой Рущука. Послѣ паденія его, что можетъ произойти въ концѣ сентября, идти на Шумлу, устроить себѣ подвозъ запасовъ по желѣзной дорогѣ и осадить Шумлу.

Можно полагать, что Шумла не будетъ долго сопротивляться.

Паденіе Шумлы будетъ рѣшительнымъ ударомъ для Турціи, послѣ котораго она, вѣроятно, согласится на выгодныя для насъ мирныя условія.

Рѣшаюсь сказать, что Болгары не стоятъ того, чтобы объ нихъ много заботиться.

Румынія создана Россіей, однако, большой благодарности и сочувствія къ Русскимъ въ румынахъ не видно. То же будетъ и съ Болгарами.

Если бы осада Шумлы долго затянулась, то слѣдуетъ продолжать ее и зимой.

Послѣ переправы черезъ Дунай у Зимницы, если бы главныя силы двинулись на Рущукъ и Разградъ, то теперъ вѣроятно Рущукъ былъ бы взятъ и Разградъ занятъ.

Ошибка нашего плана войны состояла въ томъ, что заняли слишкомъ большое пространство и тѣмъ раздробили силы.

Въ Азіи была сдѣлана подобная же ошибка. Необходимо, чтобы неудачи наши послужили урокомъ и заставили перемѣнить планъ войны, иначе произойдутъ еще большія бѣдствія.

Войну съ турками слѣдуетъ вести, наступая медленно, осторожно. Здѣсь нельзя дѣлать такія быстрыя движенія, какъ въ Средней и Западной Европѣ.

Не понимаю, какъ армія наша обезпечитъ себѣ продовольствіе за Балканами. Не случись перваго дѣла подъ Плевной, то можетъ быть два корпуса съ Великимъ Княземъ перешли бы Балканы и тогда Османъ-паша зашелъ бы имъ въ тылъ.

Думать о зимовкѣ нашей за Балканами едва-ли можно. Занятіе Адріанополя усложнитъ наши отношенія съ Англіей и Австріей.

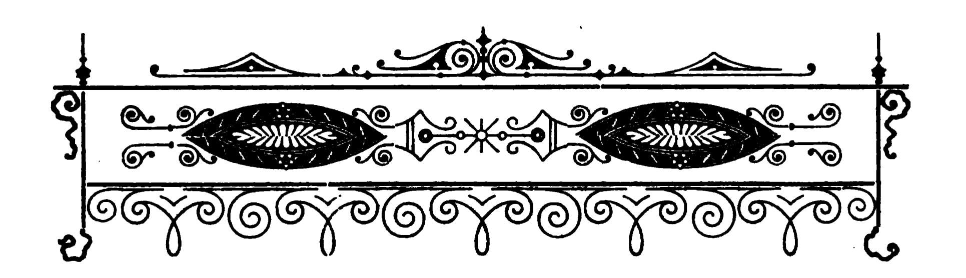
Кажется, благоразумнѣе было бы ограничиться взятіемъ Шумлы. Можетъ быть изволите меня упрекнуть въ излишней осторожности; полагаю, что намъ надо отказаться отъ рѣшительныхъ предпріятій. Забочусь о сохраненіи ввѣренныхъ мнѣ частей войскъ, а не о томъ, чтобы искать случаевъ писать пышныя реляціи.

Отъ всего сердца желаю, чтобы я ошибся въ своихъ сужденіяхъ, представляя себѣ будущее въ неблагопріятномъ свѣтѣ, но до сихъ поръ, къ несчастію, сбывалось то, что я предвидѣлъ".

По счастію, желаніе отъ сердца генерала Циммермана исполнилось, и на этотъ разъ предвидѣніе его не сбылось.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Портъ-Артурская эскадра наканунѣ гибели [1].

VI.

Телеграмма Намѣстника отъ 25 іюня, подтверждавшая Высочайшее повелѣніе о выходѣ эскадры во Владивостокъ, согласно приказанія была объявлена флагманамъ и командирамъ на послѣднемъ совѣщаніи [2]), собранномъ Витгефтомъ и рѣшившимъ окончательно моментъ и порядокъ выхода.

28 іюля, въ среду, въ $4^1/_2$ часа утра броненосцы начали выходить изъ гавани и тотчасъ же становились на якорь на рейдѣ, по заранѣе выработанной дистанціи. День выдался свѣтлый и тихій. На горизонтѣ виднѣлись лишь четыре непріятельскихъ миноносца и лодки „Хайенъ" и „Сайенъ" [3]). Какъ только вышелъ послѣдній броненосецъ изъ бассейна, эскадра подняла якорь и въ кильватерной колоннѣ тихо тронулась въ море, слѣдуя за караваномъ траловъ. Было 8 час. 15 мин. утра, до наступленія темноты, когда японскіе миноносцы могли бы стать опасными, оставалось почти полъ-сутокъ, и наша эскадра, идя въ среднемъ по 12-ти узловъ, могла бы за это время пробѣжать около 150 миль и къ ночи быть уже въ открытомъ морѣ.

Но японцы зорко слѣдили за Портъ-Артуромъ, и прошло немного времени послѣ выхода эскадры, какъ съ флагманскаго корабля („Цесаревичъ") были замѣчены идущими отъ острова Кепъ на перерѣзъ японскіе крейсеры 2-го ранга „Матцушима," „Итцукушума,"

---

[1]) См. „Русская Старина" 1907 г. май.

[2]) Рапортъ контръ-адмирала Рейценштейна морскому министру.

[3]) Однако нѣкоторые командиры нашей эскадры этихъ лодокъ не замѣтили.

„Хошидате“ [1]), а за ними и броненосные—„Ниссинъ“ и „Касуга“. Въ то же время у острова Міотоу показались: первоклассный броненосный крейсеръ „Якумо,“ броненосные крейсеры 2-го р. „Такасаго“, „Касаги“ и „Читозе“ и нѣсколько миноносцевъ. Это былъ отрядъ крейсеровъ адмирала Дева. Въ 9 час. 10 мин. утра командующій эскадрою к.-ад. Витгефтъ, имѣвшій свой флагъ на броненосцѣ „Цесаревичъ“, поднялъ сигналъ: „Флотъ извѣщается, что Государь Императоръ повелѣлъ идти во Владивостокъ“.

Вслѣдъ за симъ, сигналомъ же велѣно было приготовиться къ бою.

Въ 10½ час. въ разстояніи 10 миль отъ Ляотешана Витгефтъ отпустилъ въ портъ тралящій караванъ, легъ на SO 52⁰ и сталъ постепенно увеличивать ходъ, приглядываясь къ „Ретвизану“. Этотъ броненосецъ еще наканунѣ получилъ серьезную аварію.

На немъ 27 іюля, по приказанію начальника штаба эскадры, начали устанавливать два 6 дм. и четыре 75 м. м. орудій. Баржа съ пушками стояла у борта броненосца и часть 75 м. м. уже была перегружена, какъ съ осадныхъ японскихъ батарей на внутренній рейдъ посыпались снаряды. Одинъ изъ нихъ попалъ въ баржу и утопилъ ее вмѣстѣ съ пушками, другой разорвался на крышѣ носовой башни, при чемъ осколками былъ раненъ командиръ „Ретвизана“ и выведено изъ строя 20-ть человѣкъ нижнихъ чиновъ. Наконецъ, третій непріятельскій снарядъ сдѣлалъ пробоину въ подводной части на глубинѣ восьми футъ. Пробоина была около 20-ти кв. футъ и черезъ нее ближайшія бортовыя отдѣленія моментально заполнились водою. Для уничтоженія крена пришлось залить соотвѣтствующія отдѣленія противуположнаго борта. Вслѣдствіе этого „Ретвизанъ“ принялъ 500 тоннъ мертваго груза влившейся и влитой воды и сѣлъ на 10 дм. глубже, что въ свою очередь уменьшало ходъ его на цѣлый узелъ. Имѣя полный запасъ угля для перехода во Владивостокъ, „Ретвизанъ“ вслѣдствіе такой аваріи могъ бы развить ходъ не болѣе 15—16 узловъ. Когда Витгефту было доложено объ этой пробоинѣ, онъ колебался, слѣдовало ли „Ретвизану“ идти съ нимъ въ море, или же было благоразумнѣе и безопаснѣе оставить его въ порту. Но командиръ корабля просилъ дать ему изъ порта средства для исправленія и, благодаря энергіи и умѣнію корабельнаго инженера Вешкурцева, успѣлъ въ теченіе ночи подкрѣпить внутреннюю переборку и наложить стальной листъ на пробоину. Вода въ количествѣ 500 тоннъ въ „Ретвизанѣ“ все-таки осталась, и 6 дм. орудія поставлены не были.

---

[1]) По показаніямъ нѣкоторыхъ командировъ, ихъ не было вовсе.

Понятно, что, имѣя такую пробоину, нельзя было развивать полный ходъ эскадры, не считаясь съ заплатою броненосца. К.-ад. Витгефтъ очень заботливо относился къ нему и, разрѣшая вступить въ кильватеръ вслѣдъ за собою, увеличивалъ ходъ постепенно, постоянно справляясь семафоромъ о состояніи переборокъ. Тѣмъ не менѣе флагманъ предвидѣлъ возможность катастрофы и заранѣе приказалъ командиру „Ретвизана" при малѣйшей опасности выйти изъ строя и слѣдовать обратно съ госпитальнымъ пароходомъ „Монголіею".

Однако первая задержка въ движеніи эскадры произошла на „Цесаревичѣ" вслѣдствіе поврежденія рулевого привода. Впрочемъ повреждение скоро было исправлено, и тогда эскадренный ходъ былъ доведенъ до 12-ти узловъ

Эскадра шла въ кильватерной колоннѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: „Цесаревичъ" подъ флагомъ Витгефта головнымъ, за нимъ „Ретвизанъ", „Побѣда", „Пересвѣтъ" подъ флагомъ к.-а. князя Ухтомскаго, „Севастополь" и „Полтава", крейсеры перваго ранга „Аскольдъ" подъ флагомъ к.-ад. Рейценштейна, „Паллада" и „Діана". Крейсеръ „Новикъ" шелъ форзейлемъ, транспортъ „Монголія" подъ флагомъ Краснаго Креста держался позади колонны, миноносцы „Выносливый", „Властный", „Грозовой" и „Бойкій" шли съ правой стороны эскадры, „Безшумный", „Безстрашный", „Безпощадный" и „Бурный"—съ лѣвой. (Чер. № 1).

Японскіе крейсеры „Ниссинъ" и „Касуга", опредѣливъ составъ нашей эскадры, скрылись изъ вида, а число непріятельскихъ миноносцевъ выросло до 50-ти.

Около 11$^1/_2$ ч. утра на горизонтѣ слѣва показались японскія суда. Скоро опредѣлилось, что это былъ отрядъ изъ броненосцевъ перваго класса „Миказа" подъ флагомъ адмирала Того, „Фуджи", „Асахи" и „Шикишима" и двухъ броненосныхъ крейсеровъ перваго класса „Ниссинъ" и „Касуга". Отрядъ шелъ [1]) построившись въ кильватерную колонну полнымъ ходомъ, очевидно намѣреваясь пройти далеко подъ носомъ „Цесаревича" на соедииеніе съ крейсерами, приближавшимися отъ острова Міотау.

Видя неизбѣжность боя съ главными силами адмирала Того и не имѣя возможности воспрепятствовать соединенію японскихъ отрядовъ, имѣвшихъ громадное преимущество въ ходѣ, Витгефтъ семафоромъ приказалъ „Новику" занять мѣсто концевого въ колоннѣ и всѣмъ миноносцамъ перейти на ея правый траверзъ. Когда же

---

[1]) По другимъ показаніямъ очевидцевъ и участниковъ боя, впереди шли крейсеры „Ниссинъ" и „Касуга".

эскадры сблизились до разстоянія 100 кабельтововъ, Витгефтъ положилъ руль право на бортъ и послѣдовательно поворотилъ влѣво, открывая путь японцамъ для соединенія и въ то же время отвѣчая ему на выстрѣлы.

Первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ непріятелемъ въ 12 час. 15 мин. Японскій снарядъ не долетѣлъ, второй, съ того же разстоянія, далъ перелетъ около 3-хъ кабельтововъ. Слѣдующіе снаряды начали ложиться около броненосца, составлявшаго повидимому главную цѣль непріятеля. Ходъ эскадры нашей послѣ поворота былъ доведенъ до 13-ти узловъ, ближайшее разстояніе между эскадрами при расхожденіи контрагалсами было около 46 кабельтововъ. Затѣмъ оно быстро стало увеличиваться. Вниманіе Витгефта и командировъ нашихъ судовъ на этомъ курсѣ кромѣ непріятельскихъ броненосцевъ отвлекали плавающія мины, набросанныя японскими миноносцами, державшимися въ эту минуту вдали отъ главныхъ силъ. Одинъ изъ 12-ти дюймов. снарядовъ съ нашего броненосца попалъ въ японскій крейсеръ 2-го ранга типа „Читозе“ и это, вѣроятно, заставило колонну адмирала Дева поворотить на сѣверъ и направиться въ обходъ „Полтавы“. Предупредить такой маневръ Витгефтъ не могъ, какъ и вообще не могъ вырвать изъ власти японскаго адмирала всей выгоды иниціативы дѣйствій: держаться на солнечной сторонѣ [1]), соединяться по своему усмотрѣнію съ резервами и т. д. Ходъ японскихъ броненосцевъ достигалъ 17-ти и крейсеровъ даже превышалъ 20-ть узловъ, наша же эскадра болѣе 13-ти соединенно идти не могла по причинѣ тихоходности „Севастополя“ и „Полтавы“.

Витгефтъ сигналомъ приказалъ крейсерамъ перейти на лѣвую сторону броненосцевъ и тамъ держаться въ кильватерной колоннѣ. (Чер. № 2). Продолжая идти тѣмъ же курсомъ и удачно избѣгая набросанныя на пути слѣдованія японскія мины, наша эскадра безъ серьезныхъ поврежденій выдержала первый ударъ, несмотря на нѣкоторое превосходство силъ противника. Болѣе всѣхъ пострадали „Полтава“ и „Цесаревичъ“.

Японскій отрядъ броненосцевъ, миновавъ траверзъ нашей эскадры и будучи уже около 100 кабельтововъ отъ нея, поворотилъ вдругъ на 8 румбовъ влѣво, прошелъ около четверти часа въ строѣ фронта и затѣмъ легъ опять на старый курсъ, болѣе и болѣе удаляясь отъ эскадры Витгефта (чер. № 3). Въ часъ по полудни, когда разстояніе между эскадрами увеличилось до 80-ти кабельтововъ, перестрѣлка прекратилась. Витгефтъ воспользовался этимъ моментомъ и снова легъ на SO—62°, доведя ходъ до максимальнаго.—Казалось, еще

---

[1]) Мнѣ пишутъ, что день 28 іюля не былъ солнечнымъ.

была возможность уйти отъ преслѣдованія врага до наступленія ночи. Быть можетъ оно такъ бы и случилось, если бы ходъ эскадры не задерживали, начавшіе отставать „Севастополь“ и „Полтава“. Конечно ночью японскіе миноносцы могли атаковать не одинъ разъ броненосцы. Но наши экипажи уже достаточно были опытны и тренированы.

А чѣмъ далѣе Витгефтъ уходилъ бы въ открытое море, тѣмъ болѣе отстало бы непріятельскихъ судовъ въ погонѣ за нимъ, и тѣмъ болѣе у него было бы шансовъ достигнуть намѣченной цѣли. Уклоненіе Того влѣво и удаленіе на югъ иностранными корреспондентами объяснялось тѣмъ, что онъ опасался повторенія нашею эскадрою маневра 10-го іюня, когда Виттефтъ, не рѣшаясь вступить въ бой, отказался отъ попытки прорваться и, поворотивъ назадъ, сталъ на якорь подъ защиту портъ-артурскихъ батарей. Адмиралъ Того, по увѣренію корреспондентовъ, заманивалъ въ море русскихъ, показывая видъ, что онъ не намѣренъ настойчиво преслѣдовать ихъ по какимъ, то своимъ соображеніямъ. Однако весь маневръ японскаго адмирала объясняется гораздо проще и естественнѣе. Онъ боялся наткнуться на собственныя свои мины, набросанныя миноносцами. Японская эскадра уходила съ пространства моря, на которомъ она могла потерять любой броненосецъ, какъ потеряла „Хатцусе“ и „Яшима“. Миновавъ опасныя минныя банки [1]), Японская эскадра повернула на 16 румбовъ и въ 1 часъ 15 мин., идя параллельнымъ курсомъ съ нашею, вторично открыла огонь, продолжавшійся до 2-хъ часовъ 40 минутъ. Этотъ второй бой происходилъ на разстояніяхъ отъ 60 до 80 кабельтововъ.

Адмиралъ Того видимо поджидалъ подкрѣпленій отовсюду. До сихъ поръ наша эскадра не имѣла серьезныхъ поврежденій.

Въ „Севастополь“ и „Полтаву“ попало наибольшее число снарядовъ. „Ретвизанъ“ въ первую перестрѣлку получилъ 12-ть снарядовъ, во вторую только два. На „Аскольдѣ“ была снесена дымовая труба, и выведенъ одинъ котелъ изъ дѣйствія. Когда разстояніе между эскадрами увеличилось до 80 кабельтововъ, бой прекратился.

Въ 4 часа по сигналу съ „Цесаревича“ командамъ было приказано ужинать. Но черезъ нѣсколько минутъ съ флагманскаго корабля замѣтили, что адмиралъ Того, державшійся въ это время далеко позади эскадры, снова легъ курсомъ сходившимся съ курсомъ Витгефта (черт. №№ 4 и 5.) По показанію многихъ нашихъ офицеровъ,

---

[1]) По поводу этихъ соображеній одинъ изъ командировъ, участвовавшихъ въ бою, сдѣлалъ такое замѣчаніе: „Непріятельскій отрядъ управлялся идеально хорошо. Не замѣчалъ не только отставаній, но и растягиванія линій. *Не думаю*, чтобы при погонѣ могли быть отсталые“.

наблюдавшихъ за боемъ съ миноносцевъ въ это время къ отрядамъ японскихъ броненосцевъ присоединился крейсеръ „Якумо“, бывшій до того, какъ сказано выше, въ отрядѣ Дева. Въ $4^3/_4$ ч. съ разстоянія 65-ти кабельтововъ бой начался въ третій разъ. Въ то же время слѣва, миляхъ въ 10-ти обозначился третій отрядъ японскихъ крейсеровъ 2-го ранга: „Матцушима“, „Итцукушима“ и „Хашидате“. Старый броненосецъ „Чинъ-Іенъ“ держался вдали съ миноносцами. Въ 5 час. разстояніе между эскадрами Витгефта и Того уменьшилось до 40 кабельтововъ. Тогда весь огонь непріятеля былъ направленъ на „Цесаревича“. Японцы но обыкновенію, или, по принятому ими къ непремѣнному исполненію правилу, били всегда въ голову, т. е. адмиральскій корабль, стараясь снести все, что было выше воды: трубы, мостики, мачты и т. д. Послѣ 5 час., когда эскадры сблизились, казалось, наступилъ самый благопріятный и, можно утверждать, единственный моментъ за весь день, когда Витгефтъ, положивъ лѣво руля, могъ со всею своею эскадрою сойтись бортъ о бортъ съ непріятелемъ и жертвою нѣсколькихъ своихъ броненосцевъ погубить такое же количество въ эскадрѣ адмирала Того. Въ этотъ именно моментъ могли бы дѣйствовать наши восемь миноносцевъ подъ прикрытіемъ крейсеровъ адмирала Рейценштейца.

Ни изъ рапортовъ, ни изъ показаній многихъ лицъ, участвовавшихъ въ сраженіи, я не могъ съ точностью, до минутъ опредѣлить время, когда однимъ роковымъ 12-ти дюймовымъ снарядомъ, разорвавшимся на мостикѣ „Цесаревича“, убило командовавшаго эскадрою к.-ад. Витгефта, флагманскаго штурмана лейтенанта Азарьева, флагъ-офицера мичмана Эллиса и 3-хъ нижнихъ чиновъ. Осколками того же снаряда были тяжело ранены начальникъ штаба к.-ад. Матусевичъ и флагъ-офицеры лейт. Кедринъ и мичм. Кушинниковъ. Вторымъ снарядомъ въ то время были ранены командиръ броненосца капитанъ I-го ранга Ивановъ и лейтенанты Ненюковъ, Пилкинъ и Кѣтлинскій, находившіеся въ боевой рубкѣ „Цесаревича“. При этомъ всѣ приборы управленія броненосцемъ были сбиты, и онъ, потерявъ способность управляться, покатился влѣво. Вѣроятно это произошло вскорѣ послѣ 6 часовъ вечера. Крутой поворотъ „Цесаревича“ былъ крутымъ поворотомъ и во всемъ морскомъ боѣ 28 іюля. Неожиданный поворотъ „Цесаревича“ произвелъ замѣшательство, которое могло погубить всю эскадру. Но командиръ „Ретвизана“ (капитанъ I-го ранга Щенсновичъ) въ этотъ, по истинѣ критическій моментъ, проявилъ сообразительность и доблесть, которыя спасаютъ отъ гибели уже обреченныхъ на нее и вмѣстѣ съ тѣмъ спасаютъ почти безповоротно загубленное дѣло (черт. №№ 6 и 7).

Наши несчастія въ минувшую войну на морѣ были такъ велики,

что доблестное поведеніе многихъ моряковъ едва было замѣчено и до сихъ поръ не получило заслуженной оцѣнки. О блестящемъ дѣлѣ отряда миноносцевъ 26 февраля подъ командою капитана I-го ранга Матусевича, нынѣ контръ-адмирала, въ Россіи мало кто даже знаетъ, утопленіе „Стерегущаго" до сихъ поръ не выяснено окончательно. Кто изъ русскихъ знаетъ подробно о томъ, какъ храбрый капитанъ 2-го ранга Шельтингъ отражалъ на „Бобрѣ" японскія атаки 13 мая и затѣмъ сумѣлъ благополучно возвратиться въ портъ, несмотря на блокаду его съ моря? А между тѣмъ исторія всѣхъ войнъ свидѣтельствуетъ, что только храбрые и доблестные давали побѣды своей родинѣ, что только беззавѣтно исполнившіе свой долгъ заполняли своимъ умѣньемъ и своимъ примѣромъ пробѣлы въ матеріальной части. Но все это было и можетъ быть лишь тогда, когда родина помнила заслуги своихъ воиновъ и тамъ, гдѣ воздавала имъ должную честь, не потому, чтобы они нуждались въ почестяхъ или въ матеріальномъ вознагражденіи, а потому, что все это вмѣстѣ ставило ихъ въ положеніе руководителей и воспитателей цѣлой плеяды будущихъ воиновъ и поощряло молодость.

Командиръ „Ретвизана" послѣдовалъ въ первый моментъ за „Цесаревичемъ". Но замѣтивъ, что онъ не останавливается на обратномъ курсѣ и продолжаетъ циркуляцію, Щенсновичъ пришелъ къ заключенію, что адмиральскій корабль вслѣдствіе невѣдомой аваріи вышелъ изъ строя, и что если всѣ послѣдуютъ за нимъ, то эскадра собьется въ нестройную кучу, представляющую чрезвычайно выгодную цѣль для разстрѣла непріятельскимъ флотомъ. Не видя и не ожидая никакихъ приказаній съ „Цесаревича" или „Пересвѣта", командиръ „Ретвизана" положилъ лѣво на бортъ и пошелъ прежнимъ курсомъ SO—60°, сближаясь съ непріятелемъ подъ угломъ пятнадцати градусовъ. Этимъ маневромъ Щенсновичъ привлекъ на себя весь огонь непріятельской эскадры и оттянулъ ее отъ нашей, сбившейся въ кучу. Здѣсь произошло что-то странное и непонятное. Несмотря на сближеніе съ непріятелемъ, на сыпавшіеся снаряды со всѣхъ японскихъ броненосцевъ, стрѣлявшихъ только по „Ретвизану", попаданій въ него оказалось очень немного. Можно думать, что отважный маневръ „Ретвизана" смутилъ японцевъ, и они торопливо и дурно прицѣливались, боясь столкновенія. И дѣйствительно, когда разстояніе до японской эскадры уменьшилось до 17-ти кабельтововъ, Щенсновичъ, замѣтивъ въ этотъ моментъ, что его броненосецъ уходитъ въ воду вслѣдствіе сильной течи черезъ пробоину, рѣшился таранить ближайшій къ нему непріятельскій броненосецъ. На „Ретвизанѣ" оставалось два орудія 12 д. и 2—6 д. Моментъ дѣйствительно былъ удобный. Къ несчастію, Щенсновичъ не успѣлъ исполнить своего рѣшенія, такъ какъ въ

это мгновеніе былъ раненъ осколкомъ разорвавшагося снаряда. Испытывая невыносимую боль и, главное, уже не надѣясь на вѣрность глазомѣра, необходимаго въ такомъ трудномъ и рискованномъ предпріятіи, командиръ „Ретвизана“ счелъ благоразумнымъ послѣдовать за эскадрой, выстраивавшейся въ кильватерную колонну по „Пересвѣту“. Маневръ „Ретвизана“ остановилъ японскую эскадру, увеличившуюся въ это время только-что прибывшимъ крейсеромъ „Асама“ [1]), и спасъ „Цесаревича“ отъ окончательнаго разстрѣла. За то же время лейтенантъ Пилкинъ, благодаря прикрытію отъ выстрѣловъ, успѣлъ перенести управленіе кораблемъ изъ рубки въ центральный постъ и завести румпель-тали. Старшій офицеръ „Цесаревича“ капитанъ 2-го ранга Шумовъ, заступившій мѣсто раненаго командира, съ величайшимъ трудомъ сдѣлалъ сигналъ: „Адмиралъ передаетъ командованіе князю Ухтомскому“. Послѣдній же безъ малѣйшихъ колебаній рѣшилъ возвратиться въ Портъ-Артуръ, до котораго было всего 90 миль, и гдѣ возможно было кое-какъ исправиться и возобновить растраченные въ бою снаряды. Мачты на „Пересвѣтѣ“ были сбиты въ продолженіе дневного боя и сигналъ „слѣдовать за мною“ былъ сдѣланъ флагами, развѣшанными по борту броненосца.

Не всѣ, однако, подчинились такому распоряженію новаго флагмана. Впрочемъ не всѣ и разобрали сигналъ. К.-ад. Рейценштейнъ также поднялъ сигналъ отряду крейсеровъ „слѣдовать за мною“, повернувъ на югъ, уходя отъ своего начальника и эскадры со скоростью 20-ти узловъ. Естественно, что за „Аскольдомъ“ имѣлъ возможность слѣдовать лишь одинъ „Новикъ“, такъ какъ крейсеры „Діана“ и „Паллада“ не могли идти болѣе 15 узловъ. Въ критическій момнетъ к.-а. Рейценштейнъ упустилъ изъ виду, что исполнить его сигналъ было невозможно.

Когда стемнѣло и японскій флотъ удалился на востокъ, а миноносцы стали преслѣдовать уходящую въ Артуръ нашу эскадру, отъ нея отдѣлились „Цесаревичъ“ и крейсеръ „Діана“, а также миноносцы „Безстрашный“, „Безпощадный“, „Безшумный“, „Грозовой“ и „Бурный“. На разсвѣтѣ значительно уменьшившаяся числомъ вымпеловъ. эскадра приблизились къ острову Роундъ и, благополучно миновавъ подъ управленіемъ командира „Побѣды“, капитана I-го ранга Зацареннаго, всѣ минныя загражденія, вошла въ Портъ-Артуръ. Такъ печально окончилась эта послѣдняя попытка спасти эскадру.

Описывая бой 28 іюля, я руководствовался письменными показаніями участниковъ этого дѣла—командировъ, конечно не всѣхъ.

---

[1]) Это былъ именно „Изума“, броненосный крейсеръ 9 т. тоннъ. По свѣдѣніямъ „Kinkodo“ на немъ былъ 1 ч. тяжело раненъ въ послѣдній моментъ боя. Kinkodo. Co. Vol. II. p. 500.

Но должно быть очень трудно и даже невозможно вести свой корабль во время боя, сражаться и наблюдать за общимъ его ходомъ. Тщательно провѣряя всѣ показанія, я не могъ, однако, совмѣстить ихъ и вѣроятно не могъ не впасть въ погрѣшности. Такъ, по показаніямъ нѣкоторыхъ бой начался со 100 кабельтововъ, другіе же утверждаютъ—съ 50. „Плавающихъ минъ я не видѣлъ. Утверждаю, что такія мины только казались, на самомъ дѣлѣ ихъ не было и, кто знаетъ минное дѣло, можетъ съ увѣренностью сказать, что таковыя мины не осуществимы“—пишетъ мнѣ к.-а. Щ. По поводу соединенія разрозненныхъ японскихъ эскадръ и состава ихъ онъ же замѣчаетъ: „Матцушима“, „Итцукушима“ и „Хашидате“—не видѣлъ, также и крейсеръ „Асама“ не появлялся. Соединенія японскихъ эскадръ вовсе не было. Непріятель дѣйствовалъ въ раздробь. Эскадра наша шла все время ровно, отстававшихъ „Севастополя“ и „Полтавы“ не было. Сигнала ужинать адмиралъ не дѣлалъ“.

Однако въ японскомъ описаніи этого боя, въ Kinkodo показано число раненыхъ и убитыхъ на крейсерѣ „Изумо“.

Что же касается плавающихъ минъ, то объ нихъ всѣ мы слышали и отъ участниковъ боя 14 мая. Очевидно, самыми достовѣрными свидѣтелями по этому вопросу были бы японцы. Но они воздерживаются отъ дачи показаній.

Во всякомъ случаѣ, я употребилъ всѣ усилія и приложилъ всѣ старанія, чтобы изложить рѣшающее дѣло, бой 28 іюля, покончившій существованіе нашего флота и лишившій насъ Портъ-Артура и Сахалина, какъ можно точнѣе.

	Русская эскадра.	Тонны водоизмѣщенія.	Артиллерія. Дюймовыя. 12	10	8	6	м/м 75	Примѣчаніе.
	Броненосцы:							
1	Цесаревичъ	12.900	4	—	—	12	16	Артиллерія 75 м/м калибра не показана какъ на судахъ русской эскадры, такъ и японской. На Новикѣ было 6 орудій 120 м/м. На Севаст. и Полтавѣ были поставлены вмѣсто недостававшихъ орудій по 4 пушки 47 м/м.
2	Ретвизанъ	12.900	4	—	—	10	20	
3	Побѣда	12.600	—	4	—	10	20	
4	Пересвѣтъ	12.600	—	4	—	10	20	
5	Севастополь	10.900	3	—	—	12	—	
6	Полтава	10.900	4	—	—	12	—	
	Итого	72.800	15	8	—	66	76	
	Не броненосные:							
7	Паллада	6.700	—	—	—	6	20	
8	Діана	6.700	—	—	—	6	20	
9	Аскольдъ	5.900	—	—	—	10	12	
10	Новикъ	3.000	—	—	—	—	—	
	Итого	22.300	—	—	—	22	52	
	ВСЕГО	95.100	15	8	—	88	128	

	Японская эскадра.	Тонны водоизмѣщенія.	Артиллерія.					**Примѣчаніе.**
			Дюймовыя.				м/м	
			12	10	8	6	75	
	Броненосцы:							
1	Миказа	15.300	4	—	—	15	20	
2	Асахи	15.200	4	—	—	15	20	
3	Фуджи	12.600	4	—	—	10	16	
4	Шикишима	14.800	4	—	—	15	20	
5	Чинъ-Іенъ	7.300	4	—	—	4	—	Держался вдали въ началѣ боя. Въ концѣ боя 6 тяжело раненыхъ.
	Броненосные крейсеры:							
6	Ниссинъ	7.700	—	—	4	14	10	
7	Касуга	7.700	—	1	2	14	10	
8	Якумо	9.800	—	—	4	12	12	12 убитыхъ, 7 тяжело раненыхъ.
9	Асама	9.400	—	—	4	12	12	По японскимъ свѣдѣніямъ крейсеръ Изумо (Kinkodo) [1].
	Итого броненосныхъ	99.800	20	1	14	111	120	
	Бронепалубные крейсеры II и III ранга.							
10	Токасаки	4.300	—	—	2	—	12	
11	Касаги	4.900	—	—	2	—	12	
12	Читозе	5.000	—	—	2	—	12	
13	Матцушима	4.300	—	—	1	—	2	
14	Итцукушима	4.300	—	—	1	—	2	
15	Хашидоте.	4.200	—	—	1	—	2	
16	Акатцушима	3.200	—	—	1	—	2	
17	Акаши	2.700	—	—	—	2	—	
18	Сума	2.700	—	—	—	2	—	
19	Asagiri	2.700	—	—	—	2	—	По японскимъ свѣдѣніямъ (Kinkodo) на немъ 9 чел. убитыхъ.
	Итого не броненосныхъ	38.300	—	-	10	6	44	
	ВСЕГО.	138.100	20	1	24	117	164	

[1]) Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ японскаго описанія боя въ журналѣ Kinkodo C.

VII.

Въ Портъ-Артуръ возвратились броненосцы „Пересвѣтъ,“ „Ретвизанъ“, „Побѣда“, „Полтава“ и „Севастополь“, крейсеръ „Паллада“ и три миноносца: „Властный“, „Бойкій“ и „Выносливый“.

Судьба остальныхъ судовъ не долго оставалась неизвѣстною и скоро до Портъ-Артура дошло извѣстіе о томъ, что броненосецъ „Цесаревичъ“, крейсеръ „Новикъ“ и миноносецъ „Безшумный“ пришли въ Кяо-чау, крейсеръ „Аскольдъ“ и миноносецъ „Грозовой“—въ Шанхай, „Діана“—въ Сайгонъ и миноносцы „Безстрашный“ и „Безпощадный“—въ Цинъ-Тоу. Узнали и о томъ, что не посчастливилось миноносцу „Бурному“, наткнувшемуся ночью на камни у Шантунга, и что командиръ миноносца счелъ необходимымъ взорвать его во избѣжаніе захвата японцами.

„Новикъ“ успѣлъ въ установленный нейтралитетомъ Германіи срокъ нагрузиться углемъ и намѣревался прорваться во Владивостокъ, обойдя Японію съ востока. По недостатку угля, однако онъ долженъ былъ зайти на Сахалинъ въ Корсаковскій постъ. 7-го августа „Новикъ“ прибылъ туда. Но въ Лаперузовомъ проливѣ его уже ожидали крейсеры „Читозе“ и „Цусима“, получившіе извѣстіе съ Курильскихъ острововъ о пути слѣдованія „Новика“.

Нашъ маленькій крейсеръ храбро отбилъ нападеніе болѣе сильнаго—„Цусимы“, заставивъ его отступить. Но аваріи „Новика“ были таковы, что, хотя бы, безъ нѣкотораго ихъ исправленія идти далѣе немедленно не представлялось никакой возможности. На немъ были повреждены руль и половинное число котловъ, а главное, имѣлось три пробоины въ подводной части. Приступивъ тотчасъ же къ исправленіямъ, командиръ ночью замѣтилъ въ морѣ судовые огни и понялъ, что его караулили два непріятельскіе крейсера. При такихъ обстоятельствахъ ни исправленія, ни прорывъ были немыслимы и командиръ рѣшился взорвать свой крейсеръ.

Остальныя не возвратившіяся въ Портъ-Артуръ суда, какъ извѣстно, были интернированы на все время войны тамъ, куда они скрылись послѣ боя.

Такъ печально окончилась жизнь нашей Тихоокеанской эскадры. А она между тѣмъ имѣла серьезные шансы на успѣхъ. Несомнѣнно, лучшимъ судьею этой эскадры, чей приговоръ не можетъ не считаться компетентнымъ, это покойный адмиралъ Макаровъ.

Онъ же въ инструкціи, данной 25 февраля 1904 года командовавшему крейсерскимъ отрядомъ во Владивостокѣ, между прочимъ писалъ слѣдующее: „Два сраженія, которыя имѣли наши суда съ

японцами, показали, что въ артиллерійскомъ дѣлѣ преимущество лежитъ безспорно на нашей сторонѣ. Наши снаряды лучшаго качества, чѣмъ японскіе. Они имѣютъ болѣе правильный полетъ и болѣе обезпеченный разрывъ [1]). Также, повидимому, мы имѣемъ большую мѣткость огня. Хладнокровіе нашихъ экипажей свидѣтельствуется всѣми командирами, изъ которыхъ многіе мнѣ говорили, что они замѣчали у людей (прислуги у орудій) скорѣе любознательность, чѣмъ какое-либо другое чувство. Многіе снизу высовывались на верхъ посмотрѣть, какъ идетъ дѣло". Покойный Макаровъ умѣлъ и имѣлъ право цѣнить людей.

И напротивъ, адмиралъ Того послѣ всѣмъ извѣстнаго обстрѣливанія крейсера „Баянъ" 31 марта цѣлымъ отрядомъ японскихъ крейсеровъ отдалъ приказъ, въ которомъ указывалъ, что не слѣдуетъ безполезно тратить снаряды, дурно и торопливо прицѣливаясь. О стрѣльбѣ по „Баяну" 31-го марта иначе и нельзя было отозваться. Бой 28 іюля начался въ 12 час. 15 мин. и съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами продолжался до 6½ часовъ. Подъ непріятельскимъ огнемъ наша эскадра находилась непрерывно въ общей сложности 4 часа 25 мин. Около 7-ми час., когда наша эскадра пошла на сѣверъ, японская не преслѣдовала ее. До сихъ поръ не извѣстно совершенно точно, какія поврежденія получили японскіе броненосцы. Но есть нѣкоторыя указанія, судя по которымъ, можно предполагать, что суда эскадры адмирала Того дорого расплатились за смерть адмирала Витгефта. По свѣдѣніямъ Р. Давелюи [2]) у японцевъ убитыхъ было 70 человѣкъ, раненыхъ 158; у насъ же убитыхъ—67, раненыхъ—101.

Если бы эскадра наша не раздѣлилась въ ночь на 29-ое іюля, она, быть можетъ, исправилась бы въ Портъ-Артурѣ, возобновила бы запасы снарядовъ и топлива и, наученная горькимъ опытомъ, еще разъ попыталась бы вырваться изъ бассейна, съ каждымъ днемъ подвергавшагося большему и большему обстрѣлу непріятеля. Японская эскадра оставила поле битвы такъ же какъ и наша не потому, чтобы первая считала себя побѣдительницей или вопросъ о господствѣ на морѣ безповоротно рѣшеннымъ въ свою пользу.

Японскому адмиралу прекрасно было извѣстно, что въ Балтикѣ готовится новая эскадра, и что каждый русскій броненосецъ Портъ-Артурской эскадры, если уцѣлѣетъ и соединится съ балтійскою, только усилитъ послѣднюю. Естественно, что если бы адм. Того

---

[1]) Надобно полагать, что 14 мая 1905 года въ Японскомъ флотѣ снаряды были уже иного, лучшаго качества, доставленные изъ Англіи и Америки.

[2]) La lutte pour l'empire de la mer. R. Daveluy, p. 54.

могъ 28 іюля покончить съ такимъ подкрѣпленіемъ, онъ покончилъ-бы съ нимъ непремѣнно. Этого однако не случилось, надобно думать, вслѣдствіе того, что японцы, во-первыхъ, выпустили за день всѣ свои снаряды, и во-вторыхъ, опасались собственныхъ своихъ миноносцевъ въ ночное время. Быть можетъ они побаивались атаки и нашихъ миноносцевъ.

Адм. Камимура послѣ боя 1 августа съ крейсерскимъ отрядомъ к.-ад. Іессена точно также неожиданно повернулъ назадъ и единственное объясненіе такого маневра—отсутствіе снарядовъ.

Сравнивая бой 28 іюля съ Цусимскимъ 14 мая, нельзя не отмѣтить той легкости, съ которою японскій флотъ погубилъ нашъ. 14 мая бой начался въ 2 часа 5 мин. Черезъ 15 минутъ послѣ начала боя броненосецъ „Суворовъ" вышелъ изъ линіи, черезъ 35 минутъ „Ослябя" перевертывается. Затѣмъ гибнутъ „Уралъ", „Камчатка", броненосцы „Императоръ Александръ III" и „Бородино" черезъ 4 часа 10 минутъ послѣ перваго выстрѣла. Менѣе нежели въ сутки вся громадная эскадра адм. Рожественскаго была уничтожена, и эта блестящая, небывалая побѣда на морѣ стоила японцамъ потери нѣсколькихъ миноносцевъ.

Р. Давелюи, а за нимъ и г. Кладо, описывая бой 28, высказали одну и ту-же мысль о томъ, что адм. Витгефтъ упустилъ благопріятный моментъ, когда могъ разбить японскую эскадру [1]).

По тождественному мнѣнію названныхъ морскихъ публицистовъ, Витгефтъ долженъ былъ воспользоваться разрозненнымъ положеніемъ отряда броненосцевъ подъ непосредственнымъ командованіемъ адм. Того и отрядомъ крейсеровъ адм. Дева, шедшимъ отъ острова Міатау и находившихся миляхъ въ десяти отъ русской эскадры.

Адм. Витгефтъ, говорятъ Давелюи и Кладо, долженъ былъ обрушиться всѣми своими силами на Того съ его шестью броненосцами и разбить его до момента соединенія съ ад. Дева.

Съ перваго взгляда эта мысль совершенно правильна. Силы Витгефта немногимъ уступали японскимъ. Шесть броненосцевъ русскихъ водоизмѣщеніемъ 72 тысячи тоннъ съ 15 орудіями 12 дм. противъ шести японскихъ водоизмѣщеніемъ 76 тысячъ тоннъ съ 16 такими же орудіями, могли долго спорить о побѣдѣ. У Витгефта кромѣ того было еще три первоклассныхъ небронированныхъ крейсера.

Но иниціатива боя принадлежала адм. Того. Его всѣ броненосцы могли легко идти 17 узловъ. Они дѣйствительно обладали такимъ

---

[1]) La lutte pour l'empire de la mer, p. 32. Военные флоты и морская справочная книжка на 1906 г. В. К. А. М., стр. 47—48.

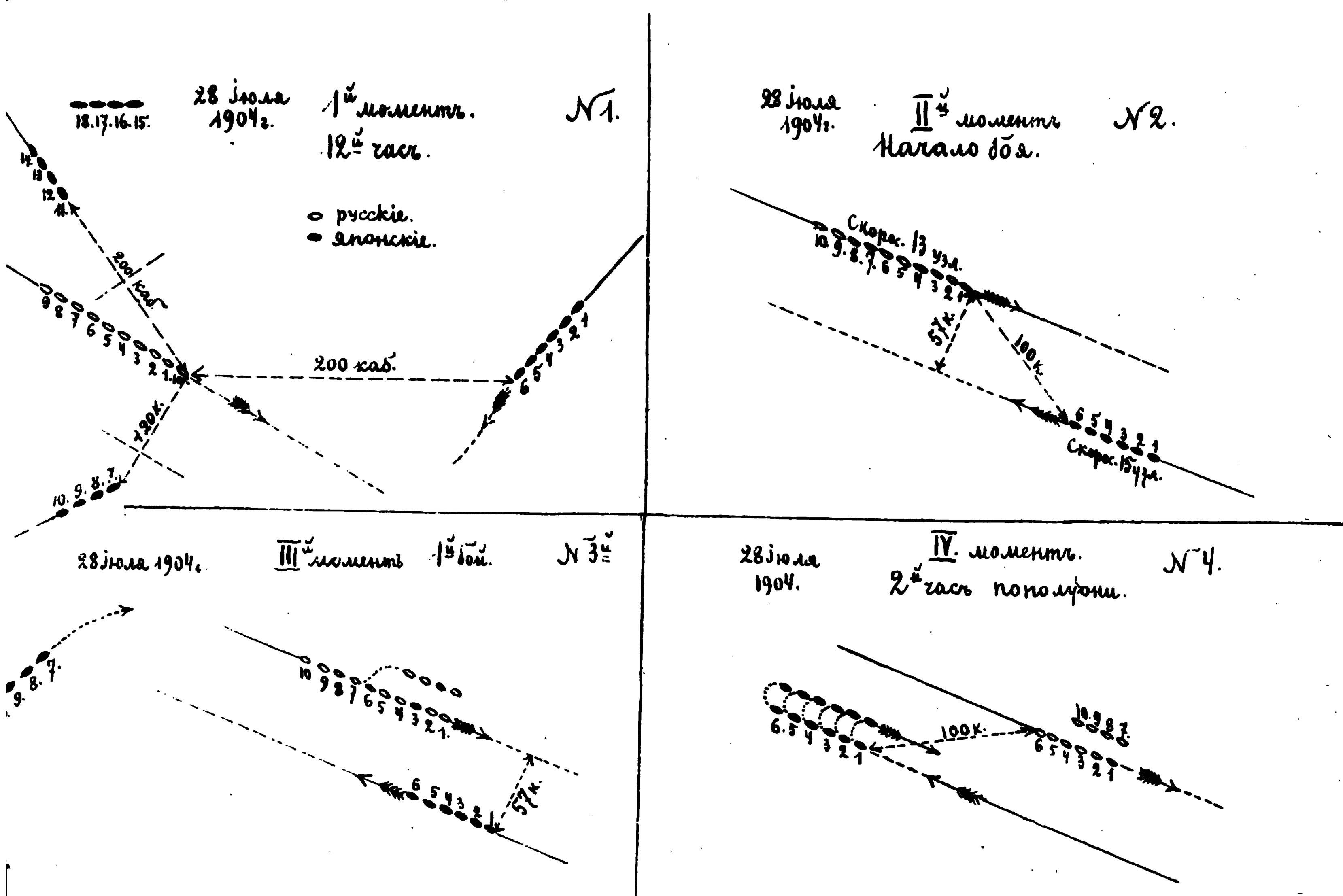
ходомъ, какъ доказали дальнѣйшія событія этого дня. Наши же броненосцы „Полтава“ и въ особенности „Севастополь“ болѣе 14 идти не могли. Крейсеръ „Якумо“ въ отрядѣ адм. Дева, обладавшій двадцати узловымъ ходомъ, несомнѣнно миновалъ бы разстояніе, отдѣлявшее его отъ сражавшихся, и перевѣсъ силъ тотчасъ былъ бы возстановленъ. Наконецъ адм. Того могъ легко уклониться отъ боя, когда онъ былъ выгоденъ для русской эскадры. Пользуясь своимъ ходомъ, японцы всегда ставили нашъ флотъ въ невыгодное положеніе относительно солнца.

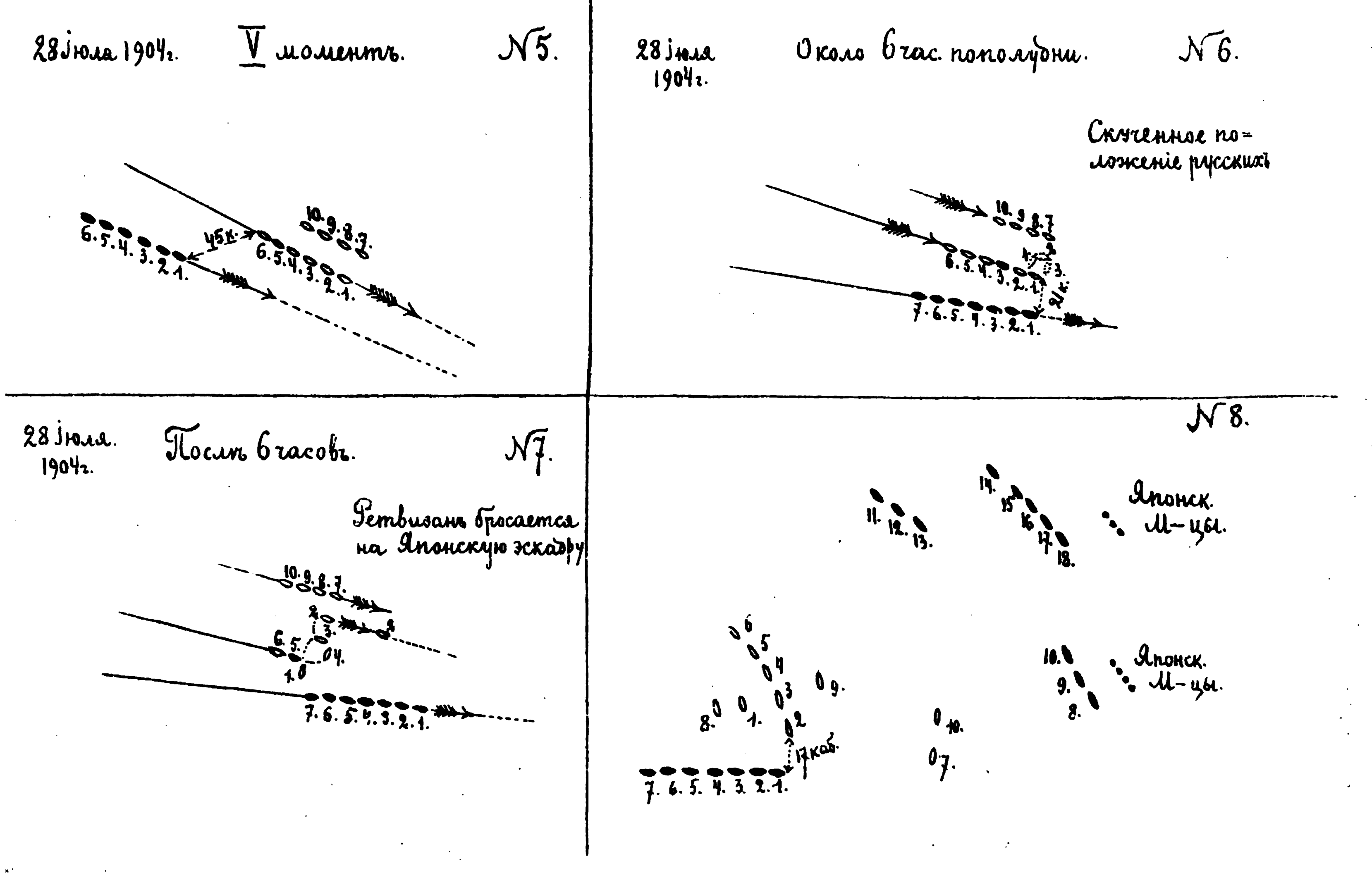
Въ разсужденіяхъ и соображеніяхъ о минувшей морской войнѣ ни одной минуты нельзя упускать изъ вида еще и того, что японцы тщательно берегли свои броненосцы отъ всякихъ случайностей, не рисковали ими ни разу (исключенія были конечно 14 мая) и били всегда навѣрняка, правильно думая, что весь ходъ войны на материкѣ, вся судьба Японской имперіи исключительно зависятъ отъ успѣха на морѣ, отъ цѣлости двухъ-трехъ броненосцевъ, безъ которыхъ эскадра адмирала Рожественскаго являлась бы уже грозною силою, способною прервать сообщеніе Японіи съ континентомъ.

Адм. Того былъ такъ остороженъ, что не рисковалъ даже топить по одиночкѣ „Севастополь“ и „Полтаву“, отставшихъ въ то время, когда наша эскадра шла 15 узловымъ ходомъ. Японскій адмиралъ преслѣдовалъ одну цѣль—нанести такія поврежденія нашимъ броненосцамъ, которыя заставили бы ихъ возвратиться для исправленія въ Портъ-Артуръ, гдѣ ихъ непремѣнно искалѣчили бы снаряды осадныхъ японскихъ батарей.

Убѣдившись въ теченіе почти полугода въ томъ, что Портъ-Артурская эскадра въ открытомъ морѣ, въ бою умѣетъ постоять за себя и дерется отчаянно, адм. Того благоразумно уклонялся отъ столкновенія на близкихъ разстояніяхъ даже и при неравенствѣ силъ, котораго Витгефтъ уже не могъ возстановить. Равенство и превосходство надобно было готовить исподволь, сейчасъ же послѣ Японско-Китайской войны. Послѣ же занятія нами Портъ-Артура надлежало торопиться съ этимъ чрезвычайнымъ дѣломъ государственной обороны. Всякое имущество требуетъ охраны и государственное на окраинѣ нуждается въ ней еще болѣе.

О томъ, что Японія собиралась съ силами отомстить Россіи за обиду, нанесенную ей по окончаніи блестящихъ побѣдъ на Ляодунскомъ полуостровѣ надъ китайцами, предупреждали многіе. Въ бытность мою въ Портъ-Артурѣ въ іюнѣ 1903 года я читалъ всѣ представленія въ Петербургъ главнаго начальника занятаго края о нашемъ безсиліи по сравненію съ японцами на морѣ, о безусловной необходимости сооруженія доковъ и мастерскихъ, объ увеличеніи

28 іюля 1904 г.
1й моментъ. 12й часъ.
№ 1.
о русскіе.
• японскіе.
200 каб.
200 каб.
190 к.
28 іюля 1904 г.
IIй моментъ
Начало боя.
№ 2.
Скорос. 13 узл.
57 к.
100 к.
Скорос. 15 узл.
28 іюля 1904.
IIIй моментъ 1й бой.
№ 3й
57 к.
28 іюля 1904.
IV. моментъ.
2й часъ пополудни.
№ 4.
100 к.

28 іюля 1904г.
V моментъ.
№5.
45к.
28 іюля 1904г.
Около 6час. пополудни.
№6.
Скученное положеніе русскихъ
28 іюля 1904г.
Послѣ 6 часовъ.
№7.
Ретвизанъ бросается на Японскую эскадру
№8.
Японск. М-цы.
Японск. М-цы.
17каб.

Тихоокеанской эскадры, о предоставленіи ей возможности плавать, учиться, стрѣлять, маневрировать. Но всѣ, самыя настойчивыя просьбы ген.-ад. Алексѣева, назначеннаго вскорѣ намѣстникомъ, оставались безъ отвѣта и плодили только переписку, комиссіи, совѣщанія, командировки и т. д. Сооруженіе желѣзной дороги вызвало не ускореніе возведенія укрѣпленій вокругъ Портъ-Артура, не созданіе тамъ необходимыхъ для флота учрежденій, а еще болѣе частые наѣзды различныхъ техниковъ высшихъ званій, обозрѣвателей, контролеровъ и образованіе междувѣдомственныхъ комиссій. Объ докахъ шла переписка болѣе четырехъ лѣтъ. А кому же не извѣстно, что флотъ безъ доковъ есть только случайное оружіе. Съ постройкою флота мы запоздали, хотя ассигнованія на корабли были получены морскимъ министерствомъ. Построенные броненосцы новѣйшаго типа стояли въ бассейнѣ, въ такъ называемомъ вооруженномъ резервѣ. Это послѣднее обусловливалось экономіею въ расходованіи угля. Даже запасъ угля въ 1903 году былъ сдѣланъ мѣстнымъ начальствомъ съ превышеніемъ власти и квалифицировался преступленіемъ, такъ строго караемымъ по закону и всегда нетерпимымъ. Только война, начавшаяся черезъ полгода послѣ такого превышенія власти, оправдала мѣстное начальство. Владивостокъ въ іюлѣ 1903 г. былъ совершенно беззащитенъ со стороны Уссурійскаго залива. Объ этомъ я писалъ одному очень высокопоставленному лицу съ мѣста, прося его довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ. Генералъ Куропаткинъ былъ въ то же время во Владивостокѣ и конечно не могъ не знать во сто разъ болѣе меня о беззащитности этой нашей крѣпости, подвергшейся безнаказанной бомбардировкѣ въ февралѣ 1904 г. Зналъ конечно генералъ Куропаткинъ и всѣ дефекты Николаевска на Амурѣ и полнѣйшую беззащитность Сахалина.

И теперь, когда несчастія наши совершились, когда я перечитываю записки погибшихъ за честь родины, предупрежденія, просьбы и требованія переживших бѣдствія осады и смертельныя опасности въ борьбѣ съ подготовленнымъ непріятелемъ, я удивляюсь не тому, что мы потеряли флотъ и Портъ-Артуръ, а тому, какъ долго и упорно защищались наши моряки на морѣ и на сушѣ.

Выше я приводилъ отзывъ покойнаго адмирала Макарова о состояніи Тихоокеанской эскадры. И въ самомъ дѣлѣ 28 іюля она маневрировала, подвергаясь обстрѣлу непріятеля, несмотря на то, что Витгефтъ только въ концѣ апрѣля вступилъ въ командованіе ею, а Того командовалъ и училъ свою семь лѣтъ къ ряду.

Было бы несправедливо ожидать, чтобы наша эскадра не замѣшалась въ критическій моментъ, когда ея головной корабль вышелъ изъ линіи, не предупредивъ остальные, покатился влѣво.

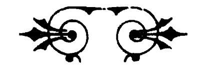
Скорѣе надобно удивляться и тому, что не произошло тараненія задними кораблями переднихъ, что нашлись командиры, рѣшившіеся пожертвовать кораблями, отчаянно бросившись подъ выстрѣлы и тараны цѣлой непріятельской эскадры.

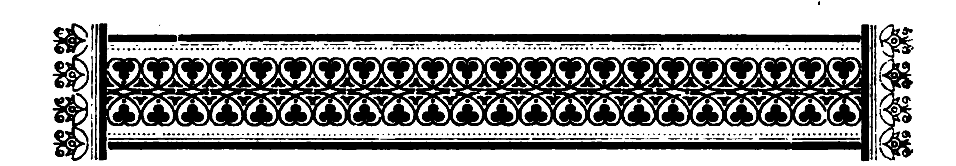
Кое-какія традиціи Тихоокеанской эскадры стараго времени, отжившаго флота половины и конца минувшаго вѣка еще поддерживали духъ въ Портъ-Артурскихъ морякахъ, и онъ далъ имъ силы и бодрость продолжительное время спорить съ японцами за господство на морѣ. А духъ этотъ былъ завѣщанъ русскому флоту героями Севастопольской обороны, учениками славныхъ адмираловъ, лежащихъ въ храмѣ Св. Владиміра. Духъ этотъ жилъ и поддерживался тѣми, которыхъ обвиняютъ нынѣ во всѣхъ несчастіяхъ нашего погибшаго флота, не отличая дѣятельности начальства на мѣстѣ отъ бездѣятельности администраціи въ Петербургѣ.

И право не знаешь, кто выигралъ болѣе, кто счастливѣе: тѣ ли, исполнявшіе долгъ, которые убиты и утоплены или пощаженные судьбою, но преслѣдуемые клеветою и инсинуаціями?

А. Бѣломоръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Памяти В. И. Даля.

(По поводу 40 лѣтія его „Толковаго Словаря“).

Въ истекшемъ январѣ мѣсяцѣ исполнилось 40 лѣтъ, какъ явился на свѣтъ „Толковый Словарь“ Владиміра Ивановича Даля, употребившаго цѣлыхъ 47 лѣтъ на его составленіе. Будь это за границей, въ Германіи или во Франціи, имя Даля тотчасъ бы загремѣло на весь свѣтъ. А у насъ ни одинъ журналъ того времени не проронилъ ни слова, ни одинъ университетъ русскій не выразилъ своего уваженія къ монументальному труду, за исключеніемъ Дерптскаго университета, который Далю за *русскій словарь* прислалъ латинскій дипломъ и нѣмецкую премію, учрежденную какою-то нѣмкою для наградъ за знаменитые успѣхи въ области языкознанія.

Первое къ себѣ сочувствіе трудъ Даля встрѣтилъ въ „Общ. Любителей Россійск. Словесности“, учрежденномъ при Московскомъ университетѣ. Въ засѣданіи его 25-го февраля 1860 г. была прочитана записка Даля, что имъ сдѣлано по обработкѣ Словаря. Общество подъ преѣдательствомъ А. С. Хомякова предложило найти средства для изданія „Словаря“. Членъ названнаго общества—А. И. Кошелевъ далъ необходимыя на это дѣло 3.000 руб. Бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ, служившій въ 1840-хъ годахъ при графѣ Перовскомъ подъ непосредственнымъ начальствомъ В. И. Даля, въ 1862 г. докладывалъ Императору Александру II о напечатанныхъ Далемъ „Пословицахъ Русскаго народа“ и о составленіи имъ первой половины „Толковаго Словаря“. Государь, въ день празднованія тысячелѣтія Россіи, пожаловалъ составителю „Словаря“, собирателю „Пословицъ“ и знаменитому русскому писателю, анненскую звѣзду, а въ 1864 г. по выходѣ въ свѣтъ перваго тома „Толковаго Словаря“ (буквы А—З) Его Величеству угодно было всѣ издержки по изданію „Словаря“ принять на свой счетъ. Когда „Словарь“ былъ конченъ печатаніемъ, покойный М. П. Погодинъ писалъ Академіи

Наукъ: „Словарь Даля конченъ. Теперь русская Академія Наукъ безъ Даля немыслима. Но вакантныхъ мѣстъ нѣтъ. Предлагаю: всѣмъ намъ, академикамъ, бросить жеребій, кому выйти изъ Академіи вонъ, и упразднившееся мѣсто предоставить Далю. Выбывшій займетъ первую, какая откроется, вакансію“.

Жребій академики бросать отказались, зато единогласно избрали В. И. Даля въ свои почетные члены. Затѣмъ Академія присудила „Толковому Словарю“ Ломоносовскую премію, разборъ „Словаря“ составлялъ Я. К. Гротъ. Кромѣ того академикомъ Шренкомъ была составлена записка о зоологическихъ названіяхъ въ „Словарѣ“, а академикомъ Рупрехтомъ о ботаническихъ названіяхъ.

Императорское Географическое Общество, мысль о созданіи котораго возникла въ сороковыхъ годахъ на вечерахъ у Даля, увѣнчало его трудъ Константиновскою золотою медалью. Разборы, по порученію этнографическаго отдѣленія Географическаго Общества, были написаны академикомъ Срезневскимъ и членами общества Савваитовымъ и Пыпинымъ. По поводу послѣдняго разбора Даль напечаталъ въ концѣ своего „Словаря“—„Отвѣтъ на приговоръ“, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: „Все это я написалъ, не видавъ разбора г. Пыпина, на который этнографическое отдѣленіе ссылается; разспросы мои наконецъ объяснили мнѣ, что разборъ этотъ никогда не былъ напечатанъ, и я съ великимъ трудомъ добылъ свѣдѣнія о томъ, на какія именно слова моего „Словаря“ разборщикъ ссылается. Онъ приводитъ ихъ всего только три, говоря: „гармонію онъ (Даль) переводитъ: *согласъ*, гимнастику—*ловкосиліе*, автоматъ—*живуля*, и при послѣднемъ словѣ ставитъ два знака удивленія. Основываясь на этихъ трехъ словахъ, разборщикъ говоритъ „рядомъ со словами общественными, словами областными, онъ (Даль) ставитъ *часто*, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова собственнаго сочиненія“. Если бы до времени открыто было въ „Словарѣ“ моемъ не болѣе этихъ трехъ словъ моего сочиненія, то не лишку ли сказано, что составитель дѣлаетъ это часто? Но первое изъ нихъ, *согласъ*, конечно не моего сочиненія; можетъ быть оно не печаталось доселѣ, писалось однако же, а еще чаще говорилось: *по общему согласу нашему*, пишутъ въ мірскихъ приговорахъ; согласіе или *согласъ*—у старообрядцевъ кругъ, секта; *ихъ согласъ не беретъ*, говорится въ народѣ же не рѣдко, и потому это слово не мое изобрѣтенье. Второе слово *живуля* также сочинено не мною, оно есть въ народѣ, и на этотъ разъ я могу сослаться на загадку, какъ сдѣлано въ „Словарѣ“ моемъ. Или я самъ сочинилъ и загадку эту? Что же мнѣ отвѣчать на такое обвиненіе? Я могу только просить обвинителя моего подумать о томъ, что онъ дѣлаетъ, и при томъ

напередъ подумать, а потомъ сказать. *Живуля* въ народѣ нѣчто полуживое или по движеніямъ своимъ подобное живому. *Сидитъ живая живуличка на живомъ стуличкѣ, теребитъ живое мясцо* (младенецъ). Этого мало: слово это не только не выдумано мною, оно даже въ самомъ значеніи своемъ, какъ автоматъ, взято изъ устъ народа. Мужикъ разсказывалъ, что видѣлъ *живуль*, въ томъ числѣ и Наполеона (въ ярмарочномъ балаганѣ восковыхъ фигуръ); другой спросилъ, ходятъ ли они, и на отрицательный отвѣтъ продолжалъ: „такъ это не *живуля*, а болваны, а я такъ видѣлъ живулю, куклу, четверти въ три, и бѣгаетъ она сама, одна, на кругахъ“. Вотъ откуда я взялъ значенье этого слова и за всѣмъ тѣмъ при переводѣ его словомъ *автоматъ* поставилъ еще вопросительный знакъ (см. *живой*). Наконецъ, третій примѣръ: *ловкосиліе*; правда, слово моего сочиненія, но и его нѣтъ на своемъ мѣстѣ подъ буквою *л*, а оно поставлено только какъ объяснительное при словѣ *гимнастика* и при томъ также съ вопросительнымъ знакомъ. Итакъ, изъ числа трехъ словъ или примѣровъ, на коихъ основанъ крайне тяжкій приговоръ, одно слово можетъ служить къ обвиненію, но и это слово вставлено только ради объясненія, набрано тѣми же буквами, какъ всѣ толкованія, и при томъ съ вопросительнымъ знакомъ. Правда ли, послѣ этого, что „*онъ* (Даль) *ставитъ часто, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова собственнаго сочиненія*“. Свою отповѣдь г. Пыпину кончалъ Даль такъ: „Если трудъ цѣлой жизни человѣка поносится однимъ легкомысленно кинутымъ словомъ, то на это и отвѣчать было бы нечего; но если слово это содержитъ въ себѣ прямое обвиненіе, то на него отвѣчать должно, и отвѣчать не ради личности своей, а ради дѣла. Чая въ противникѣ своемъ честнаго человѣка, я увѣренъ, что онъ за симъ сдѣлаетъ одно изъ двухъ: либо докажетъ не однимъ, и даже не тремя примѣрами, что „Даль ставитъ часто, ничѣмъ ихъ не обозначая, слова своего сочиненія“, либо объявитъ, что онъ ошибся и что беретъ слово свое назадъ. Это было напечатано въ январѣ 1867 г. и съ тѣхъ поръ А. Н. Пыпинъ не доказалъ и не сказалъ, что онъ ошибся.

Чтобы лучше показать, до какой степени Далемъ были изучены мѣстные говоры, разскажемъ слѣдующее: пріѣхавъ однажды на званый обѣдъ на дачу по недоразумѣнію ранѣе, чѣмъ былъ назначенъ обѣденный столъ, Даль засталъ хозяевъ еще въ суетѣ и хлопотахъ. Чтобы имъ не мѣшать, онъ вышелъ въ палисадникъ, предъ которымъ стоялъ сборщикъ на построеніе храма, бѣлокурый монахъ, съ книжкою въ черномъ чехлѣ съ нашитымъ желтымъ крестомъ. Даль его спросилъ, изъ какого онъ монастыря?

— Соловецкаго, родненькій,—отвѣтилъ монахъ.

— Изъ Ярославской губерніи?—сказалъ Даль, зная, что „родимый,“ „родненькій“ одно изъ любимыхъ словъ ярославскаго простолюдина.

Монахъ смутился и пониклымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Нѣту-ти, родненькій, тамо-ти въ Соловецкомъ живу.

— Да еще изъ Ростовскаго уѣзда,—замѣтилъ Владиміръ Ивановичъ.

Монахъ повалился въ ноги...

— Не погубите.

Оказалось, что это былъ бѣглый солдатъ, отданный въ рекруты изъ Ростовскаго уѣзда и скрывавшійся подъ видомъ соловецкаго монаха.

Писатель П. Мельниковъ (Печерскій) писалъ, что когда онъ былъ начальникомъ статистической экспедиціи въ Нижегородской губерніи, „я познакомилъ всѣхъ членовъ съ В. И. Далемъ. Въ 1852 и 53 годахъ мы объѣхали всѣ 3.700 населенныхъ мѣстностей губерніи, собирая свѣдѣнія по программѣ, составленной мною и Н. А. Милютинымъ, подъ главнымъ руководствомъ Надеждина. И меня и каждаго изъ членовъ предъ каждою поѣздкою В. И. Даль просилъ записывать въ каждой деревнѣ говоры. „А главное, говаривалъ онъ, оканье, аканье, цоканье, чваканье“ и т. д. Изъ этого у него накопился значительный матеріалъ, собранный уже послѣ напечатанія замѣчательной статьи Даля „О нарѣчіяхъ русскаго языка“. Въ нѣсколькихъ селеніяхъ Лукояновскаго уѣзда, членомъ экспедиціи Н. И. Зайцевскимъ было замѣчено дзяканье, господство послѣ *а* звука *у*, замѣняющаго *о*, *в* и даже *л*, произношеніе предлога *съ* какъ *зъ*, обращеніе двугласныхъ (ѣ, я, ю) въ твердыя гласныя (а, у) и измѣненіе буквъ *г*, *к*, въ косвенныхъ надеждахъ на *з* и *ц*.

— Это Бѣлоруссы. Это та же Мензелинская шляхта,—сказалъ Владиміръ Ивановичъ и просилъ меня порыться въ архивахъ.

Архивы были тогда у меня подъ рукой. Поискали и нашли, что въ XVII столѣтіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ, равно какъ въ Мензелинскѣ и другихъ мѣстахъ, была поселена Литва, т. е. собственно говоря бѣлоруссы. Тутъ объяснилось и то, что дзякающихъ лукояновцевъ окрестные жители зовутъ „панами“, а иногда „панскими“.

Даль, служа при министрѣ внутреннихъ дѣлъ графѣ А. А. Перовскомъ, имѣлъ казенную квартиру въ томъ же домѣ у Александринскаго театра, гдѣ жилъ и самъ министръ. Даль и Надеждинъ (тотъ самый профессоръ Московскаго университета, который былъ сосланъ въ Устьсысольскъ за напечатанье писемъ Чаадаева въ „Телескопѣ“ и возвращенный изъ ссылки по ходатайству Перовскаго) вели

самыя важныя дѣла въ министерствѣ подъ личнымъ руководствомъ самого министра, вели ихъ нерѣдко помимо даже подлежащихъ департаментовъ. Подъ редакціей Даля составлялись ежегодные всеподданнѣйшіе отчеты по министерству внутреннихъ дѣлъ, всеподданнѣйшіе доклады и всѣ записки, предназначаемыя для внесенія въ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ.

Всѣ знали, что значитъ Даль для министра, и потому неудивительно, что губернаторы и другія важныя лица, служившіе подъ начальствомъ Перовскаго, взбирались по 90 ступенямъ въ квартиру В. И. Даля; но онъ всегда былъ для нихъ невидимкой. Зато всякій даже безъизвѣстный человѣкъ, если приносилъ Далю нѣсколько областныхъ словъ или нѣсколько пословицъ или поговорокъ, былъ принимаемъ съ самымъ теплымъ радушьемъ въ его семействѣ. Но такому гостю здѣсь не давали заикнуться о службѣ или дѣлахъ. Даль успѣвалъ удѣлить время и на веденіе записокъ обо всемъ, что происходило вокругъ него, обо всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе какъ секретарь и какъ довѣренное лицо обоихъ Перовскихъ, въ Оренбургѣ и Петербургѣ.

Въ этихъ запискахъ были описаны дѣла по католицизму, сношенія Россіи съ Римскимъ дворомъ; дѣйствія графа Блудова въ Римѣ, возведеніе на армянскій патріаршій престолъ католикоса Нерсеса, еврейскія дѣла, дѣло эмиссара Канарскаго въ западныхъ губерніяхъ, дѣло о расхищеніи денегъ въ Комитетѣ о раненыхъ Политковскимъ и въ Петербургской управѣ благочинія Клевенскимъ, о контрабандистахъ въ Петербургѣ, объ остзейскихъ дѣлахъ при баронѣ Паленѣ, Головинѣ и кн. Суворовѣ, о пожарахъ и поджогахъ 1842 года, объ убійствахъ Кроткова и другихъ помѣщиковъ Симбирской губ. крестьянами, о лжеимператорахъ Константинахъ, появлявшихся въ восточной части европейской Россіи и проч. При описаніи хода дѣлъ въ высшихъ учрежденіяхъ указано было на всѣ закулисныя интриги и описаны вліянія разныхъ частныхъ лицъ обоего пола. Словомъ, эта была полная лѣтопись за цѣлыя 15 лѣтъ (1833—1848 г.). Тутъ же были описаны и дѣла литературныя, дѣйствія нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, а также все, что дѣлалось въ Академіи Художествъ и дирекціи Императорскихъ театровъ.

Въ 1848 г. гр. Л. А. Перовскій, находившійся тогда въ сильной борьбѣ съ графами Орловымъ и Нессельроде, сказалъ однажды Далю: „До меня дошли слухи, которые могутъ быть истолкованы въ дурную сторону... Что у васъ за собранія по четвергамъ и какія записки вы пишете?“ Даль съ полною откровенностью разсказалъ все графу Перовскому, которому записки были извѣстны; онъ всѣ ихъ читалъ и даже многое сообщалъ Далю для ихъ дополненія.

Министръ удовольствовался объясненіемъ, но сказалъ: „Надобно быть осторожнѣе". Съ того дня четверги прекратились, а драгоцѣнныя записки для исторіи погибли въ каминѣ. Съ окончаніемъ изданія „Словаря" В. И. Далемъ, долговременная привычка къ постоянному труду, вдругъ прекратившемуся, вредно повліяла на его здоровье. Сознавая это, онъ началъ писать „Картины русскаго быта", которыя явились въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1867 и 1868 годовъ и „Бытописаніе" для народнаго чтенія.

„Бытописаніе"—это Моисеево Пятикнижіе, изложенное примѣнительно къ понятіямъ русскаго простонародья. Даль имѣлъ также намѣреніе передать Евангеліе на языкѣ простонародья, но въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ и при томъ буквально. Переведенная такимъ образомъ XIII глава Евангелія Матѳея находилась въ рукописи въ собраніи М. П. Погодина.

„Бытописаніе" Даля прошло много мытарствъ по цензурамъ. Смущало многихъ то, что вмѣсто непонятной народу „скиніи", у него стояла палатка, шатеръ; вмѣсто „брада Аарона"—Ааронова борода; вмѣсто „стана израильскаго" (въ пустынѣ)—еврейскій таборъ. Другіе недоумѣвали, возможно ли допустить лютеранину поучать православный народъ.

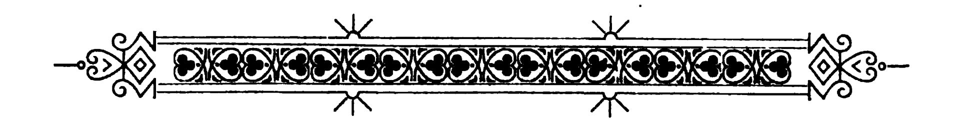
Третьи находили несогласіе съ хронологіей LXX толковниковъ. Даль сдѣлалъ всѣ указанныя ему поправки, тѣмъ не менѣе затрудненія не исчезли. Въ Московской духовной цензурѣ рукопись Даля пролежала около двухъ лѣтъ, надъ нею все думали и возвратили автору безъ отказа и безъ приказа. Въ 1869 г. рукопись „Бытописанія" была переправлена въ Петербургъ; здѣшняя духовная цензура одобрила ее къ напечатанію, но „Бытописаніе" осталось все-таки ненапечатаннымъ, хотя одно лицо бралось его издать даже съ картинами. Предъ кончиной В. И. Даль свое „Бытописаніе" передалъ въ рукописи своей свояченицѣ Н. Л. Соколовой.

Въ молодости своей В. И. Даль, по настояніямъ Пушкина, написалъ драматическое произведеніе „Ночь на распутіи или утро вечера мудренѣе". Содержаніе его фантастическое. Даль разсказывалъ, что Глинка не разъ ему говорилъ, что послѣ „Руслана и Людмилы" онъ непремѣнно примется за „Ночь на распутіи". Въ 1859 г. это произведеніе В. И. Даля, названное „оригинальнымъ водевилемъ", было поставлено на сценѣ Александринскаго театра. Къ довершенію всего дирекція изъ „Ночи на распутьи" сдѣлала нѣчто въ родѣ балаганнаго представленія. Сцены русалокъ на озерѣ;—превращеніе Оборотня въ зайца, въ полетушку, въ сороку;—наводненіе покоевъ княжняго родича Весны водою текущею изъ волосъ похищенной русалки Порѣзвушки: Лѣшій, идущій въ лѣсу вровень съ деревь-

ями, а полемъ вровень съ травою; — круженіе утопленниковъ и утопленницъ въ воздухѣ надъ озеромъ;—Водяной съ русалками; затопляющіе лѣсъ и проч.—все это дирекція могла бы, если бы хотѣла, поставить великолѣпно, но она поставила въ такой степени мерзко, что глядя на сцену не вѣрилось, что это Императорскій театръ, а не ярмарочный балаганъ. Разумѣется такой водевиль не имѣлъ успѣха, а авторъ его, жившій въ Нижнемъ, даже не зналъ, что ставятъ его произведеніе. Фактъ этотъ лучше всего рисуетъ понятіе о степени добросовѣстности и уваженія къ отечественнымъ писателямъ заправилами русской сцены, которымъ являлся незабвенный П. С. Федоровъ. Узнавъ о постановкѣ своей „Ночи на распутіи", В. И. Даль хотѣлъ было протестовать,—но какъ и кому? При томъ же дѣло сдѣлано; нарядивъ пьесу въ балаганный костюмъ, дирекція театровъ успѣла уронить поэтическое произведеніе. Бѣдный В. И. Даль, такъ поступали съ нимъ при жизни, а послѣ его смерти зачѣмъ же церемониться было и съ его „Словаремъ"; но время возьметъ свое—и пьеса Даля и его „Словарь" несомнѣнно воскреснутъ и оживутъ въ умѣлыхъ рукахъ.

И. Н. Божеряновъ.

Изъ жизни нашего духовенства.

„Горько, отецъ!“

Съ 1866 по 1878 годъ Владимірскую каѳедру занималъ архіепископъ Антоній (Павлинскій) [1]), отличавшійся замѣчательною добротою, отзывчивостью къ чужому горю и снисходительностью къ слабостямъ другихъ.

Намъ привелось слышать во владимірской губерніи такой случай съ архіепископомъ Антоніемъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ владыка поѣхалъ по епархіи, избравъ для осмотра монастырей и церквей болѣе отдаленные приходы, расположенные по сосѣдству съ Костромской губерніей. Конечно, консисторія не замедлила сообщить благопріятелямъ маршрутъ архіерея, который какимъ-то образомъ узналъ о такомъ нарушеніи канцелярской тайны и перехитрилъ консисторію: изъ г. Шуи онъ свернулъ съ главнаго почтоваго тракта и углубился въ сторону отъ него, въ самую глушь Шуйскаго уѣзда, обозрѣвая по пути сельскія церкви, говоря поученія и вездѣ бесѣдуя съ сельскимъ причтомъ.

Стояло страшно жаркое и сухое лѣто. Владыка былъ недалеко отъ большого села N, расположеннаго при сплавной рѣкѣ, въ живописной мѣстности. Въ N была старинная, каменная, 3-хъ престольная церковь съ отдѣльной высокой колокольней. Настоятелемъ церкви былъ молодой священникъ, отецъ Петръ, года два—три передъ тѣмъ окончившій Владимірскую семинарію. Часа за два до пріѣзда владыки, въ N прискакалъ верховой, посланный изъ

[1]) Архіепископъ Антоній родился въ Костромской губерніи въ селѣ Притыкахъ; въ мірѣ Александръ Ивановичъ. Онъ былъ ректоромъ Новгородской семинаріи, въ 1852 году возведенъ въ санъ епископа Острогожскаго, викарія Воронежской епархіи; съ 1853 г. епископъ Старорусскій; съ 1854—Архангельскій, съ 1857—Нижегородскій, съ 1860 г. архіепископъ Волынскій, съ 1862—Владимірскій, † 1878 г. 29 апрѣля.

сосѣдняго села тамошнимъ священникомъ, который приходился тестемъ отцу Петру. Верховой вручилъ ему записку, въ которой тесть наскоро писалъ отцу Петру, чтобы онъ приготовился къ встрѣчѣ владыки, желающаго быть въ N подъ вечеръ того же дня.

Само собою разумѣется, что отцу Петру предстояло много хлопотъ. „Матушкѣ" онъ приказалъ приготовить къ вечеру чай, яицъ, сметаны, творогу, однимъ словомъ, всего того, что было въ ихъ небольшомъ хозяйствѣ. „Кромѣ того", прибавилъ онъ, собираясь идти въ церковь, „ты, Надя, сдѣлай вотъ что. Живя во Владимірѣ, я слышалъ, что нашъ милостивый владыка на счетъ водочки—ни-ни: самъ не пьетъ и не любитъ, когда и другіе ее употребляютъ, но вино отъ лозы виноградной вкушаетъ во славу Божію. Такъ вотъ что: помнишь, къ своимъ именинамъ я привезъ изъ Шуи бутылку хереса; ты ее принеси изъ погреба и угости владыку; кажется, осталось еще пол-бутылки, а много ли ему нужно!"

Отецъ Петръ поспѣшилъ въ церковь и все приготовилъ для встрѣчи архіерея; приказалъ, во время трезвона, зажечь свѣчи у иконъ, разложилъ въ порядкѣ метрическія книги, приготовилъ облаченіе и велѣлъ пономарю караулить пріѣздъ архіерея и трезвонить, какъ только карета его покажется въ околицѣ села.

Архіепископъ Антоній пріѣхалъ въ N, какъ обѣщалъ, къ вечеру, осмотрѣлъ церковь и книги, сказалъ краткое поученіе и благословилъ собравшійся въ церковь народъ. Онъ уже собрался ѣхать дальше, когда отецъ Петръ сталъ убѣдительно просить пожаловать въ церковный домъ откушать чаю и осчастливить причтъ своимъ вниманіемъ.

— Списибо, отецъ; съ готовностью посѣщу твою хату,—отвѣчалъ владыка.—Ужъ жарко сегодня очень, изморился я совсѣмъ и съ удовольствіемъ освѣжусь чайкомъ.

Владыка Антоній благословилъ жену отца Петра, немножко пошутилъ съ ней, смотря своими кроткими и вдумчивыми глазами на раскраснѣвшееся лицо хозяйки. Онъ почти ничего не ѣлъ, но за-то охотно пилъ чай. Хозяинъ, попрося позволенія у владыки, налилъ ему рюмку хересу, прося его хотя бы пригубить. Антоній, немного отхлебнувъ изъ рюмки, взглянулъ на отца Петра и сказалъ съ усмѣшкой:

— „Кисло, отецъ!"

Хозяинъ и хозяйка переглянулись. У обоихъ мелькнула мысль о свадебномъ вечерѣ, когда гости, выпивая за здоровье молодыхъ,

громогласно кричали: „горько, горько!“ Недолго думая, отецъ Петръ, вопросительно посмотрѣвъ на архіерея, поцѣловалъ жену. Владыка изумленно взглянулъ на супружескую чету и только слегка усмѣхнулся.

Послѣ чая повторилось то же самое. Архіепископъ Антоній, „пригубивъ“ изъ рюмки, снова сказалъ: „кисло, отецъ!“, а священникъ снова расцѣловалъ свою молодую супругу.

Уѣзжая, владыка благодарилъ отца Петра за порядокъ и чистоту въ церкви, за аккуратное веденіе метрическихъ книгъ и за угощеніе.

О. Петръ разсказалъ женѣ содержаніе поученія, сказаннаго архіепископомъ, а потомъ они оба посмѣялись надъ выдумкой добродушнаго владыки, заставившаго ихъ два раза поцѣловаться.

— Да почему же это, мать, владыка говорилъ: „кисло“, а не горько, какъ это, обыкновенно, принято? Вотъ этого-то я совсѣмъ не понимаю!

— Ну, такъ случилось; да и забылъ, вѣрно, владыка, что именно нужно говорить въ этихъ случаяхъ,—отвѣчала попадья, убирая посуду и угощенье.

Отецъ Петръ ходилъ по комнатѣ въ радостномъ настроеніи, напѣвая пасхальные ирмосы. Остановившись у стола, онъ взялъ рюмку, изъ которой пилъ архіерей, и покачалъ головой.

— Даже одной рюмки не выпилъ владыка, а насъ только сконфузилъ, заставивъ цѣловаться въ своемъ присутствіи. Ну, такъ я выпью за его здоровье.

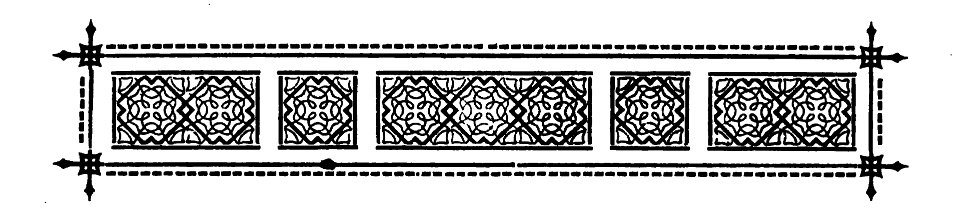
И отецъ Петръ выпилъ вино, но сейчасъ же выплюнулъ и схватился за голову.

— Ну, мать, осрамила и безъ ножа зарѣзала! Вѣдь, ты перепутала бутылки и, вмѣсто хереса, принесла бутылку съ уксусомъ.

Картина.

Сообщ. А. Сергѣевъ.

Среди парижскихъ эмигрантовъ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Сколько разъ я ни возвращался въ Парижъ, послѣ болѣе или менѣе долгаго отсутствія изъ него, но когда поѣздъ наконецъ останавливался въ грандіозномъ вокзалѣ „Gare du Nord“ и вдоль вагоновъ раздавался голосъ кондуктора: „Парижъ! Всѣ выходятъ“, мною всегда овладѣвалъ нервный подъемъ чувствъ, при мысли, что я опять дышу однимъ воздухомъ съ парижанами, этимъ удивительнымъ населеніемъ, испытавшимъ на протяженіи своей исторіи столько трагическаго и великаго. И выйдя на платформу, откуда черезъ высокія окна вокзала обрисовываются характерные контуры парижскихъ домовъ, я стою точно ошеломленный, охваченный наплывомъ воспоминаній, образовъ, особаго свойства впечатлѣній, какихъ-то острыхъ и тонкихъ ощущеній, точно вливаемыхъ въ атмосферу Парижа, вѣчно бьющимъ въ немъ ключемъ напряженной колоссальной работы ума и таланта милліоновъ культурныхъ существъ...

Парижъ отличается отъ прочихъ столицъ тѣмъ, что онъ точно задался цѣлью походить на каждую изъ нихъ въ отдѣльности, вслѣдствіе чего онъ сдѣлался городомъ космополитическимъ, по преимуществу, излюбленнымъ иностранцами, которые притекаютъ въ его стѣны со всѣхъ концовъ свѣта и тотчасъ же чувствуютъ себя здѣсь какъ дома. Въ немъ найдутся памятники и слѣды пребыванія великихъ людей всѣхъ національностей. Онъ представляетъ собой какъ бы всесвѣтный музей, заключающій образчики какъ цивилизаціи, такъ и варварства всѣхъ земныхъ племенъ.

Этотъ космополитизмъ Парижа, сдѣлавшій его сосредоточеніемъ общечеловѣческаго прогресса, заслужилъ ему кличку „міровего мозга“. Это названіе оправдывается тѣмъ, что въ Парижѣ можно

встрѣтить учениковъ, послѣдователей и фанатиковъ всѣхъ міровыхъ идей, интересовъ, искусствъ и религій.—И если далѣе продолжить это сравненіе, можно еще сказать, что мозгъ этотъ заключенъ въ черепѣ, орошенномъ живительною кровью. Новый Галль, который вздумалъ бы изучить этотъ громадный черепъ, именуемый городомъ Парижемъ, могъ бы по существованію того или другого квартала, того или другого памятника заключить о возникновеніи и развитіи тѣхъ или другихъ идей и промышленностей, имѣющихъ свое вѣрное отраженіе во внѣшнемъ планѣ и архитектурѣ города. Наука, торговля, трудъ и удовольствіе, все, что составляетъ предметъ человѣческой дѣятельности, имѣютъ въ Парижѣ свое опредѣленное мѣстонахожденіе, подобно тому или другому строенію черепа.

Вотъ почему Елисейскія поля. бульвары, Латинскій кварталъ вызываютъ въ умѣ представленіе не только объ извѣстныхъ находящихся въ нихъ зданіяхъ, но напоминаютъ о принципахъ существованія, послѣдователи которыхъ точно принадлежатъ къ различнымъ планетамъ. Такое распредѣленіе по разнымъ кварталамъ интеллигентной и общественной жизни Парижа придаетъ ему неизъяснимую прелесть, дающую возможность, смотря по настроенію, перенестись въ ту или другую мѣстность, вполнѣ соотвѣтствующую вашему чувству въ данную минуту. Такимъ образомъ вы встрѣтите въ Парижѣ рядомъ съ чудными дворцами и роскошными садами самыя мрачныя улицы и зловѣщіе притоны.

Эти общія замѣчанія быть можетъ не излишни, для того, чтобы объяснить, какъ въ Парижѣ могутъ уживаться самые разнообразные общественные элементы не только изъ мѣстнаго населенія, но и изъ иностранцевъ. Въ томъ числѣ можно указать и на русскую колонію, живущую и наѣзжающую въ Парижъ и состоящую изъ двухъ противоположностей. Въ то время какъ на Елисейскихъ поляхъ или въ окрестностяхъ Парижской Оперы можно встрѣтить представителей высшей петербургской и московской аристократіи, въ Латинскомъ кварталѣ, по ту сторону Сены, пріютились русскіе студенты и эмигранты, живущіе своей особенной жизнью, своими интересами, но имѣющіе свой вѣсъ и свое значеніе въ общемъ развитіи русской мысли и русской культуры.

При чемъ, какъ мы увидимъ дальше, эти два противоположные соціальные лагеря часто приходятъ въ соприкосновеніе то на политической, то на романической почвѣ, доказывая тѣмъ солидарность всѣхъ классовъ общества, несмотря ни на какіе сословные и условные застѣнки.

Въ этотъ уголокъ русскаго учащагося мірка я себѣ позволю ввести читателя.

Пріѣхавъ въ Парижъ въ 18** годахъ, я помѣстился въ меблированныхъ комнатахъ въ одномъ глухомъ переулкѣ Латинскаго квартала. Утромъ я едва проснулся и лежалъ на кровати, обдумывая программу дня, какъ кто-то энергично постучался въ дверь.

— Войдите! откликнулся я по-русски, въ смутномъ предчувствіи, что это былъ—онъ. И дѣйствительно это оказался онъ, хотя я его не зналъ и съ роду въ глаза не видалъ; тѣмъ не менѣе мы другъ на друга взглянули и поздоровались, какъ старые знакомые, и онъ тотчасъ же усѣлся около моей кровати. Такой случай бывалъ со мной уже много разъ въ жизни, куда бы ни закинула меня судьба, и я потому ничуть не удивился, откуда и какъ онъ могъ знать, что я пріѣхалъ, и что я приму его, какъ стараго знакомаго. Онъ являлся ко мнѣ то въ видѣ фактора, то учащагося, то интеллигента, то журналиста или торговца. Словомъ, это былъ представитель той сверхъ-націи, которая разбросана по всѣмъ уголкамъ обширнаго свѣта и которая, повидимому, создана, чтобы все знать, все контролировать и всѣмъ руководить.

— Моя фамилія Леви, объявилъ онъ,—я студентъ здѣшней медицинской школы и только что узналъ, что вы здѣсь остановились. Вы пріѣхали въ интересный моментъ. Завтра день ежегоднаго „пунша", даваемаго въ честь Петра Лавровича Лаврова... Вы конечно пожелаете принять участіе... Билетъ для входа стоитъ всего 3 франка.

Я тотчасъ же покорно вынулъ 3 франка изъ кошелька и передалъ ихъ моему визитеру.

— Приходите завтра въ 8 часовъ вечера въ Salle des Conferences, rue Serpentine и спросите тамъ меня, сказалъ онъ, вставая. А пока до свиданія.

Мой гость ушелъ такъ же скоро, какъ и пришелъ.

Популярность П. Л. Лаврова среди тогдашней учащейся молодежи была большая, хотя далеко не такая, какъ Герцена, Тургенева или даже Крапоткина. Лавровъ въ сущности былъ весьма сухимъ теоретикомъ, своего рода педагогомъ отъ революціи, писалъ массу книгъ и брошюръ, статей въ газетѣ „Впередъ" и другихъ нелегальныхъ органахъ, но въ его натурѣ не было ничего пророческаго, ничего такого, что увлекаетъ и вдохновляетъ молодежь. Тѣмъ не менѣе его квартира въ Латинскомъ кварталѣ въ rue St Jacques, составляла центръ политическихъ эмигрантовъ и русскаго студенчества, и каждый годъ день его рожденія шумно праздновался въ стѣнахъ какого-нибудь общественнаго зданія, гдѣ говорились рѣчи, читались адресы, привѣтствія и телеграммы.

Въ назначенный вечеръ я отправился по указанному адресу и съ трудомъ пробрался въ длинную залу, наполненную публикою, главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи. Виновникъ торжества еще не прибылъ, и я сѣлъ за столикомъ въ ожиданіи его прибытія.

Въ концѣ залы находилась эстрада со столомъ и стульями, гдѣ уже сидѣли выдающіеся представители русской эмиграціи. Много было еврейскихъ типовъ, и между ними мелькалъ и мой вчерашній знакомый г. Леви. Всѣ были возбуждены, говоръ по залѣ стоялъ неумолкаемый. Вдругъ около входа публика зашевелилась и разступилась, и показался старикъ усталаго вида съ длинными всклокоченными волосами и большой сѣдой бородой. Это былъ Лавровъ. Онъ пробрался къ эстрадѣ и усѣлся на предсѣдательское мѣсто. Началось чтеніе телеграммъ и адресовъ. Послѣ всякаго чтенія раздавались аплодисменты и клики одобренія. Содержаніе читаемыхъ привѣтствій было, по правдѣ сказать, довольно однообразно, составленное въ томъ приподнятомъ духѣ, въ которомъ уже столько лѣтъ и десятковъ лѣтъ излагаются въ нелегальной литературѣ „pia desideria“ русской революціи. Характерная черта этихъ пожеланій—это ихъ абстрактность отъ жизни и неопредѣленность политической программы „недовольцевъ“ всѣхъ лагерей, какъ можно бы ихъ назвать однимъ общимъ именемъ. Расплывчатость теоріи будущаго соціально-экономическаго строя русскихъ революціонеровъ, главная причина ихъ неуспѣшности въ проведеніи въ народное сознаніе, ихъ непримѣнимость къ живой дѣйствительности.

Сумма страданья, вложеннаго въ русскую революцію съ цѣлью обновленія принциповъ нашего управленія, конечно не меньше, чѣмъ тѣ жертвы, которыя принесла для той же цѣли великая французская революція. Но результатъ нашей революціи не можетъ сравняться съ той, именно, потому что наша революція не считалась ни съ историческими, ни съ экономическими фактами русской дѣйствительности и работала не столько для русскаго народа, сколько для отдаленнаго счастья всего человѣчества. А Пугачевъ и Стенька Разинъ всегда понятнѣе и ближе народу, чѣмъ Лассаль и Карлъ Марксъ.

Прослушавъ около часа такого чтенія и рѣчей и осушивъ мой бокалъ пунша въ честь маститаго революціонера, я протискался къ выходу и съ удовольствіемъ окунулся въ бурный потокъ парижской толпы.

При выходѣ я столкнулся съ К. М. Станюковичемъ, съ которымъ былъ знакомъ еще по Петербургу.

— Ну, какъ ваши дѣла?—поздоровался я съ нимъ, зная, что у него были какія-то непріятности съ русскимъ правительствомъ.

— Великолѣпно, отвѣчалъ онъ, смѣясь, я теперь такъ чистъ, что могу хоть въ государственную полицію поступить.

Больше я съ нимъ не встрѣчался и по газетамъ узналъ, что онъ умеръ нѣсколько лѣтъ спустя, какъ и слѣдуетъ бывшему моряку, въ дорогѣ, въ Неаполѣ...

Чтобы кончить съ личными воспоминаніями о П. Л. Лавровѣ, упомяну, какъ мнѣ пришлось зимой нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого вечера встрѣтить его похороны на бульварѣ Портъ-Рояль. Узнавъ о его смерти и днѣ похоронъ, я направился къ его квартирѣ, какъ вдругъ на бульварѣ встрѣтилъ небольшую толпу, державшую въ рукахъ красные флаги, среди которой медленно подвигались скромныя дроги съ поставленнымъ на нихъ чернымъ гробомъ. Это была погребальная процессія съ тѣломъ П. Л. Лаврова, направлявшаяся къ кладбищу Монъ-Парнасъ. Отъ времени до времени сопровождавшіе запѣвали революціонные напѣвы и махали флагами. Вдругъ нѣсколько полицейскихъ набросились на манифестантовъ и стали отбирать у нихъ флаги, а нѣкоторыхъ хватали и уводили въ участокъ.

По странному совпаденію, столь рѣдкій въ Парижѣ снѣгъ вдругъ показался именно въ это пасмурное зимнее утро, устилая дорогу тонкой бѣлой поленой. Казалось, что далекая родина посылала свой прощальный привѣтъ старому русскому революціонеру...

Студенчество и эмигранты представляютъ почти слившуюся воедино колонію, живущую въ Латинскомъ кварталѣ по близости медицинской школы и Сорбонны. Случается довольно часто, что со временемъ легальные переходятъ въ нелегальные, а также и наоборотъ, какъ это было съ Львомъ Тихоміровымъ, Дьяковымъ (Жителемъ), Павловскимъ-Яковлевымъ [1]) и другими. Особенно много шума произвело среди эмигрантовъ обращеніе Тихомірова, выпустившаго по этому случаю свою извѣстную брошюру: „Почему я пересталъ быть революціонеромъ". Дѣло въ томъ, что перемѣна въ убѣжденіяхъ революціоннаго дѣятеля, подобнаго Тихомірову, фактъ, который затрогиваетъ не только его личную судьбу, но всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя прониклись его вѣрой и убѣжденіями и часто пострадали изъ-за этого. Г. С. Жебуневъ, бывшій политическій ссыльный, разсказываетъ интересный и трагическій случай, происшедшій въ далекихъ сибирскихъ тундрахъ и явившійся прямымъ послѣдствіемъ перемѣны убѣжденій Тихомірова.

— Въ Тобольской губерніи, въ Туранской тюрьмѣ, въ камеру политическаго ссыльнаго Константина Стери, зашелъ тобольскій

---

[1]) Судился по процессу 193-хъ.

губернскій прокуроръ и ехидно замѣтилъ: ну, вотъ прочитайте произведеніе вашего славнаго Льва Тихомірова. При этихъ словахъ онъ вручилъ Стери „Московскія Вѣдомости“ со статьей Льва Тихомірова. Имя послѣдняго высоко цѣнилось въ революціонныхъ кругахъ. Сидя въ тюрьмѣ далекаго сибирскаго города, Стери ничего не зналъ о той эволюціи, которая совершилась въ головѣ г. Тихомірова. Левъ Тихоміровъ извѣстенъ былъ Стери, какъ редакторъ революціоннаго органа „Вѣстникъ Народной воли“. Статья Тихомірова какъ громомъ поразила Стери, и онъ, не долго думая, по уходѣ прокурора повѣсился. Къ счастью веревка не выдержала грузнаго тѣла Стери, и онъ съ грохотомъ сорвался съ петли. На шумъ прибѣжалъ тюремный надзиратель и засталъ Стери въ безчувственномъ состояніи.

Другой ссыльный Лебедевъ, находясь въ Сибири, былъ такъ пораженъ слухами объ обращеніи Тихомірова въ легальные, что ему захотѣлось непремѣнно лично провѣрить ихъ. Онъ убѣгаетъ и пріѣзжаетъ въ Парижъ. Узнавъ адресъ Льва Тихомірова, онъ направляется къ нему. Съ трепетомъ онъ подходилъ къ квартирѣ Тихомірова. На звонокъ дверь отворилъ самъ хозяинъ. Когда Лебедевъ объяснилъ ему цѣль своего прихода, тотъ сталъ на него кричать.

— Оставьте меня въ покоѣ, я всѣмъ уже объявлялъ, что не хочу больше имѣть дѣла съ вашимъ братомъ.

Лебедевъ, какъ ошпаренный, вылетѣлъ изъ квартиры г. Тихомірова.

Въ оправданіе г. Тихомірова нужно сказать, что для многихъ эмигрантовъ изгнаніе превращается въ глубокую душевную муку, которую люди безъ желѣзнаго характера не способны вытерпѣть. Объ этой тоскѣ по родинѣ часто говорилъ самъ Герценъ, живя за границей. „Хотя въ тюрьмѣ, да на родинѣ“, говорятъ многіе эмигранты и возвращаются въ Россію, чтобы отдаться въ руки полиціи. Къ тому же для большинства студенчества, не говоря уже объ эмигрантахъ, условія жизни на чужбинѣ матеріально очень тяжелы. Студенты и студентки большею частью дѣти бѣдныхъ родителей, получающіе весьма скудныя средства на проживаніе въ Парижѣ. На эти средства нужно платить за ученье, за квартиру и за столъ. Квартира большею частью нанимается на общія средства и набивается возможно большимъ количествомъ жильцовъ. Этимъ достигаются двѣ цѣли: теплота помѣщенія, нагрѣваемаго даровой теплотой, испускаемой тѣломъ проживающихъ, и дешевизна. Парижская короткая зима при всей ея мягкости переносится русскими гораздо труднѣе, чѣмъ русскіе долгіе холода, вслѣдствіе отсутствія хорошихъ печей и двойныхъ рамъ въ окнахъ. Поэтому жильцы съ са-

маго утра, спѣшатъ покинуть квартиру, ища пріюта въ дешевыхъ кофейняхъ, въ публичныхъ библіотекахъ или въ помѣщеніи болѣе счастливаго товарища, пользующагося теплой комнатой.

За то ночью студенческая квартира имѣетъ видъ ночлежнаго дома. Однажды въ одной изъ такихъ квартиръ пріютился какой-то бѣглецъ изъ Россіи, бывшій военный, лишенный всякихъ средствъ, и такъ какъ не имѣлось ни лишней кровати, ни дивана, то каждый вечеръ для него снимали съ петель дверь гостиной комнаты и укладывали на стулья, и на этомъ своеобразномъ ложѣ онъ устраивалъ себѣ кровать. Не имѣя возможности долѣе существовать, онъ наконецъ по совѣту кого-то вступилъ въ иностранный легіонъ, имѣющій свое пребываніе въ Алжирѣ, куда принимаютъ всѣхъ желающихъ, и въ одинъ прекрасный день, получивъ прогоны изъ военнаго министерства, изчезъ навсегда изъ студенческой квартиры, послѣ чего двери было возвращено ея вертикальное положеніе. Другимъ капитальнымъ вопросомъ въ жизни студента—вопросъ о хлѣбѣ насущномъ. Какъ ни дешевы бываютъ въ Парижѣ завтраки и обѣды въ маленькихъ ресторанахъ, прозванныхъ парижанами „буи-буи“ или въ такъ называемыхъ „кремри“, но и этотъ расходъ часто превышаетъ бюджетъ студента, особенно если бываетъ почему-нибудь задержка съ заказнымъ письмомъ изъ родного угла.

Поэтому студенту необходимъ въ этомъ отношеніи кредитъ, а этого не такъ-то легко найти.

Въ тѣ годы, о которыхъ идетъ рѣчь, въ Латинскомъ кварталѣ появился неизвѣстно откуда и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ, настоящій русскій кухмистеръ, задавшійся благою мыслью открыть русскій ресторанъ для господъ студентовъ. Лишне сказать, что появленіе этого оригинальнаго благодѣтеля было весьма сочувственно встрѣчено голодною учащеюся братіею. За нѣсколько мѣдяковъ можно было получить нѣкоторое подобіе русскихъ блюдъ, къ тому же охотно отпускаемыхъ добродушнымъ хозяиномъ въ кредитъ. Порфирій Алексѣевичъ—такъ его звали, любилъ студентовъ главнымъ образомъ, потому, что могъ съ ними отвести душу и говорить по-русски, такъ какъ французскій языкъ ему не давался. При таинственномъ прошломъ, о которомъ онъ не распространялся, онъ не былъ лишенъ юмора. Такъ, когда его спрашивали, зачѣмъ и откуда онъ пріѣхалъ въ Парижъ, онъ отвѣчалъ, что виною тому былъ исключительно извѣстный политическій дѣятель Дегаевъ, убійца Судейкина. Полиція, чтобы отыскать Дегаева, расклеила по всей Россіи его портретъ въ шести видахъ съ обѣщаніемъ выдать премію въ 10.000 рублей тому, кто его найдетъ. А такъ какъ, заклю-

чалъ Порфирій Алексѣевичъ, я по наружности, какъ оказалось, очень походилъ на Дегаева, то со времени опубликованія его портрета мнѣ прохода не давали. Какъ выйду на улицу, сейчасъ то городовой схватитъ за шиворотъ и поведетъ въ участокъ, то купецъ, то господинъ; разъ десять потерпѣлъ такую непріятность. Наконецъ, мнѣ это надоѣло, взялъ и пріѣхалъ сюда со всѣми пожитками. Слава Богу, здѣсь хотя въ покоѣ оставили. Его такъ и прозвали Дегаевымъ, а кто-то утверждалъ, что это дѣйствительно былъ доподлинно неуловимый Дегаевъ, весьма остроумно придумавшій исторію о своемъ сходствѣ съ революціоннымъ героемъ.

Въ обѣденный часъ въ русскомъ ресторанѣ собирались студенты и студентки, чувствуя себя здѣсь какъ дома, такъ какъ рѣдкій французскій рабочій или мелкій служащій заглядывалъ сюда. Но однажды обыкновенно тихій ресторанчикъ сдѣлался мѣстомъ весьма романическаго происшествія.

Нѣкій студентъ-кавказецъ красивой наружности, приходившій аккуратно въ обѣденный часъ всегда одинъ, вдругъ сталъ посѣщать ресторанъ въ обществѣ очень красивой дѣвушки, изящно одѣтой и повидимому не принадлежавшей къ студенческому кружку. Дѣвушка конфузилась и вообще, казалось, чувствовала себя, какъ говорится, не въ своей тарелкѣ, хотя никакого протеста не выражала и весьма охотно и даже нѣжно бесѣдовала въ полъ-голоса со своимъ сотоварищемъ. Студенты, которые всегда боятся „чужихъ“ людей даже въ видѣ хорошенькихъ дамъ, навели справки насчетъ хорошенькой незнакомки и ея спутника. Какъ оказалось, это знакомство разыгралось на революціонно-романической подкладкѣ. Кавказецъ былъ студентъ парижской, т. н. „Химической школы“, и какъ многіе студенты, подыскалъ себѣ уроки въ богатомъ русскомъ семействѣ, живущемъ по ту сторону Сены. Его пригласили подготовить мальчика по математикѣ и физикѣ для поступленія въ гимназію. Дѣвушка была сестрой мальчика. Встрѣчая въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ учителя своего младшаго брата у себя дома, она имъ увлеклась, также его идеями, и все дѣло кончилось тѣмъ, что она пожелала выйти за него замужъ. Не получивъ на это согласія родителей, дѣвушка сбѣжала изъ дому со студентомъ и присоединилась къ учащейся молодежи. Она поступила на медицинскіе курсы, и впослѣдствіи можно было ее встрѣтить на студенческихъ сходкахъ, а также въ русской библіотекѣ. Чѣмъ кончилась ея судьба, для меня осталось неизвѣстнымъ.

Событія въ Россіи имѣютъ всегда свой отголосокъ среди студенчества. Такъ, когда умеръ Н. Г. Чернышевскій, студенты устроили по этому случаю вечеръ съ чтеніемъ и рѣчами. Въ нанятомъ по-

мѣщеніи была устроена эстрада, на которой былъ установленъ портретъ Чернышевскаго. Нѣкоторые эмигранты выступали по очереди на эстрадѣ, сообщали подробности изъ его жизни, литературной и политической дѣятельности, а также говорили рѣчи по поводу его смерти. По этимъ рѣчамъ легко было судить объ огромномъ вліяніи, которое имѣлъ Чернышевскій на молодежь, несмотря на то, что онъ сошелъ съ активной сцены уже много лѣтъ. Теперь намъ кажется страннымъ, что Чернышевскій, будучи по натурѣ прежде всего вдумчивымъ экономистомъ, публицистомъ и литераторомъ, стяжалъ въ бюрократическихъ сферахъ репутацію опаснаго революціоннаго дѣятеля. Все его дальнѣйшее отношеніе къ власти, послѣ своего ареста, даже отказъ отъ бѣгства, показываетъ, что его участіе въ революціонной дѣятельности было идейное, но не активное. Тяжелая кара, его постигшая, была внушена правительству его моральнымъ вліяніемъ на молодежь и близостью къ болѣе активнымъ дѣятелямъ революціи. Опредѣленный обликъ Чернышевскаго, какъ „учителя", и безкорыстнаго защитника народныхъ интересовъ, поставилъ его на ту высокую ступень преданности и уваженія къ нему молодежи 60-хъ годовъ, до которой дошли немногіе русскіе политическіе дѣятели.

Одинъ изъ ораторовъ на указанномъ вечерѣ выразился такъ: Россія—страна, гдѣ все происходитъ гдѣ-то въ подпольѣ, точно подъ землей. Николай Гавриловичъ освѣтилъ это темное царство свѣточемъ своего правдиваго слова... Онъ указалъ намъ выходъ изъ царства тьмы... Въ этомъ его слава, въ этомъ его незабвенная заслуга передъ интеллигентной Россіей...

Говоря о русскомъ студенчествѣ въ Парижѣ, нельзя не упомянуть о русской библіотекѣ, основанной отчасти на средства И. С. Тургенева, имя котораго ей присвоено, и помѣщавшейся въ то время въ улицѣ la Glacière. Впрочемъ, какъ многія другія русскія библіотеки, разбросанныя въ разныхъ городахъ запада, парижская библіотека представляла изъ себя довольно печальный видъ. Всего двѣ комнаты на отдаленной улицѣ, грязноватыя и плохо освѣщенныя. На стѣнахъ висятъ портреты нѣкоторыхъ нашихъ извѣстныхъ писателей, а также революціонныхъ дѣятелей. Рядомъ съ ними прикрѣплены бумажки съ предложеніемъ уроковъ и переводовъ. Посѣтителей рѣдко бываетъ много, хотя петербургскія и московскія редакціи газетъ и журналовъ очень любезно и безвозмездно доставляютъ въ библіотеку экземпляры своихъ изданій.

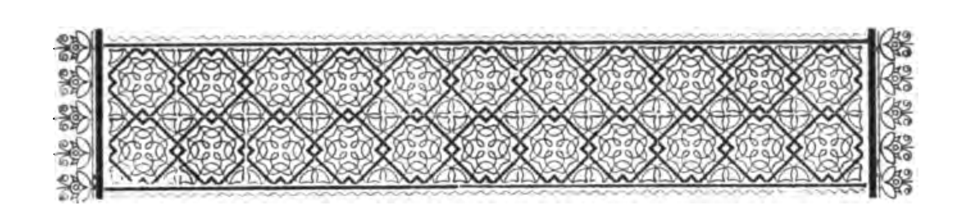
Однажды зайдя вечеромъ въ эту библіотеку, я засталъ въ читальнѣ г. Леви съ какимъ-то молодымъ брюнетомъ, на котораго я не обратилъ, однако, особеннаго вниманія. Нѣсколько дней послѣ

этого въ Парижѣ случилось громкое убійство жандармскаго генерала Селиверстова именно этимъ брюнетомъ, оказавшимся Подлевскимъ. Какъ извѣстно, совершивъ убійство, Подлевскій нашелъ пріютъ у французскихъ журналистовъ, особенно у писательницы г-жѣ Северинъ, давшихъ ему возможность перебраться въ Америку. Какъ разсказывалъ Подлевскій, Селиверстовъ хотѣлъ его подкупить, чтобы онъ указалъ ему русскихъ революціонеровъ, и съ этой цѣлью, сидя за письменнымъ столомъ, открылъ передъ нимъ ящикъ, наполненный деньгами. Въ эту минуту онъ въ него выстрѣлилъ и сейчасъ пустился бѣжать. Онъ больше всего боялся, чтобы не подумали, что онъ въ какой-нибудь долѣ воспользовался деньгами Селиверстова. Впослѣдствіи Подлевскій кончилъ жизнь въ Америкѣ самоубійствомъ.

Для большинства русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся въ Парижѣ, политика занимаетъ однако весьма второстепенную роль въ ихъ заботахъ. Несмотря на близкое общеніе съ эмиграціоннымъ элементомъ, студенчество преслѣдуетъ свою цѣль, т. е. полученіе докторскаго диплома съ рѣдкимъ трудолюбіемъ и самоотверженностью. Тотъ, кто видѣлъ, при какихъ условіяхъ достигается эта цѣль, какими лишеніями она сопровождается, тотъ долженъ согласиться, что докторскій дипломъ парижской медицинской школы является результатомъ высоко-нравственнаго подвига.

Алексѣй Плетневъ

Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Изъ записокъ князя Адама Чарторійскаго) [1].

ГЛАВА XI.

Назначеніе министра иностранныхъ дѣлъ.—Графъ Рузумовскій.—Семенъ Воронцовъ.—Винценгероде въ Берлинѣ.—Внѣшняя политика Россіи.—Мои планы относительно Польши.—Высокомѣріе Наполеона.—Необходимость союза съ Англіей.—Миссія Новосильцева.—Его инструкція.—Вопросъ о Мальтѣ.

Я подхожу къ описанію наиболѣе замѣчательной эпохи моей жизни. До сихъ поръ я былъ только товарищемъ министра; теперь вся отвѣтственность должна была лечь на меня.

Канцлеръ Воронцовъ положительно заявилъ, что состояніе здоровья вынуждаетъ его просить объ отпускѣ на нѣкоторое время. Надо было кѣмъ-нибудь замѣнить его; я спросилъ его мнѣніе по этому поводу. „Конечно, только вами", отвѣчалъ онъ, „это въ порядкѣ вещей, да иначе и быть не можетъ!" Таково же было и горячее желаніе Императора. Что мнѣ оставалось дѣлать? Слѣдовало ли принимать на себя такой отвѣтственный и опасный постъ? Не лучше ли было бросить все и уѣхать? И вотъ, какъ я разсудилъ. Я ничего не выигрываю, занимая второстепенное мѣсто, занявъ же первое, я не буду ни болѣе, ни менѣе прежняго подверженъ подозрѣніямъ и клеветѣ; удалиться отъ дѣлъ теперь—значило бы отступить передъ трудностью задачи и доказать, что у меня нѣтъ силъ для ея выполненія и для борьбы. Къ этимъ доводамъ самолюбія присоединилась еще другая, болѣе высокая идея, окон-

[1]) См. „Русская Старина", октябрь 1907 г.

чательно успокоившая мою совѣсть: меня прельщала возможность осуществленія такой системы политики, которая, въ силу справедливости, со временемъ оказала бы счастливое вліяніе на судьбу Польши. Я уже предвидѣлъ разрывъ съ Франціей. Русскіе всегда подозрѣвали меня въ желаніи склонить политику Россіи къ тѣсному союзу съ Наполеономъ; но у меня и мысли такой не было, такъ какъ я ясно видѣлъ, что всякое соглашеніе между этими двумя державами должно неминуемо вредить интересамъ Польши.

Канцлеръ, наконецъ, уѣхалъ. Я принялъ министерство, а Государь радовался, какъ ребенокъ. Русская же молодая партія не скрывала своего гнѣва и безпокойства. Императрица усмотрѣла уже въ моемъ согласіи дурныя намѣренія или по меньшей мѣрѣ неделикатность по отношенію къ Императору, такъ какъ на ея взглядъ, принятіе мною такого отвѣтственнаго поста вопреки общественному мнѣнію (ей такъ казалось) доказывало во мнѣ желаніе подорвать въ народѣ уваженіе къ своему Государю. Императрица перестала со мной разговаривать, кланяться, избѣгая даже смотрѣть на меня; она приложила все стараніе, чтобы дать мнѣ понять о своей немилости, длившейся около года и прекратившейся только по возвращеніи изъ Амстердама.

Изъ этого ясно, что положеніе мое было не изъ легкихъ; но разъ принявъ рѣшеніе, я отъ него не хотѣлъ отказываться и думалъ только о томъ, какъ бы исполнить свой долгъ возможно лучше.

Какъ разъ во время перемѣны въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, поставившей меня во главѣ его, случайно въ Петербургъ съѣхались нѣкоторые изъ выдающихся русскихъ дипломатовъ. Я уже упоминалъ о графѣ Морковѣ, который, узнавъ объ успѣхѣ канцлера, вѣроятно еще болѣе убѣдился въ завершеніи своей карьеры. Получивъ званіе члена совѣта, онъ рѣшилъ почить на дипломатическихъ лаврахъ и уѣхалъ въ свое подольское помѣстье, полученное имъ отъ Екатерины, гдѣ его злость нашла себѣ пищу въ безконечныхъ судебныхъ процессахъ со всѣми сосѣдями. Во все время его пребыванія въ Петербургѣ я считалъ нужнымъ совѣтоваться съ нимъ о текущихъ дѣлахъ и по поводу затрудненій, возникшихъ у насъ съ первымъ консуломъ. Онъ не отказывался выражать свое мнѣніе, но высказывалъ его всегда съ холоднымъ и презрительнымъ видомъ сознанія своего превосходства и уѣхалъ, думается мнѣ, съ убѣжденіемъ, что дѣламъ Россіи грозитъ полный упадокъ, при томъ способѣ, какъ они ведутся. Графъ Разумовскій, вскорѣ по пріѣздѣ изъ Вѣны, сказалъ мнѣ полу-небрежнымъ, полу-снисходительнымъ тономъ: „теперь, вѣдь, вы будете нами управлять!“

„Кажется", отвѣчалъ я ему. По возвращеніи на свой постъ, онъ считалъ нужнымъ посылать мнѣ только текущія донесенія, а болѣе секретныя и важныя дѣла сообщалъ въ рапортахъ лично на имя Государя. Но этотъ маневръ ему не удался. Александра оскорбила критика его выбора такимъ косвеннымъ образомъ; онъ не могъ допустить, чтобы кто-нибудь по дѣламъ службы смѣлъ выказывать недовѣріе тому, кому онъ самъ довѣрился вполнѣ. Результатомъ этого было отданное имъ приказаніе, чтобы всѣ сообщенія проходили черезъ мои руки. Съ этихъ поръ не было больше случаевъ замалчиванія донесеній со стороны графа Разумовскаго; между нами завязалась подробная переписка. Съ графомъ Семеномъ Воронцовымъ, вернувшимся на свой постъ, дѣло обстояло иначе. Впрочемъ, о немъ слѣдуетъ поговорить особо.

Графъ Семенъ, человѣкъ откровенный и справедливый, судилъ о вещахъ и о людяхъ слишкомъ прямолинейно и видѣлъ въ нихъ или одно хорошее, или только дурное; онъ не умѣлъ цѣнить тѣ оттѣнки, которые такъ необходимо всегда принимать въ соображеніе. Въ отношеніи меня онъ цѣликомъ принялъ лестное мнѣніе своего брата, которому такъ безгранично довѣрялъ. Его переписка, находящаяся теперь у меня, свидѣтельствуетъ о его стараніи защитить меня отъ взводимыхъ на меня обвиненій и клеветы и поддержать въ томъ положеніи, въ которомъ я очутился по волѣ Императора и по желанію канцлера. Онъ всѣми способами старался ободрить меня. Упоминая здѣсь о постоянныхъ и многочисленныхъ доказательствахъ расположенія его ко мнѣ, я надѣюсь этимъ отчасти заплатить ему свой долгъ благодарности и уваженія. Но по отношенію къ служебнымъ обязанностямъ ему можно сдѣлать нѣкоторые упреки.

Ошибки графа Семена всецѣло вытекали изъ его безграничнаго поклоненія Англіи, этой единственной странѣ, управлявшейся уже тогда либеральными учрежденіями. Онъ относился къ Питту и къ нѣкоторымъ изъ его сотрудниковъ не только съ полнымъ довѣріемъ, но съ какимъ-то обожаніемъ. Такое чрезмѣрное чувство симпатіи мѣшало ему безпристрастно слѣдить за ходомъ событій и улавливать въ общей массѣ политики дѣйствительное значеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, какъ для Россіи, такъ и для Европы. Впрочемъ, тѣ же ошибки были свойственны и представителямъ Россіи въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ съ тою разницей, что ни графъ Разумовскій, ни въ особенности, г. Алопеусъ, не выкупали своихъ недостатковъ достойными уваженія качествами, отличавшими графа Семена. Личныя дружескія отношенія, завязанныя графомъ Разумовскимъ въ Вѣнѣ, и прислуживаніе г. Алопеуса всѣмъ значитель-

нымъ лицамъ въ Берлинѣ были причиной многихъ неточностей въ посылаемыхъ ими донесеніяхъ. Чрезмѣрно увлеченные желаніемъ, во что бы то ни стало, поддержать хорошія отношенія, они часто не обращали вниманія на наши сообщенія, видоизмѣняя ихъ по своимъ личнымъ соображеніямъ. Чтобы предупредить могущія возникнуть изъ-за этого затрудненія, Императоръ рѣшилъ послать въ Берлинъ Винценгероде, о которомъ я уже говорилъ. Заранѣе предубѣжденный противъ Пруссіи, Винценгероде не сталъ молчать о военныхъ средствахъ этой державы и ненадежной политикѣ ея государственныхъ людей. Его донесенія давали мало надежды на поддержку Пруссіи въ случаѣ разрыва съ Франціей.

Невозможность вполнѣ положиться на свѣдѣнія, доставляемыя графомъ Семеномъ Воронцовымъ, вызвала отправку туда Новосильцева. Выборомъ этимъ, одобреннымъ самимъ канцлеромъ, графъ Семенъ былъ уже доволенъ. Во время своего пребыванія въ Россіи онъ короче познакомился съ Новосильцевымъ и оцѣнилъ его умъ и политическую выдержку. Новосильцеву, кромѣ того, было поручено заѣхать въ Берлинъ и прозондировать дѣйствительное настроеніе тамошняго двора и потомъ уже съ тою же цѣлью ѣхать въ Лондонъ. Наконецъ, если бы обстоятельства того требовали, онъ долженъ былъ проѣхать въ Парижъ и предложить тамъ наиболѣе благопріятныя условія для поддержанія мирныхъ отношеній.

Послѣ выхода въ отставку графа Моркова, графъ Разумовскій и графъ Семенъ Воронцовъ являлись самыми выдающимися представителями русской дипломатіи,

Расположеніе ко мнѣ канцлера и его любезное обращеніе со мной помогли побѣдить предубѣжденіе со стороны заслуженныхъ русскихъ дипломатовъ противъ молодого поляка, ставшаго вдругъ ихъ руководителемъ.

Въ началѣ все шло по-прежнему, казалось, что въ министерствѣ не произошло никакихъ перемѣнъ, но съ теченіемъ времени пассивную систему мирной политики, усвоенную графомъ Кочубеемъ, которой канцлеръ Воронцовъ придалъ нѣсколько болѣе силы и достоинства, становилось все труднѣе и труднѣе поддерживать. Страна, привыкшая къ постояннымъ успѣхамъ Екатерининской политики и къ неожиданностямъ Павла, не могла довольствоваться незначительной и второстепенной ролью, хотя бы эта роль и обезпечивала надолго безпрерывное внутреннее благополучіе. Впрочемъ, политика великой державы не должна быть, по моему мнѣнію, ни пассивной, ни бездѣятельной, ни эгоистичной, лишенной интереса, и не имѣющей въ виду общаго блага. Прежняя русская политика никогда такою и не была. Наоборотъ, никогда ни въ одномъ госу-

дарствѣ, исключая развѣ Римской Имперіи, политика не была болѣе обширной, безпокойной и настойчивой; добавлю еще:—болѣе несправедливой и произвольной.

Во время Ивана Васильевича Грознаго всѣ цари московскіе стремились къ завоеваніямъ и пуская попеременно въ ходъ то силу, то хитрость, сумѣли, съ рѣдкой ловкостью увеличить свое государство на счетъ сосѣдей. При Петрѣ Великомъ русская политика приняла еще болѣе рѣшительный и твердый характеръ, который сохранялся и при его преемникахъ. Всѣ цѣли, съ неустанной настойчивостью преслѣдуемыя Россіей до сихъ поръ и состоявшія въ стремленіи къ подчиненію себѣ большей части Европы и Азіи и населяющихъ ихъ народовъ, были ясно намѣчены и указаны своимъ преемникамъ Петромъ Первымъ; изъ нихъ не было ни одной, къ которой онъ не сдѣлалъ бы уже перваго шага, ни одной, которой онъ не старался бы достичь силой своей энергіи и ума, служившихъ примѣромъ для наслѣдниковъ.

Петръ Великій первый нанесъ смертельный ударъ Швеціи и Польшѣ; онъ началъ борьбу съ Турціей и Персіей, онъ же сталъ на сторону славянъ и грековъ и создалъ у себя европейскіе армію и флотъ. Толчекъ, данный національной жизни его желѣзною волею, чувствовался до сихъ поръ. Мы видѣли передъ собою все тѣ же предпріятія, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ, ту же цѣль впереди, къ которой Россія не только страшно приблизилась, но съ которой она уже, такъ сказать, соприкоснулась, и Европа не въ состояніи была остановить ея поступательнаго движенія. Внутреннія неустройства только на короткое время задерживали ростъ этой державы, и геній Петра Великаго словно продолжалъ парить надъ Россіей, а его безграничное честолюбіе жило въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей; если разныя затрудненія, переживаемыя въ это время Россіей, и могли вынудить ее отложить на время выполненіе ея завѣтныхъ цѣлей, то можно было сказать съ увѣренностью, что совсѣмъ отъ нихъ она никогда не откажется.

Но вотъ въ политической жизни могущественной Россійской державы наступила минута затишья и упадка. Случилось это въ началѣ царствованія Александра. Онъ былъ такъ молодъ, чистосердеченъ, кротокъ и расположенъ къ добру, такъ пропитанъ либеральными и филантропическими идеями, что, вступивъ на тронъ, сразу отказался отъ жадности, хитрости, чрезмѣрнаго самолюбія и системы захвата, лежавшихъ до тѣхъ поръ въ основѣ русской политики. Всѣ существовавшіе въ этомъ направленіи проекты и предположенія были на время забыты, императоръ ими не интересовался, обративъ все свое вниманіе на внутреннія улучшенія и не

*

на шутку задумавъ осчастливить безъ различія всѣхъ своихъ подданныхъ настолько, насколько это было возможно при существовавшихъ условіяхъ. Позднѣе Александръ былъ вовлеченъ, почти помимо своего желанія, въ текущія событія политической жизни Россіи; но въ началѣ своего царствованія онъ ею почти не занимался, и въ этомъ крылась причина его непопулярности въ народѣ. По характеру онъ былъ непохожъ на русскаго, какъ по своимъ достоинствамъ, такъ и по недостаткамъ. Онъ, какъ чуждое, экзотическое растеніе, не былъ самъ счастливъ и не пользовался особымъ расположеніемъ окружающихъ.

Какъ бы то ни было, но поставленный волею судьбы во главѣ дѣлъ русскаго министерства, я чувствовалъ себя въ положеніи солдата, случайно или въ силу дружбы попавшаго въ ряды чужого войска, и храбро сражающагося изъ чувства чести и желанія не покидать товарищей, друзей или хозяевъ въ бѣдѣ. Всѣмъ этимъ былъ для меня Александръ въ ту эпоху. Его безпредѣльное довѣріе дѣлало мою службу ему долгомъ чести и внушало мнѣ искреннее желаніе привести дѣла его въ самое блестящее положеніе, пока они мнѣ довѣрены. Я твердо вѣрилъ, впрочемъ, что смогу сочетать стремленіе Россіи съ моими завѣтными идеалами, заставивъ, такимъ образомъ, послужить на общечеловѣческое благо ту страстную жажду славы и превосходства, которою обуреваемы всѣ русскіе. Цѣль была заманчива, но очень отдалена и требовала настойчивости и послѣдовательности для достиженія ея. Планъ былъ такъ обширенъ, что до разработки его надо было запастись терпѣніемъ и напречь всѣ свои способности. Я уже представлялъ себѣ, какъ будетъ удовлетворена національная гордость въ случаѣ моего успѣха.

Мнѣ хотѣлось, чтобы отъ Александра зависѣлъ миръ всего цивилизованнаго міра.

Эту идею, зародившуюся у меня и не покидавшую меня болѣе, я старался развить и провести въ дѣйствительность. Я составилъ подробный планъ дальнѣйшей политики и въ видѣ циркуляра разослалъ его нашимъ представителямъ у иностранныхъ дворовъ. Онъ долженъ былъ служить для нихъ руководствомъ въ новомъ направленіи и предписывалъ умѣренность, справедливость, законность и полное безпристрастіе въ ихъ дѣйствіяхъ.

Этотъ трудъ, въ основу котораго я положилъ принципы, позднѣе развитые мною въ „Essai sur la diplomatie“, занялъ немало времени. Я усидчиво занимался имъ наравнѣ съ текущими дѣлами. Къ сожалѣнію, трудъ мой былъ напрасенъ. Плодамъ его, которые я надѣялся когда-нибудь пожать, суждено было погибнуть отъ

безчисленныхъ трудностей, встрѣченныхъ мною на пути, а также отъ слишкомъ быстраго хода событій, вызвавшихъ мою отставку.

Проектъ мой долженъ былъ понравиться Александру при тогдашнемъ настроеніи его ума и сердца. Сослуживцы мои, знакомившіеся съ моей политической системой, тоже снисходительно выслушивали часть ея, касавшуюся освобожденія Греціи и славянъ.

Такъ какъ въ основаніе этой системы легла идея исправленія всѣхъ когда-либо совершенныхъ политическихъ несправедливостей, то она, мало по малу, неизбѣжно должна была привести къ возстановленію Польши. Но, чтобы незамѣтнѣе обойти препятствія, ожидавшія мою, совершенно противоположную существующей, политику, я избѣгалъ упоминать даже имя Польши, такъ какъ идея ея возрожденія подразумѣвалась сама собою въ томъ характерѣ, который собирался я придать вообще всей политикѣ, поэтому я говорилъ только о постепенномъ освобожденіи народовъ, несправедливо лишенныхъ своей собственной политической жизни, какъ, напримѣръ, о грекахъ и славянахъ; о нихъ упоминать я не боялся, такъ какъ такая мысль соотвѣтствовала желаніямъ и взглядамъ русскаго общества, но движеніе въ этомъ направленіи естественно должно было, рано или поздно, коснуться и Польши. Это понималось всѣми само собой и, словно по безмолвному соглашенію, всякое упоминаніе о моей родинѣ было исключено. Я чувствовалъ сообразность и необходимость такого замалчиванія. *Никогда ни одинъ русскій, самъ по себѣ, добровольно не бываетъ расположенъ къ поляку; позднѣе я убѣдился, что это правило не имѣетъ даже исключеній, и что невозможно никогда что-либо перемѣнить въ этомъ отношеніи.*

Однажды, въ частной бесѣдѣ моей съ пріятелями и сослуживцами, зашелъ разговоръ о превратностяхъ судьбы, пережитыхъ Польшей, и Новосильцевъ разсказалъ, что, путешествуя по этой странѣ въ эпоху костюшкиной революціи, онъ былъ остановленъ крестьянами, потребовавшими его паспортъ. Такъ какъ документъ этотъ былъ написанъ по-нѣмецки, и никто изъ крестьянъ не могъ его прочесть, то порѣшили послать за однимъ изъ жителей этого мѣстечка, нѣмцомъ. Когда послѣдній пришелъ, Новосильцевъ обратился къ нему по-нѣмецки, умоляя спасти отъ неминуемой смерти. Тронутый его просьбой, нѣмецъ сказалъ крестьянамъ, что нѣтъ никакой причины къ задержанію Новосильцева, который послѣ этого безпрепятственно поѣхалъ далѣе къ принцу Нассаусскому, принимавшему участіе въ осадѣ Варшавы. Выслушавъ этотъ разсказъ, я выразилъ справедливое неодобреніе поведенію нѣмца, приглашеннаго крестьянами для разъясненій.—Какъ!—вскричали мои собесѣдники,—вы не помогли бы

спастись Новосильцеву? Конечно, нѣтъ!—отвѣчалъ я. Мои слова, повидимому, удививили всѣхъ: изъ нихъ они могли убѣдиться, что мы разными глазами глядимъ на вещи. При постоянныхъ сношеніяхъ съ русскимъ обществомъ случаи въ родѣ этого, конечно, повторялись неоднократно. Я не имѣлъ никакого основанія скрывать свое мнѣніе и свои чувства, но никто не былъ о нихъ освѣдомленъ лучше самого Императора, знавшаго меня наизусть.

Хотя часто приходилось слышать упреки въ неопредѣленности и туманности новой системы, въ погонѣ ея за мечтами и утопіями, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что вскорѣ же сказались и серьезные, практическіе результаты ея.

Наполеонъ не выносилъ соперниковъ на своемъ пути къ славѣ. Всѣ попытки, сдѣланныя съ цѣлью встать съ нимъ на вполнѣ равную ногу, терпѣли пораженія. Союзникъ Наполеона вскорѣ долженъ былъ или признать его верховныя права или же сдѣлаться его врагомъ и бороться съ нимъ. Новая политика Россіи продолжалась до тѣхъ поръ, пока инстинктивно отношенія ея къ первому консулу не стали все болѣе и болѣе охлаждаться, и дипломатическія сношенія приняли тонъ, ясно говорившій, что о взаимныхъ уступкахъ уже не можетъ быть рѣчи.

Необходимо было войти въ соглашеніе съ единственной державой, которая, кромѣ Россіи, считала себя способной противостоять Франціи. Повторяю, было необходимо, насколько возможно, выяснить намѣренія и расположеніе Англіи къ намъ, задачи ея политики и все, что могло быть ей предоставлено въ случаѣ полнаго успѣха. Для насъ было очень важно привлечь на свою сторону вліятельный кабинетъ могущественной англійской державы и въ союзѣ съ нимъ идти къ одной цѣли. Но прежде всего надо было освѣдомиться не только о намѣреніяхъ Англіи въ данный моментъ, но и на будущее время, а также взвѣсить всѣ случайности, могущія возникнуть отъ смерти Георга III или перемѣны министерства Питта. Слѣдовало дать понять Англіи, что одного совмѣстнаго желанія борьбы съ Наполеономъ недостаточно для прочнаго союза между ея правительствомъ и Россіей, что союзъ этотъ можетъ быть продолжительнымъ, только въ случаѣ согласія ея положить въ основу его не только общую вражду, но болѣе высокую идею справедливости и человѣколюбія.

Задача была трудная и требовала большой осторожности. Ее довѣрили Новосильцеву, который, въ качествѣ члена министерства и тайнаго совѣта, былъ вполнѣ освѣдомленъ о моихъ взглядахъ, проектахъ и, казалось, лучше, чѣмъ кто-либо, понималъ и раздѣлялъ ихъ. Новосильцевъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Англіи и имѣлъ

тамъ большія связи. Онъ не только прекрасно изучилъ англійскій языкъ, но и соціальное положеніе страны и средства ея существованія. Съ нашимъ посланникомъ въ Лондонѣ онъ тоже находился въ прекрасныхъ отношеніяхъ (надо было щадить самолюбіе графа Воронцова), и вообще, Новосильцевъ, казалось, какъ нельзя болѣе оправдывалъ нашъ выборъ.

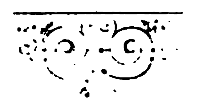
При отъѣздѣ Новосильцевъ получилъ двѣ инструкціи, одну оффиціальную, другую секретную. Въ послѣдней я постарался изложить тѣ положенія, которыхъ необходимо слѣдовало добиться, и тѣ, въ отношеніи которыхъ надо было только прозондировать почву и разузнать намѣренія британскаго правительства. Ему же я довѣрилъ письмо къ г. Фоксу. Принцъ Валлійскій, являвшійся наслѣдникомъ престола послѣ своего отца или замѣстителемъ его въ качествѣ регента, вполнѣ довѣрялъ этому государственному дѣятелю и его партіи. Новосильцевъ засталъ Питта совсѣмъ не расположеннымъ слушать наши предложенія и всецѣло занятымъ своей точкой зрѣнія на дѣла Европы. Графъ Семенъ Воронцовъ, въ своемъ поклоненіи передъ политическими пріемами англійскаго кабинета, готовъ былъ тоже сопротивляться ихъ измѣненію, составлявшему цѣль нашей политики въ этотъ моментъ. Отчасти вслѣдствіе затрудненій, возникшихъ изъ такого положенія вещей, отчасти, и по другимъ причинамъ, но Новосильцевъ не выполнилъ, какъ бы слѣдовало, даннаго ему важнаго порученія. Оно требовало много осторожности, выдержки, а также большой твердости и настойчивости на данныхъ ему инструкціяхъ. Онъ едва успѣлъ заикнуться объ условіяхъ, имѣвшихъ въ нашихъ глазахъ такое огромное значеніе, но ни слова не сказалъ о Польшѣ, такъ же какъ объ общемъ ненадежномъ положеніи Европы, вытекавшемъ изъ цѣлаго ряда несправедливостей, которыя слѣдовало наконецъ исправить.

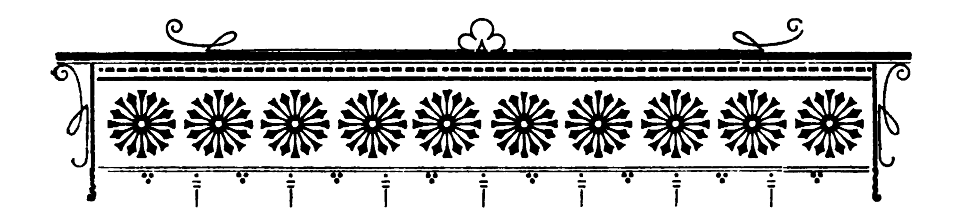
Кромѣ того, существовали еще пункты, относительно которыхъ Новосильцеву била дана инструкція не заключать по нимъ условій не снесясь предварительно со своимъ правительствомъ. Мы требовали, чтобы Англія исполнила свое прежнее обязательство и вывела свои войска съ Мальты. Этотъ вопросъ послужилъ даже предметомъ преній въ парламентѣ, при чемъ лордъ Нельсонъ подвердилъ, что дѣйствительно Англія общала очистить Мальту и что выполненіе этого обязательства не можетъ повлечь за собою дурныхъ для нея послѣдствій. Какъ бы то ни было, но высокомѣрный отказъ Англіи далъ бы намъ право прекратить переговоры въ самомъ началѣ. Наше предложеніе должно было служить доказательствомъ для всѣхъ искренняго желанія нашей политики слѣдовать по пути правды и дѣйствительнаго блага Европы. При томъ же мы надѣялись, что тре-

бованіе наше должно произвести большое впечатлѣніе на Англію, показавъ ей, насколько заслуживаютъ ея вниманія наши справедливыя требованія. Кромѣ того такое предложеніе несомнѣнно облегчало Новосильцеву поѣздку въ Парижъ. Но онъ уже и не думалъ о ней и возвратился назадъ, предоставивъ всѣ дѣла на благоусмотрѣніе Англіи.

Сообщилъ К. Военскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ исторіи 1812-го года [1]).

IV. Документы, характеризующіе дѣйствительное положеніе французовъ.

Слѣдующія письма прямо выражаютъ вопль наболѣвшей души ихъ авторовъ, всѣ помышленія которыхъ всецѣло находятся во Франціи. Они сгораютъ страстнымъ желаніемъ попасть скорѣе домой, къ своимъ семьямъ, развязаться съ этимъ походомъ, который имъ такъ надоѣлъ, и который причиняетъ имъ столько всевозможныхъ непріятностей. Сильные люди, какъ напримѣръ Мюратъ [2]), и тѣ, потерявъ мужество, сантиментально мечтаютъ только добраться до своего очага.

Въ своемъ письмѣ къ Каролинѣ Мюратъ пытается говорить о дѣлахъ. Но изъ его слабыхъ намековъ трудно уловить что-либо опредѣленное. Онъ говоритъ о ласкахъ Наполеона, которыя приводятъ его въ благоговѣйное умиленіе, о своей любви къ Императору, о событіи 23-го числа (11-го по нашему стилю) и о томъ, что „злодѣи" (русскіе) поплатились головой за ужасное преступленіе. Можно догадываться, что рѣчь идетъ о разрушеніи взрывами кремлевскихъ достопримѣчательностей, но достовѣрно сказать ничего нельзя.

---

[1]) См. „Русская Старина", 1907 г., октябрь.

[2]) Нѣсколько словъ объ этой замѣчательной личности. Мюратъ Іоахимъ (1771-1815), король Неаполитанскій, былъ сыномъ трактирщика въ Кагорѣ. Военную службу началъ рядовымъ въ 12 егерскомъ полку; затѣмъ поступилъ въ гвардію Людовика XVI, гдѣ и сдѣлался адъютантомъ генерала Бонапарте. Въ маѣ 1796 года получилъ чинъ бригаднаго генерала. Въ итальянскую кампанію много содѣйствовалъ побѣдамъ при Ровередо и Риволи. Въ египетской экспедиціи оказалъ чудеса храбрости, которыя и доставили ему громкую извѣстность. Послѣ 18 брюмера женился на сестрѣ

№ 1. Письмо короля Неаполитанскаго къ королевѣ.

„Дорогая Каролина! Только-что получилъ четыре эстафеты сразу, но онѣ привезли мнѣ только твое письмо отъ 16/2-го октября, которое нахожу прелестнымъ. Я цѣню должнымъ образомъ все, что въ немъ есть нѣжнаго; ты всегда добра и относишься сочувственно къ моимъ горестямъ. У меня нѣтъ ихъ уже по тому поводу, который былъ причиною моего унынія, и я горюю только о нашей разлукѣ. Долгое отсутствіе очень тягостно для человѣка съ чувствительной душой. Я сообщалъ тебѣ, что съ 24-го числа я сопровождалъ Императора, и что онъ осыпалъ меня милостями; онѣ дошли теперь до высочайшей степени, почему я и познала настоящую цѣну ихъ только въ тотъ моментъ, когда получилъ извѣстіе о событіи 23-го числа; оно столько же непостижимо, сколько и нелѣпо. Какъ не пришло никому въ голову заговорить о Римскомъ Королѣ. Это было такъ естественно и до такой степени въ порядкѣ вещей. Сколь сильно почувствовалъ я свою любовь къ Императору въ этотъ моментъ. До какой степени онъ оказался выше всякой случайности. Какимъ показалъ онъ себя прекраснымъ супругомъ, добрымъ от-

---

Бонапарте, Каролинѣ. Блистательно дѣйствовалъ при Аустерлицѣ (1806), за что получилъ званіе великаго герцога Бергскаго; въ томъ же году взялъ на капитуляцію Эрфуртъ, сражался при Прейсишъ-Эйлау и взялъ Кенигсбергъ. 23 апрѣля 1808 года беспрепятственно вступилъ въ Мадридъ. Когда же Карлъ IV уступилъ свои права Іосифу Бонапарте, бывшему до тѣхъ поръ королемъ Неаполитанскимъ, то Императоръ отдалъ ему королевство обѣихъ Сицилій. Неаполитанцы приняли Мюрата съ величайшимъ торжествомъ. Въ началѣ нашей Отечественной войны онъ съ 10 тысячами неаполитанцевъ присоединился къ арміи Наполеона, и принялъ выдающееся участіе въ этой кампаніи и, командуя почти всегда авангардомъ, сражался со свойственной ему отвагой.

Спустя 4 дня послѣ Лейпцигской битвы, подъ предлогомъ набрать новыя войска для Наполеона, оставилъ армію и заключилъ съ австрійцами оборонительный и наступательный союзъ, съ которыми дѣйствовалъ противъ вице-короля Евгенія, защищавшаго Италію. По возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, принялъ его сторону и объявилъ войну союзникамъ. Сначала онъ имѣлъ успѣхъ, но сраженіе при Толентино (2-го мая) рѣшило дѣло не въ его пользу: неаполитанцы были разбиты и обратились въ безпорядочное бѣгство, а самъ Мюратъ долженъ былъ выѣхать изъ Неаполя, но Наполеонъ не принялъ его. Послѣ ватерлооской битвы долго скитался по югу Франціи, не зная, что предпринять. Однако это было не безопасно. Тулонская полиція положила за его голову крупную награду; тогда онъ спасся на челнокѣ въ Корсику и, надѣясь, что неаполитанцы возстанутъ въ его пользу, прибылъ въ Калабрію, гдѣ атакованъ былъ превосходными силами и послѣ отчаяннаго сопротивленія взятъ въ плѣнъ. 13 октября военный судъ приговорилъ его къ смерти, какъ нарушителя народнаго спокойствія и приказалъ въ тотъ же день разстрѣлять его.

Такъ измѣнчива судьба многихъ героевъ. *Н. З.*

цомъ и милостивымъ Государемъ. Я удостовѣрился въ правильности того представленія о его добромъ сердцѣ, которое я составилъ себѣ. Все спокойно. Злодѣи поплатились головой за ужасное преступленіе, совершенное ими.

Мы вскорѣ двинемся противъ корпуса Витгенштейна; Императоръ собирался было отправить меня впередъ и я повиновался съ удовольствіемъ, но разставался съ нимъ съ грустью . . . . . Словомъ—я счастливъ.

Я хотѣлъ или желалъ бы, чтобъ въ статьѣ о нашемъ молебнѣ было хотя бы только упомянуто мое имя, и чтобы вы казались благодарными Богу за мое спасеніе. Прощай, другъ мой, я ожидаю обѣщанныхъ тобою сорочекъ. Здоровье мое прекрасно; обнимаю тебя отъ всего сердца и продолжаю льстить себя надеждой имѣть возможность обнять тебя нынѣшней зимою. Но пусть это не помѣшаетъ отдѣлкѣ моего помѣщенія. Карафъ отправляется сегодня вечеромъ съ письмами. Онъ привезетъ тебѣ работу, которую я никакъ не могъ отправить тебѣ раньше. Я желаю, чтобы онъ снова принялъ на себя отправленіе обязанностей оберъ-шталмейстера. Онъ никакъ не могъ привыкнуть къ здѣшнимъ морозамъ“.

Lettre du Roi de Naples à la Reine.

Ma chère Caroline, je viens de recevoir quatre estafettes à la fois; elles ne m'ont apporté que ta lettre du 16 Octobre je la trouve charmante, j'apprécie, comme je le dois tout ce qu'elle contient de tendre; tu es toujours bonne et sensible à mes peines, je n'en ai plus sur l'objet qui causait ma mélancolie, je n'en ai que sur notre séparation. Une absence longue est bien pénible pour qui a une âme sensible; je t'ai mandé que depuis le 24 j'accompagnais l'Empereur et qu'il me comblait de bontés. Elles sont à leur comble, aussi je n'en sentis jamais mieux le prix que dans le moment où j'ai appris l'évènement du 23, il est inconcevable autant que ridicule; comment, n'est-il venu dans la tête de personne de parler du Roi de Rome? c'était si naturel, celà était si dans l'ordre! Combien j'ai senti que j'aimais l'Empereur dans ce moment! Comme il s'est montré supérieur à tout évènement! Comme il s'est montré bon époux, bon père et bon souverain. Je me suit confirmé dans l'idée que je m'étais faite de son bon coeur. Tout est tranquille, les scelerats ont payé de leur tête la crime affreux dont ils s'étaient rendus coupables.

Nous partons dans peu pour nous porter contre le corps de Wittgenstein, l'Empereur a été un moment sur le point de m'envoyer en avant, j'obéissais avec plaisir, mais je le quittais avec peine, enfin *jesuisfort heureux.*

J'aurais voulu ou désiré que dans l'article sur votre *Te Deum* mon nom y eut été au moins prononcé et que vous eussiez eu l'air de remercier Dieu de m'avoir conservé! Adieu, mon amie, j'attends les chemises que tu m'annonce. Ma santé est parfaite, je t'embrasse de tout mon coeur. Je me flatte toujours de pouvoir t'embrasser cet hiver. Mais que cela n'empêche pas le travail de mon appartement. Caraffe partira ce soir avec un courier. Il t'apportera le travail, il m'a été impossible de l'expédier plutôt. Je désire qu'il reprenne ses fonctions de premier écuyer. Il n'a pas pu s'accoutumer au froid de ce pays. J

№ 2. Письмо къ дочери.

„Дорогая моя и прекрасная Летиція! Я нашелъ письмо твое очень милымъ и жалѣю, что не могу писать тебѣ почаще. Если это и лишаетъ меня счастья получать твои милыя записочки, за то мамочка твоя часто пишетъ мнѣ о васъ и обѣщаетъ мнѣ твой портретъ. Боюсь, чтобъ онъ не оказался менѣе похожимъ, чѣмъ первый. Вы еще пользуетесь прекрасными днями, мы же здѣсь занесены снѣгомъ и инеемъ. Все предвѣщаетъ намъ суровую зиму. Мы приближаемся другъ къ другу и по занятіи зимнихъ квартиръ я надѣюсь имѣть возможность отлучиться, чтобы поѣхать обнять моихъ милыхъ и нѣжныхъ дѣтей. Какъ счастливъ былъ бы я возможностью побыть съ ними снова. Прощай, дорогая моя Летиція, меня утѣшаютъ письма твои, а любовь твоя и братьевъ твоихъ скрашиваетъ мои досуги и утоляетъ печаль, причиняемую нашей разлукой. Я могу быть счастливымъ только вблизи королевы и съ вами. Рана моя перестала безпокоить меня. Прощай. Сердечно обнимаю милую свою Луизу и благодарю ее за строки, приписанныя ею на конвертѣ. Я весь твой, дочь моя. Обнимаю тебя отъ всего моего сердца“.

Ma bien bonne et belle Létitia, j'ai trouvé ta lettre charmante, je suis peiné de ne pas pouvoir t'écrire plus souvent. Si cela me prive du bonheur de recevoir de tes jolis billets, ta bonne maman me donne souvent de vos nouvelles, elle m'annonce ton portrait. Je crains qu'il ne soit pas aussi ressemblant que le premier. Vous etes encore dans les beaux jours, ici nous avons la neige et les frimats, tout nous annonce un hiver rigoureux. Nous nous rapprochons; et quand les quartiers d'hiver seront pris j'espère pouvoir m'éloigner et aller embrasser mes bons et tendres enfants. Comme je serais heureux de pouvoir me retrouver au milieu d'eux. Adieu ma chère Letitia, tes lettres me charment, ton amour et celui de tes frères charment mes loisirs et les tourments de notre separation. Je ne puis être heureux que près de la Reine, près de vous. Je ne me ressens plus de ma blessure. Adieu, j'embrasse bien ma bonne Louise et je la remercie du mot qu'elle a écrit sur l'enveloppe ou m'a tracé quelques lignes. Adieu, tout à toi ma fille. Io ti abbraccio di tuto il mio cuore.

№ 3. Письмо къ сыну.

„Дорогой Ахиллъ! Въ настоящую минуту я приблизился къ своему семейству на сто миль. Я уже въ Смоленскѣ, откуда писалъ своимъ дѣтямъ. Я приближусь еще болѣе и продолжаю надѣяться имѣть возможность обнять ихъ нынѣшней зимой. Мысль эта утѣшаетъ меня и помогаетъ мнѣ переносить съ твердостью нашу разлуку. Прощай, другъ мой; говорятъ, что эстафета отправляется и я покидаю тебя. Здоровье мое въ отличномъ состояніи. Обними за меня маменьку; говори съ ней обо мнѣ; поцѣлуй Луизу и вѣрь моей привязанности къ тебѣ. Сынъ г-на . . . . . . находится здѣсь и

здоровъ. Весь твой любящій тебя отецъ. Императоръ здоровъ и очень ко мнѣ милостивъ".

Mon bon Achille, me voilà plus près de ma famille—de cent lieues. Me voilà à Smolensk, d'où j'ai écrit à mes enfants. Je vais m'en rapprocher encore; et j'espère toujours pouvoir les embrasser cet hiver. Cette idée me console et me fait supporter avec courage notre séparation. Adieu, mon ami, on m'annonce que l'Estafette va partir et je te quitte. Ma santé est parfaite, embrasse bien maman pour moi, parle lui de moi, embrasse bien Louise et crois à toute ma tendresse. Le fils de M-r . . . . est ici et se porte bien. Tout à toi. Ton bon père. L'Emp-r jouit d'une bonne santé et est bien bon pour moi.

Дальше слѣдують письма частныхъ лицъ.

Письмо нѣкоего г-на Боне къ матери въ Кастръ очень кратко, но замѣчательно выразительно. Немногими словами сказано весьма много:

№ 4.

„Мы прошли по самой скверной и опустошенной дорогѣ; лошади, падавшія по пути, немедленно съѣдались".

Комментаріи излишни.

M-r Bonnet à la mère, à Castres.

Nous avons passé le plus mauvais et le plus stérile chemin, les chevaux morts sur la route ont été aussitôt dévorés.

Послѣдующія письма того же характера:

№ 5. Г-нъ Балари къ женѣ.

„Я никогда не буду въ состояніи описать тебѣ положеніе, въ коемъ мы оказались по выступленіи нашемъ изъ Москвы. Безпрестранно тревожимые непріятелемъ и казаками, фланкирующими насъ и днемъ и ночью, среди мертвыхъ и умирающихъ, безъ съѣстныхъ припасовъ и въ странѣ, совершенно раззоренной уже три мѣсяца тому назадъ".

M-r Balary à sa femme.

Je ne pourrai jamais te peindre la situation dans laquelle nous sommes depuis que nous avons quitté Moscou. Harcelés par l'ennemi et les Cosaques qui nous flanquent nuit el jour, au milieu des morts et des mourants, sans provisions, et dans un pays exterminé depuis trois mois.

6. Буденъ, главный комиссаръ службы полевой Императорской почты, графу Лавалетту, главному почтъ-директору.

„У меня мало чего сообщить вамъ относительно службы; мы теряемъ ежедневно по нѣсколько штукъ лошадей изъ-за недостатка корма и вслѣдствіе трусости почтарей; условія затруднительны, но они все-таки виноваты и я заставлю ихъ заплатить за потерянныхъ лошадей и сѣдла".

Boudin Commissaire G-al pour le service en poste de l'Emp-r au C-te de la Vallette Directeur G-al des Postes.

J'ai peu de choses à vous dire sur le service; nous perdons tous les jours quelques chevaux faute de nourriture et par la lâcheté des postillons; les cir-

constances sont difficiles, mais il y a bien de leur faute, je leur ferai payer chevaux et selles perdus.

№ 7. Рео, директоръ продовольственнаго отдѣла при главной квартирѣ, своей женѣ.

„Я сохранилъ свое здоровье и вотъ все, на что ты можешь разсчитывать съ моей стороны во время этого похода. Я буду стараться продолжать жить по возможности лучше; приходится много тратить, чтобы кормиться, спать, на освѣщеніе, на пріобрѣтеніе самыхъ необходимыхъ принадлежностей хозяйства, на проѣзды и, наконецъ, на зимнюю одежду. Этотъ разъ приходится покупать все на свой счетъ и мы не встрѣчаемъ никакой поддержки въ странѣ, гдѣ мало жителей, а у тѣхъ, которые остались, нѣтъ желанія придти намъ на помощь“.

Béau. Directeur du service des viandes au q-r g-l à sa femme.

J'ai conservé ma santé et c'est tout ce que tu peux espérer de moi dans cette campagne. Je tacherai de continuer en vivant le moins mal possible; il faut dépenser beaucoup pour vivre, pour se coucher, s'éclairer, se fournir de moindres ustensils pour se transporter et enfin pour se couvrir l'hyver. Tout est cette fois ci à nos frais et nous ne recevons aucune facilité du pays où les habitants manquent et la bonne volonté parmi ceux qui restent.

№ 8. Его же къ пріятелю его Малле.

„Нынѣшнее мое положеніе не можетъ ни изгладить изъ памяти моей, ни возмѣстить потери, понесенныя мною въ Испаніи; напротивъ того, я имѣю въ перспективѣ такія же приключенія въ ближайшемъ будущемъ“.

Du même à M-r Mallet son ami.

Ma position actuelle ne peut ni me faire oublier ni réparer les pertes que j'ai faites en Espagne; j'ai au contraire la perspective de semblable avanture au premier jour.

№ 9. Отъ дивизіоннаго генерала графа Лаборда къ женѣ.

„Съ начала сей кампаніи я лишился 13 лошадей, что никоимъ образомъ не устраиваетъ моихъ денежныхъ дѣлъ, но я переношу это затруднительное положеніе безропотно: настанетъ болѣе удачное время, которое вознаградитъ меня“.

Du G-al de D-on C-te de Laborde à sa femme.

Depuis le commencement de cette campagne j'ai perdu 13 chevaux ce qui n'arrange pas mes finances, enfin je supporte le malaise avec résignation, un tems plus heureux viendra et me dédommagera.

№ 10. Г-нъ Бушъ своей женѣ.

„Любезный другъ, я потерялъ все: карету, лошадей, вещи, слугъ. При мнѣ осталась только бывшая подо мной лошадь и то, что было на мнѣ . . . Надо думать, что карета моя досталасъ непріятелю, если только она не увязла и не была разграблена у насъ въ тылу. Большая часть моихъ товарищей потеряли болѣе или менѣе, но я

все потерялъ, совершенно все, и даже 100 серебряныхъ экю, находившихся въ коляскѣ".

M-r Busche à sa femme.

Ma bonne amie j'ai tout perdu, voitures, chevaux, effets, domestiques, il ne me reste que le cheval que je montais et ce que j'avais sur le corps... Il y a tout lieu de croire que ma voiture est tombée au pouvoir de l'ennemi, à moins qu'étant restée embourbée elle n'ait été pillée sur les derrières. La plupart de mes collègues ont perdu plus ou moins, moi j'ai perdu tout, absolument tout et même cent écus en argent blanc qui étaient dans la calèche.

№ 11. Графъ Оденардъ своей матери. (Кирасирскій полковникъ и шталмейстеръ Императора).

„Вы безъ сомнѣнія знаете уже о моемъ несчастіи. Всѣ мои экипажи достались непріятелю. Потеря эта громадная и очень меня безпокоитъ, ибо придется замѣнять большую часть потеряннаго. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, завести новые экипажи по чину генерала, ибо меня увѣряютъ, что я внесенъ въ списокъ, который не сегодня завтра будетъ представленъ Императору. Дай Богъ, чтобы Его Величество меня произвелъ. Это утѣшитъ меня и вознаградитъ хоть немного за убытки, понесенные во время этой несчастной кампаніи. И, наконецъ, мнѣ крайне необходимо милостивое вниманіе Государя, для возстановленія моего душевнаго равновѣсія. Я не знаю, куда мы отправимся, но думаю, что довольно далеко, для приведенія въ порядокъ моего изрядно потерпѣвшаго полка, на что потребуется достаточно времени. Мы всѣ въ одномъ положеніи и очень нуждаемся въ отдыхѣ и хорошихъ квартирахъ".

Le C-te d'Audenarde à sa mere.

Vous savez surement le malheur que j'ai eu d'avoir tous mes équipages pris par l'ennemi. Cette perte est énorme et me gène fort, car il faudra remplacer une grande partie de ce que j'ai perdu. J'ai au moins l'espoir de me faire de nouveaux équipages comme G-al car on m'assure que je suis porté sur un travail qui doit être mis d'un jour à l'autre sous les yeux de l'Empr. Fasse le Ciel que S. M. me nomme, cela me recompensera en partie et me consolera des pertes de cette malheureuse campagne. Enfin j'ai bien besoin d'un regard de bienveillance du maitre pour me mettre au niveau. . .

Je ne sais où nous allons aller, je suppose que ce sera assez loin, pour remonter mon régiment qui est abimé, ce qui demandra du tems. Nous en sommes tous reduits au même point et avons grand besoin de repos et de bons cantonnemaents.

№ 12. Его же г-жѣ Френель, въ Люнневиль.

„Вчера я видѣлъ Вьевилли, которому пришлось плохо по прибытіи сюда, у него украли лошадей. Онъ прошелъ пѣшкомъ въ два дня, ничего не ѣвши, цѣлыхъ семнадцать миль. Надобно вамъ сказать, что въ арміи нѣтъ болѣе кавалеріи; тѣ немногія лошади, которыя остались еще, падаютъ отъ холода и голода и не успѣютъ онѣ околѣть, какъ ихъ уже разбираютъ по кусочкамъ. Ежели это

будетъ продолжаться, то вскорѣ лошади останутся развѣ только у одного Императора, потому что тѣ, которыя принадлежатъ ему лично, всегда защищены, по крайней мѣрѣ, по возможности".

à Mad-e de Frénel à Luneville.

J'ai vu hier la Vieuville qui s'est trouvé mal en arrivant ici, on lui avait volé ses chevaux; il avait fait sans manger en deux jours de tems 17 grandes lieues à pied. Il faut vous figurer qu'il ne reste plus de Cavalerie dans l'armée, le peu de chevaux qui restent tombent de faim et de froid et avant d'être morts, ils sont déjà partagés par morceaux. Si cela continue dans peu de tems l'Emp-r seul aura à peine des chevaux parce que les siens sont toujours à l'abri, ou du moins autant qu'il est possible.

№ 13. Г-нъ Ленцъ г-жѣ Дарю, матери.

„Я выѣхалъ изъ Москвы 16/4-го октября и прибылъ въ Смоленскъ съ жалкимъ маленькимъ обозомъ, который былъ разграбленъ казаками, стащившими, между прочимъ, и мой ящикъ съ провизіей, такъ что я въ теченіе 18 дней питался сухарями и водой. И все это по той причинѣ, что я ношу длинный титулъ: генералъ-директоръ службы запаснаго продовольствія, который не доставилъ мнѣ покуда большихъ хлопотъ; я думаю, все-таки, что мнѣ придется отправиться въ Оршу.

Наши физическія тяготы со времени выступленія изъ Москвы и до сихъ поръ были дьявольскія . . . . Я считаюсь счастливѣйшимъ изъ всѣхъ, ибо цѣною денегъ и брани съ погонщиками повозокъ, наѣзжавшихъ на мою коляску, мнѣ удалось спасти ее. Ежели только можно назвать спасеніемъ сохраненіе 4 сорочекъ и одного сюртука. Бѣда въ томъ, что все это никого не забавляетъ. Нѣкоторая доля веселости помогла бы намъ не видѣть всего нашего горя; но всѣ, кто лишенъ хотя бы небольшого запаса душевной твердости, исполнены горечи".

M-r Lens à Mad-e Daru la mère.

J'avais quitté Moscou le 16 Octobre et j'arrivai à Smolensk avec un pauvre petit convoi qui a été houspillé par les cosaques qui ont eu entr'autres choses la malhonnêteté de me piller mon caisson de vivrs, de manière que j'ai été 18 jours au pain de munition et à l'eau. Tout cela parce que j'ai un long titre: Directeur G-al des approvisionnements de reserve, le quel titre ne m'a pas encore donné beaucoup d'occupations, je crois cependant que je vais aller à Orcha.

Nos peines physiques de Moscou ici ont été diaboliques. . . . Je passe pour le plus heureux parce que à force d'argent et de grandes colères contre les fourgons qui approchaient ma calèche je l'ai sauvée. Si l'on peut appeller sauvée n'avoir plus que 4 chemises et une redingotte. Le mal est que tout le monde ne prend pas cela gaiement. Un peu de gaité nous sauverait l'aspect de notre misère. Mais tout ce qui n'a pas l'âme un peu forte est plein d'aigreur.

Докторъ баронъ Ларрей и инженерный офицеръ Монфоръ сравниваютъ испанскій и египетскій походы съ русскимъ.

№ 14. Письмо барона Ларрея женѣ.

„Никогда еще такъ не страдалъ. Египетскій и Испанскій походы были ничто въ сравненіи съ теперешнимъ, и все-таки злоключенія наши далеко еще не окончились. Я чувствовалъ себя очень дурно по пріѣздѣ сюда, но 24 часа отдыха помогли мнѣ придти опять почти въ то же самое состояніе, въ которомъ я былъ при выѣздѣ изъ Москвы. При томъ же я могу сказать все-таки, что здоровъ, а потому не безпокойся. Какъ и товарищи мои, я потерялъ почти все, и мы не имѣемъ никакой надежды на вознагражденіе. Нерѣдко приходилось намъ радоваться кусочкамъ мяса отъ павшихъ лошадей, попадавшихся намъ по пути. Ихъ поджаривали на угольяхъ и въ этомъ заключалась вся наша пища".

Le D-r Baron Larrey à sa femme.

Jamais je n'avais autant souffert. Les campagnes d'Egypte et d'Espagne n'ont rien été en comparaison de celle ci et encore nous ne sommes pas il s'en faut au terme de nos maux. J'étais fort mal en arrivant ici, mais les 24 heures de repos m'ont suffi pour me remettre dans l'état où j'étais à peu près en partant de Moscou, et je puis dire encore me bien porter, ainsi tranquillis toi, mais comme mes camarades j'ai à peu près tout perdu, et nous n'avons aucune espérance de recompense... Souvent nous avons été trop heureux de saisir quelque lambeaux de la chair des chevaux morts que nous trouvions sur notre route. On les faisait cuire sur les charbons des bivouacs, et voilà toute notre nourriture.

№ 15. Отъ г-на Монфоръ, инженернаго офицера, состоявшаго при генералѣ Шаслу, полковнику Деко, начальнику инженернаго отдѣла при военномъ министерствѣ.

„Вотъ мы и въ Смоленскѣ, послѣ двадцатидневнаго безпрерывнаго похода. Всѣ мы чрезвычайно устали, а лошади окончательно изнурены. Четыре дня уже, какъ земля вся покрыта снѣгомъ, такъ что онѣ почти не въ состояніи двигаться. Въ нашемъ паркѣ пришлось уже сжечь нѣсколько повозокъ. И если правда, какъ того ожидаютъ, что мы пойдемъ до Вильно, то я боюсь, что мы не довеземъ ни одной, и что нашъ паркъ будетъ ограниченъ тѣми, кои оставлены были нами при первомъ проходѣ черезъ сей городъ. Какъ бы тамъ ни было, онъ исполнилъ, по крайней мѣрѣ, свое назначеніе въ теченіе всей кампаніи; а если и придется возстановлять его совсѣмъ заново, то участь его будетъ общею со многими другими, потому что я не думаю, чтобы артиллерія справилась лучше насъ съ этими затрудненіями. Вся почти кавалерія идетъ пѣшкомъ. Не найдется даже 100 человѣкъ конныхъ на каждый полкъ. Я встрѣтилъ вчера г-на Дежо довольно здоровымъ; а нѣсколько дней тому назадъ я получилъ извѣстіе о вашемъ двоюродномъ братѣ, который въ 6 кирасирскомъ полку; онъ тоже здоровъ. Въ Смоленскѣ нашли кое-какіе запасы, но вы легко можете себѣ представить, что ихъ не можетъ хватить надолго для такой изголо-

давшейся арміи. А потому я думаю, что мы тамъ недолго пробудемъ. Я полагаю, что главная квартира пойдетъ въ Вильну, а войска будутъ разбросаны по всей Литвѣ. Русскіе должны быть не менѣе насъ утомленными и голодными; это дастъ намъ возможность распространить наши зимнія квартиры, безъ чего дальнѣйшее существованіе будетъ невозможнымъ. Могу васъ увѣрить, любезный Деко, что сія кампанія была ужасно трудная. Всѣ, кто вернулся изъ Испаніи, увѣряютъ, что тамъ былъ рай по сравненію съ тѣмъ, что у насъ здѣсь".

Le S-r Monfort officier du génie employé près le G-al Chasseloup au Colonel Decaux chef de la D-on du Génie au Ministère de la Guerre.

Nous voici, mon cher Decaux, arrivés à Smolensk après vingt jours de marche non interrompue. Nous sommes tous horriblement fatigués. Les chevaux surtout sont sur les dents. Depuis quatre jours, la terre est couverte de neige, en sorte qu'ils ne peuvent presque plus avancer. On a déjà été obligé à notre parc de brûler plusieurs voitures. Si comme on s'y attend nous allons jusqu'à Wilna, j'ai bien peur que nous n'en ramenions guères, et que notre parc ne se trouve à peu près réduit aux voitures que nous fûmes forcés de laisser à notre premier passage dans cette ville. Enfin, il aura, au moins, rempli sa destination pendant toute la campagne, et s'il faut le recréer entièrement il aura cela de commun avec beaucoup d'autres, car je ne crois pas que l'artillerie s'en tire beaucoup mieux que nous. La cavalerie est presque toute à pied: il n'y a pas cent hommes montés par régiment. J'ai vu hier le G-al Dejeau, fort bien portant; et j'ai eu il y a peu de jours, des nouvelles de votre cousin du 6-e de Cuirassiers, qui se portait fort bien aussi.

Smolensk offrait quelques ressources; mois vous juges qu'elles ne peuvent suffir longtems à une armée aussi affamée. Aussi je pense que nous n'y ferons pas long séjour. Je présume que le quartier Général se portera à Wilna et que les troupes seront dispersées dans la Lithouanie. Les Russes ne doivent être guères moins fatigués ni moins affamés que nous; ce qui nous permettra sans doute d'étendre un peu nos quartiers d'hyver, chose indispensable pour pouvoir subsister.

Je puis vous assurer, mon cher Decaux, que cette campagne ci a été furieusement dure, tous ceux qui reviennent d'Espagne assurent que ce sont des roses en comparaison.

№ 16. Отъ г-на Лористона къ его женѣ.

„Не сѣтуй, любезный другъ, на издержки; мы съ Огюстомъ счастливѣе всѣхъ, въ отношеніи лошадей и экипажей; въ этомъ столь славномъ походѣ, столь поспѣшномъ и во время котораго приходится забираться такъ далеко, невозможно не загонять множества лошадей. Когда императору нечего уже было дѣлать въ Россіи, онъ пожелалъ сосредоточить свои арміи, и если непріятель не пожелаетъ мира, мы будемъ въ состояніи заставить его дорого заплатить за свое упорство".

Du G-al Lauriston à sa femme.

. . . . Ne crie pas à la dépense, chère amie, nous sommes Auguste et moi les plus heureux pour les chevaux et les voitures, dans une campagne

aussi glorieuse, aussi précipitée et dans laquelle on pénétre si loin, il est impossible de ne pas crever beaucoup de chevaux. N'ayant plus rien à faire en Russie, l'Empereur a voulu réunir ses armées, et si l'ennemi ne veut pas la paix, nous serons à même de lui faire payer cher son obstination.

Оптимистическое письмо Лористона вызываетъ слѣдующее замѣчаніе, приписанное по-французски неизвѣстной рукой.

№ 17.

„Наше упорство лишаетъ васъ возможности сдержать свое слово. Походъ вашъ былъ очень тороппивъ, а отступленіе ваше и того больше. Что вы выиграли, добравшись до Москвы, и чего только не потеряли при отступленіи. Но вы воображаете, что походъ вашъ былъ славенъ. Варвары, опустошившіе Римъ, тоже, вѣроятно, гордились своими подвигами. Истинная слава принадлежитъ Русскому народу, сумѣвшему уничтожить васъ и завоевать свою независимость".

Notre obstination vous met dans l'impossibilité de tenir parole. Votre campagne a été précipitée mais votre retraite l'est bien davantage. Qu'avez vous gagné à vous avancer jusqu' à Moscou et que n'avez vous pas perdu en vous retirant. Vous vous figurez que votre campagne est glorieuse, les barbares qui ont saccagé l'ancienne Rome, se glorifiaient probablement tout de même de leurs exploits. La véritable Gloire est à la Nation Russe qui a su vous extirper, et conquérir son indépendance.

Самъ Наполеонъ находился въ аналогичномъ состояніи. Письмо къ императрицѣ изъ Смоленска также выдаетъ его грустное настроеніе.

№ 18.

„Любезный другъ. Ты видишь, что мы уже на много шаговъ приблизились другъ къ другу. Я отправляю младшаго Монтескью въ Парижъ. Погода холодная, отъ 4 до 5 градусовъ, земля покрыта снѣгомъ. Здоровье мое въ порядкѣ, помню я о тебѣ. За счастіе почту увидѣться съ тобою въ скоромъ времени, ты въ этомъ не сомнѣваешься, потому что знаешь, сколь нѣжно я тебя люблю. Поцѣлуй моего сына. Смоленскъ $\frac{\text{11-го ноября.}}{\text{30 октября.}}$

Lettre de l'Emp-r Napoléon à l'Impératrice.

Ma bonne amie. Tu vois que nous nous sommes rapprochés de bien des pas. J'expedie le petit Montesquiou—à Paris. Le temps est froid 4 à 5 degrés, la terre couverte de neige. Ma santé bonne, je pense à Toi. Je tiendrais à bonheur de te voir bientôt tu n'en doutes pas car tu sais combien je t'aime tendrement. Embrasse mon fils. Smolensk le 11 Novembre. N.

V. Документы о недостаткѣ лошадей во французской арміи.

На-ряду съ страданіями отъ морозовъ и голода французы особенно страдали также отъ недостатка лошадей. „Лошадей! Лошадей и еще лошадей"—восклицаетъ Наполеонъ въ своемъ письмѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ герцогу де-Бассано.

№ 1. Письмо герцогу Бассано [1]).

„Г-нъ герцогъ де-Бассано! Прибыло сразу четыре эстафеты, такъ что я получилъ всѣ ваши письма до 7 числа. Я очень доволенъ, что вы призвали въ Ковно 34-ю дивизію. Важнѣе всего, чтобы она тамъ хорошо продовольствовалась. Генералъ Луазонъ сообщаетъ о закупкѣ имъ 600 лошадей для его артиллеріи, и что тотъ же продавецъ предложилъ продать ему еще 10.000 лошадей. Пошлите это предложеніе къ генералу Бурсье съ тѣмъ, чтобы онъ устроилъ эту покупку, если найдетъ это нужнымъ. Скажите генералу Бурсье, что необходимо, чтобы онъ прибавилъ къ сторгованнымъ имъ лошадямъ еще 6.000 для всѣхъ родовъ оружія и 6.000 лошадей для артиллеріи и военнаго обоза. Мы ежедневно несемъ значительныя потери благодаря морозамъ и холоднымъ ночамъ. Мнѣ нѣтъ надобности разъяснять Вамъ всю важность этихъ закупокъ. Генералъ Бурсье долженъ купить до 30.000 лошадей, а если можетъ, и болѣе. Предѣломъ будетъ то количество лошадей хорошаго качества, которое окажется возможнымъ достать. Лошадей! Лошадей и еще лошадей! все равно кирасирскихъ, драгунскихъ, для легкой кавалеріи, артиллеріи, или военнаго обоза. Въ этомъ мы больше всего нуждаемся. 10.000 человѣкъ пѣшей кавалеріи будутъ вскорѣ отправлены въ Минскъ. Надо, чтобы генералъ Бурсье направилъ ихъ на Кенигсбергъ и Варшаву, въ зависимости отъ того, гдѣ могутъ найтись лошади. Постарайтесь, чтобы не было никакихъ задержекъ, ни замедленій. Напишите князю Шварценбергу, чтобы онъ ускорилъ свое движеніе и растолкуйте ему важность онаго. Ко мнѣ пріѣхалъ адъютантъ герцога Беллюнскаго, разставшійся съ нимъ 9 числа. Я послалъ ему положительныя приказанія. Затѣмъ молю Бога оградить Васъ своимъ святымъ покровомъ. Смоленскъ $\frac{11 \text{ ноября}}{30 \text{ октября.}}$ 1812 г."

Подписано: Наполеонъ.

---

[1]) Маре (Hugnes-Bernard Maret, 1763—1839), герцогъ Бассано до революціи былъ адвокатомъ, а затѣмъ, состоя посланникомъ въ Неаполѣ, былъ захваченъ австрійцами въ плѣнъ; въ 1811 году назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и получилъ титулъ герцога Бассано. *Н. З.*

Lettre de l'Empereur Napoléon au Duc de Bassano.

M-r le Duc de Bassano. Quatre Estafettes me sont arrivées à la fois; ainsi j'ai toutes vos lettres jusqu'au 7. J'approuve que vous ayez fait venir la 34-me Division à Kowno. Le principal est qu'elle y soit bien nourrie. Le G-al Leison mande qu'il a fait des marchés pour 600 chevaux pour son artillerie et que le même marchand lui propose des marches pour 10000 autres chevaux. Envoyez cette proposition au G-al Bourcier, pour qu'il passe ce marché, s'il le juge convenable. Dites au G-al Bourcier qu'il est nécessaire qu'il augmente ses commandes de 6000 chevaux de toutes armes et de 6000 chevaux d'artillerie et de transports militaires. Tous les jours nous faisons des pertes considérables par les gélées et par le froid des nuits. Je n'ai pas besoin de Vous faire comprendre l'importance de ces achats. Le G-al Bourcier doit aller haut la main jusqu' à une trentaine de mille et peut-être au-delà. Sa limite doit être qu'il est possible de se procurer en bonne qualité. Des chevaux, des chevaux! et des chevaux! Soit de Cuirassiers, soit de dragons, soit de Cavalerie légère, soit d'artillerie et d'equipages militaires. C'est là le plus grand de tous nos besoins. 10000 hommes de cavalerie à pied vont être dirigés bientôt sur Minskl, il faudra que le G-al Bourcier les dirige sur Koenigsberg et Varsovie, selon les lieux où il doit avoir des chevaux. Veillez à ce qu'il n'y ait aucun délai ni retard. Ecrivez au P-ce Schwartzenberg qu'il hate son mouvement et faites lui en sentir l'importance. J'ai reçu un aide de camp du Duc de Bellune, qui l'avait quitté le 9. Je lui ai envoyé des ordres positifs. Sur ce je prie Dieu qu'il vous ait en sa sainte garde. Smolensk le 11 Novembre 1812. Signé Napoléon.

Еще сильнѣе выражена эта потребность въ письмѣ прусскаго генерала Тильмана [1]) отъ $\frac{\text{10 ноября}}{\text{29 октября}}$ къ генералу Вальцдорфу:

№ 2.

„Вынужденъ диктовать свое письмо къ вамъ, по причинѣ совершеннаго разстройства моего здоровья вслѣдствіе жестокихъ трудовъ. Оба имѣющіеся у меня здѣсь полка почти совершенно спѣшены, и я положительно утверждаю, что черезъ нѣсколько дней не будетъ уже ни одной лошади. Несмотря на это, увѣряютъ, что полки эти могутъ быть здѣсь снова ремонтированы, хотя очевидно, что утрата обозовъ и потери людьми дѣлаютъ осуществленіе этого невозможнымъ. Сіе побудило меня обратиться къ принцу Невшательскому съ оффиціальнымъ запросомъ, объясняя ему, что общая выгода обоихъ Государей требуетъ предоставленія королю способовъ облегчить для него выполненіе обязательствъ его, какъ союзника, и что при нынѣшнемъ положеніи нашемъ единственнымъ къ тому способомъ будетъ отправленіе сихъ двухъ полковъ въ какое-нибудь депо для переформированія ихъ, послѣ чего я берусь доставить 2 Саксон-

---

[1]) Генералъ Тильманъ (1765—1824) въ 1813 году, когда саксонскія войска продолжали еще дѣйствовать съ Наполеономъ противъ союзниковъ, не желая служить для угнетенія своей родины, перешелъ на русскую службу генералъ-лейтенантомъ и поступилъ снова въ прусскую армію уже по взятіи Парижа. *Н. З.*

скихъ кирасирскихъ полка къ концу будущаго мая мѣсяца на берега Буга или Нѣмана. Гвардейскіе кирасиры, находящіеся въ пути, облегчаютъ сіе дѣло, потому что можно будетъ слить полки—лейбъ-гвардейскій и Застрова—и составить изъ нихъ одинъ полкъ, который при усиленной дѣятельности можетъ быть обученъ и обмундированъ между 1 февраля и 15 апрѣля. Вотъ содержаніе моей просьбы, которая не понравилась принцу Невшательскому. Но генералъ де-Нарбоннъ, изъ любезности ко мнѣ, доложилъ объ этомъ самому Императору. Его Величество нашелъ мое мнѣніе справедливымъ, и я надѣюсь получить вскорѣ приказъ возвратиться".

Lettre du G-al Saxon Tillman au G-al Watsdorff le 10 Nov.

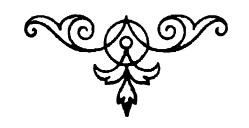
Je dois vous dicter ma lettre, aujourd' hui ma santé étant entièrement dérangée par les fatigues. Les deux régiments que j'ai ici sont presque absolument à pied, et je puis positivement affirmer que dans peu de jours il n'existera plus un seul cheval. Néanmoins, on avance que ces régiments peuvent être remontés ici, quoiqu'il sois clair que la perte de tous les équipages de même que la perte en hommes rend la chose impossible.

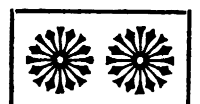
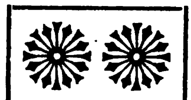
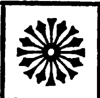
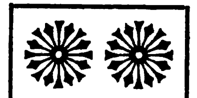
Cela me décida à faire une démarche officielle auprés du P-ce de Neuchatel lui représentant que l'intérêt commun des deux Souverains était que le Roi put avoir facilité pour remplir ses engagements d'alliés, et que dans notre position actuelle le seul moyen était de renvoyer les deux régiments dans quelque dépôt p-r les y réorganiser et que je me faisais fort de ramener les deux reg-ts de Cuirassiers Saxons vers la fin du mois de Mai prochain sur les rives du Bug on du Nieman. Les Cuirassiers de la garde qui sont en marche rendent la chose plus facile puisqu' alors on peut amalanager les régiments des gardes du corps et de Zastrow, et en faire un régiment qui avec une grande activité pourra être exercé et équipé depuis le 1-er Février jusqu'au 15 Avril.

Tel est le contenu de ma démarche qui n'a pas plu au P-ce de Neuchatel. Mais M-r de Narbonne m'a fait l'amitié d'en parler directement à l'Emp-r. Sa Majesté trouva mon opinion juste et j'espère biontôt d'obtenir l'ordre de retourner.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Война за независимость славянъ[1]

въ 1877—1878 гг.

Посмертныя записки генерала-отъ-инфантеріи П. Д. Зотова.

IX.

Тотлебенъ.—Назначеніе Скобелева командующимъ 16 дивизіей.—Отправленіе парламентера къ Осману-пашѣ.—Дѣло 10 сентября.—Жалобы на интендантство. — Пріемъ, оказанный нашему парламентеру.—Планъ обложенія Плевны.—Нужды арміи.—Шнитниковъ.—Характиристика Скобелева.

Мѣстность здѣшняя скоро распускается отъ дождей, но за то и сохнетъ чрезвычайно быстро, два солнечныхъ дня, и грязь исчезла.

Завтра пріѣзжаетъ великій князь съ Тотлебеномъ.

18 сентября. Поѣхали навстрѣчу великаго князя; жеребецъ Имеретинскаго лягнулъ Померанцова въ ногу такъ сильно, что бѣднаго должны были снять съ лошади и отвезти въ экипажѣ въ его палатку.—Есть на свѣтѣ счастливцы, для которыхъ судьба не скупится на угодливость.—*Скобелевъ* просилъ меня устроить для него командованіе частей, говорилъ, что тяготится неопредѣленнымъ положеніемъ и временными назначеніями.—Я просилъ великаго князя, и его назначили командующимъ 16 дивизіи, такъ какъ Померанцевъ временно командовалъ 4-мъ корпусомъ.—Жеребецъ Имеретинскаго, какъ орудіе судьбы, устраиваетъ дѣло такъ, что Скобелевъ будетъ утвержденъ въ званіи начальника 16 дивизіи.

Дѣло выясняется: *Тотлебенъ* будетъ назначенъ помощникомъ принца, Имеретинскій начальникомъ штаба, я возвращаюсь къ корпусу; чтобы позолотить пилюлю, великій князь привезъ мнѣ Але-

---

[1]) См. „Русская Старина“, май 1907 г.

ксандровскую звѣзду за 19 августа; а Новицкій произведенъ въ генералы.

Великій князь приказалъ написать къ Осману письмо, предложить ему принять лично парламентера; предлогъ—для переговоровъ уборка почти уже разложившихся труповъ, валяющихся между Румынскими траншеями и редутомъ № 2.—Но кажется, тутъ опять что-то затѣвается.—*Непокойчицкій* говоритъ такимъ тономъ „конечно, ни о чемъ болѣе переговоровъ не будетъ“,—что нужно подозрѣвать заднюю мысль. И зачѣмъ посылаютъ парламентеромъ *Макъева* (драгоманъ великаго князя, бывшій нашъ консулъ, кажется, въ Смирнѣ), который похваляется своими пріятельскими отношеніями къ Осману,—вѣдь вопросъ объ уборкѣ тѣлъ можетъ быть покончевъ и письменно.—Темные слухи проникаютъ о новомъ предположеніи подкупить.—Въ принципѣ тутъ конечно нѣтъ ничего предосудительнаго; ежели пруссаки подкупили Базена, почему и намъ не прибѣгнуть къ этому способу.—Да въ нынѣшнемъ вѣкѣ и вообще слѣдовало бы войну замѣнить подкупомъ непріятельскихъ министровъ и военачальниковъ, гораздо бы дешевле стоило.—Намъ, напримѣръ, каждый мѣсяцъ войны, кромѣ обыкновенныхъ расходовъ по военному бюджету, обходится конечно не менѣе 50.000.000 звонкою монетою;—полгода войны будетъ стоить 300.000.000, кромѣ потери въ людяхъ, остановки въ торговлѣ и промышленности и проч. и проч. Ежели бы вмѣсто начала войны, пожертвовали 100.000.000 на подкупъ турецкихъ государственныхъ людей, то много вѣроятности, что восточный вопросъ могъ быть разрѣшенъ безъ всякаго кровопролитія. Но путь подкупа Османа чрезъ парламентера мнѣ кажется нераціональнымъ; тутъ нужно найти проходъ какъ-нибудь съ задняго двора. Татищевъ сочинилъ и переписалъ письмо къ Осману, и завтра его отвезетъ.

19 сентября. Татищева продержали на турецкихъ аванпостахъ часа три, пока привезли отвѣтъ Османа.—Видно, что послѣ газетныхъ толковъ о подкупѣ русскими Никопольскаго коменданта Гассана-паши, турецкіе паши сдѣлались подозрительны и осторожны.—Османъ откладываетъ на цѣлый день пріемъ парламентера и желаетъ предварительно знать сюжетъ переговоровъ.

20 сентября. Сегодня былъ объѣздъ позицій съ Тотлебеномъ и завтракъ у Румынъ.

Не могу не занести въ дневникъ всеобщій разсказъ о судѣ надъ дѣломъ 10 сентября.—*Бенкендорфъ* и *Скарятинъ*, отправившіеся къ Крылову ближайшей дорогой чрезъ Боготъ и Медованъ, наткнулись на Лошкарева на его бивуакѣ, у Ловчинскаго шоссе; такъ какъ *Крыловъ* очистилъ Д. Дубнякъ, и связь Лошкарева съ лѣвымъ берегомъ

Вида прекратились, то они остались у Лошкарева ночевать, поужинали, и подъ вліяніемъ слышаннаго отъ Лошкарева, доложили великому князю, по возвращеніи, что Лошкаревъ дѣйствовалъ смѣло, рѣшительно, и ежели бы Крыловъ поддержалъ его усилія, то дѣло было бы выиграно, и транспортъ, вмѣсто того, чтобы попасть въ Плевну, достался бы въ наши руки;—но такъ какъ Крыловъ дѣйствовалъ нерѣшительно, а между тѣмъ турки двинули пѣхоту по правому берегу Вида, чрезъ Трнинъ на Медованъ, то Лошкаревъ, чтобы не быть отрѣзаннымъ, долженъ былъ поторопиться отступленіемъ. Два Дерфельдена точно также переночевали у Крылова въ Самаретъ-Тростникѣ и, прослушавъ его разсказъ, доложили великому князю, что Крыловъ сдѣлалъ свое дѣло безукоризненно хорошо, но что Лошкаревъ испортилъ его нерѣшительностью своею и раннимъ отступленіемъ. Кому же вѣрить? На вѣсахъ правосудія на каждой чашкѣ по два довѣренныхъ голоса;—является заинтересованное лицо Тутолминъ, тоже лице вполнѣ довѣренное, который утверждаетъ, что онъ со своей бригадою въ теченіе цѣлаго дня держалъ транспортъ на мѣстѣ подъ ударомъ, но такъ какъ у насъ пѣхоты не было, а у непріятеля она была (у насъ было три полка драгунъ и 25 сотенъ казаковъ, вѣрнѣе могло быть), то кавалерія болѣе этого сдѣлать не могла.

Рѣшеніе: Крыловъ правъ, а Лошкаревъ виноватъ.—Крыловъ получаетъ назначеніе состоять при его высочествѣ, по званію Инспектора кавалеріи,—мѣсто, о которомъ онъ бредилъ и во снѣ и на-яву.—Вознагражденіе далеко не по заслугамъ;—въ Пруссіи начальника кавалеріи за дѣло 10 сентября вѣроятно предали бы суду, да и турки тоже бы сдѣлали.

Жалобы на Интенданство не умолкаютъ: съ 13 числа вотъ уже недѣля, какъ войска опредѣленной чарки водки не получаютъ, по неподвозкѣ спирта, а привезли напримѣръ нѣсколько боченковъ гипса, для будущихъ повязокъ, но привезли въ незакупоренныхъ боченкахъ, такъ что гипсъ отсырѣлъ и къ употребленію не годенъ.

На счетъ печенаго хлѣба, обѣщаннаго агентомъ Товарищества Кузминымъ, вышелъ вотъ какой казусъ.—Болѣе мѣсяца тому назадъ я ему далъ саперовъ для постройки въ Роденицѣ хлѣбопекарныхъ печей и назначилъ къ печамъ хлѣбопековъ отъ полковъ 4-го корпуса.—Что же оказывается.—Въ 37 устроенныхъ печахъ выпекается ежедневно около 200 пудовъ хлѣба, а на корпусъ нужно около 1.500 пудовъ,—да и тѣ 200 пудовъ разбирались частою конвоемъ главной квартиры, стоявшей въ Роденицѣ, частью конвоемъ государевой квартиры и принца Карла въ Порадимѣ—сколько же изъ остат-

ковъ могло достаться полкамъ 4-го корпуса, которымъ хлѣбопеки работали.

На завтракѣ у Румынъ присутствовалъ *Донъ-Карлосъ*;—говорятъ, что онъ просилъ въ командованіе отрядъ нашихъ войскъ, но, получивъ отказъ, пристроился къ Румынской главной квартирѣ.

21 сентября. Для пріема парламентера разбили палатку за цѣпью турецкихъ аванпостовъ, поставили мягкую мебель, угощеніе, кофе и отличныя папиросы.

Османъ-паша самъ не выѣхалъ, сказался больнымъ и выслалъ для переговоровъ начальника штаба своего Тефикъ-Бея съ двумя ассистентами, изъ которыхъ одинъ былъ адъютантъ военнаго министра, оффиціальный разговоръ шелъ исключительно на турецкомъ языкѣ.—Османъ прислалъ записку, гдѣ извинялся болѣзнью и поручалъ передать его чувства благоговѣйнаго высокопочитанія великому князю и почтительный поклонъ знакомцу своему Макѣеву.—Такъ какъ тайная цѣль переговоровъ (Макѣевъ, впрочемъ не секретничалъ и давалъ понять, что Османа можно купить за милліонъ серебряныхъ рублей, такъ какъ у него долговъ 2.000.000 франковъ), не удалась, то естественно, что разговоръ шелъ о правилахъ для уборки раненыхъ и убитыхъ на будущее время, при чемъ постановлено, чтобы съ окончаніемъ дѣла, выкидывался бѣлый флагъ, опредѣлялась по взаимному соглашенію демаркаціонная линія, на которой будетъ производиться обмѣнъ раненыхъ и тѣлъ убитыхъ, что же касается до примѣненія этого правила теперь же относительно труповъ, лежащихъ между Румынскими траншеями и редутомъ № 2-й, то турки не соглашались подъ предлогомъ, что Румыны слишкомъ близко подошли къ ихъ траншеямъ и могутъ высмотрѣть направленіе ихъ укрѣпленій, тогда какъ для нихъ, Турокъ, всѣ работы Румынъ, производящіяся на мѣстности имъ вполнѣ знакомой, совершенно извѣстны.—Они предлагали сами зарыть трупы, или ежели хотятъ Румыны хоронить убитыхъ по обряду церкви, то передать трупы въ ихъ траншеи. На упрекъ Татищева, что не хотѣли принять Румынскихъ парламентеровъ, Тефикъ-Бей отвѣчалъ, что они Румынъ не знаютъ, а воюютъ съ русскими, но слышали, что въ русской арміи есть нѣсколько батальоновъ Валаховъ.

Еще былъ эпизодъ: хотя приказано было батареямъ не стрѣлять въ томъ направленіи, гдѣ стояла парламентерская палатка, но храбрые Румыны не выдержали и пустили туда нѣсколько гранатъ. —*Татищевъ* считалъ долгомъ извиниться въ этомъ недоразумѣніи, но Тефикъ-бей съ лукавою улыбкою отвѣчалъ:

— Ce n'est rien, d'ailleurs ce sont les votres qui tirent sur Vous.

Всѣ разговоры, по словамъ Татищева, отличались крайнею чинностью и самою утонченною вѣжливостью.

Великій князь былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что Османъ-паша самъ не выѣхалъ для переговоровъ и приказалъ снова ему написать, что его высочество требуетъ, чтобы онъ завтра выслалъ вновь парламентера въ Гривицу для продолженія переговоровъ.—Я позволилъ себѣ доложить великому князю, что требованіе должно повлечь за собою возмездіе за неисполненіе, чего мы сдѣлать не можемъ; упиралъ и на то, что наше положеніе будетъ конфузно, такъ какъ мы не можемъ устроить той обстановки для свиданія, которую устроили турки—великій князь настаивалъ на своемъ, я подумалъ, что утро вечера мудренѣе и велѣлъ Татищеву заготовить два письма, одно согласно желанію великаго князя; а другое—только съ выраженіемъ удивленія великаго князя, что Османъ лично не пріѣхалъ, тогда какъ его высочество въ Горномъ Студнѣ лично принималъ парламентера, присланнаго отъ Мегмета-Али и съ предложеніемъ распространить правила, принятыя въ принципѣ на будущее время, въ настоящемъ случаѣ для уборки труповъ противъ редута № 2-й.

Кстати, Румыны обращаются самымъ безжалостнымъ и безцеремоннымъ образомъ съ двумя ротами, ассигнованными имъ въ Гривицкій редутъ для поддержанія ихъ храбрости.—*Бѣлокопытовъ* сообщаетъ, что эти роты сажаютъ въ траншеи противъ угла, который повернутъ къ редуту № 2, и противъ котораго валяются разлагающіеся трупы; траншеи эти такъ мелки, что люди все время должны сидѣть скорчившись.—Въ 2 недѣли эти роты, перемѣняющіяся ежедневно, потеряли уже 2 офицеровъ и 81 нижнихъ чиновъ. Сами же Румыны стоятъ въ резервѣ, въ редутѣ.—Главнокомандующій прочиталъ это заявленіе, но оставилъ безъ вниманія:—мы все рыцарствуемъ, снисходимъ ко всѣмъ, а потому съ нами всѣ и позволяютъ себѣ дѣлать, что хотятъ;—вѣдь это оскорбительно.

22 сентября. Погода опять испортилась; съ ночи начался настоящій осенній, безконечный дождь.—Великій князь согласился парламентера отъ турокъ не требовать, а кончить вопросъ, относительно румынскихъ труповъ, письменно.

У него въ палаткѣ было засѣданіе: принцъ *Карлъ*, *Тотлебенъ*, *Непокойчицкій*, *Гурко*, *Имеретинскій* и я.—Разсуждали о способѣ дѣйствія противъ Плевны.—Тотлебенъ мнѣнія не высказываетъ, говоритъ, что еще не достаточно ознакомился съ мѣстностью;—Гурко будетъ командовать всею кавалеріею и пѣхотою на лѣвомъ берегу Вида.—Проситъ гвардейскую кавалерію, но великій князь не даетъ, говоритъ, что нужно ее сберечь для будущихъ дѣйствій

за Балканами, а чтобы она не застоялась, то дѣлать военныя прогулки чрезъ Тырново и Ловчу и знакомить ее съ мѣстностью.— Въ сущности ничѣмъ не кончили, только поговорили.

23 сентября. Отдавъ приказъ о новыхъ назначеніяхъ, великій князь уѣхалъ,—я перехожу къ обязанностямъ чернорабочаго.

24 сентября. Тотлебенъ собираетъ на совѣщаніе и объявляетъ, что, хотя предполагали, что онъ по прибытіи приступитъ къ осаднымъ работамъ, но онъ вполнѣ согласенъ съ нашимъ общимъ взглядомъ, что осада дѣло не подходящее, а что, по прибытіи всѣхъ обѣщанныхъ подкрѣпленій, нужно тѣснѣе обложить Плевну и усилить бомбардировку, для чего прибудетъ еще 24 осадныхъ орудія, въ томъ числѣ и мортиры, которыхъ мнѣ не давали.—Значитъ, въ сущности все дѣло остается въ прежнемъ видѣ, кромѣ новаго назначенія начальствующихъ лицъ—и представленія тѣхъ средствъ, которыхъ мнѣ не давали.—Обѣщана вся гвардія, а затѣмъ и гренадеры, т. е. будетъ прибавлено къ 61 батальону еще 77 батальоновъ, вооруженныхъ берданками и имѣющихъ одни 9 ф. батареи; осадная артиллерія будетъ удвоена; для работъ пришлется цѣлый инженерный паркъ, и сверхъ того въ Румыніи заказано 20.000 лопатъ,—но планъ остается тотъ же, мною предложенный, т. е. полное обложеніе, соединенное съ бомбардировкою и дѣйствіемъ на сообщеніе.

Инженерный вопросъ начинаетъ становиться на первый планъ; приказано строить новыя укрѣпленія и при томъ весьма сильныхъ профилей, бруствера въ 18 футовъ толщиною, траншеи всѣ передѣлать такъ, чтобы внутренняя сторона была срѣзана нанѣтомъ, а гласисъ спущенъ также нанѣтомъ; войскамъ дѣлать репетиціи занятія траншей по тревогѣ;—все дѣлается по образцу севастопольскихъ воспоминаній, хотя отъ непріятеля нашего нельзя ожидать особой предпріимчивости; — характеръ дѣйствій строго оборонительный.

25 сентября. Сегодня прощался съ принцемъ, онъ нѣсколько сконфуженъ, вѣроятно въ самомъ дѣлѣ заявлялъ о недостаткѣ съ моей стороны придворной вѣжливости, но не думаю, чтобы Тотлебенъ оказывалъ ее больше. Тотлебенъ, нося званіе помощника, отдаетъ приказы отъ своего имени.

26 сентября, въ Порадимъ прибыли 3-я гвардейская дивизія и стрѣлковая бригада, *Философовъ* (ком. 1 бр. 3 гвардейской дивизіи) разсказываетъ слѣдующій знаменательный фактъ.

Одну изъ дивизій корпуса *Раля* направили въ Кіевскій округъ, такъ что у него осталась одна дивизія, а у Меллера-Закомельскаго три. *Раль* оскорбился и обратился съ просьбою къ Гейдену, кото-

рый и порѣшилъ прикомандировать къ его корпусу отъ Меллера-Закомельскаго дивизію Саранчева, но какъ сказано въ предписаніи *„чтобы объ этомъ никому не объявлять“*. Чудны дѣла твои, Господи.

Погода съ 22 сентября стоитъ отвратительная, постоянные дожди въ перемежку со снѣгомъ и сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, лошади на коновязяхъ дрожатъ, люди ночью не спятъ по невозможности согрѣться, число ежедневно заболѣвающихъ перевалило за 200.

27 сентября. Опять жалобы отъ войскъ, что нѣтъ ни сухарей, ни спирту. *Аренсъ* телеграфируетъ, что завтра прибудетъ транспортъ съ 12.000 п. сухарей и 1.000 ведеръ спирту; но на долго ли это хватитъ на 35.000 людей. Мы живемъ совершенно согласно молитвѣ Господней, со дня на день; отпустятъ сухарей на одинъ или два дня и опять два дня нѣтъ. А какъ бы хорошо можно было обезпечить довольствіе арміи въ богатой Болгаріи, ежели бы по переходѣ черезъ Дунай, устроили правильную реквизицію, но объ этомъ не подумали со дня переправы; есть при главномъ Штабѣ арміи гг. губернаторы адріанопольскіе, филиппопольскіе и т. д., которые съ того дня уже и содержаніе получаютъ. За сѣномъ войска посылаютъ верстъ за 50 и уже встрѣчаютъ затрудненія.

Землянки, построенныя на скорую руку, крайне плохи, промокаютъ, такъ что люди валяются въ грязи, да и проваливаются, кустарникъ и деревья исчезаютъ съ удивительною быстротою, мѣстность уже нельзя узнавать и не далеко то время, когда и за лѣсомъ придется посылать за десятки верстъ.

Къ заказаннымъ въ Румыніи лопатамъ приказано въ войскахъ заготовить ручки; на каждый полкъ данъ нарядъ по 500 штукъ.

Жизнь въ палаткѣ становится невыносимою, и я завтра перебираюсь въ Тученицу.

28 сентября. 1-я и 3-я гв. дивизіи и стрѣлковая бригада двигаются, подъ начальствомъ Воронцова-Дашкова на Видъ, а для разработки имъ дороги, направляется въ Карасулъ батальонъ Серпуховскаго полка съ ротою саперъ.

На требованіе о присылкѣ сапогъ, *Аренсъ* отвѣчаетъ, что запаса сапогъ нѣтъ; полки выписываютъ сапожный товаръ на экономическія суммы и поправляютъ обувь; безпрерывно встрѣчаются люди почти босые.

Чернатъ съ Лигницемъ и Пилодомъ подошли траншеями къ редуту № 32, на 39 метровъ, но на штурмъ не рѣшаются.

Мы все время существовали безъ транспортовъ, а двумъ гвардейскимъ дивизіямъ сейчасъ же дали 1.500 подводъ, отчего такая

несправедливость; развѣ въ арміи не тотъ же русскій солдатъ, нуждающійся во всемъ одинаково съ гвардейцемъ?

Получено донесеніе, что турки строятъ мостъ въ Силистріи и уже переправили на лѣвый берегъ 1.000 человѣкъ, которые и укрѣпились; поздно за умъ взялись, нужно это было сдѣлать гораздо раньше, напримѣръ, въ концѣ іюля и началѣ августа, когда наше положеніе было жутко.

29 сентября Тученица. Дѣятельность новаго начальства проявляется въ требованіи разныхъ свѣдѣній, ежедневныхъ, двухдневныхъ, трехдневныхъ и т. д.; какъ трудно выполнить подобныя требованія, когда адъютанты и писаря должны работать съ окоченѣлыми пальцами въ палаткахъ, черезъ которыя льетъ дождикъ, какъ сквозь рѣшето. На это положеніе Имеретинскій жаловался, когда командовалъ дивизіей, а теперь требуетъ и знать не хочетъ препятствій.

Тотлебенъ требуетъ въ возведенныхъ люнетахъ устроить горжи и обратить ихъ въ редуты, онъ вѣрно позабылъ результатъ горжи, устроенной имъ въ укрѣпленіи на Малаховомъ курганѣ, вслѣдствіе чего мы не могли отнять назадъ отъ французовъ, занятое укрѣпленіе. Вообще Тотлебенъ все опасается атаки со стороны турокъ; а этого слѣдовало бы желать. Да врядъ ли турки и помышляютъ объ атакѣ; они очень хорошо понимаютъ предстоящую имъ грозу и стараются запастись всѣмъ необходимымъ; ежедневно видно съ нашихъ позицій, что транспорты прибываютъ въ Плевну изъ-за Вида, гдѣ наша кавалерія ограничивается однимъ наблюденіемъ.

Воронцовъ требуетъ, чтобы гвардейскіе обозы поставить у Богота и дать имъ прикрытіе отъ 16 дивизіи, разумѣется, отказалъ въ подобномъ странномъ требованіи.

Прибыла первая партія въ 4-й корпусъ (около 400 человѣкъ), назначилъ въ 16 дивизію; Скобелевъ говоритъ, что прибыла почти безъ сапогъ.

Послѣднія двѣ ночи были для войскъ на бивуакахъ вполнѣ ужасны. Бѣлокопытовъ доноситъ, что въ двѣ ночи пало во 2-й артиллерійской бригадѣ 74 артиллерійскія лошади, а въ полкахъ 20 подъемныхъ; три солдата найдены утромъ замерзшими, а трехъ убило развалившимися землянками.

30 сентября. Погода начинаетъ поправляться, проглянуло солнышко, обогрѣло и обсушило; всѣ ожили, повеселѣли. Имеретинскій оказывается хорошимъ канцелярскимъ чиновникомъ и болѣе ничего;—все пишетъ и пишетъ. Тотлебенъ безконечно самолюбивъ, не терпитъ чужого мнѣнія и каждое возраженіе принимаетъ за личное оскорбленіе; общая слабость одностороннихъ геніевъ, счи-

тающихъ себя всесторонними. Я напримѣръ предложилъ устранить редутъ, на бугрѣ противъ № 10, на оконечности лѣваго фланга, Тотлебенъ хотя съ этимъ и согласенъ, но велѣлъ строить не на вершинѣ, а на внутреннемъ скатѣ, такимъ образомъ впереди редута образуется большое мертвое пространство: мотивируется подобное распоряженіе тѣмъ, что турки, въ случаѣ атаки, будутъ поражены неожиданностью, поднявшись на бугоръ и открывъ съ него существованіе редута; но имъ останется всего 25 шаговъ, чтобы добѣжать до рва редута.

Несмотря на существованіе бригадныхъ командировъ и начальниковъ артиллеріи въ корпусахъ, учреждается новая инстанція начальника артиллеріи, стоящей на позиціи;—въ эту должность назначается полковникъ Л., имѣющій быть на дняхъ произведеннымъ въ генералы. Приказанія по инженерной части передаются прямо командирамъ саперныхъ батальоновъ, помимо командировъ корпусовъ и дивизіи, войска которыхъ стоятъ на позиціи.—Тотлебенъ говоритъ, что въ настоящее время весь успѣхъ военнаго дѣла зависитъ „отъ гармоничнаго сочетанія искусства инженернаго съ артиллерійскимъ“.

Утромъ въ 4 часа получается отъ Имеретинскаго приказаніе Тотлебена о нарядѣ рабочихъ; спрашивается, когда это приказаніе можетъ быть приведено въ исполненіе?—Вотъ образчикъ увлеченія спеціально канцелярскимъ дѣломъ безъ всякаго посторонняго соображенія.

1 октября. Двѣ гвардейскія дивизіи со стрѣлковою бригадою сосредоточены въ Эни и Эски-Баркачѣ, но чрезъ Видъ переходить не приказано, хотя подъ носомъ ихъ тянутся въ Плевно безконечные обозы;—съ Гурко сообщенія нѣтъ, и кавалерія его бездѣйствуетъ.

Телеграфомъ теперь снабдили: гвардія связана съ нами проволокой, вдоль позиціи также устроено телеграфное сообщеніе,—приказано въ разное время сутокъ производить залпы, чтобы морально потрясать непріятеля.

Начинаютъ прибывать подкрѣпленія партіями въ 200—300 человѣкъ, такъ что въ послѣдніе три дня прибыло 1.000 человѣкъ.—Одна изъ прибывшихъ партій разыскивала корпусъ подъ Рущукомъ и изъ Бѣлы уже направлена къ Плевно—это характеризуетъ существующій порядокъ въ направленіи къ арміи укомплектованія.—Еще замѣчательный фактъ: всѣ прибывающія партіи заявляютъ, что на послѣдніе три—четыре дня у нихъ не хватило порціонныхъ денегъ, и солдаты продовольствовались на собственныя средства. Удивительно, что при такихъ порядкахъ, мародерство проявляется толь-

ко въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, единичными случаями.- Что за великолѣпное, значитъ, созданіе, русскій солдатъ,—какъ твердо укрѣплена въ немъ отъ природы настоящая боевая военная дисциплина,—все онъ переноситъ безропотно и несетъ свою тяжелую безотрадную долю припѣваючи, сознавая необходимость и безвыходность изъ своего положенія.—Да, съ такимъ матеріаломъ, при разумномъ его направленіи, можно дѣйствительно дѣлать чудеса въ военномъ смыслѣ.

20 октября. Первый и неумолимый врагъ нашъ, интендантство, продолжаетъ насъ доѣдать: сапогъ, шинелей, фуфаекъ не даютъ—2-я дивизія опять была два дня безъ сухарей, а сегодня получила ихъ только на однѣ сутки.—Вотъ уже мѣсяцъ прошелъ, какъ дивизія въ 2-хъ дневномъ бою 30 и 31 августа была уничтожена и до сихъ поръ устроиться не можетъ;—полковыхъ и бригадныхъ командировъ нѣтъ; офицерами дивизія не пополнена, полки остаются въ однобатальонномъ составѣ. По словамъ новаго корпуснаго интенданта Палена, хлѣбъ, направляемый изъ Роденицы въ полки 4 корпуса, расхищается въ Порадимѣ Румынами, которые потомъ продаютъ его нашимъ солдатамъ по 25 коп. за 3 фунтовой хлѣбецъ.

Эвакуаціи больныхъ не производится; въ дивизіонныхъ лазаретахъ накопилось 130, 270—500 больныхъ, а всего 900 человѣкъ, вмѣсто положенныхъ 240; можно себѣ вообразить, какими удобствами и уходомъ больные пользуются.

Принцъ *Карлъ* прислалъ сегодня мнѣ Охотникова, съ вопросомъ: не извѣстно ли мнѣ что-нибудь о движеніи Османа съ 16.000 къ Никополю—это предполагаемое движеніе къ Никополю составляетъ, кажется, кошмаръ его румынскаго высочества;—поручилъ Охотникову успокоить принца, такъ какъ Османъ благодушествуетъ въ Плевно и запасается только провизіей, предвидя, что скоро будетъ окруженъ.

3 октября. Оба мои начальника дивизій, люди безспорно способные, но крайне неудобны, какъ подчиненные.—*Шнитниковъ* очень самолюбивъ, во всѣхъ случаяхъ желаетъ сохранить иниціативу за собою, вѣчно споритъ и хочетъ поставить на своемъ; считаетъ повидимому мѣсто начальника дивизіи ниже себя и мелочами заниматься не хочетъ; люди у него ходятъ безъ сапогъ и пища плохая, но онъ увѣренъ самъ и увѣряетъ другихъ, что это не такъ, что у него во всемъ полный порядокъ и исправность, все онъ приказалъ, всѣмъ распорядился.—О чемъ бы ни заговорили, оказывается, что все это имъ предвидѣно и уже было имъ говорено.—Духъ критики въ немъ страшно развитъ; но разсказать подробности своихъ

распоряженій 30 числа при атакѣ редута № 10, онъ не рѣшается, даже просто уклоняется и даетъ поводъ думать, что, какъ и разсказываютъ, распоряженій съ его стороны не было никакихъ,—а слѣдовательно на дѣлѣ онъ вовсе не такъ боекъ, какъ на словахъ.

Скобелевъ, какъ военный генералъ, стоитъ далеко выше Шнитникова и по распорядительности и по энергіи и по смѣлости.—Честолюбіе и самолюбіе въ немъ развиты до безконечности, до болѣзненности.—Чужого мнѣнія, хотя и полезнаго, не признаетъ.—Обидѣлся за то, что я приказалъ ему выдвинуть батарею для обстрѣливанія редута, вновь устраиваемаго на правомъ берегу Радишевскаго оврага, и только потому, что не самъ предложилъ эту мысль. Какъ человѣкъ не надеженъ, обманетъ, продастъ, оклевещетъ,—чтобы лучше самому обрисоваться.—Онъ что-то хитритъ и, кажется, стремится къ сепаратизму, уже уговорилъ меня 1-ю бригаду 16 дивизіи послать на отдыхъ въ Боготъ, теперь рѣчь заводитъ и о второй бригадѣ. Всѣми способами, дозволенными и недозволенными, стремится къ славѣ и къ пріобрѣтенію популярности. Кажется, въ моихъ отношеніяхъ съ нимъ повторяется извѣстная басня о крестьянинѣ и змѣѣ.

Турки продолжаютъ усиливать укрѣпленія на Ловчинскомъ шоссе и выдвигаютъ впередъ траншеи.

Скобелевъ все твердитъ о новомъ штурмѣ, съ юго-западной стороны, увѣряетъ, что по свѣдѣніямъ, имъ добытымъ, Османъ сдѣлалъ запасъ разнаго рода хлѣба въ 320.000. Съ такимъ запасомъ продовольствія онъ, конечно, можетъ выдержать блокаду 6 мѣсяцевъ и долѣе.—Не мало вѣроятія, что бы онъ могъ собрать такіе запасы. Мнѣ кажется, что, пользуясь приходомъ гвардіи, можно бы было попробовать усиленную рекогносцировку въ промежутокъ между Кришинскимъ редутомъ и Видомъ, ежели это пространство не заграждено укрѣпленіями, то можно было бы прорваться и вынудить Османа принять бой на мѣстности, не усиленной укрѣпленіями.—*Тотлебенъ* не соглашается ни со Скобелевымъ, ни со мною; онъ хочетъ достигнуть цѣли одною блокадою, безъ потери людей; конечно, это благоразумнѣе, но потребуетъ дольше времени, а Балканы скоро покроются снѣгомъ, и тогда переходъ черезъ нихъ будетъ стоитъ большихъ жертвъ.

Имѣлъ сегодня непріятное объясненіе съ Новицкимъ.—Человѣкъ очень способный, но лѣнивъ и мало работаетъ, заискиваетъ у сильныхъ міра сего и озлобленъ противъ меня за то, что я не представилъ его за 30 августа въ свиту Государя.—Судьба меня какъ нарочно все сталкиваетъ съ личностями честолюбивыми, интригую-

щими, а, слѣдовательно, по своимъ наклонностямъ, прямо мнѣ противоположными.

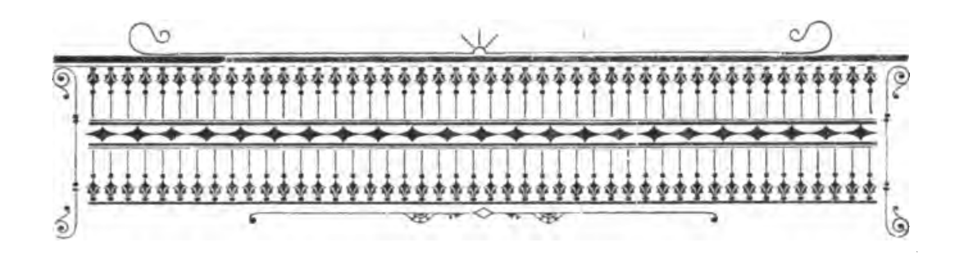
5 октября. Сегодня ѣздилъ съ Тотлебеномъ рекогносцировать Зеленую гору; турки не стрѣляли, изъ чего можно заключить, что на Кришинскомъ редутѣ нѣтъ артиллерійскаго вооруженія.—Тотлебенъ покуда не сдается на убѣжденія Скобелева и рѣшаетъ занять только Лысую гору.

Вслѣдствіе заявленнаго мною подозрѣнія, что Скобелевъ стрѣмится быть отдѣленнымъ отъ корпуса съ 16 дивизіей, Скобелевъ пришелъ со мною объясняться, при чемъ клялся, обнимался, цѣловался и увѣрялъ, что онъ ничего подобнаго не желалъ и не добивался.—Не вѣрю я людямъ, которые любятъ лобызаться.

П. Д. Зотовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ардаганскій отрядъ [1].

Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ.

Я лично отправился на излеченіе въ гор. Александрополь. Рана моя была опасная и требовала хорошаго ухода. На мое счастье я попалъ въ руки отличныхъ людей: молодого и очень талантливаго врача г-на Зоммера и сестры милосердія г-жи Лебедевой. Послѣ перенесенной жестокой лихорадки, я началъ быстро оправляться, но выходилъ изъ терпѣнія, что наружные разрывы кожи долго не заживаютъ. Въ первыхъ числахъ сентября я уже всталъ съ постели и дѣлалъ по Александрополю прогулки въ экипажѣ. Тутъ я, въ первый разъ, постигъ, какую важную роль, въ жизни боевой арміи, играетъ ея правильно и хорошо устроенный тылъ. Въ Александрополѣ же все носило на себѣ характеръ случайности и поспѣшности: хозяевъ было много, но единаго управленія и мощи не было. Съ чувствомъ благодарности и изумленія надо отнестись къ дѣятельности великой княгини Ольги Ѳедоровны: у нея все дѣлалось быстро, умѣло и въ должной мѣрѣ. Попасть въ госпиталь Краснаго Креста считалось большимъ счастьемъ и будь за то на вѣки священна и благословенна ея память!

Между прочимъ я обратилъ тогда вниманіе на фабрикацію сухарей, въ наскоро устроенной печи, какого-то армянина подрядчика. Половина сухарей выходила хорошаго качества, четверть съ подгарью, а еще $1/4$ совершенно горѣлыхъ. При малѣйшемъ недосмотрѣ въ кули шли всѣ сорта, а отсюда получалась та недоѣдка, которая прямо ложилась на силы солдатъ. Интендантство подряд-

---

1) См. „Русская Старина“ 1907 г. май.

*

чику покровительствовало, а потому ссора съ пріемщиками была ежедневная, или же улаживалась добровольными соглашеніями.

Комендантъ Александрополя, генералъ-маіоръ Эристъ, изъ себя выходилъ надъ выпроваживаніемъ офицеровъ въ войска, проживавшихъ въ Александрополѣ, безъ всякой надобности, подъ благовидными предлогами. По преимуществу это были офицеры, призванные изъ запаса, и большинство изъ нихъ числилось больными по госпиталямъ, пользуясь свидѣтельствами отъ медицинскаго персонала, очень склоннаго дѣлать поблажки въ широкихъ размѣрахъ.

Недостатка въ продуктахъ ощущаемо не было: цѣны на всѣ предметы продовольствія стояли весьма умѣренныя. Перевозочныхъ средствъ было много. Подряды же брались, уже въ это время, по весьма большимъ цѣнамъ, а въ частной торговлѣ все было, повторяю, дешево.

Въ одной со мною квартирѣ лечился мой родной братъ генералъ-лейтенантъ Дмитрій Виссаріоновичъ Комаровъ, тогда начальникъ Кавказской Гренадерской дивизіи. Онъ былъ тяжело раненъ къ ногу, въ сраженіи 13 іюня, подъ Зивиномъ. Леченіе его шло крайне медленно. Остроумный докторъ Зоммеръ для заживленія, раны, величиною въ серебряный рубль, придумалъ разъединить ее кожею взятою отъ другого живого человѣка, такъ сказать, образовать острова и этимъ положить начало заживленія. Кожу свою предложила Екатерина Николаевна Лебедева; ей было сдѣлано около 30-ти ущипленій и перенесено, въ разное время на рану моего брата. Идея оказалась правильною: хотя медленно, но рана начала заживать.

Мнѣніе моего брата о несчастномъ исходѣ для насъ сраженія подъ Зивиномъ, гдѣ мы потеряли свыше 800 человѣкъ, самаго цвѣта нашей арміи, не выполнили блистательнаго плана соединиться съ Эриванскимъ отрядомъ генерала Тергукасова, примѣрно гдѣ-либо впереди Ардоста, и соединенными силами нанесть пораженіе арміи Мухтаръ-паши, выдвинувшейся въ то время для выручки осажденнаго нами Карса, имѣло для меня первенствующее значеніе. По его словамъ, оставить Зивинскую позицію на флангѣ нашего движенія было невозможно: Зивинъ слѣдовало брать. Рекогносцировки никакой сдѣлано не было. Основываясь на докладѣ генеральнаго штаба подполковника Воинова, объявившаго себя знатокомъ этой мѣстности, генералъ Гейманъ составилъ планъ атаки, который состоялъ въ томъ, чтобы обойти Зивинскую позицію съ востока кавалеріею, съ запада пѣхотою, а центръ атаковать въ лобъ. Кавалерія къ мѣсту боя не пришла вовсе, потому что пошла по такой дорогѣ, гдѣ встрѣтила полную невозможность взбираться на утесы.

Обходная колонна съ запада не только не приблизилась къ точкѣ приложенія удара, но еще и удалилась отъ нея, задержанная малыми турецкими отрядами. Вся тяжесть боя легла на малочисленную колонну центра, который атаковалъ отлично укрѣпленную позицію одинъ безъ всякой поддержки. Ошибка въ диспозиціи была замѣчена поздно; только къ вечеру, когда возвратилась наша обходная колонна, мы уяснили себѣ все горе, которое произошло отъ торопливости и увѣренности въ успѣхѣ.

Братъ мой никогда не порицалъ Лорисъ-Меликова, слишкомъ довѣрявшаго генералу Гейману, но послѣдняго онъ не могъ выносить и, отдавая ему дань въ личной храбрости, звалъ не иначе, какъ военною недоучкой, неимѣвшей никакихъ понятій о стратегіи и всегда игнорировавшей обстановку.

Неудача при Зивинѣ повела насъ къ отступленію на Караялъ и Эривань, а отступленіе—къ снятію осады Карса и многострадальнымъ днямъ на Караялѣ и вызову 2-хъ дивизій на подкрѣпленіе изъ Россіи.

Въ началѣ первой половины сентября стала подходить 1-я гренадерская дивизія; чтобы ускорить ея маршъ, была продѣлана прямая дорога отъ Боржома на Ахалкалаки и собраны для ея тяжестей усиленныя перевозочныя средства. Средства эти черпались изъ Духоборскихъ поселеній частью за плату, частью же добровольною посылкою самихъ жителей. Духоборы, поселенные между Ахалкалаками и Александрополемъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, гдѣ родится только одинъ ячмень да картофель, занимаются скотоводствомъ, но еще болѣе извознымъ промысломъ, чтò и даетъ имъ средства къ безбѣдному существованію. Вина не употребляютъ вовсе, забавамъ не предаются. Трудолюбивы, экономны, опрятны, заботливы какъ о своихъ домахъ, такъ и о воспитаніи дѣтей. Властямъ не сопротивляются, но выше всякой власти считаютъ власть своего старшину и подчиняются его приказамъ безропотно. Въ эту пору, старшиною была женщина, которую прозвали наши солдаты Богиней. Много добра и пользы сдѣлали нашимъ войскамъ духоборы и не упомянуть объ этомъ прямо было бы совѣстно.

Изъ Духоборья, черезъ постъ шестапинскій, полки прибывали прямою дорогою на Караялъ. Видъ людей, обмундированіе, обозъ не оставляли желать ничего лучшаго. Тѣмъ не менѣе въ первые же дни обнаружилось, что войскамъ этимъ служба будетъ не по привычкамъ, усвоеннымъ въ Москвѣ. Они начали затрудняться во всемъ: то лагерное мѣсто не удобно, то дороги невозможны для ихъ тяжелыхъ фуръ, то не могутъ сварить пищи на кизякѣ, вмѣсто дровъ, то тяжела аванпостная служба. Истые кавказскіе солдаты,

никогда не разстававшіеся съ нуждою и въ мирное время, скоро подмѣтили это свойство и подняли пришедшихъ воиновъ на смѣхъ. Установилось съ мѣста какое-то взаимное недовѣріе и колкія отношенія, которые подогрѣвались еще и тѣмъ, что высшее начальство встрѣтило пришедшихъ воиновъ не только любезно, но даже и предупредительно.

10-го сентября я былъ вызванъ изъ Александрополя въ Караяльскій лагерь. Рана моя подживала, но тѣмъ не менѣе я былъ вынужденъ носить бинты и корсетъ, который мнѣ очень любезно смастерила сестра Лебедева, передѣлавъ свой собственный.

Цѣль моего вызова состояла въ томъ, чтобы воочію удостовѣриться, способенъ ли я, по состоянію здоровья, вновь отправиться въ Ардаганъ и вступить въ командованіе войсками и страною, такъ какъ оттуда шли слухи, что между жителями турками готовится возстаніе. Экзаменъ вышелъ въ мою пользу. 12-го я возвратился въ Александрополь и въ тотъ же день, черезъ Духоборье, выѣхалъ въ Ардаганъ.

По дорогѣ я видѣлся съ нѣкоторыми вліятельными туземцами, а въ Зурзунѣ съ старшинами Чалдырскаго санджака и точно удостовѣрился, что ни о какомъ возстаніи никто и не думаетъ, и что это не болѣе какъ праздное измышленіе людей трусливаго десятка, способныхъ во всемъ сомнѣваться и изо всего дѣлать опасность. Къ Ардагану я подъѣзжалъ около 3-хъ часовъ утра и былъ пораженъ тѣмъ, что аванпосты наши начали встрѣчаться часто и густо разставленными, мѣстами въ три линіи; всего въ ночной расходъ выходило изъ 8-ми батальоновъ около 3-хъ, говоря другими словами, служба была изнурительная. И дѣйствительно, объѣхавъ, черезъ два дня, войска, я былъ пораженъ усталымъ видомъ солдатъ и немедленно сдѣлалъ сокращеніе всѣхъ ночныхъ нарядовъ. Искусство ставить аванпосты тогда было очень слабо разработано въ нашемъ уставѣ, перешло къ намъ по наслѣдству, еще со временъ Фридриха Великаго, и нисколько не приспособлено къ дальнобойному ружью. Предпріимчивый и ловкій противникъ всегда изведетъ своего неумѣлаго врага однѣми ночными тревогами, а самъ сумѣетъ охраниться и сберечь силы своихъ людей. Нельзя не сознаться, что это и нынѣ самая слабая часть нашего устава, требующая немедленной переработки.

Нѣсколько дней, проведенныхъ мною въ Ардаганѣ, убѣдили меня вполнѣ, что отрядъ здѣсь стоитъ совершенно праздно и легко можетъ быть уменьшенъ до 2-хъ батальоновъ. Вслѣдствіе этого я телеграфировалъ Лорисъ-Меликову и спрашивалъ его разрѣшенія прибыть съ 6-ью батальонами на Караялъ. Разрѣшеніе было полу-

чено, и я вновь, къ 17 сентября, прибылъ въ главный лагерь. Здѣсь я встрѣтился съ генералъ-адъютантомъ Обручевымъ, не задолго до того пріѣхавшимъ и поступившимъ въ распоряженіе Главнокомандующаго. Видимо готовилось наше наступленіе на армію Мухтара-паши, но планъ атаки сохранялся въ тайнѣ.

18-го сентября вечеромъ колонныхъ начальниковъ: генералъ-лейтенанта Геймана, Роопа, меня и нѣкоторыхъ другихъ пригласили въ палатку Лорисъ-Меликова, для выслушанія диспозиціи. Генералъ Шелковниковъ не участвовалъ, такъ какъ еще наканунѣ съ весьма значительною колонною выступилъ въ обходъ горы Инахъ-Тапы, чтобы демонстрировать турецкую позицію на юго-востокъ отъ Аладжи.

Когда намъ прочли диспозицію и спросили нашего мнѣнія, всѣ молчали, я одинъ подалъ голосъ, что это та же самая диспозиція, что и 6 августа, растянутость непомѣрная; придется выступать въ ночь съ 19 на 20-е августа, пройти 25 верстъ и съ усталыми войсками вступить въ бой. „Успѣха не будетъ“, добавилъ я. Лорисъ-Меликовъ на меня разсердился и рѣзко замѣтилъ: „разсуждать поздно, надо повиноваться“! Я замолчалъ.

И такъ колонна генерала Шелковникова обходила Аладжу съ востока, генералъ Гейманъ шелъ на Субботанъ и Большіе Ягны. Генералъ Роопъ на малые Ягны и Визинкевъ, т. е. между м. Ягны и Карсомъ. Я состоялъ въ колоннѣ генерала Роопа.

Выступили изъ лагеря 19-го въ $9^1/_2$ часовъ вечера. Моя колонна шла въ авангардѣ. Около 6 часовъ на разсвѣтѣ я подходилъ къ укрѣпленному турками м. Ягны. Послѣдовалъ первый турецкій орудійный выстрѣлъ. Я развернулъ свой авангардъ, и подъ прикрытіемъ моимъ развернулась и вся колонна, выстроившись параллельно къ хребту м. Ягны, спускавшемуся къ Карсъ-Чаю.

Отъ главной колонны выдѣлился отрядъ изъ 2-хъ полковъ Тифлисскаго и Несвижскаго, для атаки м. Ягны съ Ю.-З.

Атаковать укрѣпленіе м. Ягны въ лобъ, по крутизнѣ въ 30°, а мѣстами и болѣе, не представлялось возможнымъ: артиллерійскій обстрѣлъ былъ безполезенъ: или перелетъ или недолетъ; я сдѣлалъ распоряженіе обходить м. Ягны съ сѣверо-востока, но едва отдалъ объ этомъ приказаніе, какъ прискакалъ ко мнѣ какой-то офицеръ и объяснилъ, что колонна полковника Граббе попала къ юго-западу отъ м. Ягны въ трудное положеніе, и что массы войскъ выступили изъ Карса на помощь своимъ. Съ бывшимъ при мнѣ коннымъ конвоемъ, изъ десятка казаковъ, я поскакалъ на нашъ правый флангъ, чтобы уяснить себѣ истинное положеніе дѣла. Здѣсь съ хребта м. Ягны было видно все совершенно ясно. Тиф-

лисскій гренадерскій полкъ уже перевалилъ черезъ гору и велъ непосильный бой съ окружившими его со всѣхъ сторонъ турецкими войсками, успѣвшими прійти на помощь отъ Визинкева и отъ Карса. Терять время было невозможно. Командовавшій здѣсь колонною, тогда еще полковникъ, графъ Михаилъ Павловичъ Граббе, охотно подчинился какъ лично мнѣ, такъ и всѣмъ сдѣланнымъ мною распоряженіямъ. Я вызвалъ всѣ четыре батареи какъ отъ своей, такъ и отъ его колонны и развернулъ ихъ на хребтѣ горы, не стѣсняясь тѣмъ, что вся эта артиллерія стала флангомъ къ турецкому укрѣпленію.

Мѣра эта оказалась дѣйствительною: Турки начали обратное движеніе. Появилась наша кавалерія, подъ командою генералъ-маіора князя Щербатова, шедшая по долинѣ Карсъ-Чая, что ускорило обратное движеніе турокъ въ Карсъ. Тифлисскій полкъ былъ освобожденъ и отступилъ, понеся потерю, въ 2 боевыхъ часа, около 240 чел. Около 12 часовъ дня изъ нашего резерва подошелъ Перновскій полкъ и залегъ на скатѣ горы въ густыхъ батальонныхъ колоннахъ. Минута штурмовать укрѣпленіе м. Ягны мнѣ представлялась удобной. Я послалъ объ этомъ приказаніе названному полку и терпѣливо ожидалъ исполненія. Полкъ разворачивался медленно, такъ какъ первый разъ былъ въ бою.

Резервъ нашъ изъ 2-хъ полковъ 1-й Гренадерской дивизіи участія въ бою не принялъ и простоялъ все утро въ ружьѣ, во второй линіи.

Въ часа по полудни стало ясно, что на всей длинной линіи нашего наступленія все дѣло ограничивается одною стрѣльбой и нигдѣ расположеніе турокъ не прорвано, что войска истомлены до невозможности и не имѣютъ силъ нанесть какой-либо рѣшающій ударъ.

Въ 3 часа пришло распоряженіе отъ Главнокомандующаго отойти правому (нашему) флангу на гору Кабахъ-Тапа, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Общая наша потеря во всѣхъ войскахъ доходила до 3.000 тысячъ человѣкъ. Причины неудачи я приписываю: 1) Длинному разстоянію, отдѣлявшему насъ отъ точекъ удара: войска всю ночь шли по безводной степи. 2) Растянутости всей линіи атаки. 3) Неясному опредѣленію цѣлей, которыхъ слѣдовало достигать.

Впослѣдствіи выяснилось, что обходная колонна генерала Шелковникова мало обезпокоила турокъ, и что выходъ ея въ флангъ назначенъ слишкомъ близко къ головѣ расположенія турецкой арміи, а потому особаго, подавляющаго вліянія на исходъ дѣла имѣть не могла.

20-го вечеромъ и 21-го днемъ войска наши частью возвратились въ лагерь на Курюкъ-Дара и Караялѣ, частью остались, въ видѣ сильныхъ авангардовъ: на Карсъ-Чаѣ, близъ и впереди Кабахъ-Тапа, а частью близъ Субботана.

Талантливый генералъ-адъютантъ Обручевъ чрезвычайно понравился кавказскимъ войскамъ тѣмъ, что въ теченіе дня безпрерывно показывался тамъ, гдѣ было больше огня. Послѣдствія дня, выразившіяся въ новой диспозиціи на 3-е октября, показали, что онъ отлично понялъ въ чемъ дѣло и какъ надо распорядиться.

Приведеніе въ порядокъ нашихъ войскъ, подготовка для перехода въ рѣшительное наступленіе и отвозъ раненыхъ въ Александрополь потребовали нѣсколькихъ дней.

22-го турки выдвинулись по направленію къ Кабахъ-Топа и завязали бой, но это видимо было не по ихъ силамъ и, послѣ довольно горячей перестрѣлки, они опять скрылись за гору Большія Ягны. При главномъ участіи Н. Н. Обручева выработался новый планъ: а) главными силами, которыя сосредоточиваются между гор.: Большою Ягны и Субботаномъ, атаковать Авліаръ и Визинкевъ. б) Обходную колонну усилить и дать ей обходъ турецкой позиціи болѣе длинный, нежели въ первый разъ. в) Удерживать на позиціи турецкія войска, расположенныя между Субботаномъ и Кизылъ-Тапою, чтобы не дать имъ возможности маневрировать, такъ сказать, привязать ихъ къ мѣсту, и г) Сгрупировать массу артиллерійскихъ орудій между Б. Ягны и Субботаномъ и тѣмъ парализовать огонь турецкихъ ружей, системы Пибоди Мартини, бившихъ отлично на 2.500 шаговъ, тогда какъ у насъ наполовину были ружья системы Бердана, работавшія хорошо не далѣе 1.200 шаговъ, а на половину системы Карля, бившія порядочно не болѣе 800 шаговъ.

Съ 25-го сентября жаркая погода смѣнилась прохладною; въ этотъ же день мы замѣтили, что турки бросили свои позиціи на Кизилъ-Тапѣ и начали стягиваться къ Авліару, что послужило уже вѣрнымъ признакомъ начала отступленія турокъ съ Аладжанскихъ горъ. Многіе въ нашемъ лагерѣ начали уже безпокоиться, что турецкая армія снимется съ позиціи и уйдетъ во-свояси безнаказанно.

30-го сентября часть нашихъ войскъ двинулась къ Субботану подъ командою генерала-лейтенанта Геймана, а особый отрядъ генералъ-маіора Шака выдвинутъ передъ гору Б. Ягны.

1-го октября турецкія войска атаковали генерала Шака, понесли большія потери и отступили къ Визинкеву. Донося объ этомъ дѣлѣ, генералъ Шакъ выяснилъ, что онъ стоитъ на отличной позиціи и положеніе свое считаетъ твердымъ.

Надобно было торопиться дать бой, но пришлось дать время об-

ходной колоннѣ генерала Лазарева выдвинуться въ извѣстномъ направленіи.

Въ эти дни я былъ совершенно свободенъ отъ всякаго командованія, такъ какъ мой Ардаганскій отрядъ разобрали по частямъ и я пристроился къ Главной квартирѣ. Погода въ ночь съ 30-го сентября на 1-ое октября смѣнилась на холодную и дождливую. Термометръ по ночамъ показывалъ не болѣе 3 градусовъ тепла.

Въ 10 часовъ вечера я былъ въ палаткѣ у Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова, истопленной походною печью. Передъ нами лежала карта, и мы толковали объ нашей настоящей обстановкѣ. Увѣренность въ блистательномъ успѣхѣ дѣлала намъ хорошее расположеніе духа, хотя въ этотъ день Лорисъ-Меликовъ былъ въ лихорадкѣ и грѣлся не только топкою, но и полушубкомъ. Вошелъ его адъютантъ и подалъ записку отъ генерала-лейтенанта Геймана слѣдующаго содержанія: „положеніе моего отряда, выдвинутаго изолированно, слишкомъ впередъ, заставляетъ меня завтра отойти на сближеніе съ генераломъ Роопомъ. Тягощусь 24-хъ фунт. орудіями и долженъ ихъ бросить". (Послѣднюю фразу надобно объяснить: дабы безпокоить турецкія позиціи за р. Субботанъ у насъ въ лагерѣ Геймана была устроена батарея изъ 4-хъ 24-хъ фунтовыхъ орудій изъ осаднаго парка, находившагося въ Александрополѣ; орудія были доставлены на быкахъ съ чрезвычайными усиліями).

Записка генерала Геймана смутила Михаила Таріеловича чрезвычайно. „Опять штуки", сказалъ онъ, и подалъ мнѣ записку. „Въ то время, что, генералъ Шакъ, стоящій впереди и только что вынесшій тяжелый бой, чувствуетъ себя превосходно,—генералъ Гейманъ находитъ свое положеніе рискованнымъ".—Одну минуту Лорисъ-Меликовъ думалъ и вслѣдъ за тѣмъ написалъ записку: „Прошу Васъ оставаться на позиціи и держаться на ней, во что бы то ни стало".

Не прошло послѣ этого и получаса, какъ прискакалъ въ лагерь полковникъ Жуковъ, командиръ казачьяго полка, и подалъ вторую записку отъ Геймана, слѣдующаго содержанія: „съ разсвѣтомъ снимаюсь съ позиціи и отхожу на соединеніе съ генераломъ Роопомъ".—„Разскажите, что у Васъ тамъ случилось?"—спросилъ Лорисъ-Меликовъ Жукова.—„Все благополучно", отвѣчалъ Жуковъ: „но днемъ мы видѣли, что массы турецкихъ войскъ передвигаются къ Авліару и Визинкеву". „Хорошо, обождите и закусите, черезъ часъ я самъ выѣзжаю на передовую позицію. Вы поѣдете со мною".

Жалко было смотрѣть на уставшаго и больного Лорисъ-Меликова, но, тѣмъ не менѣе, онъ приказалъ готовить конвой и сѣдлать лошадей. Черезъ часъ онъ выѣхалъ; зги не было видно. Дорогу освѣщали фонарями.

Впослѣдствіи, Михаилъ Таріеловичъ мнѣ разсказывалъ слѣдующее: „Въ 7 часовъ утра я доѣхалъ до лагеря генерала Шака и, удостовѣрившись, что онъ занимаетъ отличную позицію, я поблагодарилъ его и войска за славный бой 1-го числа и въ 9 часовъ былъ въ лагерѣ Геймана. Объѣхавъ войска, я зашелъ къ нему въ палатку и сказалъ ему всего нѣсколько словъ, а именно: „Василій Александровичъ! успѣхъ нашъ—экстраодинарныя почести; не нашъ—вы отвѣтчикъ; это опять съ вашей стороны затрудненія, вслѣдствіе того, что вамъ хочется дѣлать все по-своему. Довольно съ насъ и одного Зивина!"

2-го октября я представлялся великому князю главнокомандующему, по случаю своего отъѣзда въ Ардаганъ. На Караялѣ въ лагерѣ оставался одинъ только Л. Екатеринославскій полкъ, всѣ остальныя части войскъ уже были выдвинуты на передовыя позиціи. Его высочество былъ покоенъ и удостоилъ меня продолжительнымъ разговоромъ. Съ полною увѣренностью, я ему предсказывалъ блистательную побѣду. Да и не трудно было предсказывать, когда въ ночь мнѣ сдѣлалось доподлинно извѣстнымъ, что обходная колонна генерала Лазарева выдвинулась настолько въ обходъ съ востока, что грозила совершенно отрѣзать путь для турецкой арміи на Эрзрумъ и тѣмъ поставить армію Мухтаръ-паши вполнѣ въ отчаянное положеніе.

Въ 4 часа по полудни съ конвоемъ изъ 40 человѣкъ я выѣхалъ въ Ардаганъ прямою дорогой черезъ Чалдырскій санджакъ, по едва проѣзжей горной дорогѣ. Ночевалъ я на высотѣ $5^1/_2$ тысячъ футовъ. Около 10 часовъ утра я собирался въ дальнѣйшій путь, но еще разъ захотѣлъ посмотрѣть на Аладжинскія горы, которыя въ бинокль были видны превосходно. Вдругъ появилось облако дыма, и этотъ дымъ все шелъ впередъ и впередъ. Затѣмъ прояснило. „Авліаръ взятъ", сказалъ я своимъ спутникамъ. „Побѣда наша!". Окружавшіе меня: уѣздный начальникъ поручикъ Меписовъ и чалдырскіе старшины нѣсколько усумнились въ моихъ словахъ, но сдѣлали видъ, что повѣрили. Съ веселымъ сердцемъ я продолжалъ путь по берегу Чардырскаго озера. Въ 7 часовъ вечера я заночевалъ на западной окраинѣ этого озера въ большой турецкой деревнѣ, а въ 10 часовъ вечера, ко мнѣ прискакалъ нарочный съ телеграммою отъ главнокомандующаго изъ Ардагана, въ которой его императорское высочество мнѣ сообщалъ, за личною своею подписью, о полномъ пораженіи турокъ на Аладжѣ, лестно для меня упомянувъ: „предсказаніе ваше сбылось", я былъ потрясенъ до глубины души и счастьемъ побѣды и счастьемъ лестнаго для меня особаго вниманія великаго князя. Слезы навернулись у меня

на глазахъ. Я прочиталъ депешу громко и моей свитѣ и моему конвою и собравшимся туркамъ. Радость первыхъ и изумленіе послѣднихъ описать невозможно.

Въ Ардаганѣ я засталъ полное спокойствіе, а извѣстія изъ Аджаріи шли самыя благопріятныя. Очевидно, Ардаганскій отрядъ могъ быть опять уменьшенъ въ значительной степени. Въ это время въ немъ находились полки: Пятигорскій и Кубанскій, пришедшіе сюда изъ состава Кобулетскаго отряда.

Имѣя свѣдѣніе, что послѣ погрома турецкой арміи при Аладжѣ, часть нашихъ войскъ двинута преслѣдовать армію Мухтара-паши по направленію къ Эрзруму, а большая часть осталась и обложила Карсъ, я вновь сообщилъ генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову, что имѣю возможность явиться подъ Карсъ и привесть съ собою отрядъ въ 8 баталіоновъ пѣхоты съ горною батареей и 4 сотнями конно-иррегулярнаго Ахалцихскаго полка. Разрѣшеніе было получено. 11 октября, отрядъ этотъ двинулся къ Карсу, обходя его съ южной стороны.

Близъ Чахмаурскихъ высотъ я встрѣтилъ, расположенную лагеремъ, колонну генералъ-маіора Гурчина, отъ котораго и узналъ объ общемъ расположеніи войскъ, блокировавшихъ Карсъ. Мѣстомъ для своего расположенія я избралъ позицію къ югу отъ Шорахъ, въ виду фортовъ Лазъ и Тихъ-Тепеси, составлявшихъ южный фронтъ оборонительной линіи Карса.

Расположеніе мое было отлично прикрыто отъ выстрѣловъ изъ крѣпости небольшимъ горнымъ отрогомъ (Шорахскихъ высотъ).

Выстрѣлы изъ крѣпости мѣтко ложились какъ на сѣверной покатости этого отрога, такъ и на гребнѣ его, но затѣмъ дѣлали перелетъ, и потому лагерь мой находился въ мертвомъ пространствѣ. Съ 20-го числа я началъ безпокоить турокъ посылкою малыхъ отрядовъ, дабы отбивать у нихъ скотъ, пасшійся между моимъ и ихъ расположеніемъ. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ набѣговъ турки были вынуждены угнать свои стада за линію фортовъ, чѣмъ были стѣснены до крайности, такъ какъ на высотахъ ближайшихъ къ Карсу уже не было травы.

21-го октября, я представлялся главнокомандующему въ лагерѣ подъ Тикмою. Здѣсь я узналъ отъ начальника штаба Гурчина, что, не покидая мысли дѣйствовать противъ Карса оружіемъ, ведутся переговоры о сдачѣ крѣпости на капитуляцію. „Провіанта нѣтъ", сказалъ мнѣ Лорисъ Мелковъ: „Интендантъ не можетъ ничего дать Вашему отряду; переговорите съ Меписовымъ и устройте ваше довольствіе покупкою муки отъ курдскихъ старшинъ; платите сколько спросятъ, но оформите это дѣло, какъ можно скорѣе". „Никакого

толку изъ переговоровъ о сдачѣ крѣпости не выйдетъ", говорилъ генералъ Лазаревъ. „Турки тянутъ дѣло до наступленія зимы и все-таки заставятъ насъ, или штурмовать Карсъ, или снять блокаду крѣпости".

Покупка муки отъ курдовъ устроилась успѣшно, при помощи небольшихъ подарковъ, которые я имъ сдѣлалъ и при искусствѣ Меписова, умѣвшаго отлично устраивать всякое дѣло. Заготовка муки стоила казнѣ въ два раза дешевле интендантской поставки. Здѣсь мѣсто упомянуть о личности этого замѣчательнаго человѣка. Уроженецъ гор. Ахалцыха, изъ семьи, промышлявшей мелкою торговлей, онъ едва грамотный, въ компанію 1854—5 года, поступилъ милиціонеромъ и скоро сдѣлался извѣстнымъ Лорисъ-Меликову, состоявшему тогда при генералѣ Муравьевѣ, какъ малый способный и отличный развѣдчикъ. Послѣ кампаніи о немъ забыли, но гражданскимъ властямъ онъ былъ какъ бѣльмо на глазу: въ немъ подозрѣвали участника, а временами и водворителя контрабанды. Состояніе Меписова было незначительное, но деньги у него всегда водились. Въ такомъ положеніи застала Меписова война 1877 года. Посѣтивъ Ахалцыхъ, Лорисъ-Меликовъ о немъ вспомнилъ и нашелъ полезнымъ рекомендовать мнѣ взять его въ переводчики и удерживать при Штабѣ Ардаганскаго отряда.

Съ тою же рекомендаціей обратился ко мнѣ и полковникъ Чечеискій, комендантъ Ахалцыхской крѣпости, о которомъ я упомянулъ въ началѣ этихъ замѣтокъ.

Съ самыхъ первыхъ дней войны свѣдѣнія, доставляемыя Меписовымъ, были точны во всѣхъ отношеніяхъ. Не могу и не желаю скрывать, что схватить въ свои руки Посховскій санджакъ я рѣшился сдѣлать только послѣ самаго точнаго доклада Меписова и понялъ, что здѣсь требовалась исключительно быстрота. Съ народомъ онъ управлялся умѣло, деликатно, энергично. Его иначе не звали какъ Михаилъ-паша; и точно этотъ Михаилъ-паша былъ умѣлымъ руководителемъ, у него все добывалось и доставлялось вдвое дешевле, чѣмъ казенными способами заготовленія. Да и могли ли эти способы практиковаться, при общемъ хаосѣ всею окружающаго.

Въ Ардаганскомъ моемъ отрядѣ въ первое время не было: ни сформированнаго штаба, ни интенданскихъ чиновниковъ, ни госпиталей, ни перевозочныхъ средствъ. Заслуги этого, дѣйствительно, выдающагося человѣка, я цѣнилъ высоко и при первомъ случаѣ просилъ его наградить чиномъ прапорщика милиціи. Впослѣдствіи онъ былъ начальникомъ Ардаганскаго уѣзда, а затѣмъ, при окончаніи уже кампаніи, управляюшимъ Артвинскимъ уѣздомъ и дослужился до чина штабсъ-ротмистра. Послѣ войны, его, что называется,

затаскали по слѣдователямъ и, не имѣя въ чемъ обвинить, довели до того, что онъ добровольно подалъ въ отставку и нынѣ гдѣ-то проживаетъ близъ Ахалцыха. Имѣетъ ли онъ средства или перебивается, я доподлинно не знаю, но считаю, что заслуги его забыты, а самъ онъ сдѣлался жертвою клеветы, зависти и тупоумія.

Успокоившись на счетъ продовольствія своего отряда, я сдѣлалъ нѣсколько рекогносцировокъ къ югу отъ фронта укрѣпленій Карса и удостовѣрился посылкою милиціонеровъ, въ промежуткахъ между фортами, что они легко могутъ быть проходимы во всякое время дня и ночи. Атака открытою силою мнѣ представилась вполнѣ возможною, тѣмъ болѣе, что въ фортахъ находился лишь незначительный гарнизонъ, силою отъ 200 до 500 человѣкъ въ каждомъ, а главныя силы бивакировали на весьма пересѣченной мѣстности среди фортовъ, почти не имѣя возможности подавать помощь одинъ другому.

Подъ давленіемъ этой мысли, я вновь поѣхалъ въ Тикму, чтобы поговорить по этому поводу съ Иваномъ Давыдовичемъ Лазаревымъ и пустить эту идею въ ходъ. Лазаревъ принялъ мое предложеніе весьма сочувственно и посовѣтовалъ мнѣ идти къ Лорисъ-Меликову. „Вы вѣроятно рехнулись", сказалъ Лорисъ-Меликовъ: „или забыли, какъ мы пострадали въ 1855 году на штурмѣ Карса, что пропогандируете такія идеи? Сходите къ князю Мирскому и доложите ему объ этомъ, посмотрите, что онъ скажетъ". Я пошелъ къ князю Мирскому. Дмитрій Ивановичъ выслушалъ меня любезно и нашелъ, что я говорю дѣло. „Дѣйствительно", сказалъ онъ: „Карскій гарнизонъ разбросанъ по укрѣпленіямъ и численность его не превосходитъ 12 т. человѣкъ. (Въ день штурма тамъ оказалось болѣе 18 т.). Мы можемъ захватить городъ и оттуда брать форты по очереди. Его Высочество теперь у себя: идите и доложите ему объ этомъ, со всѣми подробностями". Я пошелъ. Его Императорское Высочество прогуливался около своей ставки и, замѣтивъ, что я иду, милостиво пригласилъ меня войти въ его палатку. Разговоръ нашъ былъ весьма продолжителенъ и нѣсколько печаленъ. „Ваше Императорское Высочество!" сказалъ я: „мы теряемъ ежедневно заболѣвающихъ тифомъ около 200 человѣкъ, мы будемъ столь слабы составомъ рядовъ, что должны будемъ считать себя малоспособными для какихъ бы то ни было дѣйствій. Карсъ надобно штурмовать. Есть шансы на успѣхъ; идутъ слухи, что тамъ нужда доходитъ до крайности". „Черезъ нѣсколько дней я Васъ вызову", сказалъ Его Высочество: „не теряйте энергіи; положеніе наше серьезное, особенно въ виду наступающей зимы".

Возвратясь въ свой лагерь, я сообщилъ своему отряду о побѣдѣ,

одержанной 23-го октябри генераломъ Гейманомъ подъ Деве-Бойну и, не разъ, внушалъ мысль, что Карсъ взять легко: лишь бы было приказано. Съ 25 октября погода измѣнилась: тучи нависли, стало холодно, перепадали дожди, на верхушкахъ горъ появился снѣгъ.

Стоя, вечерами, и грѣясь около костровъ, солдаты тоже разсуждали на тему о штурмѣ Карса и ободренные успѣхомъ завладѣнія укрѣпленіемъ Хафизъ 24-го октября полковникомъ Фаддѣевымъ, съ 8-ю ротами Кутаисскаго полка, находили, что это дѣло легкое. Словомъ, состояніе духа войскъ было вполнѣ бодрое, веселое, предпріимчивое. 29-го октября я вновь былъ вызванъ въ Тикму. Вечеромъ въ палаткѣ Его Императорскаго Высочества, состоялся военный совѣтъ. Темою совѣщанія былъ вопросъ, прямо и твердо постановленный предсѣдателемъ: штурмовать, или не штурмовать Карсъ? На совѣтѣ были генералъ-адъютанты Мирскій, Лорисъ-Меликовъ; генералъ-лейтенанты: Лазаревъ, Роопъ, начальникъ штаба генералъ-маіоръ Павловъ.—Генералъ-маіоры: Алхазовъ, Кузминскій и я. Голоса раздѣлились поровну. Его Высочество всталъ, перекрестился, и сказалъ: „какъ предсѣдатель, я имѣю 2 голоса и рѣшаю: штурмъ. Прошу Васъ Михаилъ Таріеловичъ, выработать диспозицію на 2-ое ноября, въ 9 часовъ вечера“.

29, 30 октября и 1 и 2 ноября у Аривартана я готовилъ свою колонну и рекогносцировалъ дороги, по которымъ придется идти, чтобы врѣзаться въ расположеніе турокъ между Тохманомъ и Лазъ-Тенеси. Погода становилась изо дня въ день все хуже и хуже, а 2-го ноября цѣлый день снѣгъ чередовался съ дождемъ. Нижніе чины намокли и прозябли. Почва обратилась въ липкую грязь. По ночамъ зги не было видно.

Въ $7^{1}/_{2}$ часовъ вечера, въ тишинѣ, войска начали строиться. Колонные начальники собрались въ мою ставку, за полученіемъ послѣднихъ приказаній. Лица были угрюмы, разговоръ не клеился. „Въ такую ночь штурмовать нельзя“,—сказалъ полковникъ Бучніевъ. „Будете штурмовать, ежели прикажутъ“, отвѣтилъ ему подполковникъ князь Меликовъ, командиръ 4 стрѣлковаго батальона. „Вамъ еще знакомиться съ Тохмасомъ“, сказалъ Бучніевъ: „а у меня съ нимъ счеты старые: въ 1855 году я получилъ тамъ двѣ пули“.—„Съ приказаніемъ это не имѣетъ ничего общаго“, отвѣчалъ князь Меликовъ. Разговоръ начиналъ принимать непріятный оборотъ, но вошелъ телеграфистъ и подалъ мнѣ депешу изъ главной квартиры, гласившую: „Штурмъ отложить до полученія приказанія“. Всѣ мы были обрадованы чрезвычайно, въ глубинѣ души у насъ было полное убѣжденіе, что удачи въ такую погоду быть не могло.

Войскамъ былъ отданъ приказъ расположиться ночевать, а нѣкоторыхъ колонныхъ начальниковъ я удержалъ при себѣ, для новаго обсужденія нашей обстановки, по исполненію диспозиціи, полученной только утромъ и имѣвшей нѣсколько неопредѣленный характеръ. Въ 11 часовъ вечера я получилъ еще телеграмму: „прибыть 3-го ноября, въ главную квартиру, за полученіемъ новыхъ приказаній". За эти дни, въ главной квартирѣ, многое измѣнилось: идея штурма осталась та же, но способъ достиженія цѣлей и самыя цѣли получили иную окраску. Остановились на томъ, чтобы овладѣть лишь восточною половиною Карса и штурмовать укр. Сувари, Канлы и Хафизъ, а съ западной и южной стороны вести бой демонстративный, отвлекающій. Моей колоннѣ дано назначеніе идти долиною Карсъ-Чая на укр. Чимъ, и отвлечь сюда турецкія войска. 4 стрѣлковый батальонъ, князя Меликова, у меня отобрали и перевели его на правый берегъ Карсъ-Чая, съ спеціальнымъ назначеніемъ брать укр. Сувари. Штурмъ назначенъ на 5—6 ноября ночью.

Мнѣ приходилось пройдти около 12 верстъ, ночью, чтобы соприкоснуться съ турецкими аванпостами, которые предполагались выставленными на горѣ „Мухà", лежащей къ востоку отъ Тихъ-Тепеси и Тохмаса и къ юго-востоку отъ Чима въ сферѣ артиллерійскаго огня всѣхъ трехъ фортовъ. Ни мнѣ, никому изъ моего отряда дороги извѣстны не были: легко было сбиться съ пути и во всякомъ случаѣ принять участіе въ штурмѣ не ранѣе 1 и 2-хъ ч. утра. На свою личную отвѣтственность я рѣшился дѣйствовать сообразно обстановкѣ.

Въ 8 часовъ утра 5-го ноября, я бросилъ свой лагерь и направился къ г. „Муха". Сдѣлавъ привалъ въ 4 верстахъ отъ южныхъ укрѣпленій и обозрѣвъ всѣ направленія къ крѣпости, подошелъ къ названной горѣ около 4½ часовъ по полудни. Здѣсь отрядъ мой, состоявшій изъ полковъ: Пятигорскаго, 4-хъ легкихъ орудій и сотни милиціи, пополнился двумя батальонами Ростовскаго гренадерскаго полка, присланными отъ колонны генералъ-лейтенанта Роопа, назначеннаго командовать войсками всей юго-восточной стороны и имѣвшаго въ своемъ распоряженіи около 10-ти батальоновъ, назначенныхъ составлять резервъ. Мое мѣсто у Аравартана заняла колонна полковника Черемисинова, получившая назначеніе производить ложныя тревоги по направленію къ Лазъ-Тепесси.

Небольшія группы турокъ, составлявшіе караулъ, въ виду нашемъ отошли въ Тохмасъ и Чимъ. Всѣ промежутки между Тохмасомъ, Тихъ-Тепесси и Лазъ-Тепесси начали заполняться турецкими войсками. Очевидно, они видѣли ясно движеніе моей колонны въ теченіе цѣлаго дня и увѣровали, что главная атака назначена съ

этой стороны. Завечерѣло. Я ожидалъ сигнала, который долженъ былъ быть данъ ракетою изъ главной квартиры. Сигнала не было видно, но слышалась стрѣльба, производимая нашею осадною артиллеріею по укр. Канлы. Въ 9-ть часовъ вечера послышалась сильная пальба близъ Сувари. Я отдалъ приказаніе начать наступленіе къ Чиму; въ головѣ движенія пошелъ 151-й Пятигорскій полкъ, съ полковникомъ Бучкіевымъ. Тохмасъ открылъ артиллерійскій огонь. Вся горная возвышенность и скаты Тохмаса, мѣстами крайне обрывистые, загорѣлись ружейнымъ огнемъ. Имѣя такую массу непріятеля на флангѣ, полковникъ Бучкіевъ перемѣнилъ фронтъ и полѣзъ на Тохмасъ. Часть Кубанскаго и Ростовскаго полковъ пристроились къ нему слѣва. Недовольствуясь стрѣльбою изъ орудій и ружей, турки скатывали съ высотъ, окружающихъ Тохмасъ, видимо заранѣе заготовленныя гранаты, прежняго образца, сферической формы. Въ теченіе 3-хъ часовъ здѣсь гремѣла не только канонада, но былъ еще и фейерверкъ. Около 1 часа ночи огонь сталъ нѣсколько ослабѣвать. Взявъ свой послѣдній резервъ изъ 2-хъ батальоновъ, я все-таки двинулся на Чимъ, преслѣдуя идею выполнить диспозицію. Турки допустили меня до гласиса и затѣмъ открыли столь частый и убійственный огонь, что стало яснымъ, что здѣсь находится ихъ масса, а не 200 человѣкъ, какъ значилось по нашему росписанію. И дѣйствительно, впослѣдствіи оказалось, что сюда отошли ихъ резервы, находившіеся на правомъ берегу Карсъ-Чая и сбитые сюда колонною князя Меликова, штурмовавшаго Сувари. Оба берега Карсъ-Чая, близъ Чима, соединялись временными мостами и связывали расположеніе турецкихъ войскъ по кордонной линіи фортовъ. Настаивать на продолженіи борьбы у Чима стало невозможнымъ; я отошелъ обратно къ мѣсту прежняго расположенія у подножія Тохмаса. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ дороги, гдѣ съ востока на сѣверо-западъ течетъ Карсъ-Чай, а съ юга отвѣсный уступъ горъ, въ одномъ изъ легкихъ орудій, ввязавшихся помимо моей воли, совершенно случайно, въ эту колонну, убито двѣ лошади. Движеніе затормозилось. Какъ ни грустно, пришлось орудіе сбросить съ дороги. Приказаніе объ этомъ я отдалъ лично самъ и беру на себя всю отвѣтственность за эту мѣру.

Около 4 часовъ утра, всѣ части, ходившія въ дѣло, отошли къ подножію Тохмаса и сгрупировались около небольшого холма. Ростовскій полкъ отступилъ на соединеніе съ колонною генерала Роопа, бывшаго верстахъ въ четырехъ сзади меня. Потеря наша была громадная, хотя и неизвѣстна еще; отовсюду слышались стоны и призывъ къ помощи. Одинъ изъ батальоновъ Пятигорскаго полка (подполковника Ульянова) пропалъ безъ вѣсти.

Погода была дивная. Морозъ, при полной лунѣ, доходилъ до 7 градусовъ. Выстрѣлы замолкли, ни откуда не доходило ни единаго звука. Здѣсь я рѣшился дожидаться утра, чтобы знать, что дѣлать и что предпринять далѣе.

Солдаты повалились спать; усталость ихъ была чрезмѣрная. Я сидѣлъ въ горькомъ раздумьи, перебирая въ своихъ мысляхъ послѣдствія боя. Около 6 часовъ утра ко мнѣ подъѣхали полковники, командиръ Нижегородскаго драгунскаго—Кельнеръ и Полтавскаго казачьяго—князь Эристовъ, занимавшіе аванпосты близъ Араввартана и Татлиджи. На ихъ вопросъ, въ какомъ положеніи дѣло? я тупо отвѣчалъ,—„не знаю, заря скажетъ". Прошло въ молчаніи около 1/2 часа. Начинало свѣтать; луна поблѣднѣла. Полоса свѣта промелькнула на Тохмасѣ; всѣ вершины и горы были усѣяны турками, какъ макомъ. „Господа! поздравляю Васъ, Карсъ взятъ! сейчасъ турки двинутся на югъ, чтобы пробиться черезъ наши войска. Скачите на Ваши аванпосты и примите мѣры, чтобы этого не случилось". Съ Тохмаса опять раздались артиллерійскіе выстрѣлы, но уже очень рѣдкіе. Въ 7 1/2 часовъ, ко мнѣ пріѣхалъ адъютантъ великаго князя Михаила Николаевича князь Гиго Сумбатовъ, съ приказаніемъ, ежели возможно, то двинуться и занять Тохмасъ; онъ же сообщилъ мнѣ, что городъ, цитадель, Арабъ-Табія и Зіоретская башня уже въ нашихъ рукахъ. Я пробилъ сборъ. Сильно порѣдѣвшіе мои батальоны выстроились и двинулись въ Тохмасъ. Кой-гдѣ раздавались рѣдкіе орудійные выстрѣлы. Комендантъ Тохмаса, старый турокъ, вышелъ ко мнѣ навстрѣчу и предложилъ свою шашку. Я оставилъ ему его оружіе, но черезъ переводчика приказалъ вывесть весь Турецкій гарнизонъ изъ укрѣпленія, оставивъ въ немъ боевое имущество. Исполненіе этого приказанія послѣдовало быстро. Войска наши, тѣмъ временемъ, сгруппировались около укрѣпленія и обезоруживали тѣ турецкія части войскъ, которыя все еще подходили и подходили изъ Карса. Со стороны Араввартана вновь послышались выстрѣлы. Это наша кавалерія атаковала тѣхъ удальцовъ, которые хотѣли пробиться черезъ наши аванпосты и уйти, куда глаза глядятъ. Всего около Тохмаса сдалось въ плѣнъ до 4 тысячъ человѣкъ. Отправивъ ихъ, при незначительномъ конвоѣ въ колонну генерала Роопа, я вновь осмотрѣлъ Тохмасъ, гдѣ былъ пораженъ возмущающею душу картиной. Въ прикрытомъ пути, исходящаго угла укрѣпленія, лежали трупы: Полковника Бучкіева, рядомъ съ нимъ полкового адъютанта, штабъ горниста и 200 охотниковъ съ ними бывшихъ; на сколько возможно, турки ихъ раздѣли и обворовали. На полковникѣ Бучкіевѣ, на обѣихъ рукахъ, были бѣлыя перчатки и сохранился перстень. Тутъ же, до уборки тѣла, я выставилъ ему почетный караулъ.

Къ 5 часамъ по полудни, усталость моя доходила до обмороковъ. Напряженное состояніе и работа до штурма, тридцать часовъ, безъ отдыха, работа въ сферѣ огня, гнусная картина смерти и крови сдѣлали свое дѣло. Я едва добрался до Татлиджи, отыскалъ свою саклю, бросился на бурку и впалъ въ какое-то забытье. Это былъ не сонъ, а пароксизмъ лихорадки, съ бредомъ. Слишкомъ съ большими усиліями и потерями достался мнѣ успѣхъ. Въ одной моей колоннѣ убито и ранено около 600 человѣкъ. Временами я просыпался, дѣлалъ распоряженія, пилъ водку, чай, но ѣсть ничего не могъ. Пришелъ я въ нормальное состояніе только лишь 8-го ноября, въ 6 часовъ утра. Одѣлся и поѣхалъ верхомъ въ главную квартиру, привѣтствовать великаго князя съ побѣдой и поздравить его съ днемъ тезоименитства.

Его Императорское Высочество собирался къ въѣзду въ Карсъ, но, тѣмъ не менѣе, позвалъ меня въ палатку, обнялъ и горячо благодарилъ за штурмъ. Здѣсь я узналъ, что общая потеря наша доходила до 2.500 человѣкъ! Встрѣчные и перекрестные разсказы о томъ, кто, какъ и что дѣлалъ, во время штурма, выяснили, что данная диспозиція дѣйствовала лишь до завязки дѣла, а потомъ каждый батальонный командиръ работалъ по своему личному усмотрѣнію, не теряя изъ вида главной цѣли, подвигаться все впередъ и впередъ, захватить городъ и ворваться въ центръ этого громаднаго укрѣпленнаго лагеря, только носившаго имя Карсъ! Смѣлость полковника Фаддѣева, захватившаго Зіоретскую башню, и генералъ-маіора Рыдзевскаго, взявшаго Арабъ-Табію, понятно, выше всякой похвалы. Ихъ колонны потеряли мало, потому что турецкіе резервы еще днемъ ушли на юго-восточный фронтъ, но вѣдь они этого не знали и дѣйствовали, не справляясь, какое встрѣтится сопротивленіе. Далѣе всѣхъ держалось укрѣпленіе Канлы и сдалось только утромъ, когда защитники его ясно увидѣли, что городъ и цитадель пали. Честь взятія Карса принадлежитъ равномѣрно всѣмъ участникамъ боя, до послѣдняго фельдшера, бывшаго въ огнѣ съ своею сумкою. Тутъ выяснилась доблесть Кавказской арміи и ея превосходное воспитаніе въ мирное время; выразились боевые принципы, привитые успѣшно всѣмъ, кто носилъ имя кавказца. Солдаты обожали великаго князя и работали на него, какъ на родного отца, чтобы ему угодить. Въ общей сложности духъ арміи выражался въ томъ, чтобы добыть себѣ славу, а о наградахъ никто никогда и не думалъ. Словомъ, слава Карса принадлежитъ всѣмъ чинамъ!

Въ 9 часовъ утра на полянѣ, между Хафизомъ и каменнымъ мостомъ, черезъ Карсъ-чай, выстроились войска, бывшія на западномъ и сѣверномъ фронтахъ. Его высочество объѣхалъ войска и

*

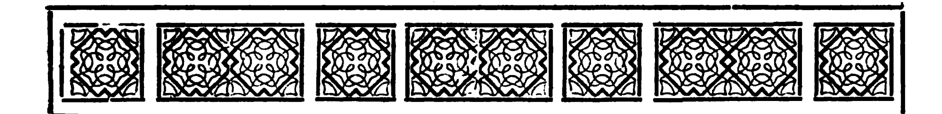
присутствовалъ на молебнѣ. Послѣ церемоніальнаго марша, тутъ же былъ сервированъ завтракъ, къ которому приглашены всѣ штабъ и оберъ-офицеры. Ни одинъ гофмейстеръ, отъ сотворенія міра, не былъ въ такомъ затрудненіи, въ какомъ въ этотъ день находился князь Сергѣй Никитичъ Трубецкой, чтобы угостить приглашенныхъ. Но онъ вышелъ изъ затрудненія побѣдоносно: всѣ были сыты; за здоровье Государя Императора пили всевозможными винами и даже водкой. Шампанскаго оказалось всего нѣсколько бутылокъ. Салфетокъ не было, ножей и вилокъ многимъ недоставало. Главнаго же продукта говядины и баранины, во всѣхъ видахъ, было въ изобиліи. Погода стояла солнечная, ясная, довольно теплая. Въ 1 часъ дня состоялся въѣздъ въ Карсъ. Жители встрѣчали великаго князя болѣе нежели съ покорностью; имъ тоже хотѣлось вздохнуть, послѣ тяжкаго состоянія, продолжавшагося съ апрѣля мѣсяца. Великій князь объѣхалъ въ тотъ же день и въ слѣдующій за нимъ нѣкоторые форты и лично удостовѣрился, что истинно геройскихъ подвиговъ, въ ночь на 6 ноября, совершенно болѣе нежели много.

Кое-какъ мы начали устраиваться на зиму въ Карсѣ и его окрестностяхъ. Зима сразу пошла дружная. Морозы себя ждать не заставили. Цѣны на всѣ продукты окрѣпли; приварокъ нижнихъ чиновъ былъ хорошій: давали по фунту мяса на человѣка и ежедневно винную порцію. Тѣмъ не менѣе больныхъ было много. Появился брюшной тифъ, заразнаго свойства. Забота расквартировывать людей по окрестнымъ селеніямъ была не малая. Совершенно во время сняли мы съ карты войны Карсъ: иначе мы совершенно бы истаяли.

В. Комаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Обрядность прежняго русскаго масонства.

Данныя настоящаго очерка послужили матеріаломъ для доклада въ аудиторіи императорскаго археологическаго института 11 марта 1907 г.

Авторъ печатаемой ниже статьи—Тира Оттовна Соколовская, шведка по рожденію, получила вполнѣ русское воспитаніе въ СПб. Училищѣ Ордена св. Екатерины (Екатерининскомъ Институтѣ), гдѣ, не взирая на свое иноземное происхожденіе, обнаружила основательное знаніе русскаго языка. Черезъ нѣсколько лѣтъ Т. О. окончила курсъ, по экзамену, въ Императорскомъ археологическомъ институтѣ, послѣ чего, по предложенію профессора Н. И. Веселовскаго, занялась вопросомъ о микенской керамикѣ. Результатомъ ея трудовъ явилась монографія, напечатанная въ „Вѣстникѣ археологіи и исторіи" и затѣмъ вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ; монографія, составленная по многочисленнымъ иностраннымъ изслѣдованіямъ и включавшая самостоятельные взгляды молодого автора, была встрѣчена сочувственно исторической библіографіею.

Однако отдаленность микенскаго вопроса отъ русской старины и желаніе изслѣдовать русское прошлое по архивнымъ первоисточникамъ въ какой-либо малоизученной области заставили г-жу Соколовскую обратиться къ изученію русскаго масонства до его оффиціальнаго запрещенія въ 1822 г. Къ этой, въ общемъ мало изслѣдованной, сторонѣ русскаго прошлаго Т. О. подошла путемъ долгихъ архивныхъ изысканій въ нашихъ лучшихъ древлехранилищахъ (въ государственномъ архивѣ, въ рукописныхъ отдѣленіяхъ Московскаго Румянцевскаго музея, императорской публичной библіотеки и общества любителей древней письменности, въ архивахъ: Морскомъ, главнаго военно-суднаго управленія и Ревельскомъ провинціальномъ). За послѣдніе годы Т. О. напечатала рядъ замѣтокъ, очерковъ и документовъ какъ на страницахъ нашего журнала, такъ и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ („Русскій архивъ", „Море", „Всемірный вѣстникъ"). Въ настоящее время; какъ намъ извѣстно, Т О. изготовила для печати довольно обстоятельную монографію „Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія" и сборникъ „Пѣсни русскихъ масоновъ".

Т. О. прочитала также о масонствѣ рядъ лекцій и докладовъ въ Имп. Арх. Инст., въ Лигѣ обновл. флота и др. мѣстахъ.

В. П.

Много есть почти забытыхъ страницъ въ нашей родной старинѣ. Почти забыты и тѣ страницы, гдѣ начертана повѣсть о томъ, какъ жили въ орденѣ вольныхъ каменщиковъ наши прадѣды. Зачастую непонятно намъ значенiе пышныхъ масонскихъ титуловъ и званiй въ тѣхъ грамотахъ, которыя жаловались нашимъ предкамъ и нерѣдко присылались изъ-за границы. Правда, мы хранимъ эти пергаменты съ символическими заставками, съ печатями въ большихъ золоченыхъ кустодiяхъ, съ подписями громкихъ именъ. Мы бережно хранимъ символическiя масонскiя звѣзды, кресты, медали, ключи, сѣкиры, мечи, кинжалы, лопаточки, молоточки, шпоры, перстни. Бережно укладываемъ мы въ шелковые выцвѣтшiе мѣшечки масонскiя перчатки изъ батиста и пожелтѣлой лайки. Бережно прячемъ мы расшитыя золотомъ и каменьями шелковыя струйчатыя ленты съ масонскими знаками и легендами, ихъ замшевые и атласные запоны. Мы все это хранимъ, все бережемъ, но лишь какъ память о быломъ: намъ ничего повѣдать не могутъ блестящiе знаки и титулы, намъ непонятенъ ихъ символическiй языкъ. Но знай мы его, —и эти нѣмые теперь знаки краснорѣчиво заговорили бы и разсказали бы занимательную исторiю о русскомъ масонствѣ, о русскихъ масонахъ.

По преданiю свѣтъ масонства въ Россiи возсiялъ при Петрѣ I-мъ, но данныя документальныя о началѣ русскаго масонства имѣются лишь съ 1731 года. Въ 1822 г. русское масонство было запрещено въ Россiи, въ 1826 г. это запрещенiе было повторено. Документы доказываютъ, что послѣ этого масоны продолжали въ тиши свои работы до тридцатыхъ годовъ. Такимъ образомъ русское масонство прожило цѣлый вѣкъ.

За это время перебывали въ Россiи всѣ почти заграничныя системы: Англiя, Швецiя, Германiя и Францiя спѣшили основывать масонскiя ложи по своимъ актамъ! Если принять во вниманiе, что многiя системы имѣли весьма много степеней, что каждая степень имѣла свой обрядъ, то станетъ понятнымъ крайняя обширность темы о масонской обрядности. Между тѣмъ изученiе этой обрядности, всегда имѣвшей символическое значенiе, необходимо въ вопросѣ объ изслѣдованiи масонства. Въ настоящей статьѣ я остановлюсь только на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросахъ въ области масонскаго обряда.

Ложею называлось помѣщенiе, гдѣ происходили масонскiя собранiя. Ложами же именовались отдѣльные замкнутые союзы братьевъ, сплотившихся въ извѣстную организацiю. Ложи носили обыкновенно названiе масонскаго символа (Пламенѣющей звѣзды), или нравственнаго качества съ присоединенiемъ имени (Петра къ ис-

тинѣ), или же миѳологическаго божества (Астреи, Ивиды, Латоны). Должностными лицами въ ложахъ были: мастеръ стула, намѣстный мастеръ, надзиратели, секретарь, риторъ, обрядоначальникъ, казначей, попечитель о бѣдныхъ. Засѣданія въ ложахъ (поучительныя, совѣщательныя) и совершенія масонскихъ церемоній назывались масонскими работами, которыя въ Россіи велись на разныхъ языкахъ. Ложи, допускавшія только три низшія степени: ученика, товарища и мастера, назывались іоанновскими, символическими; ложи, допускавшія высшія степени, назывались андреевскими, шотландскими. По масонскому ученію, ученикъ совершенствовалъ сердце, товарищъ—умъ, мастеръ—духъ.

Свое ученіе масонство заключило въ символы и обряды. Эти символы и обряды служили тѣмъ міровымъ языкомъ, на которомъ могли понимать другъ друга масоны всего міра, „братья дружны всѣхъ племенъ". „Уничтожить символы,—писалъ нѣмецкій реформаторъ масонства Шредеръ,—значитъ уничтожить франкмасонство; отбрасывая іероглифы и символы, вы берете у насъ нѣчто весьма важное, незамѣнимое; вы собираетесь разорвать цѣпь, связывающую насъ со многими тысячами братьевъ, разсѣянныхъ по лицу земли".

Масонскіе символы и обряды имѣли глубокій внутренній смыслъ, выражая въ ритуальныхъ дѣйствіяхъ и вещественныхъ знакахъ масонскія идеи. „Глупецъ символами ослѣпляется,—напечатано въ свободнокаменщическомъ журналѣ 1784 г.,—нескромный любопытникъ приводится въ смущеніе, мудрый только находитъ въ нихъ со внутреннимъ удовольствіемъ выраженіе своихъ положеній и понятій". Серьезный взглядъ на масонскій символизмъ былъ присущъ многимъ масонамъ, и въ 1814 г. русскій маіоръ масонъ Королевскій выписывалъ изъ нѣмецкой рукописи: „предки наши не установили орденъ для театральныхъ времяпрепровожденій, но для дѣятельности; пробудить людей отъ сна установленъ онъ ими". Общность знаковъ, общность символовъ и обрядовъ была силою масонства, и едва-ли правы тѣ, кто въ масонскомъ ритуалѣ склонны видѣть одно баловство наивной старины.

Будучи понятнымъ для масоновъ, ихъ символизмъ, подъ защитою окружавшей его тайны, оставался мало извѣстнымъ для „профановъ". Одинъ изъ руководителей московскаго масонства Руфъ Степановъ говорилъ, что языкъ въ ложахъ—іероглифическій и можетъ открыть неизвѣстное и закрыть извѣстное, указывая на двойственное значеніе символа. Правительственныя власти тоже признавали, что масонская символика имѣетъ непосредственную связь съ сущностью масонскаго ученія. Такъ, въ 1810 году вмѣстѣ съ масонскими уставами отъ масонскихъ властей были затребованы и

ритуалы; въ 1792 году, въ программу допроса масона, студента Колокольникова, Императрица Екатерина включила собственноручно вопросъ: „что за кафтанъ голубой съ золотымъ камзоломъ и черное исподнее платье и кто оное носилъ?“ Въ сохраненіи масонской тайны, тайны символовъ и обрядовъ посвящаемый въ братство обязывался приносить клятву надъ священнымъ писаніемъ, надъ обнаженнымъ мечемъ; лишь изрѣдка клятва замѣнялась честнымъ словомъ; обыкновенно и при дальнѣйшихъ повышеніяхъ въ высшія степени обязательны были все новыя и новыя клятвы вѣрности. Особенный смыслъ имѣли эти клятвы потому, что, слѣдуя основнымъ законамъ вольнокаменщическаго братства, масоны вообще обязаны были избѣгать выдачи масонской тайны какимъ бы то ни было способомъ; обряды и символика, по мѣрѣ возможности, передавались изустно, послѣ клятвы молчанія. Однако подробности масонскихъ тайностей иногда дѣлались извѣстны профанамъ изъ разоблаченій масоновъ-отступниковъ. „Я есмь, государи мои, усердный таинствъ вашихъ предатель, восклицаетъ авторъ книги „Масонъ безъ маски“, масонъ-„бѣглецъ“, поставившій себѣ цѣлью „раздрать священную ту завѣсу, которая закрываетъ тайности“. Съ теченіемъ времени, при размноженіи масонскихъ системъ и увеличеніи работавшей братіи, обрядники и уставы чаще переписываются и дѣлаются достояніемъ все большаго числа братьевъ. Вотъ почему и до насъ дошло сравнительно много даже одинаковыхъ списковъ однихъ и тѣхъ же обрядниковъ и не сокрыты тайной обряды самые сокровенные, присяги самыя заклинательныя. Послѣ запрещенія масонства въ 1826 году братья-масоны сочли необходимымъ снова возвратиться къ первоначальной строгости и ограничить доступъ къ актамъ. Во второмъ пунктѣ постановленія, начертаннаго 10 сентября 1827 года для руководства членамъ тайнаго масонскаго союза, читаемъ: „вкралось въ обычай давать всякому брату акты его степени, отчего число списковъ весьма увеличилось, и не мудрено, если они попадутъ въ руки непосвященныхъ; то для прекращенія такого скромности противнаго дѣйствія отнынѣ впредь акты списывать давать только тѣмъ братьямъ, коимъ будетъ ввѣрено руководство другихъ съ условіемъ, чтобы они отнюдь никому не давали оныхъ списывать, а желающимъ заниматься ими чаще сами бы имъ читали или при себѣ давали читать имъ. Но и симъ братьямъ давать списывать акты неполные, а самое изъ нихъ нужное, какъ-то: по іоанновскимъ степенямъ—приготовленіе къ тремъ степенямъ, уставъ свободнокаменщическій, общія учрежденія, законы“ и т. д.

Въ символахъ трехъ низшихъ масонскихъ степеней выражены истинные завѣты масонства. Поэтому іоанновскія степени, т. е.

степени ученика, товарища и мастера, именуются символическими.

Въ іоанновскомъ масонствѣ главными символическими знаками были: блистающая звѣзда, солнце, луна и звѣзды; циркуль, прямоугольникъ, перпендикуляръ, ватерпасъ, 24-дюймовый масштабъ, чертежная доска, дикій и кубическій камни, золотой шнуръ, связанный кафинскимъ узломъ, мозаиковыя украшенія, лопаточка, молотокъ, перчатки, запонъ, шляпа и шпага.

Въ объясненіи русскаго масона гр. М. Ю. Віельгорскаго, сдѣланномъ имъ для братьевъ, блистающая звѣзда „можетъ сравненіе имѣть со священнымъ огнемъ, который завсегда горѣлъ въ Соломоновомъ храмѣ“, или съ сѣверной звѣздой, освѣщающей темной ночью путь мореплавателямъ; подобно этой звѣздѣ, свѣтъ ума долженъ всегда освѣщать дѣянія масоновъ. Солнце, луна и звѣзды должны напоминать масонамъ объ ихъ должности „бдѣть надъ своими дѣйствіями во всѣ часы дня и ночи“. По другому толкованію, солнце—это сила дѣйствующая, луна—сила страждущая, блистающая звѣзда—душа, оживляющая всю природу. Циркуль знаменуетъ замкнутость масонскаго ордена; циркуль же знаменуетъ разумъ. Памятуйте, поучалъ Віельгорскій, что Великій Строитель Міра далеко распростертымъ циркулемъ размѣряетъ и розыскиваетъ вашу работу; сего ради размѣряйте сами дѣйствія свои циркулемъ разума, располагайте поступки свои по чертѣ и углу совѣсти, полагайте основаніе по отвѣсу опыта и сооружайте зданіе по перпендикуляру красоты. Угломѣръ знаменовалъ еще прямодушіе, справедливость и нравственность, линейка равенство, ватерпасъ также равноправность и равенство всѣхъ людей; 24-дюймовый масштабъ училъ всѣ мгновенія жизни, всѣ силы посвящать избранному труду. Чертежная доска указывала необходимость—неуклонно слѣдовать разъ начерченному плану, а также прекрасное воздѣйствіе на людей добраго примѣра. Дикій камень—эмблема души; камень дикій можетъ быть обчищенъ, обсѣченъ и изглаженъ—также масонъ долженъ поступать со своими склонностями. Дикій камень означалъ и грубую нравственность, и хаосъ; кубическій камень—„обработанную нравственность“; молотокъ—символъ власти; лопаточка — снисхожденіе къ слабостямъ и порокамъ брата-человѣка, всѣ инструменты—святость труда. Полъ ложи нашей мозаиковый,—говорилъ въ заключеніе Віельгорскій,—въ знакъ разнообразныхъ внѣшнихъ отношеній людей, которые по рожденію и могилѣ всѣ равны. Золотой шнуръ, рамою окружающій ложу нашу и связанный кафинскимъ узломъ, знаменуетъ тѣсное единеніе всѣхъ членовъ ордена, связанныхъ узломъ братства. Бѣлыя перчатки—чистоту нравовъ; бѣлые же кожаные за-

поны—чистосердечіе и постоянство. Круглыя шляпы—знаменье свободы, шпага—защита добродѣтели и наказаніе злодѣйства, мертвыя головы и гробъ—презрѣніе смерти. Вѣтвь акаціи—безсмертіе духа и добрыхъ дѣлъ.

Изъ этихъ знаковъ часть была такихъ, которые принадлежали всѣмъ вообще масонамъ, лопаточка, напримѣръ; часть—такихъ, которые употреблялись и для украшенія ложъ и въ видѣ нагрудныхъ знаковъ (пылающія звѣзды); были знаки „по градусамъ", т. е. присвоенные извѣстнымъ масонскимъ степенямъ.

Ученической степени были присвоены:

бѣлыя перчатки;

бѣлый кожаный запонъ, безъ подкладки, безъ обшивки и безъ всякаго украшенія, съ кожанными же завязками;

серебряная неполированная лопаточка.

Товарищеской степени были присвоены:

бѣлыя перчатки;

бѣлый кожаный запонъ, съ тремя бѣлыми тафтяными розами, съ тафтяными лентами для привязыванія;

серебряная полированная лопаточка,

Мастерской степени были присвоены:

бѣлыя перчатки;

бѣлый запонъ съ тремя голубыми розами, голубою подкладкою, обшивкою и голубыми завязками;

золотая полированная лопаточка, на голубой шейной лентѣ;

небольшой ключикъ слоновой кости, на голубой шейной лентѣ.

Знаки также служили для отличія извѣстныхъ масонскихъ степеней.

Такъ молотки были у управляющаго мастера и обоихъ надзирателей; прямоугольникъ—у мастера; отвѣсы—у надзирателей; ораторъ имѣлъ медаль съ изображеніемъ трехъ вѣтвей, маслиничной, лавровой и акаціевой, и легендой: „здѣсь миръ даемъ другъ другу и получаемъ взаимно", секретарь имѣлъ медаль съ изображеніемъ трехъ столбовъ и легендой „здѣсь положили себѣ жилище сила, мудрость и красота", казначей имѣлъ медаль съ изображеніями трехъ соединенныхъ сердецъ и легендою—„сердца соединяетъ любовь и благодарность сопрягла любящихъ".

Цвѣтами іоанновскаго масонства были бѣлый, лазоревый, золотой. Въ регламентаціи своихъ орденскихъ украшеній масоны отличались большимъ постоянствомъ. Русскіе іоанновскіе мастера XIX вѣка имѣли золотую лопаточку и бѣлый съ голубымъ запонъ; двѣ низшія степени имѣли серебряныя лопаточки и совершенно бѣлые запоны. Между тѣмъ, чуть ли не за сто лѣтъ предъ этимъ, въ

1734 г., въ Англіи, было постановлено, чтобы „никто, кромѣ великаго мастера, его кандидата и надзирателя, не могъ носить на шеѣ, на голубыхъ лентахъ, ихъ золотыхъ знаковъ и бѣлыхъ кожаныхъ передниковъ съ голубымъ шелкомъ“. Голубой цвѣтъ означалъ стремленіе къ небу, т. е. идеалу, золото, какъ чистѣйшій металлъ, также знаменовало чистоту побужденій, бѣлый цвѣтъ—чистоту всѣхъ дѣяній.

Почти всѣ масонскіе знаки изображались на масонскомъ коврѣ, изученіе котораго въ силу этого имѣетъ весьма важное значеніе въ вопросѣ о масонскомъ ритуалѣ.

Каждая масонская ложа имѣла свой отдѣльный знакъ. Его носили братья этой ложи въ петлѣ кафтана, обыкновенно въ третьей. Онъ же изображался иногда въ печатяхъ этой ложи и въ ея виньеткахъ. Такъ, знакомъ ложи соединенныхъ друзей былъ золотой прорѣзной треугольникъ съ двумя соединенными другъ съ другомъ руками и легендою—Les amis réunis; знакъ ложи Петра къ истинѣ былъ золотой крестъ съ обвившейся кругомъ него змѣей и литерами P. Z. W. (Peter zur Warheit); знакомъ ложи Изиды была золотая змѣя, обвивающая треугольникъ, съ греческою надписью ΙΣiΣ; знакомъ ложи Ищущихъ Манны былъ золотой крестъ въ золотомъ кольцѣ съ легендою: „исполняй понятное, поймешь непонятное“; знакомъ ложи Избраннаго Михаила былъ простой серебряный крестъ съ литерами И. М. и съ обвившейся кругомъ змѣей; змѣя на знакахъ ложъ имѣла видъ кольца и изображалась держащей хвостъ въ пасти.

Засѣданія въ ложахъ бывали поучительныя, пріемныя для пріема новыхъ членовъ, для повышенія въ слѣдующую степень, траурныя, столовыя (для совершенія общебратской трапезы), торжественныя (для празднованія Іоаннова дня, дня основанія ложи) и пр. Всѣ эти засѣданія были обставлены символическими обрядами.

Для примѣра я схематически изложу обрядъ принятія въ ученики, въ низшую масонскую степень.

Вступать въ Соломоновъ храмъ, т. е. въ масонство, могъ стремиться тотъ, кто почувствовалъ „духовный гладъ“ и, понявъ, что его окружалъ мракъ, искалъ свѣта. Это стремленіе къ свѣту знаменовалось всей обстановкой, при которой начинался обрядъ принятія въ ученики.

Новопринимаемаго помѣщали въ темную комнату—„въ мрачную храмину“, гдѣ слабо мерцающій изъ черепа свѣтъ едва позволялъ различить отверстую библію. Масонскія разсужденія часто касаются этого положенія новопринимаемаго въ тьмѣ: „вы не болѣе увидѣли, какъ токмо находящуюся вокругъ васъ мрачность; желающій свѣта

долженъ прежде узрѣть тьму, окружающую его, и, отличивъ ее отъ истиннаго свѣта, обратить къ нему свое вниманіе".

Не успѣвалъ еще жаждавшій свѣта освоиться съ окружавшей его обстановкой, какъ выходилъ къ нему обрядоначальникъ и, придавъ ему видъ просителя языческихъ временъ, т. е. обнаживъ ему плечо и грудь и разувъ ногу, завязывалъ ему глаза. Приставя къ его груди мечъ, онъ приглашалъ его слѣдовать за собою. „Такъ труденъ путь къ добродѣтели,—тихимъ и мѣрнымъ голосомъ говорилъ обрядоначальникъ,—такъ въ жизни мы странствуемъ, прошедшее для насъ темно, будущее неизвѣстно". Всѣ старанія употреблялись, чтобы путь сдѣлать неудобнымъ, чтобы вызвать чувство жутк[illegible]ти или хотя бы волненіе. Такъ вели новопринимаемаго изъ храмины въ ложу, бросали ему подъ ноги фальшфейера, вели его корридорами, то опускаясь, то подымаясь; раздавались таинственные угрожавшіе голоса о томъ, готово ли желѣзо, достаточно ли оно разгорячено; слышался лязгъ оружія; проводили принимаемаго подъ „желѣзнымъ сводомъ", т. е. подъ скрещенными шпагами двухъ рядовъ братьевъ, стоящихъ другъ къ другу лицомъ. Путешествіе совершалось съ наложенною на глаза посвящаемаго повязкою, которая напоминала о необходимости обращенія внутрь себя, къ источнику нашей жизни, т. е. къ сердцу. Путешествіе до ложи сопровождалось такимъ образомъ испытаніемъ силы воли принимаемаго, стойкости его желанія вступить въ орденъ. Оно знаменовало, что труденъ путь къ добродѣтели и что „если бы невидимая рука не путеводительствовала нами, погибель бы наша была неизбѣжна".

Посвящаемый приближался къ ложѣ. О ея близости онъ угадывалъ по доносившемуся къ нему пѣнію: въ ложѣ, хоромъ, громко и явственно, братья пѣли ритуальную пѣснь:

Отъ насъ, злодѣи, удаляйтесь,
Которы ближняго тѣснятъ;
Во храмахъ нашихъ не являйтесь,
Которы правды не хранятъ!
    Тѣснитъ кто бѣдныхъ завсегда, } bis.
    Тому затворенъ входъ сюда.

Во двери, крѣпко затворенны,
Премудрые вступаютъ къ намъ,
Единой честью привожденны,
Невинность ихъ ведетъ въ нашъ храмъ.
    Когда-жъ изъ храма вонъ пойдутъ, } bis.
    Съ собою скромность понесутъ.

Оставьте гордость и богатство,
Оставьте пышность и чины,
Они устроятъ вамъ препятства,
Имъ двери къ намъ затворены.
Здѣсь то едино веселитъ,
Что добродѣтель намъ сулитъ. } bis.

Въ ложу входятъ черезъ три удара, знаменующіе „ищите и обрящете,“ „просите и дастся вамъ“, „толцыте и отверзется“, а также рожденіе, смерть и воскресенье. Совершаются, съ завязанными у посвящаемаго глазами, три путешествія вокругъ ковра, и тремя шагами, онъ приближается къ жертвеннику. Здѣсь посвящаемый, положивъ руки на жертвенникъ, „по вѣрѣ“, какъ гласитъ обрядникъ, т. е. не видя, „ощущаетъ Слово Божіе и изрекаетъ священный союзъ съ орденомъ присягою“ [1]). Путешествіе и шаги означали жизнь по слѣпой вѣрѣ.

Послѣ присяги повязка спадаетъ съ глазъ принимаемаго. Онъ—не въ темной храминѣ, а въ сверкающемъ бѣлизной залѣ. На возвышеніи о трехъ ступеняхъ, подъ голубымъ балдахиномъ стоитъ раззолоченное кресло, обитое голубымъ бархатомъ. Предъ кресломъ обтянутый голубымъ же бархатомъ алтарь. На алтарѣ—обнаженный мечъ и Евангеліе, открытое на первой главѣ отъ Іоанна. Въ золоченыхъ свѣтильникахъ зажжены восковыя свѣчи. Золотымъ сіяньемъ надъ трономъ сверкаютъ раззолоченые лучи искусно сдѣланнаго солнца. Сверкаетъ пламя большой золотой звѣзды надъ алтаремъ. Бѣлый атласный коверъ, росписанный красками, разостланъ посреди зала. Лазоревый цвѣтъ тканей, бѣлизна стѣнъ, золото знаковъ и украшеній ослѣпляютъ глаза.

Посвящаемый видитъ братьевъ, держащихъ свои шпаги „устремленными“ противъ него. Ему поясняется, что эти мечи готовы на его защиту, если онъ будетъ исполнять всѣ обязанности, „свойственныя рыцарямъ свободнымъ каменщикамъ“, но тѣ же мечи устремятся противъ него „при нарушеніи клятвы и союза“. Снова,

---

[1]) Текстъ страшной присяги при посвященіи въ ученики, по редакціи, приведенной въ книгѣ „Масонъ безъ маски“, гласилъ: „я клянусь предъ лицомъ великаго зиждителя вселенныя, то есть Бога, что никогда не открою таинствъ масонства ни прямо, ни околичностью, ни изустно, ни на письмѣ, ни знаками, ни видомъ, ниже какимъ инымъ способомъ; въ противномъ случаѣ буди отсѣчена глава моя, выколоты очи мои, пронзена грудь моя, исторжено сердце мое и выкинуты чревы мои и буди все тѣло мое сожжено и въ прахъ обращено и развѣяно вѣтромъ по землѣ и буди память моя на вѣки истреблена отъ земли живыхъ; въ томъ да поможетъ мнѣ Богъ и святое Евангеліе: аминь“.

тремя шагами, направляется къ алтарю ищущій свѣта, но, ступая теперь съ открытыми глазами, онъ видитъ, что дѣлаетъ первый шагъ—на дикій камень, второй—на кубическій камень, третій—на пламенѣющую звѣзду. Склонивъ колѣна, онъ приноситъ предъ алтаремъ вторую присягу.

Раздается пѣнье:

Изъ мрака мы себя изводимъ,
Разсудкомъ, волей и умомъ,
Во храмъ премудрости приходимъ
Терпѣньемъ, мужествомъ, трудомъ,
Блаженство вышнее вкушаемъ,
Для вѣрности свою мы кровь
Со кровью братіевъ мѣшаемъ,
Хранимъ честь, братство и любовь;
Согласіе, единство, равность
Даютъ законъ священный намъ.

Великій Мастеръ приставляетъ къ лѣвой груди новопринимаемаго циркуль и тремя ударами молотка по этому циркулю принимаетъ его въ братство.

I. „Силою власти моея и сана мною управляемаго".

(Первый ударъ).

II. „Силою благоволенія и согласія всѣхъ присутствующихъ и по всей землѣ разсѣянныхъ братій".

(Второй ударъ).

III. „Пріемлю тебя въ свободные каменщики, ученики и сочлены сего почтеннаго ордена".

(Третій ударъ).

Часто, желая произвести впечатлѣніе, удары наносились столь сильно, что вытекала кровь въ подставленную хрустальную чашу, наполовину наполненную красной влагой, представлявшей кровь ранѣе принятыхъ братьевъ. Иногда же это искусно симулировалось: на грудь капали-какую нибудь красную жидкость, а принимаемый, находясь въ приподнятомъ настроеніи, не замѣчалъ этой симуляціи, о которой однако записано въ нѣкоторыхъ ритуалахъ.

„Мѣняю имя ваше на имя брата, которое должно почитать за священное",—говорилъ затѣмъ мастеръ, и новый братъ отъ всѣхъ другихъ братьевъ получалъ братское троекратное цѣлованіе. Ему вручались бѣлыя перчатки, бѣлый запонъ, серебряная лопаточка и знакъ ложи, а также дѣлалось объясненіе ученическаго ковра и сообщались ученическіе „знакъ, прикосновеніе,

слово". Ученическій знакъ—шейный, въ ознаменованіе того, что „ученикъ скорѣе долженъ пожертвовать своей головою, чѣмъ открыть тайны сея степени". Ученическое слово Іакинъ должно напоминать могущество Бога и ничтожество человѣка. Ученическое прикосновеніе дѣлается тройкимъ пожиманіемъ у перваго пальца третьяго сустава.

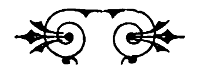
Братъ-риторъ произноситъ поучительное слово о братствѣ и равенствѣ, призывая къ добродѣтели. „Отнынѣ ты ученикъ іоанновскій,—говоритъ риторъ,—ты одно лишнее звено въ великой цѣпи всемірнаго каменщическаго братства. Цѣль ордена вольныхъ каменщиковъ—исправленіе рода человѣческаго примѣрами благочестія и добродѣтели въ членахъ нашихъ, ибо примѣры сильнѣе всѣхъ усовѣщеваній дѣйствуютъ въ сердцѣ человѣческомъ. Если и явный злодѣй не страшится публично хвастаться правилами и подвигами своими, то неужели ты, принявшій званіе свободнаго каменщика, ученикъ іоанновскій, устыдишься показывать собою образецъ добродѣтели?"

Послѣ слова ритора слѣдовала братская трапеза, за которой пились здравицы въ честь Государя, пилось за повиновеніе законамъ, за любовь къ отечеству и процвѣтаніе ордена въ Россіи и за единеніе всего рода человѣческаго въ одну семью. Ложа заканчивалась составленіемъ братской цѣпи и пѣснью: „составимъ цѣпь, сплетясь руками, въ залогъ друзьямъ поставимъ грудь".

Таково было символическое іоанновское масонство. Таковъ былъ общій характеръ его символовъ и обрядовъ.

Тира Соколовская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Записи, сдѣланныя со словъ покойнаго г.-а. Александра Михайловича Рылѣева.

Вѣнчаніе Государя Императора Александра Николаевича съ княжной Екатериной Михайловной Долгорукой, получившей затѣмъ фамилію княгини Юрьевской, произошло въ воскресенье, 6-го іюля 1880 года, въ 3 часа 30 минутъ по-полудни въ Царскомъ Селѣ, во временной церкви, съ походнымъ иконостасомъ Императора Александра I. Эта временная церковь была устроена раньше, а именно во время болѣзни Императрицы Маріи Александровны, чтобы Ея Величество могла избѣгнуть длиннаго перехода изъ внутреннихъ покоевъ въ большую церковь.

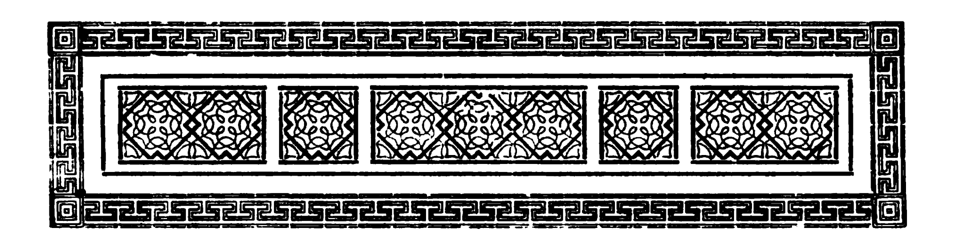
Вѣнчалъ придворный митрофорный священникъ, сакеларій церкви Зимняго Дворца, Ксенофонтъ Яковлевичъ Никольскій, очень долго передъ этимъ бывшій священникомъ и законоучителемъ Пажескаго Е. И. В. корпуса. Въ служеніи участвовалъ придворный протодьяконъ Поповъ; пѣлъ псаломщикъ Ловцовъ.

Шаферами были: у княжны Долгорукой—генералъ-адъютантъ Александръ Михаиловичъ Рылѣевъ, у Государя—генералъ-адъютантъ графъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ. Присутствовалъ графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ, вопреки показаніямъ Ровинскаго, не присутствовалъ, а былъ представленъ Государемъ княгинѣ Юрьевской уже впослѣдствіи.

Гр. А. Вл. Адлербергъ былъ противникомъ этой свадьбы и послѣ брака, къ интимному, вечернему чаю болѣе не приглашался.

Сообщилъ П. П.

Къ финляндскому „вопросу“.[1])

Заключеніе по проекту основныхъ законовъ Великаго Княжества Финлядскаго: „формы правленія“ и „сословныхъ привилегій“, выработанному особымъ учрежденнымъ, по Высочайшему повелѣнію 9/21 Марта 1885 г., комитетомъ въ г. Гельсингфорсѣ.

Въ печатаемой ниже части своего заключенія ст. секр. Э. В. Фришъ подробно разбираетъ, по статьямъ, важнѣйшій государственный актъ старо-шведской конституціи, а именно „Форму Правленія 21 августа 1772 года“. Актъ этотъ финляндцы полагаютъ въ основу своихъ притязаній и въ настоящее время Императорскій Финляндскій Сенатъ, во всеподданнѣйшемъ представленіи отъ 1-го Іюня 1907 года, предлагая составленный имъ по собственной иниціативѣ проектъ новаго основного закона для Великаго Княжества, мотивируетъ это необходимостью замѣны старыхъ основныхъ законовъ, „Формы Правленія 1782 года и Акта соединенія 1789 года“, считая ихъ какъ-бы дѣйствующими въ Финляндіи. Между тѣмъ изъ соображеній, приведенныхъ ниже, съ полною очевидностью вытекаетъ, что не только законы эти не могутъ считаться примѣнимыми къ новому положенію Финляндіи подъ властью Россіи, послѣ 1809 года, но что съ ними и не считалось позднѣйшее законодательство по Финляндіи, установившее, въ царствованія императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, цѣлымъ рядомъ узаконеній, изданныхъ *безъ всякаго участія сейма*, весь нынѣшній особый порядокъ ея внутренняго устройства и управленія. Оказывается, что для обоснованія этого порядка на прежнемъ старо-шведскомъ законодательствѣ, финляндскимъ юристамъ приходится (какъ это и дѣлала Вейссенберговская комиссія 1885 года) дѣлать всяческія натяжки и даже входить въ явныя противорѣчія съ самими собою. Новѣйшіе законодатели (т. е. сенатъ 1907 года) поступили въ этомъ отношеніи гораздо проще. Они оставили непроизводительныя и безплодныя попытки съ цѣлью обосновать свои притязанія и стремленія на почвѣ старо-шведской конституціи, а просто составили проектъ сообразно съ требованіями своихъ нынѣшнихъ вожделѣній. Въ немъ, поэтому, не найдется болѣе повода къ какимъ-либо пререканіямъ или толкованіямъ, а прямо закрѣпляется отдѣльное финляндское государство, связанное съ Россіею только въ лицѣ общаго монарха, да еще въ томъ, что „политическія отношенія Финляндіи къ иностраннымъ государствамъ зависятъ отъ отношеній къ нимъ Имперіи и одинаковы съ сими послѣдними“ (п. 3-й § 2-го проекта).

---

[1]) См. „Русская Старина“, 1907 г., октябрь.

Въ частности необходимо имѣть въ виду, относительно Формы Правленія 1772 года, что она явилась результатомъ „революціи сверху", устроенной Густавомъ III въ цѣляхъ укрѣпленія королевской власти, расшатанной и доведенной почти до ничтожества въ Швеціи долголѣтнимъ (съ 1720 г.) „періодомъ свободы" (frihetstiden). Время это отмѣчено въ исторіи полнымъ господствомъ въ государствѣ политическихъ партій, боровшихся за власть и истощавшихъ страну хуже, чѣмъ злоупотребленія временъ Карла XII, правленіе котораго носило характеръ вполнѣ деспотическій.

Густавъ III, опасаясь, что Швецію постигнетъ судьба Польши, рѣшилъ добиться усиленія своей власти и 19 августа 1772 года, послѣ обычнаго развода, опираясь на вѣрныя ему войска, окружилъ ими во дворцѣ членовъ совѣта, принялъ на улицахъ отъ народа восторженныя манифестаціи, а 21 августа, лично открывъ сеймъ, въ краснорѣчивыхъ словахъ изобразилъ печальное состояніе королевства и предложилъ возстановить порядокъ управленія временъ Густава Адольфа, по которому съ короля совершенно снималась опека Государственнаго Совѣта и устанавливалась болѣе упорядоченная система законодательства при содѣйствіи риксдага. Тѣмъ не менѣе власть короля осталась въ извѣстныхъ отношеніяхъ ограниченной; новые законы могли издаваться, или старые измѣняться, только съ согласія государственныхъ чиновъ; такое же согласіе требовалось на установленіе новыхъ налоговъ и повинностей, а также на веденіе наступательной войны. Наконецъ, предоставленъ риксдагу контроль надъ финансами.

Такимъ образомъ, шведская Форма Правленія 1772 года, хотя и укрѣпляла въ значительной степени власть шведскаго короля, но все же являлась результатомъ *договора* между нимъ и представителями націи, самый фактъ существованія котораго уже свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ ограниченіи въ данномъ случаѣ королевской власти...

Несостоятельность толкованій финляндцевъ о томъ, что старо-шведскіе конституціонные законы 1772 и 1789 г.г. были утверждены императоромъ Александромъ I для Финляндіи въ 1809 году въ качествѣ дѣйствующихъ въ ней основныхъ законовъ, доказана съ полною очевидностью въ отзывѣ Н. А. Манассеина (см. „Русская Старина", сентябрь 1907 г.). Все послѣдующее законодательство, приведенное неоднократно Э. В. Фришемъ, согласно которому установлены такія учрежденія Финляндіи, какъ напримѣръ ея Сенатъ, Статсъ-Секретаріатъ, управленіе губерніями и проч., являлись бы *сплошнымъ нарушеніемъ* этихъ актовъ, такъ какъ всѣ эти установленія Финляндіи (не считая многаго другого) совершенно не въ порядкѣ старо-шведской конституціи, воспрещавшей, между прочимъ, имѣть генералъ-губернаторовъ; а между тѣмъ, такое высшее должностное лицо существуетъ постоянно въ Финляндіи со дня ея окончательнаго присоединенія къ Россійской Имперіи.

Несмотря на все это, финляндскій „вопросъ" и поднесь остается „вопросомъ". На финляндцевъ нимало не дѣйствуютъ даже такія Высочайшія резолюціи, какъ „*О Формѣ Правленія пора было-бы забыть*" [1]) и нынѣ, спустя восемнадцать почти лѣтъ послѣ отзывовъ Н. А. Манассеина и Э. В. Фриша, они, какъ извѣстно, повторяютъ, но только еще болѣе опредѣленно и увѣренно, совершенно тѣ же домогательства. *Н. А. Т—нъ.*

---

[1]) См. сборникъ матеріаловъ по составленію и пересмотру устава о военной повинности въ Финляндіи". Изд. Гл. Штаба (стр. 110-я).

II. Форма правленія 21 Августа 1772 года.

Затѣмъ вторымъ по времени и главнымъ источникомъ основныхъ законовъ Финляндіи комитетъ признаетъ форму правленія 21 Августа 1772 г., по поводу которой слѣдуетъ вообще замѣтить, что этотъ законъ, существенно измѣненный актомъ соединенія и охраненія 1789 г. и въ 1809 г. вполнѣ замѣненный въ самой Швеціи новою формою правленія 6 Іюня этого года, съ присоединеніемъ Финляндіи къ Имперіи, оказывается замѣненнымъ почти во всѣхъ его частяхъ изданными въ позднѣйшіе послѣ 1809 годы узаконеніями. Между тѣмъ комитетъ считаетъ означенный законъ, за исключеніемъ лишь весьма немногихъ статей, вполнѣ примѣнимымъ къ настоящему положенію Великаго Княжества и приводитъ почти всѣ его статьи въ цитатахъ подъ статьями своего проекта. Непримѣнимыми къ Финляндіи комитетъ признаетъ только ст. 3, 7, 29 и 30, часть ст. 34, ст. 35 и 36, часть ст. 38 и ст. 53 и 56, всего восемь статей и части другихъ двухъ. Внимательное и безпристрастное разсмотрѣніе содержанія этого древняго шведскаго закона и надлежащее соображеніе его съ дѣйствующими въ Финляндіи позднѣйшими узаконеніями не подтверждаетъ однако помянутаго заключенія комитета.

Въ статьѣ 1 формы правленія 1772 г. выражено, что единство въ религіи и правильномъ богопочитаніи есть самая крѣпкая основа для достойнаго, согласнаго и прочнаго правленія и посему какъ Короли, такъ и всѣ должностныя лица и подданные въ шведскомъ государствѣ должны держаться слова Божія въ томъ видѣ, какъ оно истолковано въ катехизисѣ Лютера и въ неизмѣнномъ Аугсбургскомъ исповѣданіи и установлено на Упсальскомъ собраніи и въ прежнихъ государственныхъ постановленіяхъ и поясненіяхъ къ нимъ, такъ что права церкви должны быть поддерживаемы, безъ нарушенія, однако, какихъ-либо правъ Короля, казны и всего народа шведскаго. Комитетъ считаетъ эту статью дѣйствующею въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и заимствуетъ изъ нея три статьи проекта формы правленія (5, 7 и 9), хотя и въ мотивахъ къ нимъ (стр. 19) замѣчаетъ, что и въ средѣ бывшаго шведскаго правительства понятія о терпимости въ дѣлахъ вѣры въ разное время были не одинаковы, и что въ особенности православное населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей шведскаго королевства со времени Столбовскаго мира пользовалось правомъ безпрепятственнаго отправленія религіи. Далѣе въ мотивахъ къ проекту комитетъ признаетъ, что обязательство Монарха исповѣдывать евангелическо-лютеран-

скую вѣру утратило значеніе вслѣдствіе провозглашенія Императора Россіи Великимъ Княземъ Финляндіи. Комитетъ упоминаетъ также о Высочайшемъ постановленіи 14 Августа 1827 г., коимъ предоставлено лицамъ православнаго греко-россійскаго исповѣданія, проживающимъ въ Финляндіи или переселившимся туда, право поступать на финляндскую гражданскую и военную службу; но комитетъ не признаетъ за этимъ постановленіемъ законной силы, потому что оно состоялось безъ участія сейма (мот. къ пр. ф. пр., стр. 20), упуская изъ вида, что этотъ мотивъ одинаково примѣнимъ и къ Высочайшимъ постановленіямъ о Финляндскомъ Сенатѣ, Статсъ-Секретаріатѣ и вообще ко всѣмъ узаконеніямъ, изданнымъ въ періодъ времени съ 1809 г. по 1863 г., когда сеймы созываемы не были; между тѣмъ на законахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ этого времени въ дѣйствительности основывается существующее управленіе Финляндіею, отличное отъ управленія Имперіею. Ближайшее засимъ разсмотрѣніе ст. 1 формы правленія 1772 г. показываетъ, что оня не согласуется не только съ постановленіемъ 1827 г., но и съ цѣлымъ рядомъ другихъ дѣйствующихъ въ Финляндіи законоположеній. По статьѣ 6 церковнаго уложенія 6 Декабря 1869 г., если какой-либо членъ евангелическо-лютеранской церкви въ Финляндіи пожелаетъ, на основаніи своего убѣжденія, отдѣлиться отъ этой церкви и перейти въ другое церковное общеніе, то церковь не должна ему въ семъ препятствовать; на этомъ основаніи статья 3 глава 1 отдѣла о преступленіяхъ въ общемъ уложеніи 1734 г., опредѣлявшая изгнаніе изъ государства за отпаденіе отъ евангелическаго вѣроученія и переходъ въ другую вѣру, показана была въ позднѣйшихъ изданіяхъ этого кодекса отмѣненною. По статьѣ 14 сеймоваго устава 15 Апрѣля 1869 г. финляндецъ, даже исповѣдующій нехристіанскую вѣру, имѣетъ право участвовать въ выборахъ сеймовыхъ депутатовъ, а слѣдовательно считается, по терминологіи проекта, финляндскимъ гражданиномъ. По недавно изданному закону 11 Ноября 1889 г. всѣмъ финляндскимъ гражданамъ, исповѣдующимъ христіанскую религію, предоставлено право поступать на финляндскую службу, за исключеніемъ лишь должностей по духовному вѣдомству лютеранскаго исповѣданія и должностей преподавателей исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Православныя церкви въ Финляндіи, состоящія по Именнымъ указамъ 11 Декабря 1811 г. и 2 Августа 1823 г. въ вѣдомствѣ епархіальнаго начальства подъ главнымъ управленіемъ Святѣйшаго Синода, пользуются и нынѣ охраною закона (Выс. пост. 1869 г. Дек. 6), при чемъ дѣла объ отпаденіи отъ православія слѣдуютъ подсудности, опредѣленной въ Именномъ указѣ 22 Іюля 1817 г.

Ввиду всѣхъ означенныхъ узаконеній, мнѣніе комитета о примѣнимости статьи 1 формы правленія 1772 г. и сдѣланные имъ отсюда выводы, будто бы, только евангелическо-лютеранское вѣроисповѣданіе есть публичная религія Финляндіи (ст. 5 проекта), будто бы на службѣ страны могутъ быть употребляемы послѣдователи не всѣхъ христіанскихъ исповѣданій (ст. 7 проекта) и будто бы послѣдователи нехристіанской религіи не могутъ получать права гражданства въ Финляндіи (ст. 9 проекта), оказываются несоотвѣтствующими мѣстнымъ дѣйствующимъ законамъ [1]).

Статья 2 формы правленія 1772 г. содержитъ въ себѣ краткую выписку изъ главы 4 королевскаго отдѣла земскаго уложенія 1442 г. на которое поэтому и сдѣлана въ ней ссылка и о которомъ упомянуто выше. По существу своему эта статья есть простое послѣдствіе установленнаго порядка судопроизводства, опредѣленнаго правилами, изложенными въ послѣднемъ отдѣлѣ дѣйствующаго нынѣ въ Финляндіи общаго уложенія 1734 г. (о судопроизводствѣ) со всѣми слѣдующими къ нему дополненіями; поэтому, вмѣсто ссылки на земское уложеніе 1442 г., въ статьѣ 2 акта соединенія и охраненія 1789 г. сдѣлана болѣе правильная ссылка на уложеніе 1734 года.

Статья 4 формы правленія 1772 г. содержитъ въ себѣ правила о государственномъ совѣтѣ шведскаго королевсства, члены коего избирались Королемъ изъ урожденныхъ рыцарей и свеновъ, при чемъ ординарныхъ членовъ положено было имѣть 17, включая въ это число высшія государственныя должности и генералъ-губернатора Помераніи. Комитетъ считаетъ эту статью примѣнимою къ Великому Княжеству Финляндскому и основываетъ на ней въ своемъ проектѣ три положенія (ст. 17, 21 и 24), а именно: 1) что статсъ-секретари Великаго Княжества Финляндскаго должны быть урожденными финскими людьми; 2) что Финляндскій Сенатъ отвѣтственъ только предъ Императоромъ и Великимъ Княземъ, и 3) что въ члены Сената призывается нужное число урожденныхъ финляндскихъ людей.

Первое изъ этихъ положеній (ст. 17 проекта) не согласуется, однако, съ позднѣйшими по сему предмету узаконеніями. По статьѣ 1 манифеста 17 Марта 1826 г. Статсъ-Секретарь Великаго Княжества Финляндскаго назначается Государемъ Императоромъ и по указу 23 Декабря 1834 г. именуется Министромъ Статсъ-Секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго; эта должность единоличная и

[1]) Въ современномъ проектѣ проводится принципъ свободы вѣроисповѣданія, но лишь для „финляндскихъ гражданъ“, при чемъ свобода эта „не должна быть нарушаема со стороны властей или какихъ-либо церковныхъ обществъ“. *Т.*

говорить о нѣсколькихъ статсъ-секретаряхъ Финляндіи потому только, что въ государственной канцеляріи шведскаго королевства было нѣсколько статсъ-секретарей, не представляется никакого основанія; о назначеніи Министра Статсъ-Секретаря или его помощника исключительно изъ финскихъ уроженцевъ въ дѣйствующихъ нынѣ Финляндскихъ законахъ не упоминается, инструкція же Финляндской Коммиссіи отъ 26 Октября 1811 г., по которой всѣ члены коммиссіи и Статсъ-Секретарь финляндскихъ дѣлъ опредѣлялись изъ обывателей Финляндіи, отмѣнена за упраздненіемъ этой Коммисіи и учрежденіемъ взамѣнъ ея Статсъ-Секретаріата Высочайшимъ манифестомъ 17 Марта 1826 г., при чемъ этотъ законъ, опредѣляя подробно составъ и кругъ дѣйствія Статсъ-Секретаріата и порядокъ назначенія Статсъ-Секретаря, уже не содержитъ въ себѣ такого ограниченія, чтобы Статсъ-Секретарь могъ быть назначаемъ только изъ обывателей Финляндіи; равнымъ образомъ и въ изданномъ впослѣдствіи $\frac{\text{27 Марта}}{\text{7 Апрѣля}}$ 1857 г. манифестѣ объ учрежденіи при Статсъ-Секретаріатѣ комитета по финляндскимъ дѣламъ не имѣется подобнаго ограниченія, а сказано только, что Министръ Статсъ Секретарь, по званію своему, есть предсѣдатель комитета, а помощникъ его, по званію своему, членъ комитета, другіе же три члена комитета назначаются Государемъ Императоромъ каждый разъ на три года, при чемъ одинъ назначается непосредственно по усмотрѣнію Государя, а остальные два по представленію Генералъ-Губернатора и Сената, преимущественно изъ членовъ Сената, губернаторовъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ въ краѣ.

Что же касается второго и третьяго изъ приведенныхъ положеній (ст. 21 и 24 проекта), то примѣненіе къ Финляндскому Сенату постановленій формы правленія 1772 г., относившихся къ государственному совѣту Швеціи, не имѣетъ надлежащихъ основаній, если не считать таковыми нѣкотораго сходства прежняго именованія Сената Правительствующимъ Совѣтомъ (Regerings conseil) съ названіемъ шведскаго государственнаго совѣта (Rädkammaren), тѣмъ болѣе, что этотъ совѣтъ былъ упраздненъ въ самой Швеціи въ 1789 г. и замѣненъ верховнымъ королевскимъ судомъ и особымъ комитетомъ для подготовки государственныхъ дѣлъ къ докладу Королю. Въ дѣйствительности составъ Финляндскаго Сената и порядокъ назначенія его членовъ и учрежденныхъ указомъ 15 Іюня 1822 г. вице-предсѣдателей въ департаментахъ судебномъ и хозяйственномъ опредѣляется въ точности мѣстными узаконеніями Финляндіи: по статьѣ 5 регламента 6/18 Августа 1809 г. половина членовъ его избирается изъ дворянства, а другая половина изъ про-

чихъ сословій Финляндіи, при чемъ выборъ и назначеніе ихъ зависитъ отъ Государя Императора; съ присоединеніемъ Выборгской губерніи къ новой Финляндіи указомъ 23 Декабря 1811 г. назначены два новыхъ члена въ Финляндскій Сенатъ изъ обывателей этой губерніи, затѣмъ указомъ 1816 г. Февраля 9 обѣщано было избирать впредь въ члены Сената однихъ токмо коренныхъ финляндцевъ или водворившихся тамъ и финляндское гражданство пріобрѣвшихъ, а впослѣдствіи, при постепенномъ увеличеніи числа членовъ въ томъ и другомъ его департаментѣ, порядокъ періодическаго ихъ назначенія на каждые три года остался прежній (ср. Выс. пост. 1888 Іюл. 28). Всѣ эти мѣстныя узаконенія и постановленія не имѣютъ, однако, ничего общаго съ правилами 1772 г. о государственомъ совѣтѣ шведскаго королевства и, являясь постановленіями Верховной власти по дѣламъ мѣстнаго управленія, не могутъ быть почитаемы унаслѣдованными отъ Швеціи основными законами. Напротивъ того изъ регламента Правительствующему Совѣту $^{6}/_{18}$ Августа 1809 г. и въ особенности изъ Манифеста $^{9}/_{21}$ Февраля 1816 г. о переименованіи онаго въ Сенатъ, въ коемъ между прочимъ выражено: „находимъ Мы.... удобнѣйшимъ, согласно съ наименованіемъ Вышняго Правительства въ Государствѣ Нашемъ и въ присоединенномъ къ оному съ недавняго времени Царствѣ Польскомъ, дать и Финляндскому Высшнему Правительству названіе Финляндскаго Сената Нашего“.... представляется болѣе правильнымъ придти къ заключенію, что образцомъ для Финляндскаго Правительствующаго Совѣта (Сената) послужило дѣйствовавшее въ началѣ нынѣшняго вѣка учрежденіе Правительствующаго Сената Имперіи, а не шведскія государственныя установленія прошлаго столѣтія.

Статья 5 формы правленія 1772 г., по которой „Король имѣетъ управлять и владѣть замками и землями и всѣми своими и казенными доходами, спасать и защищать ихъ, какъ гласитъ законъ (lag) и сія форма правленія“, содержитъ въ себѣ (за исключеніемъ послѣднихъ ссылочныхъ словъ) выписку изъ королевскаго отдѣла уложенія Христофера 1442 г., о которомъ упомянуто выше. Комитетъ приводитъ эту статью подъ статьями 10, 12, 67 и 69 своего проекта, но содержаніе этихъ статей совершенно иное и не можетъ быть выведено изъ статьи 5 формы правленія. Такъ въ статьѣ 10 проекта сказано, что Императоръ и Великій Князь одинъ управляетъ Финляндіею способомъ, указаннымъ въ проектѣ и въ прочихъ законахъ Финляндіи, а въ статьѣ 12 проекта, что Императоръ и Великій Князь имѣетъ полную власть защищать, спасать и оборонять страну (т. е. Финляндію). Между тѣмъ власть управлять

Финляндіею на основаніи законовъ, а равно оборонять оную никакому сомнѣнію не подлежитъ. Что же касается неотчуждаемости казенныхъ имѣній (ст. 67 проекта) и употребленія казенныхъ доходовъ (ст. 69 проекта), то право пожалованія казенныхъ имѣній и доходовъ положительно опредѣляется статьею 15 регламента $^{6}/_{18}$ Августа 1809 г., а порядокъ завѣдыванія казенными имѣніями и употребленія государственныхъ доходовъ—позднѣйшими изданными послѣ 1809 г. узаконеніями.

Статья 6 формы правленія, по которой шведскій Король по вопросамъ о мирѣ и заключеніи союзовъ не вправѣ былъ измѣнять единогласное мнѣніе членовъ государственнаго совѣта, отмѣнена статьею 1 акта соединенія и охраненія 1789 г., какъ признаетъ и комитетъ въ мотивахъ къ своему проекту (стр. 108) [1]).

Статья 8 формы правленія 1772 г. содержитъ въ себѣ правила о распредѣленіи государственныхъ дѣлъ шведскаго королевства между членами государственнаго совѣта, о выслушаніи ихъ мнѣній и постановленій Королемъ рѣшенія по дѣламъ административнымъ, а также о разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ въ юстицъ-ревизіонной коллегіи (верховномъ королевскомъ судѣ по ст. 2 акта 1789 г.) изъ 7 государственныхъ совѣтниковъ въ присутствіи Короля, при чемъ послѣдній имѣетъ два голоса, а если мнѣнія членовъ раздѣлятся поровну, то рѣшающій голосъ. Комитетъ приводитъ эту статью подъ многими статьями своего проекта (ст. 11, 18, 23—26), примѣняя ее въ особенности къ Финляндскому Сенату и судебному его департаменту, къ вопросу о правѣ Генералъ-Губернатора участвовать въ разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ въ этомъ департаментѣ и о составѣ присутствія сего послѣдняго. Всѣ эти предметы, какъ признаетъ впрочемъ и комитетъ, опредѣляются ясно и положительно особыми мѣстными законами Финляндіи, а потому ссылка на статью 8 формы правленія 1772 г. представляется излишнею.

Статья 9 формы правленія 1772 г., ограничивавшая право помилованія, была повторена въ статьѣ 1 акта соединенія и охраненія 1789 г. съ исключеніемъ таковаго ограниченія, а потому должна считаться замѣненною этимъ позднѣйшимъ закономъ. Комитетъ

---

[1]) Однако, въ современный проектъ (п. 3-й § 59), оказалось-же, введена такая статья, согласно которой, при заключеніи Государемъ Императоромъ международнаго договора, „касающагося также и Финляндіи", сенатъ (Финляндскій) „обязанъ выяснить, являются-ли опредѣленія" этого договора „по содержанію своему такими, что они, въ силу настоящей формы правленія, не могутъ безъ согласія сейма быть изданы для руководства въ Финляндіи" и въ утвердительномъ случаѣ обязанъ „составить проектъ сеймового предложенія по дѣлу". *Т.*

приводитъ обѣ эти статьи подъ статьею 13 своего проекта, но излагаетъ оную въ смыслѣ позднѣйшаго закона, такъ что указаніе на статью 9 формы правленія оказывается излишнимъ.

Статья 10 формы правленія, ограничивавшая право шведскаго Короля назначать тѣхъ или другихъ лицъ на государственныя должности обязательнымъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ государственнаго совѣта и коллегій и установленіемъ особыхъ условій для принятія на службу иностранцевъ, замѣнена была въ Швеціи статьею 1 акта 1789 г., предоставившею Королю „постановлять по своему высокому благоусмотрѣнію о всѣхъ должностяхъ государства, которыя должны замѣщаться урожденными шведскими людьми". Подробныя правила о замѣщеніи должностей „не взирая на происхожденіе или особое сословіе" изложены были въ ст. 4 того же акта 1789 г. При этомъ, однако, порядокъ замѣщенія духовныхъ должностей, согласно разъясненію 2 Марта 1789 г., остался прежній, а также сохранилось и право коллегій и другихъ начальствъ по замѣщенію низшихъ должностей. Комитетъ считаетъ статью 10 формы правленія 1772 г. дѣйствующимъ до нынѣ закономъ Финляндіи и при водитъ ее подъ ст. 17 и 39—45 своего проекта, основывая на ней: 1) правило о томъ, что Финляндскіе Статсъ-Секретари должны быть урожденными финскими людьми (ст. 17 проекта), и 2) подробныя правила о замѣщеніи должностей по Финляндской службѣ, гражданской, военной и духовной, изложенныя въ ст. 39—45 проекта, при чемъ бывшія шведскія коллегіи замѣняетъ Финляндскимъ Сенатомъ, выраженіе: „чужіе иностранные люди" примѣняетъ и къ обывателямъ Имперіи, неимѣющимъ правъ финляндскаго гражданства, а употребленное въ актѣ 1789 г. выраженіе: „урожденные шведскіе люди" замѣняетъ урожденными финскими людьми. Выводы, сдѣланные комитетомъ изъ статьи 10, настолько не согласуются съ нею, что въ нихъ нельзя отыскать слѣда помянутаго источника (напр. въ ст. 39 проекта). Между тѣмъ порядокъ назначенія на должности опредѣляется въ Финляндіи мѣстными законами, правда весьма разбросанными и разновременными, но примѣняемыми нынѣ безъ всякаго соотношенія со статьею 10 шведской формы правленія 1772 года [1]).

[1]) Такое предвзятое истолкованіе старошведскихъ законовъ отражается и на современномъ проектѣ формы правленія, по которому (п. 1-й § 77-го) „на финляндскую государственную службу могутъ быть назначаемы только финляндскіе граждане", за особо упоминаемыми исключеніями. Исключеніями этими являются: а) генералъ-губернаторъ, каковой „высокій постъ можетъ быть ввѣренъ Государемъ Императоромъ какъ русскому, такъ *„финляндскому"* уроженцу; б) должности по технической части, преподавателей

Статья 11 формы правленія 1772 г. о правѣ шведскаго Короля возводить достойныхъ лицъ въ дворянское званіе и жаловать графскіе и баронскіе титулы упоминается въ § 2 устава рыцарскаго дома 21 Апрѣля 1869 г. Въ прежнихъ по этому предмету указахъ право сіе признавалось и безъ ссылки на указанный шведскій законъ (ср. Выс. пов. 1816 Авг. 9), содержащій въ себѣ, между прочимъ, опредѣленіе постояннаго комплекта шведскаго дворянскаго сословія числомъ, бывшимъ въ 1772 г., увеличеннымъ не болѣе 150 новыми дворянскими родами. При этомъ нельзя не замѣтить, что статья 11 формы правленія 1772 г. не имѣетъ того безусловнаго значенія, какое придаетъ ей 14 ст. проекта, такъ какъ согласіе на такое ограниченіе числа новыхъ шведскихъ дворянскихъ родовъ вполнѣ зависѣло отъ милости Королевскаго Величества.

Статью 12 формы правленія 1772 о докладѣ дѣлъ Королю въ кабинетѣ или отдѣленіяхъ совѣта комитетъ считаетъ замѣненною статьями 1 и 2 акта 1789 года.

Въ статьѣ 13 формы правленія 1772 г. выражено, что „такъ какъ государство обширно, дѣлъ слишкомъ много и они слишкомъ важны для того, чтобы Король могъ ихъ разбирать одинъ, то онъ нуждается въ должностныхъ лицахъ и начальникахъ, которые ему помогаютъ“. Статья эта имѣла въ виду тогдашній объемъ шведскаго королевства, но комитетъ счелъ нужнымъ повторить ее въ своемъ проектѣ (ст. 16) въ примѣненіи къ Финляндіи, усматривая въ ней важный принципъ, что должностныя лица не суть частные слуги Короля или Императора. Кромѣ того, комитетъ основываетъ на той же статьѣ и назначеніе Финляндскаго Сената быть учрежденіемъ, содѣйствующимъ Императору въ правительственныхъ дѣлахъ и, въ качествѣ высшаго государственнаго учрежденія, завѣдывающимъ общимъ (главнымъ) управленіемъ страны (ст. 18 проекта), а также приводитъ этотъ законъ подъ ст. 36 и 39 проекта, на основаніи коихъ Императоръ и Великій Князь имѣетъ полную власть, „поскольку это происходитъ не въ противорѣчіе съ сею формою правленія (проектомъ) или другимъ закономъ, изданнымъ при содѣйствіи земскихъ чиновъ“, постановлять объ учрежденіи новыхъ должностей и службъ и объ упраздненіи прежде существо-

---

въ университетѣ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ училищахъ (т. е. среднеучебныхъ и низшихъ заведеніяхъ) только преподаватели иностранныхъ (т. е.—и *русскаго*) языковъ могутъ быть замѣщаемы способными уроженцами другихъ странъ (т. е.—и *русскими*); в) русскіе уроженцы могутъ замѣщать „нѣкоторыя“ должности въ статсъ-секретаріатѣ и канцеляріи Финляндскаго генералъ-губернатора, „какъ то будетъ установлено особымъ закономъ“. *Т.*

вавшихъ, а также издавать для должностныхъ и служащихъ лицъ инструкціи, регламенты и предписанія, равно какъ замѣщать всѣ тѣ должности и служебныя мѣста, о которыхъ законъ, изданный при содѣйствіи земскихъ чиновъ, не постановляетъ иначе; при чемъ Императору предоставляется поручать употребленіе сего своего права Сенату или другой финской власти. Всѣ эти предначертанія проекта не имѣютъ, однако, ничего общаго съ ст. 13 формы правленія 1772 г. и введенныя въ нихъ ограниченія находятся въ явномъ противорѣчіи съ приведенною выше буквально статьею 1 акта соединенія и охраненія 1789 года.

По статьѣ 14 формы правленія 1772 г. для завѣдыванія государственными дѣлами шведскаго королевства по разнымъ отдѣльнымъ частямъ сохранены были учрежденныя въ разное время особыя коллегіи. Но въ Финляндіи по шведскимъ законамъ существовали только двѣ судебныя коллегіи—Абосскій и Вазасскій гофгерихты, всѣ прочія коллегіи, какъ-то: военная, адмиралтействъ-коллегія, статсъ-контора, бергъ-коллегія, коммерцъ-коллегія и камеръ-ревизіонная коллегія, находились въ столицѣ королевства Стокгольмѣ. Съ покореніемъ Финляндіи, для главнаго мѣстнаго управленія этимъ краемъ учрежденъ былъ Правительствующій Совѣтъ, переименованный впослѣдствіи въ Финляндскій Сенатъ, въ двухъ департаментахъ котораго, судебномъ и хозяйственномъ, и сосредоточены дѣла, поступавшія въ прежнее время въ шведскія коллегіи; судебный департаментъ сдѣланъ былъ высшею ревизіонною инстанціею надъ гофгерихтами, число коихъ въ 1839 г. было увеличено до трехъ, съ учрежденіемъ Выборгскаго гофгерихта; хозяйственному департаменту Сената (Прав. Совѣта) предоставлено было завѣдывать дѣлами бывшихъ административныхъ коллегій (ст. 14 регл. 1809 г. Авг. 6/18) и съ этою цѣлью онъ раздѣленъ былъ на экспедиціи, число коихъ постепенно увеличено до 8 (не считая статсъ-архива) и занятія коихъ, а также мѣста, имъ подвѣдомственныя, подробно исчислены въ Именномъ указѣ 9 Августа 1888 г. Всѣ эти мѣста, подвѣдомственныя хозяйственному департаменту Сената, учреждены и дѣйствуютъ, за весьма немногими исключеніями, на основаніи не шведскихъ, а мѣстныхъ финляндскихъ законовъ, большею частью недавно изданныхъ и пересмотрѣнныхъ, а именно:

1) *Гражданской* экспедиціи подвѣдомственны: *губернскія правленія*, переименованныя изъ бывшихъ ландсгевдингскихъ правленій указомъ 10 Апрѣля 1837 г. и *губернскія власти*, изъ коихъ нѣкоторыя (кромѣ ландсгевдинговъ, переименованныхъ тѣмъ же указомъ въ губернаторовъ), хотя и сохранили свои прежнія шведскія

названія, но кругъ дѣятельности, права и обязанности всѣхъ ихъ опредѣляются мѣстными финляндскими законами, изъ древнихъ же шведскихъ законовъ практическое значеніе для нихъ имѣетъ теперь, преимущественно, общее уложеніе 1734 г. съ дополнительными къ нему постановленіями шведскаго и русскаго правительства [1]; далѣе *магистраты*, составъ и кругъ дѣйствія коихъ опредѣляется частію закономъ о городскомъ общинномъ управленіи 8 Декабря 1873 г., частію особыми узаконеніями объ устройствѣ ихъ въ отдѣльныхъ городахъ и другими мѣстными постановленіями; *полицейскія управы*, учрежденныя и дѣйствующія также на основаніи особыхъ узаконеній для отдѣльныхъ городовъ (Гельсингфорса, Або, Выборга и др.) и общихъ по полицейской части постановленій края; принадлежавшее же имъ въ прежнее время право суда по маловажнымъ проступкамъ отмѣнено закономъ 4 Августа 1869 г.; *главное управленіе по дѣламъ печати*, учрежденное и дѣйствующее на основаніи закона о печати 31 Мая 1867 г. и дополнительныхъ къ нему узаконеній; *медицинское управленіе и медицинское вѣдомство*, составъ и кругъ дѣйствія коихъ опредѣляется новымъ закономъ о медицинскомъ управленіи 29 Января 1878 г.; санитарнымъ уставомъ 22 Декабря 1879 г.; уставомъ для повивальныхъ бабокъ 6 Мая 1879 г.; уставомъ объ оспопрививаніи 15 Января 1884 г.; инструкціею провинціальнымъ врачамъ 17 Января 1832 г. съ послѣдовавшими къ ней дополненіями, законами о больницахъ, аптекахъ и ветеринарной части, а также *статистическое центральное бюро*.

2) *Канцелярской* экспедиціи подвѣдомственны: *тюремное управленіе и тюремныя дирекціи*; *главное управленіе публичныхъ зданій*, дѣйствующее на основаніи данной ему инструкціи 1865 Окт. 27 и другихъ новыхъ узаконеній; для этихъ управленій изъ шведскихъ законовъ остаются въ силѣ лишь нѣкоторыя правила общаго уложенія 1734 г. съ ихъ послѣдующими измѣненіями и дополненіями.

3) *Финансовой* экспедиціи подвѣдомственны: *финляндскій банкъ*, учрежденный 12 Декабря 1811 г. и дѣйствующій нынѣ по уставу 27 Іюня 1878 г.; *статсъ-контора*; *таможенное управленіе и таможенное вѣдомство*; *контора заготовленія гербовой бумаги* и *монетный дворъ*.

4) *Камерной* экспедиціи подвѣдомственны: *общій ревизіонный судъ и ревизіонная контора*; *главное межевое управленіе*, *меже-*

[1]) Въ сборникѣ финляндскихъ постановленій, изданномъ Сенатомъ въ 1869 г. для руководства ленсмановъ, постановленія шведскихъ временъ составляютъ большею частью лишь историческій матеріалъ. (Примѣч. къ заключенію).

вое вѣдомство и коммиссія выверки мѣръ и вѣсовъ; лѣсное управленіе и лѣсное вѣдомство и *бостельные инспекторы.*

5) *Милиціонной* экспедиціи подвѣдомственны: *финскія войска*, составъ и дислокація коихъ опредѣляются новыми законами; *кадетскій корпусъ*; кригсъ-коммиссаріатъ; *губернскія и призывныя по воинской повинности присутствія.*

6) *Духовной* экспедиціи подвѣдомственны: *духовныя консисторіи и духовное вѣдомство*; *главное управленіе училищнаго вѣдомства*; *элементарныя учебныя заведенія*; *народныя учительскія семинаріи* и *народныя школы.*

7) Экспедиціи *земледѣлія* подвѣдомственны: *главное управленіе дорожныхъ и водяныхъ сооруженій съ личнымъ составомъ инженеровъ*; *управленіе желѣзныхъ дорогъ; инспекторъ рыбныхъ ловель; статсъ-агрономы и губернскіе агрономы*; *инженеры земледѣлія; правительственные наставники молочнаго хозяйства, земледѣльческій институтъ и земледѣльческія училища; экономическія и сельско-хозяйственныя общества.*

8) Экспедиціи *торговли и промышленности* подвѣдомственны: *главное управленіе лоцманскаго и маячнаго вѣдомства съ личнымъ составомъ онаго*; *управленіе промышленности*; *политехническій институтъ*; *промышленныя учебныя заведенія; мореходныя школы; коммерческія училища* и *торговые стряпчіе.*

Такимъ образомъ кругъ дѣятельности какъ самого хозяйственнаго департамента Сената и каждой его экспедиціи, такъ и всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, ему подвѣдомственныхъ, опредѣляется теперь главнѣйше не древними шведскими законами о коллегіяхъ, а цѣлымъ рядомъ новыхъ узаконеній, изданныхъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Поэтому представляется совершенно неумѣстнымъ въ настоящее время, вмѣсто изученія и примѣненія этихъ дѣйствующихъ узаконеній, опредѣлять по формѣ правленія 1772 г. и другимъ постановленіямъ XVIII столѣтія, чѣмъ именно и въ какой мѣрѣ завѣдывала каждая изъ административныхъ коллегій шведскаго королевства, тѣмъ болѣе, что положеніе этихъ коллегій ко времени завоеванія Финляндіи было переходное, ихъ дѣятельность послѣ переворота 1789 г. была въ значительной мѣрѣ замѣнена упомянутымъ выше комитетомъ для подготовки дѣлъ къ докладу Королю, а вслѣдъ затѣмъ, еще до Фридрихсгамскаго мира, по новой формѣ правленія, принятой Швеціею 6 Іюня 1809 г., всѣ административныя коллегіи были замѣнены министерствами.

Предметы вѣдомства судебнаго департамента Сената и порядокъ производства въ немъ дѣлъ, еще при первоначальномъ его учре-

жденіи въ 1809 г., были опредѣлены независимо отъ законовъ о шведскихъ коллегіяхъ такъ, что къ его вѣдомству отнесены и многія такія дѣла, которыя въ Швеціи поступали въ разныя административныя коллегіи (регл. 1809 г. Авг. $^{6}/_{18}$, ст. 33 и слѣд.). Съ теченіемъ времени подвѣдомственныя этому департаменту судебныя мѣста были преобразованы; многія изъ нихъ упразднены (лагманскіе, кемнерскіе и шлосскіе суды и суды рыцарскихъ осмотровъ), число гофгерихтовъ увеличено, составъ судебныхъ мѣстъ подвергался неоднократнымъ измѣненіямъ, содержаніе ихъ построено также на новыхъ основаніяхъ, привилегированная подсудность дворянства отмѣнена и послѣдовали разныя другія измѣненія въ предѣлахъ ихъ вѣдомства, въ порядкѣ судопроизводства и обжалованія. Изъ шведскихъ законовъ остается и здѣсь, главнымъ образомъ, общее уложеніе 1734 г. (отдѣлъ о судопроизводствѣ) съ нѣкоторыми дополнительными къ нему постановленіями, къ числу коихъ можно отнести и уцѣлѣвшія отрывочныя правила изъ статьи 15 формы правленія 1772 г. о составѣ и обязанностяхъ гофгерихтовъ.

Комитетъ, напротивъ, считаетъ почти всѣ статьи формы правленія 1772 г. о шведскихъ коллегіяхъ сохранившими обязательную силу для Финляндіи и примѣняетъ ихъ, прежде всего къ Финляндскому Сенату, а затѣмъ къ гофгерихтамъ и „правительственнымъ вѣдомствамъ“ Финляндіи.

Изъ *статьи 14* формы правленія 1772 г. комитетъ выводитъ назначеніе Сената завѣдывать главнымъ управленіемъ Финляндіи (прямо указанные въ ст. 1 регламента $^{6}/_{18}$ Авг. 1809 г.), и отчетность его предъ Государемъ Императоромъ (въ точности опредѣленную мѣстными законами Финляндіи) и таковую же отчетность гофгерихтовъ (подчиненныхъ по законамъ Сенату), а также власть разныхъ правительственныхъ вѣдомствъ (ст. 18, 21, 32 и 37 проекта), хотя въ дѣйствительности власть ихъ основывается,—какъ упомянуто выше,—не на шведской формѣ правленія, а главнымъ образомъ на законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ для каждаго вѣдомства изданныхъ Верховною властью.

Статью 15 формы правленія 1772 г., въ которой упоминается о составѣ и обязанностяхъ гофгерихтовъ, фискаловъ и канцлера юстиціи, комитетъ относитъ, прежде всего, къ Верховной власти (ст. 10 и 11 проекта), а далѣе относитъ часть статьи о канцлерѣ юстиціи къ прокурору Финляндскаго Сената (ст. 29 проекта), обязанности коего въ дѣйствительности опредѣляются точными мѣстными законами и постановленіями (1809 Августа $^{6}/_{18}$, ст. 6, 31; инстр. 1812 $\frac{\text{Января 31}}{\text{Февраля 12}}$; 1859 Ноября 28; 1861 Декабря 9, ст. 2

и др.). Остальныя части статьи 15 приведены комитетомъ въ статьяхъ 30, 31 и 33 проекта, при чемъ временное правило 1809 г. о передачѣ въ вѣдѣніе гофгерихтовъ нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ, разбиравшихся въ прежнее время въ разныхъ административныхъ коллегіяхъ, комитетъ полагаетъ обратить въ основной законъ (ст. 30, ч. 2, проекта), равно какъ и прежнія узаконенія о сборѣ на содержаніе судовъ, преобразованныя Высочайшимъ постановленіемъ 25 Января 1886 г. (ст. 33 проекта), хотя на практикѣ, какъ видно изъ указа Сената отъ 21 Декабря 1887 г., сбора на этотъ предметъ натурою уже не производится, такъ какъ никто изъ занимающихъ должности уѣздныхъ судей не заявилъ въ установленный срокъ о желаніи взимать сказанный сборъ натурою.

Изъ *статьи 16* формы правленія 1772 г. комитетъ составилъ двѣ статьи проекта, изъ коихъ первая запрещаетъ учрежденіе экстраординарныхъ судовъ (ст. 11, ч. 2, проекта), а вторая предполагаетъ ввести въ Финляндіи никогда не существовавшій въ ней особый государственный судъ, соотвѣтствующій верховному суду, Имперіи (ст. 34 проекта). Но статья 16 шведской формы правленія, имѣя въ виду упраздненіе лишь тѣхъ коммиссій, депутацій или экстраординарныхъ судилищъ, которыя въ прежнее время учреждались какъ средства, способствующія самовластію, провозглашаетъ, что каждый шведъ долженъ быть судимъ въ томъ судѣ, которому онъ по закону подсуденъ, каковое правило ближайшимъ образомъ относится къ постановленіямъ судопроизводственнымъ. Что же касается государственнаго суда, то, за неимѣніемъ въ Финляндіи ни членовъ государственнаго совѣта, ни фельдмаршала, ни президентовъ королевскихъ коллегій, ни адмираловъ, ни трехъ статсъ-секретарей, ни канцлера юстиціи, ни секретаря ревизіи, статья 16 шведскаго закона оказывается очевидно не примѣнимою въ Финляндіи.

Изъ *ст. 17* формы правленія 1772 г., въ которой упоминается о военной шведской коллегіи, комитетъ выводитъ надзоръ Финляндскаго Сената за дѣлами финскихъ войскъ (ст. 27 проекта), а также право Императора постановлять объ остальномъ, касающемся дѣятельности Сената (ст. 28 проекта), и ограниченіе сего права въ отношеніи изданія инструкцій, регламентовъ и предписаній для должностныхъ и служащихъ лицъ или постановленій о должностяхъ и службахъ, въ противорѣчіе съ проектируемою формою правленія или другимъ закономъ, изданнымъ при содѣйствіи земскихъ чиновъ (ст. 36 проекта). Подъ всѣми означенными предначертаніями проекта ст. 17 шведскаго закона приведена совершенно неумѣстно, потому что въ ней подобныхъ правилъ не содержится.

Ст. 18 формы правленія 1772 г. упоминаетъ о присягѣ войскъ на вѣрность Королю, государству и государственнымъ чинамъ и о поселенной системѣ содержанія войскъ. Присяга военнослужащихъ изъ финскихъ обывателей приносится на вѣрность службы согласно ст. 88 финляндскаго устава о воинской повинности [1]), въ которой выражено, что „по прибытіи опредѣленныхъ на дѣйствительную службу въ ту часть, въ которую они зачислены, начальникъ оной тотчасъ приводитъ ихъ къ присягѣ, сообразуясь съ § 18 формы правленія" и что „то же самое соблюдается при поступленіи въ части войскъ вольноопредѣляющихся и охотниковъ". Комитетъ приводитъ ст. 18 формы правленія 1772 г. подъ двумя статьями своего проекта (47 и 49), изъ коихъ въ первой сказано, что „военныя силы Финляндіи учиняютъ присягу на вѣрность Императору и Великому Князю и странѣ". Эта статья проекта (47) оказывается однако излишнею, такъ какъ правило о присягѣ воинскихъ чиновъ содержится уже въ ст. 88 устава о воинской повинности, которая къ числу законовъ основныхъ не отнесена манифестомъ $^{6}/_{18}$ Декабря 1878 г., перечисляющимъ статьи устава о воинской повинности, признаваемыя основными законами. Что же касается ст. 49 проекта, то комитетъ помѣстилъ въ оной правила о поселенной системѣ, которую онъ считаетъ и понынѣ дѣйствующею въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ на томъ основаніи, что она при введеніи устава о воинской повинности 1878 г. не была отмѣнена навсегда, хотя въ мотивахъ къ проекту (стр. 74) комитетъ замѣчаетъ, что законы 5 Августа 1886 г. содержатъ въ себѣ окончательную отмѣну этого учрежденія. Изъ статьи 18 формы правленія 1772 г. комитетъ вноситъ въ проектъ правило о томъ, что поселенная система и контракты, заключенные населеніемъ финляндскихъ губерній съ шведскимъ правительствомъ при Карлѣ XI въ концѣ XVII столѣтія о поставкѣ солдатъ и матросовъ, остаются неотмѣненными до тѣхъ поръ, пока Императоръ и Великій Князь и земскіе чины не рѣшатъ сообща объ измѣненіи ихъ. Но упомянутые контракты естественно утратили обязательную силу вслѣдствіе завоеванія Финляндіи и присоединенія ея къ Имперіи. Съ пріостановленіемъ отбыванія натуральной повинности по поселенной системѣ (ман. 1810 г. Март. $^{15}/_{27}$), манифестомъ $\frac{20\ \text{Іюля}}{1\ \text{Августа}}$ 1810 г. введена была, взамѣнъ этой повинности, вакантная подать, исчисленная по $2^{2}/_{3}$ бочки хлѣба и 1 бочкѣ овса съ каждой руты пѣхотныхъ полковъ, по 8 бочекъ хлѣба и $2^{1}/_{2}$ бочки овса съ каждаго цѣлаго рустгальта и по $3^{1}/_{2}$

[1]) Уставъ этотъ съ 1901 года отмѣненъ.

бочки хлѣба и $1^1/_2$ бочки овса съ каждой боцманской руты, при чемъ сохранена была и прежде существовавшая пассеволансная подать, исчисленная въ 4 р. 80 к. съ руты пѣхотныхъ полковъ, въ 12 р. съ руты лейбъ и Нюландскаго драгунскихъ полковъ, въ 11 р. 28 к. съ руты Карельскаго драгунскаго эскадрона и въ 3 р. 84 к. съ боцманскихъ рутъ. Въ этомъ обложеніи особыми податями сохранилось старинное дѣленіе имѣній, существовавшее при дѣйствіи поселенной системы, но съ теченіемъ времени произведены были новыя раскладки этихъ податей, на основаніи указа 27 Апрѣля 1849 г., съ привлеченіемъ къ платежу оныхъ и такихъ имѣній, кои прежде не платили, и, наоборотъ, съ освобожденіемъ отъ платежа ихъ нѣкоторыхъ мѣстностей, отбывавшихъ оныя въ прежнее время. По случаю Крымской войны, указами 23 Іюня, 16 Октября и 13 Ноября 1854 г. и 13 Декабря 1855 г. отбываніе натуральной воинской повинности по поселенной системѣ было временно возстановлено съ отмѣною вакантной подати и съ принятіемъ на себя правительствомъ расходовъ по обмундированію, вооруженію и содержанію поставленныхъ финляндскими губерніями баталіоновъ; но указами 25 Октября 1867 г. и 21 Апрѣля 1868 г. финскіе стрѣлковые баталіоны были упразднены и введена снова вакантная подать. Уставомъ о воинской повинности 18 Декабря 1878 г. всѣ рустгальты и руты освобождены отъ поставки войска по поселенной системѣ на все время, пока военныя силы края будутъ организованы на основаніи общей воинской повинности; наконецъ, законами 5 Августа 1886 г. отмѣнены какъ вакантная, такъ и пассеволансная подати съ рустгальтовъ и рутовыхъ и боцманскихъ гейматовъ и тѣмъ самымъ прекращено всякое практичексое значеніе и дѣйствіе поселенной системы. Поэтому вносить въ проектъ правила объ этой системѣ и упоминать, что она, равно какъ заключенные по ней контракты еще впредь могутъ быть измѣнены по соглашенію Императора съ земскими чинами, представляется совершенно излишнимъ [1]).

---

[1]) Точно также, казалось-бы, излишне теперь вводить въ законопроекты статьи, касающіяся финскихъ войскъ, разъ войска эти окончательно упразднены. Тѣмъ не менѣе составители нынѣшняго проекта формы правленія вводятъ туда цѣлый отдѣлъ XII, „Войско", въ который вводятся постановленія, подразумѣвающія существованіе особыхъ финскихъ войскъ, а въ мотивахъ къ этимъ статьямъ объ уставѣ 1878 года о воинской повинности въ Финляндіи говорится, какъ о законѣ *дѣйствующемъ*; между тѣмъ, при отмѣнѣ (Манифестомъ 22 октября 1905 года) въ числѣ прочихъ узаконеній, устава о воинской повинности 1901 года, ни единымъ словомъ не упоминалось о возстановленіи силы дѣйствія *отмѣненнаго* 29 Іюня 1905 года устава 1878 года. *Т.*

Въ *статьѣ 19* формы правленія 1772 г. запрещалось шведскимъ военнымъ начальникамъ созывать нижнихъ чиновъ въ сборъ и походъ безъ повелѣнія Короля, коему принадлежало по этой статьѣ главное начальство надъ всѣми военными силами, сухопутными и морскими, „какъ то было всегда въ обычаѣ въ прежнія и для государства наиболѣе блестящія и счастливыя времена". Комитетъ выводитъ изъ этой статьи правило о томъ, что Императоръ имѣетъ верховную власть надъ военными силами и укрѣпленіями Финляндіи (ст. 12 проекта), считая впрочемъ самую статью, въ остальныхъ ея частяхъ, замѣненною уставомъ о воинской повинности 1878 г. По этому поводу нельзя не замѣтить, что финскихъ укрѣпленій, занятыхъ финскими войсками, въ дѣйствительности не существуетъ, а есть только крѣпости, занятыя расположенными въ Финляндіи русскими войсками [1]). Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что верховная власть Императора надъ военными силами Финляндіи основывается на фактѣ присоединенія этого края по трактату 1809 г. къ Имперіи, а вовсе не на томъ отношеніи, въ какомъ состоялъ шведскій Король къ военнымъ силамъ Швеціи; если бы предстояла надобность подкрѣпить эту власть цитатами изъ законовъ, то ихъ можно было бы заимствовать изъ цѣлаго ряда изданныхъ по военной части узаконеній въ самой Финляндіи.

Ст. 20 формы правленія 1772 г. упоминаетъ о шведской адмиралтействъ-коллегіи. Комитетъ приводитъ эту статью подъ ст. 27, 28 и 36 своего проекта и такимъ образомъ основываетъ на ней правила о томъ: 1) что въ Финляндскомъ Сенатѣ по хозяйственному департаменту сосредоточивается попеченіе о надлежащемъ управленіи лоцманскимъ и маячнымъ вѣдомствомъ [2]), а также надзоръ и попеченіе о завѣдываніи такими дѣлами, касающимися финскихъ войскъ, которыя не подлежатъ вѣдѣнію военныхъ властей (ст. 27); 2) что отъ Императора и Великаго Князя зависитъ постановлять объ остальномъ, касающемся дѣятельности Сената (ст. 28), и 3) что Императоръ имѣетъ власть, поскольку это не противорѣчитъ формѣ правленія (проекту) или другому закону, изданному при содѣйствіи земскихъ чиновъ, постановлять объ учрежденіи новыхъ должностей

---

[1]) Претензія, весьма характерная для финляндцевъ! Правда, теперь они ее предусмотрительно не повторяютъ, но появленіе ея еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ связи съ современнымъ положеніемъ вопроса о финляндскихъ крѣпостяхъ, служитъ поучительнымъ указаніемъ на то, что предугадать размѣры финляндскихъ аппетитовъ едва-ли можетъ даже самое пылкое воображеніе! *Т.*

[2]) Не даромъ вѣдомство это нѣкоторые считаютъ зародышемъ финляндскаго военнаго флота! *Т.*

и службъ и объ упраздненіи прежде существовавшихъ, а также издавать для должностныхъ и служащихъ лицъ инструкціи, регламенты и предписанія (ст. 36 проекта). Но подъ всѣми этими предначертаніями комитета ст. 20 формы правленія 1772 г. приведена совершенно неумѣстно, потому что даже и первое изъ означенныхъ правилъ о надзорѣ Сената за лоцманскимъ и маячнымъ вѣдомствомъ основывается въ дѣйствительности вовсе не на шведской формѣ правленія, а на точныхъ и ясныхъ мѣстныхъ законахъ Финляндіи; второе же и третье, предначертанныя комитетомъ, правила не имѣютъ ничего общаго съ ст. 20 формы правленія.

Въ *ст. 21* формы правленія 1772 г. изложены положенія о шведской государственной канцеляріи, ея составѣ и предметахъ вѣдомства, а именно, что въ ней предсѣдательствуетъ одинъ изъ государственныхъ совѣтниковъ, членами же состоятъ государственные совѣтники, канцлеръ двора, статсъ-секретари и канцелярскіе совѣтники и что въ сей коллегіи сочиняются всѣ постановленія, уставы и все, что выпускается за подписью и именемъ Королевскаго Величества. Эту статью комитетъ приводитъ въ цитатахъ подъ тѣми же двумя статьями (28 и 36), какъ и ст. 20, именно о правѣ Императора постановлять объ остальномъ, касающемся дѣятельности Сената, и объ ограниченіи правительственной власти формою правленія (проектомъ) и законами, изданными при содѣйствіи земскихъ чиновъ, хотя ст. 21 шведскаго закона 1772 г. не содержитъ въ себѣ подобныхъ правилъ. Далѣе комитетъ приводитъ означенную статью подъ ст. 27 проекта въ доказательство того, что Сенату въ хозяйственномъ департаментѣ слѣдуетъ имѣть попеченіе о надлежащемъ управленіи почтовымъ вѣдомствомъ, но это правило въ дѣйствительности основывается не на ст. 21 шведской формы правленія 1772 г., а на точномъ смыслѣ мѣстныхъ законовъ Финляндіи. Наконецъ ту же статью комитетъ приводитъ подъ ст. 17 проекта въ подтвержденіе того, что дѣла, зависящія отъ собственнаго рѣшенія Императора, докладываются ему статсъ-секретарями, которые должны быть урожденными финскими людьми. Между тѣмъ по законамъ Финляндіи, какъ замѣчено выше, существуетъ лишь единоличная должность Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго и нѣтъ поэтому никакого основанія упоминать о нѣсколькихъ статсъ-секретаряхъ Финляндіи. Нельзя не замѣтить по поводу ст. 17 проекта, что дальнѣйшую ея часть, нѣсколько напоминающую ст. 21 шведской формы правленія, комитетъ основываетъ, по цитатамъ, не на этомъ шведскомъ источникѣ, а на существующей практикѣ, при чемъ излагая правило о недѣйствительности Высочайшихъ указовъ, неснабженныхъ надлежащею контра-

сигнаціею, комитетъ выпустилъ имѣющуюся въ шведскомъ источникѣ оговорку: „за исключеніемъ военныхъ дѣлъ“. Въ дѣйствительности, однако, существующія нынѣ правила о скрѣпѣ Высочайшихъ указовъ и манифестовъ Министромъ Статсъ-Секретаремъ Финляндіи основываются не на шведской формѣ правленія, не на простомъ обычаѣ или канцелярской практикѣ, а на точномъ и ясномъ законѣ, именно на Высочайшемъ манифестѣ 17 Марта 1826 г. и приложенной къ нему инструкціи для Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго (отд. II, ст. 7—9).

Статья 22 формы правленія о порядкѣ назначенія на высшія государственныя должности шведскаго королевства въ засѣданіи совѣта отмѣнена статьями 1, 2 и 4 акта соединенія и охраненія 1789 г., какъ признаетъ и комитетъ.

Статья 23 шведской формы правленія 1772 г. упоминаетъ о камеръ-коллегіи, ея правахъ и обязанностяхъ, а также о шведскихъ таможняхъ и акцизѣ. Комитетъ приводитъ, безъ всякихъ основаній, эту статью подъ ст. 28 и 36 своего проекта (о правѣ Императора постановлять объ остальномъ, касающемся дѣятельности Сената и объ ограниченіи власти Великаго Князя проектируемою формою правленія и другими законами сейма). Кромѣ того, ст. 23 цитирована подъ ст. 27 проекта, и здѣсь комитетъ основываетъ на ней обязанность Сената по хозяйственному департаменту имѣть попеченіе о доходахъ и расходахъ казны; но эта обязанность Сената въ дѣйствительности опредѣляется точными и ясными законами, изданными въ Финляндіи, какъ о составѣ и предметахъ вѣдомства Сената, его хозяйственнаго департамента и разныхъ его экспедицій, въ особенности финансовой и камерной, такъ и объ отношеніяхъ его къ отдѣльнымъ управленіямъ по финансовой части, статсъ-конторѣ, таможенному управленію, общему ревизіонному суду и ревизіонной конторѣ и т. д., а равно законами, подробно опредѣляющими каждую отдѣльную отрасль финансоваго управленія.

Статью 24 формы правленія 1772 г. о шведской статсъ-конторѣ, о бюджетѣ примѣнительно къ росписи 1696 г. и о назначеніи карманныхъ денегъ Королю и извѣстной суммы на экстраординарные его расходы комитетъ приводитъ подъ тѣми же двумя ст. 28 и 36 своего проекта (о правѣ Императора постановлять объ остальномъ, касающемся дѣятельности Сената, и объ ограниченіи власти Великаго Князя проектомъ формы правленія и другими законами земскихъ чиновъ), изъ коихъ первая (28) статья вовсе не требуетъ доказательствъ, а послѣдняя (36) нисколько не подтверждается этимъ цитатомъ. Засимъ комитетъ приводитъ означенную статью также подъ ст. 27 проекта въ подтвержденіе обязанности хозяй-

ственнаго департамента Сената составлять и посылать на разсмотрѣніе и утвержденіе Императора и Великаго Князя ежегодную роспись казенныхъ доходовъ и расходовъ страны и завѣдывать употребленіемъ и назначеніемъ казенныхъ средствъ для тѣхъ цѣлей, для которыхъ они ассигнованы, каковыя обязанности Сената, именно по хозяйственному его департаменту, указаны съ ясностью и точностью въ изданныхъ для него законоположеніяхъ, а потому представляются совершенно излишними ссылки на существовавшія въ прошломъ [1]) столѣтіи обязанности бывшей шведской статсъ-конторы. Наконецъ правила статьи 24 шведскаго закона о государственной росписи и о назначеніи Королю карманныхъ денегъ и суммы на экстраординарные расходы внесены комитетомъ въ ст. 72 проекта. При этомъ въ виду совершенно ясныхъ законовъ Финляндіи, на основаніи коихъ бюджетъ составляется хозяйственнымъ департаментомъ Сената, чрезъ Генерала-Губернатора представляется на Высочайшее утвержденіе и по статьѣ 8 отдѣла II инструкціи Статсъ-Секретаріату 17 Марта 1826 г. утверждается Собственноручнымъ подписаніемъ Императора за скрѣпою Статсъ-Секретаря,—комитетъ не рѣшился прямо установить иной порядокъ утвержденія бюджета, но въ мотивахъ къ проекту счелъ нужнымъ войти въ историческое изслѣдованіе бюджетныхъ порядковъ старой Швеціи, начиная съ земскаго уложенія Христофера 1442 г., и на основаніи этихъ ученыхъ розысканій, а также отрывочныхъ, ничего впрочемъ не доказывающихъ статей сеймоваго устава 1869 г., стремится изложить правила о бюджетѣ такъ, чтобы утвержденіе доходныхъ и расходныхъ его статей зависѣло на практикѣ отъ земскихъ чиновъ. Между тѣмъ приведенные подъ ст. 72 проекта цитаты вовсе не оправдываютъ такой постановки дѣла.

Статья 25 формы правленія 1772 г. о порядкѣ назначенія президента шведской статсъ-конторы и коммиссаровъ отмѣнена актомъ соединенія и охраненія 1789 г., какъ признаетъ и комитетъ въ мотивахъ къ своему проекту.

Статья 26 формы правленія 1772 г. упоминаетъ о шведской бергъ-коллегіи, которая обязана была имѣть попеченіе о горныхъ заводахъ и состояла изъ президента, горныхъ совѣтниковъ и ассесоровъ. Комитетъ приводитъ эту статью подъ ст. 27 проекта въ доказательство того, что Финляндскому Сенату въ хозяйственномъ департаментѣ надлежитъ заботиться объ успѣхахъ земледѣлія, торговли и прочихъ промысловъ. Но обязанность Сената имѣть „попеченіе о землепашествѣ, торговлѣ, мореплаваніи, мануфактурахъ,

---

[1]) Т. е. XVIII-мъ.

желѣзныхъ заводахъ и другихъ отрасляхъ народной промышленности" выражена съ совершенною ясностію еще въ регламентѣ 1809 г. (ст. 42, II, 6) и затѣмъ многократно была подтверждена и разъяснена позднѣйшими узаконеніями, а потому указаніе на положеніе шведской бергъ-коллегіи прошлаго столѣтія представляется совершенно излишнимъ и ничего не доказывающимъ.

Статья 27 формы правленія 1772 г. о шведской коммерцъ-коллегіи, комитетъ приводитъ подъ тою же ст. 27 и, сверхъ того, подъ упомянутыми выше ст. 28 и 36, въ коихъ выражено, что отъ Императора зависитъ постановить объ остальномъ, касающемся дѣятельности Сената, и что правительственная по отношенію къ служебнымъ должностямъ власть ограничивается проектируемою формою правленія и законами, изданными съ участіемъ земскихъ чиновъ. Между тѣмъ упомянутая статья закона 1772 г. о шведской коммерцъ-коллегіи не содержитъ въ себѣ изложенныхъ выше правилъ.

Статья 28 формы правленія 1772 г. о шведской камеръ-ревизіонной коллегіи приведена комитетомъ въ цитатахъ къ ст. 27 проекта въ подтвержденіе обязанности Финляндскаго Сената по хозяйственному департаменту имѣть надзоръ за тѣмъ, чтобы казенные счеты высылались въ Сенатъ и затѣмъ подвергались провѣркѣ въ предписанномъ порядкѣ, но обязанность эта, какъ видно изъ дальнѣйшихъ цитатовъ проекта, въ дѣйствительности основана комитетомъ на регламентѣ 6/18 Августа 1809 г. (§ 42 гл. III) и должна быть соображена съ учрежденіемъ впослѣдствіи, по регламенту 16 Декабря 1824 г., особаго контрольнаго установленія подъ названіемъ общаго ревизіоннаго суда. Сверхъ того, комитетъ цитуетъ и эту статью подъ упомянутыми выше статьями 28 и 36 проекта, но безъ надлежащихъ къ тому основаній.

Статья 31 формы правленія 1772 г. о порядкѣ назначенія на такъ называемыя довѣренныя должности въ шведскомъ королевствѣ была отмѣнена въ самой Швеціи актомъ 1789 года.

Въ *статьѣ 32* формы правленія 1772 г. изложены общія правила о взаимномъ содѣйствіи коллегій, о правахъ предсѣдателей ихъ, отчетности и отвѣтственности ихъ предъ Королемъ. Изъ этой статьи комитетъ образовалъ въ своемъ проектѣ четыре статьи 21, 32, 37 ч. 2 и 38. По статьямъ 21 и 32 Сенатъ и гофгерихты обязаны давать отчетъ Императору и Великому Князю въ своихъ мѣропріятіяхъ, сообразно Его требованію и за надлежащее отправленіе своихъ обязанностей они отвѣтственны только предъ Императоромъ и Великимъ Княземъ. Отчетность, смотря по требованію, установлена въ проектѣ примѣнительно къ тому, какъ шведскія

коллегіи обязаны были давать Королю отчетъ въ своихъ занятіяхъ, „когда Онъ того потребуетъ". Но отчетность Финляндскаго Сената предъ Государемъ Императоромъ, какъ замѣчено выше, опредѣляется Высочайшими указами (1812 Янв. 31, инстр. ген. губ. §§ 16, 25; Имен. ук. 1883 Іюн. 6), независимо отъ того, какіе въ семъ отношеніи порядки существовали въ шведскихъ коллегіяхъ; что же касается гофгерихтовъ, то они подчинены судебному департаменту Сената и порядокъ обжалованія ихъ рѣшеній опредѣляется правилами, изложенными въ главѣ 30 отдѣла о судопроизводствѣ общаго уложенія, съ разными дополненіями и измѣненіями, основанными на регламентѣ 6/18 Августа 1809 г., указѣ 5 Мая 1810 г., законѣ 27 Апрѣля 1868 г. и другихъ мѣстныхъ финляндскихъ узаконеніяхъ; отчетность гофгерихтовъ по денежнымъ суммамъ и разныя вѣдомости о дѣлахъ и списки, представляемые ими Прокурору Сената, а отъ него Генералъ-Губернатору для всеподданнѣйшаго доклада, опредѣляются также мѣстными законами, указами и инструкціями, независимо отъ шведскихъ законовъ о коллегіяхъ. Далѣе правила о взаимномъ содѣйствіи шведскихъ коллегій и о правахъ ихъ предсѣдателей комитетъ примѣняетъ къ финляндскимъ гофгерихтамъ и правительственнымъ вѣдомствамъ и къ президентамъ гофгерихтовъ или предсѣдателямъ коллегіальныхъ присутственныхъ мѣстъ (ст. 37 и 38 проекта). Насколько эти правила вытекаютъ изъ значенія всѣхъ правительственныхъ и судебныхъ вѣдомствъ и установленій, какъ органовъ Верховной власти и изъ самаго понятія о коллегіальномъ присутственномъ мѣстѣ съ его предсѣдателемъ, трудно противъ нихъ что-либо возразить; однако по вопросу о правахъ предсѣдателей присутственныхъ мѣстъ слѣдуетъ руководствоваться точнымъ смысломъ законовъ, изданныхъ для каждаго вѣдомства въ самой Финляндіи, потому что отвлеченный типъ предсѣдателя коллегіи не всегда совпадаетъ съ дѣйствительнымъ значеніемъ должности предсѣдателя, коему законъ предоставляетъ нерѣдко и самостоятельныя права, независящія отъ коллегіальной его дѣятельности; напримѣръ Финляндскій Генералъ-Губернаторъ есть по званію своему президентъ Сената, но въ то же время есть органъ власти самостоятельной.

Ст. 34 формы правленія 1772 г. опредѣляетъ порядокъ областнаго управленія шведскаго королевства, которое по этой статьѣ должно состоять изъ обыкновенныхъ ландсгевдингскихъ областей, распредѣленныхъ какъ было въ старину по формѣ правленія 1720 г., и запрещаетъ учреждать въ странѣ генералъ-губернаторства, раздавать удѣлы, земли и лены или области. Комитетъ считаетъ эту статью примѣнимою къ Великому Княжеству и приводитъ ее подъ

ст. 4, 35 и 67 проекта, но излагаетъ въ этихъ статьяхъ совсѣмъ не то, что содержится въ ст. 33 шведскаго закона. „Для завѣдыванія областнымъ управленіемъ“, говоритъ комитетъ (ст. 35 проекта), „Финляндіи остается раздѣленной на губерніи, управленіе которыхъ должно быть устроиваемо на тѣхъ же основаніяхъ, какія до сихъ поръ дѣйствовали; не можетъ быть назначаемо другое должностное лицо, кромѣ Генералъ-Губернатора, съ властью надъ управленіями нѣсколькихъ губерній, иначе какъ при особенныхъ обстоятельствахъ и на извѣстное время“. Между тѣмъ въ законѣ 1772 г. сказано, что „впредь не должно быть никакого Генералъ-Губернатора внутри государства“ (по проекту не можетъ быть назначаемо другое должностное лицо, кромѣ Генералъ-Губернатора) и что „области должны оставаться распредѣленными въ томъ порядкѣ, какой онѣ имѣютъ нынѣ (въ 1772 г.) и по формѣ правленія 1720 г.“ (по проекту управленіе губерній должно устроиваться на тѣхъ основаніяхъ, какія дѣйствовали до сихъ поръ, т. е. до 1889 г., со включеніемъ такимъ образомъ всѣхъ постановленій по губернскому управленію, состоявшихся послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи до настоящаго времени). Не подлежитъ сомнѣнію, что шведскія узаконенія XVIII столѣтія невозможно считать примѣнимыми и обязательными для Финляндіи, какъ явно несовмѣстныя съ позднѣйшими законами края. Далѣе комитетъ выводитъ изъ ст. 33 шведскаго закона правило о томъ, что никакая часть страны не можетъ быть пожалована въ помѣстье (ст. 4); что казенные оброки, налоги или другія доходныя статьи не могутъ быть жалуемы или инымъ способомъ отчуждаемы отъ казны и что то же самое примѣняется къ казенной землѣ, съ тѣми однако исключеніями, какія обусловливаются правомъ шкатоваго выкупа (ст. 67). Хотя въ ст. 33 шведскаго закона сказано было, что „нельзя раздавать (въ Швеціи) никакихъ удѣловъ (Lif-Gedinge), земель и леновъ или областей (Län)“, но послѣ покоренія Финляндіи это запрещеніе утратило всякое значеніе и однимъ изъ самыхъ первыхъ финляндскихъ законовъ—регламентомъ Правительствующаго Совѣта 1809 г.—положительно было опредѣлено, что непосредственно Высочайшей власти принадлежитъ пожалованіе казенныхъ имѣній и доходовъ, а равно дозволеніе обмѣна казенныхъ гейматовъ (ст. 15).

Ст. 34—36 формы правленія 1772 г., насколько онѣ касаются содержанія по штату, назначеннаго наслѣднику шведскаго престола и другимъ принцамъ королевскаго дома, комитетъ считаетъ непримѣнимыми къ Финляндіи. Но въ ст. 34 сказано между прочимъ, что шведскіе принцы не могутъ имѣть никакого удѣла или генералъ-губернаторства и, хотя можно давать имъ для почести титулы

герцогствъ и княжествъ, но безъ всякихъ правъ на тѣ провинціи, названія которыхъ они носятъ и которыя всегда должны оставаться безъ уменьшенія и раздробленія соединенными подъ властью одного главы или правителя [1]). Эту часть статьи комитетъ считаетъ примѣнимою къ Финляндіи и выводитъ отсюда недѣлимость нынѣшней территоріи Великаго Княжества (ст. 4 проекта) и неотчуждаемость казенныхъ земель и доходовъ Финляндіи (ст. 67). Но, какъ выше замѣчено, неотчуждаемость казенныхъ земель и доходовъ прямо противорѣчитъ ст. 15 регламента 18 Августа 1809 г.; правило же, изложенное въ ст. 4 проекта, по которому „никакая часть Великаго Княжества не можетъ быть отъ него отдѣляема и провинціи его всегда безъ уменьшенія должны оставаться соединенными вмѣстѣ подъ властью одного Государя", опредѣляетъ отношеніе Великаго Княжества Финляндскаго, въ его настоящемъ составѣ, къ Имперіи Россійской, т. е. опредѣляетъ очевидно не тотъ предметъ, о коемъ говорится въ ст. 34 шведскаго закона 1772 г., и не можетъ быть доказано этою статьею или выведено изъ нея. Если считать эту статью дѣйствующимъ основнымъ закономъ, то логическимъ выводомъ изъ нея было бы сокращеніе Финляндіи до того объема, какой она имѣла во время уступки ея Швеціею по Фридрихсгамскому трактату въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской, хотя и въ этомъ выводѣ было бы явное внутреннее противорѣчіе, потому что, когда завоеванная область передана по законному трактату въ собственность и державное обладаніе Россійскаго государства, Верховная власть имѣетъ несомнѣнное право присоединить къ Финляндіи, какъ это и было съ Выборгскою губерніею, для удобства управленія, извѣстную мѣстность и затѣмъ отъ времени до времени измѣнять это дѣленіе по мѣрѣ надобности и по ближайшему усмотрѣнію [2]).

Статья 37 формы правленія 1772 г. упоминаетъ о составѣ и правахъ временнаго правительства, учреждавшагося въ случаѣ болѣзни или дальняго путешествія Короля или же смерти его и несовершеннолѣтія наслѣдника престола; временное правительство,

---

[1]) Въ Швеціи эта статья имѣла глубокій смыслъ, показывая, какое истинное значеніе имѣли тамъ титулы, вродѣ „Великій Князь Финляндскій".

[2]) Забота о недѣлимости и неизмѣнности „территоріи финлядскаго государства" не упущена и теперь. Параграфъ 7-й современнаго проекта опредѣленно гласитъ: „границы Финляндіи остаются въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ нынѣ установлены, и могутъ быть измѣнены не иначе, какъ по совокупному рѣшенію Государя Императора и Великаго Князя и Сейма". Этимъ навѣки закрѣпляется за Финляндіей Выборгская губернія, присоединенная къ ней въ 1811 году, „для удобства управленія", безъ всякаго участія сейма! *Т.*

отправляющее власть Короля, по этому закону должно было состоять изъ государственныхъ совѣтниковъ, назначенныхъ къ тому Королемъ, а если онъ не успѣлъ назначить, то изъ четырехъ старшихъ государственныхъ совѣтниковъ и президента государственной канцеляріи. Эта статья актомъ 1789 г. и послѣдовавшимъ въ то же время упраздненіемъ государственнаго совѣта Швеціи была измѣнена въ томъ смыслѣ, что въ указанныхъ въ ней случаяхъ назначеніе членовъ временнаго правительства изъ тѣхъ или другихъ урожденныхъ шведскихъ людей представлено было усмотрѣнію Короля, впослѣдствіи по формѣ правленія 1809 г. временное правительство въ этихъ случаяхъ должно было быть ввѣрено одному изъ принцевъ Королевскаго дома или государственному совѣту (швед. ф. пр. 1809 г., § 39). Всѣ эти правила, послѣ присоединенія Финляндіи къ Имперіи, очевидно, не могутъ имѣть примѣненія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Комитетъ усматриваетъ въ этой статьѣ общій принципъ шведскаго государственнаго права, по которому Король обязанъ былъ пребывать въ странѣ и лично завѣдывать правленіемъ, въ случаѣ же отсутствія или отъѣзда изъ страны долженъ былъ ввѣрить свою власть мѣстному верховному правительству. На этомъ принципѣ комитетъ основываетъ верховную правительственную власть Финляндскаго Сената, какъ постояннаго государственнаго установленія, пребывающаго въ предѣлахъ страны, потому что то, что въ шведскомъ государствѣ было исключеніемъ (т. е. отсутствіе Монарха, пребываніе его внѣ предѣловъ страны), въ Финляндіи обратилось въ общее правило. По заключенію комитета, такое правительство необходимо учредить и содержать съ того времени какъ Императоръ Александръ I далъ свое удостовѣреніе, а сословія провозгласили Его (мотивы къ пр. ф. пр., стр. 43). Сообразно съ такимъ мнѣніемъ, комитетъ приводитъ статью 37 формы правленія въ цитатахъ подъ разными статьями проекта, опредѣляющими значеніе, составъ, мѣстопребываніе и власть Финляндскаго Сената (ст. 18, 22, 24, 39 и 62 проекта). Изъ этой статьи, по соображеніи ея съ статьями 13 и 14 формы правленія, комитетъ извлекаетъ характеристику Сената, какъ учрежденія содѣйствующаго Императору и Великому Князю въ правительственныхъ дѣлахъ (ст. 18), хотя по статьѣ 13 „помогаютъ", содѣйствуютъ Императору и Великому Князю въ правительственныхъ дѣлахъ и всѣ прочія должностныя и служащія лица и учрежденія, какую бы степень въ служебной іерархіи они ни занимали (ст. 16 проекта); въ статьѣ же 37 говорится уже не о содѣйствіи, а объ отправленіи власти Короля, о временной его замѣнѣ и потому въ мотивахъ къ проекту комитетъ прямо называетъ Сенатъ учрежденіемъ, представ-

вляющимъ (representerande) Императора и Великаго Князя (стр. 52). Далѣе изъ статьи 37 комитетъ выводитъ заключеніе, что Сенатъ долженъ имѣть свое мѣстопребыванія внутри страны, т. е. въ Финляндіи (ст. 22 проекта), потому что по статьѣ 37, если шведскій Король отправился въ дальнее путешествіе, то власть его отправляется верховнымъ правительствомъ, въ Швеціи пребывающимъ. Изъясненнымъ аргументомъ вовсе не доказывается однаковышеизложенное заключеніе комитета: правила шведскихъ законовъ объ управленіи государствомъ во время отсутствія Короля ни мало не касаются ни Финляндіи, ни Россіи, и не имѣютъ никакого отношенія ни къ Особѣ Государя Императора и Великаго Князя, ни къ Финляндскому Сенату. Если бы Финляндскій Сенатъ былъ особымъ верховнымъ правительствомъ, замѣняющимъ отсутствующаго Монарха, то каждый разъ, когда Государь Императоръ изволитъ прибыть въ Финляндію, дѣятельность Сената должна была бы прекращаться. На самомъ дѣлѣ Финляндскій Сенатъ учрежденъ и дѣйствуетъ на основаніи Высочайшихъ указовъ, ему данныхъ, коими ввѣрено ему главное или общее управленіе Финляндіею (l'administration générale de la Finlande. Finlands allmänna styrelse) и хотя въ прежнее время онъ назывался „Правительствующимъ Совѣтомъ" (Regerings Conseil, Conseil de Régence), который во введеніи къ учрежденію 1809 г. характеризованъ какъ верховное правительственное мѣсто (Ofwerstyrelse, une administration générale), но Высочайшимъ Манифестомъ 9/21 Февраля 1816 г., согласно съ наименованіемъ Вышняго Правительства въ Государствѣ.... и въ присоединенномъ къ оному Царствѣ Польскомъ", дано и Финляндскому Вышнему Правительству названіе Императорскаго Финляндскаго Сената. Мѣстомъ пребыванія его, какъ и прежняго Совѣта, въ началѣ былъ назначенъ городъ Або, но по указамъ 9 Іюля 1817 г. и 14 Іюня 1819 г. онъ переведенъ былъ съ 1 Октября 1819 года въ Гельсингфорсъ. Составъ Сената опредѣляется въ проектѣ комитета на основаніи статьи 5 регламента для Правительствующаго Совѣта 1809 г. и статей 4 и 37 формы правленія 1772 г. въ такомъ смыслѣ, что въ члены Сената Императоръ и Великій Князь призываетъ нужное число урожденныхъ финскихъ людей (ст. 24 проекта). Но означенныя статьи не оправдываютъ этого вывода: статья 4 формы правленія говоритъ о государственномъ совѣтѣ Швеціи, упраздненномъ въ 1789 г., а статья 37 о временномъ правительствѣ на случай болѣзни или путешествія шведскаго Короля или малолѣтства наслѣдника шведскаго престола. Составъ Финляндскаго Сената въ дѣйствительности опредѣляется, кромѣ упомянутой статьи 5 регламента 1809 г., и позднѣйшими Высочайшими указами. Если

не принимать въ соображеніе означенныхъ позднѣйшихъ законовъ и въ особенности манифеста 9/21 Февраля 1816 г., „изъ коренныхъ финляндцевъ или водворившихся и финляндское гражданство пріобрѣвшихъ“, то изъ статьи 1 шведскаго акта 1789 года, обязывавшей Короля назначать на государственныя должности шведскихъ людей, въ связи съ отказомъ шведскаго правительства въ просьбѣ финляндцевъ о назначеніи мѣстныхъ должностныхъ лицъ изъ финскихъ уроженцевъ, а также въ связи съ статьею 4 Фридрихсгамскаго трактата о передачѣ финляндскихъ губерній въ собственность Россійской Имперіи, возможно сдѣлать и такой выводъ, что упомянутая статья закона 1789 г. примѣнима къ Финляндіи лишь съ замѣною въ ней шведскаго Короля Императоромъ и шведскихъ людей русскими[1]). Комитетъ приводитъ означенную статью, вмѣстѣ съ статьями 10, 13 и 37 формы правленія подъ ст. 39 проекта, по коей „Императоръ и Великій Князь замѣщаетъ всѣ тѣ должности и служебныя мѣста, о которыхъ законъ, изданный при содѣйствіи земскихъ чиновъ, не постановляетъ иначе, при чемъ Императору и Великому Князю предоставляется поручать употребленіе сего своего права Сенату или другой финской власти“. Но ни одна изъ приведенныхъ статей не подтверждаетъ этихъ предначертаній комитета. Въ особенности ст. 37 формы правленія, опредѣляющая временное правительство на случай болѣзни или дальняго путешествія шведскаго Короля, приведена тутъ совершенно неумѣстно. Порядокъ назначенія на должности въ Финляндіи опредѣляется Высочайшими указами, которые и должны быть соблюдаемы въ точности дотолѣ, доколѣ они не будутъ отмѣнены или измѣнены; обязательное же участіе земскихъ чиновъ въ обсужденіи законопроектовъ допущено и существуетъ въ отношеніи законовъ основныхъ, а равно касающихся сословныхъ привилегій.

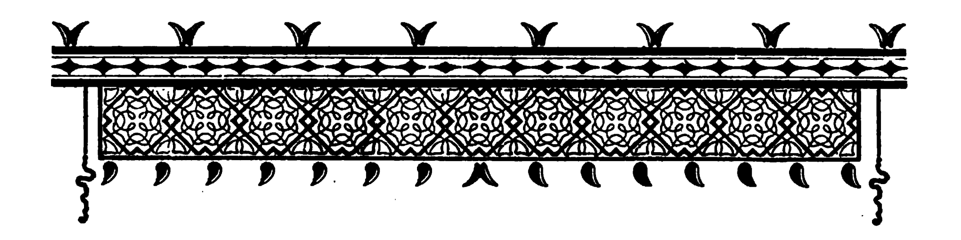
Сообщилъ Н. А. Т.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Такой естественный выводъ обязывалъ бы финляндцевъ, на точномъ основаніи формы правленія, имѣть должностными лицами *только* русскихъ, такъ какъ съ переходомъ Финляндіи въ собственность Россіи къ послѣдней перешли всѣ функціи Швеціи въ отношеніи Финляндіи и, признавая форму правленія 1772 года сохраняющею силу въ Финляндіи, слѣдуетъ въ ней, на основаніи простой логики, вездѣ вмѣсто „Швеція“ подставить „Россія“, а вмѣсто Король—„Русскій Императоръ“. Послѣднее и дѣлается финляндцами, но, какъ видно, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда такая подстановка оказывается въ ихъ пользу, а не—наоборотъ. *Т.*

Пережитое [1].

(Отрывочныя воспоминанія за 25 лѣтъ службы).

VI.

Съ каждымъ днемъ возстаніе („рухавка") утихало и экспедиціи были уже рѣдки, но обыски въ сосѣднихъ имѣніяхъ и мелкія поимки повстанцевъ продолжались. Появились въ окрестностяхъ такъ называемые—жандармы-вѣшатели, наводнившіе страхъ на жителей тѣхъ деревень и мѣстечекъ, гдѣ не имѣли стоянокъ войсковыя части. Позднею осенью одного изъ такихъ злодѣевъ жандармовъ съ двумя его пособниками удалось поймать [2]). Они доставлены были въ Островъ и преданы военно-полевому суду, однимъ изъ членовъ коего былъ и я.—Изъ полученныхъ свѣдѣній и разспросовъ вызванныхъ свидѣтелей оказалось, что главный изъ нихъ, отставной солдатъ Л.-Гв. Волынскаго полка Амбражинскій, самолично повѣсилъ болѣе 10 человѣкъ и вообще надѣлалъ много бѣдъ. Послѣ короткаго засѣданія, въ виду вѣскихъ и вполнѣ опредѣленныхъ данныхъ, судъ приговорилъ Амбражинскаго къ смертной казни черезъ повѣшеніе, а двухъ его товарищей-сподвижниковъ—къ каторжнымъ работамъ, безъ срока.—Исполненіе приговора отложено было на нѣсколько дней въ ожиданіи палача („хйцля"), ожидавшагося изъ

---

[1]) См. „Русская Старина", октябрь 1907 г.

[2]) 12 декабря 1863 года, небольшимъ казачьимъ отрядомъ, высланнымъ изъ Острова, переловлено было еще 14 жандармовъ-вѣшателей.

Остроленки, но такъ какъ къ назначенному дню онъ не прибылъ, рѣшено было все же исполнить приговоръ, тѣмъ болѣе, что о днѣ казни было оповѣщено по окрестнымъ деревнямъ. На выгонѣ за мѣстечкомъ, у шоссе на Остроленку, устроена была полковыми мастеровыми висѣлица. 23 декабря, въ 9 часовъ, утра двинулась процессія съ приговоренными къ мѣсту казни, сопровождаемая ксендзомъ. Стоялъ порядочный морозъ. На выгонѣ выстроены были нѣсколько ротъ и часть казаковъ. По прочтеніи полковымъ адъютантомъ приговора, Амбражинскій былъ повѣшенъ при помощи одного полковаго фурштата. Добавлю къ этому, что высшими властями поставлено было непремѣннымъ условіемъ, чтобы казнь исполнена была отнюдь не въ Остроленкѣ, гдѣ имѣлся палачъ, а именно въ Островѣ, въ окрестностяхъ коего орудовалъ послѣднее время казненный [1]).

Наступила зима и сравнительное затишье. Припоминаю лишь одинъ случай высылки зимою экспедиціоннаго отряда изъ нѣсколькихъ ротъ съ полусотнею казаковъ по дорогѣ на Остроленку, въ виду полученнаго донесенія о нападеніи банды инсургентовъ на обозъ съ мукою, слѣдовавшій изъ этого города подъ прикрытіемъ весьма небольшого конвоя. Отрядъ однако не нашелъ ни повстанцевъ, ни провіанта и вернулся въ Островъ [2]).

Миновало нѣсколько мѣсяцевъ, и настала весна 1864 года. Распоряженіемъ намѣстника царства Польскаго, коимъ былъ тогда уже

---

[1]) Нѣсколько ранѣе, 24 іюня, по приговору полевого суда, былъ повѣшенъ въ Островѣ на выгонѣ за Варшавскою заставою, бѣжавшій изъ полка и въ одной изъ стычекъ взятый въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, юнкеръ Бонифацій Бѣлицкій.

[2]) Хотя мятежъ („рухавка") уже близился къ концу, но въ обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ Остроленскаго уѣзда и, въ особенности, въ окрестностяхъ м. м. Замброва, Вышкова, Острова и Брокъ еще продолжали бродить пресловутые жандармы-вѣшатели, одиночные повстанцы и незначительныя банды ихъ, грабившія для своего пропитанія помѣщичьи усадьбы и деревни, тѣмъ не менѣе, офицерами Либавскаго полка иногда устраивались охоты на кабановъ и лисицъ, но конечно съ должными предосторожностями. На одной изъ такихъ охотъ въ окрестностяхъ м. Брокъ, даже съ участіемъ нѣсколькихъ полковыхъ дамъ, нарочно прибывшихъ изъ Острова, —привелось быть и мнѣ, при чемъ загонщиками, кромѣ нѣсколькихъ лѣсниковъ и мѣстныхъ крестьянъ, хорошо знакомыхъ съ окрестными лѣсами, были и квартировавшія въ м. Брокъ двѣ стрѣлковыя роты названнаго полка въ полномъ составѣ, съ ружьями и боевыми патронами.—На этой охотѣ убиты были нѣсколько лисицъ и кабановъ, при чемъ изъ послѣднихъ одного, особенно крупнаго, спустя нѣсколько дней отправили въ Варшаву, въ подарокъ отъ охотниковъ полка, кажется, начальнику штаба намѣстника генералу Минквицу.

генералъ-адъютантъ графъ Бергъ, наложена была на всѣхъ жителей губерній края контрибуція, въ размѣрѣ 10% сбора, при чемъ сборщиками, въ сопровожденіи казачьяго конвоя, собственно въ окрестностяхъ Острова, были и нѣсколько офицеровъ Либавскаго полка; собранныя суммы отправлялись съ конвоемъ въ Остроленское казначейство.

7 сентября 1863 года въ Варшавѣ на графа Берга произведено было покушеніе, а именно изъ дома графа Замойскаго на улицѣ „Новый Свѣтъ", при проѣздѣ намѣстника въ коляскѣ съ своимъ адъютантомъ, кажется, ротмистромъ Валемъ, брошено было нѣсколько бомбъ, разорвавшихся на улицѣ. Пострадавшихъ было, какъ разсказывали, много, и даже коляска мѣстами разбита, но графъ Бергъ и его адъютантъ остались невредимы. Тотчасъ же домъ Замойскаго былъ обысканъ, частью внутри разрушенъ, конфискованъ въ казну и занятъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка. Путемъ подписки между офицерами всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ, собрана была значительная сумма и заказана художнику Шарлеманю изображающая это событіе картина, нынѣ находящаяся или въ королевскомъ замкѣ въ Варшавѣ или въ семьѣ покойнаго генерала. Картина эта поднесена была графу Бергу, а всѣмъ офицерамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, высланы были фотографическіе снимки съ нея.

Въ августѣ 1864 года получено было изъ Сѣдлеца приглашеніе нѣсколькихъ офицеровъ Либавскаго полка на балъ къ начальнику дивизіи генералу Манюкину, на который и отправились 5 офицеровъ [1]). До Варшавы мы ѣхали по желѣзной дорогѣ, а оттуда 83 версты въ Сѣдлецъ лошадьми на перекладныхъ. На балъ, состоявшійся 30 августа, по приглашенію прибыло много лицъ польскаго дворянства съ семьями и нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, далеко не съ охотою. Нѣсколько военныхъ прибыли изъ Варшавы, и въ числѣ ихъ весьма тучный генеральнаго штаба генералъ Черницкій. Было много офицеровъ мѣстнаго и сосѣднихъ гарнизоновъ, а также Смоленскихъ уланъ съ ихъ командиромъ полковникомъ Папафанасопуло и артиллеристовъ, коими былъ устроенъ фейерверкъ, сожженный передъ ужиномъ. Балъ былъ блестящимъ и закончился въ 8-мъ часу утра. Въ тотъ же день офицеры Либавскаго полка такимъ же путемъ выѣхали обратно черезъ Варшаву въ Островъ [2]). 20

---

[1]) Въ числѣ ихъ командиръ полка и я.

[2]) Балъ этотъ, на которомъ, какъ выше сказано, присутствовали съ семьями представители мѣстной польской интеллигенціи (родовитой шляхты) и вѣроятно многіе изъ нихъ съ неохотою, а лишь въ силу необходимости,

іюня 1864 года я былъ назначенъ командиромъ 5 линейной роты, расположенной у станціи Лапы, и выѣхалъ туда.

Принявъ роту отъ поручика Туюлина, переведеннаго въ Або-Бьернеборгскій финскій поселенный баталіонъ, нынѣ не существующій, я устроился въ баракѣ. Въ это время начальникомъ всей охраны желѣзно-дорожной линіи отъ Бѣлостока до Варшавы былъ генералъ фонъ-Мензенкампфъ. О повстанцахъ въ раіонѣ этой линіи уже не было слышно, но мѣры охраны все же не уменьшались.— Настали скучные томительные дни и почти полная бездѣятельность [1]). Ежедневно на площадкѣ у бараковъ производились строевыя ученья и гимнастика. Въ сосѣдней деревнѣ Ухово-Лапы расквартирована была 5-ая сотня своднаго Оренбургскаго казачьяго полка подъ командою есаула Невѣрова. Рота была полнаго состава,—въ 190 человѣкъ съ унтеръ-офицерами, при чемъ большинство нижнихъ чиновъ было значительно старше меня возрастомъ.

Приведу небольшую выдержку изъ сохранившагося письма моего, отправленнаго со ст. Лапы 8 августа 1864 года и рисующаго до нѣкоторой степени частности жизни на этой станціи и службы тамъ: „станція Лапы находится въ довольно пустынной мѣстности; кругомъ болота, а въ $1^1/_2$ верстахъ, въ направленіи къ Бѣлостоку мостъ черезъ р. Наревъ, охраняемый полуротою Софійскаго пѣхотнаго полка. По росписанію, на станціи Лапы около 2 ч. дня встрѣ-

---

не обошелся безъ легкаго скандала. Такъ, одинъ изъ кавалерійскихъ офицеровъ, „нагрузившись“ какъ слѣдуетъ въ буфетѣ, нѣсколько разъ появлялся въ залѣ среди танцующихъ, пытаясь дижирировать танцами и прерывая ихъ; наконецъ онъ былъ уведенъ товарищами снова въ буфетъ и тамъ уже окончательно наспиртованъ до степени абсолютнаго покоя. Затѣмъ, по окончаніи бала, во время ужина, въ столовомъ залѣ отъ какой-то причины загорѣлась большая деревянная люстра, висѣвшая какъ разъ надъ серединою громаднаго сервированнаго стола, при чемъ естественно произошла паника, особенно среди дамъ и дѣвицъ, изъ коихъ нѣсколько попадало въ обморокъ; начавшійся пожаръ былъ однако быстро прекращенъ, всѣ успокоились, и ужинъ закончился какъ слѣдуетъ. Въ Сѣдльце (нынѣ Сѣдлецъ) тогда циркулировалъ слухъ, будто бы всѣ расходы по устройству этого бала были покрыты изъ суммъ 10% контрибуціоннаго сбора по Сѣдлецкому военному отдѣлу и если слухъ этотъ дѣйствительно имѣлъ основаніе, то балъ съ ужиномъ обошелся конечно болѣе чѣмъ дешево, но за то и расходъ на это изъ указанной суммы былъ вполнѣ незаконенъ, хотя бы на производство его и была санкція высшей власти въ Варшавѣ.

[1]) Повсемѣстно учреждены были особые сельскіе караулы въ помощь войсковымъ частямъ, командировавшимся отъ времени до времени для разсѣянія мелкихъ бандъ повстанцевъ и поимки жандармовъ-вѣшателей.

чаются пассажирскіе поѣзда изъ Вильны и Варшавы, имѣя 20-минутную остановку. Въ ротѣ два офицера—поручикъ Меншуткинъ и прапорщикъ Бородинъ, а также два юнкера, исключенные изъ кадетскаго корпуса. Продукты очень дешевы, напр. фунтъ говядины —5 копѣекъ [1]). Квартира ротнаго командира въ баракѣ состоитъ изъ одной комнаты безъ обоевъ и съ однимъ окномъ. Бараковъ для роты два и кромѣ боковыхъ выходовъ, въ каждомъ баракѣ устроенъ еще выходъ со стороны полотна желѣзной дороги. Продовольствіе людей роты хорошее; приварочныхъ денегъ по 5½ копѣекъ на человѣка. Хлѣбъ выпекается въ ротѣ“ [2]).

Жизнь у ст. Лапы, какъ замѣчено выше, была монотонная и скучная; лишь нѣкоторое оживленіе вносили рѣдкіе пассажирскіе поѣзда, и изрѣдка проходили экстренные поѣзда; такъ, 24 августа, въ 4 часа утра, ввиду проѣзда намѣстника графа Берга, возвращавшагося изъ Петербурга въ Варшаву, приняты были по линіи особыя предосторожности и находившіяся на станціяхъ роты выстроены были на платформахъ вокзаловъ; экстренный поѣздъ съ намѣстникомъ и его свитою конвоировала рота С.-Петербургскаго гренадерскаго полка съ полусотнею Кубанскихъ казаковъ.

Возстаніе окончилось, и объявлена была амнистія тѣмъ, кто добровольно сложитъ оружіе и явится къ мѣстнымъ военнымъ властямъ. Постепенно, по одиночкѣ и группами, прибывали въ Островъ съ повинною повстанцы, но большею частью безъ оружія;

---

[1]) Жизненные припасы вообще тогда были недороги въ раіонѣ расположенія полка. Такъ, когда я жилъ въ Островѣ, то съ нѣсколькими офицерами столовался у командира 1 роты, при чемъ обѣдъ изъ 2 блюдъ, а по воскресеньямъ изъ трехъ и ужинъ изъ одного блюда, стоилъ каждому изъ насъ только по 5 рублей въ мѣсяцъ, хотя, правда, почти все изготовлялось на салѣ, а не на маслѣ, тѣмъ не менѣе все же было весьма дешево.

[2]) Офицерскія потребности были тогда скромны и неприхотливы; по этому поводу я приведу дословную выдержку изъ сохранившагося письма моего, отправленнаго со станціи Ухово-Лапы 8 августа 1864 года: „буфетъ тутъ хорошъ, но я въ него не заглядываю, такъ какъ все очень дорого; напримѣръ, обѣдъ съ ужиномъ стоитъ тутъ 18 рублей въ мѣсяцъ, ну а это далеко не по карману. Я взялъ изъ своей роты солдатика, который съ грѣхомъ пополамъ варитъ намъ незатѣйливыя армейскія кушанья; изъ посуды я раньше (еще изъ Вильны) имѣлъ ножъ, вилку и ложку, чугунный горшокъ для варки супа и сковороду, а здѣсь уже купилъ у моего предшественника по командованію ротою (поручика Туюлина)—6 тарелокъ, два чугунныхъ горшка, сковороду, суповую чашку и нѣсколько поварскихъ ножей, заплативъ за все это удовольствіе 3 р. 20 коп“.

Нынѣ г.г. ротные командиры такимъ скромнымъ ассортиментомъ посуды конечно не удовольствовались бы.

послѣ присяги въ костелѣ, ихъ отпускали домой. Обычный сборъ податей шелъ успѣшно, безъ принужденія. Въ концѣ ноября, генералъ баронъ Корфъ, осматривавшій всѣ войска по линіи отъ Варшавы, прибылъ на станцію Лапы, гдѣ, къ его пріѣзду, выстроена была въ походномъ снаряженіи 5-ая рота Либавскаго полка; произведя наружный осмотръ роты, опросивъ претензіи и поблагодаривъ отъ имени намѣстника офицеровъ и нижнихъ чиновъ за службу, генералъ выѣхалъ въ направленіи на Бѣлостокъ. Образованы были военные округа и 2-ая пѣхотная дивизія,—а слѣдовательно и Либавскій полкъ,—включена была въ составъ войскъ Варшавскаго военнаго округа.

Сообщилъ Л. Д.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Полная неожиданность.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ редакторомъ газеты „Русскій Инвалидъ“ состоялъ полковникъ П. П. Л—въ, очень замѣтный профессоръ Николаевской Академіи генеральнаго штаба и довольно извѣстный военный авторитетъ. Какъ многіе изъ представителей военной науки того времени, онъ отличался, по-тогдашнему, большой дозой красноты взглядовъ, нерѣдко это высказывалъ, мало заботясь объ осторожности, а иногда и прямо щеголяя этимъ.

Едва-ли не за это, онъ впослѣдствіи былъ вытѣсненъ изъ академіи и принужденъ былъ перейти въ строй: въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и въ началѣ семидесятыхъ, онъ командовалъ одною изъ пѣхотныхъ дивизій, кажется, седьмою, стоявшею тогда, какъ впрочемъ и теперь, въ предѣлахъ Варшавскаго военнаго округа.

Во время редактированія Л—мъ „Русскаго Инвалида“, эта газета была военная, литературная и чуть ли не политическая; въ ней помѣщались всевозможныя статьи, а не только спеціально военныя; ее выписывали очень многія лица, не имѣвшія ничего общаго ни съ военнымъ міромъ, ни съ военнымъ дѣломъ.

Въ тѣ времена (до изданія въ 1865 году новыхъ законовъ о печати) всѣ газеты, журналы и книги выходили на общихъ основаніяхъ подцензурными.

Какъ могло случаться, что при цензурныхъ строгостяхъ, въ газету проскальзывали иногда такія замѣтки, которыя вызывали строгое вниманіе администраціи и кару, налагавшуюся отъ времени до времени на авторовъ—сказать трудно. Извѣстны случаи, когда со стороны высшихъ представителей власти въ редакцію присылалось особое лицо для выясненія имени и званія автора извѣстной статьи или какого-либо сообщенія и за этимъ слѣдовало наложеніе взысканія на автора.

Въ большей части случаевъ авторомъ являлся самъ Л., онъ всегда былъ непрочь пошалить перомъ—авось де пройдетъ незамѣченнымъ; подвергаться же взысканіямъ онъ не желалъ и, какъ человѣкъ хитрый,—чтобы не сказать болѣе,—живо приспособился къ обстоятельствамъ.—У него помощникомъ по должности редактора

состоялъ пресимпатичный, въ высшей степени скромный, благородный, сильно глуховатый Я—въ Н—чъ Т.; Л., приглядѣвшись къ нему и освоившись съ нимъ, рѣшилъ сваливать на него вину помѣщенія такихъ статей, которыя вызывали грозное вниманіе верховъ. Нѣсколько разъ Я—ву Н—чу случилось вынести на себѣ легкія взысканія, въ родѣ замѣчанія, указанія, выговора, а раза два довелось и посидѣть на гауптвахтѣ.

Однажды на страницахъ „Русскаго Инвалида" появились записки о пребываніи вдовствовавшей Императрицы Александры Θеодоровны за границей. Государыня Императрица—матушка Государя Императора Александра Николаевича, вступившаго въ 1855 году на престолъ, уѣхала, вслѣдствіе болѣзни, за границу вскорѣ послѣ кончины супруга своего Государя Николая Павловича; прогостивши нѣкоторое время у своего родного брата принца Прусскаго Фридриха Вильгельма (съ 1861 года король Прусскій, Фридрихъ Вильгельмъ IV, а впослѣдствіи, съ начала 1871 года, Императоръ Германскій Вильгельмъ I), Государыня переѣхала въ Ниццу, гдѣ прожила нѣсколько лѣтъ и скончалась въ 1861 году.

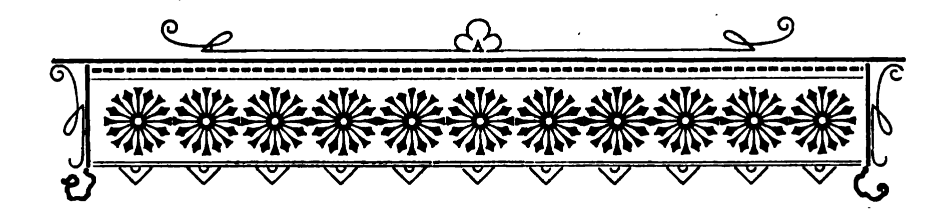
Записки, появившіяся на страницахъ „Русскаго Инвалида", обратили на себя всеобщее вниманіе; онѣ читались съ большимъ интересомъ во всѣхъ кружкахъ пробуждавшагося тогда русскаго общества. Въ одинъ прекрасный день редакцію посѣтило какое-то лицо придворнаго званія или чуть ли не флигель-адъютантъ Его В—ва—узнать имя автора,—на этотъ разъ для доклада Его Величеству.

Л. спокойно и, можно сказать, безжалостно, назвалъ того же своего помощника и коллегу, Я. Н. Т.,—всякій день ожидавшаго грозы и свыкшагося съ тѣмъ, что ему вообще нужно „претерпѣвать".

Каково же было его—Т., радостное удивленіе и что почувствовалъ Л., когда черезъ два-три дня то же лицо доставило въ редакцію великолѣпную золотую табакерку съ украшеннымъ брилліантами портретомъ Государя Императора, для передачи Я. Н. Т. въ подарокъ отъ Его Императорскаго Величества!

Сообщ. А. Е. К.

Марина Мнишекъ и второй самозванецъ [1]).

(Окончаніе).

XVI.

Возвращеніе Сигизмунда въ Варшаву.—Обсужденіе московскихъ дѣлъ на сеймѣ.—Послѣднее выступленіе Юрія Мнишекъ.—Новое московское посольство въ Варшавѣ.—Ходкевичъ подъ Москвою.—Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ вынуждаетъ поляковъ отойти отъ столицы.—Польское войско объявляетъ конфедерацію.—Сигизмундъ отправляется наконецъ въ Москву.

Вѣсть о паденіи Смоленска вызвала въ Польшѣ большую радость и была отпразднована повсюду подобающимъ образомъ.

16 сентября король совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Варшаву. Нѣсколько дней спустя открылся сеймъ, созванный для обсужденія дальнѣйшей политики по отношенію къ Москвѣ. Сигизмунду нужно было оправдать въ глазахъ народа войну, начатую безъ согласія сейма. Съ этой цѣлью, въ письмахъ, разосланныхъ сенаторамъ, и въ инструкціяхъ, данныхъ сеймикамъ, онъ особенно настаивалъ на томъ, что война велась имъ „для расширенія границъ Польши и возвращенія отторгнутыхъ отъ нея областей“, и что поспѣшное вступленіе въ предѣлы Московскаго государства было необходимо для того, чтобы „предупредить непріятеля, который, будучи раздраженъ появленіемъ въ свитѣ самозванца поляковъ, намѣревался, прогнавъ его, идти на Польшу“.

Выслушавъ объясненія, данныя подканцлеромъ, многіе требовали, чтобы всѣ тѣ, кои поддерживали тайныя сношенія съ Димитріемъ и помогали ему въ выполненія его плановъ, были строго наказаны; безчисленныя обвиненія посыпались на Юрія Мнишека, который

---

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь, 1907 года.

поддержавъ самозванца изъ своекорыстныхъ цѣлей, не только былъ, косвенно, причиною войны съ Москвою, но всячески мѣшалъ королю, когда тотъ захотѣлъ воспользоваться обстоятельствами для выгоды рѣчи Посполитой.

Воевода Сендомірскій пытался оправдаться, но его длинная рѣчь, полная лжи и недомолвокъ, не произвела никакого впечатлѣнія.

Въ то время какъ засѣдалъ сеймъ, въ Варшаву должно было прибыть московское посольство, для заключенія мирнаго договора и установленія добрососѣдскихъ отношеній между Москвою и Польшею.

Послы, выѣхавъ изъ Москвы 21 сентября, верстъ тридцать не доѣзжая Можайска, встрѣтили гетмана Ходкевича, который посовѣтывалъ имъ ѣхать обратно. „Гетманъ литовскій", пишетъ Мархоцкій, „узнавъ, что посламъ велѣно было еще разъ предложить корону Владиславу, посовѣтовалъ имъ возвратиться въ Москву и просить иныхъ полномочій".

Какъ мы знаемъ, Сигизмундъ хотѣлъ самъ возсѣсть на московскій престолъ и поэтому конечно былъ бы недоволенъ, если бы корона была предложена не ему, а его сыну, но его такъ ненавидѣли въ Москвѣ, что поддерживать его избраніе не согласились бы даже тѣ, кои относились къ нему наиболѣе сочувственно. На этомъ основаніи послы отвѣтили Ходкевичу, что хотя они „были бы рады снискать благоволеніе короля, но должны подтвердить, что народъ присягнулъ королевичу, и не хочетъ имѣть царемъ никого иного; объ этомъ уже извѣстно во всѣхъ московскихъ земляхъ и если бы въ то время, когда рѣчь зашла впервые объ избраніи Владислава, Ходкевичъ потребовалъ, чтобы народъ присягнулъ королю, а не его сыну, то это повело бы къ еще болѣе ожесточенному кровопролитію, либо къ тому, что на престолъ посадили бы тушинскаго вора, къ которому у многихъ лежало сердце".

Всѣ убѣжденія Ходкевича остались безуспѣшны.

Въ Москвѣ также рѣшительно отказались дать посламъ новыя полномочія; бояре даже заявили, что „хотя бы имъ пришлось животъ свой положить, но иного посольства отъ нихъ не добьются" [1]. Двѣ недѣли спустя, послы отправились въ Польшу съ прежними полномочіями.

---

[1]) Костомаровъ, не зная, для чего Ходкевичъ „настаивалъ на томъ, чтобы посламъ были даны новыя полномочія", толкуетъ въ этомъ случаѣ поведеніе боярской думы ошибочно. (Истор. Монографіи, т. VI, стр. 224).

Примѣч. автора

Во главѣ посольства стояло два князя: Юрій Трубецкой и Михаилъ Салтыковъ - Морозовъ, и думный дьякъ Василій Осиповичъ Яновъ.

18 декабря послы имѣли аудіенцію у короля. Сигизмундъ принялъ ихъ торжественно, окруженный сенаторами. Согласно обычаю, всѣ три посла говорили по очереди; прежде всего они говорили о послѣднихъ событіяхъ въ Москвѣ, затѣмъ объяснили, почему они не могли исполнить требованія литовскаго гетмана, просили Сигизмунда какъ можно скорѣй пріѣхать вмѣстѣ съ королевичемъ въ Москву, и наконецъ просили дозволенія „взглянуть на ясныя очи государя, царя и великаго князя всея Руси Владислава Сигизмундовича“ и вручить ему грамоту отъ бояръ.

Два дня спустя они были допущены къ королевичу, котораго „просили какъ можно скорѣй возсѣсть на свой царскій престолъ“ въ Москвѣ. Когда были окончены привѣтственныя рѣчи, Салтыковъ передалъ Владиславу „боярскую грамоту“ а королевичъ, освѣдомившись о здоровьи пословъ, предложилъ имъ сѣсть. Немного погодя послы и польскіе сенаторы перешли въ другое зало, гдѣ началось совѣщаніе.

Русскіе жаловались въ особенности на то, что король не выполнилъ присяги, данной гетманомъ Жолкевскимъ, и не прислалъ въ Москву своего сына, что̀ и было главною причиною того страшнаго кровопролитія, какое происходило въ Московскомъ государствѣ, на что̀ канцлеръ литовскій отвѣтилъ, что король не могъ, въ столь важномъ дѣлѣ, ничего рѣшить безъ сейма, и что юнаго королевича нельзя было отпустить въ страну, объятую мятежомъ.

Мѣсяцъ спустя происходило новое совѣщаніе, на которомъ подканцлеръ сообщилъ посламъ, что Сигизмундъ рѣшилъ отпустить къ нимъ своего сына и отправиться вскорѣ вмѣстѣ съ нимъ въ Москву.

Однако, тяжелый на подъемъ и нерѣшительный Сигизмундъ не скоро сдержалъ свое слово.

Тѣмъ временемъ положеніе польскаго гарнизона въ Москвѣ ухудшилось и хотя ему удалось, при помощи сапѣжинцевъ отбить штурмъ, но осаждающіе подожгли Китай-городъ, который сгорѣлъ до тла, и во время этого пожара, помимо разныхъ драгоцѣнностей, сгорѣли запасы съѣстныхъ припасовъ, что̀ увеличило бѣдствія гарнизона.

Вскорѣ подошелъ къ Москвѣ Ходкевичъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи только одну конницу, онъ не могъ атаковать укрѣпленный лагерь русскихъ, тѣмъ болѣе, что польское войско, стоявшее подъ Москвою, было изнурено и въ добавокъ, до того доморализовано, что водворить въ немъ порядокъ и повиновеніе было крайне трудно

и когда гетманъ сталъ строго взыскивать съ виновныхъ, то онъ этимъ только „многихъ озлобилъ и возстановилъ противъ себя".

Между тѣмъ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ заставилъ поляковъ отойти отъ столицы; гетманъ литовскій также оставилъ свой обозъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ; вслѣдъ за нимъ ушла значительная часть московскаго гарнизона. Въ Москвѣ осталось всего 3.000 поляковъ, „которымъ, кромѣ обычнаго жалованья, положено было выдавать особое вознагражденіе, чтобы заохотить ихъ къ дальнѣйшей энергичной оборонѣ", а такъ какъ, пишетъ Мархоцкій, „наличныхъ денегъ не было, то бояре дали намъ въ залогъ нѣкоторыя вещи, которыя они обѣщали въ скоромъ времени выкупить, а именно: двѣ царскія короны, одна принадлежавшая Годунову, а другая Димитрію, мужу Марины Мнишекъ, два или три рога отъ единорога, посохъ (т. е. скипетръ) царскій изъ единорога, въ золотой оправѣ, осыпанный бриліантами на концахъ, и гусарское сѣдло того же Димитрія, украшенное каменьями и жемчугомъ". „Полкъ Сапѣги получилъ въ залогъ двѣ шитыя золотомъ и осыпанныя каменьями шапки, въ какихъ коронуются московскіе цари, и золотые скипетръ и державу", также осыпанные драгоцѣнными камнями.

1 ноября, т. е. на четвертый день по уходѣ изъ Москвы, Ходкевичъ прибылъ въ Рогачевъ. Поляки шли медленно, съ большимъ трудомъ, такъ какъ оголодавшія лошади не въ силахъ были вытянуть возовъ по разгрязшей дорогѣ.

Изъ Рогачева поляки послали обозную прислугу за Волгу за съѣстными припасами, которыхъ тѣ привезли въ изобиліи. Въ Москвѣ же ощущался въ то время большой недостатокъ во всемъ и „была такая дороговизна, что за теленка платили 600 злотыхъ, за кварту (мѣра равная двумъ кружкамъ) масла 4 злотыхъ, за курицу 7 злотыхъ, за сороку или ворону полтора злотыхъ, за воробья 15 грошей. Однажды къ пану референдарію (т. е. Александру Госѣевскому) и къ пану Зборовскому собрались гости; приказавъ накрыть на столъ, они попросили ихъ откушать и угостили ихъ заплѣсневѣлыми сухарями съ хрѣномъ, кашей съ перцемъ, и квасомъ или водой вмѣсто вина". „Такъ велика была нужда у самыхъ важныхъ особъ; иные буквально умирали съ голода; ѣли все, что попадалось: собакъ, кошекъ, крысъ, сухую кожу, даже людей"; однажды „къ войсковому судьѣ, Александру Равиницкому пришли нѣмцы, жалуясь на голодъ. Не имѣя ничего дать имъ, онъ по настоятельной ихъ просьбѣ далъ имъ сначала двухъ, а затѣмъ трехъ плѣнныхъ. Во время вылазокъ, какъ нѣмцы, такъ и молодые поляки уносили убитыхъ и съѣдали ихъ".

Ходкевичу удалось, въ половинѣ декабря, собрать въ Рогачевѣ большіе запасы; часть ихъ была послана въ Москву. 18 декабря,— пишетъ Маскевичъ—„мы отправились со съѣстными припасами въ столицу. Въ ту пору стоялъ сильный морозъ; такъ какъ намъ не было дозволено зажигать костровъ, чтобы не обращать вниманія непріятеля, то по пути у насъ замерзло до 360 человѣкъ нашихъ, а москалей еще больше. Руки примерзали у насъ къ саблямъ; многіе отморозили себѣ пальцы на рукахъ и ногахъ“. Подъ самой столицей „напали на насъ московиты и отбили у насъ нѣсколько возовъ съ съѣстными припасами, у меня у самого забрали пять возовъ“.

Среди войска, находившагося въ столицѣ, неудовольствіе въ это время было такъ велико, по словамъ Маскевича, что „о службѣ“ никто не думалъ, „всѣ помышляли только о конфедераціи“.

Въ исходѣ сентября войско отправило къ королю новое посольство, чтобы изобразить ему свое бѣдственное положеніе, и указавъ на понесенные труды, „просить о скорѣйшей уплатѣ жалованія“ и заявить рѣшительно, „что они не станутъ служить его королевскому величеству далѣе какъ до 6 января“.

Дѣйствительно, 6 января собрались войсковыя коло и стали обсуждать этотъ вопросъ. „Мы обо всемъ сговорились“—разсказываетъ Маскевичъ,—и пошли къ столицѣ; гетманъ (Ходкевичъ) со своимъ войскомъ слѣдовалъ за нами“. Въ Москвѣ „14 января (1612 г.) мы образовали конфедерацію; маршалкомъ ея избрали Іосифа Чеклинскаго. Отдавъ столицу въ руки гетмана, мы хотѣли тотчасъ уйти, но видя, какъ мало у него было войска, сдались на его просьбу оставить часть войска до 14 марта, въ каковой день гетманъ обѣщалъ ихъ отпустить“.

Объявивъ конфедерацію, предводители поляковъ издали универсалъ, въ коемъ, жалуясь на поведеніе Сигизмунда, удостовѣряли, что „они были бы готовы и долѣе сражаться, если бы у нихъ были на это силы“, „но терпя во всемъ недостатокъ“, и „такъ долго не получая никакого подкрѣпленія, имъ приходилось помышлять уже не объ оборонѣ, а о покоѣ“. Поэтому, если имъ не будетъ уплачено жалованье, то они уйдутъ изъ Москвы, вступятъ въ Варшаву и останутся тамъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ то, что имъ слѣдуетъ.

Конфедератами были посланы къ королю гонцы съ увѣдомленіемъ о состоявшемся рѣшеніи, но это не повело ни къ какому результату.

Въ виду обострившагося положенія, Ходкевичъ, не имѣя возможности принудить „столичное“ войско нести дальнѣйшую службу, очутился въ самомъ критическомъ положеніи. Пославъ въ Ростовъ за съѣстными припасами, онъ просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ о присылкѣ полутора тысячъ солдатъ, которые замѣнили бы гарнизонъ. Въ первый моментъ Сапѣга во всемъ отказалъ ему, но затѣмъ, обдумавъ, что „если бы столица досталась въ руки непріятеля, то вся вина за это пала бы на его полкъ, послалъ къ Ходкевичу Будзилу съ провіантомъ, давъ ему изъ каждой роты по нѣсколько человѣкъ“. Этотъ отрядъ прибылъ въ Москву 27 января, но большинство солдатъ вскорѣ также объявили конфедерацію и „еще по санному пути“ уѣхали въ Литву.

Въ февралѣ, „столичное“ войско ушло, для лучшаго продовольствованія за Волгу, а Ходкевичъ остался въ Ѳедоровскомъ, въ 20 миляхъ отъ столицы, гдѣ онъ разсчитывалъ выждать подкрѣпленія изъ Польши. И дѣйствительно, въ началѣ марта ему было послано изъ Смоленска на подмогу 1.200 чел. подъ командою Струся.

Зная о столь критическомъ положеніи поляковъ, Сигизмундъ все же не спѣшилъ отъѣздомъ въ Москву.

Въ письмѣ отъ 22 марта Задзикъ писалъ Рудницкому: „Относительно поѣздки короля въ Вильно, почти рѣшено, что онъ уѣдетъ вскорѣ послѣ Пасхи, хотя незамѣтно, чтобы къ этому дѣлались какія бы то ни было приготовленія“, а два мѣсяца спустя онъ сообщалъ епископуварминскому: „Отъѣздъ е. к. в. откладывался до сихъ поръ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ. Но теперь благодаря Бога всѣ препятствія устранены; королева благополучно разрѣшилась 25 мая, въ девятомъ часу вечера, отъ бремени сыномъ. и теперь вѣроятно мы уже скоро выѣдемъ; когда я спрашивалъ объ этомъ вчера вечеромъ е. в. отъ имени канцлера, то онъ отвѣтилъ, что хотѣлъ бы выѣхать во вторникъ, послѣ Троицына дня, т. е. 12 іюня, если ничто особенное не помѣшаетъ. Многіе боятся, чтобы король снова не отложилъ своего отъѣзда; положеніе дѣлъ въ Москвѣ этого не позволяетъ.

„Пришло письмо отъ бояръ изъ Москвы, которые просятъ, чтобы король съ королевичемъ пріѣхали какъ можно скорѣй, ибо отъ этого все зависитъ, такъ какъ къ Заруцкому идутъ со всѣхъ сторонъ подкрѣпленія“.

Но и это извѣстіе не заставило Сигизмунда поспѣшить. „Московскія дѣла“, писалъ Станиславъ Лубенскій, 14 іюня, „требуютъ, чтобы король ѣхалъ какъ можно скорѣе въ Москву, мы же со дня на

день откладываемъ отъѣздъ. Если я не ошибаюсь, е. к. в. намѣренъ ждать до тѣхъ поръ, пока королева не будетъ въ состояніи поѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Уже прошло около трехъ недѣль съ тѣхъ поръ, какъ она разрѣшилась отъ бремени; не знаю, какъ скоро могла бы она пуститься въ путь".

XVII.

Заруцкій.—Новое движеніе въ Московскомъ государствѣ.—Ходкевичъ пытается снабдить столицу провіантомъ.—Сигизмундъ въ Ѳедоровскомъ.—Страшный голодъ въ Москвѣ.—Сдача польскаго гарнизона.—Сигизмундъ пытается завязать переговоры.—Смѣлые замыслы и послѣднее сраженіе Заруцкаго.—Характеристика Марины.

Въ то время какъ Сигизмундъ медлилъ, положеніе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ осложнялось съ каждымъ днемъ.

Въ то время видную роль въ русскомъ войскѣ игралъ Заруцкій, человѣкъ, который былъ близокъ ко второму самозванцу.

Необыкновенно способный, по словамъ Мархоцкаго „очень красивый и прекрасно сложенный", онъ быстро выдѣлился благодаря этимъ качествамъ: сдѣлался атаманомъ донскихъ казаковъ и сражался во главѣ ихъ сперва подъ знаменами перваго самозванца, а затѣмъ примкнулъ къ Тушинскому вору и „оказалъ ему большія услуги, участвуя во всѣхъ подвигахъ, которыми такъ прославился второй Димитрій, чѣмъ и заслужилъ его особое благоволеніе. Если нужно было кого-нибудь убить, утопить или отрубить кому-нибудь голову, онъ исполнялъ это со своими донцами скоро и исправно". Впрочемъ, онъ оказывалъ второму самозванцу и иныя услуги. „Онъ зорко за всѣмъ слѣдилъ въ Тушинскомъ обозѣ, и такъ какъ князь Рожинскій почти всегда былъ пьянъ, то онъ самъ распредѣлялъ стражу, часовыхъ и завѣдывалъ развѣдочной службою".

Когда былъ убитъ Димитрій, его сторонники совсѣмъ растерялись, Заруцкій хотѣлъ бѣжать въ Калугу, но донцы не выпустили его изъ города и „объявили себя на сторонѣ царицы".

Съ этого момента между нимъ и Мариною установились самыя близкія отношенія; говорили даже, будто онъ сталъ ея мужемъ или любовникомъ. „Къ сожалѣнію", говоритъ Гиршбергъ, „нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы сказать, насколько справедливы эти слухи; но несомнѣнно, что Заруцкій былъ съ той поры самымъ преданнымъ, самымъ вѣрнымъ сторонникомъ Марины".

Въ началѣ 1611 г., когда вспыхнулъ мятежъ противъ Сигизмунда, предводители его заручились содѣйствіемъ Заруцкаго, обѣщавъ ему, что если удастся прогнать поляковъ, то они изберутъ на престолъ

Ивана, сына Марины, родившагося по смерти Димитрія. По слухамъ, дошедшимъ тогда въ Смоленскъ, „этотъ царевичъ былъ увезенъ въ Калугу, куда вмѣстѣ съ нимъ выѣхала Марина, и откуда они отправились въ Коломну, гдѣ прожили довольно долго“.

Въ исходѣ марта 1611 г. къ Москвѣ подошелъ Заруцкій, во главѣ 3.000 донцовъ; съ ними пришло и другое войско, и силы Заруцкаго вскорѣ такъ увеличились, что онъ сдѣлался самымъ вліятельнымъ лицомъ въ русскомъ обозѣ и когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ мятежники рѣшили избрать начальниковъ, „которымъ всѣ бы повиновались“, то змѣстѣ съ Трубецкимъ и Ляпуновымъ избрали и Заруцкаго; между ними недолго царило согласіе; послѣ того какъ былъ убитъ Ляпуновъ, а Трубецкой оказался человѣкомъ неспособнымъ, вся власть сосредоточилась въ рукахъ Заруцкаго.

Такимъ образомъ дѣла приняли оборотъ весьма благопріятный для Марины. Она могла снова питать надежду, что ей, какъ коронованной царицѣ, матери и опекуншѣ малолѣтняго царевича, скоро возможно будетъ возсѣсть снова на московскій престолъ, но ея сторонники во главѣ съ Заруцкимъ творили такія вопіющія безчинства, что вооружили противъ себя рѣшительно всѣхъ, и надежды Марины разлетѣлись скоро прахомъ.

Среди всеобщей неурядицы и бѣдствій, царившихъ въ то время въ Московскомъ государствѣ, „казацкія расправы“, которыя совершались войскомъ Заруцкаго, были однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ явленій, и оно вызвало въ народѣ огромное движеніе не только противъ поляковъ, но главнымъ образомъ противъ „казачества и казацкихъ предводителей“.

Первый сигналъ къ этому движенію былъ поданъ патріархомъ Гермогеномъ, который содержался въ то время въ заточеніи и тѣмъ не менѣе поддерживалъ тайныя сношенія съ врагами Сигизмунда. Ему удалось, еще въ исходѣ августа 1611 г., послать новую грамоту къ нижегородцамъ, въ которой онъ приказывалъ имъ кликнуть кличъ по городамъ, чтобы они продолжали войну съ поляками и не допускали „избрать на царство проклятаго имъ и св. соборомъ“ сына Марины.

Нижній-Новгородъ сдѣлался центромъ мятежнаго движенія, во главѣ котораго стали Кузьма Мининъ и князь Дмитрій Пожарскій.

Заруцкій прекрасно понималъ угрожавшую съ этой стороны опасность и, желая затруднить противникамъ сношенія съ сѣверными областями, рѣшилъ овладѣть Ярославлемъ и Заволжскими городами, но его опередилъ Пожарскій, который, прибывъ въ половинѣ апрѣля въ Ярославль, собралъ тамъ земскій соборъ. Съ этого момента представителями законной власти въ государствѣ были

уже, въ глазахъ народа, не Заруцкій и Трубецкой, а Пожарскій „со своими боярами“.

Вскорѣ дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія; войска Пожарскаго вездѣ одолѣвали противника, и когда передовой отрядъ его ополченія дошелъ до Москвы, въ казацкомъ лагерѣ началось волненіе, часть войска перешла на сторону Пожарскаго, а 7 іюня „Заруцкій ушелъ съ остальными казаками въ Коломну“. Тогда никто уже не сомнѣвался въ побѣдѣ той партіи, во главѣ которой стали „дворяне и дѣти боярскія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ рушились окончательно всѣ планы честолюбивой Марины; въ то же время положеніе польскаго гарнизона въ столицѣ становилось съ каждымъ днемъ труднѣе.

Послѣ того какъ столица была занята Струсемъ, Ходкевичъ отошелъ къ Волоку (нынѣ Волоколамскъ), полагая, что тамъ ему легче будетъ продовольствовать войско, но окрестная мѣстность была такъ разорена, что это оказалось дѣломъ очень труднымъ.

Въ начала августа къ Москвѣ стали подходить войска Пожарскаго; 30 числа онъ прибылъ самъ и въ тотъ же день овладѣлъ Бѣлой стѣною и Алексѣевскимъ бастіономъ. Узнавъ о томъ, Ходкевичъ поспѣшилъ къ столицѣ.

„Литовскій гетманъ“, пишетъ Будзило, „не дождавшись большаго подкрѣпленія, не побоялся превосходства непріятельскихъ силъ и подошелъ (1 сентября) къ столицѣ, желая выручить осажденныхъ и снабдить ихъ съѣстными припасами. Русскіе, спрятавъ пѣхоту во рвахъ, поджидали его у своихъ обозовъ. Хотя польская конница была несравненно слабѣе московской, но она атаковала непріятеля и, будучи поддержана пѣхотою, оттѣснила русскихъ къ самой рѣкѣ. Въ то же время осажденные, желая прорвать московское войско, сдѣлали вылазку до Александровскаго бастіона, но понесли значительный уронъ и были отбиты русскими, которые не только превосходили ихъ силами, но были сыты и не утомлены, тогда какъ наши едва держались на ногахъ“. „Когда наши были сыты“, говоритъ Будзило, „имъ нестрашны были московиты, они всегда дѣлали вылазки и отбивали ихъ. Но когда у нихъ не стало хватать хлѣба, то они очень ослабѣли отъ голода; не только ноги, но и руки не слушались ихъ болѣе“.

Два дня спустя, 3 сентября, Ходкевичъ попытался еще разъ ввести въ столицу привезенные имъ съѣстные припасы.

„Польское войско“—читаемъ въ томъ же дневникѣ, „долго билось съ непріятелемъ, но наконецъ одержало надъ нимъ верхъ. Московиты, отступивъ за рѣку и опустивъ руки, смотрѣли на то, какъ гетманъ не теряя времени провозилъ въ крѣпость съѣстные

припасы. Но когда воза въѣхали на деревянный мостъ, подлѣ котораго засѣла во рвѣ московская пѣхота съ двумя орудіями, то она открыла пальбу и не пропустила возовъ въ крѣпость.

Убѣдясь въ томъ, что съ такими слабыми силами не удастся ни подкрѣпить осажденныхъ, ни снабдить ихъ съѣстными припасами, Ходкевичъ снова отошелъ отъ столицы, предварительно „пославъ сказать осажденнымъ, чтобы они потерпѣли еще немного, что недѣли черезъ двѣ онъ придетъ съ болѣе сильнымъ подкрѣпленіемъ". Онъ разсчитывалъ на поддержку со стороны королевскаго войска, но Сигизмундъ все еще не спѣшилъ къ Москвѣ и хотя онъ выѣхалъ въ началѣ іюля изъ Варшавы, но замѣшкался почти до конца августа въ Вильнѣ, а затѣмъ ему пришлось довольно долго пробыть въ Смоленскѣ, откуда войско не хотѣло идти съ нимъ, требуя прежде всего уплаты жалованія, и измѣнило свое рѣшеніе, только внявъ усиленной просьбѣ королевича, который „придя въ ихъ коло, убѣдительно просилъ ихъ не оставлять его и короля".

На эти переговоры съ смоленскимъ „рыцарствомъ" ушло двѣ недѣли; Сигизмундъ двинулся далѣе только 16 августа, и въ половинѣ ноября сталъ обозомъ подъ Ѳедоровскимъ, но въ это самое время польскій гарнизонъ былъ вынужденъ голодомъ сдаться непріятелю.

Послѣдніе мѣсяцы дороговизна всѣхъ припасовъ и нужда дошли въ Москвѣ до крайнихъ предѣловъ.

Богданъ Балыка, кіевскій купецъ, жившій въ то время въ Кремлѣ, разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, что за четверть ржи платили 100 злотыхъ, четверть овса стоила 40 зл., кварта крупъ 20 зл., кварта водки 40 зл., за корову давали 600 зл.; Рачинскій заплатилъ за кота 8 зл., товарищъ Будзилы далъ за собаку 15 зл. Вскорѣ насталъ такой страшный голодъ, что пѣхота и нѣмцы потихоньку убивали людей и съѣдали ихъ. „Мы первые убѣдились въ этомъ, говоритъ Балыка; однажды возвращаясь изъ соборной церкви пресвятой Богородицы, мы нашли въ ямѣ спрятанную въ мѣшкѣ человѣческую голову и ноги".

„Когда пѣхотѣ выдали однажды нѣсколько московскихъ плѣнныхъ, солдаты тотчасъ убили ихъ и съѣли. Нѣсколько дней спустя случилось, что когда русскіе несли рабочимъ, работавшимъ близъ Никольскихъ воротъ, уголь, то нѣсколько человѣкъ, выскочивъ изъ-за стѣны, убили одного изъ нихъ и тутъ же съѣли".

Разсказами о подобныхъ ужасахъ полны дневники очевидцовъ, но не смотря на столь отчаянное положеніе осажденные и по уходѣ Ходкевича продолжали храбро обороняться, отбили три атаки русскихъ, гордо отвергли предложеніе Пожарскаго сдаться ему, и только въ ноябрѣ, потерявъ всякую надежду на помощь и оконча-

тельно обезсилѣвъ, они начали переговоры о сдачѣ крѣпости и сдались только тогда, когда московскіе воеводы „подъ присягою обѣщали имъ, что жизнь и имущество будутъ пощажены“, но между прочимъ они слова своего не сдержали.

Въ тотъ самый день, когда войско Пожарскаго вступило въ Кремль, Сигизмундъ отправилъ въ Москву торжественное посольство съ увѣдомленіемъ, что онъ, вмѣстѣ съ королевичемъ, приближается къ столицѣ. Съ этой вѣстью были посланы Александръ Зборовскій и Андрей Млоцкій и двое московскихъ людей, князь Данило Мезецкій и Иванъ Грамотинъ.

Пріѣхавъ въ Рузу, 29 ноября, они послали въ Москву двухъ гонцовъ, которые были тамъ задержаны; когда же послы, не дождавшись ихъ обратно, поѣхали дальше и остановившись въ Тушинѣ, еще разъ послали сказать боярамъ, чтобы они прислали уполномоченныхъ для переговоровъ,—то на это не было получено никакого отвѣта, и московиты вступили въ бой съ польской конницей, подошедшей одновременно съ послами къ столицѣ. Во время одной изъ этихъ стычекъ былъ взятъ въ плѣнъ „смолянинъ, боярскій сынъ Иванъ Философовъ“, который, отвѣчая на разспросы польскихъ пословъ, разсказалъ, что „бояре, служившіе до тѣхъ поръ польскому королю и вообще „лучшіе люди“ хотятъ возвести на престолъ королевича Владислава, но, опасаясь казаковъ, не смѣютъ открыто дѣйствовать въ его пользу, а только говорятъ, что на престолъ „слѣдовало бы избрать иноземца“; казаки же хотятъ избрать кого-нибудь изъ русскихъ бояръ, напр. Михаила Романова, либо „сына Калужскаго вора“. „Они дѣлаютъ въ Москвѣ, что хотятъ, такъ какъ много дворянъ и дѣтей боярскихъ разъѣхалось, ихъ осталось въ Москвѣ всего двѣ тысячи, а казаковъ четыре съ половиною тысячи“.

„Князя Ѳедора Мстиславскаго“, разсказывалъ далѣе Философовъ, „и его товарищей чернь не подпускаетъ къ думѣ. Писано также и въ другіе города, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Между тѣмъ всѣми дѣлами заправляютъ Димитрій Трубецкой, князь Пожарскій и Кузьма Мининъ. Поляковъ разослали по городамъ, а въ Москвѣ оставили только знатнѣйшихъ полковниковъ и ротмистровъ, пана Струся и иныхъ“.

Получивъ эти извѣстія, послы немедленно донесли обо всемъ королю [1]), который находился тѣмъ временемъ въ обозѣ подъ Ѳе-

---

[1]) Всѣ подробности касательно этого посольства заимствованы изъ письма князя Месецкаго къ Ивану Грамотину, сохранившагося въ дневникѣ московскихъ пословъ, посланныхъ въ Варшаву въ 1611 г. Эта любо-

доровскомъ, въ ожиданіи результата переговоровъ съ послами. До него еще раньше дошла вѣсть о сдачѣ польскаго гарнизона. Подъ вліяніемъ этихъ событій положеніе Сигизмунда было крайне затруднительное. О настроеніи приближенныхъ короля лучше всего можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ письма Льва Сапѣги, писаннаго изъ обоза 30 ноября того года:

„Когда Москва была взята", писалъ литовскій канцлеръ, „всякая надежда была нами потеряна. Мы потеряли попусту столицу, а вмѣстѣ съ нею и все Московское государство. Мы терпимъ тутъ во всемъ недостатокъ, нѣмцы страдаютъ отъ голода и холода, лошади околѣваютъ отъ недостатка сѣна, овса и соломы. И у насъ самихъ едва осталось съѣстнаго".

Оставаться при такихъ обстоятельствахъ далѣе въ непріятельской, опустошенной странѣ, зимою, съ такимъ малочисленнымъ войскомъ было не только трудно, но совершенно безцѣльно. Поэтому 7 декабря король оставилъ свой обозъ на Ѳедоровскомъ и ушелъ въ Польшу.

Три мѣсяца спустя на московскій престолъ былъ избранъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ „и такимъ образомъ", говоритъ Гиршбергъ, „искусно задуманные планы гетмана Жолкевскаго не удались благодаря апатіи Симизмунда и его полному неумѣнію воспользоваться обстоятельствами".

7 августа 1612 г. „Заруцкій ушелъ въ Коломну и, взявъ оттуда царицу, отправился въ Михайлово", откуда онъ дѣлалъ частыя вылазки и всю зиму и лѣто „имѣлъ стычки съ русскими". Но это не были обычные казацкіе набѣги, дѣлаемые съ цѣлью грабежа, либо для захвата съѣстныхъ припасовъ; его поступками руководила очень смѣлая политическая мысль.

Послѣднія событія убѣдили его въ томъ, что ему не удастся долѣе остаться во главѣ московскаго правительства и не удастся также посадить на престолъ Ивана, сына Димитрія. Поэтому онъ рѣшилъ образовать на нижнемъ теченіи Дона и Волги изъ казаковъ отдѣльное государство и управлять имъ, какъ мужъ или любовникъ Марины.

Задавшись этой мыслію, осенью 1612 г., Заруцкій опустошилъ мѣстности, признавшія власть Пожарскаго, а затѣмъ Михаила, разграбилъ Коломну и землю рязанскую, „и сжегъ многіе города".

Это движеніе угрожало опасностью цѣлости Московскаго госу-

пытная и вполнѣ достовѣрная реляція свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, что у Соловьева (тамъ же, стр. 441) и Костомарова (тамъ же, стр. 288—289) показанія Философова приведены не вѣрно. *Примѣч. автора.*

дарства, поэтому Михаилъ Ѳедоровичъ, ѣдучи короноваться, отдалъ приказъ немедленно начать противъ Заруцкаго военныя дѣйствія. Порученіе это было возложено на князя Ивана Одоевскаго и нѣкоторыхъ воеводъ.

Мѣсяца черезъ два собрались войска изъ Зарайска, Владиміра, Тулы и Суздаля.

Въ исходѣ сентября произошла двухдневная битва подъ Воронежомъ, въ которой ни Одоевскій, ни Заруцкій не одержали побѣды. „Въ этомъ сраженіи",—жалуется лѣтописецъ,—„Заруцкому не причинили никакого вреда, а онъ положилъ на мѣстѣ много воронежцовъ, а затѣмъ перешелъ черезъ Донъ и вмѣстѣ съ Мариной пошелъ на Астрахань".

Всю зиму обѣ стороны готовились къ дальнѣйшей борьбѣ. Заруцкій привлекъ на свою сторону ногайскаго князя Иттерена и намѣревался весною вмѣстѣ съ нимъ идти на Казань и Самару; онъ старался также поднять противъ Москвы персидскаго шаха Аббаса, послалъ къ нему съ этой цѣлью двухъ пословъ и предлагалъ ему, взамѣнъ за помощь съ его стороны, уступить ему Астрахань. Шахъ готовъ былъ придти на помощь Заруцкому, но одинъ персидскій купецъ Муртоза объяснилъ ему истинное положеніе вещей, и шахъ измѣнилъ свое намѣреніе.

Между тѣмъ изъ Москвы были разосланы грамоты къ астраханцамъ, въ ногайскую орду, къ казакамъ на Донъ и Волгу съ призывомъ остаться вѣрными вновь избранному царю Михаилу Ѳеодоровичу. Казакамъ были посланы деньги, сукна, съѣстные припасы и вино, а Одоевскій, между тѣмъ сосредоточивалъ войско подъ Казанью. Но прежде чѣмъ, это войско двинулось навстрѣчу Заруцкому, жители Астрахани взбунтовались противъ него и перешли, также какъ и ногайскіе татары, на сторону Михаила.

Заруцкій, запершійся было въ астраханскомъ кремлѣ, испугавшись того, что ему не удастся защититься въ немъ, когда подойдутъ войска Одоевскаго, бѣжалъ въ ночь на 22 мая, вмѣстѣ съ Мариной и ея сыномъ. Сперва онъ хотѣлъ уйти со своими казаками за Волгу, но, передумавъ, искалъ спасенія въ морѣ; когда же, возвращаясь, онъ плылъ около Астрахани, то на него напалъ предводитель терскихъ казаковъ Хохловъ и на голову разбилъ его. Только Заруцкому съ царицею и ея сыномъ и небольшой кучкѣ казаковъ удалось уйти въ море.

За ними была послана во всѣ стороны погоня; долго объ нихъ не было ни слуха, ни духа; наконецъ, 4 іюля отрядъ стрѣльцовъ нагналъ ихъ на р. Уралѣ, на Медвѣжьемъ островѣ. Хотя у казаковъ была сооружена тамъ крѣпостца, но застигнутые врасплохъ,

они на другой же день выдали Заруцкаго, Марину и ея сына, а сами присягнули на вѣрность Михаилу.

16 іюля плѣнныхъ привезли въ Астрахань, откуда Марину и Заруцкаго, закованныхъ въ кандалы, съ величайшими предосторожностями отправили въ Москву. Тутъ ихъ ожидала страшная участь. Заруцкій, послѣ допроса царемъ и боярами, былъ посаженъ на колъ, трехлѣтній сынъ Димитрія повѣшенъ, а Марина сослана въ заточеніе въ Коломну, гдѣ она также вскорѣ окончила жизнь. Между польскими бернардинами сохранилось преданіе, что Марину утопили вмѣстѣ съ отцомъ Антоніемъ, который находился при ней въ качествѣ духовнаго отца. Но это опровергнуто Кобержицкимъ, который утверждаетъ, на основаніи вѣскихъ доказательствъ, что она была задушена. О томъ, что она была убита, упоминаетъ также архіепископъ елассонскій Арсеній, не говоря однако, какимъ образомъ послѣдовала ея смерть. Наконецъ о. Пирлингъ нашелъ въ „испанскихъ источникахъ" извѣстіе о томъ, что Марина была сожжена на кострѣ [1]). Самая разнорѣчивость и неопредѣленность этихъ слуховъ свидѣтельствуетъ о томъ, что изъ современниковъ мало кто зналъ, какимъ образомъ окончила жизнь супруга двухъ самозванцевъ, и что вышеупомянутые авторы, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній высказываютъ лишь свои собственныя догадки и предположенія. Что касается А. Гиршберга, автора цитируемаго нами изслѣдованія о Маринѣ Мнишекъ, то, по его мнѣнію, гораздо ближе къ истинѣ свѣдѣніе, сообщаемое московскимъ посломъ Ѳедоромъ Желябужскимъ, прибывшимъ въ Польшу въ исходѣ 1614 г., а именно, что—несчастная Марина скончалась въ томъ же году, въ заточеніи, „отъ горя и болѣзни".

Возникалъ также споръ о мѣстѣ ея заточенія. Гиршбергъ присоединяется къ мнѣнію, что она была сослана въ Коломну, такъ какъ въ пользу этого говорятъ мѣстныя преданія, и тотъ фактъ, что эта крѣпость служила издавна мѣстомъ заточенія знатныхъ особъ; отъ нея сохранилась лишь одна башня, въ которой,—по словамъ жителей Коломны „томилась" Марина Мнишекъ, и которая доселѣ называется ея именемъ.

Каковъ бы ни былъ конецъ Марины, несомнѣнно, что полная тревогъ и необычайныхъ приключеній жизнь этой честолюбивой молодой женщины окончилась въ заточеніи.

„Заслужила ли она такую жизнь и такую смерть?"—задаетъ вопросъ Гиршбергъ, „была ли она въ самомъ дѣлѣ только игрушкою жестокой судьбы", какъ она жаловалась въ одномъ изъ своихъ

[1]) См. „Русская Старина", 1903, т. CXIII, стр. 285.

писемъ, или же она была въ значительной степени сама виновна въ постигшихъ ее несчастіяхъ?"

Воспитанная въ преувеличенномъ понятіи о знатности своего рода, она была съ дѣтства горда и тщеславна. Весьма любопытенъ для ея характеристики слѣдующій разсказъ Немоевскаго.

Когда во время ея свадьбы въ Москвѣ, польская челядь пыталась однажды заглянуть въ избу, гдѣ пировали гости, то разгнѣванная этимъ царица закричала:

— Скажите имъ, что если кто-либо изъ нихъ войдетъ сюда, то я прикажу угостить его кнутомъ, и не разъ, а раза два-три.

Гордость и преувеличенное мнѣніе о своемъ необыкновенномъ превосходствѣ проглядываетъ и въ ея перепискѣ. Она писала, напр., что „предпочла бы смерть тому, что свѣтъ могъ радоваться ея несчастіямъ", что „бывши властительницей народовъ, московской царицей, не хочетъ и не можетъ быть снова чьей-нибудь подданной, стать вновь польской шляхтянкой". Она сравниваетъ себя съ солнцемъ, „которое все же не перестаетъ свѣтить, хотя временами его застилаютъ темныя тучи".

Марина была одарена необычайной отвагой, рѣшительностью и твердостью характера. Доказательства этого она обнаружила особенно въ Тушинскомъ лагерѣ и въ Дмитровѣ. Когда въ началѣ 1610 года поляки, служившіе подъ знаменами самозванца, вознамѣрились перейти на сторону Сигизмунда, „царица обходила ихъ жилища и своими убѣжденіями отвлекла многихъ изъ нихъ отъ короля и утвердила въ вѣрности своему супругу". Точно также и въ Дмитровѣ, въ гусарской одеждѣ, она вошла въ воинскій кругъ, гдѣ прочувствованными своими рѣчами произвела большое впечатлѣніе, а между тѣмъ тогда возстала значительная часть войска. Ей свойственна была не женская храбрость. Убѣгая въ Калугу, она взяла съ собою только небольшой отрядъ донцовъ, а въ Дмитровѣ, —какъ выражается Мархоцкій—сила ея духа сказалась еще рѣшительнѣе. Когда испуганные солдаты заколебались, и оборонялись вяло, она появилась на окопахъ и громко кричала:

„Что вы дѣлаете, солдаты? Я женщина, но не знаю страху, не дрожу и не боюсь какъ вы!"

„Изъ всего этого видно, что какъ женщина, она обладала необыкновенной энергіей и отвагой, и слѣдовательно", говоритъ Гиршбергъ, „если бы захотѣла, то она безъ сомнѣнія могла бы воспротивиться отцу, когда, будучи подкупленъ вторымъ самозванцемъ, онъ склонялъ ее признать Димитрія своимъ мужемъ. Но несомнѣнно, что ея побужденіями руководило въ этомъ случаѣ честолюбіе и безумная жажда власти.

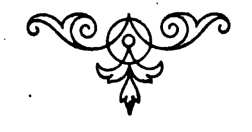
„Преобладающею чертою ея характера было властолюбіе, оно заставило ее быть по очереди женою двухъ самозванцевъ, а подъ конецъ любовницею или быть можетъ женою казацкаго атамана".

А Гиршбергъ не согласенъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ о. Пирлингомъ, будто „воспитаніе, полученное Мариною въ набожномъ Самборѣ, наложило на нее неизгладимую печать ревностной католички [1]). Можно ли утверждать что-либо подобное, говоритъ Гиршбергъ, когда мы имѣемъ такіе факты: 1) что во время своей коронаціи въ Москвѣ Марина приняла причастіе изъ рукъ московскаго патріарха, не получивъ на то никакого разрѣшенія отъ папы, 2) въ началѣ 1609 г., стараясь заручиться поддержкою папскаго престола, она съ этой цѣлью, вмѣстѣ съ Рожинскимъ, старалась ввести папу въ обманъ, говоря ему, что война съ Москвою велась въ интересахъ католической церкви и, наконецъ, 3) что въ 1611 г. она отдала сына своего калужанамъ, съ тѣмъ, чтобы они окрестили его въ свою вѣру и по-своему воспитали".

Могла ли бы такъ поступать ревностная католичка?

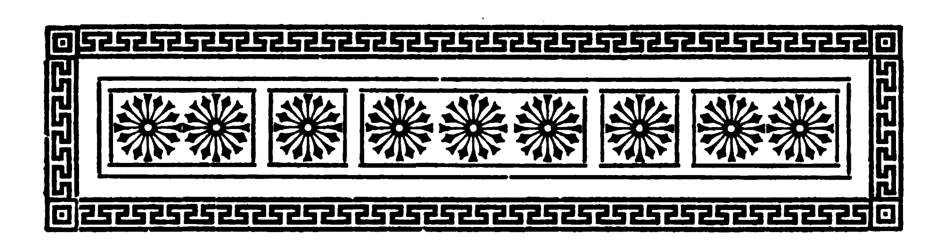
Нѣтъ, не игрушкою судьбы была Марина,—какъ она жаловалась въ своихъ письмахъ,—а больше всего и прежде всего „она была жертвою своего ненасытнаго честолюбія".

В. Тимощукъ.

---

[1]) Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома. („Русская Старина", 1903 г. т. CXIII, 257).

Голштинскій вопросъ и политика Россіи на Балтійскомъ морѣ въ первую половину XVIII столѣтія [1].

Еще до заключенія Ништадтскаго мира, голштинская партія имѣла основанія возлагать свои надежды на императорскій дворъ, и къ 1720 г. Вѣна сдѣлалась однимъ изъ центровъ голштинскихъ дипломатическихъ происковъ. Послѣ заключенія Ништадтскаго мира герцогъ голштинскій, будучи уже въ Петербургѣ, по-прежнему искалъ заступничества у императора и обратился къ послѣднему съ новымъ письмомъ въ ноябрѣ 1721 г. Сообщая, что царь рѣшилъ поддерживать его претензіи на Шлезвигъ, и выражая свое удовлетвореніе по поводу того, что Кинскій сочувственно относится къ его дѣлу, онъ заканчивалъ это письмо просьбою снабдить Кинскаго соотвѣтствующими полномочіями, что̀ дало бы возможность воспользоваться благопріятною минутою и извлечь изъ нея какую-нибудь выгоду [2]). Хотя въ послѣдующихъ инструкціяхъ Кинскому предписывалось воздерживаться отъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ обязательствъ по шлезвигскому вопросу, общій тонъ этихъ инструк-

¹) См. „Русская Старина“ 1907 г. іюнь.

²) Письмо герцога голштинскаго къ императору Карлу VI отъ 13 (24) ноября 1721 г.—Вѣна, R. XI. 1721. „Es kommt aber, allergnädigst Kayser u. Herr, nun hauptsächlich darauff an dass E. Kays. Mt. annoch die Gnade vor mich haben, und Ihm (т. е. гр. Кинскому) auch specialiter insonderheit über diesem Vorfalle derzutreffenden Convention dermassen rechdürftig authorisiren und bevollmächtigen, damit selbige sich daran wenigstens nicht stossen, und etwas daher wohl gar Anlass möge genommen werden, sich alhier bei E. K. Mt. vor mich hegenden höchste Wohlwollen und Gewogenheit einiger Scrupel zu machen, welches sodann nicht mein grössten Unglück sein würde“.

цій былъ, однако, скорѣе благопріятенъ для герцога. Это, повидимому, не ускользнуло и отъ вниманія русскихъ министровъ, неоднократно напоминавшихъ Кинскому о голштинскомъ дѣлѣ и выражавшихъ надежду, что герцогъ найдетъ у императора авторитетную поддержку [1]).

Съ 1721 по 1724 г., по мѣрѣ того, какъ русская дипломатія сближалась въ Стокгольмѣ съ голштинской партіей, установились болѣе близкія отношенія и между австрійской дипломатіей и шведскими приверженцами герцога. Австрійскій посолъ въ Стокгольмѣ гр. Фрейтагъ игралъ, повидимому, въ данномъ случаѣ не послѣднюю, хотя и не совсѣмъ ясную для насъ роль [2]). Когда союзъ съ Россіей былъ близокъ къ заключенію, представители голштинской партіи первые заговорили о желательности включить въ этотъ союзъ и германскаго императора. Мотивы, стоявшіе въ связи съ упомянутымъ выше охлажденіемъ, происшедшимъ около этого времени между Вѣною и Ганноверомъ на имперскомъ сеймѣ по дѣлу о протестантахъ, заставляли, повидимому, императора, въ своихъ собственныхъ интересахъ, поддерживать въ данномъ вопросѣ герцога. Эти интересы создавали до извѣстной степени солидарность между вѣнскимъ кабинетомъ и петербургскимъ по вопросу, который выдвигался теперь на очередь балтійскою политикою Россіи. Русско-французскіе переговоры о союзѣ выдвинули къ исходу 1723 г.

---

[1]) „Weiter aber hast du dich über den Restitutions-Punct nicht auch viel weniger in einiges Impegno oder Verwicklung einzulassen, sondern die mit dir derenthalben führende Gesprache in Terminis Generalibus zu beantworten, unter den Hand aber wohl noch zu forschen, wo sowohl des Herzg. v. Holst. und des Czaarn, als des Königs in Schweden und allerseitiger Ministren mitten auch anderer dieser Restitutions-Sache zu oder abgeneigter im oder auswärtiger Potenzen Absicht eigentlich gerichtet oder gemacht werden; dem Herzog jedoch Instructionsmässig bei möglich Dingen und gelegenheiten ferner vorzuscheiben“.—Импер. рескр. Кинскому отъ 30 апр. 1722 г. Разговоры съ Кинскимъ по голштинскому дѣлу русскихъ министровъ (Шафирова и Ягужинскаго)—въ его реляц. отъ 30 янв. 1722 и въ его же письмѣ къ гр. Шенборну отъ 26 янв. 1722.

[2]) Въ 1722 г. гр. Фрейтагъ поддерживалъ переписку съ герцогомъ голштинскимъ. Во время сессіи шведскаго сейма 1723 г. шведскій король считалъ уже гр. Фрейтага однимъ изъ своихъ главныхъ противниковъ и дѣлалъ тщетныя усилія привлечь его на свою сторону. Близкое отношеніе гр. Фрейтага въ это время къ шведскимъ политическимъ партіямъ и его вмѣшательство въ партійную борьбу было причиною, заставившею его оставить свой постъ (Malmström I, 347 и 378). Опираясь на голштинскую партію, гр. Фрейтагъ, съ другой стороны, повидимому очень осторожно относился ко всѣмъ крайнимъ проектамъ голштинской дипломатіи, которые могли бы черезъ-чуръ осложнить положеніе дѣлъ въ Имперіи, какъ, напримѣръ, къ проекту Бассевица о вознагражденіи герцога за Шлезвигъ Бременомъ и Верденомъ (рескр. Ланчинскому 13 дек. 1723 г.).

на очередь вопросъ о примиреніи Россіи съ Англіей. Въ Германіи къ этому времени создавалось, повидимому, благопріятное въ этомъ отношеніи для Россіи равновѣсіе силъ. Приходилось только еще слѣдить, чтобы это равновѣсіе не было нарушено какимълибо рѣзкимъ поворотомъ въ ту или другую сторону политики Пруссіи.

Въ Берлинѣ русской дипломатіи предстояло дѣйствовать въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны, старанія Саксоніи взять въ свои руки примиреніе Пруссіи съ императоромъ, въ случаѣ успѣшнаго исхода, могли привести къ тому или другому нежелательному для Россіи соглашенію между Пруссіей, Саксоніей и Австріей по польскому, а въ связи съ этимъ и по курляндскому вопросу. Результатомъ, съ другой стороны, ганноверскихъ и англійскихъ происковъ въ Берлинѣ, помимо общихъ осложненій въ Сѣверной Германіи, могла явиться прусская гарантія шлезвигскихъ владѣній Даніи, что было бы особенно нежелательно въ данный моментъ, когда ставился на очередь вопросъ объ устраненіи прежней англофранцузской гарантіи [1]). Въ случаѣ, наконецъ, взаимнаго соглашенія старанія англо-ганноверской и саксонской дипломатіи въ Берлинѣ привели бы фактически къ возрожденію, хотя и въ нѣсколько измѣненной формѣ, Вѣнскаго союза 1719 года. Предупредить всѣ эти старанія было возможно лишь путемъ соглашенія по курляндскому вопросу, ставшему за послѣднее время однимъ изъ наиболѣе деликатныхъ пунктовъ въ русско-прусскихъ отношеніяхъ. Объ этомъ вопросѣ, поскольку онъ опредѣлялъ въ это время общій характеръ русско-прусскихъ отношеній, и приходится теперь сказать нѣсколько словъ.

Курляндскій вопросъ, какъ извѣстно, выдвинулся на очередь точно также во вторую половину Сѣверной войны. По мѣрѣ того какъ Россія утверждалась въ Эстляндіи и Лифляндіи, росли тревоги Пруссіи за будущую судьбу Курляндіи, единственной области, раздѣлявшей теперь оба эти государства. Присоединеніе Курляндіи хотя бы какъ конечная цѣль въ отдаленномъ будущемъ, безъ сомнѣнія, входило въ разсчеты и русскаго, и прусскаго правительства. Формально Россія, не вскрывая вполнѣ своихъ намѣреній, оправдывала свои притязанія ссылкою на бракъ покойнаго курляндскаго герцога, Фридриха-Вильгельма съ племянницею царя Анною Іоанновною и на то, что приданое, выговоренное по этому брачному

---

[1]) Этого во всякомъ случаѣ боялось русское правительство.—Рескр. А. Головкину 2 декабря 1723 года. (Дѣла Прусскія 1723 № 3).

договору, не было выплачено вполнѣ. Ссылаясь на это послѣднее, русское правительство еще въ послѣдніе годы Сѣверной войны настаивало на своемъ правѣ выкупить за свой счетъ заложенные частнымъ лицамъ герцогскіе домены въ Курляндіи и вскорѣ послѣ заключенія Ништадтскаго мира начало производить эту операцію. Пруссія, съ своей стороны, основывала свои аналогичныя притязанія на второмъ бракѣ отца герцога Фридриха-Вильгельма, герцога Фридриха-Казиміра съ сестрою прусскаго короля Елизаветою-Софіею.

Въ 1718 г. стараясь заручиться поддержкою Пруссіи, въ виду начавшихся мирныхъ переговоровъ со Швеціей, русское правительство, для соглашенія русскихъ и прусскихъ интересовъ въ Курляндіи, согласилось на заключеніе конвенціи о бракѣ герцогини Анны Іоанновны, вдовы герцога Фридриха-Вильгельма, съ племянникомъ герцогини Елизаветы-Софіи, и слѣдовательно двоюроднымъ братомъ прусскаго короля, маркграфомъ бранденбургъ-шведскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Вопросъ о будущемъ устройствѣ Курляндіи и ея самостоятельности этою конвенціею прямо не предрѣшался; обѣ договаривающіяся стороны, однако, обязались содѣйствовать въ будущемъ переходу курляндскаго герцогскаго достоинства на особу маркграфа Фридриха-Вильгельма.

Когда послѣ Ништадскаго мира русское правительство начало выкупъ доменовъ, эта операція скоро приняла очень широкіе размѣры и въ будущемъ обѣщала привести къ фактическому переходу значительной части Курляндской территоріи въ руки русскаго правительства. Это не могло не встревожить Польшу, въ вассальной зависимости отъ которой находилась Курляндія. Эта тревога должна была быть тѣмъ сильнѣе, что польское правительство само старалось въ это время о полной „инкорпораціи“ Курляндіи, чѣмъ и вызвало противъ себя сильную оппозицію. На эту-то оппозицію, партію курляндскихъ „доброжелательныхъ“, и опиралось въ своей курляндской политикѣ русское правительство. Съ другой стороны, выкупная операція, происки въ Курляндіи Польши и вообще внутреннія замѣшательства въ герцогствѣ заставляли, однако, тревожиться и Пруссію.

Въ концѣ 1721 г. прусское правительство попыталось сдѣлать дальнѣйшіе выводы изъ условій договора 1718 г. Постоянно оставаясь на той точкѣ зрѣнія, что бракъ вдовствующей герцогини съ однимъ изъ родственниковъ прусскаго короля имѣетъ значеніе, лишь какъ средство упрочить курляндское герцогское достоинство за домомъ Гогенцоллерновъ, оно начинаетъ теперь настаивать на замѣнѣ въ нератификованномъ еще трактатѣ имени маркграфа Фри-

дриха-Вильгельма бранденбургъ-шведскаго именемъ маркграфа Карла бранденбургскаго.

Болѣе близкое родство маркграфа Карла съ домомъ Кетлеровъ позволяло, по мнѣнію прусскихъ министровъ, разсчитывать, что его кандидатура въ женихи вдовствующей герцогини будетъ встрѣчена болѣе сочувственно въ самой Курляндіи. Что же касается маркграфа бранденбургъ-шведтскаго, то какъ ближайшій кандидатъ на королевскій прусскій престолъ, въ случаѣ пресѣченія главной линіи, онъ своею кандидатурою въ герцоги могъ бы, пожалуй, возбудить подозрѣніе, что Пруссія сама имѣетъ виды на Курляндію [1]). Одновременно съ этимъ, прусское правительство начинаетъ все чаще и чаще напоминать о необходимости удовлетворить прусскія долговыя претензіи въ Курляндіи и, повидимому, только при такомъ условіи соглашается признать законность выкупа герцогскихъ доменовъ на имя вдовствующей герцогини. Для Петра Великаго выкупъ доменовъ былъ однимъ изъ главныхъ средствъ упроченія русскаго вліянія въ Курляндіи; поддерживая притязанія курляндскаго дворянства на право сукцессіи, т. е. на назначеніе преемника престарѣлому герцогу Фердинанду, въ противовѣсъ польскимъ стремленіямъ объ „инкорпораціи", онъ точно также прежде всего старался предупредить какое-либо нежелательное для него самого чуждое вмѣшательство въ курляндскія отношенія. Удовлетвореніе прусскихъ долговыхъ обязательствъ, особенно тѣми способами, какіе предлагались теперь прусскимъ правительствомъ, само по себѣ превращалось въ фактическій переходъ герцогскаго достоинства къ маркграфу Карлу. По разсчету, произведенному прусскимъ правительствомъ, 200.000 рублей, обѣщанные какъ приданое за герцогинею Анною Іоанновною и являющіеся, такимъ образомъ, собственностью ея жениха, будучи обращены на выкупъ доменовъ, увеличивали долговыя претензіи маркграфа Карла до стоимости, превосходящей цѣнность всего герцогства. Исходя изъ такого разсчета, Пруссія въ апрѣлѣ 1722 года предложила обратить эти деньги теперь же до

---

[1]) Конференція Мардефельда съ русскими министрами въ декабрѣ 1721 г. и его разговоръ съ Остерманомъ на дому у послѣдняго 25 января 1722 г. —Дѣла Курляндскія 1721 г., № 9 и 1722 г., № 6. Также—реляц. Ал. Головкина 30 декабря 1721 года. „Die blossen Heyrath zwischen Printz Carlen und eine Czaarischen Printzessinen ist für nichts zu achten, wann nicht die Succession in Curland mit dabei ist."—Рескр. Мардефельду 30 янв. 1725 г. (Берлинъ. Russland XI, 25). Родителями маркграфа Карла были: маркграфъ Альбрехтъ-Фридрихъ, сынъ великаго курфюрста отъ его второго брака, и Марія-Доротея, дочь курляндскаго герцога Фридриха-Казиміра.—Ottokar Lorenz, Genealogisches Handbuch d. europäischen Staatengeschichte (Berlin 1895) Taf. 31 и Cruse, Curland unter der Herzögen, Beil. №6 (Stammtafel des Hauses Kettler).

начала предстоящаго польскаго сейма на выкупъ заложенныхъ доменовъ, а затѣмъ, предъявивъ долговыя обязательства маркграфа, предложить сейму уступить взамѣнъ этого кредитору курляндское герцогское достоинство. Въ случаѣ отказа, Пруссія и Россія должны были оружіемъ поддержать предложеніе маркграфа Карла и помочь ему занять Курляндію [1]). Русскому правительству предлагалось, такимъ образомъ, совершенно игнорировать пожеланія расположеннаго къ нему курляндскаго населенія, а фактическое утвержденіе Курляндіи за Пруссіей должно было быть произведено не только съ согласія Россіи, но и съ помощью русскаго оружія и за счетъ русскаго казначейства. Въ своихъ послѣдующихъ предложеніяхъ нетерпѣливый король Фридрихъ-Вильгельмъ шелъ еще дальше и предлагалъ прямо начать разрѣшеніе курляндскаго вопроса съ немедленнаго учрежденія въ Курляндіи военной экзекуціи, находя, что лучшій способъ дѣйствія по отношенію къ Польшѣ—это сперва выполнить свой собственный планъ, а потомъ уже извиниться [2]). Въ 1722 г. удалось довольно благополучно отклонить всѣ эти предложенія. Мотивируя свой отказъ тѣмъ, что всякія рѣзкія мѣры могутъ только усилить въ Курляндіи саксонско-польскую партію, русское правительство не сочло возможнымъ согласиться не только на немедленное примѣненіе экзекуціи, но даже и на требованіе объ инвеститурѣ. Въ январѣ 1723 г. Мардефельдъ снова сдѣлалъ предложеніе о перепискѣ брачнаго трактата на имя маркграфа Карла, присовокупивъ къ своему предложенію готовый разработанный проектъ новаго договора. Этотъ проектъ не только отличался отъ текста 1718 г. именемъ жениха, но и заключалъ въ себѣ цѣлый рядъ новыхъ пунктовъ, касавшихся, главнымъ образомъ, все того же вопроса о долговыхъ претензіяхъ и о способахъ ихъ удовлетворенія въ связи съ упроченіемъ герцогскаго достоинства за маркграфомъ Карломъ и его потомствомъ. Маркграфъ, по этому проекту, долженъ былъ тотчасъ же вступить вмѣстѣ съ герцогинею во владѣніе дворцовыми маетностями, для чего со стороны Россіи и Пруссіи назначались особые коммиссары. Русскій императоръ и Прусскій король взаимно обязывались охранить ненарушимость владѣній новобрачной четы и *ихъ потомства* всѣми средствами, „и ежели нужда востребуетъ, самымъ оружіемъ противъ всякаго, кто бы таковъ ни былъ". Для этого въ Курляндіи должно было быть оставлено соотвѣтствующее количество *русскихъ* войскъ, которое, въ случаѣ

---

[1]) Конференція русскихъ министровъ съ бар. Мардефельдомъ 2 апр. 1722 г. Дѣла Прусскія 1722 г. № 6.

[2]) Конференція 30 іюня 1722 г.—ibid.

надобности, могло быть увеличено совмѣстно Пруссіей и Россіей. Въ Польшѣ предполагалось заявить о русскихъ и прусскихъ долговыхъ претензіяхъ и, кромѣ того, поставить на видъ, что значительная часть курляндскихъ доменовъ не принадлежитъ непосредственно къ курляндскому лену, но пріобрѣтена герцогами отдѣльно, а потому, въ случаѣ пресѣченія мужской линіи, должна быть отдѣлена отъ лена и отдана „аллодіальнымъ наслѣдникамъ". Только въ случаѣ удовлетворенія всѣхъ означенныхъ претензій и выполненія послѣдняго требованія, Россія и Пруссія признавали за польскою короною право возстановленія курляндской инвеституры. Одновременно съ этимъ предлагалось составить болѣе подробную „дедукцію" всѣмъ русскимъ и прусскимъ претензіямъ и предложить королю и Рѣчи Посполитой польскимъ взамѣнъ удовлетворенія этихъ претензій передать курляндскую инвеституру маркграфу и его супругѣ. Герцогу Фердинанду выговаривалось при этомъ опредѣленное пожизненное содержаніе, а курляндскому дворянству должно было быть предложено не противиться выполненію русско-прусскаго плана подъ угрозою наказанія со стороны Россіи. До разрѣшенія вопроса о сукцессіи земское устройство Курляндіи должно было оставаться безъ перемѣнъ, исключая доменіальныхъ земель, относительно которыхъ маркграфу предоставлялась „свободная диспозиція... оныя по наилучшему своему вѣдѣнію употребить и учредить" [1]).

Въ настоящемъ проектѣ не заключалось, такимъ образомъ, по существу чего-либо дѣйствительно новаго, и прусскія предложенія по-прежнему сводились къ разрѣшенію курляндскаго вопроса путемъ аггрессивныхъ мѣропріятій и военной экзекуціи. Отвѣчать на нихъ прежними контръ-предложеніями—выжидать болѣе благопріятнаго момента и согласиться о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствія—было, однако, теперь труднѣе. Въ Даніи и Швеціи русская политика принимала къ этому времени, какъ мы уже знаемъ, все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ. Русско-англійскія отношенія выдвигались на первую очередь; возрожденіе въ той или другой формѣ Вѣнскаго союза 1719 г. было теперь особенно нежелательнымъ. Именно Пруссія была теперь особенно нужна русской дипломатіи, а какъ разъ къ этому времени, исходя изъ различныхъ побужденій, Саксонія, Англія и Ганноверъ прилагаютъ особенныя усилія привлечь ее каждая на свою сторону и заручиться ея расположеніемъ. Въ интересахъ болѣе широкихъ задачъ балтійской политики, Россіи приходилось

---

[1]) Promemoria Мардефельда 20 янв. 1723 г. и приложенный къ ней проектъ новаго договора.—Дѣла Прусскія 1723 г., № 7. Этотъ проектъ состоитъ изъ 13 пунктовъ. Окончательная редакція новаго договора 1723 г.—Мартенсъ, V, 206 слѣд.

идти на уступки по курляндскому вопросу, принявъ лишь, по возможности, во вниманіе, чтобы эти уступки не предрѣшили окончательно неблагопріятнаго для нея исхода этого вопроса въ болѣе отдаленномъ будущемъ.

Вынужденное согласиться на переписку брачнаго трактата на имя маркграфа Карла, русское правительство ставитъ себѣ съ этого момента цѣлью, по крайней мѣрѣ, отклонить Пруссію отъ какихъ-либо рѣшительныхъ шаговъ въ Курляндіи и старается задобрить ее частичными уступками во второстепенныхъ пунктахъ. Это удавалось, однако, плохо.

Въ Берлинѣ начинали безпокоиться все сильнѣе и сильнѣе. Сношенія русскаго правительства съ „доброжелательными" такими же противниками Пруссіи, какъ и Польши, казались подозрительными; медлительность русскаго правительства—вдвойнѣ рискованною: на ряду со стремленіемъ Рѣчи Посполитой инкорпорировать Курляндію саксонскій дворъ, повидимому, не оставлялъ своихъ собственныхъ видовъ на это герцогство [1]). Разсчеты берлинскаго двора на русскую помощь въ Курляндіи въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ оправдывались плохо. Противники Россіи въ Берлинѣ, при всемъ различіи ихъ собственныхъ стремленій, не упускали случая воспользоваться ревнивымъ отношеніемъ короля Фридриха-Вильгельма къ курляндскому вопросу и зародить въ немъ на этой почвѣ недовѣріе къ его восточному сосѣду. Во время своего пребыванія въ Берлинѣ король Георгъ въ частныхъ разговорахъ выражалъ свое искреннее пожеланіе, чтобы Пруссіи удалось утвердиться въ Курляндіи, но не скрывалъ при этомъ сомнѣнія, что русскій царь врядъ ли дѣйствительно захочетъ уступить кому бы то ни было эту область [2]). Саксонскіе и австрійскіе дипломаты въ Берлинѣ—ген. Секендорфъ, самъ гр. Флеммингъ и постоянный представитель саксонскаго двора при прусскомъ, Зумъ—большого успѣха въ своихъ стараніяхъ примирить прусскаго короля съ императоромъ и тѣмъ отвлечь послѣдняго отъ Англіи и Ганновера, правда, не имѣли. Каждый разъ, однако, когда король Фридрихъ-Вильгельмъ хотѣлъ передъ представителемъ Россіи подчеркнуть свое неудовольствіе по поводу Курляндіи, это выражалось обыкновенно въ преувеличенно любезномъ отношенія къ сак-

---

[1]) Еще въ концѣ 1723 г. Лефортъ зондировалъ въ Петербургѣ почву о возможности брака вдовствующей герцогини съ однимъ изъ саксонскихъ принцевъ.—Его письма къ Флеммингу 14 октября и 17 ноября 1723 г. (Дрезденъ, Sachen mit Moscau 1723 г.). На желаніе саксонскаго двора въ это время провести кандидатуру саксонскаго принца въ Курляндіи указывали А. Головкину и въ Берлинѣ—его реляц. отъ 24 февр. 1724 г.

[2]) Реляц. М. Головкина 26 окт. 1723 г. (Дѣла Прусскія 1723 г. № 5).

сонскому посланнику, при чемъ не всегда легко было разграничить, гдѣ кончалась демонстративная любезность, и гдѣ начиналась, хотя бы и мимолетная, но дѣйствительная уступчивость. Затруднительное положеніе осложнялось еще однимъ обстоятельствомъ, которое при другихъ условіяхъ могло бы показаться второстепеннымъ, но которое при дворѣ Фридриха-Вильгельма, вносившаго такъ много личнаго въ свои дипломатическія отношенія, получало особое значеніе. Въ срединѣ 1723 г. русскій представитель въ Берлинѣ гр. Александръ Гавриловичъ Головкинъ былъ вызванъ въ Петербургъ, что̀ стояло въ связи съ событіями въ Швеціи, и на его мѣсто временно былъ назначенъ его младшій братъ, Михаилъ Гавриловичъ [1]). Лично очень расположенный къ графу Александру Гавриловичу, Фридрихъ-Вильгельмъ не скрывалъ своего неудовольствія по поводу его долгаго отсутствія и выражалъ крайне мало расположенія вести съ его замѣстителемъ какіе-либо переговоры по существу [2]). А между тѣмъ для Россіи теперь въ особенности важно было имѣть представителемъ въ Берлинѣ лицо, пользующееся довѣріемъ короля. Военныя приготовленія Россіи на Балтійскомъ морѣ встревожили Англію и Ганноверъ и заставляли ихъ правительства энергичнѣе прежняго искать дружбы Пруссіи. Имѣя въ виду примкнуть къ предполагаемому новому англо-прусскому союзу, Данія разсчитывала найти въ немъ защиту отъ грядущей русской опасности. Радѣя о саксонскихъ интересахъ въ Польшѣ и, быть можетъ, не вполнѣ учитывая слагавшіяся новыя комбинаціи, гр. Флеммингъ готовъ былъ смотрѣть на этотъ союзъ, въ случаѣ его осуществленія, какъ на первый шагъ къ возрожденію союза 1719 г. Осенью 1723 г. король Георгъ посѣтилъ Берлинъ, и 10 октября новаго стиля между Англіей и Пруссіей состоялось оборонительное союзное соглашеніе, извѣстное подъ именемъ Шарлоттенбургскаго трактата. По сепаратному пункту этого трактата его условія распространялись и на германскія владѣнія англійскаго короля—оговорка, явно имѣвшая въ виду русскую политику этого времени въ Германіи и на Балтійскомъ морѣ [3]). Днемъ позже въ Петербургѣ брачный договоръ 1718 г. былъ переписанъ на имя маркграфа Карла. Пришлось такимъ образомъ уступить, чтобы цѣною такой уступки предотвратить, по крайней мѣрѣ, возможность какихъ бы то ни было рѣшительныхъ мѣръ со стороны Пруссіи въ Курляндіи. До извѣстной степени это было достигнуто.

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Обзоръ... IV, 45 и 46.

[2]) Реляц. М. Головкина 27 іюля и 6 авг. 1723 г.

[3]) Droysen IV, 2; 355.

Договоръ 1723 года въ своей окончательной редакціи, какъ и хотѣло, повидимому, того русское правительство, являлся по-прежнему почти исключительно *брачною конвенціею* на имя вдовствующей герцогини и маркграфа Карла и только [1]). Всѣ параграфы предложеннаго въ январѣ Мардефельдомъ проекта, имѣвшіе своимъ содержаніемъ немедленное осуществленіе герцогскихъ и доменіальныхъ правъ жениха, удалось замѣнить въ окончательной редакціи двумя болѣе краткими параграфами, §§ 4-й и 5-й, по которымъ признавались долговыя претензіи въ Курляндіи, и обѣ договаривающіяся стороны оставляли за собою право дополнить настоящій трактатъ другимъ, касающимся будущаго земскаго устройства герцогства [2]). Вопросъ объ „экзекуціи" былъ, такимъ образомъ, обойденъ совершенно. Съ другой стороны, 6-му пункту трактата, по которому Россія и Пруссія взаимно обязывались поддерживать въ Курляндіи герцогскую кандидатуру маркграфа Карла, сравнительно съ первоначальной редакціей былъ приданъ болѣе эвентуальный характеръ. А нѣсколько позднѣе удалось добиться отъ прусскаго короля прямого согласія ждать очереднаго польскаго сейма и сообразовать съ его исходомъ свою собственную политику въ Курляндіи [3]).

Самъ по себѣ, такимъ образомъ, уступка, приведшая, однако, къ нѣкоторымъ положительнымъ результатамъ по курляндскому вопросу,—договоръ 1723 г. опредѣлилъ собою до извѣстной степени и ближайшіе результаты русской политики въ Германіи. Промедливъ съ его заключеніемъ, русское правительство лишено было возможности предупредить Шарлоттенбургскій трактатъ и сближеніе Пруссіи съ Англіей. Заключеніе, хотя и запоздалое, этого договора опредѣлило собою, до извѣстной степени, послѣдующую судьбу самаго Шарлоттенбургскаго трактата и помѣшало какому-либо его дальнѣйшему распространенію. Только убѣдившись окончательно въ томъ, что Данія не будетъ включена въ этотъ трактатъ, и что Пруссія сама принципіально противъ такого включенія, русское правительство нашло возможнымъ размѣняться текстомъ конвенціи [4]). Брачный договоръ 1723 г. оказался небезполезнымъ и для борьбы въ Берлинѣ съ саксонской дипломатіей. Заручившись имъ и успокоенный насчетъ Россіи, Фридрихъ-Вильгельмъ начинаетъ съ этого времени снова болѣе сдержанно относиться къ саксонскимъ предложеніямъ. Состоявшееся передъ этимъ примиреніе между Пруссіей и императоромъ при посредничествѣ Саксоніи не привело, какъ о томъ меч-

[1]) Текстъ договора—Мартенсъ V, 208—212.

[2]) Рескр. А. Головкину 1 февр. 1724 г.

[3]) Promemoria Мардефельда 29 января 1724 года.

[4]) Реляц. А. Головкина 7 и 21 декабря 1723 г. (срав. Мартенсъ V, 208).

талъ гр. Флеммингъ, къ какому-либо болѣе тѣсному соглашенію между тремя державами. Австрія по-прежнему оставалась изолированною; въ ближайшемъ будущемъ это могло, въ свою очередь, облегчить ея привлеченіе къ русско-шведскому союзу.

Не менѣе изолированною начала, однако, скоро чувствовать себя и сама Пруссія. Шарлоттенбургскій трактатъ, какъ это скоро выяснилось, не создавалъ для нея прочнаго соглашенія ни съ Англіей, ни тѣмъ болѣе съ Ганноверомъ. Въ то же время отовсюду приходили извѣстія о новыхъ подготовлявшихся въ Европѣ политическихъ комбинаціяхъ. На конгрессѣ въ Камбрэ императоръ примирился съ Испаніей. Франція тѣснѣе прежняго сближалась съ Англіей. Россія была наканунѣ заключенія союза со Швеціей и старалась привлечь къ этому соглашенію Францію; голштинская партія въ Швеціи хлопотала о включеніи въ него Австріи. Заранѣе можно было предугадать, что шлезвигскій вопросъ будетъ затронутъ этимъ соглашеніемъ. Это выдвигало на очередь вопросъ объ англійской гарантіи Шлезвига Даніи, создавался casus foederis для самаго Шарлоттенбургскаго трактата. Вѣрный своему принципу поддерживать добрыя отношенія и съ Россіей и съ Англіей, и ради этого предотвращать возможность всякаго между ними столкновенія, Фридрихъ-Вильгельмъ, вполнѣ естественно, тотчасъ послѣ заключенія Шарлоттенбургскаго трактата и переписки брачнаго договора, сталъ убѣждать русское правительство въ необходимости примириться съ королемъ [1]). Подготовивъ болѣе широкую постановку балтійскаго вопроса и предотвративъ до извѣстной степени возможность возрожденія союза 1719 г. и какого-либо соглашенія между главными германскими державами, русская политика въ Пруссіи подошла, такимъ образомъ, къ исходу 1723 г., опять-таки къ тому же вопросу, какой сталъ къ этому времени на очередь въ переговорахъ Россіи съ Франціей—къ вопросу о примиреніи съ Англіей.

Такъ складывались отношенія Россіи къ ея сосѣдямъ въ Европѣ къ тому моменту, когда въ Стокгольмѣ былъ заключенъ оборонительный союзъ со Швеціей. Необходимость примиренія съ Англіей не только въ интересахъ исключительно балтійской политики, но и ради созданія общихъ условій, болѣе благопріятствующихъ борьбѣ

---

[1]) Реляц. А. Головкина 7 декабря 1723 г. Срав. Droysen IV, 2, 359. Предложенія о посредничествѣ со стороны Пруссіи были сдѣланы значительно ранѣе того срока, къ которому ихъ, повидимому, относитъ Дройзенъ (іюль 1724 г.) и во всякомъ случаѣ предшествовали заключенію русско-шведскаго союзнаго договора.

съ тѣмъ же англійскимъ вліяніемъ, вотъ то положеніе, къ какому должна была прійти къ этому времени русская дипломатія. Ненормальность русско-англійскихъ отношеній давала себя чувствовать и въ вопросѣ о соглашеніи съ Франціей, и въ переговорахъ съ „трудно поддающимся учету" прусскимъ королемъ [1]), желавшимъ сохранить доброе согласіе съ Россіей, но сокрушавшимся по поводу размолвки между царемъ и королемъ Георгомъ и потому успѣвшимъ уже, во охраненіе своихъ собственныхъ интересовъ, заключить съ послѣднимъ союзный договоръ въ Шарлоттенбургѣ. Путь примиренія при такихъ условіяхъ, очевидно, долженъ былъ стать цѣлью; путь угрозы сохранить значеніе лишь средства.

Выполненіе новой политической программы, намѣтившейся на Балтійскомъ морѣ послѣ Ништадскаго мира, во всемъ ея объемѣ, при такихъ условіяхъ, конечно, значительно усложнялось. То, что въ началѣ представлялось, какъ непосредственная очередная задача— освобожденіе русскихъ кораблей отъ зундской пошлины могло быть понимаемо теперь, лишь какъ далекая конечная цѣль. Голштинскія притязанія, съ другой стороны, получая постепенно въ русской политикѣ значеніе традиціи, не только заслоняли собою порою эту цѣль, но и осложняли самый вопросъ о примиреніи съ Англіей. Въ виду сдержаннаго отношенія къ голштинскому вопросу Франціи, естественно было искать поддержки для герцога у „гаранта" Травендальскаго мира, германскаго императора, и ради этого вступить на путь сближенія съ Австріей, путь, по которому давно уже шла голштинская дипломатія. При существующихъ отношеніяхъ между Австріей и Англіей, между германскимъ императоромъ и ганноверскимъ курфюрстомъ, въ виду тѣхъ замысловъ, надъ которыми начинала уже совмѣстно работать австрійская и испанская дипломатія, и того сочувствія, какое къ этому времени все болѣе и болѣе начинаетъ пріобрѣтать въ голштинскихъ кругахъ мысль о вознагражденіи герцога за счетъ Бремена и Вердена, этотъ путь легко могъ вовлечь Россію въ политику приключеній и создавалъ для нея новыя осложненія въ вопросѣ о примиреніи съ Англіей. Соглашенію съ Австріей—и по соображеніямъ общаго характера, и въ виду того положенія, какое создавалось къ данному моменту,—сочувствовалъ и Остерманъ, главный вдохновитель въ настоящее время русскаго правительства въ области внѣшнихъ отношеній, издавно уже близко стоявшій къ вопросамъ балтійской политики и не раздѣлявшій, ви-

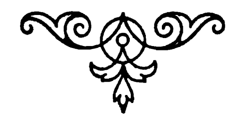
---

[1]) „Le Roi de Prusse, difficil à déterminer", какъ его мѣтко характеризовалъ бар. Шлейницъ въ своемъ упомянутомъ выше меморіалѣ (Recueil... VIII, 249).

димо, безусловно мысли о необходимости для Россіи сближенія съ Франціей. Ранѣе и отчетливѣе другихъ оцѣнившій значеніе зарождавшагося англо-русскаго соперничества, Остерманъ и теперь, какъ мы сейчасъ видѣли, отнесся крайне осторожно къ вопросу о самомъ примиреніи съ Англіей и о томъ, въ какія формы это примиреніе могло бы отлиться. Онъ не былъ противъ подобнаго примиренія въ принципѣ. Строгое пониманіе государственнаго блага—руководящее начало его дѣятельности—никогда не позволило бы ему сознательно превратить русскую политику въ орудіе политической авантюры. Воспользоваться въ интересахъ примиренія съ Англіей соглашеніемъ съ Австріей—такая мысль, несмотря на ея трудную выполнимость, могла найти себѣ мѣсто въ программѣ Остермана. Опасность служить голштинскимъ династическимъ и вотчиннымъ интересамъ, поскольку ходъ дѣлъ зависѣлъ отъ самого вице-канцлера и другихъ лучшихъ сотрудниковъ Петра Великаго—Бестужевыхъ, Б. Куракина, В. Л. Долгорукаго—русской политикѣ не грозила. Гораздо больше опасенія должны были возбуждать тѣ закулисные происки, которые вели въ придворныхъ сферахъ сторонники и покровители герцога голштинскаго и которые, находя сочувствіе среди лицъ, наиболѣе близкихъ къ государю, не оставались безъ вліянія и на направленіе русской политики.

М. Поліевктовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо П. В. Лопухина бар. Остенъ-Сакену.

Секретно.

Милостивый Государь мой!

Его Императорское Величество, по рапорту къ Вашему Превосходительству полковника Гана, о задерженномъ въ Ковнѣ дворянинѣ Каразинѣ Высочайше повелѣть соизволилъ: взять его ко мнѣ въ С.-Петербургъ, вслѣдствіе чего благоволите, Милостивый Государь мой, приказать онаго Каразина, жену и человѣка его со всѣмъ, что при нихъ находится, отдать вручителямъ сего, —сенатскимъ курьерамъ—для доставленія ко мнѣ.

Въ прочемъ пребываю съ истиннымъ почтеніемъ,

Милостивый Государь мой,
Вашего Превосходительства
покорный слуга.
Петръ Лопухинъ.

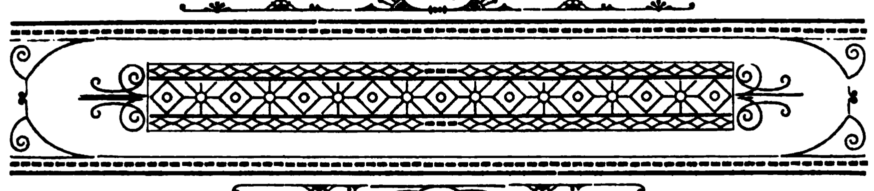
С.-Петербургъ,
9 сентября
1798 года.

Его Превосходительству
барону Сакену [1]).

Сообщ. В. А. Алексѣевъ.

[1]) Этотъ любопытный документъ относится къ знаменитому основателю Харьковскаго университета, Василію Назаровичу Каразину (1773—1842), дѣду извѣстнаго современнаго художника. Желая поступить слушателемъ въ одинъ изъ иностранныхъ университетовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣжать тогдашняго суроваго правительственнаго режима, молодой Каразинъ хотѣлъ тайкомъ пробраться за границу, но былъ арестованъ. Каразину удалось однако выпутаться изъ бѣды. Прежде чѣмъ власти донесли въ Петербургъ объ его арестѣ, онъ отправилъ прошеніе императору Павлу и добился помилованія.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. [1])

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Революція въ Константинополѣ 1807—1808 г.г.

Я думаю, что моимъ читателямъ будетъ интересно узнать нѣкоторыя подробности о необыкновенныхъ [2]) событіяхъ революціи, бывшихъ въ Константинополѣ въ 1807—1808 г.г. Въ это время смѣнилось нѣсколько повелителей, но вновь возведенные на престолъ были изъ той же династіи. Мои замѣтки дадутъ нѣкоторое представленіе о безсмысленномъ управленіи въ Турціи, которое было такъ деспотично, такъ жестоко и въ то же время такъ шатко, что легко могло быть низвергнуто.

Результатомъ такой жестокости бываетъ обыкновенно возстаніе народа, который, выведенный изъ терпѣнія, съ оружіемъ подымается на своихъ тирановъ, чтобы умертвить ихъ и, такимъ образомъ, освободиться отъ ихъ ига [3]). Селимъ 3-й, сынъ Мустафы 3-яго, вступилъ на Оттоманскій престолъ въ 1788 г., послѣ смерти дяди своего Абдулъ-Гамида. По вступленіи на престолъ, онъ сейчасъ же велѣлъ

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., октябрь.

[2]) 1827 г. Лица желающія узнать болѣе обстоятельныя подробности этихъ трехъ революцій, могутъ найти въ сочиненіяхъ полк. французскаго генеральнаго штаба, M. Degocherode St Denis „Revolution de Constantinople; г. Дегошеръ находился въ Константинополѣ въ эпоху этихъ событій, которыя онъ описалъ съ большимъ безпристрастіемъ и точностью. Его труды представляютъ очень интересное и прекрасно написанное сочиненіе.

[3]) Эти подробности я нашелъ у Петра Фонтана, а здѣсь я только сократилъ его разсказъ.

казнить нѣсколькихъ фаворитовъ своего дяди, которыхъ онъ обвинилъ въ томъ, что его дурно содержали во время тюремнаго заключенія, а также онъ считалъ ихъ виновными въ формальномъ заговорѣ на его жизнь, чтобы корону передать сыновьямъ Абдулъ-Гамида: Мустафѣ и Махмуту.

Эти жестокости предвѣщали суровое и тиранническое правленіе, но оказалось совсѣмъ иначе. Селимъ; отомстивъ нѣкоторымъ лицамъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ заговорѣ, сталъ добрымъ, снисходительнымъ и даже слабымъ правителемъ. Эта-то слабость и была причиной всѣхъ несчастій какъ его, такъ и Имперіи. У него никогда не было дѣтей, и эта безплодность, въ глазахъ мусульманъ, была дурнымъ знакомъ. Къ женщинамъ Селимъ питалъ отвращеніе.

Воспитанный, какъ и всѣ оттоманскіе принцы крови, въ Сералѣ, называемомъ Кафесъ (клѣтка), гдѣ всѣ они находятся въ заключеніи, подъ безконечнымъ присмотромъ, онъ инстинктивно началъ чувствовать все невѣжество своего народа. Ему захотѣлось цивилизовать свою страну и измѣнить образъ правленія. Онъ полюбилъ христіанъ, сталъ покровительствовать имъ и старался установить сношенія съ европейскими державами, но никакъ не могъ добиться желаемаго мира и спокойствія. Онъ вступилъ на престолъ, когда началась война съ русскими и австрійцами, окончившаяся лишь въ 1791 г. Черезъ нѣкоторое время французы завладѣли Египтомъ, но послѣ заключеннаго между ними мира, мамелюки захотѣли возстановить свое прежнее владычество въ этой странѣ.

Селимъ послалъ албанцевъ усмирять ихъ, истребить бунтовщиковъ и разрушить Египетъ, но водворить тамъ свою власть ему не удалось. Однако паши оказались непокорными его приказаніямъ; разбойники и мятежники составляли партіи, начальники которыхъ овладѣли нѣсколькими крѣпостями и начали войну съ нимъ, продолжительную и безпокойную, особенно въ Болгаріи (какъ мы это видимъ въ журналѣ кампаніи 1807 г.) Сербы также подняли мятежъ. Ни при одномъ еще султанѣ Оттоманская Имперія не волновалась такъ внутренними раздорами и внѣшними войнами. При немъ правительство совсѣмъ потеряло свою силу, уваженіе и авторитетъ. Въ свое правленіе Селимъ ничего не добился, несмотря на то, что имѣлъ въ виду сдѣлать много хорошаго и полезнаго для своей Имперіи, ему пришлось бороться съ двумя ужасными препятствіями—суевѣріемъ и предразсудками, которыхъ было достаточно, чтобы помѣшать всякому прогрессу. Селимъ старался, беря примѣръ съ европейскихъ народовъ, ввести у себя и распространить науки и цивилизацію. Онъ вызвалъ въ свою страну иностранныхъ артистовъ и рабочихъ для обученія разнымъ ремесламъ, затѣмъ

онъ очень покровительствовалъ иностранной литературѣ и при немъ много сочиненій было переведено, издано и напечатано на турецкомъ языкѣ. Онъ велѣлъ выгравировать географическія карты, и онѣ тогда быстро пошли въ ходъ; также онъ выстроилъ фабрики и заводы и учредилъ школы математическія, инженерныя и медицинскія. Грекамъ онъ позволилъ завести свои учебныя заведенія въ Константинополѣ.

Турецкая артиллерія была тоже не забыта, для нея было построено: казармы, литейныя мастерскія и т. д. И дѣйствительно, конная артиллерія отличилась въ войну 1808 г., а пушки, вылитыя по англійскому образцу, могли служить моделью. Армія улучшилась во многихъ отношеніяхъ вслѣдствіе стараній англійскихъ, французскихъ и шведскихъ офицеровъ, которые были приглашены Селимомъ для обученія войскъ. Наконецъ, этотъ энергичный султанъ рѣшился на смѣлое предпріятіе, онъ захотѣлъ разрушить чудовищную милицію *„янычаръ“*, которая была столь многочисленна и опасна для султановъ и въ которой насчитываютъ столько же грабителей и убійцъ, сколько и находившихся тамъ лицъ [1]). Онъ хотѣлъ достигнуть этого сформированіемъ регулярной арміи, и если бы ему это удалось, то армія, могла бы быть весьма страшной, такъ какъ храбрость, дѣятельность и усидчивость, присущія туркамъ, прекрасныя данныя для составленія хорошей арміи.

Но если Селимъ былъ одаренъ геніемъ преобразовать отечество, то у него никакъ не хватало энергіи выполнить это. Принужденный сдѣлать значительныя затраты для всѣхъ своихъ новыхъ учрежденій, онъ увеличилъ налоги и установилъ новую финансовую систему, создавъ совѣтъ, члены котораго слѣдили также за всѣми текущими дѣлами. Такимъ образомъ, авторитетъ визиря сдѣлался значительно ограниченнѣе, и онъ сталъ только исполнителемъ постановленій совѣта. Юсуфъ-Ага былъ самымъ преданнымъ другомъ Селима, онъ былъ управляющимъ дворцомъ матери султана, султанши Валиде, къ которой онъ чувствовалъ глубокое уваженіе и безусловную преданность.

---

[1]) 1827 г. Правитель страны только тогда можетъ добиться желаемыхъ преобразованій, когда онъ истребитъ своихъ противниковъ, перемѣну же въ жизни и привычкахъ народа можно ввести только съ помощью силы. Такъ дѣлалъ Петръ Великій и также дѣлаетъ и нынѣшній султанъ Махмудъ. Онъ уничтожилъ янычарскую милицію, повелѣлъ казнить массу народа, затѣмъ образовалъ регулярную армію, и мы увидимъ дальше, что съ ней сталось. Живущіе въ Константинополѣ не сочувствовали ему и полагали, что армія не можетъ быть опасной для враговъ, но я не раздѣляю ихъ мнѣній и увѣренъ, что со временемъ она усовершенствуется и принесетъ большую пользу.

Эта новая милиція, извѣстная подъ названіемъ Низамъ-Джедида (новые полки), препятствовала фанатизму, честолюбію и интересамъ многихъ турокъ, а формированіе ея шло въ разрѣзъ ихъ предразсудкамъ, что и было причиной недовольства среди фанатиковъ. Недовольство перешло въ ропотъ, а ропотъ—въ революцію. Янычары, предвидѣвшіе свое паденіе, естественно хотѣли избѣжать его и начали бунтъ; но ихъ скоро усмирили; только въ Румеліи и въ Валахіи еще продолжались волненія. За ними поднялся и простой народъ, а начальники разбойничьихъ шаекъ воспользовались происшедшими смутами и начали разорять страну. Многіе жители эмигрировали въ Азію и Валахію, а разбойничьи шайки дошли до-того, что даже подступали къ самому Константинополю. Начальники этихъ бандъ съумѣли заставить Селима отдать имъ въ ленную зависимость города, которые они занимали. Эта слабость со стороны султана остановила на нѣкоторое время разбой, но затѣмъ они снова принялись за старое, тѣмъ болѣе, что они прекрасно понимали, что своей силой могутъ многое сдѣлать. Тогда во главѣ движенія стали *Гасанъ-Оглы* [1]), Мустафа-Байрактаръ *Эмикъ-Оглу* [2]) и еще пятьдесятъ другихъ злодѣевъ, которые овладѣли нѣсколькими селеніями между Дунаемъ и Балканами, крѣпостями, находящимися на берегу Дуная и городами во внутренней Болгаріи. Такимъ образомъ, эти богатыя, прекрасныя провинціи перестали принадлежать султану. Желая поселить вражду между ними, султанъ старался вооружить однихъ противъ другихъ, но онъ не добился желаемыхъ результатовъ; напротивъ, они все болѣе и болѣе продолжали бунтовать, и шайки ихъ все увеличивались.

Несчастные болгаре сдѣлались жертвой этихъ бродягъ и часто должны были съ ними воевать.

Каждая деревня, каждый маленькій городокъ былъ огороженъ, что впослѣдствіи, во время нашего похода въ Болгарію, значительно затрудняло наши переходы.

---

[1]) Одинъ турокъ, по имени *Гасанъ-Оглы*, собралъ себѣ партію въ Видинской крѣпости и прогналъ оттуда пашу. Вскорѣ онъ объявилъ себя независимымъ; ему помогли въ этомъ его средства, нажитыя имъ торговлей и грабежами. Онъ два раза разорялъ Малую Валахію и поджигалъ Краіову (Krayova). Въ Портѣ не могли его усмирить. Кинчукъ-Гуссеинъ-паша, генералъ-адмиралъ и фаворитъ Селима III, осадилъ Видинъ, но не могъ его взять. Въ концѣ концовъ султанъ былъ принужденъ уступить мятежнику и сдѣлалъ его Видинскимъ пашою, не дождавшись отъ него вѣрности.

[2]) Я уже говорилъ о *Мустафѣ-Байрактарѣ* и о Пегливанѣ, а дальше я буду имѣть случай говорить о Боснякъ-Агѣ и о Емикъ-Оглы; послѣдній не равнялся съ другими по смѣлости и находчивости, но онъ былъ менѣе жестокъ и не внушалъ столько ужаса болгарамъ.

Всякій изъ начальниковъ этихъ мятежниковъ имѣлъ въ Константинополѣ подкупленнаго покровителя изъ министровъ или изъ любимцевъ Селима; благодаря имъ, они всегда были увѣдомлены о рѣшеніяхъ Дивана. Пегливану даже покровительствовала мать Селима. Странное управленіе!

Вскорѣ мятежъ вспыхнулъ и въ другихъ провинціяхъ Имперіи, и большая часть султанскихъ владѣній сдѣлалась добычей разбойнической партіи. Селимъ же, оскорбленный и поруганный непокорными пашами, только тогда добился ихъ усмиренія, когда снова примирился съ ними.

Эта эпоха напоминаетъ намъ то время, когда болгаре при греческихъ императорахъ являлись подъ стѣны Бизанса, оскорбляли ихъ, а города обкладывали контрибуціями.

По этому можно судить о положеніи этой несчастной страны: торговля потеряла свою прежнюю дѣятельность, доставка жизненныхъ припасовъ сдѣлалась крайне затруднительна, лихоимство и воровства практиковались безнаказанно. Всѣ эти бѣдствія народъ приписалъ Низамъ-Джедиду и верховный совѣтъ сдѣлался предметомъ всеобщей ненависти. Султану Селиму, конечно, было извѣстно недовольство народа, но не будучи основательно знакомымъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ своей Имперіи, онъ тѣмъ менѣе зналъ о причинахъ, породившихъ эти бѣдствія. Главные его министры и любимцы были заинтересованы въ учрежденіи Низамъ-Джедида, чтобы сохранить свое вліяніе и могущество; поэтому они скрывали отъ правительства мнѣніе народа объ этомъ учрежденіи и совѣтовали все сносить, не обращая особаго вниманія. Всѣ дѣла, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія были въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, что представляло большія опасенія въ виду воинственнаго настроенія всей Европы. Селимъ и его дворъ могли бы побороть всѣ эти волненія, если бы султанша Валиде прожила дольше, но она умерла въ 1805 г. и, такимъ образомъ, лишила Селима своихъ совѣтовъ, или, вѣрнѣе сказать, совѣтовъ Юсуфа-Аги, который, потерявъ свою покровительницу, перенесъ массу непріятностей и интригъ отъ Несимъ-Ибрагима-ефенди, занимавшаго одну изъ главныхъ должностей при дворѣ и съумѣвшаго добиться милости Селима.

Несмотря на то, что послѣ смерти султанши, Юсуфъ-Ага рѣшительно отказался отъ занимаемыхъ имъ государственныхъ должностей и хотѣлъ заставить другихъ забыть о себѣ, но Ибрагимъ не удовлетворился этимъ, ибо надѣялся возвыситься только по удаленіи своего соперника изъ столицы.

Послѣ смерти Валиде, Селимомъ окончательно овладѣла его сестра, султанша Билгамъ, съ которой изъ всей семьи онъ былъ

въ лучшихъ отношеніяхъ. Несимъ-Ибрагимъ пользовался у нее большимъ довѣріемъ. Прислуживаясь къ султаншѣ насколько хватало силъ, онъ старался всегда поступать согласно ея мнѣнію, исполнялъ всѣ ея капризы и желанія, а когда ей надо было уплачивать по счетамъ за свои огромныя затраты, онъ всегда умѣлъ снабжать ее большими суммами. Удаленіе Юсуфа-Аги, столь желанное для Ибрагима, совершилось, онъ уѣхалъ въ Мекку. Слабохарактерный Селимъ, подпавшій подъ вліяніе тѣхъ, которые были противъ его любимца, нарушилъ клятву, данную имъ матери, когда она была уже на смертномъ одрѣ. Она просила его, чтобы онъ въ память ея оставилъ при себѣ этого уважаемаго человѣка. Султанъ поклялся исполнить ея желаніе, а немного спустя, самъ совѣтовалъ Юсуфу уѣхать на поклоненіе святымъ мѣстамъ, куда тотъ и отправился въ августѣ 1806 г.

Несимъ-Ибрагимъ пріобрѣлъ огромнѣйшую власть, что имѣло гибельныя послѣдствія и для двора и для султана. Внутренніе безпорядки и положеніе Дивана, дѣла котораго велись столь нерѣшительно, были причиной войны съ Россіей и Англіей. Русскій посланникъ уѣхалъ изъ Константинополя въ декабрѣ 1806 г., а англійскій въ январѣ 1807 г.

Во время войны съ Россіей янычары должны были также стать въ ряды арміи. Министры и другія государственныя лица, не сопровождавшіе великаго визиря въ армію, думали, что во время этой войны Низамъ-Джедидъ можетъ очень возвыситься и получить еще большее значеніе. Великимъ визиремъ былъ тогда Мустафа Челибей, о которомъ я уже говорилъ раньше.

Уллемасы [1]), роптавшіе въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ на положеніе дѣлъ и на могущество совѣта, задумали, зная настроеніе народа, свергнуть этотъ Низамъ-Джедидъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его партизановъ. Какъ открылось потомъ, тайнымъ начальникомъ этого заговора въ 1807 г. былъ *Муфтій* [2]), его помощникъ, визирскій намѣстникъ Муса-Паша, посвятилъ въ эту тайну Агаларъ-Агасси и *Сейменъ-Баши* [3]). Вспыхнувшее въ маѣ мѣсяцѣ 1807 г., возму-

---

[1]) *Улемасы* (Uleimas)—въ переводѣ значитъ: „люди закона“ справедливости и религіи; это могущественнѣйшая каста въ имперіи, вліяніе и власть которой возбуждали общую зависть.

[2]) *Муфти*, какъ начальникъ Улемасовъ и человѣкъ религіозный, имѣлъ огромное вліяніе.

[3]) *Сейменъ-Баши*—1-ый офицеръ въ корпусѣ янычаръ послѣ Ага, онъ его замѣнялъ, когда тотъ бывалъ на войнѣ; Агаларь-Агасси—это бунтовщикъ, назначенный начальствовать надъ прочими ага и быть шефомъ янычаръ.

щеніе *Ямаксовъ* [1]) было сигналомъ бунта въ Фонораки [2]), и предлогомъ для сего послужилъ султанскій фирманъ, которымъ Селимъ предписывалъ гарнизонамъ Босфора принять на себя обмундированіе регулярныхъ войскъ [3]); это было 15-го мая.

Ямаксы уже нѣсколько лѣтъ какъ были обучены европейскимъ пріемамъ и вооружены ружьями со штыками, но, несмотря на это, все-таки сохранили свою прежнюю форму и не принадлежали къ партіи совѣта Низамъ-Джедидъ; они были страшно недовольны, когда получили приказаніе перемѣнить форму.

Махмудъ-Еффенди [4]) въ качествѣ хранителя ключей, въ этотъ день находился въ Фонораки, гдѣ ему и былъ переданъ султанскій фирманъ, офицеромъ *Хассеки* [5]), который получилъ приказаніе немедленно привести приказъ въ исполненіе. Ямаксы, не желавшіе повиноваться, взялись за оружіе, и Хассеки палъ ихъ первой жертвой. Махмудъ, чтобы избѣжать ихъ ярости, бѣжалъ въ Фонораки, но враги преслѣдовали его и онъ погибъ въ Буюкъ-дере [6]).

Съ этихъ поръ поведеніе Фоноракійскихъ ямаксовъ приняло характеръ полнаго возмущенія, а ямаксы другихъ пунктовъ и гарнизоны всѣхъ батарей, расположенныхъ по эту сторону пролива, какъ на Европейскомъ берегу, такъ и на Азіатскомъ, приняли участіе въ бунтѣ. Это совершилось въ Буюкдерской долинѣ, гдѣ жители соединились съ войсками Кавакшъ-Оглы, человѣка съ довольно темнымъ прошлымъ, несмотря на что, онъ былъ найденъ достойнымъ стать начальникомъ мятежной партіи, и рѣшеніе идти въ столицу послѣдовало тотчасъ же послѣ избранія его въ начальники. Быстро подвигаясь впередъ и прибывъ вооруженными въ

---

[1]) *Ямаксы*—войско, составляющее гарнизоны въ хорошо укрѣпленныхъ фортификаціонныхъ сооруженіяхъ.

[2]) *Фонораки*—это греческая деревня, расположенная у канала, проведеннаго изъ Чернаго моря; тамъ находится маякъ для входа въ Босфоръ.

[3]) Головной уборъ *Бостанджисовъ* (des Bostangis) сдѣланъ изъ краснаго сукна и весьма недурно.

Бостанджисы—это садовники, которымъ поручены сады дворца великаго повелителя, надзоръ за внутренностью этого дворца, казенными домами и дворцомъ въ Восфорѣ.

Начальникъ Бостанджисовъ назывался Бостанджи-Баши; онъ считался большою персоной. Когда султанъ ѣздилъ кататься на лодкѣ, то онъ былъ его рулевымъ.

[4]) *Махмудъ-Эффенди*— былъ посланникомъ въ Лондонѣ; его замѣстилъ Рейсъ-Эффенди.

[5]) *Хассеки*—одинъ изъ офицеровъ Бостанджисовъ.

[6]) *Буюкъ-дере*, деревня въ 8-ми верстахъ отъ Фонораки, въ 18-ти вер. отъ Константинополя; иностранные министры имѣютъ тамъ свои дачи, а иные и дворцы.

Тофано [1]), революціонеры безъ всякаго труда принудили возстать *Топчисовъ* [2]) и заставили ихъ идти вмѣстѣ въ Константинополь, куда раньше ихъ доставили *мармитъ*—(знамя) [3]).

По дорогѣ къ Константинополю къ нимъ присоединилось еще много недовольныхъ, такъ что бунтующіе все увеличивались, а въ городѣ они еще усилились примкнувшими къ нимъ янычарами. Мятежъ сдѣлался общимъ; мятежники остановились въ *Этмейдо* [4]). Тутъ они дали волю своимъ буйствамъ; общее спокойствіе, уваженіе чужой собственности — все было попрано. Призвавъ къ себѣ муфтія, они потребовали отъ него руководства, которое онъ охотно и принялъ. Этотъ представитель закона, одинъ изъ главныхъ тайныхъ зачинщиковъ революціи, приказалъ въ силу закона *Фества* [5]), поддерживаемый *Казіаскерами* [6]), умертвить главныхъ правительствующихъ лицъ страны. Султанъ Селимъ, увѣдомленный объ этомъ движеніи, вмѣсто того, чтобы подумать о средствахъ положить конецъ бунту и воспользоваться услугами тѣхъ, которые бы могли спасти его своимъ мужествомъ и энергіей, думая такимъ образомъ усмирить мятежъ, — послалъ бунтовщикамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, и, между ними, Бостанжи-Баши (который умолялъ султана позволить ему пожертвовать своею жизнью, надѣясь этимъ спасти отъ смерти своего повелителя), обѣщая отмѣну Низамъ-Джедида и возстановленія нѣкоторыхъ правъ янычаръ. Слабость Селима увеличивала, какъ это и слѣдовало ожидать, смѣлость мятежниковъ. Различныя приказанія, даваемыя султаномъ, не производили никакого дѣйствія, напротивъ, они скорѣе—только вооружали ихъ противъ него.

Начальствующія лица, измѣняя интересамъ султана, а можетъ быть и изъ страха, переходили на сторону янычаръ, сближались съ мятежниками и даже сами управляли народнымъ движеніемъ,

---

[1]) *Тофана*—мѣстечко, расположенное противъ Константинополя на берегу моря; тамъ находятся главное артиллерійское управленіе и литейные заводы.

[2]) *Топчисы* (Les Topschis) артиллеристы.

[3]) *Казанъ*, *Мармитъ* (Casan, Marmite) для турокъ то же, что для европейскихъ войскъ—знамя, къ нему относятся съ большимъ благоговѣніемъ. Когда оно выносится на какую-нибудь церемонію, ему отдаются такія же почести, какъ и султану.

[4]) *Этмейдо*—это часть г. Константинополя, въ которой находится главная казарма янычаръ.

[5]) *Фества*—постановленіе изъ Корана, переведенное Муфтіемъ.

[6]) *Казіаскеры*—главные судьи, ихъ два: одинъ изъ Румеліи, а другой изъ Анатоліи; такое назначеніе влечетъ за собою право на повышеніе въ Муфтіи.

въ то время какъ Селимъ, въ надеждѣ избѣгнуть угрожающей ему участи, пожертвовалъ нѣсколькими своими фаворитами. Бунтовщики сами судили чиновниковъ; жертвы избирались Кавакши-Оглаемъ.

Нелимъ-Ибрагимъ-Эффенди былъ поставленъ во главѣ конскрипціоннаго списка. Однажды онъ былъ схваченъ, свезенъ въ Этмейдо и тамъ растерзанъ на части. Останки его тѣла и клочья одежды съ тріумфомъ были отправлены въ городъ. *Хаджи-Ибрагимъ-Эффенди* [1]), одинъ изъ прежнихъ сотрудниковъ Селима и самый почтительный изъ его министровъ, думалъ спрятаться, но былъ найденъ, выведенъ изъ своей засады и затѣмъ избитъ до смерти. Другія извѣстныя личности, будучи предметомъ ненависти янычаръ, были также умерщвлены въ этотъ день. *Сиркіатиби* [2]) — секретарь великаго повелителя, преслѣдуемый въ своемъ домѣ, искалъ спасенія на крышѣ, но упалъ на улицу и расшибся до смерти.

Челебей-Мустафа-Эффенди [3]), министръ—долженъ былъ быть одной изъ первыхъ жертвъ, но его смѣлость и хладнокровіе спасли его. Едва узнавъ о народномъ движеніи, онъ предупредилъ опасность. Вмѣсто того, чтобы искать спасеніе въ бѣгствѣ, — онъ предалъ себя янычарамъ и просилъ ихъ, чтобы они взяли его подъ свое покровительство. Эта уловка ему прекрасно удалась. Ни кровавыя казни, ни обѣщанія султана, ни жертвы, которыя онъ принужденъ былъ совершать, не могли удовлетворить янычаръ, они хотѣли докончить совершенно свое дѣло, т. е. свергнуть Селима съ престола.

Собравшись въ Этмейдо, они объявили, что въ продолженіе нѣ-

---

[1]) *Хаджи-Ибрагимъ-Эффенди:* хаджи—значитъ пилигримъ. Ибрагимъ, получилъ это званіе потому, что онъ ходилъ въ Мекку. Послѣдовательно онъ занималъ всѣ главныя должности въ Портѣ, за исключеніемъ должности великаго визиря, которую онъ никогда не хотѣлъ согласиться принять. Это былъ человѣкъ твердый, неподкупный и одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ Низамъ - Джедида; онъ предчувствовалъ послѣдствія мятежа и спрятался далеко отъ своего дома. Одинъ изъ его слугъ, знавшій о томъ, гдѣ онъ находится, предалъ его. Янычары отыскали его и перерѣзали ему горло, но и съ предавшимъ его они поступили очень жестоко.

[2]) Этого *Сиркіатиби* звали Ибрагимомъ; это былъ человѣкъ ума, съ большими связями; онъ былъ очень преданъ Селиму и раздѣлялъ всѣ его идеи относительно реформы. Предвидя революцію, онъ давно просилъ отставки, которой однако не получилъ.

[3]) *Челебей-Эффенди* (не великій визирь, но носившій, по курьезному совпаденію, одинаковое имя) занималъ крупную должность и былъ даже Рейсъ - Эффенди. Постоянный поклонникъ Низамъ - Джедида, онъ былъ однимъ изъ представителей ненавидящихъ янычаръ.

скольких лѣтъ, поведеніе Селима было постояннымъ нарушеніемъ закона пророка и спрашивали муфтія: былъ ли султанъ достойнымъ царствовать? Отвѣтъ муфтія, какъ и должно было ожидать, вполнѣ удовлетворилъ мятежниковъ, онъ далъ имъ право свергнуть султана и они, тотчасъ же вооружившись, направились къ сералю султана и объявили съ шумомъ и крикомъ, что они не признаютъ его болѣе своимъ повелителемъ, а на его мѣсто провозгласили Мустафу 4-го, его двоюроднаго брата, сына Абдулъ-Гамида.

Селимъ не выказалъ никакого сопротивленія ихъ волѣ, которую ему объявилъ муфтій [1]) и, предоставивъ корону Мустафѣ, заперся у себя. Мятежники остались вѣрными своему слову: общественная тишина была возстановлена, также какъ и уваженіе къ чужой собственности. Ни одинъ домъ съ тѣхъ поръ не былъ разграбленъ, а когда одинъ янычаръ позволилъ себѣ какую-то жестокость по отношенію отмѣнно честнаго человѣка, онъ былъ тотчасъ же умерщвленъ своими товарищами. Это великое событіе произошло въ 1807 г., между 18—30 мая мѣсяца.

Султанъ Мустафа, возведенный на престолъ, уничтожилъ Низамъ-Джидидъ, слѣдствіемъ чего явились распущенность и отсутствіе дисциплины въ регулярномъ войскѣ. Всѣ поступки новаго повелителя, казалось, были направлены къ тому, чтобы утвердить мусульманъ въ варварствѣ и невѣжествѣ, которыя Селимъ старался уничтожить.

Юсуфъ-Ага, выѣхавъ изъ Мекки, гдѣ былъ для поклоненія св. мѣстамъ, находился во время революціи въ Бруссѣ, гдѣ получилъ изданный новымъ султаномъ приказъ о его смерти. Онъ принялъ его съ рѣдкимъ спокойствіемъ и просилъ только своихъ палачей дать ему время для совершенія омовенія и послѣдней молитвы. Его имѣнія и имѣнія всѣхъ остальныхъ жертвъ народной ярости были конфискованы въ собственность государственныхъ имуществъ. Кавакши-Оглы былъ назначенъ смотрителемъ дворцовъ Фонораки и начальникомъ батарей.

Возведенный на престолъ, султанъ Мустафа не имѣлъ никакой возможности выказать свою власть. Вся власть долго еще оставалась въ рукахъ мятежниковъ, а султанъ вынужденъ былъ имъ только повиноваться, вмѣсто того, чтобы повелѣвать самому. Нѣсколько разъ онъ старался было возвысить свой авторитетъ, но всѣ его попытки были напрасны. Оставленный муф-

---

[1]) 1807 г. Въ трудахъ г. Иншереара можно прочесть о лицемѣрномъ и безчестномъ разговорѣ муфтія съ султаномъ.

тій возложилъ на него корону, но не передалъ власти. Предводители волновавшагося народа, сами, часто, должны были уступать волѣ муфтія, выражавшейся въ чрезвычайно рѣзкихъ формахъ.

Кавакши-Оглы, не будучи въ состояніи управлять всѣми своими солдатами, которые собственно и возвели его въ свои начальники, вскорѣ предался чрезмѣрной невоздержанности и распутству.

Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

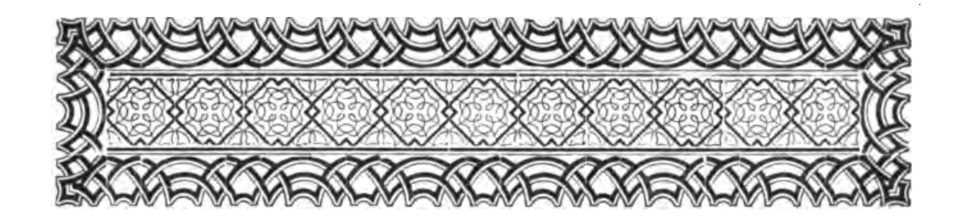
Пожалованіе въ чинъ до рожденія.

Гавріилъ Ивановичъ Вишневскій, какъ значится во II томѣ „Сборника біографій кавалергардовъ", родился *8 іюня 1777 г., а еще до рожденія, 5 сентября 1776 г.*, былъ зачисленъ подпрапорщикомъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ.

Феерическій XVIII вѣкъ пріучилъ насъ ко всякимъ неожиданностямъ, достигшимъ своего апогея въ царствованіе Павла Петровича, когда были производимы въ генералъ-адъютанты юноши, а заслуженные генералы увольнялись въ отставку за незнаніе службы. Но случай пожалованія въ подпрапорщики человѣка, еще не родившагося, является феноменальнымъ даже и для Россіи XVIII вѣка.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

Къ воспоминаніямъ о графѣ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Бергѣ.

Предлагаемыя вниманію читателей записки эти не были въ свое время ведены спеціально какъ замѣтки о графѣ Бергѣ; онѣ представляютъ собой „извлеченіе“ изъ общихъ записокъ, въ которыя сорокъ лѣтъ тому назадъ авторомъ, тогда совсѣмъ молодымъ офицеромъ,—вносилось рѣшительно все, что ему казалось достойнымъ его юнаго вниманія.—Изъ общихъ записокъ выбрано теперь то, что кажется подходящимъ къ помѣщенію на страницахъ „Русской Старины“ и своевременнымъ для выпуска въ свѣтъ; изъ нихъ многое признано неудобнымъ ко внесенію въ эти „извлеченія“.

Само собою разумѣется, что записки эти представляются голосомъ изъ публики. Юный офицеръ имѣлъ очень мало общаго съ тѣми кружками, которые стояли болѣе или менѣе близко къ фельдмаршалу-намѣстнику, заносилъ лишь то, что могло въ тѣ времена дѣлаться достояніемъ общимъ или, вѣрнѣе, что было доступно всѣмъ.—Авторъ и тогда, ведя замѣтки, не имѣлъ намѣренія записывать рѣшительно все, что могло служить характеристикой графа и теперь, дѣлая извлеченія, далекъ былъ отъ предположенія изобразить весь крайне сложный типъ покойнаго—столь виднаго дѣятеля; еще меньше, конечно, у автора могла явиться мысль дать что-либо похожее на полную біографію этого замѣчательнаго государственнаго человѣка.

Здѣсь въ этихъ черточкахъ явилось нанизаннымъ о графѣ лишь то, что могло оказаться занесеннымъ въ замѣтки человѣка, стоявшаго въ тѣни и не задавшагося какою-либо спеціальной задачей; человѣкъ этотъ думалъ лишь о томъ, о чемъ въ подобныхъ случаяхъ обязательно думать: удаляться отъ субъективности и придерживаться безпристрастности.

Е. А.

I.

ного было писано о графѣ Бергѣ.—Этотъ умный нѣмецъ съ обширнымъ образованіемъ, съ большой эрудиціей, еще въ очень ранней молодости—въ 1812 году, служа офицеромъ въ корпусѣ колоновожатыхъ, обратилъ на себя вниманіе знаменитаго графа Толя, какъ выдающійся офицеръ.

Въ турецкую кампанію 1828—29 годовъ Ѳ. Ѳ. Бергъ—уже молодой, блестящій генералъ былъ отличаемъ начальникомъ штаба арміи тѣмъ же гр. Толемъ, который привлекъ на него вниманіе главнокомандующаго гр. Дибича; въ эту кампанію Бергу довелось продолжать вселять въ высшихъ начальствующихъ лицахъ убѣжденіе въ томъ, что онъ обладаетъ знаніями и способностями недюжинными; вообще его карьера двигалась впередъ твердымъ, вѣрнымъ и скорымъ шагомъ.

Правда, это было время „масляницы нѣмцевъ“; это было время, въ которое ходилъ по всей Россіи извѣстный разсказъ объ отвѣтѣ, будто бы данномъ знаменитымъ генераломъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ (б. намѣстникомъ на Кавказѣ) императору Николаю Павловичу, на вопросъ Государя: „какъ мнѣ тебя наградить за твои чрезвычайныя заслуги, Алексѣй Петровичъ“? Ермоловъ будто бы отвѣтилъ: „если будетъ милость ваша, Государь, произведите меня въ нѣмцы, а дальше я уже самъ „протолкаюсь на хорошую дорогу въ люди“.

Появленіе этого разсказа совпало со временемъ устраненія А. П. Ермолова отъ активной дѣятельности: въ 1827 году онъ былъ отставленъ и до своей кончины, послѣдовавшей въ 1861 году въ Москвѣ, оставался безъ дѣлъ;—такимъ образомъ этотъ выдававшійся умомъ и знаніями генералъ, о которомъ Наполеонъ I съ завистью отзывался, какъ о генералѣ, служившемъ украшеніемъ русской арміи и пригодномъ для какой угодно арміи,—оставался въ полной бездѣятельности 35 лѣтъ; кампаніи турецкая 1828 г., польская 1831, венгерская 1849 и турецкая 1853—г.г. прошли безъ участія въ нихъ этого по истинѣ боевого, энергичнаго генерала и умнаго человѣка.

Сохранился разсказъ о томъ, что императоръ Александръ Николаевичъ, вступивъ на престолъ, призывалъ А. П. Ермолова къ

дѣятельности, но послѣдній, съ полною откровенностью и добросовѣстностью, отвѣтилъ, что время его прошло—онъ не признавался годнымъ, когда находился въ полной силѣ, а теперь не можетъ рѣшиться взять на себя отвѣтственное дѣло, ибо всякая его дѣятельность можетъ лишь обнаружить полнѣйшую его непригодность—совсѣмъ старъ сталъ.—Дѣйствительно въ 1855 году, когда государь, вызывая многихъ изъ опальныхъ, могъ предложить и Ермолову взяться за дѣло,—ему было не менѣе 82 лѣтъ. По разсказамъ, государь Александръ Николаевичъ, въ бытность цесаревичемъ, посѣтилъ маститаго героя раза два въ Москвѣ и охотно велъ съ нимъ бесѣду, какъ съ человѣкомъ, всю жизнь отличавшимся здравостью ума и вполнѣ сохранившимъ ее въ глубокой старости.

Если разсказъ объ отвѣтѣ, будто бы данномъ Ермоловымъ императору Николаю Павловичу и вымышленъ, то во всякомъ случаѣ этотъ анекдотъ ярко характеризуетъ то именно время,—повсемѣстнаго на Руси ходкаго движенія нѣмцевъ на всѣхъ разнородныхъ путяхъ служебныхъ карьеръ. Прочитывая исторію кампаніи 1828 года, нельзя не обратить вниманія на фамиліи огромнаго большинства генераловъ высшаго командованія нашей арміи, во главѣ которой былъ поставленъ гр. Дибичъ: Толь, Шильдеръ, Ротъ, Ридигеръ, Крейцъ, Паленъ, Арнольди, Бергъ, Левенштернъ, Набель, Коцебу.

Въ ту войну, между прочимъ, по личному выбору и приказанію Дибича, генералъ Бергъ молодецкимъ набѣгомъ съ передовыми войсками завершилъ обложеніе Силистріи; затѣмъ почти все время онъ оставался начальникомъ передовыхъ войскъ, а въ исполненіи замѣчательной, на весь міръ прославившейся операціи, создавшей побѣдоносный Кулевчинскій бой,—Бергъ сыгралъ очень видную роль, давшую ему имя и справедливо награжденную очень щедро боевымъ отличіемъ.—Оставаясь начальникомъ передовыхъ войскъ, онъ проявлялъ въ дѣйствіяхъ своихъ, кромѣ храбрости, энергичную предпріимчивость и необыкновенную находчивость.

Когда Силистрія сдалась безъ боя, главнокомандующій Дибичъ намѣтилъ оставить одинъ корпусъ для наблюденія за Шумлой, а съ тремя корпусами перейти Балканы; на военномъ совѣтѣ почти всѣ генералы высказались противъ этого отважнаго шага; энергичнѣе другихъ поддерживалъ проектъ Дибича молодой ген. Бергъ.—Генералъ-квартирмейстеръ Бутурлинъ рѣшительно противился исполненію этого плана дѣйствій, ссылаясь на то, что назначавшимся къ тому небольшимъ силамъ легко могъ быть отрѣзанъ путь отступленія.—Дибичъ запальчиво отвѣтилъ, что объ отступленіи не можетъ быть рѣчи,—мы или побѣдимъ или всѣ не вернемся! Бутурлинъ сказалъ, что всѣ опасности онъ радъ дѣлить, но не можетъ нести отвѣт-

ственность за такое опасное предпріятіе, котораго онъ не одобряетъ.—Вслѣдствіе этого онъ сдалъ должность и былъ замѣненъ Бергомъ. Успѣшное окончаніе войны въ сильной степени приписывали тому, что держались благихъ и просвѣщенныхъ совѣтовъ Берга.

II.

Многіе склонны были приписывать всѣ служебные успѣхи Берга и его карьеру нѣмецкому родству. Происхожденія онъ былъ не Богъ вѣсть какого „гогенцоллернскаго"; родство же его, какъ въ шутку говорили, состояло въ томъ, что всякій нѣмецъ, стоявшій выше его по службѣ, охотно называлъ его „брудэръ Бергъ"; родства такого, которое открывало ему доступъ въ высшее общество или давало связи—не было. Словомъ вступившій въ корпусъ колоновожатыхъ въ 1811 году, молодой Ѳ. Ѳ. Бергъ, хотя имѣлъ родовое имѣніе, былъ не особенно богатый, почти одинокій, небольшой, но сметливый, знавшій языки, воспитанный, въ высшей степени тактичный и образованный человѣкъ.—Если и есть доля правды въ томъ, что онъ вышелъ въ люди благодаря нѣмецкому происхожденію, то лишь въ той мѣрѣ, что это происхожденіе, несомнѣнно, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, много помогло ему; оно облегчило ему возможность „протолкаться на хорошую дорогу въ люди".

Нѣтъ сомнѣнія, что воспитаніемъ, знаніемъ языковъ, способностями, а также образованіемъ, закончившимся окончаніемъ курса академіи ген. штаба, больше всего молодой офицеръ могъ выйти на тотъ путь, на которомъ нѣмецкое происхожденіе должно было явиться могучимъ двигателемъ. По всеобщимъ отзывамъ Бергъ, былъ талантливый, живой, энергичный и трудолюбивый или, какъ нынче говорятъ,—работоспособный офицеръ.

Въ 1831 году онъ играетъ видную роль въ арміи, въ особенности въ эпизодѣ взятія Варшавы со стороны предмѣстья, называемаго „Воля".

Затѣмъ извѣстенъ его крайне успѣшный, талантливо-выполненный рекогносцировочный походъ въ глубь оренбургско-киргизской, тогда невѣдомой, степи—въ 1839 году во время похода гр. Перовскаго на Хиву.

Съ тѣхъ поръ ни по военной, ни по гражданской,—въ особенности, по дипломатической части,—не было дѣла, на которое, не попалъ бы въ той или иной, всегда видной, роли генералъ Бергъ.

Какъ онъ былъ пристегнутъ къ венгерской 1849 года кампаніи и къ веденію переговоровъ „по замиренію Венгріи и Трансильваніи“—объ этомъ писали много, точно также какъ и о томъ, будто „нѣмецъ сей“, желая отличиться, въ чемъ-то перехитрилъ себя.—Крайне поучительнымъ является разсказъ о томъ, какъ Бергъ вдругъ на высотѣ своей блестящей, сіявшей свѣтлѣе солнца, карьеры, попалъ въ немилость, и какъ императоръ Николай Павловичъ, по выраженію очевидцевъ и „лѣтописцевъ“, а отчасти и просто зубоскаловъ-фельетонистовъ, прогналъ его съ Красносельскаго военнаго поля въ ту минуту, когда онъ, довѣрившись кому-то изъ пріятелей, надѣялся и готовился быть принятымъ въ особомъ царскомъ пріемѣ.

Извѣстны рѣзкія, крайне нелестныя для Берга, слова, которыя императоръ бросилъ въ его присутствіи во всеуслышаніе, отказывая въ пріемѣ этого генерала, не видѣвшаго до тѣхъ поръ отъ царей ничего кромѣ самой высокой милости и заботливой ласки.

Съ тѣхъ поръ молодой, блестящій генералъ Бергъ исчезъ съ высоты своего карьернаго пути и, какъ говорятъ, скитался нѣсколько лѣтъ за границей, конечно, не теряя времени въ дѣлѣ усовершенствованія себя и урегулированія своихъ дѣлъ.

Передаютъ, что въ этомъ, надѣлавшемъ громаднаго шума, дѣлѣ Бергъ пострадалъ невинно; онъ былъ оборванъ совершенно напрасно; выставляютъ его испытавшимъ на себѣ сильную интригу кого-то изъ мощныхъ людей, стоявшихъ на верху. Хотѣлось бы вѣрить этому по той причинѣ, что императоръ Александръ II, вскорѣ по вступленіи своемъ на прародительскій престолъ, вспомнилъ объ этомъ способномъ человѣкѣ и не только призвалъ его къ дѣятельной службѣ, но и наградилъ, видимо оцѣнивъ прежнія его неотъемлемыя заслуги: 26 августа 1856 года, въ день коронованія императора Александра Николаевича, Бергъ былъ возведенъ, въ числѣ прочихъ, въ графское достоинство, кажется, Вел. Княжества Финляндскаго. Говорятъ, что вообще и имп. Николай I до нѣкоторой степени раскаялся въ своей рѣзкости противъ Берга. Во время коронаціи Бергъ (съ начала 1855 г.) состоялъ въ должности финляндскаго генералъ-губернатора и своей энергіей, а также разумной крутостью, далеко не оставилъ по себѣ въ краѣ воспоминаній, кои давали бы почву къ такимъ неудовольствіямъ, какія переживаются въ этой странѣ теперь.

III.

Лѣтомъ 1863 года генералъ-адъютантъ графъ Бергъ былъ назначенъ Намѣстникомъ Его Императорскаго Величества въ царствѣ Польскомъ. Сенсацію это произвело большую: несмотря на доказательный прецедентъ въ Финляндіи, одни говорили, что этотъ нѣмецъ продастъ Россію, другіе кричали, что, какъ женатый на католичкѣ, онъ будетъ играть всецѣло въ руку полякамъ.

Пріѣздъ свой въ Варшаву гр. Бергъ, какъ извѣстно, ознаменовалъ тѣмъ, что, утвердивъ приговоры о повѣшеніи пятерыхъ наиболѣе важныхъ преступниковъ, велѣлъ повѣсить ихъ въ одинъ день и въ одинъ часъ на пяти площадяхъ Варшавы.

Это произвело громадное впечатлѣніе, такъ какъ поляки успѣли избаловаться тѣмъ, что видѣли, какъ отчаяннѣйшихъ преступниковъ-измѣнниковъ при его предшественныхъ, а въ особенности при графѣ Ламбертѣ, жалѣли и ради того миловали, а если кого изрѣдка вѣшали или вообще казнили, то, опять таки жалѣя „паньство", дѣлали это келейно, гдѣ-нибудь въ закоулкахъ. Отрезвляюще подѣйствовалъ принятый графомъ Бергомъ пріемъ и долго послѣ того „панове поляцы", какъ говорится, не рѣшались пикнуть.

Разсказывали тогда, что поляки, принявъ, конечно, очень близко къ сердцу этотъ случай, ставили ежедневно у статуи Божіей Матери въ маленькомъ скверѣ на Краковскомъ предмѣстьи по пяти лампадъ за упокой душъ пяти повѣшенныхъ „мучениковъ". Когда полиція объ этомъ доложила графу, давая этому то значеніе, что народъ собирается, волнуется, а ксендзы дѣлаютъ изъ этого нѣчто такое, изъ-за чего, съ одной стороны, извлекаютъ выгоду, а съ другой—производятъ сенсацію на почвѣ политической,—графъ Бергъ спокойно сказалъ: „ну, вотъ-вотъ, вы попробуйте (онъ вообще говорилъ очень отрывисто) къ пяти лампадамъ ежедневно приставлять отъ себя двѣ, три,—будетъ тогда ихъ не пять, будетъ семь-восемь и дѣло потеряетъ тотъ смыслъ, который поляки, по указанію ксендзовъ, силятся ему давать". Полиція стала такъ дѣлать и увидѣла, что разсчетъ графа вполнѣ оправдался.

IV.

7-го сентября, того года, послѣ нѣкотораго почти мимолетнаго затишья, въ Варшавѣ въ гр. Берга, при возвращеніи его въ открытой коляскѣ съ Мокотовскаго поля, было брошено нѣсколько орсиніевскихъ бомбъ изъ верхняго этажа дома гр. Замойскаго на

соединеніи улицъ Краковскаго предмѣстья (Krakoskie pazedmiescie) съ Новымъ Свѣтомъ (Nowy Swiat). Графъ остался невредимъ; ѣхавшій съ нимъ адъютантъ поручикъ Смоленскаго уланскаго полка (впослѣдствіи лейбъ-гв. улан. Его Вел. полка) В. В. фонъ-Валь былъ сильно контуженъ въ голову; въ сопровождавшемъ графа конвоѣ одинъ казакъ былъ тяжело раненъ, а двѣ лошади убиты. Вскорѣ послѣ того появилась прекрасно исполненная, повсемѣстно продававшаяся въ фотографической копіи, картина, на которой графъ изображенъ спокойно сидящимъ въ коляскѣ и обратившимся вопрошающе къ адъютанту; адъютантъ, приложивъ руку къ козырьку, какъ бы рапортуетъ догадки или предположенія свои о происшедшемъ. Копія картины той во множествѣ экземпляровъ расходилась въ продажѣ, а въ настоящее время экземпляръ копіи трудно найти.

Случай этотъ какъ бы развязалъ графу руки и указалъ на необходимость еще болѣе усилить повсемѣстно въ краѣ чрезвычайныя мѣры строгости. Домъ гр. Замойскаго былъ конфискованъ; было ускорено движеніе дѣлъ въ военно-полевомъ аудиторіатѣ; увеличилось число высылавшихся въ Сибирь, а съ тѣмъ вмѣстѣ усилилось въ геометрической пропорціи число нападокъ на графа Берга. Поляки рвали его на части; иностранныя, особенно французскія, газеты не отставали въ этомъ отъ пановъ.

Скоро однако удалось графу умиротворить край. Послѣ усиленныхъ дружныхъ дѣйствій русскихъ отрядовъ на пути преслѣдованія повстанцевъ, мятежниковъ и бунтовщиковъ,—графъ вскорѣ получилъ возможность заняться мирнымъ устройствомъ края.

Много разсказовъ ходило въ тѣ времена о томъ, какъ онъ, будучи непобѣдимымъ дипломатомъ, ловко отвоевывалъ или вѣрнѣе отстаивалъ себѣ въ роли намѣстника совершенно самостоятельное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе, независившее отъ министерствъ и подчиненное исключительно Верховной власти. Лица, непріязненно относившіяся къ графу и лично и какъ къ представителю, если не нѣмецкой партіи, то нѣмецкаго элемента, старались видѣть въ этомъ, или заставить другихъ видѣть, желаніе его, изъ-за личныхъ выгодъ, играть въ руку полякамъ созданіемъ обособленности царства Польскаго (królestwa Polskiego). Графъ чувствовалъ и твердо зналъ, съ кѣмъ ему слѣдуетъ на верху, въ Петербургѣ считаться и черезъ кого надлежитъ, при полной своей приближенности къ государю, устраивать свои дѣла передъ Его Величествомъ по управленію краемъ. Онъ, и по своей натурѣ, и по дорого стоившему ему случаю, помнилъ, и ни при какихъ обстоятельствахъ ни на минуту не забывалъ древнюю рус-

скую поговорку: „милуетъ царь да не жалуетъ псарь“.—Недаромъ это былъ въ полномъ смыслѣ слова тонкій дипломатъ и тонкій человѣкъ.

V.

Въ то время ходило въ обществѣ по рукамъ очень много запрещенныхъ книжекъ; съ одной стороны, сказать правду, молодежь очень была падка на эту литературу, она читала ее съ упоеніемъ; то была пора наплыва герценскихъ произведеній; но въ общемъ проникали къ намъ книги неважныя—„ниже среднихъ“—и въ этомъ было спасеніе, потому что, прочтешь бывало двѣ три пустенькихъ книжки,—бросишь ихъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ полной ихъ негодности и несостоятельности.

Помнится, особенно истрепанною передавалась изъ рукъ въ руки книга подъ заглавіемъ „Видные генералы русской арміи“. Это былъ родъ сборника низкаго сорта Лейпцигскаго изданія, въ которомъ было помѣщено 10 или 15 біографій различныхъ лицъ—Адлерберга-отца, Адлерберга-сына, Муравьева, гр. Строганова, кн. Долгорукова, гр. Чернышева, гр. Клейнмихеля, кн. Барятинскаго, Хрулева, Хрущева, графа Берга и другихъ. Всѣхъ, разумѣется, честили во всю; графу Бергу особенно досталось; враги его съ особымъ удовольствіемъ подчеркивали и старались распространять все, что тамъ было на него наговорено: книжка эта представляла графа и фальшивымъ шаркуномъ, и человѣкомъ заискивавшимъ, низкопоклоннымъ, отличившимся тѣмъ, что при неудачѣ въ жизни сѣлъ безобидно подъ начальство бывшаго своего подчиненнаго и много-много другаго, по большей части голословно выставленнаго въ видѣ перечня; долго и много эта книга читалась, держали ее подолгу на рукахъ и старъ и младъ. Однако скоро репутація графа Берга, какъ начальника, какъ администратора, дѣльца и какъ человѣка, установилась; вездѣ во всѣхъ сферахъ имъ были, какъ говорится, довольны; и чѣмъ съ большей озлобленностью честили его поляки, тѣмъ болѣе цѣнился онъ въ глазахъ русскихъ.

Относительно трудовъ, которыми онъ былъ занятъ по составленію разнообразныхъ положеній гражданскаго и военнаго управленія въ краѣ,—во всѣхъ вѣдомствахъ, на всѣхъ ступеняхъ разсказывали очень много объ его удивительной энергіи, неутомимости и особой способности, быстро схватывая, ходко работать.

Всѣмъ былъ тогда извѣстенъ случай, какъ при одномъ изъ докладовъ по крайне важному и сложному, подготовлявшемуся для комиссій вопросу, докладчикъ—какой-то тайный совѣтникъ, видя, что

графъ заснулъ, преспокойно перевернулъ нѣсколько страницъ, чѣмъ думалъ пропустить для скорости добрую четверть доклада, и какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ читать.

— Нѣтъ,-нѣтъ, вдругъ перебилъ его графъ въ ту самую минуту, когда онъ, прочтя страницы двѣ, занесся въ дальнѣйшемъ чтеніи;—вотъ-вотъ, тутъ нѣтъ связи, тутъ что-то не такъ". Затѣмъ графъ, разсказалъ подробно и обстоятельно, о чемъ докладчикъ читалъ, на чемъ прервалась связь, попросилъ открыть это мѣсто; вотъ это мнѣ показалось неоконченнымъ; Вы какъ-то потеряли связь, пропустили, не замѣтили; какъ это могло случиться... бормоталъ графъ, будто самъ сконфуженный; вотъ-вотъ, теперь продолжайте.

Случилось это въ присутствіи молодого адъютанта.

Съ тѣхъ поръ, конечно, ни одинъ докладчикъ не рѣшался позволить себѣ ничего подобнаго; этого докладчика графъ Бергъ на службѣ оставилъ, но къ представленію докладовъ никогда не допускалъ; хотя онъ больше никогда ничего тайному совѣтнику на счетъ этого факта не высказывалъ, но и наградъ этотъ сановникъ до конца дней своихъ не получалъ.

Впослѣдствіи на охотѣ, которую графъ страстно любилъ, и на которой держалъ себя нѣсколько свободнѣе, многіе слышали отъ него, что онъ, слѣдуя совѣту какого-то знаменитаго Веронскаго (гор. Верона, въ Сѣверной Италіи) врача, взялъ привычку постоянно въ свободное время „когда глаза ему не нужны,—держать ихъ закрытыми"; это чрезвычайно укрѣпляетъ весь организмъ; да, да, добавлялъ графъ, укрѣпляетъ весь организмъ; именно когда глаза отдыхаютъ,— тогда весь организмъ находится въ отдыхѣ,—онъ не разсѣивается, не напрягается воспринимать впечатлѣнія, даваемыя зрѣніемъ, а потому не утомляется. Оказывается простое закрытіе глазъ сановникъ принялъ за сонъ; вотъ какъ веронская медицинская знаменитость невольно поддѣла тайнаго совѣтника, быть можетъ очень солиднаго человѣка.

VI.

Въ арміи, т. е. вообще въ войскахъ, взглядъ на графа Берга установился всецѣло въ его пользу, а затѣмъ, съ теченіемъ времени, установившееся болѣе и болѣе укрѣплялось.—Прежде всего цѣнилось то, что въ военномъ дѣлѣ, разъ высказавъ свой взглядъ и свои главнѣйшія требованія, онъ предоставлялъ полную свободу иниціативѣ высшихъ, непосредственно ему подчиненныхъ начальниковъ частей и лишь дѣлалъ указанія въ крайнихъ случаяхъ,— когда находилъ нужнымъ поправить что-либо, вовсе не отвѣчав-

шее его мнѣніямъ и его требованіямъ. Затѣмъ его рѣшительный характеръ, проявившійся такъ ясно въ дѣлѣ умиротворенія края, энергія, спокойное, ровное, какъ бы кроткое, обращеніе со всѣми, справедливое отношеніе ко всѣмъ и полнѣйшее отсутствіе даже намека на мелочность,—все это не могло не расположить къ нему подчиненныхъ и не вызвать уваженія къ нему; онъ слылъ среди военныхъ не только за умнаго, но и за мудраго человѣка; этому нисколько не мѣшало то обстоятельство, что мало кто зналъ его близко.—Надо замѣтить, что онъ, не проявляя ни въ чемъ высокомѣрія, все-таки держалъ себя далеко отъ всѣхъ, почти недоступно.

При такомъ обширномъ, разнообразномъ и разностороннемъ управленіи, несомнѣнно лучше начальнику, стоя близко къ дѣлу, держать себя далеко отъ всѣхъ,—вѣрнѣе, ибо рѣже является предлогъ къ пустымъ пересудамъ. Справедливое отношеніе графа Берга ко всѣмъ болѣе всего проявилось на первыхъ же порахъ при разнаго рода назначеніяхъ: зная его нѣмецкое происхожденіе и полагая въ немъ нѣмецкія тенденціи наиболѣе укрѣпившимися, ближайшіе помощники его, въ особенности лица тевтонскаго происхожденія, какъ будто предпочитали представлять нѣмцевъ на должности высшихъ командировъ частей. — Можетъ быть, впрочемъ, они дѣлали это и безъ всякаго умысла, но молва непремѣнно создавала имъ упрекъ, нерѣдко вполнѣ справедливый. — При такихъ представленіяхъ графъ Бергъ очень часто старался выискать какого-либо кандидата изъ русскихъ и, какъ бы демонстративно, приказывалъ представить его.—Поступалъ онъ такъ благодаря, конечно, большому уму своему: не все ли ему равно, кого назначить; но онъ зналъ, что если нѣмцевъ такъ всюду втискивать, то можно возбудить ропотъ; съ другой стороны, онъ, конечно, понималъ, что извѣстіе о сдѣланномъ имъ лично выборѣ русскаго, хорошаго строевого, вполнѣ достойнаго офицера взамѣнъ нѣмца,—распространится въ средѣ арміи и несомнѣнно удовлетворитъ массу; пять-шесть такихъ случаевъ сдѣлали то, что въ войскахъ это поставили графу въ строку, какъ заслугу; нѣмцевъ, конечно, ему тоже не приходилось всегда обходить,—они, независимо отъ этого, свое брали.

Извѣстно было, что графъ Бергъ иногда даже подтрунивалъ въ этомъ отношеніи надъ другими лицами нѣмецкаго происхожденія, а особенно надъ своимъ помощникомъ ген.-ад. бар. Корфомъ, который всегда и вездѣ выставлялъ нѣмцевъ; съ добрѣйшимъ, чуднымъ человѣкомъ этимъ онъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ и, конечно, шутилъ безобидно для него. —Такъ однажды на большой облавѣ, обратившись къ командиру 3-ей батареи гв. конной артил. полк. Магнусу

Ивановичу Бреверну [1]), къ которому онъ относился очень хорошо и который, по большей части, устраивалъ облавы для графской и для царской охоты,—сказалъ по-нѣмецки:

— Все ли у Васъ готово?

— Готово все, Ваше Сіятельство, сейчасъ донесли съ линіи.

— Да, но любезный Бревернъ (lieber Brewern), не забыли ли Вы, что сосѣдями около барона Корфа должны быть непремѣнно нѣмцы; впрочемъ, онъ самъ въ этомъ отношеніи не забудетъ себя,—добавилъ графъ улыбаясь.

VII.

Услышавъ нѣсколько разъ изъ устъ графа такія и подобныя безобидныя шутки, М. И. Бревернъ однажды при закускѣ разсказалъ ему анекдотъ, который ходилъ тогда въ войскахъ о баронѣ.

Вскорѣ послѣ окончанія повстанья, одинъ изъ командировъ задумалъ поѣхать въ отпускъ и явился къ барону съ цѣлью обратиться съ просьбой о разрѣшеніи таковаго.

Баронъ вообще въ то время старался отпусковъ не разрѣшать, находя, что, во 1-хъ, время военное еще не было вполнѣ окончено и что, во 2-хъ, послѣ походовъ и боевъ надлежало усиленно заниматься приведеніемъ своихъ несомнѣнно разстроенныхъ частей въ полный порядокъ.

Къ приходившимъ съ просьбами онъ даже относился какъ бы враждебно и очень строго имъ выговаривалъ неумѣстность возбужденія ходатайства.

Объ этомъ командирѣ докладываетъ ему вѣстовой.

— Ваше высокопревосходительство, полковникъ Ершовъ явился, представиться; баронъ молчитъ, точно не слышитъ.

— Какъ прикажете, ваше высокопревосходительство? Г. полковникъ приказалъ доложить.

— Молчитъ.

---

[1]) Впослѣдствіи командиръ гвард. конноартиллерійской бригады (1873) свиты Е. В. генералъ-маіоръ, а во время войны 187⁷/₈ г.г. начальникъ артиллеріи гвард. корпуса. За особую распорядительность въ дѣлѣ подъ Телишемъ онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-ой степени, такъ какъ укрѣпленная позиція та была взята исключительно убійственнымъ дѣйствіемъ артиллеріи (16 октября 1877 года), которою онъ начальствовалъ. Вернувшись во главѣ гвардейской артиллеріи изъ Санъ-Стефано въ Россію, генералъ Бревернъ въ серединѣ августа 1878 г. представлялъ ввѣренныя ему части государю въ Севастополѣ, а 23 августа скончался въ Одессѣ.

Вѣстовой помялся, кашлянулъ.

— Ершовъ?—спрашиваетъ наконецъ баронъ.

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство, Ершовъ, обрадовался вѣстовой.

— Ты говоришь: полковникъ?

— Точно такъ, полковникъ, ваше высокопревосходительство.

— А какой онъ полковникъ?

— Вѣстовой откашлялся.—Высокій, бравый, ваше высокопревосходительство.

— Гм.; я не о томъ спрашиваю;—хочу знать, какихъ войскъ?

— Антерлистъ, ваше высокопревосходительство.

— Пѣшій или конный?

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство.

— Что такъ точно, что такъ точно, что ты говоришь, подумать надо, я спрашиваю пѣшій или конный?

— Не могу знать, ваше высокопревосходительство.

— Ну вотъ это другое дѣло... какъ же ты не можешь знать?

— Должно, пѣшій, ваше высокопревосходительство, во дворъ пѣшо́ вошелъ.

Баронъ улыбнулся и приказалъ „просить".

Вошелъ бравый полковникъ въ полной парадной формѣ, поклонился и вытянулся.

— Здравствуйте; по какому случаю?

— Прошу разрѣшить мнѣ 28-дневный отпускъ, ваше высокопревосходительство.

Баронъ такъ и отступилъ: въ отпускъ? теперь въ отпускъ? какіе же теперь отпуски; да развѣ Вы не знаете, что отпусковъ теперь нѣтъ? не въ отпускъ теперь ѣхать, а бригаду, милостивый государь, бригаду въ порядокъ приводить (полковникъ командовалъ батареей); да-съ бригаду, г. полковникъ, я знаю, она у Васъ въ разстройствѣ, я знаю, надо заниматься, служить, а Вы по отпускамъ...

— Ваше высокопревосходительство, извините, я бригадой не командую, я батарейный командиръ...

— Все равно-съ, все равно и батарею надо въ порядкѣ держать; я знаю, я знаю; а почему Вы пришли проситься, развѣ Вы не знали, что отпуски не разрѣшаются, не знаете, что въ отпуски проситься нельзя, пока не все у васъ въ порядкѣ, почему Вы позволили себѣ придти проситься?

— У меня, ваше высокопревосходительство, насколько я понимаю, все въ порядкѣ въ батареѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, значитъ, Вы не хотите понимать, не хотите знать...

— А вотъ я еще тверже знаю, когда вижу, что мнѣ изъ имѣнія ни съ одного ара земли гроша не присылаютъ; жить тяжело, надо непремѣнно поѣхать навести порядокъ, а дѣла батарейныя я никогда не упускалъ, и они не уйдутъ,—уже началъ немного выходить изъ себя полковникъ...

— Какъ ни съ одного ара [1])? въ какой губерніи у Васъ, полковникъ Ершовъ, имѣніе, что Вы получаете доходы съ ара?

— Въ Курляндской...

— Какъ въ Курляндской, отчего въ Курляндской, какъ могла попасть фамилія Ершова въ Курляндскую губернію?

— Я не Ершовъ, ваше высокопревосходительство, я Гершàу.

— Что? что такое? вѣстовой! вѣстовой!

Вошелъ вѣстовой.

— Ты какъ мнѣ назвалъ полковника? какъ ты назвалъ, какъ ты доложилъ? говори, повтори.

— Ихнее высокоблагородіе полковникъ Ершовъ.

— Ну, ну ступай прочь, ступай.

— Ахъ что же это вышло; я Васъ взялъ за Ершова, lieber Гершàу, bitte sehr, setzen Sie sich...

Сейчасъ же отпускъ былъ разрѣшенъ, и все кончилось къ общему благополучію; даже перевравшій вѣстовой тутъ же былъ прощенъ добрымъ и снисходительнымъ барономъ.

Этотъ разсказъ представляетъ собою несомнѣнный анекдотъ; разныя мелочи о томъ свидѣтельствуютъ: не могъ баронъ Корфъ, состоявшій нѣсколько лѣтъ въ должности начальника гвардейскаго отряда въ Варшавѣ, не знать командира единственной въ округѣ гвардейской конной батареи; ужъ не говоря о томъ, что, кажется, у барона Гершàу никакого имѣнія въ Курляндіи не было. — Этотъ анекдотъ можно припомнить только, какъ ясно иллюстрирующій извѣстныя отношенія того времени,—отношенія къ нѣмцамъ.

Графъ Бергъ, при всей своей серьезности, очень по-своему смѣялся, выслушавъ этотъ разсказъ и, какъ передавали, пошутилъ впослѣдствіи съ барономъ Корфомъ на эту тему очень добродушно и остроумно.

Баронъ Александръ Петровичъ Гершàу былъ однимъ изъ достойнѣйшихъ офицеровъ; онъ командовалъ все время повстанья 3-ей батареей гвардейской конной артиллеріи и сдалъ ее въ 1864 году

---

[1]) Мѣра площади; по метрической системѣ, которая въ тѣ времена была въ ходу въ остзейскихъ провинціяхъ.

полковнику Магнусу Ивановичу Бреверну, когда самъ получилъ назначеніе на должность начальника гвардейской конной артиллеріи. Впослѣдствіи онъ, состоя въ чинѣ генералъ-маіора свиты Его Величества, командовалъ 2-ою кавалерійскою дивизіею, а затѣмъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи; въ этой должности онъ скончался въ 1904 году въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

VIII.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія на страницахъ „Руской Старины“ въ небольшомъ разсказѣ появилось чье-то воспоминаніе о томъ, какъ во времена, далеко предшествовавшія тому времени, какой-то генералъ, посѣтивъ одну изъ подвѣдомственныхъ ему частей, изумился массѣ нѣмцевъ, находившихся въ наличномъ составѣ офицеровъ той части; разсказъ передавалъ, что, пріѣхавъ производить инспекторскій смотръ, генералъ спросилъ фамиліи двухъ-трехъ офицеровъ; оказалось, что то были Петерсъ, Цитерсъ и Гротенфельдъ (разсказъ передается по памяти приблизительно), тогда онъ началъ знакомиться съ офицерами по порядку. „А какъ зовутъ Васъ? (спросилъ будто бы генералъ, вѣроятно самъ не особенно претендовавшій ни на русское происхожденіе, ни на основательное знаніе русскаго языка): на вопросъ какъ зовутъ Васъ?—послѣдовалъ отвѣтъ Адеркасъ. — А его? Иргендво. — Ну, а онъ? Михельсонъ. — А вотъ тотъ? Альдершотъ.—А вотъ тамъ? Фелькерзамъ. — А вотъ ихъ-съ? Дитерихсъ.

Въ изумленіи генералъ воскликнулъ: „Um Gottes will“, а на это будто бы слѣдующій офицеръ назвалъ себя: Гуттеншпиль. Ахъ, Gott, nun wer noch?—Кнохъ и т. д. безъ конца.

Этотъ разсказъ будто бы тогда же на охотѣ или на обѣдѣ въ охотничьемъ клубѣ, который графъ очень любилъ посѣщать, былъ ему приподнесенъ съ варіантомъ, быть можетъ, еще болѣе пространнымъ, чѣмъ тотъ, который допущенъ здѣсь.—А затѣмъ, въ связи съ этимъ, кто-то, кстати, или не кстати, разсказалъ о ходившей среди офицеровъ чьей-то остротѣ, касавшейся тогдашняго состава офицеровъ уланскаго Его Величества полка, имѣвшаго стоянку въ Варшавѣ вь Лазенкахъ.—Какой-то острякъ увѣрялъ, будто бы всѣ офицеры въ уланскомъ полку нѣмцы за исключеніемъ двухъ— Штутцера и Дерфельдена; тотъ же острякъ передавалъ однажды, что онъ на концертѣ знаменитаго Бильзе или Штрауса въ „швейцарской долинѣ“ очень весело провелъ время съ „монтаньярами“;

съ какими монтаньярами? что за монтаньяры? Оказывается, что онъ сидѣлъ на концертѣ, а потомъ ужиналъ въ компаніи съ офицерами уланскаго полка: Оффенбергомъ, Сюнербергомъ, Будбергомъ, Бергомъ и т. д. (бергъ—гора—montagne).

На все это графъ смѣялся, а разсказъ о личномъ составѣ офицеровъ уланскаго полка, однажды смѣясь передалъ въ дружелюбно-шуточномъ тонѣ командиру полка князю Шаховскому.

Князь Иванъ Ѳедоровичъ Шаховской—участникъ крымской кампаніи; онъ былъ въ ней тяжело раненъ въ глазъ при отраженіи ночной вылазки сильнаго турецкаго отряда изъ Силистріи. Служилъ онъ л.-гв. въ гусарскомъ Его Величества полку; въ чинѣ генералъ-маіора свиты Его Величества, командовалъ уланскимъ Его Величества полкомъ. Въ 1875 году онъ, въ бытность командующимъ войсками варшавскаго военнаго округа генералъ-адъютанта П. Е. Коцебу, былъ назначенъ начальникомъ штаба округа. Затѣмъ командовалъ съ 1881 года 1-ою гвардейской кавалерійской дивизіей, съ 1888-го одиннадцатымъ армейскимъ корпусомъ; состоя въ должности корпуснаго командира, въ 1897 году скончался въ Кіевѣ въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи и въ званіи генералъ-адъютанта; похороненъ на Аскольдовой могилѣ.

IX.

Кстати, никто никогда не видѣлъ графа Берга смѣявшимся тѣмъ смѣхомъ, какимъ смѣются вообще люди; когда онъ находилъ что-либо смѣшнымъ, у него только слегка появлялось смарщиваніе лица у глазъ, губы очень мало раздвигались, а глаза немного прояснялись—и только. Тогда шутили, что зубовъ графа Берга никто никогда не видѣлъ. Точно также графъ Бергъ ни при какихъ обстоятельствахъ не выражалъ своего гнѣва: разсердившимся, вышедшимъ изъ себя или тѣмъ болѣе раскричавшимся его никто не видѣлъ и не слышалъ.

Разсказываютъ, что по этому поводу графъ Бергъ не разъ говаривалъ: вотъ-вотъ зачѣмъ я буду сердиться вообще, въ особенности же какъ можно сердиться на подчиненнаго,—это даже не пристойно; довольно того, что я сознаю возможность разразиться противъ него силой власти; это сознаніе должно удерживать меня отъ проявленія гнѣва; а подчиненный знаетъ и чувствуетъ, что я безъ этого силенъ; злоба, гнѣвъ всегда безсильны.

Оставшіеся портреты графа Берга всѣ очень на него и похожи, представляютъ его какъ живого; затѣмъ онъ былъ ростомъ выше средняго, въ плечахъ плотный, но вообще худой; носилъ усы, ко-

торые, какъ и волосы на головѣ, остались до 84 лѣтъ совершенно черными, несомнѣнно при помощи парикмахера и при услугахъ химіи; къ тому же на головѣ онъ носилъ парикъ; бакенбарды и бороду онъ брилъ; усиленно во всѣхъ кругахъ разсказывали, будто бы онъ носилъ на шеѣ какую-то машинку, которая подтягивала все лицо такъ, что морщины на немъ совершенно сглаживались; правда ли это или нѣтъ, но дѣйствительно лицо его въ этомъ отношеніи было удивительно моложаво.—Этой машинки никто не отвергалъ и ей приписывали ту неподвижность, которою лицо графа отличалось; при усмѣшкѣ, видимо, машинка очень мало отпускала кожу и дозволяла ей немного сморщиться. Глядя на его лицо, всегда можно было припомнить Мефистофеля.—Это было крайне типичное лицо, носъ орлиный, а глаза, при всей своей старческой вялости, бросали взглядъ пронизывавшій.

Поляки рѣшительно трепетали передъ графомъ, въ особенности передъ его спокойной, тихой, невозмутимой рѣшительностью.—Они трепетали, несмотря на то, что въ личномъ обращеніи съ ними онъ былъ мягокъ и суровымъ никогда себя не выказывалъ.

Графъ представлялъ собою человѣка очень серьезнаго, сдержаннаго, остроумнаго; въ его бесѣдѣ всегда проявлялось много юмора, что̀, при крайне серьезномъ выраженіи лица, производило неотразимое впечатлѣніе; это былъ человѣкъ непреклонной воли, желѣзнаго характера; со стороны онъ всегда казался добрымъ, кроткимъ.

X.

Въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ дѣла̀ управленія краемъ и командованія арміей шли у графа настолько блестяще во всѣхъ отношеніяхъ, что при памятномъ Россіи бракосочетаніи Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича съ принцессой Датской Дагмарой—(нынѣ Императрица Марія Θеодоровна) 22 октября 1866 года, Государь Императоръ, желая наградить графа отличіемъ выходящимъ изъ ряду, пожаловалъ ему фельдмаршальскій жезлъ.

Армія находила, что новый фельдмаршалъ, графъ Бергъ съ достоинстомъ будетъ держать этотъ жезлъ въ своихъ твердыхъ рукахъ. Много носилось слуховъ о томъ,—какая масса высокопоставленныхъ особъ въ Петербургѣ озлилась, узнавъ объ этомъ завидномъ повышеніи. Но во всѣхъ слояхъ русскаго общества въ Царствѣ Польскомъ награжденіе это признавалось вполнѣ заслуженнымъ.

Новый 1867 годъ принесъ массу важныхъ преобразованій въ управленіи Царствомъ Польскимъ; не приходится въ этомъ крат-

комъ очеркѣ представлять картину всѣхъ тогдашнихъ реформъ въ краѣ. Упоминается объ этомъ лишь къ тому, чтобы указать, какъ вѣренъ оставался себѣ графъ, задавшись разъ задачей вообще не распускаться въ стремленіяхъ заполнять вновь открывавшіяся должности нѣмцами; между прочимъ отъ него, какъ начальника края, много зависѣло назначеніе личнаго состава, и всѣ видѣли, что край въ то время наводнился новыми людьми—чисто русскими.

Царство Польское съ 1-го января 1867 года было раздѣлено на 10 губерній, вмѣсто пяти (къ губерніямъ Варшавской, Люблинской, Плоцкой, Радомской и Августовской,—прибавлены были Сѣдлецкая, Петроковская, Калишская, Келецкая и Ломжинская); всѣ новые губернаторы выбраны были лично графомъ изъ русскихъ; то были: *сѣдлецкій* Степанъ Степановичъ Громека (дѣйствительный статскій совѣтникъ, бывшій жандармскій полковникъ и литераторъ—умеръ въ концѣ семидесятыхъ годовъ); *петроковскій* гвардейской пѣшей артиллеріи полковникъ Иванъ Семеновичъ Кахановъ (бывшій командиръ 3-ей гв. гренад. артилл. бригады, впослѣдствіи виленскій, ковенскій, гродненскій генералъ-губернаторъ, нынѣ членъ государств. совѣта, проживаетъ въ Бордигерѣ); *келецкій* генер. штаба поковникъ Д. Г. Анучинъ (впослѣдствіи радомскій губернаторъ, затѣмъ генералъ-губернаторъ восточной Сибири, наконецъ, сенаторъ, чл. госуд. совѣта, умеръ въ 1893 г.); *ломжинскій* ген. штаба полковникъ князь Щербатовъ (впослѣдствіи начальникъ кавказской кавалерійской дивизіи, принимавшей дѣятельное участіе въ наиболѣе важныхъ операціяхъ кампаніи 1877—78 гг., между прочимъ во взятіи крѣп. Карса подъ начальствомъ генер.-адъют. М. Т. Лорисъ-Меликова) и *калишскій* инженерныхъ войскъ полковникъ Конст. Дм. Хлѣбниковъ (нынѣ инженеръ-генералъ, членъ военнаго совѣта, проживаетъ въ Царскомъ Селѣ).

Этотъ фактъ былъ тогда очень и очень отмѣченъ всѣми. Личные адъютанты у него были, кажется, наполовину нѣмцы и русскіе. Словомъ, графъ Бергъ прослылъ за человѣка справедливаго; стремленіе его не забывать русскихъ людей при назначеніяхъ и отнюдь не давать нѣмцамъ предпочтенія было ему въ то время очень подчеркнуто.

Съ тѣмъ вмѣстѣ видно было, что онъ и въ отношеніи православной церкви держалъ себя корректно до безукоризненности. Тогдашній архіепископъ варшавскій и холмскій Леонидъ, не разъ говаривалъ, что онъ мало видѣлъ государственныхъ людей, кои въ такой сильной мѣрѣ блюли бы интересы православной церкви, какъ фельдмаршалъ графъ Бергъ; въ дѣлахъ православной церкви, при высказы-

ваніяхъ о нихъ, онъ казался гораздо болѣе православнымъ, чѣмъ очень многіе православные изъ сильныхъ міра сего.

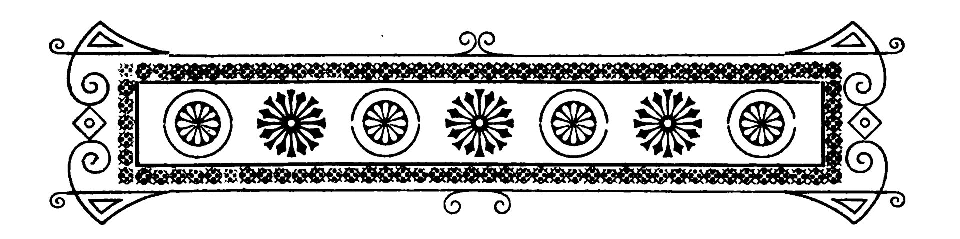
Вѣроятно, еще въ низшихъ чинахъ онъ много насмотрѣлся на то, насколько неестественнымъ представлялось пристрастное, а главное въ ущербъ русскимъ, возвышеніе нѣмцевъ; онъ этого возвышенія не одобрялъ; нападки на это со стороны русскихъ тогда же вѣроятно признавалъ справедливыми и понялъ, что, устраняя пристрастное въ пользу нѣмцевъ отношеніе, онъ могъ сослужить большую службу русскимъ, а можетъ быть еще бо̀льшую себѣ, т. е. своей репутаціи.

Для всѣхъ было ясно, что насколько графъ Бергъ, когда вывозилъ русскихъ предпочтительно передъ нѣмцами, дѣлалъ это не сердцемъ, а умомъ, настолько же, безъ сомнѣнія, въ дѣлѣ обереганія и охраненія интересовъ церкви православной, имъ не руководила вѣра, или религіозность,—вліялъ въ этомъ тотъ же его свѣтлый, здравый умъ.

Е. Андреевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Писалъ ли Гоголь Пушкину о „Ревизорѣ"?

„Ревизоръ" сыгранъ,—и на душѣ у меня такъ смутно..." Этими словами начинается гоголевскій „Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора" къ одному литератору" [1]). Строки эти, по словамъ самого Гоголя [2]), были предназначены для Пушкина, который на первомъ представленіи „Ревизора" быть не могъ, такъ какъ находился тогда (19 апрѣля 1836 г.) въ своей псковской деревнѣ, и просилъ Гоголя сообщить, какъ прошло первое представленіе его комедіи [3]). Этотъ „Отрывокъ"—письмо къ Пушкину—датированъ 25 мая 1836 г. Н. С. Тихонравовъ [4]) призналъ дату „произвольной" и не захотѣлъ вѣрить словамъ Гоголя о его письмѣ къ Пушкину, исходя изъ слѣдующихъ соображеній.

Судя по содержанію „Отрывка изъ письма", окончательная обработка его относится къ „январю и февралю 1841 года". Изъ словъ Гоголя, въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, 5 марта 1841 г.: „письмо осталось у меня неотправленнымъ, потому что онъ [5]) скоро пріѣхалъ самъ", Тихонравовъ не рѣшился вывести заключеніе, что Гоголь потому не отправилъ Пушкину письма, что передалъ ему на словахъ содержаніе написаннаго,—не рѣшился на томъ основаніи, что въ занимающемъ насъ письмѣ Гоголь, собиравшійся тогда въ заграничную поѣздку, пишетъ Пушкину: „я не

---

[1]) „Сочиненія Н. В. Гоголя", изд. X, подъ редакціей Н. Тихонравова, т. II, М. 1890 г., стр. 285 —290.

[2]) Цитиров. соч., стр. 672.

[3]) В. И. Шенрокъ, „Матеріалы для біографіи Гоголя", т. III, М. 1895 г., стр. 24, 37.

[4]) Сочин. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 640, 674—676, 680—681.

[5]) Пушкинъ.

поѣду не простившись съ вами“, а черезъ три недѣли, 16 іюня, пишетъ В. А. Жуковскому уже изъ-за границы: „съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься“. Рѣшительное же доказательство, что „Отрывокъ“ не извлеченъ изъ письма къ Пушкину и написанъ послѣ смерти поэта, Тихонравовъ видѣлъ въ черновыхъ набросвахъ Гоголя, относящихся къ этому письму, тогда какъ самъ же усмотрѣлъ въ первомъ, четвертомъ и пятомъ набросвахъ „Отрывка“ содержаніе и выраженія, напоминающія письма Гоголя къ М. С. Щепкину *29 апрѣля* и *10 мая 1836 г.*

Доводы Тихонравова не выдерживаютъ критики. Если „Отрывокъ изъ письма“, по совершенно вѣрному опредѣленію Тихонравова, *окончательно обработанъ* въ 1841 г., то изъ этого еще не слѣдуетъ, что самое письмо не было *написано въ 1836 г.* Слова Гоголя: „съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься“ не доказываютъ, что они не видѣлись, и, можетъ быть, даже не одинъ разъ, по пріѣздѣ Пушкина, 23 мая, въ Петербургъ [1]); они могли видѣться, Гоголь могъ на словахъ передать ему свои мысли о „Ревизорѣ“, а затѣмъ уѣхать *не простившись* съ нимъ (Гоголь уѣхалъ за границу [2]) 6 іюня 1836 г.). Что это именно такъ и было, слѣдуетъ изъ словъ Гоголя: „письмо осталось у меня неотправленнымъ, потому что онъ скоро пріѣхалъ самъ“; не поговори они о „Ревизорѣ“ въ Петербургѣ, Гоголь отправилъ бы Пушкину свое письмо позднѣе. Что касается до черновыхъ набросковъ, то и они не доказываютъ, что письма Гоголя къ Пушкину отъ 25 мая 1836 г. вовсе не существовало, такъ какъ въ этихъ наброскахъ, какъ сказано выше, самъ же Тихонравовъ нашелъ слѣды писемъ Гоголя къ Щепкину *1836 г.*, и, значитъ, въ основу „Отрывка“ могло быть положено написанное тогда же письмо къ Пушкину. Такимъ образомъ, показаніе Гоголя, въ цитированномъ выше письмѣ къ С. Т. Аксакову, что онъ писалъ о „Ревизорѣ“ именно Пушкину, и поставленная подъ „Отрывкомъ“ дата: 25 мая 1836 г. нисколько не поколеблены академикомъ Тихонравовымъ, и г. Шенрокъ [3]) также напрасно находитъ, что Гоголь не видѣлся съ Пушкинымъ между представленіемъ „Ревизора“ и своимъ отъѣздомъ за границу и „не могъ бесѣдой съ нимъ облегчить свое тяжелое положеніе“ [4]).

Несомнѣнно, Гоголь писалъ Пушкину, и письмо это относится

---

[1]) Сочиненія Пушкина, изд. литер. фонда, т. VII, стр. 405.

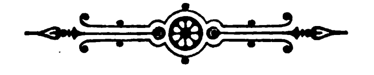
[2]) В. И. Шенрокъ, цитир. соч., т. III, стр. 112; А. И. Кирпичниковъ, „Опытъ хронологической канвы къ біографіи Гоголя“, М., 1902 г., стр. XXVIII.

[3]) Въ изданныхъ г. Шенрокомъ „Письмахъ Гоголя“ нѣтъ даже упоминанія о занимающемъ насъ письмѣ.

[4]) В. И. Шенрокъ, „Матер. для, біогр. Гоголя‘, т. III, стр. 57.

дѣйствительно къ указанному имъ времени. Дошло же оно до насъ, конечно, не въ первоначальномъ видѣ, а передѣланное и обращенное авторомъ въ статью о его безсмертной комедіи. А. И. Кирпичниковъ, справедливо находя, что „отдѣльныя мысли, вошедшія въ этотъ „Отрывокъ", могли быть набросаны Гоголемъ весною 1836 г. для сообщенія Пушкину", и что впослѣдствіи „Отрывокъ" былъ обработанъ [1]), тѣмъ не менѣе говоритъ: „Тихонравовъ доказалъ (sic!), что это письмо датировано 25 мая 1836 г. совершенно произвольно" [2]), и такимъ образомъ раздѣляетъ ошибку двухъ другихъ изслѣдователей. Передѣлка письма была, повидимому, незначительна, и главная, основная его часть была сохранена: — „изъ этого письма"—писалъ Гоголь Аксакову—„я выключилъ то, что собственно могло быть интересно для меня и для него". Гоголь былъ „выдумщикъ", какъ назвалъ его С. Т. Аксаковъ, но не все же походя выдумывалъ безъ всякой надобности, и въ данномъ случаѣ нѣтъ причины не вѣрить Гоголю, и его простому, ясному показанію, касающемуся его отношеній къ человѣку, котораго онъ такъ горячо любилъ, гибель котораго такъ горько оплакивалъ, о которомъ вспоминалъ всю жизнь съ благодарностью и любовью, предпочесть ничѣмъ не вызываемую и ничѣмъ не оправдываемую, произвольную и ненужную гипотезу біографовъ, ведущую только къ затемненію истины.

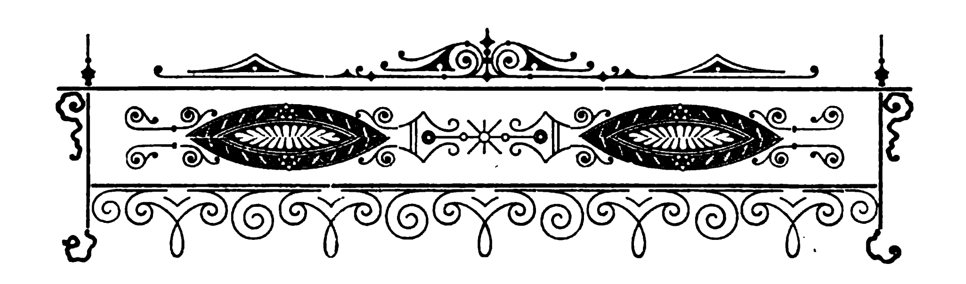
Н. Лернеръ.

---

[1]) „Полное собраніе сочиненій Гоголя", изд. И. Д. Сытина, въ трехъ томахъ, т. II, стр. 188.

[2]) Тамъ же, стр. 608, прим. 3.

Воспоминанія Н. Леваковскаго [1]).

Пришелъ августъ мѣсяцъ. Однажды утромъ, совершенно неожиданно, отецъ велѣлъ надѣть мнѣ новую курточку, заявилъ, что онъ ведетъ меня въ гимназію. Будь, что будетъ! подумалъ я, немедленно исполнивъ приказаніе, и мы отправились.

Домъ нашъ былъ на Петербургской сторонѣ, а потому употребивши цѣлый часъ на ходьбу, мы достигли, наконецъ, Ларинской гимназіи. Не имѣя понятія о томъ, что мнѣ предстоитъ вступительный экзаменъ, я смѣло вошелъ, слѣдуя за отцомъ, въ большой залъ, гдѣ увидѣлъ множество подобныхъ себѣ мальчиковъ, изъ которыхъ одни сидѣли, другіе писали что-то на доскѣ, третьи—отвѣчали, стоя предъ спрашивавшими ихъ учителями. Я разсудилъ, что мнѣ лучше всего присоединиться къ сидящимъ, что я тотъ-часъ и сдѣлалъ, какъ только отецъ отошелъ отъ меня, чтобы подать прошеніе директору, бывшему тутъ же въ залѣ.

Принявши бумагу, директоръ что-то сказалъ отцу; тотъ, поклонившись ему, подошелъ ко мнѣ и лаконически сказалъ: „пойдемъ!“ Я послѣдовалъ за нимъ и, шедши по дорогѣ, думалъ: ну, невеликій же трудъ быть въ гимназіи! Но когда мы пришли домой и на вопросъ матери: „приняли ли меня въ гимназію“, отецъ отвѣчалъ, что завтра приказано придти на экзаменъ, я сообразилъ, что одного сидѣнья на гимназической скамьѣ еще не достаточно, и что еще будетъ какой-то экзаменъ. Что будутъ у меня спрашивать, я рѣшительно не имѣлъ понятія! На слѣдующее утро послѣдовало то же распоряженіе отца „надѣть курточку“. Когда я облекся въ этотъ костюмъ, отецъ объявилъ, что я сегодня, какъ уже знающій, куда

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1907 г.

идти, могу отправиться одинъ. Сказано—сдѣлано! Я явился въ гимназію, сѣлъ, по-вчерашнему, на скамью; гляжу: продолжается та же немудреная, какъ мнѣ казалось, процедура, съ которой я познакомился вчера. Но тутъ я замѣтилъ, что въ залѣ, кромѣ мальчиковъ и учителей, много дамъ и мужчинъ, заинтересованныхъ, какъ мнѣ показалось, происходящей немудреной процедурой. Одни изъ нихъ подходили къ мальчикамъ, пишущимъ на доскѣ, другіе внимательно вслушивались, что говорилъ какой-нибудь мальчикъ, стоящій предъ учителемъ, третьи, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, цѣловали мальчика, тетрадку котораго только-что просматривалъ учитель. Я рѣшительно увлекся всѣмъ происходившимъ вокругъ меня. Вдругъ, къ тому столу, за которымъ я сидѣлъ вмѣстѣ съ другими мальчиками, также, повидимому, чего-то ожидавшими, подходитъ одинъ изъ учителей съ книжкой въ рукахъ, даетъ каждому изъ сидящихъ по листу бумаги и велитъ, чтобы мы писали то, что онъ будетъ диктовать; взялъ и я перо въ руки; но, къ удивленію моему, услышалъ, что учитель произноситъ какія-то непонятныя для меня слова. Я попробовалъ было записать нѣкоторыя изъ нихъ по-русски, вышло что-то ужасное! Какъ я ни старался, не могъ уловить ни одного понятнаго для меня слова.

Продиктовавши, такимъ образомъ, нѣсколько словъ, учитель велѣлъ намъ подписать свои фамиліи. Я написалъ свою на чистой четвертушкѣ и когда учитель, взявши тетрадки, удалился, я спросилъ у сидѣвшаго рядомъ со мной: что такое говорилъ учитель?

— Да развѣ ты не знаешь, отвѣчалъ тотъ, это была французская диктовка!

Покончивши, такимъ образомъ, совершенно безсознательно, съ французскимъ экзаменомъ, я спокойно продолжалъ свои наблюденія надъ тѣмъ, что происходитъ кругомъ меня; какъ, вдругъ, слышу, называютъ по фамиліи; я откликнулся; меня вызвали на середину комнаты къ группѣ, гдѣ стояли учителя. Одинъ изъ нихъ подалъ мнѣ раскрытую книгу и предложилъ что-то прочесть; я исполнилъ и притомъ удовлетворительно, такъ какъ я читалъ вообще хорошо. Тотъ же учитель предложилъ мнѣ далѣе написать какую-то фразу на доскѣ мѣломъ; я исполнилъ и это, но вѣроятно менѣе удовлетворительно, судя по выраженію лица экзаментора и потому, что, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ написаннаго онъ перемѣнилъ *ѣ* на *е* и наоборотъ. Въ концѣ концовъ, сказавши „довольно", онъ отошелъ въ сторону и предложилъ ту же книгу другому мальчику. Меня же подозвалъ къ себѣ сидѣвшій тутъ же священникъ и предложилъ какой-то вопросъ изъ „Священной Исторіи".

Такъ какъ это былъ единственный предметъ, съ которымъ я

познакомился во время пребыванія въ училищѣ и при томъ познакомился не по книжкѣ, а по разсказамъ, то и отвѣтилъ на вопросъ толково, сознательно. Священнику понравился мой отвѣтъ. Онъ спросилъ, въ заключеніе: „не братъ ли я тому Л, что у насъ въ гимназіи?“ Я отвѣтилъ утвердительно. Священникъ разсыпался въ комплиментахъ брату и, выразивъ надежду, что и я, вѣроятно, буду „такимъ же умницей“, благословилъ меня и отпустилъ.

Послѣ этого, меня подозвалъ къ себѣ какой-то молодой учитель и предложилъ мнѣ вопросъ.

— Что Вы знаете изъ ариѳметики?

Я отвѣтилъ, что четыре правила. И дѣйствительно. Я зналъ механическую процедуру четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій, но продѣлывалъ ихъ чисто машинально.

— Скажите, что сдѣлается съ частнымъ, если дѣлимое увеличится?

Подобнаго вопроса я никогда не слыхалъ, и онъ меня на первый разъ озадачилъ.

Подумавши немного, я отвѣчалъ:

— Мнѣ кажется, увеличится.

— А если дѣлитель увеличится, что сдѣлается съ частнымъ?— продолжалъ неугомонный учитель.

Сообразивши, я отвѣтилъ:

— Я думаю, что уменьшится.

— Почему Вы говорите не прямо, а прибавляете: „я думаю“, „мнѣ кажется“?

— Да потому, что я этого не знаю, а мнѣ кажется, что такъ должно быть. Учитель рѣшительно заинтересовался.

Заставилъ меня отвѣтить на всѣ вопросы касательно увеличенія и уменьшенія дѣлимаго и дѣлителя и въ концѣ экзамена сказалъ:— Хорошо!

Видя, что болѣе, повидимому, никто не желаетъ предлагать мнѣ никакихъ вопросовъ, я постоялъ еще нѣсколько времени возлѣ экзаменаторовъ и рѣшился опять сѣсть на прежнюю скамью. Долго я сидѣлъ, такимъ образомъ, безъ всякаго дѣла, мальчики и пришедшіе съ ними постепенно уходили; я все сидѣлъ. Наконецъ, слышу, опять меня вызываютъ по фамиліи и на этотъ разъ директоръ. Я подошелъ.

— Г.г. учителя говорятъ, такъ началъ онъ свою рѣчь ко мнѣ, что ты очень плохо подготовленъ, но что ты умѣешь думать, соображать! Если ты будешь прилеженъ, ты догонишь другихъ и будешь хорошимъ ученикомъ. Я знаю твоего брата; онъ отлично учится; попроси его, чтобы онъ помогалъ тебѣ работать; привыкнешь къ дѣлу и оно пойдетъ легко! Обѣщаешь стараться?

— Обѣщаю, отвѣчалъ я съ полной увѣренностью, что исполню обѣщанное.

— Теперь иди домой, скажи, чтобы тебѣ сдѣлали форменное платье и чрезъ недѣлю приходи въ гимназію.

Услышавши это, я не чувствовалъ, какъ говорится, подъ собой ногъ; я чуть не бросился бѣгомъ изъ зала; я не шелъ, а летѣлъ по улицамъ и, явившись домой, объявилъ, что директоръ велѣлъ сшить форменный сюртукъ. Распоряженіе это мнѣ дѣйствительно чрезвычайно нравилось! Да и не удивительно: послѣ курточки надѣть сюртукъ съ блестящими пуговицами и ярко-краснымъ воротникомъ; фуражку съ такимъ же околышемъ! Да это просто прелесть!

Отецъ и мать равнодушно приняли сообщенное мною извѣстіе и далѣе не разспрашивали, братъ же поинтересовался узнать и объ экзаменѣ. Я разсказалъ ему все, какъ было. Когда я сообщилъ ему о вопросахъ, предложенныхъ изъ ариѳметики, то онъ не утерпѣлъ и сказалъ:

— Ну, воображаю, что ты отвѣтилъ!

Я повторилъ, слово въ слово, мои отвѣты, и братъ одобрилъ ихъ.

На другой же день былъ призванъ нашъ портной Григорій, перешивавшій сюртуки отца намъ на курточки, и ему было заказано форменное платье для меня изъ *новаго* сукна. (Первый разъ въ жизни!). Сюртукъ скоро былъ сшитъ, я надѣлъ его и не чувствовалъ подъ собою ногъ отъ радости. Я посмотрѣлъ въ зеркало и самъ себѣ понравился. Меня смущали только два вихра, торчавшіе у меня по сторонамъ и образовавшіе какъ бы двѣ беседки. Сколько я ни пробовалъ ихъ приглаживать, все напрасно; самый толстый слой помады не въ состояніи былъ заставить ихъ лечь. Я былъ въ отчаяніи; но, спасибо, вывела меня изъ этого затрудненія старуха-няня, жившая у насъ въ роли кухарки, посовѣтовавши разжевать кусочекъ сахара и примазать этимъ вихры.

Я исполнилъ этотъ совѣтъ, и непокорныя бесѣдки прилегли.

Такимъ образомъ, я поступилъ въ Ларинскую гимназію, вышелъ, какъ говорится, на дорогу, вышелъ—единственно, благодаря счастливому случаю, да теплому участію къ дѣлу директора гимназіи, незабвеннаго для меня д-ра Фишера! Отнесись онъ къ дѣлу моего принятія по формѣ, по-чиновничьи, по пунктамъ инструкціи, я не былъ бы принятъ въ гимназію и продолжалъ бы заниматься придумываніемъ средствъ для того, чтобы поймать, наконецъ, ворону, и врядъ ли когда-нибудь была бы предпринята вторичная попытка отдачи меня въ учебное заведеніе. Для этого не было, во-1-хъ, средствъ для приготовленія, а во-2-хъ, отецъ только и думалъ о

томъ, какъ дѣти бы поскорѣе выучились покрасивѣе писать, чтобы могли, такимъ образомъ, поступить на службу и заработывать хотя нѣчто.

Вотъ почему я всегда вспоминаю съ чувствомъ живѣйшей, глубочайшей благодарности человѣка—директора, принявшаго во мнѣ, предоставленномъ всѣмъ случайностямъ, теплое участіе и давшаго, такимъ образомъ, возможность и мнѣ принять человѣческій образъ! Миръ праху твоему честный, истинный (а не формальный) педагогъ, тебѣ я обязанъ тѣмъ, что я есть!

Въ назначенное время я явился въ гимназію и началъ аккуратно посѣщать классы. Благодаря толковому, умѣлому веденію дѣла преподавателями, ученіе пошло легко и успѣшно; я самъ не узнавалъ себя и скоро сталъ считаться въ числѣ хорошихъ учениковъ въ классѣ. Одно меня крайне затрудняло: это окончательное незнакомство съ французскимъ языкомъ, въ то время, когда товарищи мои поступили уже съ нѣкоторымъ запасомъ знанія этого языка.

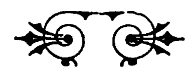
Я лѣзъ, какъ говорится изъ кожи, но все не могъ сравняться съ товарищами.

Кромѣ вполнѣ новаго для меня веденія дѣла обученія наставниками (сравнительно съ тѣмъ, какое я видѣлъ въ училищѣ) на меня производило въ высшей степени пріятное впечатлѣніе гуманное обращеніе учителей съ учениками; не только не было сѣченій, отъ которыхъ я убѣжалъ изъ училища, но за все время пребыванія моего въ гимназіи я не слышалъ, чтобы кто-нибудь изъ учителей сказалъ грубое слово тому или другому мальчику, а дѣло шло лучше, нежели при ежедневныхъ наказаніяхъ за существующія и несуществующія провинности.

Къ несчастью, въ началѣ зимы, я долженъ былъ оставить Ларинскую гимназію, такъ какъ отецъ получилъ мѣсто въ Харьковѣ, куда и переселился со всей семьей. По пріѣздѣ, я былъ отданъ въ 1-й классъ 1-й Харьковской гимназіи.

Н. Леваковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опечатка. На 420-й страницѣ августовской книги (т. CXXXI) напечатана фамилія Ламке. Слѣдуетъ читать: Лемке. Это былъ офицеръ 2-го кадетскаго корпуса, потомъ баталіонный командиръ тамъ. Его внукъ—извѣстный литераторъ М. К. Лемке.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Открыта подписка на 1908 г. (изд. XXIII г.)

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Издается съ 1885 г. — Одобренъ всѣми вѣдомствами.

„Р. ПАЛОМНИКЪ“—*единственный* въ Россіи журналъ для правосл. русск семьи, который при самой широкой и разнообразной программѣ, обнимающей всѣ отдѣлы рел.-нравств. чтенія—даетъ въ приложеніяхъ *капитальнѣйшія сочиненія.*

„Р. ПАЛОМНИКЪ“—*единственный* въ Россіи духовный журналъ, который иллюстрируетъ свои статьи снимками съ *картинъ извѣстныхъ художниковъ* на мотивы библейск., церковн., историч. и современно-бытовые, а также *фотографическ. снимками* видовъ, событій и лицъ, о которыхъ сообщается въ журналѣ.

„Р. ПАЛОМНИКЪ“—*единственный* въ Россіи духовн. журналъ, который не ограничивается статьями богословскими, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ *увлекательные иллюстрированные очерки и разсказы* изъ общецерковн. и русской исторіи и изъ современ. жизни, чтобы не только удовлетворять интересамъ тѣхъ, кто ищетъ чтенія строго-церковнаго, но и быть *другомъ* правосл. русск. *семьи и школы* въ часы досуга.

„Русскій Паломникъ“ въ 1908 г. дастъ подписчикамъ:

52 №№ литературно-художественнаго и роскошно иллюстрированнаго журнала, до 2.000 столбц. текста и до 300 иллюстрацій.

12 КНИГЪ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ **ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ**

большого формата до 2.000 страницъ. подъ редакц. и при ближайш. участіи *Е. Поселянина.*

Литературно-художественныя повѣствованія на всѣ 12 мѣсяцевъ года по **„Четьимъ-Минеямъ“** Святителя Димитрія Ростовскаго и по новѣйшимъ трудамъ въ области исторіи и житійной литературы.

Полное изданіе въ теченіе одного 1908 года

Нисколько не уступая по полнотѣ другимъ полнымъ собраніямъ „ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ“. стоящимъ въ розничной продажѣ отъ 12 до 15 р. и дороже (какъ еще не законченное изданіе Моск. Синод. Типографіи),—постоящее изданіе, какъ приложеніе безъ дополнительной платы, является первымъ и единственнымъ общедоступнымъ для всякаго читателя.

6 КНИГЪ до 1.000 страницъ больш формата 2-я полов. издан. **ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.**

Лица, не состоявшія подписчиками въ 1907 году и желающія получить первыя 8 книгъ полнаго собранія Твореній Св. Тихона, прилагаютъ при подпискѣ 1 руб., съ перес. 1 руб. 45 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на журналъ безъ доставки въ Спб. **пять** руб., съ дост. и перес. по всей Россіи **шесть** руб.,

Допускается разсрочка: При подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. къ 1 іюля остальн.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. д.

прямые, общіе, равные и тайные выборы, только для русской части Галиціи, подъ давленіемъ „кола" польскихъ депутатовъ, сдѣлано исключеніе,—установлены пропорціональные выборы, дающіе полякамъ вдвое больше избирательныхъ шансовъ, чѣмъ русскимъ. Исторія этой борьбы разсказана авторомъ обстоятельно и объективно. Разрѣшеніе галицкаго вопроса мы видимъ въ разрѣшеніи общеславянскаго вопроса, когда „славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ", но для этого нужно, чтобы „русское море" прежде перестало быть „негостепріимнымъ понтомъ" для всѣхъ живущихъ по обѣ стороны рубежа. *В. П.*

Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи, 1814—1869 гг. Составилъ Алексѣй Родосскій. Спб. 1907.

Книга г. Родосскаго—почтенная и серьезная историческая и библіографическая работа, внушительная по массѣ использованнаго разбросаннаго матеріала и по своему объему (до 40 печатныхъ листовъ). Она не останется незамѣченною въ нашей литературѣ и весьма пригодится для исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія. Петербургская духовная академія, выпустившая немало крупныхъ дѣятелей, вскорѣ будетъ праздновать свое столѣтіе, и къ юбилею своей almae matris авторъ приготовилъ свой трудъ. „Въ виду трудности дѣла"—говоритъ онъ—„мы въ немъ ограничились лишь шестьюдесятью годами или первыми 28-ю курсами... Намъ предносилось желаніе, помимо краткихъ біографическихъ свѣдѣній, показать личныя качества и отличительныя черты плодотворной дѣятельности каждаго, указать ученыя заслуги и дать свѣдѣнія о литературныхъ трудахъ всѣхъ потрудившихся на этомъ поприщѣ". Цѣли этой почтенный авторъ вполнѣ достигъ. Нѣкоторые очерки чрезвычайно обстоятельны и полны. Имъ предпосланы краткая исторія академіи и обзоръ отдѣльныхъ выпусковъ въ занимающую автора эпоху. Единственный недостатокъ книги—предвзятое благодушіе, часто мѣшающее правильной критической оцѣнкѣ. *В. П.*

Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества. Т. 123. Спб. 1907. Т. 124. Юрьевъ. 1906.

Въ 123 томѣ помѣщена одиннадцатая часть „Матеріаловъ Екатерининской законодательной комиссіи", содержащая крестьянскіе и городскіе наказы Архангельской губерніи. Интересно предисловіе проф. В. Ц. Сергѣевича, прослѣдившаго по этимъ даннымъ возникновеніе общиннаго крестьянскаго землевладѣнія и пришедшаго къ заключенію, что екатерининскія реформы, служившія къ развитію дворянства и средняго класса, для крестьянъ оставили „одни ограниченія, которыя возникли еще до Екатерины", и въ которыхъ лежитъ корень злополучнаго современнаго аграрнаго вопроса.—124-й томъ, редактированный проф. А. Н. Филипповымъ, посвященъ продолженію бумагъ кабинета министровъ Анны Іоанновны за вторую половину 1738 г.; здѣсь много матеріаловъ для освѣщенія весьма запутаннаго вопроса о предѣлахъ компетенціи этого учрежденія и немало цѣнныхъ бытовыхъ данныхъ. *В. П.*

Н. Новомбергскій. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. Томскъ. 1907.

Авторъ давно уже занимается изученіемъ исторіи врачебнаго дѣла въ Россіи, и его перу принадлежатъ четыре тома „Матеріаловъ по исторіи медицины въ Россіи". Въ основу изслѣдованія положенъ обширный матеріалъ, изданный медицинскимъ департаментомъ, и архивныя разысканія самого автора. Новая книга г. Новомбергскаго даетъ обстоятельную исторію русскаго врачебнаго дѣла. Вопреки прежде господствовавшему мнѣнію, авторъ показываетъ, что аптекарскій приказъ московской Руси не только вѣдалъ врачеваніе, но и посильно старался о распространеніи медицинскихъ знаній въ Россіи. Опровергнуто имъ и утвердительное мнѣніе профессора Лешкова, что русской исторіи незнакомы процессы противъ колдуновъ. Аптекарскій приказъ, зданіе котораго автору дѣйствительно удалось возстановить изъ „кирпичей архивнаго сырья", старался заводить аптеки въ провинціи, посылалъ молодыхъ людей заграницу учиться медицинѣ и т. п. Благодаря добытымъ г. Новомбергскимъ даннымъ дѣятельность этого учрежденія появляется въ новомъ, болѣе благопріятномъ и болѣе вѣрномъ освѣщеніи. Несмотря на сравнительную узость темы, монографія г. Новомбергскаго всѣми прочтется съ интересомъ, такъ какъ въ ней разбросано множество бытовыхъ чертъ. *В. П.*

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVIII-й. ДЕКАБРЬ. 1907 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: портретъ **Леонарда Эйлера.**—При этой книгѣ прилагается для иногороднихъ подписчиковъ объявл. о журналѣ „Нива".

Библіографическій листокъ.

Великій Князь Николай Михаиловичъ. Московскій Некрополь. Томъ первый (А - I) Спб. 1907.

„Посѣщая неоднократно кладбища Москвы и Петербурга"—пишетъ Августѣйшій издатель,—„спускаясь въ мрачныя, сырыя подземелья усыпальницъ московскихъ монастырей, гдѣ отъ покрытыхъ пылью ветхихъ надгробій вѣетъ далекой стариной, я часто останавливался на мысли издать современемъ „Некрополь" Москвы и Петербурга, то есть собрать, по возможности, всѣ еще уцѣлѣвшія надгробныя надписи, а также и новыя, и напечатать ихъ на-ряду съ тѣми свѣдѣніями о погребенныхъ, которыя можно извлечь изъ соотвѣтствующей литературы... Изданіе надгробныхъ надписей сохранитъ ихъ навсегда отъ исчезновенія и дастъ полезный матеріалъ для исторіи и особенно для генеалогіи, сообщая подробныя даты жизни различныхъ дѣятелей, выясняя ихъ родственныя отношенія, давая свѣдѣнія о служебномъ и общественномъ ихъ положеніи; нѣкоторыя эпитафіи могутъ даже служить характеристикой тѣхъ, кому онѣ посвящены". Изданіе „Московскаго Некрополя" слѣдуетъ отъ души привѣтствовать; можно даже сказать, что оно какъ нельзя болѣе своевременно, потому что необходимый для него матеріалъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уничтожается „завистливымъ" временемъ, которому помогаетъ въ его разрушительной работѣ некультурное равнодушіе къ старинѣ. Вспоминаются слова Пушкина:

Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
Уже намъ чужды...
Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ;
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ...
Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава...

„Многое въ настоящее время исчезло уже безслѣдно... Не одно все[illegible] время уничтожило слѣды погребеній; этому немало способствовало упраз[illegible] монастырей и церквей или ихъ перестройка, не говоря уже о невѣже[illegible] нашемъ неуваженіи къ старинѣ и неумѣніи ею дорожить. Все это сдѣла[illegible] успѣхи въ томъ же направленіи: памятники снимаются съ мѣста, продаются торговцамъ; надписи, кресты, скульптурныя изображенія исчезаютъ или обезображиваются, плиты закладываются въ фундаменты, тротуары, подъ водосточныя трубы, разбиваются на бутъ... Цѣлые склепы, съ засыпанными штукатуркой и пылью вѣковъ памятниками, съ сорванными гербами, съ замазанными краской или уничтоженными надписями, служатъ складомъ старыхъ, негодныхъ вещей... Между тѣмъ многіе погребенные были видные въ русской исторіи люди и часто крупные благотворители тѣхъ же монастырей, которые способствовали уничтоженію ихъ могилъ". Находимыя отъ времени до времени при земляныхъ работахъ могильныя плиты „обыкновенно утилизируются причтами на устройство оградъ, фундаментовъ, печей и тротуаровъ". Стараясь очистить возможно больше мѣста для новыхъ могилъ, кладбищенская администрація „тщательно уничтожаетъ не только полуразрушившіеся монументы, но и тѣ, которые, въ силу различныхъ обстоятельствъ, преданы только забвенію". Надгробныя надписи на наружныхъ и внутреннихъ стѣнахъ церквей „уничтожаются штукатурами и малярами... или въ видахъ поддержанія церковнаго „благолѣпія", задѣлываются деревянными панелями". Ясно, что при такомъ грубомъ неуваженіи къ остаткамъ прошлаго единственнымъ способомъ закрѣпить память о многихъ стоющихъ памяти русскихъ людяхъ является изданіе „Некрополи".

Спеціалисты исторіи и генеалогіи достойно оцѣнятъ всю важность этого труда. Не часто будетъ попадать эта книга съ библіотечной полки въ руки читателя, но изслѣдователь сумѣетъ найти нужный для себя матеріалъ въ ея холодныхъ, сухихъ [illegible], въ которыхъ ему послышится голосъ далекаго прошлаго, не только раз[illegible], но подчасъ рѣшающій тотъ или иной вопросъ. Дѣло изданія „Некрополя" [illegible] въ хорошихъ рукахъ. Осуществленіемъ мысли Августѣйшаго издателя

Отъ Редакціи.

Симъ доводится до свѣдѣнія г.г. подписчиковъ и всѣхъ лицъ имѣющихъ къ редакціи какія-либо дѣловыя отношенія, что съ 20-го Іюля сего 1907 г. она перемѣнила квартиру, а потому теперь слѣ-

томъ, какъ дѣти бы поскорѣе выучились покрасивѣе писать, чтобы могли, такимъ образомъ, поступить на службу и заработывать хотя нѣчто.

Вотъ почему я всегда вспоминаю съ чувствомъ живѣйшей, глубочайшей благодарности человѣка—директора, принявшаго во мнѣ, предоставленномъ всѣмъ случайностямъ, теплое участіе и давшаго, такимъ образомъ, возможность и мнѣ принять человѣческій образъ! Миръ праху твоему честный, истинный (а не формальный) педагогъ, тебѣ я обязанъ тѣмъ, что я есть!

Въ назначенное время я явился въ гимназію и началъ аккуратно посѣщать классы. Благодаря толковому, умѣлому веденію дѣла преподавателями, ученіе пошло легко и успѣшно; я самъ не узнавалъ себя и скоро сталъ считаться въ числѣ хорошихъ учениковъ въ классѣ. Одно меня крайне затрудняло: это окончательное незнакомство съ французскимъ языкомъ, въ то время, когда товарищи мои поступили уже съ нѣкоторымъ запасомъ знанія этого языка.

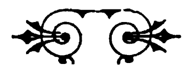
Я лѣзъ, какъ говорится изъ кожи, но все не могъ сравняться съ товарищами.

Кромѣ вполнѣ новаго для меня веденія дѣла обученія наставниками (сравнительно съ тѣмъ, какое я видѣлъ въ училищѣ) на меня производило въ высшей степени пріятное впечатлѣніе гуманное обращеніе учителей съ учениками; не только не было сѣченій, отъ которыхъ я убѣжалъ изъ училища, но за все время пребыванія моего въ гимназіи я не слышалъ, чтобы кто-нибудь изъ учителей сказалъ грубое слово тому или другому мальчику, а дѣло шло лучше, нежели при ежедневныхъ наказаніяхъ за существующія и несуществующія провинности.

Къ несчастью, въ началѣ зимы, я долженъ былъ оставить Ларинскую гимназію, такъ какъ отецъ получилъ мѣсто въ Харьковѣ, куда и переселился со всей семьей. По пріѣздѣ, я былъ отданъ въ 1-й классъ 1-й Харьковской гимназіи.

Н. Леваковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

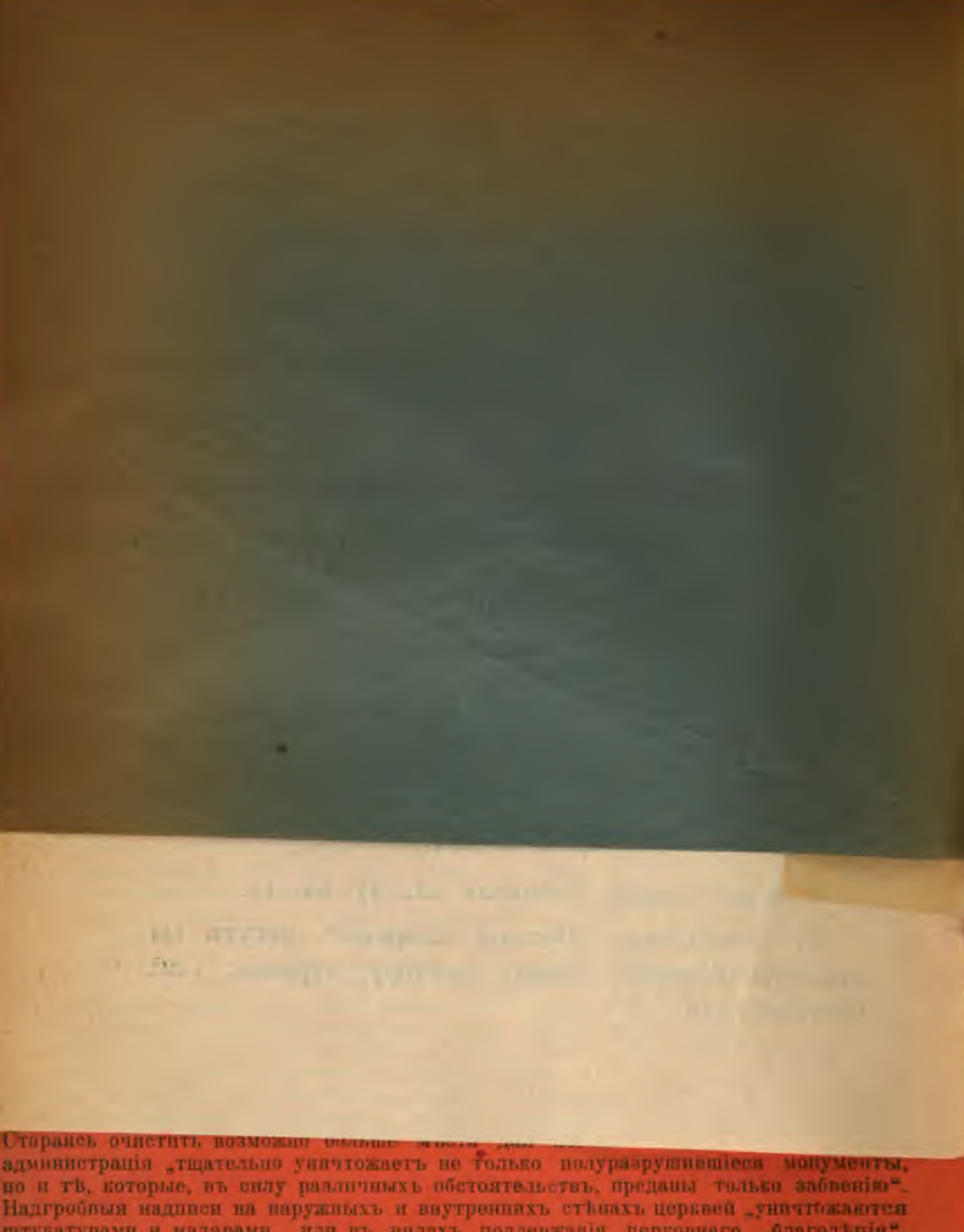

Опечатка. На 420-й страницѣ августовской книги (т. CXXXI) напечатана фамилія Ламке. Слѣдуетъ читать: Лемке. Это былъ офицеръ 2-го кадетскаго корпуса, потомъ баталіонный командиръ тамъ. Его внукъ—извѣстный литераторъ М. К. Лемке.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Отъ Редакціи.

Симъ доводится до свѣдѣнія г.г. подписчиковъ и всѣхъ лицъ имѣющихъ къ редакціи какія-либо дѣловыя отношенія, что съ 20-го Іюля сего 1907 г. она перемѣпила квартиру, а потому теперь слѣдуетъ обращаться по новому адресу: С.-Петербургъ, Фонтанка, д. № 18, кв. 4.

Стараясь очистить возможно больше мѣста для ... администрація „тщательно уничтожаетъ не только полуразрушившіеся монументы, но и тѣ, которые, въ силу различныхъ обстоятельствъ, преданы только забвенію". Надгробныя надписи на наружныхъ и внутреннихъ стѣнахъ церквей „уничтожаются штукатурами и малярами... или въ видахъ поддержанія церковнаго „благолѣпія", задѣлываются деревянными панелями". Ясно, что при такомъ грубомъ неуваженіи къ остаткамъ прошлаго единственнымъ способомъ закрѣпить память о многихъ стоющихъ памяти русскихъ людяхъ является изданіе „Некрополя".

Спеціалисты исторіи и генеалогіи достойно оцѣнятъ всю важность этого труда. Не часто будетъ попадать эта книга съ библіотечной полки въ руки читателя, но изслѣдователь сумѣетъ найти нужный для себя матеріалъ въ ея холодныхъ, сухихъ данныхъ, въ которыхъ ему послышится голосъ далекаго прошлаго, не только разъясняющій, но подчасъ рѣшающій тотъ или иной вопросъ. Дѣло изданія „Некрополя" находится въ хорошихъ рукахъ. Осуществленіемъ мысли Августѣйшаго издателя

томъ, какъ дѣти бы поскорѣе выучились покрасивѣе писать, чтобы могли, такимъ образомъ, поступить на службу и заработывать хотя нѣчто.

Вотъ почему я всегда вспоминаю съ чувствомъ живѣйшей, глубочайшей благодарности человѣка—директора, принявшаго во мнѣ, предоставленномъ всѣмъ случайностямъ, теплое участіе и давшаго, такимъ образомъ, возможность и мнѣ принять человѣческій образъ! Миръ праху твоему честный, истинный (а не формальный) педагогъ, тебѣ я обязанъ тѣмъ, что я есть!

Въ назначенное время я явился въ гимназію и началъ аккуратно посѣщать классы. Благодаря толковому, умѣлому веденію дѣла преподавателями, ученіе пошло легко и успѣшно; я самъ не узнавалъ себя и скоро сталъ считаться въ числѣ хорошихъ учениковъ въ классѣ. Одно меня крайне затрудняло: это окончательное незнакомство съ французскимъ языкомъ, въ то время, когда товарищи мои поступили уже съ нѣкоторымъ запасомъ знанія этого языка.

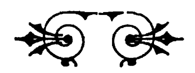
Я лѣзъ, какъ говорится изъ кожи, но все не могъ сравняться съ товарищами.

Кромѣ вполнѣ новаго для меня веденія дѣла обученія наставниками (сравнительно съ тѣмъ, какое я видѣлъ въ училищѣ) на меня производило въ высшей степени пріятное впечатлѣніе гуманное обращеніе учителей съ учениками; не только не было сѣченій, отъ которыхъ я убѣжалъ изъ училища, но за все время пребыванія моего въ гимназіи я не слышалъ, чтобы кто-нибудь изъ учителей сказалъ грубое слово тому или другому мальчику, а дѣло шло лучше, нежели при ежедневныхъ наказаніяхъ за существующія и несуществующія провинности.

Къ несчастью, въ началѣ зимы, я долженъ былъ оставить Ларинскую гимназію, такъ какъ отецъ получилъ мѣсто въ Харьковѣ, куда и переселился со всей семьей. По пріѣздѣ, я былъ отданъ въ 1-й классъ 1-й Харьковской гимназіи.

Н. Леваковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опечатка. На 420-й страницѣ августовской книги (т. CXXXI) напечатана фамилія Ламке. Слѣдуетъ читать: Лемке. Это былъ офицеръ 2-го кадетскаго корпуса, потомъ баталіонный командиръ тамъ. Его внукъ—извѣстный литераторъ М. К. Лемке.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**.

ныхъ ученыхъ. Опредѣленность его взгляда на этотъ вопросъ прекрасно иллюстрируется слѣдующимъ собственнымъ его апологомъ, воспроизведеннымъ В. Татищевымъ въ письмѣ къ Шувалову 11 августа 1747 года: „Нѣкоторый дворянинъ желалъ въ деревнѣ у себя мельницу построить, а не имѣлъ воды; и, видя у сосѣдей озера и болота, имѣющія воды довольство, немедленно зачалъ, по согласію оныхъ, каналъ копать и на мельницу припасъ заготовлять, котораго хотя при себѣ въ совершенство привесть не могъ, но дѣти, сожалѣя положеннаго иждивенія родителемъ ихъ, по нуждѣ принялись и совершили“ [1]).

Но суровый рокъ внезапно прервалъ въ эту пору (28 янв. 1725 г.) жизненную дѣятельность могучаго Царя-Преобразователя, и не пришлось ему лично напутствовать членовъ Академіи въ день ея торжественнаго открытія. Первое, записанное въ протоколъ, собраніе академической конференціи состоялось 12 ноября 1725 года —уже въ царствованіе императрицы Екатерины I; при ней же, нѣсколько позже, а именно 27 декабря того же 1725 года, состоялось и первое торжественное засѣданіе Академіи.

Слѣдуетъ замѣтить, что императрица Екатерина I, при своемъ восшествіи на престолъ, поспѣшила подтвердить, черезъ русскихъ дипломатовъ при европейскихъ дворахъ и посредствомъ газетныхъ статей, о своемъ непреклонномъ намѣреніи осуществить „зачатое“ ея покойнымъ супругомъ дѣло объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ „Академіи для вышнихъ наукъ и художествъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она утвердила докладъ лейбъ-медика Блюментроста о приготовленіи помѣщеній для ожидавшихся членовъ академіи. Въ докладѣ этомъ невольно бросаются въ глаза слѣдующіи слова, характеризующія отношеніе Петра Великаго къ своимъ начинаніямъ: „Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорское Величество“, пишетъ Блюментростъ: „именно приказалъ, чтобъ домъ академическій домашними потребами удостаточить и академиковъ недѣли съ три или съ мѣсяцъ не взачетъ кушаньемъ довольствовать, а потомъ подрядить за настоящую цѣну, нанявъ отъ академіи эконома, кормить въ томъ же домѣ, дабы, ходя въ трактиры и другіе мелкіе домы, съ непотребными обращаючись, не обучились ихъ непотребныхъ обычаевъ, и въ другихъ забавахъ времени не теряли бездѣльно, понеже суть образцы такіе: которые въ отечествѣ своемъ добронравны, бывши съ роскошниками и пьяницами, въ бездѣльничествѣ пропали и государственнаго убытку больше, нежели прибыли, учинили“ [2])...

---

[1]) См. Пекарскій—„Исторія Имп. Академіи Наукъ“, томъ I (1870), стр. XIII.
[2]) См. Пекарскій—„Ист. Имп. Ак. Н.“, I, стр. XXXIV.

Первоначальный составъ академіи опредѣляется академическимъ объявленіемъ 14 января 1726 года о программѣ и времени публичныхъ чтеній ея членовъ. Объявленіе это гласитъ [1]:

„...Профессоры академіи, сего 1726 году, въ будущій 24 день мѣсяца генваря, чтеніями ученіе свое публичное начнутъ, во дни: понедѣльникъ, среду, четвертокъ и субботу, и впредь такимъ опредѣленіемъ и учрежденіемъ поступать будутъ, о которомъ всѣмъ любителямъ добрыхъ наукъ, а наипаче рачителямъ къ ученію, симъ для извѣстія объявляется:

Даніилъ *Бернулли*, физіологіи профессоръ, начала математическія къ ѳеоріи медической потребная, да приличность ихъ къ физіологіи научитъ. (Передъ обѣдомъ отъ часа 7 до 8).

Ѳеофилъ Сигфридъ *Баеръ*, антиквитетовъ профессоръ, древностей греческія, монеты и достопамятныя вещи ветхаго Рима изъяснитъ.

Николай *Бернулли*, математики профессоръ, о тѣхъ частяхъ математики, которыя къ физикѣ привязаны, и особливо о механикѣ, читать будетъ. (Съ 8 до 9).

Христіанъ *Мартинъ*, профессоръ философіи, логическое, метафизическое подастъ ученіе, слѣдуя философіи Тумика, на употребленіе академическое изданную.

Іоанъ Христіанъ *Букобаумъ*, лѣтнимъ временемъ—ботанику, зимнимъ—исторію натуральную излагать будетъ.

Яковъ *Германъ*, императорской академіи наукъ и королевскихъ социететовъ лонденской и берлинской членъ, а на сей академіи высокихъ математическихъ наукъ первый профессоръ, начало чтенія своего учнетъ въ ученіи анализи общія и алгебры, да о потребѣ ихъ къ рѣшенію всякихъ проблематъ. А потомъ поступать будетъ до анализи инфиниторумъ, и ея употребленіе разными образцами изъяснять будетъ. (Съ 11 до 12).

Іоганъ Петеръ *Колъ*, профессоръ элоквенціи, элоквенцію, сирѣчь—какъ на латинскомъ языкѣ надлежитъ чисто говорить и писать, по книгѣ Генеціуса учить будетъ.

Іоанъ Симонъ *Бекенстейнъ*, обоего православія докторъ и профессоръ, о правѣ публичномъ и о исторіи нынѣшняго времени научитъ; такожде и о институціяхъ права Юстиніана цесаря, буде слушателямъ полюбится, тщаніе имѣть будетъ. (По полудни съ 1 до 2).

Михаилъ *Биргеръ*, химіи профессоръ, лѣтнимъ временемъ—медицины практики, а зимнимъ временемъ—о самой химіи научати будетъ.

---

[1]) „Мат. для ист. Имп. Ак. Н.“, стр. 169—171.

Іоганъ Георгъ *Дювернаи*, медицины докторъ, анатоміи и хирургіи профессоръ, въ первомъ полугодѣ—анатомію тѣла человѣческаго и ученіе хирургическое излагать, а въ другомъ полугодѣ—ученіе о медицинѣ (опричь физіологіи, которую Даніилъ Бернулли научитъ), предлагать будетъ, и особеннымъ желателямъ труда своего не откажетъ. (Съ 2 до 3).

Георгъ Бернгардъ *Билфингеръ*, физики экспериментальной и ѳеорической профессоръ, искусства физикальныя воспріиметъ, съ изъясненіемъ ихъ и конклюзіями, слѣдствуя въ томъ Гравесанду въ институціяхъ философіи Невтоніа(н)ской, для пользы академической въ 1723 году изданныхъ. (Съ 4 до 5).

Христіанъ Фр. *Гросъ*, философіи нравоучительныя профессоръ чрезвычайный, научать будетъ ѳикѣ, по книгѣ Пуфендорфской. яже о должности человѣка и гражданина. (Съ 5 до 6).

Фридрихъ Христофоръ *Маеръ*, матези профессоръ чрезвычайный, всея математики начала, по правилу знатнѣйшаго Волфіуса, въ германскихъ его книгахъ, толковать будетъ.

Іосифъ Николай *Делиль*, совѣтникъ королевскій, академій россійской, парижской, лондонской и берлинской членъ, астрономіи профессоръ, астрономію, наипаче новѣйшими обрѣтеніями украшенную, слышателямъ предлагать и въ обсерваціяхъ астрономическихъ тщатися будетъ“.

Воспроизведенный здѣсь рядъ именъ представляетъ собою начальный составъ нашей академіи. Для характеристики этого состава достаточно указать на то, что подборомъ ученыхъ для академіи руководилъ извѣстный германскій мыслитель Христіанъ Вольфъ, относившійся къ этой своей миссіи съ исключительной серьезностью и вниманіемъ. Графъ Головкинъ, напр., писалъ про него въ январѣ 1724 года: „г. Вольфъ чрезвычайно строгъ относительно рекомендацій, что происходитъ отъ того, что онъ имѣетъ въ виду только ученое общество и требуетъ наибольшихъ заслугъ и извѣстности въ желающихъ вступить въ учрежденіе, которое должно блистать, а не такихъ лицъ, которыя ищутъ сдѣлаться только профессорами“ [1]). И дѣйствительно, первые академики, прибывшіе въ Петербургъ, были глубоко проникнуты сознаніемъ важности принятыхъ ими на себя обязательствъ.

Въ эту-то среду, на самыхъ первыхъ порахъ ея существованія, и вступилъ двадцатилѣтнимъ юношей Леон(х)ардъ Эйлеръ (Leonhard Euler, род. 4/15 апр. 1707 г. въ городѣ Базелѣ). Первое, сохра-

---

[1]) „Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719—53, S.-Petersburg, 1860“, 19, 20, 181.

нившееся въ дѣлахъ академической канцеляріи, упоминаніе объ его зачисленіи относится къ 17 декабря 1726 г.; оно гласитъ: „По указу Ея И. В. велѣно Эйлеру быть при академіи. И оному надлежитъ послать, на проѣздъ, денегъ сто тридцать рублевъ, векселемъ, черезъ профессора Даніеля Бернулли, записавъ въ расходъ съ роспискою, и на щетъ академическій поставить.—Laurent. Blumentrost“ [1]).

Главнымъ импульсомъ, побудившимъ Эйлера избрать Петербургъ мѣстомъ своей дѣятельности, выставляется обыкновенно дружба его съ братьями-математиками Николаемъ и Даніиломъ Бернулли (первый—на 12, второй—на 7 лѣтъ старше Эйлера), сыновьями извѣстнаго швейцарскаго ученаго Іоханна Бернулли, руководившаго математическимъ образованіемъ Эйлера. Зачисленіе молодыхъ Бернулли членами Петербургской Академіи вызвало въ Эйлерѣ желаніе послѣдовать за ними. „У меня“, говоритъ онъ по этому поводу въ своей недоконченной автобіографіи: „явилось тогда неописуемое желаніе отправиться вмѣстѣ съ ними въ 1725 году въ Петербургъ. Дѣло это не могло однако сразу осуществиться. Зато, приглашенные молодые Бернулли дали мнѣ твердое обѣщаніе по прибытіи въ Петербургъ похлопотать о подходящемъ для меня мѣстѣ, что они дѣйствительно вскорѣ и привели въ исполненіе, съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, чтобы я рѣшился на примѣненіе своихъ математическихъ познаній къ медицинѣ“ [2]).

Но, конечно, не одна дружба съ Бернулли влекла Эйлера въ нашу Академію: онъ видѣлъ возможность открыть себѣ такимъ образомъ широкое поле научной дѣятельности. И, къ счастію, онъ повидимому не ошибся. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи, въ 1749 году (18 ноября) онъ самъ писалъ напр. Шумахеру изъ Берлина: „Мы (т. е. находившіеся нѣкоторое время въ составѣ Петерб. Академіи) должны сознаться, сколько обязаны благопріятнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ только тамъ находились. Что собственно до меня касается, то въ случаѣ неимѣнія такого превосходнаго случая, я бы вынужденъ былъ главнѣйше прилежать къ другимъ наукамъ, отъ которыхъ, по всѣмъ признакамъ, я бы отупѣлъ только. Его королевское величество (т. е. Фридрихъ Великій) недавно меня спрашивалъ: гдѣ я изучалъ то, что знаю? я, согласно истинѣ, отвѣчалъ, что всѣмъ обязанъ моему пребыванію въ Петербургской Академіи наукъ“... [3]).

---

[1]) „Мат. для ист. И. Ак. Н.“, т. I, стр. 209.

[2]) Записки Имп. Ак. Наукъ, томъ 6, кн. 1. 1864—статья Пекарскаго: „Екатерина II и Эйлеръ“, стр 76 (автобіографія записана подъ диктовку Эйлера по-нѣмецки).

[3]) „Входящія письма (въ арх. Ак. Н.) 1748 и 1749 гг.“ (Цитир. по Исторіи Ак. Н., Пекарскаго, стр. 265).

Трудно предполагать, чтобы Эйлеромъ, при его стремленіи въ Петербургъ, руководили какія-либо корыстныя соображенія: онъ былъ зачисленъ всего адъюнктомъ, въ то время какъ, напр., братья Бернулли заняли сразу мѣста академиковъ; годовой его окладъ составлялъ всего 300 рублей, тогда какъ академики имѣли отъ 600 до 1.500 рублей въ годъ. Воспользуемся, однако, для характеристики матеріальнаго и служебнаго положенія Эйлера, разсказомъ его самого: „Мое содержаніе составляло 300 рублей при готовой квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, и, такъ какъ я имѣлъ склонность исключительно къ математическимъ знаніямъ, то я былъ зачисленъ адъюнктомъ высшей математики (Adjuncto Matheseos sublimioris), предположеніе же приспособить меня къ занятіямъ медициною было совершенно оставлено. При этомъ мнѣ было разрѣшено присутствовать въ академическихъ засѣданіяхъ и докладывать тамъ мои работы, которыя тогда же помѣщались въ академическихъ Комментаріяхъ“ [1]).

Въ Петербургъ Эйлеръ прибылъ 6 мая 1727 года—въ самый день смерти Императрицы Екатерины I, покровительствовавшей Академіи. Поэтому, первыя его впечатлѣнія были не изъ веселыхъ: онъ засталъ академиковъ въ величайшемъ уныніи и въ страхѣ за будущность молодого ученаго учрежденія. Однако, это не помѣшало ему горячо и ревностно приняться за работу.

Черезъ какихъ-нибудь $3^{1}/_{2}$ мѣсяца послѣ его пріѣзда (27 а[illegible] ста 1727 г.) въ „исчисленіи всѣхъ дѣлъ, что профессоры, как[illegible] публичныхъ, такъ и въ приватныхъ собраніяхъ, елико ко умн[illegible] нію и совершенству наукъ принадлежитъ, также и въ приват[illegible] лекціяхъ, елико потребно есть къ наставленію юношества, д[illegible] произвели и что впредь въ тѣхъ же вещѣхъ произвести намѣрены“, уже значилось:

„Леонгардъ Эйлеръ, профессора высшія математики адъюнктъ, или приданный, въ приватныхъ собраніяхъ послѣдующихъ разсужденій нѣсколько уже изслѣдованію профессоровъ предложилъ, протчія впредь предложитъ:

1. Есть физикоматематическое о звукѣ или звонѣ, въ которомъ новая звону ѳеорія предается и поставляется, откуду производится образъ считанія скорости звона.

2. Разсужденіе о движеніи качательномъ струнъ, колоколовъ, барабановъ и другихъ инструментовъ, которые черезъ удареніе звонъ издаютъ, гдѣ отъ ѳеоріи каждаго инструмента изъявляется образъ счисленія звука.

---

[1]) Изъ указанной выше автобіографіи Эйлера.

3. О произведеніи звона, или звука пушечнаго, громового и протчихъ таковыхъ.

4. Новая ѳеорія о звонахъ или голосахъ флейтовъ, трубъ и другихъ инструментовъ, которые черезъ надуваніе гласъ издаютъ, экспериментами изрядно согласующимися утвержденная.

5. Полное и совершенное рѣшеніе проблемы аналитическія линей проницательныхъ взаимственныхъ, гдѣ предается образъ изъ всякаго кривыхъ линей чина по меньшей мѣрѣ одну опредѣлить, которая удовлетворитъ проблемѣ.

6. Рѣшеніе проблемы о изобрѣтеніи линей проницательныхъ взаимственныхъ сколькоправно будетъ имущимъ оси обращенія.

7. Новая ѳеорія о водахъ, истекающихъ изъ сосудовъ, и оныя употребленіе къ предѣленію движенія воды, истекающія изъ силиндровъ единыхъ и изъ силиндровъ, къ которымъ пристроенъ сосудъ или труба какія-нибудь фигуры, съ экспериментами, для сего уставными, зѣло согласующая.

8. О истеченіи водъ изъ сосудовъ непремѣнно полныхъ, откуду толкуются движеніе водъ въ фонтанахъ и другихъ воды произведеніяхъ.

9. Истеченіе воды изъ сосудовъ отчасти въ воду погруженныхъ, гдѣ колыханія, которыя восходя и нисходя дѣлаетъ, опредѣляются.

10. Умствованіе о колыханіяхъ воды въ трубахъ кривыхъ какія-нибудь формы.

11. О движеніи тѣлесъ оризонтальномъ въ влажныхъ, гдѣ познавъ видную тягость совершенно описуется косность движенія.

12. Умствованіе о восхожденіи и нисхожденіи въ прямой линіи тяжелыхъ во всякомъ влажномъ, гдѣ данной сущей видной тягости тяжелаго движенія скорость во всякомъ мѣстѣ и время, въ которое то движеніе дѣлается, описуется.

13. Довершеніе той же материи, гдѣ движеніе мещемыхъ влажномъ опредѣляется и движеніе отъ вѣсовъ въ влажныхъ показуется“ [1]).

Если сравнить этотъ списокъ темъ, какъ по количеству, такъ и по качеству, съ перечисляемыми въ томъ же историческомъ документѣ работами прибывшихъ ранѣе Эйлера и надѣленныхъ болѣе высокими званіями членовъ Академіи, то сразу уже бросится въ глаза необычайная работоспособность молодого ученаго.

Вообще, не появлялось уже ни одного тома академическихъ Комментаріевъ, въ которомъ не находилось бы нѣсколькихъ мемуаровъ Эйлера по самымъ серьезнымъ научнымъ вопросамъ.

---

[1]) „Мат. по ист. И. А. Н.“ т. I, стр. 278—9 (Мемуары писались ученымъ главнымъ образомъ по-латыни).

Не будемъ, однако, систематически слѣдить за каждымъ, сохраненнымъ исторіею, шагомъ Эйлера на пути къ его славѣ. Цѣль наша—не біографія великаго ученаго, сама по себѣ, а лишь возсозданіе въ памяти общаго его облика. Интересующимся дальнѣйшими біографическими подробностями можно рекомендовать прекрасный очеркъ академика Пекарскаго въ 1-мъ томѣ „Исторіи Императорской Академіи наукъ въ С.-Петербургѣ“ (СП-бургъ, 1870, стр. 247—308). Мы же здѣсь бросимъ лишь нѣсколько общихъ взглядовъ на отдѣльныя послѣдовательныя эпохи жизни и дѣятельности знаменитаго математика.

За первыя 14 лѣтъ своего пребыванія въ Петербургѣ Эйлеръ обнародовалъ около 60 научныхъ работъ. Сверхъ того, онъ исполнялъ различныя приватныя порученія: такъ, въ 1732 г., вмѣстѣ съ Д. Бернулли и Лейтманомъ, составлялъ соображенія о поднятіи большого колокола въ Москвѣ, въ 1738 г. принималъ дѣятельное участіе въ комиссіи о мѣрахъ и вѣсахъ, около того же времени писалъ популярныя научныя статьи для примѣчаній къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“, производилъ, вмѣстѣ съ другими академиками, экзамены, нетолько въ академической гимназіи, но и въ Шляхетномъ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Наиболѣе же существеннымъ побочнымъ его занятіемъ являлось участіе въ трудахъ Географическаго департамента. Къ работамъ этого департамента Эйлеръ привлеченъ былъ съ 1735 года, при чемъ жалованье (въ 660 руб.) увеличено было на 200 руб., „понеже“—какъ ска: въ протоколѣ—„должность не его, но чрезвычайная“. Вспом впослѣдствіи, въ своемъ письмѣ къ Шумахеру, о своихъ работ по русской картографіи и сознаваясь, что многое въ нихъ тр вало исправленій, Эйлеръ все же прибавляетъ: „Я увѣренъ, географія россійская черезъ мои и г. проф. Гейнзіуса труды приведена гораздо въ исправнѣйшее состояніе, нежели географія нѣмецкой земли, и того бы довольно было до тѣхъ поръ, пока достальныя исправленія учинить возможно будетъ“ [1]).

Однако, занятія картографіей, сильно утомляя зрѣніе, тяжело отражались на здоровьѣ Эйлера. По личному его мнѣнію, они были главной причиной утраты имъ праваго глаза въ 1735 году. По крайней мѣрѣ, въ прошеніи объ увольненіи отъ этихъ занятій, поданномъ 21 августа 1740 г. на имя академика Гольдбаха, онъ пишетъ: „Географія мнѣ гибельна. Вы знаете, что я за нее поплатился глазомъ, а теперь опять нахожусь въ подобной опасности; когда мнѣ сегодня утромъ прислали часть картъ на просмотръ, то

¹) Зап. Акад. Н., IX, приложеніе № 2, 189.

я тотчасъ же почувствовалъ новый припадокъ, потому что эта работа, требуя всегда разсмотрѣнія одновременно большого пространства, сильнѣе утомляетъ зрѣніе, чѣмъ простое чтеніе или одно писаніе. По этой причинѣ я покорнѣйше прошу васъ быть ко мнѣ столь добрымъ, чтобы чрезъ усердное ходатайство у г. президента уволить меня отъ этой работы, которая не только мѣшаетъ моимъ обыкновеннымъ занятіямъ, но и легко можетъ меня сдѣлать совсѣмъ неспособнымъ"... [1]).

Ближайшей, непосредственной причиной потери Эйлеромъ глаза явилась, по разсказу академика Фуса, особенно-напряженная его работа (по составленію таблицъ для опредѣленія времени по высотѣ солнца), когда въ три дня онъ исполнилъ сложное математическое вычисленіе, на которое другіе математики требовали нѣсколько мѣсяцевъ времени. Это чрезмѣрное рабочее напряженіе вызвало горячку и, какъ слѣдствіе ея, нарывъ, окончившійся потерею глаза. Къ сожалѣнію, даже столь невознаградимая потеря не научила великаго математика большей заботливости о своемъ здоровьѣ и бóльшей разсчетливости въ расходованіи своихъ физическихъ силъ. Нерѣдко, увлекаемый своими выкладками, забывалъ онъ о пищѣ и снѣ и послѣ этого грознаго предостереженія!

Въ 1730 г. Эйлеръ занялъ оставшееся вакантнымъ, вслѣдствіе отъѣзда на родину академика Бильфингера, мѣсто профессора физики, а въ 1733 г., за отбытіемъ Даніила Бернулли, онъ получилъ каѳедру высшей математики (Professio Matheseos siblimioris). Нѣсколько позже въ дѣлахъ Академіи находимъ еще слѣдующій документъ по поводу заключенія съ Эйлеромъ новаго контракта въ 1740 году:

„Понеже срокъ поставленнаго въ контрактѣ съ господиномъ профессоромъ высочайшей математики, господиномъ Леонгардомъ Эйлеромъ окончался, и онъ послѣ того, 12-го Января 1740-го году, при императорской академіи наукъ надлежащимъ образомъ просилъ, чтобъ опредѣлить ему новый контрактъ, съ прибавкою жалованья, которое онъ получалъ до сего времени,—того ради при императорской академіи наукъ постановленъ съ нимъ и заключенъ послѣдующій контрактъ:

Упомянутый господинъ профессоръ Эйлеръ обязуется, послѣ окончанія своего перваго контракту, быть еще далѣе при императорской академіи наукъ профессоромъ высочайшей математики и обѣщается о приращеніи высокаго интересу, о пользѣ и чести академіи всякимъ образомъ и мѣрами стараться и должность свою от-

[1]) Correspondance mathem. et phys. de quelques célèbres géomètres, ed. par. P. Fuss, I, 102 -103 (цитир. по „Ист. Ак." академика Пекарскаго, стр. 255—256).

правлять со всякою ревностію, какъ онъ при семъ особливо одолжается полное описаніе о высочайшей аналисіи съ наукою корабельною сочинить и вручить академіи. Напротиву же имѣетъ ему, за особливыя его заслуги, которыя онъ показалъ при императорской академіи наукъ, даваться отъ сей академіи жалованье предка его Даніила Бернулія, тысяча двѣсти рублевъ, включая въ то дрова и свѣчи и квартиру. И выдавать ему оное по третямъ, считая отъ упомянутаго 12-го числа генваря 1740 году“ [1]).

Однако, всего годомъ позже заключенія этого контракта Эйлеръ рѣшаетъ уже оставить Россію и перебраться въ Берлинскую академію наукъ, слѣдуя приглашенію Фридриха Великаго. Краткость срока, прошедшаго со времени подписанія послѣдняго контракта съ Петербургскою Академію, указываетъ на непреднамѣренность такого отъѣзда; побудительными же къ нему причинами повидимому явились:

1) Заманчивость предложенія Фридриха Великаго, прилагавшаго въ ту пору всѣ заботы къ поднятію научнаго достоинства Берлинской академіи наукъ и вызывавшаго съ этой именно цѣлью Эйлера, на выгодныхъ матеріальныхъ условіяхъ, для занятія должности директора математическаго класса Академіи.

2) Неустройства во внутренней жизни Петербургской Академіи, происходившія главнымъ образомъ отъ отсутствія строго-установленнаго регламента. Проектъ Регламента, составлявшійся еще при Петрѣ Великомъ, остался не утвержденнымъ въ законномъ порядкѣ; это дало возможность библіотекарю и правителю канцеляріи Академіи Шумахеру, имѣвшему по должности непосредственныя сношенія съ Президентами Академіи и другими начальствующими лицами, мало по малу забрать всю власть въ свои руки и послѣ того почти безконтрольно распоряжаться не только матеріальными условіями, но даже чуть не судьбами академиковъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ (Германнъ, Бильфингеръ, Д. Бернулли) еще значительно ранѣе Эйлера покинули Петербургъ изъ-за недоразумѣній съ Шумахеромъ.

3) Запутанность матеріальныхъ дѣлъ академіи и неаккуратность въ уплатѣ содержанія членамъ ея. Въ какомъ положеніи находилась хозяйственная часть академіи, можно судить по тому, что однажды, для уплаты жалованья, канцелярія ея заняла желѣзо изъ бергъ-коллегіи, подъ предлогомъ надобности его на академическія постройки, и затѣмъ продавала это желѣзо въ частныя руки. Въ результатѣ оказалось, что академики нерѣдко оставались даже безъ

[1]) „Мат. для ист. И. А. Н.“, т. IV, стр. 573.

жалованья. Такъ, въ 1728 году еще въ августѣ ими не было получено ни копѣйки изъ денегъ, слѣдовавшихъ за тотъ годъ; только въ ноябрѣ стали они тогда получать ассигновки, при чемъ и тутъ дѣло не обошлось безъ затрудненій: ассигновки писались на имя торговаго дома Люпса, который, по рѣдкости тогда денегъ, затруднялся въ платежахъ. Надо замѣтить къ тому же, что неаккуратность расплаты зависѣла не только отъ временной затяжки въ ассигнованіяхъ, но и отъ болѣе опасной и глубокой причины—отъ обнаружившагося хроническаго дефицита въ академическомъ бюджетѣ, въ 1732 году достигшемъ почти 36.000 рублей.

4) Затруднительность научной работы въ условіяхъ стѣснительнаго административнаго произвола. Для характеристки этихъ условій могутъ служить такіе примѣры: Въ 1728 г. не была допущена къ напечатанію по-русски рѣчь академика Делиля, гдѣ разрѣшался утвердительно вопросъ, вертится или нѣтъ земля; въ 1731 г. рѣшительно не смѣли издать, безъ разрѣшенія высшаго начальства, сочиненія о множествѣ міровъ Фонтенеля. Кромѣ этой осторожности въ храненіи утвердившихся, хотя бы и ложныхъ, убѣжденій, замѣчалось стремленіе охранить отъ огласки истины, добываемыя путемъ научныхъ изслѣдованій, на правахъ государственной тайны; такъ обви[illegible] астронома Делиля въ сообщеніи за границу астрономическихъ [illegible]деній доходили даже до Сената. Подозрительность къ наукѣ и ея [illegible]тавителямъ простиралась такъ далеко, что даже лица, обязан[illegible] по своему положенію содѣйствовать ученымъ въ полученіи [illegible]ній, необходимымъ для научныхъ работъ, считали напротивъ [illegible] священною обязанностью ставить въ такихъ случаяхъ препятствія для академиковъ.

5) Особенно-тяжелыя общія условія государственной жизни Россіи въ періодъ правленія Бирона и недовѣріе общества ко всѣмъ иноземцамъ въ слѣдующее затѣмъ время. Самъ Эйлеръ, въ своей автобіографіи, объясняетъ причину своего отъѣзда именно тѣмъ, что „послѣ кончины достославной императрицы Анны, при наступившемъ послѣ того регентствѣ, положеніе дѣлъ (въ Россіи) стало довольно тяжелымъ“. Впечатлѣнія бироновщины такъ глубоко запали въ сознаніе Эйлера, что даже по пріѣздѣ въ Берлинъ онъ съ крайней сдержанностью и осторожностью отвѣчалъ на самые любезные разспросы королевы-матери; вызвавъ такою несловоохотливостью изумленіе королевы, онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что „пріѣхалъ изъ страны, гдѣ за слова вѣшаютъ“. СССР!

Наконецъ: 6) Неблагопріятныя климатическія условія Петербургской жизни, частые опустошительные пожары, случавшееся рас-

квартированіе солдатъ на постой по квартирамъ обывателей и другія болѣе мелкія соображенія.

Совокупность всѣхъ перечисленныхъ причинъ произвела то, что Эйлеръ съ особой охотой отозвался на приглашеніе Фридриха Великаго и даже сразу проникся весь стремленіемъ въ Берлинъ. Въ одномъ изъ частныхъ писемъ (къ неизвѣстному) онъ писалъ: „Я не въ силахъ выразить всю великость моихъ желаній, клонящихся лишь къ тому, чтобы содѣлаться достойнымъ покровительства короля. Нѣтъ такихъ усилій, которыя бы не сдѣлалъ я для достиженія этой цѣли. Въ этихъ искреннихъ чувствахъ я твердо рѣшился жить и умереть подъ славнымъ правленіемъ государя, который столько же благопріятствуетъ гражданамъ литературной республики, сколько и имѣющимъ счастіе быть его природными подданными..." [1]).

Вотъ текстъ представленнаго Эйлеромъ 16-го февраля 1741 г. прошенія объ увольненіи изъ Петербургской Академіи:

„Поиеже силы моего здоровья часъ отъ часу умаляются и притомъ многія трудности въ домашнемъ моемъ состояніи такъ умножаются, что я совершенно въ несостояніе прихожу положенную на меня должность исправлять какъ надлежитъ: того ради нахожусь принужденъ, какъ ради слабаго своего здоровья, такъ и другихъ обстоятельствъ, искать пріятнѣйшаго климата и принять отъ его королевскаго величества прусскаго учиненное мнѣ призываніе.

Того ради прошу императорскую академію наукъ всеподданнѣйше меня милостиво уволить и снабдить для моего и домашнихъ моихъ проѣзду потребнымъ пашпортомъ. И какъ я, въ бытность мою здѣсь, оказанную всякую великую и необычайную милость, доколѣ живъ, съ должнымъ благодареніемъ исповѣдать и повсюду прославлять буду, то обязуюсь еще притомъ наисильнѣйше всегда, по крайней возможности, о чести и пользѣ императорской академіи наукъ трудиться и все оное, къ чему меня оскудѣніе силъ моихъ до сего времени не допустило, съ Божіею помощью, сколько возможно, дополнить.

На сіе мое подданнѣйшее прошеніе прошу императорскую академію наукъ всепокорно милостивое рѣшеніе учинить, которой я съ глубочайшимъ почтеніемъ и должною покорностію во все время жизни своей пребываю

императорской академіи наукъ всеподданнѣйшій слуга
Леонгардъ Эйлеръ" [2]).

---

[1]) „Lettres de Frédéric le Grand... à M. Leonhard Euler"—въ архивѣ академіи конференціи (Цитир. по „Ист. А. Н." Пекарскаго, стр. 256).

[2]) „Мат. для ист. Имп. Ак. Н.", томъ IV, 1887, стр. 572—573.

Прошеніе это препровождено было 15 марта 1741 г. при такомъ отзывѣ академіи:

„Профессоръ вышней математики Леонардъ Эйлеръ, поданнымъ своимъ минувшаго февраля 16-го числа сего году доношеніемъ о увольненіи своемъ изъ службы всеподданнѣйше просилъ. А хотя онъ въ прошломъ 1740-мъ году новый контрактъ съ академіею наукъ заключилъ, а по силѣ онаго обязался совершенное описаніе вышшей анализіи съ корабельною наукою сочиня, академіи наукъ подать, однакожъ оная, нынѣшнія его, профессора Эйлера, обстоятельства въ разсужденіе принимая, за потребно не находитъ, чтобъ ему предписанной въ помянутомъ контрактѣ кондиціи въ отпускѣ и увольненіи его какое помѣшательство или задержаніе чинить: ибо онъ

1) Договоромъ обѣщанныя дѣла и книги, въ Нѣмецкой землѣ по частямъ сочиняя, со временемъ сюда присылать можетъ.

2) Многія имъ, профессоромъ, чрезъ тринадцать лѣтъ учиненныя и при академіи публикованныя обрѣтеніи сами собою такъ важны, что оными, не требуя отъ него другова, довольствоваться можно, толь наиболѣе, что онъ именно не обязался, сколько лѣтъ ему служить; также и отъ академіи точнаго времени и сроку не положено, когда ему о своемъ увольненіи просить, какъ то въ другихъ, при академіи наукъ заключенныхъ контрактахъ обыкно- ... бывало.

Въ разсужденіи слабаго состоянія его здоровья и что онъ, ...нѣшнимъ своимъ обстоятельствамъ, зрѣнія весьма легко лишить- ...жетъ, что надлежитъ опасаться, чтобъ реченный профессоръ ...лько означенныя книги писать, но и всей бы должности своего ...ія отправлять внѣ состоянія не пришелъ.

5) А ежели ему, Эйлеру, при отпускѣ отъ академіи наукъ какое милостивое награжденіе учинено будетъ, то сіе онаго профессора къ тому побудитъ, что онъ, пришедши въ лутчее здоровье, изъ Нѣмецкой земли опять въ Россію возвратится и академіи наукъ большую предъ нынѣшнимъ услугу и пользу принесть можетъ.

Для сихъ объявленныхъ причинъ, академія наукъ за потребно находитъ всеподданнѣйше о семъ представить и доложиться, не соизволитъ ли академіи наукъ всемилостивѣйше повелѣть упомянутаго профессора Эйлера, за слабостью его здоровья и за другими, выше сего показанными обстоятельствами, отъ академической службы уволя, въ Германію отпустить; также на мѣсто его другова, въ математикѣ искуснаго профессора выписать; а для вящаго впредь къ вѣрнымъ и Россійской Имперіи полезнымъ услугамъ при обязаніи, нѣкоторое ему, профессору, награжденіе учинить. На что ака-

демія наукъ о всемилостивѣйшей резолюціи чрезъ сіе всеподданѣйшимъ респектомъ проситъ.

Бревернъ, Гольдбахъ, Шумахеръ" [1]).

При докладѣ прошенія на немъ положена была резолюція:

„По сему докладу онаго Эйлера, по желанію его, отъ академической службы уволить, а на его мѣсто, ежели потребно, выписать другова, въ математикѣ искуснаго профессора. А какое оному Эйлеру при отпускѣ его награжденіе потребно учинить и для какихъ именно резоновъ, о томъ представить со мнѣніемъ. Маія 29-го дня 1741-го года.

Андрей Остерманъ, К. Алексѣй Черкаской, графъ М. Головкинъ" [2]).

Такимъ образомъ, 29 мая 1741 г. Эйлеръ былъ уволенъ отъ службы въ Петербургской Академіи Наукъ, а чуть позже ему было пожаловано званіе Почетнаго Члена (корреспондента) Академіи и опредѣлена ежегодная пенсія въ 200 рублей.

Слѣдующія затѣмъ 25 лѣтъ своей жизни—съ 1741 по 1766 г.— Эйлеръ проводитъ въ Берлинѣ. За этотъ періодъ его ученая слава окончательно упрочивается, такъ что напримѣръ въ 1755 г. Парижская Академія наукъ, вопреки обычаю, зачисляетъ его своимъ сочленомъ (Associé étranger) сверхъ штата, не дожидаясь выбытія изъ состава одного изъ 8-ми иностранныхъ представителей науки. Самъ Фридрихъ Великій, считавшій многія изъ отраслей математики малонужною роскошью, относился къ великому математику съ особеннымъ довѣріемъ и благорасположеніемъ, какъ это обнаруживаетъ сохранившееся собраніе 54-хъ, частью—собственноручныхъ, писемъ монарха къ Эйлеру. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ Фридрихъ пишетъ: „одобряю заботливость, съ какою вы стараетесь примѣнить на пользу человѣчеству тѣ теоріи, которыя даетъ вамъ пріобрѣтеніе и разработка научныхъ знаній". Вообще, Фридрихъ Великій не упускалъ случая извлекать изъ присутствія Эйлера въ Пруссіи и чисто-практическую пользу, прибѣгая, напримѣръ, къ его совѣтамъ при нивеллировкѣ судоходнаго канала (Finow-Kanal) между Гафелемъ и Одеромъ, при постройкѣ водопровода въ Санъ-Сусси, при устройствѣ Шенебекскихъ соляныхъ промысловъ, при организаціи лотереи (Calzapighi) и т. п.

За этотъ періодъ Эйлеромъ обнародовано много капитальныхъ научныхъ работъ. Замѣчательно, что въ продолженіе всѣхъ 25-ти лѣтъ Эйлеръ не порываетъ научной связи и съ Россіей, постоянно

---

[1]) „Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ", томъ IV, С.-Петербургъ 1887, стр. 612—613 (Пунктъ 3-ій почему-то отсутствуетъ).

[2]) „Матер. для исторіи Импер. Акад. Наукъ", томъ IV, стр. 613.

отправляя цѣлыя серіи мемуаровъ для напечатанія въ Комментаріяхъ Петербургской Академіи. Въ результатѣ, на-ряду съ 119-ью работами, помѣщенными за это время въ извѣстіяхъ Берлинской Академіи, въ Петербургскихъ Комментаріяхъ появились 109 его научныхъ статей. Обращаетъ на себя вниманіе еще тотъ фактъ, что Берлинскіе мемуары Эйлера имѣютъ преимущественно прикладной математическій характеръ и написаны на французскомъ языкѣ, Петербургскія же публикаціи изложены по-латыни и при томъ въ духѣ чисто-математическомъ отвлеченно-научномъ; видимо, въ Берлинѣ онъ пытался отвѣтить требованіямъ общества, состоявшаго въ болѣе близкой связи со своей Академіей и требовавшаго отъ послѣдней удовлетворенія своимъ научнымъ запросамъ, на Петербургскую же Академію онъ смотрѣлъ какъ на истинную хранительницу самыхъ глубокихъ научныхъ знаній, не принужденную подчиняться невольно-принижающимъ интересамъ широкой публики. Изъ появившихся за это время крупныхъ работъ Эйлера одна—по морскому дѣлу (Scientia navalis)—была издана въ Петербургѣ и одна—по астрономіи (Theoria motuum Lunae etc.)—въ Берлинѣ лишь печаталась, ради удобства чтенія авторомъ корректуръ, но на счетъ русской академіи.

Для характеристики научной связи Эйлера съ Петербургской Академіей приведемъ здѣсь два документа:

Выдержку изъ отвѣтнаго письма Эйлера (27-го іюля 1743 г.) …эву, временно замѣстившему Шумахера и сообщавшему, что …ничнымъ членамъ академіи пенсій болѣе производиться не …ъ. „Благородный и почтеннѣйшій г-нъ Совѣтникъ Государь …, отвѣчалъ по-русски Эйлеръ: „Вашему благородію за благосклонныи отвѣтъ на мое письмо покорно благодарствую; объ именномъ указѣ ея императорскаго величества, чтобъ впредъ иностраннымъ членамъ Академіи Наукъ жалованія не производить, никакова извѣстія еще не получилъ. и для того нынѣ съ чиномъ почетнаго члена и безъ жалованья весьма удоволствуюсь“ [1])...

2) Въ представленіи академіи въ 1744 г. о возобновленіи пенсій заграничнымъ почетнымъ членамъ объ Эйлерѣ помѣщенъ былъ такой отзывъ: „профессоръ Эйлеръ отпущенъ отъ Академіи въ 1741 году, и по резолюціи бывшаго тогда кабинета опредѣлена ему была пенсія по 200 рублей въ годъ. Какую онъ пользу и честь здѣшней академіи учинилъ множествомъ присланныхъ отъ него ученыхъ сочиненій въ то уже время, когда отсюда отлучился, оное всѣ здѣшніе профессора тѣмъ наипаче признать имѣютъ, что онъ

---

[1]) Архивъ Академ. Канцеляріи—Входящія письма 1740—43 гг.

праведно за украшеніе ученаго свѣта почитается и въ состояніи математической классъ учеными сочиненіями одинъ наполнить, ежели бы нужда того требовала. Его двѣ книги—одна о навигаціи или мореплаваніи, а другая о счетѣ интегральномъ и дифференціальномъ той пенсіи уже достойны, которую онъ получать имѣлъ, хотя бы для Академіи, будучи въ отсутствіи, и ничего больше не дѣлалъ" [1])...

Связь Эйлера съ Петербургской Академіей выражалась не только доставленіемъ мемуаровъ для Комментаріевъ. Въ 1750—55 годахъ къ Эйлеру часто присылались изъ Петербургской Академіи математическія статьи русскихъ студентовъ съ просьбою высказать о нихъ мнѣніе; замѣчательно, что великій ученый относился съ большимъ снисхожденіемъ къ этимъ юношескимъ опытамъ и отзывался о нихъ почти всегда съ похвалами. Кромѣ того, Эйлеръ самъ предложилъ, чтобы Академія прислала къ нему въ Берлинъ, для наставленія въ высшей математикѣ, Котельникова, который оставался при немъ съ 1752 по 1756 г. Нѣсколько позже были къ нему командированы съ тою же цѣлью Сафроновъ (1754—55) и Румовскій (1754—56). Заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія ясно выражавшееся Эйлеромъ намѣреніе подготовлять чисто-русскихъ ученыхъ для замѣщенія вакантныхъ должностей въ Россіи. Эта идея сказалась, напр., въ слѣдующихъ его рекомендаціяхъ [2]):

1) Когда Петербургская Академія просила Эйлера указать ученаго для занятія каѳедры механики, онъ писалъ 7 августа 1753 г.: „Я еще не имѣю никакихъ извѣстій о способномъ механикѣ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сомнѣваюсь, найдется ли такой, за котораго бы могъ заслужить признательность. Лучше всего будетъ замѣстить это мѣсто способнымъ русскимъ, для чего конечно потребуется время"...

2) На просьбу найти въ Германіи ректора и конректора для Московской гимназіи при университетѣ онъ, 26 іюля 1755 г., отвѣчалъ: „ г. Котельниковъ сказывалъ мнѣ, что по этой части трудно найти людей болѣе способныхъ, какъ два русскіе студента (Козицкій и Мотонисъ), слушающіе лекціи въ Лейпцигѣ. Одинъ изъ нихъ, какъ думаетъ Котельниковъ, могъ бы удобно быть отданъ отъ Академіи университету. Это будетъ лучшій совѣтъ, когда Академія насчетъ этихъ студентовъ не имѣетъ особенныхъ видовъ, такъ какъ, кромѣ того, что нѣмцы чрезвычайно требовательны, рекомендація можетъ оказаться также и неудачною".

---

[1]) „Матеріалы для ист. Акад. Наукъ".

[2]) Три слѣдующихъ выдержки изъ писемъ Эйлера цитир. по „Ист. Ак. Н. въ Петербургѣ" академика Пекарскаго, т. I, стр. 273 и 275.

3) Относительно самого Котельникова Эйлеръ сообщалъ непремѣнному секретарю Академіи Мюллеру, что Котельниковъ, по своимъ знаніямъ и дарованіямъ, гораздо выше ученыхъ вродѣ Кюна, Кастильоне и Кестнера, которыхъ Академія хотѣла вызвать изъ Германіи на свободныя мѣста академиковъ.

Нелишнее пожалуй отмѣтить, что Академія-то была далеко не всегда аккуратна въ высылкѣ денегъ, слѣдовавшихъ Эйлеру за содержаніе и обученіе состоявшихъ при немъ студентовъ, за печатаніе „теоріи движенія луны" и за другіе предметы,—долгъ ея одно время достигалъ 500 рублей.

Наконецъ, научное содѣйствіе Эйлера задачамъ Петербургской Академіи Наукъ сказалось также въ составленіи имъ, по порученію президента—графа Разумовскаго, темъ для международнаго конкурса на премію, впервые объявлявшагося Петербургской Академіею въ 1749 г., и въ разсмотрѣніи присланныхъ на этотъ конкурсъ научныхъ работъ. (Выбранная Академіею изъ числа предложенныхъ тема касалась изслѣдованія теоріи Ньютона о движеніи луны; премію въ сто червонныхъ получилъ французскій ученый Клеро).

Любопытно еще прослѣдить вліяніе, оказанное на отношеніе Эйлера къ Петербургу семилѣтней войной (1756—63), поставившей русскихъ на время въ ряды враговъ Пруссіи и даже приведшей русскія войска въ 1760 году подъ самый Берлинъ—въ Шарлоттен-[illegible]ъ.

25 сентября 1756 г., когда начались приготовленія русскихъ къ [illegible]ду на Пруссію, Эйлеръ кончалъ свое письмо акад. Мюллеру [illegible]: „Не хочу я вѣрить, чтобы общественныя безпокойства пре[illegible]ли нашу переписку и помѣшали моей преданности император[illegible]а Академіи".

27 февраля 1759 г. онъ писалъ Тауберту: „по крайней возможности моей стараться буду должность свою къ императорской Академіи наукъ во всемъ исполнить. Хотя сумнительныя времена не допускали меня понынѣ продолжать корреспонденцію мою съ императорскою Академіею наукъ, однако я во все оное время сочинилъ много разныхъ диссертацій, которыя всѣ по первому требованію перешлю тою дорогою, коею мнѣ приказано будетъ, потому что я не знаю, какимъ трактомъ оныя могу отправить".

29 января 1760 г. Эйлеръ писалъ между прочимъ Мюллеру: „Въ особенности я желаю скорѣйшей перемѣны нынѣшнихъ обстоятельствъ, чтобы безъ опасенія продолжать съ вами прежнюю переписку и доказывать на дѣлѣ мое усердіе къ императорской Академіи".

Приведемъ еще выдержку изъ письма къ Мюллеру же отъ 18

октября 1760 г.: „Здѣсь было посѣщеніе, которое въ другихъ обстоятельствахъ было бы чрезвычайно пріятно. Впрочемъ, я всегда желалъ, что если бы когда-либо суждено было Берлину быть занятымъ иностранными войсками, то пускай это были бы русскія. И такъ я имѣлъ удовольствіе узнать многихъ храбрыхъ офицеровъ, особенно долженъ хвалиться знаками дружбы г. полковника Маслова. Также доставилъ намъ величайшую радость своимъ посѣщеніемъ молодой г. Фишеръ, котораго жена моя крестила: онъ чрезвычайно любезенъ и навѣрное будетъ служить утѣшеніемъ и радостью своему отцу. Г. докторъ Щепинъ равнымъ образомъ выказалъ къ намъ много дружбы, и мнѣ въ эти дни оказано было столько почестей, насколько я никогда не могъ разсчитывать“ [1])...

Между прочимъ, при оккупаціи русскими войсками Шарлоттенбурга былъ нанесенъ значительный матеріальный ущербъ Эйлеру, владѣвшему подъ Шарлоттенбургомъ недвижимой собственностью—имѣньицемъ. Когда это обстоятельство стало извѣстнымъ въ штабѣ русскихъ войскъ, Эйлеру было выказано самое живое сочувствіе, имѣніе его ограждено было почетнымъ карауломъ и ему подана была идея объ исходатайствованіи вознагражденія за причиненные убытки. Вознагражденіе это, въ размѣрѣ 1200 руб., было выдано Эйлеру по вступленіи на престолъ Екатерины II въ 1763 году.

Въ томъ же 1763 году у Эйлера является мысль объ обратномъ возвращеніи въ Россію. Н. Фуссъ въ своемъ похвальномъ словѣ великому математику объясняетъ такое его намѣреніе „замѣтнымъ пристрастіемъ къ странѣ, въ которой онъ провелъ первые годы своей молодости“. Какъ ни лестно для насъ—русскихъ такое предположеніе, нельзя однако не замѣтить, что у Эйлера, какъ на то указываетъ акад. Пекарскій, существовали и другіе, болѣе прозаичные, мотивы къ такому рѣшенію. Самымъ главнымъ изъ этихъ мотивовъ является, повидимому, слухъ о назначеніи новымъ президентомъ Берлинской Академіи, на мѣсто Мопертюи, французскаго ученаго Д'Аламбера, съ которымъ Эйлеръ находился въ то время въ довольно-натянутыхъ отношеніяхъ. Видимо, Эйлеръ опасался, что новый президентъ, изъ-за личныхъ счетовъ, постарается возможно устранить его отъ вліянія на академическія дѣла и вообще наводнитъ Берлинскую Академію своими соотечественниками. Къ этому присоединялось сознаніе нѣкотораго ослабленія благосклонности Фридриха Великаго еще съ 1747 г., послѣ литературнаго выступленія Эйлера съ трактатомъ религіознаго характера противъ

---

[1]) Выдержки эти цитир. по „Ист. Ак. Н.“ акад. Пекарскаго, т. I, стр 278—279.

атеистовъ („Rettung der göttlichen Offenbahrung gegen die Einwürfe der Freygeister"), по духу не отвѣчавшимъ образу мыслей короля [1]).

Подъ вліяніемъ слуховъ о предстоящемъ президентствѣ Д'Аламбера Эйлеръ писалъ 17 мая 1763 г. Мюллеру: „я намѣренъ мызу свою близъ Шарлоттенбурга и здѣшней свой дворъ продать, дабы я ни чемъ не былъ обязанъ, когда судьба моя вывесть меня отсюда захочетъ. Для меня теперь все равно, кому здѣшнее президентское мѣсто ни достанется. Сказываютъ, что господинъ д'Аламберъ, который самъ сюда ѣхать не хочетъ, представилъ вмѣсто себя Шевалье-де-Жокурта. Мнѣ до того дѣла нѣтъ, потому что намѣреніе мое совсѣмъ иное... Я уже вездѣ представлялъ свои услуги, и гдѣ мнѣ больше дадутъ, туда и служить пойду; ибо какъ я не французъ, такъ и не могу надѣяться, чтобъ кто-нибудь меня здѣсь купить хотѣлъ, потому что дѣйствительно нѣкоторые молодые математики изъ Парижа уже сюда ѣдутъ, изъ коихъ каждому вдвое противъ меня жалованья обѣщано. Его высокографское сіятельство господинъ Гетманъ еще до войны дѣлалъ мнѣ такую выгодную пропозицію, которая весьма превосходила малыя мои заслуги: но обстоятельства были тогда такія, что я бы въ крайнее попалъ несчастье, ежелибъ къ принятію оной склонился. И такъ опасаюсь, не прогнѣвалъ ли я тогдашнимъ моимъ отвѣтомъ его сіятельства. Я бы желалъ, чтобъ его высокографскому сіятельству донесено было о причинахъ тогдашняго моего отказа" [2]).

Таубертъ, замѣстившій къ тому времени Шумахера въ упра-іи хозяйственною частью Академіи, узнавъ о подобномъ напра-іи мыслей Эйлера, поспѣшилъ доложить президенту Академіи ...у Разумовскому, что, по его мнѣнію, Эйлера слѣдуетъ пригласить въ Академію съ годовымъ жалованьемъ въ 1.500 рублей—ему и въ 500 руб.—его сыну. „Болѣе сего"—прибавлялъ Таубертъ—

---

[1]) G. Valentin въ статьѣ о пребываніи Эйлера въ Берлинѣ (См. „Festschrift zur Feier des 200 Gebutstages Leonhard Eulers" herausgeg. v. d. Berlin. Mathem. Gesellschaft, 1907, стр. 12) указываетъ вообще на довольно-сдержанное, а временами даже и насмѣшливое отношеніе Фридриха Великаго къ Эйлеру, для объясненія котораго онъ выставляетъ три главнѣйшихъ причины: 1) Неспособность короля къ математикѣ и его предубѣжденіе противъ этой отрасли знаній, а за-одно—и противъ ея представителей; 2) Отсутствіе у Эйлера дарованій къ легкому, шутливому, изысканно-французскому обращенію, которое Фридрихъ такъ цѣнилъ въ Вольтерѣ, Мопертюи, Д'Аржанѣ и многихъ другихъ и которымъ обладалъ самъ въ большой мѣрѣ и 3) Малый интересъ, проявлявшійся Эйлеромъ по отношенію къ поэзіи—любимому занятію короля.

[2]) „Зап. имп. Ак. Н.", т. 6, кн. 1, ст. Пекарскаго—„Екат. II и Эйлеръ", прилож., стр. 77—78.

„ему и сыну его давать не совѣтую, вѣдая совершенно, что онъ, по нынѣшнему своему крайнему недовольствію, на сіи кондиціи сюда пріѣхать ни мало не отречется“ [1]). Какъ только объ этомъ доведено было до свѣдѣнія Екатерины, она немедленно приказала Теплову пригласить Эйлера для управленія математическимъ классомъ и для исполненія обязанностей конференцъ-секретаря на жалованье по 1800 рублей въ годъ; кромѣ того, его сыну предлагалось мѣсто ординарнаго профессора и обоимъ на проѣздъ назначалось 500 рублей. Въ концѣ этихъ условій, отправленныхъ Эйлеру 26 мая 1763 года, была добавлена просьба не откладывать выѣзда, если эти условія его не удовлетворятъ въ какихъ-либо деталяхъ; въ случаѣ же желательности существенныхъ измѣненій, испрашивалось о томъ извѣщеніе [2]).

Надо замѣтить, что Эйлеръ еще ранѣе получалъ предложенія вернуться въ Россію. Такъ, графъ Разумовскій, жившій во время путешествія по Западной Европѣ, въ 1744 г., нѣкоторое время въ домѣ Эйлера, въ 1746 г., при назначеніи на постъ президента Академіи, поспѣшилъ первымъ долгомъ послать Эйлеру такого рода предложеніе. Этой идеѣ сильно сочувствовалъ въ то время Д. Бернулли, находившійся уже въ Швейцаріи, но слѣдившій за дѣятельностью Петербургской Академіи и возлагавшій надежду на улучшеніе ея дѣлъ при новомъ президентѣ. Онъ писалъ между прочимъ Эйлеру 9 іюля 1745 г.: „Боюсь только, что уже будетъ невозможно привести Академію въ прежнее цвѣтущее состояніе, но это бы осуществилось, когда бы вы рѣшились отправиться туда года на два. Дѣло можно бы такъ устроить, что король, по сосѣдству и изъ дружбы къ императрицѣ, отпустилъ бы васъ въ Россію, и въ такомъ случаѣ конечно не можетъ возникнуть никакихъ неудобствъ. Я вызываюсь исправлять въ продолженіе двухъ лѣтъ ваши обязанности въ Берлинѣ, но съ тѣмъ, чтобы вы получали берлинское жалованье“ [3]).

Въ 1750 г. Эйлеру снова передано было, отъ имени самой императрицы Елизаветы, предложеніе вернуться въ Петербургскую Академію на тѣхъ условіяхъ, какія онъ найдетъ нужнымъ

---

[1]) Цитир. по той же статьѣ, стр. 64.

[2]) Письмо съ этими предложеніями см. въ той же статьѣ, прилож., стр. 78—79.

[3]) Цитир. по „Ист. Имп. Ак. Н.“ Пекарскаго, т. I, стр. 115. Отмѣчая здѣсь съ благодарностью ту заботливость, съ какою Д. Бернулли относился къ Петербургской Академіи, напомню кстати, что текущій 1907 годъ до нѣкоторой степени связанъ съ памятью и объ этомъ ученомъ, такъ какъ 17 марта исполнилось ровно 125 лѣтъ со дня его смерти.

выставить. И Эйлеръ сначала было склонялся на это приглашеніе, но потомъ все же отклонилъ его, мотивируя свой отказъ приближеніемъ къ 50-ти лѣтнему возрасту, сопряженному у всѣхъ извѣстныхъ математиковъ—Ньютона, Лейбница, Германна, Вольфа и Бернулли—съ ослабленіемъ ихъ ученой дѣятельности.

Новое предложеніе отъ имени императрицы Екатерины II, о которомъ только-что было сказано, тоже временно не возымѣло своего дѣйствія. Повидимому, тревожное Берлинское настроеніе Эйлера нѣсколько поулеглось: стало извѣстнымъ, что Д'Аламберъ отказался отъ званія президента Берлинской Академіи и при томъ самымъ лучшимъ образомъ отзывался передъ королемъ объ Эйлерѣ. Вообще, Эйлеръ, видимо, не находилъ уже повода къ разрыву съ Берлиномъ. И онъ писалъ, напр., Мюллеру 10 сентября 1763 г., что, по своимъ лѣтамъ и при большомъ семействѣ, онъ только въ томъ случаѣ могъ бы отправиться въ Петербургъ, если бы былъ побужденъ къ тому важными перемѣнами въ Берлинской Академіи, а вовсе не изъ разсчетовъ на почести или выгоды.

Объ удержаніи Эйлера въ Берлинѣ особенно хлопоталъ именно Д'Аламберъ. Онъ писалъ напр., Эйлеру 29 іюля 1763 г. изъ Потсдама: „Хотя мнѣ не остается и мѣсяца пробыть въ этой странѣ, однако я не могу удержаться, чтобы не сочувствовать ей и особенно не жалѣть академіи, если она будетъ имѣть несчастіе потерять васъ. Что до меня касается, когда бы мнѣ пришлось остаться здѣсь, то я бы сдѣлалъ все на свѣтѣ для удержанія васъ. Рѣшились ли вы окончательно? Вы должны быть увѣрены, что я уже говорилъ и буду еще говорить о васъ королю со всѣмъ уваженіемъ, котораго вы заслуживаете"... 14 августа 1763 г. изъ Санъ-Сусси: „Я, наконецъ, считаю себя столько счастливымъ, что сохранилъ королю и академіи такого человѣка, какъ вы. Вы увидите изъ письма маркиза д'Аржана, что король назначаетъ хорошій пенсіонъ для вашего сына, и не отъ меня будетъ зависѣть, чтобы вы, милостивый государь, не получили все, чего можетъ желать человѣкъ такихъ рѣдкихъ достоинствъ, какъ ваши. Въ этомъ смыслѣ я говорилъ о васъ королю"... И 20 августа 1763 г. изъ Потсдама: „Я совершенно убѣдилъ его величество, что въ васъ Академія понесетъ невознаградимую потерю, которая нанесетъ ударъ славѣ короля. Я полагаю еще до моего отъѣзда поручить его вниманію ваши интересы" [1])...

Но новое недоразумѣніе, на почвѣ несогласія съ членами

---

[1]) Цитир. по статьѣ Пекарскаго „Екат. II и Эйлеръ" въ „Зап. Имп. Ак. Н.", т. 6, кн. 1, стр. 66—67.

ревизіонной комиссіи, назначенной королемъ для изысканія средствъ къ увеличенію доходовъ Академіи и къ болѣе правильному расходованію ихъ, снова возвратило Эйлера къ мысли о переѣздѣ въ Петербургъ. При этомъ, онъ самъ предложилъ (24 декабря 1765 г.) свои условія, а именно: онъ просилъ для себя мѣсто вице-президента Академіи съ ежегоднымъ жалованіемъ въ 3.000 рублей и съ квартирою, свободною отъ солдатскаго постоя, для старшаго своего сына —каѳедру физики съ жалованіемъ въ 1.000 руб. и для второго и третьяго сына—приличныя мѣста по артиллерійскому и медицинскому вѣдомствамъ.

Императрица Екатерина II, узнавъ объ условіяхъ Эйлера, отправила 6 января 1766 г. канцлеру графу Воронцову собственноручное письмо (по-французски), изъ котораго заимствуемъ слѣдующія выдержки [1]):

„Господинъ графъ Воронцовъ! Письмо къ вамъ г. Эйлера доставило мнѣ большое удовольствіе, потому что я узнаю изъ него о желаніи его вступить снова въ мою службу. Конечно, я нахожу его совершенно достойнымъ желаемаго имъ званія вице-президента Академіи наукъ, но для этого слѣдуетъ принять нѣкоторыя мѣры прежде, чѣмъ я установлю это званіе—говорю установлю, такъ какъ донынѣ его не существовало... Такимъ образомъ я ничего не могу отвѣчать теперь г. Эйлеру касательно этого предмета.

При настоящемъ положеніи Академіи, тамъ нѣтъ денегъ на жалованье въ 3000 р., но для человѣка съ такими достоинствами, какъ г. Эйлеръ, я добавлю къ академическому жалованью изъ государственныхъ доходовъ, что вмѣстѣ составитъ требуемые имъ 3.000 р. У него будетъ казенная квартира, и ни малѣйшей тѣни солдатъ.

Хотя въ Академіи нѣтъ свободной каѳедры физики съ жалованьемъ въ 1.000 р. для его старшаго сына, однако я ихъ ему назначаю, также какъ дозволяю свободную практику второму (медику) и дамъ мѣсто, если онъ пожелаетъ вступить въ службу. Третій сынъ (артиллеристъ) будетъ помѣщенъ безъ всякаго затрудненія... Я увѣрена, что моя Академія возродится изъ пепла отъ такого важнаго пріобрѣтенія, и заранѣе поздравляю себя съ тѣмъ, что возвратила Россіи великаго человѣка...

Необходимо также увѣдомить г. Эйлера, что до его пріѣзда я

[1]) Приводимыя ниже письма Екатерина II, прошенія Эйлера и отвѣты Фридриха Великаго въ подлинномъ французскомъ изложеніи можно видѣть въ приложеніи къ статьѣ акад. Пекарскаго—„Екат. II и Эйлеръ“ (Зап. Ак. Н., т. 6, стр. 87 и слѣд.)—Переводъ этихъ писемъ взятъ непосредственно изъ текста той же статьи.

не предпринимаю никакихъ перемѣнъ въ Академіи на тотъ конецъ, чтобы лучше уговориться съ нимъ объ улучшеніяхъ, о которыхъ мнѣ представлены разныя неудовлетворительныя предложенія"...

Впослѣдствіи Эйлеръ прибавилъ еще нѣсколько дополнительныхъ условій, о которыхъ графъ Воронцовъ доводилъ 9 февраля 1766 г. до свѣдѣнія императрицы,—о пенсіи женѣ, въ случаѣ смерти Эйлера, о чинѣ для него, о мѣстѣ для сына-медика, наконецъ—о трехъ тысячахъ на путевыя издержки. Сохранилась черновая отвѣтная записка императрицы, гдѣ она писала (тоже по-французски) между прочимъ: „На послѣднюю статью я отвѣчаю повелѣніемъ, даннымъ эще вчера г. Олсуфьеву, отослать вексель на эту сумму князю Долгорукову. Я приказала также президенту медицинской коллегіи оставить въ мое распоряженіе хорошее мѣсто медика. Равнымъ образомъ я обезпечу часть пенсіона, о которомъ мы уговорились съ г. Эйлеромъ для его супруги, на случай, если она переживетъ его. Я дала бы ему, когда онъ хочетъ, чинъ... (зачеркнуто—коллежскаго совѣтника), еслибы не опасалась, что этотъ чинъ сравняетъ его со множествомъ людей, которые не стоятъ г. Эйлера. По истинѣ его извѣстность лучше чина для оказанія ему должнаго уваженія"...

Получивъ изъ Петербурга удовлетворительный отвѣтъ на свои запросы, Эйлеръ подалъ Фридриху Великому слѣдующія 2 прошенія одно за другимъ:

1. „Государь! Изъ опасенія, чтобы не было скрыто настоящее мое положеніе, я беру смѣлость представить объ этомъ слѣдующія объясненія:

I. Когда комиссія, злоупотребляя повелѣніями вашего величества, ниспровергла академическій уставъ, и когда мои усилія для поддержанія его стали безполезны и быть можетъ переданы вашему величеству въ злостномъ видѣ, то я принужденъ былъ сложить съ себя мое званіе и предложить услуги русскому двору.

II. Нынѣ, послѣ того, какъ этотъ дворъ согласился на огромнѣйшія для меня выгоды, я не могу взять назадъ своего слова, не бывъ обвиненъ въ самой черной неблагодарности.

III. Такимъ образомъ осмѣливаюсь умолять ваше величество дозволить мнѣ повторить еще разъ мое нижайшее прошеніе".

2. „Государь! Какъ ни былъ я всегда усерденъ къ службѣ вашего величества, однако не могу оставаться нечувствительнымъ къ тому прекрасному положенію, которое предлагаетъ русскій дворъ всему моему семейству. Оно тѣмъ болѣе въ томъ нуждается, что съ моею смертью обрекается на чрезмѣрную бѣдность.

Эта могущественная причина побуждаетъ меня умолять съ глубочайшею покорностью ваше величество о дозволеніи воспользо-

ваться мнѣ этимъ случаемъ, совсѣмъ необыкновеннымъ, и соизволить на мой отпускъ, также—моего сына, который въ академіи, и втораго, медика неимущихъ французовъ.

Что касается до третьяго, артиллериста, то я знаю очень хорошо, что такая просьба была бы очень смѣла, почему совершенно предаюсь въ отношеніи его на милостивое соизволеніе вашего величества, хотя такое разлученіе должно причинить живѣйшую горесть съ обѣихъ сторонъ“.

Въ отвѣтъ на эти просьбы Эйлеръ получилъ такую записку короля:

„Получивъ ваше письмо отъ 15 числа этого мѣсяца, въ которомъ, также какъ и въ двухъ предыдущихъ, вы ходатайствуете о вашемъ отпускѣ, я намѣренъ вамъ симъ объявить, что вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе, когда, отказавшись отъ такого ходатайства, не будете болѣе писать объ этотъ предметѣ. Въ Потсдамѣ, 17 марта 1766 года.

Фридрихъ“.

Отказъ этотъ побудилъ Эйлера прибѣгнуть къ посредничеству Д'Аламбера, который, однако, отвѣчалъ 28 апрѣля 1766 г. такимъ образомъ:

...Я полагаю, милостивый государь, что причина, заставляющая васъ просить о вашемъ отпускѣ, есть опасеніе, что вы подверглись немилости короля. И такъ я думаю, чтобы васъ въ томъ разу[illegible]рить, что если вы возвратитесь въ академію... и будете пр[illegible]жать тамъ по обыкновенію ваши работы, то скоро пріобрѣтет[illegible] доброе расположеніе, которое полагаете потеряннымъ. Король ум[illegible] отличать заслуги, и я не оставлялъ его въ неизвѣстности о в[illegible] превосходствѣ вашемъ и о чести, которую приносите вы академіи... Я не думаю, чтобы выгоды, предлагаемыя вамъ въ Петербургѣ. побуждали васъ отправиться туда, потому что вамъ предлагали ихъ два года тому назадъ, и вы отъ нихъ отказались. Если вы думаете, что будете болѣе свободны и счастливы, переселившись въ Петербургъ, тогда я не имѣю ничего сказать. Но полагаю, что вы худо разсчитываете, такъ какъ будучи старѣе двадцатью пятью годами, вы почувствуете болѣе вліяніе климата, и, кромѣ того, ваша судьба будетъ тамъ менѣе обезпечена, чѣмъ въ Берлинѣ. Меня, впрочемъ, увѣряютъ, что король съ большимъ затрудненіемъ рѣшится отпустить съ вами всѣхъ трехъ сыновей вашихъ, особенно того, который служитъ въ артиллеріи и про котораго самъ его величество говорилъ, что онъ изъ лучшихъ у него офицеровъ. И такъ мнѣ кажется, что самое благоразумное, что вы сдѣлаете для вашего счастья и спокойствія, это будетъ—остаться въ Берлинѣ.

Что до меня касается, то у меня никогда не достанетъ смѣлости просить за васъ у короля о дозволеніи вамъ уѣхать: онъ приметъ это весьма дурно—и справедливо. Но я готовъ на зависящія отъ меня услуги для васъ у его величества, будетъ ли то касаться забвенія прошлаго, или же улучшенія вашей участи, когда вы полагаете это необходимымъ“...

Еще не получивъ этого отвѣта, Эйлеръ подалъ новое прошеніе королю 30 апрѣля 1766 г.:

„Государь! Припадая къ стопамъ вашего величества, я осмѣливаюсь снова умолять о милости соизволить на дозволеніе принять блестящій вызовъ, сдѣланный мнѣ Россіею. Такъ какъ всѣ академики, просившіе до сихъ поръ объ отпускѣ, получали его безъ всякаго затрудненія, то я тѣмъ болѣе льщу себя надеждою, что вы не откажете мнѣ въ этой милости, такъ какъ я со всѣмъ моимъ семействомъ пользуюсь правомъ швейцарскаго гражданства, а это наше право свободы прежде было признано и Россіею, когда я тамъ получилъ дозволеніе вступить въ службу вашего величества. И такъ осмѣливаюсь надѣяться, что ваше величество также захочетъ признать это право свободы, согласившись на нашъ отпускъ, что я буду всегда считать самой милостивой наградой за всѣ услуги, которыя старался съ величайшимъ усердіемъ оказывать Академіи, пока занималъ мѣсто, которое вашему величеству угодно было мнѣ вручить и которое беру смѣлость возвратить къ вашимъ стопамъ съ глубочайшею преданностью и самою почтительною признательностью, которою преисполнено мое сердце“.

Отвѣтъ Фридриха на эту новую просьбу былъ кратокъ: „Я вамъ дозволяю, по вашему письму отъ 30 минувшаго апрѣля, уѣхать, чтобы отправиться въ Россію. Въ Потсдамѣ 2 мая 1768 года.

Фридрихъ“.

Наконецъ, въ іюнѣ 1766 г. Эйлеръ покинулъ Берлинъ и отправился въ Петербургъ. Прусскій король отомстилъ за то великому математику слѣдующей вычурно-насмѣшливой выходкой въ письмѣ Д'Аламберу 25 іюля того же года: „г. Эйлеръ, до безумія любящій большую и малую медвѣдицъ, приблизился къ Сѣверу для большаго удобства къ наблюденію ихъ. Корабль, нагруженный его x, z, его k, k, потерпѣлъ крушеніе—все пропало, а это жалко, потому что тамъ было, чѣмъ наполнить шесть фоліантовъ статей, испещренныхъ отъ начала до конца цифрами. По всей вѣроятности Европа лишится пріятной забавы, которая была бы ей доставлена чтеніемъ ихъ“...

Переходимъ теперь къ послѣднему періоду жизни и дѣятельности Эйлера—къ его вторичному пребыванію въ Петербургѣ—съ

17 іюля 1766 г. по 7 сентября (ст. стиля) 1783 г.—до самаго дня смерти.

Немедленно по прибытіи въ Петербургъ Эйлеръ былъ представленъ императрицѣ Екатеринѣ II, которая, надо полагать, вела съ нимъ бесѣду объ Академическихъ дѣлахъ, такъ какъ Эйлеръ сообщалъ между прочимъ Мюллеру 9 августа 1766 г.: „Я представлялъ ея императорскому величеству, что ни въ одной Академіи члены не назначаются исключительно для однихъ академическихъ занятій, что, безъ сомнѣнія, было бы обременительно для государства; но что каждый изъ нихъ можетъ отправлять служебныя занятія на пользу общества, не нанося тѣмъ замѣтнаго ущерба цѣлямъ Академіи, что доказывается примѣрами вашимъ и гг. Штелина и Епинуса“...

Въ государственномъ архивѣ сохранился написанный по-французски проектъ мѣръ къ улучшенію положенія Академіи наукъ. Хотя проектъ этотъ не имѣетъ подписи, но видимо принадлежитъ перу Эйлера. Значительный объемъ проекта не позволяетъ воспроизвести его здѣсь; найденъ же онъ можетъ быть въ „Исторіи Академіи Наукъ“ академика Пекарскаго на стр. 303—308 перваго тома [1]). На подлинникѣ находятся двѣ собственноручныя замѣтки Екатерины II (по-французски же): „1) Намѣтить лицо, черезъ посредство котораго Академія могла бы обращаться ко мнѣ и получ[illegible] мои распоряженія, 2) Академія должна немедленно возобнов[illegible] свои ассамблеи по 2 раза въ недѣлю“.

Переѣздъ Эйлера въ Петербургъ императрица привѣтствов[illegible] подаркомъ восьми тысячъ рублей на покупку дома. Къ несчас[illegible] новый жизненный пріютъ оказался роковымъ для великаго мат[illegible]тика: едва успѣлъ онъ поселиться въ своемъ домѣ, какъ впалъ въ жестокую болѣзнь, о которой такимъ образомъ извѣщалъ Мюллера въ письмѣ 15 октября 1766 г.: „Мое нездоровье, о которомъ вамъ уже извѣстно, продолжалось нѣсколько дней, и отъ того мое зрѣніе такъ ослабѣло, что я въ одно утро, по прочтеніи и подписаніи купчей на мой домъ, нѣсколько часовъ спустя не только не могъ разбирать написаннаго, но даже различать бѣлой бумаги отъ писанной. Въ такомъ положеніи нахожусь и донынѣ, но не замѣчаю, чтобы становилось хуже. Между тѣмъ, это не препятствуетъ моимъ занятіямъ, потому что я указываю читать себѣ, что мнѣ нужно, и диктую, что слѣдуетъ написать. Могу также дѣлать довольно обширныя вычисленія, которыя потомъ мой сынъ передаетъ на бумагу.

---

[1]) См. также статью „Матеріалы для журн. и литер. дѣятельности Екатерины II“ въ „Запискахъ Академіи“ III, приложеніе № 6, 73.

Я прилежно посѣщаю академическія засѣданія, но въ обществѣ показываюсь неохотно, почему у меня остается тѣмъ болѣе времени для моихъ занятій [1])"...

Болѣзнь закончилась образованіемъ на лѣвомъ глазѣ катаракта, въ результатѣ лишившаго Эйлера и этого его послѣдняго зрительнаго органа. Правда, нѣсколько позже—лѣтъ черезъ пять—извѣстный окулистъ баронъ Венцель удачной операціей снялъ съ глаза катарактъ и возвратилъ было Эйлеру утраченное зрѣніе, но, увы, очень ненадолго: поспѣшность въ пользованіи органомъ привела къ тому, что Эйлеръ вторично и уже навсегда потерялъ зрѣніе при страшныхъ мученіяхъ.

И вотъ, весь послѣдній періодъ жизни мы видимъ Эйлера въ образѣ слѣпого старца. Въ такихъ условіяхъ трудно было ожидать отъ него особенной научной дѣеспособности. Но тутъ-то, наоборотъ, и выказалась въ полной силѣ вся мощь великаго генія. Съ самыхъ первыхъ же дней стали появляться одинъ за другимъ самые серьезные научные труды, чуть не каждый изъ которыхъ могъ бы въ отдѣльности создать славу своему автору. Пользуясь богатствомъ своего воображенія и поразительной силой памяти, Эйлеръ въ умѣ воспроизводилъ передъ собой самыя сложныя вычисленія и выкладки: оставалось лишь его ассистентамъ записывать на бумагѣ диктуемыя имъ мысли. Сохранился даже любопытный разсказъ, что „элементы алгебры" писалъ подъ его диктовку простой мальчикъ-портной, вывезенный имъ въ качествѣ слуги изъ Берлина и не имѣвшій до того ни малѣйшаго понятія о математикѣ,—такою ясностью и послѣдовательностью мысли проникнуто это произведеніе. Но, конечно, вообще говоря, запись велась лицами со спеціальной математической подготовкой, которымъ Эйлеръ ввѣрялъ даже совершеніе нѣкоторыхъ вторичныхъ математическихъ операцій. И нельзя не помянуть здѣсь кстати словами глубокой признательности этихъ образцовыхъ его сотрудниковъ, главнымъ образомъ—математиковъ Николая Фусса и Михаила Головина, отдавшихъ много самыхъ цѣнныхъ лѣтъ своей жизни на покорное служеніе чужой мысли, конечно въ ущербъ возможности самостоятельнаго творчества; за то, они сохранили міру геніальныя измышленія величайшаго ума!

Итакъ, съ самыхъ первыхъ временъ вторичнаго пребыванія Эйлера въ Петербургѣ появляются въ свѣтъ одинъ за другимъ солиднѣйшіе его труды: интегральное исчисленіе въ трехъ томахъ

---

[1]) Конференцъ-архивъ, портфель 9 писемъ Эйлера къ Мюллеру (цитир. по „Ист. А. Н." Пекарскаго, I, стр. 293).

(1768—70), знаменитый трактатъ о покоѣ и движеніи жидкихъ тѣлъ (1769), элементы алгебры (1770), три объемистыхъ тома „діоптрики", объединившіе вмѣстѣ опубликованные за предшествовавшія 30 лѣтъ отдѣльные мемуары по теоріи свѣта, „письма къ нѣмецкой принцессѣ", воспроизводящія все научное міровоззрѣніе ихъ автора въ блестящей по изложеніи формѣ (1768—72) и т. д.

И вдругъ, посреди этихъ поистинѣ - изумительныхъ трудовъ. Эйлеръ испытываетъ новое, необычайное бѣдствіе: въ 1771 году пожаръ уничтожаетъ его домъ со всѣмъ почти имуществомъ. Его самого едва успѣваетъ вытащить изъ огня ремесленникъ - швейцарецъ Гриммъ, да, благодаря сообразительности графа Владиміра Григорьевича Орлова, удается спасти большинство - изъ цѣнныхъ манускриптовъ. Эти два лица оказали человѣчеству бо́льшія услуги, чѣмъ многіе изъ второклассныхъ ученыхъ! Императрица, для возмѣщенія потерь, пожаловала Эйлеру 6.000 рублей. И среди всѣхъ этихъ волненій и ужасовъ Эйлеръ продолжаетъ творить, доканчивая свою знаменитую теорію движенія луны (1772).

О способѣ работы Эйлера сохранилось такое семейное преданіе [1]: Въ рабочей его комнатѣ находился большой столъ, покрытый аспидной доской. Эйлеръ совершалъ вокругъ него свои ежедневныя прогулки и мѣломъ набрасывалъ на доскѣ общій ходъ своихъ математическихъ мыслей, который затѣмъ пояснялъ ученикамъ, поручая имъ дальнѣйшую разработку. Краемъ стола онъ пользова къ тому же какъ опорой при движеніи, почему современемъ к этотъ сталъ полированно-гладкимъ.

О характерѣ жизни Эйлера въ этотъ періодъ времени мо составить нѣкоторое представленіе по слѣдующей выдержкѣ письма Іоханна Бернулли (племянника Даніила Бернулли), посѣтившаго Петербургъ лѣтомъ 1777 г.: „Здоровье его (т. е. Эйлера) довольно хорошо, и этимъ онъ обязанъ очень умѣренному и правильному образу жизни. Зрѣніемъ, по большей части утраченнымъ, а одно время вовсе потеряннымъ, онъ, однако, теперь лучше пользуется, чѣмъ многіе воображаютъ! Хотя онъ не можетъ узнать никого въ лицо, читать чернаго на бѣломъ и писать перомъ на бумагѣ, однако пишетъ на черномъ столѣ свои математическія вычисленія мѣломъ очень ясно и порядочно въ обыкновенную величину. Потомъ они вписываются въ большую книгу однимъ изъ его адъюнктовъ г.г. Фуссомъ и Головинымъ (чаще первымъ изъ нихъ). И изъ этихъ-то матеріаловъ составляются подъ его руководствомъ статьи. Такимъ образомъ въ продолженіе пяти лѣтъ, которыя про-

[1]) «Leonhard Euler», von S. Schulz-Euler, Frankfurt a. M., стр. 33.

жилъ г. Фуссъ въ домѣ Эйлера, приведено къ окончанію 120 или 130 статей: онѣ лежатъ готовыя къ печати, и изъ нихъ только немногія были прочтены въ Академіи. Г. Эйлеръ обѣщался, что двадцать лѣтъ послѣ его кончины статьи его такимъ же образомъ, какъ и при жизни его, могутъ быть читаны и помѣщаемы въ періодическомъ изданіи Академіи. Изъ того, что я разсказалъ, легко заключить, что когда этотъ достойный старецъ достигнетъ лѣтъ, которыхъ можно ожидать по его бодрости, то онъ могъ бы на двадцать лѣтъ вдвое исполнить такое добровольное обязательство. Чтобы было понятнѣе, какъ достаетъ у г. Эйлера времени на такія неутомимыя работы, долженъ я замѣтить, что онъ никуда болѣе не выѣзжаетъ, такъ какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, съ потерею зрѣнія, слухъ у него значительно ослабѣлъ, и внѣ дома онъ менѣе находитъ развлеченій и менѣе можетъ ожидать занятій. Впрочемъ, у него бываютъ ежедневно посѣщенія, которыя для него сокращаютъ необходимое время отдыха, и онъ охотно принимаетъ во всякую пору, потому что теперь, какъ прежде, у него совершенно особенная и по крайней мѣрѣ необыкновенная способность отвлекаться безъ досады отъ самыхъ сложныхъ выкладокъ и потомъ опять также легко возвращаться къ нимъ и находить прежнюю нить къ нимъ Для отдохновенія своего, когда Эйлеръ одинъ, занимается онъ очень опытами надъ магнитами. У него большой столъ покрытъ магнитными пластинками разныхъ величинъ; иныя есть въ 2½ дюйма, а другія въ 30 дюймовъ длины, а весь приборъ со включеніемъ магнитовъ, сохраняемыхъ г. Фуссомъ въ своей комнатѣ, стоитъ 800 рублей. Натираніе и усиленіе такихъ пластинокъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ г. Эйлеру полезнымъ упражненіемъ для тѣлодвиженія, и при томъ возникаютъ изъ того многіе новые опыты [1]"...

Работая въ такихъ условіяхъ, Эйлеръ за послѣднее десятилѣтіе своей жизни создалъ чуть не половинное число всѣхъ своихъ трудовъ. Вотъ краткая табличка, приводимая П. Н. Фуссомъ въ предисловіи къ составленному имъ списку трудовъ Эйлера [2]), указывающая числа работъ, написанныхъ въ послѣдовательные десятилѣтніе періоды его жизни;

годы	число трудовъ
съ 1727 по 1733	24
„ 1734 „ 1743	49

[1]) «I. Bernoulli's Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Pohlen in den Jahren 1777 und 78», IV, 10—15 (цитр. по „Истор. А. Н." Пекарскаго, I, 295—296).

[2]) „Notice sur la vie et les écrits de L. Euler" при I томѣ „Corresp. math. et phys. de quelques célèbres géomètres du XVIII scièle" (Спб. 1843), стр. XLI.

съ	1744	по	1753	 125
„	1754	„	1763	 99
„	1764	„	1772	 104
„	1773	„	1782	 355
			всего	. . 756 [1]).

Любопытно воспроизвести здѣсь еще одинъ разсказъ, рисующій образъ Эйлера въ послѣдній годъ его жизни. Княгина Дашкова, назначенная Екатериной 28 января 1783 г. директоромъ Академіи наукъ. такъ разсказываетъ въ своихъ „запискахъ“ [2]) о вступленіи своемъ въ отправленіе новой должности.

„Я ознакомилась также съ именами примѣчательнѣйшихъ членовъ Академіи, и на другое утро, прежде нежели отправилась туда, посѣтила знаменитаго Эйлера, который зналъ меня уже нѣсколько лѣтъ и всегда оказывалъ мнѣ особенное благорасположеніе. Въ негодованіи на поступки Домашнева (предмѣстника кн. Дашковой), онъ совсѣмъ пересталъ ѣздить въ Академію, развѣ когда представлялась возможность противодѣйствовать заодно съ другими вреднымъ распоряженіямъ бывшаго директора, о которыхъ онъ не разъ письменно представлялъ государынѣ.

Этотъ ученый былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ математиковъ своего вѣка. Сверхъ того, онъ былъ свѣдущъ почти во всѣхъ наукахъ; а сила его духа и постоянная дѣятельность такъ были необыкновенны, что онъ, даже потерявъ зрѣніе, вовсе не ослабилъ своихъ умственныхъ трудовъ. Съ помощью г. Фусса, мужа его внучки, который читалъ ему вслухъ и писалъ по его диктовкѣ, онъ готовилъ множество матеріаловъ, служившихъ къ обогащенію изданій Академіи, даже въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ его смерти.

Я просила его не оставлять меня въ то утро, чтобы мнѣ при первомъ вступленіи моемъ въ должность начальника ученаго общества имѣть нѣкоторую опору въ его сопутствіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я обѣщала, что если ему неудобно или тягостно сопровождать меня, то

---

[1]) Весьма возможно, что приводимыя числа требуютъ небольшихъ исправленій на основаніи новѣйшаго библіографическаго указателя работъ Эйлера: Ioh. G. Hagen—„Index Operum Leonardi Euleri“ (Berolini, Felix L. Dames, 1896, VIII+80 стр.) и дополненій къ нему въ статьяхъ: G. Valentin—„Beitrag zur Bibliographie der Eulerschen Schriften“ (Biblioth. math, 2, 12, 1898, стр. 41—49), Friedrich Engel—„Rezension des Index von Hagen“ (Zeits. f. Math. u. Phys., 42, III Abt., 1897, стр. 200—203), и Felix Müller—„Bibliographisch—Historisches zur Erinnerung an Leonhard Euler“ (Jahresb. d. Deutsch. Math.-Ver., 16, 1907, стр. 185—195). Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи не имѣлось этихъ трудовъ.

[2]) „Современникъ“, 1845, XXXV, стр. 20—22.

я въ случаяхъ обыкновенныхъ не буду его обезпокоить. Моя просьба, казалось, польстила ему. Его проводилъ до моей кареты сынъ его, непремѣнный секретарь академическихъ засѣданій, котораго я также пригласила съ собою. Къ намъ еще присоединился внукъ его, на которомъ лежала обязанность вести знаменитаго слѣпца.

Вошедши въ залу засѣданій, я тотчасъ обратилась къ собравшимся тамъ профессорамъ и членамъ и изъявила сожалѣніе о скудости собственныхъ моихъ ученыхъ заслугъ, но сослалась на глубокое уваженіе, какое почитаю къ наукѣ, замѣтивъ, что самымъ вѣрнымъ залогомъ этого можетъ служить присутствіе г. Эйлера посреди тѣхъ, которыхъ я просила сопровождать меня при посѣщеніи Академіи.

Послѣ этого краткаго привѣтствія, я заняла свое мѣсто и увидѣла, что г. Штелинъ, профессоръ аллегоріи, какъ его звали, сѣлъ на кресло рядомъ съ директорскимъ. Этотъ человѣкъ, котораго ученость, можетъ быть, согласовалась съ наименованіемъ, его отличавшимъ, получилъ свой необыкновенный титулъ въ царствованіе Петра III и вмѣстѣ съ тѣмъ произведенъ былъ въ статскіе совѣтники. Гордясь чиномъ, соотвѣтствующимъ генералъ-маіорскому, онъ полагалъ, что имѣетъ право на первенство между членами Академіи. Поэтому, я обратясь къ г. Эйлеру сказала: „сядьте, гдѣ вамъ угодно: какое мѣсто вы ни займете, ваше мѣсто вездѣ будетъ первымъ". Эта неприготовленная дань къ его дарованіямъ произвела самое благопріятное дѣйствіе—и не на однихъ его родственникахъ. Между присутствовавшими профессорами не было ни одного (за исключеніемъ профессора аллегоріи), который бы не раздѣлялъ ихъ удовольствія и со слезами на глазахъ не отдавалъ справедливости заслугамъ и превосходству благороднаго старца".

Въ первыхъ числахъ (по стар. стилю) сентября 1783 г. Эйлеръ почувствовалъ припадки головокруженія. Хотя они и не помѣшали ему окончить сложное математическое вычисленіе изъ области теоріи воздухоплаванія, однако явились предвозвѣстникомъ его кончины. 7/18 сентября еще за обѣдомъ онъ бесѣдовалъ съ академикомъ Лексель о вновь открытой планетѣ Уранъ и затѣмъ игралъ съ однимъ изъ внуковъ; за вечернимъ же чаемъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ, успѣлъ лишь сказать окружавшимъ его: „я умираю" и черезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно скончался. Такъ, на 77-мъ году жизни пересталъ, по прекрасному выраженію Кондорсе [1]), „вычислять и жить" величайшій изъ математиковъ

[1]) „Éloge d'Euler, prononcé par de Condorcet"; приложенъ къ нѣкоторымъ изъ трудовъ Эйлера, напр. къ его „Lettres à une princesse d'Allemagne", tome I (въ изд. 1812 г., стр. LVIII).

XVIII вѣка, въ теченіе 56 лѣтъ составлявшій гордость и украшеніе Петербургской Академіи наукъ, проведшій 31 годъ въ стѣнахъ этой Академіи, свидѣтель первыхъ ея шаговъ и главный борецъ за пріобрѣтеніе ей міровой извѣстности.

Слава Эйлера, какъ величайшаго математика, признается всѣми. Но въ исторіи нашей Академіи онъ имѣетъ еще то особенное значеніе, что, умирая, оставилъ членами Академіи восемь своихъ учениковъ, служившихъ ей украшеніемъ. Это были: сынъ его—Іоханнъ Альбрехтъ Эйлеръ, Котельниковъ, Румовскій, Крафтъ, Лексель, Иноходцевъ, Головинъ и Николай Фуссъ.

Академикъ Пекарскій такъ рисуетъ образъ Эйлера въ своей „Исторіи Академіи наукъ“ (томъ I, стр. 299):

„У Эйлера было великое искусство не выставлять на показъ своей учености, скрывать свое превосходство и быть на уровнѣ всѣхъ и каждаго. Всегда ровное расположеніе духа, веселость кроткая и естественная, нѣкоторая насмѣшливость съ примѣсью добродушія, разговоръ наивный и шутливый—все это дѣлало бесѣду съ нимъ столько же пріятною, сколько и привлекательною. Чрезвычайная живость иногда была причиною, что онъ легко раздражался, но гнѣвъ проходилъ у него такъ же быстро, какъ появлялся, и онъ ни на кого не досадовалъ долго“.

Прибавимъ къ этому слѣдующую характеристику Эйлера, высказанную Формеемъ [1]): „Нашъ знаменитый Леонардъ Эйлеръ былъ всегда исполненъ живости, у него постоянно сыпались остроты—онъ любилъ шутить. Однако, я никогда не замѣчалъ, чтобы онъ цѣнилъ какое-нибудь произведеніе ума и вкуса, или чтобы ему нравилось какое-нибудь театральное представленіе, исключая маріонетокъ, самыхъ безсмысленныхъ. Онъ охотно спѣшилъ смотрѣть на нихъ: онѣ цѣлые часы привлекали его вниманіе и заставляли его помирать со смѣха“.

Заимствуемъ еще изъ записокъ С. А. Порошина (Петербургъ, 1844, стр. 449), служащихъ документомъ по исторіи великаго князя Павла Петровича, разсказъ о томъ, какъ 5 октября 1765 г. Порошинъ во дворцѣ говорилъ академику Эпинусу: „какъ у насъ иногда о наукахъ смѣшно разсуждаютъ: ежели человѣкъ умѣетъ фигуру какую математическую или планъ начертить и раскрасить, то кричатъ—c'est un grand mathématicien! Г. Эпинусъ смѣялся тому и говорилъ, что Эйлеръ никогда чистой фигурки не черчивалъ, однако въ математикѣ всѣхъ чертильщиковъ нѣсколько лучше знаетъ“...

---

[1]) „Mém de l'Acad. de Berlin“ 1783—4, стр. 387 (цитир. по „Исторіи А. Н.“ Пекарскаго, I, стр. 299—300).

Относительно семейнаго положенія Эйлера надо замѣтить, что онъ былъ женатъ два раза: первый разъ женился онъ въ 1733 г. въ Петербургѣ на дочери академическаго живописца Екатеринѣ Гзель, скончавшейся въ 1773 г.; второй разъ—въ 1776 г., имѣя отъ роду 69 лѣтъ,—на Саломеѣ Абигель Гзель, дочери того же живописца отъ второго брака [1]). Отъ первой жены Эйлеръ имѣлъ 13 дѣтей, изъ которыхъ 8 умерли въ дѣтскомъ возрастѣ. Изъ остальныхъ старшій сынъ—Іоханнъ-Альбрехтъ—былъ академикомъ, второй—Карлъ—придворнымъ медикомъ, третій—Христофоръ—директоромъ оружейнаго завода въ Систербекѣ (Сестрорѣцкѣ); изъ дочерей—одна была замужемъ за маіоромъ Белемъ, другая за барономъ Деленомъ. Христофоръ Эйлеръ извѣстенъ въ наукѣ своими астрономическими наблюденіями въ Орской крѣпости (надъ прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца) и въ Яицкомъ городкѣ.

Леонардъ Эйлеръ погребенъ на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ. Надъ его временно-забытой, но черезъ полвѣка найденной могилой Академіей наукъ воздвигнутъ памятникъ сѣраго финляндскаго гранита съ надписью: „Leonhardo Eulero Academia Petropolitana".

Не здѣсь, конечно, на страницахъ бѣглаго очерка подводить итоги творческой мощи великаго борца мысли. Но очеркъ этотъ будетъ неполнъ, если мы не коснемся хоть вскользь главнѣйшихъ его ученыхъ заслугъ.

Въ исторіи точныхъ наукъ Эйлеръ представляетъ одинъ изъ весьма немногихъ примѣровъ необычайной плодовитости: общее число его произведеній превышаетъ 750. Одно перечисленіе ихъ названій занимаетъ въ изданномъ П. Н. Фуссомъ указателѣ [2]) 65 страницъ. По мѣсту опубликованія печатно-изданныхъ трудовъ общая сумма ихъ распадается на слѣдующія числа (по указателю Фусса, стр. XLVI—XLVII):

1) Отдѣльныхъ крупныхъ работъ:
 32—(изъ нихъ 16 изданы въ Петербургѣ).
2) Мемуаровъ по разнымъ вопросамъ:
 500—въ „Коммент. Петербургской Академіи наукъ".
 127— „ „Запискахъ Берлинской Академіи наукъ".
 29— „ Извѣстіяхъ Академій въ Парижѣ, Лондонѣ, Туринѣ, Лейпцигѣ и т. д.

---

[1]) Біограф. и родословн. подробности объ обѣихъ женахъ Эйлера см. въ брошюрѣ „Leonhard Euler" von S. Schultz-Euler, Frankfurt a M., 1907, стр. 9—14.

[2]) „Notice sur la vie et les écrits de L. Euler" при „Corresp. math. et phys. de quelques cél. géom. du XVIII scièclе" 1843, Спб.

43— въ „Opuscula analytica" и въ „Institutiones Calculi integralis", изданныхъ въ Петербургѣ.
13— „ „Opuscula varii argumenti".

Наиболѣе капитальными трудами Эйлера являются слѣдующіе:

Введеніе въ ариѳметику (1738, нѣм., Спб.).
Введеніе въ алгебру (1770, нѣм., Спб.).
Введеніе въ высшей математ. анализъ (1748, лат., Lausanne).
Дифференціальное исчисленіе (1755, лат., Berlin).
Интегральное исчисленіе (1768—70, лат., Спб.).
Рѣшеніе задачи объ изопериметрахъ (1744, лат., Lausanne).
Механика, въ аналитическомъ изложеніи (1736, лат., Спб.).
Теорія движенія твердыхъ тѣлъ (1765, лат., Rostock).
Механика жидкихъ тѣлъ (наиболѣе важный мемуаръ—1769, лат., Спб.).
Сопротивленіе колоннъ (1757, франц., Berlin).
Теорія движенія свѣтилъ (1744, лат., Berlin).
Теорія движенія луны (1753, лат., Berlin; 1772, лат., Спб.).
Теорія приливовъ и отливовъ (1740, лат., Paris).
Устройство объективовъ изъ двухъ стеколъ (ахроматическихъ, 1762, лат., Спб.).
Діоптрика (1769—71, лат., Спб.).
Теорія музыки (1739, лат., Спб.).
Диссертаціи о магнитѣ (1743—44, лат., Paris).
Морское дѣло (1749, лат., Спб.).
Письма о различныхъ предметахъ физики и философіи къ нѣмецкой принцессѣ Ангальтъ-Дессау, племянницѣ прусскаго короля (1768—72, франц., Спб.; сущ. русскій переводъ).

Въ этомъ спискѣ названій, опредѣленно указывающихъ области главнѣйшихъ изслѣдованій Эйлера, невольное вниманіе привлекаетъ къ себѣ форма послѣдняго изъ перечисленныхъ сочиненій. Въ виду этого воспроизведемъ здѣсь общую характеристику „Эйлеровыхъ писемъ къ нѣмецкой принцессѣ", приводимую М. И. Сухомлиновымъ въ его „Исторіи Россійской Академіи" (Вып. 2, 1875, стр. 123, 129):

„Въ письмахъ Эйлера находится превосходная картина умственной жизни того времени; содержаніе ихъ весьма разнообразно: въ нихъ сообщается много въ высшей степени важныхъ и любопытныхъ данныхъ и соображеній, относящихся къ области наукъ естественныхъ, математическихъ и философскихъ. Съ необычайною простотою и наглядностью Эйлеръ объясняетъ понятія пространства,

скорости, свойства звука, свѣта и т. п., приводя множество общедоступныхъ примѣровъ и доказательствъ. Система міра, законы движенія свѣтилъ, явленія электричества и цѣлая вереница научныхъ вопросовъ затронуты въ длинномъ рядѣ бѣглыхъ, но мастерскихъ очерковъ. Въ области философіи Эйлеръ говоритъ о предметахъ, имѣвшихъ особенное значеніе и живой интересъ для мыслящихъ людей того времени: о духовномъ и физическомъ началѣ въ человѣкѣ, о свободной волѣ, о существенныхъ особенностяхъ господствовавшей тогда философіи Лейбница и Вольфа и т. д. Обнимая своею геніальною мыслью всю совокупность силъ и законовъ природы, насколько это возможно для человѣческаго ума, Эйлеръ не сочувствуетъ одностороннимъ ученымъ, отрицающимъ все, что не вкладывается въ узкія рамки ихъ спеціальности, и смѣется надъ мечтателями, самонадѣянно толкующими о вещахъ, далеко превышающихъ ихъ скудное разумѣніе. Есть люди,—говоритъ онъ,—которые кричатъ, что глазъ человѣческій устроенъ изъ рукъ вонъ плохо, и вообще недовольны тѣмъ, что при мірозданіи не обращались къ нимъ за совѣтомъ: тогда бы многое было создано не въ примѣръ лучше. Но оказывается, что если устроить глазъ такъ, какъ желаютъ эти умники, то вмѣсто ясныхъ изображеній получались бы на сѣтчатой оболочкѣ какія-то пятна, и человѣкъ не могъ бы ничего разглядѣть... Невѣрность сужденій и выводовъ,—замѣчаетъ Эйлеръ,—часто происходитъ отъ того, что требуютъ одного только рода доказательствъ, и остаются глухи и слѣпы ко всѣмъ другимъ. Этотъ недостатокъ обыкновенно встрѣчается у одностороннихъ химиковъ, анатомовъ и физиковъ, которые всѣ ушли въ свои опыты. Все то, чего они не могутъ разложить въ ретортахъ или разрѣзать ножемъ, не производитъ на ихъ умъ никакого впечатлѣнія. Сколько бы имъ ни говорили о свойствахъ и существѣ души, они соглашаются только съ тѣмъ, что поражаетъ ихъ внѣшнія чувства...

Письма Эйлера высоко цѣнились какъ его современниками, такъ и позднѣйшими поколѣніями людей образованныхъ и любознательныхъ. Книга Эйлера, имѣвшая обширный кругъ читателей въ различныхъ странахъ Европы, выдержала нѣсколько изданій, и въ числѣ издателей были лица, занимающія въ наукѣ видное мѣсто. Многіе переводы выходили съ различными измѣненіями и дополненіями, составленными на основаніи новѣйшихъ открытій".

Почти во всѣхъ своихъ работахъ Эйлеръ является не только оригинальнымъ по мысли и по изложенію, но прямо-таки творцомъ, родоначальникомъ новыхъ взглядовъ и новыхъ методовъ. Имя его связано съ основными положеніями многихъ отдѣловъ точной науки; такъ извѣстны, напримѣръ: „Эйлеровы уравненія вращенія твердаго

тѣла“, „Эйлеровы уравненія движенія жидкости“, „Эйлерова формула сопротивленія стоекъ продольному сжатію“, „Теорема Эйлера объ однородныхъ функціяхъ“, „Эйлеровы интегралы 1-го и 2-го рода“ и т. д., и т. д. Многіе изъ монографій и мемуаровъ Эйлера удостоивались награжденія преміями различныхъ Академій; отъ одной Парижской Академіи Эйлеръ получилъ въ разное время премій на общую сумму въ 80.000 лиръ.

Ограничимся здѣсь этими краткими свѣдѣніями о научныхъ заслугахъ Эйлера, рекомендуя желающимъ отдать себѣ болѣе подробный отчетъ въ этомъ направленіи слѣдующіе литературные источники:

Cantor—„Vorles. über Geschichte der Mathematik (Leipzig, I. II—1900, III—1898).

„Festschrift zur Feier des 200 Geburtstages Leonhard Eulers“, herausgegeb. v. d. Berlin, Mathem. Gesellschaft (Leipzig u. Berlin, 1907) [1]).

Розенбергъ—„Исторія физики“, томы II и III (русск. пер., 1886—94).

„Die Basler Mathematiker Daniel Bernoulli und Leonhard Euler“ (Basel, Naturforschende Gesellschaft, 1884, стр. 51—95).

„Physikalische Zeitschrift“, 15 Apr. 1907, № 8 (статья Edmund Hoppe).

Статья объ Эйлерѣ проф. Д. К. Бобылева въ „Энцикл. Словарѣ“, изд. Брокхауза и Эфрона (полутомъ 79, 1904, стр. 199—202).

Изъ послѣдней статьи повторимъ кстати одну цѣнную фразу: „Самымъ лучшимъ памятникомъ славы и научной дѣятельности Эйлера было бы полное изданіе всѣхъ его статей и сочиненій, но для этого потребуются значительныя средства, такъ какъ число печатныхъ листовъ будетъ около 2.000“ (т. е. около 30.000 страницъ).

Вотъ, нѣсколько бѣлыхъ штриховъ съ цѣлью воскресить въ памяти потомства могучій обликъ великаго математика-философа, работавшаго въ стѣнахъ нашей Академіи для снисканія намъ—русскимъ, по завѣту Петра, уваженія со стороны заграничнаго общества!

Наука, конечно, не забудетъ имени великаго изслѣдователя, геніальнаго провозвѣстника аналитическихъ методовъ въ области

---

[1]) Здѣсь нельзя не отмѣтить того факта, что указываемый сборникъ статей объ Эйлерѣ выпущенъ спеціально по случаю юбилея Эйлера Берлинскимъ Математическимъ Обществомъ, почтившимъ память великаго математика торжественнымъ засѣданіемъ 15-го апрѣля нов. стиля.

физико-механическаго изученія міровыхъ явленій, блестяще завершившаго творческую работу Декарта, Галилея, Ньютона и Лейбница! Но неужели же русское общество и въ частности—Петербургская Академія наукъ недостаточно воскресили въ своей памяти другую сторону дѣятельности великаго математика—его заслуги въ исторіи русской науки? Чѣмъ можно себѣ объяснить то слишкомъ скромное молчаніе, которымъ представители русской науки и русской мысли почтили день двухсотлѣтняго юбилея Эйлера?

Международное чествованіе памяти Эйлера состоялось 16/29 апрѣля этого года въ Базелѣ, мѣстѣ рожденія великаго математика—въ церкви Св. Мартина. Порядокъ чествованія былъ таковъ [1]):

Прежде всего академическій оркестръ исполнилъ увертюру изъ „Ифигеніи".

Затѣмъ, представитель Базельскаго университета профессоръ фонъ-деръ-Мюль прочелъ общій очеркъ жизни и дѣятельности Эйлера, заключивъ его такою характеристикою научныхъ заслугъ великаго ученаго: Эйлеръ былъ прежде всего математикомъ, придавшимъ высшему математическому методу тѣ формы, какія онъ имѣетъ и по настоящее время. Но силѣ своего анализа онъ былъ всегда готовъ подвергнуть всякую представлявшуюся ему проблему, относись она къ теоріи стрѣльбы или къ кораблестроенію, къ законамъ музыки или къ области шахматной игры. Астрономія, оптика, а особенно—механика во многомъ обязаны ему своими колоссальными успѣхами. Играя, преодолѣвалъ онъ величайшія трудности и, наоборотъ, въ играхъ изыскивалъ труднѣйшія задачи. Научной школы онъ не создалъ, но всѣ позднѣйшіе ученые были и будутъ его непосредственными учениками".

За рѣчью профессора фонъ-деръ-Мюль слѣдовало слово представителя Петербургской Академіи наукъ, директора Пулковской обсерваторіи, академика Баклунда, произнесенное по-латыни.

Вслѣдъ затѣмъ представитель Берлинской Академіи, профессоръ университета Фробеніусъ, обрисовалъ въ оригинальныхъ и яркихъ чертахъ духовный обликъ великаго математика-мыслителя. Заимствуемъ нѣсколько мыслей изъ его рѣчи: Когда студентъ беретъ въ руки какое-либо начальное руководство по чистой или прикладной математикѣ, онъ можетъ быть увѣренъ, что содержаніе этого руководства въ существеннѣйшихъ частяхъ является достояніемъ Эйлера. То, что было добыто до него, онъ привелъ въ нынѣшнюю, удобопонятную форму. Додѣланное послѣ него легко отличить отъ принадлежащаго ему: что одновременно наглядно-образно и научно-

---

[1]) См. „Basler Nachrichten", 1 mai 1907, 2-te Beilage zu № 117.

строго, то именно и исходитъ отъ Эйлера. Удачные примѣры по высшему математическому анализу исчерпалъ онъ настолько-полно, что даже величайшимъ изъ болѣе позднихъ ученыхъ, каковыми были Гауссъ и Якоби, мало-что удалось прибавить вновь. Кто утверждаетъ, что Эйлеръ былъ лишь талантъ, а не геній, тотъ, стало быть, плохо знакомъ съ его дарованіями".

Послѣ рѣчей академическихъ делегатовъ Rector magnificus Базельскаго университета, проф. Джонъ Мейеръ, благодарилъ въ ихъ лицѣ обѣ Академіи за командированіе представителей на Базельскій праздникъ.

Далѣе, проф. Цюрихскаго политехникума Рудіо высказалъ съ своей стороны признательность отъ имени Швейцарскихъ высшихъ школъ за приглашеніе на торжественное празднество. Вспоминая, сколько великихъ математическихъ умовъ далъ міру городъ Базель, онъ прибавилъ: „Математикъ, вступающій въ Базель, долженъ воскликнуть—скинь обувь съ ногъ твоихъ, ибо мѣсто, гдѣ ты стоишь, священно!".

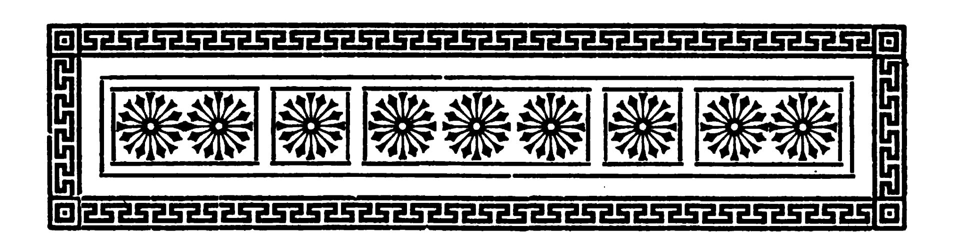
Наконецъ, послѣ прочтенія привѣтственной телеграммы изъ Петербурга отъ физическаго отдѣленія Русскаго Физико-Химическаго общества, чествованіе закончилось военнымъ маршемъ изъ „Аталіи".

Вотъ все то, что происходило въ Базелѣ въ день празднованія юбилея Эйлера. Много это или мало—пусть о томъ судитъ каждый самъ, возстановивъ въ своей памяти незабвенный обликъ чествовавшагося гиганта мысли. Но невольно напрашивается здѣсь одинъ горькій упрекъ: почему объ этомъ праздникѣ науки не было поставлено сколько-нибудь въ извѣстность русское общество, ни предварительными о немъ объявленіями, ни позднѣйшими сообщеніями о всемъ происходившемъ? Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, мы еще не доросли до пониманія истинной цѣны научныхъ подвиговъ?

Миръ праху твоему, великій сподвижникъ мысли! Вѣрится, что настанетъ же, наконецъ, пора, когда и Россія ясно сознаетъ, чѣмъ ты былъ для нея!..

Проф. Ал. Саткевичъ.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля [1]).

III.

Изъ прокурорской службы.

(Продолженіе).

Начальникъ петербургской сыскной полиціи Иванъ Дмитріевичъ Путилинъ былъ одною изъ тѣхъ даровитыхъ личностей, которыхъ умѣлъ искусно выбирать и не менѣе искусно держать въ рукахъ старый петербургскій градоначальникъ Ѳ. Ѳ. Треповъ. Прошлая дѣятельность Путилина, до поступленія его въ составъ сыскной полиціи, была, чего онъ самъ не скрывалъ, зачастую весьма рискованною въ смыслѣ законности и строгой морали;—послѣ ухода Трепова изъ градоначальниковъ отсутствіе надлежащаго надзора со стороны Путилина за дѣйствіями нѣкоторыхъ изъ подчиненныхъ вызвало большія на него нареканія. Но въ то время, о которомъ я говорю (1871—1875 г.г.), Путилинъ не роспускалъ ни себя, ни своихъ сотрудниковъ—и работалъ надъ своимъ любимымъ дѣломъ съ несомнѣннымъ желаніемъ оказывать дѣйствительную помощь труднымъ задачамъ слѣдственной части. Этому конечно способствовало въ значительной степени и вліяніе такихъ людей, какъ напримѣръ Сергѣй Филипповичъ Христіановичъ, занимавшій должность правителя канцеляріи градоначальника. Отлично образованный, неподкупно честный, прекрасный юристъ и большой знатокъ народнаго быта и литературы, близкій другъ И. Ѳ. Горбунова, Христіановичъ былъ по личному опыту знакомъ съ условіями и предѣлами производства слѣдствій.

---

[1]) См. „Русская Старина", февраль и октябрь 1907 г.

Его указанія не могли пройти безслѣдно для Путилина. Въ качествѣ опытнаго пристава слѣдственныхъ дѣлъ Христіановичъ призывался для совѣщанія въ комиссію по составленію Судебныхъ Уставовъ. Этимъ Уставамъ служилъ онъ какъ правитель канцеляріи градоначальника, дѣйствуя, при перекрещеніи двухъ путей—административнаго усмотрѣнія и судебной независимости—какъ добросовѣстный, чуткій и опытный стрѣлочникъ, устраняя искусною рукою, съ тактомъ и достоинствомъ, неизбѣжныя разногласія, могшія перейти въ рѣзкія столкновенія, вредныя для роста и развитія нашего молодого, *новаго* суда. На службѣ этимъ же Уставамъ, въ качествѣ члена петербургской судебной палаты, окончилъ онъ свою нешумную и неблестящую, но истинно полезную жизнь. Близкое знакомство съ такимъ человѣкомъ и косвенная отъ него служебная зависимость не могли не удерживать Путилина въ строгихъ рамкахъ служебнаго долга и нравственнаго приличія.

По природѣ своей Путилинъ былъ чрезвычайно даровитъ и какъ бы созданъ для своей должности. Необыкновенно тонкое вниманіе и чрезвычайная наблюдательность, въ которой было какое-то особое чутье,—заставлявшее его вглядываться въ то, мимо чего всѣ проходили безучастно,—соединялись въ немъ со спокойною сдержанностью, большимъ юморомъ и своеобразнымъ лукавымъ добродушіемъ. Умное лицо, обрамленное длинными густыми бакенбардами, проницательные каріе глаза, мягкія манеры и малороссійскій выговоръ были его характерными наружными признаками. Онъ умѣлъ отлично разсказывать и еще лучше вызывать другихъ на разговоръ, и писалъ недурно и складно, хотя мѣсто и степень его образованія были, по выраженію И. Ѳ. Горбунова, „покрыты мракомъ неизвѣстности“.

Въ Петербургѣ, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, не было ни одного большого и сложнаго уголовнаго дѣла, въ розыскъ по которому Путилинъ не вложилъ бы своего труда. Мнѣ пришлось наглядно познакомиться съ его удивительными способностями для изслѣдованія преступленій въ январѣ 1873 года, когда въ Александро-Невской лаврѣ было обнаружено убійство іеромонаха Илларіона. Илларіонъ жилъ въ двухъ комнатахъ отведенной ему келіи монастыря, велъ замкнутое существованіе и лишь изрѣдка принималъ у себя пѣвчихъ и поилъ ихъ чаемъ. Когда дверь его келіи, откуда онъ не выходилъ два дня, была открыта, то вошедшимъ представилось ужасное зрѣлище. Илларіонъ лежалъ мертвый въ огромной лужѣ запекшейся крови, натекшей изъ массы ранъ, нанесенныхъ ему ножомъ. Его руки и лицо носили слѣды борьбы и порѣзовъ, а длинная сѣдая борода, за которую его, очевидно, хваталъ

убійца, нанося свои удары, была почти вся вырвана, и спутанные, обрызганные кровью клочья ея валялись на полу въ обѣихъ комнатахъ. На столѣ стоялъ самоваръ и стаканъ съ остатками недопитаго чая. Изъ коммода была похищена сумка съ золотой монетой (отецъ Илларіонъ много плавалъ за границей на судахъ въ качествѣ іеромонаха). Убійца искалъ денегъ и между бѣльемъ и тщательно его пересмотрѣлъ, но дойдя до газетной бумаги, которою обыкновенно покрывается дно ящиковъ въ комодѣ, ее не приподнялъ, а подъ нею-то лежали процентныя бумаги на большую сумму. На столѣ у входа стоялъ мѣдный подсвѣчникъ въ видѣ довольно глубокой чашки съ невысокимъ помѣщеніемъ для свѣчки посрединѣ, при чемъ отъ сгорѣвшей свѣчки остались одни слѣды, а сама чашка была почти на уровень съ краями наполнена кровью, ровно застывшею безъ всякихъ брызгъ.

Судебныя власти прибыли на мѣсто какъ разъ въ то время, когда въ соборѣ совершалась торжественная панихида по Сперанскомъ въ день 100-лѣтія со дня его рожденія. На ней присутствовали—Государь и весь оффиціальный Петербургъ. Покуда въ соборѣ пѣли чудныя слова злоупокойныхъ молитвъ,—въ двухъ шагахъ отъ него, въ освѣщенной зимнимъ солнцемъ келіи, происходило вскрытіе трупа несчастнаго старика. Состояніе пищи въ желудкѣ дало возможность опредѣлить, что покойный былъ убитъ два дня назадъ вечеромъ. По весьма вѣроятнымъ предположеніямъ, убійство было совершено кѣмъ-нибудь изъ послушниковъ, котораго старикъ пригласилъ пить чай. Но кто могъ быть этотъ послушникъ — выяснить было невозможно, такъ какъ оказалось, что въ монастырѣ временно проживали, безъ всякой прописки, послушники другихъ монастырей, при чемъ они уходили совсѣмъ изъ лавры, въ которой проживалъ самъ митрополитъ, не только никому не сказавшись, но даже по большей части проводили ночи въ городѣ, перелѣзая въ одномъ спеціально приспособленномъ мѣстѣ чрезъ ограду святой обители.

Во время составленія протокола осмотра трупа пріѣхалъ Путилинъ. Слѣдователь сообщилъ ему о затрудненіи найти обвиняемаго. Онъ сталъ тихонько ходить по комнатамъ, посматривая туда и сюда, а затѣмъ, задумавшись, сталъ у окна, слегка барабаня по стеклу. „Я пошлю, сказалъ онъ мнѣ затѣмъ вполголоса,—агентовъ (онъ выговаривалъ *ахентовъ*) по пригороднымъ желѣзнымъ дорогамъ. Убійца, вѣроятно, кутитъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ, около станціи".—Но какъ же они узнаютъ убійцу,—спросилъ я.—Онъ раненъ въ кисть правой руки, убѣжденно сказалъ Путилинъ.—Это почему?—Видите этотъ подсвѣчникъ? На немъ очень много крови, и она натекла не

брызгами, а ровной струей. Поэтому это не кровь убитаго, да и натекла она послѣ убійства. Вѣдь нельзя предположить, чтобы напавшій рѣзалъ старика со свѣчкою въ рукахъ: его руки были заняты—въ одной былъ ножъ, а другою, какъ видно, онъ хваталъ старика за бороду.—Ну, хорошо. Но почему же онъ раненъ въ *правую* руку?—А вотъ почему. Пожалуйте сюда къ коммоду. Видите: убійца тщательно перерылъ все бѣлье, отыскивая между нимъ спрятанныхъ денегъ. Вотъ, напримѣръ, дюжина полотенецъ. Онъ внимательно переворачивалъ каждое, какъ перелистываютъ страницы книги, и видите—на каждомъ свернутомъ полотенцѣ снизу—пятно крови. Это правая рука, а не лѣвая: при перевертываніи лѣвою рукою пятна были бы сверху...

Поздно вечеромъ, въ тотъ же день, мнѣ дали знать, что убійца арестованъ въ трактирѣ на станціи Любань. Онъ оказался раненымъ въ ладонь *правой* руки и расплачивался золотомъ. Доставленный къ слѣдователю онъ сознался въ убійствѣ и былъ затѣмъ осужденъ присяжными засѣдателями, но до отправленія въ Сибирь сошелъ съ ума. Ему, несчастному, въ неистовомъ бреду, все казалось, что къ нему лѣзетъ о. Илларіонъ, угрожая и проклиная...

Путилинъ былъ очень возбужденъ и гордъ успѣхомъ своей находчивости. У судебнаго слѣдователя, въ моемъ присутствіи, пустился онъ съ увлеченіемъ въ разсказы о своемъ прошломъ. Вотъ что, приблизительно, какъ записано въ моемъ дневникѣ, онъ намъ разсказалъ тогда. „Настоящее дѣло заурядное, да теперь хорошихъ и не бываетъ; такъ все—дрянцо какое-то. И преступники настоящіе перевелись—ничего нѣтъ лестнаго ихъ ловить. Убьетъ и сейчасъ же сознается. Да и воровъ настоящихъ нѣтъ. Прежде, бывало, за воромъ слѣдишь, да за жизнь свою опасаешься: онъ хоть только и воръ, а потачки не дастъ! Прежде воръ былъ видный во всѣхъ статьяхъ, а теперь что?—жалкій, плюгавый! *Вашъ* судъ его осудитъ и онъ отсидитъ свое,—ну затѣмъ вышлютъ его на родину, а онъ опять возвращается. Они вѣдь себя сами „Спиридонами-поворотами“ называютъ. Мои агенты на желѣзной дорогѣ его узнаютъ, задержатъ, да и приведутъ ко мнѣ; голодный, холодный, весь трясется,—посмотрѣть не на что. Говоришь ему:—ты вѣдь, братецъ, воръ.—Что-жъ, Иванъ Дмитріевичъ, грѣха нечего таить—воръ.—Такъ тебя слѣдуетъ выслать.—Помилуйте, Иванъ Дмитріевичъ!—Ну, какой ты воръ?! Воръ долженъ быть изъ себя видный, рослый, одѣтъ по-почтенному, а ты? Ну, посмотри на себя въ зеркало—ну, какой ты воръ? такъ мразь одна.—Что-жъ, Иванъ Дмитріевичъ, Богъ счастья не даетъ. Ужъ не высылайте, сдѣлайте божескую милость, позвольте покормиться.—Ну, хорошо, недѣлю погуляй,

покормись, а черезъ недѣлю, коли не попадешься до тѣхъ поръ, вышлю: тебѣ здѣсь дѣйствовать никакъ не возможно...—То ли дѣло было прежде: въ сороковыхъ, да пятидесятыхъ годахъ. Тогда надъ Апраксинымъ рынкомъ былъ частный приставъ Шерстобитовъ—человѣкъ извѣстный, ума необыкновеннаго. Сидитъ бывало въ штофномъ халатѣ, на гитарѣ играетъ романсы, а канарейка въ клѣткѣ такъ и заливается. Я же былъ у него помощникомъ, и какихъ мы съ нимъ дѣлъ не дѣлали, даже вспомнить весело!—Разъ зоветъ онъ меня къ себѣ, да и говоритъ:—Иванъ Дмитріевичъ, намъ съ тобою должно быть Сибири не миновать!—Зачѣмъ, говорю, Сибирь?—А затѣмъ, говоритъ, что у французскаго посла, герцога Монтебелло, сервизъ серебряный пропалъ и Государь Николай Павловичъ приказалъ оберъ-полиціймейстеру Галахову, чтобы былъ сервизъ найденъ. А Галаховъ мнѣ да тебѣ велѣлъ найти во что бы то ни стало, а то, говоритъ, я васъ обоихъ упеку куда Макаръ телятъ не гонялъ.—Что-жъ, говорю, Макаромъ загодя стращать, попробуемъ, можетъ и найдемъ.—Перебрали мы всѣхъ воровъ—нѣтъ, никто не кралъ! Они и промежъ себя цѣлый сыскъ произвели получше нашего. Говорятъ:—Иванъ Дмитріевичъ, вѣдь мы знаемъ, какое это дѣло, но вотъ образъ со стѣны готовы снять—не крали этого сервиза!—Что ты будешь дѣлать? Побились мы съ Шерстобитовымъ, побились,—собрали денегъ, сложились, да и заказали у Сазикова новый сервизъ по тѣмъ образцамъ и рисункамъ, что у французовъ остались. Когда сервизъ былъ готовъ, его сейчасъ въ пожарную команду, сервизъ-то...—что бы его тамъ губами ободрали: пусть имѣетъ видъ, какъ-бы былъ въ употребленіи. Представили мы сервизъ французамъ и ждемъ себѣ награды. Только вдругъ зоветъ меня Шерстобитовъ: ну,—говоритъ—Иванъ Дмитріевичъ, теперь ужъ въ Сибирь всенепремѣнно.—Какъ, говорю, за что?—А за то, что звалъ меня сегодня Галаховъ и ногами топалъ и скверными словами ругался: „вы,—говоритъ—съ Путилинымъ плуты, ну и плутуйте, а меня не подводите. Вчера на балѣ во дворцѣ Государь спрашиваетъ Монтебелло: „довольны ли вы моей полиціей?“—Очень, отвѣчаетъ—Ваше Величество, доволенъ: полиція эта безпримѣрная. Утромъ она доставила мнѣ найденный ею украденный у меня сервизъ, а наканунѣ поздно вечеромъ камердинеръ мой сознался, что этотъ же самый сервизъ заложилъ одному иностранцу, который этимъ негласно промышляетъ, и расписку его мнѣ представилъ, такъ-что у меня теперь будетъ *два* сервиза“. Вотъ тебѣ, Иванъ Дмитріевичъ, и Сибирь!—Ну, говорю, зачѣмъ Сибирь, а только дѣло скверное.—Поигралъ онъ на гитарѣ, послушали мы оба канарейку, да и рѣшили дѣйствовать. Послали узнать, что дѣлаетъ посолъ. Оказывается, уѣзжаетъ съ Наслѣдникомъ-Цеса-

ревичемъ на охоту. Сейчасъ къ купцу знакомому въ Апраксинъ, который ливреи шилъ на посольство и всю ихнюю челядь зналъ. „Ты, милъ-человѣкъ, когда имениникъ? — Черезъ полгода. — А можешь ты имянины справить черезъ два дня и всю прислугу изъ французскаго посольства пригласить, а угощеніе будетъ отъ насъ?“ Ну, извѣстно, — *свои люди*, — согласился. И такой-то мы у него балъ задали, что небу жарко стало. Подъ утро всѣхъ развозить пришлось по домамъ: французы-то совсѣмъ очумѣли, къ себѣ домой-то попасть никакъ не могутъ, только мычатъ. Вы только, господа, пожалуйста, не подумайте, что въ винѣ былъ дурманъ или другое какое снадобье. Нѣтъ, вино было настоящее, а только французы слабый народъ: крѣпкое-то на нихъ и дѣйствуетъ. Ну-съ, а часа въ три ночи пришелъ Яша-воръ. Вотъ человѣкъ-то былъ! Душа! Сердце золотое, незлобивый, услужливый, а ужъ на счетъ ловкости, такъ я другого такого не видывалъ. Въ острогѣ сидѣлъ безсмѣнно, а отъ насъ довѣріемъ пользовался въ полной мѣрѣ. Не теперешнимъ ворамъ чета былъ. Царство ему небесное! Пришелъ и мѣшокъ принесъ: вотъ, говоритъ, извольте сосчитать, кажись все. Стали мы съ Шерстобитовымъ считать: двѣ ложки съ вензелями лишнихъ.—Это, говоримъ, зачѣмъ же, Яша? Зачѣмъ ты лишнее бралъ?—Не утерпѣлъ, говоритъ... На другой день поѣхалъ Шерстобитовъ къ Галахову и говоритъ: „помилуйте, Ваше Высокопревосходительство, никакихъ двухъ сервизовъ и не бывало. Какъ былъ одинъ, такъ и есть, а французы народъ вѣдь легкомысленный, имъ вѣрить никакъ не возможно“. А на слѣдующій затѣмъ день вернулся и пос съ охоты. Видитъ—сервизъ одинъ, а прислуга вся съ перепою леная, да вмѣсто дверей въ косякъ головой тычется. Онъ махн рукой, да объ этомъ дѣлѣ и замолкъ.

„Иванъ Дмитріевичъ—сказалъ я, выслушавъ этотъ разсказъ,— а не находите вы, что о такихъ похожденіяхъ можетъ быть было бы удобнѣе умалчивать? Иной вѣдь можетъ подумать, что вы и до сихъ поръ дѣйствуете по-Шерстобитовски...—Э-э-эхъ!—не тѣ теперь времена и не такое мое положеніе. Знаю я, что похожденія мои съ Шерстобитовымъ несовсѣмъ-то удобны, да вѣдь давность прошла и не одна, а, пожалуй, цѣлыхъ три. Вѣдь и Яши-то вора,— царство ему небесное!—лѣтъ двадцать какъ въ живыхъ ужъ нѣтъ“.

Въ бытность мою прокуроромъ окружнаго суда въ Петербургѣ, мнѣ приходилось иногда выходить изъ формальныхъ рамокъ своей дѣятельности и въ однихъ случаяхъ не торопиться съ возбужденіемъ уголовнаго преслѣдованія, а въ другихъ наоборотъ предупреждать о возможности такого преслѣдованія, чтобы сдѣлать его впослѣдствіи въ сущности ненужнымъ. Въ *первыхъ* случаяхъ жалобщику надо было дать время одуматься и допустить заговорить въ себѣ добрымъ и примирительнымъ чувствамъ; во *вторыхъ*, устранить, безъ судебнаго разбирательства, причину самой жалобы.

Вотъ два изъ памятныхъ мнѣ случаевъ.

Въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ въ мой прокурорскій кабинетъ пришелъ офицеръ въ армейской формѣ съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ. Лицо его было мрачно и рѣшительно и глаза желчно смотрѣли куда-то вдаль. „Я сынъ тайнаго совѣтника N. N., вамъ, вѣроятно, извѣстнаго, поручикъ войскъ, расположенныхъ въ Туркестанскомъ военномъ округѣ. Я былъ ребенкомъ, когда умерла моя мать, оставившая мнѣ весьма хорошее состояніе въ недвижимости и назначившая опекуномъ моего отца. Во время пребыванія моего въ кадетскомъ корпусѣ и затѣмъ пользуясь моей службой въ отдаленномъ краѣ, мой отецъ продалъ значительную часть моего имѣнія, будто бы для его округленія, и присвоилъ себѣ все, что было выручено [illegible] доходовъ и покупной платы. Когда я временно вернулся [illegible]дней Азіи, онъ отказался дать мнѣ какія-либо объясненія [illegible]ъ имущественномъ положеніи, и я вынужденъ былъ предъ[illegible] противъ него искъ въ порядкѣ исполнительнаго производства [illegible]требованіи отчета. Судъ уважилъ мои требованія, но на предъ[illegible] отцу моему постановленія суда, онъ отозвался, что никакихъ моихъ денегъ у него нѣтъ и не было, и что вознаграждать меня онъ не намѣренъ. Это было оффиціально удостовѣрено, и я заявилъ, что дѣла такъ не оставлю. Вслѣдъ затѣмъ меня потребовалъ къ себѣ товарищъ шефа жандармовъ, подвелъ къ картѣ Россіи и, показавъ на ней городъ Колу, Архангельской губерніи, посовѣтовалъ мнѣ имѣть въ виду, что если я не прекращу своихъ претензій къ моему почтенному родителю, то я могу близко ознакомиться съ этимъ городомъ, т. е. быть сосланнымъ административно. Но онъ меня не запугалъ, и я приношу вамъ жалобу, прося о привлеченіи моего отца къ уголовной отвѣтственности за растрату и присвоеніе по званію опекуна“. Съ этими словами онъ мнѣ подалъ и самую жалобу, написанную лицомъ, очевидно свѣдущимъ въ уголовныхъ дѣлахъ.

Я дѣйствительно зналъ или, вѣрнѣе, встрѣчалъ отца этого офи-

цера. Онъ былъ большимъ любителемъ искусства и даже, кажется, участвовалъ въ одномъ изъ учрежденій, предназначенномъ „насаждать и упрочивать“ одну изъ отраслей искусства. Я видѣлъ его въ шестидесятыхъ годахъ раза два, сколько мнѣ помнится, у поэта Майкова. Это былъ высокій, подвижный и словоохотливый старикъ.

— Хорошо, сказалъ я моему посѣтителю,—я предложу слѣдователю о производствѣ слѣдствія. — Не слѣдуетъ ли арестовать обвиняемаго?—сказалъ тотъ съ недоброй улыбкой—я имѣю свѣдѣнія, что онъ покупаетъ золото въ большомъ количествѣ: вѣроятно, думаетъ бѣжать за границу. Позвольте узнать, когда вы дадите предложеніе слѣдователю: нельзя ли сегодня же?—„Нѣтъ, ранѣе недѣли я этого предложенія не дамъ“.—Но почему же? дѣло ясно и жалоба потерпѣвшаго для васъ и для слѣдователя по 303 и 307 ст. Уст. Угол. Суд. обязательна,—сказалъ онъ, волнуясь и густо краснѣя.—Вы недурно знаете Судебные Уставы, но не обратили вниманія на то, что обязательнаго срока на возбужденіе преслѣдованія не существуетъ, что и понятно, такъ какъ прокуроръ и слѣдователь нерѣдко должны имѣть возможность убѣдиться, путемъ дознанія, въ наличности состава преступленія.—Да! воскликнулъ онъ,—но виновный убѣжитъ за границу, покуда вы будете собираться дать слѣдователю предложеніе!—Объ этомъ не безпокойтесь: въ виду вашей жалобы, будетъ сдѣлано сношеніе съ градоначальникомъ о пріостановленіи выдачи ему заграничнаго паспорта въ теченіе нѣсколькихъ дней.—Такъ не раньше, какъ черезъ недѣлю!—рѣзко сказалъ мнѣ молодой человѣкъ и, круто повернувшись, направился къ выходу.—Позвольте васъ остановить и попросить присѣсть,—сказалъ я.—Могу ли я васъ спросить, чѣмъ вы существуете, несмотря на присвоеніе вашимъ отцомъ вашего имущества?—Жалованьемъ.—И вамъ хватаетъ на жизнь?—Да, у меня потребности скромныя.—Такъ что въ сущности вы въ присвоенныхъ вашимъ отцомъ деньгахъ не нуждаетесь?—Нѣтъ, но онъ не имѣлъ права! Я не могу позволить!—Ясно ли вы представляете себѣ картину будущаго суда надъ вашимъ отцомъ?—Старика придется посадить подъ стражу: вы даже сами этого требуете. Онъ будетъ сидѣть предъ публикой, жадной на зрѣлища, на скамьѣ подсудимыхъ между двумя жандармами. Вамъ придется давать противъ него показанія, отвѣчать на перекрестномъ допросѣ, при чемъ, конечно, защитникъ васъ не пощадитъ и поставитъ не разъ въ неловкое положеніе своими вопросами и рѣчами. Затѣмъ отецъ вашъ можетъ быть лишенъ правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь. Вы сдѣлаетесь, въ качествѣ гражданскаго истца, обладателемъ всей присвоенной суммы и при томъ, быть можетъ, за годъ или за два до смерти стараго отца, послѣ которой вы, вѣроятно, и такъ полу-

чите все состояніе этого „скупого рыцаря“.—Я это знаю, раздражительно сказалъ мой собесѣдникъ, и на все это готовъ, но я не могу ему позволить нарушать мои права. Я обдумалъ, что дѣлаю, и это исключительно мое дѣло.—Черезъ недѣлю ваше желаніе будетъ исполнено, и затѣмъ вы, вѣроятно, получите возможность выйти изъ рамокъ вашихъ скромныхъ потребностей и повести жизнь на широкую ногу и—простите меня—вотъ, что можетъ случиться: въ веселой компаніи друзей и, быть можетъ, женщинъ, увивающихся около богатыхъ молодыхъ людей, вы будете ужинать или обѣдать въ модномъ ресторанѣ и пить шампанское, а на улицѣ поднимется метель и станетъ выть за окнами и засыпать ихъ снѣгомъ. И вдругъ вамъ придетъ мысль: „а мой-то старикъ теперь гдѣ-нибудь въ Якутской губерніи, среди постоянныхъ вьюгъ, и холода, и безлюдья, одинокій, немощный, больной, и *я* его туда отправилъ, *я*—его сынъ“... Не завидую вамъ въ эти минуты, а поправить сдѣланное уже будетъ невозможно, какъ невозможно будетъ даже и мнѣ отмѣнить свое распоряженіе о производствѣ слѣдствія, такъ какъ этого рода дѣла примиреніемъ не кончаются. Вотъ почему я, не считая какое-либо дознаніе по этому дѣлу необходимымъ, все-таки воспользуюсь своимъ правомъ и начну слѣдствіе не сейчасъ, а давъ вамъ время подумать еще разъ о томъ, что вы предпринимаете. Но если ровно черезъ недѣлю, въ этотъ самый день и часъ, у [illegible]е будетъ никакого съ вашей стороны заявленія, я предложу [illegible]ателю начать слѣдствіе и взять вашего отца подъ стражу... —[illegible] нечего обдумывать, сказалъ офицеръ, недовольно пожавъ [illegible]и, и ушелъ.

[illegible]шла недѣля, насталъ тотъ же самый день (кажется, среда) и приблизился тотъ же самый часъ. О жалобщикѣ не было ни слуху, ни духу. Я уже вынулъ изъ ящика стола его прошеніе съ тѣмъ, чтобы чрезъ нѣсколько минутъ написать на немъ мою резолюцію о предложеніи слѣдователю приступить къ слѣдствію,—какъ вдругъ молодой человѣкъ явился. Подойдя къ столу съ тѣмъ же суровымъ видомъ, какъ и прежде, онъ, не смотря на меня и скосивъ глаза въ сторону, сказалъ: я пришелъ просить васъ оставить мою жалобу на отца безъ послѣдствій.—Онъ васъ удовлетворилъ?—Нѣтъ, я его не видѣлъ, но не хочу его преслѣдовать.—Слушаю. Ваше желаніе будетъ исполнено.—И я сталъ писать на поляхъ жалобы: „оставить безъ послѣдствій въ виду словеснаго заявленія потерпѣвшаго“. Но онъ не отходилъ отъ стола и на мой недоумѣвающій взглядъ отвѣтилъ просьбой отдать ему назадъ самую жалобу.—Зачѣмъ она вамъ? съ моей помѣткой она все равно не дѣйствительна...—Мнѣ,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ, опустивъ голову и

*

опять густо краснѣя, мнѣ стыдно.—Я молча подалъ ему бумагу. Онъ скомкалъ ее, сунулъ въ карманъ и быстро пошелъ изъ кабинета. Но, взойдя на лѣсенку (кабинетъ былъ ниже уровня сосѣднихъ комнатъ и въ него вели двѣ двери съ нѣсколькими ступеньками) онъ нерѣшительно взялся за ручку двери, пріотворилъ послѣднюю и снова заперъ, а затѣмъ, потупясь, сказалъ мнѣ тѣмъ же глухимъ голосомъ: „господинъ прокуроръ, я вамъ долженъ сказать... я вамъ очень благодаренъ: вы мнѣ помогли остаться порядочнымъ человѣкомъ!“ И, сильно хлопнувъ дверью, онъ исчезъ.

Въ 1875 году, въ началѣ января, ко мнѣ въ прокурорскую камеру пришла молодая, кокетливо одѣтая (помнится, на ней было нѣчто въ родѣ мантильи изъ птичьихъ перьевъ, что придавало ей особую оригинальность) женщина и разсказала мнѣ, что ея горничная, молодая дѣвушка, взятая ею изъ деревни, была обольщена однимъ изъ очень расплодившихся тогда въ Петербургѣ мелкихъ „невскихъ банкировъ“ и нынѣ находится въ ужасномъ положеніи, готовясь быть матерью, при чемъ обольститель не только не желаетъ войти въ ея положеніе, но даже приказалъ своему лакею „выгнать ее въ шею“. Осталось обратиться къ судебной власти за защитой. Но, въ виду запуганности своей горничной, она—госпожа Гулакъ-Артемовская—рѣшилась замѣнить ее и придти ко мнѣ, прося заступничества за бѣдную дѣвушку. Я объяснилъ заступницѣ, что до рожденія ребенка я ничего сдѣлать не могу, такъ какъ сожитіе неженатаго съ незамужней подсудно свѣтскому суду лишь при рожденіи ребенка, если мать требуетъ обезпеченія себѣ и дитяти.—Но, Боже мой! воскликнула она: вѣдь онъ можетъ уѣхать за границу или подкупить свидѣтелей, и тогда бѣдная дѣвушка погибла: кто же станетъ ее держать съ ребенкомъ? Ради Бога помогите! Не можете ли вы все-таки принять отъ нея жалобу и поговорить съ нимъ, можетъ быть, это на него подѣйствуетъ. Она и въ деревню уѣхать не можетъ: у нея очень строгій отецъ—онъ и ее, и ребенка со свѣту сживетъ.... Мнѣ стало жаль бѣдную дѣвушку, и я обѣщалъ попробовать облегчить ея горе.

Я распорядился вызвать на другой день ко мнѣ „банкира“ и получасомъ раньше его возлюбленную. Разсказъ послѣдней, ея слезы и неподдѣльное отчаяніе не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что это не шантажистка, и что она дѣйствительно послужила лишь предметомъ бездушной и надоѣвшей затѣмъ забавы для Донъ Жуана низкой пробы. Она принесла мнѣ жалобу съ указаніемъ на свидѣтелей своей связи. Я просилъ ее подождать нѣсколько времени въ

одной изъ свободныхъ камеръ товарищей прокурора, а черезъ четверть часа ко мнѣ вошелъ съ величавымъ видомъ упитанный господинъ съ мясистымъ лицомъ, представлявшій изъ себя цѣлый ювелирный магазинъ: на груди его блистали брилліантовыя запонки, руки были унизаны массивными перстнями съ драгоцѣнными камнями, на толстой часовой цѣпочкѣ висѣли въ большомъ количествѣ брелоки и жетоны, осыпанные тоже брилліантами. Отъ всей его фигуры вѣяло чрезвычайнымъ самодовольствомъ. Я извинился, что потревожилъ его, принявъ участіе въ бѣдной дѣвушкѣ и давъ ему прочесть ея жалобу, объяснилъ, что хотя до рожденія ребенка начать слѣдствіе нельзя, но что оно будетъ начато тотчасъ же по его рожденіи, при чемъ путемъ дознанія можно нынѣ же провѣрить справедливость заявленія дѣвушки. Помилуйте,—залепеталъ мой банкиръ,—это шантажъ со стороны какой-то мерзавки, которой я никогда въ глаза не видѣлъ. Я самъ принесу вамъ жалобу на то, что она своимъ заявленіемъ меня порочитъ. Я никогда ни съ кѣмъ въ связи не былъ, а тѣмъ болѣе съ какой-нибудь горничной. Пфуй! abscheulich!

— Можетъ быть, вы не откажетесь объявить ей при мнѣ, что вы ее не знаете, и мнѣ станетъ ясно, какое значеніе можетъ имѣть ея жалоба,—сказалъ я и, позвонивъ, приказалъ пригласить дѣвушку. Едва она показалась на верхней площадкѣ лѣстницы и увидѣла моего собесѣдника, какъ вся ея фигура преобразилась, лицо покрылось румянцемъ, по нему потекли обильныя слезы, она всплеснула руками и, не обращая на меня никакого вниманія, почти съ крикомъ „батюшка! голубчикъ!“ бросилась къ нему и стала цѣловать его руки, говоря прерывающимся голосомъ: „дорогой, милый, желанный!“ „Голубчикъ“, очевидно, не ожидалъ такого coup de théâtre; онъ измѣнился въ лицѣ, сталъ бормотать: „ну, что? ну, зачѣмъ? ну, для чего?“

— Вы ея никогда не видали?—спросилъ я.—Позвольте мнѣ переговорить наединѣ съ Машей.... съ нею, поправляясь, сказалъ онъ мнѣ вмѣсто отвѣта. Я предложилъ имъ отправиться въ тотъ же пустой кабинетъ товарища прокурора и занялся своимъ дѣломъ. Черезъ четверть часа они снова вошли ко мнѣ. Мой банкиръ имѣлъ еще болѣе величественный видъ, а „Маша“ смотрѣла на него восторженными глазами.—Она не имѣетъ болѣе претензій,—сказалъ онъ мнѣ;—я дамъ ей и *моему* ребенку достаточное обезпеченіе. Я не ожидалъ, что она обратится сюда, но теперь она довольна.—Вы довольны?—спросилъ я дѣвушку.—Ахъ!—воскликнула она,—еще бы! они такіе добрые: обѣщались мнѣ давать по десяти рублей въ мѣсяцъ, когда родится дитё.—И этого вамъ достаточно?

Но она даже не отвѣчала на этотъ вопросъ, впиваясь влюбленными глазами въ „ювелирный магазинъ“ и снова плача отъ радости, что повидалась съ любимымъ человѣкомъ. Мой банкиръ, снисходительно улыбаясь, благосклонно подалъ мнѣ руку и оба удалились.

На другой день ко мнѣ опять влетѣла г-жа Гулакъ-Артемовская съ выраженіемъ благодарности за свою дѣвушку, говоря, что счастью послѣдней нѣтъ границъ и не столько потому, что великодушный банкиръ выдалъ ей обязательство, выторговавъ при этомъ два рубля въ мѣсяцъ, сколько потому, что онъ даже позволилъ ей приходить къ себѣ иногда по воскресеньямъ утромъ. „Но вы знаете,—продолжала она,—l'appétit vient en mangeant, и у меня есть къ вамъ другая просьба—очень большая. Обѣщайте ее исполнить, пожалуйста. Я вдова, у меня прекрасныя средства, и я доставляю себѣ удовольствіе собирать у себя кружокъ хорошихъ знакомыхъ. Вы встрѣтите у меня С., Т., А... и она назвала нѣсколько громкихъ фамилій, принадлежащихъ людямъ, занимавшимъ очень видное оффиціальное и общественное положеніе. Я отвѣтилъ уклончиво, что постараюсь исполнить ея желаніе, но обѣщать навѣрное не могу, такъ какъ очень занятъ и не имѣю времени бывать даже у своихъ старыхъ знакомыхъ.—Я все-таки буду надѣяться,—сказала Гулакъ-Артемовская, и никакихъ отговорокъ не принимаю.—На этомъ мы разстались. Я, конечно, не поѣхалъ къ совершенно незнакомой мнѣ дамѣ и думалъ, что она пойметъ мой вѣжливый отказъ. Но черезъ недѣлю она явилась вновь и, подойдя рѣшительными шагами къ моему столу, заявила, что пришла требовать у меня объясненій, по какому праву я ее оскорбляю: не потому ли, что она одинокая женщина и что за нее некому заступиться? Она сказала своимъ друзьямъ. что я у нея буду, и ждала меня цѣлую недѣлю, никакъ не ожидая отъ меня—человѣка, какъ ей казалось, воспитаннаго,—такого явнаго пренебреженія, ставящаго ее въ крайне фальшивое положеніе передъ ея друзьями. На эту наивную выходку я отвѣчалъ указаніемъ на то, что камера прокурора не мѣсто для объясненій по поводу свѣтскихъ визитовъ и что, если я въ первый разъ не отказалъ ей категорически, то послѣ настоящаго разговора прямо заявляю ей, что быть у нея вовсе не намѣренъ. Тогда, надувая губки, какъ маленькій обиженный ребенокъ, она начала меня просить не сердиться и понять ея положеніе, которое очень неловко послѣ того, какъ она наговорила своимъ друзьямъ, что я у нея буду, но что я все это могу загладить, если дамъ ей свою фотографическую карточку съ надписью.—Извините меня,—сказалъ я ей,—я карточки даю только своимъ друзьямъ.—Ну, такъ будемте друзьями,—кокетливо сказала она.—Сударыня, я очень занятъ.—Ахъ, какой вы несносный.

Ну, такъ дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, вашу простую визитную карточку. Зачѣмъ же это? Я загну уголокъ и скажу друзьямъ, съ выраженіемъ сожалѣнія, что вы были и не застали меня дома.— Зачѣмъ же мнѣ содѣйствовать такому обману? Извините меня, я занятъ.—Она ушла, презрительно пожавъ плечами...

Осенью 1878 года мнѣ пришлось уже въ качествѣ предсѣдателя окружного суда, засѣдать по двумъ выдающимся дѣламъ: француженки-гувернантки Маргариты Жюжанъ и этой самой Гулакъ-Артемовской. Оказалось, что моя изящная посѣтительница, осенью 1875 года, познакомилась чрезъ одного писателя съ богатымъ купцомъ Николаемъ Пастуховымъ и, пользуясь его слабохарактерностью и влюбленностью, выиграла у него, какъ это доказывали наслѣдники его записями въ его денежныхъ книгахъ, свыше ста шестидесяти тысячъ рублей въ *дурачки*, а затѣмъ, когда онъ умеръ, составила отъ его имени на свое подложныхъ векселей на 58 тысячъ, утверждая, что, будто-бы, эти векселя были ей выданы Пастуховымъ по разсчетамъ съ нею, что, однако, опровергалось точно установленнымъ балансомъ его состоянія. Гулакъ-Артемовская, въ подтвержденіе своей порядочности, ссылалась при слѣдствіи на разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя ее посѣщали и дали самые лестные о ней отзывы въ своихъ письменныхъ заявленіяхъ судебному слѣдователю. Одно изъ нихъ даже взяло ее на поруки во время предварительнаго слѣдствія. Когда дѣло поступило въ судъ, этотъ сановникъ пришелъ ко мнѣ выражать свое негодованіе на судебнаго слѣдователя Русинова, доказывая, что все это дѣло есть гнусная интрига противъ беззащитной и ни въ чемъ неповинной женщины. Я приказалъ подать дѣло и далъ ему прочесть обвинительный актъ, составленный очень обстоятельно. По мѣрѣ чтенія выраженіе восторженнаго отношенія къ неповинной женщинѣ и вызываемаго дѣломъ негодованія замѣнялось у читавшаго выраженіемъ замѣшательства и даже испуга. По окончаніи чтенія, мой посѣтитель совершенно неожиданно заявилъ мнѣ, что не желаетъ болѣе имѣть *такую женщину* на порукахъ, и просилъ моего указанія, какъ освободиться отъ своего поручительства.

Дня черезъ два ко мнѣ въ служебный кабинетъ влетѣла въ состояніи крайняго раздраженія Гулакъ-Артемовская, заявившая, негодуя и плача, что ее притѣсняютъ, требуя второго поручителя.— Не второго, а единственнаго,—сказалъ я—потому что вашъ поручитель отказался.—Какъ?—удивленно воскликнула она: отказался! да какъ онъ могъ меня поставить въ такое положеніе? Я не сяду подъ стражу, я найду другого поручителя, но онъ мнѣ дорого заплатитъ! Отказался! ну погоди-же!... И она угрожающе подымала

палецъ, и ея красивое лицо дышало непримиримымъ желаніемъ мщенія.

Судебное слѣдствіе длилось четыре дня—съ 20 по 23 октября, и обвиненіе было доказано вполнѣ. Подсудимая защищалась очень энергически и искусно. Всегда изящно одѣтая,—то чрезвычайно скромная, то патетическая въ своихъ объясненіяхъ, -она производила довольно сильное впечатлѣніе на присяжныхъ и въ особенности на разныхъ почетныхъ посѣтителей, сидѣвшихъ въ мѣстахъ за судьями. Но подавляющая совокупность уликъ и сильная рѣчь товарища прокурора князя Урусова, начатая великолѣпной картиной раззолоченнаго притона, гдѣ подъ шумокъ обдѣлываются дѣла, гдѣ на смѣну дневныхъ высокопоставленныхъ гостей, по вечерамъ собираются темныя личности и гдѣ обыгрываютъ въ дурачки на сотни тысячъ,—произвели тоже свое впечатлѣніе. Одно время, впрочемъ, можно было думать, что подсудимую оправдаютъ, благодаря самому сильному изъ ея обличителей—тому самому писателю, который познакомилъ ее съ Пастуховымъ. Повидимому, сводя съ нею какіе-то старые интимные счеты, онъ давалъ свое показаніе съ такою нескрываемой ненавистью къ подсудимой, что, казалось, съ устъ его каплетъ дымящаяся пѣна и прожигаетъ полъ. Все, что можно сказать оскорбительнаго о женщинѣ, не употребляя ругательствъ и обидныхъ эпитетовъ,—все, что можно дать понять дурного многозначительными умолчаніями, паузами и усмѣшечками—все это было имъ сдѣлано. Я долженъ былъ два раза останавливать его, рекомендуя ему большую сдержанность въ выраженіяхъ и напоминая ему, что онъ говоритъ о женщинѣ, которая при томъ еще не признана виновной. Когда, послѣ рѣзкаго замѣчанія моего по поводу неисполненія моихъ указаній, онъ сталъ осторожнѣе въ выраженіяхъ, но остался при прежнемъ тонѣ глубокаго презрѣнія, которымъ онъ говорилъ о подсудимой, она не выдержала, вскочила со своего мѣста и съ крикомъ: „Нѣтъ, я не могу больше этого слышать! онъ меня оскорбляетъ! Я не могу, я уйду, уйду!“ бросилась вонъ изъ залы. Я послалъ судебнаго пристава ее успокоить и продолжалъ, подъ доносившіеся издалека ея истерическіе крики и рыданія, вести засѣданіе. А свидѣтель продолжалъ свои показанія, которыя я, согласно закону, долженъ былъ затѣмъ повторить, конечно въ смягченной формѣ, овладѣвшей собою и вернувшейся въ залу подсудимой. На присяжныхъ это показаніе произвело, очевидно, самое тягостное впечатлѣніе, и въ нѣкоторыхъ вопросахъ, которые они просили меня предложить свидѣтелю, звучала нота раздраженія и недовѣрія. Но подсудимая сама разрушила ту невольную симпатію, которую вызвало къ ней это ожесточенное и безжалостное показаніе. Въ концѣ

третьяго дня засѣданій, вечеромъ, старшина присяжныхъ Василій Аполлоновичъ Полетика, издатель газеты „Молва“, вставъ съ своего мѣста, заявилъ мнѣ, что присяжные желали бы знать, откуда имѣла средства подсудимая, чтобы давать взаймы десятки тысячъ?—Угодно вамъ отвѣчать на этотъ вопросъ?—спросилъ я Гулакъ-Артемовскую.—Угодно,—отвѣчала она вызывающимъ тономъ—мнѣ нечего скрывать: я *проводила дѣла*.—Присяжные желаютъ знать, что значитъ *проводить дѣла*?—сказалъ Полетика.—Подсудимая, напоминаю вамъ, что по закону вы можете не отвѣчать на предложенные вамъ вопросы. Вы слышали, что желаютъ знать господа присяжные?—Какъ же,—отвѣчала она тѣмъ же тономъ—слышала и желаю объяснить, что проводить дѣла значитъ, пользуясь знакомствомъ съ вліятельными лицами, устраивать, чтобы дѣла, въ исходѣ которыхъ кто-либо заинтересованъ, рѣшались въ ихъ пользу, а также доставать мѣста, выхлопатывать концессіи и т. п. Конечно, за это получается извѣстное вознагражденіе. Такъ вотъ этимъ я и занималась, пользуясь своими знакомствами... Всѣ въ залѣ затаили дыханіе. Наступила такая тишина, что можно было примѣнить нѣмецкое выраженіе: „man hörte wie die Wolken ziehen“. Полетика пошептался съ сосѣдями и снова всталъ:—присяжные желаютъ знать, можетъ ли представить подсудимая какія-либо доказательства своихъ словъ?—Охотно,—живо сказала Гулакъ-Артемовская, не дожидаясь моего вопроса,—вотъ портфель,—и она подняла его со скамейки и показала суду,—въ немъ всѣ мои документы о проведеніи дѣлъ. Прошу васъ ихъ разсмотрѣть!—Судебный приставъ подалъ мнѣ портфель и въ немъ оказался рядъ домашнихъ условій, проектовъ договоровъ, справокъ изъ дѣлъ, просительныхъ писемъ и отвѣтовъ на нихъ и т. п. Первымъ лежало условіе между Гулакъ-Артемовскою и виднымъ желѣзно-дорожнымъ подрядчикомъ, въ силу котораго первая должна была получить весьма крупную сумму, въ случаѣ если въ одномъ изъ высшихъ установленій состоится по „чреватому послѣдствіями“ спорному вопросу, постановленіе въ пользу этого подрядчика. Остальные документы и письма были нѣсколько меньшаго значенія какъ по размѣрамъ условленнаго вознагражденія, такъ и по характеру ожидавшихся, при содѣйствіи подсудимой, услугъ.

— Гг. присяжные,—сказалъ я,—въ портфелѣ, который представленъ мнѣ подсудимой, дѣйствительно содержится рядъ документовъ, подтверждающихъ справедливость ея заявленія о полученіи ею вознагражденія за хлопоты по успѣшному окончанію нѣкоторыхъ дѣлъ въ различныхъ правительственныхъ мѣстахъ. Вы удовлетворены?—спросилъ я Полетику. Онъ молча поклонился, и я закрылъ засѣданіе.

На другой день рано утромъ у меня настойчиво потребовалъ свиданія „на одну минутку“ одинъ изъ сановниковъ, считавшій себя активнымъ дѣятелемъ либеральнаго кружка, окружавшаго вліятельнаго поборника почти всѣхъ великихъ реформъ Императора Александра II. Съ встревоженнымъ видомъ онъ объяснилъ мнѣ, что вчера поздно вечеромъ въ Англійскій клубъ пришла вѣсть о таинственномъ портфелѣ подсудимой, сопровождаемая толкованіемъ, что содержащіяся въ немъ бумаги потому не были оглашены въ подробности, что первая же изъ нихъ, будто-бы, указывала на участіе въ проведеніи дѣлъ именно этого лица, чему его злобные и многочисленные враги тотчасъ же повѣрили съ ликованіемъ. Я разсказалъ моему посѣтителю о содержаніи портфеля.—Но это необходимо огласить во всеуслышаніе,—сказалъ онъ мнѣ,—иначе гнусное подозрѣніе останется и укрѣпится.—Стороны и присяжные не просили объ оглашеніи,—сказалъ я,—а запутывать дѣло подробностями побочныхъ обстоятельствамъ не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что я привыкъ къ тому, что присяжные относятся къ моимъ удостовѣреніямъ съ полнымъ довѣріемъ.—А если стороны или присяжные попросятъ?—спросилъ, продолжая волноваться, мой посѣтитель,—тогда будетъ оглашено? и, получивъ утвердительный отвѣтъ, торопливо удалился. Очевидно, онъ спѣшилъ повидаться со сторонами. И дѣйствительно, лишь только въ 11 ч. утра я открылъ засѣданіе, какъ всталъ повѣренный гражданскаго истца В. П. Гаевскій и заявилъ просьбу объ оглашеніи главнѣйшихъ изъ документовъ, содержащихся въ роковомъ портфелѣ. Его просьбу поддержалъ товарищъ прокурора князь Урусовъ и къ нимъ, наконецъ, присоединился и Полетика. Тогда я прочелъ вслухъ главнѣйшіе изъ документовъ. Вслѣдъ затѣмъ сидѣвшій въ мѣстахъ за судьями мой утренній гость немедленно вышелъ изъ залы засѣданія. А вечеромъ въ тотъ же день былъ подписанъ указъ Сенату объ увольненіи бывшаго сановнаго поручителя за Гулакъ-Артемовскую отъ долголѣтней службы безъ прошенія. Оказалось, по справкамъ, что несчастный старикъ—личная честность котораго была внѣ всякихъ сомнѣній,—поддавшись чарамъ ловкой женщины и ничего не подозрѣвая съ ея стороны корыстнаго, вѣроятно пообѣщалъ ей заступиться въ коллегіальномъ совѣщаніи за „бѣднаго“ подрядчика и на свою гибель сдержалъ свое обѣщаніе, забывая, что „la femme de César ne doit pas être soupçonnée“. Всѣ, изъ которыхъ многіе, быть можетъ, сознательно участвовали и не въ такихъ дѣлахъ, отвернулись отъ него. Опозоренный, разбитый физически и нравственно, онъ уѣхалъ за границу и тамъ вскорѣ умеръ. Мстительное торжество Гулакъ-Артемовской не послужило ей, однако, въ пользу и вечеромъ на четвертый день, весь занятый преніями сторонъ и

моимъ руководящимъ напутствіемъ, присяжные вынесли ей обвинительный приговоръ. Она выслушала его спокойно, поклонилась суду и потомъ гордо выпрямившись и презрительно взглянувъ на вышеупомянутаго свидѣтеля-обвинителя, ждавшаго исхода процесса, громко, на всю залу, спросила его: „Вы довольны?!“

Обаяніе этой женщины было, очевидно, очень сильно. Достаточно сказать, что одинъ свидѣтель, молодой человѣкъ, имѣвшій хорошее мѣсто въ Петербургѣ и давшій столь явно лживое показаніе въ пользу подсудимой на судѣ, что Урусовъ потребовалъ занесенія таковаго въ протоколъ, для возбужденія уголовнаго противъ него преслѣдованія,—бросилъ службу и Петербургъ и отправился за осужденною въ Сибирь.

Вспоминая это дѣло во всей его совокупности, я не разъ съ удовольствіемъ останавливался на моемъ нелюбезномъ упорствѣ относительно визита къ Гулакъ-Артемовской и дачи ей портрета или даже простой карточки. Присутствіе прокурора окружного суда въ ея гостиной, автографъ на портретѣ или даже простое нахожденіе визитной карточки на столикѣ у любезной хозяйки, могли бы оказывать немалыя услуги, вліяя на довѣрчивость лицъ, имѣвшихъ надобность въ ея помощи по проведенію дѣлъ или могшихъ имѣть къ ней претензіи уголовнаго характера.

1907. Апрѣль. А. Ѳ. Кони.

Оригинальная резолюція епископа Чигиринскаго Порфирія [1]).

(Изъ жизни нашего духовенства).

Въ богатомъ селѣ Кіевской губерніи, N*, въ Свято-Духовской церкви, освободилось мѣсто священника. Приходъ былъ многолюдный и очень богатый. Въ числѣ кандидатовъ на освободившееся мѣсто были два священника той же епархіи: отецъ,—уже старый священникъ, и его сынъ, недавно окончившій Кіевскую семинарію. Свое прошеніе о перемѣщеніи въ Свято-Духовскую церковь оба просителя ничѣмъ не мотивировли.

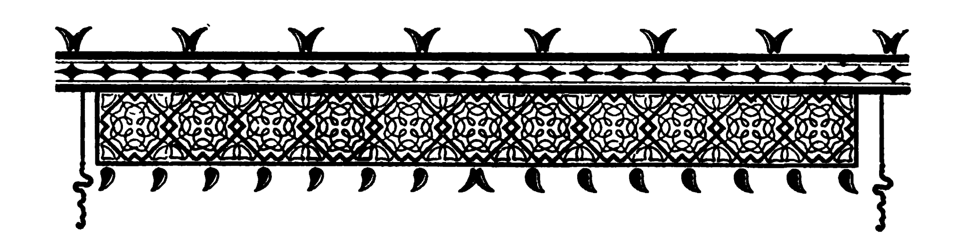
Обыкновенно всѣ присланныя въ Консисторію прошенія пересылались къ Преосвященному Порфирію, которому тогдашній Кіевскій Митрополитъ Арсеній (Москвинъ II), человѣкъ очень слабый и болѣзненный, поручалъ разсматривать всѣ дѣла, касающіяся перемѣщенія священниковъ въ епархіи. Преосвященный Порфирій на прошеніяхъ обоихъ священниковъ, старика-отца и его молодого сына, положилъ такую резолюцію:

„Отказать отцу и сыну во Святомъ Духѣ“.

Сообщ. **А. Сергѣевъ.**

[1]) *Преосвященный Порфирій* родился въ 1804 году, въ Костромской губерніи. Онъ былъ сынъ причетника и въ мірѣ назывался Константиномъ Александровичемъ. Въ 1830 году онъ окончилъ курсъ въ Петербургской академіи и долго былъ настоятелемъ посольской церкви въ Вѣнѣ, а потомъ начальникомъ миссіи въ Іерусалимѣ. Въ 1865 г. онъ былъ возведенъ въ санъ епископа Чигиринскаго. Въ 1877 г. онъ ушелъ насиокой и † въ Московскомъ Ново-Спасскомъ монастырѣ 19 апрѣля 1885 г. Въ 1842, 1845 и съ 1858 по 1861 г. епископъ Порфирій былъ отправленъ на Востокъ для собиранія археологическихъ свѣдѣній.

Забытый фельдмаршалъ [1]).

(Очеркъ дѣятельности главнокомандующаго въ русско-турецкую войну 1877—1878 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ).

(Окончаніе).

III.

Переходъ черезъ Балканы и наступленіе къ Константинополю.

„На войнѣ люди ничего не значатъ, все дѣлаетъ одинъ человѣкъ".

Наполеонъ.

Между тѣмъ, наступили тяжелые дни оборонительныхъ дѣйствій, впредь до прихода ожидаемыхъ изъ Россіи подкрѣпленій.

Быстрый и рѣшительный ходъ кампаніи былъ задержанъ до сосредоточенія всѣхъ предоставленныхъ Главнокомандующему силъ, но какъ только представилась малѣйшая возможность, Его Высочество тотчасъ же началъ подготовлять задуманный имъ планъ рѣшительнаго наступленія и перехода черезъ Балканы. Въ этихъ видахъ, съ приходомъ Гренадерскаго корпуса, еще до паденія Плевны, Главнокомандующій рѣшилъ двинуть гвардію съ генераломъ Гурко на Балканы [2]).

Противникомъ этого движенія былъ помощникъ начальника Штаба генералъ Левицкій, представлявшій Его Высочеству свои болѣе или менѣе вѣскія соображенія, но предложенія генерала Гурко совпадали съ цѣлями Великаго Князя и восторжествовали. Привожу объ этомъ

[1]) См. „Русская Старина", ноябрь 1907 г.

[2]) 1-я и 2-я гв. пѣх. див., гв. стрѣлковая бригада, Л.-гв. Саперный баталіонъ и 2-я гв. кав. див. съ 2-ю бригадою 3 пѣх. дивизіи и Кавказскою казачьею бригадою.

скота. Слѣдовательно, продовольствія у Османа еще много, и я думаю, что намъ придется проживать здѣсь не менѣе мѣсяца. А мѣсяцъ пассивной блокады создаетъ Богъ знаетъ какія трудности.

И такъ, надѣюсь, что Вы окажете намъ содѣйствіе, а главное устроите дѣло такъ, что рапортъ минуетъ разныя клоаки и попадетъ прямо въ руки Великаго Князя. Пускай рѣшаетъ дѣло Его Высочество самъ, по личнымъ своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, а не по совѣту разумнымъ совѣтниковъ.

Съ глубокимъ къ Вамъ уваженіемъ остаюсь весь Вашъ Д. Нагловскій".

Газенкампфъ въ своемъ дневникѣ отъ 26 октября заноситъ: „Непокойчицкій отстранилъ Левицкаго отъ распоряженій по этому плану, очевидно, вслѣдствіе обнаруженнаго имъ несочувствія: Левицкій считаетъ этотъ планъ рискованнымъ и вчера высказалъ это Непокойчицкому и Великому Князю". Приводя данныя противъ этого движенія, Газенкампфъ заключаетъ: „все это небезосновательно, но тѣмъ не менѣе планъ соблазнителенъ. Безъ риска никогда и ни въ чемъ нѣтъ крупнаго выигрыша; а намъ нельзя тянуть кампанію; если не добьемся рѣшительнаго результата до весны—непремѣнно вмѣшается Англія" и т. д.

Далѣе за день 31-го октября: „Сегодня Левицкій прочелъ Великому Князю и Непокойчицкому составленную имъ записку, возражающую противъ движенія Гурко къ Орханіе и далѣе. Суть за-
ски въ томъ, что движеніе это преждевременно и опасно и
обождать паденія Плевны. Великій Князь выслушалъ и сказ
что переговоритъ лично съ Гурко".

2-го ноября Великій Князь съ Непокойчицкимъ ѣздилъ на
даніе съ Гурко, Тотлебеномъ и Имеретинскимъ и *приказалъ Г...*
овладѣть Орханіею и, занявъ горные проходы, до паденія Плевны дальше не идти.

„Уже на послѣднемъ совѣщаніи Государь Императоръ высказался въ пользу Забалканскаго похода, пишетъ Домонтовичъ. Затѣмъ на третій день послѣ взятія Плевны Государь собираетъ у себя военный совѣтъ, на которомъ въ принципѣ рѣшено было безотлагательно двинуться за Балканы".

Государь, какъ было выше упомянуто, никогда не препятствовалъ Главнокомандующему въ исполненіи плана кампаніи и одобрилъ переходъ черезъ Балканы, вопреки инструкціи отъ 18 мая, которая отъ Него не исходила и распутать послѣдствія которой Онъ предоставлялъ Князю Горчакову.

Согласіе Государя на переходъ черезъ Балканы можетъ служить доказательствомъ, что Его Величество не считалъ Себя связаннымъ

данными инструкціею обѣщаніями. Тотлебенъ, Имеретинскій и Скобелевъ были также противъ движенія на Балканы, при чемъ Михаилъ Дмитріевичъ изложилъ свои взгляды въ письмѣ ко мнѣ отъ 2 и 3 ноября. Тотлебенъ предлагалъ, послѣ паденія Плевны, заняться осадой крѣпостей.

Письмо ко мнѣ Скобелевъ писалъ, будучи контуженъ въ ночь со 2 на 3 ноября, а 4 ноября Его Высочество, обезпокоенный этою контузіею, лично навѣстилъ Михаила Дмитріевича. При этомъ мнѣ удалось переговорить съ нимъ и увѣрить, что Главнокомандующій преслѣдуетъ свою опредѣленную мысль и цѣль, отъ которой не отойдетъ.

Въ траншеяхъ на Зеленой горѣ.

„Уважаемый Дмитрій Антоновичъ, позвольте мнѣ совершенно потоварищески поговорить о нѣкоторомъ касающемся нашего здѣсь, за Дунаемъ, положенія, не одного меня наводящаго слишкомъ часто на размышленія. Я буду говорить коротко, по пунктамъ, исключительно для Васъ и съ Вами, къ мнѣнію котораго я научился относиться съ уваженіемъ:

1) Ранѣе паденія Плевны наступательныя дѣйствія вредны. Они могутъ повести къ пораженіямъ подъ Тетевеномъ, Врацею, какъ мы уже испытали за Балканами.

2) Движеніе, о которомъ приходится слышать, на Орханіе или Софію, можетъ повести къ двумъ Плевнамъ сразу (или къ отбитому штурму), особенно съ недостаточными силами.

3) Послѣ взятія Плевны можно выбрать одинъ изъ способовъ для дѣйствія:

А. Идти черезъ Балканы и наступать къ Адріанополю.

В. Идти на Софію и зимовать тамъ. Въ первомъ случаѣ: при успѣхѣ война можетъ быть кончена до весны; при неуспѣхѣ послѣдствія трудно исчислить. Вѣрнѣе, что походъ черезъ Балканы не будетъ рѣшителенъ; за Балканами мы встрѣтимъ гдѣ-нибудь новую Плевну и остановимся передъ нею. Неудобства этой остановки могутъ быть значительнѣе, чѣмъ въ настоящее время, ибо:

1. Подвозъ затруднительнѣе—Дунай дальше.

2. Въ тылу Балканы съ дорогами, зимою и весною непроходимыми.

Другія невыгоды движенія за Балканы:

1. База такъ же не обезпечена, какъ и при началѣ войны въ іюнѣ; за полгода мы ее не уширили; ей по-прежнему грозитъ съ лѣваго фланга Сулейманъ, а съ праваго, даже послѣ Плевны, можетъ грозить какой-нибудь Шефкетъ-паша, который въ Орханіе, или въ другомъ пунктѣ (не считая Виддина) создастъ намъ еще Плевну.

2. Нашъ фронтъ будетъ по-прежнему узокъ, а коммуникаціонные пути относительно не обезпечены. Въ общемъ мы повторимъ первоначально нами, въ эту кампанію, уже сдѣланное, еще въ сильнѣйшей степени.

Мы двинулись къ Балканамъ и за нихъ, не обезпечивъ себѣ широкой базы по Дунаю, и не собравъ достаточно войскъ и средствъ для ихъ довольствія.

Двинувшись за Балканы послѣ паденія Плевны, мы пожалуй соберемъ достаточно войскъ, но средствъ продоволственныхъ нѣтъ. Двигаясь за Балканы въ началѣ кампаніи, мы могли быть отрѣзаны отъ Дуная, двигаясь за Балканы послѣ 7 мѣсяцевъ борьбы, съ цѣлью окончить кампанію, мы по-прежнему можемъ быть отрѣзаны отъ Дуная и, кромѣ того, по времени года можемъ быть отрѣзаны отъ Дуная и непріятелемъ и Балканами.

Окончу: если уже двигаться за Балканы, то грѣшно пускать главныя силы по проходамъ, намъ еще неизвѣстнымъ.

Во второмъ случаѣ:

Послѣ Плевны идти къ Софіи и зимовать тамъ, считая этотъ пунктъ передовымъ къ сторонѣ Константинополя, до весны. Зимою очистить всю полосу къ западу отъ линій: Софія, Ускюбъ, Черногорія, отъ турокъ.

При этомъ турки изгоняются изъ Босніи и Герцеговины; Сербія, Черногорія и Румынія получаютъ опредѣленные районы для дѣйствія. Съ занятіемъ Ускюба Греція можетъ быть приглашена къ участію.

Выгоды:

1. Къ веснѣ, при союзникахъ, вся эта полоса можетъ быть занята ими, а 120.000 русскихъ будутъ готовы двинуться въ любомъ направленіи.

2. База наша расширится всею полосою Румыніи до Виддина, Сербіею, Герцеговиною и, при извѣстной широтѣ плана, быть можетъ, мы свой правый флангъ упремъ въ море (особенно при участіи Греціи) и получимъ содѣйствіе своего флота.

Вышеизложенный планъ долженъ вести къ систематическому отнятію отъ Турціи всѣхъ мѣстностей съ не турецкимъ населеніемъ.

Этотъ планъ въ связи съ развитіемъ нашихъ успѣховъ въ Малой Азіи, источникѣ мусульманскаго населенія, приведетъ въ дѣйствительной побѣдѣ.

Съ принятіемъ этого способа дѣйствій на другихъ театрахъ войны казалось бы было цѣлесообразно:

1. Войскамъ Цесаревича оставаться въ оборонительномъ поло-

женіи, чтобы не натолкнуться на нашемъ лѣвомъ флангѣ на новую Плевну и не сдѣлать того, что желательно непріятелю. Вообще при всякомъ планѣ наступленіе съ этой стороны казалось бы излишне, ибо здѣсь непріятель самъ, вѣроятно, перейдетъ въ наступленіе, увидя, что ни Рущукъ, ни Разградъ, ни Шумла не приносятъ той пользы, которую отъ нихъ ожидали.

2. Войскамъ князя Шаховского прикрывать на оборонительной позиціи путь къ Тырнову.

3. Войскамъ Ѳ. Ѳ. Радецкаго занять гарнизонами въ сильныхъ укрѣпленіяхъ Шипку и Ханкіой, а массу войскъ отвести на зиму въ Тырново и Габрово.

При принятіи въ трехъ этихъ массахъ строго оборонительныхъ дѣйствій, образовать изъ нихъ резервъ, въ размѣрѣ двухъ, даже трехъ дивизій, который держать въ Горномъ Студнѣ, напримѣръ.

Съ занятіемъ нами Софіи и съ захватомъ всей страны по Черногорію турки могутъ:

1. Ударить на нашъ лѣвый флангъ.

2. Перевести армію Сулеймана къ Филиппополю.

3. Собравъ массу силъ, переправиться въ Силистріи или въ другомъ пунктѣ черезъ Дунай.

Первый планъ парализуется оборонительными позиціями Наслѣдника и князя Шаховского, при резервѣ въ Горномъ Студнѣ.

Второй планъ затруднитъ наше движеніе изъ Софіи къ Филиппополю. При принятіи непріятелемъ этого плана намъ придется подать нашъ резервъ изъ Горнаго Студня, напримѣръ, нѣсколько на Западъ.

Третій планъ наиболѣе рѣшителенъ и можетъ причинить намъ наиболѣе хлопотъ. Для парализованія его необходимы сильныя укрѣпленія въ Калафатѣ и, быть можетъ, Журжевѣ и резервный корпусъ около Бухареста.

Занявъ Софію и всю страну къ сѣверо-западу отъ нея, мы можемъ, съ позднею весной:

1. Продвигаться прямо къ Филиппополю.

2. Искусно перекинуть массу войскъ отъ Софіи снова къ Тырнову, и черезъ Ханкіой и Шипку, двинуть въ обходъ Филиппополя, на Адріанополь.

3. При готовности Греціи начать войну, изъ Софіи, занявъ Ускюбъ, двинуться долиною Вардаря къ Салоникамъ и овладѣть этимъ портомъ.

Этимъ движеніемъ мы ограничимъ раіонъ турецкихъ владѣній почти одною Румеліею, отрѣзываемъ отъ нея Албанію, которой даемъ самостоятельность, и Македонію, которую присоединяемъ къ Греціи.

Отъ Ускюба до Салоникъ около 200 верстъ. Съ занятіемъ Салоникъ мы можемъ перевести туда весь свой флотъ, который можетъ искать битвы съ турецкимъ. Успѣхъ приведетъ къ лишенію Турціи Болгаріи, Босніи, Герцеговины, Албаніи, Македоніи, что, въ связи съ нашимъ продвиженіемъ впередъ въ Малой Азіи, дастъ возможность имѣть славный и результатный миръ.

Европа отдастъ подвластнымъ Турціи народамъ свободу, если мы захватимъ эти области дѣйствительно.

При движеніи же прямо на Адріанополь, вопросы о Греціи, Герцеговинѣ, Черногоріи и Македоніи могутъ быть рѣшены иначе, а мы, взявъ Адріанополь, отступимъ въ Россію и оставимъ Турціи достаточно силъ, пространства и населенія, чтобы еще много разъ имѣть войны съ нами.

Война съ Турціею будетъ для Россіи *послѣднею*, если у Турціи будутъ отняты Болгарія, Боснія, Герцеговина, Албанія и Македонія.

Недостатокъ предложеннаго плана наиболѣе вѣсскій есть сопротивленіе Австріи и Англіи.

Васъ уважающій

М. Скобелевъ".

Михаилу Дмитріевичу было многое неизвѣстно изъ того, что зналъ Главнокомандующій.

Передъ тѣмъ, что начался послѣдній періодъ кампаніи, наступившій послѣ паденія Плевны и сдачи арміи Османа-Паши,—Его Высочеству пришлось выдержать еще одну борьбу съ Радецкимъ и своими ближайшими помощниками.

Θедоръ Θедоровичъ Радецкій не рѣшался на предложенную ему атаку Весселя-паши и 11-го декабря прислалъ своего Начальника Штаба генералъ-маіора Дмитровскаго съ представленіемъ о затруднительности движенія на Шипку и предпочтеніемъ выждать,—пока Гурко, переваливъ черезъ Балканы, выйдетъ въ тылъ Шипкинской позиціи турокъ. Его Высочество, несмотря на всѣ доводы Дмитровскаго, спокойно и внимательно ихъ выслушалъ, но своего рѣшенія не измѣнилъ.

21-го Его Высочество получилъ извѣстіе отъ Гурко объ окончательномъ переходѣ 19-го черезъ Балканы, 24-го о занятіи Софіи, 27-го о занятіи Трояновскаго перевала 3 пѣхотной дивизіей генерала Карцова. 27-го Его Высочество перешелъ изъ Богота въ Ловчу.

28-го, въ $4^1/_2$ ч. вечера, получена телеграмма Реуфа-паши съ предложеніемъ вступить въ переговоры; а въ 10 ч. вечера—Радецкаго о сдачѣ Шипкинской арміи Весселя-паши.

Гигантская преграда Балканскаго горнаго хребта была преодолѣна.

Извѣстіе это вызвало въ насъ необыкновенный подъемъ духа и радость до опьяненія.

Его Высочество былъ въ восторгѣ. И было отъ чего! Задуманный, и несмотря на всѣ препятствія, наконецъ вполнѣ осуществленный планъ перехода черезъ Балканы—*свершился*, и это какъ разъ въ то время, когда турки уже входили съ предложеніемъ вступить въ переговоры!

Для Великаго Князя успѣхъ этотъ, кромѣ того, имѣлъ огромное личное значеніе, какъ для полководца, который всю свою жизнь посвятилъ излюбленному имъ дѣлу и завершилъ его такою блистательною военною операціею.

Понятно, что, подъ силою этого переполненія чувствъ, Великій Князь со всѣми нами, какъ пишетъ Газенкампфъ—„всталъ и началъ приплясывать по комнатѣ, а вслѣдъ за нимъ и мы, не исключая старика Непокойчицкаго", который, притопывая, вдругъ остановился и укоризненно обратился къ Левицкому:—„А кто меня ночью поднялъ и уговаривалъ идти къ Его Высочеству и упросить остановить наступленіе Радецкаго?"

„Виноватъ, виноватъ", повторялъ, добродушно улыбаясь, Казимиръ Васильевичъ.

„Какъ это было, Ваше Высокопревосходительство?"—подхватилъ я, „когда это Казимиръ Васильевичъ не могъ успокоиться и потревожилъ Васъ и Его Высочество?"

„А это когда уѣзжалъ Дмитровскій", — отвѣтилъ начальникъ Штаба,—„Казимиръ Васильевичъ, уже поздно ночью, уговорилъ меня, и я пошелъ къ Его Высочеству. Великій Князь насъ принялъ въ постели, выслушалъ и говоритъ: „Помните, Артуръ Адамовичъ, нашъ уговоръ, когда вы въ Петербургѣ впервые мнѣ представились, тогда я сказалъ, что буду выслушивать всѣ представленія и обсужденія, но—когда рѣшусь и скажу вамъ: „Я такъ рѣшаю"—тогда конечно, и Я не измѣню своего рѣшенія".—Затѣмъ Его Высочество сказалъ—... „Я такъ рѣшилъ!" Я поклонился, извинился, что потревожили. Мы удалились, и вотъ блестящій результатъ твердости нашего Главнокомандующаго!

„Теперь для насъ нѣтъ болѣе Балканъ",—заключилъ Великій Князь телеграмму къ Государю отъ 20-го декабря изъ Ловчи [1]),— „въ суровую зиму славныя войска Вашего Императорскаго Величества преодолѣли эту грозную преграду и сломили отчаянное сопротивленіе врага на всемъ пространствѣ отъ Софіи до Хаинкіоя и Твардицы. Начатый разгромомъ Софійской арміи, переходъ нашъ

---

[1]) Дневникъ Газенкампфа VI, стр. 27.

черезъ Балканы завершился плѣненіемъ арміи Шипкинской. Возблагодаримъ Бога, даровавшаго намъ столь полную побѣду.

Вездѣ войска наши идутъ впередъ".

— Завтра мы выступаемъ въ Сельви, 30-го—въ Габрово; 31-го перевалимъ черезъ Балканы и встрѣтимъ Новый годъ въ Казанлыкѣ,—объявилъ Великій Князь.

— А какъ же сообщеніе съ отрядами, Ваше Высочество?—спросилъ я,—для этого еще ничего не сдѣлано, оно на время прервется.

— Ничего,—отвѣтилъ Великій Князь,—теперь важнѣе всего пресѣчь путь на Адріанополь и Константинополь Сулейману. Я знаю моего Ѳедора Ѳедоровича и спѣшу его обнять.

Великій Князь высоко цѣнилъ отличительныя достоинства своихъ сподвижниковъ, но и зналъ ихъ недостатки.

Ѳедора Ѳедоровича Радецкаго Его Высочество считалъ незамѣнимымъ въ минуту опасности, которая вызывала въ Радецкомъ необыкновенную энергію, находчивость и дѣятельность, но когда она проходила, онъ успокаивался [1]).

Послѣдняя черта объясняла поспѣшность, съ которою Его Высочество отправился за Балканы съ ограниченнымъ числомъ лицъ своего Штаба [2]).

Послѣ объѣзда славной 14 пѣхотной дивизіи, и у деревни Шипки войскъ, принимавшихъ участіе въ сраженіяхъ 27-го и 28-го декабря, Великій Князь скомандовалъ:

— Слушай, на краулъ! и, снявъ фуражку, провозгласилъ: „Генералу Радецкому ура!" Войска съ воодушевленіемъ подхватили „ура", а Его Высочество обнялъ и расцѣловалъ Радецкаго. Затѣмъ мы двинулись къ Казанлыку.

Подъѣзжая къ лѣсу, Великій Князь увидѣлъ вытянувшійся строй кавалеріи.

— Это что такое?—обратился онъ ко мнѣ,—узнай, спроси Ѳедора Ѳедоровича.

Я подъѣхалъ и повторилъ вопросъ Его Высочества.

— Это, знаете, 1-я дивизія; они очень просили представиться Его Высочеству послѣ труднѣйшаго перехода со Скобелевымъ.

Великій Князь съ мѣста приказалъ отправить одинъ полкъ на Ямболь, а два, подъ начальствомъ Струкова, въ авангардъ Скобелева, чтобы войти въ потерянное соприкосновеніе съ отступившими отрядами турокъ и продолжать наступленіе.

---

[1]) Какъ французскій маршалъ Вандомъ (Vendôme).

[2]) Дневникъ Газенкампфа VI, стр. 40.

„Если бы Великій Князь не поспѣшилъ за Балканы лично, наступательное движеніе началось бы не скоро“, пишетъ Газенкампфъ,—„Радецкій съ Дмитровскимъ вовсе не были расположены трогаться съ мѣста. Дмитровскій спорилъ противъ немедленнаго наступленія такъ же горячо, какъ мѣсяцъ тому назадъ противъ идеи обхода Шипки“.

Это и была причина нашего спѣшнаго перехода въ долину Тунджи,—чтобы лично взять въ свои руки дальнѣйшее наступленіе, воспользоваться достигнутыми побѣдами и довести дѣло до конца.

3-го января взятъ Филиппополь, 4-го—занятъ городъ Сливно и Гурко отбросилъ турокъ подъ начальствомъ Фуадъ-паши въ горы Деспотодагъ, за Еникіой и Ласкову, при чемъ путь на Адріанополь черезъ Хаскіой имъ окончательно отрѣзанъ.

Скобелевъ занялъ: Сейменли, Трновъ, Гютерли и Херманлы.

8-го января Струковъ занялъ Адріанополь.

„Событія такъ быстро совершаются и опережаютъ всевозможныя предположенія (телеграфируетъ Великій Князь Государю), что если такъ Богъ благословитъ далѣе, то мы скоро можемъ быть невольно подъ стѣнами Царьграда. Въ виду этого для Твоихъ политическихъ соображеній сообщаю, что 15 января надѣюсь быть въ Адріанополѣ. Къ тому времени войска Гурко могутъ быть по дорогѣ на Демотику, куда онъ мною направленъ отъ Хаскіоя. Часть пѣхоты Скобелева 2-го теперь уже въ Адріанополѣ. Радецкій будетъ тамъ около 15-го. Голова гренадеръ тоже 15-го у Херманлы. Полагаю двинуть 17-го пѣхоту до дорогамъ отъ Адріанополя на Константинополь. Если не встрѣчу особыхъ препятствій, то къ концу мѣсяца могу быть у стѣнъ Константинополя“.

Казанлыкъ, 10 января, 1 ч. дня.

„Турецкое населеніе, уничтожая все свое имущество, увозитъ семейства, которыя по дорогамъ гибнутъ тысячами.

Паника страшная, неописанная, равно и сопровождающія ее потрясающія событія. Въ виду всего этого долгомъ считаю высказать мое крайнее убѣжденіе, что *при настоящихъ обстоятельствахъ невозможно уже теперь останавливаться*, и въ виду отказа турками условій мира, *необходимо идти до центра, т. е. до Царьграда и тамъ покончить предпринятое Тобою святое дѣло*. Сами уполномоченные Порты говорятъ, что ихъ дѣло и существованіе кончены, а намъ не остается ничего другого, какъ занять Константинополь. При этомъ занятіе Галлиполи, гдѣ находится Турецкій отрядъ, неизбѣжно, чтобы предупредить, если возможно, приходъ туда англичанъ, и, при окончательномъ разсчетѣ,—имѣть въ своихъ ру-

кахъ самыя существенныя гарантіи для разрѣшенія вопроса въ нашихъ интересахъ. Вслѣдствіе этого не буду порѣшать съ уполномоченными до полученія отвѣта на эту депешу и съ Богомъ иду впередъ".

Казанлыкъ, 10 января, 3 ч. дня.

„Послѣднія двѣ телеграммы составлены самимъ Великимъ Княземъ, пишетъ Газенкампфъ. Созрѣвшая въ Великомъ Князѣ рѣшимость идти безостановочно на Константинополь и Галлиполи одновременно—вполнѣ соотвѣтствуетъ необычайно и неожиданно—благопріятной для насъ обстановкѣ. Такія историческія минуты очень рѣдки и никогда не повторятся, ихъ надо хватать на-лету".

14-го мы прибыли въ Адріанополь.

21-го назначено наступленіе.

12-го Февраля Его Высочество вступилъ въ С.-Стефано.

19-го былъ подписанъ миръ.

Затѣмъ началась дипломатическая борьба съ Англіею и Австріей. Злое сѣмя—„18 мая"—дало свои плоды. Время для занятія Константинополя было давно упущено. Послѣ ряда недоразумѣній возникло неудовольствіе, и Главнокомандующій былъ отозванъ 2-го апрѣля.

„Упущенный моментъ не вернется во вѣки". „Время на войнѣ цѣнится секундами".

Наполеонъ.

Отъѣздъ изъ арміи.

Пятнадцатаго апрѣля 1878 года прибылъ къ намъ въ Санъ-Стефано вновь назначенный главнокомандующій генералъ-адъютантъ графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ.

Когда онъ пришелъ представиться Его Высочеству, Великій Князь приказалъ мнѣ провести его къ себѣ въ спальню.

Это была самая отдаленная комната въ занимаемомъ нами домѣ Аракель-бея-Дадіанъ. Я встрѣтилъ гр. Тотлебена и, попросивъ его подняться наверхъ, провелъ къ Его Высочеству. У Великаго Князя находился уже начальникъ Штаба Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій.

Я заперъ дверь и остался въ своей сосѣдней комнатѣ.

Вскорѣ разговоръ сталъ шумный; до меня долетали отдѣльныя фразы все возвышавшаго свой голосъ гр. Тотлебена.

— Какъ это, Ваше Высочество, Вы позволили себѣ не исполнить приказанія Его Величества!—и что-то тому подобное.

Затѣмъ послышался возвышенный, раздраженный голосъ Великаго Князя:

— Эдуардъ Ивановичъ, вы забываетесь! Не вамъ мнѣ дѣлать замѣчанія! Вы забываете, кто я! Довольно...

Эдуардъ Ивановичъ затихъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вышелъ съ раскраснѣвшимся лицомъ, съ блуждавшими глазами и машинально поворачивая голову направо и налѣво.

Я замѣтилъ изъ прежняго времени, что когда онъ бывалъ возбужденъ, то ворочалъ голову и, когда приходилъ, въ особенности отъ своего разсказа, въ удовольствіе, то обыкновенно медленно съ самодовольствіемъ на лицѣ, плавно поворачивался всѣмъ корпусомъ и плечами.

Я проводилъ его по лѣстницѣ и вернулся къ Великому Князю. Его Высочество былъ блѣденъ и сильно взволнованъ.

— Ты слышалъ, обратился онъ ко мнѣ,—Эдуардусъ забылся до того, что сталъ возвышать на меня голосъ, и я долженъ былъ его оборвать.

— Слышалъ, Ваше Высочество. Вижу, что это отголосокъ Петербурга и рѣзкой Государя къ Вамъ телеграммы.

Артуръ Адамовичъ стоялъ блѣдный, переминаясь на ногахъ и повторялъ:

— Это Богъ знаетъ что! Не принимайте, Ваше Высочество, это къ сердцу. Вы свято исполнили Вашъ долгъ. Дѣло само за себя говоритъ.

Разговоръ съ Тотлебеномъ, видимо, очень разстроилъ Великаго Князя.

— Ваше Высочество,—замѣтилъ я,—вѣдь это иначе и быть не можетъ. Вы продолжаете пожинать Ваши лавры.

Помните, что я сказалъ Вамъ въ Казанлыкѣ, когда была получена первая телеграмма послѣ перехода черезъ Балканы, выражавшая въ то время совершенно непонятное для Васъ неудовольствіе.

Это былъ первый листокъ изъ Вашего лавроваго вѣнка, а теперь онъ весь обозначился.

17-го апрѣля Его Высочество простился съ нашими гостепріимными хозяевами. Великій Князь пошелъ въ верхній этажъ дома, гдѣ они помѣщались; я несъ за нимъ серебряный жбанъ, наполненный червонцами. Хозяйка, жена Аракель-бея, за все время нашего пребыванія лежала больная въ кровати.

Взявъ жбанъ отъ меня, Его Высочество передалъ его госпожѣ Дадіанъ, поблагодарилъ за радушное гостепріимство и поцѣловалъ ручку, прося принять жбанъ на память, такъ же, какъ и серебряный чайный сервизъ. Аракель-бей получилъ звѣзду ордена Станислава 2-й степени.

Дадіаны, казалось, были стѣснены денежнымъ подаркомъ, но я объяснилъ старику, что отказаться отъ этого нельзя, такъ же, какъ Великій Князь не отказывался отъ ихъ хлѣба-соли.

До пристани Его Высочество въ сопровожденіи гр. Тотлебена и старшихъ начальниковъ прошелъ пѣшкомъ среди разставленныхъ шпалерами войскъ и оглушительнаго „ура".

Мы сѣли въ паровой баркасъ и поѣхали на „Ливадію". У всѣхъ было тяжело на сердцѣ. Нашъ походъ на востокъ кончился. Въ душѣ, сердцѣ и умѣ ощущалась какая-то пустота; что-то будто оборвалось въ насъ. Мы отчалили. Берегъ съ пристанью сталъ удаляться. Еще доносится „ура" нашей славной побѣдоносной арміи... берегъ унизанъ солдатами... еще можно отличить среди нихъ офицеровъ, машущихъ фуражками и платками... Но вотъ отдѣльныя лица стали сливаться въ линіи, голосъ многотысячной толпы сталъ относиться вѣтромъ, вотъ берегъ совсѣмъ удалился и слился въ общую полосу зданій и садовъ.

Его Высочестно молчалъ.—Да, тяжело было на сердцѣ нашего бывшаго главнокомандующаго, который, не взирая на всѣ препятствія, неустройства, недоразумѣнія, связанность въ свободѣ дѣйствій—послѣ Олега снова побѣдоносно привелъ русское войско къ вратамъ Царь-града и долженъ былъ удержаться отъ страшнаго искушенія—взять Царь-градъ и водрузить Крестъ на Св. Софіи, а затѣмъ видѣть, какъ всѣ наши побѣды стали таять и терять свою силу, а положеніе побѣдоносной арміи становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, разбитая же турецкая армія сосредоточилась въ Константинополѣ и едва не была въ торжествующемъ, по сравненіи съ нами, положеніи. Обидно! Досадно! Грустно!

Вотъ прошли Стамбулъ, башню Леандра, Золотой Рогъ. На встрѣчныхъ судахъ и стаціонерахъ люди стояли по вантамъ и реямъ; съ военныхъ турецкихъ судовъ выбѣгали клубы дыма салютовъ.

Дольма-Бахче, вдали Илдысъ-Кіоскъ, направо Бейлербей, налѣво мрачный Румели-Иссаръ, Буюкъ-Дере—все это вновь промелькнуло передъ глазами, какъ сновидѣнье, вызывая въ душѣ смутныя воспоминанія чего-то далекаго, хорошаго.

Все это должно было быть нашимъ, какъ наслѣдіе Византіи, все это было въ нашей власти, лишь стоило сдѣлать одинъ, послѣдній шагъ,—но... насъ задержали, а потомъ сказали: „зачѣмъ не взялъ", когда время прошло и когда не было рѣшительно уже никакой возможности взять то, что давалось намъ въ руки. И такъ кампанія кончилась. Мы перешли Дунай, перешагнули Балканы и стихійной волной насъ принесло къ вратамъ Царь-града. Цѣлый

рядъ успѣховъ сломилъ нашего исконнаго врага; мы держали въ своихъ рукахъ Царь-градъ, къ которому со временъ Олега, Игоря и Святослава насъ направляли историческіе пути, что возможность взять Константинополь была вполнѣ достижима, вошло въ наше сознаніе, а затѣмъ мы видѣли и пережили, какъ все, что трудами, лишеніями и кровью было достигнуто,—неудержимо таяло, ускользало изъ рукъ, и плоды побѣдъ были у насъ вырваны.

Было надъ чѣмъ задуматься.

Великій Князь и съ нимъ всѣ мы чувствовали ту роковую силу, которая не дала намъ возможности воспользоваться достигнутыми успѣхами.

Его Высочество былъ удрученъ и глубоко разстроенъ; всѣ молчали.

Совершенное отсутствіе вѣтра, подернутая бѣлой, прозрачной мглой лазурь небесъ и тишина на морѣ способствовали сосредоточенности настроенія и тихой грусти, которая забиралась въ глубь души.

Въ такомъ настроеніи мы наконецъ достигли Одессы. Вотъ она, родная земля! Казалось, въ виду ея все можно было забыть. Но, нѣтъ!

Неудовлетворенность отравляла естественное чувство радости.

Первая депеша, которую Великій Князь получилъ, вступивши на родную землю, была—„чтобы поѣздъ Его Высочества миновалъ Москву".

Великій Князь обратился ко мнѣ:

— Ты понимаешь это распоряженіе?

— Конечно, понимаю,—отвѣтилъ я.

Въ такомъ удрученномъ настроеніи, мы черезъ Вильну стали подъѣзжать къ Петербургу. Великій Князь былъ сосредоточенъ и молчалъ. Я сидѣлъ противъ него.

Проѣхали Гатчино, Царское.

Его Высочество былъ необыкновенно блѣденъ и, видимо, томился.

— Ваше Высочество, отчего Вы такъ страдаете?

— Хорошо тебѣ! Ты куда ѣдешь? Домой! Тебя встрѣтитъ жена, дѣти, а кто меня встрѣтитъ? Онъ! и я къ Нему пойду.

— Ваше Высочество, а сознаніе исполненнаго долга. Чѣмъ Государь можетъ Васъ попрекнуть! Вѣдь Вы испрашивали разрѣшеніе довести дѣло до конца—взять Константинополь, когда была возможность, и онъ былъ въ Вашихъ рукахъ. Государь тогда запретилъ. Вѣдь не Вы остановились передъ Константинополемъ, а Васъ остановили.

— Все это такъ,—отвѣтилъ Великій Князь,—но когда желаютъ

или считаютъ нужнымъ, чтобы я былъ виноватъ... Развѣ ты не понимаешь, какое здѣсь настроеніе? Развѣ ты не понялъ изъ хода дѣлъ и нашей переписки и наконецъ—поведеніе со мною Эдуарда. Мнѣ предстоитъ тяжелое объясненіе съ Государемъ. Онъ убѣжденъ, что далъ мнѣ приказаніе взять Константинополь, и что я не исполнилъ, а потому всю неудачу сваливаетъ на меня и винитъ меня.

Мы стали подходить къ платформѣ; поѣздъ замедлилъ ходъ; послышалась команда, заиграла музыка. Вдали на платформѣ виденъ былъ Государь, окруженный своей свитой. Поѣздъ остановился, Великій Князь вышелъ. Государь поцѣловалъ его и предложилъ принять почетный караулъ.

При крикахъ „ура“ окружавшей толпы, Его Высочество обошелъ почетный караулъ, пропустивъ который Его Величество сѣлъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ въ коляску и поѣхалъ въ Зимный дворецъ.

На слѣдующій день я отправился къ Его Высочеству. Великій Князь былъ спокойнѣе, сидѣлъ за столомъ и разливалъ чай.

— Ну, что, Ваше Высочество, обошлось благополучно! Государь самъ встрѣтилъ Васъ. Вѣдь могъ и не пріѣхать.

— Да,—отвѣтилъ Великій Князь,—когда мы ѣхали въ коляскѣ во дворецъ, Государь объяснилъ мнѣ, что Онъ для того меня лично встрѣтилъ, чтобы народъ меня не освисталъ.

— Богъ знаетъ, Ваше Высочество... что Вы говорите!—воскликнулъ я.

— Государь раздраженъ политическими неудачами,—замѣтилъ Великій Князь,—и приписываетъ всю вину мнѣ, что я не исполнилъ Его приказанія и не взялъ Константинополя, а я Ему отвѣтилъ, что такого приказанія не получалъ.

Причиною неудовольствія Государя было недоразумѣніе, основанное на телеграммахъ отъ 29 и 30 января.

Государь былъ убѣжденъ, что посланная Имъ телеграмма отъ 29 января служила выраженіемъ Его непремѣнной воли и категорическаго приказанія—„занять Константинополь“. Его Величество телеграфировалъ слѣдующее:

„Изъ Лондона получено оффиціальное извѣщеніе, что Британскій кабинетъ, узнавъ отъ Леярда объ опасномъ, будто бы, положеніи христіанъ въ Константинополѣ, далъ приказаніе части своего флота идти въ Царьградъ для защиты своихъ подданныхъ. Нахожу необходимымъ войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными о вступленіи и *нашихъ войскъ* въ Константинополь съ тою же цѣлью. Весьма желательно, чтобы вступленіе это могло исполниться дружескимъ образомъ; если же уполномоченные воспротивятся, то намъ надобно быть готовыми занять Царь-градъ даже силою. О на-

значеніи числа войскъ предоставляю твоему усмотрѣнію, равно, какъ и выборъ времени, когда приступить къ исполненію, принявъ въ соображеніе дѣйствительное очищеніе турками Дунайскихъ крѣпостей".

„По объясненію лица, близко стоявшаго къ Императору Александру II, пишетъ Домонтовичъ-Шильдеръ, телеграмма отъ 29 января была лично составлена Государемъ подъ впечатлѣніемъ сильнаго гнѣва, вызваннаго политикой Англіи. Первоначальный текстъ этой телеграммы Государь прочелъ Военному Министру, но выслушавъ его докладъ и признавъ, что занятіе нашими войсками Константинополя не согласовалось бы съ прежде данными Англіи по этому поводу заявленіями, Его Величество поручилъ генералъ-адъютанту Милютину составить новую телеграмму. Это и была депеша отъ 30 января, въ тотъ же день отправленная Главнокомандующему".

Спустя нѣсколько часовъ и Государь посылаетъ свою телеграмму отъ 29 января, не измѣнивъ числа на бланкѣ.

О посылкѣ этой телеграммы Его Величество сообщилъ г.-ад. Милютину, спустя нѣсколько дней.

Другая депеша отъ 30 января, полученная 1 февраля и опередившая телеграмму отъ 29 января, полученную 2 февраля, содержала въ себѣ такія указанія:

„Вступленіе англійской эскадры въ Босфоръ слагаетъ съ насъ прежнія обязательства, принятыя нами относительно Галиполи и Дарданеллъ.

Въ случаѣ, если бы англичане сдѣлали гдѣ-либо высадку, слѣдуетъ немедленно привести въ исполненіе предположенное вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь. Предоставляю тебѣ въ такомъ случаѣ полную свободу дѣйствій на берегахъ Босфора и Дарданеллъ съ тѣмъ однако же, чтобы избѣгать непосредственное столкновеніе съ англичанами, пока они сами не будутъ дѣйствовать враждебно".

Однако же положеніе дѣлъ передъ Константинополемъ совершенно измѣнилось со времени заключенія перемирія и къ тому же не въ нашу пользу.

„Съ каждымъ днемъ, доносилъ Его Высочество 4 февраля въ отвѣтъ на телеграммы отъ 29 и 30 января, занятіе войсками нашими Константинополя становится затруднительнѣе, въ случаѣ, если Порта добровольно не согласится на наше вступленіе, потому что числительность турецкихъ войскъ увеличивается съ каждымъ днемъ войсками, приведенными изъ оставляемыхъ крѣпостей. *Предупреждаю объ этомъ для того, чтобы не считалъ занятіе Царьграда столь же легкимъ, какъ то было двѣ недѣли тому назадъ.*

Затрудняетъ переговоры распущенный въ Царьградѣ слухъ о предполагаемой будто бы Европейской Конференціи, до исхода которой миръ не будетъ считаться окончательнымъ".

Упущенный моментъ не вернется во вѣки! Время на войнѣ цѣнится секундами, говоритъ Наполеонъ.

Если бы наступленіе 21 января не было задержано, Константинополь былъ бы взятъ почти безъ сопротивленія и „тамъ было бы покончено предпринятое святое дѣло", какъ телеграфировалъ Великій Князь Государю 10 января.

Наконецъ телеграмма отъ 29 января не представляла рѣшительно высказаннаго приказанія, оно значительно ослаблялось тѣми оговорками, которыя ея выполненіе ставили въ зависимость отъ тогдашняго общаго положенія дѣлъ на театрѣ войны.

Если бы даже телеграмма отъ 29 января пришла своевременно, т.-е. ранѣе телеграммы отъ 30 января, и тогда бы Великій Князь не могъ принять ее *„за категорическое приказаніе, потому что время было упущено"*.

„Геройскія усилія войскъ, отстоявшихъ Шипку, овладѣвшихъ Плевною и перешедшихъ зимой Балканы, могли—(пишетъ Шильдеръ)—совершить новые подвиги; передъ ними можно только благоговѣть, а не основывать на нихъ политическихъ разсчетовъ.

„То благопріятное для насъ время, когда мы въ январѣ могли сдѣлать все, что хотѣли, прошло безвозвратно".

Неудовольствіе Государя усугубилось, когда Великій Князь на телеграмму отъ 18 марта [1]), въ дѣйствительности неисполнимую, въ особенности при требованіи—„отнюдь не подвергать предпріятіе какому-нибудь риску"—отвѣтилъ: „Шифрованную телеграмму получилъ; все будетъ принято къ свѣдѣнію и буду дѣйствовать по обстоятельствамъ".

„Отвѣтъ твой на Мою шифрованную телеграмму отъ 18 марта",—телеграфировалъ Государь—„получилъ вчера вечеромъ, во время Инвалиднаго концерта. Удивляюсь, что ты принялъ ее

---

[1]) „Разрывъ съ Англіею почти неизбѣженъ. Мы должны неотлагательно все приготовить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и только тогда, когда все будетъ готово, потребовать отъ Порты категорическаго отвѣта: какъ намѣрена она дѣйствовать въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій Англіи?—Если заодно съ нами—то немедленно должна передать въ наши руки укрѣпленія Босфора, по крайней мѣрѣ на Европейскомъ берегу и войти съ тобою въ соглашеніе о распредѣленіи ея военныхъ силъ. Если же она считаетъ себя слишкомъ ослабленною для участія въ войнѣ противъ Англіи,—то должна, сдавъ намъ означенныя укрѣпленія, прекратить всѣ вооруженія, распустить или удалить войска, затрудняющія наши дѣйствія, разоружить остающіяся въ Черномъ морѣ суда и поставить ихъ въ тѣ порты, которые нами будутъ

только къ свѣдѣнію, а не къ исполненію и руководству, о чемъ подтверждаю тебѣ наистрожайше".

Замѣтимъ здѣсь, что эта телеграмма была отправлена открытою, а не шифромъ. Великій Князь, будучи крайне огорченъ этою телеграммою, поспѣшилъ отвѣтить Государю, что всегда свято исполнялъ и исполнитъ Высочайшія повелѣнія, но обезоружить стотысячную армію и флотъ считаетъ положительно невозможнымъ.

Предъявленіе Турціи этого требованія въ ту минуту, когда она объявитъ себя нейтральною, могло бы возобновить всю ея ненависть къ намъ и неминуемо заставить ее перейти на сторону Англіи.

Поэтому Великій Князь и донесъ, что будетъ имѣть вышеупомянутое повелѣніе въ виду:—противъ совѣсти было бы донести Государю Императору, что будетъ исполнено то, что *по ходу дѣлъ невозможно* [1]).

Злополучная инструкція отъ 18 мая приносила свои горькіе плоды.

Какъ было выше выяснено, въ существѣ своемъ она не исходила отъ Государя и была предъявлена помимо Его воли, а между тѣмъ она вліяла на развитіе дипломатическихъ сношеній, давши поводъ Англіи представлять свои требованія, опираясь на нарушенное обѣщаніе „не идти за Балканы".

Вмѣсто того, чтобы доводить дѣло до конца, какъ испрашивалъ Великій Князь, приходилось дѣлать уступки Англіи и терять время, которое на войнѣ цѣнится „секундами", а это привело къ тому, что „упущенъ былъ моментъ, который не вернется во вѣки".

Понятно, что неудачи эти раздражали Государя, вложившаго въ дѣло освобожденія христіанъ столько сердца и души. У Государя сложилось убѣжденіе, что Великій Князь не исполнилъ Его приказаніе, и это повлекло за собой всѣ неудачи. Однако, установившіяся тяжелыя отношенія съ Великимъ Княземъ тяготили Государя.

Послѣ похоронъ Государя, черезъ нѣсколько дней, кн. Юрьевская просила Его Высочество пріѣхать.

Великій Князь поѣхалъ.

указаны, и воспретить своимъ подданнымъ всякое участіе во враждебныхъ намъ дѣйствіяхъ.

Въ томъ и другомъ случаѣ мы не должны вступать въ Константинополь, но утвердиться только на берегахъ Босфора, занявъ нѣсколько пунктовъ, чтобы эшелонировать загражденія.—Начинать рѣшительные переговоры и дѣйствія слѣдуетъ только тогда, когда все будетъ вполнѣ подготовлено и при томъ отнюдь не слѣдуетъ подвергать предпріятіе какому-либо риску, а для сего желательно заранѣе притянуть ближе къ Босфору наибольшія силы, какія признаешь возможнымъ" (телеграмма отъ 18 марта 1878 г.").

[1]) Шильдеръ, 49.

— „Ваше Высочество", — обратилась она къ нему,—„я считаю своимъ долгомъ сообщить Вамъ о томъ, какъ Государь тревожился, и какъ Онъ тяготился установившимися отношеніями съ Вами.

За нѣсколько дней до смерти Онъ выразилъ это слѣдующими словами:

„Мнѣ очень жаль брата и ты увидишь, какъ Я его возстановлю.

Богу было угодно, чтобы высказанное желаніе Государя не осуществилось, а потому я считаю своей обязанностью передать эти слова Вамъ".

Когда Великій Князь мнѣ это разсказалъ, я невольно воскликнулъ: вотъ видите, Ваше Высочество, какъ хорошо, это должно примирить Васъ съ покойнымъ Царственнымъ Братомъ.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что Главнокомандующій во всю кампанію не уклонялся отъ своего первоначальнаго плана и, получивъ потребныя для его исполненія силы, вслѣдъ за паденіемъ Плевны, приступилъ къ продолженію временно прерванныхъ дѣйствій, при чемъ событія развернулись и слѣдовали съ молніеносною быстротою:—совершился геройскій переходъ черезъ Балканы и наша славная армія со своимъ побѣдоноснымъ полководцемъ стихійной волной дошла до Царьграда—тысячелѣтней мечты русскаго сердца.

Затѣмъ! Затѣмъ дипломатія свела почти на „нѣтъ" всѣ наши успѣхи.

За время 18 мѣсяцевъ кампаніи Его Высочество только два раза испыталъ чувство глубокаго удовлетворенія:—это *успѣхъ переправы черезъ Дунай и переходъ черезъ Балканы.*

Какъ то, такъ и другое, всецѣло принадлежало его дарованію. Сдача Османа-Паши его радовала, какъ окончаніе терпѣливо выдержаннаго испытанія; а стройное исполненіе наступленія отъ Балканъ до Константинополя и разгромъ турецкой арміи радовали, но только, какъ прямое послѣдствіе славнаго перехода черезъ горный хребетъ, и какъ блестящее заключеніе кампаніи.

Затѣмъ! Затѣмъ въ походѣ:—постоянная работа, безпокойство, выжиданія, интриги, борьба съ людьми, физическое утомленіе, а затѣмъ—по возвращеніи цѣлый рядъ *неудовольствій и огорченій.*

Но и въ эти тяжелые, послѣдующіе годы у Его Высочества было *нѣсколько отрадныхъ дней, когда онъ выѣзжалъ къ войскамъ,* когда ему высказывалось столько истинной любви и увлеченія. Такъ было въ 1881 году, на Ходынскомъ полѣ, необычайный сердечный порывъ гренадеръ къ своему бывшему Главнокомандующему. Тоже въ 1882 году на смотрахъ въ Чугуевѣ, встрѣча съ героями Шипки—Орловцами, Брянцами, Ельцами и Сѣвцами, съ Ѳ. Ѳ. Ра-

децкимъ во главѣ; также въ лагерѣ 3-й пѣхотной дивизіи подъ Нижнимъ-Новгородомъ въ 1883 году и въ Красномъ Селѣ, послѣ вечерней зари въ Высочайшемъ присутствіи въ 1890 г., гдѣ гвардія провожала Его Высочество, и это было въ послѣдній разъ, съ такимъ душевнымъ увлеченіемъ и высказала столько неподдѣльной любви и обожанія, что Его Высочество былъ потрясенъ до глубины души и, возвратившись во дворецъ, весь въ слезахъ отъ умиленія, долго не могъ успокоиться.

Наконецъ, въ неоднократныхъ поѣздкахъ на смотры и маневры въ Варшавскій округъ и въ послѣдній разъ въ 1890 г. въ Варшавѣ, на обѣдѣ у Іосифа Владиміровича Гурко, когда Гурко обратился къ Его Высочеству съ глубокопрочувствованною рѣчью, въ которой *очертилъ Великаго Князя, какъ человѣка, начальника, учителя и побѣдоноснаго полководца.*

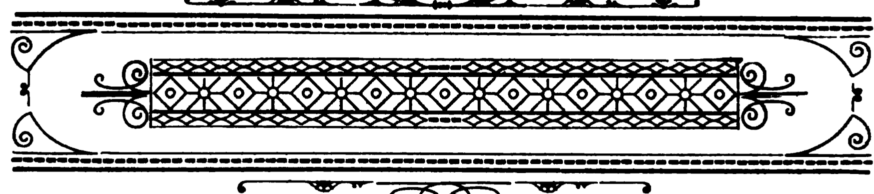
Затѣмъ! Затѣмъ страдальческая кончина и почти совершенное забвеніе.

Но вотъ минули годы, прошла цѣлая четверть столѣтія, появился дневникъ М. А. Газенкампфа, описаніе Турецкой войны 1877—1878 г.г. Гейсмана, и туманъ, заволакивавшій дѣятельность нашего полководца, начинаетъ рѣдѣть и свѣтлый обликъ Великаго Князя Главнокомандующаго снова выясняется: всегда ровный, привѣтливый, наставляющій спокойно, безобидно, снисходительный къ ошибкамъ, если онѣ быстро исправляются, чарующій въ обращеніи, уважающій во всякомъ его человѣческія достоинста, знающій отлично бытъ и службу войскъ, твердый въ преслѣдованіи служебнаго долга, всегда вызывающій чувство радости при своемъ появленіи, Великій Князь снова станетъ дорогъ памяти русскаго воина, будетъ признанъ, и обаяніе его личности, столь знакомое всѣмъ его сослуживцамъ, будетъ доблестнымъ примѣромъ всякому, кто призванъ руководить людьми.

12-го апрѣля 1907 года.

Дмитрій Скалонъ.

Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Изъ записокъ князя Адама Чарторійскаго) [1].

(Окончаніе).

ГЛАВА XII.

Обостренныя отношенія съ Франціей.—Убійство герцога Энгіенскаго.—Протестъ Россіи.—Рѣзкая нота Талейрана.—Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Государя.—Мой докладъ.—Разрывъ съ Франціей.—Пріѣздъ въ Петербургъ лорда Говера.—Австрія и Пруссія.—Неизбѣжность войны.—Три арміи.—Предположеніе Императора Александра объявить себя королемъ Польскимъ.—Пропускъ нашихъ войскъ черезъ Пруссію.—Кн. Долгорукій.—Александръ въ Берлинѣ.—Потсдамскій дововоръ 3 ноября 1805 г.—Веймаръ.—Свиданіе съ австрійскимъ императоромъ въ Ольмюцѣ.—Полк. Вейротеръ.—Маккъ.—Кутузовъ.—Аустерлицъ.

При отношеніяхъ, установившихся къ этому времени между Россіей и Франціей, и при совершенно различныхъ взглядахъ обоихъ правительствъ, достаточно было самаго ничтожнаго случая, чтобы вызвать столкновеніе; судя же по манерѣ, съ который первый консулъ привыкъ вести свои дѣла, можно было легко предвидѣть, что оно произойдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Поводъ къ столкновенію былъ совершенно лишенъ матеріальнаго интереса и состоялъ только въ нарушеніи принципа справедливости и права.

Захватъ герцога Энгіенскаго, произведенный французскимъ отрядомъ въ совершенно независимой странѣ, бывшей съ Франціей въ дружескихъ отношеніяхъ, его процессъ и послѣдовавшая затѣмъ казнь его, изумили Европу и вызвали въ ней чувство негодованія и ужаса, весьма понятное для всѣхъ и каждаго. Случай этотъ произвелъ на Александра и на всю царскую семью сильное впе-

---

[1]) См. „Русская Старина“, 1907 г. ноябрь.

чатлѣніе, которое не только не скрывалось, но намѣренно подчеркивалось ими. Извѣстіе о казни герцога Энгіенскаго было доставлено курьеромъ въ среду. На слѣдующій же день весь дворъ одѣлся въ трауръ и послѣ обѣдни, проходя черезъ залъ, гдѣ собрался весь дипломатическій корпусъ, императоръ и императрица совершенно обошли своимъ вниманіемъ французскаго посланника, тогда какъ ко всѣмъ, стоявшимъ около него, обратились съ привѣтливыми словами. И—дѣйствительно, Россійская держава, принимая во вниманіе роль, усвоенную ея Государемъ въ политикѣ, не могла оставаться спокойной зрительницей подобнаго преступленія противъ закона справедливости и международнаго права. Я составилъ ноту, надѣлавшую въ свое время много шума, она была передана французскому министерству господиномъ Д'Убриль, уполномоченнымъ въ Парижѣ.

Россія въ всеуслышаніе протестовала противъ такого явнаго попранія самыхъ священныхъ правъ человѣка. Она требовала удовлетворенія, очевидно невозможнаго въ этомъ случаѣ. Отвѣтъ не заставилъ себя ждать. Тонъ его былъ рѣзкій и оскорбительный. Талейранъ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, чтобы доказать неприличіе выходки русской дипломатіи, по поводу казни герцога Энгіенскаго, напомнилъ, что послѣ смерти Императора Павла Франція не сочла себя въ правѣ требовать какого-либо удовлетворенія отъ Россіи. Генералъ Гедувилль передалъ мнѣ, кромѣ этой оффиціальной депеши, письмо, которымъ, вѣроятно, хотѣли смягчить впечатлѣніе. Въ немъ Талейранъ рекомендуетъ ему обратиться непосредственно ко мнѣ. Онъ пишетъ, что первый консулъ довѣряетъ моей личности и моему уму и поэтому увѣренъ, что я сумѣю воспользоваться своимъ положеніемъ и не допущу обѣ страны до разрыва сношеній, не только лично для нихъ полезныхъ, но необходимыхъ для блага всей Европы.

Само собою разумѣется, подобное заигрываніе не произвело желаннаго дѣйствія на меня; наоборотъ, я усмотрѣлъ въ немъ даже личное оскорбленіе. Я очень сухо отвѣтилъ, что представлю все на усмотрѣніе Императора, что не могу сказать, не узнавъ его взгляда на этотъ предметъ, но что, по моему мнѣнію, подобный отвѣтъ французскаго правительства несовмѣстимъ съ высказываемымъ имъ желаніемъ поддерживать дружескія отношенія между двумя державами.

Дальнѣйшія сношенія между кабинетами были немыслимы. Графъ Морковъ незадолго передъ тѣмъ уже выѣхалъ изъ Парижа. Генералъ Гедувилль, отговорившись какими-то частными дѣлами, уѣхалъ въ отпускъ, оставивъ довѣреннымъ въ дѣлахъ г. Райневаль.

Относительно намѣреній русскаго Императора не оставалось никакихъ сомнѣній, впрочемъ, все это уже предвидѣлось при посылкѣ нашей ноты въ Парижъ. До разрыва сношеній Императоръ созвалъ совѣтъ, въ которомъ приняли участіе всѣ министры и многіе изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей. Я былъ уполномоченъ составить записку, излагавшую суть дѣла и способъ рѣшить его.

Я помню, что записку эту надо было написать въ ночь, въ виду обстоятельствъ, не терпящихъ отлагательства, и вызывающаго поведенія французскаго правительства, также не допускавшаго промедленія. Записка эта доказала, что первый консулъ захватомъ и казнью герцога Энгіенскаго нарушилъ права человѣка, что его отвѣтъ на наше представленіе по этому поводу не только не былъ удовлетворителенъ, но, наоборотъ, полонъ намѣреннаго оскорбленія, что онъ все продолжаетъ свою систему земельнаго захвата, не считаясь ни съ чьимъ правомъ, ни съ чьимъ интересомъ, кромѣ своего собственнаго, что, слѣдовательно, излишне и недостойно имѣть дальнѣйшія сношенія съ правительствомъ, недостаточно уважающимъ самого себя, чтобы воздержаться отъ вопіющаго насилія человѣческихъ правъ, съ правительствомъ, которое не внушаетъ никакого довѣрія, такъ какъ попираетъ своими ногами и всѣ общепринятыя другими государствами международныя права.

Записка эта кончалась предложеніемъ объявить Франціи, что никакія дипломатическія сношенія съ нею продолжаться не могутъ и отозвать русскую миссію изъ Парижа, а французской миссіи вручить паспорты, съ просьбою оставить предѣлы Русскаго государства въ самый кратчайшій срокъ. Французскіе подданные, живущіе въ Россіи, не должны подвергаться какому-либо притѣсненію; торговля можетъ не прерываться, и консуламъ предлагалось остаться на своихъ мѣстахъ.

Докладъ этотъ писался сгоряча, въ теченіе ночи, когда не было времени обдумывать выраженія и смягчить то, что при такомъ спѣшномъ изложеніи могло быть слишкомъ сильно сказано. Императоръ, предсѣдательствующій въ созванномъ совѣтѣ, познакомилъ присутствовавшихъ съ содержаніемъ записки и пригласилъ всѣхъ совершенно свободно высказать свое мнѣніе по этому предмету, добавивъ, что онъ желалъ бы, по возможности, всесторонне обсудить предлагаемый вопросъ. Несмотря на такое поощреніе Государя, пренія не отличались особеннымъ оживленіемъ, такъ какъ большинство министровъ совсѣмъ не интересовалось нашей иностранной политикой; они предпочитали предугадывать намѣренія Императора и не имѣли ни таланта, ни даже желанія, чтобы быть въ состояніи противорѣчить ему. Только графъ Кочубей высказался опредѣлен-

нѣе другихъ. Онъ заявилъ (и всѣ согласились съ нимъ), что разрывъ сношеній съ Франціей не представляетъ никакой опасности для Россіи, такъ какъ французамъ до нея не добраться; что подобный разрывъ только спасаетъ Россію отъ многихъ непріятностей, затрудненій и оскорбленій, неизбѣжныхъ при сношеніяхъ со страной, претендующей на первенствующее положеніе въ Европѣ.

Одинъ только графъ Румянцевъ, тогдашній министръ торговли, позднѣе канцлеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, представилъ серьезныя возраженія противъ предложенной мѣры. Въ это время онъ былъ недоволенъ Англіей и симпатизировалъ Бонапарту. Румянцевъ —дипломатъ Екатерининской школы—былъ способенъ, по своимъ независимымъ взглядамъ, придать кабинету Александра характеръ старинной русской политики, что̀ ему дѣйствительно и удалось нѣсколько лѣтъ спустя.

Графъ Румянцевъ призналъ, что послѣ всего случившагося, весьма понятно, трудно было воздержаться отъ шага, показавшаго всѣмъ, что Россія не намѣрена терпѣть обидъ со стороны Франціи и въ этомъ случаѣ послѣднее слово она оставляетъ за собой, но что лучше было бы, конечно, не ставить себя въ такое безвыходное положеніе. При этомъ, не отрицая высокаго значенія вопросовъ чести, справедливости и человѣческихъ правъ, онъ находитъ неблагоразумнымъ совершенное устраненіе вопросовъ личнаго интереса, и что высказываться такимъ положительнымъ, не подлежащимъ измѣненію образомъ можно было только при увѣренности въ благополучномъ для себя исходѣ, хорошо разсчитавъ свои силы и имѣя въ виду явно чью либо основательную поддержку. Онъ освѣдомился, предусмотрѣло ли русское правительство послѣдствія дѣлаемаго имъ рискованнаго шага и дало ли оно себѣ ясный отчетъ въ его результатахъ, и, наконецъ, увѣрено ли оно въ пользѣ этого шага для государства и въ полной безопасностя послѣдняго со стороны Франціи.

Я отвѣчалъ ему, что Имперія не подвергается ни малѣйшей опасности, что предполагаемый шагъ имѣетъ своей цѣлью только удовлетвореніе чувства оскорбленнаго достоинства и справедливости, безъ всякаго намѣренія извлечь изъ подобнаго положенія какія-либо выгоды, въ которыхъ Россія ни мало не нуждается; что Императоръ совершенно удовлетворится выполненіемъ долга чести и сознаніемъ своей правоты въ глазахъ остальной Европы, и что положеніе его даетъ ему возможность позаботиться о средствахъ огражденія и безопасности государства.

Пренія на этомъ закончились; Государь утвердилъ всѣ пункты доклада и отдалъ приказъ о приведеніи ихъ въ исполненіе.

Я пригласилъ къ себѣ г. Райневаль, вручилъ ему ноту, выяснявшую причины принятаго императоромъ рѣшенія, а также передалъ и паспортъ для его немедленнаго выѣзда. Онъ принялъ сообщенное ему извѣстіе совершенно спокойно и не сдѣлалъ ни малѣйшихъ замѣчаній, сообразивъ, что при существовавшемъ положеніи вещей они были бы уже совершенно излишни. Съ моей стороны понятно было желаніе смягчить непріятность такого внезапнаго отъѣзда всего посольства и устранить всѣ затрудненія, вызванныя имъ, что̀ я и постарался сдѣлать. Впослѣдствіи я получилъ выраженія благодарности, какъ отъ г. Райневаль, такъ и отъ генерала Гедувилля, которому я также въ свое время оказалъ нѣкоторыя личныя услуги.

Историки того времени, по-моему, представляютъ наступившія событія не въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Отношенія, устанавливавшіяся съ этого момента между Франціей и Россіей, были безпримѣрны въ исторіи. Чисто нравственная подкладка разрыва была новостью въ дипломатическомъ мірѣ, такъ какъ пострадавшее лицо не принадлежало къ семьѣ русскаго императорскаго дома и петербургскій кабинетъ не имѣлъ прямого права къ вмѣшательству. Подобное рѣшеніе было вызвано единственно возмущеніемъ—противъ явнаго попранія человѣческихъ правъ и международныхъ законовъ.

Ни одна изъ другихъ державъ не послѣдовала примѣру Россіи, хотя, правда, она находилась въ это время въ исключительно благопріятномъ положеніи, такъ какъ была единственною державою на континентѣ, сохранившею независимость и не уровнившею своего достоинства. Неуязвимая со стороны Франціи, по неимѣнію послѣднею флота, она была грозна своимъ презрительнымъ спокойствіемъ, какъ неподвижная туча, таящая въ себѣ молніи и бурю. Россіи надо было, какъ можно дольше, сохранять такое внушительное положеніе; просьбы о поддержкѣ, о союзѣ, выраженія уваженія и почтенія сыпались на нее со всѣхъ сторонъ. Россія не должна была выходить изъ этого единственнаго въ своемъ родѣ положенія, не убѣдившись, что и личные, и общіе интересы дѣйствительно требуютъ, наконецъ, ея активнаго вмѣшательства; но случилось иначе.

Чтобы понять политическое движеніе этой эпохи и горячность, съ которой Европа принялась бороться съ Наполеономъ, несмотря на страхъ, внушаемый имъ, слѣдуетъ припомнить общественное мнѣніе о Наполеонѣ, преобладавшее въ Европѣ.

Люди, съ энтузіазмомъ привѣтствовавшіе первые шаги французской революціи, видѣли въ Наполеонѣ героя и поборника свободы; они считали его за человѣка, посланнаго самимъ Провидѣніемъ, чтобы дать восторжествовать на землѣ справедливости.

По мѣрѣ того, какъ Наполеонъ не оправдывалъ ихъ ожиданій,

чувства его поклонниковъ все болѣе и болѣе охлаждались. Французская республика и времена Директоріи, несомнѣнно, были виновны во многихъ безразсудныхъ дѣйствіяхъ, но ихъ правительство все-таки оставалось вѣрно своей цѣли, ошибаясь только въ средствахъ ея достиженія; оно принесло странѣ много зла, но не измѣнило ей. Очень можетъ быть, что впослѣдствіи оно поняло бы свою ошибку, вышло бы на вѣрный путь и научилось бы служить принципу не только собственнаго, но всеобщаго равноправія и справедливости для всѣхъ безъ различія. Но вся вѣра въ Наполеона, всякая иллюзія ея изчезла, какъ только онъ всталъ во главѣ правительства Франціи. Каждое его слово, каждый поступокъ убѣждали всѣхъ, что онъ думаетъ дѣйствовать только силой штыковъ и массой войскъ. Это было основной ошибкой Наполеона, подорвавшей его могущество. Онъ пересталъ быть надеждой угнетенныхъ народовъ и желаннымъ заступникомъ ихъ правъ. Потерявъ право на эти почетные титулы, создавшіе могущество французской республики, несмотря на ея недостатки и безумства, Бонапартъ самъ себя отодвинулъ въ ряды обыкновенныхъ честолюбивыхъ правителей. Правда, онъ выказалъ себя разносторонне-талантливымъ человѣкомъ, но обнаружилъ также и свое полное неуваженіе чьихъ-либо правъ и желаніе всѣхъ поработить и подчинить своему произволу.

Поэтому, когда наступилъ, моментъ, благопріятный для борьбы съ Наполеономъ, всѣ приняли въ ней участіе со спокойной совѣстью, такъ какъ это была борьба съ силой, переставшей быть полезной для общества. Такое мнѣніе, ставшее въ Европѣ общимъ, распространилось и въ Россіи. Оно-то и толкнуло ея правительство, погрѣшившее, можетъ быть, излишней торопливостью, на путь, на которомъ уже не было никакой возможности сохранить за собой прежнюю роль, наиболѣе достойную для Россіи.

Миръ, заключенный въ Амьенѣ и встрѣченный съ одинаковымъ энтузіазмомъ по обѣ стороны пролива, былъ нарушенъ Наполеономъ съ присущей ему рѣзкостью, хотя право на этотъ разъ было на его сторонѣ. Онъ потребовалъ немедленнаго удаленія войска съ Мальты, которую Англія заняла подъ непремѣннымъ условіемъ очистить послѣ заключенія мира. Дальнѣйшая судьба этого острова, по состоявшемуся соглашенію, должна была быть урегулирована сообща всѣми державами. Англія надменно отказалась отъ выполненія этой статьи договора, и война разгорѣлась съ новой силой.

Лордъ Говеръ, новый англійскій посланникъ, прибылъ въ Петербургъ. Это былъ еще молодой человѣкъ, одаренный не только большой врожденной осторожностью, но какимъ-то инстинктивнымъ тактомъ, выражавшимся въ каждомъ его словѣ и въ его манерѣ

веçти дѣла. Ко мнѣ онъ относился съ полнымъ довѣріемъ, подчасъ даже чисто по-дружески. Пріѣхалъ онъ въ сопровожденіи сэра Карла Стюарта, неоднократно состоявшаго секретаремъ различныхъ посольствъ и поэтому уже успѣвшаго пріобрѣсти навыкъ въ дипломатическихъ дѣлахъ. Впослѣдствіи обѣ эти личности были хорошо извѣстны въ Парижѣ, гдѣ они нѣсколько разъ перемѣнялись мѣстами, такъ какъ лордъ Говеръ, принявшій имя лорда Гранвилля, присоединился къ партіи виговъ, а сэръ Карлъ Стюартъ, ставшій лордомъ Стюартомъ, остался вѣренъ партіи торіевъ. Лордъ Говеръ прибылъ въ Россію съ важными порученіями. Цѣлью ихъ было привлеченіе Императора къ союзу и къ активному содѣйствію борьбѣ съ Франціей. Въ это же время австрійское правительство, руководимое министромъ Кобенцелемъ, тоже назначило къ намъ новаго посланника, графа Стадіона. Въ противоположность Англіи, выражавшей свои предложенія твердо и увѣренно, австрійское правительство дѣйствовало боязливо и нерѣшительно. Оно было въ постоянномъ страхѣ скомпрометтировать себя преждевременнымъ ознакомленіемъ Англіи со своими планами, и мы должны были нѣкоторое время скрывать свои сношенія съ Англіей и подвергаться съ ея стороны упрекамъ, на которые не скупился и графъ Семенъ Воронцовъ.

Наполеонъ, выступая на арену государственной дѣятельности, неблагоразумно отказался отъ всего, что прежде заставляло всѣхъ вѣрить въ его высокую и благородную миссію. Онъ задался цѣлью возстановить повсюду самодержавную власть въ прежнемъ ея видѣ и со всѣми присущими ей недостатками. Наполеонъ сталъ обыкновеннымъ правителемъ, и сразиться съ нимъ его же оружіемъ являлось только актомъ справедливости.

Такимъ образомъ, повсюду, безъ исключенія, люди съ сердцемъ и съ сознаніемъ своихъ нравственныхъ обязанностей, дорожащіе честью своей родины, а также люди независимые, честолюбивые и смѣлые,—всѣ, какъ одинъ человѣкъ, были настроены противъ Наполеона.

Такое настроеніе Европы постепенно передалось и въ Россію и заразительнымъ образомъ подѣйствовало на Императора Александра и на его интимныхъ друзей. Малѣйшее возраженіе вызывало упреки въ сочувствіи французскому правительству. Австрія уже вооружалась; она настаивала на выработкѣ общаго плана военныхъ дѣйствій, съ цѣлью обезопасить себя отъ вторженія иностранныхъ войскъ. Пора было подумать о приведеніи этого плана въ исполненіе на случай, если начало непріязненныхъ дѣйствій станетъ неизбѣжнымъ. Вотъ о чемъ шли переговоры въ Петербургѣ съ одной

стороны съ Австріей, а съ другой съ Англіей; послѣдняя должна была доставить необходимыя для вооруженія Европы—средства. Переговоры заняли немало времени и не обошлись безъ затрудненій. Требованія Австріи казались англичанамъ чрезмѣрными. Наконецъ, цѣною взаимныхъ уступокъ удалось достичь соглашенія. Часть субсидіи предназначалась для Пруссіи, которую мы не переставали возбуждать и уговаривать болѣе или менѣе настоятельными депешами. Я долженъ признаться, что нерѣшительность Пруссіи присоединиться къ европейскому концерту не особенно меня огорчала. Само собою разумѣется, я не упускалъ ни одного случая, чтобы не постараться втянуть ее въ общее движеніе, но я предвидѣлъ съ удовольствіемъ, что, въ случаѣ ея окончательнаго отказа, необходимость вынудитъ насъ перешагнуть черезъ нее. Я зналъ, что въ этомъ случаѣ состоится возстановленіе Польскаго королевства подъ властью Александра. Предположеніе это было встрѣчено съ энтузіазмомъ, такъ какъ представляло собою единственный возможный случай возродить Польшу, забытую даже Франціей. Между тѣмъ Наполеонъ, какъ бы желая исключить всякую возможность мирнаго исхода, короновался въ это время королемъ Италіи, съ сохраненіемъ правъ наслѣдованія. Овладѣвъ Генуэзскою республикою, угрожая Неаполю и поставивъ Савойскій домъ въ безвыходное положеніе, онъ только подлилъ масла въ огонь и, кромѣ того, отнялъ у Россіи всякую надежду добиться принятія имъ ея условій, которыя она считала долгомъ чести продолжать поддерживать.

Теперь уже не было сомнѣнія, что намъ оставалось только готовиться къ неизбѣжной войнѣ. Самыя большія затрудненія, какъ я уже упоминалъ, представляли переговоры относительно субсидіи, которую Англія обязывалась доставить Австріи въ требуемомъ ею размѣрѣ. Какъ это ни было трудно, но, благодаря нашему посредничеству, все наконецъ уладилось. Три милліона фунтовъ стерлинговъ были переданы вѣнскому правительству, три другіе назначались для удовлетворенія Пруссіи, въ случаѣ, если бы удалось побѣдить ея колебанія. Дипломатическая сторона дѣла была такимъ образомъ вскорѣ закончена. Армія, составленная изъ русскихъ и шведскихъ войскъ, сосредоточивалась на островахъ Рюгенѣ и Штральзундѣ; русскими войсками командовалъ графъ Толстой. Другой русскій корпусъ, стоявшій на Корфу, долженъ былъ служить прикрытіемъ для Неаполя. Слѣдующая армія, подъ командой генерала Кутузова, двинулась къ австрійской границѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, придти на помощь генералу Макку, стягивавшему свои войска къ Ульму. Наконецъ, генералъ Михельсенъ двинулся къ прусской границѣ, чтобы положить конецъ колебаніямъ Пруссіи

Всѣ эти передвиженія происходили согласно предложенному Австріей и всѣми совмѣстно разсмотрѣнному плану. Повидимому, планъ этотъ отвѣчалъ требованіямъ даннаго положенія, и если бы онъ не удался, никто, кромѣ самой Австріи, не былъ бы въ этомъ виноватъ. Въ случаѣ окончательнаго несогласія Пруссіи присоединиться къ намъ, предполагалось, не задумываясь, пройти черезъ нее.

Наконецъ наступилъ моментъ для Императора Александра выступить дѣйствующимъ лицомъ на театръ военныхъ событій. По мѣрѣ приближенія этого момента, я замѣчалъ, что его рѣшимость ослабѣваетъ. Тѣмъ не менѣе мы отправились въ путь. Навстрѣчу намъ попались курьеры г. Алопеуса, доставившіе намъ его тревожныя донесенія относительно впечатлѣнія, произведеннаго въ Берлинѣ движеніемъ русскихъ войскъ, какъ на короля, такъ и на нѣкоторыхъ генераловъ, наиболѣе цѣнимыхъ Императоромъ. Александръ рѣшилъ остановиться въ Пулавахъ у моихъ родственниковъ, которымъ онъ хотѣлъ сдѣлать визитъ.

Проектъ насильно пройти Пруссію не былъ нами оставленъ. Императоръ настаивалъ также на своемъ намѣреніи объявить себя королемъ Польши. По поводу этого я писалъ графу Разумовскому, чтобы подготовить вѣнскій дворъ къ этому событію. Австрія ничего не имѣла противъ, поставивъ только условіе, чтобы прежняя граница Галиціи оставалась неприкосновенной.

Лордъ Говеръ, на возвратномъ пути изъ Англіи, встрѣтилъ насъ на дорогѣ и объявилъ, что въ случаѣ насильственнаго прохожденія нашихъ войскъ черезъ Пруссію, Англія передастъ Россіи субсидію, предназначавшуюся Пруссіи. Кромѣ того, онъ увѣдомилъ насъ, что Англія согласна на возстановленіе Польскаго королевства.

Я выѣхалъ изъ Бреста, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы пріѣхать въ Пулавы за сутки до Императора, и засталъ тамъ всѣхъ въ большомъ волненіи и въ разгарѣ приготовленій къ пріему Императора. Маіоръ Ортовскій былъ спеціально уполномоченъ на это. Онъ вошелъ въ сношенія съ австрійскими и мѣстными властями, такъ какъ, кромѣ Императора и его свиты, ожидалось прохожденіе двухъ армейскихъ корпусовъ, генерала Михельсена и генерала Буксгевдена. Князь Понятовскій уже заранѣе былъ ознакомленъ съ проектомъ Императора возстановить Польшу и долженъ былъ встать во главѣ движенія, для приданія ему національнаго характера. Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Пулавы, польскіе агенты отправились въ Варшаву съ извѣстіемъ о прибытіи Императора, на слѣдующій же день принятаго моими родными. Онъ выразилъ имъ чрезвычайно трогательное чувство расположенія и пріязни и, повидимому, почувствовалъ себя прекрасно, очутившись въ болѣе мягкомъ климатѣ. Онъ

наслаждался прекрасной погодой, дѣйствительно сильно разнившейся отъ петербургской, а моя мать, сестры и братья старались, какъ могли, скрасить его двухнедѣльное пребываніе въ Пулавахъ.

Въ это время прежнее желаніе Императора—во что бы то ни стало пройти черезъ Пруссію, было сильно поколеблено; онъ попросилъ свиданія съ королемъ, избравъ для этого порученія князя Долгорукаго, съ удовольствіемъ взявшаго его на себя, въ разсчетѣ помѣшать осуществленію моихъ надеждъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, менѣе обращавшій вниманіе на представлявшіяся ему затрудненія, считая ихъ не важными, самовольно прошелъ черезъ одну прусскую провинцію, задержавшую его при выполненіи задуманнаго предпріятія. Прусскій король, оскорбленный его поведеніемъ, согласился тогда на пропускъ русскихъ войскъ, и князь Долгорукій возвратился съ торжествующимъ видомъ и съ приглашеніемъ къ Императору Александру пожаловать въ Берлинъ для переговоровъ съ королемъ относительно дальнѣйшихъ мѣропріятій. Такое рѣшеніе вопроса уничтожало на этотъ разъ надежду увидать возстановленіе Польши, но самъ по себѣ этотъ, хотя и неудавшійся, проектъ доказалъ все-таки Наполеону, что Польша еще жива, и что ему не мѣшаетъ подумать о ея судьбѣ, о чемъ онъ, повидимому, забылъ послѣ Люневильскаго мира и съ тѣхъ поръ, какъ императорское достоинство вскружило ему голову. Александръ уѣхалъ изъ Пулавъ съ обѣщаніемъ вернуться назадъ.

Мы проѣхали Варшаву, нигдѣ не останавливаясь, исключая Виланова, гдѣ хозяинъ дома пригласилъ насъ позавтракать. Князь Понятовскій со многими другими представителями польскаго общества провожалъ верхомъ Государя за нѣсколько верстъ отъ Варшавы. Всѣ они возвратились назадъ, сильно опечаленные, сознавая, что первый лучъ надежды, блеснувшій для поляковъ, угасъ безвозвратно.

Проѣзжая черезъ Позенъ, мы повстрѣчались съ моей старшей сестрой, возвращавшейся въ Пулавы въ сопровожденіи своихъ двухъ воспитанницъ. Императоръ сдѣлалъ ей визитъ и обошелся съ нею, по обыкновенію, чрезвычайно любезно. Она мнѣ говорила потомъ, что была поражена его красотою и, дѣйствительно, его обаятельная внѣшность, дышавшая добротою, сразу очаровывала всѣхъ приближавшихся къ нему.

Императоръ замѣтно успокоился, получивъ согласіе прусскаго короля на пропускъ войскъ. Мы пріѣхали въ Берлинъ, гдѣ насъ ждалъ блестящій пріемъ. Королева вложила все очарованіе своего ума, чтобы сдѣлать пребываніе Александра въ Берлинѣ пріятнымъ и чтобы устранить затрудненія, представленныя г-номъ фонъ-

Хогвицемъ. Наконецъ, министру фонъ-Гарденбергу, вліяніе котораго возрастало по мѣрѣ развитія происходящихъ событій и, кромѣ того, поддерживаемому самой императрицей, удалось благополучно привести переговоры къ желанному концу. Подписаніе Потсдамскаго договора состоялось 3 ноября 1805 года. Союзъ двухъ государей былъ скрѣпленъ клятвой въ вѣчной дружбѣ, произнесенной на могилѣ короля Фридриха Великаго. Для военныхъ приготовленій Пруссіи назначался срокъ въ размѣрѣ одного мѣсяца. былъ назначенъ не только день, но даже часъ открытія враждебныхъ дѣйствій, въ случаѣ, если бы предложенія, представленныя Наполеону фонъ-Хогвицемъ, не были имъ приняты. Въ это время пріѣхалъ эрцгерцогъ Антоній и привезъ самыя неутѣшительныя извѣстія объ успѣхахъ Наполеона. Александръ и вся его свита поспѣшно выѣхали изъ Берлина навстрѣчу французскому императору, направлявшемуся прямо къ армейскому корпусу генерала Кутузова, выступившему, согласно плана, присланнаго изъ Вѣны, черезъ Галицію въ Австрійскую Силезію.

Совершенно излишне съ моей стороны разсказывать здѣсь о событіяхъ, такъ прекрасно описанныхъ авторомъ *„Исторіи Консульства и Имперіи“*. Я упомяну о фактахъ, подробности которыхъ не могли быть извѣстны г. Тьеру и, къ сожалѣнію, выражу о нихъ не во всемъ согласное съ нимъ мнѣніе.

Тьеръ относился ко мнѣ очень внимательно, отдавая замѣтное предпочтеніе передъ другими, что̀ меня не мало тогда трогало, и я хотѣлъ бы хоть здѣсь выразить ему мою благодарность.

Изъ Берлина Государь направился въ Веймаръ, гдѣ ему хотѣлось посѣтить мою сестру. Старый великій герцогъ еще былъ бодръ, полонъ силъ и жизни. Будучи прекраснымъ кавалеристомъ, онъ, бывало, проѣзжалъ верхомъ пространство, отдѣляющее Веймаръ отъ Карлсбада. Онъ, повидимому, старался подражать своимъ предкамъ, отличавшимся во время тридцатилѣтней войны.

Насъ приняли съ выраженіемъ искренняго расположенія, и мы тронулись далѣе, познакомившись при Веймарскомъ дворѣ съ такими литературными знаменитостями, какъ Гёте, Шеллингъ, Гердеръ, Виландъ и друг. Александръ торопился въ Ольмюцъ, гдѣ его уже ожидалъ императоръ Францъ. Государь этотъ, подвергавшійся въ данный моментъ наибольшей опасности, старался ободрить своихъ союзниковъ, говоря имъ, что ему уже случалось выносить на своихъ плечахъ подобныя несчастія, и онъ выходилъ изъ нихъ благополучно.

Нѣсколько дней, проведенныхъ въ Ольмюцѣ, посвящены были совѣщаніямъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ союзниковъ. *Полковникъ*

Вейротеръ, на котораго возлагались обязанности начальника главнаго штаба, былъ въ Пулавахъ во время нашего тамъ пребыванія и сумѣлъ произвести хорошее впечатлѣніе на Императора Александра. Прекрасный, смѣлый, серьезно образованный офицеръ, Вейротеръ, такъ же какъ и генералъ Маккъ, былъ слишкомъ самонадѣянъ и полагался только на свои личныя соображенія, нерѣдко весьма запутанныя, не допуская мысли, чтобы непріятель своей ловкостью могъ ихъ разрушить. Присутствіе въ Ольмюцѣ его и князя Долгорукаго, горячность котораго не оставалась безъ вліянія на Государя, приподняли настроеніе Александра. Въ это время пріѣхалъ графъ Кобенцель. У него вырвалось нѣсколько необдуманныхъ словъ о необходимости для государей въ трудные моменты самимъ становиться во главѣ своихъ армій. Александръ взглянулъ на эти слова, какъ на совѣтъ и даже какъ на упрекъ. Не обращая болѣе вниманія на мнѣніе окружающихъ, онъ не сталъ слушать нашихъ убѣжденій, что его присутствіе лишитъ генерала Кутузова возможности направлять ввѣренныя ему войска наиболѣе цѣлесообразно. Этого, дѣйствительно, слѣдовало ожидать, зная придворную выправку и почтительность этого генерала.

Императоръ все-таки отправился къ мѣсту расположенія войскъ. Меня дѣла задержали въ Ольмюцѣ еще на нѣсколько часовъ. Покончивъ съ ними, я отправился вслѣдъ за Государемъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ольмюца я увидалъ императора Франца и его свиту, завтракающими на лужайкѣ; меня пригласили тоже; но я отказался, спѣша догнать Императора. Послѣ довольно большого переѣзда, я прибылъ въ Вишау, занятый русскими войсками. Они только-что разбили какой-то французскій отрядъ и захватили нѣсколькихъ плѣнныхъ. Государь проѣхалъ впередъ. Главная квартира торжествовала. Теперь вопросъ шелъ о томъ, что предпринять въ виду наступленія французской арміи. Наполеонъ дошелъ уже до Брюна, и его аванпосты вытянулись параллельно нашимъ. Я нашелъ Государя почти на передовыхъ позиціяхъ нашей арміи окруженнымъ военной молодежью и очень довольнымъ результатами схватки подъ Вишау. Предстояло рѣшить, идти ли налѣво, ближе къ эрцгерцогамъ Карлу и Іоанну, оттѣснившимъ принца Евгенія въ Италію, или же было благоразумнѣе двинуться направо, для соединенія съ прусской арміей, которая въ назначенный моментъ должна была двинуться впередъ и принять участіе въ дѣйствіяхъ соединенной арміи. Предпочтеніе было отдано первому предположенію, за которое стоялъ Вейротеръ и другіе австрійскіе офицеры.

При этомъ всѣми было признано необходимымъ не предпринимать никакихъ вызывающихъ дѣйствій, чтобы не подвергать себя

напрасному риску. Надо было дать время подойти эрцгерцогамъ и, въ особенности, дождаться извѣстія о движеніи прусской арміи впередъ.

Возможность выступленія Наполеона изъ Брюнна, т. е. его отдаленіе отъ своихъ запасовъ и продовольственныхъ складовъ, казалось невѣроятнымъ, но въ случаѣ подобной ошибки съ его стороны, рѣшено было спѣшить навстрѣчу подходившимъ подкрѣпленіямъ. Вотъ въ чемъ состояла главная ошибка, допущенная Императоромъ Александромъ и его тогдашними совѣтниками. Всѣ они представляли себѣ Наполеона въ весьма опасномъ положеніи и чуть ли не готовящимся къ отступленію. Французскіе аванпосты дѣйствительно выказывали какую-то нерѣшительность и робость, поддерживавшія эту иллюзію, и съ нашихъ аванпостовъ постоянно приходили донесенія о вѣроятности въ недалекомъ будущемъ обратнаго движенія французской арміи. Крайняя важность даннаго момента—точно была забыта, всѣ увлеклись только однимъ желаніемъ не упустить такого прекраснаго случая уничтожить непріятельскую армію и нанести рѣшительный, роковой ударъ Наполеону.

Во время нашего флангового движенія, на возвышенностяхъ, скрывавшихъ отъ насъ расположеніе непріятельскихъ войскъ, мы видѣли французскихъ офицеровъ, очевидно, наблюдавшихъ за нашимъ передвиженіемъ. Оно было выполнено въ полномъ порядкѣ, и армія вытянулась въ назначенномъ для нея направленіи. Мы должны были даже нѣсколько отступить, чтобы быть ближе къ эрцгерцогамъ на случай, хотя и мало вѣроятный, преслѣдованія нашей арміи Наполеономъ.

1-го декабря, въ тотъ именно день, когда графъ Хогвицъ привезъ во французскій лагерь нашъ ультиматумъ, который, въ случаѣ отказа Наполеона удовлетворить его, долженъ былъ немедленно вызвать движеніе прусскихъ войскъ, русскій Императоръ рано утромъ получилъ письмо отъ князя Долгорукаго, гдѣ тотъ превозносилъ рѣшимость Александра, удвоившаго, какъ онъ выражался, своимъ присутствіемъ и своимъ мужествомъ храбрость русскаго войска.

По всѣмъ признакамъ Наполеонъ собирался бить къ отступленію; чтобы использовать такое положеніе непріятеля, рѣшено было сдѣлать небольшое движеніе впередъ и, хотя сопротивленія со стороны французовъ не ожидалось, тѣмъ не менѣе было предложено, на всякій случай, опредѣлить маршрутъ каждаго отдѣльнаго корпуса арміи. Порученіе это передали полковнику Вейротеру, такъ какъ онъ прекрасно зналъ мѣстность, неоднократно объѣзжалъ и даже измѣрялъ ее. Я не присутствовалъ на этомъ совѣщаніи, предметъ

котораго совершенно не соотвѣтствовалъ моему личному мнѣнію. Не знаю также, принималъ ли въ немъ участіе генералъ Кутузовъ, если да, то, вѣроятно, его не захотѣли выслушать.

Инструкція, которою должны были руководиться при передвиженіи всѣ генералы, дошла до нихъ, я думаю, не ранѣе утра 2-го декабря. Въ туманный и холодный вечеръ перваго числа Императоръ, окруженный самыми приближенными къ его особѣ лицами, проѣхался шагомъ по тому направленію, куда должна была завтра двинуться наша армія. Мы встрѣтили отрядъ кроатскихъ пограничниковъ; они пѣли одну изъ своихъ протяжныхъ пѣсенъ, носящихъ всегда меланхолическій характеръ. Ихъ пѣніе, погода и туманъ привели насъ въ унылое настроеніе; кто-то вспомнилъ еще, что завтра понедѣльникъ, день, считающійся въ Россіи тяжелымъ. Въ эту минуту Государь наѣхалъ на бугоръ, лошадь его поскользнулась и упала, самъ же онъ вылетѣлъ изъ сѣдла. Какъ ни маловаженъ былъ этотъ случай, но нѣкоторые взглянули на него, какъ на дурное предзнаменованіе.

На другой день, на разсвѣтѣ, т. е. около 7 часовъ, Государь, окруженный своими друзьями, отправился къ пункту, назначенному, по составленному плану, быть центромъ военныхъ операцій. Армія наша состояла изъ корпуса генерала Буксгевдена, авангарда подъ командой князя Багратіона, гвардейскаго корпуса Милорадовича, резерва, остававшагося подъ непосредственнымъ командованіемъ генерала Кутузова, и, наконецъ, австрійскаго корпуса подъ начальствомъ принца Іоанна Лихтенштейна, обязаннаго принять участіе, если произойдетъ бой.

Когда мы пріѣхали къ назначенному пункту, я оглянулся кругомъ и увидалъ обширную равнину. Одна колонна австрійской пѣхоты, показавшаяся мнѣ малочисленною, уже подходила, чтобы выстроиться въ боевомъ порядкѣ. На лицахъ австрійскаго генерала и его солдатъ ясно читалось безпокойство; только артиллерійскіе офицеры не поддавались общему унынію и выражали полную увѣренность въ разрушительномъ дѣйствіи своихъ орудій. Какъ правое, такъ и лѣвое наше крыло ничѣмъ не были защищены. Гвардія, стоявшая направо, согласно плану, должна была отойти подальше, что̀ еще болѣе затрудняло помощь этой сторонѣ; лѣвая же была совершенно беззащитна.

Съ ранняго утра, на передовыхъ позиціяхъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ загорался бой съ французами, впрочемъ, безъ всякаго видимаго успѣха. Вдругъ мы увидали, что французскія колонны быстро двинулись на насъ и отбросили корпусъ, стоявшій на ихъ пути. Какъ только я увидалъ это быстрое движеніе французскихъ

войскъ, я почувствовалъ, что сегодняшній день плохо окончится для насъ. Императоръ тоже былъ пораженъ стремительностью движенія непріятеля, внесшаго настоящую панику въ ряды австрійскаго войска. Надо замѣтить, что у насъ кавалеріи въ этомъ важномъ пунктѣ, бывшемъ центромъ всѣхъ операцій, совсѣмъ не было.

Спустя мгновеніе, раздалися крики, что необходимо защитить Императора. Всѣ повернули своихъ лошадей и бросились вразсыпную. Я поступилъ, какъ остальные, и вскорѣ добрался до возвышенности, откуда могъ видѣть все происходившее въ сторонѣ русской гвардіи, гдѣ сосредоточивалась почти вся кавалерія нашей арміи. Я увидѣлъ совершенно ясно послѣдовательныя атаки, произведенныя двумя линіями непріятельской кавалеріи, при чемъ каждая, по очереди, переходила въ наступленіе и затѣмъ возвращалась обратно черезъ изгороди, вѣроятно, сильно затруднявшія движеніе. Наблюденіе за этими атаками, повторявшимися нѣсколько разъ, задержало меня на холмѣ. Проѣхавъ затѣмъ правѣе, къ мѣсту боя нашей гвардіи съ французами, я встрѣтилъ князя Шварценберга. Я предложилъ ему возстановить порядокъ въ стоявшихъ передъ нами войскахъ и пріостановить отступленіе. Сперва онъ, какъ будто, поддался на мои убѣжденія, но затѣмъ, спохватившись, сказалъ мнѣ, что боится помѣшать плану сраженія, бывшему въ полномъ разгарѣ. Тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ я встрѣтилъ сильную батарею русской артиллеріи, которую ея командиръ, видимо, сбившись съ пути, велъ въ сторону, противоположную отъ поля сраженія. Я принудилъ его вернуться назадъ и занять позицію, удобную для помощи сражающимся колоннамъ. Къ счастью, мнѣ все время удавалось находить Императора въ различныхъ пунктахъ, которые онъ перемѣнялъ неоднократно. Часто онъ посылалъ меня впередъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается, и я оставался совершенно одинъ.

Пора было подумать объ отступленіи, и Государь поѣхалъ къ Аустерлицу, еще занятому корпусомъ Багратіона, сдѣлавшимся теперь арьергардомъ русской арміи. Туда же пріѣхали и адъютанты Государя: генералъ Ливенъ, генералъ Милорадовичъ и князь Михаилъ Долгорукій, младшій братъ князя Петра, несравненно болѣе его умный. Онъ былъ раненъ въ бедро и продолжалъ биться до послѣдней возможности. Здѣсь же я увидалъ несчастнаго Вейротера, который безстрашно носился по полю сраженія, не думая объ опасности и желая только исправить бѣду, одной изъ главныхъ причинъ которой являлся онъ самъ. Онъ изнемогалъ отъ усталости, отъ отчаянія и даже не пытаясь извиняться, исчезъ куда-то. Тѣ изъ офицеровъ, которымъ посчастливилось захватить плѣнниковъ,

представляли ихъ Императору съ выраженіями своей преданности и готовности пролить кровь за славу и честь Россіи.

Я не знаю, что сталось съ нашими друзьями, но ни одного изъ нихъ я не нашелъ въ этомъ собраніи. Разсѣянные смятеніемъ, происшедшимъ по всей линіи, они вѣроятно, не могли отыскать Императора и растеряли свои экипажи. Когда мы всѣ собрались около Государя, генералъ Милорадовичъ озадачилъ меня довольно страннымъ вопросомъ; „почему это вы такъ спокойны?“, при чемъ показалъ взглядомъ на генералъ-адъютанта Ливена, вся фигура котораго выражала крайнюю растерянность и безпокойство.

Необходимо было принять мѣры, для сообщенія распоряженій Багратіону, стоявшему совершенно одиноко, противъ побѣдоносныхъ колоннъ Наполеона, такъ какъ можно было опасаться, что безпорядокъ распространится также и на его корпусъ. Генералу Винценгероде приказано было отправиться къ Аустерлицу и отвезти Багратіону приказаніе отступить въ самый городъ и держаться тамъ, какъ можно дольше, стараясь не подвергать себя опасности.

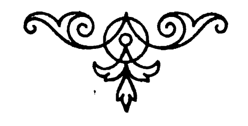
Вскорѣ мы услыхали крики въ рядахъ французскихъ солдатъ; они означали прибытіе Наполеона къ своему войску. День склонялся къ вечеру; генералы начали разъѣзжаться по своимъ мѣстамъ, а Государь, чтобы пробраться до безопаснаго мѣста, поѣхалъ по направленію къ Голичу. Я пробрался впередъ, чтобы посмотрѣть, что происходитъ на лѣвой сторонѣ нашей арміи, и встрѣтилъ разбитаго генерала Буксгевдена. Бѣдняга безъ шляпы и вообще все платье его пришло въ безпорядокъ. Онъ замѣтилъ меня издали и закричалъ: „Меня бросили одного, мною пожертвовали!“ и продолжалъ отступленіе, а я поспѣшилъ къ Государю.

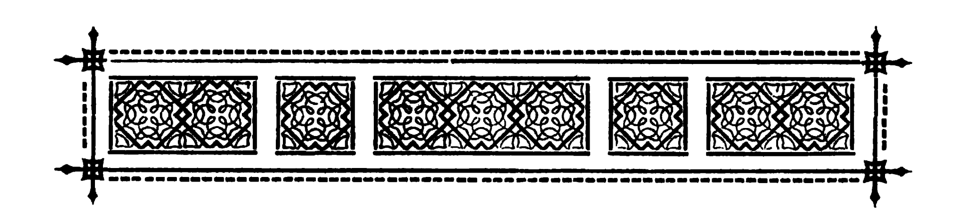
Настала ночь. Мы шагомъ двинулись по шоссе, ведущему къ Голичу. Государь былъ въ удрученномъ состояніи, сильное волненіе пережитаго дня отозвалось на его здоровьи. Я, какъ могъ, старался ободрить его. Такъ мы шли два дня и три ночи, пока не достигли Голича. Проѣзжая черезъ деревни, мы слыхали смутный гулъ толпы людей, искавшихъ въ винѣ забвенія своего несчастія. Жители, конечно, страдали отъ этого, и повсюду царилъ страшный безпорядокъ. Наконецъ мы пріѣхали въ болѣе спокойное мѣстечко. Я разъискалъ комнату для Императора, и мы всѣ немного отдохнули; на случай преслѣдованія, лошади наши стояли подъ сѣдломъ.

Дѣйствительно, устремись за нами нѣсколько французскихъ эскадроновъ, чтобы докончить наше пораженіе, я не знаю, чтобы и было. Ни полковъ, ни корпусовъ въ соединенной арміи болѣе не было, вся она разбилась на безпорядочныя шайки, грабившія все по пути и еще увеличивавшія разореніе этого края.

Мнѣ хотѣлось соединить обоихъ Императоровъ вмѣстѣ, чтобы видѣть ихъ въ безопасности, но мнѣ это не удалось. Императоръ Францъ шелъ другой стороной, поручая мнѣ иногда передавать свое утѣшеніе Александру; оно заключалось все въ тѣхъ же фразахъ о томъ, что онъ, императоръ Францъ, уже испытывалъ подобныя несчастія и до сихъ поръ еще не теряетъ надежды...

Сообщилъ К. Военскій.

Къ исторіи 1812-го года [1].

(Окончаніе).

VI. Документы къ занятію и оставленію французами въ октябрѣ мѣсяцѣ 1812 г. Смоленска.

27-го октября французы заняли Смоленскъ. Какъ видно изъ писемъ, нѣкоторые изъ нихъ мечтали укрѣпиться здѣсь на долгое время. Они были весьма обрадованы, что нашли кой-какіе запасы.

Генералъ Ларибосьеръ очень радъ, что нашелъ тамъ вино:

Ларибосьеръ (1-й инспекторъ артиллеріи).

№ 1. Маіору Пуарелю, начальнику артиллеріи въ Вильнѣ. Смоленскъ 10 ноября / 29 октября.

„Мы прибыли въ Смоленскъ, любезный маіоръ, въ коемъ нашли большое количество боевыхъ припасовъ, а потому нѣтъ надобности присылать еще въ этотъ пунктъ. Сохраните въ Вильнѣ все, что у Васъ имѣется. Напишите въ Ковно, чтобы этотъ пунктъ продолжалъ быть хорошо снабженнымъ. Изъ этихъ двухъ депо вы должны продолжать удовлетворять требованія 2, 9 и 10 корпусовъ; вамъ нѣтъ надобности присылать намъ еще оружія. Не присылайте намъ больше вина, насъ обременяетъ уже и то, которое мы нашли въ Смоленскѣ“.

Le G-al Lariboissière 1-er Inspecteur de l'Artillerie au Major Poirel Commandant l'art. à Vilna. Smolensk 10 Novembre.

Nous sommes arrivés à Smolensk, mon cher Major, nous y avons trouvé beaucoup de munitions, il est inutile d'en envoyer d'avantage sur ce point. Conservez à Vilna tout ce que vous avez. Ecrivez à Kovno p-r que ce point reste bien approvisionné. Vous devez continuer à fournir de ces deux depôts

---

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1907 г.

aux consommations des 8-me, 9-me et 10-me corps, vous n'avez pas besoin de nous envoyer des armes. Ne nous envoyez plus de vin, celui que nous avons trouvé à Smolensk nous embarasse.

Господинъ Бодюенъ мечтаетъ о зимнихъ квартирахъ:

№ 2. Бодюенъ генералу Марену.

„Въ случаѣ возстановленія королевства Польскаго, что очень вѣроятно, Смоленскъ будетъ составлять часть оборонительной линіи въ качествѣ важнаго пункта на Днѣпрѣ. А посему я полагаю, что наши зимнія квартиры будутъ недалеко отсюда".

M-r Bauduin au G-al Marin.

Si comme il est probable on organise le Royaume de Pologne Smolensk fera partie de la ligne de défense comme un point important sur le Boristène ou Nieper. En conséquence, je présume que notre quartier d'hyver ne sera pas très éloigné d'ici.

Жюно [1]) жалуется, что нѣтъ хорошаго вина.

№ 3. Письмо Жюно къ женѣ изъ Смоленска, 9-го ноября 1812 года.

„Съ самаго нашего отъѣзда я не спалъ и двухъ ночей въ домѣ, а все на бивакахъ, или у себя въ каретѣ, не ѣвши цѣлый день, до 9 или 10 часовъ вечера. Вчера я прибылъ сюда; теперь уже 5 часовъ вечера и до сихъ поръ не дождался еще ни одной изъ своихъ повозокъ. Къ счастью, я встрѣтилъ генерала Шарпантье, который принялъ меня къ себѣ, но у него неважныя вина и поваръ, потому ты можешь себѣ представить, что я не доволенъ подобнаго рода „гостиницей".

Завтра я снова отправлюсь въ путь и займу позицію за нѣсколько миль отсюда, но не знаю, долго ли на ней пробуду".

Lettre de Junot à sa femme en date de Smolensk, le 9 Novembre 1812.

Depuis notre départ je n'ai pas couché deux fois dans une maison, toujours au bivouac ou dans ma voiture, sans manger de toute la journée que le soir à 9 ou à 10 heures. Hier je suis arrivé ici et aujourd'hui il est cinq heures du soir et je n'ai encore aucune de mes voitures d'arrivées. Heureusement j'ai trouvé le G-al Charpentier qui m'a reçu chez lui mais il est mal monxé en vins et en cuisinier ainsi tu dois penser que je ne trouve pas l'auberge bonne.

Demains je repars et vais occuper une position à quelques lieux d'ici, je ne sais pas si j'y resterai longtems.

---

[1]) Жюно, герцогъ д'Абрантесъ (1771—1813) командовалъ 2 корпусомъ, но дѣйствія его были настолько неудовлетворительны, особенно въ сраженіи при Валутиной горѣ, что Наполеонъ удалилъ его изъ арміи, назначивъ правителемъ Иллиріи, гдѣ онъ сошелъ съ ума и, возвратившись во Францію, умеръ. *Н. З.*

Дюрокъ утѣшается тѣмъ, что при нихъ находится комическая труппа и сообщаетъ, что съ Смоленскомъ сдѣлано то же, что и съ Москвою.

№ 4. Дюрокъ оберъ-камергеру Монтескью.

„Какъ видите, всѣ наши приготовленія для зимовки въ Москвѣ оказались безполезными и что всѣ наши надежды на удовольствія и на зрѣлища пошли прахомъ, но не совсѣмъ, однако, ибо мы возимъ съ собою комическую труппу, и если она не застрянетъ гдѣ-нибудь по дорогѣ, то мы будемъ имѣть удовольствіе смотрѣть комедію тамъ, гдѣ будемъ стоять на зимнихъ квартирахъ. Мы совершенно не знаемъ, гдѣ это будетъ, все будетъ зависѣть отъ хода событій и отъ движеній непріятеля. Смоленскъ сохранился не лучше Москвы. Онъ выжженъ въ такой же степени, какъ и столица".

De Duroc à M-r de Montesquiou G-d Chambellain.

Vous voyez que tous nos préparatifs pour passer l'hiver à Moscou sont devenus inutiles et que toutes nos espérances de plaisirs et de spectacles se sont évanouies, mais cependant pas tout à fait entièrement, car nous charrions avec nous la troupe comique, et si elle ne reste pas sur le chemin nous pourrons nous donner le plaisir de la comédie là où nous passerons nos quartiérs d'hiver. Nous ignorons tout à fait où cela pourra être, cela dépend des évènements et des mouvements de l'ennemi. Smolensk n'est guères mieux conservé que Moscou, il est bien brulé dans la même proportion que l'a été la capitale.

А вотъ подлинный документъ, подтверждающій слова Дюрока, касающійся распоряженій Наполеона на случай оставленія Смоленска:

№ 5. Смоленскъ, $\frac{14}{2}$ ноября 1812 года, въ 7 часовъ утра.

„Князь Экмюльскій! Императору угодно, чтобы вы пришли на помощь къ герцогу Эльхингенскому въ дѣлѣ производимаго имъ арріергарднаго отступленія, такъ какъ вице-король вынужденъ отправиться завтра, 15-го, въ Красный; посему вы постараетесь занять или смѣнить посты, по вашему усмотрѣнію, и которые могутъ быть оставленными вице-королемъ. Его Величество желаетъ, чтобы вы отступили со своимъ армейскимъ корпусомъ и съ корпусомъ герцога Эльхингенскаго къ Красному. Произведя ваше движенье 16 или 17 числа, генералъ Шарпантье со своимъ гарнизономъ, состоящимъ изъ трехъ третьихъ польскихъ баталіоновъ и изъ одного кавалерійскаго полка, уйдетъ изъ города съ арріергардомъ. Передъ уходомъ вы распорядитесь взорвать башни стѣны, окружающей Смоленскъ, приказавъ зажечь уже приготовленныя мины; вы позаботитесь о томъ, чтобы были сожжены артиллерійскіе снаряды, зарядные ящики и все, чего нельзя будетъ увезти, между прочимъ и ружья; что же касается до орудій, которыхъ нельзя будетъ взять

съ собой, то велите артиллеристамъ спилить цапфы и закопать ихъ. Генералы Шаслу[1]) и Ларибосьеръ останутся здѣсь для наблюденія за выполненіемъ вышесказанныхъ распоряженій, каждый по своей части.

Вы позаботитесь, г-нъ маршалъ, о назначеніи патрулей для подбиранія всѣхъ отсталыхъ и примете мѣры къ тому, чтобы въ госпиталяхъ осталось возможно меньшее количество людей.

Прилагаю къ письму моему только-что продиктованную мнѣ Императоромъ инструкцію, касающуюся выполненія упомянутыхъ выше распоряженій. Вы будете руководиться этой инструкціей.

Князь Невшательскій, генералъ-маіоръ".

Подписано: Александръ.

Инструкція насчетъ способа выполненія распоряженій Императора.

„Герцогъ Эльхингенскій останется на своей позиціи весь сегодняшній день 14-го. Завтра, 15-го, онъ займетъ монастырскую гору, тетъ-де-понъ и предмѣстья. 16-го, въ 4 часа утра, когда все будетъ въ готовности, должны быть взорваны стѣны и сожжены боевые припасы. Князь Экмюльскій займетъ, въ ночь съ 15-го на 16-е, позицію за рвомъ, оставивъ въ Смоленскѣ только одну изъ своихъ дивизій, командованіе которою онъ можетъ поручить герцогу Эльхингенскому; 16-го на разсвѣтѣ послѣ того, какъ всѣ мины будутъ взорваны, герцогъ Эльхингенскій двинется къ Красному. Если непріятель не обнаружитъ большаго, чѣмъ до сихъ поръ, количества войскъ, и если не все будетъ еще въ готовности, герцогъ Эльхингенскій можетъ пробыть въ городѣ весь день 16-го, занимая тетъ-де-понъ и взорвать стѣны только 17-го числа, за два часа до разсвѣта.

Принцъ Экмюльскій, герцогъ Эльхингенскій, генералъ Ларибосьеръ, генералъ Шаслу, генералъ Гаксо и генералъ Шарпантье сговорятся относительно измѣненія и утвержденія настоящихъ распоряженій. Смоленскъ, $\frac{14}{2}$ ноября 1812 года.

Принцъ Невшательскій, генералъ-маіоръ„.

Подписано: Александръ.

Smolensk le 14 Novembre 1812. 7h. du m-in.

Monsieur le Prince d'Eckmühl, l'intention de l'Empereur est que vous souteniez le Duc d'Elchingen dans la retraite d'arrière garde qu'il fait, le Vice-Roi devant partir demain 15 pour se rendre à Krasnoï; vous verrez donc à faire occuper et relever les postes que vous jugerez convenables et que le Vice-Roi sera dans le cas d'évacuer. L'intention de Sa Majesté est que vous vous reployez avec votre corps d'armée et celui du Duc d'Elchingen sur Krasnoi

[1]) Начальникъ инженернаго корпуса.

en faisant votre mouvement le 16 ou le 17. Le G-al Charpentier avec sa garnison composée de trois troisièmes batallions Polonais et d'un régiment de Cavalerie quittera la ville avec l'arrière-garde. Avant de partir vous ferez sauter les tours de l'enceinte de Smolensk en faisant mettre le feu aux mines déjà préparées. Vous veillerez à ce qu'on fasse bruler les munitions d'artillerie, les caissons et tout ce qu'on ne pourra pas emmener ainsi que les fusils; mais quant aux canons que l'on ne pourra pas emporter l'artillerie fera scier les tourillons et on les fera enterrer. Les Gén-aux Chasseloup et Lariboisière resteront ici pour faire exécuter chacun en ce qui le concerne les dispositions ci-dessus.

Vous aurez soin, M-r le Maréchal, d'ordonner des patrouilles pour qu'il ne reste ici aucun trainard; vous prendrez des mesures pour ne laisser dans les hopitaux que le moins de monde possible.

Monsieur le Prince d'Eckmühl, je joins à ma lettre une instruction que l'Empereur vient de me dicter sur le mode d'exécution des dispositions ci-dessus. Vous vous conformerez à cette instruction. Le Prince de Neuchatel Major Général Signé Alexandre.

Instruction sur la manière d'exécuter les ordres de l'Empereur.

Le Duc d'Elchingen resterait dans sa position toute la journée d'aujourd'hui 14. Demain 15 il occuperait les hauteurs du couvent, la tête de pont, les faubourgs.—Le 16 à 4 h-s du matin, si tout était prêt, on ferait sauter les remparts, et brûler les munitions. Le P-ce d'Eckmühl aurais pris positión dans la nuit du 15 au 16 derrière le ravin, ne laissant à Smolensk, qu'une de ses divisions, qu'il pourrait placer sous les ordres du Duc d'Elchingen.

Le 16 à la pointe du jour, toutes les mines ayant sauté, le Duc d'Elchingen se mettrait en marche sur Krasnoï.

Si l'ennemi ne montrait pas une plus grande quantité de forces que jusqu'à cette heure, et que tout ne fut pas prêt, le Duc d'Elchingen pourrait rester toute la journée du 16 dans la ville, occupant la tête de pont, et ne faisant sauter les remparts que le 17 deux heures avant le jour.

Le Prince d'Eckmühl, le Duc d'Elchingen, le G-al Lariboissière, le G-al Chasseloup, le G-al Haxo et le G-al Charpentier s'entendront sur les changements et ratifications à faire aux présentes dispositions.

Smolensk le 14 Novembre 1812. Le Prince de Neuchatel Major Général. Signé: Alexandre.

VII. Разные документы.

Слѣдующія письма не имѣютъ какой-либо опредѣленной связи, но характеризуютъ главнымъ образомъ положеніе армій за періодъ отъ Полоцка (8 октября) до Чашниковъ (2-го ноября). Въ ожиданіи боя при Чашникахъ всѣ взоры французовъ были устремлены на только-что прибывшій на театръ войны корпусъ маршала Виктора (28 тысячъ), которому поручено было атаковать русскихъ. Между тѣмъ Наполеонъ изъ Смоленска далъ строжайшее приказаніе Виктору вторично перейти въ наступленіе и во что бы то ни стало оттѣснить Витгенштейна за Двину, чтобы обезпечить путь отступленія арміи. 30 октября Викторъ двинулся къ Лукомлѣ (близъ Чаш-

никовъ), 1-го ноября атаковалъ русскихъ, завязался кровопролитный бой, стоившій для обѣихъ армій больше 6 тысячъ человѣкъ. Однако Виктору не удалось отбросить Витгенштейна, но и послѣдній не могъ выполнить своей задачи—отрѣзать Виктора отъ главной арміи и открыть сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ на правомъ берегу Березины. Около этихъ событій группируются письма д'Альбиньяка, Гилье и самого маршала Виктора. Они свидѣтельствуютъ, сколь большія надежды возлагались на этотъ маневръ. *Н. З.*

№ 1. Письмо генерала д'Албиньякъ (d'Albignac), начальника главнаго штаба 6-го корпуса, герцогу Бассано, изъ Минска, отъ $\frac{13}{1}$ ноября.

„Вынужденный остановиться здѣсь на нѣсколько дней, я отправилъ письмо, адресованное Вашему Превосходительству герцогомъ Реджіо. Я буду имѣть честь дать ему отчетъ въ томъ, что мнѣ поручено было сказать ему на словахъ. Вашему Превосходительству извѣстно, что сегодня на непріятеля долженъ былъ напасть герцогъ де Беллюно [1]) въ Чашникахъ. Желательно, чтобы онъ (непріятель) былъ разбитъ. Императоръ приказалъ, чтобы дѣло это было упорнымъ. Долженъ сознаться Вашему Превосходительству, что герцогъ Беллюно, идущій на непріятеля по направленію къ Чашникамъ изъ Лукомля и открывающій свой лѣвый флангъ корпусу, находящемуся въ Лепелѣ, внушаетъ безпокойство, ибо если русскіе дебушируютъ изъ Лепеля, то они помѣшаютъ его движенію. Если же, напротивъ того, они заставятъ его завязать серьезный бой при Чашникахъ и атакуютъ его съ тылу, то это можетъ повести къ катастрофѣ".

Lettre du G-al d'Albignac Chef d'Etat Major du 6-me Corps au Duc de Bassano, de Minsk le 13 Novembre.

Forcé de m'arrêter ici quelques jours j'ai fait partir la lettre adressée à V. E. par M-r le M-al Duc de Reggio. J'aurai l'honneur de lui rendre compte de ce que j'avais été chargé de lui dire verbalement. V. E. sait que c'est aujourd'hui que l'ennemi a dû être attaqué à Tchatchnitki par le Duc de Bellune. Il est à désirer qu'il soit battu, l'Empereur a ordonné que l'affaire soit vigoureuse. Je dois avouer à V. E. que le M-al Duc de Bellune en marchant à l'ennemi sur Tschatchnitki de Lulkhoml et prêtant le flanc gauche au corps qui se trouve à Lepol donne de l'inquiétude car si les Russ se débouchent de Leppel, le voilà arrêté dans son mouvement. Si au contraire, ils le laissent engager dans une attaque sur Tschatchitki, et qu'ils tombent sur ses derrières, il peut en résulter des désastres.

№ 2. Гилье г-ну Пирону.

„Арміи Витгенштейна навѣрно придется раскаяться во всемъ томъ злѣ, которое она намъ причиняетъ. Императоръ идетъ къ ней

[1]) Маршалъ Викторъ.

на перерѣзъ съ 100.000 человѣкъ, а маршалы Викторъ и Сенъ-Сиръ тѣснятъ ее у насъ въ тылу, и я надѣюсь, что она вскорѣ будетъ уничтожена. А пока набѣги ея отрядовъ причиняютъ намъ всевозможный вредъ, а когда къ намъ приходятъ подкрѣпленія, казаки оказываются уже далеко. Все было взято въ Витебскѣ, генералъ-губернаторъ, комендантъ крѣпости, находившіяся тамъ наши орудія; одинъ изъ канонировъ далъ себя изрубить въ куски, прежде чѣмъ отдать свое орудіе въ руки непріятеля и сколь люди, отличающіеся такой отвагой, достойны сожалѣнія; смерть одного полковника и нѣсколькихъ офицеровъ изъ числа моихъ знакомыхъ, убитыхъ при той же оказіи, усугубляетъ печаль мою по поводу этого происшествія.

Меня предупредили, что непріятель въ Оршѣ, въ четырехъ миляхъ отсюда, и я немедленно уѣзжаю".

M-r Guillier à M-r Piron.

L'armée de Witgenstein aura sûrement à se repentir de tous les maux qu'elle nous cause, l'Fmpereur vient avec 100.000 hommes la couper, les maréchaux Victor et St.-Cyr, la tiennent en échec sur nos derrières et j'espère qu'elle ne tardera pas à être anéantie [1]), en attendant les incursions de ses détachements nous font tout le mal possible et quand il nous arrive des forces les Cosaques sont dejà bien loin. Tout a été pris à Witepsk, le Gen-al Gouverneur, le Commandant de place, les pièces de canon que nous y avions. Un des canoniers s'est fait hacher sur sa pièce avant de la laisser entre les mains de l'ennemi, et comme des gens de ce courage sont à regretter, un colonel et plusieurs officiers de ma connaissance ont été tués, ce qui augmente encore mes regrets sur l'évènement.

On me prévient que l'ennemi est à Orcha, à quatre lieues d'ici, je vais partir sur le champ.

№ 3. Письмо маршала Виктора герцогу Бассано изъ Череи, 9-го ноября 1812 года.

„Я получилъ письмо Вашего Превосходительства отъ 4-го сего мѣсяца, вмѣстѣ съ депешей генерала Брониковскаго, въ коей онъ увѣдомляетъ меня, что русская армія, дѣйствующая противъ князя Шварценберга, направляется на Слонимъ. Если это движеніе состоится, то Его Сіятельству необходимо будетъ поспѣшить движеніемъ въ тылъ или на лѣвый флангъ сей арміи, дабы тревожить ее, замедлять ея движеніе и даже атаковать ее, если представится удобный къ тому случай.

2-й и 9-й корпуса находятся между Березиною и Усвеею. Герцогъ де-Реджіо прибылъ и снова принялъ командованіе. Мы сговорились относительно того, что будетъ наиболѣе полезнымъ. Армія

---

[1]) Cette jactance aurait de quoi effrayer, si les résultats n'avaient été plus que rassurants. N-e des Editeurs.

графа Витгенштейна стоитъ противъ насъ въ Чашникахъ; говорятъ, что она состоитъ изъ 40 или 50 тысячъ человѣкъ. Увѣряютъ, что онъ отправилъ отрядъ на Минскъ; это пока сомнительно, потому что всѣ дороги свободны. У насъ было два авангардныхъ дѣла въ Лукомлѣ 6-го и 7-го сего мѣсяца, они были благопріятны для насъ. Непріятельская конница и пѣхота, явившіяся въ семъ пунктѣ, были опрокинуты. У нихъ оказались потери убитыми и взятыми въ плѣнъ".

Lettre du M-al Victor au Duc de Bassano en date de Tschéréia, le 9 Novembre 1812.

J'ai reçu la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire le 4 du courant. J'ai reçu en même tems une dépêche du M-r le G-al Bronikovsky qui m'annonçait très positivement que l'armée russe opposée à M-r le Prince de Schwarzenberg se dirige sur Slonim. Si ce mouvement a lieu M-r le Prince ne peut pas trop presser sa marche sur les derrières ou sur le flanc gauche de cette armée pour l'inquiéter, ralentir sa marche et même l'attaquer s'il en trouve une occasion favorable.

Les 2 et 9 corps sont entre la Beresina et la Ousweia. M-r le Duc de Reggio est arrivé et a repris son commandement. Nous nous concerterons pour faire le mieux possible. L'armée de M-r de Wittgenstein est devant nous à Tschachnitki; on la dit forte de 40 à 50.000 h. On prétend qu'il a fait un détachement sur Minsk, ce qui est encore douteux puis-que les routes sont libres.

Nous avons eu deux affaires d'avant-garde à Loukoml, le 6 et 7 de ce mois; elles nous ont été avantageuses; la cavalerie et l'infanterie ennemie qui s'étaient présentées sur ce point ont été culbutées. On leur a tué des hommes et fait des prisonniers.

Въ письмахъ Лелорна и Альфонса де-Верженна заключаются воспоминанія о болѣе раннихъ событіяхъ. Первый упоминаетъ о Вязьмѣ, а второй о Полоцкѣ.

№ 4. Письмо Лелорна герцогу Бассано.

„Со времени Славкова я не имѣлъ чести писать Вамъ. Императоръ провелъ тамъ весь день 4-го числа. Выѣхалъ же оттуда 5-го въ 5 часовъ утра съ тѣмъ, чтобы отправиться въ Дорогобужъ. 6-го Его Величество отправился въ Михайловку, гдѣ и провелъ ночь. 7-го Императоръ ночевалъ въ маленькомъ замкѣ на берегахъ Днѣпра, недалеко отъ станціи Пнево. Его Величество сѣлъ въ карету въ первый разъ, со времени выѣзда изъ Москвы. Снѣгъ, шедшій въ этотъ день, и сильный вѣтеръ дѣлали ѣзду верхомъ очень непріятной. 8-го ночевали на станціи Бередикино, противной маленькой деревушкѣ, гдѣ мы были нагромождены одинъ на другомъ. 9-го Императоръ прибылъ въ Смоленскъ въ часъ пополудни. Мы пробыли тамъ вчерашній день и остаемся и сегодня, а уѣдемъ, можетъ быть, завтра. Начиная съ 7-го числа походъ нашъ былъ очень труднымъ по причинѣ дурной погоды. Шелъ сильный снѣгъ и мо-

розъ, сопровождавшійся вѣтромъ, былъ все время отъ 4 до 8 градусовъ. Лошади истощены. Было сдѣлано все возможное для спасенія артиллеріи. Нѣкоторые обозы останутся позади. Это не важно, въ виду нашего теперешняго положенія. При тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы тогда находились, надо было спасать людей, лошадей и орудія. Въ этомъ мы успѣли и если только непріятель справедливъ, то онъ долженъ удивляться поспѣшности и порядку нашего движенія. Я сообщу вамъ подробности, когда буду имѣть счастіе бесѣдовать съ вами у васъ дома. Погода продолжаетъ быть холодной, хотя сегодня не болѣе 2 градусовъ. Генералъ Барагѐ д'Ильѐ [1]) случился очень кстати на дорогѣ въ Ельну, гдѣ ему удалось остановить наступательное движеніе отряда, подъ начальствомъ казацкаго офицера графа Орлова-Денисова, имѣющаго подъ начальствомъ 12 полковъ Донскихъ казаковъ, 2 полка регулярной конницы и можетъ быть одну пѣхотную дивизію. Милорадовичъ находится съ авангардомъ между Вязьмою и Дорогобужемъ. Платовъ преслѣдуетъ маршала Нея съ своими казаками и безпокоитъ его, не причиняя ему большого вреда. Неизвѣстно, навѣрное, гдѣ находится самъ главнокомандующій.

Генералъ Самсонъ попался въ плѣнъ съ 4 полками, близъ Дорогобужа".

Lettre de Lelorgne au Duc de Bassano.

Depuis *Slavkovo* je n'ai point eu l'honneur de vous écrire. L'Empereur y a passé la journée du 4. Il en est parti le 5 à 5 h. du matin pour aller à *Dorogobouge.*

Le 6. S. M. est allé à Mikhailovka où elle a passé la nuit.

Le 7 l'Empereur a été coucher dans un petit chateau sur les bords du Dnièpre près de la poste de *Pnevo.* S. M. a monté en voiture pour la première fois depuis Moscou. La neige que nous avons eu a jour là et le grand vent rendait le cheval fort incommode. Le 8 on a couché à la poste de *Beredikino* vilain petit trou, où nous étions entassés les uns sur les autres.

Le 9 l'Empereur est arrivé à Smolensk à une heure après midi. On y est resté hier; on y est encore aujourd'hui et peut-être en partira-t-on demain.

Depuis le 7 notre marche a été difficile à cause du mauvais tems. Il tombait beaucoup de neige et le froid, accompagné du vent, a été continuellement de 4 à 8 degrés. Les chevaux sont exténués. On a fait ce qu'il fallait faire pour sauver l'artillerie. Quelques bagages resteront en arrière. C'est de peu d'importance pour le moment où nous nous trouvons. Les hommes, les

---

[1]) Дивизіонный командиръ. При дальнѣйшемъ отступленіи часть его дивизіи принуждена была сдаться, что̀ повлекло на него гнѣвъ Наполеона. Удрученный немилостью Императора, онъ скончался въ декабрѣ того же года въ Берлинѣ.

chevaux et les canons, voilà ce qu'il fallait sauver dans la situation où nous étions. On y a réussi, et l'ennemi, s'il est juste, doit être surpris de la rapidité et du bon ordre de notre mouvement. Je vous en dirai les détails quand j'aurai le bonheur de pouvoir *causer avec vous chez Vous*. Le tems se maintient au froid, mais il n'y a pas aujourd'hui plus de 2°.

Le G-al Baraguay d'Hilliers s'est trouvé fort à propos sur le chemin d'Elnia pour arrêter la marche d'un corps détaché sous les ordres du Comte Cosaque Orloff-Denissoff qui commande 12 Reg-t du Don, 2 de Cavalerie régulière et peut-être une division d'infanterie. Miloradovitch est avec l'avant-garde entre Wiasma et Dorogobouge. Platoff poursuit le M-al Ney avec ses cosaques. Il le gêne sans lui faire grand mal. On ne sait pas bien où se trouve le G-al en Chef.

Le G-al Samson s'est laissé prendre avec 4 Reg-t près de Doregobouge.

№ 5. Отъ г-на Альфонса де-Верженнъ, адъютанта дивизіоннаго генерала Думера, къ г-ну Фридриху де-Верженнъ.

„Съ тѣхъ поръ, какъ я тебѣ не писалъ, любезный другъ, съ нами случилось столько непріятныхъ происшествій, что я считаю себя очень счастливымъ возможностью улучить нѣсколько минутъ спокойствія для увѣдомленія тебя объ оныхъ. Необходимо вернуться немного назадъ. Ты, вѣдь, знаешь, что 18-го октября мы были еще въ Полоцкѣ, съ нашимъ необходимымъ армейскимъ корпусомъ, состоящимъ изъ 20.000 человѣкъ; но непріятель, получившій нѣсколько времени тому назадъ подкрѣпленія, имѣлъ подъ ружьемъ 52.000 человѣкъ и съ этимъ подкрѣпленіемъ, гордый своимъ превосходствомъ, онъ изводилъ насъ безпрестанно. Наконецъ, 18-го октября, онъ рѣшилъ атаковать насъ и взять Полоцкъ обратно. Г-нъ маршалъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ оборонялся превосходно и держался въ теченіе 4-хъ дней съ упорствомъ, могущимъ считаться славнѣйшимъ подвигомъ французскаго оружія; но, въ концѣ концовъ, мы были вынуждены очистить городъ и покинули берега Двины, все время преслѣдуемые“.

M-r Alphonse de Vergennes Cap-ne aide de camp du G-al de D-n Doumère à M-r Fréderic de Vergennes.

Depuis que je ne t'ai écrit, mon cher ami, il nous est arrivé tant d'évènements désagréables que je suis trop heureux de jouir de quelques instants de tranquillité pour te mettre un peu au courant. Il faut que je remonte d'un peu haut. Tu sauras donc que le 18 Octobre nous étions encore à Polotsk avec notre petit corps d'armée, fort de 20.000 hommes; mais depuis quelque tems l'ennemi ayant reçu des renforts se trouvait avoir 52.000 hommes sous les armes, et avec ce renfort, fier de sa supériorité il nous chagrinait continuellement. Enfin le 18 Octobre il se décida à attaquer et à reprendre Polotsk. M-r le M-al Gouvien St. Cyr fit la plus belle défense et tint pendant quatre jours avec une rèsistance qui peut passer pour le plus beau fait d'armes de l'armée française, mais enfin nous fûmes obligés d'évacuer et nous quittâmes les bords de la Dwina poursuivis continuellement.

Сюда же принадлежатъ слѣдующія два донесенія Наполеону:

военнаго министра о наборѣ рекрутъ отъ $\frac{23 \text{ сентября}}{5 \text{ октября}}$ и министра полиціи отъ $\frac{1}{13}$ октября.

№ 6. Рапортъ военнаго министра отъ $\frac{23 \text{ сентября}}{5 \text{ октября}}$ 1812.

„Имѣю честь представить Вашему Величеству нѣсколько замѣчаній, съ которыми обратился ко мнѣ г. завѣдующій рекрутскимъ наборомъ касательно срока отправки 17.000 рекрутъ, наборъ коихъ предстоитъ въ нынѣшнемъ году для пополненія состава когортъ національной гвардіи 1-го всеобщаго народнаго ополченія.

Генералъ баронъ д'Астрель замѣчаетъ, что было бы желательно, чтобы время выступленія контингентовъ, предназначаемыхъ для когортъ, не было слишкомъ близкимъ къ сроку отправки рекрутъ, предназначаемыхъ для линейныхъ полковъ, для того, чтобы дать время соотвѣтствующимъ вѣдомствамъ на пополненіе состава ихъ контингентовъ, съ цѣлію избѣжать возможности зачисленія въ армію рекрутъ, которые согласно вынутому ими нумеру должны войти въ составъ когортъ.

Онъ присовокупляетъ, что такое замедленіе имѣло бы экономическое значеніе въ смыслѣ сбереженія расходовъ на жалованье, и что, кромѣ того, непополненіе когортъ не можетъ обусловить въ данный моментъ какихъ-либо неудобствъ вслѣдствіе того, что время года не даетъ непріятелю возможности предпринять что-либо противъ прибрежья. А потому онъ предлагаетъ отложить на 2 или 3 мѣсяца отправку 17.000 человѣкъ, предназначенныхъ для когортъ, назначивъ срокомъ для ихъ отправки 10 или 25 февраля 1813 года, съ тѣмъ, чтобы къ 15 или 20 марта они находились уже въ депо. Сія мѣра избавила бы, кромѣ того, сихъ молодыхъ людей отъ путешествія въ дурное время года.

Ожидаю по этому предмету распоряженій Вашего Величества.
Резолюція: „Одобрено". Славково, 3 ноября 1812 года".

Подписано: Наполеонъ.

Rapport du M-tre de la Guerre à l'Empereur et Roi en date de Paris du 5 Octobre 1812.

J'ai l'honneur de soumettre à V. M-té quelques observations que M-r le Directeur Général de la Conscription Militaire viant de m'adresser relativement à l'époque de départ des 17.000 conscrits qui doivent être levés cette année, pour completer les cohortes de la garde nationale du 1-er ban. Le G-al Baron d'Hastrel me marque qu'il serait à désirer que l'époque de départ des contingents pour les cohortes ne fut pas trop rapprochée de celle de départ des conscrits destinés pour la ligne, afin de donner aux Departements le tems de compléter leur contingent et d'éviter ainsi que des conscrits qui, d'après leur numéro de tirage, devront faire partie des cohortes ne fussent désignés pour compléter les cadres de l'armée.

Il ajoute, que ce retard aurait un avantage d'économie sous le rapport de la solde, et qu'il ne peut d'ailleurs résulter, en ce moment, aucun inconvénient de l'incomplet des cohortes, puisque la saison ne permet à l'ennemi, aucune tentative sur les côtes.

Il propose en conséquince, d'ajourner à deux ou trois mois le départ des 17.000 hommes destinés pour les cohortes et de fixer leur départ au 10 ou au 25 Février 1818 de manière à ce qu'ils soyent rendus du 15 au 20 Mars dans les dépôts. Cette mesure éviterait aussi à ces jeunes gens de voyager pendant la mauvaise saison.

Je demande à cet égard les ordres de V. M.

Décision: approuvé. Slawkovo le 3 Novembre 1812.

Signé Napoléon.

№ 7. Рапортъ министра полиціи, отъ 13/1 октября 1812 года.

„Я узналъ о взятіи въ Прагѣ подъ стражу г-на Грунера, бывшаго начальника полиціи въ Берлинѣ. Я зналъ, что онъ былъ оставленъ въ семъ городѣ г-номъ Штейномъ, ѣхавшимъ тогда въ Россію.

Г-нъ Штейнъ оставался долгое время въ Прагѣ для руководства интригами, клонившимися къ возбужденію умовъ и объединенію страстей нѣмцевъ противъ французской системы и власти Вашего Величества.

Разборъ бумагъ г-на Грунера и протоколы допросовъ его должны дать важныя свѣдѣнія о всѣхъ этихъ продѣлкахъ. Мнѣ кажется, что для пользы службы Вашего Величества было бы полезно познакомиться съ этими документами.

Имѣю честь предложить Вашему Величеству поручить министру иностранныхъ дѣлъ потребовать и сообщить мнѣ копіи протоколовъ допросовъ и результатовъ разбора бумагъ г-на Грунера.

Резолюція: „Отослано къ министру иностранныхъ дѣлъ“. Славково, 3 ноября 1812 года“. Подписано: Наполеонъ.

Rapport du Ministre de la Police à l'Empereur et Roi en date de Paris le 13 Octobre.

J'ai été informé de l'arrestation du S-r Grunert, ci-devant Directeur de la Police à Berlin, qui a eu lieu à Pragues. Je savais qu'il avait été laissé dans cette ville par le S-r de Stein, lors qu'il est passé en Russie.

Le S-r de Stein est resté longtems à Pragues pour y diriger le mouvement des intrigues tendantes, à exciter les esprits et rallier les passions des Allemands contre le système français et contre le Gouvernement de V. M.

L'examen des papiers du S-r Grunnert et ses interrogatoires doivent fournir des renseignements importants sur ces manoeuvres. Je pense qu'il serait utile pour le service de V. M, de connaitre ces documents.

J'ai l'honneur de proposer à V. M. de charger Son M-tre des relations extérieures de demander et de me communiquer les copies des interrogatoires et du résultat de l'examen des papiers du S-r Grunert.

Décision:

Renvoyé au M-tre des Relations Extérieures. Slawkovo le 3-me Novembre. 1812. Signé Napoléon.

Послѣдній документъ напоминаетъ намъ о попыткахъ порабощенныхъ Наполеономъ народовъ къ ниспроверженію его власти. Знаменитый прусскій реформаторъ начала XIX вѣка министръ иностранныхъ дѣлъ Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ фонъ-Штейнъ, отставленный Наполеономъ отъ службы (1808) за организацію общественныхъ силъ, выѣхалъ въ Россію, гдѣ въ 1812 году организовалъ нѣмецкій баталіонъ. Когда Пруссія въ 1812 году заключила союзъ съ Наполеономъ, Грунеръ, оставивъ постъ министра полиціи, отправился въ Прагу и оттуда руководилъ выполненіемъ плана, задуманнаго Штейномъ—организовать народное возстаніе въ Сѣверной Германіи. Уступая грозному требованію французовъ, австрійское правительство арестовало Грунера и продержало его цѣлый годъ въ заточеніи. Объ этомъ событіи и доноситъ французскій министръ полиціи Наполеону и этимъ рапортомъ заканчивается коллекція документовъ, отобранныхъ у французовъ во время бѣгства ихъ изъ Москвы.

Сообщилъ Н. Затворницкій.

„Кромѣ того“.

(Эпизодъ изъ царствованія Императора Александра II).

Въ 1869 году Государь Императоръ Александръ II прибылъ въ Москву въ началѣ августа и остановился въ Петровскомъ дворцѣ, въ Петровскомъ паркѣ.

Бывшій тогда московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Араповъ ежедневно наряжалъ соотвѣтствующее число полицейскихъ чиновъ, для соблюденія порядка; при чемъ, въ приказѣ по полиціи, въ графѣ о нарядахъ, значилось такъ:

„Къ Петровскому дворцу: приставъ N. N., квартальные надзиратели N. N...,“ а затѣмъ *„Кромѣ того“* [1]) переименовывался рядъ фамилій полицейскихъ чиновъ, что означало, что эти чины должны быть въ штатскомъ платьѣ и составлять какъ-бы тайную охрану Особы Государя. Къ ихъ обязанностямъ относилось неотлучно слѣдовать за Государемъ, въ качествѣ публики, слушать разговоры въ толпѣ и т. д.

Государь, обыкновенно, въ 8 часовъ выходилъ изъ дворца и, одинъ съ собакой, прогуливался по парку; при чемъ очень не любилъ, если его сопровождали полицейскіе чины или отгоняли случайно встрѣчающихся Его Величеству прохожихъ и гуляющихъ.

Гуляя, разъ, такимъ образомъ, по парку, Государь обратилъ вниманіе, что за нимъ неотступно идетъ какой-то штатскій. Государь свернулъ на боковую дорожку, штатскій за нимъ, и такъ продолжалось во все время прогулки.

Наконецъ, Государь, съ недовольнымъ видомъ, быстро повертывается назадъ и, подойдя къ штатскому, спрашиваетъ: „Что Вамъ угодно?“—„Ничего“—отвѣчалъ штатскій. „Такъ зачѣмъ Вы идете по моимъ слѣдамъ?“

— Я... *„кромѣ того“*, Ваше Величество“.

— „Что такое?“

— „Я, я, *„кромѣ того“*, повторяетъ штатскій дрожащимъ голосомъ.

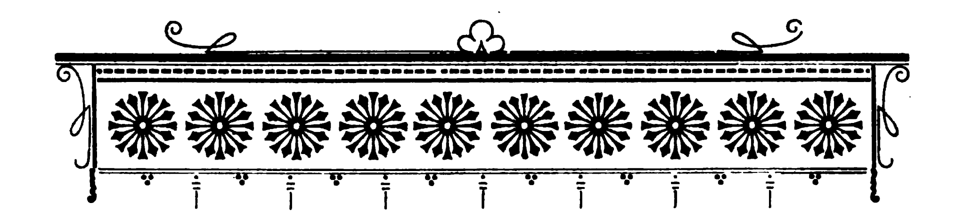
— „Уберите этого сумасшедшаго“—говоритъ Государь, обращаясь къ ближайшему городовому, и недовольный возвратился во дворецъ.

Когда Государю объяснили значеніе „кромѣ того“, то онъ очень смѣялся и повелѣлъ не взыскивать съ полицейскаго.

Сообщ. Е. Каменскій.

[1]) Это названіе обратилось въ нарицательное.—Вы куда назначены—справаетъ одинъ.—Я „кромѣ того“—отвѣчаетъ другой полицейскій. И это понятно имъ.

Къ финляндскому „вопросу“ [1].

Заключеніе по проекту основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго: „формы правленія“ и „сословныхъ привилегій“, выработанному особымъ учрежденнымъ, по Высочайшему повелѣнію 9/21 Марта 1885 г., комитетомъ въ г. Гельсингфорсѣ.

(Окончаніе).

Въ печатаемой заключительной части мнѣнія Э. В. Фриша обращаетъ на себя особенное вниманіе, какъ общій выводъ, такъ и особенно выясненіе значенія акта соединенія и охраненія 1789 г., какъ закона, *возстановившаго* въ Швеціи почти полное единовластіе Короля. Принявъ въ разсчетъ эти разъясненія, нельзя не придать особаго значенія и смысла Высочайшей резолюціи Императора Александра II-го, собственноручно положенной въ 1862 году: *„Съ этимъ заявленіемъ я не могу согласиться, ибо постановленіе 21 августа 1772 года отмѣнено позднѣйшимъ актомъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года. Слѣдовательно, сей послѣдній законъ одинъ теперь обязателенъ и долженъ служить руководствомъ впредь“.*

Отсюда видно, что, отвергая цѣликомъ примѣнимость шведской формы правленія 1772 г. и допуская лишь актъ соединенія и охраненія 1789 г., Императоръ Александръ II этимъ самымъ подчеркивалъ, какова истинная природа Верховной Власти Русскаго Императора въ Финляндіи.

Заключительныя соображенія Э. В. Фриша о порядкѣ законодательнаго разрѣшенія общегосударственныхъ вопросовъ были, какъ извѣстно, осуществлены въ манифестѣ и основныхъ положеніяхъ 3 февраля 1899 года. Теперь эти узаконенія пріостановлены въ своемъ дѣйствіи, въ виду измѣненій, послѣдовавшихъ въ законодательномъ строѣ самой Имперіи. Народилась Государственная Дума; Государственный Совѣтъ измѣнилъ свое значеніе и свой составъ. Поэтому естественно ожидать, что наступитъ чередъ установленія указаннаго порядка на новыхъ основаніяхъ—безъ чего финляндскій вопросъ будетъ продолжать оставаться въ неопредѣленномъ и запутанномъ положеніи.

Н. А. Т-нъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ 1907 г., ноябрь.

На той же ст. 37 формы правленія, а также на слѣдующей *ст. 38* комитетъ основываетъ право созыва земскихъ чиновъ на сеймъ, принадлежащее тому, кто уполномоченъ управлять страной вмѣсто Императора и Великаго Князя (ст. 62 проекта; ср. мотивы стр. 43, 52). Это положеніе также не подтверждается цитатами. Ст. 37 говоритъ о временномъ правительствѣ въ случаѣ болѣзни или дальняго путешествія Короля или смерти его и малолѣтства наслѣдника престола, а въ ст. 38 сказано, что никто, кромѣ Королевскаго Величества, не властенъ по какой бы то ни было причинѣ созывать государственные чины на общій риксдагъ, за исключеніемъ времени несовершеннолѣтія Короля, когда его опекуны (förmyndare) пользуются симъ правомъ, и, сверхъ того, если престолъ сдѣлается свободнымъ вслѣдствіе пресѣченія королевской династіи въ мужскомъ поколѣнія, государственные чины обязаны сами собраться въ Стокгольмъ для выбора Короля. Комитетъ, какъ замѣчено выше, примѣняетъ правила о замѣстительствѣ шведскаго Короля къ Финляндскому Сенату и указаніе ст. 37 и 38 формы правленія въ цитатахъ подъ ст. 62 проекта означаетъ, слѣдовательно, предоставленіе Сенату права созыва земскихъ чиновъ на сеймъ. На самомъ же дѣлѣ всѣ эти правила шведской формы правленія не могутъ имѣть никакого примѣненія къ Финляндіи со времени присоединенія ея къ Имперіи потому, что порядокъ назначенія временнаго правительства и опеки въ случаѣ несовершеннолѣтія Императора и Великаго Князя опредѣляется основными законами Имперіи (ст. 18—30), а порядокъ призыва земскихъ чиновъ на сеймъ сеймовымъ уставомъ 1869 г., согласно которому право этого призыва предоставлено Государю Императору, а не Сенату или какой-либо иной мѣстной власти (ст. 2 сейм. уст.).

Въ *ст. 39* формы правленія 1772 г. сказано: „государственные чины должны съ вѣрноподданностью сохранять всѣ королевскія права, какъ ихъ описываетъ законъ (lag) Швеціи, въ полной ихъ силѣ и могуществѣ совершенно ненарушимыми, и то, что такимъ образомъ принадлежитъ королевской власти, соблюдать, охранять и укрѣплять съ усердіемъ, раченіемъ и заботливостью, и посему ничего въ сихъ фундаментальныхъ законахъ не улучшать, не измѣнять, не прибавлять и не убавлять, безъ совѣта и согласія Короля, такъ чтобы никакое беззаконіе не было выше правильнаго закона и чтобы свободы подданныхъ, и права Короля не пренебрегались и не подавлялись, чтобы каждый могъ пользоваться своими законными правами и благопріобрѣтенными привилегіями; при чемъ всѣ другія постановленія, съ 1680 г. по настоящее время (т. е. до

21 августа 1772 г.) признававшіяся основными законами, симъ отмѣняются и отвергаются". Эта статья, несомнѣнно имѣвшаяся въ виду при начертаніи въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ вышеупомянутой надписи при утвержденіи сеймоваго устава 1869 г., есть одна изъ весьма немногихъ статей шведской формы правленія, оказывающаяся согласною съ дѣйствующими нынѣ законами Финляндіи. Слѣдуетъ замѣтить, что означенная статья не содержитъ въ себѣ ничего иного, кромѣ запрещенія сословіямъ или подданнымъ нарушать права Монарха и измѣнять въ чемъ-либо коренные законы безъ его воли и согласія, и съ этой цѣлью отмѣняетъ древніе основные законы шведскаго королевства. Комитетъ совершенно неумѣстно цитируетъ эту статью подъ ст. 63—65 своего проекта, коими пытается установить общимъ правиломъ, что изданіе или измѣненіе и отмѣна, равно какъ и поясненіе церковнаго уложенія, морского устава и другихъ перечисленныхъ въ ст. 63 проекта законовъ, а также всѣхъ вообще постановленій, состоявшихся при участіи сейма, не можетъ послѣдовать помимо земскихъ чиновъ. Но подобныхъ ограниченій въ статьѣ 39 не содержится. Въ ст. 93 проекта внесенъ комитетомъ сокращенный отрывокъ изъ статьи 39, но также съ вставкою, не оправданною въ цитатахъ, именно сказано: „земскіе чины Финляндіи должны со тщаніемъ и вѣрностью оставлять права Императора и Великаго Князя, каковы они суть по закону и сей формѣ правленія (т. е. по проекту), ненарушимыми и съ усердіемъ и раченіемъ охранять и укрѣплять".

Въ *ст. 40* формы правленія 1772 г. сказано: „Король не можетъ издавать какой-либо новый законъ (nylag) безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ или отмѣнять какой-либо старый". Эта статья, охранявшая права шведскаго риксдага (сейма), не можетъ имѣть примѣненія къ Финляндіи въ такомъ безусловномъ значеніи, какое придаютъ финляндцы. Не слѣдуетъ упускать изъ вида что со времени присоединенія Финляндіи къ Имперіи, Правительство пользовалось правомъ издавать, измѣнять и отмѣнять законы и постановленія безъ созыва сейма и что на изданныхъ такимъ образомъ, Высочайше утвержденныхъ узаконеніяхъ, уставахъ, учрежденіяхъ, манифестахъ, инструкціяхъ и указахъ основывается въ существенныхъ чертахъ настоящее устройство Великаго Княжества Финляндскаго. Сеймъ, созванный въ Борго въ 1809 г., кромѣ принесенія присяги на вѣрноподданство и заявленія мнѣній и ходатайствъ по разнымъ вопросамъ, ничего болѣе не сдѣлалъ, а съ того времени до 1863 г. сеймы вовсе не созывались; между тѣмъ въ это время изданы дѣйствующія и донынѣ учрежденія

Сената, генералъ-губернаторства, статсъ-секретаріата, главныхъ управленій разнаго рода, новыхъ гофгерихтовъ и прочихъ судебныхъ мѣстъ, законы межевые, финансовые, лѣсные и цѣлый рядъ законовъ гражданскихъ, уголовныхъ, судебныхъ и административныхъ,—законы, несомнѣнно примѣняемые на практикѣ, и ссылками на которые испещрены, между прочимъ, и новѣйшія изданія дѣйствующаго въ Финляндіи общаго уложенія 1734 г. Созваніе сеймовъ вновь съ 1863 г., какъ видно изъ Высочайшаго указа $^{6}/_{18}$ Іюня 1863 г., вызвано было желаніемъ Верховной власти получить, въ видахъ всесторонняго разрѣшенія Правительствомъ особенно важныхъ дѣлъ, содѣйствіе земскихъ чиновъ, состоящее въ спокойномъ и зрѣломъ обсужденіи предложенныхъ имъ дѣлъ. Съ изданіемъ сеймоваго устава 1869 года и закона $^{13}/_{25}$ Іюня 1886 г., предоставившаго сословіямъ право законодательнаго почина (инпціативы), изданіе, отмѣна и поясненіе законовъ не по всѣмъ предметамъ, а лишь относящимся къ законамъ основнымъ и привилегіямъ, какъ сіе точно выражено въ статьѣ 71 сеймоваго устава 1869 г., должно происходить при обязательномъ участіи сейма. Изложенныя въ мотивахъ къ проекту комитета ученыя разысканія по исторіи шведскаго конституціоннаго законодательства не могутъ колебать этого заключенія [1]). Если въ семъ отношеніи держаться иного взгляда, то логическимъ послѣдствіемъ онаго являлся бы выводъ о недѣйствительности учрежденій Сената и разныхъ другихъ установленій, равно какъ всѣхъ вообще законовъ, изданныхъ въ періодъ времени съ 1809 по 1863 г.г. Между тѣмъ и комитетъ не отрицаетъ, что и въ самой Швеціи ко времени Фридрихсгамскаго мира королевская власть не была лишена права издавать законы, хотя шведскія сословія издавна вели постоянную противъ этого права борьбу, увѣнчавшуюся особеннымъ успѣхомъ въ періодъ вольницы, открывшейся со вступленіемъ на престолъ Королевы Ульрики Елеоноры (1719 г.) и ея супруга Фридриха Гессенскаго (1720 г.). Исторія этого вопроса по сочиненію Наумана (швед. госуд. право, т. I) показываетъ между прочимъ, что уже въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія королевская власть развилась до степени самодержавія и заключала въ себѣ полное право законодательства по дѣламъ гражданскимъ, уголовнымъ, церковнымъ и административнымъ. Указы Карла XI 1680 и 1682 г.г. свидѣтель-

---

[1]) Вотъ, вѣроятно, почему въ нынѣшнемъ проектѣ всякія ученыя изысканія въ область давнопрошедшаго уже отсутствуютъ, а попросту закрѣплены тѣ притязанія, которыхъ въ Финляндіи давно уже привыкли держаться.

Т.

ствують, что онъ прямо называетъ себя самодержавнымъ Королемъ, которому всѣ обязаны повиноваться и который никому на землѣ не даетъ отвѣта въ своихъ дѣлахъ, но имѣетъ власть и державу по своему усмотрѣнію, яко христіанскій Государь, править и управлять своимъ государствомъ. Въ періодъ вольницы, продолжавшейся съ 1719 до 1772 гг., королевская власть была значительно ослаблена и хотя съ формою правленія 1772 г. начался поворотъ къ возстановленію правъ королевской власти, но и въ этомъ законѣ сохранились еще многіе слѣды прежней вольницы; статья 40 была однимъ изъ такихъ остатковъ предыдущаго періода. Рѣшительнымъ шагомъ къ упроченію и усиленію королевской власти былъ вызванный Аньяльскимъ въ Финляндіи заговоромъ актъ соединенія и охраненія 1789 г., предоставившій Королю быть кормчимъ и охранителемъ закона и правосудія и вести всѣ дѣла, касающіяся попеченія о государствѣ, тѣмъ порядкомъ, какой покажется ему наиполезнѣйшимъ (ст. 1). Объ этомъ актѣ историкъ шведскаго государственнаго права Христіанъ Науманъ замѣчаетъ, что Король былъ имъ облеченъ властью, почти граничившею съ единовластіемъ [1]); онъ имѣлъ право безъ выслушанія сословій начинать войну, постановлять, по своему благоусмотрѣнію, о должностяхъ государства и распоряжаться о веденіи прочихъ дѣлъ, касающихся попеченіи о государствѣ, тѣмъ порядкомъ, какой казался ему полезнѣйшимъ, при чемъ это послѣднее выраженіе имѣло въ виду прежде всего учрежденіе управленія и регламентацію коллегій или упраздненіе ихъ по желанію, но было столь неопредѣлительно и растяжимо, что оставляло мѣсто для всякаго толкованія на будущее время; на риксдагахъ не могли быть обсуждаемы никакія другія дѣла, кромѣ предложенныхъ Королемъ, такъ что право почина было отнято у сословій. Право созывать или не созывать риксдагъ принадлежало Королю безусловно до такой степени, что, по разъясненію Короля, даже назначеніе срока дѣйствія чрезвычайныхъ податей онъ считалъ вторженіемъ въ свое право созывать риксдагъ, когда ему заблагоразсудится. Пользуясь верховнымъ правомъ законодательства по всѣмъ дѣламъ государственнаго управленія, Король Густавъ III, безъ всякаго участія риксдага, упразднилъ государственный совѣтъ, преобразовалъ коллегіи, учредилъ высшій королевскій судъ или ревизію юстиціи, основалъ новое установленіе для подготовки ко всеподданнѣйшему докладу всѣхъ дѣлъ и вопросовъ, кои въ прежнее время производились въ государственномъ совѣтѣ въ экспедиціяхъ хозяйственной, камеральной, торговой, финансовой, а также дѣлъ

---

[1]) См. ниже разбора этого акта. *Т.*

духовныхъ, церковныхъ и т. п. Въ такомъ фазисѣ развитія Шведской королевской власти застало Финляндію покореніе ея Россіею и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія шведскаго государственнаго права невозможно сдѣлать тотъ выводъ, къ которому приходитъ комитетъ въ статьѣ 63 своего проекта. Комитетъ въ мотивахъ къ проекту едва-ли правильно пытается истолковать выраженіе „riksvärdande arender", „государственно-попечительныя дѣла" (отъ rike—государства и värd—попеченіе, värda—пещись), въ узкомъ смыслѣ дѣлъ экономическихъ или административныхъ (ср. швед. ф. правл. 1809 г. § 89 и швед. риксд. уст. 1810 г. § 34), при чемъ и самъ находитъ, что отдѣлить ясною чертою область этихъ законовъ, касающихся общественнаго хозяйства страны, отъ всѣхъ прочихъ законоположеній невозможно. За всѣмъ тѣмъ, основываясь на историческихъ изысканіяхъ и теоретическихъ умозрѣніяхъ, комитетъ считаетъ возможнымъ выставить въ своемъ проектѣ два начала: 1) что вообще, въ случаѣ сомнѣнія, никакого новаго закона, безъ согласія земскихъ чиновъ, не можетъ быть издано, и 2) что если какое-либо узаконеніе издано при участіи земскихъ чиновъ, то отмѣна или измѣненіе, равно какъ и поясненіе онаго не можетъ послѣдовать помимо земскихъ чиновъ. Но эти начала совершенно не вытекаютъ изъ законодательныхъ источниковъ, принятыхъ комитетомъ въ основаніе статьи 63 своего проекта.

По *статьѣ 41* формы правленія 1772 г. государственные чины не могутъ отмѣнять какой-либо старый законъ или новый законъ издавать безъ воли и согласія Короля. Комитетъ помѣстилъ эту статью лишь въ цитатахъ подъ статьей 63, но въ самый текстъ проекта не внесъ изъ нея ничего, вѣроятно потому, что правило, въ ней изложенное о томъ, что и земскіе чины Финляндіи не могутъ ни отмѣнять, ни издавать законовъ безъ согласія Верховной власти, само собою разумѣется.

Статья 42 формы правленія содержала въ себѣ два постановленія, изъ коихъ первое, касавшееся права законодательной инициативы сословій, отмѣнено было актомъ $\frac{\text{21 февраля}}{\text{3 апрѣля}}$ 1789 г. (ст. 6), а въ Финляндіи замѣнено новымъ закономъ $^{13}/_{25}$ Іюня 1886 г. (ст. 51 и 52 сейм. уст. въ 1886 г.); другое же о порядкѣ внесенія въ риксдагъ Королевскихъ предложеній, разсмотрѣнныхъ предварительно въ государственномъ совѣтѣ, отмѣнено за упраздненіемъ государственнаго совѣта Швеціи въ 1789 году, а въ Финляндіи замѣняется правилами сеймоваго устава (ст. 50 и 52 въ ред. 1886 г.). Комитетъ безъ всякихъ основаній приводитъ эту статью подъ статьею 63 своего проекта и на ней же пытается основать въ статьѣ 73 пра-

вило о сообщеніи сейму протоколовъ (неизвѣстно кого?) по дѣламъ, передаваемыхъ на обсужденіе земскихъ чиновъ.

Статья 43 формы правленія, предусматривая возникновеніе новаго законодательнаго вопроса при обсужденіи какого-либо законопроекта въ риксдагѣ, обращаетъ этотъ вопросъ къ тому же порядку инціативы и внесенія предложеній, какой опредѣленъ выше, въ статьѣ 42. Самостоятельнаго содержанія эта статья не имѣетъ и къ ней примѣняется то же, что замѣчено выше о статьѣ 42. Комитетъ приводитъ ее подъ статьями 63 и 64 проекта, которыя упоминаютъ о совершенно иныхъ предметахъ, о мотивахъ къ проекту; безъ всякаго основанія усматриваетъ въ этой статьѣ яко бы отмѣну на будущее время принадлежавшаго прежде Верховной власти права непосредственно издавать постановленія по такимъ дѣламъ, о которыхъ ранѣе не было сказано въ законѣ (мот. къ пр. ф. стр 86). Между тѣмъ въ Финляндіи статью 43 формы правленія слѣдуетъ считать замѣненною сеймовымъ уставомъ и дополнительнымъ къ нему закономъ $^{13}/_{25}$ Іюня 1886 г. [1])

По *статьѣ 44* формы правленія 1772 г., хотя чеканка монеты остается собственнымъ дѣломъ казны и ей принадлежащимъ правомъ, когда имѣется въ виду и предпринимается какое-либо повышеніе или пониженіе въ вѣсѣ и добротѣ (пробѣ монеты), чтобы такое измѣненіе не происходило безъ ихъ вѣдома и согласія. Первая часть этой статьи о томъ, что право чеканить монету принадлежитъ исключительно казнѣ, введена комитетомъ въ статью 66 проекта, хотя она могла бы быть основана и на законахъ Финляндіи. Изъ второй же части означенной статьи комитетъ выводитъ въ статьѣ 63 проекта правило о томъ, что земскіе чины Финляндіи имѣютъ право сообща съ Императоромъ издавать, измѣнять, отмѣнять и пояснять законъ о монетѣ страны, и что никакой законъ этого рода, въ изданіи котораго земскіе чины принимали участіе, не можетъ быть измѣняемъ, отмѣняемъ или поясняемъ иначе, какъ съ согласія земскихъ чиновъ. Это положеніе не находитъ, однако, себѣ подтвержденія въ дѣйствующихъ законахъ Финляндіи. Со времени присоединенія этого края къ Имперіи Верховная власть всегда признавала за собою право издавать законы о монетѣ для Финляндіи. На сеймѣ, бывшемъ въ Борго, затребовано было, между прочимъ, мнѣніе сословій и по вопросу о монетѣ, но никакого сеймоваго закона не состоялось. Затѣмъ Высочайшими манифестами 1809 г. Декабря $^{17}/_{29}$, 1840 Марта 28 (апр. 9) и 1860 Марта 23 (Апр. 4), безъ всякаго участія сейма, три раза была преобразована

---

1) Теперь сеймовый уставъ только-что переизданъ. *Т.*

вся денежная система Великаго Княжества, при чемъ первые два указа имѣли цѣлью введеніе въ Финляндіи русской монетной системы, а манифестомъ 1860 г. введена была особая марочная монета, вѣсъ и проба которой опредѣлены потомъ, также безъ участія сейма, уставомъ монетнаго двора Финляндіи 1 Марта 1865 г. (ст. 12 и слѣд.). Только позднѣйшій законъ о золотой монетѣ 9 августа 1877 г. изданъ былъ по предварительномъ обсужденіи проекта земскими чинами. Но въ этомъ законѣ, а именно въ статьѣ 12, выражено, что величина, чеканъ, подпись монетъ и прочее, что относится къ ихъ наружному виду, установляются особо. каковыя подробности и были опредѣлены безъ участія земскихъ чиновъ впослѣдствіи, согласно съ общими основаніями закона 9 Августа 1877 г., новымъ уставомъ монетнаго двора, Высочайше утвержденнымъ, по представленію Сената, 13 Ноября 1878 г. (§§ 9 и слѣд.). Такимъ образомъ заключеніе комитета не только не подтверждается дѣйствующими узаконеніями, но также не согласуется съ исторіей мѣстнаго финлядскаго по указанному предмету законодательства.

Въ *статьяхъ 45 и 46* формы правленія 1772 г. были изложены ограниченія королевской власти въ правѣ установленія податей и налоговъ; право это признавалось за нею лишь въ случаѣ оборонительной войны, когда государство подвергалось нападенію непріятелей (ст. 45); кромѣ того, для покрытія текущихъ расходовъ по государственному управленію въ томъ случаѣ, когда риксдагъ не установилъ бы предложенной правительствомъ чрезвычайной или добровольной подати, должно было оставаться при прежней подати (ст. 46). Эти ограниченія не были прямо отмѣнены и актомъ соединенія и охраненія 1789 г., хотя онъ предоставилъ Королю право начинать не только оборонительную, но и наступательную войну (ст. 1). Въ статьѣ 5 того же акта сказано было, что „такъ какъ истинная свобода состоитъ въ томъ, чтобы свободно давать на содержаніе государства, что найдено будетъ нужнымъ, то *шведскій народъ* имѣетъ неоспоримое право относительно сего съ Королемъ совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить соглашеніе“. По поводу употребленнаго въ этой статьѣ выраженія „шведскій народъ“ (а не риксдагъ) историкъ шведскаго государственнаго права Науманъ замѣчаетъ, что „въ актѣ не выражено, что помянутое въ статьѣ 5 право шведскаго народа должно было осуществляться сословіями, какъ представителями народа, такъ что это дѣло могло быть предоставлено какому-либо комитету или, какъ было въ древнія времена, составить предметъ занятій для провинціальнаго съѣзда, или же, какъ было сдѣлано прежде при Густавѣ

же III съ налогомъ на винокуреніе и спиртные напитки, могло быть передано на обсужденіе приходскихъ или общинныхъ собраній, и только внесенныя въ ту же статью слова „съ Королемъ“ даютъ возможность иного, кажется, болѣе правильнаго толкованія“ (Науманъ, т. I, 385). Съ другой стороны, какъ справедливо замѣчено въ мотивахъ комитета къ пр. ф. пр. (стр. 92), королевская власть въ Швеціи издавна пользовалась правомъ взимать таможенные и разные другіе ординарные доходы, налоги и пошлины, опредѣлять ихъ размѣръ и порядокъ взиманія собственными постановленіями, участіе же риксдага требовалось для установленія лишь чрезвычайныхъ или добровольныхъ податей. Такая чрезвычайная или добровольная подать, разъ установленная, обыкновенно повторялась изъ года въ годъ и съ теченіемъ времени обращалась въ ординарную постоянную подать; объ этихъ именно податяхъ и сказано было въ статьѣ 46 формы правленія 1772 г., что если риксдагъ не утвердитъ никакой новой добровольной подати, то слѣдуетъ оставаться при старой. Правило это совершенно понятное и вовсе не противорѣчитъ статьѣ 45 того же закона. Въ государственную роспись, составлявшуюся по образцу росписи 1696 г., вносились всѣ государственные доходы и расходы и она, въ цѣломъ ея видѣ, не подлежала разсмотрѣнію или утвержденію риксдага. Въ такомъ положеніи финансовой власти Королей застало Финляндію присоединеніе этого края къ Имперіи. Финляндскій сеймъ въ Борго 1809 г. не сдѣлалъ никакихъ по этому предмету постановленій и не заявилъ притязаній на прямое или косвенное вліяніе или участіе въ составленіи государственной росписи. Съ того времени Правительство всегда признавало за собою какъ право на составленіе и утвержденіе государственной росписи, такъ и право издавать, измѣнять и отмѣнять законы о податяхъ, налогахъ и пошлинахъ всякаго рода и регулировать все вообще хозяйство казны. Цѣлый рядъ Высочайшихъ указовъ по всѣмъ этимъ предметамъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго, подтверждаетъ изъясненное заключеніе. Порядокъ составленія государственной росписи хозяйственнымъ департаментомъ Сената (бывшаго Совѣта) и утвержденія Собственноручнымъ подписаніемъ Государя Императора за скрѣпою Министра Статсъ-Секретаря опредѣляется регламентомъ 6/18 Августа 1809 г. (ст. 42 гл. II), манифестомъ 17 Марта 1826 г. и инструкціею Стасъ-Секретаріату (отд. II, § 8). Затѣмъ Высочайшими указами, безъ всякаго участія сейма, опредѣлены были мантальные (а въ Выборгской губерніи подушные) и поземельные налоги и оброки, порядокъ ихъ исчисленія и взиманія, гербовый сборъ, таможенныя пошлины, питейный и разные другіе

сборы и доходы казны. Созваніе сеймовъ вновь съ 1863 г. и изданіе въ 1869 г. сеймоваго устава, если разсматривать дѣло съ точки зрѣнія закона и права, не измѣнили правъ Верховной власти въ отношеніи установленія и взиманія налоговъ. Правда, со времени созванія сейма въ 1863 г. проекты законовъ о налогахъ разнаго рода (кромѣ таможенныхъ пошлинъ, маячнаго сбора и нѣкоторыхъ другихъ доходовъ казны) обыкновенно вносились на предварительное обсужденіе земскихъ чиновъ. Такимъ образомъ изданы были, по выслушаніи заключеній земскихъ чиновъ, Высочайшія постановленія о личныхъ податяхъ, объ окладномъ оброкѣ съ поземельныхъ имѣній и о новыхъ оброкахъ въ Выборгской губерніи, о сборѣ на содержаніе судовъ, о гербовомъ сборѣ или временномъ гербовомъ налогѣ, о винокуреніи и продажѣ крѣпкихъ напитковъ, о временныхъ налогахъ на производство напитковъ изъ солода, на табакъ, на игральныя карты и на иностранцевъ; при чемъ замѣчается та особенность, что чрезвычайные налоги вотировались большею частію на срокъ отъ одного сейма до другого и получали характеръ и наименованіе временныхъ налоговъ. Но объясненная законодательная практика по установленію налоговъ сама по себѣ не даетъ еще твердыхъ основаній къ точному опредѣленію порядка обложенія налогами финляндскихъ обывателей. Во всякомъ случаѣ не можетъ быть признаваемъ безусловно правильнымъ выводъ, дѣлаемый комитетомъ, будто бы правительственная власть помимо сейма лишена права назначать и взимать налоги, такъ какъ ни въ одной статьѣ сеймоваго устава не выражено, чтобы всякія предложенія о налогахъ должны были обязательно поступать на разсмотрѣніе сейма. Въ исторіи финляндскихъ сеймовъ, при всей ея краткости, бывали уже случаи, что Правительство прямо устраняло участіе земскихъ чиновъ въ обсужденіи вопросовъ, касавшихся финансоваго управленія (наприм., Выс. ман. 1872 Дек. 4). Такимъ образомъ предположенія комитета, относительно установленія налоговъ (ст. 63 и 68—70 проекта), оказываются несогласными съ историческими основаніями и ходомъ развитія мѣстнаго финансоваго управленія Финляндіи.

По заключенію комитета *статья 47* формы правленія 1772 г. замѣнена сеймовымъ уставомъ, а *статья 48* помянутой формы объ условіяхъ объявленія войны была отмѣнена еще въ Швеціи актомъ соединенія и охраненіи 1789 года.

Статья 49 той же формы правленія говоритъ о передачѣ риксдагу протоколовъ по дѣламъ, которыя Королевское Величество обсуждалъ съ государственными чинами, и въ виду прямого указанія во введеніи къ сеймовому уставу 1869 г. на отмѣну „всѣхъ древ-

нихъ и новѣйшихъ законовъ, уставовъ и опредѣленій, изданныхъ касательно сеймовыхъ собраній земскихъ чиновъ", должна считаться замѣненною этимъ уставомъ, такъ что отъ усмотрѣнія Правительства зависитъ сообщать сейму тѣ или другія бумаги по дѣламъ, передаваемыхъ на его обсужденіе; съ другой стороны, сеймъ, по статьѣ 40 своего устава, можетъ, въ случаѣ надобности, просить о сообщеніи ему нужнымъ справокъ. Поэтому первая часть статьи 73 проекта, заимствованная изъ переработанныхъ комитетомъ статей 42 и 49 формы правленія 1772 г., не подтверждается этими статьями.

Статья 50 формы правленія 1772 г., по которой „состояніе государственныхъ финансовъ (stats verk.) показывается комиссіи государственныхъ чиновъ, дабы они могли освѣдомиться о томъ, что деньги употреблялись на пользу и благо государства", должна быть признана замѣненною сеймовымъ уставомъ 1869 г., именно статьею 27 онаго, по которой, „на каждомъ урочномъ сеймѣ, при открытіи онаго или же въ теченіе 14 дней послѣ того, имѣетъ быть сообщаемо земскимъ чинамъ о состояніи статскаго вѣдомства (т. е. вѣдомства казенныхъ финансовъ), дабы доставить имъ свѣдѣнія объ употребленіи доходовъ казны въ пользу и на благо края". Поэтому изъ статьи 50 формы правленія комитетъ могъ бы извлечь только совершенно излишнюю ссылку на сеймовый уставъ (ст. 71 проекта); но онъ проводитъ эту статью совершенно неумѣстно подъ статьей 69 проекта, гдѣ сказано, между прочимъ, что земскимъ чинамъ предоставляется будто бы исключительное право установлять срокъ для взиманія чрезвычайной подати или отказываться отъ таковыхъ податей, а также право установлять срокъ для взиманія чрезвычайной подати, опредѣлять цѣли, для коихъ она должна быть употребляема, и ставить другія условія касательно употребленія доходовъ казны.

Статья 51 формы правленія о наказаніи за оскорбленіе членовъ риксдага, какъ замѣчено и комитетомъ, должна считаться замѣненною правилами, изложенными въ статьѣ 9 сеймоваго устава.

Статью 52 формы правленія 1772 г. о порядкѣ пожалованія новыхъ привилегій комитетъ вводитъ въ статьи 63 и 65 своего проекта, но съ нѣкоторыми однако измѣненіями. По смыслу статьи 63 проекта Верховная власть не имѣетъ права издавать, измѣнять, отмѣнять и пояснять сословныя привилегіи и соотвѣтственно съ тѣмъ въ статьѣ 65 проекта комитетъ, излагая статью 52 формы правленія, прибавилъ къ ней такое правило, будто бы сіи привилегіи нельзя измѣнять или отмѣнять безъ согласія всѣхъ сословій. Эта прибавка едва-ли можетъ быть выведена изъ точнаго смысла

статьи 52 шведскаго источника, которая требуетъ согласія всѣхъ четырехъ сословій лишь въ случаѣ пожалованія новыхъ привилегій одному изъ сословій въ ущербъ другимъ сословіямъ. Общая ссылка на форму правленія, сдѣланная въ статьѣ 71 сеймоваго устава, не можетъ повидимому измѣнять смысла статьи 52. Слѣдуетъ замѣтить еще, что помянутая ссылка и по вопросу о порядкѣ пожалованія новыхъ привилегій можетъ возбуждать сомнѣнія, потому что статья 52 формы правленія 1772 г. и въ этомъ отношеніи можетъ быть разсматриваема какъ замѣненная статьями 1 и 7 акта соединенія и охраненія 1789 г., чему доказательствомъ служатъ упомянутыя въ подписи Короля на этомъ актѣ и пожалованныя имъ отъ своего имени, безъ участія риксдага, привилегіи городамъ и крестьянству.

Статья 54 о подтвержденіи привилегій, дарованныхъ до 1772 г. отдѣльнымъ шведскимъ городамъ, по замѣчанію комитета (мот. къ проект. прив., стр. 23), должна считаться замѣненною позднѣйшими узаконеніями, начиная съ королевской грамоты городамъ 23 Февраля 1789 г. Эта послѣдняя грамота, въ свою очередь, также должна быть признана отмѣненною или замѣненною дѣйствующими нынѣ въ Финляндіи узаконеніями о новомъ устройствѣ городского общиннаго управленія, объ отмѣнѣ разницы въ правахъ стапельныхъ и внутреннихъ городовъ, о промыслахъ въ городахъ и уѣздахъ, о представительствѣ городовъ на сеймѣ и разными другими, касающимися всѣхъ или нѣкоторыхъ городовъ Финляндіи, постановленіями.

Статья 55 формы правленія 1772 г., содержащая въ себѣ правило о банкѣ шведскихъ государственныхъ чиновъ [1]), проводится комитетомъ подъ статьею 74 проекта, указывающею на особый уставъ финляндскаго банка. Устройство и операціи сего банка и порядокъ надзора за ними опредѣляются особыми мѣстными законами; капиталъ этого банка есть собственность казны, а не сейма, и предоставленное постановленіемъ 9 Декабря 1867 г., земскимъ чинамъ право завѣдыванія и надзора не означаетъ передачи его фондовъ въ собственность земскихъ чиновъ; по статьѣ 1 устава банка 1878 г. онъ состоитъ лишь подъ гарантіею и въ вѣдѣніи земскихъ чиновъ. Примѣнять къ нему законы, изданные въ прошломъ столѣтіи для шведскаго банка и давно отмѣненные въ самой Швеціи, нѣтъ правильнаго основанія.

---

[1]) Въ современномъ проектѣ установленъ порядокъ надзора сейма за финансами, исключающій почти всякую возможность для Верховной власти самостоятельнаго распоряженія денежными средствами края, хотя-бы отчасти. *Т.*

Статья 57 формы правленія 1772 г. опредѣляетъ порядокъ поясненія этого основного шведскаго закона и должна быть признана непримѣнимою къ Великому Княжеству Финляндскому, такъ какъ порядокъ изданія, измѣненія, поясненія или отмѣны основныхъ законовъ въ Финляндіи опредѣляется статьею 71 сеймоваго устава 1869 года.

Заключительныя слова формы правленія 1772 г. свидѣтельствуютъ, до какой степени еще въ 1772 г. была слаба въ Швеціи королевская власть, только что пережившая въ то время періодъ сословной вольницы, питавшейся идеями древней выборной монархіи. Слова сіи слѣдуетъ считать отмѣненными актомъ соединенія и охраненія 1789 г., вслѣдствіе чего они не были повторены и въ шведской формѣ правленія 6 Іюня 1809 г. Въ особенности же не могутъ они имѣть никакого примѣненія къ Финляндіи, какъ не соотвѣтствующія тому положенію дѣлъ, которое возникло послѣ ея присоединенія къ Россіи. Этимъ несоотвѣтствіемъ объясняется пропускъ въ изданномъ въ 1824 г. оффиціальномъ русскомъ переводѣ шведскаго уложенія 1734 г. для Финляндіи § 8 главы IV отдѣла о преступленіяхъ, опредѣлявшаго наказаніе за стремленіе ввести неограниченное правленіе. Хотя впослѣдствіи въ шведскомъ изданіи уложенія, напечатанномъ въ 1856 г. въ Гельсингфорсѣ особою учрежденною, по Высочайшему повелѣнію, комиссіею, этотъ параграфъ снова возстановленъ и повторяется также въ частныхъ финляндскихъ изданіяхъ уложенія, но эти изданія, не получившія Высочайшаго одобренія или утвержденія, не могутъ имѣть по объясненному вопросу никакого значенія.

Комитетъ въ своемъ проектѣ также не рѣшился воспроизвести заключительныя слова шведской формы правленія 1772 г., а только приводитъ ихъ подъ статьей 93 въ подтвержденіе того, что проектъ его долженъ дѣйствовать, какъ непоколебимый основной законъ, и что только въ согласіи съ этимъ проектомъ народъ долженъ оказывать Верховной власти повиновеніе во всемъ, что исполнять приличествуетъ.

IV. Актъ соединенія и охраненія 21 Февраля и 3 Апрѣля 1789 г.

Наконецъ въ отношеніи послѣдняго шведскаго закона—акта соединенія и охраненія 1789 года, признаваемаго комитетомъ сохраняющимъ понынѣ свое значеніе, слѣдуетъ имѣть въ виду, что отдѣльныя статьи означеннаго закона приводятся комитетомъ подъ многими статьями его проекта новой формы правленія, но, какъ замѣчено выше, комитетъ недостаточно оцѣнилъ значеніе первой и главнѣйшей статьи этого акта, имѣвшаго цѣлью „дать основамъ правительства вновь крѣпость и силу“.

Статья 2 этого закона содержитъ въ себѣ ссылку на уложеніе 1734 г. и тѣмъ самымъ отмѣняетъ соотвѣтствующую ссылку формы правленія 1772 г. на королевскій отдѣлъ земскаго уложенія Христофера 1442 г. Эта статья означена въ цитатахъ подъ статьями 10, 11, 18, 24 и 26 проекта.

Статья 3, предоставляющая всѣмъ сословіямъ право владѣть землею и пріобрѣтать ее, съ сохраненіемъ при томъ исключительныхъ привилегій дворянъ, и устанавливающая принципъ неизмѣнности стародавняго свойства земель, должна быть признана замѣненною въ Финляндіи закономъ 2 Апрѣля 1864 г. Упомянутое въ послѣдней части этой статьи право на шкатовый выкупъ казенныхъ гейматовъ опредѣляется въ настоящее время законами, изданными объ этомъ предметѣ въ самой Финляндіи, примѣнительно къ шведскимъ постановленіямъ 19 Сентября 1723 года и 21 Февраля 1789 года.

Статья 4 о порядкѣ замѣщенія государственныхъ должностей въ Швеціи введена комитетомъ въ статью 44 проекта и означена сверхъ того въ цитатахъ подъ статьею 41 онаго, о каковыхъ статьяхъ упомянуто выше.

Статья 5, введенная въ статью 69 проекта, уже разсмотрѣна выше, въ связи съ статьями 45 и 46 формы правленія 1772 года.

Дальнѣйшія статьи акта 1789 г., имѣющія лишь значеніе историческое и замѣненныя въ Финляндіи мѣстными законами, не требуютъ особаго разсмотрѣнія.

Общій выводъ.

Вышеизложенное обозрѣніе шведскихъ законовъ прошлаго столѣтія, положенныхъ въ основаніе составленнаго временнымъ изъ чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго комитетомъ проекта свода основныхъ законовъ сего Княжества, приводитъ къ заключенію, что законы сіи не представляютъ достаточнаго законодательнаго матеріала для установленія тѣхъ положеній, которыя, на основаніи оныхъ, изложены въ проектѣ комитета. Недостаточностью помянутаго матеріала обусловливается и полное несоотвѣтствіе онаго выводамъ комитета, которые, большею частью,—какъ объяснено выше,—оказываются не вытекающими изъ тѣхъ источниковъ, изъ коихъ они заимствованы. Съ другой стороны комитетомъ не приняты въ руководство, при составленіи разсматриваемаго проекта, позднѣйшія, изданныя послѣ 1809 г., узаконенія, на которыхъ въ сущности зиждется существующее мѣстное управленіе Финляндіею, отличное отъ управленія прочими частями Имперіи. Упущеніе комитетомъ изъ виду означенныхъ узаконеній повело къ неточному исполненію имъ задачи, возложенной на него Высочайшимъ повелѣніемъ 9/21 Марта 1885 г. По буквальному смыслу сего повелѣнія комитету предстояло составить сводъ дѣйствующихъ узаконеній, относящихся къ государственному праву Финляндіи, съ указаніемъ также особо тѣхъ постановленій, которыя въ практикѣ права стали дѣйствовать взамѣнъ непримѣнимыхъ нынѣ или неполныхъ основныхъ законоположеній. Подъ сими послѣдними узаконеніями должны, внѣ всякаго сомнѣнія, разумѣться постановленія и правительственныя распоряженія, изданныя послѣ 1809 г., при начертаніи коихъ въ свое время были уже приняты въ должное соображеніе шведскіе законы и порядки, послужившіе уже такимъ образомъ основаніемъ къ установленію мѣстнаго управленія Финляндіею на особыхъ основаніяхъ,—конечно, настолько, насколько сіе представилось возможнымъ въ виду новаго послѣ 1809 г. положенія дѣлъ, возникшаго послѣ присоединенія названнаго края въ Россіи. Невключеніе упомянутыхъ постановленій въ сводъ объясняется комитетомъ тѣмъ, что къ нимъ будто бы не былъ примѣненъ порядокъ изданія законовъ, который долженъ, по заключенію комитета, быть соблюдаемъ въ Финляндіи въ соотвѣтствіе дѣйствовавшему въ семъ отношеніи порядку во времена шведскаго владычества въ семъ краѣ. Но это объясненіе не можетъ никоимъ образомъ заслуживать уваженія. Не останавливаясь на томъ, что порядокъ изданія законовъ въ Швеціи въ концѣ прошлаго столѣтія, какъ о семъ изъяснено

ниже, не опирался на какія-либо твердыя и неопровергаемыя правила, нельзя вообще согласиться съ взглядомъ комитета на возможность игнорированія законодательства за время болѣе полувѣкового существованія Финляндіи въ качествѣ части Россійскаго государства,—законодательства, которое обусловливалось, такъ сказать, новою жизнью этого края, возникшею для него послѣ присоединенія къ Россіи.

Съ устраненіемъ упомянутаго законодательства съ одной стороны и за недостаточностью шведскихъ законоположеній съ другой, неизбѣжно обнаружились пробѣлы въ законахъ, признаваемыхъ комитетомъ съ своей точки зрѣнія дѣйствующими. Эти пробѣлы, которые могутъ быть пополнены лишь изданными въ установленномъ порядкѣ узаконеніями, комитетъ считаетъ возможнымъ пополнить въ сводѣ выводами, основанными не на положительныхъ законахъ, а на болѣе или менѣе шаткихъ историческихъ изысканіяхъ и теоретическихъ умозрѣніяхъ, а также на „обычаѣ“ и „практикѣ“, при чемъ,—какъ объяснено выше,—нерѣдко относительно такихъ предметовъ, которые съ точностью опредѣляются уже узаконеніями, изданными послѣ 1809 г. Такимъ образомъ въ проектѣ комитета оказывается неотмѣченнымъ, что именно основывается на дѣйствующемъ законѣ и что составляетъ новое предполагаемое лишь правило, вслѣдствіе чего является смѣшеніе кодификаціи законовъ, въ смыслѣ соединенія во единое цѣлое изданныхъ, въ установленномъ порядкѣ, въ разное время дѣйствующихъ узаконеній, не требующихъ поэтому новой законодательной ихъ санкціи, съ проектированіемъ новыхъ законоположеній, подлежащихъ всестороннему разсмотрѣнію и засимъ утвержденію въ порядкѣ, для разсмотрѣнія законодательныхъ дѣлъ установленномъ. При такомъ смѣшеніи, представляющемъ крайнія затрудненія для различенія дѣйствующаго закона лишь кодифицированнаго отъ вновь проектируемаго, возможно утвержденіе какого-либо внесеннаго въ проектъ постановленія подъ видомъ дѣйствующаго уже закона, тогда какъ въ дѣйствительности оно никогда не было утверждено въ законодательномъ порядкѣ или не признавалось положительнымъ закономъ. Если принять засимъ во вниманіе, что проекту, составленному комитетомъ, предполагается усвоить значеніе закона основного, измѣненіе котораго можетъ послѣдовать, согласно статьѣ 71 сеймоваго устава 1869 г., лишь при участіи сейма, то нельзя не усмотрѣть необходимости соблюсти крайнюю осторожность при утвержденіи тѣхъ, либо другихъ положеній проекта.

Ближайшее засимъ съ указанной точки зрѣнія разсмотрѣніе проекта показываетъ, что многія постановленія онаго могли бы быть

выпущены, съ одной стороны, потому, что не составляютъ предмета мѣстнаго закона, дѣйствующаго исключительно въ Финляндіи, а съ другой—по той причинѣ, что не относятся къ разряду законовъ основныхъ. Прежде всего, подлежали бы исключенію изъ проекта всѣ положенія онаго, на основаніи которыхъ комитетъ пытается опредѣлить отношенія Великаго Княжества Финляндскаго къ Имперіи Россійской: сіи отношенія долженствуютъ быть опредѣляемы не въ мѣстномъ финлядскомъ законѣ, а въ общемъ законодательствѣ Имперіи, которое уже и содержитъ въ себѣ необходимыя по сему предмету постановленія. Такъ о нераздѣльности Престола Россійской Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго выражено въ статьѣ 4 Основныхъ Законовъ Имперіи; въ соотвѣтствіе сему въ манифестѣ Императора Александра I, 16 Августа 1826 г., о назначеніи Наслѣдникомъ Престола Государя Великаго Князя Николая Павловича было провозглашено: „государственныя сословія . . . немедленно принесутъ вѣрноподданническую преданность свою назначенному Нами наслѣдственному Императору единаго нераздѣльнаго Престола Всероссійскія Имперіи, Царства Польскаго и Княжества Финляндскаго". Равнымъ образомъ въ манифестахъ 19 Февраля 1855 г. и 1 Марта 1881 г. упоминается о вступленіи на Престолъ Россійской Имперіи „и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго". Затѣмъ въ тѣхъ же Законахъ Основныхъ съ точностью опредѣляются порядокъ наслѣдія Престола, а также постановленія: о совершеннолѣтіи Императора, о правительствѣ и опекѣ, о вступленіи на Престолъ и присягѣ подданства, о короновании, о титулѣ и гербѣ, о вѣрѣ, объ управленіи Имперіи на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Верховной власти исходящихъ, наконецъ о власти верховнаго управленія. Положенія сіи очевидно одинаковымъ образомъ относятся какъ къ Имперіи, такъ и къ Финляндіи, какъ нераздѣльной ея части [1]). На семъ основаніи касающіяся исчисленныхъ предметовъ статьи проекта формы правленія (какъ-то: 1—15, 25, 27, 28, 36, 41, 62 и др.) подлежатъ исключенію.

Далѣе постановленія проекта формы правленія относительно гофгерихтовъ и предсѣдателей присутственныхъ мѣстъ (ст. 30—32, 34 и 37), а также о служебныхъ должностяхъ (ст. 7, 8, 16, 33,

---

[1]) На сіе указано было и въ § 3 программы, Высочайше одобренной 7/19 Декабря 1864 года.

Программа эта, и вообще всѣ труды комиссіи ген.-л. Норденстама напечатаны въ приложеніи къ только что вышедшему труду ген. М. М. Бородулина „*Исторія Финляндіи. Время Императора Александра II*".

36—46) и различныхъ видахъ землевладѣнія (ст. 75—92) вовсе не составляютъ предметовъ, опредѣляемыхъ Законами Основными, и если бы признано было необходимымъ законы эти кодифицировать или подвергнуть новому пересмотру, то препятствій къ сему не могло бы встрѣтиться, при томъ, однако, условіи, чтобы постановленія по означеннымъ предметамъ были обсуждены въ связи съ относящимися къ нимъ подробными правилами, примѣняемыми нынѣ въ Финляндіи, и вошли не въ сводъ Законовъ Основныхъ, а въ подлежащіе уставы, обнимающіе всю совокупность законодательства по данному предмету; такъ, напр., правила о служебныхъ должностяхъ могли бы найти себѣ мѣсто въ уставѣ о службѣ, постановленія о различныхъ видахъ землевладѣнія—частью въ гражданскомъ кодексѣ, а частью въ положеніяхъ о податяхъ и налогахъ, наконецъ правила о гофгерихтахъ и предсѣдателяхъ присутственныхъ мѣстъ—въ учрежденіяхъ (регламентахъ) сихъ установленій.

Съ исключеніемъ изъ проекта упомянутыхъ постановленій, а также положеній, касающихся воинской повинности и составляющихъ буквальное повтореніе соотвѣтственныхъ статей устава о сей повинности 1878 г., въ предполагаемомъ сводѣ было бы полезно сосредоточить постановленія о Сенатѣ и прокурорѣ (ст. 18—22, 24—29 и 34), о статсъ-секретаріатѣ (ст. 17) и о генералъ-губернаторѣ (ст. 23), которыя, какъ объяснено выше, дѣйствуютъ на основаніи изданныхъ для нихъ Верховною властью узаконеній и инструкцій, безъ всякаго при томъ въ настоящее время соотношенія съ шведскими порядками прошлаго столѣтія—порядками, бывшими уже въ виду при изданіи означенныхъ постановленій и согласованными съ сими послѣдними настолько, насколько это представлялось возможнымъ и удобнымъ. Въ виду сего было бы наиболѣе правильнымъ и вполнѣ согласнымъ съ Высочайшимъ повелѣніемъ 1885 г. составить сводъ учрежденіямъ помянутыхъ установленій на точномъ основаніи изданныхъ для нихъ законоположеній, примѣняемыхъ въ настоящее время въ Финляндіи и являющихся такимъ образомъ „дѣйствующимъ закономъ“. Въ этотъ сводъ надлежало бы также включить и сеймовый уставъ 1869 г. Въ такомъ видѣ сводъ представлялъ бы собою собраніе мѣстныхъ дѣйствующихъ въ Финляндіи законовъ объ общемъ управленіи симъ краемъ.

Предположенный къ изданію сводъ быть можетъ представилось бы полезнымъ дополнить правилами о порядкѣ изданій и обнародованіи законовъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, который существеннымъ образомъ отличается отъ порядка, установленнаго по сему предмету Основными Законами Имперіи (ст. 49—79). Порядокъ, въ семъ отношеніи долженствующій быть соблюдаемымъ въ Финляндіи,

не опредѣляется, однако, положительными правилами [1]). Во время шведскаго владычества въ Финляндіи въ отношеніи порядка изданія узаконеній, имѣли значеніе постановленія двухъ законовъ: формы правленія 21 Августа 1772 г. и акта соединенія и охраненія 21 Февраля и 3 Апрѣля 1789 г. Эти законоположенія не были, однако, между собою согласованы. Такъ хотя въ статьѣ 40 формы правленія 1772 г. и было выражено, что никакой законъ не можетъ быть изданъ или отмѣненъ безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ, а въ статьѣ 44—что безъ ихъ согласія не можетъ быть произведено повышеніе или пониженіе въ пробѣ монеты, но постановленія сіи утратили практическое значеніе съ изданіемъ въ 1789 году акта охраненія и соединенія, въ статьѣ 1 котораго, между прочимъ, упомянуто, что дѣла, относящіяся къ попеченію о государствѣ, завѣдываются какъ Королю покажется наиполезнѣйшимъ, а въ статьѣ 6—что государственные чины не имѣютъ права заниматься никакими дѣлами, кромѣ тѣхъ, какія имъ предложены Королемъ. Засимъ другихъ, кромѣ приведенныхъ, шведскихъ узаконеній, которыя бы относились непосредственно къ разсматриваемому предмету, въ виду не имѣется. При такомъ положеніи законодательства въ вышеозначенный періодъ времени не представляется возможнымъ вывести какое-либо точное по сему предмету правило; изъ сопоставленія же упомянутыхъ законоположеній возможно придти и къ такому выводу, что въ послѣдній періодъ шведскаго владычества въ Финляндіи (съ 1789 г.—1809 г.) участіе земскихъ чиновъ въ разрѣшеніи законодательныхъ дѣлъ и вопросовъ зависѣло отъ Верховной власти. Съ присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи въ 1809 г., въ отношеніи порядка изданія законовъ, точно также не было установлено твердыхъ и опредѣлительныхъ правилъ и лишь въ позднѣйшее время, въ сеймовомъ уставѣ $^{3}/_{15}$ Апрѣля 1869 г., въ статьѣ 71 положительно выражено, что изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Императора и съ согласія всѣхъ сословій. Равнымъ образомъ и вопросы о привилегіяхъ сословныхъ, согласно той же статьѣ сеймоваго устава и статьѣ 52 формы правленія 1772 г., могутъ быть разрѣшаемы лишь при участіи земскихъ чиновъ. Наконецъ, въ статьѣ 52 сеймоваго устава въ новой ея редакціи по закону $^{13}/_{25}$ Іюня 1886 г. упоминается о такихъ „общихъ“ законахъ, установленіе, измѣненіе или отмѣна коихъ за-

---

[1]) Въ 1899 году, въ отношеніи законовъ общегосударственнаго значенія, это предложеніе Э. В. Фриша осуществлено было изданіемъ манифеста и основныхъ положеній 3 февраля, дѣйствіе которыхъ нынѣ пріостановлено.

Т.

висить отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя съ земскими чинами; но какіе именно законы здѣсь подразумѣваются, не выяснено ни въ законѣ 1886 г., ни въ позднѣйшихъ законоположеніяхъ. Такимъ образомъ при настоящемъ положеніи законодательства по разсматриваемому предмету, возможно придти къ несомнѣнному заключенію, что участіе земскихъ чиновъ Финляндіи въ изданіи законовъ представляется обязательнымъ только въ случаяхъ измѣненія или отмѣны основныхъ законовъ, а равно законовъ о привилегіяхъ. Засимъ вопросъ о томъ, какіе именно законы должны быть почитаемы основными или касающимися привилегій сословій, не имѣетъ твердыхъ къ его разрѣшенію основаній. Изъ числа изданныхъ для Финляндіи съ 1809 г. узаконеній лишь весьма немногіе законодательные акты признаны Верховною властью основными, а именно сеймовый уставъ 3/15 Апрѣля 1869 г. (ст. 88), нѣкоторыя положенія устава о воинской повинности, съ точностью перечисленныя въ особомъ манифестѣ отъ 6/18 Декабря 1878 г., и законъ 11 Ноября 1889 г. о правѣ финскихъ гражданъ, принадлежащихъ къ христіанской вѣрѣ не-евангелическо-лютеранскаго исповѣданія, занимать должности и служебныя мѣста въ Финляндіи. Въ виду сего на практикѣ нерѣдко возникаютъ сомнѣнія относительно дальнѣйшаго направленія тѣхъ либо другихъ законопроектовъ. Устраненіе такихъ сомнѣній сводится въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ разрѣшенію вопроса: не имѣетъ ли предположенное къ изданію узаконеніе характера закона основнаго, либо относящагося къ области законовъ о привилегіяхъ. Разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ должно зависѣть, за исключеніемъ случаевъ, касающихся вышеупомянутыхъ трехъ признанныхъ основными законовъ,—отъ усмотрѣнія Верховной власти, отъ которой также зависитъ, буде признается необходимымъ, въ особомъ законодательномъ актѣ, разъ навсегда опредѣлить, какіи именно узаконенія относятся къ разряду законовъ, требующихъ участія сейма, въ случаѣ ихъ измѣненія или отмѣны.

При опредѣленіи порядка изданія законовъ для Финляндіи надлежало бы установить также самую форму ихъ изданія въ смыслѣ сближенія оной съ формами, соблюдаемыми въ семъ отношеніи въ Имперіи [1]). Въ настоящее время, судя по формѣ изданія и обнародованія Высосочайше утверждаемыхъ Верховною властью постановленій для Финляндіи, возможно заключить, что законы издаются въ этомъ краѣ Финляндскимъ Сенатомъ Именемъ Императорскаго Ве-

---

[1]) Это и было сдѣлано въ 1902 году, но потомъ законъ этотъ оказался въ числѣ прочихъ отмѣненнымъ по силѣ манифеста 22 октября 1905 года. *Т.*

личества, при чемъ въ Сборникѣ Постановленій Финляндскихъ не проявляется съ достаточною наглядностью Высочайшая санкція закона, а лишь наглядно выставляются подписи Сенаторовъ Финляндскаго Сената, обсуждавшихъ обнародываемое узаконеніе. Казалось бы весьма полезнымъ установить для Финляндіи принятую въ Имперіи форму изданія законовъ, изъ которой съ ясностью усматривалось бы Монаршее утвержденіе закона Собственноручною подписью Императорскаго Величества, или Генералъ-Губернаторомъ, въ качествѣ предсѣдателя Сената, если законъ издается по представленію Сената и не требуетъ для его утвержденія Высочайшей подписи.

Нельзя также, при установленіи порядка изданія законовъ, не принять во вниманіе, что предпринимаемыя собственно для Финляндіи мѣропріятія нерѣдко касаются также и Имперіи и по тѣснымъ связямъ Великаго Княжества съ прочими частями Имперіи, имѣя близкое отношеніе къ обоимъ управленіямъ, требуютъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны соображенія. Этого рода дѣла, на основаніи ст. 27 учр. Ком. Мин. изд. 1886 г., должны поступать въ Комитетъ Министровъ, когда финляндскій генералъ - губернаторъ признаетъ сіе нужнымъ и когда по онымъ не требуется измѣненія дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній. Для тѣхъ же случаевъ, когда означенными мѣропріятіями вызывается измѣненіе или дополненіе финляндскихъ законовъ, въ дѣйствущемъ законодательствѣ не указанъ порядокъ дальнѣйшаго направленія сихъ дѣлъ. Казалось бы необходимымъ, въ согласность съ Основными Законами Имперіи, подвергать подобные законопроекты обсужденію и разрѣшенію въ порядкѣ, установленномъ для дѣлъ законодательныхъ, т. е. чрезъ Государственный Совѣтъ [1]) или же путемъ изданія Именныхъ за Собственноручнымъ подписаніемъ Императорскаго Величества указовъ, въ порядкѣ верховнаго управленія объявляемыхъ. Установленіе такого порядка не составляло бы вовсе нововведенія, а являлось бы обращеніемъ въ твердое и положительное правило порядка, который соблюдался на практикѣ. Такъ, напр., духовное вѣдомство всѣхъ православныхъ церквей греко-россійскаго вѣроисповѣданія въ Финляндіи подчинено Святѣйшему Синоду Именнымъ указомъ 11 Декабря 1811 г., воспослѣдовавшимъ въ порядкѣ верховнаго управленія, а правила о производствѣ дѣлъ по преступленіемъ, чинимымъ въ Финляндіи россійскими, а въ Россіи финляндскими обывателями, установлены закономъ 25 Марта 1825 г. состоявшимся

---

[1]) Это и былъ порядокъ, установленный позднѣе манифестомъ 3-го февраля 1899.

по предварительномъ обсужденіи сего дѣла Государственнымъ Совѣтомъ; равнымъ образомъ манифестъ 11 Декабря 1811 г., о подчиненіи прежней Финляндіи, послѣдовалъ согласно съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта.

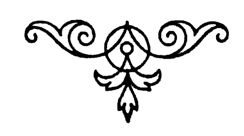
Что же касается, наконецъ, составленнаго комитетомъ проекта сословныхъ привилегій, то, какъ объяснено выше, большая часть правилъ этого проекта содержится уже въ подлежащихъ по соотвѣтственнымъ предметамъ законоположеніяхъ; эти послѣднія могли бы быть дополнены и прочими постановленіями проекта, которыя въ оныя не вошли. Засимъ едва-ли представляется необходимымъ составленіе особаго свода таковымъ привилегіямъ. Во всякомъ же случаѣ, если бы признано было необходимымъ издать отдѣльный по сему предмету сводъ, то въ проектѣ онаго должно быть съ ясностью отличено, чтó составляетъ дѣйствующій законъ и чтó—выводъ изъ древнихъ шведскихъ законовъ, съ тою главнѣйшею цѣлью, чтобы всѣ подобные выводы подвергались всестороннему обсужденію въ качествѣ новыхъ законопроектовъ, требующихъ законодательной санкціи.

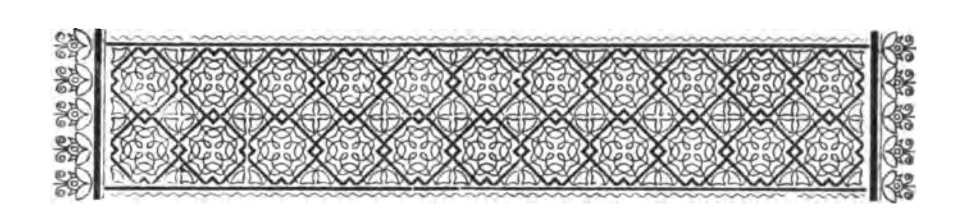
Въ заключеніе, на основаніи всего вышеизложеннаго, нельзя не придти къ общему выводу, что составленный комитетомъ проектъ какъ формы правленія, такъ и сословныхъ привилегій не отвѣчаетъ, въ настоящемъ видѣ, той цѣли, которая высочайше предуказана была повелѣніемъ 9/21 Марта 1885 г., и потому подлежалъ бы пересмотру на изъясненныхъ выше основаніяхъ.

Главноуправляющій Кодификаціоннымъ Отдѣломъ, Статсъ-Секретарь (подписалъ) *Эд. Фришъ.*

Сообщилъ Н. А. Т.

1 Августа 1890 г.

Изъ прошлаго [1]).

Въ Болгаріи.

XI.

Мнѣ приходилось уже не разъ указывать выше [2]) на то недоброжелательство, съ которымъ относилась Австрія къ росту и упроченію Болгаріи, и на ту интригу которую велъ, уже лично противъ меня, графъ Кевенгюллеръ. Опытная австрійская дипломатія, зная силу печати, отлично пользовалась ею для сѣянія смуты, извращая факты, или же, при невозможности этого сдѣлать, окрашивала ихъ въ нужный, по обстоятельствамъ минуты, цвѣтъ. Могу привести здѣсь наглядный образчикъ, который можно провѣрить по документамъ.

Въ концѣ телеграммы полковника Шепелева отъ 26 ноября графу Д. А. Милютину [3]) сказано буквально: „Камера заявила, что недовѣріе къ министерству не касается Паренсова". Телеграмма эта хранится въ дѣлахъ Военно-ученаго архива главнаго штаба, отд. С. № 313, и слѣдовательно, недовѣряющій моему разсказу о депутаціи ко мнѣ членовъ народнаго собранія и о довѣріи, ими мнѣ высказанномъ, долженъ будетъ повѣрить оффиціальному документу. А вотъ, что писала австрійская „Politische Correspondenz", въ телеграммѣ изъ Софіи, отъ 15 ноября: „Князь Александръ отказался пока принять отвѣтный адресъ Скупщины на тронную рѣчь, который заключаетъ въ себѣ выраженіе рѣшительнаго недовѣрія къ министерству, *въ томъ числѣ и къ военному министру*" [4]). Телеграмма эта была передана въ Петербургъ нашимъ „международнымъ теле-

[1]) См. „Русская Старина", 1907 г., іюнь.

[2]) Гл. VI, VIII и X.

[3]) Гл. X.

[4]) Курсивъ мой. *П. П.*

графнымъ агентствомъ“ и напечатана въ „Новомъ Времени“, 17 ноября 1879 года, № 1337 и въ „Голосѣ“, отъ того же числа, № 318. Фраза обо мнѣ Софійскаго корреспондента большой австрійской газеты, своей редакціей, настолько подчеркнута, что на нее нельзя не обратить вниманія и, слѣдовательно, сдѣлать выводъ, неблагопріятный для болгарскаго народнаго собранія, не щадящаго Россіи, „неблагодарнаго“ къ державѣ-освободительницѣ, а также неблагопріятный для русскаго генерала, стоящаго во главѣ болгарскаго войска, очевидно, не умѣющаго управлять имъ и заслужившаго неодобреніе собранія.

Телеграммы изъ Софіи въ Вѣнскія газеты и особенно въ „Politische Correspondenz“ проходили черезъ горнило австрійскаго генеральнаго консульства въ Болгаріи. Читателю, освѣдомленному, въ телеграммахъ этихъ всегда видна печать австрійской дипломатіи. Искусное смѣшеніе дѣйствительнаго съ выдуманнымъ придавало изложенію событій характеръ правдоподобности, а ведомое систематично въ одномъ и томъ же направленіи созидало цѣлую послѣдовательную, однотонную картину. То же русское „международное телеграфное агентство“ сообщило въ русскія газеты, почерпнутую, также изъ „Politische Correspondenz“, слѣдующую телеграмму отъ 23 декабря 1879 года:

„Болгары начинаютъ сердиться на то, что на разныя министерскія должности поступило, и при томъ съ значительнымъ содержаніемъ, такъ много иностранцевъ. Военное министерство поглощаетъ, въ дѣйствительности, большую часть доходовъ страны и само оказывается вынужденнымъ сократить армію, чтобы имѣть возможность платить жалованье значительному числу своихъ чиновниковъ. Бывшій военный министръ Золотаревъ, съ помощью только трехъ лицъ, успѣлъ осуществить реорганизацію арміи. Говорятъ, что князь созоветъ большое національное собраніе для измѣненія конституціи. Съ другой стороны утверждаютъ, что князь намѣренъ, ѣдучи въ Петербургъ, прислать оттуда отреченіе свое отъ трона, если нѣкоторыя постановленія конституціи не будутъ подвергнуты пересмотру“.

Въ этой телеграммѣ истина съ вымысломъ переплетены на каждомъ шагу. Иностранцемъ, занимавшимъ „министерскую“ должность, былъ только одинъ—я. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ были два русскихъ: въ первомъ—г. Рогге, во-второмъ г. Каченовскій; они были въ родѣ консультантовъ, и не только министрами, но даже „товарищами“ министра не назывались. Военное министерство, при мнѣ, не только не оказывалось вынужденнымъ сокращать армію, но, какъ выше указано, увеличило ее со-

зданіемъ пограничнаго батальона, сильнаго состава, вызывавшаго, въ то время, общее удовольствіе населенія. При г. Золотаревѣ, кромѣ „военнаго министерства“ съ его чинами, существовалъ еще „Штабъ Болгарскаго Земскаго войска“, съ начальникомъ штаба полковникомъ Липранди, чинами этого штаба и начальникомъ войска, генераломъ Шелейховскимъ, которые, съ уходомъ русскихъ войскъ изъ Болгаріи, тоже ушли, должности ихъ упразднены, а вотъ я, въ дѣйствительности, остался съ „помощью“ не „трехъ“, а только „двухъ“ лицъ, капитановъ генеральнаго штаба Соловьева и Ясенскаго, которые со мною и составили все „военное министерство“, управленіе и командованіе арміей. Кажется, понятно, что вести дѣло въ такомъ составѣ было немыслимо, хотя бы уже потому одному, что когда капитанъ Соловьевъ заболѣлъ и уѣхалъ въ отпускъ, то я остался съ однимъ офицеромъ—помощникомъ по всему министерству.

О созывѣ Великаго народнаго собранія, дѣйствіи вполнѣ законномъ, но также вполнѣ несвоевременномъ, и въ поминѣ не было, а на счетъ угрозы отреченія при неисполненіи предъявленныхъ княземъ требованій, то это дѣйствительно было, и при томъ не только было хорошо извѣстно австрійскому консульству въ Софіи, но, по всей вѣроятности, въ немъ же было сфабриковано. О семъ будетъ подробно сказано въ своемъ мѣстѣ, ниже.

Вообще, къ корреспонденціямъ „съ мѣста“ приходится относиться весьма осторожно. И въ нашихъ газетахъ того времени, „собственные корреспонденты“, даже хорошо освѣдомленные, сообщали свѣдѣнія, окрашивая ихъ по личному ихъ усмотрѣнію. При этомъ даже самыя добросовѣстныя изъ нихъ, какъ, напр., корреспонденціи почтеннаго дѣятеля войны за освобожденіе Болгаріи, лично мнѣ извѣстнаго и глубокоуважаемаго г. В. Р., помѣщенныя въ „Новомъ Времени“ 1880 г. №№ 1372, 1381 и т. д., безусловно односторонни.

Къ этимъ корреспонденціямъ я еще возвращусь позже; теперь же закончу упоминаніемъ объ одной изъ нихъ, въ „Нов. Вр.“ 16 декабря 1879 г.—„Въ дебряхъ болгарской политики“, г. С. Корреспонденція написана въ видѣ разговора двухъ лицъ, на желѣзной дорогѣ. Разсуждая объ упомянутомъ мною выше отвѣтномъ адресѣ народнаго собранія князю, г. С., возражая своему собесѣднику, говоритъ: „....вы ставите въ укоръ собранію редакцію его постановленія о ежегодномъ выраженіи благодарности и ищете, по этому случаю, въ текстѣ адреса, какихъ-то затаенныхъ политическихъ замысловъ. Между тѣмъ дѣло можетъ быть объяснено простой психической причиной. Каждый разъ, когда среди болгаръ заходитъ рѣчь о признательности къ Россіи и произносится имя

царя Александра, они до того отдаются влеченію своего сердца, что забываютъ все и думаютъ только объ томъ, какъ бы задушевнѣе, сильнѣе и крѣпче заявить безграничное умиленіе и восторгъ тому, кому они обязаны своимъ, безпримѣрнымъ въ исторіи, освобожденіемъ. Согласитесь, что въ такія минуты трудно отъ простосердечнаго народа требовать соблюденія шаблонныхъ формальностей и іерархическихъ тонкостей“.

Я нахожу, и смѣю считать мое мнѣніе, вынесенное изъ опыта, вѣрнымъ, что въ приведенныхъ словахъ г. С. слышна безусловная правда. Я поражался слѣпотѣ и отсутствію государственной мудрости у князя Александра, отринувшаго, и при томъ въ весьма настойчивой и рѣзкой формѣ, включеніе этого обстоятельства въ одну изъ двухъ причинъ отклоненія адреса. Я тогда же думалъ, что князю Александру, еще ничѣмъ въ Болгаріи себя не заявившему, державшемуся *исключительно* тѣмъ, что онъ ставленникъ русскій, „момче“ царя Александра, слѣдовало не только ухватиться за это предложеніе собранія, но узнавъ о немъ, еще до поднесенія адреса, пойти навстрѣчу желанію депутатовъ. Вѣдь какъ ни какъ, а это выраженіе чувствъ представителей народа надо было разсматривать какъ знаменованіе духовныхъ узъ, существовавшихъ между двумя братскими народами, единоплеменными и единовѣрными, одно изъ проявленій солидарности славянскаго племени. Обиды или униженія князю, умаленія его величія тутъ не было, такъ какъ благодарность была обращена къ высокой личности Царя-Освободителя, дяди князя, его выдвинувшаго и его поставившаго на княженіе. Я и тогда думалъ, и теперь думаю, что, ставъ во главѣ подобнаго движенія, князь уже однимъ этимъ сдѣлалъ бы большой шагъ себѣ на пользу; это было бы однимъ изъ „столбовъ угла“ созидавшагося и нужнаго ему зданія популярности среди болгаръ.—Я понимаю, что князь, по рожденію своему, полу-нѣмецъ, полу-полякъ, воспитанія германскаго, не могъ *чувствовать* того, что чувствовали: болгарскій народъ, Шепелевъ, я и многіе другіе, но желая „управлять“—онъ долженъ былъ это *понять*, а не брезговать выраженіемъ народнаго чувства. Это была бы „мудрая“ политика, правильно очерченная Шепелевымъ въ его телеграммѣ отъ 26 ноября: „Князю нужно стать сперва популярнымъ, а затѣмъ уже думать о переворотѣ“. Я сказалъ выше, что „чувства“ не было, а теперь скажу: и „пониманія“ не было.—Первое естественно, а потому простительно; это болгарамъ надо было имѣть въ виду и съ этимъ мириться; второе же было непростительно, и хотя князь, вопреки изложенной выше мысли Шепелева, сдѣлалъ переворотъ 1881 г., не дождавшись популярности, но зато и

конецъ былъ, понятно, княземъ нежеланный: конецъ жизни въ Грацѣ, на службѣ въ австрійской кавалеріи. Я конечно не допускаю ни на минуту мысли, чтобы нашъ представитель А. П. Давыдовъ могъ участвовать въ преніяхъ, происходившихъ во дворцѣ, по поводу этого мѣста адреса; полагать надо, что и разговоры объ этомъ происходили не при немъ; но что гр. Кевенгюллеръ, прямо или косвенно, въ нихъ участвовалъ—это несомнѣнно. Замѣчательно, что оба пункта, по которымъ адресъ былъ отклоненъ, были вопросами личнаго тщеславія; одинъ о титулѣ, другой о выраженіи благодарности русскому государю. За ширмами этого плачевнаго дѣянія несомнѣнно видна была рука, враждебная Болгаріи, славянству и Россіи, замаскированная расположеніемъ къ князю, якобы блюстительница его „царственныхъ“ прерогативъ и интересовъ, а въ дѣйствительности преслѣдовавшая совсѣмъ другія цѣли, при достиженіи которыхъ, стремленіе ослѣпленннаго князя къ гибели, а затѣмъ и дѣйствительно состоявшаяся впослѣдствіи его гибель—не болѣе какъ шахматный ходъ игры, въ которой не князь былъ угрожаемымъ королемъ [1]).

Справедливость заставляетъ меня при этомъ сдѣлать относительно князя оговорку: ему было 21—22 года и при немъ не было „довѣреннаго совѣтника“. Самый достойный изъ приближенныхъ князю лицъ, полковникъ Шепелевъ, характеристику котораго я сдѣлалъ выше [2]), ни любовью, ни довѣріемъ князя не пользовался; князь его побаивался и только исходя изъ этого, иногда его слушалъ.

24-го ноября, вечеромъ, получилъ я записочку отъ князя, которая хранится у меня въ подлинникѣ, слѣдующаго содержанія:

Mon cher Ministre.

Vu que je viens de dissoudre la chambre, je Vous prie de prendre des mesures *secretes* [3]) pour que l'ordre public ne soit pas déraugé.

Votre Aléxandre [4]).

(Мой дорогой министръ.

Въ виду того, что я распустилъ палату, прошу васъ принять *секретныя* мѣры, чтобы общественный порядокъ не былъ нарушенъ.

Вашъ Александръ).

---

[1]) Роль Кевенгюллера очерчена мною въ главѣ IV-й. (Стр. 91-ая отдѣльнаго изданія, въ выноскѣ).

[2]) Стр. 70.

[3]) Курсивъ подлинника.

[4]) Письмо это, въ отдѣльномъ изданіи будетъ помѣщено facsimile.

Хотя я и зналъ, что проектъ распущенія существуетъ, но я все же надѣялся, что благоразуміе, совѣты Шепелева, извѣстное князю несочувствіе Петербурга къ крутымъ мѣрамъ—повліяютъ и приведутъ князя къ рѣшенію составить кабинетъ изъ оппозиціи. Письмо князя произвело на меня удручающее впечатлѣніе: я увидѣлъ начало конца.... Вмѣстѣ съ тѣмъ я понялъ, что и мои дни въ Болгаріи сочтены, такъ какъ твердо помнилъ слова князя, сказанныя мнѣ по поводу его желанія вызвать въ болгарскую армію нѣмецкихъ офицеровъ: „я вызову этихъ офицеровъ по окончаніи теперешней сессіи, а къ будущему октябрю (время созыва палаты), надѣюсь, что Собранія не будетъ; я твердо рѣшился остаться въ Болгаріи только подъ условіемъ коренныхъ измѣненій въ конституціи" [1]).

Хотя письмо князя было помѣчено 24-мъ числомъ, но опубликованіе роспуска произошло позже, кажется 27-го, что и дало возможность полковнику Шепелеву послать еще одну телеграмму гр. Милютину отъ 26 ноября, помѣщенную выше.

Въ Софіи „общественный" порядокъ нарушенъ не былъ, но по всей странѣ поднялась сильнѣйшая агитація въ виду предстоявшихъ новыхъ выборовъ. Вожди оппозиціи разъѣхались изъ столицы въ мѣстности, которыми они были выбраны, и „общій" порядокъ въ Болгаріи былъ, въ полной мѣрѣ, нарушенъ.

Роспускъ „Народнаго Собранія" несомнѣнно рѣшенъ былъ во дворцѣ гораздо раньше. Полагать надо, что Давыдовъ это зналъ, но никому ни сообщалъ, можетъ быть связанный словомъ. Шепелевъ же очевидно не зналъ объ окончательно состоявшемся 24 ноября рѣшеніи, иначе онъ не посылалъ бы своей телеграммы 26 ноября. Что касается моей освѣдомленности о состоявшемся уже рѣшеніи распустить палату, то я долженъ вернуться къ письму ко мнѣ князя отъ 24 ноября. 1) Если бы вопросъ о роспускѣ былъ обсуждаемъ и рѣшенъ съ участіемъ всего кабинета, а слѣдовательно и моимъ, то я бы, понятно, зналъ окончательный исходъ совѣщанія и князю не надо было бы оповѣщать меня словами: „vu que je viens de dissoudre"‥, т. е. „въ виду того, что я распустилъ"... Такая редакція фразы подразумѣваетъ, очевидно, что мнѣ сообщается извѣстіе, мнѣ еще неизвѣстное. 2) Если бы я участвовалъ въ совѣщаніи, рѣшившемъ вопросъ, то вѣроятно мнѣ тутъ же было бы сообщено о принятіи заблаговременныхъ, секретныхъ мѣръ къ охраненію порядка. Мало того, именно въ виду секретности этихъ мѣропріятій, мнѣ бы сообщили о необходимости ихъ заблаговременно, тутъ же, на заклю-

[1]) Гл. IX. Мое письмо гр. Д. А. Милютину. № 182. (Стр. 204 отдѣльнаго изданія).

чительномъ совѣщаніи, а не прибѣгли бы къ письму. Думаю, что все изложенное вполнѣ обрисовываетъ картину событія и свидѣтельствуетъ о томъ, что роспускъ Народнаго Собранія былъ результатомъ рѣшенія „келейнаго“.

Наступившее преобладаніе склонности къ рѣшительнымъ мѣропріятіямъ въ вопросахъ управленія страной отразилось и на отношеніяхъ ко мнѣ въ дѣлахъ, касавшихся войска. Князь сдѣлался весьма упоренъ въ своихъ требованіяхъ, пересталъ выслушивать мои соображенія и настаивалъ на исполненіи его желаній.—Однажды, послѣ очередного доклада, князь пригласилъ меня въ сосѣднюю комнату и показалъ мнѣ, выписанные имъ изъ Берлина, сдѣланные по его заказу, образцы конскаго снаряженія для офицеровъ разныхъ родовъ оружія и генераловъ. Я былъ пораженъ необычайной роскошью всего разложеннаго на столахъ и, похваливъ изъ вѣжливости, красоту этихъ образцовъ, попробовалъ доложить о томъ, что все это ляжетъ очень тяжело на бѣдный карманъ болгарскихъ офицеровъ. Чтобы дать понятіе о томъ, что я увидѣлъ, привожу здѣсь описаніе конскаго убора для генераловъ [1]).

„Суголовье какъ для генеральнаго штаба (изъ желтаго ремня), но съ золотымъ приборомъ и цѣльнымъ трензельнымъ суголовьемъ. *Ремни трензелеваго суголовья, лобовой ремень и трензельные поводья обшиты золотымъ генеральскимъ галуномъ.* Цѣпи на лбу *золотыя*, съ такимъ же *медальономъ*, на которомъ придѣланъ *серебряный рельефный левъ* [2]). *Вторая такая же бляха, но бо́льшихъ размѣровъ*, посреди груди, на грудовыхъ ремняхъ, которые тоже обшиты *золотымъ галуномъ*. На концахъ удилъ *серебряныя* бляхи, съ *золотыми рельефными вензелями* [3]). Вальтрапъ образца русской кавалеріи, *краснаго сукна*. Вокругъ вальтрапа нашиты *два галуна* (генеральскихъ) *каждый въ два вершка* (*!!*). Въ заднихъ углахъ по большому, золотому, металлическому вензелю“.

Тутъ же былъ показанъ мнѣ образецъ генеральской шапки, бѣлой мерлушковой, какъ прежде, но съ приставленнымъ большимъ, стоячимъ султаномъ.

Кромѣ очевидной дороговизны всего, мнѣ показаннаго, меня больно укололо то, что совершенно вопреки моей воли, глядя на все, разложенное на столахъ, мнѣ пришло въ голову оскорбительное воспоминаніе о генералѣ Бумъ-Бумъ изъ оперетки „Madame l'Archiduc“....

---

[1]) Описаніе сдѣлано со словъ князя, т. е. подъ его диктовку, однимъ изъ русскихъ флигель-адъютантовъ князя.

[2]) Гербъ Княжества: левъ стоящій на заднихъ лапахъ. Un lion rampant.

[3]) Вензель князя.

Тутъ же князь познакомилъ меня съ выписаннымъ имъ изъ Берлина нѣмецкимъ портнымъ Робрехтъ, присовокупивъ, что кромѣ шитья платья Робрехтъ можетъ снабдить меня, офицеровъ и даже солдатъ пуговицами новаго проектированнаго и утвержденнаго княземъ образца[1]).

Такъ все это было тяжко... Одновременно съ такими проектами мнѣ вновь было высказано настоятельное требованіе о принятіи на службу иностранныхъ офицеровъ. Положеніе мое становилось просто невыносимымъ. Съ одной стороны—готовность Собранія увеличить бюджетъ и жертвовать деньги на благоустройство войска, а съ другой—эти галуны, пуговицы и нѣмецкіе офицеры! Вѣдь не на это же давало мнѣ деньги Народное Собраніе,

Переговоривъ съ Шепелевымъ, и на этотъ разъ даже съ Давыдовымъ, я, воспользовавшись секретнымъ шифромъ Шепелева, еще 15 ноября послалъ графу Д. А. Милютину слѣдующую телеграмму:

„15-го (27-го) ноября. Дѣла болгарскаго войска, вслѣдствіе неисполнимыхъ желаній князя, приходятъ въ такое положеніе, что я вынужденъ просить вызвать Шепелева для личнаго доклада и снабженія меня инструкціями. Шепелевъ знаетъ дѣло, доложитъ вамъ, сообщитъ мнѣ ваше рѣшеніе. При настоящемъ порядкѣ дѣло не можетъ идти.

Паренсовъ".

На другой день Шепелевъ получилъ отвѣтъ отъ графа Д. А. Милютина:

„16 ноября. Высочайше повелѣно вамъ для объясненій по службѣ прибыть въ Петербургъ.

Милютинъ".

Шепелевъ обязанъ былъ доложить князю о полученіи этой телеграммы и въ результатѣ разговора вынужденъ былъ послать въ Петербургъ слѣдующую телеграмму:

„19 ноября. Военному министру. Князь проситъ соизволенія Государя Императора, чтобы я отложилъ свой отъѣздъ въ Петербургъ до разрѣшенія министерскаго кризиса. Дѣла улаживаются и есть надежда, что дней черезъ шесть все кончится благополучно.

Шепелевъ".

Графъ Милютинъ естественно долженъ былъ доложить эту телеграмму Государю Императору, результатомъ чего была слѣдующая телеграмма полковнику Шепелеву изъ Петербурга.

---

[1]) Чтобы быть точнымъ, въ приложеніи 11-мъ и 12-мъ отдѣльнаго изданія, помѣщены facsimile двухъ росписокъ частнаго секретаря князя, г-на Менгеса.

„20 ноября. Высочайше разрѣшено отложить вашъ отъѣздъ по соображенію обстоятельствъ. *Переговорите съ Паренсовымъ* [1]).

Милютинъ".

Конецъ телеграммы Шепелева отъ 19 ноября: „... Дѣла улаживаются и есть надежда, что дней черезъ шесть все кончится благополучно", сопоставленный съ прежними его телеграммами отъ 13 ноября: „...князь рѣшится скорѣе распустить Собраніе, чѣмъ призвать исключительно либеральный кабинетъ..." и отъ 17 ноября: „Кризисъ продолжается... князь... отказывается принять адресъ палаты..." и т. д.,—звучатъ весьма странно, особенно если прибавить къ этому двѣ телеграммы того же Шепелева, отправленныя 23 и 24 ноября [2]), посланныя приблизительно „дней черезъ шесть" послѣ выраженія надежды, что „все кончится благополучно". Объясненіе такого быстраго перехода надеждъ къ разочарованіямъ надо искать въ слѣдующемъ. Отъѣздъ Шепелева въ Петербургъ во время кризиса былъ для князя крайне неудобенъ не столько потому, чтобы онъ лишался въ немъ, въ такую опасную минуту, опытнаго совѣтника, популярнаго въ странѣ и примиряющаго разныя теченія, сколько по другому: Шепелевъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, лично доложилъ бы положеніе дѣлъ графу Милютину, Гирсу и, вѣроятно, самому Государю; доложилъ бы, понятно, о необходимости „испытать сперва всѣ средства къ образованію новаго кабинета" и „не прибѣгать къ роспуску Собранія" [3]). Несомнѣнно, что слова даровитаго, осмотрительнаго и знающаго дѣло Шепелева произвели бы надлежащее впечатлѣніе, результатомъ котораго было бы полученіе княземъ, приблизительно 22-го и 23-го ноября, соотвѣтственной телеграммы, удерживающей его отъ рѣшительныхъ дѣйствій, что̀ конечно приводило къ образованію кабинета изъ оппозиціи, умиротворенію страстей и водворенію порядка въ странѣ. Первое было нежелательно князю, а послѣднее не согласовалось съ программой западныхъ совѣтниковъ князя и ихъ слѣпыхъ, мѣстныхъ, орудій. Очевидно, надо было задержать Шепелева во что бы то ни стало, а такъ какъ онъ былъ вызываемъ Высочайшимъ повелѣніемъ, то надо было указать на необходимость присутствія Шепелева въ Софіи „до разрѣшенія министерскаго кризиса"; при-

---

[1]) Напечатанное курсивомъ въ телеграммѣ зашифровано.

[2]) 23-го ноября: „Если сегодня не состоится компромиссъ, завтра предстоитъ распущеніе" и 24-го ноября: „Смѣшаный кабинетъ по вкусу князя не удался. Рѣшено распустить палату".

[3]) Конецъ телеграммы графа Милютина полк. Шепелеву отъ 15 ноября. Гл. X, стр. 216.

сутствіе же Шепелева въ Софіи было особенно важно въ виду того, что, яко бы, „дѣла улаживаются" и скоро, „дней черезъ шесть", все кончится благополучно.—А тогда Шепелевъ можетъ и ѣхать.

А. А. Шепелевъ слишкомъ хорошо зналъ положеніе дѣлъ, чтобы, по своей иниціативѣ, увѣрять Петербургъ объ улаживаніи дѣлъ, когда все кругомъ клокотало; несомнѣнно, что эти розовыя надежды были ему внушены. Мало того, несомнѣнно, что ему были даны положительныя увѣренія и обѣщанія въ соотвѣтственномъ духѣ.

Зная хорошо всю тогдашнюю обстановку, я рѣшаюсь положительно утверждать, что, въ данномъ случаѣ, Шепелевъ, говоря деликатно, былъ введенъ въ заблужденіе....

По роспускѣ Народнаго Собранія кабинетъ былъ преобразованъ. Изъ старыхъ министровъ ушли: Бурмовъ и Атанасовичъ; вошли новые: тырновскій епископъ Климентъ, министромъ народнаго просвѣщенія и президентомъ совѣта [1]), а нѣсколько позже Икономовъ (изъ Шумлы), министромъ внутреннихъ дѣлъ. Остальные портфели были временно распредѣлены между оставшимися министрами.

Пользуясь отсрочкой отъѣзда Шепелева, который рѣшилъ выѣхать 29 ноября утромъ, я написалъ графу Милютину еще слѣдующее:

„Милостивый Государь 27 ноября / 1879 г."

Графъ Димитрій Алексѣевичъ.

Полковникъ Шепелевъ будетъ имѣть честь представить Вашему Сіятельству письмо мое за № 182 [2]), которое, имѣя характеръ оффиціальный, не могло вмѣстить въ себѣ многаго, что я вынужденъ сказать.

Шепелевъ, хорошо знающій положеніе дѣлъ вообще, и которому извѣстны мельчайшія подробности моей дѣятельности и жизни, при докладѣ Вашему Сіятельству, дополнитъ мои слова; тѣмъ не менѣе, позволяю себѣ просить васъ прочитать и эти строки, на которыя осмѣливаюсь просить посмотрѣть какъ на неоффиціальныя.

При существующемъ положеніи и стремленіяхъ князя я рѣшительно парализованъ. Я не могу быть одновременно во главѣ серьезнаго дѣла военнаго управленія въ Болгаріи и угодникомъ князя. Этого не допускаетъ моя совѣсть и репутація.

Безъ преувеличенія скажу, и полковникъ Шепелевъ не откажется засвидѣтельствовать, что имя мое пользуется извѣстнымъ довѣріемъ

---

[1]) Характеристика этого замѣчательнаго болгарскаго патріота будетъ приведена ниже. *П. П.*

[2]) Гл. IX.

въ странѣ и между начальниками частей войскъ; но я могу потерять это сразу, въ ущербъ дѣлу, стоитъ мнѣ не только подчиниться нѣкоторымъ невозможнымъ требованіямъ князя, который ко всему прикладываетъ нѣмецкій масштабъ и постоянно возражаетъ; „chez nous c'est autrement“ [1]).

Между тѣмъ, могу завѣрить Ваше Сіятельство, что князь держится здѣсь только тѣмъ, что онъ племянникъ государя, но отнюдь не личными качествами.

Князь и нѣкоторые, пріѣхавшіе съ нимъ нѣмцы, очевидно наобѣщали нѣмецкимъ офицерамъ мѣста въ Болгаріи и теперь не знаютъ какъ быть. Много нѣмецкихъ офицеровъ являлось сюда, получали отъ меня отказъ, и нѣкоторые должны были быть отправлены княземъ на его счетъ, съ уплатою ихъ долговъ въ гостиницахъ.

Теперь князь настаиваетъ, чтобы я отдалъ приказъ о зачисленіи въ службу прусскаго кавалерійскаго офицера, племянника генерала Альбедиля [2]).

Какая цѣль можетъ привлекать въ Болгарію человѣка, который, повидимому, могъ бы съ успѣхомъ служить въ Пруссіи? Очевидно, ему неудобно оставаться въ Германской арміи [3]).

Что ни день князь затѣиваетъ новыя формы, невозможныя по ихъ дороговизнѣ и совершенно ненужныя.

Я дѣлалъ, по временамъ, послабленія, насколько могъ, но его свѣтлость не останавливается въ своихъ желаніяхъ. Серьезныхъ же взглядовъ и стремленій не вижу.

Я не вмѣшиваюсь въ распоряженія князя, касающіяся его военной свиты и конвоя, но въ вопросахъ, касающихся всего войска, считаю нужнымъ поступать иначе.

Болгары еще дѣти во всемъ; ихъ надо воспитывать, а не портить. Князь только и мечтаетъ, что въ Болгарію будутъ пріѣзжать иностранные государи и царственныя особы, и что онъ, для нихъ, будетъ дѣлать парады, а о ружьяхъ и пушкахъ не заботится, хотя и говоритъ о присоединеніи Румеліи посредствомъ вооруженнаго дѣйствія.

Будучи генераломъ, я, въ то же время, по положенію моему, министръ конституціонной страны.

Благодаря случайностямъ прошедшей войны, имя мое (заслуженно

---

[1]) У насъ (т. е. въ Германіи) это иначе.

[2]) Альбедиль, генералъ-адъютантъ императора Вильгельма, начальникъ его военнаго кабинета, одинъ изъ знаменитаго тріо: Мольтке, фонъ-Роонъ, Альбедиль. *П. П.*

[3]) Смотри гл. VIII.

или нѣтъ) извѣстно странѣ съ хорошей стороны. Дѣятельность моя какъ министра заслужила одобреніе различныхъ партій, въ томъ числѣ и, такъ называемыхъ, радикаловъ. Недавно ко мнѣ являлась депутація отъ Народнаго Собранія просить не обижаться, что въ адресѣ князю коснулись арміи. Не стану разбирать, искренны были ихъ заявленія или нѣтъ. Если искренны—тѣмъ лучше; если неискренни, то все же, самъ фактъ явленія депутаціи показываетъ, что они мной дорожатъ, или видятъ во мнѣ необходимость. Но и это можетъ скоро исчезнуть, стоитъ мнѣ согласиться съ желаніями князя и заставить бѣдныхъ болгарскихъ офицеровъ носить расшитые золотомъ воротники, ѣздить на шитыхъ золотомъ вальтрапахъ и манежныхъ коняхъ, выписывая все изъ Берлина, или согласиться принять хотя бы одного нѣмецкаго офицера въ войско.

Сопротивленіе мое желаніямъ князя легко можетъ быть перетолковано въ смыслѣ соглашенія моего съ оппозиціей, и чего добраго, я стану скоро нигилистомъ, краснымъ и радикаломъ, что уже эксплоатируется нѣкоторыми иностранцами, въ томъ числѣ австрійскимъ дипломатическимъ агентомъ графомъ Кевенгюллеромъ.

Какъ образчикъ желаній князя на дѣло позволю себѣ разсказать случай, бывшій вчера. Я представилъ князю докладъ—положеніе о товарищѣ военнаго министра. Положеніе было составлено, по моей просьбѣ, полковниками Шепелевымъ и Тимлеромъ, и проектъ мною утвержденъ, для доклада его свѣтлости. Такимъ образомъ этотъ проектъ есть результатъ работы трехъ офицеровъ русскаго генеральнаго штаба.

По этому проекту товарищу военнаго министра предоставлены нѣкоторыя дисциплинарныя права [1]).

Князь не согласился утвердить этотъ проектъ, говоря, что въ Германіи не такъ, и что даже гр. Мольтке не имѣетъ дисциплинарныхъ правъ. Когда же я просилъ и доказывалъ необходимость предлагаемаго мною, то его свѣтлость отложилъ рѣшеніе вопроса на сутки и послалъ своего адъютанта къ моему подчиненному, завѣдывавшему военно-судной частью, полковнику Мордвинову, справиться, такъ ли дѣлается въ Россіи, какъ я предлагаю. Конечно это

---

[1]) Здѣсь надо указать, что въ то. начальное, время, военный министръ въ Болгаріи былъ не только административное лицо, но и командное по отношенію къ арміи, имѣвшей, въ лицѣ царствующаго князя, своего верховнаго вождя—главнокомандующаго. Очевидно, что и товарищъ военнаго министра, какъ помощникъ командующаго арміей, долженъ былъ имѣть нѣкоторыя, строго обусловленныя, командныя обязанности и дисциплинарныя права.

было облечено въ форму, будто самъ адъютантъ интересуется вопросомъ [1]).

Я не въ претензіи на подобный неумѣстный контроль, но желаю только, чтобы дѣло не страдало; въ то же время имѣю смѣлость думать, что дѣло скорѣе выиграетъ, если будетъ руководимо мною, а не юношей-адъютантомъ.

Простите, Ваше Сіятельство, что утруждаю Васъ подобными мелочами; но эти мелочи повторяются ежедневно и въ состояніи довести самаго спокойнаго человѣка до нервнаго раздраженія.

Грустный, несчастный фактъ распущенія палаты повергнетъ страну въ хаотическое положеніе; весьма возможно, что возникнутъ безпорядки, потребуется содѣйствіе войскъ. Агитація будетъ продолжаться до новыхъ выборовъ, до созванія новаго Народнаго Собранія, въ февралѣ или мартѣ. Можно думать, что составъ этого новаго Собранія будетъ такой же, какъ и теперь, т. е. оппозиціонный правительству.

Въ виду этихъ печальныхъ условій крайне необходимо военному министру получить инструкціи отъ русскаго правительства, или приказать ему во всемъ сообразоваться съ представителями Россіи, которыхъ снабдить опредѣленными указаніями, а военному министру облегчить веденіе дѣла организаціи войска, снабдивъ про-

---

[1]) Такой образъ дѣйствій князя не былъ для меня неожиданностью. Я случайно узналъ о негласныхъ справкахъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ моихъ помощниковъ, русскій штабъ-офицеръ, очень способный, но до крайности честолюбивый, докладывая мнѣ однажды порученное ему дѣло, представлялъ свои возраженія на мой проектъ, хотя и не лишенныя основанія, но которыхъ я, при обстоятельствахъ того времени, принять къ исполненію не могъ. Пріѣхавъ на другой день во дворецъ съ докладомъ, въ которомъ должно было фигурировать это дѣло, меня нѣсколько удивило то, что дежурный адъютантъ, Корвинъ, не пошелъ немедленно къ князю доложить о моемъ прибытіи, а просилъ подождать, говоря, что у князя кто-то уже есть. Въ ожиданіи пріема я сталъ ходить по длинному коридору, который велъ въ кабинетъ князя. Черезъ нѣсколько минутъ изъ кабинета вышелъ какъ разъ тотъ самый штабъ-офицеръ, съ которымъ я разбиралъ дѣло наканунѣ и при томъ вышелъ не въ мундирѣ, какъ я обыкновенно ходилъ къ докладу, а въ сюртукѣ, т. е. по домашнему. Это меня еще болѣе удивило, но все же, по нѣкоторымъ, извѣстнымъ мнѣ даннымъ, я отнесъ появленіе этого штабъ-офицера во дворцѣ совсѣмъ къ другимъ причинамъ. Услышавъ же, отъ князя, при докладѣ, тѣ самыя возраженія, которыя слышалъ наканунѣ отъ моего подчиненнаго, я понялъ игру. Divide et impera. (Раздѣляй и царствуй). Не догадался добродушнѣйшій Корвинъ спрятать меня въ какую-нибудь комнату дворца: я бы не видѣлъ уходящаго подчиненнаго и терялся бы въ догадкахъ. А тутъ все увидѣлъ... Дѣлали дѣло, да не додѣлали.

граммою, на которую онъ могъ бы опереться при докладахъ князю.

Полагалъ бы тоже полезнымъ сообщить его свѣтлости эту программу, хотя бы въ общихъ чертахъ".

Петръ Паренсовъ.

Письмо это было закончено утромъ 28-го ноября и должно было быть отправлено съ Шепелевымъ 29-го, одновременно съ первымъ моимъ письмомъ № 182 [1]), но вечеромъ 28-го случилось нѣчто совсѣмъ особое, которое ясно опредѣлило все ближайшее будущее.

Часу въ шестомъ вечера получилъ я приказаніе немедленно прибыть къ князю. Тревожные дни второй половины ноября и поздній, неурочный часъ призыва не вселяли въ меня спокойствія, но покуда я собирался, покуда доѣхалъ по темнымъ переулкамъ отъ моего дома до дворца, я успѣлъ нѣсколько остыть и входилъ въ кабинетъ князя довольно спокойнымъ; увидѣвъ же его, я вполнѣ овладѣлъ собой. Князь сидѣлъ у своего письменнаго стола, и лицо его носило отпечатокъ величайшаго возбужденія, волненія, но и рѣшимости. Очень красный, съ блестѣвшими глазами, князь принялъ меня вѣжливо, корректно, но очень сдержанно и указалъ на стулъ противъ себя. Затѣмъ, подавая бумажку, на которой было написано: Sous-lieutenant Köller [2]), князь приказалъ мнѣ отдать немедленно приказъ о зачисленіи его на службу въ болгарскую кавалерію, прибавивъ, что, не желая предавать это дѣло огласкѣ, онъ приказываетъ мнѣ зачислить его въ Виддинскую сотню и сейчасъ же, какъ будто торопясь поскорѣй выговорить все, что его угнетало, прибавилъ другое приказаніе: немедленно составить правила о принятіи вообще на службу, всѣхъ иностранныхъ офицеровъ и заготовить о семъ приказъ.

Я нарочно не прерывалъ князя, чувствуя, какъ ему все это было тяжело выговорить, но когда онъ замолчалъ, то я, вполнѣ спокойно, вновь (и уже въ который разъ!), доложилъ ему, что подобный шагъ противорѣчитъ основному закону страны. Князь перебилъ меня, сказавъ, что послѣ распущенія палаты онъ признаетъ конституцію несуществующею. Такой скачекъ мысли меня поразилъ, такъ какъ я достаточно хорошо зналъ, что даже многократный роспускъ Собранія не знаменуетъ еще уничтоженія основного государственнаго закона, для чего требуется или законный созывъ Великаго Народнаго Собранія, или насильственный переворотъ; я спросилъ у князя: изданъ ли уже государственный актъ, декретъ князя,

---

[1]) Гл. IX.

[2]) Подпоручикъ Кёллеръ.

возвѣщающій объ уничтоженіи конституціи, и получилъ отвѣтъ: „non; et je m'en passerai“ [1]). Тогда я всталъ и доложилъ, что покуда конституція оффиціально не уничтожена, я не могу подписать подобнаго приказа, а если его свѣтлости угодно принять иностранныхъ офицеровъ въ войска, то я прошу предварительно согласиться на мое увольненіе отъ должности министра и отъ службы въ болгарскихъ войскахъ. Князь тоже всталъ и голосомъ уже очень не сдержаннымъ сказалъ мнѣ: Vous êtes toujours en opposition envers moi; Vous contrecarez toujours mes projets [2]). Эти слова показались мнѣ очень обидными; я тоже вскипѣлъ и разразился длинной рѣчью, въ которой изложилъ всѣ мои труды по организаціи и упроченію военной силы княжества, мои мечты о будущемъ, и кончилъ такъ: „...et quand Vous Monseigneur, à la tête de Votre armée, organisée et consolidée par moi, avec la bénédiction de la Russie et avec le consentement muet de l'Europe, marcherez vers les frontières, créerez une grande Bulgarie, deviendrez son premier roi, mon ambition me dit, que l'histoire, en écrivant Votre nom sur ses pages, placera à cote du Votre—un autre, plus petit, mais aussi inoubliable: cela sera le mien.—Voila mon ambition. C'est alors que je compterais ma tâche accomplie et m'en irais... Mais maintenant je vois bien que vous ne m'avez jamais compris... et je regrette... ne comprendrez jamais“ [3]). Выпаливъ это, я поклонился и ушелъ.

Рубиконъ былъ пройденъ. Отступленія не было; я сжегъ свои корабли.

Уже на лѣстницѣ дворца я спохватился, что собственно по вопросу о принятіи на службу Келлера и объ изданіи указа относительно принятія вообще иностранцевъ на службу мы такъ ничѣмъ и не порѣшили; спохватился и о другомъ: я пожалѣлъ о сказанныхъ мною самыхъ послѣднихъ словахъ: „...ne comprendrez jamais [4]). Я такъ былъ еще молодъ душой [5]), что приходило иногда въ голову: а вдругъ уразумѣетъ; пойметъ! Данныя на это были. Князю было

---

[1]) Нѣтъ; я обойдусь и безъ этого.

[2]) Вы стоите всегда въ оппозиціи мнѣ; вы всегда мнѣ противорѣчите.

[3]) И когда Вы, во главѣ Вашей арміи, мною организованной и мною упроченной, съ благословенія Россіи и при молчаливомъ согласіи Европы, выступите на границы (княжества) и создадите великую Болгарію, сдѣлаетесь ея первымъ царемъ, мое самолюбіе мнѣ подсказываетъ, что исторія, написавъ на своихъ страницахъ Ваше имя, впишетъ рядомъ съ Вашимъ и другое, меньшее, но тоже незабываемое: мое. Вотъ въ чемъ мое самолюбіе! Тогда я считалъ бы свое призваніе исполненнымъ—и удалился бы... Но теперь я вижу, что Вы никогда меня не понимали. ...и сожалѣю... никогда не поймете.

[4]) Никогда не поймете.

[5]) Да и годами; мнѣ было 36 лѣтъ.

тогда 22 года; энергіи и здоровья,—хоть убавляй. Отъ природы одаренъ хорошо. Хотя болѣе хитеръ, чѣмъ уменъ, но все же далеко не глупъ. Самолюбіе и честолюбіе громадныя... Ну что, кабы всѣ эти дары природы направлены были къ великой, возвышенной цѣли! Что бы можно было натворить!.. Но, къ сожалѣнію, вся дальнѣйшая судьба этого поистинѣ несчастнаго князя, несчастнаго для себя, для окружавшихъ его и для Болгаріи,—все показало, что если его стремленія и были большія, то они не вели къ великой цѣли. Не было ни широкихъ замысловъ, ни большого размаха, ни вдохновенія; не было той волны, временно сдерживаемой обстоятельствами, которая влечетъ великихъ людей, творящихъ великое дѣло; были только мелкія, мелкія струйки, заглохшія въ пучинѣ жизни, не оставивъ даже слѣда!

Но какъ бы то ни было, слово мое было сказано и возвратить его было нельзя.

Что мнѣ было однако дѣлать? Такъ какъ Шепелевъ уѣзжалъ на другой день и такъ какъ Давыдова игнорировать было нельзя, то я и направился къ нему, куда мы вызвали и Шепелева, несмотря на сборы его въ дорогу. Рѣшено было, что я напишу князю письмо съ докладомъ, что такъ какъ принятіе иностранныхъ офицеровъ въ болгарское войско не только противорѣчитъ неотмѣненному закону, но и затрогиваетъ судьбу русскихъ офицеровъ, поступившихъ на службу инструкторами болгарскихъ офицеровъ, а не сослуживцами нѣмецкихъ, то, что я, въ виду послѣдняго обстоятельства, весь вопросъ представилъ на усмотрѣніе русскаго военнаго министра для доклада Государю Императору, князя же почтительно просилъ обождать рѣшеніемъ до полученія отвѣтовъ на мои письма, посланныя съ Шепелевымъ. Шепелевъ ушелъ, а я принялся за письмо, которое, будучи исправлено Давыдовымъ, послано мною на другой день, рано утромъ, князю. Вотъ это письмо.

Monseigneur.

Hier Votre Altesse a bien voulu m'ordonner de faire un décrêt concernant l'entrée au service du souslieutenant, Köller et d'en redigerun autre avec un reglement concernant l'entrée des officiers étrangers dans les troupes de Votre Altesse.

Cette question ayant été discutée plusieurs fois je me trouvais toujours dans le plus grand embarras vù la position difficile dans laquelle ces officiers se trouveront parmis les officiers Russes et Bulgares et vu l'existance d'une loi qui n'est pas encore changée.

Pour applanir les difficultés dans lesquelles je me trouvais et considérant que c'est une question de principes, au sujet de laquelle il

serait bon de consulter le gouvernement Impérial Russe, j'ai demandé des instructions sur se sujet an comte Milutine.

C'est avec le colonel Schepeleff que j'ai envoyé ma lettre en priant le ministre de la guerre Russe de m'initier aux vues de Sa Majesté l'Empereur.

J'ai parlé de cette affaire avec Monsieur Davidoff, qui partage mon avis et je prends la hardiesse de prier Vorte Altesse d'attendre la reponse de Sa Majesté l'Empereur.

Il m'est bien penible Monseigneur d'écrire ces lignes, mais j'agis en cette occasion selon les prescriptions de ma conscience.

Veuillez agréer Monseigneur les sentiments du parfait devouement du serviteur de Votre Altesse

P. Parensoff [1]).

Еще вечеромъ 28-го, написавъ это письмо къ князю, но еще не отправивъ его, я сдѣлалъ приписку въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ графу Д. А. Милютину.

„28 ноября. 7 часовъ вечера.

Сію минуту Его Свѣтлость Князь потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ принять въ Болгарскія войска лейтенанта Кёллера, зачисливъ его въ Виддинскую сотню.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Свѣтлость приказалъ мнѣ отдать приказъ съ изложеніемъ правилъ о принятіи на службу всѣхъ иностранныхъ офицеровъ.

Всѣ мои возраженія не привели ни къ чему.

На возраженіе, что это противорѣчитъ основному государствен-

---

[1]) Вчера Вашему Высочеству угодно было приказать мнѣ издать указъ о принятіи на службу подпоручика Кёллера и другой съ проектомъ положенія о принятіи иностранныхъ офицеровъ въ войска Вашего Высочества

Вопросъ этотъ, неоднократно уже обсуждаемый, ставилъ меня всегда въ крайне затруднительное положеніе въ виду того неудобнаго положенія, которое эти офицеры займутъ среди русскихъ и болгарскихъ офицеровъ. а также въ виду существующаго закона, еще не измѣненнаго.

Чтобы устранить затрудненія, въ которыхъ я, по этому вопросу, находился и принимая во вниманіе, что тутъ затронутъ вопросъ принципіальный, о которомъ не лишнее спросить Русское Императорское правительство, я запросилъ инструкціи графа Милютина.

Полковникъ Шепелевъ везетъ мое письмо, въ которомъ я прошу русскаго военнаго министра освѣдомить меня о воззрѣніяхъ Его Величества Государя Императора.

Я обсуждалъ этотъ вопросъ съ г. Давыдовымъ, который раздѣляетъ мои взгляды, и я беру на себя смѣлость просить Ваше Высочество обождать отвѣта Его Императорскаго Величества.

Мнѣ очень тяжело, Ваше Высочество, писать эти строки, но въ этомъ дѣлѣ я дѣйствую согласно указаніямъ моей совѣсти.

ному закону, конституціи, Князь сказалъ, что послѣ распущенія палаты, онъ признаетъ конституцію несуществующею.

Поговоривъ по этому предмету съ д. с. с. Давыдовымъ и п. Шепелевымъ, я отвѣчаю Князю письменно, что не могу исполнить его приказанія до полученія отвѣта отъ Вашего Сіятельства на письмо мое, посылаемое съ п. Шепелевымъ.

Считаю долгомъ доложить, что допущеніе иностранныхъ офицеровъ на службу въ Болгарскія войска повлечетъ за собою удаленіе русскихъ офицеровъ, по крайней мѣрѣ большинства, настолько подорветъ мое значеніе, что я вынужденъ буду просить меня уволить отъ должности, а съ уходомъ моимъ и массы офицеровъ, я не ручаюсь за прочность княжескаго престола. Вслѣдствіе изложеннаго я рѣшаюсь телеграфировать Вашему Сіятельству, взявъ ключъ у Шепелева.

Генералъ Паренсовъ".

Въ тотъ же вечеръ, пользуясь секретнымъ ключемъ Шепелева, я послалъ графу Милютину шифрованную телеграмму такого содержанія.

„28 ноября [1]). Сегодня князь потребовалъ отъ меня принятія на службу нѣмецкаго офицера и изданія указа о пріемѣ вообще иностранцевъ въ войска. Это противорѣчитъ закону и вообще считаю положительно невозможнымъ. Полковникъ Шепелевъ выѣзжаетъ завтра, везетъ мое подробное письмо, но до полученія на него отвѣта, прошу указаній Вашего Сіятельства. Князю я доложилъ, что не могу исполнить его приказанія до полученія инструкцій отъ Вашего Сіятельства. Считаю долгомъ прибавить, что въ случаѣ принятія нѣмцевъ въ войска, большинство русскихъ офицеровъ не останется въ Болгаріи. Ключъ есть.

Паренсовъ".

На другой день, 29-го ноября, утромъ, пришелъ ко мнѣ Давыдовъ, что бывало рѣдко. Видъ у него былъ очень озабоченный. Изъ его разсказа я узналъ, что рано утромъ, вѣроятно, тотчасъ по полученіи моего письма, князь пригласилъ его къ себѣ. Волненіе князя было, по словамъ Давыдова, неописуемо. Прежде всего князь заявилъ Давыдову о своемъ намѣреніи телеграфировать Государю Императору просьбу о немедленномъ моемъ отозваніи. Что отвѣчалъ Давыдовъ, мнѣ неизвѣстно; во всякомъ случаѣ эта тема была оставлена и не возобновлялась. Затѣмъ князь спросилъ: уѣхалъ ли Шепелевъ и увезъ ли онъ мое письмо графу Милютину. Получивъ

[1]) На этой телеграммѣ, рукой графа Милютина, сдѣлана помѣтка. (Получ. 29-го). Дѣло Гл. Штаба.

утвердительный отвѣтъ, князь поинтересовался узнать, въ какой мѣрѣ самъ Давыдовъ солидаренъ со мной и съ Шепелевымъ въ вопросѣ о принятіи иностранныхъ офицеровъ въ войска княжества. Давыдовъ, будучи какъ я уже сказалъ выше, вполнѣ честнымъ человѣкомъ, не уклонился отъ отвѣта и заявилъ, что онъ считаетъ мѣру, задуманную княземъ, безусловно неприложимою и опасною. Князь, все болѣе и болѣе волнуясь, спросилъ: не написалъ ли и онъ кому-нибудь о своемъ взглядѣ, на что получилъ отвѣтъ, что Давыдовъ написалъ, въ такомъ же духѣ, Гирсу. Тогда князь задалъ еще вопросъ: полагаетъ ли Давыдовъ, что письмо мое Милютину и его— Гирсу, будутъ доложены этими лицами Государю Императору? Давыдовъ отвѣтилъ, что „въ извлеченіи—несомнѣнно“. При этихъ словахъ князь впалъ въ совершенное уныніе, такъ что Давыдову жалко было на него смотрѣть. Затѣмъ пошли со стороны князя вопросы и просьбы, нельзя ли какъ-нибудь предотвратить докладъ объ этихъ письмахъ Государю. Давыдовъ, вполнѣ основательно, замѣтилъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ главную роль играю я, и что надо спросить прежде всего моего согласія; онъ прибавилъ, что, судя по нашимъ разговорамъ, врядъ ли я пойду на какія-нибудь сдѣлки. Тогда князь отвѣтилъ: „alors c'est moi qui fera le premier pas: je ferai des concessions“ [1]). Въ дальнѣйшей нашей бесѣдѣ со мной, Давыдовъ высказалъ глубокое свое убѣжденіе, полную увѣренность, что князь самъ въ тискахъ, наобѣщавъ въ Германіи нѣкоторымъ лицамъ устроить ихъ въ Болгаріи, что повидимому эти лица, не тѣ маленькіе офицеры, о которыхъ идетъ рѣчь, а повыше, и что эти-то высокія лица на князя нажимаютъ. По словамъ Александра Петровича, князь, разсказывая все это въ видѣ намековъ, не желая или не имѣя возможности выложить все на-чистоту, былъ положительно удрученъ и жалокъ. А. П. сказалъ, что князь поручилъ ему позондировать почву, попробовать уговорить меня, устроить какъ-нибудь дѣла такъ, чтобы мое письмо не было читано Государю и что если я соглашусь, то онъ съ своей стороны дастъ слово не поднимать больще вопроса объ иностранныхъ офицерахъ, кромѣ однако двухъ подпоручиковъ: Кёллера (племянника Альбедиля) и еще одного, фамилію котораго не сказалъ, завѣривъ впрочемъ своимъ словомъ, что это второе лицо еще въ первомъ офицерскомъ чинѣ. Давыдовъ согласился взять на себя переговоры со мной, прибавивъ, что если я соглашусь, то и онъ, въ свою очередь, постарается, чтобы и его письмо осталось извѣстнымъ только Гирсу. Давыдовъ нѣсколько насмѣшливо, улыбаясь, добавилъ, что князь,

---

[1]) Тогда я сдѣлаю первый шагъ; я пойду на уступки.

провожая его, какъ бы спохватившись, сказалъ: mais Vous devez lui demander sa parole qu'il executera sa promesse[1]).

Мнѣ предстояло рѣшить задачу: выигравъ въ крупномъ, т. е. заручившись словомъ царствующаго князя, переданнымъ мнѣ черезъ представителя Россіи, не поднимать болѣе вопроса о принятіи иностранцевъ въ войска княжества, сдѣлать уступку относительно помянутыхъ двухъ юношей, а также пойти на то, чтобы графъ Милютинъ принялъ мои доклады только для личнаго своего свѣдѣнія,—или упорствовать?

Обсудивъ все самымъ спокойнымъ образомъ, мы пришли къ слѣдующему заключенію: главный вопросъ мною выигранъ. Опираясь на Давыдова, въ этомъ дѣлѣ со мной вполнѣ согласнаго, я, понятно, обезпеченъ отъ новыхъ требованій князя, касающихся иностранцевъ, два же совсѣмъ юныхъ подпоручика, размѣщенные въ разныя части, вреда не принесутъ. Конечно, оппозиція будетъ меня ругать на чемъ свѣтъ стоитъ, скажутъ мнѣ: „и ты Брутъ"..., но подобные случаи неизбѣжны на поприщѣ публичной, а тѣмъ болѣе государственной дѣятельности. Что же касается до того, что мои письма будутъ или не будутъ доложены Государю Императору, то понятно, что суть дѣла заключалась въ томъ, чтобы графъ Милютинъ былъ бы *вполнѣ въ курсѣ дѣла*, а это во всякомъ случаѣ будетъ. Въ результатѣ я согласился, и мы вмѣстѣ съ Давыдовымъ составили и послали Шепелеву въ Рущукъ телеграмму такого содержанія.

Colonel Schepelef.

Affaire en question arrangée en principe selon nos desires, avec concession de ma part pour deux individus. Suis engagé d'honneur à ce que contenu des mes lettres ne soit connu que de celui à qui elle sont adressées. Il est de même de la lettre de Davidof. Envoi lettre avec Bergstresser[2]).

Я просилъ Давыдова отнести копію этой телеграммы князю, чтобы у него было письменное доказательство того, что „я далъ слово" и его исполнилъ, въ предѣлахъ мнѣ доступныхъ, но просилъ также доложить, что еще наканунѣ послалъ телеграмму, непосредственно Милютину, что остановить эту телеграмму или дать ей иное направленіе я уже не въ силахъ, такъ какъ возможно, что

---

[1]) Но вы должны взять съ него слово, что онъ исполнитъ обѣщанное.

[2]) „Извѣстный (вамъ) вопросъ принципіально улаженъ, соотвѣтственно нашимъ желаніямъ, но съ уступкой съ моей стороны относительно двухъ лицъ. Обязался словомъ, что содержаніе моихъ писемъ будетъ извѣстно только тому, кому они адресованы (т. е. Милютину). Тоже и относительно письма Давыдова (Гирсу). Посылаю письмо (вамъ) съ Бергштрессеромъ".— Бергштрессеръ—русскій инженеръ путей сообщенія на службѣ княжества

она уже доложена, но что я допускаю, что графъ Милютинъ, получивъ ее, воздержится отъ доклада Государю до прибытія Шепелева и полученія моихъ писемъ, въ этой телеграммѣ упоминаемыхъ.

1-го декабря получилъ я отъ графа Милютина замѣчательный отвѣтъ, шифрованной телеграммой:

„На телеграмму вашу 28 ноября могу сообщить только частное мое мнѣніе, что было бы желательно въ войскахъ болгарскихъ устранить иностранцевъ, кромѣ русскихъ; но оффиціальныхъ инструкцій не могу давать вамъ *какъ министру* князя болгарскаго, *отвѣтственному въ конституціонномъ порядкѣ*. Было бы крайне неудобно вмѣшательство русскаго правительства во внутреннія дѣла княжества[1]). Милютинъ“.

Я назвалъ эту телеграмму замѣчательной, потому что въ этихъ краткихъ словахъ, на мой взглядъ, изложена цѣлая программа. Для меня же лично эта телеграмма была драгоцѣнностью, такъ какъ ясно указывала: „что вы меня спрашиваете, когда вы отвѣтственны въ конституціонномъ порядкѣ?“ Выводъ очевидный: держитесь конституціи....

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ словахъ я прочиталъ и одобреніе моимъ „принципіальнымъ“ дѣйствіямъ. Почему я отвергалъ пріемъ иностранныхъ офицеровъ въ войска?—Потому что это было неосуществимо на практикѣ, вредно для дѣла и даже опасно,—и потому что это противорѣчило конституціи. Почему я былъ противъ присвоенія княземъ, собственнымъ указомъ, титула Высочества? Потому что это тоже не согласовалось съ конституціей....

Прочитавъ телеграмму графа Милютина, я вполнѣ успокоился. Fais ce que dois, advienne que pourra. Успокоился, но конечно понималъ и помнилъ, что Рубиконъ пройденъ, и что корабли мои сожжены.

Примѣчаніе. Я могъ бы во всемъ этомъ инцидентѣ, воспользовавшись случаемъ, подать въ отставку и уйти. Но, во-первыхъ, я отлично зналъ, что князь, какъ это уже было не разъ, отставки не приметъ, скажетъ: „Vous me quittez dans des moments si penibles, je n'ai personne pour Vous remplacer“ и т. п.; будетъ телеграфировать въ Петербургъ, прося меня оставить, „въ виду смутнаго времени“, а главное употребитъ всѣ усилія, чтобы не допустить мой уходъ добровольный, по моей иниціативѣ, а сдѣлать его недобровольнымъ, не по моей волѣ, а по волѣ его—князя.

П. Паренсовъ.

[1]) Курсивъ мой.

Шуточное пригласительное шестистишіе Я. И. Ростовцова Ѳ. Н. Глинкѣ.

Семья ждетъ пира: „будетъ онъ“
Приходъ его—приходъ желанный.

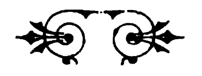
Давно съ женою онъ почтенъ,
Какъ Іакимъ съ женою Анной.

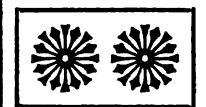
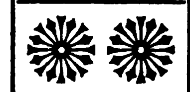
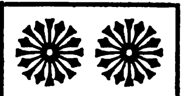
Ихъ просятъ братья и друзья,
Вся благодарная семья.

8 марта 1849 года.

Я. И. Ростовцовъ, не чуждый литературѣ, какъ авторъ поэмы „Персей“, написалъ приводимое выше шуточное пригласительное шестистишіе извѣстному писателю Ѳ. Н. Глинкѣ; оно заимствовано мною изъ архива послѣдняго; въ шестистишіи упоминается жена Глинки; это была Авдотья Павловна, урожденная Голенищева-Кутузова, тоже не безизвѣстная писательница.

Сообщилъ **Михаилъ Соколовскій.**

Къ воспоминаніямъ о графѣ Өедорѣ Өедоровичѣ Бергѣ [1]).

Окончаніе).

XI.

Вспоминая о томъ, какъ графъ Бергъ, въ качествѣ намѣстника и главнокомандующаго обходился съ поляками, нельзя не отмѣтить, что вообще онъ не признавалъ возможности относиться съ ненавистью къ какой бы то ни было націи или къ отдѣльнымъ людямъ за ихъ принадлежность къ той или иной націи. Не мало ходило въ тѣ времена разсказовъ, которые свидѣтельствовали о томъ, что этою благородною чертою онъ отличался; изъ массы такихъ разсказовъ нелишне привести хоть одинъ.

Должность варшавскаго коменданта въ первые годы намѣстничества графа занималъ генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ.—Это былъ старый Кавказскій рубака, родной братъ того князя Бебутова, который въ сраженіи подъ Башкандыкларомъ отличился со своимъ отрядомъ въ такой степени, что Императоръ Николай Павловичъ, придя въ восторгъ отъ его геройства, перевѣсившаго на нашу сторону побѣду надъ многочисленными вражескими скопищами и давшаго возможность его совершенно разсѣять,—немедленно, по полученіи извѣстія, велѣлъ заложить въ одиночку сани и орломъ прилетѣлъ въ Пажескій корпусъ; тамъ Государь вызвалъ сына героя и при собраніи всего корпуса сказалъ ему: „твой отецъ поставилъ меня въ такое же затрудненіе, въ какое былъ поставленъ имъ упорно дравшійся непріятель;—его геройскимъ подвигомъ я былъ поставленъ въ тупикъ, не зная, какъ достаточно наградить его;—орденà св. Георгія 3-ей и 2-ой степени онъ уже имѣетъ, титула ему не надо, поэтому я послалъ ему сегодня черезъ особаго курьера

[1]) См. „Русская Старина", ноябрь, 1907 года.

орденъ св. Андрея Первозваннаго съ мечами! Пусть знаютъ, что для награжденія истинныхъ героевъ у меня нѣтъ рамокъ, когда и они въ своихъ подвигахъ не знаютъ границъ!"

Комендантъ кн. Бебутовъ часто со слезами умиленія и восторга разсказывалъ объ этой безпримѣрной милости царя: вотъ какъ истинно величаво, по-царски умѣютъ награждать русскіе цари, добавлялъ князь всякій разъ.—Былъ ли кто-либо еще отличенъ такой наградой?

Безвременно погибшимъ въ ночь на 25-ое іюля этого года при крушеніи поѣзда подъ Берлиномъ—княземъ Константиномъ Александровичемъ Бебутовымъ—этотъ случай былъ занесенъ въ его въ высшей степени интересныя записки;—герою Бебутову князь Константинъ Александровичъ приходился племянникомъ также, какъ и бывшему варшавскому коменданту.—Комендантъ обладалъ величественною наружностью, а главное отличался прямымъ открытымъ взглядомъ, соотвѣтствовавшимъ его открытому, спокойному, характеру.

Поляки, коверкая фамилію, коменданта, называли его „князь Безбутовъ" (Ksiaze Bezbutów), что по буквальному переводу на русскій языкъ означаетъ князь безъ сапогъ. Средства онъ имѣлъ хорошія, много помогалъ и голой бѣднотѣ и небогатымъ людямъ; широко былъ открытъ для нихъ его кошелекъ; этимъ, къ сожалѣнію, нѣкоторые даже злоупотребляли, но онъ относился къ этому совершенно хладнокровно.—Только одинъ разъ отставному офицеру, который, занявши у него три раза по 150 рублей, пришелъ просить такую же сумму въ четвертый разъ, князь Бебутовъ сказалъ: голубчикъ, ты хоть бы разнообразилъ, въ четвертый разъ хочешь взять и все на похороны жены и все ту же сумму; а вчера твоя жена пришла, Христомъ-Богомъ, проситъ не давать тебѣ денегъ; говоритъ—при деньгахъ онъ начинаетъ бунтить и въ духанахъ [1]) и дома; бьешь ее, бирадэцъ ты мой, того гляди сведешь въ могилу; вотъ уже и хоронить въ четвертый разъ собираешься! Устыдись, образумься; денегъ я тебѣ не дамъ, а передамъ ей и это въ послѣдній разъ.—Названіе Безбутовъ такимъ образомъ по отношенію къ князю едва-ли подходило; оно было любителями дешевыхъ остротъ присвоено ему только потому, что такую кличку легко было создать посредствомъ вставки одной буквы въ фамилію и перестановки ударенія.

Удивительно, что этотъ добрѣйшій, сердечнѣйшій, снисходительный, всепрощавшій человѣкъ, питалъ глубокую ненависть къ

---

[1]) Слово духанъ—значитъ ресторанъ, трактиръ, корчма, кабакъ; слово это кажется армянское, но на Кавказѣ оно сдѣлалось общеупотребительнымъ.

полякамъ; что его такъ озлобило,—неизвѣстно. При этомъ нужно однако отдать справедливость, что онъ ненавидѣлъ, но ни въ чемъ своей ненависти не проявлялъ: ни несправедливости, ни какого бы то ни было гоненія съ его стороны не было; одни говорили про него, что онъ только чувствовалъ ненависть, а другіе утверждали, будто только думаетъ, воображаетъ, что эту ненависть испытываетъ; въ такомъ человѣкѣ ея быть не могло.

И вотъ однажды, при докладѣ ли или въ простомъ разговорѣ, когда онъ графу Бергу высказалъ къ случаю эту свою ненависть, фельдмаршалъ, со свойственною ему мягкостью, отвѣтилъ: „нѣтъ, нѣтъ, князь, это невѣрно, этого нельзя; мы должны сурово относиться къ полякамъ-измѣнникамъ, къ негодяямъ, возстающимъ противъ царя, не знающимъ вѣрности, но мирныхъ честныхъ жителей, идущихъ своею дорогою въ трудѣ, а также вѣрою и правдою служащихъ,—мы должны уважать; это люди; вотъ-вотъ я знаю, много поляковъ, которые служатъ хорошо, это драгоцѣнный служилый матеріалъ, я имъ всегда дорожилъ и дорожу;—вы присмотритесь, князь; и тогда сами убѣдитесь въ этомъ; навѣрное перемѣните свой взглядъ; вѣрные поляки хороши и здѣсь, но еще цѣннѣе они въ Россіи; и на Кавказѣ, и въ Оренбургѣ мнѣ случалось сплошь и рядомъ встрѣчать между ними вполнѣ порядочныхъ, крайне полезныхъ и твердо вѣрныхъ людей."

Князь Бебутовъ, уже совершенно больной, разбитый ревматизмомъ и подагрой, получилъ къ Пасхѣ 1867 года орденъ св. Анны I степени; графъ Бергъ, зная, что князь уже очень слабъ, пріѣхалъ къ нему самъ оказать вниманіе своимъ поздравленіемъ.—Князь оживился; онъ очень дорожилъ расположеніемъ къ нему фельдмаршала-намѣстника; „ны знаю какъ благодарить, ны знаю, ны знаю," твердилъ онъ армянскимъ говоромъ; „какія у меня заслуги тоже ны знаю, Анну получить лестно, очинъ лестно, ваше сіятельство, а если бы къ ней еще можно было прибавить силъ нижегородскаго прапорщика!" (князь всю жизнь гордился тѣмъ, что служилъ въ славномъ нижегородскомъ драгунскомъ полку).—Графъ смѣялся шуткѣ стараго кавказца.

Къ сожалѣнію, „эту Анну" довелось только пронести на подушкѣ при пышныхъ похоронахъ маститаго ветерана-служаки: вскорѣ послѣ Ѳоминой недѣли онъ скончался въ Варшавѣ же;—громадныя толпы невѣдомаго народа провожали тѣло добряка-благотворителя, который всю жизнь, дѣлая добро, отдавая все свое,—твердо держался принципа,—„правая рука не вѣдаетъ, что творитъ лѣвая".

XII.

И такъ въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ графъ Бергъ слылъ за человѣка справедливаго и вообще пользовался такимъ расположеніемъ къ себѣ, какого рѣдко начальники, стоящіе во главѣ высшаго управленія, имѣютъ случай заслуживать. Прослывъ сразу за человѣка энергичнаго, рѣшительнаго, спокойнаго, тактичнаго, въ высшей степени нравственнаго, гр. Бергъ, за время введенія новаго положенія объ управленіи краемъ, стяжалъ себѣ славу человѣка безпристрастнаго.

Но вотъ, мало, по малу начали проникать въ общество, а особенно въ военную среду, слухи о различныхъ фактахъ, показывавшихъ, что года графа стали подходить къ старческимъ.—Помогло этому то, что стоящимъ въ подобныхъ случаяхъ всегда вездѣ на стражѣ своихъ личныхъ интересовъ, родственникамъ удалось воспользоваться нѣсколько разъ стремленіями графа не обходить, отъ времени до времени, близкихъ родныхъ и по возможности имъ помогать; они втянули его въ нѣсколько такихъ исторій, которыя сразу, если не омрачили славу этого царскаго слуги, то значительно ее пошатнули. Если каждая изъ тѣхъ исторій сама по себѣ и могла бы считаться мелкою, то тѣмъ болѣе ихъ могъ бы такой большой дипломатъ избѣжать и на нихъ не попасться хотя бы ради сохраненія чистоты своего имени.

Пошли вдругъ разговоры о томъ, что графъ Бергъ держитъ около себя извѣстнаго генерала Затлера, такъ темно зарекомендовавшаго себя въ Крымскую кампанію въ должности интенданта арміи.—Маленькій, юркій, по виду хитроумный, дальній родственникъ фельдмаршала, Затлеръ вертѣлся при „дворѣ“ графа, всегда бывалъ у него почти запросто; графъ даже исходатайствовалъ ему какое-то полупомилованіе,—такъ говорили вездѣ въ тѣ времена.

Въ томъ же 1867 году лѣтомъ Государь Императоръ посѣтилъ Варшаву въ первый разъ послѣ усмиренія возстанія; проведя въ ней 5-6 дней, Государь произвелъ разнообразные смотры войскамъ, остался очень доволенъ всѣмъ, что видѣлъ, пожаловалъ награды; но, какъ тогда говорили, ходатайство графа о предоставленіи Затлеру должности на дѣйствительной службѣ рѣшительно отклонилъ.

Приблизительно въ это время графъ усыновилъ трехъ сыновей родного брата своего—курляндскаго помѣщика Берга;—въ этомъ, конечно, никто ничего предосудительнаго не усмотрѣлъ и усмотрѣть не могъ.—Графъ былъ бездѣтный, женатъ онъ былъ на итальянкѣ (женился на ней послѣ романической исторіи, въ которой пришлось ему дуэлью потребовать развода);—къ описываемому времени онъ и жена его были въ преклонныхъ годахъ; съ согласія графини,

онъ исходатайствовалъ усыновленіе трехъ племянниковъ,—сыновей, своего брата Густава, съ передачей имъ титула, а также маіоратныхъ и другихъ имѣній;—въ этомъ рѣшительно ничего не было особеннаго.

Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, кажется окончивши курсъ Дерптскаго университета или Александровскаго лицея, поступилъ въ Уланскій Его Величества полкъ, получивъ прямо офицерскій чинъ (корнета) и очень скоро былъ назначенъ флигель-адъютантомъ (впослѣдствіи онъ женился на вдовѣ убитаго въ одномъ изъ Шипкинскихъ боевъ командира батареи 14 артиллерійской бригады флигель-адъютанта полковника князя Мещерскаго; жена этого князя Мещерскаго была рожденная княжна Долгорукова—родная сестра свѣтлѣйшей княгини Юрьевской).—Всѣ три молодые графы Берги были очень симпатичные и прекрасные люди.—Едва-ли однако вопросъ объ усыновленіи дѣтей одного брата не вызвалъ исторіи, такъ какъ графъ, ничего не подозрѣвая, счелъ себя обязаннымъ вознаградить другого брата.—Вотъ одинъ изъ эпизодовъ, о которомъ всѣ, стоявшіе на сторонѣ прекрасныхъ качествъ графа Берга, разсказывали съ сожалѣніемъ, а враги передавали изъ устъ въ уста съ большимъ злорадствомъ, какъ нѣчто якобы доказательное противъ его нравственныхъ качествъ, придавая этому широкое значеніе.

XIII.

Слѣдующій фактъ надолго повернулъ общее мнѣніе о графѣ.

Къ началу польскаго возстанія, между прочимъ была при своей кавалерійской дивизіи переведена изъ внутреннихъ губерній въ Польшу 2-ая конно-артиллерійская бригада.—Одной изъ батарей бригады и всей бригадой командовалъ полковникъ фонъ-деръ Бриггенъ, а другой батареей—подполковникъ Ц.

Вскорѣ по вступленіи бригады въ предѣлы царства Польскаго, подполковникъ Ц., какъ гласила тогда молва, отправляя свое семейство въ Курляндію или въ Лифляндію, сопровождалъ его и, какъ дошло до свѣдѣнія тогдашняго начальника артиллеріи генералъ-адъютанта Шварца,—нашелъ возможнымъ и умѣстнымъ исходатайствовать для себя и для семьи своей проѣздной (путевой) паспортъ или видъ отъ польскаго повстанскаго правительства (Rząd narodowy—жондъ народовый). Съ этимъ паспортомъ онъ проѣхалъ туда и возвратился обратно, имѣя, разумѣется, при себѣ и служебный военный билетъ, при чемъ будто бы умудрялся показывать, смотря по надобности, то тотъ, то другой.

Генералъ-адъютантъ Владиміръ Максимовичъ Шварцъ, узнавъ объ этомъ, тщательно провѣрилъ фактъ, а затѣмъ потребовалъ Ц. къ себѣ и приказалъ ему немедленно выйти въ отставку, пригрозивъ, въ случаѣ неповиновенія, увольненіемъ безъ прошенія; какъ человѣкъ крутой, рѣзкій и правдивый, генералъ Шварцъ не стѣснялся охарактеризовать поступокъ Ц., какъ ему казалось наиболѣе подходящимъ.

Врядъ ли Ц. желалъ уйти по случаю военнаго времени, и нельзя думать, чтобы онъ обрадовался случаю не подвергать себя опасностямъ военнаго времени—какъ тогда говорили; вѣрнѣе онъ жалѣлъ о своей участи;—но такъ или иначе, онъ безпрекословно исполнилъ требованіе генерала Шварца, не заставивъ себѣ повторить приказаніе.

Это случилось за нѣсколько мѣсяцевъ до назначенія графа Берга намѣстникомъ царства Польскаго и главнокомандующимъ. Прошло смутное время повстанья; 2-ая бригада со своей кавалеріей ушла обратно въ Россію; въ царствѣ Польскомъ осталась лишь 3-я кавалерійская дивизія со своей артиллеріей—съ 3-й конно-артиллерійской бригадой. Въ ней одной батареей и бригадой командовалъ генералъ-маіоръ Николай Павловичъ Головачевъ, а другой батареей—подполковникъ Николай Ивановичъ Штоссъ.

Съ теченіемъ времени генералъ-адъютантъ Шварцъ былъ замѣненъ генералъ-лейтенантомъ княземъ Ник. Ѳед. Масальскимъ.

Въ декабрѣ 1866 г. фельдмаршалъ графъ Бергъ, совершенно неожиданно, возложилъ на начальника артиллеріи князя Масальскаго обязанность объявить генералу Головачеву, что онъ не можетъ оставаться болѣе на службѣ и долженъ подать прошеніе объ увольненіи въ отставку.

Никакихъ причинъ этого не только не объявлялось, но, вѣроятно, и не подыскивалось. Въ тѣ времена все это продѣлывалось совсѣмъ упрощенно; чтобы кто-либо подумалъ предложить въ утѣшеніе усиленную пенсію или что-нибудь подобное, объ этомъ не могло быть и рѣчи.

Князь Н. Ѳ. Масальскій представлялъ собою человѣка въ высшей степени справедливаго, рыцарски честнаго; поэтому совершенно неожиданное предложеніе генералу Головачеву выйти въ отставку принято было такъ, что если князь Масальскій не нашелъ нужнымъ и возможнымъ отстоять своего подчиненнаго, значитъ, нашлись къ тому вѣскіе поводы и причины.

Въ концѣ января 1867 г. генералъ Головачевъ былъ уволенъ отъ службы; но вотъ что поразило всю армію: въ серединѣ или въ концѣ марта она съ удивленіемъ прочла въ „Русскомъ Инвалидѣ“,

что отставной подполковникъ Ц. опредѣленъ на службу съ производствомъ въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ 3-й конно-артиллерійской бригады и конно-облегченной № 6-го батареи той бригады (впослѣдствіи 2-я батарея 3-й конно-артиллерійской бригады).

Какъ громомъ поразило это извѣстіе весь Варшавскій военный округъ. Полковникъ, батарейный командиръ, уволившійся въ отставку въ моментъ начала военныхъ дѣйствій—если не за проступокъ, то во всякомъ случаѣ по поводу проступка, пробывъ въ отставкѣ болѣе четырехъ лѣтъ, награждается, какъ отличившійся, чиномъ полковника и изъ батарейныхъ командировъ возводится въ бригадные.

Тогда же въ мартѣ 1867 года, къ ужасу всѣхъ выяснилось, что Ц. былъ женатъ на дочери другого родного брата намѣстника,—курляндскаго же помѣщика Берга—Максима, и только оттуда происходило все его—Ц. счастье. Весьма вѣроятно, что ни графъ Бергъ, ни князь Масальскій объ исторіи съ паспортомъ, о сношеніяхъ Ц. съ „жондомъ народовымъ“ ничего не подозрѣвали и не знали. Родные воспользовавшись расположеніемъ намѣстника къ нимъ, а отчасти приближеніемъ его къ полному рамолисменту, упросили его сдѣлать это; онъ ничего ровно въ этомъ не подозрѣвалъ,—а между тѣмъ, радовался случаю и предвкушалъ удовольствіе хоть сколько-нибудь вознаградить брата, которому могло показаться непріятнымъ усыновленіе всѣхъ сыновей другого брата и потому—велѣлъ сдѣлать представленіе; въ штабѣ округа, конечно, не посмѣли возразить, въ главномъ артиллерійскомъ управленіи не захотѣли, главному штабу было все равно и не изъ-за чего было идти противъ такой силищи, какую представлялъ фельдмаршалъ графъ Бергъ—такое дѣло сладилось и подошло подъ Высочайшую подпись.

Могло случиться и то, что графъ Бергъ приказалъ провѣрить обстоятельства дѣла, и въ его глазахъ могло оказаться неправильнымъ все, принятое генералъ-адъютантомъ Шварцемъ за непреложное.—Въ глазахъ графа Берга полковникъ Ц. могъ оказаться совершенно оправданнымъ, и тогда является тѣмъ болѣе понятнымъ желаніе его вознаградить штабъ-офицера, пострадавшаго вслѣдствіе невѣрнаго донесенія на него и несправедливаго освѣщенія его поступка.

Генералъ-адъютантъ Шварцъ, состоявшій въ то время членомъ Военнаго Совѣта и предсѣдателемъ одного изъ комитетовъ, быть можетъ, не только побрюзжалъ, но и покричалъ, попѣтушился, да уже послѣ того, какъ Высочайшій приказъ состоялся, т. е. тогда, когда было поздно.

Такъ или иначе,—сколько было объ этомъ разговоровъ въ Варшавѣ; чего-чего только не вплели на графа Берга и на нѣмцевъ

вообще! Тутъ еще начали увѣрять, что попавшій подъ начальство Ц. подполковникъ Штоссъ былъ по службѣ въ чинѣ подполковника старше Ц. и такимъ образомъ оказался какъ бы обойденнымъ; это можетъ быть и не совсѣмъ такъ, но очень можетъ быть, что если подполковникъ Штоссъ, въ минуту увольненія подполковника Ц. въ отставку, былъ тоже подполковникомъ, то за четыре съ лишнимъ года бытности Ц. въ отставкѣ, онъ—Штоссъ могъ, оставаясь на службѣ, пріобрѣсти числомъ лѣтъ надъ Ц. старшинство въ чинѣ.—Это мелочь; но и безъ этого дѣло показалось настолько вопіющимъ, что пройти безъ скандала и шума никоимъ образомъ не могло.

Сначала казалось, что Ц. шагу ступить не дадутъ, что ему житья не будетъ; но въ этомъ отношеніи все обошлось, хотя и съ нѣкоторыми шероховатостями,—благополучно для Ц. Онъ тою бригадою и батареею прокомандовалъ лѣтъ 8 съ лишнимъ, а всего на службѣ оставался до генералъ-лейтенантскаго чина лѣтъ 25, пока не умеръ, кажется, отъ старости,—унеся съ собой въ гробъ то, что испытывала въ этомъ отношеніи его совѣсть. Онъ очень долго командовалъ 10-ою артиллерійскою великаго князя Михаила Николаевича бригадою.

Извѣстно, какъ трудно разубѣдить общественное мнѣніе, даже принимая для достиженія этого самыя серьезныя мѣры; въ этомъ же случаѣ не явилось даже попытки къ тому, вслѣдствіе этого въ обществѣ, особенно же въ военной средѣ, не было и повода отбросить установившееся мнѣніе, хотя бы и несправедливое; никто не приложилъ къ этому тогда ни малѣйшаго труда. Такъ нареканіе и осталось на всегда.

Какъ ни былъ мелоченъ этотъ фактъ, какъ ни кажется онъ и теперь пустячнымъ на горизонтѣ широкой государственной дѣятельности генералъ-фельдмаршала графа Берга, но онъ оставилъ на ней въ глазахъ всѣхъ неизгладимое пятно, какъ-будто бы какой-то фальши, подкупности, несправедливости, кривды и пристрастія, съ пренебреженіемъ ко всему тому, что дорого истинно-русскому человѣку вообще, а въ томъ краѣ въ особенности.—Бочку меду испортило дѣло Ц., ложкой дегтя. Въ военныхъ кругахъ этого простить не могли.—Жалко было, что мнѣніе о такомъ крупномъ государственномъ дѣятелѣ и серьезномъ человѣкѣ вдругъ коренным образомъ измѣнилось въ той средѣ, которая была пропитана уваженіемъ къ нему.—Ему, конечно, отъ этого не было ни тепло, ни холодно, но со стороны жаль было видѣть и знать, что такъ жестоко былъ подведенъ человѣкъ, твердый, всегда стоявшій на стражѣ обереганія своей репутаціи.

XIV.

Нельзя пройти молчаніемъ нѣсколько небольшихъ эпизодовъ, случившихся въ Варшавѣ въ томъ же 1867 г.—Въ страстную субботу графъ, получивъ изъ Петербуга по телеграфу списки Высочайшихъ наградъ, вышедшихъ къ Пасхѣ, послалъ начальнику жандармскаго округа царства Польскаго генералъ-маіору барону Плат. Алекс. Фредериксу поздравленіе съ награжденіемъ его орденомъ Св. Анны 1 степени. Обрадованный Фредериксъ немедленно пріобрѣлъ орденъ и на ночной пасхальный выходъ въ замокъ явился въ новой лентѣ. Черезъ два дня, когда пришли изъ Петербурга газеты, оказалось, что орденомъ Св. Анны 1 степ. награжденъ не баронъ Фредериксъ, а генералъ-маіоръ Фридрихсъ, кажется, тогдашній московскій комендантъ.—Сконфуженъ баронъ Фредериксъ былъ до того, что подалъ прошеніе объ отчисленіи отъ должности; графъ Бергъ, послѣ долгихъ переговоровъ, уволилъ его въ отпускъ безъ отчисленія; а въ іюнѣ, по пріѣздѣ Государя, доложилъ Его Величеству объ этомъ случаѣ, какъ о своемъ непростительномъ промахѣ.— Государь, оставаясь всегда вѣрнымъ себѣ въ дѣлѣ оказанія при всякихъ случаяхъ милостей, велѣлъ объявить генералу барону Фредериксу, что, зная и цѣня его службу, жалуетъ ему этотъ орденъ, и что онъ можетъ возвратиться къ мѣсту служенія; въ слѣдующемъ, 1868 году, въ пріѣздъ свой въ Варшаву, Государь вспомнилъ объ этомъ эпизодѣ, поговорилъ о немъ и назначилъ генералъ-маіора барона Фредерикса въ свою свиту.

Въ тотъ же пріѣздъ Государя надѣлала не мало шума исторія, случившаяся въ замкѣ на балу, данномъ намѣстникомъ-фельдмаршаломъ въ честь Государя.—Государь былъ очень доволенъ всемъ, что ему довелось видѣть въ Варшавѣ. Пріѣхавъ на балъ въ очень благодушномъ настроеніи, Его Величество подходилъ къ наиболѣе виднымъ представителямъ польскаго общества и милостиво бесѣдовалъ съ ними.

Магнаты, въ большинствѣ быть можетъ тѣ же самые, которые года за четыре до того стояли передъ этимъ самымъ кроткимъ великодушнымъ Государемъ, слушая его многознаменательное, твердое и грозное наставленіе—„point de rêveries!"—были, видимо, въ восторгѣ отъ оказанной имъ ласки. Поговоривъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, Государь подошелъ къ стоявшему неподалеку генералу Т.' который занималъ въ высшей администраціи очень видный постъ и всегда вызывалъ со стороны фельдмаршала-намѣстника похвалы своей дѣятельности, одобреніе и благодарность; вѣроятно, графъ Бергъ

доложилъ Государю о выдающейся дѣятельности этого генерала. Государь съ нимъ заговорилъ привѣтливо и ласково. О чемъ думалъ въ тѣ минуты генералъ Т., является большимъ вопросомъ: вѣроятно, до него долетали отдѣльныя фразы изъ бесѣды, которою Государь удостоилъ магнатовъ на французскомъ языкѣ, и онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ на привѣтливое русское обращеніе Царя разразиться французскими отвѣтами. Государь слегка насупился, отступилъ на одинъ шагъ, оглядѣлъ своего „собесѣдника" и тихо,— въ полголоса,—сказалъ: „если Вамъ дѣлаютъ честь—обращаются къ Вамъ, слѣдуетъ соблюдать самую простую деликатность—отвѣчать на томъ языкѣ, на которомъ съ Вами заговариваютъ". Дальнѣйшей бесѣды Государь не удостоилъ этого генерала.

Графъ Бергъ былъ крайне огорченъ случившимся; говорили, что онъ потомъ старался всячески утѣшить генерала, котораго заслуги такъ цѣнилъ и службой котораго такъ дорожилъ.

— Вотъ-вотъ, какъ это могло случиться?—если бы я могъ предвидѣть, я Васъ предупредилъ бы; Государь рѣдко съ кѣмъ изъ насъ говоритъ иначе, какъ по-русски, по-французски говоритъ, по большей части, лишь съ тѣми, кто не знаетъ русскаго языка, а Вы, генералъ, прекрасно владѣете своимъ роднымъ, русскимъ языкомъ; если бы я могъ подумать, я Вамъ подсказалъ бы раньше.

Независимо отъ этого графъ представилъ генерала Т., въ числѣ двухъ, трехъ лицъ изъ высшихъ чиновъ, къ награжденію высшими орденами, и Государь передъ отъѣздомъ утвердилъ представленіе.— Генералъ Т. получилъ орденъ Бѣлаго Орла или Александра Невскаго. Утѣшеніемъ, конечно, это ему служить не могло—слишкомъ большой промахъ былъ учиненъ; Государь далъ этому случаю совершенно опредѣленную оцѣнку, а генералу большой чувствительный урокъ.

Графъ Бергъ не разъ возвращался къ этому промаху и при этомъ говорилъ: да, да Государь говоритъ по-французски съ тѣмъ, кто плохо владѣетъ русскою рѣчью; къ сожалѣнію и къ стыду, такіе встрѣчаются у насъ между генералами и вообще между высокими чинами, а между тѣмъ намъ всѣмъ слѣдуетъ знать русскій языкъ въ совершенствѣ.

Разсказывали, что Государь, проявляя особую любезность къ маститому фельдмаршалу, говорилъ съ нимъ, почти всегда съ глазу на глазъ, по-французски.

Здѣсь кстати замѣтить, что самъ графъ прекрасно говорилъ по-русски и зналъ языкъ до тонкостей. Если ему случалось встрѣтить офицера, или штабъ-офицера или генерала, плохо выражавшагося по-русски, онъ всегда выискивалъ удобный случай или моментъ,

преподать въ мягкихъ и деликатныхъ выраженіяхъ совѣтъ „выработать акцентъ", или „больше читать по-русски", или по-просту „заняться русскимъ языкомъ"; „Вотъ-вотъ, учиться никогда не поздно, а служа въ Россіи, мы обязаны быть вполнѣ русскими, такъ же, какъ и заботиться обо всемъ русскомъ".

XV.

Въ томъ же году сталъ извѣстенъ случай, повидимому, пустой, но, въ сущности, много говорящій и показывающій, насколько покойный фельдмаршалъ былъ вообще внимателенъ, несмотря на массу дѣлъ и на преклонный возрастъ.—Въ 3-ей конно-артил. бригадѣ, въ батареѣ подполковника Штосса, молодой офицеръ въ самыхъ первыхъ числахъ февраля, подалъ прошеніе объ увольненіи его въ четырехмѣсячный заграничный отпускъ; приложенное къ прошенію медицинское свидѣтельство указывало, что состояніе легкихъ и дыхательныхъ путей требуетъ немедленнаго отъѣзда для пребыванія въ южномъ климатѣ.—Смыслъ этого указанія былъ тотъ, чтобы молодому организму предоставлено было провести внѣ климата царства Польскаго раннюю весну;—климатъ варшавскаго раіона всегда считался губительнымъ.—Во второй половинѣ мая обѣ батареи бригады прибыли походомъ изъ Сѣдлецкой губ.,—изъ городовъ Бѣлы и Радина подъ Варшаву, гдѣ и расположились за Вольской рогаткой на Сохачевскомъ трактѣ по деревнямъ: Гройцы въ 5 верстахъ, Лятхаржевъ въ 9 верстахъ, Бабицы въ 14 верстахъ отъ Варшавы.—Молодой офицеръ, жаждавшій отпуска и серьезно въ немъ нуждавшійся, за неполученіемъ разрѣшенія, вынужденъ былъ прибыть подъ Варшаву со своей батареей верхомъ, при чемъ, конечно, за девять дней похода, довелось ему испытать и усталость, и тропическую жару, а когда и стужу, и проливной дождь.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи батарей, командиры ихъ, т. е. командиръ 2-ой батареи и всей бригады полковникъ Ц. и командиръ 1-ой батареи подполковникъ Штоссъ, являлись начальнику артиллеріи, а затѣмъ главнокомандующему.—Каково же было удивленіе полковника Ц., когда при общемъ представленіи командировъ артиллерійскихъ частей, прибывшихъ въ лагерь (всего было собрано девять бригадъ), графъ Бергъ, обратившись къ нему, сказалъ: вотъ-вотъ, полковникъ, у васъ вышла большая неисправность, большая; офицеръ молодой, больной просился въ отпускъ, крайне въ немъ нуждался, съ начала февраля ждетъ, а я получилъ возможность разрѣшить ему отпускъ только вчера; я очень заинтересовался

этимъ „курьезомъ“; надо было приложить особое стараніе къ тому, чтобы это ходатайство, со дня подачи офицеромъ, шло до главнокомандующаго 108 дней, изъ коихъ задержалось у васъ въ бригадѣ 96 дней; на остальныя инстанціи оказалось вполнѣ достаточно 12-ти дней (окружное артил. управл., штабъ округа и докладъ главнокомандующему).

Фельдмаршалъ разсказалъ подробности этого, какъ онъ назвалъ, „курьеза“; а затѣмъ добавилъ: офицеровъ у васъ подъ командой очень мало (дѣйствительно во всей бригадѣ состояло 11 человѣкъ), ходатайства офицерскія могутъ поступать къ вамъ рѣдко, поэтому да и потому, что вообще офицеры обращаются съ ходатайствами только въ крайнемъ случаѣ, когда дѣйствительно къ тому является крайняя нужда,—хорошій заботливый командиръ, заботясь о нуждахъ офицеровъ, долженъ приходить имъ на помощь во всемъ, это его долгъ; при условіяхъ, въ которыхъ вы находитесь и въ вопіющемъ случаѣ подобномъ тому, о которомъ идетъ рѣчь, вамъ слѣдовало поторопить дѣло; вотъ-вотъ офицеру надо было провести весну на югѣ, онъ уже успѣлъ бы почти отбыть четырехмѣсячный отпускъ и вернулся бы къ лагерной службѣ здоровымъ. Это вопіющее дѣло, полковникъ Ц.

Дѣйствительно, вышелъ „курьезъ“ и мало за это вопіющее дѣло досталось полковнику Ц.; оказалось, что прошеніе, поданное при рапортѣ на имя командира батареи подполковника Штосса 5 февраля, было отправлено 7-го въ г. Бѣлу (50 верстъ) къ командиру бригады полковнику Ц.: возвращенное изъ бригаднаго управл. при надписи отъ 11 марта, оно поступило обратно въ батарею 13 марта; надпись гласила, что въ медицинскомъ свидѣтельствѣ батарейный врачъ Каличицкій передъ своей подписью не поставилъ числа—предписывалось восполнить этотъ пропускъ и представить вновь. 15 марта отослано въ Бѣлу. При надписи бригаднаго управленія отъ 16 апр. возвращено вновь, во 1-хъ, для исправленія представлявшейся въ подобныхъ случаяхъ краткой записки о службѣ ходатайствовавшаго офицера—въ ней написано было:—„содержанія 312 рублей въ годъ“ пропущено, значитъ, слово „получаетъ“, а во 2-хъ, для истребованія объясненія отъ офицера,—пожелаетъ ли онъ воспользоватьси отпускомъ безъ сохраненія содержанія—ходатайство о сохраненіи содержанія не можетъ быть представлено на разрѣшеніе высшаго начальства.

Въ батарею поступило 19-го, а 21-го отправлено въ Бѣлу за надлежащимъ исправленіемъ и съ отвѣтомъ, что офицеръ воспользоваться отпускомъ безъ содержанія хочетъ (104 рубля въ треть, т. е. за четыре мѣсяца). И вотъ изъ словъ фельдмаршала видно, что отъ управленія 3-ей конно-артил. бригады дѣло пришло въ Вар-

шаву на 96-й день—6-го мая; а черезъ 12 дней, т. е. 18-го, оно дошло до фельдмаршала, и онъ разрѣшилъ отпускъ.

Въ этомъ „курьезѣ“ не менѣе „курьезно“ то, что когда на замѣчаніе графа, выраженное словами: „это вопіющее дѣло, полковникъ Ц.“, послѣдній отвѣтилъ должно быть очень смутившись: я уже замѣчалъ, а теперь на бригаднаго адъютанта князя Ратіева будетъ наложено взысканіе,—фельдмаршалъ сказалъ: вотъ-вотъ, хорошо, что нашелся виновный кромѣ васъ.

Объѣзжая однажды батареи во время смотра практической стрѣльбы, маститый главнокомандующій, вспомнивъ объ офицерѣ, спросилъ о немъ такъ:—а гдѣ потерпѣвшій? Полковникъ Ц. сначала растерялся, не понявъ, о комъ шла рѣчь,—о просителѣ или объ адъютантѣ, такъ безбожио проволочившемъ его ходатайство. Узнавъ о томъ, что офицеръ предполагаетъ воспользоваться отпускомъ позже—такъ какъ пожелалъ отбыть предстоявшій Царскій смотръ, графъ Бергъ приказалъ представить ему того офицера, а отпускъ разрѣшилъ ему съ сохраненіемъ содержанія, при чемъ сказалъ, обратившись къ полковнику Ц.: „объ этомъ вамъ слѣдовало сразу представить на мое усмотрѣніе“.

Поразительная память и удивительное вниманіе.

„Потерпѣвшій“ отбылъ такимъ образомъ въ строю лагерное время и между прочимъ успѣлъ, по распоряженію начальника артил., генералъ-лейтенанта князя Масальскаго, отсидѣть трое сутокъ на гауптвахтѣ за то, что прозѣвалъ какую-то команду въ строю.

XVI.

Когда въ 1870 году командиръ 3-ей батареи гвардейской конной артиллеріи полковникъ М. И. Бреверпъ обратился къ главнокомандующему съ просьбой—почтить своимъ присутствіемъ 6 декабря торжество освященія устроеннаго имъ во вновь построенной батарейной каменной казармѣ храма во имя Св. Николая Чудотворца, графъ принялъ приглашеніе съ видимымъ удовольствіемъ. Служившіе тогда въ той славной батареѣ помнятъ, что графъ пріѣхалъ къ началу богослуженія въ формѣ 13-го (нынѣ 37-ой Драгунскій) Драгунскаго Военнаго Ордена полка, въ списки котораго былъ зачисленъ, за годъ до того, кажется, 26 ноября 1869—въ день празднованія столѣтія со времени установленія Великою Екатериною ордена Св. Георгія и знака отличія Военнаго Ордена.

Послѣ освященія храма, фельдмаршалъ обошелъ казарму, попробовалъ солдатскую пищу, поздравилъ батарею съ новымъ, хорошо по-

строеннымъ и заботливо устроеннымъ помѣщеніемъ, принялъ предложенный полковникомъ Бреверномъ, сервированный въ одномъ изъ залъ казармы завтракъ, за которымъ въ краткомъ словѣ выразилъ удовольствіе по поводу всего имъ видѣннаго и свое слово закончилъ такъ: „но вотъ-вотъ, пріятнѣе всего знать и видѣть, что вы—лютеранинъ, показали примѣръ такого горячаго участія къ духовной жизни ввѣренной вамъ батареи; нужно замѣтить, что въ послѣднее время такое похвальное проявленіе участія начинаетъ встрѣчаться иногда; а прежде можно было встрѣтить много командировъ, которые, будучи иновѣрцами, относились совершенно равнодушно и безучастно ко всему, что касается господствующей религіи православной; это тоже приходится вспоминать къ стыду; нашъ долгъ заботиться о православной церкви, по крайней мѣрѣ столько же, сколько заботятся о ней ревностные начальники изъ числа русскихъ, истинно православныхъ людей“.

По этому поводу нельзя не вспомнить, что Императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ однажды въ началѣ своего царствованія одинъ изъ гв. кавалерійскихъ полковъ, обходилъ его казарменно-квартирное расположеніе и, увидѣвъ въ раіонѣ полка церковь, сказалъ: это полковой храмъ? во имя какого святого? Полковой командиръ,—нѣмецъ, едва говорившій по-русски, ничего не понялъ; Государь повторилъ вопросъ по-французски; командиръ и понятія объ этомъ не имѣлъ, но, не желая, Боже сохрани, показать свое незнаніе, сообразилъ отвѣтить, что это храмъ во имя „всѣхъ святыхъ“.

Государь этого не забылъ, а когда подошло время, предупредилъ за нѣсколько дней и пріѣхалъ въ полкъ въ день празднованія всѣхъ святыхъ; съ тѣхъ поръ полкъ праздновалъ свой праздникъ въ этотъ день, а между тѣмъ полковая церковь имѣла престольный образъ Знаменія Пресвятой Богоматери.

Полковой командиръ этотъ впослѣдствіи командовалъ дивизіей, а затѣмъ корпусомъ; тогда же во время завтрака, по отъѣздѣ фельдмаршала, батарейный командиръ М. И. Бревернъ разсказывалъ, что когда однажды, начальникъ штаба, получая отъ того генерала приказаніе о парадѣ съ крестнымъ ходомъ, спросилъ: прикажете выходить съ „хоругвями“,—генералъ, вообразивъ, что рѣчь идетъ о „хирургахъ“ т. е. медицинскихъ чинахъ, будто бы сердито отвѣтилъ: „какой праздничный (праздный) вопросъ, всѣмъ чинамъ участвовать, не можно изъ большой парадъ докторà und ветринеры исключать“.

Про этого же генерала разсказывали, будто бы онъ, несмотря на то, что много лѣтъ слышалъ русскую поговорку „нашла коса на

камень",—во-первыхъ, произносилъ ее „пошла коза ногами", а во-вторыхъ, употреблялъ ее всегда, что называется, ни къ селу, ни къ городу,—совершенно не кстати.

XVII.

Отличительною чертою графа Берга являлась забота его о бытѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ; этой же заботы онъ требовалъ отъ начальствующихъ лицъ.—Когда выходило какое-либо измѣненіе формы, графъ Бергъ сейчасъ бралъ на себя инициативу исходатайствованія денежныхъ выдачъ офицерамъ на обзаведеніе.—Служившіе въ то время въ артиллеріи между прочимъ помнятъ, что когда въ 1867 году въ пѣшей артиллеріи дорого стоившій барашковый вальтрапъ былъ замѣненъ суконнымъ съ широкими бархатными полосами, графъ Бергъ, несмотря на то, что данъ былъ двухгодичный срокъ для донашиванья и постепенной замѣны, призналъ необходимымъ выдать артиллерійскимъ офицерамъ пособіе—это не сюртукъ, который необходимо перемѣнить, когда сносишь,—дорогой барашковый вальтрапъ въ два года не сносишь, въ особенности, если пришлось его только-что передъ замѣной купить новый.—„Подлежащія вѣдомства" старались не дать или оттянуть разными представленіями выдачу, но графъ взялъ дѣло въ свои руки; результатомъ его настойчивости вышла выдача офицерамъ артиллеріи по 100 р.—Тѣ же „подлежащія вѣдомства" старались опять-таки „многорѣчивыми представленіями на благовоззрѣніе" спасти хоть половину суммы, почтительно докладывая, что новый суконный вальтранъ стоитъ лишь 45 рублей.—Графъ фельдмаршалъ на эту мелочь не обратилъ вниманія, велѣлъ выдать, какъ сказано, по 100 рублей: бросить или изъять приходится дорогой барашковый вальтрапъ, за который платилось 175—200 рублей.—А когда неугомонныя „подлежащія вѣдомства" послѣ выдачи денегъ донесли, что неправильно выдано по 100 руб. не только офицерамъ пѣшей артиллеріи, но и конно-артиллеристамъ, а между тѣмъ у нихъ вальтрапъ остался той же формы, которую, именно по образцу конной артиллеріи, ввели и въ пѣшей артиллеріи, слѣд., надлежитъ возвратить въ казну ошибочно ассигнованную сумму,—фельдмаршалъ сказалъ, что взыскать слѣдовало бы съ тѣхъ, кто, за пустыми препирательствами, прозѣвалъ объ этомъ доложить во́-время; во всякомъ случаѣ деньги уже выданы, вѣроятно, истрачены, возвращать ихъ не приходится; казна или интендантство отъ этого немного потеряетъ, такъ какъ офицеровъ конной артиллеріи немного, а имъ такая сумма въ маленькомъ бюджетѣ всегда пригодится.

Разсказы объ этихъ и подобныхъ случаяхъ со всѣми мелочами разносились по частямъ войскъ, варьировались, разбирались на разные лады, занимали офицерскія общества, болѣе и болѣе вселяя въ нихъ убѣжденіе въ томъ, что графъ Бергъ, выказывая всегда и всюду „мелочную" заботу о бытѣ офицеровъ, нижнихъ чиновъ, а также и войсковыхъ частей,—былъ въ сущности далеко немелочной человѣкъ.

Пріѣзды Государя въ Варшаву всегда ознаменовывались выдачею офицерамъ округа третного или полутретного жалованья: какъ всѣ знали, графъ Бергъ докладывалъ Государю ходатайство свое о такой выдачѣ во вниманіе къ тому, что офицеры съ большой радостью пріобрѣтаютъ новое обмундированіе, дабы представиться Государю щеголями, а это, при дороговизнѣ жизни въ Варшавѣ, и въ округѣ, отзывается каждый разъ чувствительно на болѣе, чѣмъ скромномъ бюджетѣ каждаго изъ офицеровъ.

XVIII.

Въ заботахъ вообще о частяхъ войскъ графъ поднялъ вопросъ о необходимости постепенной постройки казармъ для всѣхъ родовъ оружія и систематическаго веденія этого дѣла; по его настоятельному, энергичному представленію были построены въ Варшавѣ въ Лазенкахъ каменныя казармы для полковъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго и уланскаго Его Величества, а также для 3-ей батареи гвардейской конной артиллеріи. Тогда же ходила молва, что первое представленіе графа Берга объ этомъ встрѣтило большія затрудненія со стороны всѣхъ властей, учрежденій и вѣдомствъ, въ особенности же со стороны министра финансовъ, каковымъ состоялъ тогда Рейтернъ.—Надъ смѣлымъ представленіемъ графа чуть ли не смѣялись, приписывая его праздному измышленію больной фантазіи бредящаго старца; представленію грозила участь быть запрятаннымъ и пропасть въ ворохахъ другихъ представленій подъ спудомъ бумагъ бездѣльныхъ и несуразныхъ,

Но, видимо, ни Рейтернъ, ни другіе не знали, съ кѣмъ имѣли дѣло: графъ Бергъ, своей энергіей, силой и неотступавшею ни передъ чѣмъ настойчивостью, довелъ дѣло до того, что Государь нѣсколько разъ требовалъ доклады о ходѣ переписки и черезъ какихъ-нибудь 15—18 мѣсяцевъ дѣло изъ-подъ спуда увидѣло на столько свѣтъ, что тогда же было рѣшено, по первоначальной идеѣ фельдмаршала, создать немедленно планъ и принять постепенную повсемѣстную въ имперіи постройку казармъ для всѣхъ родовъ

оружія, руководствуясь выдвиганіемъ на очередь частей, наиболѣе нуждающихся и находящихся въ худшихъ условіяхъ.—Была попытка затереть это дѣло въ первый разъ, ни съ того, ни съ сего, вскорѣ послѣ кончины графа, а во второй разъ по случаю понесенныхъ громадныхъ расходовъ на войну 187⁷/₈ гг., но важное это дѣло, иниціаторомъ котораго явился графъ Бергъ, пріобрѣло мало-по-малу слишкомъ много защитниковъ, понявшихъ настоятельность скорѣйшаго выполненія проекта престарѣлаго фельдмаршала, заглядывавшаго орлинымъ взоромъ своимъ всегда и во всемъ далеко въ будущее.

Разсуждали нерѣдко на ту тему, что графъ хлопоталъ о постройкѣ казармъ вовсе не въ заботѣ о войскахъ и о людяхъ служащихъ, а въ созианіи того, что вообще неказарменное расположеніе на широкихъ квартирахъ было неудобовыполнимо въ царствѣ Польскомъ и приносило много хлопотъ.—Эти вздорныя разсужденія не стоятъ и возраженій; а этотъ поводъ возбужденія ходатайства, если бы онъ былъ и единственнымъ вполнѣ, достоинъ уваженія; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что у графа и этотъ поводъ и заботы были одинаково приняты во вниманіе—слишкомъ за это говоритъ вообще все его многолѣтнее въ отношеніи войскъ поведеніе.

Во всякомъ случаѣ Россія въ настоящее время богата массой казармъ; смѣлымъ иниціаторомъ этого былъ фельдмаршалъ графъ Бергъ; его иниціатива дала другимъ возможность показать и развить свою дальнѣйшую похвальную въ этомъ важномъ дѣлѣ энергію, и сколько войсковыхъ частей должны благословлять судьбу за то, что попадаютъ въ хорошо построенныя и прекрасно устроенныя казармы;—не вѣдаютъ они имени того, кому они должны быть благодарны за созданіе и проведеніе въ жизнь этого вопроса, сохранившаго Россіи немалое число тысячъ ея сыновъ, призывавшихся къ выполненію святого дѣла служенія Царю и Отечеству.

Оглядываясь назадъ, приходится за заботливое выполненіе, а также за заботы о дальнѣйшемъ развитіи и преуспѣяніи этого благодѣтельнаго плана, вспоминать съ усердною благодарностью имена военныхъ министровъ графа Милютина и Ванновскаго, содѣйствовавшихъ скорѣйшему осуществленію идеи, благосклонно принятой къ сердцу царями— Императоромъ Александромъ Николаевичемъ и Императоромъ Александромъ Александровичемъ.—Слава Богу, выполненіе затѣяннаго и созданнаго графомъ Бергомъ плана идетъ успѣшно и въ нынѣшнее царствованіе.

XIX.

Вспыхнувшая лѣтомъ 1870-го года франко-прусская война всполошила всѣхъ, заставила говорить о себѣ и чего-то ожидать для Россіи; вскорѣ послѣ раздавшихся на весь міръ громкихъ побѣдъ германцевъ или,—какъ старались представить Бисмаркъ и К°,—пруссаковъ, произошелъ небольшой, мелкій, вѣроятно одинъ изъ многихъ, случай спора двухъ сторонъ, державшихся разныхъ убѣжденій и поддерживавшихъ то ту, то другую изъ воюющихъ сторонъ. Въ тѣ времена въ полевой конной артиллеріи еще держался, освященный традиціями сѣдого прошлаго, обычай, согласно котораго офицеры пользовались гостепріимствомъ своихъ батарейныхъ командировъ, ежедневно обѣдая у нихъ—одинаково у семейныхъ и у одинокихъ.

Случай, о которомъ приходится теперь сказать два слова, вышелъ именно за обѣдомъ у того самаго Ц., о которомъ выше въ этомъ очеркѣ было разсказано.—Полковникъ Ц., всецѣло держась стороны пруссаковъ, горячо и много высказывалъ сочувствія имъ; офицеры же всѣ поголовно (ихъ обыкновенно въ батареѣ бывало три—четыре, да два штабныхъ—а кромѣ того два доктора, капельмейстеръ, ветеринаръ, адъютантъ и казначей) держали сторону французовъ. Съ обѣихъ сторонъ разговоръ держался на очень деликатной почвѣ; было ли что-либо произнесено кѣмъ-нибудь изъ офицеровъ или же полковникъ Ц.—вообще человѣкъ сдержанный, на этотъ разъ не выдержалъ простого общаго напора офицерскихъ мнѣній—неизвѣстно, но вѣрно то, что вдругъ среди возраженій, сдѣланныхъ въ спокойномъ тонѣ двумя-тремя офицерами, онъ, остановивъ упорный взглядъ своихъ громадныхъ глазъ на штабсъ-капитанѣ Ж., сказалъ съ большимъ оттѣнкомъ нѣмецкаго акцента: Хорошо, хорошо, такъ думайте, такъ говорите, но не говорите это здѣсь, у меня! Ж., человѣкъ до тонкости воспитанный, спокойный, возразилъ, что онъ, кажется, въ правѣ былъ бы считать себя въ кругу лицъ, одинаково имѣющихъ право высказывать свои мнѣнія—не о коренныхъ убѣжденіяхъ и дѣло идетъ.—Я вамъ сказалъ, и повторяю, что вы можете это все думать вездѣ, а говорить вездѣ, только не здѣсь, у меня въ домѣ.—Тогда Ж. всталъ и раскраснѣвшись сказалъ: Я думалъ однако не то, что оказалось—и если оказывается, что я говорю не у русскаго батарейнаго командира, какъ батарейный офицеръ, а въ домѣ нѣмецкаго барона, то мнѣ и не приходится здѣсь оставаться.—Что тутъ было дальше, трудно вообразить,—и невозможно передать. Ж. ушелъ; дѣло было въ началѣ обѣда, который конечно этимъ окончился, за Ж. послѣдовали болѣе не кстати, чѣмъ умѣстно, два-три

товарища, а на мѣстѣ, за столомъ, все завершилось кислыми, дѣло не поправившими, фразами оставившихся.

Разсказывается этотъ небольшой эпизодъ къ тому, что онъ сталъ очень скоро извѣстенъ главнокомандующему. Какимъ путемъ онъ дошелъ до фельдмаршала, осталось невыясненнымъ; кто говоритъ, что Ц. довелъ до свѣдѣнія самъ, другіе предполагали, что могъ донести старый капельмейстеръ, опредѣленный въ бригаду самимъ фельдмаршаломъ изъ числа старинныхъ его сослуживцевъ по 1830-му году, считавшій себя близкимъ къ нему человѣкомъ и кичившійся тѣмъ, что, во 1-хъ, онъ, по возрасту, былъ въ то время старше самого фельдмаршала, а во 2-хъ, былъ близкимъ родственникомъ и въ свое время будто бы на рукахъ носилъ польскаго поэта, котораго быть можетъ былъ, въ сущности, лишь однофамильцемъ; наконецъ, высказывали предположеніе, что ни тотъ, ни другой не сдѣлали этого самостоятельно, а старикъ капельмейстеръ исполнилъ въ точности, сходившуюся съ его вожделѣніями, преподанную ему въ ясныхъ намекахъ инструкцію полковника Ц.—Какъ это произошло—неважно, но дѣло въ томъ, что, по всѣмъ тогда распространившимся свѣдѣніямъ, графъ Бергъ пригласилъ къ себѣ Ц. и не какъ фельдмаршалъ и главнокомандующій, а на правахъ „дяди“ разодолжилъ его отчаянной головомойкой; досталось ему на этотъ разъ гораздо строже, чѣмъ за проволочку ходатайства объ увольненіи офицера въ отпускъ.

„Вы и какъ командиръ части, и какъ гостепріимный хозяинъ не могли и не должны были довести дѣло пустячнаго и вздорнаго спора до такой, явившейся для насъ скандальною, исторіи; Ж. виноватъ, но вы еще больше,—сказалъ графъ, и видя готовность полковника Ц. возражать, спокойно добавилъ: et n'en parlons plus“.

Штабсъ-капитанъ Ж., подавъ рапортъ о болѣзни, не являлся болѣе въ гостепріимный домъ Ц.; затѣмъ уѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ, а графъ Бергъ,—безъ всякаго съ чьей бы то ни было стороны ходатайства,—приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы помочь молодому офицеру устроить свою дальнѣйшую судьбу.—Правда, Ж. посчастливилось устроить ее самому, еще до того, что графъ приложилъ къ этому свою мощную руку, но онъ все-таки всегда цѣнилъ благородный поступокъ и тактичное поведеніе фельдмаршала въ этомъ, быть можетъ и пустомъ, но характерномъ дѣлѣ.

XX.

25 декабря 1870 г. мирное теченіе жизни Лазенковскаго отряда (въ Варшавѣ въ Лазенкахъ тогда стояли полки л.-гвардіи Уланскій Его Величества и л.-гв. Гродненскій Гусарскій, а при нихъ 3-я батарея гвард. конной артиллеріи) было нарушено; въ ночь на этотъ день верстахъ въ пяти отъ Лазенокъ на дуэли корнетомъ л.-гв. Уланскаго Его Величества полка В—омъ былъ убитъ корнетъ того же полка Шахъ-Назаровъ.

Шахъ-Назаровъ былъ замѣчательный стрѣлокъ; разсказывали, что никто не отказывался держать въ рукахъ туза, подставляя его для стрѣльбы этого лазенковскаго Вильгельма Теля, и онъ всегда безъ промаху билъ въ очко.

Изъ-за чего произошла дуэль, разсказывать долго.—Шахъ-Назаровъ въ то время былъ переведенъ въ Павловскъ, гдѣ въ тѣ времена стоялъ пятый эскадронъ полка; 23-го и въ сочельникъ онъ ѣздилъ съ прощальными визитами, а подъ утро „рожденія мира міра“ палъ отъ пули, которою закадычный другъ его нечаянно угодилъ ему въ самое сердце.—По разсказамъ секундантовъ, Шахъ-Назаровъ нарочно цѣлилъ въ ноги, дабы окончить поединокъ несмертельнымъ исходомъ.—В. будто бы хотѣлъ послѣдовать его примѣру; въ тотъ моментъ, когда, по счету разъ, два, три, онъ, будучи раненъ въ обѣ ноги насквозь, сталъ валиться, рука его мгновенно поднялась съ пистолетомъ, выстрѣлъ послѣдовалъ при его паденіи и пуля, пролетѣвъ выше, попала въ сердце Шахъ-Назарову.—Молодой, полный силъ, какъ живой, пролежалъ онъ въ ожиданіи прибытія армянскаго духовенства нѣсколько дней въ своей опустѣвшей, по случаю предстоявшаго отъѣзда въ Павловскъ, квартирѣ и съ большими почестями былъ похороненъ 29 декабря.

Передъ выѣздомъ на поединокъ Шахъ-Назаровъ одѣлся во все новое и тщательно побрился; а ко дню похоронъ у покойника густой синевой оттѣнились бакенбарды и борода настолько, что при жизни непремѣнно понадобилось бы вновь побриться.

Всякій разъ, когда должна была произойти въ Варшавѣ или вообще въ Варшавскомъ округѣ дуэль между офицерами, графъ Бергъ, отъ котораго ничего не утаивалось, всегда отдавалъ строгое распоряженіе,—не допускать поединка. Офицеровъ обычно обязывали подпиской, а, при неувѣренности въ дѣйствительности этой мѣры, арестовывали домашнимъ арестомъ.

Одинъ разъ не удалось ни то, ни другое: будучи передъ самой дуэлью настигнуты требованіемъ отказаться отъ нея, два офицера Гродненскаго гусарскаго полка, кажется, въ началѣ 1869 г.,

штабсъ-ротмистръ Ч. и корнетъ Баронъ Р. по уговору съ секундантами, быстро перемѣнили способъ поединка, рѣшивъ прибѣгнуть къ американскому: жребій стрѣлять въ себя,—палъ на барона Р; онъ предобросовѣстно выстрѣлилъ себѣ въ лобъ; пуля, скользнувъ по лобовой кости, прострѣлила шкапъ и застряла въ потолкѣ; много говорили тогда о крѣпости его лба, а затѣмъ стали увѣрять, что онъ „не приноровился“: желая исполнить свой долгъ вполнѣ честно, онъ, для того, чтобы рука дрогнувши не отвела пистолетъ ото лба, уперъ его крѣпко въ лобъ; воздухъ, въ моментъ выстрѣла, оттолкнулъ дуло, пуля сдѣлала довольно глубокую борозду на лбу, который оказался также сильно помятъ сжатіемъ воздуха; такимъ образомъ баронъ Р. вышелъ изъ поединка цѣлымъ хотя и неневредимымъ.

Въ этотъ разъ однако, какъ тогда говорили, графу Бергу было своевременно извѣстно о предстоявшей дуэли между Шахъ-Назаровымъ и В—омъ, но онъ приказалъ „не мѣшать“.—Какая была тому причина,—Богъ знаетъ; разсказывали, будто-бы онъ считалъ поводъ къ дуэли слишкомъ серьезнымъ, обиду находилъ кровною, а потому считалъ вопіющею несправедливостью и большою жестокостью не дать возможности возстановить попранную честь, помѣшать оскорбленному самолюбію получить должное удовлетвореніе.

Въ этой дуэли, помнится, палъ вызвавшій на дуэль,—оскорбленный.

Графъ Бергъ съ особымъ стараніемъ хлопоталъ объ участи секундантовъ, и это ему вполнѣ удалось: 13-го февраля [1]) 1871 года Государь, поздравляя свой любимый полкъ съ полковымъ праздникомъ и съ сороковой годовщиной славнаго боя, добавилъ въ поздравительной телеграммѣ о полномъ освобожденіи секундантовъ отъ отвѣтственности.

XX.

Въ началѣ 70-хъ годовъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ пригласилъ друга дѣтства своего—фельдмаршала князя А. Н. Барятинскаго пожить нѣкоторое время въ Варшавѣ и окрестностяхъ. Князь проживалъ передъ тѣмъ очень долго за границей, гдѣ лѣчился отъ мучившей его подагры. Весной 1871 года онъ пріѣхалъ въ Варшаву и помѣстился въ маломъ Лазенковскомъ дворцѣ,

[1]) Это годовщина дня отличія уланъ Его Величества (1831 г.) въ славномъ бою подъ Гроховымъ; въ описываемый годъ былъ живъ и проживалъ въ Варшавѣ въ очень преклонномъ возрастѣ генералъ-отъ-кавалеріи Витте, командовавшій эскадрономъ, врѣзавшимся въ полчища непріятельской пѣхоты и положившимъ несмѣтныя массы врага.

въ ожиданіи возможности переѣзда въ Императорскій Скерневицкій дворецъ [1]), который къ осени должны были по Высочайшему повелѣнію отдѣлать для него.

По слухамъ, которые тогда носились, графу Бергу не нравилось это совмѣстное съ нимъ въ одномъ городѣ пребываніе еще одного фельдмаршала. Смѣялись тогда, что и правда неловко двумъ жукамъ сидѣть въ одной банкѣ. Врядъ ли это было вѣрно, но всѣ, искренно вѣрившіе этому, въ одинъ голосъ выражали удивленіе необыкновенно тонкой, изысканной корректности, съ которою графъ держалъ себя въ отношеніи царскаго гостя, являвшагося въ то же время гостемъ ввѣреннаго ему края; всѣ преклонялись передъ этой корректностью и передъ умѣніемъ графа держать себя.

Князь Барятинскій былъ человѣкъ очень веселаго нрава, остроумный говорунъ и большой хлѣбосолъ. На обѣды, которые онъ нерѣдко давалъ своимъ старымъ бывшимъ кавказскимъ сослуживцамъ, онъ отъ времени до времени приглашалъ намѣстника; графъ никогда не манкировалъ случаемъ побывать у своего „коллеги". Князь былъ гораздо моложе его годами, но гораздо старше по „жезлу", который онъ стяжалъ въ 1859-мъ году усмиреніемъ и покореніемъ бурныхъ жителей ауловъ богатаго Закавказья—этой скалистой твердыни.

Однажды на такомъ обѣдѣ, князь-фельдмаршалъ, намѣчая гостямъ мѣста,—что самъ онъ дѣлалъ рѣдко, обыкновенно же предоставлялъ кому-либо изъ старыхъ друзей своихъ,—обратился къ генералъ-адъютанту князю Радзивиллу [2]) и сказалъ ему вполголоса, дружески, какъ бы мимоходомъ.

— Леонъ, я посажу около тебя на этотъ разъ японца; пожа-

---

[1]) Варшавской губерніи.

[2]) Генералъ-адъютантъ Императора Николая Павловича князь Радзивиллъ годами былъ гораздо старше князя Барятинскаго,—состоялъ въ званіи флигель-адъютанта еще при Александрѣ I.—Онъ очень любилъ разсказывать о своемъ прошломъ; изъ разсказовъ его видно, что онъ всегда былъ безпечно веселъ, жизнь свою короталъ, какъ вся богатая молодежь тѣхъ временъ; службу свою онъ несъ при Императорахъ въ свитѣ; хотя нѣсколько лѣтъ прослужилъ на Кавказѣ, черезъ который тогда, какъ черезъ военную школу, проходили всѣ блестящіе молодые офицеры; съ княземъ Барятинскимъ онъ сдружился въ молодости. Императоръ Николай I зналъ его за весельчака, остряка, за bon enfant; нерѣдко распекалъ, ставя ему на видъ неточное исполненіе порученій или какія-нибудь, правда невинныя, продѣлки, но вообще очень любилъ его. Никакой политики князь никогда не зналъ, не во что не мѣшался; поѣсть, попить, пожуировать въ веселой компаніи съ прекраснымъ поломъ,—вотъ что онъ предпочиталъ всему и чѣмъ дорожилъ больше всего.

луйста, познакомься съ нимъ самъ и будь любезенъ; онъ говоритъ только на своемъ языкѣ, но, въ сущности, онъ очень милый и добрый малый.

— Постой, отозвался князь Радзивиллъ, на какомъ же языкѣ я съ нимъ познакомлюсь и на какомъ буду любезенъ?

— Ну, ужъ, какъ-нибудь обойдись, выручи; мнѣ, право, больше некого просить, будь другъ, не откажи.

— Задалъ задачу, нечего сказать, спасибо, аллаверды,—вспомнилъ князь Радзивиллъ чеченское присловье.

Военная музыка заиграла; собравшіеся на обѣдъ у князя Барятинскаго разсѣлись по мѣстамъ; съ правой стороны возлѣ князя Радзивилла помѣстился его старинный знакомый, землякъ, сверстникъ и пріятель—варшавскій комендантъ генералъ-лейтенантъ Развадовскій,—а съ лѣвой дѣйствительно усѣлся желтый, косоглазый, типичнѣйшій сынъ страны восходящаго солнца. Не обращая на него вниманія, князь занялся своимъ правымъ сосѣдомъ.

Генералъ Развадовскій, какъ только-что доказавшій тогда свои графскія права, былъ возведенъ въ титулъ графа; его это очень занимало; князь Радзивиллъ успѣлъ объ этомъ узнать и не безъ нѣкоторой усмѣшки, правда добродушной, невинной, принялся ласкать его пріятнымъ разговоромъ на эту тему, играя на его слабыхъ стрункахъ. Поговоривъ съ нимъ вдоволь, онъ перекинулъ нѣсколько игривыхъ словъ со своимъ визави, которымъ оказался, начавшій службу въ конно-піонерахъ, блестящій генеральнаго штаба офицеръ, произведенный незадолго передъ тѣмъ въ генералъ-маіоры, зачисленный въ свиту Его Величества, назначенный начальникомъ штаба варшавскаго военнаго округа, молодой,—свѣтлѣйшій князь Александръ Константиновичъ Имеретинскій [1]), только-что женившійся тогда на богатой, прелестной, образованной, въ высшей степени серьезной, симпатичной графинѣ Мордвиновой.

Сервировался чудный, изысканно приготовленный, несмотря на нѣкоторую грубость кухни, обѣдъ изъ кавказскихъ блюдъ; съ этой кухней гостепріимный кавказскій ветеранъ-фельдмаршалъ въ свое время сроднился, очень ее любилъ и всегда предпочиталъ; иногда

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-инспекторъ стрѣлковыхъ батальоновъ, а затѣмъ, начальникъ 2 пѣхотной дивизіи, съ которою ему довелось 22 августа 1877 года взять приступомъ укрѣпленный городъ Ловчу; нач. штаба дѣйствующей арміи (при Тотлебенѣ), послѣ того нач. шт. гв. и Петерб. воен. округа, позднѣе главн. военный прокуроръ и начальникъ главнаго военно-суднаго управленія, а наконецъ, варшавскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками варшавскаго военнаго округа (1898—1901 гг.). На послѣднемъ посту князь внезапно скончался въ Варшавѣ.

впрочемъ, не забывая вкусовъ гостей, онъ приказывалъ мѣшать ее съ французской; кулинарное дѣло было у него поставлено безподобно.

Князь Радзивиллъ вполнѣ наслаждался, аппетитъ у него былъ почти юный, чтобы не сказать волчій. Благодушный по природѣ, князь за трапезой обычно втягивался въ особо-добродушное настроеніе. Вотъ взглянулъ онъ мелькомъ на лѣваго сосѣда; небольшая тучка, омрачившая его лицо при назначеніи княземъ Барятинскимъ ему въ сосѣдство японца, уже разсѣялась. Онъ снова повернулся къ князю Имеретинскому и весело, беззаботно заговорилъ:

C'est très aimable de la part du prince Bariatinsky de m'avoir placé auprès de ce grédin-la; regardez sa bonhomie; il me plait baucoup ce jeune homme; mais quelle langue dois je parler à ce diable de japonnais? [1]).

Князь Имеретинскій сидитъ, что называется, самъ не свой ни живъ, ни мертвъ, задыхается, краснѣетъ и, наконецъ, чтобы прекратить забавный, но неловкій разговоръ, произноситъ, обращаясь черезъ столъ къ своему визави и къ его сосѣду: господа, позвольте Васъ познакомить—князь Радзивиллъ, попечитель Варшавскаго учебнаго округа В.

Шутникъ князь Леонъ, нисколько не смутившись, привѣтливо протянулъ сосѣду руку,—masz tobi los (польское выраженіе,—буквально означающее- бери свою судьбу; соотвѣтствуетъ русскому—вотъ тебѣ и разъ!) c'est une très bonne idée de m'expedier si loin—de Varsovie à Tokkio, oh blagueur, au mois de juillet tu me regale de poisson d'avril; je ne te l'oublierai jamais [2])... Затѣмъ до конца обѣда онъ весело болталъ, балагурилъ, чокался, любезничалъ съ сановникомъ, счастливо водвореннымъ въ лоно россійскаго подданства, изъ котораго былъ отторгнутъ невинной шуткой стараго кавказскаго героя.

Послѣ обѣда князь Барятинскій отъ души хохоталъ, радуясь тому, что его шутка такъ хорошо удалась.

В., понявъ эту шутку, нисколько не обидѣлся и очень умно отнесшись къ ней, разсказалъ ее при первомъ случаѣ графу Бергу.

— Вотъ-вотъ,—сказалъ спокойно намѣстникъ, выслушавъ В.. Вы

---

[1]) Это очень любезно со стороны князя Барятинскаго посадить меня около этого шута, посмотрите его добродушный видъ, мнѣ очень нравится молодой человѣкъ; но на какомъ языкѣ я долженъ говорить съ этимъ японцемъ.

[2]) Прекрасная мысль,—послать меня такъ далеко изъ Варшавы въ Токіо; о, насмѣшникъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ ты меня угощаешь 1-мъ апрѣля; я тебѣ этого никогда не забуду.

очень мило это приняли, но; думаю, что Вы не пошутили бы такъ надъ своимъ гостемъ; а на Кавказѣ, кажется, и вовсе не принято осмѣивать своихъ гостей; или, впрочемъ, что же я говорю, онъ вѣдь тоже нашъ гость. Это было единственное, что у графа Берга сорвалось по адресу стараго кавказскаго вождя, причинившаго ему нѣкоторую неловкость чувствъ своимъ пріѣздомъ въ край и пребываніемъ въ немъ.

Тѣмъ, кто зналъ тогда эту исторію, она приходитъ на умъ очень часто теперь,—съ тѣхъ поръ, какъ мы пережили портсмутскіе переговоры и нажили портсмутскій договоръ. Воспоминаніе это наводитъ на много мыслей; невольно скажешь,—много въ природѣ невѣдомаго, потаеннаго.

Фельдмаршалъ князь Барятинскій прожилъ лѣтъ 5 при графѣ и года три въ бытность варшавскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютанта Павла Евстафіевича Коцебу въ Скерневицахъ; отъѣзжалъ онъ лишь по временамъ на минеральныя воды за границу и очень рѣдко заглядывалъ въ свои родовыя помѣстья, раскинувшіяся въ предѣлахъ Льговскаго и Рыльскаго уѣздовъ, Курской губерніи.

Въ 1878-мъ году князь очень сильно расхворался; въ это время былъ отвергнутъ его проектъ—начать немедленно войну противъ Австріи, которая, послѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора, по мѣрѣ приближенія къ Берлинскому конгрессу, принимала все болѣе угрожающее по отношенію къ Россіи положеніе.

Старый кавказскій вояка-намѣстникъ, который, кажется, чуть ли не прочилъ себя въ главнокомандующіе, обидѣлся, побрюзжалъ нѣкоторое время въ Петербургѣ и въ Скерневицахъ, а затѣмъ уѣхалъ за границу съ тѣмъ, чтобы оттуда не возвращаться. Вскорѣ онъ тамъ скончался, кажется, года черезъ полтора послѣ заключенія злосчастнаго Берлинскаго трактата.

XXI.

Въ началѣ января 1874 года графъ Бергъ получилъ одно изъ многихъ Высочайшихъ приглашеній прибыть въ Петербургъ; два или три раза онъ выѣзжалъ на вокзалъ, но за болѣзнью отмѣнялъ свою поѣздку и возвращался домой. Наконецъ, онъ выѣхалъ уже тогда, когда наступилъ послѣдній срокъ, далѣе котораго откладывать не представлялось возможнымъ, такъ какъ надо было явиться на свадьбу великой княжны Маріи Александровны,—единственной дочери Государя,—съ герцогомъ Эдинбургскимъ.

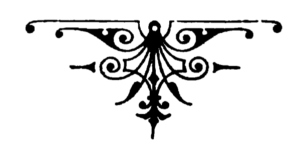
Въ дорогѣ ему сдѣлалось хуже, онъ сильно расхворался, а по пріѣздѣ въ Петербургъ скончался, кажется, въ Эрмитажѣ, гдѣ ему обыкновенно отводились апартаменты или въ Европейской гостиницѣ, гдѣ помѣщеніе пришлось отвести въ этотъ разъ за большимъ наплывомъ въ столицу иностранныхъ Высочайшихъ особъ.

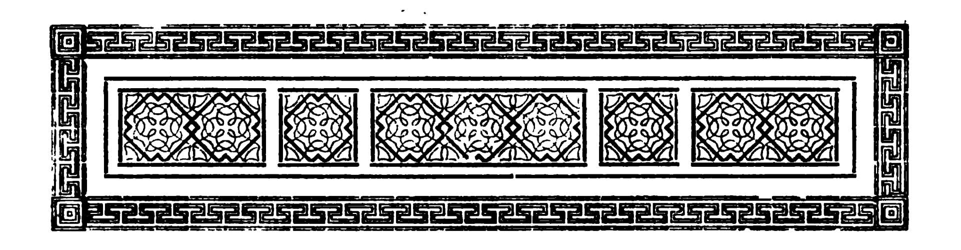
Говорили тогда, что, прослывши въ теченіе всей своей жизни превосходнымъ дипломатомъ, фельдмаршалъ графъ Бергъ умеръ не во́-время,—своей кончиной сдѣлавъ большой промахъ,т. е. поступилъ крайне недипломатично и даже до нѣкоторой степени безтактно. Этой шуткѣ, конечно, не слѣдуетъ давать иного значенія, кромѣ лишь того, что это простая острота какого-нибудь празднаго говоруна.

Во всякомъ случаѣ графа Берга во всѣхъ сферахъ русской среды царства Польскаго очень жалѣли и, можетъ быть больше, чѣмъ при какомъ-либо другомъ случаѣ, вспоминали извѣстную русскую поговорку: „что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ“.

Е. Андреевскій.

Ст. Сиверская
1907 г. Іюня 12-го.

Предки И. С. Тургенева.

Если трудно найти народность, въ массѣ которой не было бы значительной примѣси иноплеменной крови: побѣжденныхъ, побѣдителей, или просто сосѣдей, то тѣмъ труднѣе встрѣтить „чистоту“ крови въ верхнихъ, болѣе подвижныхъ, слояхъ народа, особенно культурнаго. Фактъ этотъ легко доступенъ провѣркѣ, но провѣряется онъ чаще всего лишь по отношенію къ людямъ выдающимся, біографіи которыхъ и интересуютъ изслѣдователей. Отсюда весьма распространенное мнѣніе, будто отсутствіе „чистоты“ крови—одно изъ главныхъ условій талантливости. Ницше въ своихъ посмертныхъ замѣткахъ, изданныхъ въ 1904 году, высказываетъ между прочимъ, что лучшіе изъ нѣмцевъ хороши только потому, что въ ихъ жилахъ течетъ не одна своя, но и чужая кровь, преимущественно славянская. Въ числѣ примѣровъ у него фигурируетъ и Бисмаркъ. Тургеневъ говаривалъ иногда то же самое: „Назовите мнѣ въ Россіи хоть одного великаго человѣка чисто-русскаго происхожденія?! Пушкинъ—африканская кровь... Лермонтовъ—шотландская... У Жуковскаго—мать турчанка“...

— А Тургеневъ? спросила разъ его г-жа Віардо.

Иванъ Сергѣевичъ ничего ей не отвѣтилъ, а въ интересахъ послѣдовательности долженъ былъ бы назвать себя татариномъ.

Въ старинныхъ грамотахъ родовой гербъ Тургеневыхъ описанъ такимъ образомъ: „Подъ рыцарскимъ, лазореваго цвѣта съ золотымъ подбоемъ, наметомъ, увѣнчаннымъ шлемомъ съ обыкновенною золотою дворянскою короной, осѣняемою тремя страусовыми перьями, поставленъ щитъ, раздѣленный на четыре равныя части, изъ коихъ въ нижней половинѣ въ лѣвой части въ голубомъ полѣ золотая звѣзда, изъ Золотой Орды происхожденіе рода Тургеневыхъ показую-

щая, надъ коею серебряная рогатая луна, означающая прежній магометанскій законъ, а надъ сею частію, въ верхней половинѣ на лѣвой части, въ серебряномъ полѣ, парящій съ распростертыми крыльями и какъ бы отлетающій отъ луны орелъ, смотрящій вверхъ,—означаетъ удаленіе отъ магометанства и воспареніе къ свѣту христіанской вѣры. Въ той же верхней половинѣ на правой части въ красномъ полѣ обнаженный съ золотою рукояткою мечъ—въ воспоминаніе кроваваго закланія страдальца Петра Никитича Тургенева отъ Гришки Отрепьева самозванца за безбоязненное обличеніе его: въ нижней половинѣ на правой части въ золотомъ полѣ готовый, осѣдланный, бѣгущій по зеленому лугу конь, показующій всегдашнюю рода Тургеневыхъ готовность и ревность къ службѣ государю и отечеству" [1]).

Иванъ Сергѣевичъ употреблялъ этотъ гербъ, напримѣръ, на печати „Спасской главной конторы" [2]), зналъ происхожденіе своего рода и все-таки считалъ себя вполнѣ русскимъ, каковымъ является онъ и въ глазахъ соотечественниковъ, не говоря уже объ иностранцахъ. „Ни одинъ человѣкъ не воплощалъ въ себѣ такъ полно цѣлой народности. Въ немъ жилъ цѣлый міръ и говорилъ его устами: цѣлыя поколѣнія предковъ, безмолвныя, затерянныя въ забвеніи вѣковъ, черезъ его посредство обрѣли жизнь и слово". Такъ говорилъ Э. Ренанъ про И. С. Тургенева, прощаясь съ останками великаго писателя, покидавшими Францію. И дѣйствительно, что ни говорили бы про западничество Тургенева, какъ бы ни старались расширить значеніе этого слова или, наоборотъ, придать ему односторонній смыслъ, Иванъ Сергѣевичъ остается „вмѣстѣ и народомъ и избранникомъ народа", по выраженію того же Ренана. Какъ ни велика была его сознательная любовь къ родинѣ, тайныя силы, связующія его съ самой сутью, сердцемъ русской жизни были еще значительнѣе. И эти связи были созданы не только воспитаніемъ, но и происхожденіемъ его изъ стариннаго дворянскаго рода. У насъ, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, дворянство—плоть отъ плоти и кость отъ кости великаго національнаго цѣлаго—было въ своей лучшей части полнымъ представителемъ народныхъ стремленій и народныхъ идеаловъ.

Тургеневъ любилъ иной разъ разсматривать старинныя родословныя. Разбирая ихъ, онъ какъ бы глубже проникалъ въ судьбы

[1]) „Русск. Стар." 1885 г., IX, 366.

[2]) Гербъ (три золотыя звѣзды и серебряный единорогъ на голубомъ полѣ), помѣщенный въ IV части общаго гербовника и перепечатанный въ книгѣ Mourier „Tourguéneff à Spasskoé", принадлежитъ другому роду Тургеневыхъ.

своей родины, касался тѣхъ сторонъ ея жизни, которыя недостаточно сильно отражаются въ общихъ историческихъ трудахъ изслѣдователей русской старины. Какимъ сочувствіемъ, сочувствіемъ русскаго человѣка проникнуты хотя бы слѣдующія строки его самаго „западническаго“ произведенія „Дымъ“ о родословной Осининыхъ: „То были настоящіе, не татаро-грузинскіе, а чистокровные князья, Рюриковичи; имя ихъ часто встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ при первыхъ московскихъ великихъ князьяхъ, русской земли собирателяхъ; они владѣли обширными вотчинами и многими помѣстьями, неоднократно были жалованы за „работы и кровь и увѣчья“, засѣдали въ думѣ боярской, одинъ изъ нихъ даже писался съ „вичемъ“; но попали въ опалу по вражьему наговору въ „вѣдунствѣ и кореньяхъ“; ихъ разорили „страшно и всеконечно“, отобрали у нихъ честь, сослали ихъ въ мѣста заглазныя, рухнули Осинины и уже не справились, не вошли снова въ силу; опалу съ нихъ сняли со временемъ и даже „московскій дворишко“ и „рухлядишку“ возвратили, но ничто не помогло. Забѣднялъ, „захудалъ“ ихъ родъ—не поднялся ни при Петрѣ, ни при Екатеринѣ, и все мельчая и понижаясь, считалъ уже частныхъ управляющихъ, начальниковъ винныхъ конторъ и квартальныхъ надзирателей въ числѣ своихъ членовъ“.

Иванъ Сергѣевичъ любилъ также пробѣгать поколѣнную роспись и своей родословной. Посѣщавшіе Спасскій домъ при жизни писателя видѣли тамъ на стѣнѣ подъ портретомъ отца Тургенева висѣвшее въ рамкѣ „родословное дерево“ съ неизбѣжными кружечками для именъ на искусно-разрисованныхъ вѣтвяхъ и вѣточкахъ могучаго ствола. Изъ своей генеалогіи Иванъ Сергѣевичъ нагляднѣе убѣждался, теплѣе чувствовалъ, какъ самъ онъ крѣпко связанъ черезъ своихъ предковъ съ многоразличными и знаменательными моментами родной старины и давно прошедшей и свѣжей еще въ памяти живыхъ поколѣній. Послѣдуемъ и мы за нимъ, воспроизведемъ важнѣйшіе факты изъ Тургеневскаго прошлаго, которые вспоминались ему, окруженные той исторической и бытовой обстановкой, какая извѣстна была Ивану Сергѣевичу не изъ однихъ семейныхъ преданій и записей, но и по хорошо знакомой ему исторической литературѣ.

Въ срединѣ XV вѣка, когда только-что образовалось царство Казанское, и когда набѣги усилившагося крымскаго ханства стали особенно тяжелы для Московскаго государства, правительство великаго князя Василія Васильевича Темнаго (1425—1462 гг.) впервые положило начало обдуманной, систематической защитѣ южной и юго-восточной окраинъ московскихъ владѣній. Оборонительныя мѣры выразились прежде всего въ поселеніи по городамъ рѣки Оки—Ка-

ширѣ, Серпуховѣ, Касимовѣ и др.—подручныхъ „служилыхъ“ татарскихъ царевичей и мурзъ съ принятіемъ ихъ въ составъ русскихъ вооруженныхъ силъ. Вотъ въ это-то время и выѣхалъ изъ орды къ великому князю Василію Васильевичу мурза Левъ Тургеневъ, получившій во св. крещеніи имя Ивана и ставшій родоначальникомъ той фамиліи Тургеневыхъ, къ которой и принадлежалъ Иванъ Сергѣевичъ. Семейное преданіе, нѣсколько прикрашивая это событіе, передаетъ, что воспріемникомъ при крещеніи былъ самъ великій князь, пожаловавшій крестника своего многими вотчинами въ нынѣшней Калужской губерніи, въ томъ числѣ такимъ огромнымъ имѣніемъ, что почти половина теперешняго Перемышльскаго уѣзда принадлежала ему [1]).

Не всѣ Тургеневы, встрѣчающіеся на страницахъ нашей исторіи, ведутъ свое начало отъ мурзы Льва. Потомство послѣдняго еще въ 1688 году, представляя свою родословную въ Разрядъ (приказъ. вѣдавшій дворянскія службы и родословныя), сдѣлало въ ней слѣдующее заявленіе: „А Тургеневы, что служатъ по Ярославлю, Дмитрову, въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ и съ 7195 (1687) г. по Москвѣ, и тѣ Тургеневы не нашего роду“. Такимъ образомъ извѣстные Николай, Александръ и Андрей Ивановичи Тургеневы, равно какъ и отецъ ихъ Иванъ Петровичъ, масонъ и членъ „Дружескаго ученаго общества“, считающіеся часто родственниками Ивана Сергѣевича, не были съ нимъ въ родствѣ и принадлежали къ фамиліи совсѣмъ иного происхожденія.

Но обратимся къ родословной автора „Записокъ Охотника“. Разсматривая сухой, но полный перечень его предковъ во второмъ томѣ (стр. 536 и слѣд.) сборника В. В. Руммеля и В. В. Голубцова, мы должны прежде всего сдѣлать слѣдующій выводъ: Тургеневы въ царскій періодъ русской исторіи служили главнымъ образомъ по такъ называемому московскому списку, т. е. принадлежали къ столичнымъ служилымъ людямъ: стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ. Всѣ эти четыре „чина“, или общественныхъ слоя, составляли второй изъ трехъ крупныхъ разрядовъ, на которые дѣлилось тогдашнее дворянство. Тургеневы не попадали въ высшій—въ члены Боярской Думы, но и не засиживались въ низшемъ, т. е. среди провинціальнаго дворянства. Стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы первоначально были придворными должностями: позднѣе же, съ XVI вѣка, становятся чинами, обязанными ратной и административной службой. Они составляли „государевъ полкъ“, соотвѣтствующій нынѣшней гвардіи. Были высшимъ слоемъ

[1]) Записки Мухановой. „Русск. Архивъ“, 1878 г., I, 213.

боевыхъ силъ Московскаго государства, такъ какъ не только являлись наилучше вооруженнымъ корпусомъ, обыкновенно сопровождавшимъ царя въ военныхъ походахъ, но изъ нихъ же назначались головы и воеводы, т. е. офицеры и полковники въ армейскіе полки, формировавшіеся провинціальнымъ дворянствомъ. Такъ Григорій Михайловичъ Тургеневъ значится головою въ Черниговѣ (1598 г.), Аѳанасій Дмитріевичъ—полковымъ воеводою въ Бѣлгородѣ (1635 г.), Денисъ Петровичъ—полковымъ и осаднымъ воеводою въ Тамбовѣ и т. д. Въ мирное время стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ ставили начальниками второстепенныхъ московскихъ приказовъ (какъ бы директорами департаментовъ), воеводами во второстепенные города, въ свиту къ посламъ. Тургеневыхъ мы встрѣчаемъ на воеводствахъ: въ XVI вѣкѣ въ Рыльскѣ, Дѣдиловѣ, Каргополѣ, въ XVII вѣкѣ—въ Осколѣ, Калугѣ, Торжкѣ, Муромѣ, Саратовѣ, Тулѣ, Царицынѣ, Орлѣ и въ другихъ городахъ. Нѣсколькихъ Тургеневыхъ находимъ приставами при посольствахъ: Персидскомъ (1590 г.), Шведскомъ (1598 г.), при поѣздкѣ Іерусалимскаго патріарха въ 1649 г. и др.

Подобныя же службы несли Тургеневы и послѣ Петровскихъ преобразованій. Имена предковъ Ивана Сергѣевича часто попадаются въ гвардейскихъ полкахъ, преимущественно, впрочемъ, въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Въ гражданской службѣ они занимали мѣста главнымъ образомъ по дворянскимъ выборамъ: ландратовъ (совѣтники и помощники губернаторовъ), земскихъ комиссаровъ, власть которыхъ была нѣсколько обширнѣе власти смѣнившихъ ихъ при Екатеринѣ II капитанъ-исправниковъ, засѣдателей дворянскихъ опекъ и др.

Почти во всѣхъ крупныхъ событіяхъ, совершавшихся въ нашемъ отечествѣ со временъ Грознаго, мы можемъ найти имена предковъ Ивана Сергѣевича. Въ великихъ заботахъ Ивана IV по завоеванію царствъ Казанскаго и Астраханскаго не послѣднюю роль игралъ Петръ Дмитріевичъ, пра-правнукъ родоначальника Тургеневыхъ. Въ 1551 году онъ былъ посланъ къ ногайскимъ мурзамъ и князьямъ, чтобы отговорить ихъ идти на помощь къ казанскому царю и „претерпѣлъ въ Ордѣ отъ князя Юсуфа (отца царицы Сююнбеки) великое поруганіе и былъ ограбленъ“, а затѣмъ убѣдилъ астраханскаго царя Дервиша перейти на службу Россіи и въ 1554—1555 гг. оставался при немъ въ Астрахани съ русскимъ полкомъ [1]).

Передъ самымъ появленіемъ страшной опричины царь Иванъ

[1]) Руммель и Голубцовъ, II, 536. Соловьевъ. „Исторія Россіи“, II, 93—95 въ изд. товарищ. „Общественная Польза“.

Васильевичъ, чтобы крѣпче держать въ рукахъ заподозрѣнныхъ бояръ, сталъ брать на нихъ особыя поручныя записи. Въ этихъ памятникахъ знаменитой борьбы Грознаго со своимъ боярствомъ мы встрѣчаемъ въ качествѣ поручителей и нѣсколькихъ Тургеневыхъ. Тотъ же, напримѣръ, Петръ Дмитріевъ, сынъ Тургеневъ, въ 1562 году „ручалъ и руку приложилъ“ къ записи по князѣ И. Д. Бѣльскомъ, чтобы послѣднему не оставлять службу царю Ивану и его дѣтямъ; въ случаѣ же его побѣга обязывался вмѣстѣ съ другими поручителями заплатить въ казну 10.000 рублей (болѣе 600.000 рублей на нынѣшнія деньги). Въ слѣдующемъ году, среди другихъ, четверо Тургеневыхъ ручались за князя А. И. Воротынскаго и т. д. [1]).

Великая смута въ Московскомъ государствѣ тоже отозвалась на Тургеневыхъ. Петръ Никитичъ за обличеніе лже-Димитрія былъ пытанъ и казненъ въ Москвѣ въ 1606 г. Семейное преданіе разсказываетъ объ этомъ такъ: „Петръ Никитичъ сказалъ лже - царю: ты не сынъ царя Іоанна, а Гришка Отрепьевъ, бѣглый изъ монастыря; я тебя знаю.—За это голова его пала на плахѣ, а онъ ублажается церковью, какъ св. мученикъ“... „Вообще Тургеневы“, замѣчаетъ дальше преданіе, „отличались честностью и неустрашимостью“ [2]).

Бунтъ Стеньки Разина далъ себя знать предкамъ Ивана Сергѣевича не менѣе больно. Въ 1670 году въ Царицынѣ сидѣлъ воеводою стряпчій (подполковникъ гвардіи) Тимоѳей Васильевичъ Тургеневъ, когда шайки Васьки Уса 13 апрѣля измѣною проникли въ городъ. Воевода вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Матвѣемъ Павловичемъ Тургеневымъ, прислугою, десяткомъ московскихъ стрѣльцовъ и тремя человѣками царицынцевъ заперся въ башнѣ. Въ городѣ начались пиры, попойки съ казаками; самъ Разинъ пріѣхалъ въ городъ и угостился допьяна. Въ этомъ видѣ онъ повелъ казаковъ на приступъ къ башнѣ и взялъ ее послѣ долгаго боя. Несчастный Тимоѳей Васильевичъ достался живой казакамъ, и на другой день они угостили себя пріятнымъ зрѣлищемъ: привели Тургенева на веревкѣ къ рѣкѣ, прокололи копьемъ и утопили [3]). И перешелъ въ память своихъ потомковъ царицынскій воевода подъ именемъ „первострадальца“ въ этомъ буйномъ казацкомъ движеніи. Дошелъ разсказъ о немъ и до Ивана Сергѣевича, который подъ впечатлѣніемъ его написалъ удивительную XVI главу „Призраковъ“:

---

[1]) Собр. Государств. грам. и договоровъ, I, №№ 175, 179, 184, 191.

[2]) „Русск. Архивъ“, 1878 г., I, 213.

[3]) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, III, 305.

„...Степанъ Тимоѳеичъ! Степанъ Тимоѳеичъ идетъ!—зашумѣло кругомъ:—идетъ нашъ батюшка, атаманъ нашъ, нашъ кормилецъ!— Я по-прежнему ничего не видѣлъ, но мнѣ внезапно почудилось, какъ будто громадное тѣло надвигается прямо на меня... — Фролка! гдѣ ты, песъ? загремѣлъ страшный голосъ. —Зажигай со всѣхъ концовъ— да въ топоры ихъ, бѣлоручекъ!

На меня пахнуло жаромъ близкаго пламени, горькой гарью дыма—и въ то же мгновенье что-то теплое, словно кровь, брызнуло мнѣ въ лицо и на руки... Дикій хохотъ грянулъ кругомъ“...

Наступила тяжелая пора великихъ преобразованій, когда всѣ классы общества были призваны къ самой напряженной работѣ. Петръ заставилъ прежде всего дворянъ „узнавать съ фундамента солдатское дѣло“, и нѣсколько Тургеневыхъ зачислены были нижними чинами въ гвардейскіе полки, гдѣ должны были наравнѣ съ рядовыми изъ тяглыхъ людей ходить на работы, чистить каналы, возить провіантъ и даже бѣгать на посылкахъ у офицеровъ. Безпрерывныя войны великаго преобразователя вырвали изъ числа Тургеневыхъ стольника Ивана Михайловича, убитаго подъ Юрьевымъ въ 1704 году. Другому, стольнику же, Ивану Григорьевичу Тургеневу было велѣно въ 1713 году отправиться на старости лѣтъ на островъ Котлинъ въ числѣ первыхъ русскихъ поселенцевъ на вновь завоеванныхъ мѣстахъ [1]).

Теперь, однако, пора обратиться къ предкамъ Ивана Сергѣевича исключительно по прямой нисходящей линіи: къ родному прапрадѣду писателя Роману Семеновичу, къ прадѣду - Алексѣю Романовичу, женатому на П. М. Сухотиной, и къ дѣду—Николаю Алексѣевичу, женатому на Е. П. Апухтиной.

Романъ Семеновичъ Тургеневъ, помѣщикъ Медынскаго, Карасевскаго, Мещовскаго, Малоярославскаго и Саранскаго уѣздовъ, началъ службу въ 1700 году и въ 1704 г. изъ жильцовъ, т. е. изъ чина, соотвѣтствующаго нынѣшнему поручику гвардіи, въ силу новыхъ Петровскихъ порядковъ, былъ записанъ въ солдаты въ Преображенскій полкъ и въ томъ же году переведенъ унтеръ-офицеромъ въ „Драгунскій шквадронъ Шереметева“ и до конца царствованія Петра Великаго не выходилъ изъ строевой службы. Въ 1705 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1708 г.—въ поручики, въ 1709 г. числился поручикомъ „лейбъ-шквадрона“ въ рангѣ капитана; въ 1715 г. — ротмистромъ ранга премьеръ-маіора, въ 1722 г.—премьеръ-маіоромъ въ полевыхъ полкахъ; наконецъ, въ 1726 г. подполковникомъ и капраломъ кавалергардовъ. Съ 22 іюля по 14 декабря 1731 года, онъ

[1]) См. Соловьевъ „Исторія Россіи“, IV, 161.

уже въ чинѣ полковника, занимаетъ отвѣтственное мѣсто управляющаго дѣлами при гетманѣ Малороссіи Д. П. Апостолѣ. Анна Іоанновна, желая сильнѣе слить Украйну съ Имперіей, снова подчинила Малороссію Сенату, изъявъ ее изъ вѣдѣнія иностранной коллегіи. Эта мѣра и вызвала командировку на югъ Тургенева, смѣнившаго тамъ кн. Шаховского [1]). Въ 1736 г., во время войны Россіи съ Турціей, Романъ Семеновичъ получилъ мѣсто оберъ-кригсъ-комиссара армейской походной комиссіи (завѣдывающаго денежнымъ и вещевымъ довольствіемъ войскъ).

Судьба сына его Алексѣя Романовича была интереснѣе. О первоначальной его службѣ въ сборникѣ Руммеля и Голубцова сказано только, что онъ былъ съ 1 мая 1730 г. пажомъ императрицы Анны; въ началѣ 1737 года былъ выпущенъ поручикомъ въ Углицкій пѣхотный полкъ и въ томъ же году посланъ былъ изъ подъ Очакова курьеромъ ко двору. На пути раненъ и взятъ въ плѣнъ въ Турцію, гдѣ и пробылъ до 1740 г. Семейное преданіе разсказываетъ объ этихъ фактахъ подробнѣе: „Алексѣй Романовичъ Тургеневъ служилъ въ пажахъ у императрицы Анны Іоанновны. По ревности Биронъ удалилъ его, пославъ въ армію, дѣйствовавшую тогда противъ турокъ съ приказаніемъ его погубить. Онъ попался въ плѣнъ и взятъ султаномъ въ гаремъ, гдѣ подавалъ ему кофе и раскуривалъ трубку. Его принуждали принять магометанскій законъ, за чтò онъ претерпѣлъ много побоевъ, такъ что тоже можетъ считаться исповѣдникомъ. Любимая султанша увидѣла его какъ-то, плѣнилась его красотою, сжалилась надъ нимъ, передала ему какими-то средствами наполненный золотомъ кошелекъ, съ совѣтомъ бѣжать въ отечество и доставила ему вмѣстѣ съ этимъ проводниковъ до границы. Мать его, женщина набожная, ежедневно молила Бога предъ образомъ Святителя Николая о благополучномъ возвращеніи сына, съ обѣтомъ построить церковь. Однажды она молилась передъ этимъ образомъ; внезапно отворяется дверь, и входитъ давно ожидаемый сынъ. Она исполнила обѣтъ, построила церковь во имя св. Николая“ [2]). Съ 1740 г. Алексѣй Романовичъ служилъ капитаномъ въ Рязанскомъ драгунскомъ полку, съ 1749 г.—премьеръ-маіоромъ и 1751 г.—подполковникомъ; въ 1753 г. за ранами былъ уволенъ отъ военной службы. Но съ 1760 года занималъ мѣсто совѣтника въ Ревизіонъ-и Камеръ-коллегіяхъ. (Первая соотвѣтствовала нынѣшнему Государственному Контролю, вторая же коллегія—какъ-бы департаменту окладныхъ и неокладныхъ сборовъ). Въ 1772 году „уво-

---

[1]) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, IV, 1521.

[2]) „Русск. Архивъ“, 1878, I, 214.

ленъ вовсе“ отъ службы съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и умеръ въ 1777 году. Похороненъ вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ подъ однимъ памятникомъ у церкви кладбища села Никольскаго, Перемышльскаго уѣзда, Калужской губерніи. Послѣ 1812 г. кладбище это было упразднено. На его мѣстѣ, а также на мѣстѣ церкви оказалось чистое поле съ одинокимъ памятникомъ [1]).

Относительно дѣда Ивана Сергѣевича—Николая Алексѣевича Тургенева находимъ только слѣдующія данныя (въ сборникѣ Руммеля и Голубцова): родился онъ въ 1749 г., служилъ съ 1766 г. въ артиллеріи и съ 1773 г.—въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку фурьеромъ, съ 1777 г.—гвардіи сержантомъ и въ 1780 г. уволенъ отъ службы гвардіи прапорщикомъ. Были слухи, что этотъ Николай Алексѣевичъ былъ сыномъ императрицы Елизаветы [2]). Но совершенная неосновательность ихъ явствуетъ не только изъ фактовъ хорошо теперь извѣстной интимной стороны жизни Елизаветы Петровны, но также изъ весьма не блестящей карьеры Николая Алексѣевича, едва добившагося послѣ 14-лѣтней службы, да и то при отставкѣ, чина прапорщика. Болѣе же чѣмъ скромное матеріальное положеніе его еще сильнѣе противорѣчитъ справедливости подобныхъ слуховъ.

У Николая Алексѣевича было пять сыновей и три дочери. Второй сынъ, Сергѣй Николаевичъ, родившійся 15 декабря 1793 г., и былъ отцомъ великаго писателя. Службу онъ началъ въ кавалергардскомъ полку въ 1810 г. Въ 1812 году, 21 октября, произведенъ въ корнеты; въ 1813 г., 23 сентября—въ поручики; въ 1817 г., 9 августа—въ штабсъ-ротмистры; въ 1818 г., 6 іюля—въ ротмистры. Въ 1819 году, 20 октября, онъ перевелся въ Екатеринославскій драгунскій полкъ чиномъ подполковника и уволенъ отъ службы полковникомъ 20 февраля 1821 г., умеръ 30 октября 1834 года [3]). Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ особенно полно обрисованъ въ повѣсти „Первая любовь“, про которую Иванъ Сергѣевичъ такъ высказывался впослѣдствіи: „Она, пожалуй, мое любимое произведеніе. Въ остальныхъ, хотя немного, да выдумано, въ „Первой любви“ описано дѣйствительное происшествіе безъ малѣйшей прикраски, и при перечитываніи дѣйствующія лица встаютъ, какъ живыя, передо мною“ [4]). Мужественно-красивый, изящный и юношески-стройный даже въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, въ какомъ выступаетъ онъ въ

---

[1]) ibid.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1902 г., кн. 9, стр. 104.

[3]) I. Mourier. „I. S. Tourguéneff à Spasskoé“, 14.

[4]) Воспомин. А. Половцова въ календарѣ „Царь-Колоколъ“, на 1887 г. стр. 77.

разсказѣ, Сергѣй Николаевичъ оправдывалъ вполнѣ отзывъ своего сына: „Отецъ мой былъ великій ловецъ передъ Господомъ. Разъ одна барыня, уже пожилая, честная и простодушная, вспомнила объ отцѣ моемъ, котораго она знала въ молодости, проговорилась, что однажды, оставшись съ нимъ наединѣ, она, прежде чѣмъ успѣла что-нибудь сказать или подумать, какъ уже была въ его власти"... [1]) Единственный портретъ Сергѣя Николаевича, сохранявшійся въ Спасскомъ, много потерялъ при воспроизведеніи его на фотографіи въ книгѣ г. Мурье. Но и оригиналъ произвелъ на пишущаго эти строки не то впечатлѣніе, какое ожидаешь послѣ прочтенія „Первой любви". На портретѣ герой повѣсти слишкомъ женоподобенъ: старинная кавалергардская форма черезчуръ сузила его плечи, придавъ всей фигурѣ какой-то кукольный видъ. Вы видите передъ собою скорѣе молодую, красивую дѣвушку лѣтъ 17, въ бѣломъ гвардейскомъ мундирѣ, украшенномъ георгіевскимъ крестомъ и двумя медалями (одна въ память 1812 года). Высокій красный, шитый золотомъ воротникъ упирается въ подбородокъ. Изсѣра-голубые, ясные глаза подъ темными бровями, вьющіеся на лбу темно-русые волосы, маленькія уши—все это только усиливаетъ иллюзію. Лишь правильный носъ, ротъ и подбородокъ были бы нѣсколько крупны для красивой семнадцатилѣтней дѣвушки, а легкій, какъ тѣнь, пушокъ на верхней губѣ вы не сразу и замѣтите. Напрасно стали бы мы отыскивать черты сходства по этому портрету между лицомъ Сергѣя Николаевича и лицомъ его сына. Впрочемъ, глаза Ивана Сергѣевича, судя по свидѣтельствамъ его современниковъ, должны были напоминать глаза его отца. Княжна Зинаида („Первая любовь") даже прямо это высказываетъ въ трогательной сценѣ полупризнаній своихъ въ IX главѣ повѣсти.

Нравственный обликъ Сергѣя Николаевича Тургенева воспроизведенъ въ слѣдующихъ строкахъ того же разсказа: „Размышляя впослѣдствіи о характерѣ моего отца, я пришелъ къ тому заключенію, что ему было не до меня и не до семейной жизни; онъ любилъ другое и насладился этимъ другимъ вполнѣ... „Самъ бери, что можешь, а въ руки не давайся; самому себѣ принадлежать— въ этомъ вся штука жизни",—сказалъ онъ мнѣ однажды. Въ другой разъ я, въ качествѣ молодого демократа, пустился въ его присутствіи разсуждать о свободѣ (онъ въ этотъ день былъ, какъ я это называлъ, „добрый"; тогда съ нимъ можно было говорить, о чемъ угодно).—Свобода,—повторилъ онъ:—а знаешь ли ты, что можетъ человѣку дать свободу?

---

[1]) Воспомин. Я. Полонскаго. „Нива", 1884 г., стр. 15.

— Что?

— Воля, собственная воля, и власть она дастъ, которая лучше свободы. Умѣй хотѣть—и будешь свободнымъ, и командовать будешь.

Отецъ мой прежде всего и больше всего хотѣлъ жить—и жилъ... Быть можетъ, онъ предчувствовалъ, что ему не придется долго пользоваться „штукой“ жизни: онъ умеръ сорока двухъ лѣтъ“.

Сергѣй Николаевичъ дѣйствительно умѣлъ хотѣть и былъ свободенъ и „командовалъ“ даже такимъ сильнымъ и страстнымъ характеромъ, какимъ обладала жена его. Онъ, впрочемъ, всячески старался не возбуждать ея подозрѣній, въ случаѣ же упрековъ обыкновенно холодно и вѣжливо отмалчивался; а при сильныхъ вспышкахъ ревности Варвары Петровны умѣлъ ей и пригрозить.

Достовѣрныя данныя о томъ родѣ Лутовиновыхъ, къ которому принадлежала мать Ивана Сергѣевича, не идутъ далѣе начала XVIII вѣка. Иванъ Андреевичъ Лутовиновъ, бригадиръ, родившійся въ 1707 г., имѣлъ пять дочерей и троихъ сыновей: Петра (1743—1787), Алексѣя (1747—1796) и Ивана (1753—1813). Двое послѣднихъ умерли холостяками, у Петра же Ивановича была единственная дочь Варвара (1787—1850) [1]).

Къ сожалѣнію, извѣстны лишь отрывочные факты и преданія о семьѣ Ивана Андреевича, да и тѣ касаются почти исключительно дяди Варвары Петровны Тургеневой—Ивана Ивановича Лутовинова, у котораго она прожила десять лѣтъ и послѣ смерти котораго получила Спасское вмѣстѣ съ другими значительными имѣніями. Всѣ воспоминанія согласно показываютъ, что онъ былъ нрава очень суроваго, жестокаго и, кажется, единственнымъ его добрымъ дѣломъ была постройка церкви въ селѣ Спасскомъ.

Трудно возстановить теперь имена предковъ Ивана Сергѣевича, положенныхъ въ основу типовъ тѣхъ его разсказовъ, которые описываютъ время второй половины XVIII вѣка и начала XIX вѣка. Есть достаточно основаній предположить только, что добродушные герои въ родѣ Ѳомушки и Ѳимушки („Новь“) или Телѣгиныхъ („Старые портреты“) списаны преимущественно съ Тургеневыхъ, а жестокіе и крутые характеры, въ родѣ дѣдушки-разсказчика „Однодворца Овсянникова“—съ Лутовиновыхъ. Такъ должны мы думать, хотя и среди Тургеневыхъ встрѣчались личности, вызывавшія негодованіе Ивана Сергѣевича. Сообщая, напримѣръ, Герцену въ письмѣ отъ 9 января (н. с.) 1861 г. свое мнѣніе о сборникѣ матеріаловъ по расколу, изданномъ Кельсіевымъ, Иванъ Сергѣевичъ прибавляетъ:

---

[1]) I. Mourier. „I. S. Tourguéneff à Spasskoé“, 113.

„Хорошъ тамъ является Тургеневъ Өедоръ Михайловичъ [1]). Это былъ величайшій с... с... и грабитель. Помнится, мы отъ этого къ нему и не ѣздили, даромъ что онъ былъ намъ родственникомъ. А вѣдь и мои родные не были изъ числа самыхъ безпорочныхъ". Вполнѣ безошибочно можно указать Лутовиновыхъ лишь въ двухъ разсказахъ—„Три портрета" и „Бригадиръ". Герой перваго произведенія, Василій Ивановичъ Лучиновъ, умный, изворотливый, смѣлый до дерзости и человѣкъ безъ всякой нравственности,—одинъ изъ сыновей Ивана Андреевича Лутовинова, очевидно младшій—Иванъ Ивановичъ. Старикъ-скряга Лучиновъ, постукивавшій на ночь палкой по мѣшкамъ съ деньгами—отецъ его Иванъ Андреевичъ Лутовиновъ. Авторъ разсказа проговорился какъ-то Я. П. Полонскому, что въ дѣйствительности игрушкой Лучинова была не воспитанница, а сестра его; но Тургеневъ долженъ былъ смягчить фактъ, щадя нравственное чувство читателя [2]). Если же это вѣрно, то легко объясняется тогда семейной драмой „Трехъ портретовъ" трудно разбираемая надпись чугунной плиты надгробнаго мавзолея с. Спасскаго „.... скончался въ 1796 год апреля 12 д. и тутъ погребенъ дядею ево и другомъ матери ево Иваномъ Лутовиновымъ и въ память сему младенцу предѣлъ сей во имя святаго Николая Чудотворца соорудилъ" [3]). Много мрачныхъ легендъ сложилось послѣ смерти грознаго помѣщика въ Спасскомъ. Одну изъ нихъ передаетъ мальчикъ Илюша своимъ товарищамъ по Бѣжину лугу, сидя у костра:

— А какіе ты намъ, Илюша, страхи разсказывалъ,—заговорилъ Өедя...—А точно, я слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое.

— Варнавицы? Еще бы! еще какое нечистое! Тамъ не разъ, говорятъ, стараго барина видали—покойнаго барина. Ходитъ, говорятъ, въ кафтанѣ долгополомъ и все это этакъ охаетъ, чего-то на землѣ ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимычъ повстрѣчалъ.—Что, молъ, батюшка, Иванъ Ивановичъ, изволишь искать на землѣ?

— Онъ его спросилъ?—перебилъ изумленный Өедя.

— Да, спросилъ.

— Ну, молодецъ же послѣ этого Трофимычъ... Ну, и что жъ тотъ?

— Разрывъ-травы, говоритъ, ищу. Да такъ глухо говоритъ, глухо:—разрывъ-травы.—А на что тебѣ, батюшка, Иванъ Иванычъ, разрывъ-травы?

---

[1]) Въ сборникѣ Руммеля и Голубцова о немъ сказано: Ѳ. М. Тургеневъ—вахмистръ лейбъ-гвардіи Коннаго полка (1796 г.); штабъ-капитанъ (1809 г.), дѣйств. статск. совѣтн. (1835 г.).

[2]) Воспоминанія Полонскаго въ „Нивѣ" 1884 г., стр. 14.

[3]) Снимокъ (по фотографіи) съ нагробной плиты помѣщенъ въ книгѣ „Mourier", на стр. 102.

— Давитъ, говоритъ, могила давитъ; Трофимычъ, вонъ хочется, вонъ"...

Дочери Ивана Андреевича характеризуются разсказомъ „Бригадиръ". По свидѣтельству неизданнаго письма Тургенева къ его управляющему Кишинскому отъ 3/15 апрѣля 1867 г. [1]), а также изъ писемъ къ Анненкову отъ 6 и 21 мая (н. с.) того же года [2]) оказывается, что трогательное посланіе бригадира Гуськова это chef d'oeuvre—по мнѣнію Ивана Сергѣевича, есть подлинное письмо къ Варварѣ Петровнѣ Тургеневой неизмѣннаго поклонника одной изъ ея тетокъ Лутовиновыхъ. Въ этомъ документѣ измѣнены только имена; но необычайные факты, сообщаемые разсказомъ, и жестокіе характеры лицъ Ломовскаго (Лутовиновскаго) семейства являются, такимъ образомъ не вымышленными и не прикрашенными.

Перейдемъ въ заключеніе къ матери нашего писателя, Варварѣ Петровнѣ, этой безгранично властолюбивой, озлобленной и страстной женщинѣ. Воспоминанія людей къ ней близкихъ полны удивительныхъ подробностей о ея безсердечіи, жестокой изобрѣтательности, о ея причудахъ, граничащихъ съ явнымъ самодурствомъ, облеченнымъ, впрочемъ, въ приличныя формы степенной барской жизни. Характеръ Варвары Петровны достаточно полно, хотя и въ смягченномъ видѣ, исчерпанъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ нѣкоторыхъ его разсказахъ, поэтому намъ нѣтъ надобности приводить факты и свидѣтельства о самовластной помѣщицѣ изъ воспоминаній Житовой, Колонтаевой, Рынды и др. [3]). Обратимся къ самымъ произведеніямъ Тургенева. Въ Натальѣ Николаевнѣ „Степного короля Лира" авторъ изобразилъ отношенія своей матери къ мелкопомѣстнымъ дворянамъ и дворянкамъ, къ воспитанницамъ и приживальщикамъ. Чѣмъ менѣе богатъ и родовитъ былъ ея сосѣдъ-помѣщикъ, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ оказывать Натальѣ Николаевнѣ смиреннаго почтенія, покорности и страха, если хотѣлъ пользоваться ея милостями или даже вниманіемъ. Надо было быть Харловымъ и дѣйствительнымъ спасителемъ ея жизни, чтобы заслужить уваженіе надменной женщины. Презрительно-злое, брезгливо-безсердечное отношеніе Варвары Петровны къ подчиненнымъ и крѣпостнымъ придано Тургеневымъ „строгой и гнѣвной бабушкѣ" разсказа „Пунинъ и Бабуринъ". Здѣсь находимъ и любимое выраженіе Варвары Петровны: „въ своихъ подданныхъ я властна и никому за нихъ не отвѣчаю". При-

---

[1]) Хранится въ Импер, публичн. библіотекѣ.

[2]) „Русское Обозрѣніе", 1894 г., кн. I.

[3]) „Вѣстн. Европы", 1885 г., №№ 11 и 12. „Историч. Вѣстн." 1885 г., № 10 и 1894 г. № 2.

веденъ и обычный угрюмый окрикъ ея въ минуты гнѣва: „ступайте всѣ люди вонъ“! Въ разсказѣ „Муму“ вдова, окруженная подобострастными приживалками и огромной дворней—та же Варвара Петровна, но выказывающая себя со стороны безграничной капризности и привередливости. Въ этомъ разсказѣ отмѣчена между прочимъ манера Варвары Петровны прикидываться по временамъ „загнанной сиротливой страдалицей“. „Неужели для него (глухонѣмого Герасима) какая-нибудь собаченка дороже спокойствія, самой жизни его барыни“,—слезливо говорила вдова, какъ бы повторяя жалобы Тургеневой въ иныхъ случаяхъ на свою участь, на то, что ее, бѣдную, всѣ бросили, что всѣ хотятъ ея смерти и проч. Тутъ же выведенъ и ея домашній врачъ Кудряшовъ подъ именемъ Харитона, безпрестанно подающаго ей на серебряномъ подносѣ лавровишневыя капли. Суровая придирчивость Варвары Петровны, дикая по своей мелочности и деспотизму канцелярщина и регламентація хозяйственныхъ работъ и порядковъ въ имѣніи—прекрасно изображены въ фантазіяхъ Глафиры Ивановны „Собственной господской конторы“; наконецъ, та нравственная порча, какой подвергались дворовые Тургеневой подъ ея неумолимымъ гнетомъ, обрисованы яркими красками въ разсказѣ „Записокъ Охотника“—„Контора“. Если мы сведемъ теперь отмѣченныя качества четырехъ героинь въ одинъ, такъ сказать, характеръ, то получимъ полный и живой образъ матери великаго писателя.

Какъ въ различныхъ воспоминаніяхъ, такъ и въ повѣстяхъ Тургенева Варвара Петровна характеризуется преимущественно въ періодъ ея вдовства (1834—1850 гг.). Какъ замужняя женщина, она выступаетъ подъ перомъ своего сына только въ „Первой любви“. Здѣсь мы видимъ ее всю цѣликомъ, поглощенной ревнивыми волненіями и заботами о своемъ мужѣ, женившемся на ней (14 января 1816 г.) по разсчету. Но Иванъ Сергѣевичъ совсѣмъ не касается ея дѣтства, проведеннаго подъ кровомъ ненавидѣвшей ее матери и передъ безстыдными глазами отчима, покусившагося въ концѣ-концовъ на честь своей падчерицы. Онъ не затрогиваетъ вовсе и времени, прожитаго ею въ домѣ дяди Ивана Ивановича, куда убѣжала въ 1803 г. несчастная дѣвушка. Событія, столкновенія и страсти, волновавшія Варвару Петровну въ годы ея дѣтства и молодости, во многомъ испортившія и озлобившія ее на всю жизнь, совершенно отсутствуютъ въ творчествѣ ея сына, хотя тяжелая, уродливая обстановка, въ которой она росла, достаточно ярко изображена Иваномъ Сергѣевичемъ въ разсказахъ, посвященныхъ семейной хроникѣ Лутовиновыхъ. Но, конечно, Варвара Петровна вполнѣ обнаружила себя, стала „сама собою“ лишь во время вдов-

ства. Ея силы, ея энергія не отвлекались тогда на одностороннюю борьбу за собственную нравственную и физическую безопасность, какъ это было до замужества. Ея стремленія не были поглощены тогда и мучительной заботой о сохраненіи привязанности мужа.

Важный вопросъ объ отношеніяхъ Сергѣя Николаевича и Варвары Петровны къ сыновьямъ, особенно къ Ивану Сергѣевичу, вопросъ о вліяніи ихъ на послѣдняго можетъ быть разсмотрѣнъ лишь въ связи съ фактами дѣтства и молодости Ивана Сергѣевича, въ связи съ его первоначальнымъ воспитаніемъ, что̀ уже не входитъ въ задачу настоящей статьи.

Н. Гутьяръ.

Жизненный курьезъ.

12 лѣтъ я поступилъ въ училище Правовѣдѣнія. 13, 14 лѣтъ я очень увлекался произведеніями французскаго писателя Ксавье де Монтепена. Лицо мое обыкновенно принимало выраженіе, соотвѣтствующее прочитаннымъ мною у названнаго автора ужасамъ: за это товарищи дали мнѣ кличку Ксавье де Монтепенъ, сократившуюся позднѣе въ Ксавье и оставшуюся за мною на всю жизнь.

Въ 1899 году мнѣ пришлось быть у одного моего товарища, жившаго въ Москвѣ и бывшаго тамъ товарищемъ прокурора окружнаго суда. Вернувшись въ С.-Петербургъ, я написалъ ему коротенькое письмо, въ которомъ были, между прочимъ, слѣдующія фразы:

„Вчера утромъ спохватился, что забылъ свой документъ. онъ былъ мнѣ необходимъ, къ счастью, у меня есть еще два вида на жительство, взялъ одинъ изъ нихъ и преспокойно получилъ по нему деньги въ банкѣ".

„Ксавье".

Товарищъ мой, получивши отъ меня письмо, по разсѣянности вложилъ его въ разсматривавшееся имъ въ то время дознаніе по Коломенскому уѣзду, послѣ чего послалъ дознаніе приставу города Коломны. Черезъ недѣлю письмо мое было ему возвращено: оно было подшито къ конверту, въ которомъ было отправлено въ Коломну дознаніе (конвертъ былъ за № 1220) и сюда былъ приложенъ рапортъ пристава.

М. В. Д.
Полицейскаго пристава
города Коломны.
Ноября 29 дня 1899 года
№ 5263.

Секретно.
Его Высокородію
Г. Товарищу Прокурора
Московскаго Окружнаго Суда
по Коломенскому и Бронницкому уѣздамъ.

РАПОРТЪ.

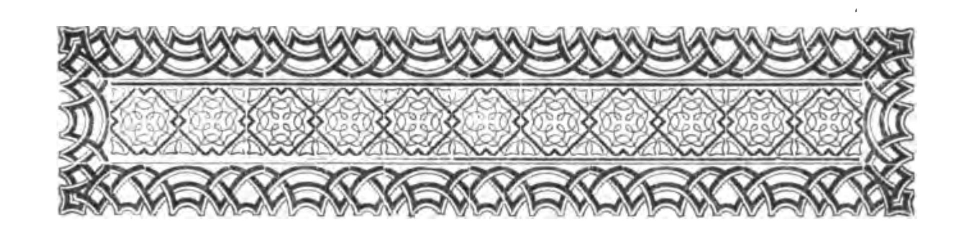
Имѣю честь при семъ представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокородія конвертъ за № 1220, въ которомъ, кромѣ дознанія по дѣлу Горболева, оказалось, видимо ошибочно вложенное письмо (карточка), за подписью „Ксавье", въ которомъ дѣлается авторомъ письма намекъ на преступное его дѣйствіе, —каковое также при семъ прилагается.

Приставъ (подпись).

Сообщилъ Н. К.

С.-Петербургъ.

По Россіи и Польшѣ въ исходѣ XVIII-го вѣка.

Путевыя впечатлѣнія англичанина.

1779—1785 г.г. [1].

(Окончаніе).

VIII.

Посѣщеніе университета.—Каталогъ греческихъ рукописей.—Продажа готовыхъ срубовъ.—Быстрота, съ какою строятся деревянные дома.—Поѣздка въ Троицкую Лавру.—Наши злоключенія по пути.

Изъ архива мы отправились въ университетъ, который находится въ Китай-городѣ; онъ основанъ по инціативѣ графа Шувалова императрицей Елисаветой Петровной, и разсчитанъ на 600 студентовъ, которымъ дается помѣщеніе и полное содержаніе отъ казны. Насъ приняли съ большимъ почетомъ директоръ и профессора и повели насъ въ типографію. Она въ то время работала и при насъ отпечатали нѣсколько листовъ, на англійскомъ и русскомъ языкахъ, которые намъ поднесли на память, какъ образчикъ русскаго книгопечатанія; на одномъ изъ нихъ было напечатано слѣдующее:

„Сіе тисненіе печати Россійской поднесено высокопочтеннѣйшему лорду Герберту въ его путешествованіи чрезъ Россію съ капитаномъ Флойдомъ и господиномъ Коксомъ въ то время, когда они удостоили своимъ благосклоннымъ посѣщеніемъ императорскій Московскій университетъ. Сентября 1 дня 1778 года“.

Изъ типографіи мы прошли въ университетскую библіотеку, которая содержитъ очень ограниченное число книгъ. Прощаясь со мною, директоръ подарилъ мнѣ грамматику татарскаго языка и каталогъ греческихъ рукописей, находящихся въ книгохранилищѣ

---

[1] См. „Русская Старина“, октябрь 1907 г.

Св. Синода и годовое расписаніе лекцій, читаемыхъ въ Московскомъ университетѣ, подъ заглавіемъ: „Catalogus praelectionum publicarum in Universitate caesarea Mosquensi habendarum“ [1]).

Каталогъ греческихъ рукописей, хранящихся въ синодальной библіотекѣ, озаглавленъ: „Notitia codicum manuscriptorum Graecorum Bibliothecarum Mosquensium sanctissimae Synodi Ecclesiae orthodoxae Graeco-Russicae, cum variis anecdotis, tabulis aeneis et indicibus locupletissimis. Edit Christianus Fredericus Matthaei, gymnasorum Universitatis Mosquensis rector. Mosquae, typis Universitaris. Anno 1776“. Онъ составленъ ученымъ нѣмцемъ, изъ Лейпцига, Маттаемъ, ученикомъ знаменитаго Эрнести. Приглашенный въ Москву императрицей Екатериной II, онъ читаетъ лекціи въ университетѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, онъ занялся греческой литературой и разобралъ любопытную коллекцію греческихъ рукописей, хранящихся въ синодальной библіотекѣ, большая часть коихъ собрана по указанію патріарха Никона Арсеніемъ,—монахомъ изъ Аѳонскаго монастыря.

Такъ какъ каталогъ этихъ рукописей, изданный первоначально по повелѣнію Петра Великаго, былъ составленъ весьма неточно, то князь Потемкинъ, большой любитель древней письменности, предложилъ Маттаи выполнить эту работу въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Маттаи выпустилъ въ 1776 г. первую часть своего труда, содержащую подробное описаніе 51 рукописи, съ критическими къ нимъ примѣчаніями. Имъ описанъ обстоятельно весь матеріалъ, на основаніи котораго писалась каждая рукопись, когда и кѣмъ она была написана, ея содержаніе, число страницъ и пр.

Предполагается издать, такимъ образомъ, съ небольшими промежутками полный каталогъ рукописей, но такъ какъ эта работа займетъ нѣсколько лѣтъ, то Маттаи издалъ пока сокращенный каталогъ, съ соотвѣтствующимъ предисловіемъ.

Москва составляетъ центръ внутренней торговли Россіи. Почти вся торговля сосредоточена въ Китай-городѣ, гдѣ согласно обычаю, существующему въ Россіи, какъ и въ большей части государствъ Востока, всѣ лавки и склады сосредоточены въ одномъ мѣстѣ.

Среди достопримѣчательностей Москвы надобно упомянуть о рынкѣ, гдѣ торгуютъ готовыми домами. На одномъ изъ предмѣстій, подъ открытымъ небомъ разставлены на землѣ совсѣмъ готовые

---

[1]) Программа эта не приводится Коксомъ цѣликомъ о нѣкоторыхъ преподавателяхъ онъ не упоминаетъ вовсе, фамиліи другихъ перевираетъ и вообще его извлеченіе настолько сбивчиво, что оно не представляетъ интереса, поэтому мы его опускаемъ.

дома. Кому нуженъ домъ, тотъ отправляется на этотъ рынокъ, заявляетъ о томъ, сколько ему нужно комнатъ, осматриваетъ срубы и сторговываетъ подходящій домъ, и либо перевозитъ его самъ на мѣсто, либо покупаетъ его съ условіемъ, что домъ будетъ перевезенъ и поставленъ на мѣсто. Можетъ показаться невѣроятнымъ, что такимъ образомъ домъ можетъ быть купленъ, перевезенъ на мѣсто и приспособленъ для жилья въ теченіе одной недѣли; это дѣлается такъ просто потому, что такіе дома представляютъ не что иное, какъ простые срубы и ихъ, по перевезеніи на мѣсто, остается только скрѣпить.

Впрочемъ, столь упрощеннымъ способомъ строятся не однѣ избы; и болѣе обширные деревянные дома съ красивыми фасадами строятся съ такой быстротою, которая поражаетъ иностранца.

Замѣчательнымъ примѣромъ такой быстрой постройки можетъ служить зданіе, сооруженное во время послѣдняго посѣщенія Москвы Императрицей Екатериной II. Ея Величество выразила желаніе остановиться въ домѣ князя Голицына, который считается самымъ благоустроеннымъ домомъ въ столицѣ; но такъ какъ онъ былъ слишкомъ малъ для помѣщенія государыни и ея свиты, то недѣль въ шесть, не болѣе, была сооружена деревянная пристройка, превосходившая размѣрами самый домъ, съ цѣлымъ рядомъ великолѣпныхъ комнатъ. Это зданіе, сооруженное съ быстротою молніи, оказалось столь красиво и удобно, что матеріалъ, изъ котораго онъ сооруженъ, былъ употребленъ впослѣдствіи на постройку императорскаго загороднаго дворца, стоящаго на небольшой возвышенности въ окрестностяхъ города.

Я видѣлъ въ Москвѣ остроумное приспособленіе, устраиваемое съ цѣлью не допускать скопленія толпы въ случаѣ бунта или для остановки уличнаго движенія при пожарахъ, весьма частыхъ въ городѣ, гдѣ большая часть домовъ деревянные и мостовая бревенчатая. Въ началѣ улицы устанавливается особаго вида рогатка т. наз. chevaux-de-frize (Spanischer Reiter); одинъ конецъ ея вращается на оси, а другой скользитъ по колесу; подлѣ нея стоитъ будка для часового. Какъ только начинается народное волненіе или на улицѣ собирается большая толпа, рогатку тотчасъ запираютъ и движеніе на улицѣ прекращается моментально.

Въ Россіи такъ распространена игра въ шашки, что въ бытность мою въ Москвѣ, гдѣ бы мнѣ ни случалось быть въ гостяхъ, я видѣлъ вездѣ играющихъ въ шашки; проходя по улицѣ, нерѣдко случалось видѣть купцовъ или простолюдиновъ, которые играли около своихъ лавокъ или у воротъ домовъ. Играютъ иногда вчетверомъ, для чего имѣются болѣе длинныя доски съ большимъ

числомъ квадратовъ. Мнѣ говорили, что эта игра труднѣе обыкновенной, но болѣе интересна [1]).

Намъ не хотѣлось уѣхать изъ Москвы, не видавъ Троицкой Лавры, извѣстной въ лѣтописяхъ русской исторіи, какъ мѣсто убѣжища русскихъ царей во время народныхъ волненій.

Такъ какъ монастырь этотъ находится въ сорока миляхъ отъ Москвы, то мы велѣли подать почтовыхъ лошадей въ пять часовъ утра, надѣясь вернуться въ тотъ же день. Мы разсчитывали, что намъ будетъ вполнѣ достаточно для этой поѣздки одного дня, но въ незнакомой странѣ постоянно случаются разныя препятствія, которыхъ человѣкъ, не знающій мѣстныхъ обычаевъ, не въ состояніи предусмотрѣть; незнакомство съ разными мелочами, которыя можно было бы устранить, если бы мы были лучше освѣдомленными, причинило намъ не мало непріятностей и заставило насъ пробыть въ дорогѣ не одинъ и не два, а цѣлыхъ три дня.

Мы встали въ пять часовъ; но вышла задержка изъ-за почтовыхъ лошадей, которыхъ намъ дали съ большимъ трудомъ, несмотря на то, что подорожная была подписана губернаторомъ, и мы надоѣдали станціонному смотрителю, посылая къ нему одного посланнаго за другимъ. Дѣло въ томъ, что такъ какъ плата за почтовыхъ лошадей не велика, то ихъ владѣльцы могутъ съ большей выгодой употреблять ихъ для другихъ надобностей, и поэтому иностранца конечно заставляютъ ждать, если только съ нимъ не ѣдетъ русскій солдатъ, который заставитъ станціоннаго смотрителя исполнить требованія путешественниковъ. Наши знакомые очень совѣтовали намъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ и, надобно сознаться, что мы поступили весьма необдуманно, пренебрегши ихъ совѣтомъ, о чемъ впослѣдствіи очень сожалѣли.

Прождавъ лошадей цѣлыхъ девять часовъ, мы были счастливы, когда въ два часа по полудни, намъ были наконецъ поданы лошади. Усѣвшись въ карету, мы надѣялись доѣхать безъ остановки до первой почтовой станціи, гдѣ мы должны были смѣнить лошадей, но ямщикъ, отъѣхавъ четыре версты, остановился въ первой же деревнѣ и наотрѣзъ отказался везти насъ далѣе. Напрасно показывали мы ему подорожную; онъ утверждалъ, что она даетъ намъ право только получать лошадей отъ деревни до деревни; основываясь на этомъ, онъ безъ дальнѣйшихъ церемоній уѣхалъ обратно

---

[1]) Здѣсь опущено описаніе воспитательнаго дома, о которомъ Коксъ отзывается съ восторгомъ, такъ какъ описаніе это приведено дословно въ его статьѣ „Тюрьмы и госпиталя въ Россіи въ XVIII вѣкѣ“, см. „Русская Старина“, 1907 г. іюль, стр. 34—36.

въ Москву. Цѣлыхъ два часа пришлось намъ употребитъ на то, чтобы, при помощи нашего переводчика-цыгана, убѣдить крестьянъ дать намъ лошадей; они довезли насъ опять только до ближайшей деревни, гдѣ снова пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ, спору и обѣщаніямъ.

Такимъ образомъ, споря и ссорясь, ѣхали мы отъ деревни до деревни,—которыя, къ несчастью, были довольно часты въ этой мѣстности, и только къ полуночи добрались до деревни Клизмы, въ 17 верстахъ отъ Москвы, гдѣ переночевали въ одной избѣ. Такъ какъ нашъ слуга употребилъ большую часть ночи на переговоры съ крестьянами, убѣждая ихъ дать намъ по утру лошадей, то намъ удалось выѣхать на другой день чуть не на разсвѣтѣ и къ восьми часамъ утра мы были въ Бретовщинѣ, на полпути къ Лаврѣ.

Тутъ насъ ожидалъ курьеръ князя Волконскаго, любезно посланный имъ впередъ, чтобы приготовить намъ лошадей и сопровождать насъ до монастыря: опытъ предыдущаго дня заставилъ насъ вполнѣ оцѣнить эту любезность.

Въ Бретовщинѣ мы осматривали дворецъ, построенный Алексѣемъ Михайловичемъ, въ которомъ онъ часто жилъ; это продолговатое одноэтажное зданіе, окрашенное въ желтый цвѣтъ, состоитъ изъ ряда небольшихъ, низкихъ комнатъ. Въ этомъ дворцѣ (если только онъ заслуживаетъ этого названія) долгое время никто не жилъ. Императрица Екатерина II, которой понравилось мѣстоположеніе дворца, рѣшила, въ память отца Петра Великаго, построить тутъ новый большой каменный дворецъ, для котораго уже заготовлены матеріалы.

Вернувшись въ деревню, мы приказали подать лошадей и были очень довольны, когда наше приказаніе было немедленно исполнено; нашъ военный спутникъ оказался намъ весьма полезнымъ, ибо какъ только начинались обычныя препирательства и брань между крестьянами, онъ тотчасъ пускалъ въ ходъ свое оружіе, и его способъ убѣжденія оказался краснорѣчивѣе самыхъ трогательныхъ нашихъ увѣщаній. Мужики видимо привыкли къ подобнаго рода внушеніямъ, такъ какъ они переносили ихъ терпѣливо и крайне добродушно; ямщикъ, получивъ тумака, садился на козлы и принимался какъ ни въ чемъ не бывало пѣть и посвистывать.

Троицкая Лавра походитъ издали на небольшой городокъ и, подобно многимъ монастырямъ, обнесена высокими каменными стѣнами съ башнями, въ которыхъ продѣланы амбразуры для ружей и пушекъ. Все укрѣпленіе обнесено глубокимъ рвомъ.

Кромѣ монастырскихъ келій, въ оградѣ Лавры находится царскій дворецъ и девять большихъ церквей, сооруженныхъ различ-

ными царями. По бокамъ двора тянутся кельи, въ настоящее время слишкомъ просторныя для братіи, которой было прежде до 300 человѣкъ.

Дворецъ, куда русскіе цари часто наѣзжали въ то время, когда Москва была столицею, невеликъ; въ одной изъ комнатъ лѣпныя украшенія изображаютъ главныя дѣянія Петра Великаго. Всѣ девять церквей великолѣпны; главный куполъ собора позолоченъ; четыре другія меньшія главы покрыты листовымъ желѣзомъ, окрашеннымъ въ зеленую краску. Мы поднялись на новую колокольню, построенную при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, въ довольно красивомъ стилѣ. Съ нея открывается обширный видъ на окрестную холмистую мѣстность, усѣянную деревнями.

Такъ какъ архимандрита не было дома, то намъ не удалось осмотрѣть библіотеку, о чемъ мы очень сожалѣли, ибо по описанію Бюшинга она содержитъ весьма любопытную коллекцію книгъ.

IX.

Тверь, отстраивающаяся послѣ пожара.—Штрафъ, наложенный на баржи.—Небрежность русскихъ кузнецовъ.—Вышній Волочекъ.—Частоколы.—Гуртовщики.—Характеръ мѣстности и населеніе Новгородской губерніи.—Любовь народа къ пѣнію.—Грустное впечатлѣніе, произведенное Новгородомъ.—Дорога отъ Новгорода до Петербурга.

Мы оставили Москву 14 сентября. Мѣстность, по которой намъ пришлось ѣхать, кое-гдѣ поросла лѣсомъ. Переночевавъ въ деревнѣ Парской, какъ обыкновенно въ крестьянской избѣ, мы взяли на слѣдующее утро свѣжихъ лошадей въ Клину, лежащемъ на широкой рѣкѣ Сестрѣ. Эта деревня недавно выгорѣла, и крестьяне вновь отстраивались; по близости мы видѣли пильную яму,—вещь столь необычайную въ этой странѣ, что нельзя было не обратить на нее вниманія. Миновавъ заводы, мы переправились черезъ небольшую рѣчку и очутились вскорѣ на берегу Волги. На слѣдующее утро, увидавъ, что одно изъ колесъ нашего экипажа готово было разсыпаться, мы оставили его на попеченіе нашего слуги и наняли кибитки, въ которыя наложили для насъ сѣна. Послѣ довольно утомительнаго пути мы добрались до гор. Твери, расположеннаго очень красиво на высокомъ берегу Волги.

Тверь раздѣляется на старый и новый городъ. Старый городъ, лежащій по ту сторону Волги, состоитъ изъ деревянныхъ избъ. Новый городъ, до огромнаго пожара, истребившаго его въ 1763 г., былъ немногимъ лучше, но теперь обстраивается на деньги, пожертвованныя императрицей, по новому плану, набросанному однимъ

извѣстнымъ архитекторомъ; на казенный счетъ построены дома для губернатора, епископа, зданіе суда, биржа, тюрьма и другія общественныя зданія; всякому, желающему построить каменный домъ, выдается на двѣнадцать лѣтъ безпроцентная ссуда въ размѣрѣ 300 ф. ст. (3.000 руб.). Такимъ образомъ роздано въ ссуду до 60.000 ф. ст.; до сихъ поръ возвращена только третья часть этой суммы. Широкія, длинныя улицы расходятся изъ центра радіально: каменные выштукатуренные дома очень красивы. Пока отсроена только часть новаго города; когда распланировка его будетъ окончена, то онъ будетъ представлять два восьмиугольника, къ которымъ идетъ нѣсколько улицъ, пересѣкающихся подъ прямыми углами; эта часть города могла бы служить украшеніемъ самой богатой и цивилизованной страны.

Въ Твери есть духовная семинарія на 600 воспитанниковъ. Въ 1776 г. по повелѣнію императрицы основана школа для дѣтей мѣщанскаго сословія на 200 учениковъ, а въ 1779 г. открытъ дворянскій институтъ.

Тверь благодаря своему положенію при сліяніи двухъ рѣкъ, по которымъ товары идутъ изъ Сибири и изъ южныхъ губерній въ Петербургъ, ведетъ значительную торговлю. На Волгѣ и на Тверцѣ мы видѣли довольно много судовъ. Въ 1776 г. мимо Твери прошло 2.537 барокъ; въ 1777 г.—2.641; среднимъ числомъ ихъ проходитъ ежегодно около 2.550. Барки эти плоскодонныя и строятся изъ новыхъ досокъ только на одно плаваніе; въ Петербургѣ онѣ продаются на сломъ.

Я уже говорилъ, какъ много дерева тратится въ Россіи даромъ отъ того, что тутъ существуетъ обычай обдѣлывать доски только при помощи топора. Корабельные плотники работаютъ однимъ топоромъ, также какъ крестьяне: для того, чтобы заставить ихъ употреблять другіе инструменты, былъ изданъ указъ, въ силу котораго всякое судно, проходящее мимо Твери, облагается штрафомъ въ 60 р., если въ немъ хоть одна доска будетъ обдѣлана топоромъ. Въ первый годъ по изданіи этого указа было собрано 600.000 р. штрафа, во второй—15.000; въ третій 1.000, а на четвертый годъ ничего. Такимъ образомъ благодаря этой остроумной мѣрѣ, корабельные плотники научились работать пилою, которая, по всей вѣроятности, войдетъ со временемъ въ употребленіе у обыкновенныхъ плотниковъ и у крестьянъ.

Развитіе торговли замѣтно отразилось на благосостояніи города. Въ немъ насчитываютъ въ настоящее время 10.000 жителей; населеніе губерніи также замѣтно увеличилось. Это служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, какую пользу принесъ странѣ новый

сводъ законовъ. Онъ былъ введенъ впервые въ Тверской губерніи, и она уже воспользовалась его плодами.

Такъ какъ Тверь большой городъ, то мы полагали, что намъ хорошо починятъ экипажъ, и что намъ удастся хоть два или три дня ѣхать безъ остановки. Положившись на искусство русскаго кузнеца, мы выѣхали въ шесть часовъ вечера, предполагая, что доѣдемъ часа въ четыре до ближайшей станціи, гдѣ мы предполагали ночевать; но, проѣхавъ всего 10 верстъ, мы замѣтили, что наше колесо не только не было укрѣплено, но напротивъ расхлябалось еще больше, и намъ пришлось остановиться въ маленькой деревушкѣ, гдѣ однако никто не могъ починить намъ колеса и даже нельзя было достать сальной свѣчки, чтобы смазать ось, которая постоянно загоралась; такъ какъ до ближайшаго мѣстечка, гдѣ можно было достать новое колесо, оставалось 60 верстъ, то мы благоразумно рѣшили вернуться въ Тверь. Я утѣшалъ себя тѣмъ, что эта задержка дала намъ возможность лучше изучить городъ и его окрестности. Мы остановились въ той же самой гостиницѣ, содержимой нѣмцемъ, изъ которой мы только-что уѣхали. Она помѣщалась въ одномъ изъ вновь отстроенныхъ прекрасныхъ каменныхъ домовъ, но въ ней не было почти никакой мебели и даже кроватей.

На слѣдующій день мы совершили очень пріятную прогулку въ окрестностяхъ города и не разъ останавливались, чтобы полюбоваться на прелестный видъ новаго города, горделиво возвышавшагося на крутомъ берегу Волги.

Сентября 19. Пріобрѣтя, наконецъ, новое колесо, мы отправились въ путь послѣ полудня и къ вечеру были въ Торжкѣ. Это большой, раскинутый городъ, состоящій преимущественно изъ деревянныхъ лачугъ и нѣсколькихъ каменныхъ общественныхъ зданій, построенныхъ за послѣднее время на казенныя средства.

Хотя Торжокъ находится всего въ 40 верстахъ отъ Твери, но мы считали большимъ счастьемъ, что намъ удалось доѣхать до него безъ приключеній. Но на другой день намъ не повезло: у нашей злополучной кареты сломалась ось, и мы должны были снова пересѣсть въ кибитку, въ которой доѣхали до Вышняго-Волочка.

Селеніе Вышній-Волочекъ, наименованное городомъ императрицей Екатериной II и получившее довольно значительныя привилегіи, уже начало процвѣтать—жители, освобожденные отъ крѣпостной зависимости, занялись торговлею. Въ Волочкѣ всѣ зданія деревянныя, за исключеніемъ судебныхъ учрежденій, построенныхъ на деньги, данныя Императрицей.

Починивъ свой экипажъ, мы выѣхали 26 числа изъ Вышняго-Волочка по длинной гати, проложенной по обширнымъ болотамъ, гдѣ

на каждомъ шагу встрѣчались полуразвалившіеся мосты безъ перилъ. Здѣсь я видѣлъ нѣсколько деревень, полей и садовъ, обнесенныхъ деревянными частоколами, высотою около двѣнадцати футъ, которые представляли живописное зрѣлище. Обычай огораживать деревню частоколомъ существуетъ издавна; есть старый, уже отмѣненный законъ, предписывавшій крестьянамъ, подъ страхомъ наказанія кнутомъ, обносить города и деревни частоколами. До изобрѣтенія пороха эти частоколы играли роль защиты противъ разбойничьихъ набѣговъ татаръ, и такъ какъ русскій народъ очень приверженъ къ стариннымъ обычаямъ, то этотъ обычай сохранился до сихъ поръ.

Мѣстность, по которой мы ѣхали, на довольно большомъ пространствѣ была болотистая, поросшая лѣсомъ; деревни стояли на песчаныхъ возвышенностяхъ, выступавшихъ изъ болота. Мы переночевали въ Холиловѣ, небольшой деревушкѣ, незадолго передъ тѣмъ выгорѣвшей почти до тла. Нѣтъ ничего удивительнаго, что пожары составляютъ тутъ обычное явленіе, такъ какъ всѣ избы деревянныя и большая часть крестьянъ, подобно крестьянамъ въ Польшѣ, употребляютъ, вмѣсто свѣчей, длинныя лучины, съ которыми они расхаживаютъ по всему дому и ходятъ даже на сѣновалъ, не соблюдая ни малѣйшей осторожности. На слѣдующее утро оказалось, что вслѣдствіе крайне плохой дороги, наше новое колесо опять грозило развалиться, и мы были вынуждены остановиться, чтобы починить его.

24 числа, послѣ полудня, мы пріѣхали въ Бронницу, деревню, лежащую на берегу Мсты, въ 20 верстахъ отъ Новгорода, и остановились въ домѣ священника, который ничѣмъ не отличался отъ прочихъ избъ, но былъ чистый и уютный, такъ какъ въ немъ была печь. Священникъ былъ одѣтъ не въ рясѣ, а въ крестьянской рубахѣ, отличаясь отъ крестьянъ только своими длинными волосами. Онъ, его жена и вся семья были заняты приготовленіемъ икры изъ рыбы, которая ловится въ большомъ количествѣ во Мстѣ.

Въ разстояніи двухъ верстъ отъ деревни, среди равнины возвышается полукруглый песчаный холмъ, подошва котораго была усѣяна кусками краснаго и сѣраго гранита. На этомъ холмѣ стоитъ каменная церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ языческія времена стоялъ идолъ.

Мы видѣли по пути многочисленныя стада быковъ, которыхъ гнали въ Петербургъ, по большей части изъ Украйны. Во время этого долгаго пути погонщики рѣдко заходятъ ночевать куда-либо въ домъ: ихъ скотъ кормится, пощипывая траву по бокамъ дороги; въ дурную погоду они не имѣютъ куда укрыться отъ непогоды и ищутъ защиты подъ деревьями. Вечеромъ царящая кругомъ ти-

шина нарушалась мычаніемъ быковъ и пѣснями погонщиковъ; мракъ лѣсовъ освѣщался пламенемъ многочисленныхъ костровъ, вокругъ которыхъ сидѣли и лежали погонщики: одни варили кушанье, другіе спали на голой землѣ. По одеждѣ и манерамъ они походили на кочующую орду татаръ.

Дорога отъ Москвы до Петербуга, на протяженіи 500 верстъ. тянулась по прямой линіи въ видѣ лѣсной просѣки и производила своимъ однообразіемъ томительное впечатлѣніе. По обѣимъ сторонамъ дороги лѣсъ былъ расчищенъ шаговъ на 40 — 50; изрѣдка попадались деревни.

Дорога была устлана бревнами, уложенными поперекъ и скрѣпленными по серединѣ и по бокамъ длинными жердями, прибитыми деревянными гвоздями; на эти стволы набросаны вѣтви, и все это засыпано пескомъ или землею. Только-что исправленная дорога замѣчательно хороша, но когда бревна подгніютъ или вдавятся въ землю, а песокъ и землю снесетъ дождемъ, то образуются многочисленные ухабы, и легче себѣ представить, нежели описать, какіе толчки получаетъ экипажъ, подпрыгивая по обнаженнымъ бревнамъ. Дорога во многихъ мѣстахъ представляетъ непрерывный рядъ рытвинъ и ухабовъ, какихъ мнѣ не приходилось видѣть на самой плохой мостовой.

Деревни на этомъ пути очень похожи одна на другую и состоятъ изъ одной улицы съ деревянными избами, хорошо приспособленными для здѣшняго суроваго климата. Всѣ дома имѣютъ продолговатую форму; къ избѣ неизмѣнно примыкаетъ сарай съ навѣсомъ.

Насколько я замѣтилъ, въ Россіи крестьяне почти не имѣютъ кроватей; во всѣхъ избахъ, въ которыя я входилъ, я видѣлъ всего на всего двѣ кровати, и на каждой изъ нихъ лежало по двѣ женщины. Вся семья спитъ обыкновенно на полу, на полатяхъ или на печкѣ, съ которой свѣшиваются ихъ ноги и голова; намъ, никогда не видавшимъ подобнаго зрѣлища, ежеминутно казалось, что они свалятся на полъ. Въ тѣсной избѣ жило иногда до двадцати человѣкъ, что̀ при жарко натопленной печи дѣлало комнату невыносимо жаркой; эту жару и удушающее зловоніе едва можно было переносить. Дѣло обстояло еще хуже въ курныхъ избахъ, гдѣ къ тяжелому запаху присоединяется дымъ. Когда мы отворяли дверь, чтобы освѣжить избу, то врывалась такая струя холоднаго воздуха, что мы предпочитали жару и духоту рѣзкому сѣверному вѣтру.

Въ каждой избѣ были подвѣшены къ потолку, по серединѣ, сосудъ со св. водой и лампада, которую зажигаютъ по большимъ праздникамъ; иконы, грубо написанныя на деревѣ, большею частью не имѣли никакого человѣческаго подобія.

Въ обращеніи другъ съ другомъ крестьяне, въ этой мѣстности, очень вѣжливы, при встрѣчѣ тотчасъ снимаютъ шапки и кланяются. Разговаривая, они сильно размахиваютъ руками, а въ разговорѣ съ людьми, выше ихъ стоящими, держатъ себя очень унизительно и низкопоклонно: встрѣтивъ барина, они кланяются въ поясъ и иной разъ даже стукаютъ лбомъ о землю. Мы бывали поражены, когда намъ оказывали такого рода чисто восточные знаки почтенія, не только нищіе, просившіе милостыни, но даже дѣти, а иной разъ и взрослые крестьяне.

Въ наружности новгородскихъ крестьянъ насъ поразила съ перваго взгляда толщина ихъ ногъ, но потомъ оказалось, что помимо двухъ паръ шерстяныхъ чулокъ, они укутываютъ ноги, лѣтомъ и зимою, шерстяными и холщевыми онучами, въ нѣсколько аршинъ длиною, и на все это натягиваютъ еще громадные сапоги.

Крестьяне тутъ хорошо одѣты и хорошо питаются: обычную ихъ пищу составляетъ ржаной хлѣбъ, — изрѣдка бѣлый, овощи, грибы, разнаго рода пироги, свинина, соленая рыба, похлебка, сильно приправленная лукомъ и чеснокомъ. Особенно поразило насъ огромное количество употребляемыхъ тутъ грибовъ; въ каждой избѣ ихъ были большіе запасы; рынки были ими завалены.

Отсталость русскаго народа отъ всѣхъ другихъ европейскихъ націй поражаетъ самаго поверхностнаго наблюдаетеля; однако, по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Петербургу, деревни становились несравненно лучше тѣхъ, какія мы видѣли по пути отъ Смоленска до Москвы: избы были просторнѣе, лучше устроены, окна бóльшихъ размѣровъ, курныхъ избъ меньше, но, несмотря на эти несомнѣнные знаки усиливающейся цивилизаціи, насъ поражали также признаки самаго грубаго варварства.

Во время моего путешествія я былъ пораженъ удивительной любовью русскаго народа къ пѣнію. Крестьяне, исполнявшіе обязанность ямщиковъ, взобравшись на козлы, тотчасъ начинали напѣвать и пѣли, не переставая, нѣсколько часовъ; ямщики поютъ отъ начала станціи до конца; солдаты поютъ во время похода; крестьяне поютъ во время работы; кабаки оглашаются пѣснями; не разъ, среди вечерней тишины, я слышалъ, какъ неслись пѣсни изъ окрестныхъ деревень.

Около Бронницы мы переправились черезъ Мсту на паромѣ, сколоченномъ кое-какъ изъ семи или восьми бревенъ, на которомъ едва помѣщался экипажъ и пара лошадей; проѣхавъ нѣсколько верстъ по довольно болотистой мѣстности, мы увидѣли наконецъ Новгородъ. Издали онъ показался намъ очень красивымъ значительнымъ городомъ, благодаря множеству церквей и монастырей, но наши ожиданія не оправдались.

Ни одинъ городъ не производилъ на меня такого грустнаго впечатлѣнія, какъ Новгородъ,—по сравненію съ его былымъ величіемъ.

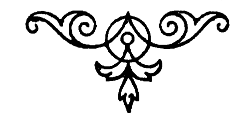
Въ настоящее время городъ обнесенъ землянымъ валомъ съ старыми башнями въ правильномъ другъ отъ друга разстояніи. Валъ занимаетъ незначительную окружность, но и тутъ много пустопорожней земли и нежилыхъ домовъ. За валомъ виднѣлись разбросанные монастыри и церкви, древній княжескій дворъ, и другія зданія, входившія нѣкогда въ черту обширной слободы, которая тянулась на нѣсколько верстъ, но въ данное время болѣе не существуетъ. Двѣ половины города, Торговая и Софійская, соединяются мостомъ, на половину каменнымъ, на половину деревяннымъ. Торговая сторона представляетъ собою безформенную массу деревянныхъ зданій и отличается отъ обыкновенной деревни только огромнымъ числомъ каменныхъ церквей и монастырей,—печальныхъ памятниковъ былого величія и благосостоянія Новгорода. Между тѣмъ какъ плохо обработанныя поля, обнесенныя высокимъ частоколомъ, и большія пространства земли, поросшія крапивой, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о настоящемъ упадкѣ города. Каменное зданіе, на краю города, воздвигнутое казною подъ канатную и парусную фабрику, и нѣкоторыя другія кирпичныя постройки казались особенно великолѣпными по сравненію съ окружающими лачугами.

На Софійской сторонѣ находится соборъ св. Софіи, старый архіепископскій домъ, съ лѣстницей, придѣланной снаружи, новый дворецъ, еще не оконченный постройкою, и нѣсколько другихъ каменныхъ зданій; все остальное пространство представляетъ пустырь, поросшій крапивой и сорными травами съ развалившимися зданіями.

Хозяинъ гостиницы, въ которой мы остановились—нѣмецъ; его гостиница небольшая, но хорошо обставлена, съ кроватями, что составляетъ тутъ необычайную роскошь, которую мы съ трудомъ могли найти даже въ Москвѣ. Такъ какъ наша карета очень поломалась въ дорогѣ, то мы оставили ее въ Новгородѣ и продолжали путь въ кибиткахъ.

Дорога отъ Новгорода до Петербурга шла лѣсомъ по ровной и однообразной мѣстности, нигдѣ не было видно ни пригорка, ни долинки, и весьма мало воздѣланныхъ полей. Унылое однообразіе лѣсистой мѣстности прерывалось изрѣдка деревнями и отдѣльно стоящими домами. Послѣдняя деревня на этомъ пути, Ижора, гдѣ мы смѣнили лошадей, имѣла самый жалкій видъ, хотя она лежала всего въ 20 верстахъ отъ столицы; кругомъ тянулась такая же

унылая, мало населенная мѣстность, какою мы ѣхали все время. Но когда, верстахъ въ десяти отъ Ижоры, мы свернули вправо, картина мгновенно преобразилась; лѣсъ смѣнился обработанными полями, появились жилые дома, тряская дорога смѣнилась превосходнымъ шоссе съ гранитными верстовыми столбиками, а въ концѣ длинной просѣки виднѣлся Петербургъ—предметъ нашихъ давнихъ желаній и конецъ нашихъ странствованій!

Николай Ивановичъ Костомаровъ и его дѣятельность во время ссылки въ Саратовѣ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.

Въ былыя времена прошлаго вѣка Саратовъ слылъ такой далью, что для созданнаго безсмертнымъ Грибоѣдовымъ героя Фамусова городъ этотъ считался глушью, куда онъ мѣтилъ сослать свою заблудшую дочь. Такою репутаціею Саратовъ пользовался до начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, когда онъ пересталъ быть мѣстомъ ссылки непокорныхъ или несогласныхъ съ взглядами предержащихъ властей.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ истекшаго вѣка въ Саратовъ былъ сосланъ Н. И. Костомаровъ, послѣ долгаго его заключенія въ крѣпостномъ казематѣ, истязавшаго несчастнаго физически и нравственно. Прибывъ въ Саратовъ еще молодымъ человѣкомъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни, Костомаровъ поселился въ убогой комнаткѣ-кельѣ и тотчасъ началъ трудиться, печатая свои труды въ „Саратовскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“, которыя до появленія его въ городѣ выходили два раза въ недѣлю и представляли собою ни что иное, какъ краткій перечень разнаго рода приказовъ, распоряженій мѣстнаго начальства, бюллютеней прихода и отхода пароходовъ, календарныхъ замѣтокъ и т. п. Редакторство такой газеты поручалось чиновнику особыхъ порученій при саратовскомъ губернаторѣ.

Въ то время саратовскимъ губернаторомъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Кожевниковъ, сослуживецъ извѣстнаго въ свое время оренбургскаго генералъ-губернатора графа Перовскаго. Кожевниковъ, здраво смотрѣвшій на жизнь, благодаря своему уму, образованію и опытности, вдобавокъ самъ перетерпѣвшій много лишеній и непріятностей прежней своей военной службы,—просматривая „Саратовскія вѣдомости“, обратилъ вниманіе на содержательныя статейки безымяннаго автора. Ввиду этого губернаторъ постарался разъузнать фамилію автора и, по своей должности,

зная, что за человѣкъ былъ Костомаровъ и по какому поводу онъ попалъ подъ губернаторскій надзоръ, приказалъ пригласить его къ себѣ. Изъ ближайшаго знакомства Костомарова съ губернаторомъ послѣдній узналъ о бѣдствіи перваго и немедленно далъ ему возможность оправиться, назначивъ его отвѣтственнымъ редакторомъ „Саратовскихъ вѣдомостей" за извѣстное вознагражденіе. Затѣмъ, усиленными ходатайствами въ Петербургъ, Кожевниковъ добился утвержденія Костомарова въ должности чиновника особыхъ порученій при канцеляріи губернатора, и такимъ образомъ нашъ историкъ не только вышелъ изъ затруднительнаго матеріальнаго положенія, но сдѣлался неподнадзорнымъ, избавившись отъ бдительныхъ очей полиціи. При такой обстановкѣ Костомаровъ прожилъ въ Саратовѣ до начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, когда былъ взысканъ милостями, дозволившими ему перебраться въ Петербургъ, гдѣ онъ и занялъ мѣсто профессора русской исторіи въ университетѣ.

Будучи редакторомъ „Губернскихъ вѣдомостей", Костомаровъ сдѣлалъ эту газету болѣе интересною помѣщеніемъ въ ней статей животрепещущихъ, отвѣчающихъ требованіямъ времени; этому способствовали какъ его личные труды, такъ и привлеченіе въ сотрудники такихъ лицъ, какъ Н. Г. Чернышевскій и Д. Л. Мордовцевъ, изъ которыхъ первый былъ тогда учителемъ саратовской гимназіи, а второй служилъ въ конторѣ иностранныхъ поселеній, завѣдывавшей въ то время попечительствомъ о нѣмецкихъ колоніяхъ Саратовской губерніи. Такое обогащеніе „Вѣдомостей" хорошими сотрудниками и ихъ статьями способствовало газетѣ выходить не періодически, а ежедневно и значительно увеличило число подписчиковъ, чтó возвысило и средства редакціи для увеличенія полезнаго значенія газеты.

Сердечныя отношенія между Костомаровымъ, Чернышевскимъ и Мордовцевымъ были неизмѣнными и по переѣздѣ ихъ въ Петербургъ; въ Саратовѣ же этотъ тріумвиратъ назывался духовно-просвѣтительнымъ, каковымъ онъ былъ въ дѣйствительности, такъ какъ на вечера, устраиваемые поочередно этими дѣятелями, приглашались учителя гимназіи и нѣкоторые ея ученики седьмого класса, извѣстные Чернышевскому за людей развитыхъ и интересующихся научными свѣдѣніями.

Причина ареста малоросса Костомарова въ Кіевѣ, увозъ его въ Петербургъ и заключеніе въ Петропавловскую крѣпость извѣстны всякому, знакомому съ его біографіей; здѣсь же необходимо упомянуть, что злоключенія по содержанію его въ крѣпостномъ казематѣ, темномъ, сыромъ и холодномъ, наполненномъ чужеядными насѣ-

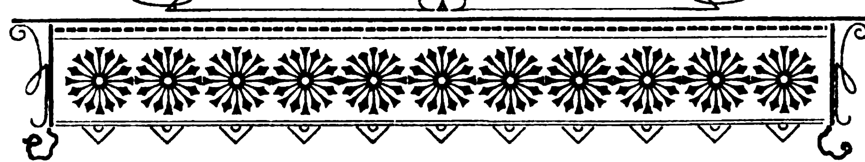
комымы и множествомъ крысъ, сильно подѣйствовали на его нервы и довели страдальца до галлюцинацій съ раздраженіемъ лицевыхъ мускуловъ; вслѣдствіе этого онъ произносилъ свою рѣчь съ передергиваніемъ лица и по временамъ затруднялся въ подборѣ словъ для выраженія своей мысли. Тѣмъ не менѣе Костомаровъ здраво мыслилъ усердно занимался своими историческими трудами и изслѣдованіями и въ то же время работалъ надъ улучшеніемъ содержательности „Вѣдомостей“.

Работѣ Костомарова по исторіи, кромѣ источниковъ, отысканныхъ имъ въ саратовской городской общественной библіотекѣ, помогли и тѣ знавшіе его друзья-ученые, которые во время пребыванія историка въ Саратовѣ, высылали ему все то, что онъ просилъ и что они сами находили нужнымъ для справокъ и свѣдѣній его. Квартира Костомарова была завалена массою книгъ, изъ которыхъ онъ черпалъ данныя, дополняя ихъ своими мыслями и сужденіями. Такимъ трудомъ Костомаровъ, будучи въ Саратовѣ, создалъ фоліанты собственноручнаго писанія, которые были взяты имъ съ собою при отъѣздѣ въ Петербургъ и служили ему подспорьемъ его профессорской дѣятельности. Добрѣйшій по натурѣ и готовый дѣлиться своими знаніями со всякимъ, въ этомъ нуждающемся, Костомаровъ немало работалъ совмѣстно съ Мордовцевымъ, помогая въ его изслѣдованіяхъ событій исторической русской жизни.

Когда въ Саратовѣ возникло пресловутое дѣло объ изчезновеніи русскихъ мальчиковъ - подростковъ и изуродованіи ихъ будто бы евреями для добыванія христіанской крови, якобы необходимой для приготовленія пасхальной мацы, то Костомаровъ съ жаромъ доказывалъ химерность такого предположенія и, несмотря на сомнѣнія губернатора въ справедливости мнѣнія нашего историка, съумѣлъ дать этому дѣлу тотъ ходъ, который, послѣ двухлѣтнихъ розысковъ и полицейскихъ разслѣдованій, показалъ нелѣпость затѣяннаго процесса, повлекшаго за собой два—три самозадушенія евреевъ, содержавшихся по этому дѣлу въ заключеніи.

Сообщилъ Ив. Вороновъ.

Къ исторіи сношеній Россіи съ Ватиканомъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича [1]).

Несмотря на полный разрывъ между церквами восточной и западной, совершившійся въ XI вѣкѣ, римскихъ папъ никогда не покидала мысль подчинить восточную церковь своей власти и обратить православный русскій народъ въ католическую вѣру; съ этой цѣлью Римомъ неоднократно дѣлались попытки къ сближенію съ Москвою; и несмотря на то, что всѣ онѣ, не исключая извѣстной миссіи Поссевина, кончались неудачею, папская курія не отказывалась отъ своихъ надеждъ, которыя въ Смутное время значительно оживились.

Увидѣвъ въ появленіи самозванца давно желанный случай осуществить завѣтную мечту папскаго престола, папа Климентъ VIII принялъ дѣятельное участіе въ его судьбѣ, но со смертью Димитрія, сношенія съ Римомъ окончательно прервались. „Между Кремлемъ и Ватиканомъ“, по образному выраженію о. Пирлинга, „подобно привидѣнію, стала окровавленная тѣнь Димитрія“; къ тому же поляки, сопутствовавшіе ему въ Москву, оставили по себѣ такія недобрыя воспоминанія, что русскіе, не терпѣвшіе вообще посторонняго вмѣшательства въ дѣлахъ вѣры, рѣшительнѣе прежняго стали уклоняться отъ сношеній съ латинянами.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій заботился только о сохраненіи своей власти, а молодая династія Романовыхъ была долгое время всецѣло поглощена внутреннимъ переустройствомъ государства.

Но въ Римѣ о Россіи не забывали; опасность, угрожавшая со стороны турокъ, и невозможность разсчитывать долѣе на помощь Польши, истощенной войнами, побуждали папу искать болѣе надеж-

---

[1]) Pierling. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques, vol. IV. Paris. 1907 г.

наго союзника. Таковымъ могъ быть московскій царь. Въ этомъ смыслѣ нерѣдко давались инструкціи папскимъ нунціямъ. Въ 1657 г. папа Александръ II, узнавъ о томъ, что въ Венецію пріѣхалъ русскій посланникъ Чемодановъ, велѣлъ передать ему любезное приглашеніе посѣтить папскую столицу, но Чемодановъ, несмотря на двукратное приглашеніе не поѣхалъ въ Римъ, ссылаясь на то, что „въ царскомъ указѣ не было упомянуто о Римѣ, а безъ царскаго повелѣнія онъ ничего не воленъ дѣлать“.

Въ то время папѣ не удалось завязать оффиціальныхъ сношеній съ Москвою. Они возстановились только благодаря частной иниціативѣ молодого ученаго кроата, Юрія Крижанича [1]), который увлекся мыслію объ уніи славянъ съ папскимъ престоломъ и обращеніи Россіи въ католическую вѣру и, несмотря на трудности, съ какими было сопряжено для иностранца путешествіе въ Московію, онъ дважды посѣтилъ ее, и несмотря на всевозможныя неудачи, до конца жизни преслѣдовалъ свою завѣтную мечту.

„Миссіонеръ-дилеттантъ, но миссіонеръ геніальный“,—говоритъ о немъ Пирлингъ,—„прекрасный лингвистъ, знатокъ исторіи, географіи и этнографіи, музыкантъ, философъ и богословъ“. Крижаничъ родился около 1618 года, въ бѣдной дворянской семьѣ, въ Кроатіи, изнемогавшей тогда подъ игомъ мусульманъ. „Видя съ дѣтства порабощеніе своего народа, молодой, пылкій патріотъ далъ себѣ слово поработать надъ его возрожденіемъ, поднять значеніе родного языка, выработать его формы, сохранить особенности его духа, то неуловимое „нѣчто“, которое составляетъ сокровенную сущность народнаго генія, пробуждаетъ народное самосознаніе и сплачиваетъ людей“. „Пробѣгая записки Антонія Поссевина „о Московскихъ дѣлахъ“, попавшіяся ему въ руки во время пребыванія въ коллегіи, въ Болоніи, въ которыхъ Поссевинъ доказывалъ необходимость единенія славянъ и сближенія ихъ съ Римомъ,—Крижаничъ окончательно понялъ свое призваніе и проникся идеей Поссевина. Такъ какъ для успѣшнаго выполненія этой идеи нужна была спеціальная подготовка, то онъ рѣшилъ поступить въ коллегію

---

[1]) Свѣдѣнія о Крижаничѣ и о другомъ видномъ дѣятелѣ XVII вѣка, взявшемъ на себя роль посредника между Ватиканомъ и Москвою—шотландцѣ Менезіи, заимствованы о. Пирлингомъ главнымъ образомъ изъ пространныхъ изслѣдованій гг. Бѣлокурова и Чарыкова, но такъ какъ названныя изслѣдованія мало извѣстны публикѣ и къ тому же Пирлингъ дополняетъ сообщаемыя ими свѣдѣнія данными, почерпнутыми изъ иностранныхъ архивовъ, то мы познакомимъ читателей съ этими интересными данными, составляющими введеніе къ недавно вышедшему IV тому обширнаго труда Пирлинга, посвященнаго исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и папскаго престола. *В. Т.*

св. Аѳонасія и отправился съ этой цѣлью, въ исходѣ 1640 г. въ Римъ. Великолѣпно обставленная коллегія, основанная Григоріемъ XIII, предназначалась спеціально для грековъ, но въ нее принимали нѣсколько человѣкъ славянъ. Обученіемъ руководили іезуиты. По окончаніи курса молодые священники возвращались на родину и, поддерживая сношенія съ Римомъ, осуществляли такимъ образомъ цѣль, которую имѣли въ виду основатели коллегіи,—установить тѣсную связь между папскимъ престоломъ и народами Востока и возвратить славянъ въ лоно католической церкви при содѣйствіи мѣстнаго духовенства, проникнутаго идеей о необходимости уніи.

Подобное учрежденіе, по своей мысли, вполнѣ соотвѣтствовало видамъ Крижанича.

Вскорѣ по поступленіи въ коллегію, въ 1641 году, Крижаничъ представилъ Пропагандѣ записку, въ которой изложилъ, въ общихъ чертахъ, занимавшія его мысли и цѣль, которую онъ преслѣдовалъ, поступая въ коллегію. Въ этомъ отношеніи, записка его имѣетъ первостепенное значеніе: это цѣлая программа дѣятельности, набросанная неопытной еще рукою будущаго поборника панславизма и миссіонера, любопытная тѣмъ, что онъ остался вѣренъ ей до конца; ни годы, ни жизненныя испытанія не заставили его измѣнить этой программѣ.

Но что же могъ писать выдающагося о Россіи молодой кроатъ, никогда не бывшій въ этой странѣ? Разумѣется, имѣя подъ рукою только сочиненія писателей 16 вѣка, Герберштейна, Поссевина, Олеарія, онъ имѣлъ о ней поверхностныя свѣдѣнія, но узнавъ изъ записокъ Поссевина, что „громадное множество славянскихъ племенъ отравлено схизмой“, онъ увлекся мыслію разрушить ихъ заблужденія и считалъ скудныя свѣдѣнія, вынесенныя имъ изъ чтенія упомянутыхъ авторовъ, вполнѣ достаточными, чтобы опредѣлить причину уклоненія русскихъ отъ „истинной вѣры“ и обсудить практическій способъ осуществленія своей мысли.

„Ихъ схизма,—писалъ Крижаничъ,—происходитъ не изъ того корня, изъ котораго родилась схизма грековъ, т. е. не изъ гордыни, стремящейся сравняться съ величіемъ римскимъ, и еще менѣе изъ жажды распущенной свободы, откуда произошли нѣкоторыя современныя ереси, такъ какъ эти люди (русскіе), по своей природѣ скорѣе избѣгаютъ власти, нежели жаждутъ ея, что̀ очевидно изъ рѣдкости или полнаго отсутствія у нихъ бунтовъ“; „склонные къ покорности, привыкшіе къ деспотизму, они сдѣлались жертвою только своего невѣжества“. Отъ Византіи „они ничему не могли научиться, ихъ грубый и никому не понятный языкъ обрекалъ ихъ

на одиночество, тѣмъ болѣе, что они не довѣряли тѣмъ, кои могли бы служить имъ наставниками".

Въ этихъ словахъ кроется задняя мысль. Очевидно, автору записки нужно было именно объяснить такимъ образомъ причину зла, чтобы вывести изъ этого заключеніе, какимъ образомъ помочь горю.

Въ самомъ дѣлѣ, могло ли быть лучшее средство противъ невѣжества, какъ общеніе съ образованными людьми? Уже лѣтъ пятьдесятъ передъ тѣмъ, Поссевинъ настаивалъ на необходимости посылать въ Москву миссіонеровъ. То же средство превозноситъ и Крижаничъ.

Не считая русскихъ ни еретиками и ни схизматиками, но христіанами, „впавшими въ заблужденіе по простотѣ душевной", онъ полагалъ, что не было надобности „проповѣдывать имъ вѣру", ихъ нужно было лишь увѣщевать къ добродѣтелямъ, научить ихъ наукамъ и искусствамъ, „по введеніи каковыхъ было бы уже легкимъ дѣломъ указать имъ ихъ заблужденія и обманъ", и тогда соединеніе церквей совершилось бы само собою.

Предвидѣлъ ли Крижаничъ будущее значеніе Россіи и то положеніе, какое она заняла въ Европѣ, какъ бы то ни было, онъ первый провозгласилъ идею славянскаго единства и сдѣлалъ московскаго царя носителемъ коллективной національной чести.

Проникнутый этой мыслію, молодой миссіонеръ былъ готовъ работать подъ его покровительствомъ. Быть допущеннымъ къ московскому двору или, еще лучше, быть приглашеннымъ въ Россію самимъ царемъ,—вотъ къ чему онъ стремился.

Чтобы добиться этого приглашенія, онъ намѣревался написать „трудъ по христіанской исторіи", въ которомъ хотѣлъ изложить подробности объ успѣхахъ или упадкѣ вѣры христіанской среди славянскихъ народностей, поляковъ, богемцевъ, московитовъ, болгаръ, черкесовъ, хорватовъ, босняковъ и иныхъ, перевести какія-нибудь поучительныя и любопытныя книги, каковы, напримѣръ: „Церковная монархія" Цаморры и „Театръ міра" и съ этими книгами отправиться въ Константинополь или въ Смоленскъ и оттуда послать царю исторію съ какою-нибудь другою книгою, обѣщая прислать другія сочиненія впослѣдствіи.

Крижаничъ надѣялся, что, ознакомившись съ его книгою, царь пригласитъ его въ Кремль. Попавъ въ эту обѣтованную землю, ему оставалось бы только снискать благоволеніе царя. Какъ много у него было бы для этого средствъ! Къ его услугамъ была исторія, литература, грамматика, математика, всѣ искусства. „Онъ сталъ бы обучать царскихъ дѣтей иностраннымъ языкамъ, служилъ бы боярамъ

переводчикомъ и, наконецъ, настроивъ свою лиру, сталъ бы прозою и стихами воспѣвать хвалу царю“; болѣе того, съ дозволенія царя онъ мечталъ представить на сценѣ нѣкоторые подвиги ихъ святыхъ и князей.

Что касается политики, то онъ рѣшилъ не говорить о ней ни съ кѣмъ, дабы царь обращался за совѣтомъ къ нему лично. Дѣйствуя такимъ образомъ, отказываясь отъ почестей, которыя возбуждаютъ всегда зависть, и принимая подарки съ величайшей осмотрительностью, онъ разсчитывалъ снискать уваженіе и пріобрѣсти авторитетъ въ глазахъ царя. Тогда только онъ попытался бы приступить къ главному, дѣйствуя все-таки весьма осторожно.

„Наконецъ, послѣ стольких обходовъ и намековъ“,—такъ заканчивалась записка,—надобно будетъ своевременно раскрыть царю настоящее намѣреніе; надо будетъ увѣщевать его начать войну противъ общихъ враговъ христіанъ,—турокъ, и если онъ воспламенится мечтами о такой славѣ, тогда слѣдуетъ намекнуть, что для этого будетъ недостаточно его подданныхъ безъ помощи западныхъ государей, такъ какъ москвитяне не знаютъ военнаго дѣла въ томъ совершенствѣ, въ какомъ оно въ ходу у католиковъ“.

Если царь пожелаетъ, то онъ навѣрное получитъ отъ нихъ и мастеровъ дѣла, и помощь, и совѣты. Но для этого потребуется „предварительно религіозная унія съ ними“, поэтому надобно будетъ „просить его разрѣшить пренія объ этомъ и разслѣдованіе истины“.

Въ заключительныхъ строкахъ записки вылилась сокровенная мысль автора, его завѣтныя надежды; въ нихъ была тайна всей его дѣятельной жизни. Поглощенный яко бы всецѣло наукой, политикой и національными вопросами, онъ мечталъ въ сущности только объ одномъ—о соединеніи церквей; его дума была полна не интересами славянства, не объединеніемъ его, а привлеченіемъ славянъ въ лоно католической церкви.

Пропаганда не придала, въ то время, никакого значенія проектамъ Крижанича, да и можно ли было придавать значеніе фантазіи молодого, еще не доучившагося человѣка, мечтавшаго о завоеваніи цѣлой Имперіи?

По окончаніи курса, посвященный въ священническій санъ, Крижаничъ былъ назначенъ миссіонеромъ въ Валахію и въ исходѣ 1642 г. уѣхалъ изъ Рима, увозя съ собою свои первыя литературныя попытки и обширныя надежды.

Человѣкъ заурядный считалъ бы себя на верху блаженства, такъ какъ мѣсто приходскаго священника, полученное Крижаничемъ, было весьма выгодное и почетное; но пылкая душа Крижанича не могла этимъ удовлетвориться. Его приходъ казался ему тюрьмою;

воображеніе его работало, всѣ его помыслы были устремлены на сѣверъ.

Въ 1646 г. онъ обратился къ конгрегаціи Пропаганды съ просьбою отправить его для миссіонерской дѣятельности въ Москву.

Въ то время какъ его просьба была получена въ Римѣ, тамъ находился случайно смоленскій епископъ, Петръ Парчевскій; онъ согласился принять его въ свою епархію. Назначеніе въ Смоленскъ— пограничный съ Московіею городъ, было сочтено Крижаничемъ указаніемъ свыше.

Бодрый и веселый, онъ сдалъ свой приходъ и, захвативъ съ собою свои книги и рукописи, немедленно уѣхалъ, никому не сказавъ ни слова о своихъ намѣреніяхъ, ибо его называли сумасшедшимъ, какъ только онъ заикался о Москвѣ.

Радость Крижанича была однако непродолжительна; его ожидали безчисленныя разочарованія. Напрасно спѣшилъ онъ въ Вѣну, гдѣ епископъ назначилъ ему свиданіе. Парчевскій пробылъ въ Римѣ до конца 1646 года; они встрѣтились только въ Варшавѣ, куда Крижаничъ пріѣхалъ ранѣе его. Съ перваго же свиданія епископъ и молодой священникъ глубоко разочаровались другъ въ другѣ и увидѣли, что имъ невозможно было сойтись. Человѣкъ разсчетливый, практичный, не любившій тратить денегъ зря, при томъ въ высшей степени грубый, Парчевскій отнесся къ робко высказаннымъ планамъ Крижанича, какъ къ безумной, самонадѣянной затѣѣ, а молодой миссіонеръ, видя, что его не поняли, не рѣшился открыть ему своихъ дальнѣйшихъ плановъ и до поры до времени подчинился во всемъ волѣ своего епископа.

Въ Смоленскѣ Крижаничу пришлось жить при весьма плохихъ обстоятельствахъ, къ тому же онъ былъ лишенъ возможности продолжать свои любимыя занятія; у него не было книгъ, не было рукописей, которыя онъ могъ бы изучать, онъ не могъ обмѣняться мыслями съ знающими людьми, такъ какъ онъ встрѣчался только съ поляками, которые относились враждебно къ русскимъ и не интересовались его планами.

Не такъ представлялъ себѣ Крижаничъ свою будущую дѣятельность.

Онъ не долго выдержалъ эту жизнь и подалъ епископу прошеніе объ увольненіи его отъ мѣста.

Все еще мечтая о миссіонерской дѣятельности въ Московскомъ государствѣ, Крижаничъ рѣшилъ отправиться предварительно въ Вильно, чтобы прослушать въ тамошней іезуитской коллегіи курсъ математики и астрономіи, „дабы имѣть возможность разсуждать съ московскимъ царемъ объ исправленіи календаря и предложить себя ему для преподаванія математики“.

Для осуществленія этого плана, ему необходимы были деньги, и онъ обратился къ Пропагандѣ, но пока онъ ждалъ отвѣта, котораго, между прочимъ, онъ никогда не получилъ, ему представился случай отправиться въ Москву вмѣстѣ съ польскимъ посланникомъ Казиміромъ Пацомъ, который былъ посланъ къ царю съ оффиціальной миссіей.

Крижаничъ съ жадностью ухватился за эту возможность и пробылъ въ Москвѣ, въ исходѣ 1647 г., два мѣсяца, съ 25 октября по 19 декабря. „Главнымъ результатомъ его путешествія, подробности котораго неизвѣстны, было то, что оно вполнѣ оправдало цѣлесообразность его занятій полемическими трудами и показало ихъ своевременность".

Тогдашній московскій патріархъ Іосифъ извѣстенъ своими заботами о печатаніи и распространеніи книгъ духовнаго содержанія; при немъ изъ московскихъ типографій выходили не однѣ богослужебныя книги, какъ прежде, а также учебники апологетики и полемическія сочиненія.

Между прочимъ тогда была издана такъ называемая Кириллова книга, любопытный сборникъ, полный нападокъ на латинянъ, лютеранъ и кальвинистовъ.

Крижаничъ прочелъ ее и былъ внѣ себя. Да и было отъ чего. „Чуть не на каждой страницѣ встрѣчалась самая возмутительная, грубая ложь и клевета; латинянъ обвиняли, между прочимъ, въ томъ, что они распространили семьдесятъ двѣ ереси. Безцеремонность, съ какою была написана эта книга, граничила съ цинизмомъ. „Это былъ ядъ, сильный ядъ, щедрой рукою распространяемый между русскими, и никто не заботился опровергнуть написанное".

Крижаничъ всегда утверждалъ, что русскіе были жертвою своего невѣдѣнія и обмана; доказательство этого было теперь у него въ рукахъ; онъ считалъ необходимымъ „разрушить это сплетеніе лжи", „хотѣлъ представить въ Римъ эту книгу полную клеветы, брани, разныхъ басенъ и кощунствъ и написать на нее опроверженіе".

Пылкая фантазія рисовала ему картину сожженія ненавистной книги. Но поперекъ его дороги сталъ снова денежный вопросъ.

Извѣстивъ о своемъ открытіи Пропаганду, Крижаничъ просилъ денегъ на поѣздку въ Римъ, но о.о. іезуиты обошли вопросъ о деньгахъ молчаніемъ и попросили его прислать удивительную книгу для просмотра.

„Это было свыше его силъ", говоритъ Пирлингъ „онъ не рѣшился разстаться со своимъ сокровищемъ и, преодолѣвъ всѣ препятствія, онъ отправился на свои скудныя средства на берега Тибра", и занялся писаніемъ и переводомъ полемическихъ сочиненій; и главнымъ образомъ разборомъ Кирилловой книги.

Работа была задумана широко. Крижаничъ хотѣлъ не только опровергнуть все сказанное въ этой ненавистной ему книгѣ, но и привести вѣскія возраженія противъ тѣхъ доводовъ, которые выставлялись православными, чтобы его сочиненіе могло послужить къ апологіи римско-католической вѣры. Съ этой цѣлью вслѣдъ за извлеченіями изъ Кирилловой книги были помѣщены выписки изъ сочиненій Фотія, Варлаама, Гавріила Филадельфійскаго и др. Цитаты были подобраны такъ, чтобы остановить вниманіе на главныхъ опорныхъ пунктахъ, на вопросѣ о главенствѣ папы, о Filioque'ѣ и календарѣ.

Въ этихъ кабинетныхъ занятіяхъ Крижаничъ провелъ нѣсколько лѣтъ, составивъ себѣ въ Римѣ славу добросовѣстнаго работника. Ему ставили въ заслугу то, что онъ привезъ мало извѣстныя полемическія сочиненія и старался знакомить съ ними общество. Нѣкоторыя изъ его сочиненій были разсмотрѣны и одобрены Пропагандой и даже Голштеніусомъ—ученымъ библіотекаремъ Ватикана, мнѣніе котораго считалось авторитетнымъ. Но характеръ Крижанича о.о. іезуитамъ не особенно нравился; это былъ уже не прежній симпатичный ученикъ коллегіи св. Аѳанасія; испытанія и неудачи наложили на него свою печать. Вѣчно ищущій исхода для бившей въ немъ ключемъ энергіи, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка неуравновѣшеннаго; „больная, восторженная голова, на которую нельзя положиться", говорили о немъ.

Крижаничъ не могъ долго усидѣть на мѣстѣ. Весьма возможно, что онъ не былъ удовлетворенъ и своей работой, ибо, настаивая на необходимости писать опроверженія на русскомъ языкѣ, онъ самъ писалъ ихъ по-латыни,—языкѣ, на которомъ въ Москвѣ врядъ ли кто-либо могъ ихъ прочесть.

Какъ бы то ни было, когда до Рима дошелъ слухъ объ открытіи въ Москвѣ новыхъ философскихъ школъ, Крижаничъ ухватился за это со свойственнымъ ему пыломъ: „по его мнѣнію это предвѣщало зарю новой эры. Моментъ былъ благопріятный для того, чтобы завязать дружескія сношенія съ Москвой", и его не слѣдовало упускать. Онъ сталъ настаивать на посылкѣ въ Москву особаго легата, предлагая себя въ качествѣ переводчика, но такъ какъ Ватиканъ не спѣшилъ войти въ его планы, то онъ рѣшилъ дѣйствовать въ свою голову. Въ одинъ прекрасный день, уложивъ свои книги и бумаги, безъ вѣдома конгрегаціи и безъ всякихъ полномочій отъ папскаго престола, онъ отправился въ Москву съ намѣреніемъ читать тамъ въ новыхъ школахъ. Это было въ 1658 г.

Рѣшеніе это было принято Крижаничемъ не безъ долгой внутренней борьбы; по какому праву бралъ онъ на себя миссію, кото-

рая не была ему ввѣрена? Онъ успокаивалъ себя тѣмъ, что ему было дано конгрегаціей разрѣшеніе на миссіонерскую дѣятельность еще въ 1646 г.

Его неудержимо тянуло въ Кремль, онъ поддался минутной слабости, и за это увлеченіе ему пришлось долго и много страдать.

Крыжаничъ пріѣхалъ въ Москву 17/27 сентября 1659 г.

Московское государство было въ то время наканунѣ коренной ломки, потребность въ которой давала себя чувствовать давно. Настроеніе Москвы было именно таково, какимъ могъ его желать Крижаничъ. Въ народѣ замѣчалось два теченія: масса, враждебная всякимъ новшествамъ, оставалась косной и сторонилась отъ общенія съ западными народами, между тѣмъ какъ избранная часть общества, сознававшая необходимость реформъ, искала сближенія съ иностранцами. Уже недалеко было время, когда Симеонъ Полоцкій сталъ оракуломъ при царскомъ дворѣ и воспитателемъ царевича, началъ основывать школы и устраивать въ Кремлѣ представленія.

Все это соотвѣтствовало какъ нельзя болѣе программѣ Крижанича, онъ самъ былъ бы не прочь играть ту роль, какая выпала на долю Симеона. Но ему, лично, судьба готовила одни разочарованія.

Онъ былъ принятъ въ Москвѣ благосклонно, „подвергнутый обычному допросу, отвѣчалъ сдержанно, не обмолвился ни словомъ о своемъ священническомъ званіи, о томъ, что онъ пріѣхалъ изъ Рима, о своихъ связяхъ съ Пропагандой, выдавалъ себя за ученаго, за опытнаго переводчика, преданнаго дѣлу преподаванія и жаждавшаго быть полезнымъ. Ему было отведено приличное помѣщеніе и предложены обычные подарки. Оставалось дѣйствовать“.

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Крижаничъ, молодымъ студентомъ, набросалъ свои мысли о миссіонерской дѣятельности въ Москвѣ.

Время и опытъ не измѣнили его взглядовъ на способъ, какимъ слѣдовало дѣйствовать; считая себя искуснымъ, онъ былъ такъ же простодушенъ, какъ въ тѣ далекіе уже годы своей юности; онъ упустилъ изъ вида главное,—а именно „что русскіе, даже наиболѣе передовые изъ нихъ, стремясь къ сближенію съ западомъ и насажденію въ Россіи науки, вовсе не думали поступаться для этого православіемъ“; по мнѣнію же Крижанича, прогрессъ неизбѣжно долженъ былъ привести ихъ къ уніи, и онъ считалъ себя способнымъ повести дѣло въ этомъ именно смыслѣ, и заняться, какъ онъ говорилъ, „подготовкой русскихъ къ обращенію“ въ католическую вѣру.

Поглощенный своей идеей, но забывъ, что въ Кремлѣ, гдѣ

гдѣ царствовала вѣковая рутина, онъ былъ никому неизвѣстный чужеземецъ, онъ сталъ сразу добиваться мѣста оффиціальнаго историка-лѣтописца царскаго величества и библіотекаря, которому было бы поручено разобрать и классифицировать царскія книги,—„чтобы онъ разложилъ ихъ въ одинъ рядъ и составилъ имъ каталогъ".

Если ему предоставятъ полную свободу дѣйствій, говорилъ Крижаничъ московскимъ боярамъ, то онъ сумѣетъ доказать погрѣшность русскихъ лѣтописей, сумѣетъ исправить и опровергнуть клеветы и „нѣкоторыя мерзкія злоглашенія о русскихъ", распространенныя Олеаріемъ и другими авторами, „напишетъ исторію правдиву и совершенну сего царства и всего народа славянска", далѣе онъ предлагалъ написать еще сочиненіе „о царскомъ имяновании или титулѣ", собирался перевести „для государскихъ ближнихъ людей" греческихъ писателей, издать славянскую грамматику и лексиконъ и наконецъ „дозирать за печатаніемъ славянской Библіи въ Острогѣ".

Беря на себя задачу, которая была подъ силу лишь цѣлой академіи, Крижаничъ рисковалъ прослыть простымъ искателемъ приключеній. Москвичи, не подозрѣвая даже его задней мысли относительно уніи, почувствовали опасность и не дались въ обманъ. Изъ всѣхъ предложеній предпріимчиваго кроата было принято только одно: ему было поручено составить славянскую грамматику и словарь, но все-таки смѣлые планы Крижанича отчасти осуществились: никому до тѣхъ поръ неизвѣстный ученый поселился въ Москвѣ, получалъ жалованіе изъ царской казны и занимался дѣломъ, которое давало ему доступъ къ самымъ высоко стоявшимъ боярамъ. Какъ же онъ воспользовался этимъ? каковы были результаты его дѣятельности? Подробности его жизни въ Москвѣ неизвѣстны и останутся тайною до тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ дневникъ, который онъ велъ во время своей второй поѣздки въ Москву.

Несомнѣнно, что онъ занимался серьезно порученнымъ ему лингвистическимъ трудомъ; доказательствомъ того служатъ оставшіяся послѣ него разсужденія о грамматикѣ, „объясненія о письмѣ славянскомъ" и замѣтки, дополненія и исправленія къ латинско-славянскому словарю. Но эти занятія, по его плану, должны были служить только средствомъ къ достиженію его завѣтной мечты. Остроумно задуманный планъ удался только отчасти.

Неизвѣстно, былъ ли Крижаничъ допущенъ къ царю Алексѣю Михайловичу, но несомнѣнно, что ему удалось пріобрѣсти расположеніе нѣкоторыхъ вліятельныхъ бояръ. Особенно близко онъ стоялъ съ Морозовымъ и Ртищевымъ, которымъ онъ посвятилъ самыя теплыя и сочувственныя воспоминанія.

Тесть царя, бояринъ Морозовъ, обремененный государственными дѣлами, чувствовалъ недостаточность своего образованія и такъ усердно занимался наукой, что его считали колдуномъ и говорили, будто онъ занимается черной магіей. Весьма естественно, что онъ находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ съ образованнымъ человѣкомъ, который могъ дѣлиться съ нимъ своими свѣдѣніями о научныхъ и политическихъ вопросахъ. Съ Ртищевымъ у Крижанича оказалось еще болѣе общаго.

По природѣ мистикъ и человѣкъ глубоко религіозный, этотъ молодой окольничій основалъ въ 1648 г., въ двухъ верстахъ отъ Москвы, монастырь для монаховъ малороссовъ. Къ преподаванію въ новомъ монастырѣ были привлечены учителя изъ Кіева, преподававшіе грамматику, риторику и философію. Ртищевъ, несмотря на свои многочисленныя занятія по службѣ, поступилъ въ число ихъ учениковъ. Днемъ онъ исполнялъ свои обязанности при дворѣ, а ночи проводилъ въ монастырѣ, изучая греческія письмена, бесѣдуя съ монахами, обогащая свой умъ познаніями. Съ этими двумя, близкими къ царю людьми, Крижаничъ часто видѣлся и подолгу бесѣдовалъ. Любопытно, что въ запискѣ, представленной имъ Пропагандѣ въ 1682 г., давая отчетъ о своей дѣятельности въ Москвѣ, Крижаничъ высказываетъ удовольствіе не только по поводу того, что ему удалось узнать многія Кремлевскія тайны, но и по поводу того, что онъ встрѣтилъ тамъ много лицъ разныхъ сословій, которые исповѣдывали католическую вѣру. „Между переодѣтымъ ксендзомъ и этими тайными католиками очень скоро установились дружескія отношенія. Многіе изъ нихъ настаивали на томъ, чтобы Крижаничъ издалъ на русскомъ языкѣ апологетическую книгу, которая раскрыла бы истину русскимъ и дала бы имъ возможность исповѣдывать свою вѣру открыто“.

Во второй половинѣ 17 вѣка въ Россіи дѣйствительно были серьезныя попытки католической пропаганды. Такъ, въ 1699 г., о. Іоаннъ Миланъ, жившій въ слободѣ и хорошо обо всемъ освѣдомленный, отзывается съ восторгомъ объ одномъ монастырѣ, въ окрестностяхъ столицы, въ которомъ жили монахи уніаты и во главѣ котораго стоялъ ученый архимандритъ. Монастырская братія пополнялась лицами, пріѣзжими изъ Польши и достаточно знавшими русскій языкъ, чтобы играть роль русскихъ; о. Миланъ присовокупляетъ, что и „многіе другіе жаждали уніи съ Римомъ, и что ихъ удерживала только боязнь скомпрометировать себя“.

Возможно, что это именно обстоятельство и было причиною несчастія, обрушившагося совершенно неожиданно на Крижанича; ближайшія подробности остаются неизвѣстны. Его запо-

дозрѣли вѣроятно въ пропагандѣ и ему не долго пришлось прожить спокойно въ Москвѣ; всего 16 мѣсяцевъ спустя послѣ его пріѣзда, въ началѣ января 1661 г. состоялся царскій указъ объ отправленіи его въ Сибирь.

Правда, Крижаничъ былъ оставленъ на государевой службѣ и продолжалъ получать большое жалованье, но онъ былъ осужденъ жить среди негостепріимныхъ снѣговъ и ледяныхъ пустынь Сибири, вдали отъ бояръ, которыхъ онъ мечталъ привлечь къ своимъ планамъ, вдали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ предполагалъ дѣйствовать.

Это сплетеніе милости и кары дѣлаетъ еще болѣе необъяснимой истинную причину его опалы и даетъ просторъ самымъ разнорѣчивымъ догадкамъ.

Въ 1676 г., по возвращеніи изъ Сибири, въ челобитной, поданной въ приказъ Лифляндскихъ дѣлъ, Крижаничъ изложилъ двоякую причину постигшаго его несчастія: во-первыхъ, указъ Алексѣя Михайловича, коимъ были осуждены къ ссылкѣ всѣ иноземцы—холостые, только что пріѣхавшіе въ Россію, и какое-то „глупое слово“, яко бы вырвавшееся у него, Крижанича, которымъ воспользовались, чтобы повредить ему. Но оказывается, что этого страннаго указа никогда не существовало; а что касается „глупаго слова“, то осталось неизвѣстнымъ, въ чемъ именно оно состояло; когда же онъ былъ допрошенъ въ приказѣ, по поводу поданной имъ челобитной, то, какъ бы рѣшивъ окончательно запутать дѣло, онъ утверждалъ упорно, что онъ „не вѣдаетъ, за что былъ сосланъ“.

Можетъ быть въ бесѣдѣ съ Ртищевымъ и Морозовымъ, обманутый ихъ расположеніемъ, онъ преждевременно раскрылъ имъ свои завѣтные планы, за что и могъ поплатиться ссылкою.

Для живого, дѣятельнаго южанина, переселеніе въ Тобольскъ, куда былъ отправленъ Крижаничъ, и гдѣ онъ прожилъ 15 лѣтъ, было не легко; грустная, унылая дѣйствительность была слишкомъ печальна послѣ столькихъ радужныхъ мечтаній, зародившихся подъ палящими лучами италіанскаго солнца. Составъ населенія Тобольска, въ то время административнаго и церковнаго центра, былъ довольно разнообразный: помимо мѣстнаго населенія тамъ были ссыльные: русскіе, поляки, литовцы, шведы и нѣмцы. Присутствіе раскольниковъ вносило еще болѣе разнообразія въ эту пеструю смѣсь людей разныхъ вѣроисповѣданій. Ввиду этихъ разнородныхъ элементовъ, воеводы затруднялись подыскать для Крижанича, какъ предписывалъ указъ, подходящее занятіе. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ ему предоставили заниматься чѣмъ онъ хочетъ. Онъ могъ снова взяться за перо и предаться работамъ по своему выбору.

Видя, какъ среди этой, совершенно чуждой ему обстановки и

природы, Крижаничъ весь отдался своимъ любимымъ занятіямъ и изысканіямъ, стремясь упорно къ одной цѣли, недоумѣваешь, говоритъ Пирлингъ, чему болѣе удивляться: его ли способности приспособляться къ обстоятельствамъ и остротѣ его ума или его непоколебимому упорству и настойчивости. Очутившись на краю цивилизованнаго міра, въ самыхъ плохихъ матеріальныхъ условіяхъ, онъ не только не палъ духомъ, но, принявшись за работу, расширилъ ея рамки. Его занимали теперь Сибирь и Китай, у него зародились новые планы. Ничто не ускользало отъ его наблюдательности: онъ изучалъ мѣстные обычаи, промышленность, исторію Сибири, ея естественныя богатства, и собралъ такъ много разнообразныхъ свѣдѣній, что когда переводчикъ посольскаго приказа Спаѳарій, пользовавшійся особымъ благоволеніемъ боярина Матвѣева и царя Алексѣя Михайловича, былъ посланъ въ Пекинъ и былъ проѣздомъ въ Тобольскѣ, то между нимъ и Крижаничемъ происходили длинныя и продолжительныя бесѣды, и Спаѳарій почерпнулъ у него не мало свѣдѣній, кои пригодились ему во время путешествія. Крижаничъ передалъ ему объемистый томъ своего сочиненія о торговлѣ съ Китаемъ. Позднѣе имъ было написано большое сочиненіе „Описаніе Сибири“.

Но всѣ эти свѣтскія работы, всѣ эти политико-экономическія, историческія и другія сочиненія имѣли въ его глазахъ второстепенное значеніе. У него была по-прежнему одна цѣль,—пріобрѣсти своими трудами довѣріе московитовъ, чтобы затѣмъ въ опредѣленное время начать дѣйствовать ad majorom Dei gloriam. Заполоненный этой мыслію, онъ развиваетъ ее всесторонне въ своей Politique и въ de Providentia Dei (Божіе смотрѣніе), которыя написаны имъ также въ Тобольскѣ.

Неутомимаго труженика постигла тутъ новая неудача: онъ все время страдалъ отъ недостатка книгъ, которыя пріобрѣталъ на послѣдніе гроши, какъ вдругъ получаемое имъ жалованіе было уменьшено болѣе чѣмъ на половину, и усердный воевода отобралъ у него даже Олеарія и отослалъ его для просмотра въ Кремль. Затѣмъ тяжкая болѣзнь обрекла Крижанича на продолжительное бездѣйствіе. Онъ былъ на краю могилы, едва не лишился зрѣнія и слуха, сдѣлался настоящей развалиной; физическая немощь отразилась на его нравственномъ состояніи. Пребываніе въ Тобольскѣ сдѣлалось ему ненавистнымъ, имъ овладѣла страшная тоска по родинѣ. Подъ наплывомъ этого чувства онъ пересталъ даже мечтать о конечной цѣли своей поѣздки: о пропагандѣ въ пользу уніи; онъ думалъ объ одномъ и одного просилъ: отпустить его изъ предѣловъ Московскаго государства.

Чтобы вырваться изъ этого ада, онъ объявилъ, что владѣетъ тайною, отъ которой зависятъ счастье и будущность Московскаго государства и которую онъ можетъ открыть только царю.

Не получая отвѣта изъ Кремля, онъ изложилъ свою тайну письменно. Изъ-подъ его пера вышелъ цѣлый томъ, въ основаніе котораго положены пророческія слова: „едино стадо и единъ пастырь“ и въ которомъ онъ страстно полемизируетъ по всѣмъ спорнымъ вопросамъ восточной и западной церкви и горячо описываетъ мысль объ уніи.

Голосъ несчастнаго изгнанника былъ, наконецъ, услышанъ въ Кремлѣ. Помилованный преемникомъ Алексѣя Михайловича, царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, онъ былъ отправленъ изъ Тобольска въ Москву 5/15 марта 1676 года. Но теперь его уже ничто не привязывало къ этой столицѣ, куда онъ такъ жаждалъ попасть нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ; ему хотѣлось теперь, какъ можно скорѣе, оставить эти древнія стѣны—свидѣтельницы его неудачи. Въ Россіи его дѣло было окончательно проиграно, но онъ разсчитывалъ продолжать свою миссію въ иномъ мѣстѣ.

Но роли перемѣннлись. Тѣ самыя лица, которыя старались нѣкогда объ отсылкѣ Крыжанича изъ Москвы, теперь всѣми силами пытались удержать его, хотя онъ болѣе не скрывалъ своего духовнаго званія и своей приверженности къ католической вѣрѣ. Не безъ труда удалось ему, наконецъ, уѣхать 9/19 октября 1677 г. за границу, вмѣстѣ съ датскимъ посланникомъ Габелемъ.

Очутившись на свободѣ, Крижаничъ совершенно неожиданно отправился въ Вильно и поступилъ въ Доминиканскій орденъ, главною задачею котораго было миссіонерство, то именно, что составляло задушевную мечту Крижанича. Но онъ не былъ монахомъ по призванію. Между нимъ и его духовнымъ начальствомъ скоро произошли серьезныя недоразумѣнія.

Надобно сказать, что еще до произнесенія монашескаго обѣта, онъ заявилъ доминиканцамъ о своемъ намѣреніи съѣздить въ Римъ, чтобы дать Пропагандѣ отчетъ о своей поѣздкѣ въ Московію, на что монахи изъявили согласіе; но какъ только онъ вступилъ въ ихъ орденъ и далъ обѣты, они отказались отпустить его и потребовали даже, чтобы онъ бросилъ свои полемическія работы.

Крижаничъ, несмотря на свое монашеское платье, не хотѣлъ отказаться отъ своей воли; получивъ на всѣ свои домогательства отказъ, раздраженный этимъ, онъ прибѣгнулъ къ крайнему средству: рѣшилъ выйти изъ ордена и, ссылаясь на папскія буллы, доказалъ, что произнесенный имъ монашескій обѣтъ не дѣйствителенъ и что на него слѣдовало смотрѣть не какъ на монаха, а какъ на простого миссіонера.

Снявъ монашеское платье и облекшись въ сутану, онъ явился къ епископу и просилъ его покровительства.

Ему было разрѣшено отправиться въ Варшаву, къ нунцію Паллавичини.

Но послѣдній, предупрежденный доминиканцами, отнесся къ нему какъ къ отступнику, не принялъ его и сослалъ его на покаяніе въ монастырь.

Никакія испытанія не могли, однако, заставить Крыжанича отказаться отъ мысли увидѣть снова Вѣчный городъ.

„Представить свои записки Пропагандѣ, изложить передъ ней свои мысли объ уніи церквей и сохранить такимъ образомъ для будущаго плоды своего долголѣтняго опыта, завѣщать свои идеи будущимъ миссіонерамъ"—такова была мечта Крижанича.

„На склонѣ дней своихъ, измученный болѣзнями, онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы взять страннической посохъ и совершить пѣшкомъ длинный и утомительный путь".

Нагруженный книгами, полный надежды, онъ пустился въ путь, не считаясь ни съ какими трудностями, не страшась слуховъ о войнѣ и нашествіи мусульманъ. Когда онъ добрался до Вѣны, то оказалось, что она была обложена турками, а пришедшая на выручку города армія Собѣсскаго стояла на высотахъ Каленберга.

„Кто могъ, въ пылу битвы и въ упоеніи кровавой побѣды позаботиться о несчастномъ путникѣ, пробиравшемся въ Италію?"

Есть краткое свѣдѣніе о томъ, что Крижаничъ скончался въ рядахъ польской арміи, вѣроятно ухаживая за больными и ранеными.

Онъ не пожалъ плодовъ своихъ стараній, обѣ его поѣздки въ Москву принесли ему одни страданія, но его мысль не угасла и нашла послѣдователей. Въ то самое время, какъ несчастный Крижаничъ томился въ Сибири, была сдѣлана, съ бо́льшимъ успѣхомъ, еще одна попытка сближенія Ватикана съ Кремлемъ. Этотъ разъ иниціатива исходила изъ Польши, гдѣ царствовалъ въ то время Янъ-Казиміръ, до восшествія своего на престолъ бывшій іезуитомъ и кардиналомъ.

Въ исходѣ 1667 г. имъ было отправлено въ Москву посольство для ратификаціи Андрусовскаго мирнаго договора, заключеннаго Польшею и Москвою въ январѣ мѣсяцѣ того года на тринадцать съ половиною лѣтъ. Ни та, ни другая сторона не были довольны этимъ миромъ. Больной вопросъ о Малороссіи остался не рѣшеннымъ, надобно было найти какой-нибудь выходъ. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ не прочь разрѣшить его, посадивъ на престолъ Пястовъ своего собственнаго сына, который могъ бы наслѣдовать бездѣтному Яну-Казиміру. По мнѣнію царя, это было бы наилучшимъ рѣшеніемъ

вѣковой распри между Россіей и Польшей. Алексѣй Михайловичъ самъ намекнулъ объ этомъ польскимъ посламъ. Управлявшій посольскимъ приказомъ, Ордынъ-Нащокинъ, развилъ эту мысль подробнѣе. Пируя съ послами, съ кубкомъ въ рукѣ, онъ распространился о золотомъ вѣкѣ, который могъ наступить, если бы Россія и Польша соединились подъ скипетромъ одной династіи, и о побѣдахъ, которыя были бы одержаны ими совмѣстно надъ турками.

Польскіе дипломаты очутились въ затруднительномъ положеніи. Въ Варшавѣ ни о чемъ подобномъ не было рѣчи; Янъ-Казиміръ не думалъ искать себѣ наслѣдника въ Москвѣ и не далъ посламъ никакихъ инструкцій на этотъ счетъ.

Разумѣется, это не исключало возможности обмѣняться мыслями. Прежде всего возникъ, конечно, вопросъ о религіи.

Согласятся ли поляки имѣть православнаго короля, или же будущій король долженъ будетъ принять католическую вѣру?

Такъ какъ можно было ожидать, что обѣ стороны будутъ упорно отстаивать свою вѣру, то положено было обратиться за рѣшеніемъ къ восточнымъ патріархамъ, которые находились въ то время въ Москвѣ, гдѣ только-что происходилъ соборъ, созванный для суда надъ патріархомъ Никономъ.

Переводчикомъ при переговорахъ, служилъ митрополитъ газскій Паисій Лигаридъ, знатокъ латинскаго языка, но человѣкъ двоедушный, не считавшійся ни съ чѣмъ.

Само собою разумѣется, что во время этихъ переговоровъ ничего не было рѣшено окончательно, но былъ поставленъ вопросъ: не могло ли бы соединеніе двухъ державъ подъ однимъ скипетромъ повести къ уніи церквей?

„Великое дѣло было начато“. Патріархи оказались довольно сговорчивы. Они избрали короля польскаго посредникомъ при обсужденіи вопроса объ уніи съ папскимъ престоломъ и потребовали даже, чтобы онъ далъ письменно свое согласіе на унію.

Польскіе послы не задавались вопросомъ о томъ, не преувеличилъ ли все сказанное ловкій переводчикъ; они приняли все буквально и передали королю слышанное въ самомъ оптимистическомъ духѣ. Вскорѣ по ихъ возвращеніи въ Варшаву, въ городѣ и при дворѣ разнесся изумительный слухъ; передавали, будто существовало большое вѣроятіе на унію съ Москвою. Казалось, что мысль, брошенная патріархами, принесетъ плоды, тѣмъ болѣе, что сами московиты какъ будто начинали сознавать свои заблужденія: по крайней мѣрѣ соборъ 1667 г. призналъ крещеніе по латинскому обряду, постановилъ упразднить въ нѣкоторыхъ случаяхъ преданіе анаѳемѣ и призналъ правильность латинскаго перевода библіи.

Можно было думать, что въ Москвѣ взглядъ на латинянъ измѣнился. Такъ по крайней мѣрѣ думали послы...

Король Янъ-Казиміръ былъ пріятно изумленъ слышаннымъ и тотчасъ составилъ планъ дѣйствій, въ который были посвящены архіепископъ гнезенскій, нунцій Антоній Пиньятелли и польскіе и литовскіе сенаторы. Король мечталъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о новомъ Флорентійскомъ соборѣ, который собрался бы на этотъ разъ въ Москвѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1668 г., и на который должны были съѣхаться русскіе и польскіе епископы подъ предсѣдательствомъ папскаго легата; по мнѣнію короля, между ними, несомнѣнно, установилось бы вскорѣ полное согласіе. Вице-канцлеръ королевства, холмскій епископъ Ѳома Лезенскій изложилъ мысли короля на бумагѣ и препроводилъ эти изумительныя предложенія въ Кремль. Приправленныя значительнымъ количествомъ богословскихъ изреченій и подписанныя королемъ собственноручно письма были адресованы царю Алексѣю Михайловичу, патріархамъ Макарію и Паисію Лигариду.

Варшавскій нунцій, будущій папа Иннокентій XII, отнесся къ этимъ планамъ гораздо болѣе скептически, нежели бывшій іезуитъ и кардиналъ, Янъ-Казиміръ. Онъ имѣлъ довольно точныя свѣдѣнія о томъ, что происходило въ Москвѣ.

Въ депешѣ, посланной имъ 29 февраля 1668 г. Пропагандѣ, Пиньятелли, изложивъ рядъ фактовъ, задавался вопросомъ, не комедія ли все это, разсчитанная на то, чтобы возвести русскаго царевича на польскій престолъ?

Депеша произвела извѣстное впечатлѣніе въ Римѣ и послужила исходной точкою для возобновленія переговоровъ съ Москвою. Съ этой цѣлью, 18 апрѣля 1668 г. была собрана комиссія кардиналовъ. Для ознакомленія ихъ съ положеніемъ дѣла, кромѣ депеши нунція, имъ были даны для прочтенія двѣ записки о Московіи.

О засѣданіяхъ этой комиссіи не сохранилось никакихъ свѣдѣній, да онѣ и не представляютъ интереса, такъ какъ дѣло окончилось ничѣмъ.

Янъ-Казиміръ одинъ изъ первыхъ заподозрилъ, что дѣло неладно. Кремль упорно хранилъ молчаніе, и онъ не получилъ на свои письма никакого отвѣта. Прибывшіе весною 1668 г. въ Варшаву московскіе послы также ни словомъ не обмолвились объ уніи. Король написалъ царю еще одно письмо, которое доставило ему много непріятнаго, ибо нунцій, узнавъ о посылкѣ этого письма, счелъ этимъ свои права нарушенными. Янъ-Казиміръ, отнюдь не желавшій присвоивать себѣ не принадлежавшую ему власть, объяснилъ посылку письма простымъ недоразумѣніемъ и немедленно послалъ погоню, чтобы

задержать курьера и вернуть злополучное письмо. 11 апрѣля 1668 г., кардиналу Орсини, протектору Польши, были даны успокоительныя объясненія съ просьбою передать ихъ папѣ.

Догадки короля оказались справедливы, самъ Лигаридъ долженъ былъ сознаться въ этомъ и сложить оружіе. Обвиненный Нектаріемъ, новымъ патріархомъ іерусалимскимъ, въ преданности католицизму, онъ рѣшилъ, что продолжать дѣло было бы слишкомъ опасно, и сообщилъ въ Варшаву, что онъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ. Въ короткое время все измѣнилось: одинъ изъ двухъ патріарховъ уѣхалъ, другой готовился къ отъѣзду, а кромѣ нихъ въ Москвѣ никто не интересовался уніей.

Янъ-Казиміръ не настаивалъ. Было очевидно, что все это было сплошнымъ недоразумѣніемъ и что дѣло было представлено въ преувеличенномъ видѣ, подъ вліяніемъ корыстныхъ цѣлей. Планы Алексѣя Михайловича не шли такъ далеко; онъ удовольствовался посылкою въ Римъ посольства съ политической цѣлью.

Въ исходѣ 1672 г. изъ Кремля выѣхали московскіе послы съ важнымъ порученіемъ въ Вѣну, Парижъ, Лондонъ, Копенгагенъ, Стокгольмъ, Гаагу, Берлинъ, Дрезденъ, Венецію и Римъ. „Снабженные царскими письмами, они ѣхали проповѣдывать крестовый походъ противъ турокъ. Это было новшество. Россія начинала сознавать свое значеніе и рѣшила возвысить свой голосъ въ Восточномъ вопросѣ".

По Андрусовскому миру, она обязалась, въ случаѣ войны съ турками, дѣйствовать противъ султана совмѣстно съ Польшей. Въ 1672 году обстоятельства потребовали этого вмѣшательства. Какъ только на Рейнѣ возгорѣлась война между Франціей и Голландіей, султанъ Мухамедъ IV поспѣшно переправился черезъ Дунай и двинулъ въ польскія провинціи стотысячную армію. Счастье сопутствовало ему: туркамъ сдался неприступный Каменецъ; вскорѣ, по мирному договору, заключенному во Львовѣ, ему досталась Подолія и Украйна; и его войскамъ былъ открытъ путь на Варшаву и Кіевъ. Униженной и объятой ужасомъ Польшѣ угрожала опасность быть стертой съ лица земли.

Побѣды турокъ угрожали опасностью всему христіанскому міру. Особенно была встревожена ими ближайшая сосѣдка Польши, Россія, и Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ не только помочь Польшѣ, но и искать союзниковъ въ Европѣ. Съ этой цѣлью и было отправлено упомянутое посольство. Царь колебался только относительно посылки его въ Римъ и начальникъ посольскаго приказа составилъ по этому поводу для царя особую записку.

Во главѣ посольскаго приказа стоялъ въ то время сторонникъ

европейскаго прогресса, бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, женатый на шотландкѣ. Хотя онъ считалъ себя тонкимъ дипломатомъ, но изъ его доклада видно, что онъ не вполнѣ ясно давалъ себѣ отчетъ о взаимномъ положеніи державъ. „Конечно, писалъ онъ въ своей записке, папа будетъ радъ видѣть при своемъ дворѣ царскаго посла и сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы побудить прочихъ монарховъ объявить войну туркамъ.“ Разсчетъ былъ вѣренъ, но вообразить, какъ это дѣлалъ Матвѣевъ, что монархи, по первому призыву папы, возьмутся за оружіе,—значило не давать себѣ яснаго отчета въ тогдашнемъ положеніи Европы.

Выборъ посла, былъ дѣломъ не легкимъ, такъ какъ мало кто изъ подданныхъ царя былъ способенъ выполнить столь трудную миссію. Въ Москвѣ проживало въ это время нѣсколько шотландцевъ, эмигрировавшихъ послѣ паденія Стюартовъ. Выборъ палъ на одного изъ нихъ, Павла Менезія. Такимъ образомъ представителемъ православнаго царя отправился къ папѣ католикъ-шотландецъ. Какъ ни страненъ кажется на первый взглядъ этотъ выборъ, но онъ былъ сдѣланъ не безъ разсчета, а главное, какъ говоритъ Пирлингъ, „дѣло не обошлось тутъ безъ женщины“.

Матвѣевъ, какъ мы сказали выше, былъ женатъ на шотландкѣ, —Гамильтонъ. „Другая Гамильтонъ, Евдокія, племянница первой, была женою Θеодора Нарышкина. Обѣ онѣ были родственницы Менезія. а Нарышкины, со времени брака царя Алексѣя Михаиловича съ Наталіей Кирилловной Нарышкиной, были приближены ко двору. Хотя въ оффиціальныхъ документахъ объ этомъ не говорится, но можно предположить, что Гамильтоны содѣйствовали назначенію посломъ своего соотечественника, родственника и друга, который былъ близокъ и съ Нарышкиными“.

„Назначеніе московскимъ посломъ иностранца, какъ бы онъ ни былъ даровитъ и пригоденъ для этой роли, было явленіемъ слишкомъ страннымъ, чтобы не предположить, что въ данномъ случаѣ дѣло не обошлось безъ участія вліятельныхъ и тайныхъ покровителей“.

Менезія ожидалъ въ Европѣ рядъ разочарованій. Особенно недовѣрчиво отнеслись къ его миссіи въ Вѣнѣ. Поспѣшность, съ какою Москва откликнулась на просьбу о помощи со стороны Польши, возбудила подозрѣнія. По мнѣнію Леопольда I, походъ противъ турокъ былъ для царя лишь благовиднымъ предлогомъ, чтобы „выудить рыбу въ мутной водѣ“, заставить союзниковъ воевать съ султаномъ, а самому захватить тѣмъ временемъ Подолію и Украйну, къ тому же у императора руки были связаны тайнымъ договоромъ, заключеннымъ съ Людовикомъ XIV.

Поэтому онъ высказался осторожно, вѣжливо отклонивъ предложенія, сдѣланныя русскимъ посломъ. По его примѣру и курфюрстъ саксонскій рѣшилъ держаться строжайшаго нейтралитета. Что касается великаго курфирста Фридриха-Вильгельма, котораго сильно тѣснили французы, то ему не было ни времени, ни охоты заниматься Польшею. Такъ же неблагопріятно было настроено и венеціанское правительство. Изнуренная двадцатипятилѣтней войною съ турками, оплакивавшая потерю Кандіи, Венеціанская республика не хотѣла воевать и рѣшила держаться совершенно нейтрально.

„По мѣрѣ тою какъ Менезій ѣхалъ далѣе, имъ овладѣвали самыя печальныя размышленія. Воинственный призывъ царя нигдѣ не встрѣчалъ отклика. Менезію не удалось никого ни увлечь, ни убѣдить; оставалась одна надежда—на Римъ. Вліяніе папы на европейскіе дворы было еще довольно сильно и этимъ слѣдовало воспользоваться".

Папою былъ въ это время престарѣлый Климентъ X, который въ виду своего преклоннаго возраста и личнаго характера, мало занимался государственными дѣлами, возложивъ все бремя управленія на своего племянника кардинала Альтьери.

„Московскому послу предшествовали самые лестные отзывы. Изъ Вѣны нунцій расточалъ ему горячія похвалы. Въ Венеціи онъ произвелъ не менѣе благопріятное впечатлѣніе на нунція и на іезуита Вота, который пользовался всегда большимъ вліяніемъ. Поэтому Менезія ожидали въ Римѣ съ нетерпѣніемъ, и когда онъ пріѣхалъ, ему отвели прекрасное помѣщеніе недалеко отъ Квиринала,—лѣтней резиденціи папы, и предоставили въ его распоряженіе двѣ кареты. Менезій вполнѣ оправдалъ предшествовавшую ему репутацію: одѣтый по послѣдней французской модѣ, свободно говорившій на нѣсколькихъ языкахъ, умѣвшій написать латинское письмо, онъ выдѣлялся среди окружающихъ своими прекрасными манерами и обхожденіемъ."

Тотчасъ по его пріѣздѣ пришлось коснуться щекотливаго вопроса объ этикетѣ, соблюдаемомъ во время аудіенціи у папы. Русскіе всегда протестовали противъ существовавшаго обычая преклонять предъ папой колѣна и цѣловать его туфлю. Менезій недоумѣвалъ, какъ обойти этотъ камень преткновенія, и еще въ Россіи совѣщался объ этомъ съ бояриномъ Матвѣевымъ, который, на словахъ, разрѣшилъ ему, какъ католику, поступить, какъ ему заблагоразсудится. Но какое значеніе могло имѣть слово, сказанное мимоходомъ и не закрѣпленное на бумагѣ. Между тѣмъ Менезій, просматривая по пути данныя ему инструкціи, прочелъ въ нихъ, къ величайшему своему изумленію, что ему и Тарасову строго запрещалось цѣло-

вать папскую туфлю. Онъ тотчасъ написалъ Матвѣеву, прося у него точныхъ инструкцій, но отвѣтъ былъ полученъ имъ только на обратномъ пути. Въ Римѣ ему приходилось дѣйствовать на свой собственный страхъ.

И надобно сознаться, онъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія довольно искусно.

Преклонивъ предъ папою, какъ требовалъ обычай, колѣна трижды, онъ такъ низко склонилъ голову, что изъ присутствовавшихъ никто не могъ рѣшить, поцѣловалъ ли онъ туфлю, или нѣтъ. Такъ же ловко поступилъ онъ и при окончаніи аудіенціи. Благодаря его находчивости, все обошлось благополучно, и папа освѣдомился о здоровьи царя Алексѣя Михайловича. Что касается Тарасова, то онъ ограничился глубокими поклонами и ни за что не захотѣлъ преклонить колѣна.

По окончаніи аудіенціи, Менезій обмѣнялся визитами съ кардиналами и со своими коллегами—иностранными послами.

Когда обмѣнъ вѣжливостей былъ оконченъ, Менезій передалъ папѣ посланіе Алексѣя Михайловича, въ которомъ говорилось о новомъ крестовомъ походѣ противъ турокъ, и о созывѣ христіанскихъ монарховъ для обсужденія вопроса объ лигѣ противъ мусульманъ и кромѣ того выражалось желаніе возобновить оффиціальныя сношенія, прерванныя со времени появленія Димитрія. Если вѣрить слухамъ, которые ходили по поводу этого посольства въ Вѣнѣ, то Менезій намекалъ, между прочимъ, на возможность поднять снова вопросъ о церковной уніи.

Какъ бы то ни было, если эти вопросы не были предметомъ серьезныхъ переговоровъ и не обсуждались по повелѣнію царя, во всякомъ случаѣ они затрогивались посломъ въ интимной бесѣдѣ съ кардиналами; онъ открылъ имъ перспективы о возможности пропаганды въ Китаѣ, куда, съ разрѣшенія царя, миссіонеры могли бы проникнуть черезъ Сибирь вмѣстѣ съ караванами. Рѣчь зашла даже объ учрежденіи правильныхъ почтовыхъ сношеній между Римомъ и Москвою, черезъ Венецію и Вѣну.

Въ то время какъ велись эти переговоры, при папскомъ дворѣ обсуждался важный вопросъ, какъ титуловать Алексѣя Михайловича въ отвѣтномъ письмѣ папы? Относительно этого пункта, Менезію были даны въ Москвѣ совершенно опредѣленныя инструкціи: ему было строжайше воспрещено принять отвѣтъ, если въ заголовкѣ не будетъ стоять царскаго титула. Это категорическое заявленіе привело папскую канцелярію въ величайшее смущеніе.

Въ Римѣ недоумѣвали, что собственно означаетъ слово „царь“? не будетъ ли этотъ синонимъ королевскаго, а быть можетъ и импе-

раторскаго титула, непріятенъ Польшѣ и не умалитъ ли онъ достоинства главы священной Римской имперіи?

Настаивая на царскомъ титулѣ, Менезій расточалъ похвалы Алексѣю Михайловичу,—его возвышенному характеру, изображалъ его какъ сторонника прогресса, желавшаго насадить въ своемъ государствѣ просвѣщеніе. Для вящшаго убѣжденія своихъ противниковъ, Менезій составилъ записку, которая должна была обойти всѣ посольства и кардинальскіе дворцы; всѣ десять пунктовъ этой записки сводились къ дилеммѣ: либо царскій титулъ и наилучшія отношенія съ Кремлемъ, либо окончательный разрывъ со всѣми неизбѣжными его послѣдствіями. Что касалось дипломатическаго корпуса, по крайней мѣрѣ большинства дипломатовъ, то, становясь на чисто политическую точку зрѣнія, они были готовы поддержать домогательства московскаго посла, тѣмъ болѣе, что большинство дипломатическихъ канцелярій уже давали московскому монарху оффиціально титулъ царя.

Несмотря на поддержку своихъ коллегъ и нѣкоторыхъ кардиналовъ, Менезію не удалось настоять на своемъ требованіи; онъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны племянника папы, всемогущаго кардинала Альтьери,—который желая сдѣлать пріятное императору и королю польскому, въ глубинѣ души вѣроятно надѣялся, что московскій посолъ въ концѣ концовъ сдастся.

Но Менезій не рѣшился преступить своихъ полномочій и, убѣдясь въ томъ, что въ отвѣтномъ посланіи Климента X не было царскаго титула, онъ категорически отказался взять его; такимъ образомъ его посольство не достигло цѣли—установить сношенія между Москвою и папскимъ престоломъ, но привѣтливый и ловкій шотландецъ оставилъ по себѣ добрую память въ Ватиканѣ и, какъ только съ смертью Климента X кардиналъ Альтьери утратилъ свою власть и значеніе при папскомъ дворцѣ, въ Ватиканѣ вспомнили о Москвѣ и сочли возможнымъ,—правда нѣсколько поздно—исполнить требованіе Менезія.

Впрочемъ, еще раньше, а именно въ слѣдующемъ 1674 г., въ Ватиканѣ былъ поднятъ вопросъ о посылкѣ въ Москву посольства; этотъ разъ иниціаторомъ этой мысли явился курляндецъ Яковъ Рейтенфельсъ, сынъ секретаря короля польскаго, бывшій въ Россіи, гдѣ онъ провелъ два года и даже написалъ о ней не лишенную интереса книгу „De rebus moscoviticis“. Рейтенфельсъ задался мыслью быть посланнымъ въ Москву Пропагандою или добиться посылки туда миссіонеровъ. Моментъ казался ему благопріятнымъ, вслѣдствіе „чрезвычайной доброты“ царя Алексѣя Михайловича, котораго онъ совершенно ошибочно считалъ склоннымъ къ уніи съ Римомъ.

Въ запискѣ, представленной молодымъ курляндцемъ Ватикану, онъ указывалъ какъ на первое условіе успѣха—на необходимость дать царю желаемый царскій титулъ. Любопытно, что программа, развитая Рейтенфельсомъ въ своей запискѣ, представляетъ какъ бы сколокъ съ программы Крижанича, съ тою лишь разницею, что болѣе скромный и менѣе пылкій курляндецъ не задавался мечтою о возвеличеніи славянской народности и о томъ, чтобы поставить Россію во главѣ прочихъ славянскихъ народовъ; онъ не претендовалъ даже на введеніе въ Россію католической вѣры—его замыслы не шли такъ далеко, но, подобно Крижаничу, онъ считалъ возможнымъ достичь цѣли путемъ тайныхъ уловокъ и хитростей.

Явиться въ Россію подъ видомъ торговца, поселиться не въ слободѣ, а въ самомъ Кремлѣ, по близости отъ царскаго дворца, завязать сношенія съ вліятельными боярами, задарить ихъ, сдружиться не только съ католиками, но и съ лютеранами, съ кальвинистами, съ православными монахами, добиться расположенія царя, изучить его характеръ и склонности, наконецъ, получить какую-нибудь должность при дворѣ и проникнуть въ число приближенныхъ царя—таковъ былъ планъ Рейтенфельса. Какимъ же путемъ надѣялся онъ достигнуть этого? Тѣмъ же самымъ, какъ Крижаничъ, сдѣлавшись въ Кремлѣ необходимымъ человѣкомъ, благодаря своимъ знаніямъ и умѣнію быть полезнымъ.

Не трудно было набросать подобную программу на бумагѣ, но мы уже видѣли, какъ трудно было выполнить и сотую долю ея въ тогдашнихъ условіяхъ Московскаго государства.

Ватиканъ, повидимому, не особенно увлекся этимъ планомъ, но настоятельные совѣты Рейтенфельса относительно царскаго титула, повидимому, произвели извѣстное впечатлѣніе, такъ какъ мысль о сближеніи съ Москвою снова всплыла въ Ватиканѣ, какъ только на папскій престолъ вступилъ (1676 г.) Иннокентій XI, который никогда не одобрялъ политику кардинала Альтьери по отношенію къ Россіи и былъ не прочь исправить сдѣланную имъ ошибку. Случай къ этому представился въ 1677 г., когда варшавскій нунцій Мартелли извѣстилъ папу о томъ, что Австрія, Польша и Россія вели переговоры о лигѣ противъ турокъ. Средство къ сближенію было найдено. Предложивъ Алексѣю Михайловичу, чрезъ поляковъ, царскій титулъ отъ имени папы, Иннокентій XI надѣялся, что все старое будетъ забыто и между обоими дворами возстановится дружеское согласіе.

6 марта 1677 г. варшавскому нунцію было поручено сговориться съ Собѣсскимъ, войти въ соглашеніе съ посольствомъ которое король польскій намѣревался отправить въ Москву или, въ случаѣ надоб-

ности, послать туда самому кого-нибудь, хотя бы доминиканскаго монаха, русина, которому заранѣе разрѣшалось для этого снять монашеское платье. Король, посвященный въ эти планы, одобрилъ ихъ, посовѣтовавъ только замѣнить русина итальянцемъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ Ватиканѣ собрался совѣтъ кардиналовъ для обсужденія подробностей этого плана и варшавскому нунцію были посланы пространныя депеши, которыя преисполнили бы Менезія вполнѣ справедливой гордостью, если бы онѣ попались ему на глаза. Отдавая полную справедливость его талантамъ, папа не только выражалъ желаніе продолжать дѣло, начатое имъ въ 1673 г., но и видѣть его снова въ Римѣ представителемъ московскаго двора.

Но въ то время, какъ въ Римѣ возлагали надежды на посредничество Польши, между нею и Россіей произошли недоразумѣнія. Въ апрѣлѣ 1678 г. Собѣсскій съ грустью заявилъ нунцію, что онъ не можетъ столковаться съ русскими и, предвидя возможность окончательнаго разрыва, онъ уже подумывалъ о союзѣ съ Турціей. Пораженный этимъ признаніемъ, Мартелли съ негодованіемъ протестовалъ противъ этого, но король расхрабрился до того, что спросилъ: „неужели же папа предпочитаетъ союзъ съ схизматиками союзу съ мусульманами?“

Однако князю Михаилу Чарторыйскому удалось, въ маѣ 1678 г., добиться въ Москвѣ того, что перемиріе съ Польшею было продолжено еще на тринадцать лѣтъ. Что касается сношеній съ Римомъ, то Чарторыйскій убѣдился въ томъ, что русскіе не имѣли ни малѣйшаго желанія сближаться съ папскимъ престоломъ. Въ Кремлѣ не было болѣе Артамона Матвѣева; восемнадцати-лѣтній царь Ѳеодоръ не имѣлъ опредѣленнаго взгляда на этотъ вопросъ, а его фаворитъ—Языковъ былъ занятъ другимъ. Несмотря на всѣ старанія Мартелли, начатые, по его инициативѣ, переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ.

Съ попытками къ сближенію Москвы съ Ватиканомъ, которыя были сдѣланы Мартелли и Менезіемъ, связываются также проекты саксонскаго авантюриста, Рингубера, человѣка очень ловкаго и предпріимчиваго, который былъ одно время лекаремъ въ Москвѣ. Въ 1679 г. онъ появился въ Римѣ, съ словеснымъ порученіемъ отъ Менезія, которое было имъ изложено въ запискѣ, представленной папскому двору; въ ней дѣлались въ сущности тѣ же предложенія, какія были сдѣланы раньше Менезіемъ, и выражалась просьба, чтобы Ватиканъ вошелъ въ сношеніе съ Кремлемъ, не взирая на происшедшія тамъ перемѣны.

Годъ спустя Рингуберомъ была представлена Пропагандѣ новая

записка, заключавшая цѣлыхъ двѣнадцать пунктовъ, въ которыхъ говорилось снова о торговлѣ съ востокомъ, о крестовомъ походѣ противъ турокъ, о союзѣ Польши и Россіи, о миссіонерской дѣятельности среди татаръ и китайцевъ: главное, авторъ записки настаивалъ на необходимости имѣть въ Москвѣ папскаго представителя, свѣдущаго не только въ богословскихъ наукахъ, но и въ исторіи, чтобы онъ могъ опровергать ходившіе кривотолки о латинянахъ и настаивать на необходимости союза Россіи съ Людовикомъ XIV. Все это было не ново, но Рингуберъ такъ искусно умѣлъ изложить свои взгляды и овладѣть слушателями, что онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на папскаго викарія въ Тонкинѣ, который былъ проѣздомъ въ Римѣ, и тотъ предложилъ Кольберу назначить его французскимъ агентомъ въ Россію, но мысль эта не осуществилась.

Къ запискѣ Рингубера была приложена просьба, въ которой, ссылаясь на необходимость совершить путешествіе для поправленія здоровья, онъ предлагалъ отправить его въ Москву съ письмами къ нунціямъ.

Но этотъ планъ не былъ осуществленъ.

Эти періодически повторявшіяся, въ исходѣ семнадцатаго вѣка, попытки завязать постоянныя сношенія между Ватиканомъ и Москвою, оборвавшіяся со смертью перваго самозванца, не оказали, какъ мы видѣли, непосредственнаго вліянія на политику Ватикана и не привели къ желаемой цѣли. Не давъ никакого реальнаго результата, планы Крижанича, Менезія, Рейтенфельса, Рингубера и прочихъ добровольцевъ имѣютъ въ исторіи сношеній Ватикана съ Москвою значеніе лишь постолько, посколько они поддерживали въ Римѣ оптимистическія надежды на возможность заключенія уніи между западной и восточной церквами и не давали окончательно заглохнуть этой идеѣ.

В. Т.

Эпиграмма на дореформенный судъ.

— „Осьмое чудо въ здѣшнемъ мірѣ:
„Судья боится хабарей[1])!“...
Сказалъ одинъ изъ писарей.
— „Въ *судѣ* боится иль въ *квартирѣ?*“
Мужикъ у писаря спросилъ...
Но писарь губу закусилъ.

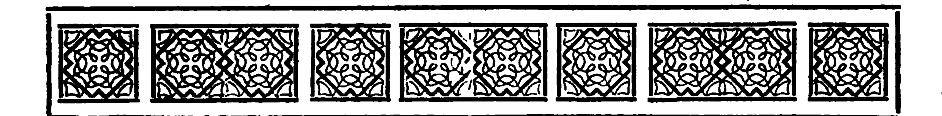
1844.
Одесса. Земскій Судъ.

Эпиграмма эта, относящаяся къ тѣмъ временамъ, когда Россія была, по выраженію Хомякова, „въ судахъ черна неправдой черной“, была извлечена когда-то пишущимъ настоящія строки изъ стараго рукописнаго сборника. Составитель его, нѣкто Козловъ, служившій въ одесской таможнѣ, любилъ записывать попадавшіяся ему отраженія быта и самъ иногда служилъ сатирической музѣ.

Сооообщилъ А. Б.

[1]) Такъ на югѣ называютъ взятки.

Знаки „французской вольности".

(Эпизодъ изъ царствованія Павла I).

Императоръ Павелъ I, вступившій на престолъ въ самый разгаръ великой французской революціи и страшно боявшійся, чтобы революціонный духъ не проникъ въ предѣлы Имперіи, издалъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ повелѣній и указовъ, предписывающихъ администраціи бдительно слѣдить за всѣмъ, проникающимъ въ Россію изъ-за границы.

Получивъ строгія инструкціи изъ Петербурга, провинціальныя власти стали тщательно слѣдить и, по мѣрѣ возможности, доносить въ высшія сферы о всякомъ проявленіи или отголоскѣ французскихъ событій. Само собою разумѣется, что на этой почвѣ должно было возникнуть не мало курьезовъ, образцомъ которыхъ можетъ послужить передаваемый фактъ.

28 мая 1798 года, архангельскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Леццано [1]) секретнымъ письмомъ донесъ генералъ-прокурору князю А. Б. Куракину [2]) о важномъ политическомъ открытіи, сдѣланномъ имъ въ Архангельскѣ, а именно: объ обнаруженіи въ присутственныхъ мѣстахъ бумаги съ знаками „французской вольности".

„Милостивый Государь, князь Алексѣй Борисовичь [3]) — писалъ Леццано къ Куракину,—по случаю усмотрѣнія здѣсь, на бѣлой,

---

[1]) Вернардъ (Борисъ Борисовичъ) Леццано, бывшій также сибирскимъ ген.-губернаторомъ.

[2]) Куракинъ, кн. Алексѣй Ворисовичъ. Ген.-прокуроръ въ царств. Императора Павла I. Малороссійскій губ. при Александрѣ I. Мин. внутр. дѣлъ съ 1807 по 1811 г. Членъ Госуд. Сов., канц. Рос. орден. Ум. въ 1829 г.

[3]) Ороографія подлинника.

пищей голландской бумагѣ, полученной по выпискѣ изъ чужихъ краевъ при бывшемъ Архангельскомъ губернаторѣ Гревенцѣ, въ приказъ общественнаго призрѣнія, — не примѣтныхъ съ перваго взгляду знаковъ пагубной французской вольности, представляя вашему сіятельству одинъ оной бумаги листъ, долгомъ моимъ притомъ поставляю вамъ донести, что хотя нѣтъ и быть вовсе не можетъ, ни въ комъ и никакого отъ того впечатлѣнія. И какъ ввозъеѣ сюда съ нетерпимыми сими знаками, равно продажа въ приказъ тѣмъ коммисіонеромъ, чрезъ кого была выписана и нѣкоторый уже изъ нея на употребленіе расходъ, были конѣчно безъ всякаго намѣренія, а отъ одного только, есть ли по позволенному голандскаго сего издѣлья въ Россійскіе порты привозу, изъяснится такъ можно, недосмотрѣнія; предписалъ я, однакоже, г. гражданскому губернатору, чтобъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія и въ протчихъ присудственныхъ здѣшнихъ мѣстахъ всю бумагу пересмотрѣлъ; подобные препровождаемому къ вашему сіятельству листы выбравъ, запечаталъ и впредь до повелѣнія, что съ нею здѣлать, котораго я буду и честь ожидать отъ вашего сіятельства,—какъ по приказу общественнаго призрѣнія, такъ нигдѣ еѣ не употреблять“ [1]).

Получивъ письмо Леццано, генералъ-прокуроръ встревожился и приказалъ спѣшно изготовить Высочайшій докладъ съ подробнымъ изложеніемъ письма архангельскаго военнаго губернатора. Къ докладу былъ приложенъ и чистый листъ бумаги, на которомъ имѣлись преступные водяные знаки.

Высочайшая резолюція была, какъ всегда, не многословна и рѣшительна: „Государь Императоръ, — сообщалъ князь Куракинъ въ Архангельскъ экстреннымъ отношеніемъ 19 іюня того же 1798 г.,— „Высочайше повелѣть соизволилъ всю сію бумагу истребить огнемъ, деньги же на покупку ея употребленныя, взыскать съ того или съ тѣхъ, кто ее выписалъ“.

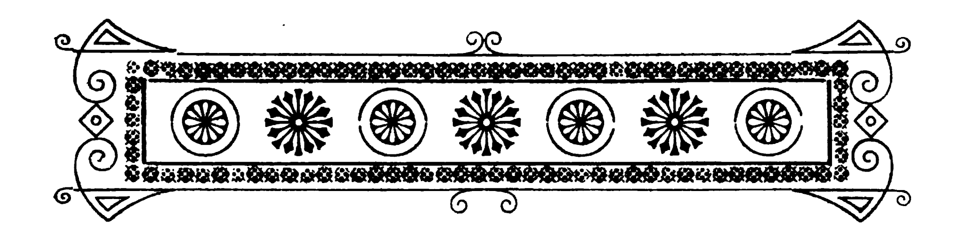
Торжественное ау-то-да-фе кипъ канцелярской бумаги съ преступными „знаками французской вольности“, было совершено въ присутствіи всѣхъ чиновъ Архангельскаго губернскаго правленія, на городской площади [2]). Деньги же, истраченныя на покупку бумаги, были взысканы съ нѣсколькихъ чиновниковъ, неосмотрительно ее принявшихъ, чѣмъ и закончилось это встревожившее даже высшія петербургскія власти „революціонное дѣло“.

Сообщилъ М. Корольковъ.

[1]) Госуд. Архивъ. Разр. VII. № 3090.

[2]) 2 іюля.

Обрядность прежняго русскаго масонства [1].

Данныя настоящаго очерка послужили матеріаломъ для доклада въ аудиторіи императорскаго археологическаго института 11 марта 1907 г.

Іоанновскіе масоны работали надъ устройствомъ своего внутренняго міра, стараясь познать свои страсти и стать отъ нихъ свободными; братья шотландскіе работали уже надъ разрѣшеніемъ вопросовъ о происхожденіи человѣческаго существа, о происхожденіи тѣла и души, о начальной причинѣ бытія всего существующаго; они стремились достигнуть сверхнатуральнаго состоянія, чтобы бесѣдовать съ Богомъ, вызывать духовъ, повелѣвать ими и, познавъ всѣ тайны природы быть властителями своей судьбы. Конечною же цѣлью священнаго масонскаго ордена братья высшихъ степеней, какъ и іоанновскіе, признавали соединеніе всѣхъ націй и племенъ въ одну великую всемірную семью, почитая своею первѣйшею обязанностью стараться образовать „разумное общество, въ которое каждый членъ вноситъ тѣ качества, которыя дѣлаютъ общество полезнымъ и пріятнымъ". Іоанновскіе масоны ограничивали свою дѣятельность самоусовершенствованіемъ и служеніемъ человѣчеству дѣлами благотворенія. Однако узнать тайны міровыхъ законовъ, превратиться изъ подвластныхъ существъ въ повелителей надъ силами природы, —вотъ вѣрнѣйшее средство переустроить міръ не въ отдаленномъ будущемъ, а въ настоящую минуту. И масоны высшіе устремлялись къ отысканію средства „дѣлать золото" и обращать всѣ металлы въ благородные, а камни „нестоющіе"—въ драгоцѣнные. Они искали средства изготовленія жизненнаго элексира, способнаго поддержать молодость и силы. Въ виду важности цѣли они оправдывали всѣ средства для ея достиженія и царство любви на землѣ не возбра-

---

[1]) См. „Русская Старина" 1907 г., ноябрь.

няли завоевывать мечомъ и огнемъ. Носители высшихъ степеней хвалились знаніемъ божественныхъ тайнъ; но этими знаніями они дѣлились съ немногими, окружая себя таинственностью и тѣмъ побуждая масоновъ низшихъ степеней, сгоравшихъ желаніемъ проникнуть въ ихъ тайны, искать познаній въ постепенномъ повышеніи по іерархической лѣстницѣ масонства.

Люди всегда и вездѣ остаются въ сущности одними и тѣми же. Одни въ бесѣдѣ съ Богомъ, въ религіозномъ экстазѣ, въ молитвѣ, ищутъ блаженнаго состоянія; другіе этого блаженства достигаютъ въ положеніи своихъ душъ за други своя; третьи видятъ цѣль и предѣлъ своихъ вожделѣній въ наслажденіи земными благами. Высшее масонство привлекало къ себѣ людей всѣхъ категорій. Всѣ вновь вступившіе получали, по крайней мѣрѣ въ первое по вступленіи время, все ими желаемое. Искавшіе сверхнатуральнаго состоянія достигали его постояннымъ самоуглубленіемъ, молитвою, чтеніемъ мистическихъ книгъ, бесѣдами на соотвѣтствующія темы, наконецъ помощью сообщаемыхъ старшими братьями „механическихъ пріемовъ". Многіе высшіе масоны свидѣтельствовали о невозможности изобразить блаженное и безсмертное состояніе тѣла, въ которое они погружались въ то время, какъ отдавались стремленію достичь „экстатическаго" состоянія. Людямъ же, работавшимъ на пользу человѣчества, какъ и тѣмъ, которые жаждали испить до дна всю чашу земныхъ наслажденій, одинаково было желательно имѣть средство добывать деньги, прекращать всякія физическія страданія и до безконечности продолжать пору молодости и физическаго неувяданія".

Высшія степени удовлетворяли многимъ человѣческимъ страстямъ —тщеславію, властолюбію, склонности къ мистицизму, любви къ необычнымъ, чрезвычайнымъ ощущеніямъ.

Сотни масоновъ искренно и наивно вѣрили въ чудесную, сверхъестественную силу высшихъ степеней, одно посвященіе въ которыя даруетъ сверхчеловѣческую силу надъ природой и духами. Русскіе масоны совершали далекія путешествія въ чужіе края для того, чтобы добыть акты этихъ степеней. Какъ драгоцѣннѣйшіе клейноды, привозились изъ-за тысячи верстъ церемоніалы посвященій въ высшія степени. Въ ложи съ высокими степенями, по словамъ одного масона, поспѣшали „и любовластъ, и всхоленное въ нѣгѣ дитя роскоши, и рѣшеумъ, и славолюбъ". Къ услугамъ такихъ лицъ были и пышныя званія, и пышныя одѣянія, и сложнѣйшія выкладки магіи, и туманныя разсужденія оккультнаго характера. Не только въ вѣкъ Екатерины, но и въ годы войнъ съ Наполеономъ, наши именитые масоны принимали патенты на пышные титулы отъ чужеземныхъ

ложъ. Въ обществѣ любителей древней письменности сохраняется патентъ, выданный 30 октября 1809 г. графу Петру Балку отъ одной изъ парижскихъ ложъ. Въ этомъ патентѣ Балкъ именуется совершеннымъ шотландцомъ; принцомъ іерусалимскимъ; высокимъ кавалеромъ, княземъ орла и пеликана, высокимъ розенкрейцеромъ; патріархомъ; ноахитомъ; принцомъ ливанскимъ; великимъ рыцаремъ солнца; великимъ избраннымъ рыцаремъ и пр. Въ 1817 г., въ капитулѣ Феникса, графъ Віельгорскій хлопоталъ объ утвержденіи въ 7-й степени брата Муравьева, полковника свиты Его Величества, который былъ принятъ въ эту степень за границей; Муравьеву была затѣмъ въ русскомъ капитулѣ предоставлена шестая степень. Передъ запрещеніемъ масонства, оно было весьма сильно распространено въ офицерской средѣ. Какъ значится въ оффиціальномъ документѣ, масонами числилось 517 офицеровъ, изъ нихъ 64 генерала и цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Высшія степени имѣли своимъ покровителемъ св. Андрея Первозваннаго, въ ознаменованіе того, что этотъ апостолъ первымъ послѣдовалъ за Іисусомъ Христомъ. Патронатъ св. Андрея объясняетъ названіе ложъ съ высшими степенями андреевскими. Этотъ патронатъ былъ впервые признанъ въ Шотландіи, откуда и другое названіе андреевскаго масонства—шотландскимъ. Знакъ св. Андрея былъ весьма распространенъ и носился на шейныхъ и чрезплечныхъ лентахъ, чаще всего зеленаго цвѣта. «Я видѣла этотъ знакъ въ весьма многихъ масонскихъ коллекціяхъ. Онъ представлялъ изъ себя эмалевый крестъ на золотомъ солнцѣ, съ изображеніемъ апостола. Про Андреевскій крестъ допрашивался еще Н. И. Новиковъ, который и отвѣчалъ, что это крестъ старый, „который употребляемъ былъ въ ложѣ Ивана Перфильевича Елагина, въ 4-мъ градусѣ“.

Запоны высокихъ степеней были болѣе изукрашены, чѣмъ іоанновскіе. На нихъ встрѣчаются изображенія сѣкиръ, знаменовавшихъ отсѣченіе пороковъ, черепа на костяхъ, какъ символа смерти, зеленыхъ вѣтвей, какъ символа вѣчной жизни и возрожденія, пламенѣющихъ звѣздъ съ обычными литерами G или съ буквами E. Z, какъ начальными въ именахъ Бога по-еврейски (Елогинъ—свойство правосудія, коимъ держится міръ и Саваоѳъ). Цвѣтъ подкладки у запоновъ, каймы на нихъ, розетокъ, завязокъ былъ различный; у шотландскаго ученика и собрата этотъ цвѣтъ былъ большею частью черный, въ ознаменованіе траура, у шотландскаго мастера—большею частью красный. Красный цвѣтъ у шотландскихъ мастеровъ появился въ Англіи; до 1731 г. этотъ цвѣтъ не былъ совершенно извѣстенъ у масоновъ; въ 1735 г. онъ былъ пріуроченъ стуартамъ (распорядителямъ); въ 1740 г. онъ введенъ въ шотландскихъ степеняхъ. Та-

кимъ образомъ, если у іоанновскаго мастера преимущественнымъ цвѣтомъ былъ голубой съ золотомъ, то къ шотландскому мастеру былъ пріуроченъ цвѣтъ пурпурный съ золотомъ. Отсюда и французскіе термины: іоанновскаго масонства — maçonnerie bleu и шотландскаго—maçonnerie rouge.

Однимъ изъ любимѣйшихъ девизовъ высшихъ степеней было изрѣченіе—„побѣда или смерть“. Эти многозначущія слова вышивались шелками и серебромъ по черному шелку лентъ или вырѣзывались на лезвіяхъ кинжаловъ. Въ французской системѣ (rite français ou rite moderne), въ четвертой степени, на черной чрезплечной лентѣ, вышиты три черепа и девизъ: vincere aut mori; къ этой лентѣ маленькой красной ленточкой прикрѣпленъ на бѣломъ бантѣ золотой кинжалъ съ серебрянымъ лезвіемъ. Въ 11-й степени системы шотландскаго обряда 33-хъ степеней, на черной лентѣ вышиты три пылающія сердца, или просто девизъ vincere aut mori; къ лентѣ также подвѣшенъ золотой кинжалъ съ серебрянымъ лезвіемъ. Въ 12-й степени системы Мизраима или египетской, на черной же лентѣ—тѣ же три пылающія сердца и тотъ же девизъ. Въ 7-й степени шведской системы объясняется, что девизъ vaincre ou mourir на черныхъ чрезплечныхъ лентахъ братьевъ-каменщиковъ унаслѣдованъ отъ тампліеровъ, слѣдовавшихъ ему въ борьбѣ съ невѣрными; тампліеры въ этой борьбѣ никогда не разлучались съ кинжаломъ: вотъ почему и девизъ этотъ всегда имѣется на лентѣ, къ которой привѣшанъ кинжалъ. Въ 4-й степени шведской же системы уже объясняется значеніе кинжала: лучше умереть, чѣмъ сдѣлаться клятвопреступникомъ. Въ 30-й степени шотландскаго обряда на зеленомъ знамени ордена вышитъ черный двуглавый орелъ; въ когтяхъ онъ держитъ кинжалъ съ шитымъ серебромъ лезвіемъ, на которомъ имѣются слова—vaincre ou mourir; на другомъ орденскомъ знамени (бѣломъ) имѣется девизъ—Dieu le veut; украшеніе этой степени—тоже двуглавый орелъ, съ короною; въ когтяхъ — кинжалъ, на лезвіи котораго—девизъ vaincre ou mourir.

Носились иногда масонскія кольца. Въ 14-й степени шотландскаго обряда кольца имѣли видъ вѣнчальныхъ; съ внутренней стороны вырѣзались: даты принятія, имя экосца и девизъ—la vertu unit ce que la mort ne peut séparer. Были въ обычаѣ и подвязки. Рыцари—розенкрейцеры рилвинингскаго обряда носили на лѣвой ногѣ подвязку съ вышитой легендой—Virtute et Silentio.

Въ высшихъ степеняхъ къ прежнимъ іоанновскимъ знакамъ присоединяются: мечъ, какъ символъ необходимости борьбы за идею; вѣнецъ, знаменующій мудрость; роза, символъ вѣчной жизни; крестъ, символъ страданія; кинжалъ, символъ наказанія измѣнниковъ. Преж-

ніе символы толкуются въ высшихъ степеняхъ по иному; такъ, пламенѣющая звѣзда означаетъ иногда природу, сверхнатуральный огонь.

Различнымъ степенямъ присвоены были различныя одѣянія. Эти одежды символизировали значеніе степени, въ которой онѣ носились. Великій командоръ въ высшей, т. е. 33-й степени шотландскаго обряда, одѣтъ былъ съ царственной роскошью въ шелковую одежду цвѣта пурпура, окаймленную бѣлымъ; величіе степени знаменовала царская корона, возложенная на голову; въ рукахъ онъ держалъ обнаженный мечъ. Въ противоположность яркости этой одежды можно привести траурное одѣяніе, которое обязаны были носить въ Россіи шотландскіе ученики и собратья въ 4-й степени шотландской системы. Въ ознаменованіе горести по исчезновеніи истиннаго мужества и свѣта братья носили черное бархатное платье, подбитое бѣлымъ атласомъ, и бѣлые атласные камзолы и штаны; мастеръ же ложи одѣвалъ, въ отличіе отъ прочихъ, вмѣсто обыкновенной шляпы беретъ изъ голубого атласа, вышитый золотыми звѣздами и крестомъ. На шляпахъ часты своеобразныя украшенія; напримѣръ, шляпы рыцарей-кадошей шотландскаго обряда украшались солнцемъ съ золотыми лучами и со всевидящимъ окомъ въ центрѣ.

Вообще масоны въ высшихъ степеняхъ носили разноцвѣтныя круглыя шляпы, украшенныя разноцвѣтными же перьями, носились шляпы бѣлыя съ голубыми, черными, красными и бѣлыми перьями; шляпы черныя съ черными и бѣлыми перьями, шляпы зеленыя съ перьями черными, желтыми, красными, зелеными, шляпы фіолетовыя бархатныя съ бѣлыми перьями; шляпы красныя съ красными, бѣлыми, черными и зелеными перьями. При врученіи шляпы, посвящаемымъ говорили—свободный мужъ почитаетъ Бога, законы и самого себя за единственнаго обладателя своей воли. Въ системѣ русскаго генерала Мелиссино посвящаемаго спрашивали: что значитъ бѣлая шляпа ваша, украшенная голубымъ перомъ? и риторъ подсказывалъ отвѣтъ: она знаменуетъ украшенную свободу. И въ высшихъ степеняхъ системы Мелиссино и въ другихъ системахъ масоны въ ложахъ одѣвали мантіи, у Мелиссино мантіи были бѣлыя—знакъ невинности и красныя—въ знакъ царственности каменщическаго искусства, и сверхнатуральной силы и власти Ордена; и въ знаменье того, что законъ благодати распространенъ кровью. Шотландскіе братья свѣта носили черныя атласныя мантіи съ бѣлымъ, алыя шелковыя съ зеленымъ, пурпурныя съ золотомъ. Герольды носили бѣлыя атласныя съ золотомъ; первосвященники невидимаго капитула бѣлыя шерстяныя по образцу старинныхъ тампліеровъ, а на лѣвой сторонѣ мантіи шитый красный тампліерскій крестъ, на правой черный.

Наконецъ, засѣданія масоновъ въ самыхъ высокихъ степеняхъ называются капитулами. Капитулы, по масонскимъ узаконеніямъ, могли учреждаться только тамъ, гдѣ уже работали по меньшей мѣрѣ три іоанновскія ложи и одна шотландская.

Въ очеркѣ обряда высшихъ степеней я остановлюсь на одномъ частномъ примѣрѣ — принятіи въ шестую степень капитула Феникса, одной изъ ложъ управленія, пользуясь архивнымъ необнародованнымъ первоисточникомъ. Этотъ капитулъ работалъ по шведской системѣ, гдѣ было десять степеней: три іоанновскія, двѣ шотландскія (ученика—товарища и мастера), рыцарей востока и Іерусалима, рыцарей запада, ближнихъ св. Іоанна, ближнихъ св. Андрея и великихъ архитекторовъ. Слѣдовательно, шестою степенью была степень рыцарей востока и Іерусалима. Капитулъ, смотря по числу своихъ членовъ, бывалъ: законный, обыкновенный и совершенный: въ первомъ было 27 членовъ, во второмъ—49 и въ третьемъ—81, не считая предсѣдателя (субпрефекта или великаго префекта) и духовныхъ лицъ (капеллановъ и пріоровъ).

Блистатательный капитулъ Феникса существовалъ въ Россіи съ 1778 г., будучи учрежденъ Швеціею отъ герцога Карла Зюдерманландскаго чрезъ посредство князя Александра Куракина. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ былъ посланъ изъ Россіи въ Швецію для объявленія шведскому королю о второмъ бракѣ Наслѣдника русскаго престола, великаго князя Павла Петровича. Во время этого пребыванія Куракина въ Швеціи и совершилось принятіе его въ стокгольмскую ложу. Изъ сохранившейся переписки Куракина съ графомъ Адамомъ Левенгауптомъ явствуетъ, что еще въ декабрѣ 1776 г. Куракинъ былъ принятъ въ ложу, въ Стокгольмѣ, герцогомъ Карломъ Зюдерманландскимъ, при чемъ Левенгаупту, какъ обрядоначальнику ложи, было поручено переслать Куракину масонскіе знаки и украшенія. Исполняя распоряженіе герцога, Левенгауптъ прислалъ знаки со своимъ слугою и писалъ Куракину, что это онъ дѣлаетъ для того, чтобы знаки были вручены въ собственныя руки. Изъ другого письма того же Левенгаупта видно, что тогда же были намѣчены и другіе именитые русскіе масоны для присоединенія къ стокгольмской ложѣ - извѣстный Елагинъ и князь Гагаринъ. Письмо Левенгаупта ясно выражаетъ тотъ восторгъ, которымъ были полны сердца шведскихъ вольныхъ каменщиковъ при учрежденіи въ Россіи ложъ въ зависимости отъ Швеціи; Левенгауптъ пишетъ, что ждетъ—не дождется той счастливой минуты, когда будетъ увѣнчано предпринятое возстановленіе ордена. Куракина онъ называетъ „возстановителемъ священнаго ордена“ въ Россіи и восклицаетъ: „сознайтесь, дорогой князь, что есть что-то не-

постижимое въ нашемъ орденѣ; вчера еще совершенно чуждые другъ другу, сегодня мы—уже въ самомъ тѣсномъ единеніи"! По возобновленіи масонства при Александрѣ I былъ возстановленъ и капитулъ Феникса съ цѣлью „поддержать истинное и древнее каменщичество между немногочисленными, но вѣрными братьями.

Входъ въ капитулъ охраняется оруженосцами со скрещенными мечами. Посвящаемый стучится въ двери тремя іоанновскими и четырьмя шотландскими ударами. Его испытываютъ „знакомъ, прикосновеніемъ и словомъ", которые удостовѣряютъ, что данное лицо есть масонъ такого-то градуса. Чѣмъ выше степень, тѣмъ эти условные знаки и слова сложнѣе и запутаннѣе. „Знакъ" 6-ой степени шведской системы заключался въ томъ, что один рыцарь (братья высшихъ степеней часто назывались рыцарями) перекрещивалъ свои руки и бралъ пястью своей правой руки лѣвый локоть брата и пястью своей лѣвой руки—правый локоть брата, а затѣмъ подымалъ въ такомъ положеніи свои руки. „Прикосновеніе" происходило приставленіемъ правой ноги къ правой же ногѣ брата, такъ чтобы соприкасались оба колѣна, и взятіемъ другъ друга подъ пазуху. Наконецъ, „словъ" было два: „croisé" и „Сіонъ", одно говорилось на лѣвое ухо, другое—на правое ухо; при этомъ испытаніи извлекались шпаги изъ ноженъ и скрещивались.

Посвящаемый входилъ въ капитулъ.

Пространный залъ капитула залитъ огнями: въ свѣтильникахъ горитъ 81 свѣча, по числу рыцарей. Снѣжно-бѣлый шелкъ балдахина надъ трономъ Великаго Префекта рѣзко выдѣляется на красномъ сукнѣ, которымъ обиты стѣны. Вышитый на балдахинѣ ярко-красный іоанновскій крестъ кажется обагреннымъ кровью. Тронъ, одѣтый въ пурпурный бархатъ, и жертвенникъ, покоящійся на четырехъ львиныхъ золоченыхъ головахъ и покрытый бѣлымъ шолкомъ, съ Андреевскимъ крестомъ, вышитымъ зеленымъ шелкомъ и золотомъ, стоятъ съ востока на возвышеніи о семи ступеняхъ. На жертвенникѣ мечъ и библія. Съ запада, на двухъ столахъ, крытыхъ бѣлымъ шелкомъ, возложены: наугольникъ, корона, шпоры, орденскій мечъ, запоны и ленты со знаками. Посреди зала водружено багряное орденское знамя. Полъ обитъ багрянымъ же сукномъ и діагонально разсѣченъ большимъ зеленымъ андреевскимъ крестомъ. Всѣ рыцари—въ орденскихъ одѣяніяхъ; у всѣхъ—шляпы съ красными и бѣлыми бантами, шпоры, мечи и различныя ленты: черныя струйчатыя, совершенно бѣлыя, бѣлыя съ золотомъ, зеленыя; у нѣкоторыхъ рыцарей на бѣлыхъ нагрудникахъ нашитъ красный іоанновскій крестъ. Герольды выдѣляются бѣлыми шелковыми мантіями и бѣлыми шляпами съ двумя перьями, краснымъ и бѣ-

лымъ. Префектъ украшенъ золотымъ съ краснымъ іоанновскимъ крестомъ на шейной золотой цѣпи съ 9-ю маленькими іоанновскими крестами.

Капитулъ открывается Великимъ Префектомъ семью ударами золотой сѣкирой по мечу. Обрядоначальники, имѣя въ рукахъ жезлы изъ бѣлой слоновой кости съ черными наконечниками, вводятъ ищущаго свѣта, т. е. шотландскаго мастера, посвящаемаго въ рыцари востока и Іерусалима. У посвящаемаго обнажены шея, лѣвая рука, плечо, правое колѣно. „Извѣстно ли достовѣрно то,— громко вопрошаетъ префектъ блюстителя храма,—что житіе ищущаго непорочно и поведеніе его всегда похвально было? имѣетъ ли онъ достаточныя средства безвозмездно служить подъ священною хоругвію? готовъ ли онъ какъ съ видимыми, такъ и невидимыми врагами храма сражаться?"

При утвердительныхъ отвѣтахъ принимаемый обязанъ дать три клятвы. Онъ становится на колѣни и, положа лѣвую руку на отверстое евангеліе отъ Св. Іоанна, повторяетъ ритуальныя слова за блюстителемъ храма. „Обѣщаюсь въ силу прежнихъ моихъ обѣтовъ никогда не открывать таинствъ, кои открыты мнѣ будутъ, и внѣ сего капитула никакимъ образомъ не разглашать и не подвергать чьей-либо догадки, кѣмъ и какимъ образомъ принятъ въ рыцари востока". Двукратный крестообразный ударъ мечомъ по лѣвому плечу скрѣпляетъ эту клятву. Вновь склонивъ колѣна, посвящаемый повторяетъ слова второй присяги: „обѣщаюсь и свято обязуюсь, что, ежели гдѣ встрѣчу извѣстнаго или неизвѣстнаго брата, какого бы званія или состоянія онъ ни былъ, но коего признаю истиннымъ рыцаремъ востока, то изъявлю и окажу чувствованія дружбы, приверженности и любви и буду ему вспомоществовать во всемъ, что отъ меня зависѣть будетъ, и когда одинъ не въ силахъ буду ему подать помощь, обязуюсь прибѣгнуть къ другимъ братьямъ и требовать отъ нихъ для него подпоры и защиты". Новый двукратный крестообразный ударъ, на этотъ разъ по правому плечу, укрѣплялъ и вторую присягу. Блюстители храма ведутъ присягнувшаго семью размѣренными шагами къ трону, къ свѣту. При каждомъ шагѣ блюстители храма крестообразно ударяютъ посвящаемаго мечами въ грудь, пока онъ не ступитъ на первую ступень, ведущую къ жертвеннику, пока хранитель хоругви не разовьетъ надъ нимъ багряное знамя, пока тихая музыка не огласитъ залъ и не раздастся сначала тихое, а затѣмъ все болѣе и болѣе громкое пѣніе пѣсни братьями:

„Свершился вѣрности обѣтъ,
Подъ знаменемъ я стою багровымъ.
Къ Святилищу преграды нѣтъ.
Я самъ сталъ полонъ духомъ новымъ.
Одѣтый въ снѣжну бѣлизну,
Несусь въ безоблачну страну.
Вспарилъ превыше облаковъ,
Услышалъ хоры, пѣсни, радость
О, мой Господь! о, свѣтъ свѣтовъ,
Я съ нимъ! я въ немъ! о, жизнь! о, сладость!“

Подъ звуки пѣсни посвящаемый всходитъ на семь ступеней и вновь преклоняетъ колѣни, сложивъ руки надъ библіей—крестообразно, а шляпу и мечъ—андреевскимъ крестомъ. Префектъ повелѣваетъ оруженосцу дать посвящаемому шпоры и приглашаетъ посвящаемаго принять послѣднюю присягу. Онъ клянется всѣми силами проповѣдовать, защищать, распространять вѣру истинную, православную, неутомимо исполнять дѣла милосердія. „Обязуюсь паче всего стремиться къ чистотѣ нравовъ“, поднимаясь съ колѣнъ, говоритъ присягающій, „и провождать жизнь умѣренную, строгую и благочестивую“. Меченосецъ приближается съ орденскимъ мечомъ. Префектъ произноситъ слова увѣщанія и, взявъ знамя, троекратно ударяетъ по груди пріемлемаго.

„Силою власти, данною мнѣ, яко префекту сего блистательнаго капитула, по согласію и благоволенію собранныхъ здѣсь рыцарей, пріемлю васъ въ рыцари востока и Іерусалима“. Затѣмъ, смѣнивъ знамя мечомъ, префектъ производитъ самое посвященіе тремя ударами по лѣвому плечу посвящаемаго.

I. „Буди ревностный“

(Первый ударъ).

II. „Огненный“

(Второй ударъ).

III. „Неустрашимый воинъ подъ сею хоругвію“.

(Третій ударъ).

Префектъ, поднимая руки на голову вновь принятаго рыцаря, благословляетъ его и, отойдя къ трону, приказываетъ обрядоначальникамъ привести его въ правую сторону отъ трона и принести ему украшенія.

Украшеніе 6-й степени состоитъ изъ запона и ленты съ ключомъ.

На запонѣ изображены: андреевскій крестъ и солнце. Андреевскій крестъ помѣщенъ „въ честь того мастера, коего руководству предалъ

себя св. Андрей“, т. е. въ честь Іисуса Христа. Солнце же знаменуетъ, что новый братъ принятъ „въ рыцари востока, т. е. такого мѣста, гдѣ солнце незаходимое всегда озаряетъ насъ въ ратоборствованіи съ видимыми и невидимыми врагами священнаго писанія“. На клапанѣ запона помѣщенъ другой андреевскій крестъ малаго размѣра. Запонъ—изъ бѣлой лайки съ зеленою обшивкою и зеленымъ подбоемъ.

Лента, на которой виситъ ключъ, зеленаго цвѣта, съ пятью изъ алыхъ лентъ крестами; зеленый цвѣтъ знаменовалъ надежду на вступленіе въ храмъ и обитаніе въ немъ; алые кресты напоминаютъ о пяти „кровоточныхъ высочайшаго мастера язвахъ“. Лента носится черезъ правое плечо въ ознаменованіе того, что вручившій ключъ „имѣлъ точное и достовѣрное познаніе о истинномъ онаго ключа употребленіи“.

Къ лентѣ привѣшивался на узкой бѣлой ленточкѣ золотой ключъ. Онъ изображалъ ключъ Давыдовъ, „иже отверзаяй и никто же затворитъ, затворяяй и никто же отверзе“. Онъ знаменовалъ право открытія и закрытія ложъ пяти степеней.

Еще три частныхъ замѣчанія.

Рыцарь обязывался распространять и защищать христіанскую вѣру. Чрезвычайно интересно, что въ русскомъ спискѣ, по которому приводится мною обрядъ, указано, что рыцарь востока долженъ былъ распространять именно православную вѣру. Между тѣмъ, русскіе масоны могли получать акты шведской системы или изъ Швеціи, или изъ германской великой ложи, гдѣ, конечно, не могло быть и рѣчи о православіи. Слѣдовательно, это является уже передѣлкою русскихъ масоновъ.

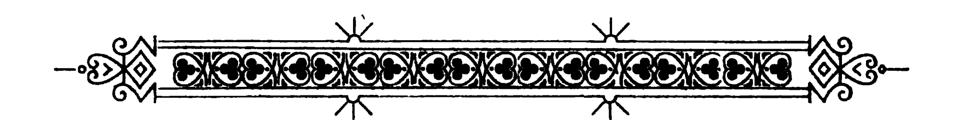
Въ ритуалѣ упоминается, что префектъ носилъ на шейной цѣпи большой іоаннитскій крестъ. Вопросъ объ этомъ украшеніи былъ включенъ въ инструкцію, данную въ 1818 г. отъѣзжавшему въ Россію германскому масону, которому было поручено собраніе свѣдѣній о русскомъ масонствѣ. Инструкція съ отвѣтами хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ. Она напечатана покойнымъ академикомъ Пыпинымъ тридцать слишкомъ лѣтъ назадъ. Десятый вопросъ напечатанъ этимъ ученымъ въ такой редакціи: „украшенія оберъмейстера (т. е. префекта) похожи ли на наши, состоятъ ли они въ цѣпи, украшенной 9-ью іоаннитскими крестами и на которой виситъ крестъ съ красной эмалью? на этомъ крестъ находится ли съ одной стороны треугольникомъ съ буквами R. N. F., а съ другой стороны черное кольцо, между“; здѣсь Пыпинъ ставитъ точки, прерывая текстъ, и далѣе пишетъ: „буквами S. T. P.“ Въ подстрочномъ примѣчаніи Пыпинъ пишетъ, что вторая часть вопроса не

вполнѣ ясна, и приводитъ нѣмецкій текстъ, гдѣ вмѣсто точекъ русскаго текста поставлены слова „kreuz weis gelegten". Повидимому, академику Пыпину не былъ извѣстенъ тотъ списокъ, которымъ пользовалась я. Въ этомъ же спискѣ неразобранныя Пыпинымъ слова читаются „крестообразно положенные мечи", а значитъ, нѣмецкій текстъ долженъ читаться „kreuzweisgelegten Degen". Отвѣта на 10-й вопросъ германскаго масона русскіе не дали, а ему были вручены акты, по которымъ онъ долженъ былъ дать отвѣтъ самъ. Этотъ отвѣтъ, конечно не сохранившійся, я могу теперь возстановить и сказать „украшенія великаго префекта русскаго капитула и оберъ-мейстера великой ложи германской земли были тождественны".

Ключъ, знакъ рыцарей востока, часто встрѣчается въ музеяхъ и коллекціяхъ. Но нигдѣ я не встрѣчала указанія на то, къ какой степени и какой системѣ принадлежитъ ключъ; только въ Ревельскомъ провинціальномъ музеѣ глухо сказано, что это знакъ „eines Hochbeamten", т. е. высокаго должностнаго лица. Въ Румянцевскомъ музеѣ, въ собраніи С. С. Ланского, ключъ привѣшанъ къ красной съ золотою каймою лентѣ. Какъ видно изъ актовъ 6-й степени, на этой лентѣ носился ключъ чиновниками капитула въ шотландской ложѣ. Слѣдовательно, экземпляръ Румянцевскаго музея былъ одѣтъ въ послѣдній разъ Ланскимъ, который былъ чиновникомъ капитула, во время посѣщенія имъ шотландской ложи".

Тира Соколовская.

Крайне экономный министръ.

Скончавшійся въ 1890-мъ году на девятомъ десяткѣ годовъ своей жизни инженеръ тайный совѣтникъ Валеріанъ Александровичъ Кипріяновъ, состоявшій однимъ изъ главныхъ лицъ въ дѣлѣ постройки Московско-Курской жел. дороги, очень много разсказывалъ изъ жизни разныхъ лицъ, особенно инженеровъ; кругъ знакомства у него былъ громадный; къ тому же онъ всю жизнь неизмѣнно держался обычая записывать все, что ему доводилось видѣть, слышать и переживать. Это былъ въ высшей степени начитанный человѣкъ и крайне интересный старикъ,—при этомъ бодрый, здравый до конца дней своихъ. Человѣкъ онъ былъ очень состоятельный, вѣчно хлопоталъ о чужихъ дѣлахъ, кому-нибудь, что-либо устраивалъ — всегда изъ одолженія; въ благотворительности онъ просто утопалъ, но дѣлалъ или творилъ ее уже въ полнѣйшей степени безкорыстно.

Отецъ его былъ богатый московскій помѣщикъ, служилъ въ военной службѣ, состоялъ очень долго адъютантомъ Кутузова — еще до Отечественной войны и вообще по отношенію къ Кутузову былъ очень близкимъ человѣкомъ, о чемъ сохранилъ и передалъ сыну массу записокъ.—Въ 1828 году отецъ Кипріянова, командуя отдѣльной бригадой, очень долго твердо стоялъ противъ турецкой арміи подъ Праводами, пока не собралась наша армія.

Прочтя мартовскую книжку „Русской Старины“ за 1885-й годъ, В. А. Кипріяновъ очень заинтересовался помѣщенными въ ней *„Воспоминаніями о ген.-ад. Чевкинѣ“*.—Вообще этотъ журналъ онъ всегда читалъ, очень его любилъ, выписывалъ и тщательно хранилъ съ 1-хъ номеровъ,—съ самаго начала выхода его.

Разговорившись о воспоминаніяхъ, онъ разсказалъ, что хотя и не стоялъ всегда близко къ Чевкину, но всю жизнь зналъ его. Въ 1871 году В. А. Кипріянову случилось нѣкоторое время засту-

пать въ Министерствѣ Путей Сообщенія мѣсто старшаго инспектора и по этой должности нерѣдко бывать съ докладами у министра.

Мелкіе чиновники, писаря и вообще разные служащіе, зная доброту, которою славился ген.-адьют. Чевкинъ, заваливали его просьбами о вспомоществованіи по случаю бѣдственнаго положенія своего вообще или въ виду какихъ-либо внезапныхъ бѣдъ, несчастныхъ случаевъ и т. п.

Капиталы, имѣвшіеся въ его распоряженіи на этотъ предметъ, были и сами по себѣ не очень велики, а по сопоставленію съ предъявлявшимися просьбами—прямо незначительны; въ сравненіи съ обозначавшеюся всегда нуждой—это была капля въ морѣ.

Съ одной стороны ген. Чевкинъ былъ до крайности сердобольный человѣкъ, а съ другой былъ до щепетильности неизмѣненъ въ дѣлѣ принципіальнаго блюденія интересовъ казны; истратить лишнюю казенную копѣйку, не настоять на экономіи этой копѣйки—онъ считалъ непозволительнымъ мотаніемъ казенныхъ суммъ, а мотать ихъ являлось по его убѣжденію страшнымъ преступленіемъ.

Такимъ образомъ, при полученіи и разсмотрѣніи прошеній, ген. Чевкинъ постоянно боролся между страстнымъ, сердечнымъ желаніемъ помочь бѣдняку и тяжелою необходимостью урѣзать или того хуже отказать ради сбереженія интересовъ казны.

Вотъ поэтому на какія уловки этотъ безмѣрно добрый человѣкъ нерѣдко поднимался по словамъ В. А. Кипріянова; докладываю я ему просьбу писаря отпустить ему на похороны умершей жены 6 р. 50 коп.

По обыкновенію прежде всего министръ находитъ, что это очень много.

— Много, много, какъ это можно, ужасная сумма, на что такъ много? За землю придется заплатить какіе-нибудь гроши, за гробъ—рубль,—ну рубль пятнадцать, свезутъ за 50 к., ну вполнѣ достаточно трехъ рублей и, не слушая никакихъ возраженій, пишетъ на прошеніи резолюцію: выдать изъ суммъ, отпускаемыхъ казной на пособія—3 руб. Дальше въ докладѣ четыре прошенія о выдачѣ пособій по 8 рублей на дѣтей. — О! Какъ можно, страшныя суммы; да вы узнали, есть ли нужда-то?

— Провѣрено, В. В-во, нужда дѣйствительно вопіющая.

— Нужда вопіющая, да вѣдь и капиталы вопіющіе хотятъ выпросить; какъ можно, вполнѣ могутъ удовлетворяться половиной, вполнѣ; пишетъ на общемъ представленіи резолюцію такую же длинную о томъ, чтобы выдать по 4 руб. каждому.

Продолжая принимать дальнѣйшіе доклады по другимъ дѣламъ, онъ нѣтъ-нѣтъ да и вспомнитъ о своихъ резолюціяхъ: да, да вполнѣ

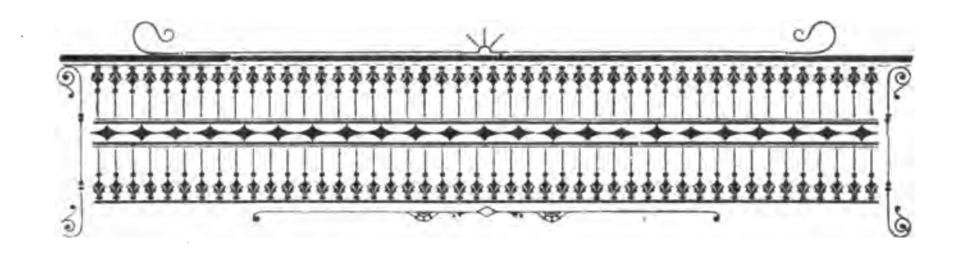
достаточно, какъ на 3 руб. не похоронить бѣдную женщину, пустяки, вздоръ.

По окончаніи же доклада при прощаньи онъ идетъ въ ящикъ своего письменнаго стола, вынимаетъ и раскладываетъ по конвертамъ деньги, приговаривая: изъ казны вы возьмете для раздачи то, что положено по резолюціи, а вотъ 3 р. 50 к. на похороны бѣдняжки и по 4 руб. въ пособіе на дѣтей,—раздайте отъ меня; но чтобы отнюдь до просителей это не дошло, ни въ какомъ случаѣ. Вотъ вамъ въ конвертахъ 19 р. 50 коп. Массу собственныхъ денегъ онъ раздавалъ такимъ путемъ.

За сердечность и отзывчивость Чевкинъ былъ среди чиновниковъ прозванъ „дѣдомъ милосердія", а прославившая его, тяжелая для всѣхъ, экономія въ казенныхъ денежныхъ дѣлахъ стяжала ему среди нихъ прозвище „государственнаго казначея".

Сообщилъ А. Е. К.

Замѣтки о Пушкинѣ.

I.

Источникъ фабулы „Онѣгина".

Изъ любого великаго литературнаго произведенія не трудно выдѣлить простую, внѣшнюю схему, по которой оно сложено, его грубый остовъ. Если отбросимъ въ сторону освѣщеніе характеровъ, поэтическій паѳосъ, литературный стиль, окружающую историческую и бытовую обстановку, предъ нами предстанетъ въ самомъ примитивномъ видѣ лишенный плоти и обезкровленный, нагой скелетъ—грубая и несложная фабула, содержаніе, словно разсказанное „своими словами"... У Шекспира, какъ доказано давно, нѣтъ ни одной „своей" фабулы, имъ самимъ вымышленной; онъ пользовался то стариннымъ преданіемъ, то отрывкомъ изъ лѣтописи, то итальянской новеллой, но отъ этого не тускнетъ золотой вѣнецъ на славномъ челѣ великаго поэта-сердцевѣдца, создавшаго вѣчные типы тоскующаго Гамлета, нѣжной Джульетты, страстно жаждущаго справедливости Шейлока... Гоголь построилъ „Мертвыя души" и „Ревизора" на разсказанныхъ ему Пушкинымъ анекдотахъ. Ничего, конечно, невозможнаго нѣтъ и въ томъ, что и въ безсмертномъ „Евгеніи Онѣгинѣ" самого Пушкина также „сюжетъ заимствованъ".

Есть у К. Ѳ. Рылѣева, бывшаго пламеннымъ поэтомъ гражданскаго чувства, но весьма посредственнымъ художникомъ-психологомъ, довольно плохой разсказъ, содержаніе котораго очень близко напоминаетъ фабулу „Онѣгина". Передавать послѣднюю мы не станемъ, такъ какъ она знакома всякому читателю, но коротенькій разсказъ Рылѣева, который мало кто помнитъ, приведемъ цѣликомъ изъ

„Невскаго Зрителя“, 1821 г., ч. V, февраль, 160—163, гдѣ онъ былъ напечатанъ впервые. Онъ называется—„Чудакъ“.

„Угрюмовъ былъ странный человѣкъ: онъ ненавидѣлъ женщинъ и, не вѣря добродѣтели ихъ, вездѣ поносилъ прекрасныхъ. За два года предъ симъ писалъ онъ другу своему:

„Представь себѣ: батюшка было вздумалъ меня женить и, не сказавъ мнѣ ни слова, повезъ къ Добронравову. На половинѣ дороги признался онъ, что ѣдетъ сватать за меня Лизу, старшую дочь сего стараго своего друга, сослуживца и сосѣда.—Но развѣ не знаете вы, что сынъ вашъ никогда не намѣренъ жениться?—сказалъ я ему.—Почему?—спросилъ онъ сурово.—Потому, что я ненавижу женщинъ.—Такой вздоръ и слушать я не хочу. Ты долженъ непремѣнно жениться, и жениться на Лизѣ, если не имѣешь въ виду другой дѣвицы.—Но, батюшка, мнѣ ни Лиза, никто не нравится: вы сдѣлаете насъ несчастными.—И это вздоръ! Женись! Я тебѣ приказываю.—Такъ рѣшительно батюшка еще никогда не говаривалъ мнѣ; я заключилъ, что онъ рѣшился женить меня во что бы то ни стало! Между тѣмъ мы подъѣхали къ дому Добронравовыхъ. Входимъ и застаемъ все семейство въ гостиной. Лиза имѣетъ видъ весьма привлекательный. Что,—подумалъ я, если бы и душевныя ея качества соотвѣтствовали наружнымъ! Я бы могъ быть счастливымъ... Но мечта, мечта! И я, зная, что батюшка никогда не любитъ шутить, рѣшился открыться ей самой, что я не могу быть ея супругомъ. Избравъ удобный случай, когда старики удалились, я безъ дальнихъ околичностей объяснился съ нею. Она дала слово отказать мнѣ и исполнила оное. Теперь, слава Богу, я спокоенъ. Батюшка не тревожитъ меня, и я восхищаюсь, что такимъ образомъ избавился отъ ужаснаго несчастія—„*быть женатымъ*“.

Шутливый другъ отвѣчалъ чудаку въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Съ боязнію за тебя читалъ я послѣднее письмо твое; оно дышитъ ненавистью къ нѣжному полу... Или ты забылъ, какая участь постигла смѣльчака Тирезія, дерзнувшаго только отдать преимущество мужскому полу предъ женскимъ (что онъ одинъ только и былъ въ состояніи справедливо сдѣлать, бывъ и мужчиною и женщиною)? Юнона, мстя ему за сіе, и, вѣроятно, затѣмъ, дабы онъ впредь не видѣлъ недостатковъ пола ея, безчеловѣчно лишила его зрѣнія, котораго, конечно, не промѣнялъ бы онъ на даръ пророчества, коимъ за оказанную справедливость надѣлилъ его царь боговъ и человѣковъ. Ревнуя ко благу друзей моихъ, поставляю себѣ за священную обязанность предостеречь тебя, дабы ты, говоря впредь о миломъ полѣ, былъ нѣсколько поосторожнѣе, если только не желаешь на самомъ себѣ испытать несчастіе Тирезія тѣмъ вѣрнѣе, что Юноны

нашего времени нимало не снисходительнѣе и не хуже Юноны лѣтъ древнихъ. Красота многихъ изъ нихъ ослѣпительна, и если ты не надѣленъ отъ Гермеса, подобно Улиссу, чудесною травкою моли, предохраняющею отъ очарованія красоты, то будь увѣренъ, что никакія средства не спасутъ тебя отъ сѣтей какой-нибудь красавицы— слѣдственно, отъ ослѣпленія; даже непобѣдимое хладнокровіе того философа, надъ которымъ славная Лаиса, тщетно истощивъ всѣ средства обольстительнаго искусства хитрыхъ гетеръ, сказала наконецъ, что она взялась прельщать *человѣка*, а не *статую*.

Такъ, любезный другъ, я боюсь за тебя. Нѣжный полъ, тобою оскорбленный, будетъ непремѣнно отомщенъ“.

И представьте: боязнь шутливаго друга была справедлива. По прошествіи года Лиза вышла за Ариста, друга Угрюмова. Посѣщая ихъ, чудакъ непримѣтно влюбился въ прежнюю свою невѣсту и на опытѣ дозналъ, что и женщины могутъ быть добродѣтельными, ибо Лиза, несмотря на то, что сама пламенно полюбила Угрюмова, осталась вѣрною супругою Ариста, за котораго отдана была противъ желанія“.

Въ „чудакѣ“ не трудно узнать Онѣгина, которому Пушкинъ тоже не разъ даетъ это прозвище [1]), а въ Лизѣ Татьяну. Чрезвычайное сходство фабулъ заключается въ тождествѣ положеній: и Угрюмовъ, и Онѣгинъ влюбляются въ отвергнутыхъ ими прежде женщинъ; Лиза, какъ и пушкинская Татьяна, любя Угрюмова, не рѣшается оставить для него нелюбимаго мужа, за котораго вышла тоже противъ воли: „и женщины могутъ быть добродѣтельными“. Есть нѣкоторое сходство и въ характеристикахъ обоихъ героевъ. Угрюмовъ „ненавидѣлъ женщинъ и, не вѣря добродѣтели ихъ, вездѣ поносилъ прекрасныхъ“. Такъ же думалъ и Онѣгинъ.

Красавицы недолго были
Предметъ его привычныхъ думъ... [2])
Причудницы большого свѣта,
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ... [3])
И вы, красотки молодыя,
Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалыя
По петербургской мостовой,
И васъ покинулъ мой Евгеній... [4])

---

[1]) 1, IV; 7, XXIV; 8, VIII, XL.
[2]) 1, XXXVII.
[3]) 1, XLII.
[4]) 1, XLIII.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ-нибудь;
Откажутъ,—мигомъ утѣшался;
Измѣнятъ,—радъ былъ отдохнуть.
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость... [1]).

Колебанія Угрюмова, который, увидѣвъ Лизу, подумалъ: „Что, если бы и душевныя ея качества соотвѣтствовали наружнымъ! Я бы могъ быть счастливымъ... Но мечта, мечта!“ напоминаютъ волненіе, охватившее пушкинскаго героя, когда онъ получилъ письмо Татьяны.

Онѣгинъ живо тронутъ былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой;
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинный
Имъ на минуту овладѣлъ... [2])

Такъ же, какъ Онѣгинъ Татьянѣ, Угрюмовъ открылъ Лизѣ, что „не можетъ быть ея супругомъ“, и такъ же, какъ и тотъ, „избавился отъ ужаснаго несчастія—быть женатымъ“. Такъ же, какъ и Онѣгинъ, Угрюмовъ слишкомъ поздно созналъ свою ошибку.

Пушкинъ, который иногда печатался въ „Невскомъ Зрителѣ“ [3]) и, конечно, всегда читалъ этотъ журналъ, не могъ не знать разсказа Рылѣева. Поэтъ писалъ своего „Онѣгина“ нѣсколько лѣтъ, работалъ надъ нимъ урывками и, не имѣя опредѣленнаго плана, въ началѣ работы „даль свободнаго романа сквозь магическій кристаллъ еще неясно различалъ“; быть можетъ, безсознательно воспринялъ онъ изъ разсказа Рылѣева указанныя выше черты, подвергшіяся въ „Онѣгинѣ“ такой вдохновенной переработкѣ. Геній, который беретъ свое добро всюду, гдѣ находитъ его, сумѣлъ извлечь полезное для себя изъ скучно-риторическаго, пустого разсказца Рылѣева, написаннаго съ такимъ явнымъ рвеніемъ угодить „милому полу“ и покадить „добродѣтели“. Вообще же Пушкинъ былъ до-

---

[1]) 4, X.

[2]) 4, XI.

[3]) Въ томъ же 1821 г., въ апрѣльской книжкѣ „Невскаго зрителя“ были напечатаны двѣ пьесы Пушкина—„Кюхельбекеру“ („Разлука“) и „Къ Прелестницѣ“.

вольно высокаго мнѣнія о талантѣ Рылѣева, поэма котораго „Войнаровскій“ оказала значительное вліяніе на пушкинскую „Полтаву“. Въ пушкинскомъ творчествѣ, явившемся синтезомъ всей русской литературы, то здѣсь, то тамъ встрѣчаются слѣды различныхъ вліяній и впечатлѣній, полученныхъ отъ писателей всевозможныхъ величинъ. Показанное сходство въ фабулахъ рылѣевскаго „Чудака“ и „Евгенія Онѣгина“ слишкомъ значительно для того, чтобы быть случайнымъ совпаденіемъ; но, конечно, нельзя думать, что столь ничтожная вещица могла оказать какое-нибудь прямое вліяніе на великій романъ. Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ такимъ обычнымъ явленіемъ, какъ простая реминисценція нѣкоторыхъ образовъ и положеній, послужившихъ великому художнику канвой, на которой онъ расшилъ свою великолѣпную картину.

II.

Великосвѣтская дама о Пушкинѣ въ 1830 г.

Въ 1829, 1830 и 1831 г.г. въ Петербургѣ выходила небольшая французская газетка подъ названіемъ „Le Furet“ [1]), journal de Littérature et des Théâtres“. Газетка эта выходила два раза въ недѣлю; ея четыре страницы небольшого формата были наполнены перепечатками изъ французскихъ газетъ и театральными рецензіями; она, повидимому, обслуживала великосвѣтскую публику; издавалъ ее учитель французскаго языка въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ Шарль Сенъ-Жюльенъ; печаталась она въ типографіи вдовы Плюшаръ. Петербургскій „Пролазъ“ иногда помѣщалъ и хронику русской литературы. Въ немъ мы нашли цѣлый рядъ извѣстій изъ русскаго литературнаго міра, впрочемъ совсѣмъ маловажныхъ. Въ пушкинской библіографіи „Furet“ извѣстенъ; въ „Пушкиніанѣ“ В. И. Межова есть два указанія на него (№№ 3209, 3210).

Страницы этого великосвѣтскаго, сплетничающаго листка сохранили весьма любопытное *дамское* сужденіе о Пушкинѣ. Въ 1830 г., когда Пушкинъ былъ въ зенитѣ своей славы, въ 12 № „Furet“, 9 февраля (стр. 46), появилась небольшая замѣтка: „Петербургская дама—одной изъ своихъ московскихъ пріятельницъ, о романѣ „Милославскій“ и поэтѣ Пушкинѣ“. Ни у Межова, ни у составившаго дополненія къ его книгѣ И. Сержпутовскаго („Русск. Стар.“ 1887 г., февраль, 495—506) эта статейка не отмѣчена. Печатая ее, скудоумная газетка думала польстить знаменитому поэту. Письмо дамы довольно интересно. Какъ ни наивны ея разсужденія о пушкинской

---

[1]) Furet—хорекъ, переносно—проныра, пролазъ.

поэзіи, преклоненіе передъ Пушкинымъ дѣлаетъ честь ея вкусу; кто она, неизвѣстно (письмо безъ подписи), но въ великосвѣтскомъ кругу начала тридцатыхъ годовъ эта восторженная цѣнительница поэзіи Пушкина была, конечно, явленіемъ незауряднымъ.

Расточивъ множество похвалъ тогдашней злобѣ дня—„Милославскому“ Загоскина, петербургская дама переходитъ къ Пушкину и восторженно изливается передъ своей пріятельницей:

„Что касается до того, что вы мнѣ говорите о нашемъ первомъ поэтѣ, я вполнѣ раздѣляю вашъ восторгъ. Онъ, безъ сомнѣнія, наша слава и самое лучшее украшеніе нашей страны. Одна изъ моихъ пріятельницъ какъ-то сравнивала справедливо его поэзію съ музыкой Россини; чѣмъ дольше ее слушаешь, тѣмъ больше она нравится; какъ въ самомъ простомъ мотивѣ открываешь тысячи новыхъ красотъ, такъ, перечитывая любые стихи Пушкина—часто съ изумленіемъ находишь въ нихъ одну изъ лучшихъ картинъ Рафаэля. Напримѣръ, *Ангелъ*, котораго вы можете прочитать въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* 1828 г. [1]). Черезъ нѣсколько страницъ вы находите элегію [2]): всего шестнадцать стиховъ, а вы здѣсь раскрываете цѣлый романъ.—Счастливая, спокойная женщина любима безъ памяти. Она въ свою очередь любитъ. Но вскорѣ она покинута. Она уѣзжаетъ, но ни видъ ея родины, ни воспоминаніе о ея любви, ничто ея не привлекаетъ. Сердце ея поражено. Она умираетъ и, между тѣмъ какъ ея тѣнь блуждаетъ около того, кого она еще предпочитаетъ всему... онъ въ кругу равнодушныхъ людей, изъ равнодушныхъ устъ и съ величайшимъ равнодушіемъ узнаетъ, что той, которую онъ любилъ, уже нѣтъ! Вотъ ужъ подлинно романъ, моя дорогая, есть надъ чѣмъ крѣпко призадуматься. Удивляются Байрону, и я ему дивлюсь; но онъ могъ черпать свои вдохновенія подъ прекраснымъ небомъ Греціи: и луна, и теплый южный воздухъ, и вѣтерокъ, и воспоминаніе о свободѣ, почву которой онъ потерялъ, и эта прекрасная Италія, гдѣ онъ былъ любимъ, и гдѣ, самъ въ томъ не сознаваясь, и самъ любилъ, все соединилось, чтобы развить его талантъ! Но Александръ Пушкинъ, который родился и выросъ среди нашихъ снѣговъ и морозовъ, жизнь котораго бурна и непостоянна,—развѣ онъ не достоинъ гораздо большаго удивленія,

---

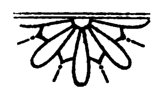
[1]) „Сѣверные Цвѣты“ на 1828 г., стр. 59,—„Ангелъ“ („Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный“...).

[2]) Ibid., стр. 51,—„Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“... Эта элегія внушена Пушкину извѣстіемъ о кончинѣ Амаліи Ризничъ, которую онъ любилъ. „Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть и равнодушно ей внималъ я“, говоритъ Пушкинъ. Содержаніе пьесы дама передаетъ не совсѣмъ вѣрно.

чѣмъ англійскій поэтъ! Все, что есть въ его стихахъ прекраснаго, идеальнаго, все это создано имъ самимъ, рождено его сердцемъ, его пламеннымъ воображеніемъ и его неподражаемымъ геніемъ! Я могу по чистой справедливости лучше, чѣмъ кто бы то ни было, сказать всю правду о нашемъ поэтѣ. Съ моей стороны это даже дань признательности. Желаніе читать его произведенія, ощущать ихъ красоты заставило меня учиться по-русски, и устыдиться, что я не знаю моего родного языка. Право, это справедливое благоговѣніе свободно отъ малѣйшаго пристрастія: знаете, моя дорогая, я вовсе не имѣю счастья быть лично знакомой съ г. Пушкинымъ, и мнѣ даже ни разу не случилось его встрѣтить".

С.-Петербургъ,
4 Февраля 1830.

Сообщилъ Н. Лернеръ.

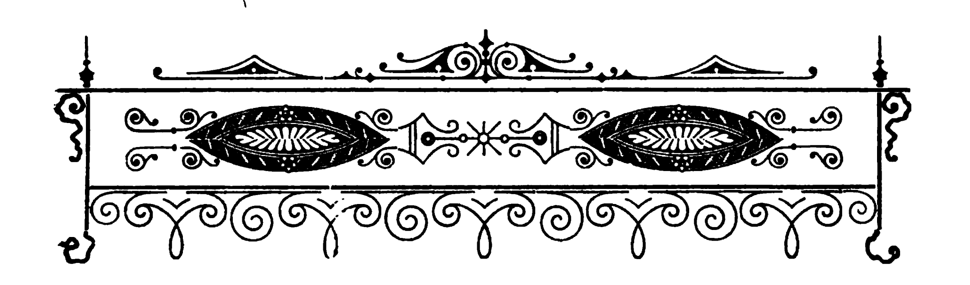
Записи, сдѣланныя со словъ покойнаго г.-а. Александра Михайловича Рылѣева.

1-го марта, послѣ развода въ Михайловскомъ Манежѣ, Государь пилъ чай у Великой Княгини *Екатерины Михайловны*, куда тоже была приглашена Княгиня *Екатерина Михайловна* Юрьевская, но не пріѣхала. Убійство совершено на *Екатерининскомъ* каналѣ.

Вѣнчаніе Государя съ Княжной Долгорукой происходило въ *3 ч. 30 м.* п.п.д.; послѣдній вздохъ погибшаго Государя произошелъ въ *3 ч. 33 м.* п.п.д.

Сообщилъ П. П.

Записка графа Сперанскаго

„Объ усовершеніи общаго народнаго воспитанія“.

Начало XIX вѣка—не только весьма интересное время въ исторіи упроченія у насъ государственнаго средняго образованія, но и въ нѣкоторой степени исключительное, — такъ какъ уже никогда послѣ не наблюдалось такого соотношенія силъ, опредѣляющихъ успѣхъ школьнаго дѣла, т. е. правительства и общества.

Увлеченное прогрессивными идеями, молодое правительство дѣлало все, что умѣло, для процвѣтанія новооткрытыхъ гимназій. Искренность его, по крайней мѣрѣ до 1812 года, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Къ сожалѣнію, общество въ своей массѣ не только не шло навстрѣчу правительству, но скорѣе тормозило его начинанія. Что же касается дворянства и служилаго чиновничества, котораго, казалось, всего ближе касались новыя гимназіи, — то оно, относясь совершенно отрицательно къ одному изъ главныхъ достоинствъ устава 1804 года — его общесословности — намѣренно бѣжало отъ гимназій, продолжая пробавляться сомнительными частными пансіонами и гувернерами-иностранцами.

Сознавая всю ненормальность создавшагося такимъ образомъ положенія и ясно чувствуя необходимость прекращенія этой своеобразной пассивной забастовки дворянства, правительство Александра 1-го, испробовавъ тщетность частичныхъ уступокъ дворянству, вынуждено было прибѣгнуть 6 августа 1809 года къ крутой и рѣшительной мѣрѣ, разумѣемъ извѣстный указъ объ экзаменахъ на чины. Иниціаторомъ, творцомъ и вдохновителемъ этой мѣры, явившейся положительно крупнымъ событіемъ въ исторіи нашего просвѣщенія, былъ М. М. Сперанскій.

Общество сразу же угадало дѣйствительнаго виновника обрушившейся на мирно дремавшее чиновничество бѣды, и сарказмы посыпались на дерзкаго поповича. Даже Карамзинъ и тотъ со своей запиской „О древней и новой Россіи“ оказался въ числѣ противниковъ указа, — но, несмотря на все это, указъ остался въ силѣ и сыгралъ видную роль.—Дворянская забастовка кончилась. Чиновничество стало проходить систематическій курсъ.

Несмотря на такое значеніе этого событія, несмотря на впечатлѣніе, имъ произведенное въ свое время, докладная записка, склонившая Императора Александра 1-го къ этой мѣрѣ, еще ни разу не была полностью опубликована.

Принимая это во вниманіе, мы и рѣшаемся ее печатать, ограничившись этимъ краткимъ замѣчаніемъ. Надѣемся, что она покажется интересной читателямъ сама по себѣ, несмотря на свой 100-лѣтній возрастъ. Болѣе подробную оцѣнку значенія указа 6 августа 1809 года, съ точки зрѣнія вызванныхъ имъ въ исторіи просвѣщенія послѣдствій, мы дадимъ въ готовящемся къ печати нашемъ трудѣ по исторіи гимназическаго образованія въ Россіи.

Записка найдена нами въ бумагахъ гр. Сперанскаго, переданныхъ, какъ гласитъ на нихъ надпись, послѣ его смерти барономъ М. А. Корфомъ Министру Народнаго Просвѣщенія и находящихся теперь въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Архивный № ея 130555, картонъ 149-й.

На запискѣ есть надпись: „читано 11 декабря 1808“, очевидно Императору.

Печатаемъ съ сохраненіемъ правописанія.

И. А.

I. Причины настоящихъ неудобствъ.

Главныя средства, которыми правительство можетъ дѣйствовать на воспитаніе народное, состоятъ:

1) Въ доставленіи способовъ къ просвѣщенію. Сюда принадлежитъ устройство училищъ, библіотекъ и тому подобныхъ публичныхъ заведеній.

2) Въ побужденіяхъ и нѣкоторой моральной необходимости общаго образованія.

Въ Россіи первое изъ сихъ средствъ давно уже было принято и переходя разныя постепенности въ настоящее царствованіе нарочито усилено. Можно съ достовѣрностью сказать, что никакое правительство не употребляло въ сей части ни болѣе щедрости, ни усилій.

Но второе средство досѣлѣ не было еще довольно употребляемо. Досѣлѣ правительство ограничивало себя частными поощреніями, отличіями, напоминаніями. Но ученіе никогда еще не было у насъ поставляемо условіемъ необходимымъ и обязанностію непремѣннаго для вступленія въ службу и занятія гражданскихъ мѣстъ.

Между тѣмъ извѣстно, что условіе сіе въ другихъ государствахъ существуетъ. Не говоря уже о Франціи, ни въ Австріи, ни въ Англіи, ни въ нѣмецкихъ земляхъ никто не можетъ быть ни судьею, ни адвокатомъ, ни прокуроромъ безъ аттестата и испытанія извѣстныхъ учебныхъ мѣстъ.

И въ Россіи условіе сіе предварительно уже принято; въ правилахъ народнаго просвѣщенія (статья 24) постановлено: „чтобъ ни въ какія губерніи спустя 5 лѣтъ по устроеніи въ округѣ, къ которому она принадлежитъ на основаніи общихъ правилъ училищной части, не опредѣлять къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, людей, не окончившихъ ученія въ общественномъ или частномъ улилищѣ".

Положенныя симъ правиломъ лѣта истекаютъ, но какимъ образомъ привести мѣру сію въ дѣйствіе, когда во всѣхъ университетахъ и гимназіяхъ количество учащихся столь малочисленно?

Нужно прежде всего разсмотрѣть причины сей малочисленности.

Изъ опытовъ извѣстно, что у насъ существуетъ три рода гражданскаго ученія: 1) ученіе домашнее, 2) ученіе въ частныхъ пансіонахъ, 3) ученіе въ казенныхъ училищахъ.

Ученіе домашнее обыкновенно употребляется въ домахъ дворянъ богатыхъ, имѣющихъ способы нанять учителей и гувернера.

Ученіе въ пансіонахъ есть удѣлъ дворянъ среднихъ.

Ученіе въ училищахъ большею частью оставляется людямъ бѣднымъ свободныхъ состояній.

Первой способъ ученія очевидно для Государства неудобенъ, 1) потому, что для великаго числа людей нельзя найти довольно хорошихъ учителей. Отсюда всѣ тѣ странности и укоризны, коимъ выборъ иностра́нныхъ учителей издавна и не безъ основанія у насъ толико оглашенъ.

2) Способъ сей неудобенъ и потому, что онъ не оставляетъ правительству средствъ наблюдать за духомъ воспитанія и приводить юношество къ нѣкоторому единообразію общественныхъ правилъ.

Второй способъ (ученіе въ частныхъ пансіонахъ) въ меньшей степени, но тѣ же представляетъ неудобства.

Третій всѣхъ былъ бы предпочтительнѣе.

Но всѣ три вмѣстѣ имѣютъ то главное неудобство, что въ нихъ

ограничиваются первыми токмо начатками словесности и считаютъ воспитаніе конченнымъ, какъ скоро пріобрѣтено нѣкоторое познаніе въ иностранныхъ языкахъ, въ ариѳметикѣ и тому подобныхъ стихійныхъ наукахъ, т. е., считаютъ его поконченнымъ тамъ именно, гдѣ оно дѣйствительно начинается.

Нужно разсмотрѣть причины сего страннаго расчета, чтобы обнаружить самой корень зла.

Всѣ успѣхи гражданской службы измѣряются у насъ чинами, ибо съ чинами сопрягаются не мнимыя только отличія, но и мѣста и всѣ выгоды. Чины же даются большею частью по лѣтамъ службы. Отсюда сіе всеобщее странное, но весьма естественное влеченіе къ чинамъ и отсюда раннее вступленіе въ службу [1]), и слѣдовательно совершенная преграда всякому ученію основательному, требующему времени и нѣкоторой въ умѣ зрѣлости.

Отсюда предпочтеніе пенсіоновъ частныхъ и домашняго воспитанія, въ коихъ всѣ науки пробѣгаются слегка и поверхностно и отчужденіе отъ училищъ государственныхъ, коихъ ходъ основанъ не на блескѣ, но на методахъ правильныхъ.

По сему естьлибы чиновъ гражданскихъ не было, а мѣста занимались бы по успѣхамъ просвѣщенія или по крайней мѣрѣ, естьлибы чины раздаваемы были въ точной соразмѣрности съ науками: то каждой по необходимости принужденъ бы былъ учиться, чтобъ достигнуть или мѣстъ или отличій.

И такъ въ чинахъ и неудобномъ ихъ распредѣленіи состоитъ первое и главное начало настоящаго заблужденія.

II. Способъ.

Изъ предыдущаго явствуетъ, что въ лучшемъ разпорядкѣ гражданскихъ чиновъ должно искать той моральной необходимости, коею правительство можетъ дѣйствовать на успѣхъ воспитанія.

---

[1]) Отсюда сей общій и ясный разчетъ отца, желающаго пристроить обыкновеннымъ порядкомъ судьбу дѣтей своихъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: порядочное гражданское воспитаніе не можетъ совершаться какъ по крайней мѣрѣ въ 21-й годъ возраста. Студентъ, окончившій въ сіе время ученіе получаетъ по закону чинъ колежскаго регистратора, между тѣмъ какъ другой вступившій въ службу прежде окончанія наукъ, или и совсѣмъ безъ ученія, въ то же самое время выходитъ уже по лѣтамъ службы въ титулярные совѣтники. Здѣсь начинается разность весьма уже примѣтная: между тѣмъ, какъ ученой достигаетъ чина коллежскаго асессора, неученой съ нѣкоторымъ навыкомъ и съ небольшимъ покровительствомъ выйдетъ уже въ статскіе совѣтники, слѣдовательно лучше кажется отцу скорѣе ввести дѣтей въ службу, нежели продолжать ихъ науки.

Два средства здѣсь представиться могутъ: одинъ, можно сказать, коренной, а другой приготовительный.

Первое средство.

Чины гражданскіе введены въ Россію въ тѣ времена, когда въ грубыхъ нравахъ вѣка не было другого способа дать людямъ занимающимъ гражданскія должности нѣкоторое уваженіе и отличіе отъ черни, какъ сравнивъ ихъ мѣста съ чинами военными; отсюда произошла пресловутая *табель о рангахъ*.

Чины гражданскіе въ началѣ своемъ имѣли постоянное знаменованіе. Коллежской совѣтникъ былъ дѣйствительно совѣтникомъ Коллегіи; но въ послѣдствіи мало по малу знаменованіе сіе перемѣнилось, чины умножились безъ мѣры, отдѣлились отъ мѣстъ, и остались даже такіе чины, коихъ и должности соотвѣтствующіе въ имперіи уже не существуютъ.

Двѣ причины содѣйствовали сему размноженію чиновъ: 1) Правительство находило въ нихъ мелкій и неубыточный способъ поощрять и награждать исполнителей. 2) Чины представляютъ удобной способъ перехода изъ другихъ состояній въ дворянское и слѣдовательно по видимому поправляютъ неравновѣсіе.

Первая причина не можетъ быть уважительна. Давая чинъ правительство даетъ не мнимое только и сравнительное титло; оно даетъ право на мѣсто чину сему соотвѣтствующее, но къ коему чиновникъ сей ни когда не готовился и слѣдовательно готовитъ себѣ не способнаго исполнителя [1]). Оно даетъ ему право и на слѣдующіе чины, коихъ онъ одними лѣтами службы безъ сомнѣнія достигнетъ, и слѣдовательно давая чинъ, на примѣръ, коллежскаго ассесора чиновнику въ полицейскомъ дѣлѣ разторопному, оно вмѣстѣ съ тѣмъ закономъ ручается ему и въ чинѣ тайнаго совѣтника, къ коему онъ и природою и воспитаніемъ не призванъ. Оно даетъ ему еще болѣе, давая право покупать деревни и владѣть людьми въ крѣпость. И такъ награда чинами по первому взгляду такъ легкая и почти мнимая, въ самомъ дѣлѣ есть монета самая неудобная и для государства обременительная.

Вторая причина болѣе имѣетъ основательности. Въ самомъ дѣлѣ посредствомъ чиновъ отворяется всѣмъ свободнымъ состояніямъ переходъ въ дворянство: отсюда соревнованіе, поощреніе дарованіямъ и проч. Но всѣ сіи выгоды были бы тогда только уважительны, когда бы дворянство наше не было бы основано на крѣ-

---

[1]) Сіе неудобство особенно въ высшихъ чинахъ ощутительно.

пюстномъ владѣніи людей; въ настоящемъ же положеніи пріобщая новыхъ чиновниковъ къ сему сословію правительство не умножаетъ ли массу народъ тяготящую и желая постановить равновѣсіе съ одной стороны, не разрушаетъ ли его съ другой? Не доказываютъ ли впрочемъ примѣры, что новые дворяне чинами произшедшіе бываютъ горше и алчнѣе старыхъ?

И такъ ни въ видѣ легкихъ наградъ, ни въ видѣ перехода къ равновѣсію, чины не могутъ быть признаны установленіемъ для государства ни нужнымъ, ни полезнымъ.

Но вредныхъ ихъ послѣдствій изчислить трудно. Они дѣлятъ народъ на два несоразмѣрныхъ класса, на дворянство и чернь; не оставляютъ почти мѣста среднему столь полезному состоянію; ввергаютъ въ презрѣніе все, что ими не украшено, даютъ ложную цѣну мѣстамъ и достоинствамъ, смѣшиваютъ и ставятъ наравнѣ людей просвѣщенныхъ съ невѣждами, наполняютъ должности чиновниками неспособными и даже изъ писцовъ науками не пріуготовленныхъ; однимъ порядкомъ службы приводятъ людей къ высшимъ званіямъ государственнымъ; искательствами и множествомъ мелкихъ злоупотребленій, они развращаютъ духъ народный и что всего горшѣ, заражаютъ самые источники народнаго воспитанія.

Изъ сего видно, что средство самое коренное къ успѣхамъ народнаго образованія было бы уничтоженіе на будущее время всѣхъ чиновъ титулярныхъ, или лучше сказать, обращеніе ихъ къ тому первоначальному правилу, чтобъ чины не что иное были какъ означеніе мѣстъ дѣйствительно занимаемыхъ.

Но предположеніе сіе требуетъ мѣръ предварительныхъ. Оно должно быть соображено съ тѣми основаніями, на коихъ права дворянства должны быть постановлены. Ввести его нынѣ безъ общаго плана было бы неудобно.

Но нынѣ же можно ввести нѣкоторые правила къ нему принадлежащіе и успѣхамъ общаго образованія способствующіе.

Второе средство.

Сіи приготовительныя правила могутъ состоять въ слѣдующемъ:

I. Чинъ Коллежскаго ассесора, яко первый чинъ дающій право на потомственное дворянство открыть для тѣхъ только, кои будутъ обучаться или будутъ испытаны въ университетахъ. Сіе представитъ первую необходимость публичнаго воспитанія.

II. Для канцелярскихъ чиновъ довольно оставить первые три офицерскіе чина, кои со временемъ при общемъ планѣ могутъ быть

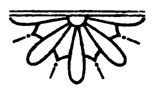
преобразованы въ одно личное дворянство съ правомъ владѣть землею въ крѣпость, а людей селить по условіямъ.

III. Послѣдующіе осмиклассные чины затруднить для неучившихся и облегчить сколь можно для тѣхъ, кои предъявятъ свидѣтельства въ ихъ ученіи. Второе побужденіе къ наукамъ.

IV. Чинъ Статскаго совѣтника, яко къ Государственной уже службѣ принадлежащій, сколь можно болѣе уважить и открыть его единственно для людей, въ ученіи испытанныхъ и въ службѣ довольно уже упражнявшихся. Сіе составитъ третіе побужденіе къ ученію и сверхъ того преградитъ входъ въ Государственную службу лицамъ, кои ввергаютъ ее въ нѣкоторое неуваженіе.

На семъ основаніи составленъ прилагаемый при семъ проэктъ указа".

Сообщилъ **И. Алешинцевъ**.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1907 г.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

Портреты.

Библіографическій листокъ.

1. *Д. И. Овсянико-Куликовскій.* Гоголь, 2-е дополн. изд. Спб. 1907 г.—Вас. Я. (на обертке октябрьской книги).

2. *И. С. Бѣляевъ.* Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII ст. М. 1907 г.—В. П. (на обертке ноябрьской книги).

3. Галицкая Русь прежде и нынѣ. СПБ. 1907 г. (тамъ же).

4. Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ СПБ. духовной академіи. Составилъ А. Радосскій. СПБ. 1907 г. (тамъ же).

5. Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества. Т. 123 и 124 (тамъ же).

6. И. Новомбергскій. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. Томскъ. 1907 г. (тамъ же).

7. Великій Князь Николай Михайловичъ. Московскій Некрополь. Томъ I СПБ. 1907 г. (на обертке декабрьской книги).

8. Сказаніе о Мамаевомъ побоище, съ предисловіемъ С. К. Шамбинаго. СПБ., 1907 г. (тамъ же).

9. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ VIII. СПБ., 1907 г. (тамъ же).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

на ежемѣсячный политическій, литературный и научно-популярный журналъ

„СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей распространеніе среди читателей идей послѣдовательнаго политическаго и соціальнаго демократизма и освобожденія личности. Наряду съ вопросами политической и общественной жизни, журналъ удѣляетъ серьезное вниманіе вопросамъ естествознанія, литературы, исторіи и искусства.

Журналъ издается при ближайшемъ участіи: *Ѳ. Батюшкова, Ник. Іорданскаго, Вл. Кранихфельда, М. Куприной, А. Куприна, Евг. Ляцкаго, М. Невѣдомскаго и Е. Тарле.*

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ: Исторія литературы, критика, (Критическія статьи **Ѳ. Батюшкова, В. П. Кранихфельда, Е. А. Ляцкаго, М. Л. Невѣдомскаго и др.**). Литературные отклики (журнальное обозрѣніе **Вл. Кранихфельда**). Вопросы текущей жизни (политическое обозрѣніе **Ник. Іорданскаго**). На родинѣ (провинціальный обзоръ **І. Ларскаго**). Корреспонденціи изъ провинціи. Иностранное обозрѣніе. Корреспонденціи изъ-за границы. Наука и жизнь (обзоръ новѣйшихъ успѣховъ науки **В. Агафонова**). Изъ прошлаго русскаго общества (Воспоминанія, монографіи, обзоръ историческихъ журналовъ). Искусство (Статьи по исторіи искусства и критическая оцѣнка современныхъ явленій въ области искусства). Библіографія (Обзоры новѣйшей литературы по отдѣльнымъ отраслямъ знанія и отзывы о новыхъ книгахъ).

Въ 1908 г. будутъ напечатаны въ числѣ другихъ слѣдующія произведенія: Въ отдѣлъ беллетристики: „Казнь“ разсказъ Леонида Андреева; „Три брата“ разск. М. Арцыбашева; Изъ книги „Храмъ солнца“ разск. И. А. Бунина; „Этапъ“ разск. В. Вересаева; „Вѣшалка № 584“ разск. А. Вережникова; „Мамонтъ“ разск. В. Ирецкаго; „Безъ родины“ (изъ финляндскихъ мотивовъ) О. Ковальской; „Яма“, повѣсть А. Куприна; „Поволодье“, разск. его же; „Вечерокъ“ разск. его же; „Разсказъ заключеннаго“ Вл. Ладыженскаго; „Разломъ“ разск. Н. Олигера; „Логика“ повѣсть Н. Осиповича; повѣсть И. Потапенко; разск. А. Серафимовича; „Небо“ разск. С. Сергѣева-Ценскаго; „Разсчетъ“, повѣсть Тана; „Защита“, разск. П. Телешова; „Янкель Хаимовичъ“ (изъ записной книжки случайнаго сибиряка) М. Франкфурта; „Простецы“ разск. Николая Шиханова; „Подвигъ“, романъ А. Ѳедорова;

Кромѣ того, будутъ помѣщены „Изъ воспоминаній петрашевца“ Д. Ахшарумова и „На Волѣ“ (изъ впечатлѣній шлиссельбуржца) М. Новорусскаго.

Въ отдѣлѣ публицистическихъ и научныхъ статей: „Борьба за Тихій Океанъ“ Н. Аабелева; „Въ Америкѣ“ (путевыя впечатлѣнія) его-же; „Романтическая философія и авантюризмъ въ соціологіи“. Л. Аксельродъ (Ортодоксъ); „Эдгаръ Поэ“ Е. Аничкова; „Вопросы морали въ современномъ романѣ“ его же; „Бюрократія въ русской литературѣ“, С. Ашевскаго; „Современное состояніе русской промышленности“, М. Туганъ-Барановскаго; „Проблема народонаселенія“, М. Бернацкаго; „Разрѣшеніе земельнаго вопроса партіями и жизнью“ Вл. Горна; „Три избирательныхъ кампаніи“ его же; „Русскій либерализмъ и національное освобожденіе“, Ник. Іорданскаго; „Революціонная демократія 60-хъ г.г.“ его же; „Элементы современныхъ литературныхъ исканій въ творчествѣ гр. Л. Толстого“ Вл. Кранихфельда; „Очерки по исторіи литературы XIX в.“ Евг. Ляцкаго; „Почему мы не разсыпаемся?“ космологическій этюдъ) Н. Морозова; „Внѣшніе займы, какъ причина промышленнаго подъема“, П. Маслова; „Философскія драмы Ибсена“ М. Невѣдомскаго; рядъ статей Г. Плеханова подъ общимъ назв.: „Критика теоріи и практики синдикализма“; „Народная школа въ свободной Швейцаріи“ Ю. Райхесберга; „Очерки изъ исторіи революціоннаго движенія въ 70-хъ годахъ“, С. Сватикова: „Очерки по исторіи рабочаго класса во Франціи въ эпоху Учредительнаго Собранія“ Е. Тарле; рядъ статей В. Агафонова подъ общимъ заглавіемъ „Наука и жизнь“ и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Цѣна съ дост. и перес. въ всѣ города имперіи; на годъ **8** р. на полгода **4** р., на 3 мѣс. **2** р., на 1 мѣс. - 80 коп. За границу **10** р., Допускается разсрочка по третямъ года: **3** р. при подпискѣ; **3** р. въ апрѣлѣ; **2** р. въ августѣ Безъ доставки въ С.-Петербургѣ—**7** р, Учащіеся могутъ выплачивать по **1** р. въ мѣс. Подписка принимается, кромѣ главной конторы въ С.-Петербургѣ (Разъѣзжая, 7,) въ отдѣленіяхъ ея Спб.—Книжн. маг. Т-ва М. Вольфъ, Уг. Невскаго и Морской, Книжн. магаз. Карбасникова, Гостиный дворъ. № 19 и во всѣхъ другихъ книжныхъ магазинахъ Москва.—Контор Н. Л. Печковской и во всѣхъ крупныхъ книжн. магазинахъ

Редакторъ Издательница ***Л. Э. Ватсонъ.***

По состоявшемуся соглашенію между издателями журналовъ „Современный Міръ“ и „Міръ Божій“ всѣмъ подписчикамъ журнала „Міръ Божій“ высылаются книжки „Современнаго Міра“ въ теченіе всего времени пріостановки журнала „МІРЪ БОЖІЙ“. 1—3

2—3

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 129, 130, 131 и 132 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1907 года.

А

Б

В.

Г

Д

Е.

Ж.

З

И.

Л

М

Н.

О.

П

Р

Т

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш

Щ

Э

Ю

Я

Ѳ

и молодой ученый Б. Л. Модзалевскій; они подѣлили между собою трудную, кропотливую работу по собиранію матеріала на кладбищахъ и извлеченію его изъ множества печатныхъ источниковъ. Въ обширномъ введеніи подробно указаны всѣ монастыри и кладбища, которыя были обслѣдованы составителями, и всѣ книги, которыми пользовались г. г. Саитовъ и Модзалевскій; списокъ этотъ занимаетъ болѣе 12 страницъ крупнаго формата. Весьма характерно для пониманія обстановки, въ которой иногда приходится дѣйствовать ученому работнику, сообщеніе составителей, что ихъ почтенному и ужъ, кажется, безобидному дѣлу старались ставить всякія препятствія нѣкоторые представители духовенства, просто не желавшіе впускать ихъ въ монастырскія церкви. Въ борьбѣ съ этими препятствіями пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію К. П. Побѣдоносцева, безъ вмѣшательства котораго „нельзя было бы даже довести работу до желательныхъ границъ".

Первый томъ „Московскаго Некрополя", въ которомъ XXIII+517 страницъ, обнимаетъ списокъ, въ алфавитномъ порядкѣ, отъ „Ааронъ" до „Іуліанія Өедоровна". Хронологически работа доведена до самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Желаемъ этому прекрасному дѣлу успѣшнаго продолженія и окончанія, послѣ котораго на очереди, конечно,—„Петербургскій Некрополь".

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, съ предисловіемъ С. К. Шамбинаго, Спб., 1907.

Сказаніе о куликовской битвѣ 8 сентября 1380 г., такъ льстившей русскому національному самолюбію, было въ старину любимымъ чтеніемъ русскаго читателя и дошло до насъ въ множествѣ списковъ. Издатель воспроизводитъ высоко-поэтическое въ своей непосредственности сказаніе по списку Ундольскаго, признаваемому однимъ изъ лучшихъ по чистотѣ текста и по полнотѣ, исправляя, впрочемъ, его дефекты по другимъ спискамъ. Изложенная въ сказаніи исторія великаго по своей важности событія не разъ иллюстрировалась; въ изданіи г. Шамбинаго воспроизведенъ цѣлый рядъ старинныхъ миніатюръ, изображающихъ различные моменты Мамаева побоища. Наивная условность въ композиціи зданій и ландшафта, оригинальныя бытовыя подробности (одежда, оружіе), непропорціональность фигуръ, непониманіе перспективы, грубость рисунка, не умѣющаго передавать движеніе,—и все это дышетъ чувствомъ національнаго торжества и глубокой вѣрой.... Сказаніе прекрасно издано Императорскимъ обществомъ любителей древней письменности. *В. П.*

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ VIII. Спб. 1907.

Если можно чего-нибудь пожелать редактируемому С. А. Венгеровымъ изданію Бѣлинскаго, такъ это—скораго окончанія. Изъ двѣнадцати томовъ уже готовы восемь, такъ что большая часть дѣла сдѣлана. Всѣ появляющіяся у насъ собранія выдающихся писателей обыкновенно называются „полными", но этотъ эпитетъ рѣдко соотвѣтствуетъ истинѣ. Венгеровское изданіе Бѣлинскаго по праву можетъ назваться полнымъ: въ него входитъ все, что вышло изъ-подъ пера великаго критика. Редакторъ прежняго, нынѣ, при наличности венгеровскаго изданія, устарѣвшаго собранія произведеній Бѣлинскаго, Н. Х. Кетчеръ, какъ извѣстно, большую часть статей напечаталъ съ сокращеніями, а многія и совсѣмъ исключилъ „по незначительности" ихъ. Всѣ эти статьи малоизвѣстны, а то и вовсе неизвѣстны большой публикѣ, которая не можетъ же рыться въ давно не встрѣчающихся въ продажѣ и ставшихъ рѣдкими журналахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ; въ изданіи Венгерова онѣ, конечно, воспроизведены. Знакомство съ Бѣлинскимъ и пониманіе его отъ этого только выигрываютъ. Вотъ типичный образчикъ кетчеровскаго произвола: изъ одной рецензіи, на книгу Л. Бранта „Жизнь какъ она есть" („Собраніе сочиненій Б.", ч. IX, М., 1860 г., стр. 83—100) Кетчеръ исключилъ нѣсколько страницъ, въ которыхъ Брантъ злобно нападаетъ на „тщетно домогающагося славы и денегъ" Бѣлинскаго,—но оставилъ великолѣпную по своей ядовитости и мѣткости отповѣдь Бѣлинскаго, написанную совершенно въ стилѣ его противника; благодаря этому читатель лишился возможности понять и оцѣнить остроуміе и полемическую ловкость геніальнаго критика; въ венгеровскомъ изданіи пропущенныя страницы возстановлены (т. VIII, стрр. 443—448)... Тонкое критическое проникновеніе, чуткая совѣсть, блестящій умъ Бѣлинскаго сказываются сплошь да рядомъ въ коротенькихъ отзывахъ о самыхъ незначительныхъ и жалкихъ брошюркахъ, и прекрасная личность благороднаго рыцаря русской литературы часто проявляется въ нихъ не менѣе цѣльно и ярко, чѣмъ въ его крупныхъ статьяхъ. По своей [illegible] тщательности, широтѣ и богатству комментарія и дешевизнѣ венгеровское [illegible]

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1908 г.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 4.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ,—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1907 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ. СПБ. Тип. «Надежда», Морская 65.

DUE SEP 15 1922
DUE JAN 28 '50

3 2044 099 714 552